ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ VII.

Восточная Азія.—Китайская имперія.—Корея.—Японія.

Переводъ подъ редакціей **Л. И. Бородовскаго**, члена сотрудника Общества изученія Амурскаго края.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 25 августа 1898 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяч., 39.

Предисловіе къ VII тому.

При изданіи настоящаго тома географіи Э. Реклю, посвященнаго описанію странъ сосѣдняго намъ азіатскаго Востока, товарищество «Общественная Польза», найдя невозможнымъ ограничиться однимъ только переводомъ во многихъ отношеніяхъ устарѣвшаго оригинала, поручило мнѣ просмотръ и дополненіе своего новаго изданія по многочисленнымъ позднѣйшимъ источникамъ.

Со времени появленія русскаго перевода VII тома географіи Э. Реклю прошло уже довольно много времени, въ продолженіе котораго десятки путешественниковъ, простыхъ туристовъ и ученыхъ изслѣдователей исчертили своими маршрутами внутренность сосѣдняго намъ Китая, и безъ преувеличенія можно сказать «открыли» его для любознательности человѣчества и науки. Азія, вообще, а Китай, Корея и центральная часть материка въ особенности, благодаря любви къ наукѣ и неустанной энергіи путешественниковъ, является для географа нынѣ въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ 15—20 лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, благодаря послѣднимъ политическимъ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, событіямъ, въ исходѣ которыхъ заинтересована и Россія, этотъ, невѣдомый до сихъ поръ, азіатскій міръ, начинаетъ сильно привлекать вниманіе общества, которое, въ желаніи ознакомиться съ нимъ, жадно набрасывается на имѣемую литературу. Интересъ къ Востоку вызываетъ у насъ развитіе литературы по востоковѣдѣнію, въ которой мы такъ далеко отстали отъ своихъ западно-европейскихъ сосѣдей; наконецъ интересъ этотъ въ обществѣ понемногу ростетъ, а вмѣстѣ съ его ростомъ увеличивается и спросъ на вполнѣ вѣрныя, современныя данныя статистическаго или географическаго характера по Китаю, Кореѣ и Японіи.

Вышеупомянутыя причины вынудили редакцію при изданіи настоящаго седьмаго тома обратить вниманіе на то, чтобы даваемая ею книга о Китаѣ была бы по возможности современна. Строго говоря, весь томъ, посвященный Китаю, Японіи и Кореѣ слѣдовало бы написать вновь, до такой степени устарѣли свѣдѣнія, даваемыя Реклю, по отношенію къ этимъ странамъ. Кажется, нѣтъ надобности указывать читателю на то, почему это не сдѣлано—такъ какъ причины ясны и безъ поясненія.

Но желая, чтобы географія Реклю была прежде всего твореніемъ Реклю, а ни кого-либо другаго, редакція, тѣмъ не менѣе, вездѣ, гдѣ можно было безъ ущерба оригиналу, произвела необходимыя измѣненія, какъ въ самомъ планѣ описанія, такъ

и въ текстѣ его, для чего пользовалась лучшими авторитетными источниками част оффиціальнаго изданія. (Труды эти по большей части перечислены въ примѣчаніяхъ).

Не ограничиваясь измѣненіемъ текста, редакція внесла въ него массу дополненій (отмѣтивъ лишь весьма немногія болѣе крупныя изъ нихъ звѣздочкою *). Эти дополненія въ большинствѣ даютъ тѣ свѣдѣнія, которыя были опубликованы уже позже изданія французскаго оригинала.

Въ заключеніе редакція беретъ на себя смѣлость указать тѣ лучшія карты, съ которыми можно читать этотъ томъ:

По отношенію всего Китая, на русскомъ языкѣ, несмотря на свою устарѣлость, лучшею остается все-таки карта къ труду Матусовскаго; болѣе современной картой всего Китая является изданная у Ильина англійская карта доктора Бретшнейдера. По отношенію къ различнымъ частямъ Китая изъ русскихъ картъ можно рекомендовать классически превосходную (хотя и дорогую) Карту сѣверо-восточнаго Китая, Вебера (издана также у Ильина), карту Маньчжуріи—изданія Министерства Финансовъ, карту Монголіи—Рафаилова и, наконецъ, карту пограничной полосы Азіатской Россіи 40 верстнаго масштаба изданія Главнаго штаба. Изъ нѣмецкихъ—лучшій трудъ карты Рихтгофена (атласъ). Картъ Кореи вполнѣ удовлетворительныхъ почти нѣтъ; лучшая издана у Петермана еще въ 1883 году. Составленіемъ такой карты занято въ настоящее время Министерство Финансовъ, готовящее къ печати «Описаніе Кореи» по образцу изданнаго «Описанія Маньчжуріи».

20 Октября 1898 г. **Л. Бородовскій.**

ВОСТОЧНАЯ АЗІЯ.

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРІЯ, КОРЕЯ, ЯПОНІЯ.

Глава I

Общій обзоръ.

Естественныя дѣленія Азіатскаго континента отмѣчены крупными географическими чертами. Мы видѣли, что громадная русская территорія обнимаетъ въ этой части свѣта, арало-каспійскія впадины и сѣверную покатость горныхъ системъ, которыя продолжаются отъ Алтая и Небесныхъ горъ до береговыхъ цѣпей Маньчжуріи. На югѣ и на западѣ два полуострова Остъ-Индіи, Иранское плоскогорье, Передняя Азія не менѣе опредѣленно ограничены оплотами снѣжныхъ горъ, морскими заливами и морями. Точно также, на востокѣ, Китай составляетъ вмѣстѣ съ Кореей и сосѣдними архипелагами, какъ бы особый міръ, окруженный амфитеатромъ плоскихъ возвышенностей и горъ, охватывающихъ около 10.000 верстъ протяженія. Отъ Маньчжуріи до Индо-Китая, горныя цѣпи Шань-янь-алинь, Хинганъ, Кэнтэй, Танну-ола и Эктагъ-алтай, Тянь-шань, Цунъ-лини, Гималаи, наконецъ, дикія горы, черезъ которыя протекаютъ большія рѣки полуострова, лежащаго по ту сторону Ганга, всѣ эти высокія возвышенности континентальнаго рельефа слѣдуютъ одна за другой, въ видѣ полукруга, вокругъ той четверти азіатскаго материка, которую нынѣ занимаетъ Китайская имперія. Японія приняла названіе «Страны восходящаго солнца»; но относительно всей совокупности Стараго Свѣта Китай тоже представляетъ восточную страну; общая его покатость, обозначаемая теченіемъ рѣкъ, обращена къ Тихому океану. Китай, Корея и Японія по справедливости получили отъ западныхъ народовъ наименованіе «Дальняго Востока», которое распространяется также на Индо-Китай, на Филиппинскіе острова и на Зондскій архипелагъ.

Въ сравненіи съ Западной Азіей и особенно съ Европой, которыя могутъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, разсматриваемы какъ группа полуострововъ, принадлежащихъ къ Азіи, восточныя страны этого громаднаго континента имѣютъ нѣкоторыя преимущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большія невыгоды, какъ территоріи цивилизаціи. Самый поразительный контрастъ между Западомъ и Востокомъ представляетъ форма морскихъ береговъ. Со стороны Малой Азіи и Европы окраины твердой земли изрѣзаны на многочисленные полуострова, развѣтвляющіеся въ видѣ второстепенныхъ расчлененій въ водахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана; кромѣ того, большіе острова и архипелаги продолжаютъ собою полуострова или разсѣяны впереди морскихъ береговъ, такъ что Карлъ Риттеръ и другіе географы справедливо сравнивали Европу съ организованнымъ тѣломъ, снабженнымъ членами: европейскій континентъ кажется, такъ сказать, живымъ, движущимся и волнующимся внѣ тяжелой массы Стараго Свѣта. Китай далеко не можетъ похвалиться такимъ же удивительнымъ разнообразіемъ контуровъ. На всемъ пространствѣ отъ береговъ русской Маньчжуріи до береговъ Кохинхины одинъ только полуостровъ значитель-

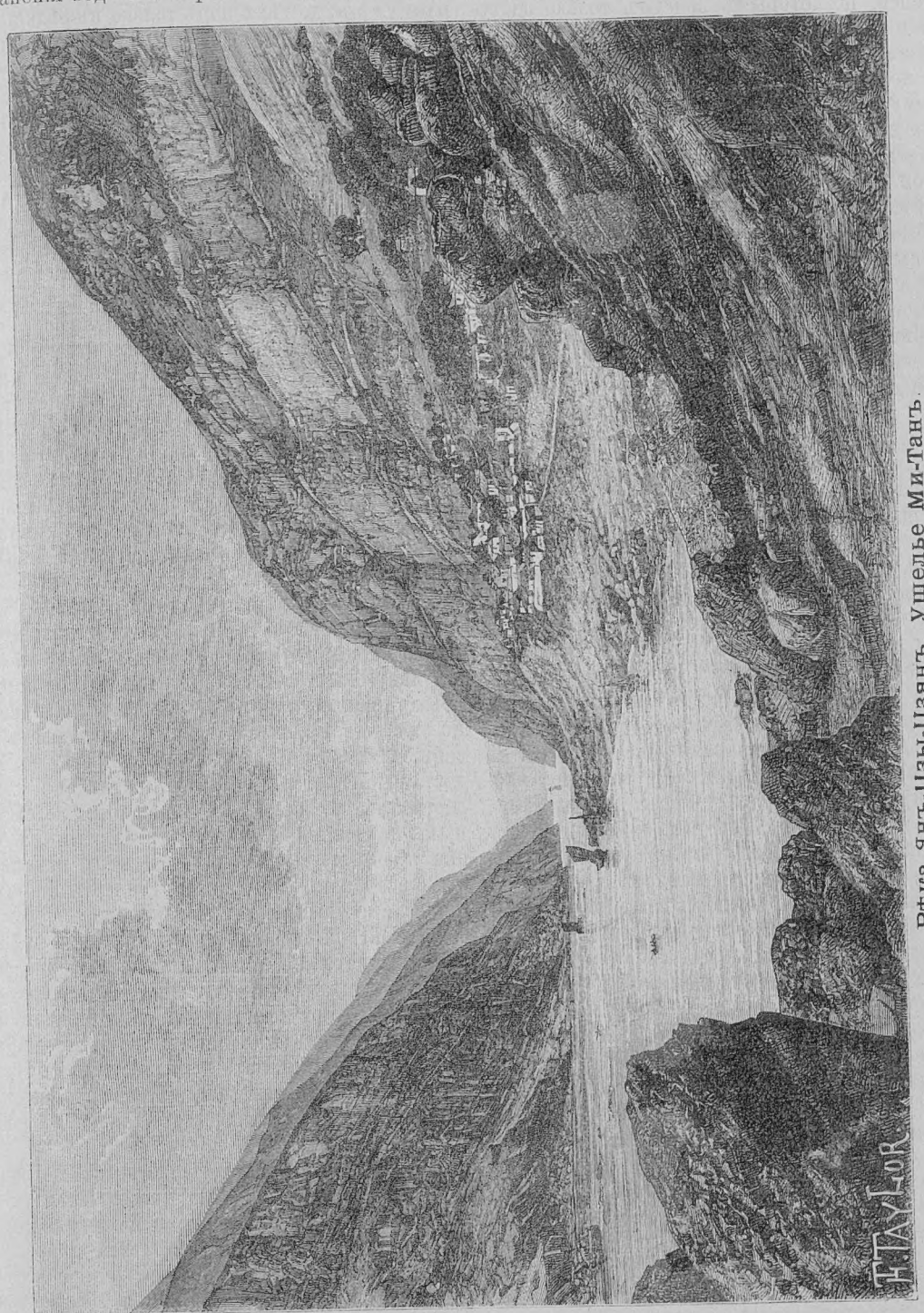
наго протяженія, Корея, отдѣляется отъ континента, и лишь одинъ большой заливъ, заслуживающій названія моря, Хуанъ-хай, проникаетъ во внутренность земель. Правда, два обширные острова, Формоза и Хай-нань, и великолѣпный Японскій архипелагъ оживляютъ воды Тихаго океана противъ Китайскаго прибрежья; но что значатъ эти полуострова и острова азіатскаго Востока въ сравненіи съ Цикладами и Спорадами, съ Греціей и Италіею, съ Британскими островами, съ Скандинавіей и всей Европой, которая и сама въ своей совокупности представляетъ огромный полуостровъ, гдѣ повсюду проникаетъ животворное вѣяніе моря, приносящее съ собой обильные дожди и теплую атмосферу?

Высокая степень цивилизаціи, на которую поднялся китайскій народъ, не можетъ быть, слѣдовательно, объяснена богатствомъ его территоріи, внѣшними расчлененіями; но рѣки восполняютъ отчасти недостатокъ морей. Если совокупность Китая въ собственномъ смыслѣ имѣетъ окружность изсѣченную, то большія и судоходныя водяныя артеріи, которыя орошаютъ эту страну и дѣлятъ ее своими развѣтвленіями и искусственными каналами на внутренніе острова и полуострова, даютъ ей нѣкоторыя изъ тѣхъ выгодъ, какими пользуется Европа въ отношеніи легкости сообщеній: Янъцзы-цзянъ, Хуанъ-хэ или Желтая рѣка замѣняютъ тамъ моря Эгейское и Тирренское въ отношеніи перевозки товаровъ и людей, и, подобно этимъ морямъ, способствовали сближенію и общей цивилизаціи населеній. Въ прежнее время на сторонѣ Китая было еще другое преимущество — онъ обладалъ самой обширной культурной территоріей, какая существовала въ одной межѣ, въ умѣренномъ климатѣ; Сѣверная Америка и Европа, которыя нынѣ имѣютъ столь же большую площадь воздѣлываемыхъ земель, были еще въ недавнюю эпоху покрыты лѣсами, которые нужно было съ трудомъ вырубать и расчищать подъ пашни. Въ Китаѣ находится то громадное пространство «желтой земли» или желтозема, которое можетъ считаться по преимуществу областью пригодной для земледѣлія, и гдѣ естественнымъ образомъ должны были развиваться мирныя привычки порождаемыя земледѣльческимъ трудомъ. Къ этой области прилегаютъ другія культурныя территоріи, имѣющія другую почву, другой климатъ, особенныя, имъ свойственныя, формы растительныя и животныя, и такимъ образомъ, распространяясь постепенно все далѣе и далѣе, цивилизованная жизнь овладѣла обширнымъ пространствомъ, которое простирается отъ пустынь Монголіи до береговъ Тонкинскаго залива. При существованіи обмѣна между различными провинціями, могло ввестись большое разнообразіе въ способахъ обработки земли и родѣ культурныхъ растеній; всѣ частныя усовершенствованія приносили пользу всей странѣ; переходя послѣдовательно отъ одного мѣстнаго центра къ другому, цивилизація легко росла и развивалась не только у самихъ китайцевъ, но и въ сосѣднихъ странахъ. Сравнивая восточную Азію съ Западнымъ міромъ, мы видимъ, какъ много Китай въ собственномъ смыслѣ отличается отъ Европы географическимъ единствомъ; отъ желтыхъ земель сѣвера до равнинъ, черезъ которыя протекаетъ могучій Янъ-цзы-цзянъ на границахъ Индо-Китая, населенія имѣютъ общій центръ тяжести, и слѣдовательно ихъ образованность должна была развиться ранѣе всего въ этомъ «срединномъ цвѣткѣ», откуда она была перенесена впослѣдствіи въ Японію и на островъ Формозу. Нѣсколько болѣе самобытны, болѣе индивидуально сформировались, напротивъ того, различныя страны западнаго міра, отъ Малой Азіи до Англіи и Ирландіи; Греція, которую отдѣляютъ отъ остальной Европы горныя цѣпи еще и донынѣ не вполнѣ извѣстныя; Италія, столь опредѣленно ограниченная оплотомъ Альпъ; Иберійскій полуостровъ, еще болѣе замкнутый на сѣверѣ барьеромъ Пиренейскихъ горъ; Франція съ двойной покатостью къ Атлантическому океану и къ Средиземному морю; Великобританія, окруженная теплыми морскими волнами и окутанная туманами,—не представляютъ ли всѣ эти страны географическія индивидуальности, каждая съ своею особенною цивилизаціею, выработанною прежде, чѣмъ могла образоваться высшая культура, созданная общими трудами всѣхъ европейскихъ націй? Не будучи непреодолимыми, естественныя преграды болѣе велики между различными странами Европы, нежели между территоріями восточнаго Китая, и нѣтъ сомнѣнія, что, въ значительной мѣрѣ, эти самыя преграды, препятствуя установленію политической централизаціи, но позволяя, однако, взаимныя отношенія между различными государствами, способствовали поддержанію самодѣятельности западныхъ народовъ и сдѣлали ихъ цивилизаторами другихъ расъ.

Но если сообщенія между сѣверными и южными областями Китая были легки, и если населенія этой огромной земли могли безъ большаго труда направлять свои паруса къ о. Формозѣ и къ Японіи черезъ узкія передовыя моря Тихаго океана, то со стороны запада міръ восточной Азіи представляется почти совершенно замкнутымъ. Правда, что во времена глубокой, доисторической древности предки китайцевъ, индусовъ, халдеевъ, арабовъ, по всей вѣроятности, жили другъ съ другомъ и находились въ частыхъ сношеніяхъ между собою, такъ какъ эти различные народы унаслѣдовали одни и тѣ же астрономическія понятія, при чемъ полное сходство наблюденій и взглядовъ обнаруживается даже въ мелкихъ подробностяхъ [1]); но

[1]) Jaubil;—Biot;—Weber;—Lassen;—Whitney и др.

эти, зависѣвшія отъ сосѣдства, связи, объясняющія общность цивилизаціи, очевидно, могли имѣть мѣсто лишь въ эпоху большаго распространенія водной поверхности, болѣе обильнаго



Рѣка Янъ-Цзы-Цзянъ. Ущелье Ми-Танъ.

скопленія водъ въ Старомъ Свѣтѣ, когда мѣстности центральной Азіи, нынѣ обсохшія и пустынныя, позволяли населеніямъ противоположныхъ покатостей больше сближаться, чѣмъ это возможно въ настоящее время. Въ ту отдаленную эпоху бассейнъ рѣки Тарима, который теперь покрытъ безплодными песками и оазисы котораго заключаютъ малочисленное населеніе, принадлежалъ еще къ арійскому міру, и гражданственность его обитателей имѣла близкую связь съ образованностью Индіи [1]). Съ той

[1]) Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan“,— F. von Richthofen, „China“.

поры, какъ народы, сгруппированные на двухъ противоположныхъ скатахъ Памира, принуждены были спуститься далѣе въ равнины, оставляя за собой болѣе широкіе поясы пустынь и степей, по которымъ кочуютъ только пастушескія племена со своими стадами, центры цивилизаціи удалились одинъ отъ другаго: жизненный центръ Китая постепенно приблизился къ Тихому океану, тогда какъ подобное же движеніе совершалось въ противоположномъ направленіи, къ западу Вавилонскаго царства, къ Малой Азіи и Греціи. Разъединеніе произошло съ обѣихъ сторонъ, и въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ никакія торговыя сношенія, никакіе обмѣны идей не имѣли мѣста между восточнымъ скатомъ континента и покатостью, обращенной къ Средиземному морю. Только по отдаленнымъ, смутнымъ слухамъ населенія двухъ оконечностей Стараго Свѣта узнавали, что какіе-то другіе народы живутъ за рѣками и озерами, за плоскогорьями и горными хребтами, за лѣсами и пустынями, и воображеніе превращало людей этихъ дальнихъ невѣдомыхъ краевъ въ странныхъ или страшныхъ чудовищъ. Двѣ цивилизаціи одновременно развивались на двухъ сторонахъ континента, не зная одна другой, не имѣя взаимнаго вліянія, слѣдуя эволюціямъ параллельнымъ и однако столь отличнымъ одна отъ другой, какъ будто бы онѣ возникли на двухъ разныхъ планетахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, было время, когда южный Китай имѣлъ даже болѣе частыя и близкія сношенія съ островами, разсѣянными на южной оконечности Азіи, чѣмъ съ западными странами, съ которыми онъ соединенъ континентальной массой; нѣкоторыя расовыя черты доказываютъ, что на югѣ Азіатскаго материка смѣшеніе между китайцами и племенами, населяющими океанскія земли, происходило постоянно.

Однако естественный валъ изъ плоскогорій и горныхъ хребтовъ, окружающій китайскій міръ, не представляетъ сплошной стѣны,—во многихъ мѣстахъ онъ прерывался широкими брешами; нѣкоторыя изъ этихъ пониженій открываются къ южнымъ странамъ, другія въ сѣверномъ направленіи. Кромѣ того, и самыя цѣпи покрытыхъ снѣгомъ горъ не недоступны. Алтай, Тянь-шань, Цунъ-линъ, Куэнь-лунь, Нань-линъ,—всѣ эти горы перерѣзаны тропинками, по которымъ смѣло пускаются торговцы, не пугаясь усталости и холода. Склоны этихъ возвышенностей и даже плоскогорья, до высоты 3.000 и даже 4.500 метровъ, также имѣютъ свое населеніе, и, отправляясь съ одного ската на другой, можно повсюду встрѣтить либо людей, либо слѣды ихъ пребыванія. Но населенія этихъ горъ своими варварскими нравами и своимъ политическимъ состояніемъ прибавляютъ новое препятствіе къ тому, которое неровности и крутизны почвы противопоставили международнымъ сношеніямъ. До тѣхъ поръ, пока западные европейцы не вступили, при посредствѣ мореплаванія въ прямыя сношенія съ прибрежными жителями восточныхъ морей, окончательно установивъ такимъ образомъ единство Стараго Свѣта, до тѣхъ поръ только въ рѣдкія эпохи, во время великихъ потрясеній азіатскаго человѣчества, внезапно приходившаго въ движеніе, или только въ тѣхъ случаяхъ, когда могущество китайскаго государства достигало полной силы своего распространенія, могли завязываться непосредственныя сношенія между бассейномъ Янъ-цзы-цзяна и бассейнами Амударьи, черезъ земли варварскихъ народцевъ, живущихъ на промежуточныхъ плоскогорьяхъ: такъ, отъ сильнаго накопленія электричества искра можетъ перескочить отъ металла къ металлу, несмотря на раздѣляющій ихъ толстый слой воздуха. Но какъ рѣдки были эти проблески свѣта, озарявшіе отдаленныя одна отъ другой страны и позволявшіе народамъ видѣть на минуту другъ друга! Они имѣли весьма слабое вліяніе на жизнь китайской націи, которая въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій развивалась самобытно, черпая исключительно въ своемъ собственномъ запасѣ опыта и знанія, оставаясь совершенно изолированной отъ остальнаго человѣчества.

Первая большая внутренняя революція Китая, вибраціонный центръ которой находился внѣ его границъ, имѣла мѣсто въ эпоху введенія индусскихъ религій. Какъ ни трудно истолковать древнее вѣроученіе Лао-цзы, невозможно однако сомнѣваться, что оно заключаетъ въ себѣ заимствованія, сдѣланныя изъ религіи Индостана. Нѣкоторыя изъ его предписаній тождественны по формѣ съ правилами, изложенными въ священныхъ книгахъ индусовъ, и всѣ они проникнуты тѣмъ же чувствомъ гуманности и всеобщаго благодушія. При томъ Лао-цзы никогда не указываетъ прославившихся дѣятелей китайской исторіи, какъ на образцы доблестей или какъ на примѣры достойные подражанія: совокупность его ученій не связана съ прошлымъ его отечества никакими традиціонными узами [1]). По единогласному преданію, Лао-цзы предпринималъ путешествія въ страны, лежащія на западъ отъ Китая, и легенда говоритъ, что онъ былъ взятъ живой на небо съ горъ земли Хотанъ.

Барьеръ, который горы, плоскогорья и варварскіе народы воздвигли между Китаемъ и Индостаномъ, былъ такъ трудно переходимъ, что сообщенія между этими двумя странами производились обходнымъ путемъ, черезъ бассейнъ Оксуса. Буддійская религія распространялась не прямымъ путемъ: она проникла въ Срединную имперію не черезъ южныя, а черезъ западныя границы. Въ періоды могущества и мирнаго господства Китай заключалъ

[1]) Stanislas Julien, Pauthier;—etc.

въ своихъ предѣлахъ также бассейнъ Тарима и свободно велъ торговыя сношенія съ бассейномъ Оксуса черезъ Памирскіе горные проходы. Торговые люди слѣдовали тогда тѣмъ знаменитымъ «путемъ шелка», который извѣстенъ былъ также греческимъ купцамъ, и этимъ-то путемъ или другими дорогами, пролегавшими черезъ плоскую возвышенность, ввозились въ имперію нѣкоторые изъ драгоцѣнныхъ товаровъ полуденной Азіи, и передавались въ то же время разсказы, легенды о чудесной странѣ Ганга. Съ этой же стороны входили въ китайскіе предѣлы пилигримы, приносившіе съ собой обрядности культа Будды. Послѣ трехъ столѣтій религіозной пропаганды, новая вѣра окончательно установилась въ отечествѣ Конфуція и получила, въ 65 году нашего лѣтосчисленія, оффиціальное признаніе. Буддизмъ пришелся по вкусу китайскому народу пышностью его церемоній, богатыми украшеніями его храмовъ, поэзіей символическаго цвѣтка лотоса, распускающагося на поверхности водъ; онъ полюбился еще и потому, что открывалъ китайскому міру перспективу къ тѣмъ прекраснымъ странамъ юга, которыя до того времени были скрыты отъ него хребтами снѣжныхъ горъ и промежуточными нагорьями. Но въ сущности культъ Будды или фо мало внесъ перемѣны въ жизнь китайцевъ. Церемоніалъ былъ видоизмѣненъ, но основа осталась та же самая: каковы бы ни были священныя изображенія, религія, сохранившаяся въ силѣ, по-прежнему состоитъ изъ обрядовъ въ честь предковъ; это все то же заклинаніе злыхъ духовъ и превыше всего— строгое соблюденіе формулъ, переходящихъ по преданію изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, у «Дѣтей Хань».

Сношенія, установившіяся между Китаемъ и Индостаномъ въ теченіе періода обращенія китайцевъ въ буддизмъ, никогда впослѣдствіи совершенно не прерывались, и съ этой эпохи Китай и для европейцевъ пересталъ уже быть страной, лежащей за предѣлами извѣстнаго міра. Сообщенія между Индіей и южнымъ Китаемъ производились моремъ, преимущественно черезъ Южно-китайское море. Уже за два столѣтія до начала христіанской эры одинъ китайскій императоръ посылалъ цѣлый флотъ на южные острова съ порученіемъ привезти оттуда «Цвѣтокъ безсмертія». Впослѣдствіи другіе корабли, отправляемые за менѣе важной добычей, ходили на островъ Цейлонъ на поиски за святынями, священными книгами, статуями Будды, и привозили также богатыя матеріи, драгоцѣнности, самоцвѣтные камни, которые они вымѣнивали на свои произведенія — шелковыя ткани, фарфоровыя издѣлія, эмальированныя вазы [1]). Этимъ же путемъ слѣдовали чужестранныя посольства, между прочимъ, посольство, о которомъ китайскія лѣтописи говорятъ, что оно прибыло изъ Да-цина, то-есть изъ Рима, отправленное Императоромъ Антуномъ, Авреліемъ Антониномъ, въ 166 году христіанскаго лѣтосчисленія [1]).

Въ седьмомъ столѣтіи,—когда Китайская имперія, послѣ ряда катастрофъ и внутреннихъ смутъ, снова достигла высокой степени могущества и экспансивной силы и блестѣла во всей своей славѣ,—какъ разъ въ ту эпоху, когда Европа, погруженная во мракъ варварства, находилась въ періодѣ наибольшаго униженія и упадка [2]), были предпринимаемы многочисленныя путешествія съ цѣлью изслѣдованія малоизвѣстныхъ странъ: въ то время иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Китаю. Китайскій пилигримъ Сюань-цзанъ, съ которымъ, по длинѣ пройденнаго пути въ центральной Азіи, изъ послѣдующихъ путешественниковъ сравнялись только итальянецъ Марко Поло и Пржевальскій, былъ настоящій изслѣдователь новыхъ странъ, въ современномъ значеніи этого слова, и его разсказы, включенные въ лѣтописи династіи Танъ, имѣли для географіи центральной Азіи и Индіи въ средніе вѣка весьма большую цѣну, вполнѣ признанную даже и европейскими учеными [3]). Эти послѣдніе, благодаря китайскимъ документамъ, могли отыскать почти несомнѣннымъ образомъ весь пройденный имъ путь, даже въ тѣхъ «Ледяныхъ горахъ», гдѣ, по его словамъ, путешественники подвергаются нападеніямъ «драконовъ», мистическихъ животныхъ, въ которыхъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть снѣжные бураны. Такъ же, какъ и другіе буддистскіе пилигримы того времени, Сюань-цзанъ обошелъ вокругъ плоскихъ возвышенностей Тибета, гдѣ только-что передъ тѣмъ была введена буддійская религія, и проникъ въ Индію черезъ равнины Оксуса и Афганистана. Но двадцать лѣтъ спустя послѣ его возвращенія на родину, въ 667 и 668 годахъ китайскія арміи уже прошли черезъ Тибетъ и Непалъ, и спустились прямо въ Индію, гдѣ онѣ овладѣли слишкомъ шестью стами городами. Въ эту эпоху Китайская имперія обнимала вмѣстѣ съ подвластными, вассальными землями, не только всю низменность восточной Азіи, но также всѣ внѣшніе скаты горъ и плоскорій, которыя ее окружаютъ до Каспійскаго моря. Въ этомъ же періодѣ Китайской имперіи несторіанскіе миссіонеры ввели христіанство въ имперіи.

Успѣхи ислама на западѣ Азіи, на берегахъ Средиземнаго моря, необходимо должны были изолировать Китай и сдѣлать на долгое время невозможнымъ всякое сообщеніе съ Европой;

[1]) Pauthier; —Emerson Tennent;—Bretschneider, и др.

[1]) De Guignes; — Reinaud, — Klaproth; — Rémusat;— Bretschneider, и др.

[2]) Wells Williams, „Middle Kingdom“.

[3]) Stanislas Julien, „Historie de la vie de Hiouen-thsange et de ses voyages.—Vivien de Saint-Martin;—Cunningham;—Richthofen.

но въ сѣверныхъ областяхъ, среди степей Монголіи, воинственныя племена приготовлялись къ завоеванію, и благодаря своему побѣдоносному шествію на западъ до самыхъ береговъ Днѣпра, они открыли путешественникамъ дороги черезъ весь Старый Свѣтъ. Чтобы защитить государство отъ вторженія этихъ народцевъ, кочевавшихъ въ сосѣдствѣ сѣверныхъ окраинъ страны, китайскіе императоры воздвигли, впослѣдствіи перестроили и увеличили другими параллельными валами тотъ исполинскій оплотъ, извѣстный подъ именемъ «Великой стѣны», который продолжается между степнымъ пространствомъ и областью культурныхъ земель на протяженіи тысячъ верстъ. Удерживаемые не столько этимъ барьеромъ, воздвигнутымъ между двумя различными природами и двумя враждебными обществами, сколько различіемъ природныхъ условій, дикіе номады устремились на западъ, гдѣ передъ ними открывался широкій просторъ, и постепенно одинъ за другимъ привели въ движеніе всѣ кочевые народы. Въ четвертомъ и въ пятомъ столѣтіяхъ нашей эры это движеніе погнало къ западу орды завоевателей, которымъ дали имя гунновъ; въ двѣнадцатомъ вѣкѣ подобное же движеніе увлекло монголовъ подъ предводительствомъ новаго Аттилы. Владѣя горными потоками Чжунгаріи, черезъ которые такъ легко пробраться съ восточной покатости Азіи на западную, Чингисъ-ханъ могъ бы ринуться прежде всего къ западнымъ странамъ; но онъ не хотѣлъ оставлять препятствія позади себя, и только послѣ перехода черезъ Великую стѣну и взятія Пекина, двинулъ свои несмѣтныя полчища на покореніе западныхъ царствъ и народовъ. Въ это время Монгольская имперія, величайшее государство, какое когда-либо существовало, простиралась отъ береговъ Тихаго океана до степей Россіи.

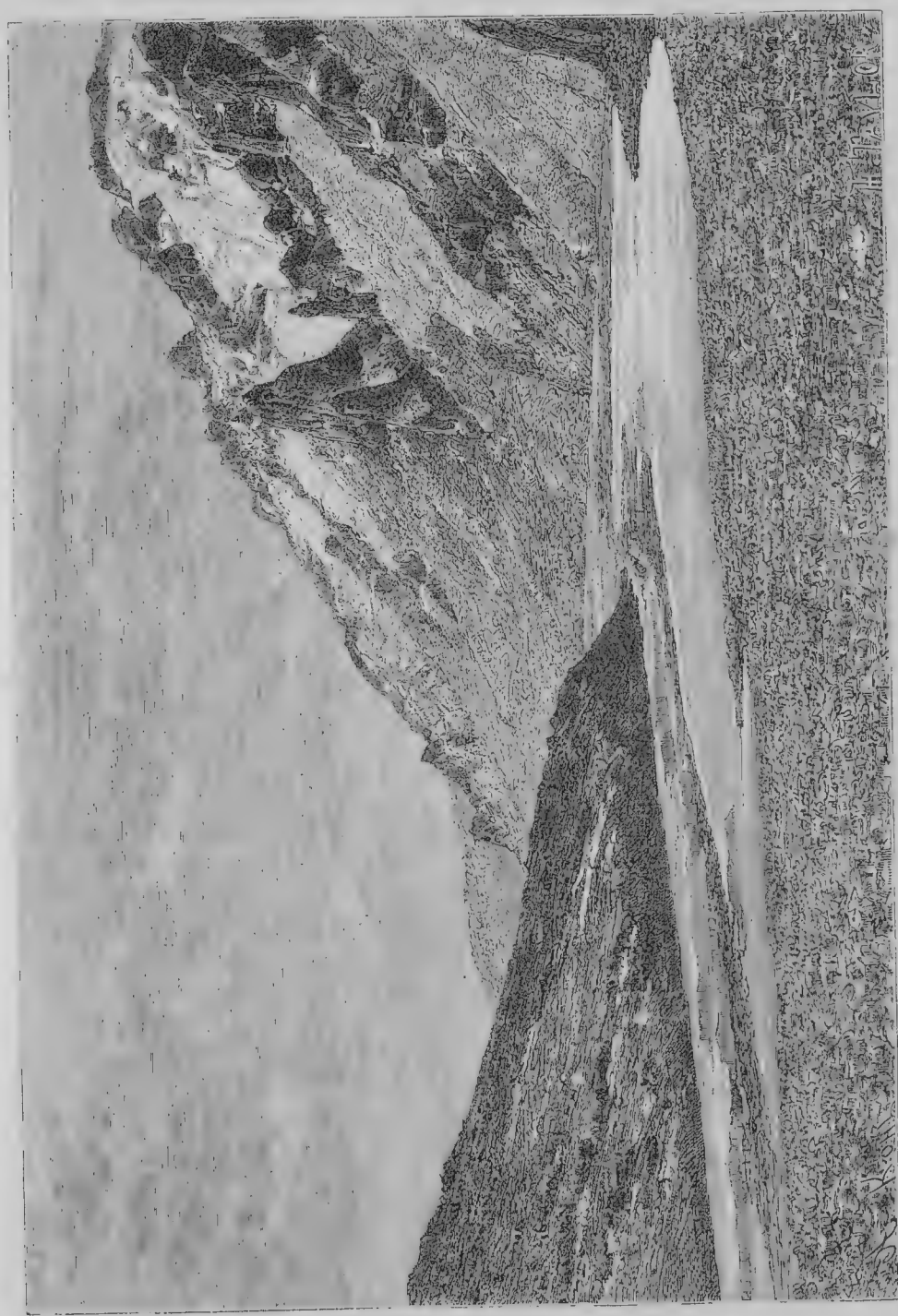
Европейцы узнали о существованіи китайскаго міра благодаря этимъ новымъ пришельцамъ съ востока, съ которыми они вступили въ сношенія, не только путемъ вооруженныхъ столкновеній, но также посредствомъ посольствъ, договоровъ и союзовъ противъ общаго врага, то-есть ислама; они даже долгое время называли имперію восточной Азіи татарскимъ именемъ «Катай», до сихъ поръ еще употребляемымъ русскими въ формѣ «Китай». Послы папы и короля французскаго отправлялись въ дальній путь, чтобы посѣтить великаго хана въ его Каракорумской резиденціи, въ Монголіи, и Плано Карпини, Рубруквисъ [1]) и другіе разсказывали, по возвращеніи, о чудесахъ, видѣнныхъ ими въ этихъ отдаленныхъ странахъ. По слѣдамъ посланниковъ, изъ Европы пустились ремесленники и торговые люди искать счастья при дворѣ монгольскихъ хановъ, и одинъ изъ этихъ купцовъ, Марко Поло, по справедливости, можетъ считаться первымъ открывшимъ Китай европейскому міру. Съ того времени эта страна окончательно вступаетъ въ кругъ извѣстнаго свѣта и начинаетъ составлять часть обширной семьи человѣчества.

Марко Поло достигъ и проѣхалъ Китай западнымъ путемъ, слѣдуя въ началѣ по протореннымъ дорогамъ, идущимъ отъ береговъ Средиземнаго моря. Колумбъ, болѣе смѣлый, хотѣлъ пристать къ берегамъ «Катая», подойти къ золотымъ рудникамъ Зипанго, плывя по сферической поверхности земнаго шара, въ направленіи, противоположномъ тому пути, по которому слѣдовалъ знаменитый венеціанскій путешественникъ. Остановленный въ своемъ отважномъ плаваніи берегами Новаго Свѣта, онъ не достигъ ни Японіи, ни Китая, хотя долгое время онъ былъ увѣренъ и хотѣлъ другихъ увѣрить въ успѣхѣ своего путешествія къ восточной Азіи. Но другіе продолжали начатое великимъ мореплавателемъ предпріятіе кругосвѣтнаго путешествія: дель-Кано, спутникъ Магелана, вернулся къ своей точкѣ отправленія, въ Португалію, оставивъ позади себя слѣдъ своего корабля на окружности земнаго шара. Всѣ моря были завоеваны европейцами, и, отъ мыса Горна до мыса Доброй надежды, мореплаватели могли назначать себѣ свиданіе въ портахъ Китая. Не взирая на сопротивленіе, противополагаемое пекинскимъ правительствомъ вступленію чужеземцевъ въ предѣлы государства, Китайская имперія фактически сдѣлалась доступна имъ, и не прошло еще двухъ съ половиной столѣтій послѣ окончательнаго завоеванія всемірнаго океана большимъ судоходствомъ, какъ Китай и Японія, которые, впрочемъ, не переставали быть правильно посѣщаемы европейскими купцами, принуждены были широко открыть свои коммерческіе порты и даже уступить на своихъ берегахъ земли, гдѣ европейскія націи водружаютъ свои флаги и строятъ города западной архитектуры и укрѣпленные пункты. Такимъ образомъ можно сказать, что завоеваніе восточно-азіатскаго міра европейской цивилизаціей уже началось давно.

Могущество европейцевъ на территоріи Китая впервые проявилось временнымъ занятіемъ столицы богдохана и разграбленіемъ императорскихъ дворцовъ; оно обнаружилось еще гораздо болѣе той поддержкой, которую англо-французскіе союзники оказали китайскому правительству противъ внутренняго возмущенія. Между тѣмъ, какъ европейскія войска разрушали укрѣпленія провинціи Чжи-ли, заняли Тянь-цзинь, заставили китайскаго императора спасаться бѣгствомъ изъ Пекина, другіе европейцы оттѣснили мятежниковъ тайпинговъ отъ воротъ Шанхая и заперли имъ всякій выходъ къ морю; въ то же самое время русскіе держали

[1]) D'Avezac, „Recueil de voyages et de mémoires par la Société de Géographie".

гарнизонъ въ Ургѣ, чтобы сдерживать дунганъ. Можетъ быть, только благодаря поддержкѣ западныхъ державъ, и была спасена династія Цинovъ. Единство имперіи было сохранено, но обширной азіатской имперіи, повидимому, не подвергается никакой опасности со стороны собственнаго населенія страны, но нельзя того же сказать про государства западной Европы,



Долина Каракашъ.

только потому, что европейцы находили въ томъ свою выгоду: имъ стоило только остаться безучастными зрителями, и Китай распался бы на двѣ, быть можетъ, на три или четыре части. Въ настоящее время территоріальная цѣлость которыя, увидѣвъ безсиліе Китая, стараются уже не о цѣлости его, а объ урывкахъ его территорій въ свою пользу. Россія сопредѣльна съ китайской территоріей на протяженіи около 7.500 верстъ, и болѣе половины этой пограничной

линіи проходитъ черезъ страны, бывшія прежде подвластными «Сыну Неба». Все, что Россія присоединила въ Илійскомъ краѣ или Кульджѣ временно къ своимъ владѣніямъ, принадлежало, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Китаю, и хотя она согласилась возвратить эту землю, но все-таки удержала часть ея за собой. Забайкалье тоже было прежде китайской территоріей, равно какъ вся долина Амура до пастбищъ, гдѣ сѣверные тунгусы пасутъ свои стада оленей. Въ настоящее время вся территорія по лѣвому берегу Амура, превосходящая пространствомъ Францію, составляетъ нераздѣльную часть Сибири. Наконецъ, морской берегъ Маньчжуріи до полуострова Кореи тоже сдѣлался русскимъ владѣніемъ, и его южные порты, откуда паровые флоты могутъ въ два дня достигнуть береговъ Японіи, получили наименованіе «Залива Петра Великаго», данное какъ бы для того, чтобы напомнить Европѣ, что со стороны Востока русская имперія такъ же помышляетъ объ увеличеніи своего могущества, какъ и со стороны Запада. Наконецъ въ послѣднее время необходимость выхода въ незамерзающій портъ линіи Великой Сибирской дороги вынудила Россію арендовать часть китайской территоріи и для сохраненія своихъ интересовъ даже укрѣплять и оборонять ее. Россія такъ умѣло распоряжается своими рессурсами, что они даютъ ей большую наступательную силу. Ея военное могущество, даже на разстояніи семи съ половиной тысячъ верстъ отъ столицы, превосходитъ военное могущество Китая и Японіи въ ихъ собственныхъ моряхъ и на ихъ собственной территоріи. Несмотря на приготовленія къ оборонѣ, на эстокады и форты, вооруженные стальными пушками, Пекинъ теперь такъ же легко можетъ быть взятъ русскими, какъ онъ недавно былъ взятъ англичанами и французами и какъ погибъ сильно укрѣпленный портъ Артуръ при столкновеніи съ японцами. Вообще положеніе Пекина невыгодно въ томъ отношеніи, что подвергаетъ его непріятельскому нападенію: до тѣхъ поръ, пока эта столица должна была опасаться только набѣговъ со стороны монголовъ или возстаній китайскаго населенія, она занимала превосходную стратегическую позицію въ сосѣдствѣ укрѣпленныхъ горъ, которыя защищаютъ ее на сѣверо-западѣ, близъ Главнаго или Императорскаго канала, по которому доставлялись всѣ нужные предметы продовольствія, и недалеко отъ маньчжурскихъ племенъ, которыя, по первому сигналу, быстро приходили на помощь своимъ нуждающимся соотечественникамъ. Но въ настоящее время другіе враги, кромѣ монголовъ и тайпинговъ, угрожаютъ безопасности Срединной имперіи, и войска, посланныя какимъ бы то ни было правительствомъ, высадились бы, разумѣется, въ очень близкомъ разстояніи отъ Пекина. Какъ бы ни была значительна новая организація военныхъ силъ Китая, какъ бы ни старались дисциплинировать на европейскій манеръ «храброе и непобѣдимое» воинство богдыхана, пекинское правительство не можетъ надѣяться, что будетъ въ состояніи успѣшно бороться съ внѣшнимъ врагомъ, пока оно не заведетъ у себя желѣзныхъ путей сообщенія, которыя могли бы быть предоставлены къ услугамъ войны; а главное пока оно не измѣнитъ весь административный строй страны и бытъ своихъ согражданъ.

Каковы бы ни были политическія и военныя судьбы Китая и Японіи въ ихъ сношеніяхъ съ европейскими державами, одно по всякомъ случаѣ несомнѣнно—это то, что наши Востока и Запада отнынѣ стали солидарны между собою. Благодаря обмѣну земледѣльческихъ продуктовъ и товаровъ, благодаря путешествіямъ европейцевъ въ Монгольскую Азію, китайцевъ и японцевъ въ Европу и Америку, благодаря, наконецъ постояннымъ пересѣленіямъ, цивилизаціи безпрестанно соприкасаются и взаимно проникаются: чего не сдѣлала пушка, то начинаетъ дѣлать, при томъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ образомъ, свобода международнаго торговаго и соціальнаго обмѣна; политическія границы, различіе языковъ, религій, традицій, законовъ, нравовъ не мѣшаютъ взаимному сближенію разноплеменныхъ народовъ, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Если съ одной стороны европейскіе кварталы выстраиваются въ городахъ Китая и Японіи, то съ другой—китайскія деревни появляются въ Сѣверной Америкѣ, въ Перу, въ Австраліи, и китайскія торговыя конторы открываются въ Нью-Іоркѣ, въ Лондонѣ и многихъ городахъ Россіи. Этимъ внѣшнимъ перемѣнамъ соотвѣтствуютъ глубокія, умственныя измѣненія: идеи обмѣниваются такъ же точно, какъ и товары; восточные и западные люди доходятъ до взаимнаго пониманія и, слѣдовательно, узнаютъ, что у нихъ есть общаго. Свѣтъ сталъ слишкомъ тѣсенъ для того, чтобы цивилизаціи могли развиваться изолированно, въ отдѣльныхъ географическихъ бассейнахъ, не смѣшиваясь въ одну высшую цивилизацію. Народы Европы и восточной Азіи жили прежде какъ отдѣльные, разобщенные міры; теперь Соединенные Штаты Сѣверной Америки населились эмигрантами, которые сдѣлали изъ нихъ вторую Европу, и между этими-то двумя Европами, старой и новой, заключена китайская нація: съ обѣихъ сторонъ, съ востока и съ запада, къ ней приходятъ одни и тѣ же примѣры, однѣ и тѣ же идеи: непрерывное теченіе движется отъ народа къ народу на всей поверхности планеты, черезъ континенты и моря.

Историческій періодъ, въ который недавно вступило человѣчество окончательнымъ пріобщеніемъ восточной Азіи къ европейскому міру

какъ говорится, чреватъ событіями. Подобно тому какъ поверхность воды, отъ дѣйствія силы тяжести, стремится придти къ одному уровню, такъ и условія обнаруживаютъ наклонность сравниваться на рынкахъ труда. Разсматриваемый просто какъ обладатель своихъ рукъ, человѣкъ и самъ есть товаръ, ни болѣе, ни менѣе, какъ произведенія его труда. Промышленности всѣхъ странъ, увлекаемыя все болѣе и болѣе въ борьбу жизненной конкурренціи, стараются производить какъ можно дешевле, покупая по возможно низкой цѣнѣ сырой матеріалъ и «руки», которыя его переработываютъ. Но гдѣ такія огромныя фабричныя заведенія, какъ, напримѣръ, мануфактуры Новой Англіи, нашли бы работниковъ въ одно и то же время болѣе искусныхъ и болѣе трезвыхъ, слѣдовательно менѣе дорогостоющихъ, чѣмъ выходцы съ крайняго Востока? Гдѣ большія земледѣльческія фермы, каковы фермы штатовъ Миннесоты и Висконсина, эти настоящія фабрики для производства пшеницы или маиса, сыскали бы партіи рабочихъ болѣе покорныхъ, болѣе старательныхъ, менѣе требовательныхъ, чѣмъ куліи съ береговъ Си-цзяна или Янъ-цзы-цзяна. Рабочее населеніе Китая и Японіи приводитъ въ удивленіе иностранцевъ своей дѣятельностью, ловкостью, быстрой понятливостью, любовью къ порядку и бережливости; на фабрикахъ и въ арсеналахъ портовъ можно поручать китайскимъ рабочимъ самыя деликатныя работы, и они всегда съ честью исполняютъ задачу. Что касается крестьянъ Срединной имперіи, то, по единогласному свидѣтельству людей, видѣвшихъ ихъ за дѣломъ, они болѣе смышлены, болѣе образованы, менѣе эксплуатируемы, чѣмъ поселяне европейскихъ странъ, гдѣ царствуетъ тяжелый режимъ крупной земельной собственности, и если въ сосѣдствѣ колоній морского прибрежья китайскіе садовники и огородники не измѣнили своихъ культуръ, то это потому, что чужеземецъ не могъ ихъ научить ихъ лучшимъ, чѣмъ тѣ, которыя они употребляютъ.

Впрочемъ, борьба между трудомъ бѣлыхъ и трудомъ желтолицыхъ, это экономическое столкновеніе, которое грозитъ вызвать ожесточенную схватку между двумя половинами міра—уже началась на нѣкоторыхъ пунктахъ земнаго шара, въ новыхъ странахъ, гдѣ встрѣчаются эмигранты изъ Европы и Азіи. Въ Калифорніи, въ австралійскихъ колоніяхъ Новаго Южнаго Валлиса, Квинсленда и Викторіи, бѣлые работники должны оспаривать большую часть своихъ ремеслъ у китайскихъ рабочихъ, и улицы, лавки, фермы, рудники часто бывали обагряемы человѣческою кровью, часто были свидѣтелями убійствъ, причина которыхъ заключалась не столько въ племенной ненависти, сколько въ соперничествѣ изъ-за заработной платы. Преслѣдуемая уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія, эта экономическая война стоила болѣе человѣческихъ жизней, чѣмъ правильное сраженіе; она даже становится все болѣе и болѣе ожесточенной, по мѣрѣ увеличенія опасности, которой подвергаются бѣлые рабочіе. До сихъ поръ эти послѣдніе имѣли перевѣсъ въ Калифорніи и въ австралійскихъ колоніяхъ. По большей части господствуя въ законодательныхъ собраніяхъ, они могли одерживать верхъ надъ промышленниками, фермерами, фабрикантами, предпринимателями, которымъ, разумѣется, выгодно платить возможно меньшее жалованье рабочимъ, и заставляли эти собранія вотировать законы, всячески затрудняющіе эмиграцію китайскихъ куліевъ и ставящіе послѣднихъ въ положеніе особаго класса, угнетеннаго и безправнаго. Но эта борьба, какъ и всякая война, имѣетъ свои альтернативы. Побѣжденные на одномъ пунктѣ, китайскіе рабочіе могутъ побѣдить на другомъ, благодаря поддержкѣ капиталистовъ и совѣщательныхъ собраній, а вступленіе желтолицыхъ рабочихъ на фабрики и фермы на мѣсто бѣлыхъ работниковъ, понятно, значило бы для этихъ послѣднихъ нищету и голодную смерть. Впрочемъ, даже нѣтъ необходимости, чтобы китайскіе эмигранты нашли мѣсто въ мануфактурныхъ заведеніяхъ Европы и Америки, для того, чтобы ихъ соперничество понизило вознагражденіе бѣлыхъ рабочихъ: достаточно, чтобы промышленности, подобныя существующимъ въ европейскомъ мірѣ, какъ, напримѣръ, производство шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей, основались на всемъ крайнемъ Востокѣ, и чтобы китайскія или японскія мануфактурныя произведенія продавались въ Европѣ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, нежели издѣлія мѣстнаго производства. Конкуренція можетъ захватывать все большія и большія пространства, можетъ распространиться послѣдовательно отъ страны къ странѣ, черезъ моря и океаны, да и теперь не обнаруживается ли она уже въ отношеніи нѣкоторыхъ продуктовъ, къ невыгодѣ Европы? Съ экономической точки зрѣнія, окончательное сближеніе между двумя группами націй составляетъ, слѣдовательно, фактъ капитальной важности. Безъ сомнѣнія, равновѣсіе установится рано или поздно, и человѣчество съумѣетъ приспособиться къ новымъ судьбамъ, которыя ему обезпечиваетъ овладѣніе сообща всей планетой; но въ продолженіе переходнаго періода столкновенія, нужно предвидѣть всякія бѣдствія и потрясенія. Дѣло идетъ о борьбѣ, въ которой непосредственно участвуетъ около милліарда людей. По числу борцовъ, цивилизованный міръ Европы и Америки и міръ восточной Азіи почти равны между собой: съ той и другой стороны сотни милліоновъ индивидуумовъ стоятъ лицомъ къ лицу, движи-

*

мые противоположными интересами и очень далекіе еще отъ пониманія высшихъ выгодъ общей солидарности народовъ.

Это происходитъ оттого, что взаимная оппозиція Востока и Запада имѣетъ свой raison d'être не въ одномъ только антагонизмѣ непосредственныхъ, матеріальныхъ интересовъ, она зависитъ также отъ контраста понятій и нравовъ: между тѣми изъ китайцевъ и изъ европейцевъ, у которыхъ развито чувство уваженія къ своей личности, идеалъ не одинаковъ; тѣ и другіе имѣютъ особенное понятіе о долгѣ, если не прямо противоположное, то во всякомъ случаѣ различное. Этотъ нравственный контрастъ проявляется въ болѣе или менѣе сознательной формѣ и между самими націями. Ихъ союзъ, когда онъ сдѣлается болѣе тѣснымъ черезъ посредство племенныхъ смѣшеній, нейтрализируетъ отчасти эту противуположность; цивилизаціи будутъ оказывать одна на другую вліяніе не только своими внѣшними сторонами, но также и тенденціями и идеями, составляющими ихъ истинный двигатель. Часто говорили, что западные народы устремляютъ взоръ впередъ, въ будущее, тогда какъ китайцы смотрятъ назадъ, въ прошлое. Это утвержденіе слишкомъ общее, ибо во всѣхъ странахъ свѣта общество раздѣляется на двѣ группы, изъ которыхъ одна безпрестанно обновляется, трудясь надъ улучшеніемъ своей участи, тогда какъ другая, изъ боязни будущаго, ищетъ убѣжища въ традиціи. Многочисленныя гражданскія войны Китая, и въ особенности возстаніе тайпинговъ или «великихъ миротворцевъ», доказываютъ, что подъ оффиціальнымъ міромъ, вѣрнымъ блюстителемъ обычаевъ и правилъ старины, ищущимъ свой золотой вѣкъ въ прошлыхъ вѣкахъ, движется пылкое общество, которое не боится пускаться въ полную приключеній область неизвѣстнаго. Если китайское правительство успѣвало въ теченіе многихъ вѣковъ удерживаться въ традиціонныхъ формахъ, если катастрофы и перевороты, произведенные нашествіями и внутренними возмущеніями, не сдѣлали большой перемѣны во внѣшнемъ строѣ общества, то тѣмъ не менѣе вѣрно, что для низшихъ массъ восточныхъ народовъ теперь дѣло идетъ объ усвоеніи европейской цивилизаціи, не только формъ и практическихъ способовъ промышленности, но въ особенности новаго пониманія человѣческой культуры; онѣ стремятся перемѣстить свой идеалъ. Отъ этого зависитъ самое ихъ существованіе.

Но не перемѣстится ли въ то же время и идеалъ цивилизованныхъ народовъ бѣлой расы? Извѣстно, что когда два элемента сближаются, оба они подвергаются измѣненію. Если двѣ рѣки соединяютъ свои теченія, то та изъ нихъ, которая катитъ чистую воду, дѣлается мутной отъ примѣси грязи, приносимой другой рѣкой, и двѣ жидкія массы текутъ вмѣстѣ, никогда уже не пріобрѣтая вновь своего первоначальнаго цвѣта. Соприкосновеніе двухъ цивилизацій будетъ ли имѣть послѣдствіе, что одни народы поднимутся, а другіе понизятся на лѣстницѣ культуры? Должно ли это соприкосновеніе вызвать прогрессъ на Востокѣ и регрессъ на Западѣ? Не суждено ли грядущимъ поколѣніямъ переживать періодъ, подобный эпохѣ среднихъ вѣковъ, когда цивилизація римскаго міра погрузилась въ мракъ невѣжества, тогда какъ варвары рождались при новомъ свѣтѣ? Пророки грядущихъ бѣдъ уже испускаютъ вопли тревоги. Послѣ многолѣтнихъ странствованій по разнымъ провинціямъ Китая, странствованій, во время которыхъ вездѣ приходилось проѣзжать черезъ несчастные человѣческіе муравейники, замыкавшіеся вокругъ нихъ словно волны океана, европейскіе путешественники, какъ Ритгофенъ, Арманъ Давидъ, г. Васильевъ, вернулись устрашенные этими несмѣтными массами людей, кишащими въ громадной имперіи. Они съ ужасомъ задаютъ вопросъ: что сдѣлаютъ эти огромныя толпы народа, когда завоеватели дисциплинируютъ ихъ и употребятъ въ дѣло противъ европейскаго міра? Не могутъ ли эти толпы возобновить подъ другой формой монгольскія нашествія и погромы, когда, снабженныя такимъ же оружіемъ, какъ и европейскія націи, и болѣе ихъ соединенныя въ одно цѣлое, онѣ очутятся подъ предводительствомъ втораго Чингисъ-Хана? Опасаясь, чтобы въ міровой «борьбѣ за существованіе» китайцы не сдѣлались легко нашими господами, нѣкоторые писатели дошли до того, что серьезно требуютъ, чтобы европейскія державы вернулись назадъ и отреклись отъ совершеннаго дѣла, чтобы опять заперли открытые нынѣ порты и постарались снова заключить китайцевъ въ ихъ прежнее изолированное положеніе и въ ихъ невѣжество. Другіе публицисты радуются, что опіумъ усыпляетъ китайскую націю и мѣшаетъ ей познать свою силу. «Не будь опіума, говоритъ проф. Васильевъ, Китай овладѣлъ бы рано или поздно всѣмъ свѣтомъ: онъ задушилъ бы Европу и Америку въ своихъ чудовищныхъ объятіяхъ».

Какъ бы то ни было, теперь ужъ слишкомъ поздно было бы пытаться снова разобщить Востокъ и Западъ. За исключеніемъ части Тибета, Кореи и нѣкоторыхъ, лежащихъ внутри горныхъ областей, восточная Азія составляетъ отнынѣ часть открытаго міра. Каковы будутъ для всего человѣчества результаты этого присоединенія къ общему движенію исторіи? Это, безъ сомнѣнія, вопросъ первостепенной важности, и съ этой точки зрѣнія нельзя не признать чрезвычайно важнымъ изученіе азіатскаго Востока и этихъ «желтолицыхъ» народовъ, которымъ суждено играть столь значительную роль въ развитіи будущей цивилизаціи.

Глава II

Китайская имперія.

I. Тибетъ.

Внѣ такъ называемаго «Срединнаго царства». Китайская имперія заключаетъ обширныя территоріи, занимающія въ совокупности болѣе значительное пространство, чѣмъ Китай въ собственномъ смыслѣ: сюда принадлежатъ Тибетъ, бассейнъ рѣки Тарима, бассейнъ озера Кукуноръ, возвышенныя долины, наклоненныя къ озеру Балкашъ, Чжунгарія, Монголія, Маньчжурія, островъ Хай-нань. Она присвоила къ себѣ, какъ вассальныя, платящія дань, земли: полуостровъ Корею и даже, на полуденномъ скатѣ Гималайскихъ горъ, Непалъ и Бутанъ, двѣ страны, принадлежащія къ Индостану, по крайней мѣрѣ съ географической точки зрѣнія, но нынѣ эти земли отчасти самостоятельны, отчасти принадлежатъ другимъ сосѣдямъ. Впрочемъ, каждая изъ земель, признающихъ надъ собой верховную власть китайскаго императора, рѣзко отличается отъ другихъ рельефомъ и природой почвы, учрежденіями и нравами своихъ жителей. Изъ всѣхъ этихъ странъ Тибетъ всего лучше успѣвалъ, въ послѣднія времена, охранять себя отъ внѣшнихъ вліяній: то, чѣмъ былъ прежде Китай, Тибетъ остается еще и до сихъ поръ, государствомъ совершенно замкнутымъ, почти неприступнымъ: въ этомъ отношеніи можно сказать, что онъ является единственнымъ представителемъ традиціи, уже утраченной почти всѣми другими царствами восточной Азіи.

Наименованіе Тибетъ примѣняется не только къ юго-западной части Китайской имперіи, но также къ большей половинѣ Кашмира, населенной жителями тибетскаго происхожденія. Эти области «Малаго Тибета» и «Абрикосоваго Тибета», получившаго такое названіе отъ фруктовыхъ садовъ, окружающихъ селенія [1]), состоятъ изъ глубокихъ долинъ, открывающихся на подобіе рвовъ между снѣжными горами Гималая и Каракорума; расположенныя на покатости, обращенной къ Индостану, эти страны были постепенно включены въ историческій кругъ индусскаго полуострова, тогда какъ Тибетъ въ собственномъ смыслѣ, Тибетъ восточный, то-есть провинціи Уй, Цзанъ и Камъ [1]), пошелъ совершенно другой дорогой и испыталъ другія судьбы: это тотъ, который извѣстенъ подъ именемъ «Большаго Тибета»: но смѣшеніе номенклатуръ такъ велико, что другой «Большой Тибетъ», иначе называемый страна Ладакъ, составляетъ часть Кашмирскаго царства [2]). Впрочемъ, это имя Тибетъ, которое европейцы употребляютъ для обозначенія двухъ странъ весьма различныхъ по характеру природы и политическимъ учрежденіямъ, неизвѣстно самимъ жителямъ, и ученые обыкновенно стараются объяснить его этимологіями иностраннаго происхожденія [3]), производя его отъ монгольскаго слова Туботъ. Германъ Шлагинтвейтъ видитъ въ этомъ наименованіи странное составное слово тибетскаго языка, означающее «силу» или имперію по преимуществу [4]); такое же объясненіе даютъ миссіонеры семнадцатаго столѣтія, обозначая эту страну итальянскимъ терминомъ potente, то-есть «Могущественный». Какъ бы то ни было, туземцы нынѣ называютъ свое плоскогорье однимъ только именемъ, Бодъ-Юлъ, что̀ значитъ «земля народа Бодъ», и которое, вѣроятно, есть синонимъ Бутана, индусскаго наименованія, употребляемаго европейцами для обозначенія одного только государства на южной покатости Гималайскихъ горъ [5]). Китайцы обозначаютъ Тибетъ подъ названіями Сицзанъ, то-есть «западный Цзанъ», по имени его главной провинціи, или Уй-цзанъ—слово, которое примѣняется къ двумъ провинціямъ Уй и Цзанъ, составляющимъ вмѣстѣ Тибетъ по преимуществу; народъ же, населяющій эту страну, они называютъ Ту-фань, то-есть «фанами аборигентами» въ противоположность сифанямъ или «западнымъ фанамъ», жителямъ Сы-чуани. Что касается монголовъ, которымъ, впрочемъ, подражали и русскіе прошлаго столѣтія, то они часто называли Тибетъ «землей тангутовъ», по имени племенъ, населяющихъ

[1]) Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo".

[1]) A. Гумбольдтъ, „Центральная Азія".

[2]) Humboldt, „Asie Centrale", t. I., p. 14;—C. Ritter, „Asien",—Naïn-Singh, Trotter „Journal of the Geographical Society", 1877.

[3]) Klaproth, „Description du Tibet"; — C. Ritter, „Asien";—Hodgson, „Essays on the languages, literature and religion of Xepaland Tibet".

[4]) „Reisen in Indien und Hochasien", vol. III.

[5]) Klaproth, „Notes à la Breve noticia del regno del Thibet", del Fra Orazia della Penna.

сѣверную часть страны [1]); но обыкновенно они обозначали Тибетъ именемъ «земли Барунъ-Тола» или «Западная страна», въ противоположность Дзегунъ-Толѣ или «землѣ Лѣвой стороны», называемой нынѣ Чжунгаріей [2]).

Тибетъ образуетъ почти ровно половину обширнаго полукруга горъ, который развертывается, съ радіусомъ въ 800 километровъ, на западѣ густо населеннаго Китая, отъ первыхъ монгольскихъ предгорій Тянь-шаня до проломовъ восточнаго Гималая, черезъ которые рѣки Цзанбо, Салуэнъ, Меконгъ уходятъ къ Индійскому океану. Высокая краевая цѣпь Куэнь-луня дѣлитъ этотъ полукругъ на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: на сѣверѣ открывается замкнутый бассейнъ Тарима и многихъ другихъ рѣкъ, теряющихся въ пескахъ; на югѣ поднимается высокое Тибетское плоскогорье. Такимъ образомъ здѣсь рядомъ съ одной изъ самыхъ глубокихъ впадинъ внутренности континентовъ возвышается самая массивная выпуклость земной поверхности.

Въ своей совокупности Тибетъ, если не обращать вниманія на неправильности контуровъ, зависящія отъ политическихъ границъ, есть одна изъ наилучше ограниченныхъ естественныхъ областей Стараго Свѣта. Опираясь на сѣверо-западѣ на разрѣзанныя горныя массы, изборожденныя долинами Ладака и Кашмира, Тибетъ постепенно расширяется на юго-востокѣ и востокѣ между главными хребтами азіатскаго континента, Куэнь-лунемъ и Гималаемъ. Такъ же, какъ Памиръ, двѣ большія горныя цѣпи, господствующія на сѣверѣ и на югѣ надъ треугольной массой Тибета, почитаются народами, живущими у ихъ основанія, какъ «крыши міра», какъ «ступеньки на небо», какъ «мѣстопребываніе боговъ». Онѣ рисуются воображенію въ видѣ границы другой земли, которая увѣнчана ярко-блистающей на солнцѣ діадемой снѣговъ и кажется издали какой-то волшебной страной, но которую немногіе путешественники, предпринимавшіе восхожденіе на эти громады горъ, описываютъ какъ страну суроваго холода, снѣжныхъ бурановъ и голода. Поддерживаемое какъ исполинская терраса на высотѣ четырехъ и пяти тысячъ метровъ надъ поверхностью окружающихъ равнинъ, Тибетское плоскогорье занято на большей половинѣ своего протяженія замкнутыми бассейнами, гдѣ разстилаются нѣсколько водныхъ площадей—озеръ и болотъ, вѣроятно, остатки внутреннихъ морей, излишекъ водъ которыхъ вылился черезъ проломы краевыхъ горныхъ цѣпей. Только на разстояніи 1.200 километровъ отъ горныхъ массъ, господствующихъ надъ ними на западѣ, возвышенныя земли Тибета ограничены съ восточной стороны изубренной закраиной, направляющейся отъ юго-запада на сѣверо-востокъ. На западѣ отъ этихъ горъ Тибетская плоская возвышенность наклоняется къ востоку и къ юго-востоку, распадаясь на многочисленныя цѣпи, отдѣленныя одна отъ другой рѣчными долинами. А между тѣмъ съ этой стороны плоскогорье еще менѣе доступно, нежели на остальной части его окружности: дикія горныя ущелья, обширные непроходимые лѣса, недостатокъ населенія и, слѣдовательно, съѣстныхъ припасовъ и всякихъ рессурсовъ, останавливаютъ путешественниковъ на этихъ восточныхъ границахъ Тибета; въ послѣднее время ко всѣмъ этимъ препятствіямъ прибавилось еще недоброжелательство китайскихъ властей, всячески затрудняющихъ проходъ иностранцамъ. Если, въ теченіе настоящаго столѣтія, тибетскому правительству удавалось лучше, чѣмъ всѣмъ другимъ азіатскимъ государствамъ, поддерживать политическую уединенность, замкнутость своего народа, то оно обязано этимъ главнымъ образомъ рельефу и природѣ почвы. Тибетъ высится словно неприступная твердыня въ центрѣ Азіи; защитники его могли гораздо легче воспретить входъ въ ихъ крѣпость, чѣмъ защитники Индіи, Китая и Японіи.

Большая часть Тибета до сихъ поръ остается неизслѣдованной, или по крайней мѣрѣ, путями пройденные католическими миссіонерами, которые посѣщали эту страну, когда входъ въ нее еще не былъ запрещенъ, не могутъ быть начертаны съ полной достовѣрностью. Извѣстно, что въ первой половинѣ четырнадцатаго столѣтія, одинъ монахъ изъ Фріауля, Одорико ди-Порденоне, отправился изъ Китая въ Тибетъ и жилъ нѣкоторое время въ главномъ его городѣ Лассѣ. Три вѣка спустя, въ 1624 и 1626 годахъ, португальскій миссіонеръ Антонио де-Андрада два раза проникалъ въ Тибетъ, гдѣ буддійскіе бонзы оказывали ему радушный пріемъ. Въ 1661 году другіе іезуитскіе патеры, Грюберъ и д'Орвиль, совершили путешествіе изъ Китая въ Индостанъ, проѣхавъ черезъ Лассу. Въ слѣдующемъ столѣтіи тосканецъ Дезидери и португалецъ Маноэль Фрейре, а также и другіе европейскіе путешественники посѣтили столицу Тибета, куда они ѣздили изъ Индіи. Но уже ранѣе капуцины основали въ Лассѣ католическую миссію подъ управленіемъ настоятеля Орацію делла-Пенна, который провелъ въ этомъ краѣ не менѣе двадцати-двухъ лѣтъ. Въ ту эпоху тибетское правительство позволяло иностранцамъ безпрепятственно проникать въ его владѣнія черезъ горные проходы Гималая, столь ревниво оберегаемые въ наши дни. Одинъ свѣтскій изслѣдователь также прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Лассѣ и отправился оттуда въ Китай, черезъ озеро Куку-норъ, послѣ чего

[1]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ"; — Yule, Marco Polo.

[2]) Klaproth, „Asia Polyglotta"; — Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien"; — Yule и др.

опять вернулся въ Индостанъ, тѣмъ же путемъ, черезъ Лассу. Этотъ путешественникъ былъ голландецъ ванъ-деръ-Путте, котораго знали за человѣка образованнаго и необыкновенно наблюдательнаго; къ сожалѣнію, онъ самъ уничтожилъ свои путевыя записки и карты, опасаясь, чтобы его бумаги, неприведенныя въ порядокъ и невѣрно понятыя, не сдѣлались источникомъ распространенія ошибокъ. Отъ него остались только кое-какія замѣтки и одна рукописная карта, сохраняемыя, какъ драгоцѣнность, въ миддельбургскомъ музеѣ, въ Зеландіи [1]).

Берегъ озера Пангконгъ.
Мѣсто стоянки англійской экспедиціи 1871 года.

Пройденные изслѣдователями пути, точно обозначенные на картѣ съ помощью астроно-

[1]) Cl. Markham, „Tibet, Travels of Bogle and Manning".

мическихъ наблюденій или на основаніи съемокъ посредствомъ компаса и хронометра, еще очень немногочисленны. Англійскіе путешественники и остъ-индскіе чиновники, командируемые правительствомъ полуострова, посѣтили только юго-западную часть страны и верхній бассейнъ р. Цзанбо, на сѣверѣ Непала и Сикима. Юго-восточный Тибетъ былъ объѣханъ французскими миссіонерами; но всѣ сдѣланныя, въ послѣднее время, попытки пробраться въ Тибетъ съ сѣверо-восточной и съ сѣверной стороны имѣли неудачный исходъ. Братья Шлагинтвейты, которые, въ подражаніе титуламъ Дибича «Забалканскаго» и Муравьева «Амурскаго», прибавили къ своей фамиліи странный эпитетъ «Закуэньлуньскаго», чтобы увѣковѣчить память о совершенномъ ими переходѣ черезъ тибетскія горы, видѣли только западную оконечность страны. Русскій путешественникъ, полковникъ Пржевальскій, долженъ былъ дважды вернуться назадъ, не успѣвъ проникнуть во внутренность края; точно также и венгерецъ графъ Бела Сеченьи принужденъ былъ возвратиться, не достигнувъ цѣли. Для всѣхъ областей, которыя еще не были посѣщены англійскими и остъ-индскими геодезистами, нынѣшнія карты Тибета суть не что иное, какъ гербепечатки карты, составленной знаменитымъ д'Анвилемъ на основаніи съемокъ, произведенныхъ, по приказанію императора Канъ-си, двумя тибетскими ламами, воспитанниками іезуитскихъ астрономовъ. Однако, и теперь уже пріобрѣтены твердыя опорныя точки для будущихъ изслѣдованій, благодаря геодезическимъ работамъ, предпринятымъ въ послѣднее время на Гималайскихъ горахъ. Въ 1877 году инженеръ Райель даже получилъ позволеніе проникнуть въ верхнюю долину Сетледжа для визированія пиковъ съ ихъ сѣвернаго основанія, и всѣ видимыя вершины этой долины вошли въ его сѣть треугольниковъ [1]). Въ 1889—90 годахъ сѣверную часть Тибетскаго нагорья изслѣдовала экспедиція Пѣвцова. Въ 1895 году страну изслѣдовали Роборовскій и герцогъ Орлеанскій; первый съ сѣвера успѣлъ пробраться до южной границы Куку-нора, второй съ юга до Ассама, а позднѣе англичанинъ Ландоръ достигъ почти самыхъ стѣнъ Лассы. Въ приблизительныхъ границахъ, показанныхъ на нынѣшнихъ картахъ, которыя, постоянно измѣняются во всѣхъ ихъ чертахъ позднѣйшими изслѣдованіями, поверхность Тибета, со включеніемъ бассейна озера Куку - норъ, исчисляется пока, впредь до болѣе точныхъ измѣреній, въ 643.734 квадр. мили [2]), такъ что, слѣдовательно, она въ три слишкомъ раза превосходитъ пространство Франціи; но если прибавимъ къ этому нѣсколько сопредѣльныхъ независимыхъ территорій, часто причисляемыхъ къ тибетскому государству, и всѣ округи, населенные людьми племени бодъ, въ Кашмирѣ и въ китайской Сы-чуани, то оказывается, что общая поверхность страны превосходитъ два милліона квадр. километровъ. По Матусовскому площадь Тибета и области Куку-нора равна 34.819.57 геогр. квадр. миль, а безъ Куку-норскаго края составляетъ около 21.763,03 кв. геогр. мили [1]).

Не считая гористой области западнаго Тибета, которая составляетъ часть владѣній кашмирскаго магараджи, Тибетъ или Бодъ-юлъ дѣлится естественнымъ образомъ на три области: сѣверныя озерныя нагорья, южныя возвышенныя долины, гдѣ рѣки Сетледжъ и Цзанбо текутъ въ противоположныхъ направленіяхъ, слѣдуя та и другая вдоль сѣверной покатости Гималайскихъ горъ, и юго-восточный Тибетъ, разрѣзанный текучими водами на расходящіеся бассейны.

Сѣверная область, самая обширная, но, въ то же время, и наименѣе населенная, состоитъ изъ совокупности замкнутыхъ бассейновъ, которая на югѣ ограничена восточнымъ продолженіемъ цѣпи Кара-корумъ, а на сѣверѣ опирается о могучій Куэнь-лунь. Эта краевая цѣпь плоскогорья, раздѣльный барьеръ между Тибетомъ и бассейномъ Тарима, должна быть, съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ Гималаи, разсматриваема какъ составная часть средняго хребта Азіи. Это—цѣпь, которая, на востокѣ отъ Памира, продолжаетъ собою горный узелъ Гинду-кушъ, соединяющійся, въ свою очередь, съ орографической «перегородкой» Передней Азіи. Она составляетъ восточную половину раздѣльнаго хребта континента, хребта, который тянется неправильной линіей отъ запада къ востоку, то слѣдуя вдоль плоскогорій въ формѣ краевыхъ цѣпей, то изгибаясь въ видѣ параллельныхъ или слегка сходящихся кряжей, или, наконецъ, поднимаясь въ видѣ отдѣльныхъ горныхъ массъ и группъ. Вѣроятно, что въ своей совокупности Куэнь-лунь и горныя цѣпи, которыми онъ продолжается на востокъ во внутренность Китая, не представляютъ болѣе правильности, какъ центральная ось Азіи, чѣмъ цѣпи западной «перегородки». Впрочемъ, орографія Тибета и Китая еще слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было съ достовѣрностію рѣшить этотъ вопросъ. Разсматривая Куэнь-лунь и его восточное продолженіе какъ одинъ и тотъ же хребетъ, общая его длина, отъ его основаній или корней, въ Памирѣ, до его конечныхъ вѣтвей, между рѣками Хуанъ-хэ и

[1]) „Abstract of the Reports of the Surveys in India for 1877—78".

[2]) Chronicle and Directory 1897 г. стр. 92. Свѣдѣнія о площади Тибета весьма разнорѣчивы: такъ Almanach de Gotha 1898 г. опредѣляетъ площадь въ 1.200.000 кв. километровъ; Ежегодникъ Statesmans year book 1895 г. въ 651.500 кв. миль.

[1]) Матусовскій, стр. 342.

Янъ-цзы-цзяномъ, можетъ быть исчисляема приблизительно въ 4.000 километровъ. Нужно, однако, сказать, что многочисленные проломы, перемѣны направленія, пересѣченія разсѣлинъ и выступовъ, всякаго рода измѣненія рельефа разбиваютъ эту орографическую систему на большое число цѣпей. Горная масса, носящая имя Куэнь-луня, была извѣстна въ китайской древности, еще въ историческія времена, и есть группа величественныхъ горъ, поднимающаяся недалеко отъ истоковъ Желтой рѣки; но невѣроятно, чтобы эта группа могла быть разсматриваема какъ центральный узелъ орографической системы, къ которой географы впослѣдствіи примѣнили ея названіе. По мѣрѣ того, какъ географическое знаніе распространялось съ востока все далѣе и далѣе на западъ, имя Куэнь - лунь (Кулькунъ, Куркунъ) передвигалось въ томъ же направленіи. Оно присваивается теперь цѣпи, которую древніе индусскіе переселенцы Кашгаріи называли Анеуа, отъ санскритскаго Анаватапта, то-есть «Неосвященная», гора холода или тѣни [1]): это синонимъ татарскаго наименованія Карангуйтагъ или «сумрачная гора» [2]).

Куэнь-лунь, вѣроятно, не имѣетъ вершины, которая бы подымалась до высоты высочайшихъ пиковъ Гималая или даже Каракорума: наблюденія, которыя были сдѣланы доселѣ на всѣхъ оконечностяхъ этой цѣпи, свѣдѣнія, собранныя путешественниками относительно самой Куэнь-луня, еще неизслѣдованныхъ ими, и конецъ указанія, даваемыя китайскими картами и документами, позволяютъ вывести заключеніе, что самыя высокія горы земнаго шара должно искать не на сѣверѣ Тибета: Джонсонъ, Пржевальскій, Монтгомери, Рихтгофенъ не думаютъ, чтобы хоть одна гора тибетскаго Куэнь-луня достигала высоты 7.000 метровъ; но за предѣлами Тибета, между Кашмиромъ и страной Яркендъ, нѣкоторыя вершины поднимаются гораздо болѣе, чѣмъ на 7.300 метр. [3]). Около истоковъ рѣки Черченъ-Дарья высится горная масса Тогузъ-дабанъ, гдѣ собственно такъ называемый Куэнь-лунь выдѣляетъ изъ себя отроги и террасы, постепенно понижающіеся къ низменности, которую наполняло древнее Средиземное море центральной Азіи [4]). Сѣверная цѣпь носитъ названіе Алтынъ-тагъ или «Золотыхъ горъ»; предгорья ея выдвигаются почти до самаго озера Лобъ-норъ. Къ югу отъ этого хребта, имѣющаго около 4.000 метр. высоты, тянутся параллельно двѣ другія цѣпи и большой Куэнь-лунь, который продолжаетъ слѣдовать своему нормальному направленію отъ запада къ востоку до Гурбу-найджи, въ сосѣдствѣ истоковъ Янъ-цзы-цзяна. Монголы, населяющіе цайдамскія равнины, говорятъ, что эта цѣпь горъ представляетъ непрерывный хребетъ, и что вершины ея поднимаются въ разныхъ мѣстахъ за линію постоянныхъ снѣговъ [1]). Уступая Гималаю по возвышенію главныхъ вершинъ, Куэнь-лунь превосходитъ ее по средней высотѣ своей массы и по высотѣ проломовъ, которыми изрубренъ его гребень. При томъ онъ, повидимому, гораздо древнѣе; такъ какъ происхожденіе его относится, вѣроятно, къ болѣе отдаленной геологической эпохѣ, когда Гималайскія горы еще не существовали, то весьма естественно, что выступы его гребня съ теченіемъ времени постепенно стерлись, осыпались, и обломки ихъ были снесены водами и вѣтрами на низины и окружающія плоскогорья. Пройдя всѣ горные хребты, отдѣляющіе Индію отъ бассейна Тарима, путешественникъ Столичка убѣдился, что древнѣйшими каменными породами этой области несомнѣнно должны быть признаны тѣ, изъ которыхъ образована масса Куэнь-луня: онѣ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ сіенитоваго гнейса, и самые новые его осадочные слои принадлежатъ къ тріасу, тогда какъ формаціи Гималая и Каракорума обнимаютъ весь рядъ горныхъ породъ между палеозойскими пластами и эоценовыми образованіями [2]); вообще геологи полагаютъ, что Куэнь-лунь есть первоначальная складка или выпуклость плоской возвышенности, и что южныя горныя массы образовались послѣдовательно послѣ него [3]).

Сравнительныя наблюденія, сдѣланныя на двухъ цѣпяхъ, сѣверной и южной, такъ же, какъ противоположность явленій климата, доказываютъ, что въ цѣломъ Куэнь-лунь не представляетъ того разнообразія видовъ, того величія формъ, какими отличаются Гималайскія горы. Менѣе изрубренный пирамидальными вершинами, менѣе изсѣченный проломами или вырѣзками гребня, онъ высится надъ узкими оазисами его основанія и надъ песками пустыни Гоби, какъ длинный валъ, тамъ и сямъ испещренный полосами снѣга. Несмотря на свою большую среднюю высоту, Куэнь-лунь не можетъ сравниться съ Гималаями по обилію снѣговъ и льдовъ; впрочемъ, по свидѣтельству китайскихъ документовъ и позднѣйшихъ путешественниковъ, тамъ есть настоящіе ледники въ восточной части цѣпи; глетчеры существуютъ также непосредственно на востокѣ отъ верхней долины р. Кара-кашъ. Кромѣ того, скопленія неподвижнаго льда наполняютъ впадины плоскогорья, и горячіе источники способствуютъ образованію ледяныхъ площадей, которыя во многихъ мѣстахъ разстилаются на обширныхъ пространствахъ [4]). Сѣверные вѣ-

[1]) Humboldt, „Asie Centrale“.
[2]) Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan“.
[3]) Henderson, „From Lahore to Yarkand“.
[4]) Пржевальскій, „Путешествіе къ озеру Лобъ-Норъ“.

[1]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ“.
[2]) Stoliczka, „Records of the Geological Survey of India“.
[3]) F. von Richthofen, „China“.
[4]) Henderson, „From Lahore to Yarkand“.

тры, встрѣчая склоны Куэнь - луня, послѣ перехода черезъ равнины сѣверной Азіи являются уже сухими и приносятъ лишь весьма незначительное количество сгущенныхъ паровъ; что касается воздушныхъ теченій, приходящихъ со стороны Индійскаго океана, то почти всѣ приносимые ими атмосферные осадки они оставляютъ, въ видѣ дождя или снѣга, на Гималаѣ и на другихъ горныхъ цѣпяхъ Бутана и южнаго Тибета. Такимъ образомъ остается мало влажности въ воздухѣ, который проносится надъ верхушками Куэнь-луня; ручьи, получающіе начало въ верхнихъ циркахъ этихъ горъ, образуютъ по большей части незначительные потоки, и съ той и съ другой стороны теряются въ пескахъ или болотахъ.

Западная оконечность цѣпи на сѣверѣ отъ Кашмира гораздо богаче струящимися водами, чѣмъ собственно такъ называемый Куэнь-лунь. Въ этой области, группа горныхъ хребтовъ и плоскогорье, на которомъ они расположены, гораздо менѣе широка, нежели въ Тибетѣ, и снѣга и льды достаточно обильны, чтобы образовать на сѣверномъ скатѣ Кара-корума значительныя рѣки, которыя выходятъ черезъ ущелья Куэнь-луня и затѣмъ извиваются въ равнинахъ Хотана и Кашгара. Такъ, Яркендъ-дарья, уже сдѣлавшись могучей рѣкой, прорѣзываетъ толщу юго-восточнаго Памира какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны бы были встрѣтиться продолженные хребты Гинду-куша и Куэнь-луня. Далѣе на востокъ эта послѣдняя цѣпь открывается въ видѣ ущелья глубиною около 3.000 метровъ, чтобы дать проходъ рѣкѣ Кара-кашъ, главному притоку Хотанъ-дарьи. Эта послѣдняя рѣка и сама беретъ начало на югѣ отъ главной оси Куэнь-луня, и должна пролагать себѣ дорогу черезъ ущелье цѣпи, пройдя передъ тѣмъ длинный извилистый путь въ продольной долинѣ; но къ востоку отъ этого потока, на сѣверѣ плоскихъ возвышенностей Тибета, Черченъ-дарья есть единственная рѣка, достаточно многоводная, чтобы соединиться съ другими потоками и образовать большую рѣку, текущую на нѣкоторомъ разстояніи въ равнинахъ. Какъ ни малы теперь эти рѣки, онѣ, однако, совершили въ теченіе вѣковъ громадныя работы размыванія, вырывъ или расчистивъ ворота, черезъ которыя нынѣ путники спускаются съ Тибетскихъ плато къ Таримской низменности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ краевой цѣпи спускъ идетъ такъ отлого и постепенно, вдоль этихъ рѣкъ, что крутизна ската не превышаетъ крутизны обыкновенныхъ дорогъ въ гористыхъ странахъ: по словамъ туземцевъ, жителей Хотана, даже можно было бы сдѣлать въ колесномъ экипажѣ переѣздъ черезъ Куэнь-лунь, — до такой степени эта высокая цѣпь представляетъ пологія покатости и округленные контуры [1]). Одинъ изъ остъ-индскихъ геодезистовъ, посланныхъ Монтгомери, могъ безъ труда подняться изъ Хотана на западное плоскогорье Тибета, слѣдуя вверхъ по долинѣ рѣки Керія до порога возвышенностей, лежащаго въ большомъ разстояніи позади цѣпи, на высотѣ 4.875 метровъ. Другіе проходы позволяютъ взойти на плоскогорье съ восточной стороны, такъ какъ чжунгары неоднократно дѣлали набѣги на Тибетъ, переходя черезъ степи и пустыни, простирающіяся на югъ отъ озера Лобъ-норъ. Монгольскіе пилигримы, когда отправляются въ Лассу, тоже избираютъ этотъ путь.

Сѣверное плоскогорье Тибета, необитаемое или посѣщаемое только кочующими пастухами, въ наибольшей части его протяженія представляетъ область наименѣе извѣстную изъ возвышенностей Срединнаго царства, и скалистые хребты, встрѣчающіеся въ этихъ почти пустынныхъ пространствахъ, озера и болота, наполняющія ихъ впадины и низменности, означаются на картахъ единственно на основаніи старинныхъ китайскихъ документовъ. Впрочемъ и сами тибетцы знаютъ только южныя части этой страны холода и бурановъ. На сѣверномъ плоскогорьѣ кочуютъ только номады, тюркскіе и монгольскіе, со своими стадами. Выбирая мѣста для становищъ на сангахъ или защищенныхъ отъ вѣтровъ пастбищахъ, поднимаются на памиры водораздѣльнаго хребта, возвышающагося между бассейномъ Аму-дарьи и бассейномъ Тарима [2]). Тюркскія племена, населяющія обыкновенно подъ именемъ «Горъ» или «Хоръ», живутъ на западѣ и въ южныхъ частяхъ плоскогорья, между окраиной горъ, господствующихъ надъ долинами верхнихъ притоковъ Инда и притоками верхняго Цзанбо. Монгольскіе кочевники, которые наименовали почти всѣ озера и горы сѣверо-восточнаго Тибета, носятъ названіе «Сокъ»: они придерживаются обрядовъ шаманизма; однако, общее наименованіе жителей этого плоскогорья, употребляемое тибетцами,—Хашъ-ленъ или «кочевники», откуда произошло, быть можетъ, и имя Хачи, даваемое этой странѣ; по именамъ двухъ главныхъ группъ племенъ, которыя тамъ поселились, ее называютъ также «землей Хорсокъ» [3]).

Изъ многочисленныхъ озеръ, разсѣянныхъ на плоскогорьѣ Хачи, озера Намуръ, Ихэ-намуръ и Багха-намуръ, въ западной области, самыя значительныя, если судить по ихъ изображеніямъ, которыя даютъ намъ китайскія карты: совокупность водъ и земель, частію затопляемыхъ, заключающихся въ этомъ обширномъ озерномъ бассейнѣ, продолжается по на-

[1]) Johnsons, „Journal of the Geographical Society“.
[2]) Пундитъ Найнъ-сингъ;—Trotter „Journal of the Geographical Society“, XLVII.
[3]) Cl. Markham, „Mission of G. Bogle to Tibet“.

правленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку на пространствѣ 200 слишкомъ километровъ. Каковы бы ни были очертанія и размѣры этихъ водныхъ площадей, рисуемыхъ на картахъ почти что на угадъ на основаніи сомнительныхъ источниковъ, теперь извѣстно, что цѣпь озерныхъ бассейновъ занимаетъ по линіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку большую часть плоской возвышенности Хачи, параллельно пониженію плато, въ которомъ течетъ рѣка Цзанбо. Въ 1874 году пундитъ Найнъ-сингъ посѣтилъ большое число этихъ озеръ, изъ которыхъ многіе, очевидно, не что иное, какъ остатки гораздо болѣе значительныхъ бассейновъ: нѣкоторыя уменьшились до того, что представляютъ теперь не болѣе, какъ грязныя лужи,

Рѣка Ланцангъ-Кіангъ. Хогское ущелье.

покрытыя кристалической плитой, которую ломаютъ рабочіе, чтобы собирать соль. Иныя изъ этихъ озеръ соляныя, другія только солоноваты, тогда какъ большинство тѣхъ, которыя имѣютъ свободное истеченіе, содержатъ совершенно чистую воду. Средняя высота этой области озеръ отъ 4.500 до 4.800 метр.; скаты ея почти вездѣ очень пологи, и, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Памира и Куэнъ-луня, тамъ можно бы было совершенно свободно путешествовать въ колесномъ экипажѣ и даже провести артиллерійскіе обозы.

Одно изъ самыхъ значительныхъ, по величинѣ, озеръ этой области то, которое носитъ названіе Дангра-юмъ или «Мать Дангра». Суженное по срединѣ до того, что образуетъ два почти отдѣльные бассейна, это озеро имѣетъ не менѣе 300 километр. въ окружности, и, несмотря на то, благочестивые буддисты изъ окрестной страны и даже изъ Лассы часто предпринимаютъ обходъ вокругъ озера въ религіозной процессіи, который продолжается не менѣе восьми и до двѣнадцати дней, смотря по времени года. Большая гора, которая высится къ югу отъ озера, получила прозвище Тарготъ-Япъ или «Отецъ Тарготъ», и туземцы почитаютъ ее и «Мать Дангру» какъ прародителей Земли: группы горъ, которыя виднѣются въ окрестностяхъ, признаются буддистами за дочерей Таргота и Дангры. «Кора» или полное пилигримство вокругъ этихъ священныхъ мѣстъ, горы и озера, требуетъ около мѣсяца времени и считается однимъ изъ самыхъ душеспасительныхъ актовъ подвижничества, искупающимъ обыкновенные грѣхи. Двѣ такія коры искупаютъ человѣкоубійство, и даже отцеубійца не считается болѣе виновнымъ, когда онъ совершилъ три раза обхожденіе вокругъ «Отца» и «Матери» [1]).

Къ востоку отъ Дангра-юмъ озера слѣдуютъ одно за другимъ въ большемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ плоскогорья, и большинство ихъ выпускаютъ излишекъ своихъ водъ въ сѣверномъ направленіи, гдѣ находится, говорятъ, самый большой озерный бассейнъ южной области плоскогорья Чоргутъ-чо, который и самъ есть притокъ одной изъ большихъ рѣкъ, спускающихся къ Индійскому океану. Менѣе обширное, нежели Чоргутъ, озеро Тенгри норъ, лежащее на юго-восточномъ углу плоскогорья Хачи, находится уже въ поясѣ Тибета, изслѣдованномъ современными путешественниками, благодаря сосѣдству Лассы, отъ которой оно удалено не болѣе, какъ на сотню километровъ. Расположенное по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, озеро Тенгри-норъ имѣетъ 80 километр. въ длину, при ширинѣ отъ 25 до 40 километровъ: пундитъ, посѣтившій его въ 1872 году, употребилъ четырнадцать дней, чтобы пройти вдоль его сѣверныхъ береговъ. Эта водная площадь, неизвѣстной глубины, въ которой отражается небо почти всегда ясное, есть «Небесное озеро» по преимуществу, какъ показываютъ его имена, Тенгри-норъ по-турецки и Намъ-чо по-тибетски. Каждый годъ тысячи пилигримовъ, которыхъ не пугаютъ ни трудности пути, ни опасность подвергнуться нападенію разбойниковъ, стекаются сюда изъ разныхъ мѣстъ, чтобы посѣтить монастырь Доркіа и другія обители, пріютившіяся на высокихъ мысахъ, откуда открывается обширный видъ на лазурную поверхность водъ и на [illegible]лѣющіе снѣжные пики, окружающіе озеро съ южной и юго-восточной сторонъ. Въ этой священной области благочестивымъ посѣтителямъ все кажется чудеснымъ: тутъ разсѣлина въ скалѣ образовалась оттого, что камень былъ [illegible]колотъ богомъ; тамъ пирамида изъ глины, воздвигнутая человѣческими руками, вдругъ [illegible]треснулась, чтобы выпустить и дать вознестись на небо душѣ одного ламы, умершаго въ экстазѣ молитвы; даже ископаемыя, камни почитаются священными предметами: богомольцы уважаютъ ихъ, какъ реликвіи одной изъ «трехъ [illegible] шестидесяти горъ», которымъ поклоняются какъ богамъ, составляющимъ кортежъ главнаго божества, Нинджинъ-тангъ-ла, сплошь покрытаго снѣжной пеленой [1]).

Недавно полагали, что испареніе въ озерѣ Тенгри-норъ вполнѣ достаточно, чтобы уравновѣшивать прибыль воды, доставляемую [illegible] притоками; но это мнѣніе оказалось ошибочнымъ. Путешественникъ, объѣхавшій вокругъ этого бассейна зимой 1872 года, не замѣтилъ [illegible]стока, покрытаго въ это время года, какъ и самое озеро, ледяной плитой; ручей, вытекающій изъ Тенгри-нора на сѣверо-западномъ углу озера, соединяется съ рѣкой, выходящей изъ другаго озернаго бассейна, называемаго Чоргутъ-чо. Въ сосѣдствѣ Тенгри-нора бьютъ изъ земли горячіе ключи, а далѣе на сѣверѣ, въ углубленіи плоской возвышенности, залегаетъ Буль-чо, простирающееся на пространствѣ около шестидесяти квадр. километровъ; нѣкоторые изъ пилигримовъ, соединяющіе благочестіе съ коммерческимъ духомъ, закупаютъ на берегахъ Буль-чо цѣлые грузы буры, которую они продаютъ потомъ въ нижнемъ Тибетѣ и даже отправляютъ за Гималайскія горы. Съ этого же озера прежде получалась частію бура, носившая въ торговлѣ названіе «венеціанской», потому что она очищалась на фабрикахъ Венеціи.

Эти химическія эффлоресценціи свидѣтельствуютъ о рѣдкости дождей и снѣговъ на плоскогорьѣ Хачи. А между тѣмъ непосредствен-

[1]) Пундитъ Найнъ-сингъ; Троттеръ, цитированъ. мемуаръ.

[1]) Cl. Markham, „Journal of Geographical Magazine". 1877.

но на востокѣ отъ него находится та замѣчательная область Азіи, гдѣ со всѣхъ сторонъ текутъ ручьи и рѣчки, образующія своимъ соединеніемъ могучія рѣки. Этотъ контрастъ происходитъ оттого, что край плоскогорья ограниченъ горами, которыя получаютъ атмосферную влагу только на южныхъ скатахъ, обращенныхъ къ морскимъ вѣтрамъ, дующимъ съ юга и юго-востока. Эти горы состоятъ изъ нѣсколькихъ группъ, и на нихъ расположены истоки рѣкъ бассейна Индійскаго океанъ, и Янъ-цзы-цзяна. Хотя проломы, образовавшіеся путемъ размыванія, дѣлятъ на нѣсколько отдѣльныхъ кряжей выпуклины порога, но этотъ послѣдній все-таки почти на всемъ своемъ протяженіи сохраняетъ высоту достаточную для того, чтобы произвести большую разницу въ климатѣ между двумя противоположными покатостями. Неизвѣстно только, принадлежатъ ли горы этого порога къ единственной краевой цѣпи, перерѣзанной на извѣстныхъ разстояніяхъ высокими долинами рѣкъ, или, напротивъ, онѣ составляютъ часть различныхъ хребтовъ, господствующихъ надъ восточной оконечностью плоскогорья. Рихтгофенъ принимаетъ первую изъ этихъ гипотезъ, допуская существованіе одной поперечной орографической системы, соединяющей горы южнаго Тибета съ горами Кунь-луня: онъ даже далъ этой предполагаемой цѣпи названіе Танъ-ла (слово ла обыкновенно означаетъ «перевалъ, горный проходъ»; но въ восточномъ Тибетѣ этотъ терминъ нерѣдко примѣняется къ горамъ и даже къ цѣлымъ цѣпямъ), по имени одной группы вершинъ, возвышающихся на юго-восточномъ углу плоскогорья, къ югу отъ озера Тенгри-норъ. Однако, основываясь на томъ, что болѣе или менѣе извѣстно о верхнемъ теченіи рѣкъ, можно, повидимому, заключить, что промежуточныя горы ориентированы такъ, что образуютъ параллельные хребты, расположенные всѣ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и отдѣленные другъ отъ друга широкими и глубокими понженіями гребня. Дороги, по которымъ слѣдуютъ караваны изъ Тибета въ Монголію, проходятъ послѣдовательно черезъ эти параллельные хребты.

Хребетъ Танъ-ла, черезъ который миссіонеры Гюкъ и Габе съ такимъ трудомъ перебрались во время своего путешествія изъ области Куку-норъ въ Лассу [1]), есть самая южная изъ этихъ параллельныхъ цѣпей и соединяется своей западной оконечностью съ той группой Танъ-ла, въ которой Рихтгофенъ усматриваетъ исходную точку краевой цѣпи плоскогорья; оба эти названія, кажется, одно и то же слово, различно выговариваемое туземцами разныхъ долинъ. Гюкъ говоритъ о хребтѣ Танъ-ла, какъ о горѣ, которая, можетъ быть, представляетъ «самую возвышенную точку земнаго шара»; но полковникъ Пржевальскій, во время своего третьяго путешествія въ западныя области Китайской имперіи, тоже совершилъ восхожденіе по внушающимъ такой страхъ скатамъ хребта Танъ-ла и могъ опредѣлить высоту его, которая оказалась 5.120 метр., такъ что, слѣдовательно, эти горы на 1.000 метровъ ниже другихъ, часто посѣщаемыхъ, переваловъ. На верхнемъ плато растутъ еще пучки короткой и деревянистой травы, которую щиплютъ верблюды. Господствуя надъ цѣлымъ міромъ горъ, которыя ему служатъ ступенями, хребетъ Танъ-ла отличается мягкими очертаніями, правильными формами и составляетъ рѣзкій контрастъ съ остроконечными и зубчатыми вершинами горныхъ массъ, которыя высятся на горизонтѣ. У основанія этой цѣпи, съ южной стороны, бьютъ изъ земли многочисленные горячіе источники, клокочущіе въ своихъ каменныхъ водоемахъ и соединяющіеся въ широкій ручей, который течетъ въ руслѣ, выложенномъ желтыми, какъ золото, голышами. Густые пары постоянно поднимаются клубами надъ этими источниками и сгущаются въ бѣловатыя облака, уносимыя вѣтромъ. Въ нѣкоторыхъ резервуарахъ спертый паръ по временамъ вырывается высокой струей, увлекая со собой огромный столбъ воды, подобный жидкимъ колоннамъ исландскихъ гейзеровъ и фонтановъ Національнаго Парка въ Соединенныхъ Штатахъ.

Южный Тибетъ, та область плоскогорья, гдѣ выстроились города, гдѣ нація постепенно сформировалась, и гдѣ она развила свою культуру, представляетъ сравнительно защищенную горами низменность, которая продолжается на югѣ отъ плоскогорья Хачи. Въ обыкновенномъ языкѣ къ одной только этой части загималайскихъ возвышенностей примѣняется наименованіе Тибета. Хотя воды текутъ тамъ въ противоположномъ направленіи, съ одной стороны къ индо-персидскимъ морямъ, съ другой—къ Бенгальскому заливу, тѣмъ не менѣе эта продольная долина самая обширная и, въ то же время, самая величественная въ свѣтѣ, благодаря громадамъ горъ, между которыми она заключена. Но эта длинная низменность или впадина, которая тянется въ видѣ дуги круга, параллельно Гималайскому хребту, не есть правильная равнина, или простой ровъ, ограничивающій съ южной и юго-западной стороны плоскогорье Хачи; это, напротивъ, цѣлая горная страна, гдѣ цѣпи и гряды вершинъ ориентированы по большей части въ томъ же направленіи, какъ и Гималайскія горы.

Цѣпь, господствующая съ сѣверной стороны надъ низменностію, собственно, такъ называемаго Тибета, и которая образуетъ, въ то же время, южную окраину нагорья Хачи, мо-

[1]) „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine".

жетъ быть разсматриваема какъ продолженіе Кара-корума. Къ востоку отъ Кашмира и Ладака этотъ хребетъ поворачиваетъ на юго-западъ, параллельно Гималаю, и выдѣляетъ изъ себя влѣво нѣсколько отроговъ, которые, въ концѣ концовъ, сливаются съ плоскогорьемъ, тогда какъ главная цѣпь, изрытая оврагами, прорѣзываемая притоками рѣки Цзанбо и притоками нѣкоторыхъ замкнутыхъ бассейновъ и, наконецъ, на востокѣ, данниками большихъ восточныхъ рѣкъ, продолжается до соединенія съ хребтомъ Нинъ-чэнъ-танъ-ла, который она встрѣчаетъ на югѣ отъ озера Тенгри-норъ. Позади этой цѣпи поднимаются многія высокія массы горъ, между прочимъ, цѣпь Таргокъ-ямъ, которая господствуетъ надъ озеромъ Данграюмъ, и которую изслѣдователь этой страны, пундитъ Пайнъ-сингъ, считаетъ самой возвышенной группой во всей области плоскогорій на сѣверѣ отъ Гималайскихъ горъ. Далѣе на востокъ, горная масса Гіахарма также омываетъ свое основаніе въ водахъ большаго озера, называемаго Ніярингъ-чо, и отдѣлена отъ южной краевой цѣпи долиной рѣки Думфу, одного изъ притоковъ Ньяринга. Вершины, достигающія высоты отъ 6.500 до 7.000 метровъ, вѣнчаютъ горную цѣпь, вдоль которой слѣдуетъ теченіе рѣки Цзанбо, и которая здѣсь еще не имѣетъ окончательно установившагося и общепринятаго названія. Какое имя выбрать между различными, употребляемыми нынѣ названіями? Слѣдуетъ ли оставить за этой тибетской цѣпью, какъ это дѣлаютъ братья Шлагинтвейтъ, турецкое наименованіе «Кара-корумъ», принадлежащее болѣе спеціально хребту, отдѣляющему Кашмиръ отъ возвышенной долины рѣки Яркендъ-дарья? Или не лучше ли было бы, какъ предлагаетъ Годсонъ, называть ее Нинъ-чэнъ-танъ-ла, сходно съ именемъ величественнаго пика, господствующаго надъ озеромъ Тенгри-норъ? Но эта одноименность не введетъ ли безполезной путаницы въ географическую номенклатуру Тибета? Точно также не слѣдуетъ ли устранить тибетское имя Гангри или «Снѣжная гора», которое уже употребляютъ для разныхъ вершинъ западнаго Тибета? Клапротъ предложилъ наименованіе Гангъ-дисъ-ри, принятое Маркгамомъ, тогда какъ Петерманъ и другіе географы, цѣпи и хребты, лежащіе на югъ отъ плоской возвышенности, называютъ просто «Цзанскими горами», по имени тибетской провинціи Цзанъ, которую эти горы защищаютъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Другая цѣпь горъ и вершинъ, которую можно было назвать «Загималайскимъ хребтомъ», тянется между Цзанъ или Гангъ-дисъ-ри и блистающими пиками Гималая, и съ обѣихъ сторонъ ея спускаются ледники [1]). Такимъ образомъ низменность южнаго Тибета раздѣлена въ продольномъ направленіи, отъ запада къ востоку, на два второстепенныя пониженія, параллельныя одно другому. Средняя цѣпь, составляющая продолженіе одного изъ хребтовъ Ладакскаго «Малаго Тибета», поднимается своими высокими лангурами или покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ пиками, на югѣ отъ долины Сетледжа, затѣмъ на югѣ отъ долины Цзанбо. Уступая по высотѣ Гималайскимъ горамъ, эта цѣпь имѣетъ болѣе важное значеніе какъ водораздѣльная возвышенность, и текучія воды прорѣзываютъ ее менѣе многочисленными поперечными долинами: на протяженіи около 800 километровъ Загималайскія горы совершенно ограничиваютъ бассейнъ Цзанбо какъ водораздѣльный хребетъ, тогда какъ высокая южная цѣпь, прерываемая глубокими проломами, пропускаетъ къ равнинамъ Ганга многія рѣки, получившія начало въ бассейнахъ, отвѣдывающихся на сѣверѣ отъ его гребня. Тѣмъ не менѣе всѣ воды этихъ возвышенныхъ странъ находятъ дорогу къ морю, и большія впадины промежуточныхъ плоскогорій наполнены озерами безъ истеченія, каковы, напримѣръ, Чанто-донгъ и Пальгу-чо. По сообщенію одного индусскаго пундита, вода въ озерѣ Чо-донгъ совершенно чистая и прѣсная [1]), изъ чего нужно заключить, что истокъ существовалъ еще въ недавнюю эпоху. Всѣ эти горы перерѣзаны, даже черезъ тѣ вырѣзки гребня или перевалы, которые на 500 или на 1.000 метровъ превосходятъ высоту Монъ-Блана.

Различныя высоты озернаго плоскогорія, цѣпи Гангъ-дисъ-ри и Загималайскаго хребта суть:

Озерное нагорье. Токъ-ялунгъ, самое высокое въ свѣтѣ обитаемое мѣсто—4.980 (?) метр.; Таргокъ-ямъ, высочайшій пикъ цѣпи Таргокъ-лехъ—7.500 (?) метр.; озеро Дангра-юмъ 4.600 (?) метр.; пикъ Гьяхарма—6.430 метр.; Тенгри-норъ (Небесное озеро)—4.693 метр.

Цѣпь Гангъ-дисъ-ри на сѣверъ отъ долины Цзанбо. Маріамъ-ла (перевалъ Маріамъ) 4.725 метр.; Хоморангъ-ла—5.721 метр.; Кайласъ или Тиссъ—6.700 метр.; Нинъ-чэнъ-танъ-ла—(7.192?) (7.280?)—7.625 (?) метр.; перевалъ, на западъ отъ этой горы—5.760 метр.; Бакнакскій перевалъ, на сѣверъ отъ Лассы 5.440 метр.

Загималайскій хребетъ. Снѣжный пикъ или «лангуръ», на юго-западъ отъ Джанглаче 7.520 метр.; Тунглунгъ-ла—5.630 метр.; Кагулунгъ-ла—4.941 метр.; Хамба-ла, на юго-западъ отъ Лассы—5.240 метр.; озеро Пальти 4.125 метр.; Хоро-ла, на западъ отъ озера Пальти—5.100 метр.

Область Тибета, въ которой берутъ начало рѣки Сетледжъ и Цзанбо, есть одна изъ священныхъ земель браминовъ и буддистовъ; это

[1]) Manning, „Mission to Tibet“;—Markham „Tibet“.

[1]) Montgomerie, „Mittheilungen von Petermann“, 1875.

благоговѣніе народовъ вытекаетъ, безъ сомнѣнія, изъ сознанія важности страны съ географической точки зрѣнія. Поперечный порогъ, соединяющій Гималаи съ Гангъ-дисъ-ри, и черезъ эту цѣпь со всѣмъ Тибетскимъ нагорьемъ, Тибета, самая обширная на земномъ шарѣ, связана съ высочайшей въ свѣтѣ цѣпью, съ Гималайскими горами. На сѣверо-западъ отъ этого раздѣльнаго порога высится гора, называемая тибетцами Тиссъ, а индусами Кайласъ, пира-

Ovis Ammon. Ibex Sibirica. Ovis Nahura. Овца Маркуа.

важенъ не только какъ мѣсто необходимаго перехода между двумя большими долинами, продолжающимися далеко черезъ разныя страны, онъ важенъ также, какъ корень или узелъ, посредствомъ котораго плоская возвышенность мидальная масса которой стоитъ уединенно, отдѣльно отъ другихъ горъ цѣпи Гангъ-дисъри. Когда индусъ замѣтитъ издали обрисовывающійся на горизонтѣ высокій гребень этой священной горы, форма котораго похожа на

нагоду въ развалинахъ [1]), онъ семь разъ падаетъ ницъ и семь разъ воздѣваетъ руки къ небу: въ его глазахъ это жилище Магадео или Великаго Бога, первый и самый величественный изъ всѣхъ Олимповъ, на вершинѣ которыхъ народы, на каждой изъ послѣдовательныхъ станцій при ихъ движеніи на западъ, видѣли сіяніе ослѣпительнаго свѣта ихъ божествъ; эта гора Меру древнихъ индусовъ, пестикъ символическаго цвѣтка лотоса, изображающаго собою міръ [2]). Тибетскіе ламы не уступаютъ индусскимъ іоги въ выраженіи благоговѣнія къ священной горѣ, и самые смѣлые изъ нихъ предпринимаютъ пилигримство вокругъ Кайласа, совершаемое черезъ снѣга, скалы и груды обвалившихся камней, и продолжающееся по нѣсколько дней [3]), у подножія этой горы съ четырьмя фасадами, изъ которыхъ «одинъ золотой, другой серебряный, третій рубиновый, четвертый изъ лазуревато камня», былъ построенъ первый буддійскій монастырь Тибетскаго плоскогорья, за два столѣтія до начала христіанской эры [4]). Индусскія легенды, впрочемъ, сильно расходящіяся въ подробностяхъ, согласны въ томъ, что всѣ онѣ ищутъ по близости Кайласа или даже въ его бокахъ таинственные гроты, изъ которыхъ вызываются на свѣтъ четыре божественныя животныя, слонъ, левъ, корова и лошадь,—по словамъ другихъ павлинъ,—символы четырехъ большихъ рѣкъ, Сетледжа, Инда, Ганга и Цзанбо. Эти могучіе потоки, спускающіеся къ четыремъ разнымъ точкамъ горизонта, дѣйствительно берутъ начало если не на склонахъ одной и той же горы, то по крайней мѣрѣ на пространствѣ, которое, вѣроятно, имѣетъ, отъ юга на сѣверъ, не болѣе сотни километровъ протяженія. Алакнанда, Карнали и разныя другія рѣки, изъ соединенія которыхъ образуется Гангъ, рѣка божественная для браминовъ, вытекаютъ изъ земли на индусской покатости Гималайскихъ горъ, а Индъ получаетъ свои первыя воды изъ сѣверныхъ снѣговъ цѣпи Гангъ-дисъ-ри. Но между этими двумя крайними точками, отдѣленными одна отъ другой двумя хребтами горъ, открывается та глубокая впадина или низменность, гдѣ образуются и текутъ въ противоположномъ направленіи двѣ другія большія рѣки: Сетледжъ и Цзанбо.

Порогъ долины съ двойной покатостью, служащій водораздѣломъ между двумя бассейнами и соединяющій въ поперечномъ направленіи Гималайскія горы и цѣпь Гангъ-дисъ-ри, имѣетъ незначительное относительное возвышеніе при основаніи горныхъ вершинъ, которыя поднимаются на 2.000 метровъ выше, какъ гора Кайласъ, и даже на 3.000 метровъ, какъ гималайскій пикъ Гурла или Мандгата, повышенія почвы сливаются съ сосѣдними высотами, такъ что не безъ труда можно различить водораздѣльный хребетъ. Впадины этой долины наполнены озерами и прудами, залегающими почти на такой же или немного меньшей высотѣ, какъ и порогъ, и спускъ отъ одной изъ этихъ водныхъ площадей къ другой идетъ по отлогимъ скатамъ. Весьма вѣроятно, что въ предшествующую геологическую эпоху вся низменность, которая тянется въ видѣ полумѣсяца вдоль сѣвернаго склона Гималая, была наполнена водами, и что нынѣшнія озера, разсѣянныя въ бассейнѣ, суть не что иное, какъ остатки большаго альпійскаго озера прежнихъ временъ. По замѣчательному параллелизму, эта длинная нѣкогда озерная долина развертывается въ томъ же направленіи, какъ цѣпь озеръ полуденнаго плоскогорья Хачи, отъ Данг-іюмъ до Тенгри-норъ. Въ этой низменности тоже получаютъ начало двѣ большія рѣки, текущія въ противоположномъ направленіи: съ одной стороны Индъ, съ другой таинственный потокъ, изъ котораго, вѣроятно, образуется рѣка Салуэнъ.

Наименѣе покатая половина южной впадины Тибета та, въ которую изливаются воды Сетледжа. Первую ея террасу, въ сосѣдствѣ съ порогомъ, занимаетъ озеро, тсо или чо Конгъ, водная площадь безъ истеченія, сдѣлавшаяся соленой, какъ почти всѣ замкнутыя озера. По окрестностяхъ разсѣяно нѣсколько другихъ прудовъ, наполненныхъ соленой водой, но два главные бассейна этой долины, Мансароваръ и Ракасъ-таль, прѣсноводныя озера, соединенныя постояннымъ ручьемъ, приносящимъ Сетледжу божественную струю, ибо Мансароваръ, Манаса-саровара индусскихъ легендъ, есть «озеро, образовавшееся изъ дыханія Брамы [1]) (по Муркрофту, названіе Манаса-саровара означаетъ просто «Священное озеро»; тибетцы называютъ его «чо Мапангъ»). Лебеди, почитаемые какъ блаженныя существа, плаваютъ тысячами на голубыхъ водахъ этого священнаго озера. Тамъ и сямъ на окрестныхъ пригоркахъ виднѣются домики пилигримовъ, ибо, несмотря на опасности путешествія и климата, благочестивые пустынники не боятся проводить по нѣсколько мѣсяцевъ въ этихъ страшныхъ необитаемыхъ мѣстахъ: тѣ изъ нихъ, которые умираютъ въ дорогѣ, утѣшаютъ себя мыслію, что ихъ пепелъ будетъ брошенъ въ эту воду, «самую святую на землѣ», и это составляетъ для нихъ высшую награду за подвижничество. Прежде говорили, что Гангъ вытекаетъ изъ

[1]) Ryall, „Surveys in India for 1877—78".

[2]) Moorcroft, „Asiatic Researches", XII; — Carl Ritter, „Asien"

[3]) Найнъ-сингъ;—Trotter, „Journal of the Geographical Society", vol. XLVII, 1877.

[4]) Lassen, „Indische Alterthumskunde";—Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".

[1]) H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

озера Мансароваръ, и это преданіе было санкціонировано на нѣкоторое время разсказами іезуитовъ [1]) и картой д'Анвиля. Муркрофтъ первый доказалъ, что истоки Ганга находятся на внѣшнемъ склонѣ Гималайскихъ горъ. Еще и на этихъ высотахъ сходились враждебныя арміи и вступали въ кровопролитный бой: такъ, въ декабрѣ 1841 года китайцы разбили здѣсь на голову кашмирскихъ догровъ и преслѣдовали ихъ вплоть до Леха, въ индійскомъ Тибетѣ.

По выходѣ изъ озера Ракасъ-таль, называемаго тибетцами Ланагу-ланка, Сетледжъ, Сатраду или Сатадру, иногда пересыхаетъ въ концѣ лѣта: постоянное теченіе эта рѣка имѣетъ только ниже въ долинѣ, гдѣ она начинаетъ прокладывать себѣ дорогу черезъ обломки скалъ. Эта долина, лежащая на высотѣ 4.500 метровъ, есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ своими теплыми источниками, изъ которыхъ одни сѣрнистые, другіе инкрустирующіе: огромные пласты скалъ были отложены въ теченіе вѣковъ этими минеральными водами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только и видишь что эти travertinскіе туфы, образованные дымящимися источниками. Какъ во многихъ другихъ частяхъ Тибета, который, однако, нигдѣ не содержитъ вулканическихъ породъ, здѣсь тоже выбиваютъ изъ земли струи паровъ, сѣрнистыя фумаролы [2]).

Общая покатость верхняго бассейна Сетледжа сохраняетъ почти одинаковый уклонъ на всей тибетской территоріи. Близъ того мѣста, гдѣ рѣка прорывается черезъ тѣснины Гималайскихъ горъ къ равнинамъ Индостана, уровень террасъ, окаймляющихъ ее справа и слѣва, держится на 4.500 метрахъ, какъ на Мансаровскомъ порогѣ, въ 300 километрахъ выше этого пункта, и мѣстность тутъ такъ же пустынна, такъ же лишена всякой растительности, за исключеніемъ только защищенныхъ отъ вѣтровъ лощинъ. Сетледжъ вырылъ себѣ въ этихъ террасахъ озернаго происхожденія ущелья въ 400 и даже въ 500 метровъ глубиною, которыя, однако, не достигаютъ до живой скалы дна [3]). Каждый впадающій въ эту рѣку горный потокъ долженъ, какъ и самъ Сетледжъ, открыть себѣ проходъ черезъ каменныя глыбы и пласты глины, и такимъ образомъ вся территорія представляется изрѣзанной на огромные овраги. Въ этихъ-то оврагахъ, либо по берегамъ ручьевъ, либо даже на каменистыхъ откосахъ, рѣдкіе обитатели страны устроили свои жилища, временныя или постоянныя. Такъ, Даба, главный городъ тибетской долины Сетледжа, занимаетъ стѣны пропасти около 100 метровъ глубиной, открывающейся въ пластахъ камней и глины, которые господствуютъ надъ теченіемъ одного изъ притоковъ Сетледжа. Въ этомъ мѣстѣ воды и снѣга изрѣзали стѣны ущелья въ фантастическія формы башенъ, бастіоновъ, пирамидъ, обелисковъ. Въ самыхъ твердыхъ частяхъ этихъ стѣнъ открываются гроты, вырытые рукой человѣка: это жилища и склады обитателей Дабы. Нѣсколько каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ прерываютъ тамъ и сямъ своими бѣлыми фасадами красноватые крутые откосы, а въ верхней части города расположенъ кварталъ ламъ, образующій нѣчто въ родѣ цитадели, надъ которой господствуютъ неприступныя стѣны горы; единственныя ворота, открытыя въ нижнемъ кварталѣ, даютъ доступъ жителямъ. Зимой городъ Даба совершенно пустѣетъ; оврагъ наполняется снѣгомъ, и кучки домовъ исчезаютъ подъ снѣжными хлопьями, кружимыми вѣтромъ; съ наступленіемъ весны нужно очищать входъ въ пещеры отъ остатковъ лавинъ, гдѣ снѣгъ перемѣшанъ съ грязью и каменьями [4]). Изрытые теперь глубокими оврагами обломки, которые засыпали обширное озеро, принадлежатъ къ третичной и потретичной эпохамъ, и заключаютъ въ себѣ много ископаемыхъ, равно какъ и костяки большихъ позвоночныхъ животныхъ. Слѣдовательно, цѣлая фауна успѣла развиться и исчезнуть въ теченіе вѣковъ, употребленныхъ камнями и землистыми осадками на засореніе внутренняго моря, остатокъ котораго опорожнился черезъ проломъ въ Гималайскомъ хребтѣ, по которому текутъ стремнины Сетледжа.

Многія изъ рѣкъ, берущихъ начало на сѣверной сторонѣ цѣпи Гангъ-дисъ-ри, считались прежде туземными жителями главнымъ истокомъ Синда или Инда, и ко всѣмъ этимъ рѣкамъ примѣняли миѳическое названіе Сенге-хабадъ, «рѣка, вышедшая изъ пасти льва». Ихъ называли также Сингичу или «Львиный потокъ», — имя, которое мы находимъ въ древнемъ санскритскомъ наименованіи Синга, слегка измѣненномъ въ наши дни. Изслѣдованія, произведенныя въ новѣйшее время англо-индійскими геодезистами, доказали, что между этими рѣками истиннымъ Индомъ нужно считать ту, которая получаетъ начало — далѣе на востокъ, недалеко отъ сѣверной покатости горы Маріамъ-ла: изъ всѣхъ потоковъ, которые соединяются въ общемъ руслѣ Инда выше того мѣста, гдѣ онъ вступаетъ въ предѣлы Кашмирскаго царства, это самый длинный и самый многоводный. Гартунгъ или рѣка Гартокъ соединяется съ Индомъ еще на тибетской территоріи и увеличиваетъ его объемъ почти въ два раза.

Явленія постепеннаго высыханія, которыя, со временъ озернаго періода, слѣдовавшаго за ледяной эпохой, низвели прѣсноводныя озера

[1]) Du Halde, „Description de la Chine".
[2]) Moorcroft, „Asiatic Researches";—Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien".
[3]) Hermann von Schlagintweit, цитиров. сочиненіе.
[4]) Moorcroft, „Asiatic Researches";—Bennet, „Journal of Geographical Society".

Тибета въ простыя лужи соленой воды, и покрыли налетомъ соли и селитры столько впадинъ плоскогорья, изсушили также много рѣкъ, превратили въ замкнутые бассейны многочисленныя долины, воды которыхъ нѣкогда вѣроятно изливались въ Индъ. Замѣчательный примѣръ этого видимъ на сѣверѣ отъ сейчасъ названной рѣки, въ округѣ Радохъ. Въ этой части плоскогорья, средняя высота которой 4.200 метровъ, одна долина тянется параллельно теченію Инда; сначала она идетъ къ сѣверо-западу, затѣмъ подобно долинѣ Инда, уклоняется на западъ, чтобы образовать поперечную горную долину или ущелье, послѣ чего опять принимаетъ свое нормальное, сѣверо-западное направленіе. Большая часть этой долины наполнена водой; но образовавшееся въ ней озеро, которое походитъ на многіе внутренніе фіорды Скандинавіи, попремѣнно расширяется и съуживается, смотря по ширинѣ русла и выступу мысовъ: обвалы или, можетъ быть, аллювіальныя образованія, нанесенныя боковыми потоками, даже раздѣлили это озеро на три бассейна, имѣющіе различный уровень. Верхній бассейнъ называютъ озеромъ Нохъ, по имени сосѣдней станціи каравановъ. Центральный бассейнъ, лежащій на 12 или 13 метровъ выше нижняго резервуара, носитъ названіе чо или озера Могналари, то-есть «Горнаго прѣсноводнаго озера» [1]); (по словамъ пундита Найнъсинга, истинное его имя Могна ларингъ, что̀ значитъ «Длинное и узкое озеро женщины» [2]). Нижнее озеро, немного меньшихъ размѣровъ, извѣстно въ краѣ подъ тѣмъ же именемъ, хотя по недостатку истеченія оно мало-по-малу превратилось въ соляное озеро; содержаніе солей, около 13 на 1.000 въ немъ почти такое же, какъ въ Черномъ морѣ [3]), но пропорціи ихъ различны, ибо оно заключаетъ почти столько же сѣрнокислой соды и магнезіи, столько морской соли. Англо-индійскіе изслѣдователи познакомили насъ съ этимъ озеромъ подъ именемъ Пангонгскаго, заимствованнымъ имя отъ провинціи Кашмира, въ которую врѣзывается сѣверная оконечность озернаго бассейна. Линіи прежняго уровня и слои прѣсноводныхъ раковинъ [4]), очень легко различаемые на крутыхъ горныхъ склонахъ, окружающихъ Пангонгъ, и въ ущельѣ, черезъ которое уходилъ излишекъ водъ, доказываютъ, что уровень воды въ озерѣ прежде былъ на 74 метра выше, чѣмъ нынѣшняя его средняя поверхность, лежащая на высотѣ 4.149 метровъ; слѣдовательно, толщина жидкой массы, въ то время еще не соленой, была вдвое больше, чѣмъ въ наши дни, ибо, по Троттеру и Биддульфу, наибольшая глубина равна нынѣ 43 метр., по Герману Шлагинтвейту, 51 метру. Общая площадь двухъ озеръ, исчисляемая теперь только въ 543 квадр. кил., тоже была слишкомъ въ два раза больше въ то время, когда выходившій изъ озернаго бассейна ручей спускался въ Шайокъ или «женскій Индъ» по долинѣ длиною около тридцати километровъ, нынѣ высохшей, и посредствомъ рѣки Танксе. Понижаясь мало-по-малу, вмѣстѣ съ уровнемъ озера, вытекавшій изъ него ручей вырылъ скалу до высоты 47 метровъ надъ нынѣшней водной площадью, затѣмъ истеченіе совершенно прекратилось, и озеро постепенно уменьшилось до настоящихъ его размѣровъ, вслѣдствіе убыли отъ испаренія, не восполняемой притокомъ новой воды. Пески, оставленные на берегахъ, были унесены южными вѣтрами и образовали дюны на сѣверномъ берегу, или расположились въ видѣ откоса на скалахъ; что касается сѣверныхъ вѣтровъ, то дѣйствіе ихъ на пески слабѣе, потому что эти вѣтры господствуютъ преимущественно зимой, когда почва, такъ же, какъ и поверхность озера бываетъ скована морозомъ [1]).

Рѣка Цзанбо (Тсанну, Тсамбо, Дзангбо, Сампо или Самбо), то-есть «Святая вода», называемая часто въ верхнемъ своемъ теченіи Цзанбо или «Верхній Цзанбо, должна считаться рѣкой тибетской по преимуществу, такъ какъ она протекаетъ черезъ двѣ центральныя провинціи этой страны—Цзанъ и Уй. Такъ же, какъ Индъ и Гангъ, тибетская рѣка уподобляется туземцами мистическому животному, и многія изъ даваемыхъ ей именъ дѣлаютъ ее «рѣкой павлина» или «рѣкой лошади»: по сказанію одной легенды, она «выходитъ изъ рта коня». Тотъ же самый невысокій перевалъ, который изливаетъ съ одной стороны ручейки растаявшаго снѣга въ Сетледжъ, питаетъ съ другой стороны нарождающійся потокъ Цзанбо. Главные его притоки—ледниковые ручьи, выходящіе изъ цирковъ Гималайскихъ горъ; отдѣленный отъ главной цѣпи Кара-корума параллельной грядой Хоморанга, верхній Цзанбо получаетъ съ этой стороны лишь небольшіе ручьи. Едва сдѣлавшись рѣкой, онъ течетъ по равнинѣ съ очень малымъ уклономъ, гдѣ его замедляемыя воды широко разливаются близъ Тадумскаго монастыря; въ томъ мѣстѣ, гдѣ тропинка, проложенная черезъ гору Маріамъ-ла, спускается въ долину, Цзанбо представляетъ уже судоходную рѣку, по которой поднимаются мелкія ладьи, нагруженныя товарами; но пороги здѣсь такъ часты, что туземцы не иначе отваживаются пускаться по его водамъ, какъ бросивъ предварительно монету въ потокъ, чтобы обезпечить себѣ благопріятное плаваніе [2]). Безъ сомнѣнія, во всемъ свѣтѣ нѣтъ другой

[1]) Hermann von Schlagintweit.
[2]) „Journal of the Geographical Society of London“, 1877.
[3]) Frankland;—Henderson, „From Lahore to Yarkand“.
[4]) G. T. Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Inscardo“.

[1]) Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society of London“, 1867.
[2]) Bogle, „Mission to Tibet“.

рѣки, которая носила бы суда на такой огромной высотѣ, исчисляемой слишкомъ въ 4.300 метровъ [1]); ниже, Цзанбо тоже судоходенъ во многихъ частяхъ своего теченія, при помощи особаго рода плотовъ, обтянутыхъ кожей; но въ другихъ мѣстахъ всякое судоходное сообщеніе представляется невозможнымъ по причинѣ пороговъ и песчаныхъ мелей. Высокія террасы, выступы скалъ, съуживающіе русло рѣки, позволили тибетцамъ перекинуть мостики, висящіе надъ потокомъ; но этими легкими сооруженіями, которыя качаются отъ дуновенія вѣтра, почти никогда не пользуются путешественники, обыкновенно предпочитающіе переправляться съ одного берега на другой въ лодкѣ.

Цзанбо получаетъ въ своемъ тибетскомъ теченіи очень много притоковъ, выходящихъ, на югѣ съ Гималайскихъ и Загималайскихъ горъ, на сѣверѣ изъ цѣпи Гангъ-дисъ-ри и даже, черезъ нѣкоторые прорывы окраинной цѣпи, изъ возвышенныхъ областей плоскогорья, которое простирается за этими горами. Одинъ изъ этихъ сѣверныхъ притоковъ, Намлингъ, берущій начало на хребтѣ Халамба-ла, въ сосѣдствѣ озера Сенгри-норъ, протекаетъ по одной изъ любопытнѣйшихъ мѣстностей Тибета, замѣчательной своими горячими источниками. Тамъ, между прочимъ, есть два гейзера сѣрнистой воды, которые отъ времени до времени бьютъ фонтаномъ до высоты 18 метровъ, и за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, ниспадающая вода образуетъ вокругъ отверстія въ видѣ хрустальной окраины, усаженной высокими сталагмитами [2]). Большинство озеръ этой части бассейна были засорены наносами или опорожнены теперь выходящіе изъ нихъ потоки; однако, еще остались довольно значительные резервуары, между прочимъ Ямдокъ или Палти, который изображаютъ на картахъ, основываясь на чертежѣ д'Анвиля въ формѣ почти правильно кольцеобразной, такъ что озеро имѣетъ видъ рва, окружающаго крѣпость. Островъ, который, впрочемъ, нѣкоторыя описанія представляютъ скорѣе какъ полуостровъ, возвышается слишкомъ на 700 метровъ надъ поверхностью водъ, которая сама, какъ говорятъ, находится на высотѣ 4.114 метр. надъ уровнемъ моря. По свидѣтельству Маннинга [3]), вода этого озера имѣетъ слегка солоноватый вкусъ, тогда какъ, по словамъ пундита, который обошелъ сѣверные берега бассейна, она совершенно чистая и прѣсная. Неизвѣстно, сообщается ли это таинственное озеро, по разсказамъ очень глубокое, посредствомъ какого-нибудь западнаго истока съ рѣкой Цзанбо, отъ которой оно отдѣлено на сѣверѣ высокимъ хребтомъ Халамба-ла, или оно составляетъ совершенно замкнутый бассейнъ.

На сѣверо-востокъ отъ озера Палти или Ямдокъ-чо, главная вѣтвь Цзанбо соединяется съ другой священной рѣкой Ки-чу, которая орошаетъ долину Лассы. Въ 1875 году неизслѣдованныя области Тибета начинались въ небольшомъ разстояніи ниже этого сліянія, именно въ мѣстечкѣ Четанъ, приблизительно въ 1.000 километр. отъ истоковъ Цзанбо. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ пундитъ Найнъ-сингъ переправился черезъ рѣку, онъ видѣлъ, что долина продолжается въ восточномъ направленіи километровъ на пятьдесятъ, затѣмъ исчезаетъ на юго-востокѣ, между синеватыми стѣнами горъ. Но послѣ того, именно въ 1877 году, другой англо-индійскій изслѣдователь, руководствуясь указаніями инженера Гармена, прослѣдилъ теченіе рѣки на протяженіи болѣе 300 километровъ внизъ отъ Четана. Этотъ путешественникъ, самое имя котораго извѣстно намъ только въ сокращенной формѣ Н—м—г., прошелъ сначала по берегу Цзанбо до оконечности долины, которую Найнъ-сингъ видѣлъ издали; но далѣе онъ принужденъ былъ сдѣлать большой обходъ черезъ горы, чтобы избѣгнуть глубокаго ущелья, въ которое вступаютъ воды рѣки. Тѣмъ не менѣе онъ могъ опять подойти къ самой рѣкѣ, верстахъ въ тридцати отъ того мѣста, гдѣ покинулъ ее, и тутъ онъ убѣдился, что Цзанбо описываетъ кривую въ сѣверномъ направленіи, прежде чѣмъ снова принять свое нормальное теченіе къ востоку и юго-востоку. Съ того мѣста, гдѣ долженъ былъ остановиться путешественникъ Н—м—г., онъ видѣлъ на юго-востокѣ проломъ, открывающійся въ цѣпи горъ, и черезъ эту-то брешь, какъ говорили ему тибетцы, Цзанбо уходитъ въ землю дикихъ, пройдя которую онъ течетъ по странѣ, принадлежащей британскому правительству, и получаетъ названіе Брамапутры [1]).

Въ Четанѣ уровень долины Цзанбо около 3.400 метровъ, и однако, на этой огромной высотѣ тибетская рѣка, бассейнъ которой обнимаетъ уже площадь въ 200.000 квадр. километровъ, можетъ быть сравниваема, по объему жидкой массы, съ такими европейскими рѣками, какъ Рона и Рейнъ. Когда пундитъ Найнъ-сингъ видѣлъ эту рѣку, воды ея были относительно низки [2]); однако, принимая во вниманіе указываемую имъ значительную ширину рѣки (отъ 300 до 450 метровъ), а также глубину и скорость теченія, можно считать, что даже въ эту пору года стокъ Цзанбо или количество протекающей воды составляетъ никакъ не менѣе 800 кубич. метровъ въ секунду [3]) (по

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien", vol. III.

[2]) „Geographical Magazine", 1877; „Journal of the Geographical Society", 1875; Ganzemüller, „Tibet",

[3]) Journey to Lhassa;—Markham „Tibet".

[1]) Black, „British Association" 1879;—Walker, „Asiatic Society's Journal", 1879.

[2]) „Proceedings of the London Geographical Society", 1877.

[3]) R. Gordon, „Report on the Irrawady river".

*

Монтгомери, отъ 681 до 993 куб. метровъ). Но плоскіе берега, покрываемые водами весенняго разлива въ продолженіе мѣсяцевъ мая, іюня и іюля, тянутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько верстъ отъ ложа, занимаемаго въ періодъ мелководья, и тогда масса катимой рѣкою воды, безъ сомнѣнія, достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ кубич. метровъ, можетъ быть, 20.000 метровъ въ секунду, если даже во время разлива уровень воды повышается только на 5 метровъ, какъ разсказываютъ туземцы. Цзанбо, который принимаетъ въ себя еще, ниже Четана, въ восточномъ Тибетѣ, большое число многоводныхъ рѣкъ, и который долженъ проходить въ этой части своего теченія черезъ одну изъ самыхъ сырыхъ странъ земнаго шара, приноситъ, слѣдовательно, огромную жидкую массу въ Индійскій океанъ. Путешественникъ Франсисъ Гарнье высказалъ предположеніе, что юго-восточная часть Тибета, черезъ которую проходитъ Цзанбо, занята известковыми горами, изрытыми пещерами въ родѣ тѣхъ, какія онъ видѣлъ во многихъ мѣстахъ Китая и Индо-Китая, и что эта рѣка, текущая отчасти въ глубинахъ земли, дѣлится между нѣсколькими бассейнами [1]); однако, то немногое, что мы знаемъ до сихъ поръ о геологіи восточнаго Тибета, противорѣчитъ этой гипотезѣ: известняки показываются только на окраинахъ Юнь-наня, остальная же часть страны состоитъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, прикрытыхъ ледниковыми глинами [2]).

Какъ бы то ни было, ни одинъ изслѣдователь, даже ни одинъ туземецъ, по крайней мѣрѣ между тѣми, которыхъ разспрашивали путешественники, не прослѣдилъ нижняго теченія Цзанбо далѣе того пункта, котораго достигъ упомянутый посланный инженера Гармена, потому географы принуждены довольствоваться гипотезами по этому вопросу, безспорно капитальной важности. Что становится со «Святой водой» послѣ того, какъ она выходитъ изъ своей тибетской долины? Въ 1721 году миссіонеръ Регисъ, который велѣлъ составить карту страны, по приказанію китайскаго Канъ-си, говоритъ, что, «достовѣрно ничего неизвѣстно относительно мѣста, куда изливается эта рѣка»; онъ узналъ только, что она течетъ въ Бенгальскій заливъ, «около Арракана или близъ впаденія Ганга въ Моголъ» [3]). Д'Анвиль, пользуясь картой тибетскихъ ламъ и документами, доставленными ему миссіонерами, начертилъ теченіе Цзанбо такимъ образомъ, что оно должно продолжаться, въ королевствѣ Ава, рѣкой Иравадди. Реннель, напротивъ, отождествляетъ Цзанбо съ Брамапутрой, и его гипотеза въ настоящее время подтвердилась. Нѣкоторые географы, напримѣръ, Генри Юль, спрашиваютъ, не можетъ ли этотъ вопросъ считаться уже окончательно разрѣшеннымъ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія Юль приводитъ слѣдующій фактъ, который ему кажется рѣшающимъ. Въ 1854 году два католическіе миссіонера, пытавшіеся пробраться изъ верхняго Ассама въ Тибетъ, были убиты туземцами одного изъ колѣнъ племени миними. Одинъ епископъ, проживавшій въ то время въ тибетскомъ княжествѣ, присоединенномъ къ Китаю, писалъ, что тибетцы разсказывали ему объ этой драмѣ, какъ о происшествіи, имѣвшемъ мѣсто на берегахъ Цзанпо или Канпу, «притока Иравадди», который течетъ на сѣверѣ отъ Цзанбо. Но извѣстно достовѣрно, что миссіонеры были умерщвлены на берегахъ Лохита или восточной Брамапутры, такъ какъ туда былъ отправленъ англійскій отрядъ, чтобы отомстить за нихъ и захватить убійцъ. Изъ этого Юль выводитъ такое заключеніе, что Лохитъ есть несомнѣнно продолженіе Гакпо, и что эта рѣка, описывая извилину на востокѣ отъ Цзанбо, заключаетъ, такъ сказать, эту послѣднюю рѣку въ своей большой кривой; слѣдовательно, Цзанбо не можетъ направляться къ Иравадди, и гипотеза д'Анвиля и Клапрота должна считаться окончательно опровергнутой [1]). Спрашивается, однако, можетъ ли смутный слухъ, переданный неизвѣстными лицами относительно сомнительнаго названія рѣки, дать подобную географическую достовѣрность?

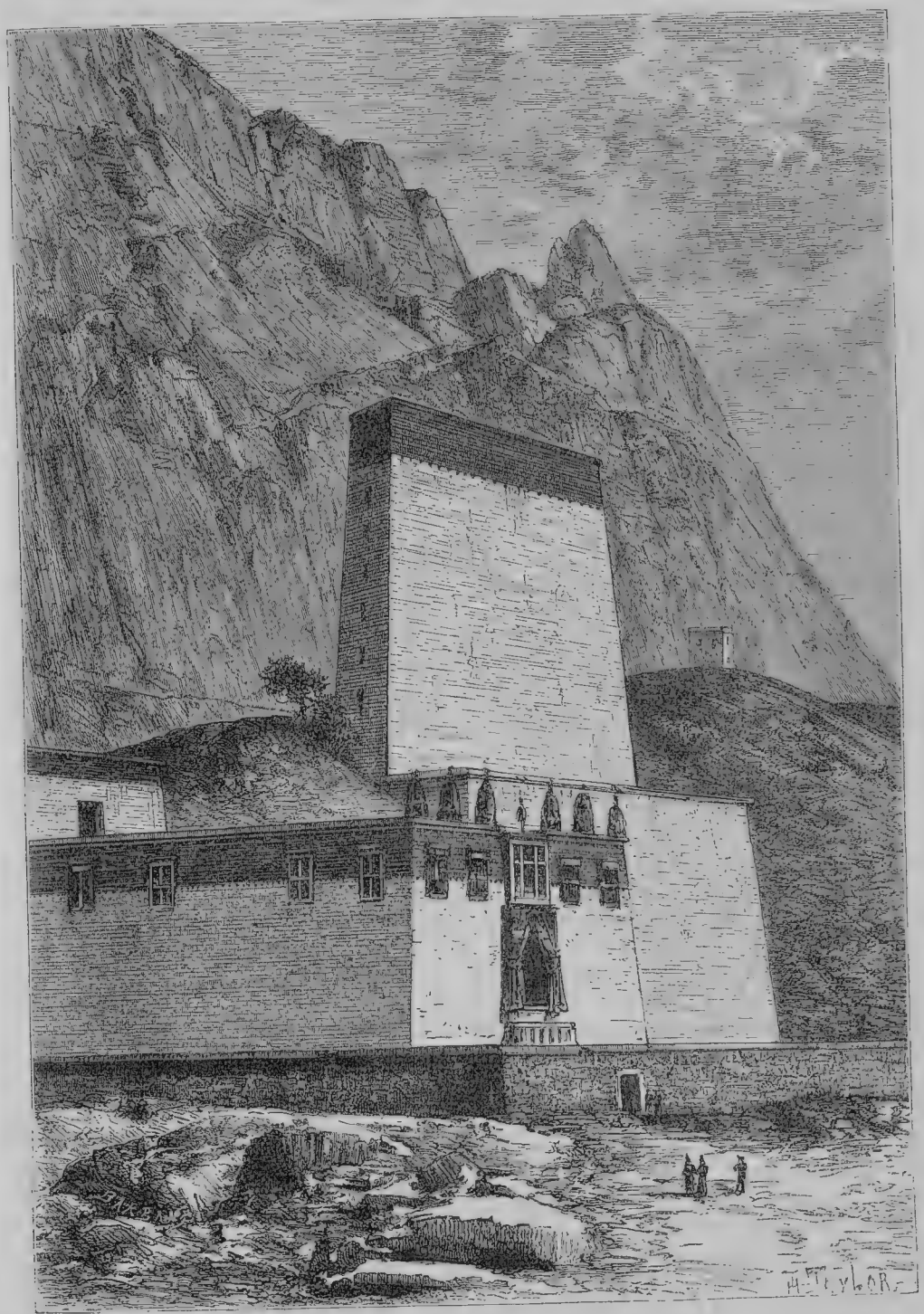
Сторонники гипотезы Реннеля долго спорили о томъ, какую рѣку, въ провинціи Ассамъ, слѣдуетъ считать главной и несущей въ Брамапутру воды тибетской рѣки Цзанбо? Будетъ ли это Дихонгъ, Дибонгъ, Субансири или какой-либо другой притокъ? Большинство географовъ, по крайней мѣрѣ между англичанами, за исключеніемъ Фергюссона [2]) и Гордона [3]), высказались въ пользу Дихонга, послѣ того, какъ Уилькоксъ и Борльтонъ, поднявшись по нижнему теченію этой рѣки, въ 1825 и 1826 годахъ, показали, что она есть несомнѣнно главная вѣтвь Брамапутры. Однако, въ то время, когда они высказали, какъ доказанную гипотезу, свое предположеніе, что Брамапутра есть индійское продолженіе тибетской «Святой воды», неизслѣдованный пробѣлъ между этими двумя рѣками составлялъ не менѣе 500 километровъ по прямой линіи, и горы, которыя высятся въ промежуточномъ пространствѣ, были еще совершенно неизвѣстны. При томъ, свѣдѣнія, собранныя Уилькоксомъ, относительно рѣки, по которой онъ поднимался, были совершенно недостаточны, чтобы оправдать его мнѣніе о тождествѣ двухъ названныхъ рѣкъ: онъ долженъ бы

[1]) Письмо къ Генри Юлю, „Geographical Magazine", мартъ 1874 г.
[2]) Desgodins, „Mission du Tibet".
[3]) Du Halde, „Description de l'empire de la Chine".

[1]) Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand", by Gill.
[2]) „On recent changes in the delta of the Ganges".
[3]) „Report on the Irraivaddy River".

былъ доказать прежде всего, что Дихонгъ катитъ количество воды, превосходящее объемъ жидкой массы Цзанбо, ибо подъ небомъ столь

онъ доѣхалъ во время своего путешествія, Дихонгъ имѣетъ 100 ярдовъ (91 метръ) въ ширину, и что теченіе его тихое; но глубина, кото-



Монастырь въ Шигацѣ.

дождливымъ, какъ небо Ассама, ручьи и рѣки увеличиваются, можно сказать, замѣтнымъ для глаза образомъ. Между тѣмъ онъ ограничивается сообщеніемъ, что въ томъ мѣстѣ, до котораго рую онъ предполагаетъ «огромной», осталась ему неизвѣстной, такъ какъ путешественникъ даже не далъ себѣ труда измѣрить ее при помощи камня и веревки.

Въ наши дни проблема, о которой идетъ рѣчь, заключена въ болѣе тѣсные предѣлы. По вычисленіямъ Уокера, пространство совершенно неизслѣдованное, которое отдѣляетъ крайній пунктъ, достигнутый англо-индійскимъ изслѣдователемъ Н—м—г. на рѣкѣ Цзанбо, высшей точкой, до которой могли подняться вверхъ по Дихонгу, равно съ точностью 155 километрамъ, а разность уровней воды составляетъ около 2.250 метровъ. Если бы эти двѣ рѣки составляли продолженіе одна другой, то общее паденіе, для приблизительнаго теченія въ 200 километровъ, было бы, слѣдовательно, немного болѣе одного метра на сто,—покатость, какой ни одна рѣка въ свѣтѣ не представляетъ въ средней части своего теченія, какую можно встрѣтить только въ долинахъ горныхъ потоковъ въ самомъ сердцѣ горъ. Неопредѣленные разсказы, передаваемые миссіонерами, говорятъ, правда, о какихъ-то порогахъ и водопадахъ, которые будто бы стремительно уносятъ воды Тибета въ низменныя равнины [1]); но мы не знаемъ, къ какимъ именно рѣкамъ и ручьямъ относятся эти разсказы туземцевъ, и до сихъ поръ ничто еще не обнаружило существованіе Ніагаръ, которыя, казалось бы, можно было ожидать увидѣть въ этой части Азіи, Ніагаръ, низвергающихся однимъ потокомъ или ниспадающихъ со ступени на ступеню, скачками въ сотни метровъ высоты.

Впрочемъ, точныя измѣренія, произведенныя въ это послѣднее время относительно количества протекающей воды въ Брамапутрѣ и въ ея притокахъ, тоже говорятъ не въ пользу гипотезы Реннеля, Уилькокса и Уокера; во всякомъ случаѣ, эти измѣренія показываютъ, что географы слишкомъ поторопились, безъ достаточнаго основанія, написать окончательно на картахъ Тибета имена Дихонга или Брамапутры, вмѣсто имени Цзанбо. Стоки Субансири, Дибонга, верхней Брамапутры доказываютъ, что всѣ эти рѣки, по объему жидкой массы, гораздо менѣе значительны, нежели Цзанбо у Четана, и, слѣдовательно, объемъ ихъ еще гораздо меньше, чѣмъ объемъ тибетской рѣки, когда она спустится на 300 километровъ ниже Четана. Что касается Дихонга, то, по измѣреніямъ Вудторпа, эта рѣка несетъ въ секунду 1.550 кубич. метровъ воды въ періодъ снѣговъ, когда уровень ея начинаетъ подниматься, и, судя по величинѣ площади песчаныхъ береговъ, затопляемыхъ во время разливовъ, стокъ при большихъ наводненіяхъ колеблется между 10.000 и 12.000 куб. метровъ въ секунду. Но эта жидкая масса представляетъ какъ разъ такой объемъ, какой доставлялъ бы рѣчной бассейнъ, ограниченный мысленно цѣпью Загималайскихъ горъ, ибо въ этой области, которая, по обилію дождей, занимаетъ первое мѣсто въ свѣтѣ, паденіе атмосферной воды, достигающее въ нѣкоторыхъ долинахъ 15 и 16 метровъ, составляетъ среднимъ числомъ по меньшей мѣрѣ 4 метра, и естественное истеченіе,—такое, впрочемъ, какимъ оно оказалось въ дѣйствительности по измѣреніямъ, сдѣланнымъ въ долинахъ горъ Гарро,—можетъ быть исчисляемо въ 50 и до 75 литровъ на квадр. километръ поверхности. Для снабженія этого истеченія, достаточно было бы бассейна, площадь котораго равнялась бы отъ 20.000 до 30.000 квадр. километровъ; неизвѣстное пространство, отдѣляющее долину Цзанбо отъ долины нижняго Дихонга, довольно обширное, чтобы содержать бассейнъ такого размѣра, включая сюда бассейнъ рѣки Лопра-ко-чу, которая течетъ на западѣ, между Гималайскими и Загималайскими горами, и нижнее теченіе которой еще не изслѣдовано.

Напротивъ того, сравнительный стокъ речныхъ водъ, какъ онъ былъ опредѣленъ приблизительно для Цзанбо и съ точностью для Иравадди, повидимому, оправдываетъ китайскую карту, воспроизведенную д'Анвилемъ, по которой бирманская рѣка составляетъ продолженіе Цзанбо. У Бамо Иравадди, о которомъ Уилькоксъ, на основаніи свидѣтельства путешественниковъ, говорилъ какъ о «маленькомъ ручейкѣ», катитъ, въ періодъ разлива, более 30.000 кубич. метровъ воды въ секунду; среднее количество протекающей воды составляетъ въ этомъ мѣстѣ около двухъ третей объема при устьѣ, такъ что, слѣдовательно, оно такъ не меньше 9.000 кубич. метровъ. Правда, что въ сухое время года, съ ноября до іюня, стокъ нижняго Иравадди можетъ упасть до 2.000, даже до 1.350 куб. метровъ въ секунду [1]), но тогда эта могучая рѣка не получаетъ болѣе воды изъ облаковъ и оскудѣваетъ отъ верховья до низовья вслѣдствіе испаренія. Тѣмъ не менѣе остается объяснить, какимъ образомъ Иравадди можетъ имѣть столь значительный средній объемъ воды у Бамо и въ области, гдѣ годовое паденіе дождя, гораздо меньшее, нежели въ бассейнѣ Брамапутры, не превышаетъ, вѣроятно, 130 сантиметровъ. Чтобы объяснить большой стокъ этой рѣки при Бамо, нужно приписать ей значительную площадь истеченія, а между тѣмъ на большей части картъ бассейнъ Иравадди отчетливо ограниченъ на сѣверѣ отъ бирманскихъ предѣловъ амфитеатромъ горъ. Хотя Уилькоксъ и Борльтонъ видѣли близъ ея истоковъ на бирманской территоріи, ручей который они называютъ Иравадди, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что это та же самая рѣка, тѣмъ болѣе, что эти изслѣдователи и сами слышали о существованіи большаго восточнаго потока, принадлежащаго къ тому же бассейну, но до котораго они не пытались добраться [2]).

[1]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Geographie".

[1]) R. Gordon, „Report on the Irrawaddy river".

[2]) Gordon;—H. Yule, „Introductory Essay to the River

Какія бы ни высказывались предположенія относительно излучинъ и направленія рѣки Цзанбо по выходѣ ея изъ горнаго ущелья, въ которомъ она скрывалась изъ виду у индусскаго путешественника Н—м—г., нужно воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія вопроса, прежде чѣмъ будутъ собраны несомнѣнныя доказательства, и подождать по крайней мѣрѣ, чтобы бревна или стволы деревьевъ, занумерованные и спущенные стараніями остъ-индскаго топографическаго бюро, приплыли съ нагорій Тибета въ равнины Бенгаліи или Бирмы [1]). Изъ вышесказаннаго видно, что эта область Азіи еще менѣе извѣстна намъ, чѣмъ въ послѣднее время центральная Африка, благодаря трудамъ Стенли, Ливингстона и др. Вѣроятно даже, что безосновательныя гипотезы Реннеля, Уилькокса и другихъ географовъ только увеличили путаницу понятій по поводу бассейновъ Брамапутры и Иравадди. Проблемы, которыя, быть можетъ, уже были рѣшены древними китайскими географами, снова приняли для насъ всю свою таинственность. Будемъ надѣяться, что скоро откроется путь между Ассамомъ и Тибетомъ, и что дикари племени аборъ и пограничныя китайскія власти позволятъ изслѣдователямъ подниматься изъ равнины на плоскогорья, черезъ лѣса, болота и горы! [2]).

На сѣверѣ отъ низменности, въ которой течетъ Цзанбо, Тибетское нагорье было изрѣзано глубокими водами на безчисленное множество долинъ: это то же самое явленіе,—только въ большихъ размѣрахъ,—которое мы видимъ на всѣхъ глинистыхъ террасъ, гдѣ проливные дожди вырываютъ глубокія рытвины. Южные муссоны, дующіе съ Бенгальскаго залива находятъ широкіе проходы въ Гималайскомъ хребтѣ и безъ труда поднимаются къ притягательному фокусу, который образуютъ, въ лѣтніе мѣсяцы, нагорья Хачи. Слѣдовательно, восточная покатость возвышенностей получаетъ въ изобиліи дождевыя воды, почерпаемыя атмосферными теченіями въ Индійскомъ океанѣ. Въ то время, какъ сухость почвы, разрѣженность воздуха, палящій зной лѣтомъ, страшный холодъ зимой дѣлаютъ нагорья почти неприступными, область овраговъ представляетъ большія трудности для путешественника по причинѣ шероховатостей рельефа, крутыхъ скалъ и глубокихъ пропастей, горныхъ потоковъ и рѣкъ, лѣсовъ и дикихъ населеній, обитающихъ въ лѣсныхъ прогалинахъ. Оффиціально наибольшая часть этой страны зависитъ отъ Тибета, и административные центры установлены тамъ, какъ и въ другихъ провинціяхъ; тѣмъ не менѣе многіе народцы этой области могутъ считаться совершенно независимыми. Ни одна изъ армій, которыя снаряжались для завоеванія ихъ, не могла до сихъ поръ овладѣть вполнѣ этимъ краемъ, изрѣзаннымъ на безконечное множество маленькихъ бассейновъ и если дикіе народцы, населяющіе страну, находили выгоднымъ признавать надъ собой верховную власть либо Тибета, либо Китая, то только для того, чтобы имѣть возможность безпрепятственно вести торговлю своими произведеніями. Никакая значительная политическая группировка не могла образоваться въ этомъ лабиринтѣ долинъ; во всей этой области нѣтъ ни одной большой аллювіальной равнины, куда бы толпой устремилось населеніе, и гдѣ выстроились бы города, которые могли бы служить ядромъ государствамъ въ собственномъ смыслѣ [1]).

Хотя эта страна, столь трудно доступная, была не разъ посѣщаема путешественниками, преимущественно миссіонерами, но большинство ихъ не могли начертить точную карту пройденнаго пути, и лабиринтъ этихъ горъ, въ пятнадцать разъ болѣе обширный, чѣмъ группа швейцарскихъ Альпъ, еще долго останется неизвѣстнымъ: въ настоящее время можно только попытаться опредѣлить общее направленіе и расположеніе горныхъ хребтовъ. Параллельно цѣпи Танъ-ла другіе хребты тянутся до области озера Куку-норъ, и всѣ они примыкаютъ къ цѣпямъ, гребни которыхъ слѣдуютъ почти по направленію съ сѣвера на югъ, и которыя продолжаются далеко, теряясь въ Бирмѣ и въ другихъ странахъ полуострова по ту сторону Ганга: эти горы образуютъ индо-китайскую систему, о которой говоритъ Рихтгофенъ. Всѣ системы горъ пересѣкаются, и въ углахъ пересѣченія образовались многочисленные изломы, черезъ которые уходятъ рѣки верхнихъ бассейновъ. Насколько можно судить по маршрутамъ путешественниковъ и по краткимъ картамъ, которыя они составили, при помощи китайскихъ документовъ, рѣки провинцій Камъ указываютъ, направленіемъ своихъ долинъ, общее ориентированіе горныхъ цѣпей. Всѣ эти рѣки текутъ сначала на сѣверо-востокъ, параллельно хребтамъ группы Танъ-ла и другихъ цѣпей, расположенныхъ по краямъ плоскогорья; затѣмъ, послѣ того, какъ теченіе ихъ нашло выходъ къ западу, онѣ изгибаются мало-по-малу къ югу, слѣдуя по одной изъ узкихъ, глубокихъ долинъ индо-китайской системы. Такъ, Цзанбо, какъ удостовѣряетъ новѣйшій изслѣдователь его теченія, направляется на сѣверо-востокъ, прежде чѣмъ образовать изгибъ и повернуть къ южнымъ равнинамъ. Изъ сравненія картъ видно, что Салуэнъ и Меконгъ тоже описываютъ, но

of Golden Sand.", by Gill;—„Memoir of a survey of Asam in 1825—6—7—8"; „Asiatic Researches", vol. XVII.

[1]) Walker, „Mittheilungen von Petermann", II, 1881.

[2]) Всѣ лучшія, послѣднія карты Индіи, изданныя въ Калькутѣ, указываютъ на Цзанбо какъ на вершину Брамапутры, и потому вопросъ на выясненіе котораго Э. Реклю отвелъ такъ много мѣста, является нынѣ рѣшеннымъ окончательно (Прим. ред.).

[1]) F. von Richthofen, „China"; —Desgodins, „La mission du Tibet".

гораздо большимъ радіусомъ, чѣмъ Цзанбо, подобныя же кривыя, и самый Янъ-цзы-цзянъ, развертываясь параллельно Меконгу, сопровождаетъ его къ югу на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ километровъ, до пролома въ горахъ, черезъ который онъ круто поворачиваетъ на востокъ, и, слѣдуя въ этомъ направленіи, проникаетъ въ такъ называемый собственно Китай. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара не увидишь столь замѣчательнаго примѣра независимыхъ рѣкъ, текущихъ въ параллельныхъ долинахъ на такомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой и затѣмъ расходящихся въ разныя стороны и впадающихъ въ разныя моря. Между устьями Иравадди и Янъ-цзы-цзяна, которыя получаютъ воды съ однѣхъ и тѣхъ же горъ, и которыя долго текутъ вмѣстѣ, по одному и тому же пути, протяженіе морскихъ береговъ составляетъ по малой мѣрѣ 9.000 километровъ. А между тѣмъ рѣки, устья которыхъ удаляются на такія огромныя разстоянія, протекаютъ часть Тибета въ смежныхъ долинахъ и такъ близко одна отъ другой, что съ перваго взгляда ихъ можно принять за параллельные рукава одной и той же рѣки. Юль сравниваетъ расположеніе этихъ далеко расходящихся рѣкъ съ той формой, какую древніе греки придавали громовымъ стрѣламъ Зевса [1]).

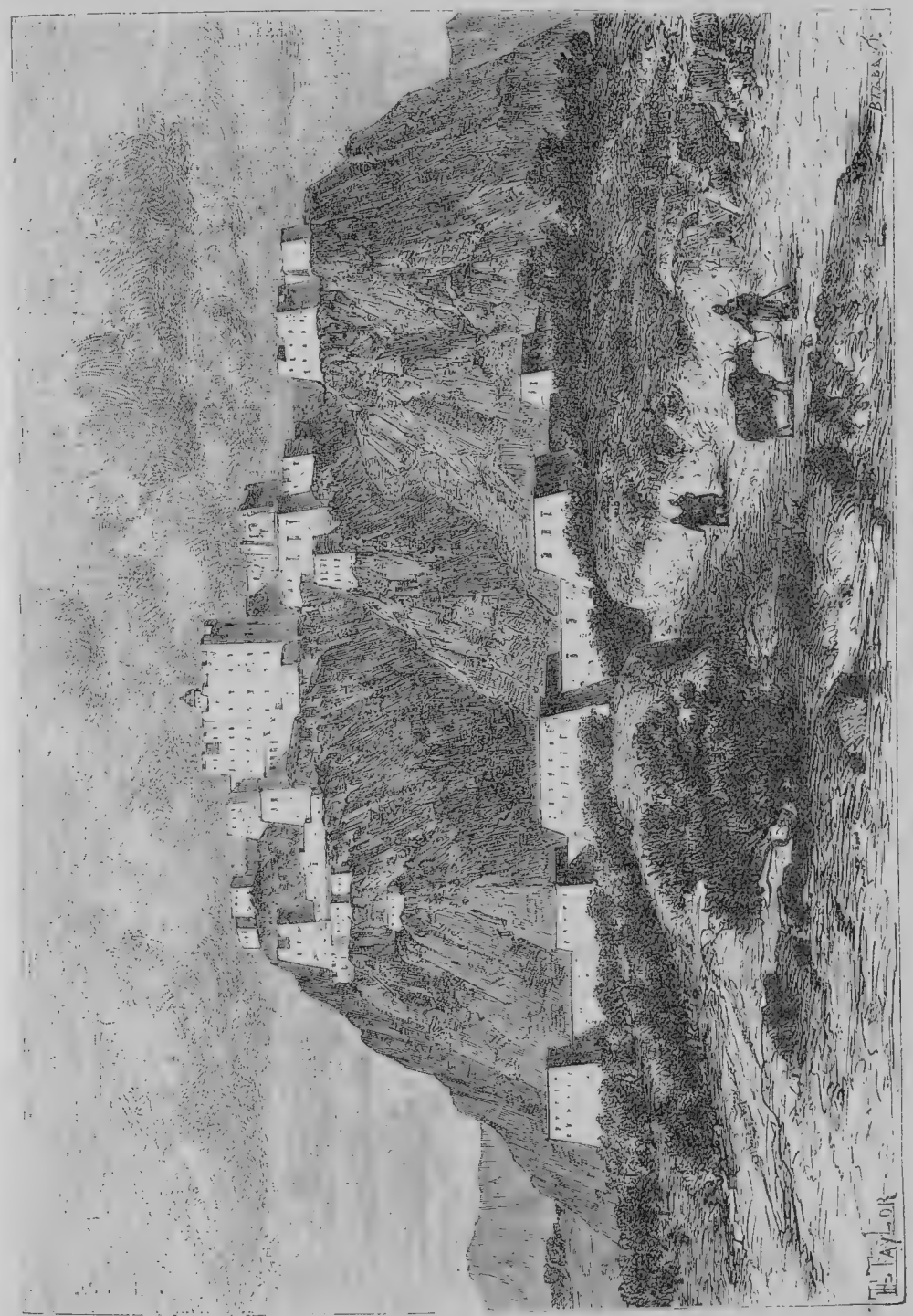
Потокъ, выходящій изъ озера Чаргутъ и принимающій въ себя въ то же время воды истеченія бассейна Тенгри-норъ и большей части озеръ юго-восточнаго угла нагорья Хачи, образуетъ значительную рѣку, которую Гюкъ и пундитъ Найнъ-сингъ описываютъ подъ именемъ Напъ-чу или Накъ-чу. Но по выходѣ съ плоскогорья, эта рѣка часто мѣняетъ названіе, смотря по странѣ, черезъ которую протекаетъ, и по языкамъ народцевъ, обитающихъ на ея берегахъ. Вообще, какъ это замѣтилъ уже Франсисъ Гарнье, во всѣхъ частяхъ Китая и особенно въ этой части Тибета имена рѣкъ представляютъ мѣстныя названія: нигдѣ одно и то же наименованіе не продолжается для одной и той же рѣки на пространствѣ болѣе 100 километровъ. Такъ и Напъ-чу принимаетъ послѣдовательно названія Хара-усу, Омъ-чу, Аньцзе, Ну-цзянъ, Лу-цзянъ. Это обильное разнообразіе именъ такъ же, какъ и трудности изслѣдованія на мѣстѣ, были причиной того, что географы, такъ сказать, заставляли эту рѣку путешествовать на картахъ черезъ долготы и широты. Въ то время, какъ братья Шлагинтвейты, гипотеза которыхъ принята и Петерманомъ, полагаютъ, что Напъ-чу есть не что иное, какъ Дибонгъ, та рѣка Ассама, которая соединяется съ Дихонгомъ въ небольшомъ разстояніи выше впаденія послѣдняго въ Брамапутру, Дегоненъ, проѣхавшій по средней долинѣ «рѣки народа луце» или Лу-цзянъ на пространствѣ около 400 километровъ, убѣдился, что она течетъ на востокъ отъ Брамапутры и отождествляетъ ее съ Салуэномъ [1]). Онъ не сомнѣвается также, что Лань-цань-цзянъ, то-есть «Рѣка Большаго Дракона» то же самое, что Меконгъ или Камбоджа, и это мнѣніе было подтверждено изслѣдованіями французской экспедиціи, ѣздившей на Меконгъ, хотя Шлагинтвейты, Кипертъ, Петерманъ, какъ кажется, питающіе нѣкоторое пристрастіе къ Брамапутрѣ, произвели и Лань-цань-цзянъ въ данники этой послѣдней рѣки: они принимали его за Лохитъ или Красную Брамапутру, бассейнъ которой, теперь достаточно извѣстный, находится почти весь на южной покатости высотъ, составляющихъ продолженіе Гималайскаго хребта. Выше мы сказали, что англійскій географъ Юль, считаетъ Лохитъ продолженіемъ Гакпо, небольшой тибетской рѣки, которая течетъ на сѣверѣ отъ Цзанбо и параллельно его долинѣ.

Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ, спускающихся съ плоскихъ возвышенностей Тибета, и которыя должны пробираться по глубокимъ разсѣлинамъ между скалъ, чтобы выйти изъ области горъ и достигнуть низменныхъ равнинъ, Лань-цань-цзянъ проходитъ, быть можетъ, черезъ самыя дикія тѣснины и ущелья. У Іеркала, гдѣ потокъ находится на высотѣ 2.250 метровъ надъ уровнемъ моря, стѣны утесовъ поднимаются на нѣсколько сотъ метровъ надъ поверхностью рѣки и во многихъ мѣстахъ стоятъ почти перпендикулярно. Къ югу отъ Атенце бока утесовъ такъ круты, что не вездѣ можно было положить тропинку во внутренности ущелій, и потому приходится тамъ и сямъ взбираться до высоты 450 и даже 600 метровъ надъ уровнемъ рѣки, которая съ этихъ террасъ представляется въ видѣ простаго ручья: камень, брошенный въ пропасть, перескакиваетъ съ уступа на уступъ, пока достигнетъ воды, бѣгущей по дну. Одна тѣснина, которую Купе назвалъ «дефиле Гогга», по имени одного изъ своихъ друзей, представляетъ настоящую трещину, ширина которой менѣе 20 метровъ, и которая кажется даже совершенно смыкающейся тамъ, гдѣ выступы стѣнъ и нависшія скалы останавливаютъ взоръ. Въ самой узкой части этого ущелья принуждены были устроить между вертикальными стѣнами родъ пола или помоста, поддерживаемаго на сваяхъ, косвенно вбитыхъ въ камень: эта перекладина, кое-какъ сколоченная изъ гнилаго, источеннаго червями лѣса и очень дурно содержимая, позволяетъ видѣть сквозь щели между досками потокъ, который, кружась и пѣнясь, бѣловатыми водоворотами несется по дну черной трещины. Когда караванъ долженъ проходить по узкому помосту, впередъ шлютъ гонцовъ на другой конецъ ущелья, чтобы оста-

[1]) „Introduction to the River of Golden Sand“, by Gill.

[1]) „Misson du Tibet“.

навливать путешественниковъ, ѣдущихъ или идущихъ въ противоположномъ направленіи. Во многихъ мѣстахъ теченія этихъ рѣкъ, тамъ, гдѣ ущелья представляютъ съ той и другой стороны легко доступныя террасы, устроили легучіе мосты, напоминающіе нѣсколько tabaritas колумбійцевъ, или «корду», которая въ былое время служила средствомъ перехода черезъ тѣснину рѣки Эро, близъ Сенъ-Гильемъ-ле-Дезеръ, въ Лангедокѣ [1]), и другіе мостики того же рода, употребляемые пастухами и контрабандистами для переправы съ одного берега на другой, въ тѣснинахъ Дуэро [2]). Простой канатъ, сплетенный изъ волоконъ бамбука, протянутъ съ одной стороны ущелья на другую,



Лассa. Монастырь Потала XVII вѣка

[1]) Renand de Vilback, „Voyages dans les départements du Languedoc".

[2]) Onésim Reclus, рукописныя замѣтки.

съ довольно большимъ уклономъ для того, чтобы предметъ, скользящій по веревкѣ, при помощи подвижнаго кольца, тоже бамбуковаго, увлекался собственной тяжестью до площадки противоположнаго берега: крѣпкія ременныя привязи принимаютъ путника или животное, которымъ нужно переправиться черезъ рѣку, и въ одно мгновеніе ока пространство пройдено. Чтобы вернуться, надо подняться на верхнюю площадку, откуда идетъ другая веревка, протянутая наклонно въ противоположномъ направленіи,—и снова совершенъ переходъ черезъ бездну [1]). Впрочемъ, планъ этихъ головокружительныхъ качелей болѣе или менѣе разнится въ разныхъ мѣстностяхъ страны.

Весьма вѣроятно, что большое число этихъ глубокихъ вырѣзокъ рельефа были вырыты водами въ грудахъ обломковъ горныхъ породъ, подобныхъ тѣмъ желтымъ землямъ, которыя занимаютъ столь значительное пространство въ бассейнахъ центральной Азіи и Желтой рѣки (Хуанъ-хэ). Рихтгофенъ полагаетъ даже, что все плоскогорье Хачи нѣкогда продолжалось на востокъ, и что выступы горъ, раздѣляющіе нынѣшнія долины рѣкъ Лу-цзяна, Ланьцань-цзяна, Цзинь-ша-цзяна составляютъ лишь незначительные остатки этой сплошной возвышенности. Но каковы бы ни были явленія размыва, мы находимъ много признаковъ, которые свидѣтельствуютъ о большой перемѣнѣ, происшедшей въ климатѣ страны. Слои красноватой жирной глины, подобные глетчернымъ глинамъ Европы, груды большихъ камней, оставленныя въ долинахъ, и особенно параллельныя горки, въ формѣ запрудъ, черезъ которыя горные потоки должны были открывать себѣ выходъ, заставляютъ думать, что ледники спускались прежде гораздо ниже въ бассейнахъ рѣкъ восточнаго Тибета [2]).

Хотя ледники удалились изъ долинъ и нижнихъ цирковъ къ вершинамъ горъ, нынѣшній климатъ Тибета достаточно характеризуется названіемъ «Царства снѣговъ», которое обыкновенно даютъ этой странѣ всѣ ея сосѣди; по словамъ Турнера, жители Бутана называютъ ее просто Пуэкоашимъ или «Сѣвернымъ снѣгомъ» [3]). Обитатели окружающихъ равнинъ, видя всегда бѣловатые гребни горъ, когда смотрятъ въ направленіи Тибета, не могутъ представить себѣ этотъ край иначе, какъ постоянно покрытымъ глубокими снѣгами. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайная сухость воздуха, простирающагося надъ плоскими возвышенностями, на сѣверѣ отъ двойнаго хребта Гималайскихъ и Загималайскихъ горъ, уравновѣшиваетъ слѣдствія высокаго положенія надъ уровнемъ моря. Случается, что въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не выпадетъ ни одной снѣжинки, а когда и осядетъ немного атмосферной влаги въ этой формѣ, то вѣтеръ тотчасъ же уноситъ ее въ овраги, или, если снѣгъ выпадетъ лѣтомъ, солнце тотчасъ же растопитъ его своими жгучими лучами. На юго-восточномъ углу Тибета поясъ постоянныхъ снѣговъ начинается на высотѣ отъ 5.670 до 5.730 метровъ, то-есть на высотѣ, лежащей на 900 метровъ выше вершины Монъ-Блана [1]); даже на высотѣ 5.975 метровъ на Кайласкомъ перевалѣ, Форсайтъ нашелъ голую скалу. На южныхъ склонахъ Гималая, снѣга, густо приносимые вѣтромъ, спускаются гораздо ниже, нежели на сѣверной или тибетской покатости, и проходы этихъ горъ запираются ранѣе, чѣмъ болѣе высокіе перевалы, перерѣзывающіе на сѣверѣ различные хребты Тибетскаго плоскогорья; даже въ срединѣ зимы можно отправиться изъ Кашмира въ Яркендъ, благодаря незначительной глубинѣ снѣговъ. Сухость воздуха такъ велика въ нѣкоторыхъ областяхъ Тибета, что нужно обвертывать парусиной или какой-нибудь матеріей двери и деревянныя колонны въ домахъ, иначе онѣ потрескаются; чтобы предохранить кожу отъ трещинъ, многіе путешественники имѣютъ привычку натирать себѣ лицо какой-то черноватой мазью. Животныя, погибающія на дорогѣ во время перехода черезъ плоскогорье, высыхаютъ мало-по-малу: нѣкоторые изъ самыхъ трудныхъ переваловъ обставлены по сторонамъ этими муміями яковъ, лошадей, овецъ. Когда одно изъ вьючныхъ животныхъ падетъ въ дорогѣ, люди каравана имѣютъ привычку вырѣзывать изъ мяса лучшіе куски и нацѣпляютъ ихъ на шипы колючихъ кустовъ для того, чтобы будущіе караваны нашли готовую провизію вдоль своего пути [2]).

Но если снѣга относительно мало обильны на этихъ горныхъ странахъ, среднее возвышеніе которыхъ, однако, значительно превосходитъ среднюю высоту европейскихъ Альпъ, климатъ тамъ, тѣмъ не менѣе, очень суровъ. Гюкъ, Пржевальскій, Дрю и другіе путешественники разсказываютъ о страшныхъ холодахъ, которые имъ приходилось переносить, и къ которымъ присоединяются еще страданія, причиняемыя недостаткомъ кислорода для дыханія. При переходѣ черезъ возвышенные перевалы и высокіе гребни горъ, разрѣженность воздуха дѣлаетъ подъемъ и вообще движеніе очень трудными, такъ что всякое усиліе становится тяжелымъ, и не только люди, но даже животныя страдаютъ такъ называемой «горной болѣзнью»; часто верблюды падаютъ словно

[1]) Huc, „Voyage en Tartarie"; Cooper „Travels of a pioneer of commerce".

[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie", vag. 1869 г.

[3]) Turner, „Embassi to the Court of the Teshoo-Lama".

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Asien und Hochasien".

[2]) Forsyth, „Journal of the Geographical Society" 1867.

пораженные громомъ, «отравленные, какъ говорятъ китайскіе писатели, смертоносными парами, поднимающимися съ земли». Въ 1870 г. [1]) одинъ караванъ, отправившійся изъ Лассы въ февралѣ мѣсяцѣ, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, потерялъ тысячу своихъ верблюдовъ, погибшихъ во время страшныхъ бурановъ, и достигъ цѣли своего путешествія, оставивъ по дорогѣ пятьдесятъ человѣкъ своихъ товарищей. Зимой всѣ ручьи и рѣки, всѣ озера замерзаютъ, не только на плоскогорьяхъ, но даже и въ долинахъ, берущихъ начало на этихъ возвышенностяхъ: нужно спуститься до высоты 2.400 или даже 2.100 метровъ надъ уровнемъ моря, чтобы попасть на берегъ рѣкъ, свободно катящихъ свои воды. Даже въ іюлѣ и августѣ караваны часто, при переходѣ черезъ перевалы, находятъ воды замерзшими, и, чтобы напиться и напоить животныхъ, принуждены растапливать снѣгъ. Когда порывъ вѣтра охладитъ атмосферу, потоки рѣкъ, площади озеръ быстро превращаются въ ледъ. Яки, у которыхъ космы длинной шерсти обвертываются, словно чехлами, бѣлыми сосульками изъ кристаллизованной воды, идутъ медленно, широко разставляя ноги, отягченные безобразной массой висящихъ льдинъ. Гюкъ разсказываетъ, что, переходя по льду черезъ р. Муру-усу, въ верхней части ея теченія, онъ замѣтилъ издали штукъ пятьдесятъ какихъ-то безформенныхъ, черноватыхъ предметовъ, выстроенныхъ въ шеренгу поперекъ рѣки. Подойдя ближе, онъ узналъ въ этихъ предметахъ дикихъ быковъ, которые, очевидно, хотѣли переправиться черезъ потокъ, но были захвачены внезапно образовавшимся льдомъ: положеніе тѣлъ въ плывущей позѣ было явственно видно подъ прозрачной, какъ хрусталь, ледяной корой; ихъ красивыя головы, увѣнчанныя большими рогами, остались надъ поверхностью замершей воды; но орлы и вороны выклевали имъ глаза [2]).

Лучеиспусканіе теплоты въ воздушныя пространства подъ яснымъ, совершенно безоблачнымъ небомъ, способствуетъ, въ сильной степени, охлажденію области плоскогорій, и для путешественниковъ леденящая стужа этихъ возвышенностей тѣмъ болѣе страшна, что топлива тамъ почти совсѣмъ не достанешь: съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ поисковъ удается собрать тамъ и сямъ кое-какого хвороста; за исключеніемъ нѣкоторыхъ, занимающихъ благопріятное мѣстоположеніе, становищъ, вездѣ нужно запасаться въ дорогу каломъ яка, кіеуа, какъ его называютъ тибетцы. Но счастью, ночи почти всегда тихи: это объясняется тѣмъ, что температура тогда вездѣ равномѣрна, и потому нѣтъ никакихъ притягательныхъ фокусовъ, которые бы вызывали движеніе атмосферныхъ токовъ; но въ теченіе дня, когда плоскогорья освѣщены солнцемъ, между тѣмъ какъ долины и низменности остаются въ тѣни и въ холодѣ, страшные вѣтры выметаютъ поверхность почвы, поднимая вихри пыли; всѣ путешественники съ ужасомъ говорятъ объ этихъ вьюгахъ. Въ нѣкоторыхъ низменныхъ мѣстностяхъ земледѣльцы имѣютъ обыкновеніе затоплять водой свои поля при наступленіи зимы, чтобы предохранить растительную землю отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтра; кромѣ того, этотъ способъ увеличиваетъ производительность почвы [1]).

Разсматриваемое въ совокупности, плоскогорье Тибета, рѣзко ограниченное высокими горными массами и краевыми цѣпями, отличается сухостью воздуха, суровостью климата, крайностями тепла и холода; дожди и снѣга приносятся туда съ Индійскаго океана въ незначительномъ количествѣ, сила южныхъ муссоновъ истощается, въ видѣ вихрей и проливныхъ дождей, въ долинахъ Гималая, и только верхній встрѣчный пассатъ обнаруживается въ высотахъ пространства клубами снѣга, вылетающими съ вершинъ Кинчинджунги и другихъ исполиновъ Гималая [2]). Однако область восточнаго Тибета, къ которой подходитъ въ видѣ полукруга обширный Бенгальскій заливъ, принадлежитъ уже отчасти къ климату Индіи: вѣтры проникаютъ въ эти страны черезъ проломы горъ, которыя съ этой стороны гораздо ниже, чѣмъ на западной окраинѣ, и приносятъ обильные дожди, особенно въ періодъ «ирръ», то-есть дождя, обнимающаго три мѣсяца: августъ, сентябрь и октябрь [3]); всѣ рѣки, получающія начало въ этой части Тибета, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, питаются этими ливнями еще гораздо болѣе, чѣмъ отъ таянія снѣговъ. Особенно обильны и часты дожди въ апрѣлѣ и маѣ; они начинаются ранѣе на этихъ возвышенностяхъ Тибета, нежели въ низменныхъ равнинахъ Индостана, по причинѣ болѣе быстраго охлажденія атмосферныхъ теченій въ этихъ высокихъ областяхъ и происходящаго оттого сгущенія водяныхъ паровъ [4]).

Высота тибетскихъ плоскогорій, на западъ отъ провинціи Камъ, слишкомъ значительна, для того чтобы древесная растительность могла имѣть гдѣ-либо представителей, кромѣ какъ въ лощинахъ, оврагахъ и ущельяхъ, да и въ этихъ впадинахъ, хорошо защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ, ивы, тополи и кое-какія плодовыя деревья суть единственныя древесныя породы, которыя можно встрѣтить; въ другихъ

---

[1]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ“.

[2]) „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine“.

[1]) Samuel Turner, цитирован. сочиненіе;—Ganzenmüller „Tibet“.

[2]) Blanford, „Reports on the Meteorology of India“, 1875 and 1876.

[3]) Campbell;—von Klöden, „Oesterreichische Monatschrift für den Orient“, 1881.

[4]) R. Gordon, „Report on the Irrawaddy River“.

мѣстахъ увидишь только низенькія или даже стелющіяся по землѣ деревца, едва достигающія въ высоту роста человѣка; впрочемъ, ламамъ садовникамъ удалось вырастить прекрасные тополи вокругъ монастыря Мангнангъ, въ провинціи Нари, на высотѣ 4.104 метровъ [1]). На большей части открытыхъ вѣтрамъ плоскогорій, поднимающихся выше 4.000 метр., вся растительность состоитъ изъ злаковъ, тонкихъ и жесткихъ, какъ шило, которые въ концѣ концовъ прокалываютъ роговую оболочку копыта верблюдовъ и разрѣзываютъ имъ ноги до крови [2]). Однако, одно деревянистое растеніе, дерево по своимъ корнямъ и по своему лежащему стеблю, называемое по-тибетски ябагере, стелется еще по землѣ на высотѣ 4.500 метровъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его увидишь даже тамъ, гдѣ и трава ужъ даже не можетъ расти, по причинѣ крайней сухости воздуха или солонцоватости почвы; Годвинъ Аустенъ нашелъ это деревцо растущимъ въ изобиліи на плоскогорьѣ Чонъ-чегму на высотѣ 5.500 метр. надъ уровнемъ океана [3]). Въ сѣверной части Тибета растутъ по скатамъ горъ ползущіе по землѣ кустарники облепихи, тибетской осоки, курильскаго чая и др. [4]). Пундитъ Найнъ-сингъ видѣлъ засѣянныя ячменемъ поля, на высотѣ болѣе 4.640 метровъ, то-есть почти на высотѣ вершины Монтъ-Роза; весь бассейнъ Омбо въ которомъ находится озеро Дангра-юмъ, имѣетъ видъ обширной чащи зелени [5]); тамъ и сямъ другіе «санги» одѣты сплошнымъ ковромъ мягкой, нѣжной муравы, такой же «бархатной, какъ луга Англіи»! Въ самыхъ холодныхъ областяхъ, гдѣ еще живутъ тибетцы, зерновые хлѣба рѣдко вызрѣваютъ, и туземцы этихъ мѣстностей не имѣютъ другихъ источниковъ продовольствія, кромѣ молока и мяса, доставляемыхъ ихъ стадами. Что касается долинъ юго-восточной покатости Тибета, занимающихъ уже гораздо менѣе возвышенное положеніе, нежели плоскогорья, и получающихъ въ изобиліи дождевыя воды, то онѣ покрыты огромными лѣсами: эта часть Тибета одна изъ самыхъ лѣсистыхъ странъ земнаго шара. Между большими деревьями этихъ лѣсовъ особенно замѣчателенъ падубъ иглистый, рѣзко отличающійся отъ своихъ европейскихъ родичей удивительнымъ развитіемъ, которое онъ пріобрѣтаетъ: онъ не достигаетъ такой высоты, какъ сосна, но не уступаетъ послѣдней въ отношеніи толщины ствола и много превосходитъ ее богатствомъ и обиліемъ листвы [6]).

Если тибетскимъ возвышенностямъ не достаетъ лѣснаго убора, какимъ щеголяетъ южный склонъ Гималайскаго хребта, то онѣ далеко превосходятъ эти южные скаты богатствомъ и разнообразіемъ своей фауны: лишенныя лѣсовъ, эти плоскогорья изобилуютъ животными, дикими и домашними [1]). Тибетъ, который зоологи считаютъ особенною областію [2]), обладаетъ спеціальной фауной, одною изъ самыхъ богатыхъ, къ которой, между прочимъ, принадлежатъ джигетаи, ослы, яки (монгольскій быкъ), разныя породы овецъ, нѣсколько видовъ антилопъ, газели, косули. Найнъ-сингъ насчитывалъ до двухъ тысячъ антилопъ, бродившихъ ссадами и напомнавшихъ издали полки солдатъ своими остроконечными рогами, блестѣвшими на солнцѣ, какъ штыки; эти животныя, которыхъ путешественники съ удивленіемъ встрѣчаютъ иногда въ мѣстностяхъ, совершенно лишенныхъ растительности, очень хорошо знаютъ всѣ пастбища нагорья и посѣщаютъ ихъ послѣдовательно, одно за другимъ, проходя каждый годъ тысячи верстъ. Братья Шлагинтвейты видѣли яковъ на высотѣ 5.940 метровъ, а тарбагана или сурокъ-байбакъ (arctomys bobac) роетъ свои норы въ глинистой землѣ еще на высотѣ 5.480 метровъ. Лисицы, шакалы, дикія собаки, бѣлые волки [3]) съ пушистой шерстью, какая, впрочемъ, свойственна всѣмъ четвероногимъ животнымъ Тибета, гоняются за дичью, а въ сосѣдствѣ озера Тенгри-норъ бѣлые медвѣди, похожіе на медвѣдей полярныхъ странъ, иногда дѣлаютъ большія опустошенія въ стадахъ [4]). Въ восточномъ Тибетѣ фауна еще гораздо богаче, чѣмъ на плоскогорьяхъ: яки пасутся тамъ стадами и нерѣдко становятся добычей рысей и пантеръ; мускусныя лани живутъ въ лѣсахъ верхнихъ склоновъ выше 2.600 метровъ [5]); обезьяны, бѣлки, свиньи мелкой породы населяютъ лѣса низменныхъ областей, а медвѣди опустошаютъ плантаціи маиса [6]). Въ сравненіи съ фауной млекопитающихъ, птицы здѣсь рѣдки, но зато высота, до которой онѣ поднимаются, по истинѣ изумительна, такъ какъ кукушку можно встрѣтить еще на высотѣ 3.300 метр., жаворонка на высотѣ 4.500 метр., а другіе виды даже до высоты 5.500 метр. [7]). Въ собственномъ Тибетѣ, внѣ мѣстъ перелета, путешественникъ нигдѣ не услышитъ пѣвчихъ птицъ; онъ увидитъ только парящими высоко надъ его головой хищниковъ, орловъ, ястребовъ, питающихся падалью.

---

[1]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.
[2]) Гюкъ; Пржевальскій.
[3]) „Journal of the Geographical Society“, 1867.
[4]) Пржевальскій, „Третіе путешествіе“, стр. 184.
[5]) Найнъ-сингъ; Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.
[6]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Samuel; Turner; Hermann v. Schlagintweit; Пржевальскій.
[2]) A. Milne-Edwards, „Bulletin de la Société d'Acclimatation“, 2-e Serie, tome IX.
[3]) Пржевальскій;—Годгсонъ.
[4]) Найнъ-сингъ, Пржевальскій.
[5]) Fr. Markham, „Sporting Adventures in Ladak, Tibet und Kashmir“.
[6]) „Annales de la propagation de la foi“, juillet 1842.
[7]) Hume, „From Lahore to Yarkand“.

вороновъ, замѣчательныхъ, какъ и полярные вороны, металлическимъ звукомъ своего голоса [1]). Въ лѣсахъ восточнаго Тибета летаютъ фазаны. Немногочисленныя ящерицы и змѣи показываются еще въ нѣкоторыхъ частяхъ Тибета до высоты 4.630 метровъ, и даже, на высотѣ еще болѣе значительной, въ озерахъ нагорья водятся рыбы. Тогда какъ на Альпахъ крайній предѣлъ обитанія рыбъ находится на высотѣ 2.130 метр. [2]), Германъ Шлагинтвейтъ видѣлъ въ озерѣ Могналари, на высотѣ 4.240 метровъ, нѣкоторыя породы лососей, которыя каждый годъ, подобно морскимъ лососямъ, поднимаются въ верхнее прѣсноводное озеро для метанія икры. По словамъ пундита Найнъ-синга, рыбы массами плещутся въ озерѣ Кіарингъ, въ горныхъ потокахъ, впадающихъ въ этотъ бассейнъ, и въ водахъ озера Тенгри-норъ, на высотѣ 4.570 метровъ; еще выше, на высотѣ 4.647 метр. надъ уровнемъ моря [3]), форели прыгаютъ на поверхности озера Манасароваръ, когда вѣтеръ приноситъ туда тучи комаровъ. Въ озерахъ, сдѣлавшихся солеными, прѣсноводныя рыбы приспособились къ своей новой средѣ.

Тибетцы приручили многихъ изъ животныхъ свойственныхъ ихъ странѣ. Между этими приученными животными одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ якъ, отъ скрещиванія котораго съ индійской коровой зебу получилась особая порода, называемая дзо, разновидности которой всѣ различаются мастью шерсти, тогда какъ дикій якъ всегда остается чернымъ; въ четвертомъ поколѣніи эти животныя возвращаются къ первоначальному виду [4]). Якъ, хотя всегда немного упрямый, служитъ тибетцамъ вьючнымъ животнымъ и сопровождаетъ ихъ въ путешествіяхъ по плоскогорью; однако при переходахъ черезъ самые возвышенные хребты, употребляются для переноски тяжестей, бараны, такъ какъ яки менѣе выносятъ холодъ и усталость; каждая овца несетъ среднимъ числомъ отъ 20 до 30 фунтовъ клади, не получая другой пищи, кромѣ травы, какая попадается по краямъ дороги [5]). Во время путешествія пундита Найнъ-синга вьючные бараны сопровождали его на пространствѣ болѣе 1.600 километровъ. Лошади и джигетаи сдѣлались для тибетцевъ превосходными верховыми животными, замѣчательными по ихъ необычайной выносливости и неразборчивости относительно корма. Но самое драгоцѣнное изъ домашнихъ животныхъ Тибета — коза, пашмъ, короткій пухъ которой, скрытый подъ наружной шерстью, имѣетъ столь высокую цѣну для выдѣлки знаменитыхъ кашмирскихъ шалей. Собаки, большія и страшныя, не употребляются для охоты, а только для охраны домовъ и стадъ, особенно стадъ вьючныхъ барановъ: въ Индіи онѣ вырождаются, но нѣсколько собакъ этой породы, привезенныхъ въ Англію, совершенно акклиматизировались [1]).

Главная масса тибетскаго населенія, если оставить въ сторонѣ хоровъ и соковъ, то-есть тюрковъ и монголовъ плоскогорья Хачи [2]), и различные независимые народцы провинціи Камъ,—принадлежатъ къ одной и той же группѣ расы, называемой монгольской. Это люди маленькаго роста, но широкоплечіе и широкогрудые, рѣзко отличающіеся отъ индусовъ толщиной своихъ рукъ и ногъ, но имѣющіе, какъ и они, красивыя и тонкія кисти и ступни. У большинства тибетцевъ скулы выдающіяся, переносье глубоко взрѣзывается между двумя черными глазами, немного прищуренными, ротъ большой съ тонкими губами, лобъ широкій, обрамленный темными волосами. Какъ и въ Европѣ, въ Тибетѣ можно встрѣтить всѣ оттѣнки кожи, отъ самой нѣжной съ бѣлизной у богатыхъ до желтаго и мѣдно-краснаго цвѣта, у пастуховъ, подвергающихся всѣмъ непогодамъ и перемѣнамъ температуры; но она очень рано покрывается морщинами: уже у молодыхъ людей лицо изборождено складками [3]). Во многихъ нагорныхъ долинахъ кретины многочисленны. Проказа и водобоязнь довольно обыкновенныя болѣзни на плоскогорьѣ.

Тибетцы безспорно одинъ изъ наилучше одаренныхъ народовъ земнаго шара: почти всѣ путешественники, которымъ удавалось проникнуть въ ихъ страну, въ одинъ голосъ хвалятъ ихъ кроткій нравъ, ихъ гуманность, прямодушіе, искренность ихъ словъ и поступковъ, ихъ чувство собственнаго достоинства безъ чванства у знатныхъ и богатыхъ, безъ натяжки у простолюдиновъ. Сильные физически, мужественные, веселые отъ природы, страстные охотники до музыки, пляски и пѣнія, тибетцы были бы образцовымъ народомъ, если бы ко всему этому обладали еще духомъ иниціативы и независимости. Но они очень легко подчиняются чужой волѣ и позволяютъ обращать себя въ стадо. Что скажутъ ламы, то для нихъ законъ. Даже воля китайскихъ резидентовъ, несмотря на то, что они совершенные чужеземцы, свято исполняется, и такимъ-то образомъ нація, столь радушная и гостепріимная, дошла до того, что въ угоду своимъ иностраннымъ повелителямъ должна стеречь собственныя границы, чтобы не пропускать европейскихъ пу-

[1]) Manning;—Cl. Markham.
[2]) H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und in Hochasien“, III.
[3]) Moorcroft, „Asiatic Researches“; — Carl Ritter, „Asien“, vol. III.
[4]) Desgodins, „Mission du Tibet“.
[5]) Найнъ-сингъ;—Trotter; „Journal of the Geographical Society“, London, 1877.

[1]) Forsyth, „From Lahore to Yarkand“.
[2]) Csoma de Körös,—Klaproth,—Hodhson.
[3]) Ryall, „Abstract of the Surveys in India for 1877—78“.

тешественниковъ. Населенія, болѣе или менѣе смѣшанныя, восточнаго Тибета, на границахъ съ Китаемъ и въ мѣстахъ прохода китайскихъ войскъ, которыя ихъ грабятъ, и мандариновъ, которые ихъ притѣсняютъ, какъ кажется, не отличаются такими же хорошими нравственными качествами, какъ другіе тибетцы: путешественники описываютъ этихъ пограничныхъ жителей плутоватыми и трусливыми [1]). Между тибетскими населеніями плоскогорья нужно тщательно различать камповъ и камбовъ. Кампы возвышенной долины Инда представляютъ большое сходство съ ладакскими тибетцами: это люди всегда веселые, радостные, переносящіе съ изумительной безропотностью и покорностью духа то, что другимъ показалось бы несказаннымъ несчастіемъ; рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ другихъ тибетцевъ, они мало религіозны, и не было примѣра, чтобы кто-нибудь изъ этихъ дѣтей поступалъ въ монастырь [2]). Что касается камбовъ, то это переселенцы изъ провинціи Камъ, лежащей къ востоку отъ Лассы. Они странствуютъ въ качествѣ нищихъ монаховъ, отъ становища къ становищу и доходятъ до самаго Кашмира. Тамъ и сямъ нѣкоторыя группы ихъ оставили бродячую жизнь и принялись за земледѣліе.

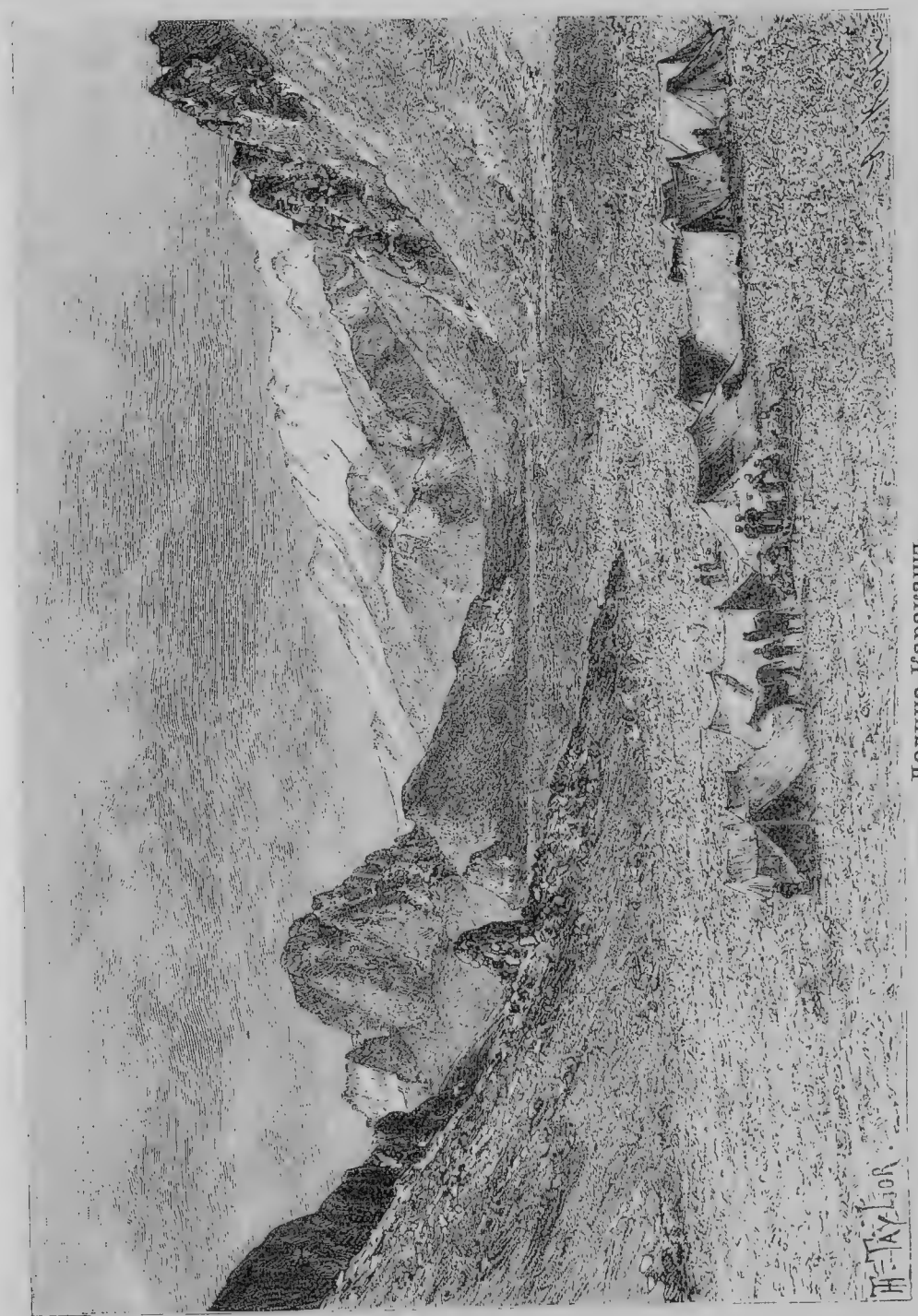
Жители Бодъ-юла—народъ цивилизованный съ давняго времени. Правда, каменный вѣкъ сохранился еще до сихъ поръ для нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоній; такъ, напримѣръ, высшіе жрецы употребляютъ при постриженіи ламъ, такъ называемый «громовой камень» [3]). Этотъ періодъ въ исторіи развитія человѣчества еще не исчезъ также на возвышенныхъ плоскогорьяхъ Тибета, гдѣ пастухи многочисленныхъ становищъ варятъ себѣ пищу въ котлахъ, выдолбленныхъ изъ камня [4]); но послѣднее объясняется крайней изолированностью, недостаткомъ сношеній съ остальнымъ міромъ; имъ не безъизвѣстно о существованіи мѣди и желѣза, и тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ возможность добыть себѣ металлическія орудія, охотно дѣлаютъ это. По своей промышленности и своимъ знаніямъ тибетскій народъ принадлежитъ къ группѣ азіатскихъ населеній, наиболѣе подвинувшихся къ культурѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ масса тибетской націи является даже болѣе цивилизованной, чѣмъ жители многихъ европейскихъ странъ, ибо въ нѣкоторыхъ частяхъ Бодъ-юла грамотность распространена между всѣми слоями населенія, и книги продаются тамъ по такой дешевой цѣнѣ, что ихъ найдешь въ самыхъ бѣдныхъ лачугахъ [5]); впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій пріобрѣтаются и хранятся просто ради приписываемыхъ имъ чудодѣйственныхъ свойствъ [1]). По свободному развитію своего языка, который изъ европейскихъ лингвистовъ изучали въ особенности Чома-де-Керешъ, Фуко, Шифнеръ, Іешке, тибетцы перешли уже тотъ періодъ, въ которомъ находятся еще китайцы. Моносиллабическій характеръ ихъ идіомовъ, весьма отличныхъ отъ всѣхъ другихъ азіатскихъ языковъ, почти утратился: между тѣмъ, какъ оффиціальный языкъ, точно опредѣленный жрецами уже двѣнадцать столѣтій тому назадъ, былъ удержанъ для письменности, разговорная рѣчь, увлекаемая теченіемъ жизни, мало-по-малу преобразовалась въ полисиллабическій (многословный) идіомъ, и обычай разнообразить интонаціи для односложныхъ словъ, имѣющихъ различное значеніе, начинаетъ исчезать. Отдѣльныя старинныя слова, смыслъ которыхъ потерялся, были присоединены къ корнямъ, чтобы образовать падежи именъ существительныхъ, наклоненія и времена глаголовъ, а члены употребляется для различенія однозвучныхъ словъ [2]). Различныя письмена бодскаго или тибетскаго языка произошли отъ буквъ алфавита деванагари, употреблявшихся въ санскритскихъ книгахъ, занесенныхъ въ Тибетъ первыми буддійскими миссіонерами. Мало найдется языковъ, въ которыхъ бы нынѣшнее произношеніе больше, чѣмъ въ тибетскомъ, разнилось отъ правописанія, установившагося много вѣковъ тому назадъ и доселѣ строго соблюдаемаго: многія буквы пишутся, но не выговариваются, или выговариваются совершенно иначе нежели какъ показываютъ ихъ знаки.

Тибетскія нарѣчія многочисленны и сильно разнятся одно отъ другаго. Хотя населенія бодскаго или тибетскаго корня переходятъ далеко за нынѣшнія границы Тибета, распространяясь на западъ до Кашмира, на югъ до Бутана, и на востокъ до провинціи Сы-чуань, однако многіе изъ дикихъ или полуцивилизованныхъ народцевъ, живущихъ осѣдло или кочующихъ въ восточныхъ областяхъ или на сѣверныхъ возвышенностяхъ Тибета, принадлежатъ къ различнымъ расамъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ. На югѣ мишми, аборы и другія народности связаны по происхожденію съ обитателями Ассама. Другія племена юго-восточной области Тибета, арруты, ба-и или шіоны, телуты, ремепуты говорятъ нарѣчіемъ меламъ, тибетскимъ діалектомъ съ примѣсью множества иностранныхъ словъ [3]). Амдоаны, живущіе на сѣверо-востокѣ въ сосѣдствѣ Гань-су, почти всѣ знаютъ два языка, свой родной и тибетскій. Этотъ народъ, у котораго сильно развита любовь къ стран-

[1]) Desgodins, цитированное сочиненіе.
[2]) Drew, „the Northern of India".
[3]) Bogle, „Mission to Tibet".
[4]) Найнъ-сингъ;—Троттеръ, „Journal of Geographical Society", 1877.
[5]) Hodgson, Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet.

[1]) Desgodins.
[2]) Jäschke, Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, XXIV.
[3]) Desgodins, „Mission du Thibet".

ствованіямъ и переселеніямъ, отличается быстрой понятливостью, сметливостью и способностью ко всякимъ работамъ: почти всѣ чтецы и ламы высшихъ школъ, все равно какъ и высшіе чиновники Тибета, принадлежатъ къ ихъ вѣстныя по большей части подъ именами лоло или коло, маньцзы, лиссу, си-фань, названіями, лишенными всякаго точнаго значенія, принадлежатъ къ особеннымъ группамъ, и одни изъ нихъ говорятъ діалектомъ очевидно тибетскимъ,



Долина Каракашъ.

племени [1]). На западѣ провинціи Камъ, по обѣ стороны сы-чуанской границы, населенія, пребывающія еще въ полудикомъ состояніи и изъ другія же употребляютъ нарѣчія различнаго происхожденія [1]). Большая часть наименованій,

[1]) Brian Hodgson, цитированное сочиненіе.

[1]) Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand", by Gill.

которыми китайцы и тибетцы обозначаютъ различныя племена этой страны, могутъ быть принимаемы лишь временно, до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ настоящихъ именъ; въ этихъ китайскихъ и тибетскихъ названіяхъ нужно видѣть просто насмѣшливыя прозвища или даже ругательныя клички, съ негодованіемъ отвергаемыя самими населеніями, къ которымъ они примѣняются [1]). Китайское вліяніе становится все болѣе и болѣе чувствительнымъ въ сосѣдствѣ Сы-чуани и въ большихъ городахъ Тибета. Такъ какъ китайскимъ женщинамъ совершенно воспрещенъ въѣздъ въ страну, то всѣ пришельцы изъ Срединнаго царства, живущіе или странствующіе на тибетскихъ плоскогорьяхъ, мандарины, солдаты или торговцы, временно берутъ себѣ въ жены туземокъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства населеніе пограничныхъ округовъ состоитъ въ значительной части изъ метисовъ, которые, сообразно средѣ, причисляются постепенно либо къ тибетцамъ, либо къ китайцамъ.

Выходцы изъ Срединной имперіи не единственные чужеземцы, живущіе въ тибетскихъ городахъ. Непальцы и бутанцы, пришедшіе изъза Гималайскихъ горъ, очень многочисленны въ Лассѣ, гдѣ они занимаются обработкой металловъ, тонкой ювелирной работой, литейнымъ и котельнымъ мастерствомъ. Они живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ и отличаются нѣкоторыми оссбенностями религіозныхъ обрядовъ; однако, въ большихъ мѣстныхъ церемоніяхъ они присоединяются къ другимъ буддистамъ. Затѣмъ въ Лассѣ живетъ не мало мусульманъ, по большей части потомковъ переселенцевъ изъ Кашмира: это—качи, красивые мужчины, благородно носящіе высокую чалму и длинную бороду и говорящіе всегда съ важнымъ видомъ. Строгіе исполнители Магометова закона, никогда не входящіе въ другія религіозныя зданія, кромѣ своей мечети, они живутъ особнякомъ, какъ отдѣльный народъ, и не вступаютъ въ брачные союзы внѣ своей колоніи. Эти мусульманскіе жители тибетской столицы занимаются коммерціей; они имѣютъ большіе магазины матерій и спекулируютъ драгоцѣнными металлами. Одно время у нихъ въ Лассѣ былъ свой собственный губернаторъ, которому они подсудны, и который признавался министрами Далай-ламы [2]).

Извѣстно, что Тибетъ есть центръ той религіи, которая съ успѣхомъ оспариваетъ у христіанства первенство въ отношеніи числа послѣдователей. Тибетцы самые ревностные изъ буддистовъ, хотя ихъ культъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ прежнихъ вѣрованій и обрядностей, а также подъ вліяніемъ климата, образа жизни, сношеній съ окружающими народцами, только по внѣшнимъ признакамъ походитъ на древнюю религію Шакія-Муни, четвертаго изъ воплотившихся Буддъ. Только въ пятомъ вѣкѣ нашей эры, послѣ первыхъ попытокъ, сдѣланныхъ за три столѣтія передъ тѣмъ, индусскіе миссіонеры начали съ успѣхомъ дѣло обращенія тибетскаго народа, обрядность котораго, подобная обрядамъ китайскаг одаосизма, состояла тогда въ поклоненіи и принесеніи жертвъ озерамъ, горамъ и деревьямъ, представляющимъ силы природы; но прошло цѣлыхъ двѣсти лѣтъ прежде, чѣмъ новый культъ замѣнилъ общимъ образомъ въ странѣ прежнюю религію Бонъ или Пенъ-бо: первый храмъ былъ построенъ только въ [illegible] году. Сто лѣтъ спустя, религіозныя зданія, монастыри и кумирни существовали уже во всѣхъ частяхъ страны, и религія Будды озаряла Тибетъ, какъ «свѣтъ солнца». Это былъ золотой вѣкъ теократическаго могущества, ибо, по выраженію монгольскаго историка Санангъ-Сцена, «безграничное уваженіе, которое питали къ жрецамъ, давало народу благоденствіе подобное состоянію блаженныхъ духовъ». Одна изъ культы, предшествовавшіе буддизму, какъ кажется, не были совершенно побѣждены, такъ какъ по свидѣтельству того же писателя, «любовь къ добрымъ мыслямъ и похвальнымъ поступкамъ была впослѣдствіи забыта, какъ сновидѣніе». Вѣроученіе было возстановлено во всей своей силѣ только въ концѣ десятаго столѣтія, но вскорѣ послѣ того оно распалось на секты. Четыреста лѣтъ спустя тибетскій буддизмъ подвергся религіозному обновленію. Монахъ Цзонхава предпринялъ пересмотръ всего ученія, составилъ новыя правила, измѣнилъ обряды и церемоніи: его послѣдователи извѣстны подъ именемъ «желтыхъ шапокъ», и культъ ихъ сдѣлался господствующимъ въ Тибетѣ, тогда какъ прежняя секта «красныхъ шапокъ» сохранила свою силу въ Непалѣ и Бутанѣ; но для обѣихъ этихъ сектъ такъ же, какъ и для семи другихъ, которыя нынѣ существуютъ въ Тибетѣ [1]), красный цвѣтъ остался однимъ изъ священныхъ цвѣтовъ для храмовъ и монастырей: по правиламъ, религіозныя зданія, кумирни, вообще сооружаемыя въ формѣ пирамиды, должны имѣть сѣверный фасъ окрашенный въ зеленый цвѣтъ, восточный въ красный, южный въ желтый, а западный остается бѣлымъ.

Реформаторъ Цзонхава былъ почитаемъ его послѣдователями, какъ воплощеніе божества, какъ живой Будда, принявшій видъ человѣческаго естества. Онъ не умираетъ, но переходитъ изъ тѣла въ тѣло подъ чертами хубильгана или «новорожденнаго Будды», и такимъ-то образомъ онъ вѣчно продолжается подъ видомъ Баньчань-ламы, имѣющаго резиденцію въ

[1]) Francis Garnier, „Tour du Monde“, 1873;—Венюковъ, „Составъ населенія Китая“.

[2]) Huc, „Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine“.

[1]) Emil Schlagintweit, „Buddism in Tibet.

святомъ монастырѣ Чжасилюмбу, близъ Шигатцзэ. Другой воплощенный Будда занялъ мѣсто рядомъ съ нимъ въ почитаніи тибетцевъ и превосходитъ его въ политическомъ могуществѣ, благодаря своему пребыванію въ столицѣ Тибета и своимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ китайскими министрами: это Далай-лама или «верховный жрецъ океана», о возведеніи котораго на престолъ Будды разсказываютъ различно; говорятъ, что будто бы въ шестнадцатомъ или семнадцатомъ столѣтіи, вслѣдствіе нашествія монголовъ, признанія верховной ленной власти со стороны китайскаго императора или монгольскаго великаго хана, духовный князь города Лассы занялъ мѣсто между безсмертными божествами, возрождающимися сами собой, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Третьимъ воплощеннымъ Буддой, въ іерархіи ламаистовъ, считается лама города Урги въ Монголіи; но кромѣ того существуетъ еще нѣсколько другихъ, и даже настоятельница одного монастыря, находящагося на южномъ берегу озера Палти, въ Тибетѣ, почитается какъ божественное воплощеніе Будды [1]).

Между тибетскими буддистами нѣкоторые рѣдкіе мистики, отъ природы склонные къ самосозерцанію, къ возвышеннымъ умозрѣніямъ, какъ индусы, остаются вѣрными ученію, проповѣданному первыми миссіонерами буддизма, и поставляютъ себѣ высшей цѣлью жизни и подвижничества либо избавленія себя отъ всякой будущей метемпсихозы [переселенія души] [2]), либо идеальное усовершенствованіе посредствомъ уничтоженія всего, что въ нихъ есть еще матеріальнаго, и посредствомъ возрожденія на лонѣ вѣчно непзмѣннаго божества. Учители буддизма даже напередъ дѣлятъ совокупность вѣрующихъ на три группы—на интеллигенцію, людей средняго ума и образованія, и чернь, при чемъ послѣдняя не имѣетъ иной обязанности, кромѣ какъ только сообразоваться съ точно формулированными заповѣдями и предписаніями: для массы духовенства и народа религія есть не что иное, какъ чародѣйство, и культъ приноситъ пользу только какъ средство для устраненія злыхъ духовъ [1]).

Жизнь большинства тибетцевъ проходитъ въ вызываніяхъ и заклинаніяхъ духовъ въ формѣ молитвъ. Шесть магическихъ словъ, «омъ мани падме хумъ»,—которыя большинство комментаторовъ переводятъ словами: «о! драгоцѣнность въ лотосѣ, да будетъ такъ!», но которыя другіе объявляютъ непереводимыми,—составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, формулу молитвы, всего чаще повторяемую. Эти священныя слова, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенную силу, представляютъ первые членораздѣльные звуки, которымъ научается монгольскій или тибетскій ребенокъ: они составляютъ единственную молитву, которую онъ будетъ произносить, но онъ будетъ говорить и повторять ее безпрестанно. Онъ не знаетъ ни происхожденія ея, ни точнаго смысла, но что за бѣда! въ ней, тѣмъ не менѣе, заключается

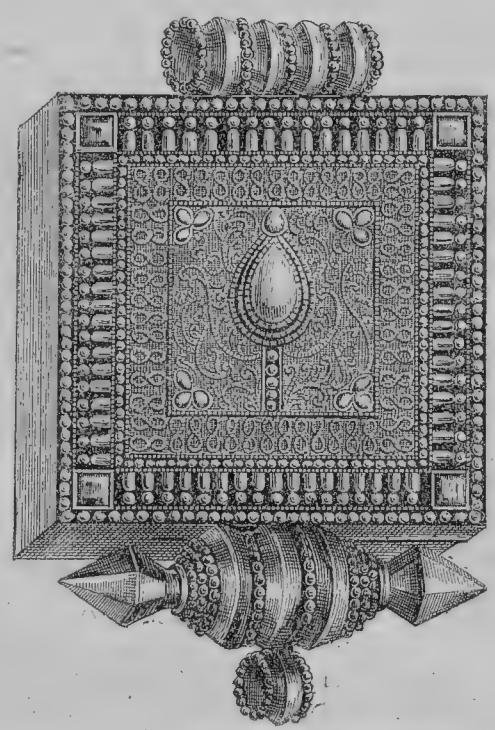
Молитва, выгравированная на скалѣ.

[1]) Giorgi, „Alphabetum tibetanum"; — Manning; — Bogle;—Markham, „Tibet".

[2]) Emil Schlagintweit, цитированное сочиненіе.

[1]) Csoma de Körös;—Васильевъ, „Буддизмъ";—Эмиль Шлагинтвейтъ, „Buddism in Tibet".

самая суть религіи, средство спасенія по преимуществу [1]): какую огромную цѣну придаютъ вѣрующіе этой молитвѣ, можно судить по тому факту, что въ обмѣнъ на 150 милліоновъ экземпляровъ драгоцѣннаго воззванія, отпечатанныхъ въ Петербургѣ, ученый Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ получилъ отъ бурятскихъ ламъ въ Сибири одинъ экземпляръ ихъ неоцѣнной святой книги [2]). Священная надпись встрѣчается повсюду: на стѣнахъ домовъ и храмовъ, на краю дорогъ, возлѣ колоссальныхъ идоловъ, грубо изсѣченныхъ въ живой скалѣ; мане или валы, воздвигнутые подлѣ тропинокъ, сложены изъ камней, изъ которыхъ каждый украшенъ таинственной фразой. Составлялись даже товарищества или религіозныя братства единственно съ цѣлью ходить и вырѣзывать священную надпись на стѣнахъ горъ огромными буквами: нужно, чтобы даже путникъ, быстро проѣзжающій на конѣ, и тотъ могъ бы прочесть слово спасенія [3]). Каждый носитъ на одеждѣ, на рукахъ или на шеѣ священные амулеты изъ золота, серебра или другаго металла, содержащіе, вмѣстѣ съ словами всемогущей молитвы, маленькихъ идоловъ или кусочки мощей, зубы, волосы или ногти святыхъ ламъ [4]). Корло или хортэнъ, молельныя мельницы, употребляемыя, впрочемъ, и въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ культъ Будды, исключая Японіи [5]), нигдѣ такъ не распространены, какъ въ Тибетѣ: примѣняютъ даже силы природы, вѣтеръ и воду, для приведенія въ вращательное движеніе этихъ цилиндровъ, каждый оборотъ которыхъ показываетъ всевидящему небу мистическія слова, управляющія судьбами людей. Подобно киргизамъ, бурятамъ, тунгусамъ и другимъ туземцамъ центральной и сѣверной Азіи, тибетцы имѣютъ обыкновеніе водружать на перевалахъ черезъ горы шесты съ развѣвающимся флагомъ, и на этомъ флагѣ написана все та же молитва изъ молитвъ, которую вѣтеръ развертываетъ, и которую повторяетъ, такъ сказать, каждое движеніе, каждая волна воздуха: одинъ изъ подобныхъ шестовъ съ флагомъ можно видѣть на вершинѣ горы Гуншакаръ, на высотѣ болѣе 6.000 метровъ. Буддистскіе пилигримы приносятъ также аммониты на высшую точку горныхъ пороговъ и рядомъ съ этими ископаемыми раковинами кладутъ, въ видахъ удаленія злыхъ геніевъ, приношенія, состоящія изъ костяковъ и череповъ аргали, большаго дикаго барана [ovis ammon] [1]).



Тибетскій амулетъ.

Большая часть позолоченныхъ кумировъ, поставленныхъ жрецами въ храмахъ и изображающихъ Будду (Духъ), Дарму (Матерія) и Сангу (Соединеніе двухъ началъ, духовнаго и ...щественнаго), есть ... что иное какъ простое подражанія, копируемыя уже втеченіе 10... столѣтій идоламъ, которыхъ мы видимъ въ Индостанѣ, и не представляютъ въ своихъ чертахъ ни малѣйшаго сходства съ тибетскимъ типомъ; а такъ какъ каждая черта, каждая спеціальная складка одежды, имѣетъ символическое значеніе, то въ нихъ невозможно ничего измѣнить [2]). Изображенія съ тибетскимъ типомъ представляютъ лишь божества низшаго порядка, и встрѣчаются чаще всего въ статуэткахъ изъ окрашеннаго коровьяго масла, который съ такимъ искусствомъ выдѣлываютъ ламы. Но если главные идолы носятъ на себѣ явно индусскій отпечатокъ, то можно бы было подумать, что совокупность религіозныхъ обрядовъ принадлежитъ римско-католической церкви. Уже давно христіанскіе миссіонеры замѣтили поразительное сходство между обрядами буддизма и церемоніями католицизма, и большинство изъ нихъ усматривали въ этомъ почти тождествѣ внѣшняго культа ухищреніе демона, старающагося подражать Богу христіанъ [3]). Другіе пытались доказать, что буддистскіе жрецы, послѣ того какъ они оставили свой древній церемоніалъ.

[1]) Köppen, „Ueber Lama-Hierarchie und Kirche“;—Jules Remy, „Pélerinage d'un curieux au monastère de Pemmiantsi“ etc.

[2]) Эмиль Шлагинтвейтъ, цитированное сочиненіе.

[3]) Bogle, „Mission to Tibet“;—Huc, цитированное сочиненіе.

[4]) Hooker, „Himalayan Journals“.

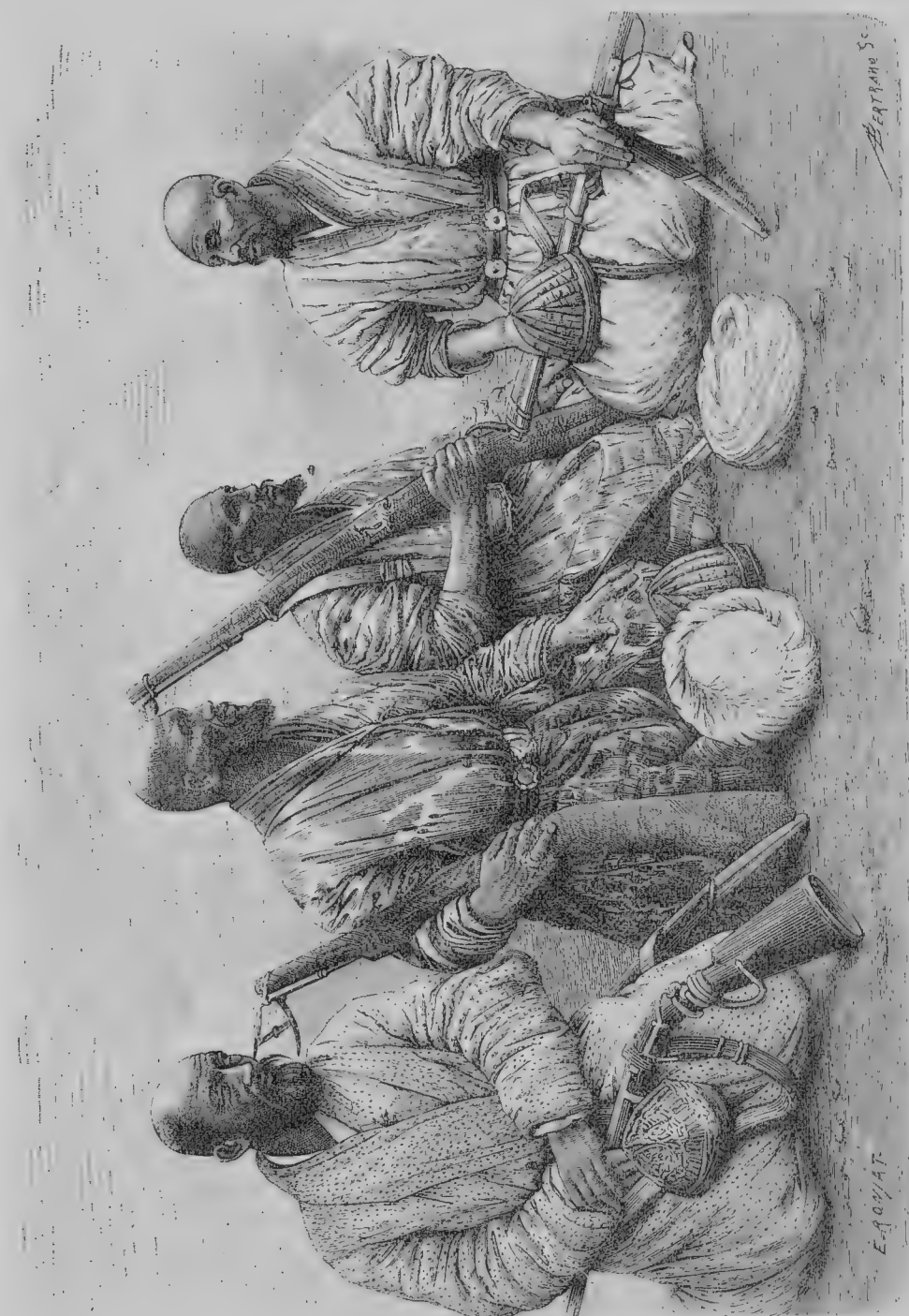
[5]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Hermann von Schlagintweit, цитированное сочиненіе.

[2]) Hodgson, „Essay on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“.

[3]) Huc, „Souvenirs d'un voyage en Tartarie, en Chine et au Thibet“.

просто взяли цѣликомъ ритуалъ христіанъ, съ которыми они находились въ соприкосновеніи въ Индостанѣ. Теперь мы знаемъ, какую большую долю эти двѣ религіи, относительно новыя, взяли въ наслѣдіи древнихъ культовъ Азіи, и



Типы и костюмы китайскихъ туркестанцевъ.

какъ, изъ вѣка въ вѣкъ, однѣ и тѣ же церемоніи продолжались въ честь новыхъ божествъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться, что вслѣдствіе параллельной эволюціи въ столь разнородныхъ средахъ, каковы европейскій западъ и центръ Азіи, внѣшнія формы буддизма и католицизма сохранили свое сходство, не только въ главныхъ чертахъ, но даже въ подробностяхъ и мелочахъ. Буддійскіе жрецы постригаются на священнослуженіе, какъ и священники католической церкви; они также носятъ длинныя платья, покрытыя золотыми вышивками; они соблюдаютъ посты, практикуютъ духовное уединеніе, налагаютъ на себя эпитиміи и умерщвленія плоти, исповѣдуютъ вѣрующихъ, молятъ о заступни-

чествѣ святыхъ и совершаютъ дальнія паломничества на поклоненіе мощамъ и святынямъ. Какъ у католическихъ патеровъ, безбрачіе сдѣлалось правиломъ для ламъ послѣ того, какъ въ началѣ оно было только похвальнымъ дѣломъ, и рядомъ съ храмами основались общины, мужскія и женскія, члены которыхъ ставятъ себѣ исключительной задачей жизни трудиться надъ спасеніемъ своей души. Даже во внутреннемъ расположеніи священныхъ зданій и въ отправленіи богослуженія замѣчается полное сходство: подобно католическимъ церквамъ, тибетскіе храмы или кумирни имѣютъ алтарь, паникадила, колокола, раки или ковчежцы съ мощами, сосуды съ очистительной и съ святой водой. Ламы совершаютъ богослуженіе съ митрой на головѣ и съ посохомъ въ рукѣ, облаченные въ ризы, похожія на епископскій стихарь или подризникъ и мантію; они кланяются алтарю, преклоняютъ колѣни передъ мощами и святыми, запѣваютъ церковныя пѣснопѣнія, читаютъ на языкѣ чуждомъ предстоящей толпѣ, совершаютъ службы за упокой души умершихъ, шествуютъ во главѣ религіозныхъ процессій, произносятъ благословенія и заклинанія злаго духа; вокругъ нихъ клирошане махаютъ кадилами, повѣшенными на пяти цѣпочкахъ, а вѣрующіе перебираютъ свои четки и молитвенныя бусы [1]).

Въ другихъ отношеніяхъ буддійское духовенство Тибета, ряды котораго пополняются преимущественно старшими сыновьями каждой семьи [2]), походитъ если не на нынѣшнее католическое духовенство, то по крайней мѣрѣ на средневѣковый клиръ. Отъ него одного исходитъ вся наука, все знаніе; книгопечатни находятся въ его монастыряхъ; кромѣ священныхъ книгъ, Канджуръ и Танджуръ, отпечатанныхъ въ первый разъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ трехъ стахъ тридцати семи томахъ, оно старается издавать только сочиненія согласныя съ вѣрой, словари, энциклопедіи или книги, содержащія свѣдѣнія изъ различныхъ наукъ, а также книги, научающія искусству пріобрѣтать силу чародѣйства [3]). Тѣ же ламы, то-есть «непревосходимые», отправляютъ правосудіе; они же, посредствомъ десятинной подати и торговли, овладѣли всѣмъ богатствомъ страны: хотя буддизмъ въ началѣ былъ религіей, основанной на равенствѣ людей, и хотя онъ привлекалъ къ себѣ бѣдный народъ упраздненіемъ кастъ, впослѣдствіи онъ самъ возстановилъ касты путемъ господства жрецовъ. Ламы командуютъ и всѣ имъ повинуются: единство вѣры полное вокругъ каждаго монастыря. Обращеніе въ христіанство высшаго духовенства Тибета было бы въ то же время обращеніемъ всей націи и милліоновъ буддистовъ за предѣлами этой страны. Добраться до Лассы, для католическихъ миссіонеровъ, значило бы «атаковать идола на его тронѣ», а «восторжествовать надъ буддизмомъ это все равно, что захватить въ свои руки скипетръ Нагорной Азіи». Все было бы заранѣе приготовлено для того, чтобы замѣнить религію Востока религіей Запада. Чтобы сформировать туземное духовенство, католическая церковь имѣла бы подъ рукой легіоны ламъ, издавна пріученныхъ къ монашескимъ безбрачія и іерархіи; чтобы помѣстить свои монашескіе ордена, она нашла бы многочисленные монастыри буддизма, уже посвященные воздержанію, молитвѣ и ученію; чтобы развернуть пышность своего культа, она получила бы готовые храмы, гдѣ уже съ давнихъ поръ совершаютъ импонирующія религіозныя церемоніи [1]). Ни въ одной странѣ міра католичество не покорило себѣ такъ быстро и прочно туземное населеніе, какъ въ возвышенныхъ областяхъ Южной Америки, занимаемыхъ народомъ квичуа. Но, какъ справедливо замѣтилъ Маркгамъ, экуадорскія и перуанскія Анды можно назвать Тибетомъ Новаго Свѣта, по сходству промышленности, пищи, нравовъ и обычаевъ. Квичуасы и боды проходятъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ черезъ хребты и перевалы горъ и передъ грудами священныхъ камней, читая про себя молитвы съ одинаковою набожностью.

Въ теченіе настоящаго столѣтія многочисленныя попытки, сдѣланныя миссіонерами съ цѣлью утвердиться въ Тибетѣ, всѣ имѣли неудачный исходъ. Гюкъ и Габе могли пробыть въ Лассѣ только два мѣсяца, въ 1846 году, а позднѣе другіе миссіонеры даже поплатились жизнью за попытку проникнуть въ Тибетъ. На юго-востокѣ нѣкоторые патеры были счастливѣе. Въ 1854 году они успѣли основать маленькую земледѣльческую колонію среди лѣсовъ Бонга, недалеко отъ лѣваго берега большой рѣки, которая ниже принимаетъ названіе Салуэна. Пользуясь содѣйствіемъ китайскихъ эмигрантовъ и имѣя въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ невольниковъ, которые трудились надъ расчисткой лѣса подъ пашни и надъ возведеніемъ построекъ [3]) миссіонеры основали важное селеніе; жилище ламъ было превращено въ священническій домъ, языческая пагода преобразовалась въ христіанскій храмъ, и обращенные ламы исполняли обязанности церковнослужителей. Но это благополучіе продолжалось не долго. Послѣ различныхъ невзгодъ и притѣсненій, бонгскіе миссіонеры принуждены были покинуть тибетскую почву, и дома ихъ были преданы пламени. Послѣ того миссіи опять были

[1]) Huc, цитированное сочиненіе;—Max Müller, „Essai sur l'histoire des religions".

[2]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".

[3]) Eugène Burnouf, „Le lotus de la Bonne foi".

[1]) „Annales de la propagation de la foi", novembre, 1853.

[2]) „Tibet, Narratives of the Missions of Boble and Manning".

[3]) „Annales de la propagation de la foi", juillet, 1866.

учреждены въ Сы-чуани подлѣ самаго Тибета, но миссіонеры уже съ большею осторожностью осмѣливаются переступать запретную границу [1]).

Почти всѣ жрецы Тибета, по крайней мѣрѣ въ центральной области, принадлежатъ къ сектѣ «желтыхъ шапокъ»; но остается еще нѣкоторое число «красныхъ шапокъ», вообще презираемыхъ другими, потому что они не дали обѣта безбрачія. Древняя религія пенъ-бо, предшествовавшая буддизму въ Тибетѣ, не совсѣмъ исчезла; слѣды ея еще встрѣчаются въ юго-восточной области страны и къ западу отъ рѣки Салуэна. Это религія признаетъ существованіе двухъ главныхъ боговъ, одного мужескаго и другаго женскаго пола, отъ которыхъ произошли всѣ другіе боги, геніи и люди [2]); горцы области Амдо и окрестностей озера Даннра-юмъ тоже, можетъ быть, послѣдователи старой вѣры пенъ-бо; по крайней мѣрѣ они не совершаютъ тѣхъ же самыхъ церемоній, какъ другіе тибетскіе буддисты. Формула, которую они повторяютъ и пишутъ на своихъ молитвенныхъ машинкахъ, другая, не «омъ мани падме хумъ»; они вертятъ свои кружалки, считаютъ зерна четокъ и ходятъ во время религіозныхъ процессій въ направленіи противоположномъ тому, которое принято ортодоксальной обрядностью [3]). Наконецъ, нѣкоторыя полудикія племена на границахъ Юн-нани, Ассама и Бирмы въ религіозномъ отношеніи еще не возвысились надъ грубымъ фетишизмомъ: таковъ народецъ ну, который далъ свое имя рѣкѣ Лу-цзянъ или Салуэнъ [4]). Они почитаютъ въ особенности деревья и скалы, въ которыхъ обитаютъ злотворные духи, и обращаются къ содѣйствію колдуновъ (мумо или мурми), которые заклинаютъ и прогоняютъ злыхъ геніевъ, ударяя въ бубенъ, окуривая благовонными составами и помахивая вѣтвями [5]).

Молоко и масло составляютъ, вмѣстѣ съ ячменной мукой, главныя питательныя вещества тибетцевъ нагорья; но вопреки первой заповѣди Будды, запрещающей убивать животныхъ и религіозной пословицѣ, гласящей, что «ѣсть плоть скотины, все равно, что ѣсть плоть своего брата», большинство тибетцевъ даже ламы, не боятся прибавлять мясо домашнихъ животныхъ къ своей скромной трапезѣ [6]): для успокоенія совѣсти они довольствуются тѣмъ, что презираютъ наслѣдственную касту мясниковъ и заставляютъ ихъ жить въ кварталахъ, удаленныхъ отъ центра города. Пастухи и звѣроловы не стѣсняются никакими предписаніями религіи въ выборѣ своей пищи. Тибетскій баранъ, по отзыву путешественниковъ, «лучшій въ свѣтѣ» [1]), доставляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ яствъ, и въ зимнее время дѣлаютъ запасы цѣлыхъ тушъ этого животнаго, сохраняемыхъ въ замороженномъ состояніи. Охотники преслѣдуютъ дикихъ звѣрей и убиваютъ ихъ ударами стрѣлъ, дротиковъ или при помощи ружей съ фителемъ. Они разставляютъ также силки, главнымъ образомъ для ловли мускусныхъ ланей, пупочный мѣшокъ которыхъ даетъ ихъ торговлѣ дорого цѣнимое пахучее вещество. Единственное животное, щадимое въ восточномъ Тибетѣ, — это красный олень, почитаемый «конемъ Будды» [2]). На возвышенныхъ плоскогорьяхъ, господствующихъ съ сѣверной стороны надъ долиной рѣки Цзанбо, жидкая кровь составляетъ часть питанія туземцевъ. Пундитъ Найнъ-сингъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ пастухи бросались на землю лизать кровь, вытекавшую изъ раны зарѣзаннаго животнаго. Этотъ вкусъ къ крови прививается къ дѣтямъ съ періода отнятія ихъ отъ груди; не имѣя возможности приготовлять имъ кашицу, по причинѣ недостатка зерновыхъ хлѣбовъ на высокихъ плоскогорьяхъ, матери даютъ имъ смѣсь изъ сыра, масла и крови [3]). Пржевальскій разсказываетъ, что лошадей въ тѣхъ мѣстностяхъ тоже кормятъ мясомъ и кислымъ молокомъ.

Жители Тибета, такіе же буддисты, какъ цейлонцы, монголы и китайцы, рѣзко отличаются отъ всѣхъ единовѣрныхъ народовъ національными нравами, которые не измѣнились подъ вліяніемъ культа. Такъ, напримѣръ, у южныхъ тибетцевъ, такъ же, какъ у ихъ сосѣдей и соплеменниковъ, бутанцевъ, до сихъ поръ еще существуетъ обычай многомужія, въ основѣ котораго лежитъ желаніе избавиться отъ необходимости дѣлежа наслѣдства и оставаться подъ однимъ и тѣмъ же кровомъ [4]). Старшій сынъ является отъ своего имени и отъ имени всѣхъ своихъ братьевъ къ роднымъ невѣсты, и когда совершена церемонія приложенія куска масла ко лбу обоихъ соединяемыхъ, бракъ считается дѣйствительнымъ для всей семьи; присутствующіе берутся въ свидѣтели союза, только что заключеннаго между молодой дѣвушкой и всѣми братьями—ея мужьями. Жрецы, которые не могутъ быть тамъ, гдѣ есть женщины, не присутствуютъ при этомъ обрядѣ, имѣющемъ чисто гражданскій характеръ. Дѣти, родившіяся отъ такихъ коллективныхъ союзовъ, называютъ отцомъ старшаго изъ братьевъ и смотрятъ на другихъ супруговъ какъ на

[1]) Desgodins, „Mission du Thibet“.
[2]) Desgodins, цитированное сочиненіе.
[3]) Найнъ-сингъ;—Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.
[4]) Durant, „Annalles de la propagation de la foi“. 1865.
[5]) Desgodins, тотъ же сборникъ, за 1864.
[6]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

[1]) Turner, „Visit to the Teshoo-lama“.
[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie“, août 1879.
[3]) Найнъ-сингъ; Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.
[4]) Desgodins, цитированное сочиненіе.

своихъ дядей, исключая того случая, когда спрошенная мать сама рѣшитъ, кто настоящій отецъ того или другаго ребенка [1]). Впрочемъ, какъ говорятъ путешественники, не бывало примѣра супружескихъ ссоръ или несогласій между членами поліандрическихъ (многомужнихъ) семействъ; мужчины наперерывъ другъ передъ другомъ стараются угодить своей женѣ и добыть ей кораллы, амбру и другія цѣнныя вещи, которыми она украшаетъ свою одежду и шевелюру. Тибетская женщина, очень уважаемая всѣми,—заботливая хозяйка и держитъ жилище въ чистотѣ и порядкѣ. Она помогаетъ также мужчинамъ въ работахъ внѣ дома, либо по воздѣлыванію земли, либо по уходу за стадами; но трудъ ея, такъ же, какъ и трудъ братьевъ, принадлежитъ всей семьѣ въ совокупности. Рядомъ съ этими поліандрическими хозяйствами, богатые и знатные, подражая изъ тщеславія китайскимъ или мусульманскимъ нравамъ, содержатъ по нѣскольку женъ, которыя живутъ подъ одной кровлей или въ отдѣльныхъ домахъ; но какъ множество, такъ и многомужіе имѣютъ то слѣдствіе, что препятствуютъ возрастанію числа жителей. Совершеніе браковъ не подчинено никакимъ правиламъ въ этихъ странахъ, гдѣ безбрачіе составляетъ предметъ столь строгихъ предписаній для такой значительной части народонаселенія. Даже женщины, принадлежащія къ поліандрической группѣ, имѣютъ еще право, признаваемое обычаемъ, выбрать себѣ другаго мужа внѣ своей семьи [2]).

Подобно тому, какъ въ Китаѣ, вѣжливость въ большомъ почетѣ у тибетцевъ. Когда двое знакомыхъ встрѣчаются, они привѣтствуютъ другъ друга по нѣскольку разъ, показывая языкъ и почесывая себѣ правое ухо, или даже обмѣниваясь шелковыми шарфами, бѣлыми или розовыми, украшенными вышивками, изображающими цвѣты и таинственную формулу молитвы; письма или другія посылки тоже сопровождаются этими шарфами, въ знакъ пожеланія благополучія адресату. Въ Лассѣ и въ другихъ городахъ дамы высшаго общества украшаютъ себѣ голову изящной короной изъ жемчуга, бирюзы, настоящихъ или поддѣльныхъ, изъ раковинъ или серебра; но по разсказу миссіонера Гюка, опровергаемому, впрочемъ, англійскими изслѣдователями Тибета, онѣ безобразятъ себя, намазывая лицо чѣмъ-то въ родѣ чернаго лака, и сила привычки будто бы такъ велика, что ни одна женщина, заботящаяся о соблюденіи приличій, не позволитъ себѣ выйти изъ дому, не выпачкавъ такимъ образомъ своего лица; вѣроятно, однако, что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ просто о гигіенической предосторожности, такъ какъ жирная черная мазь имѣетъ свойство предохранять кожу отъ растрескиванія, причиняемаго чрезвычайной сухостью холоднаго воздуха въ нагорномъ Тибетѣ [1]).

Въ этой странѣ всѣ церемоніи напередъ опредѣлены и подчинены извѣстнымъ правиламъ; покрой и цвѣтъ одежды предписаны строго соблюдаемымъ обычаемъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Въ теченіе траурнаго года мужчины воздерживаются отъ ношенія шелковой одежды, а женщины не надѣваютъ на себя драгоцѣнныхъ украшеній. Когда человѣкъ умираетъ, родные или близкіе первымъ дѣломъ обстригаютъ ему волосы на макушкѣ, для того, чтобы облегчить переселеніе души [2]). Семейство хранитъ у себя трупъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, даже недѣль, если оно богато, затѣмъ жрецы рѣшаютъ, долженъ ли покойникъ быть зарытъ въ землю, сожженъ, пущенъ по теченію водъ, или не лучше ли выставить его на скалѣ и отдать на съѣденіе собакамъ, птицамъ и хищнымъ звѣрямъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣютъ обыкновеніе разбивать кости и разрѣзывать тѣло на куски, для того, чтобы ускорить явленіе возвращенія къ первоначальнымъ элементамъ; затѣмъ, когда хищныя животныя сдѣлали свое дѣло, подбираютъ остатки трупа и бросаютъ ихъ въ какую-нибудь текучую воду. Часто также суставы пальцевъ сохраняются, чтобы быть нанизанными въ видѣ четокъ, а кости ногъ и рукъ служатъ трубами, употребляемыми для призыва ламъ на молитву. По свидѣтельству братьевъ Шлагинтвейтъ, обычай выставленія мертвыхъ тѣлъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ почти совершенно исчезъ въ западномъ Тибетѣ, но въ другихъ частяхъ страны онъ еще сохранился въ полной силѣ и примѣняется ко всѣмъ покойникамъ, исключая ламъ, которые, въ Тибетѣ, почти всегда зарываются въ землю въ сидячемъ положеніи [3]). Въ Цзянькѣ, въ провинціи Камъ, мѣсто похоронъ получило прозвище «Долины рѣзни». Въ то время, какъ ламы читаютъ погребальныя молитвы, нарочно приглашенный мясникъ распластываетъ трупъ на куски, чтобы облегчить работу ястребовъ и коршуновъ. Привыкшіе къ похоронымъ церемоніямъ, крылатые хищники смѣло спускаются въ середину толпы; самый сильный изъ нихъ пользуется привилегіей выклевать глаза у мертвеца, затѣмъ другіе усердно принимаются открывать внутренности и насыщаться мясомъ. Когда трупъ представляетъ лишь безформенную массу, лама разламываетъ скелетъ на мелкіе куски, рубитъ топоромъ всю массу на плоскомъ камнѣ, гдѣ эти остатки быстро пожираются

[1]) Orazio della Penna, „Breve notozia del regno del Tibet"; Bogle, „Mission to Tibet".

[2]) Drew, „The Northern barrier of India".

[1]) D. Hooker, „Himalayan Journals".

[2]) Orazio della Penna, „Breve notizia del regno del Tibet".

[3]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet".

нтицами: хлопанье крыльевъ и щелканье клювовъ аккомпанируютъ монотонному голосу жреца [1]). А между тѣмъ мало найдется странъ, гдѣ бы питали болѣе уваженія къ усопшимъ, чѣмъ въ Тибетѣ. Въ память ихъ устраиваются большія празднества, и на похоронные пиры приглашаютъ всѣхъ прохожихъ. Ночью дома иллюминуются, на горахъ зажигаютъ огни: снопы пламени пылаютъ на разныхъ высотахъ, въ то время какъ храмы, блистающіе яркимъ свѣтомъ, оглашаются звуками цимбалъ и пѣніемъ похоронныхъ гимновъ [2]).

По словамъ итальянскаго миссіонера Ораціо Делла-Пенна, оффиціальная перепись тибетскаго народонаселенія, произведенная «королевскими министрами», насчитывала въ прошломъ столѣтіи около 33 милліоновъ жителей, изъ которыхъ было 690.000 носящихъ оружіе [3]). Передавая эти статистическія данныя, первоначальное происхожденіе которыхъ неизвѣстно, Клапротъ, съ своей стороны, высказываетъ предположеніе, что число 5 милліоновъ, для населенія Тибета, будетъ, вѣроятно, близко подходящее къ истинѣ. Бемъ и Вагнеръ, такъ же, какъ офицеры русскаго генеральнаго штаба, останавливаются на цифрѣ 6 милліоновъ, не будучи, однако, въ состояніи дать другихъ доводовъ въ подкрѣпленіе этого исчисленія, кромѣ того соображенія, что эта цифра представляетъ почти среднее число между крайними цифрами: 3 съ половиной милліона и 11 милліоновъ, предложенными въ послѣднее время различными географами [4]). Слѣдовательно, населеніе страны, если основываться на этихъ данныхъ, простирается среднимъ числомъ до 4 человѣка на каждый квадр. километръ; но мы знаемъ, что оно распредѣлено весьма неравномѣрно. Плоскогорье Хачи представляетъ почти безлюдную пустыню; точно также юго-западная провинція Нари (Нгари, Гнари Хорумъ) заключаетъ лишь небольшія группы жителей. Провинція Камъ, занимающая восточную область Тибета, населена очень неравномѣрно, по причинѣ своихъ обширныхъ лѣсовъ, высокихъ горъ, неприступныхъ ущелій; наиболѣе плотную населенность находимъ въ двухъ южныхъ провинціяхъ, Цзанъ и Уй (У, Ю или Уи или Уэй), на берегахъ средняго теченія рѣки Цзанбо и въ долинахъ ея притоковъ.

Извѣстно, что Даба и большинство «городовъ» и селеній нагорной долины Сетледжа покидаются жителями въ продолженіе части года. Пулингъ, самое возвышенное населенное мѣсто этой части Тибета, обитаемое постояннымъ образомъ, находится на высотѣ 4.750 метровъ. Тсапранъ, главный городъ округа, какъ и Даба, и лежащій къ сѣверо-западу отъ этого города, очень высоко надъ водами Сетледжа, на высотѣ 4.750 метровъ, тоже покидается жителями на зиму, да и лѣтнихъ домовъ въ немъ всего только штукъ пятнадцать. Крѣпость Такла-харъ, другой главный окружной городъ, находится уже на южномъ склонѣ Гималайскаго хребта, на правомъ берегу Манъ-чу или «Большой Рѣки», главной вѣтви рѣки, извѣстной у непальцевъ подъ именемъ Карнали. Эта крѣпостца состоитъ изъ пещеръ и галлерей, вырытыхъ въ скалѣ, на высотѣ 250 метровъ; она заключаетъ большіе запасы провіанта, и говорятъ, что зерновой хлѣбъ, сложенный въ ея казематахъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, до сихъ поръ превосходно сохранился, благодаря сухости воздуха [1]). Къ западу отъ крѣпости Такла-харъ находится Ситлингъ-гонпа, самый большой монастырь въ провинціи Гундесъ или Нари, славящійся во всемъ Тибетѣ и въ Непалѣ своими огромными богатствами.

Верхній бассейнъ Инда, за исключеніемъ самой низкой части долины, по которой протекаетъ эта рѣка до вступленія въ предѣлы Индостана, почти совершенно необитаемъ, какъ и бассейнъ Сетледжа. Между тѣмъ въ этой странѣ находится временная столица юго-западной провинціи Тибета, городъ Гардокъ на берегу рѣки Гартунга. Это мѣсто, названіе котораго означаетъ «Высокій рынокъ», замѣчательно своими ярмарками, и ярмарочное поле его едва-ли не самое возвышенное въ свѣтѣ. Въ августѣ и въ сентябрѣ тутъ воздвигается, рядомъ съ постоянными домами изъ глины или изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича, цѣлый городъ палатокъ, изъ которыхъ каждая своей формой обнаруживаетъ происхожденіе торговцевъ, которые ихъ занимаютъ. Жилища тибетцевъ, обтянутыя яковыми шкурами, еще покрытыми черной шерстью, составляютъ разительный контрастъ съ бѣлыми павильонами индусовъ, тогда какъ юрты кашгарцевъ и другихъ тюрковъ отличаются яркостью цвѣтовъ, украшающихъ войлокъ шатра [2]). Но зимой городъ «Нагорнаго рынка» совершенно пустѣетъ и покидается на жертву вѣтрамъ и снѣжнымъ буранамъ; купцы разъѣзжаются по домамъ; а немногочисленные постоянные жители провинціи спускаются въ Гаргунцу, деревню болѣе защищенную, лежащую на Гартунгѣ, выше сліянія этой рѣки съ Индомъ. Рудохъ, близъ озера Могналари, представляетъ кучку невзрачныхъ лачугъ, сгруппированныхъ вокругъ крѣпостцы и монастыря.

[1]) Durand, „Annales de la propagation de foi“, 1865.
[2]) Sam Turner, „Embassy to thecourt of the Teshoolama“.
[3]) „Breve notizia del regno del Tibet“.
[4]) Ту же цифру въ 6 милліоновъ даютъ и современныя свѣдѣнія см. „Statesmans jear book“, 1895 г. стр. 420.

[1]) Ryall, „Abstract of a Report on the Surveys of India“.
[2]) Германъ фонъ Шлагинтвейтъ, цитированное сочиненіе.

А между тѣмъ «жажда золота» населила нѣкоторыя части плоскогорья, господствующаго съ восточной стороны надъ долиной верхняго Инда, лежащія гораздо выше тѣхъ мѣстъ, гдѣ пріютились домишки Гардока и Гартунга. Эта область, гдѣ сгруппировались золотоискатели, носитъ со временъ глубокой древности имя Сартоль или «Страны золота», изъ чего можно заключить, что тамъ уже въ отдаленную эпоху собирали драгоцѣнный металлъ: ученые видятъ въ этой мѣстности чудную страну, гдѣ копались въ землѣ тѣ муравьи-золотоискатели, о которыхъ говорятъ Геродотъ [1]) и средневѣковыя легенды, и которыя охранялись страшными грифонами. Эксплоатація этихъ золотоносныхъ песковъ одно время была оставлена по причинѣ суровости климата, но, около половины настоящаго столѣтія, снова принялись за поиски драгоцѣннаго металла, для тибетскаго правительства. Золотые пріиски Токъ-джалунгъ,—вѣроятно, самая высокая колонія на земномъ шарѣ, обитаемая постоянно, какъ лѣтомъ, такъ и зимой. По словамъ англо-индійскихъ пундитовъ, она находится на высотѣ 4.980 метровъ, то-есть почти на 200 метровъ выше, чѣмъ высшая верхушка Монъ-Блана, въ области, гдѣ воздухъ почти въ два раза менѣе плотенъ, нежели на уровнѣ океана. Въ зимнюю пору сюда собирается самое большое число рудокоповъ, и тогда въ этой странѣ непрерывныхъ морозовъ и снѣговъ насчитываютъ до шести сотъ палатокъ, спрятавшихся на днѣ большихъ ямъ и углубленій почвы, чтобы укрыться отъ вѣтра, и видимыхъ только по ихъ конусообразнымъ верхушкамъ, обтянутымъ черными яковыми шкурами. Въ лѣтніе мѣсяцы этотъ муравейникъ шатровъ уменьшается на половину, потому что вода въ сосѣднихъ источникахъ принимаетъ тогда совершенно соленый вкусъ: ее можно пить только послѣ того, какъ она очистится, превратившись въ ледъ; въ этой области плоскогорья достаточно покопать почву, чтобы найти вездѣ соль и буру. Другіе золотые пріиски Тибетскаго нагорья гораздо менѣе богаты металломъ, нежели Токъ-джалунгскіе: по словамъ пундита Найнъ-сингъ, единственный пріискъ, имѣющій нынѣ нѣкоторую экономическую важность,—это Токъ-дауракпа, находящійся гораздо восточнѣе на плоской возвышенности. Все количество золота, добываемаго на пріискахъ западнаго Тибета, достигаетъ цѣнности 200.000 франковъ въ годъ и отправляется въ Индостанъ черезъ Гардокскій рынокъ.

Самые возвышенные обитаемые пункты верхней долины рѣки Цзанбо состоятъ только изъ почтовыхъ станцій и монастырей: холодъ въ этихъ мѣстностяхъ слишкомъ суровъ, чтобы тамъ можно было основать деревни съ постояннымъ населеніемъ. Однако, значительныя селенія, даже настоящія мѣстечки появляются и слѣдуютъ одно за другимъ въ этой долинѣ на высотѣ, слишкомъ въ два раза превосходящей высоту Симплона и Сенъ-Готарда. Тадумъ, главный городъ округа Доктолъ, находится на высотѣ 4.323 метра надъ уровнемъ моря. Джанглачи, торговое селеніе, гдѣ сходятся двѣ дороги, ведущія изъ Непала, одна черезъ Киронгъ, другая черезъ Нпламъ, лежитъ на высотѣ 4.226 метровъ; Дингри или Тингри, въ высокой долинѣ, которая открывается у самаго основанія горы Гаурисанкаръ,—пограничный городъ, командующій этими проходами черезъ Гималайскую цѣпь, и крѣпость его занята китайскимъ гарнизономъ, состоящимъ изъ пяти сотъ человѣкъ. Шигатзэ или Дигарчи, главный городъ провинціи Цзанъ, занимаетъ у положеніе относительно низкое для этой горной страны; онъ расположенъ на высотѣ 3.6[illegible] метра, въ боковой долинѣ, по которой проскаетъ рѣка Пенангъ-чу. Выше Шигатзэ, на террасѣ, окруженной крутизнами, поднимаются въ видѣ амфитеатра, дома и храмы Чжасилюмбу или «Превознесенной Славы». Стѣны святаго города, резиденціи воплощеннаго Будды, Баньчань-ламы или Банчань-римдуи, то-есть «Перла разума» [1]), имѣютъ около километровъ въ окружности и заключаютъ болѣе трехъ сотъ зданій, группирующихся вокругъ дворца и религіозныхъ памятниковъ; отъ трехъ до четырехъ тысячъ жрецовъ обитаютъ въ монастырѣ Чжасилюмбу, на позлащенныя колокольни и красныя стѣны которыхъ съ благоговѣніемъ взираетъ народъ, живущій въ нижнемъ городѣ и толпящійся на его рынкахъ.

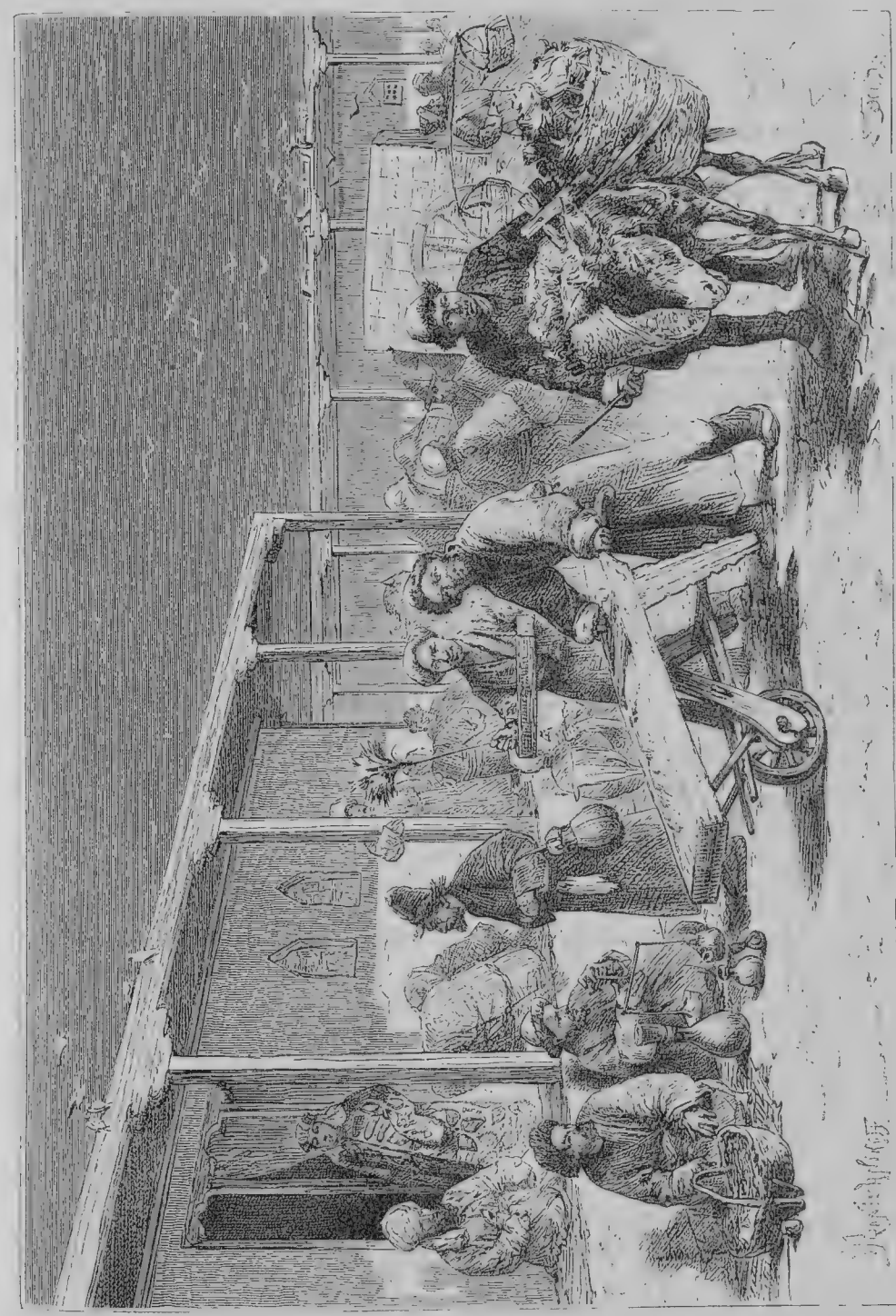
Большая часть другихъ городовъ этой области тоже состоятъ изъ группъ скромныхъ низенькихъ домиковъ, надъ которыми возвышаются величественныязд анія, представляющія въ одно и то же время дворцы, крѣпости, храмы и монастыри. Таковъ, на сѣверѣ, по другую сторону долины рѣки Цзанбо, городъ Намлингъ или «Небесный Садъ»; таковъ же городъ Шакръ-джонгъ, на юго-западѣ отъ Шигатзэ и Чжасилюмбу, у основанія одного изъ предгорій Гималайскаго хребта, близъ границы Сиккима. Гянцзэ, на юго-востокѣ, въ той же долинѣ, гдѣ и Шигатзэ,—важный городъ, какъ средоточіе торговли съ Бутаномъ и какъ промышленный пунктъ: изъ произведеній его промышленности особенно славятся суконныя матеріи, очень теплыя, мягкія на ощупь и необыкновенно гибкія; онъ занятъ, какъ и Дингри, сильнымъ китайскимъ гарнизономъ. Въ Шигатзэ оканчивается колесная до-

[1]) Книга III, 102.

[2]) Schiern, „Ueber den Ursprung der Sage der goldgrabenden Ameisen".

[1]) Paske, „Buddhism in Little Tibet"; —Element Markham, „Tibet".

рога, построенная остъ-индскимъ правительствомъ, и которая выходитъ изъ Дарджилинга, въ Сикким. Населеніе Гянцзэ достигаетъ до 12.000 человѣкъ.



Улица въ городѣ Яркендѣ.

Хласса или Ласса (Іешке, миссіонеръ съ тибетской границы, авторъ чрезвычайно цѣнныхъ мемуаровъ о нарѣчіяхъ страны Бодъюлъ, говоритъ, что употребляемыя европейцами формы Hlassa, Hl'assa, L'hassa не передаютъ мѣстнаго произношенія) есть въ одно и то же время главный городъ провинціи Уй, столица Тибета и духовная метрополія всѣхъ буддистовъ Китайской имперіи: названіе ея означаетъ «Божественная земля»; монголы называютъ ее Моркэ-джотъ или «Вѣчное Святилище». Число жрецовъ, которыхъ насчиты-

ваютъ до двадцати тысячъ въ Лассѣ и въ окрестностяхъ [1]), можетъ быть, превышаетъ тамъ число гражданскаго населенія: толпы пилигримовъ, приходящихъ со всѣхъ концовъ Тибета и даже изъ-за границы, стекаются каждый годъ въ храмы этого «буддійскаго Рима». На двухъ широкихъ, обстановленныхъ деревьями, аллеяхъ, которыя ведутъ изъ города во дворецъ далай-ламы, всегда увидишь множество вѣрующихъ, набожно перебирающихъ между пальцами свои длинныя четки, тогда какъ высшіе духовные сановники двора, облаченные въ великолѣпныя одежды и возсѣдающіе на коняхъ въ богатой сбруѣ, гордо проѣзжаютъ среди почтительно разступающейся толпы. Дворецъ Табранъ-марбу [2]), въ которомъ имѣетъ пребываніе государь, представляетъ собраніе укрѣпленій, храмовъ и монастырей, надъ которымъ высоко поднимается куполъ, сплошь покрытый пластинками изъ чистаго золота и окруженный перистилемъ, колонны котораго тоже позолочены: нынѣшнее зданіе, перестроенное стараніями Канъ-си и наполненное сокровищами, которыя приносятся сюда вѣрующими изъ всѣхъ частей Тибета, изъ Монголіи, изъ Китая, замѣнило дворецъ, разрушенный чжунгарами въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. «Гора Будды» (Буддала) составляетъ, съ седьмаго столѣтія христіанской эры, самое священное и наиболѣе почитаемое мѣсто во всей восточной Азіи [по Іешке, слово Потала санскритскаго происхожденія, и это наименованіе, означающее «Пристанище», объясняется миѳомъ, занесеннымъ индусскими пилигримами] [3]). Когда день склоняется къ закату, позволяя еще ясно различать на синевѣ неба профиль священной горы, въ нижнемъ городѣ прекращается всякая дѣятельность, всякая работа: жители Лассы собираются кучками на террасахъ, на улицахъ и площадяхъ и падаютъ ницъ, распѣвая свои вечернія молитвы. Глухой гулъ поднимается надъ всѣмъ городомъ и возносится къ дворцу далай-ламы [4]).

Городъ раскинулся на южной сторонѣ священной горы по правому берегу рѣки Ки-чу, одного изъ главныхъ притоковъ Цзанбо. Хотя онъ находится на высотѣ 3.566 метровъ, то-есть на 150 метровъ выше, чѣмъ самый возвышенный пикъ Пиренеевъ, но, благодаря своей болѣе южной широтѣ и своему защищенному положенію, онъ пользуется тѣмъ преимуществомъ, что могъ окружить себя зеленью: сады, наполненные большими деревьями, образуютъ вокругъ города поясъ листвы и цвѣтовъ. Улицы въ Лассѣ широкія и прямыя, дома изъ дикаго камня, кирпича и глины и по большей части выбѣлены известкой. Въ одномъ изъ кварталовъ города всѣ дома выстроены изъ роговъ, коровьихъ и бараньихъ, расположенныхъ рядами, различающимися цвѣтомъ и формой: эти переплетающіеся рога, промежутки которыхъ залѣплены известковымъ цементомъ, очень удобны для окраски и допускаютъ чрезвычайное разнообразіе рисунковъ, которые придаютъ жилищамъ самый фантастическій видъ [1]).

Мѣстечки и деревни въ окрестностяхъ Лассы имѣютъ, какъ и сама столица, болѣе важности по своимъ монастырямъ или гонпа, чѣмъ по своимъ мастерскимъ и рынкамъ. Во время праздниковъ новаго года, когда со всѣхъ концовъ Тибета монахи стекаются въ священный городъ, пѣшкомъ, на лошадяхъ, верхомъ на мулахъ или на якахъ, нагруженные молитвенниками и кухонной утварью, улицы, площади, аллеи, дворцы, все покрывается палатками; куда ни посмотришь, вездѣ видишь только монаховъ; кажется, что свѣтское населеніе совершенно исчезло. Министры и чиновники не имѣютъ тогда никакой власти: жрецы дѣлаются полными хозяевами и господами города. Это полоненіе Лассы продолжается шесть дней. Послѣ посѣщенія монастыря Табранъ-марбу, гдѣ они запасаются священными книгами, покупаемыми въ мастерскихъ казенной типографіи, ламы расходятся по своимъ кумирнямъ и городъ снова принимаетъ свой обычный видъ [2]).

Большинство монастырей или гонпа,—пестрыя скопленія домиковъ, съ узкими извилистыми улицами, сходящимися къ центральному зданію, заключающему кумирни и книгохранилище. Но между тридцатью монастырями, разсѣянными въ окрестностяхъ Лассы, есть и такіе, которые, благодаря пожертвованіямъ многихъ поколѣній пилигримовъ, дотого разбогатѣли, что превратились въ настоящіе дворцы. Въ 6 километрахъ къ западу отъ города монастырь Дебанъ, какъ говорятъ, населенъ семью или восемью тысячами жрецовъ. Далѣе, монастырь Пребунъ или «Десяти тысячъ плодовъ» служитъ пристанищемъ для монгольскихъ жрецовъ, которые приходятъ созерцать славу далай-ламы и слушать изъ его устъ, разъ въ годъ, толкованіе священныхъ книгъ. На сѣверѣ отъ Лассы, монастырь Сера, гдѣ живетъ около 5.500 монаховъ, не менѣе славится въ Тибетѣ. Что касается монастыря Галданъ, прославленнаго пребываніемъ Цзонхавы, реформатора тибетскаго буддизма, то онъ находится въ пятидесяти километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Лассы и расположенъ на холмѣ, господствующемъ надъ долиной рѣки Ки-чу; болѣе трехъ тысячъ

[1]) Campbell, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“;—„Oesterreich. Monatsschrift für den Orient“.
[2]) См. Матусовскій, стр. 331.
[3]) „Zeitschrift der morgenländischen Gesellshaft“, XXVI.
[4]) Huc, „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine“.

[1]) Huc;—Campbell, цитированные сочиненіе и мемуары
[2]) Huc, цитированное сочиненіе.

ламъ обитаютъ въ этой обители. Всѣ эти зданія богаты позолоченными идолами, драгоцѣнными металлами и камнями. Монастырь Самойе, основаніе котораго туземцы приписываютъ самому Шакіа-Муни, — самый знаменитый изъ всѣхъ обителей Тибета; въ то же время это одинъ изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ роскошныхъ [1]). Монастырскія зданія обнесены высокой каменной стѣной, имѣющей около 2 съ половиной километровъ въ окружности; внутренность храма, стѣны котораго испещрены санскритскими надписями, начертанными огромными вычурными буквами, заключаетъ множество идоловъ изъ чистаго золота, одѣтыхъ въ дорогія ткани, унизанныя драгоцѣнными камнями; здѣсь же хранится казна тибетскаго правительства. По народному повѣрью, настоятель этого монастыря простираетъ свою власть даже за предѣлы гроба и можетъ награждать и наказывать души умершихъ [2]).

Монастырь Самойе находится въ 2 километрахъ къ сѣверу отъ Цзанбо, въ километрахъ сорока къ западу отъ важнаго города Четанъ, построеннаго на южномъ берегу этой рѣки: это послѣдній пунктъ торговыхъ каравановъ, направляющихся къ Бутану и Ассаму. Складочнымъ мѣстомъ и пограничнымъ рынкомъ въ этомъ направленіи служитъ городъ Чона-чжунъ, куда тибетцы привозятъ на продажу соль, буру и шерсть, и гдѣ они, въ обмѣнъ на свои продукты, покупаютъ грубыя матеріи, рисъ, фрукты, пряности и красильныя вещества. Англійскій изслѣдователь Найнъ-сингъ полагаетъ, что Чона-чжунъ самый важный торговый пунктъ во всемъ Тибетѣ: караваны проходятъ здѣсь даже въ большемъ числѣ, чѣмъ черезъ Лассу, главный рынокъ индусскаго Тибета; правда, много въ этомъ послѣднемъ городѣ торгуютъ болѣе цѣнными товарами.

Въ восточныхъ областяхъ Тибета, гдѣ населеніе очень рѣдкое и разбросано въ узкихъ горныхъ долинахъ и ущельяхъ, города немногочисленны. Главный изъ нихъ, который въ то же время есть административная столица провинціи Камъ,—городъ Чапмдо, Цяпмдо или Чамдо-ула, имя котораго, означающее «Два пути», указываетъ на положеніе его въ мѣстѣ соединенія двухъ дорогъ или двухъ рѣкъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ находится при сліяніи двухъ потоковъ, способствующихъ образованію рѣки Ланьцанъ-цзянъ, то-есть Меконга. Это довольно обширный городъ, имѣющій также свой большой монастырь, населенный слишкомъ тысячью монаховъ. Далѣе на югѣ, въ долинѣ, по которой протекаетъ притокъ рѣки Цзинь-ша-цзянъ, то-есть «Рѣки съ золотымъ пескомъ», находится другой довольно важный городъ, Меркамъ, къ югу отъ котораго, на берегахъ Лань-цянь-цзяна, эксплоатируются очень обильные соляные источники.

Важнѣйшіе города Тибета, съ приблизительнымъ числомъ ихъ населенія:

Ласса — 24.000 жит., Шигатзэ и Чжасилумбу — 13.000, Четанъ — 13.000, Гянцзэ — 12.000, Чона-чжунъ — 6.000, Киронгъ — 4.000, Шикаръ-джонгъ — 3.000, Чамдо-ула — 2.000, Ниламъ — 1.500, Дингри — 1.500.

Не имѣя земледѣлія, не обладая другими экономическими ресурсами, кромѣ своихъ стадъ скота и кое-какихъ не особенно важныхъ промысловъ, Тибетъ не могъ бы имѣть, если бы даже онъ не былъ окруженъ барьеромъ таможенъ коммерческихъ и политическихъ, очень частыхъ и дѣятельныхъ сношеній съ другими государствами. Главная промышленность этой страны—пряденіе шерсти и тканье суконныхъ матерій. Большая часть получаемой въ краѣ сырой шерсти, по обилію которой съ Тибетомъ не можетъ сравниться ни одна страна въ мірѣ, употребляется самими жителями и идетъ на выдѣлку суконъ всякаго рода, отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ тонкихъ и нѣжныхъ. Красный чру или пулу, предназначенный для высшихъ духовныхъ особъ,—тонкая и прочная ткань, которая продается по очень высокой цѣнѣ на рынкахъ Монголіи и Китая. Большинство тибетцевъ, мужчинъ и женщинъ, искусные вязальщики и ткутъ сами всѣ необходимыя имъ части одежды. Послѣ промышленностей, относящихся къ домашнимъ нуждамъ, тибетцы занимаются преимущественно такими ремеслами, которыя имѣютъ цѣлью украшеніе храмовъ и монастырей. Ихъ лѣпщики необыкновенно искусны въ приготовленіи статуэтокъ, искусственныхъ цвѣтовъ и разныхъ орнаментовъ изъ коровьяго масла, которые ставятся передъ идолами; многочисленные мастера заняты фабрикаціей курительныхъ свѣчекъ, зажигаемыхъ въ честь боговъ и геніевъ [1]).

Несмотря на простоту ихъ жилищъ и умѣренность ихъ образа жизни, тибетцы все-таки вынуждены покупать у иностранцевъ нѣкоторые мануфактурные товары; но что дѣлаетъ ихъ безусловно зависимыми отъ странъ равнины, съ точки зрѣнія торговли, такъ это чай. Они не могли бы обойтись безъ этого продукта, и недавно монополія чайной торговли принадлежала Китаю; такимъ образомъ, они волей неволей должны обращаться къ этому могущественному сосѣду и заключать съ нимъ трактаты. Чай былъ для китайцевъ главнымъ средствомъ завоеванія Тибета [2]), болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ оружіе; выраженіе «пригласить ламъ на чай» сдѣлалось пословицей, напоминающей подкупъ тибетскихъ государей ки-

[1]) Найнъ-сингъ; — Trotter, „Journal of the Geographical Society“, 1877.

[2]) Отчеты пундитовъ, „Mittheilungen von Petermann“, vol. 1868.

[1]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerc“.

тайскими мандаринами [1]). Оттого пекинское правительство съ величайшею заботливостью наблюдаетъ за торговыми трактатами Тибета, чтобы воспрепятствовать доставкѣ ассамскаго чая, который, впрочемъ, гораздо менѣе цѣнится, чѣмъ листья низшаго сорта, привозимые изъ Китая, и продается несравненно дешевле; тѣмъ не менѣе, смѣлые авантюристы изъ независимаго королевства Поми не отказались отъ своихъ правъ свободной торговли съ Индіей, и каждый годъ привозятъ контрабандой изъ Ассама все возрастающія количества запрещеннаго товара [2]). Годовой привозъ китайскаго чая въ Тибетъ исчисляется въ 3 милліона килограммовъ,—въ 4 милліона, по оцѣнкѣ англичанина Бибера,—и представляетъ въ самой странѣ, по цѣнамъ розничной торговли, цѣнность отъ 7 до 9 милліоновъ франковъ [3]).

Торговый обмѣнъ Тибета съ Индостаномъ въ настоящее время имѣетъ весьма ограниченные размѣры. Жители плоскогорья Бодъ-юлъ покупаютъ у англійской Индіи очень небольшое число мануфактурныхъ товаровъ и продуктовъ, или по крайней мѣрѣ то, что они ввозятъ, переходитъ къ нимъ черезъ посредство Непала и Кашмира. Но сами они отправляютъ непосредственно индійскимъ англичанамъ товаровъ на сумму, въ десять разъ превосходящую цѣнность ввозимыхъ ими предметовъ: ихъ драгоцѣнныя шерстяныя ткани находятъ дорогу черезъ перевалы Гималайскихъ горъ и порты Индостана къ Лидсу и другимъ мануфактурнымъ городамъ Британскихъ острововъ. Торговля Тибета съ англійской Индіей въ коммерческомъ 1878—79 году представляла слѣдующія цифры [4]):

Привозъ въ Тибетъ—365.000 франковъ. Вывозъ изъ Тибета—3.750.000 франковъ. Вмѣстѣ—4.115.000 франковъ.

Благодаря этому огромному перевѣсу отпуска надъ привозомъ, блестящія англійскія рупіи постоянно накопляются въ казнѣ тибетскихъ монастырей; эти монеты «нищенствующаго ламы», какъ ихъ называютъ тибетцы, мало-по-малу замѣняютъ въ торговлѣ страны плитки кирпичнаго чая и старинныя серебряныя монеты съ восемью цвѣточками, нѣчто въ родѣ fiorini, которыя раздѣляли на отрывки одного или нѣсколькихъ цвѣтковъ. Мелкіе разсчеты производятся обыкновенно иголками [5]), тогда какъ для большихъ операцій употребляютъ, какъ въ Китаѣ, слитки серебра.

Тибетцы, можно сказать, прирожденные коммерсанты: у нихъ всѣ торгуютъ, часто безъ всякаго раздѣленія труда и всякими товарами, какіе попадаются подъ руку. Каждый домъ—лавка, каждая кумирня—складочный магазинъ. Во всѣхъ монастыряхъ существуетъ такъ называемый гарпенъ или торговый старшина, имѣющій у себя подъ началомъ цѣлую іерархію помощниковъ и стада вьючныхъ животныхъ для перевозки товаровъ. Караваны торговцевъ странствуютъ по всѣмъ дорогамъ Тибета, гоня передъ собой навьюченныхъ яковъ и барановъ. Изъ торговыхъ трактовъ всего болѣе посѣщается караванами дорога, ведущая изъ Лассы въ Китай черезъ Да-цзянъ-лу и черезъ провинцію Сы-чуань. Другой путь изъ Китая направляется на сѣверо-востокъ отъ Лассы черезъ Монголію; кромѣ того, есть еще дороги, спускающіяся на югъ къ Ассаму и Бутану, на юго-западъ къ Непалу, на востокъ къ городу Гардоку и Леху. Караванъ, слѣдующій по этой послѣдней дорогѣ, вѣроятно, самой важной для товаровъ, отправляемыхъ въ Европу, [illegible] совершалъ свое хожденіе только въ три года разъ, но въ настоящее время, по словамъ Мунгама, путешествіе имѣетъ мѣсто каждый годъ. Забравъ шелковыхъ тканей, шалей, шафрана и другихъ товаровъ, партія торговцевъ выступаетъ изъ Леха въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; въ Лассу же она прибываетъ только въ январѣ слѣдующаго года, такъ какъ по дорогѣ въ главныхъ мѣстахъ привала въ Гардокѣ, на озерѣ Манасароваръ, въ Тадумѣ, въ Шигатзэ, пользуется остановкой и открываетъ ярмарки, продолжающіяся по нѣскольку недѣль. Первую половину года караванъ проводитъ въ Лассѣ, гдѣ онъ запасается китайскимъ чаемъ, шерстью, кузнь-луньской бирюзой, и возвращается въ Лехъ только послѣ полуторагодоваго отсутствія. Округи, черезъ которые онъ проходитъ, обязаны поставлять ему безвозмездно по 300 яковъ для перевозки товаровъ, а также съѣстные припасы для путешественниковъ [1]). На всей южной границѣ проходы Гималайскихъ горъ открываются караванамъ только тогда, когда они объявлены «переходимыми» дзонгпономъ или начальникомъ ближайшаго тибетскаго мѣстечка. Въ исключительныхъ обстоятельствахъ; когда война или революція вспыхиваетъ въ сосѣдствѣ горъ, или когда заразительныя болѣзни господствуютъ въ Индостанѣ, требуется даже разрѣшеніе высшаго тибетскаго правительства, которое само указываетъ негоціантамъ благопріятный моментъ для перехода. Почти вся прибыль отъ заграничной торговли поступаетъ въ пользу монастырей; путемъ ростовщичества народныя сбереженія поглощаются, словно бездонной пропастью, этими обителями, превращаясь тамъ въ роскошныя матеріи, въ драгоцѣнные камни, въ украшенія всякаго рода.

[1]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Китаѣ“, т. I.

[2]) Chauveau, „Annales de la propagation de la foi“, 1871 г.

[3]) Desgodins, „Mission du Tibet“;—Yule, „Introductory Essay to the River of Golden Sand“, bygil.

[4]) „Bulletin Consulaire officiel“, 3 janv. 1881

[5]) Gill, „River of the Golden Sand“;—Cameron, „Exploration“, 9 déc. 1670.

[1]) Trotter, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLVII, 1877.

Тибетскій народъ очень бѣденъ, но онъ содержитъ въ полномъ изобиліи и богатствѣ цѣлую армію монаховъ.

По внѣшнему виду правительство Тибета имѣетъ чисто теократическій характеръ. Верховный жрецъ, далай-лама, называемый также Гіальба-рембоче, «Перлъ Величества» или «Государь Сокровище», держитъ въ своихъ рукахъ всѣ власти: онъ въ одно и то же время царь и богъ; властитель жизни и достоянія своихъ подданныхъ, онъ не знаетъ другой границы своему самодержавію, кромѣ своего личнаго благоусмотрѣнія; однако, онъ соглашается руководствоваться въ своихъ обыкновенныхъ рѣшеніяхъ старинными обычаями. Впрочемъ, самое его величіе не позволяетъ ему непосредственно угнетать свой народъ; такъ какъ онъ долженъ заниматься лишь высшими духовными дѣлами государства, то для управленія въ собственномъ смыслѣ слова его замѣняетъ вице-король,

Укрѣпленная деревня близъ Лань-чжоу въ провинціи Гань-су.

утверждаемый китайскимъ императоромъ въ верховномъ совѣтѣ, состоящемъ изъ трехъ главныхъ жрецовъ [1]): этотъ верховный правитель, называемый номаханъ (нумшенъ?) или гіальбо (гіальчунъ?) считается, какъ и всѣ другіе тибетцы, не болѣе, какъ смиреннымъ слугой великаго ламы. Номаханъ управляетъ административной частью страны либо самъ лично, либо черезъ посредство четырехъ министровъ, называемыхъ кастаками или калунями; другіе чиновники, выбираемые почти исключительно изъ сословія ламъ, назначаются министрами. Но рядомъ съ туземнымъ правительствомъ въ Тибетѣ имѣютъ пребываніе два китайца, которые наблюдаютъ за высшими должностными лицами и передаютъ имъ, въ особо важныхъ обстоятельствахъ, желанія императора. Принципъ далай-ламы Канъ-си, которому слѣдовали и его преемники, таковъ, что въ дѣлахъ Тибета, все, что относится къ общей политикѣ и къ войнѣ, должно быть обсуждаемо пекинскимъ правительствомъ, но попеченіе о спеціальныхъ интересахъ территоріи и мѣстномъ благоустройствѣ и благочиніи принадлежитъ властямъ Лассы. Всѣ гражданскіе чиновники должны быть природные тибетцы. Смотря по превратностямъ политики, придворнымъ интригамъ и настроенію народа, вліяніе сюзерена увеличивается или уменьшается; но обыкновенно оно обнаруживается рѣшительнымъ образомъ, и враждующія партіи должны обращаться къ представителямъ китайскаго императора, какъ къ верховному посреднику и вершителю. Самые важные кризисы въ правительствѣ Тибета наступаютъ въ тѣ эпохи, когда далай-лама соизволитъ измѣнить свою человѣческую оболочку, чтобы облечься въ оболочку младенца. Хутухты, то-есть самые высшіе духовные сановники, собираются на конклавъ и проводятъ цѣлую недѣлю въ постѣ и молитвѣ; затѣмъ жребій назначаетъ будущаго папу буддизма; но въ дѣйствительности эта мнимая случайность всегда согласуется съ указаніями китайскаго посольства; въ 1792 году послы богдыхана отъ имени послѣдняго презентовали конклаву великолѣпную золотую урну, въ которой производится баллотировка новаго повелителя Тибета, и со времени присылки этого подарка никогда представитель фамиліи враждебной имперіи не былъ назначаемъ избирателями [2]). Впрочемъ, вновь выбранный далай-лама можетъ облечься въ свой высокій санъ только по полученіи инвеституры или формальной грамоты, подписанной китайскимъ императоромъ. Буддійскій папа, король и министры всѣ получаютъ изъ Пекина годовой окладъ жалованья; отъ китайскаго же правительства они получаютъ печать, которую употребляютъ въ оффиціальныхъ актахъ, и тибетскіе мандарины носятъ на шапкѣ шарикъ, отличительный знакъ высшихъ чиновъ, жалуемыхъ имперіей [1]). Посредствомъ остроумной комбинаціи все устроено къ удовольствію и выгодѣ далай-ламскаго двора. Послѣдній обязанъ, правда, отправлять въ Пекинъ черезъ каждые три года или пять лѣтъ торжественныя посольства съ подарками, составляющими нѣчто въ родѣ дани, но эти дары доставляются народомъ; въ обмѣнъ, онъ получаетъ отъ «Сына Неба» великолѣпные подарки, которые, разумѣется, оставляетъ у себя. Казна великаго ламы увеличивается каждый годъ суммой около 250 000 франковъ, которой онъ не въ правѣ тратить иначе, какъ въ случаѣ войны [2]).

Никакой законъ не опредѣляетъ слѣдующій съ каждаго дола налоговъ: этотъ вопросъ рѣшаютъ обычай да благоусмотрѣніе мандаринъ. Вся территорія принадлежитъ далай-ламѣ: жители только временные владѣльцы, пребываніе которыхъ лишь терпимо настоящимъ собственникомъ. Точно также дома и утварь, словомъ всякое имущество, движимое и недвижимое, считается собственностью всеобщаго хозяина и господина; подданные должны быть признательны ему, если онъ соизволитъ брать только часть ихъ достоянія для налоговъ и повинностей; при требованіи начальствомъ на какую бы то ни было работу или повинность никто не имѣетъ права уклоняться отъ исполненія приказа. Одно изъ самыхъ частыхъ и обыкновенныхъ наказаній, налагаемыхъ мандаринами на обывателей, — это полное лишеніе имущества: осужденные на экспропріацію должны покинуть свои земли и дома и жить въ палаткахъ, ходя побираться, по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ въ годъ въ мѣстности, которыя имъ и наперед указаны. Эти чонглонги, нищіе по приговору суда, дотого многочисленны, что они составляютъ цѣлый классъ въ государствѣ [3]). Въ своей процедурѣ мелкіе мандарины практикуютъ пытку и могутъ приговаривать подсудимыхъ къ штрафу, къ тюремному заключенію, къ наказанію розгами; высшіе начальники, смотря по ихъ рангу, получили отъ обычая или отъ повелителя право ссылать виновныхъ, отрѣзывать имъ руки или ноги, выкалывать глаза, даже предавать ихъ смерти; однако, ламы, строгіе блюстители заповѣдей Будды, никогда не позволятъ себѣ приговаривать своихъ подданныхъ къ «убіенію»; они ограничиваются тѣмъ, что оставляютъ ихъ умирать съ голоду [4]). Въ Лассѣ право «чинить судъ и расправу» продается съ публичнаго торга въ дебангскомъ монастырѣ, при началѣ каждаго новаго года. Тотъ изъ ламъ, который достаточно богатъ,

[1]) Campbell, „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient", 1881.

[2]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Пекинѣ", т. I.

[1]) Desgodins, „Mission du Tibet".

[2]) Campbell, цитированный мемуаръ.

[3]) Desgodins, цитированное сочиненіе.

[4]) Bogle, „Mission to Tibet".

чтобы купить эту должность, провозглашается судьей, и самъ, вооруженный серебряной палкой, идетъ возвѣстить о своемъ новомъ санѣ жителямъ Лассы. Это служитъ сигналомъ всѣмъ зажиточнымъ ремесленникамъ къ немедленному поголовному бѣгству, такъ какъ въ теченіе двадцати трехъ дней судья налагаетъ штрафы по своему усмотрѣнію и присвоиваетъ себѣ вырученныя деньги.

Съ тѣхъ поръ, какъ территорія Ладакъ составляетъ часть Кашмирскаго королевства и какъ китайское правительство отдѣлило отъ Тибета многіе округи, чтобы присоединить ихъ къ провинціямъ Сы-чуань и Юнь-нанп, Си-цзанъ или Тибетъ въ собственномъ смыслѣ слова обнимаетъ только четыре области: Нари, Цзанъ, Уй и Камъ, представляющія въ совокупности только половину территоріи. Нѣкоторыя княжества, лежащія среди покоренной страны, совершенно независимы отъ Лассы и управляются сами собой, или зависятъ непосредственно отъ китайскаго императора: такъ, напримѣръ, «королевство» Помп населено народомъ, который при всей своей преданности далай-ламѣ, ни за что не поступился бы своей свободой торговли и, въ случаѣ надобности, вполнѣ съумѣлъ бы защитить ее [1]). Такимъ образомъ страна оказывается раздѣленной на большое число перекрещивающихся своими границами округовъ, имѣющихъ различныя юрисдикціи и администраціи и занимаемыхъ враждебными другъ другу населеніями, между которыми пекинское правительство старательно поддерживаетъ соперничество. Даже въ собственно тибетскихъ провинціяхъ китайское правительство вмѣшивается разными манерами. Въ особенности оно старалось прочно утвердить свою власть въ провинціи Нари; въ этой области наиболѣе удаленной отъ императорской резиденціи, особенно важно дать почувствовать силу власти, дабы не пробудился старый духъ независимости, или изъ опасенія, чтобы сосѣднее королевство, Ладакъ, не вздумало опять забрать этотъ край, который принадлежалъ ему въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія [2]). Часть поземельнаго налога принадлежитъ императору Китая; и кромѣ того, китайскіе посланники имѣютъ право на барщинныя работы для нихъ самихъ и для всей ихъ свиты въ Тибетѣ. Наконецъ, никакая монета не можетъ быть чеканена въ странѣ безъ разрѣшенія пекинскаго двора. Оффиціально Тибетъ составляетъ для китайскаго правительства не болѣе, какъ владѣніе, подвѣдомственное Сы-чуани, и приказы, которые получаетъ Ласса изъ Пекина, доходятъ до нея черезъ посредство главнаго начальства этой провинціи.

Все годное къ военной службѣ мужское населеніе Тибета обязано по закону нести воинскую повинность и составляетъ нѣчто въ родѣ національной гвардіи или милиціи, предназначенной для охраны отечества; но единственное постоянное войско состоитъ изъ чужеземцевъ, маньчжуровъ, монголовъ, относительно которыхъ китайское правительство говоритъ, что оно употребляетъ ихъ предпочтительно передъ туземцами будто бы потому, что ихъ легче прокормить, такъ какъ они согласаются употреблять въ пищу конину и мясо джигетая; истинная же причина, само собой разумѣется, та, что эти воины, какъ иностранцы, не задумались бы перебить тибетцевъ по приказанію своихъ начальниковъ [1]). Небольшое число этихъ солдатъ оказывается достаточнымъ, такъ какъ большинство гарнизоновъ состоитъ всего только изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ; по словамъ Кемпбеля, общая численность постояннаго войска не превышаетъ четырехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ половина находится въ Лассѣ и четверть въ Шигатзэ. Другіе солдаты занимаютъ Дингри, Гянцзэ и различные пограничные посты и города, лежащіе на большихъ дорогахъ, ибо китайское правительство отлично поняло, что для того, чтобы господствовать надъ страной, ему необходимо прежде всего имѣть возможность узнавать новости о всемъ тамъ происходящемъ ранѣе, чѣмъ о нихъ узнаетъ масса народа въ самомъ Тибетѣ, и передавать свои распоряженія во-время, чтобы предупредить всякія попытки возмущенія. Служба государственной почты исполняется съ замѣчательной регулярностью и быстротой. Курьеры проѣзжаютъ въ тридцать дней, иногда даже въ двадцать два дня и еще менѣе, пространство въ тысячу триста километровъ, отдѣляющее Лассу отъ Гардока, тогда какъ обыкновенный путешественникъ употребляетъ два мѣсяца, чтобы проѣхать то же разстояніе. Курьеры скачутъ день и ночь, останавливаясь только затѣмъ, чтобы перемѣнить лошадей да наскоро перекусить чего-нибудь. Въ видахъ предупрежденія всякихъ случайностей, два всадника, изъ которыхъ каждый ведетъ за узду по два смѣнныхъ коня, всю дорогу сопровождаютъ курьеровъ, такъ что путешествіе можетъ совершаться постоянно въ галопъ, за исключеніемъ самыхъ крутыхъ подъемовъ въ горахъ. При отъѣздѣ мандаринъ опечатываетъ одежду посланца, съ той цѣлью, чтобы ему не пришла фантазія раздѣться, чтобы отдохнуть въ дорогѣ; получатель депешъ одинъ имѣетъ право распечатать гонца. Оттого, когда несчастные курьеры прибываютъ на мѣсто назначенія, они похожи скорѣе на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей. Тарсуны или почтовыя палатки, поставленныя на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, на всѣхъ станціяхъ замѣняютъ собою селенія въ пустынныхъ мѣстностяхъ.

[1]) Chauveau, „Annales de la propagation de la foi", 1871.

[2]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

[1]) Desgodins, цитированное сочиненіе.

Глава III

Китайскій Туркестанъ.

Бассейнъ Тарима.

Центральная низменность Азіи, обнимающая обширный, нынѣ почти совершенно высохшій бассейнъ древняго Средиземнаго моря, которое отдѣляло Небесныя горы отъ цѣпи Куэнь-лунь, есть одна изъ тѣхъ областей земнаго шара, которыя обозначаютъ самыми разнообразными именами. Окрестныя населенія, такъ сказать, господствующія надъ этой равниной съ высоты своихъ горъ, знаютъ ее каждое подъ особеннымъ названіемъ, тюркскимъ, монгольскимъ или тибетскимъ. Сообразно превратностямъ завоеваній и переселеній, очень частыхъ въ этой странѣ, черезъ которую народы искали себѣ выхода, то или другое наименованіе брало перевѣсъ въ самомъ краѣ и въ окружающихъ его территоріяхъ. Недавно жители обыкновенно употребляли для своего отечества названіе Альты-шаръ или «Шесть городовъ», замѣненное впослѣдствіи названіемъ Джаты-шаръ, т. е., «Семь городовъ» или «Семиградье», которое, впрочемъ, примѣняется только къ населенной области, простирающейся въ видѣ обширнаго полукруга у подножія горныхъ цѣпей. Китайское названіе Тянь-шань-нань-лу или «южная дорога Тянь-шаня», выбранное какъ противоположность названію Тянь-шань-бэй-лу или «Сѣверная дорога», пролегающая на сѣверѣ, по другую сторону Небесныхъ горъ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что представляетъ точное географическое наименованіе. Слово Кашгарія, которымъ эта страна еще недавно обозначалась въ Европѣ, потеряло смыслъ съ той поры, какъ независимое государство, основанное Якубомъ, бедаулетомъ кашгарскимъ, перестало существовать; подобно тому, географы должны были оставить названіе «королевство Хотанъ», когда этотъ городъ утратилъ степень столицы. Что касается наименованія «Малая Бухарія», бывшаго въ употребленіи еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, то оно объясняется прежнимъ религіознымъ господствомъ Бухары; но теперь уже было бы неумѣстно употреблять его, такъ какъ Бухара лежитъ по другую сторону горъ и плоскогорій, и такъ какъ сверхъ того этотъ городъ пришелъ въ упадокъ и уступилъ Ташкенту роль метрополіи западныхъ склоновъ Памира и Тянь-шаня. Но названія «Восточный Туркестанъ» и «Китайскій Туркестанъ» все еще примѣняются къ бассейну Тарима, такъ какъ населеніе этой страны по языку принадлежитъ къ тюркскому племени, и китайское правительство снова покорило его своей власти.

Хотя Китайскій Туркестанъ былъ еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія страной, почти совершенно пришедшей въ забвеніе, однако, онъ во всѣ времена имѣлъ большую важность, какъ мѣсто прохода, ибо на дорогахъ изъ Китая въ бассейны Яксарта и Оксуса и даже на дорогахъ, ведущихъ къ Персіи и къ Индіи, необходимыми станціями являются города, лежащіе у восточнаго основанія плоскогорій Памира. Греческіе и китайскіе купцы встрѣчались на такъ называемомъ «пути шелка»; буддійскіе миссіонеры, арабскіе торговцы, знаменитый венеціанецъ Марко Поло, потомъ другіе европейскіе путешественники эпохи средневѣковъ всѣ должны были останавливаться въ оазисахъ Китайскаго Туркестана, прежде чѣмъ продолжать свой трудный путь, либо на востокъ, въ область песчаныхъ степей, либо на западъ, къ пустыннымъ плоскимъ возвышенностямъ. Но разсказы прежнихъ путешественниковъ были совершенно забыты, такъ что низменность, гдѣ протекаютъ воды Тарима и его притоковъ, считалась въ началѣ настоящаго столѣтія составляющей часть того громаднаго «Татарскаго плоскогорья», которое, какъ полагали, занимаетъ всю внутренность азіатскаго континента. Только послѣ того, какъ синологи открыли Европѣ китайскіе документы, относящіеся къ странѣ Тянь-шань-нань-лу, европейцы познакомились въ общихъ чертахъ съ истинной формой этой обширной впадины, простирающейся на востокъ отъ Памира.

Одинъ изъ братьевъ Шлагинтвейтовъ, Адольфъ, былъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія первымъ европейцемъ, проникшимъ въ бассейнъ Тарима по дорогѣ, ведущей изъ Индіи. Въ 1857 году онъ перешелъ черезъ горный хребетъ Кара-корумъ, и, спустившись въ равнину восточнаго Туркестана, подвинулся до самаго Кашгара; но тамъ онъ былъ умерщвленъ по приказанію государя, Вали-хана, и всѣ его путевыя замѣтки и коллекціи были потеряны для науки. Восемь лѣтъ спустя Джонсонъ посѣтилъ Хотанъ и окружающія пустыни, открывъ своимъ путешествіемъ рядъ англійскихъ экспедицій, вызванныхъ торговыми интересами и

политическимъ соперничествомъ Великобританіи и Россіи. Въ 1868 году одинъ чайный плантаторъ, Шау, по предложенію англійскаго правительства, предпринялъ изслѣдованіе торго-

Типы и костюмы дунганъ и таранчей.

выхъ дорогъ равнины, въ то время, какъ другой англичанинъ, Гевардъ, получилъ отъ лондонскаго географическаго общества порученіе осмотрѣть, главнымъ образомъ, область плоскихъ возвышенностей. Подобно Адольфу Шла-

гинтвейту, Гевардъ поплатился жизнью за свое предпріятіе; но Шау, болѣе счастливый, успѣлъ собрать многочисленныя свѣдѣнія о торговлѣ этого края и доставить ихъ въ Индію, послѣ чего вскорѣ ему пришлось готовиться къ новому путешествію, такъ какъ онъ былъ выбранъ въ проводники новой экспедиціи, или, вѣрнѣе сказать, оффиціальнаго посольства, отправленнаго къ бедаулету Якубу, государю

Кашгаріи. Посланникъ Форсайтъ, сопровождаемый медикомъ Гендерсономъ, на этотъ разъ дошелъ только до Яркенда; но три года спустя онъ возвратился въ сопровожденіи большаго числа изслѣдователей, Гордона, Биддульфа, Троттера, Чапмена, Белью, Столички, и благодаря раздѣленію труда между этими членами экспедиціи, плодоносная область долины была пройдена съ юга на сѣверъ, отъ Куэнь-луня до Тянь-шаня, тогда какъ на западѣ путешественники совершили восхожденіе на Памиры до верхнихъ долинъ Оксуса. Съ своей стороны и русскіе не оставались въ бездѣйствіи. Уже Валихановъ, въ 1858 году, и Остенъ-Сакенъ, въ 1867 году, переходили черезъ цѣпь Небесныхъ горъ и спускались въ равнины Кашгаріи. Въ 1876 году полковникъ Куропаткинъ выбралъ другую дорогу: черезъ Терекъ-даванъ онъ проникъ въ восточный Туркестанъ и прошелъ до озера Карашаръ вдоль цѣпи Тянь-шаня, у основанія ея южныхъ предгорій. Благодаря ему и г. Регелю, который продолжалъ далѣе на востокъ путь, пройденный полковникомъ Куропаткинымъ, «императорская дорога», по которой всегда слѣдовали китайцы въ своихъ военныхъ и торговыхъ экспедиціяхъ къ Тянь-шань-нань-лу, стала болѣе извѣстной. Затѣмъ пути, пройденные Мушкетовымъ и другими изслѣдователями, связали эту дорогу съ дорогами Кульджинской территоріи, на противоположной покатости горъ; полковникъ Пржевальскій, пустившись въ самую пустыню, обслѣдовалъ всю восточную часть бассейна Тарима, между хребтами Тянь-шань и Алтынъ-тагъ. Но области, простирающіяся у основанія цѣпи Куэнь-лунь и пройденныя Марко-Поло и Бенедиктомъ де-Гоэсъ, еще долго были закрыты для современныхъ путешественниковъ, тѣми непреодолимыми препятствіями, какія представляютъ безконечные сыпучіе пески и опасность погибнуть голодной смертью по невозможности добыть какіе бы то ни было жизненные припасы въ безлюдной пустынѣ, пока самоотверженные путешественники въ родѣ, Пѣвцова, Богдановича, Грумъ-Гржимайло и Свенъ-Хедина не проникли и въ эти мѣста.

Въ предѣлахъ, намѣченныхъ различными изслѣдователями англійскими и русскими, поверхность китайскаго Туркестана исчисляется приблизительно почти въ 23.980,94 квадратныхъ миль, и на этомъ огромномъ пространствѣ, по словамъ полковника Куропаткина, нельзя считать болѣе милліона жителей; Форсайтъ же исчисляетъ совокупность населенія только въ 580.000 человѣкъ [1]). Слѣдовательно, эта страна, въ два раза болѣе обширная, чѣмъ Франція, заключаетъ въ своемъ полукругѣ, охватывающемъ 2.500 километровъ, не болѣе постоянныхъ жителей, чѣмъ одинъ изъ второстепенныхъ городовъ Европы, каковы Неаполь, Ливерпуль или Гласго. Эта малонаселенность объясняется тѣмъ, что въ центральной Азіи вода рѣдка, и тамъ, гдѣ изсякаютъ источники, начинается голая, безплодная пустыня. Кругомъ громадной песчаной степи стоятъ громады горъ, поднимающихся своими вершинами до пояса вѣчныхъ снѣговъ, но ручьи, вытекающіе изъ этихъ возвышенностей, не всѣ достигаютъ выхода долинъ. Однако, ручьи амфитеатра горныхъ массъ соединяются въ достаточно большомъ числѣ, чтобы образовать настоящій рѣчной бассейнъ. По сходимости своихъ долинъ и по обширному развѣтвленію своихъ притоковъ, Таримъ какъ будто пытается сдѣлаться вторымъ Индомъ. По обѣ стороны плоскихъ возвышенностей, высшій хребетъ которыхъ составляетъ Кара-корумъ, замѣчается нѣкотораго рода симметрія между двумя противоположными склонами; но какую огромную разницу произвели климатическія условія въ характерѣ и природѣ двухъ странъ.

На востокѣ отъ Хотана ни одинъ изъ горныхъ потоковъ, которые спускаются съ бѣдныхъ снѣгомъ скатовъ Куэнь-луня и Алтынъ-тага, не достигаетъ центральнаго резервуара бассейна, за исключеніемъ Черченъ-дарьи, самой многоводной рѣки изъ этихъ потоковъ, которая соединяется съ Тариномъ до впаденія его въ озеро Лобъ-норъ. Рѣчки, орошающія оазисы Хотана и образующія рѣку Хотанъ-дарью, одну изъ главныхъ вѣтвей Тарима, тѣ самыя, которыя въ старину пользовались такой громкой славой во всей Азіи, какъ «нефритовыя» рѣки. Китайскіе лѣтописцы, говоря о Хотанскомъ краѣ, всѣ повторяютъ, что главная рѣка этой страны образуется изъ трехъ потоковъ, изъ которыхъ каждый катитъ нефритовые камешки особеннаго цвѣта; на востокѣ течетъ «рѣка зеленаго нефрита», на западѣ «рѣка чернаго нефрита», а посреди между той и другой бѣжитъ «рѣка бѣлаго нефрита». По крайней мѣрѣ двѣ изъ этихъ рѣкъ сохранили свои старинныя имена подъ тюркской формой Урунгъ-кашъ (Бѣлый нефритъ) и Кара-кашъ (Черный нефритъ). Эта послѣдняя самая многоводная и по объему значительно превосходитъ остальныя [1]). Она получаетъ начало у границъ Кашмира, гораздо южнѣе цѣпи Куэнь-лунь, на высокихъ плоскогорьяхъ, надъ которыми господствуютъ пики и продолговатыя вершины небольшой относительной высоты, уже принадлежащіе къ хребту Кара-корумъ. Изъ этой области истоковъ, лежащей на высотѣ болѣе 5.000 метровъ надъ уровнемъ моря, рѣка Кара-кашъ спускается цѣлымъ рядомъ поперечныхъ долинъ и ущелій, перерѣзывая подъ крутыми углами отроги,

[1]) Матусовскій опредѣляетъ населеніе въ 1.500.000 душъ.

[1]) Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan“.

препятствующіе ея проходу, затѣмъ она продолжаетъ свой путь на пространствѣ болѣе 100 километровъ вдоль южнаго склона хребта Карангутага, до пролома Шахадула-ходжа, черезъ который она уходитъ на сѣверо-востокъ, въ Хотанскую равнину.

На востокъ отъ верхней долины Кара-каша, равнина, по которой слѣдуютъ путешественники, отправляясь изъ бассейна Инда въ бассейнъ Тарима, въ большей части своего протяженія покрыта солью и другими продуктами вывѣтриванія. Озеро, наполнявшее нѣкогда эту низменность, опорожнилось или высохло мало-по-малу, и рѣки, которыя послѣ того текли по обнажившемуся озерному дну, были замѣнены подвижными песками. Тамъ и сямъ на поверхности равнины сіяютъ глубокія разсѣлины, наполненныя сѣрнокислой магнезіей въ видѣ кристалловъ столь же тонкихъ и бѣлыхъ, какъ нѣжныя снѣжинки, поднимаемыя вѣтромъ. Лужи соленой грязи, скрытыя подъ ледяными плитами, занимаютъ самыя глубокія впадины, и до высоты 5.400 метровъ встрѣчаются горячіе источники, обведенные кольцомъ изъ отлагающихся известковыхъ осадковъ, затѣмъ вторымъ кругомъ изъ замерзшей воды. На пространствахъ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ почва изрыта маленькими воронкообразными углубленіями около двухъ метровъ въ діаметрѣ и одного метра глубины, которыя почти всѣ отличаются замѣчательной правильностью. Нѣкоторыя изъ этихъ воронокъ имѣютъ свойство послѣ дождей выбрасывать массы грязи, и вода въ нихъ иногда сильно бурлитъ и брызжетъ. Д-ръ Гендерсонъ не думаетъ, чтобы эти отверстія были настоящіе грязные вулканы; по его мнѣнію, это просто провалы глинистой подпочвы, заставляющіе подниматься на поверхность, послѣ проливныхъ дождей или во время таянія снѣговъ, воды, скопляющіяся подъ землей. Ниже по теченію, берега рѣки Кара-кашъ изрыты во многихъ мѣстахъ другими воронкообразными ямами того же рода; но эти послѣднія воронки окаймлены въ верхней части соляной корой. Эти отверстія находятся въ сообщеніи съ водами Кара-каша, уровень которыхъ ночью понижается по причинѣ мороза, а днемъ повышается, вслѣдствіе таянія снѣга и льда. Такимъ образомъ воронкообразныя углубленія попеременно наполняются и опоражниваются въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, и соленая вода Кара-каша испаряется, оставляя бѣловатый слой соли, какъ слѣдъ своего происхожденія [1]).

На западѣ отъ нижняго Кара-каша слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько ручьевъ, которые теряются въ пескахъ или въ болотахъ Яшиль-куль, отдѣленныхъ отъ водъ Кара-каша поясомъ песчаныхъ бугровъ или дюнъ. Эти ручьи слишкомъ слабы для того, чтобы расчистить эти препятствія и проложить себѣ дорогу: это объясняется тѣмъ, что они получаютъ начало не на покрытомъ снѣгами Кара-корумѣ, а на сѣверномъ склонѣ горъ, которыя хотя и составляютъ продолженіе Куэнь-луня, но уже понизились на столько, что ихъ по виду можно считать не болѣе, какъ наружными предгорьями плоской возвышенности; онѣ почти сплошь одѣты глиной до высоты 3.300 метровъ, только верхніе гребни возвышаются надъ всѣми этими землистыми массами, вѣроятно, ледниковаго происхожденія. Когда караванъ яковъ движется по тропинкамъ этихъ горъ, онъ поднимаетъ густые столбы пыли, сквозь которую путешественники не могутъ различать другъ друга; внизу, пески, волнуемые вѣтромъ, покрываютъ передовые холмы. Главная дорога изъ Индіи въ китайскій Туркестанъ переходитъ черезъ эту небольшую цѣпь глинистыхъ горъ переваломъ Саньчжу (5.060 метровъ), чтобы избѣгнуть большаго колѣна или дуги, которую описываетъ Кара-кашъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, при выходѣ изъ горъ. Это горное ущелье трудно доступно, и туземцы сочли нужнымъ приписать образованіе его могучей рукѣ богатыря Рустана [1]).

Въ юго-западномъ углу китайскаго Туркестана зарождается другая рѣка, самая длинная и, вѣроятно, самая обильная во всемъ бассейнѣ Тарима: это Яркендъ-дарья, которую часто называютъ также, особенно въ верхней части бассейна, Зарявшаномъ или «Золотоносной»: подобно рѣкѣ Самарканда, она дѣйствительно катитъ золотыя блестки вмѣстѣ съ пескомъ, а приносимый ея водами илъ, еще болѣе драгоцѣнный, чѣмъ золото, оплодотворяетъ, во время разливовъ, поля и равнины Яркенда: болѣе четверти населенія восточнаго Туркестана живетъ плодами и зерновыми хлѣбами, которые родятся въ изобиліи, благодаря этой плодотворной водѣ. Рѣка Яркендъ-дарья, такъ же, какъ и Кара-кашъ, беретъ свое начало внѣ предѣловъ Китайской имперіи, и одинъ изъ ея истоковъ извѣстный подъ названіемъ Раскемъ-дарьи бьетъ изъ земли на склонѣ того хребта Кара-корумъ (5.550 метровъ), который далъ свое имя всей цѣпи: въ этомъ мѣстѣ, какъ при истокѣ рѣки Кара-кашъ, кряжъ въ нѣсколько метровъ ширины раздѣляетъ два бассейна Тарима и Инда, между которыми вставлено огромное плоскогорье Тибета. Слѣдуя въ началѣ нормальному направленію всей орографической системы этой области Азіи, Раскемъ-дарья течетъ на сѣверо-западъ, параллельно Кара-коруму и болѣе низкимъ цѣпямъ, сопровождающимъ этотъ хребетъ, и усиливается мно-

[1]) Henderson,—Hume,—Forsyth, „From Lahore to Yarkand“.

[1]) Johnson, „Bulletin of the Geographical Society o London“, 1867.

численными притоками, которые посылаютъ ей ледники южнаго ската ея долины. Дансангъ, величественная гора, которая, между высочайшими горами земнаго шара, уступаетъ въ высотѣ одному только Гауризанкару, есть одна изъ вершинъ, снѣга и льды которыхъ питаютъ главную рѣку Яркенда. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Яркендъ-дарья находитъ, какъ Кара-кашъ, проломъ въ передовыхъ горахъ, который даетъ ей выходъ къ равнинѣ, она имѣетъ видъ значительнаго потока; но по выходѣ изъ горъ, ея воды, отводимыя въ искусственные оросительные каналы и теряющіяся путемъ испаренія, быстро уменьшаются въ объемѣ. Однако, во время большихъ разливовъ главный рукавъ, проходящій у города Яркенда, имѣетъ отъ 60 до 140 метровъ ширины, и такъ глубокъ, что нигдѣ нельзя перейти его въ бродъ. Замѣчательно, что кривая, описываемая Яркендъ-дарьей въ общемъ направленіи ея теченія походитъ на дугу, образуемую Кара-кашемъ. Та и другая изъ этихъ рѣкъ слѣдуютъ сначала по одной изъ ложбинъ, открывающихся на сѣверо-западѣ между горными цѣпями параллельными главной рѣкѣ; затѣмъ, поворачивая на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, онѣ текутъ къ низменной области древняго внутренняго моря пустыни Гоби или Шамо.

Притоки Тарима, спускающіеся съ хребта Памиръ, не имѣютъ въ области снѣговъ достаточно большой длины, чтобы сдѣлаться значительными рѣками. Горныя массы, изъ которыхъ они вытекаютъ, высятся непосредственно на западной сторонѣ равнины, какъ настоящая граница свѣта: одинъ китайскій документъ приписываетъ этимъ хребтамъ, окаймляющимъ Памиръ, высоту въ тысячу ли, то-есть въ 500 верстъ [1]), выраженіе, которое, очевидно, не имѣетъ другаго смысла кромѣ того, что горы Цзунъ-линъ должны быть причислены къ неприступнымъ вершинамъ, поднимающимся «до небесъ». Дѣйствительно эти «Луковичныя Горы», какъ ихъ называютъ большинство комментаторовъ, или «Голубыя горы»,—по переводу Абеля Ремюза, являются передовыми выступами одной изъ высочайшихъ горныхъ массъ Азіи. Склонъ Памира съ восточной стороны гораздо круче противоположной покатости, по которой текутъ различныя рѣки, образующія верхній Оксусъ или Аму-дарью; едва успѣвъ образоваться изъ фирновыхъ полей, покрывающихъ вершины, горные потоки вступаютъ уже въ равнину, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ земледѣльцы, чтобы раздѣлить ихъ воды на цѣлую сѣть ирригаціонныхъ каналовъ. Одинъ только потокъ, спускающійся съ Памира, соединяется съ Яркендъ-дарьей: это Кашгаръ-дарья, которая получаетъ начало въ «Красной Долинѣ», открывающейся между Алайской и Заалайской цѣпями, у подножія Кизылъ-арта или «Краснаго хребта»; главная ея вѣтвь есть одна изъ двухъ рѣкъ, называемыхъ Кизылъ-су (Красныя Воды), которыя текутъ въ противоположномъ направленіи, одна къ Аральскому морю, другая къ озеру Лобъ-норъ [1]). Нерѣдко всѣ горы восточнаго Памира обозначаются именемъ Кизылъ-артъ; путешественникъ Шау часто слышалъ, какъ ихъ называли «Красными горами».

Хотанъ-дарья и Яркендъ-дарья, усиленная Кашгаръ-дарьей, соединяются съ рѣкой Аксу-дарья, которая сама незадолго передъ тѣмъ принимаетъ въ себя Таушканъ-дарью, другую рѣку, спускающуюся съ Небесныхъ горъ, и гдѣ соединенія этихъ потоковъ образуется Тарим (Тарим-голъ), Эхардесъ древнихъ греческихъ географовъ, рѣка, по которой необходимо долженъ слѣдовать дорога изъ Китая. Однако, туземцы рѣдко употребляютъ это названіе «Тарим»: для нихъ эта рѣка, говоритъ полковникъ Пржевальскій, все та же Яркендъ-дарья. Протекая вдоль южнаго основанія передовыхъ горъ Тянь-шаня, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и раздѣляясь тамъ и сямъ на многочисленныя вѣтви, Тарим, который можно сравнить съ Дунаемъ по длинѣ теченія, не увеличивается въ объемѣ, не расширяется, какъ великая европейская рѣка, по мѣрѣ приближенія къ своему устью; напротивъ онъ постепенно уменьшается, съуживается, несмотря на то, что получаетъ черезъ извѣстные промежутки другія дары, которыя ему посылаютъ сѣверныя горныя цѣпи. На востокѣ отъ Кокъ-су и другой рѣки, которыя теряются, первая въ Баба-куль или «Бабьемъ озерѣ», вторая въ Сары-камышъ или «Желтыхъ камышахъ», рѣка Хайдыкъ-голъ, выходящая изъ поросшихъ травой цирковъ горы Юлдузъ или «Звѣзды», катитъ достаточно водъ, чтобы достигнуть до Тарима; но, пройдя нѣсколько узкихъ поперечныхъ долинъ или ущелій, она останавливается по дорогѣ въ обширномъ, глубокомъ [2]) и обилующемъ рыбой озерномъ бассейнѣ, извѣстномъ подъ разными именами: Богла-норъ, Бостанъ-норъ, Багарашъ-куль, Карашаръ-куль или просто Денгизъ, то-есть «море». По выходѣ изъ этого озера, истокъ, принимающій названіе Кончедарья, перерѣзываетъ прилегающую къ озерному бассейну горную цѣпь Курукъ-тагъ черезъ очень узкую поперечную долину, которая прежде была защищена сильными укрѣпленіями, и которую и теперь охраняютъ глиняныя крѣпостцы. Эта тѣснина, около 10 километровъ длиною, представляетъ одни изъ многочисленныхъ «Желѣзныхъ Воротъ» центральной Азіи, и въ сосѣдствѣ съ этой сильной и укрѣпленной стратегической позиціей нѣкогда

[1]) Abel Rémusat, „Histoire de la ville Khotan".

[1]) Федченко, „Путешествіе въ Туркестанъ".

[2]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора".

находился городъ Гсійнъ, мѣстопребываніе губернатора двухъ Туркестановъ [1]).

Послѣ принятія въ себя притока Кончедарьи, теченіе Тарима становится все медленнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ самой глубокой части пониженія Тянь-шань-нань-лу или «Южной тянь-шаньской дороги». При деревнѣ Абдалы, въ недалекомъ разстояніи отъ впаденія его въ озеро Лобъ-норъ, средняя скорость теченія рѣки не превышаетъ 80 сантиметровъ въ секунду; въ тотъ же промежутокъ времени объемъ протекающей воды можетъ быть исчисляемъ приблизительно въ 75 или 80 кубическихъ метровъ [2]). У деревни Абдалы Таримъ только что вышелъ изъ камышей озера Кара-буранъ или «Черный буранъ», принадлежащаго къ системѣ Лобъ-норъ; но едва возобновивъ свое независимое теченіе, онъ опять дѣлится на нѣсколько каналовъ естественныхъ и искусственныхъ, затѣмъ теряется среди лѣса камышей, еще болѣе высокихъ, чѣмъ камыши Кара-бурана: рыбаки, проникающіе въ эти чащи, видятъ у себя надъ головой качающіеся огромные стебли тростника, достигающіе высоты слишкомъ 6 метровъ надъ поверхностью воды. Это второе озеро, гдѣ судоходный фарватеръ Тарима мало-помалу исчезаетъ, носитъ у туземцевъ названіе Чонъ-куль (Большое озеро) или Кара-курчинъ; вмѣстѣ съ озеромъ Кара-буранъ, оно образуетъ обширный резервуаръ испаренія, совокупность котораго означается именемъ Лобъ-норъ. Восточный бассейнъ разстилается на пространствѣ, вѣроятно превышающемъ 2.000 квадратныхъ километровъ: поверхность его въ четыре раза болѣе поверхности Женевскаго озера, взятаго за единицу для сравненія; но зато какая огромная разница въ отношеніи объема воды! Озеро Лобъ есть не болѣе, какъ болото въ наибольшей части своего протяженія, и только на югѣ, вдоль самаго высокаго берега, средняя глубина его достигаетъ 2 метровъ; самыя глубокія мѣста едва достигаютъ 4 метровъ. Даже по срединѣ озера тянется выступившая изъ-подъ воды полоса земли, гдѣ пріютились нѣсколько рыбачьихъ селеній, спрятавшихся среди камышей. Благодаря этой естественной защитѣ, домикамъ, построеннымъ на Большомъ озерѣ (Кара-курчинъ), не страшны бурные восточные и сѣверо-восточные вѣтры, бушующіе на равнинахъ, особенно весной. Напротивъ, воды озера Кара-буранъ, болѣе открытыя, приходятъ въ сильное волненіе отъ этихъ бурь и заливаютъ свои низкіе берега верстъ на двадцать отъ обыкновенной береговой линіи: отсюда и произошло многозначущее названіе «Черный буранъ».

Очевидно, озеро Лобъ-норъ есть не что иное, какъ небольшой остатокъ древняго внутренняго моря, о которомъ упоминаютъ легенды и историческіе документы, и слѣды котораго ясно видны во всей низменности, гдѣ протекаетъ рѣка Таримъ, и далѣе на востокѣ, вплоть до подошвы плоскихъ возвышенностей Монголіи. Со времени изслѣдованія Рихтгофена, то, что было Си-хай или «Западное море», и то, что есть въ наши дни Хань-хай или «Высохшее море» китайцевъ, можетъ быть довольно точно опредѣлено въ его истинныхъ очертаніяхъ. Теперь мы знаемъ, что до начала исторической эпохи древнее море, ориентированное параллельно горнымъ системамъ Куэнь-луня и Тянь-шаня, то-есть по направленію отъ запада-юго-запада къ востоку-сѣверо-востоку, простиралось на пространствѣ болѣе 2 милліоновъ квадратныхъ километровъ, и что въ самой низкой своей части, то-есть тамъ, гдѣ находится нынѣшній Лобъ-норъ, лежащій на высотѣ 671 метра надъ уровнемъ океана, имѣло по меньшей мѣрѣ 900 метровъ глубины. Еще въ первыя времена, когда смутно начинается исторія для народовъ центральной Азіи, въ этой огромной впадинѣ продолжали существовать настоящія внутреннія моря: Тянь-шань-нань-лу и Тянь-шань-бэй-лу, по обѣ стороны восточнаго выступа Небесныхъ горъ, имѣли тотъ и другой свой обширный озерный бассейнъ, отъ котораго въ наши дни сохранились лишь незначительные остатки въ видѣ небольшихъ озеръ, разсѣянныхъ по равнинамъ [1]). Единогласное преданіе жителей китайскаго Туркестана и восточнаго Китая говоритъ о постепенномъ оскудѣніи озеръ этого бассейна, и вѣроятно, чтобы объяснить это исчезновеніе водъ, вообразили существованіе подземнаго канала, который будто бы уноситъ излишекъ жидкой массы Лобъ-нора, чтобы заставить его опять выступить на поверхность земли истоками Желтой рѣки, въ мѣстности, лежащей на 3.000 метровъ выше [2]). Въ высшей степени замѣчателенъ тотъ фактъ, что постепенное сосредоточиваніе воды въ усыхающемъ резервуарѣ Лобъ-нора не сдѣлало его совершенно соленымъ озеромъ, какъ это случилось съ большей частью озеръ, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи бывшаго морскаго бассейна. Въ настоящее время вода Лобъ-нора свѣжая и прѣсная [3]), безъ сомнѣнія, потому что она перемѣстилась въ низменную равнину, направляясь изъ мѣстностей, уже покрывшихся солью, въ ложбины съ чистой еще почвой: въ озерѣ еще видны стволы тамариска, росшіе на твердой землѣ. По разсказамъ туземцевъ, Таримъ постепенно уменьшался въ объемѣ около половины нынѣшняго столѣтія,

[1]) „Geographical Magazine", septembre 1878.
[2]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

[1]) F. von Richthofen, „China".
[2]) De Guignes, „Histoire des Huns"; —Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan"; —Imbault Huart, „Recueil des documents sur l'Asie centrale"; —F. von Richthofen, „China".
[3]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

и соотвѣтственно тому понижался и уровень озера; потому, около 1870 года, новая прибыль водъ имѣла слѣдствіемъ разлитіе озера и затопленіе части береговъ, внѣ солончаковаго дна; тѣмъ не менѣе, однако, почти все прибрежье свидѣтельствуетъ своими вывѣтриваніями и своимъ безплодіемъ о существованіи соли въ грунтѣ и лишь только на югѣ полоса тамарисковъ окаймляетъ прежній берегъ. Лобъ-норъ, такъ же, какъ и Таримъ, изобилуетъ рыбой двухъ видовъ, которую прибрежные жители ловятъ при помощи искусственныхъ каналовъ и ямъ: рыба заходитъ туда во время разливовъ и не находитъ выхода послѣ спада водъ. Устраивать эти рыболовные бассейны тѣмъ легче, что ложе Тарима быстро повышается надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Какъ всѣ рѣки, Таримъ приноситъ землистыя частицы, которыя, отлагаясь, возвышаютъ берега во время разливовъ, но этотъ фактъ является маловажнымъ въ сравненіи съ дѣйствіемъ другой причины постепеннаго повышенія береговъ: пыль, песокъ дюнъ, приносимые вѣтромъ изъ пустыни, задерживаются чащами камышей и скопляются тамъ довольно значительными массами, чтобы образовать новыя дюны. Берега, дно ложа, камыши, все поднимается мало-помалу надъ уровнемъ боковыхъ низменностей, лишенныхъ покрывавшаго ихъ песку [1]), и этимъ-то именно и объясняются перемѣщенія русла Тарима, какъ и самаго Лобъ-нора, который есть не что иное какъ продолженіе рѣки. Древнія китайскія карты [2]) помѣщаютъ Лобъ-норъ гораздо сѣвернѣе теперешняго его положенія: весьма возможно, что онъ перемѣщается изъ бассейна въ бассейнъ.

Между Лобъ-норомъ и озерами сѣверной части Тянь-шань-нань-лу замѣчается нѣкотораго рода симметрія въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ соотвѣтственныя форму и положеніе. Ориентированныя въ томъ же направленіи, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, озера Баба-куль, Сары-камышъ, Карашаръ (Баграшъ-куль), затѣмъ другое озеро, открытое г. Регелемъ, также тянутся вдоль подошвы цѣпи горъ, до входа въ узкій корридоръ или оврагъ, черезъ который путешественники проникаютъ изъ Монголіи въ китайскій Туркестанъ. Таримъ соединяетъ одну съ другой эти двѣ озерныя области. Такимъ образомъ установляется отъ Тянь-шаня до Алтынъ-тага линія водъ, текущихъ поперегъ пустыни: уже монахъ Рубруквисъ указываетъ на этотъ географическій фактъ въ описаніи своего путешествія по тѣмъ странамъ.

Пропорція пустынныхъ и невоздѣланныхъ пространствъ земли въ китайскомъ Туркестанѣ не можетъ еще быть опредѣлена даже приблизительнымъ образомъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, она много превосходитъ количество полей, подвергнутыхъ земледѣльческой обработкѣ и усѣянныхъ человѣческими жилищами. Почти вездѣ зеленѣющія пространства составляютъ лишь узкую полосу, въ нѣсколько сотъ, самое большее въ нѣсколько тысячъ метровъ, вдоль ручьевъ и рѣчекъ; далѣе, за этой полосой, начинается безлюдная пустыня, еще неизслѣдованная почти на всемъ ея протяженіи. Это уже Гоби, хотя она неизвѣстна подъ этимъ именемъ въ Западномъ Туркестанѣ, и хотя нижняя долина Тарима дѣйствительно отдѣляетъ ее отъ пустынь Монголіи. На сѣверъ отъ Хотана и на востокъ отъ Хотанъ-дарьи области песковъ даютъ тюркское названіе пустыни Такла-маканъ. Дюны, которыя двигаются на подобіе волнъ моря, выставлены въ этомъ мѣстѣ всей ярости сѣверныхъ вѣтровъ, которые наметаютъ бугры песку до высоты 60 и 100 метровъ, даже до 130 метровъ [1]); ни одна изъ подвижныхъ горокъ европейскаго прибрежья не достигаетъ высоты песчаныхъ холмовъ, которые путешественники встрѣчаютъ въ пустыняхъ Такламаканъ. На западѣ рѣки Хотанъ-дарьи дюны не имѣютъ этого вида высокихъ холмовъ: это по большей части просто подвижные бугры, высотою отъ 3 до 6 метровъ, перекатывающіеся по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Нѣкоторыя изъ нихъ, однако, имѣютъ до 30 и болѣе метровъ высоты и тянутся въ формѣ правильнаго полумѣсяца: съ каждой стороны рога, болѣе подвижные, выступаютъ впередъ за черту туловища дюны [2]). Сосѣдство пустыни возвѣщается въ оазисахъ и даже у подножія переднихъ горъ Куэнь-луня и Памира чрезвычайно мелкими частицами пыли, которыя носятся въ воздухѣ, закрывая синеву неба. Солнце бываетъ явственно видимо только нѣсколько часовъ спустя послѣ восхода, а иной разъ, когда дуетъ восточный вѣтеръ, дневное свѣтило остается цѣлый день скрытымъ въ густой мглѣ; во внутренности домовъ приходится тогда прибѣгать къ искусственному свѣту среди бѣлаго дня. Въ продолженіе своего полуторамѣсячнаго пребыванія въ землѣ Яркендъ, англійскій путешественникъ д-ръ Гендерсонъ ни одного раза не могъ видѣть большія горы сквозь туманъ тонкой пыли, носившейся въ пространствѣ; часто даже ему невозможно было разглядѣть сосѣднихъ холмовъ и составить себѣ приблизительное понятіе объ общемъ рельефѣ страны [3]). Сколько губителенъ песокъ, когда онъ несется бурнымъ вѣтромъ на воздѣланныя поля, столько же плодотворна пыль, когда она падаетъ въ состояніи едва осязаемаго порошка.

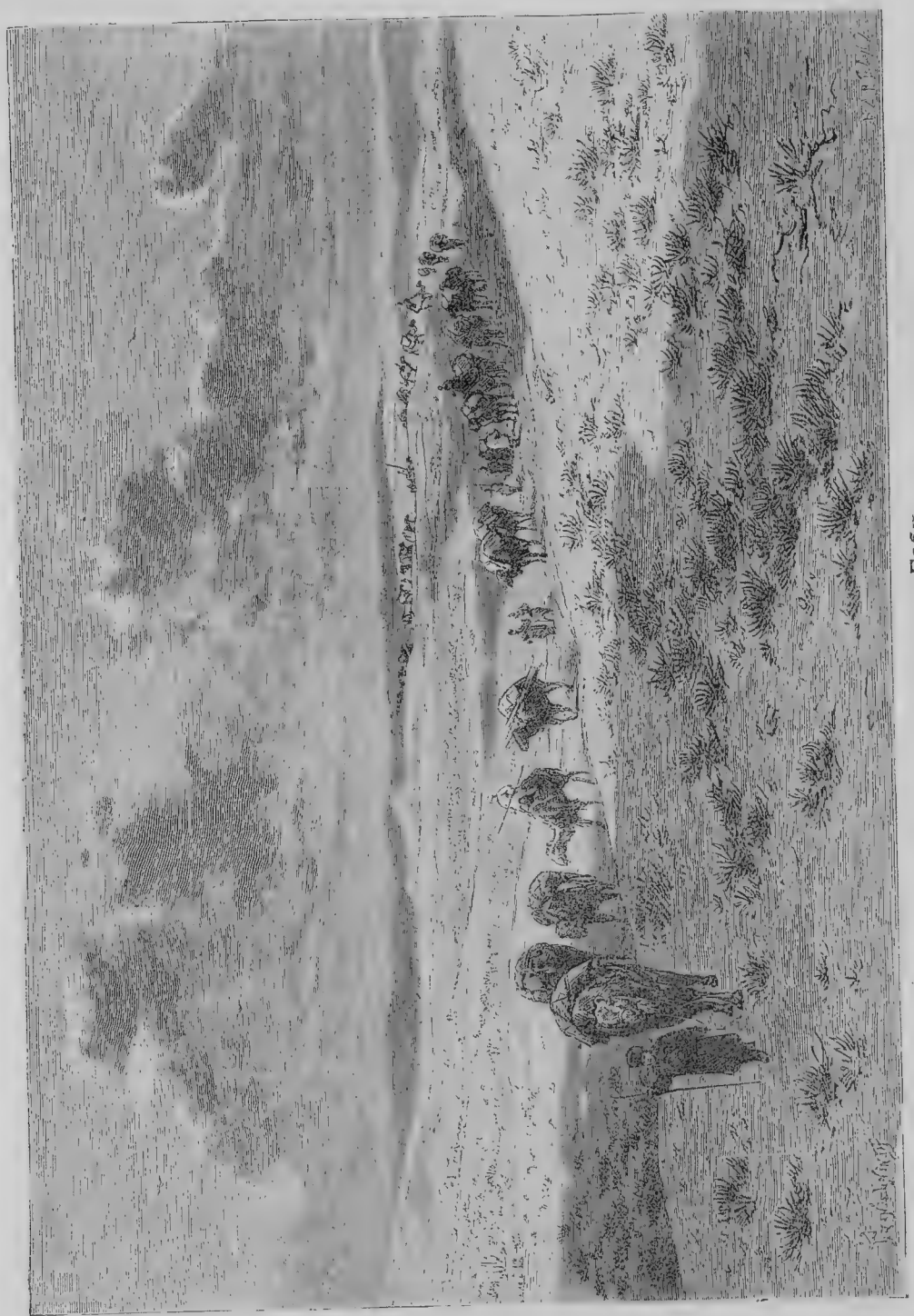
---

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.
[2]) D'Anville, —Klaproth,—Richthofen.

[1]) Johnson, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XXXIX, 1869.
[2]) Bellew;—Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLVII, 1877.
[3]) То же подтверждаютъ Грумъ-Гржимайло и др. новѣйшіе путешественники.

Это самое лучшее удобреніе для плодородныхъ равнинъ Хотана и восточнаго Туркестана, оно замѣняетъ тамъ всякіе искусственные туки. Туземные жители приписываютъ, вѣроятно, совершенно справедливо, свои обильные урожаи этому благодѣтельному песку пустыни [1]).

Не всѣ пустыни китайскаго Туркестана покрыты дюнами: песчаныя горки занимаютъ въ особенности южную и юго-западную часть, куда ихъ оттѣснили сѣверные вѣтры [1]). Между пустынями встрѣчаются настоящія степи, подобныя степямъ Аральскаго бассейна, желтыя и красноватыя земли, слѣдующія одна за другой въ видѣ длинныхъ волнообразныхъ возвышеній



Видъ въ степи Гоби.

[1]) Forsyth;—Johnson;—Richthofen.

[1]) Куропаткинъ, „Кашгарія“.

и пониженій, какъ волны моря, образующіяся отъ дѣйствія правильнаго вѣтра. Бѣлыя скалы, стертыя песками, кажутся издали какими-то развалинами зданій; блестящіе на солнцѣ пласты соли занимаютъ высохшее дно бывшихъ озеръ. У подошвы горъ Куэнь-луня на обширныхъ пустынныхъ пространствахъ почва сплошь состоитъ изъ одного только булыжника. За двѣнадцать или тринадцать столѣтій до нашего времени, въ ту эпоху, когда черезъ эти страны пролегали торговые пути, нынѣ оставленные, жители ближайшихъ къ дорогѣ деревень учили купцовъ-каравановъ искусству дѣлать обувь изъ дерева для лошадей и обертывать ноги верблюдовъ въ бычачью кожу, для того, чтобы животнымъ легче было идти по скользкимъ камнямъ [1]). Древнія китайскія лѣтописи съ ужасомъ говорятъ объ этихъ «каменныхъ поляхъ» и «песчаныхъ рѣкахъ». Въ пустынѣ, которая простирается на востокъ отъ Лобъ-нора, по словамъ лѣтописцевъ, летаютъ злые геніи и крылатые драконы сидятъ тамъ въ своихъ логовищахъ. Кости погибшихъ людей и животныхъ служатъ единственными указателями дороги, по которой долженъ слѣдовать караванъ. Пески обладаютъ голосомъ, чтобы потѣшаться надъ злополучнымъ путникомъ, или чтобы напугать его: то они «поютъ», то грохочутъ какъ громъ, то испускаютъ пронзительный свистъ, но испуганный путникъ тщетно оборачивается во всѣ стороны, чтобы узнать, откуда исходятъ эти странные звуки [2]). Безъ сомнѣнія, можно думать, что эти разсказы имѣютъ свое происхожденіе въ разстроенномъ воображеніи путешественниковъ, мучимыхъ жаромъ и лихорадкой; но очень можетъ быть также, что дюны Китайскаго Туркестана издаютъ ту «музыку» песковъ, о которой говорятъ изслѣдователи Синая, горныхъ странъ Афганистана, Аравіи, Перу и многіе натуралисты, производившіе наблюденія на песчаныхъ берегахъ моря [3]); путешественникъ Ленцъ, отправляясь въ Томбукту, тоже слышалъ подобный голосъ сильно нагрѣтыхъ солнцемъ песковъ.

Извѣстно достовѣрно, что во времена могущества Хотанскаго царства пески еще не занимали того обширнаго пространства, которое они покрываютъ въ наши дни. Однако, даже и въ ту эпоху пустыня очень близко подступала къ культурнымъ пространствамъ. Лѣтописи повѣствуютъ, что однажды большая рѣка, текущая къ сѣверо-западу, на западѣ отъ города Хотана, совершенно высохла, и что одинъ важный сановникъ государства, Курцій своего племени, долженъ былъ принести себя въ жертву дракону рѣки, для того, чтобы доставить народу счастіе снова увидѣть текущей ту животворную волну, которая орошала его поля и давала ему обильный урожай плодовъ земныхъ. Но, на сѣверо-востокѣ отъ Хотана, обитатели одного города, называвшагося Хо-лао-ло-цзя, не удостоились такой же милости отъ боговъ: они отвергли небеснаго посланника и за то были осуждены погибнуть подъ песчанымъ дождемъ. Весь городъ былъ погребенъ подъ сугробами песку, и теперь Хо-лао-ло-цзя есть не болѣе, какъ куча пыли, вздымаемой и кружимой вѣтромъ. Всѣ попытки раскопокъ, сдѣланныя подъ этой дюной, съ цѣлью достать драгоцѣнные предметы, были безуспѣшны: каждый разъ, разсказываютъ туземцы, яростный вѣтеръ, поднимая цѣлыя облака пыли, скрывалъ дорогу для того, чтобы рабочіе заблудились. Въ другомъ мѣстѣ, по преданію, передаваемому Джонсономъ, триста шестьдесятъ городовъ были засыпаны въ одинъ день песками пустыни Такламаканъ. Пастухи знаютъ, говорятъ, мѣстоположеніе этихъ поглощенныхъ землей городовъ, но никому не показываютъ его, изъ опасенія, чтобы не пришлось дѣлиться съ другими золотыми монетами и драгоцѣнными вещами, собираемыми подъ развалинами. Джонсону удалось посѣтить только одинъ разрушенный городъ, лежащій въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Хотаномъ, и гдѣ отъ времени до времени находятъ плитки кирпичнаго чая, составляющаго предметъ довольно значительной торговли; кромѣ того, тамъ часто находятъ монеты греческія и византійскія, а также золотыя украшенія, похожія на тѣ, какія носятъ еще въ наши дни женщины въ Индостанѣ [1]). Между развалинами другаго города, лежащаго близъ Кэріи, отыскали изображенія Будды и глиняную статуэтку, представляющую обезьяну Ганумана. Нужно замѣтить, что китайскій Туркестанъ есть одна изъ тѣхъ странъ земнаго шара, гдѣ развалины сохраняются чрезвычайно долго. Благодаря почти совершенному отсутствію дождей, сухости воздуха, рѣдкости снѣга, который выпадаетъ тамъ не болѣе одного или двухъ разъ во всю зиму, городскія стѣны, построенныя изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича, являются теперь еще въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, на другой день послѣ того, какъ ихъ разрушили [2]). Пески тоже отлично сохраняютъ зданія, которыя они засыпали, и когда дюна, перемѣщаясь, открываетъ какое-нибудь старинное строеніе, это строеніе оказывается совершенно такимъ же, какимъ оно было погребено подъ массой сыпучихъ песковъ, такъ что прежніе его обитатели, если бы они были живы, безъ труда могли бы снова поселиться въ немъ.

[1]) Abel Rémusat, „Histoire de la ville de Khotan".
[2]) H. Yule, „The Book of ser Marco Polo".
[3]) Abel Rémusat, цитированное сочиненіе;—Гіуень-Тсанъ;—Марко Поло;—Карлъ Риттеръ, „Die Erdkunde von Asien".

[1]) Johnson, „Journal of the Geographical Society of London"; 1869—Forsyth, тотъ же сборникъ за 1877 г.
[2]) Forsyth,—Bellew.—„Kashmir and Kashgar";—„Journal of the Geographical Society", 1877.

Понятно, что, при такомъ сухомъ климатѣ, растительность въ Китайскомъ Туркестанѣ представлена весьма небольшимъ числомъ видовъ. Нигдѣ безконечная, однообразная равнина не представляетъ цвѣтущихъ луговъ или степей: камыши, высокія травы по берегамъ рѣчекъ, кое-какіе кустарники, какъ джида (elaeagnus), родъ дикой маслины, тамарискъ или гребенщикъ, наконецъ, тополь, самые высокіе экземпляры котораго достигаютъ отъ 8 до 11 метровъ вышины—вотъ главные представители дикой флоры въ бассейнѣ Тарима. Тополи растутъ по преимуществу въ сосѣдствѣ текущихъ водъ: глядя на эти деревья, можно вообразить себя перенесеннымъ на плоскогорья Утахскаго «Великаго Бассейна», въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ тоже увидишь, въ сырыхъ лощинахъ, небольшія группы тополей или cottwood [1]). Кашгарскій тополь (populus diversifolia), извѣстный въ краѣ подъ именемъ тугракъ или тугракъ,—странное на видъ дерево, неправильное, малорослое, почти всегда пустое въ серединѣ, дуплистое и представляющее, какъ показываетъ его латинское названіе, величайшее разнообразіе въ формѣ и размѣрахъ своихъ листьевъ. Подъ этими рѣдко разсѣянными деревьями почва голая, сѣрая отъ слоя пыли или бѣлая отъ налета соли; даже растительные соки пріобрѣтаютъ соленый вкусъ, и иногда трещины на деревьяхъ бываютъ окружены кристалликами соли [2]). Когда дерево начнетъ отъ дряхлости или поваленное бурей, оно не гніетъ; стволъ его лежитъ на землѣ неподвижнымъ до тѣхъ поръ, пока его не засыплетъ песокъ, а опавшіе и засохшіе листья смѣшиваются съ соленой пылью. Въ пустынѣ тамариски и другіе рѣдкіе кустарники ростутъ въ большей части на маленькихъ горкахъ, постепенно образовавшихся, благодаря сѣти переплетающихся корней, которые задерживаютъ песокъ, тогда какъ вѣтеръ уноситъ его съ окружающихъ пространствъ; на остаткахъ умершаго дерева выростаютъ новые побѣги, и мало-помалу горка обращается въ кучу корней, которые туземцы рубятъ для отопленія своихъ домовъ [3]).

Благодаря искусственному орошенію, садовники и земледѣльцы Китайскаго Туркестана развели вокругъ своихъ жилищъ цѣлую флору культурныхъ видовъ, относительно гораздо болѣе богатую, чѣмъ флора дикихъ растеній. Селенія окружены тѣнистыми группами орѣшника; въ каждомъ саду странъ Хотана и Яркенда встрѣтишь ряды тутовыхъ деревьевъ. Яблони, груши, персиковыя, абрикосовыя, миндальныя деревья, виноградъ переплетаются своими вѣтвями въ фруктовыхъ садахъ и даютъ превосходные плоды. На деревьяхъ повисли тыквы, разнообразныя по формѣ и величинѣ и пригодныя для всякаго употребленія, какое захочетъ дать имъ садовникъ; дыни тѣсно скучены на землѣ, рядомъ съ конопляй, хлопчатникомъ или зерновыми хлѣбами, рисомъ, маисомъ, просомъ, ячменемъ или пшеницей. Города и деревни совершенно исчезаютъ, утопаютъ въ сплошной зелени: улицы убраны трельяжемъ, на которомъ обвиваются виноградныя вѣтки и ліаны, ниспадая на прохожихъ кистями листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ; террасы низкихъ домовъ украшены цвѣтущими душистыми растеніями, а цвѣтники блистаютъ пышными розами. Даже тополи, растущіе въ этихъ оазисахъ, рѣзко отличаются отъ тополей естественныхъ лѣсовъ: нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ исполинскаго роста, и стволы ихъ имѣютъ до 3 метровъ въ окружности [1]). Путешественнику, который только что вырвался изъ страшной, безжизненной и удушливо знойной пустыни кажется, что передъ нимъ вдругъ открылся земной рай, когда онъ вступаетъ въ тѣнистыя аллеи благоухающихъ садовъ.

На берегахъ Тарима и его притоковъ дикій животный міръ такъ же бѣденъ видами, какъ и растительное царство. За исключеніемъ кабановъ и зайцевъ, другія четвероногія рѣдки въ этой области; однако, тигръ, пантера, рысь, волкъ, лисица, рѣчная выдра встрѣчаются въ чащахъ, окаймляющихъ рѣки, тогда какъ олень и антилопа живутъ на болѣе открытыхъ мѣстахъ. Ни одинъ изъ попадающихся здѣсь видовъ млекопитающихъ не принадлежитъ исключительно этой области центральной Азіи; всѣ встрѣчаются въ долинахъ Небесныхъ горъ. Птицы тоже сравнительно рѣдки; Пржевальскій насчитывалъ ихъ только 48 видовъ, изъ которыхъ лишь два вида свойственныхъ странѣ. Дважды въ годъ болота Лобъ-нора даютъ убѣжище «милліонамъ» птицъ, совершающимъ свои обычные перелеты. Зимой фауна озера очень бѣдна; но, начиная съ февраля мѣсяца, усталыя птицы цѣлыми тучами садятся отдыхать на льду и между камышами. Осенью тѣ же самыя стаи, заключающія около тридцати различныхъ видовъ, снова прилетаютъ: на пути изъ Индіи въ Сибирь и обратно Лобъ-норъ служитъ промежуточной станціей для крылатыхъ путешественниковъ. Если бы перелетныя птицы не встрѣчали по дорогѣ этого оазиса зелени между пустынными равнинами и горами, онѣ, можетъ быть, не могли бы предпринимать такого длиннаго странствованія въ нѣсколько тысячъ верстъ [2]); впрочемъ, и теперь это путешествіе, кажется, сильно утомляетъ ихъ, судя по тому, что во все

[1]) F. von Richthofen, „China“.
[2]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора“.
[3]) Куропаткинъ, „Кашгарія“;—Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

[1]) Henderson, „From Lahore to Yarkand“.
[1]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора“.

время своего пребыванія на берегахъ Лобъ-нора онѣ остаются безъ голоса: мрачное безмолвіе царствуетъ среди этихъ несмѣтныхъ полчищъ пернатаго люда, столь шумнаго въ другихъ случаяхъ. Замѣчательно, что всѣ стаи перелетныхъ птицъ прилетаютъ съ запада-юго-запада, а не прямо съ юга: очевидно, онѣ не отваживаются перелетать черезъ плоскогорья Тибета и дѣлаютъ большой крюкъ въ западномъ направленіи, чтобы перевалить за Гималай и Кара-корумъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ хребетъ имѣетъ наименьшую ширину, и затѣмъ слѣдовать отъ Хотана къ Лобъ-нору вдоль сѣверной подошвы Куэнь-луня. На обратномъ пути изъ Сибири и изъ долинъ Алтайскихъ горъ онѣ придерживаются той же дороги.

Въ сосѣдствѣ Лобъ-нора Пржевальскій встрѣтилъ дикаго верблюда, то животное, существованіе котораго казалось сомнительнымъ большинству натуралистовъ, хотя китайскія лѣтописи постоянно упоминали о немъ, и хотя туземные жители Китайскаго Туркестана и Монголіи разсказывали о немъ всѣмъ путешественникамъ [1]). Въ настоящее время дикіе верблюды встрѣчаются преимущественно на востокѣ отъ Лобъ-нора, въ песчаныхъ пустыняхъ Кумъ-тагъ; ихъ можно увидѣть также, но рѣдко, въ сосѣдствѣ нижняго Тарима и Черченъ-дарьи; наконецъ, они населяютъ высоты Алтынъ-тага, въ сообществѣ дикихъ яковъ иословъ. Очень многочисленные лѣтъ двадцать тому назадъ, они сдѣлались гораздо рѣже съ тѣхъ поръ, какъ охотники съ Лобъ-нора стали преслѣдовать ихъ даже въ предѣлахъ пустыни. Впрочемъ это животное замѣчательно умное и осторожное: подъ вѣтромъ оно чуетъ человѣка на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, и когда видитъ, что за нимъ гонятся охотники, когда слышитъ ружейные выстрѣлы, оно убѣгаетъ по прямой линіи въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Нѣкоторыя анатомическія особенности отличаютъ дикаго верблюда отъ домашняго животнаго той же породы; кромѣ того, эти двѣ разновидности различаются оттѣнкомъ шерсти и размѣрами: всѣ дикіе верблюды малорослы въ сравненіи съ нѣкоторыми изъ гигантскихъ животныхъ, которыхъ видишь въ караванахъ. Какъ нужно классифицировать верблюдовъ, открытыхъ полковникомъ Пржевальскимъ? Принадлежатъ ли они къ породѣ, оставшейся въ дикомъ состояніи, или не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ потомковъ убѣжавшихъ отъ человѣка животныхъ, вернувшихся къ своей прежней вольной жизни, какъ это было, нѣкогда, напримѣръ, съ лошадьми въ Камаргѣ и съ быками на Фалклендскихъ островахъ! Пржевальскій считаетъ ихъ истинными представителями первобытной расы [1]).

Именно въ бассейнѣ Лобъ-нора жители не держатъ домашнихъ верблюдовъ. Эти животныя встрѣчаются только, да и то не въ большомъ числѣ, въ другихъ частяхъ китайскаго Туркестана, въ цѣпи оазисовъ, которая тянется отъ Хотана до Хами черезъ Яркендъ и Кашгаръ.

Почти всѣ перевозки кладей производятся съ помощью лошадей крупной породы, ввезенныхъ изъ Ферганскаго края; что касается маленькихъ лошадокъ, сильныхъ, неразборчивыхъ на кормъ, выносливыхъ и послушныхъ, которыя служатъ верховыми животными, то онѣ происходятъ по большей части изъ южныхъ долинъ Небесныхъ горъ, особенно изъ округа Акъ-су. Яки не могли бы жить въ равнинѣ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, по причинѣ слишкомъ сильной жары: ихъ приводятъ въ города Китайскаго Туркестана только какъ бойный скотъ. Что касается овецъ и козъ, которыхъ пасутъ киргизскіе пастухи на склонахъ Памира и Тянь-шаня, то онѣ принадлежатъ къ тѣмъ же породамъ, какъ тибетскія овцы и козы и также дающъ замѣчательно тонкую нѣжную шерсть: по словамъ англійскаго путешественника Шоу, «лучшая въ свѣтѣ шерсть» получается не изъ Тибета, а изъ Турфана.

Населенія Китайскаго Туркестана, очевидно, принадлежитъ къ смѣшанной расѣ. Древнія географическія названія и факты, передаваемые въ китайскихъ лѣтописяхъ о Хотанскомъ царствѣ, со времени обращенія его въ буддійскую вѣру, позволяютъ думать, что, по крайней мѣрѣ, часть жителей этого края происходитъ отъ народовъ «арійскаго» языка, какъ афганцы и персіяне на противоположной покатости горнаго узла Гинду-кушъ. Легендарные герои страны, тѣ, которыхъ туземцы считаютъ основателями ихъ національной славы и выразителями ихъ народнаго генія, суть именно герои «арійскіе», Рустанъ и Афрасіябъ. Скалы, ущелья, пропасти, всѣ чудеса природы приписываются какому-нибудь славному подвигу этихъ миѳическихъ богатырей: это Карлы Великіе и Роланды центральной Азіи, и даже, въ легендахъ Китайскаго Туркестана, имя ихъ повторяется чаще, чѣмъ имя Александра Македонскаго [1]),—«Хазретъ Сикандеръ или святой Александръ»,—о которомъ разсказывается, что будто бы онъ завоевалъ Китай «съ цѣлью распространить тамъ магометанскую вѣру» [2]). Въ настоящее время единственныя племена Китайскаго Туркестана, которыя неоспоримо остались родственными персидскимъ населеніямъ, галчи, единоплеменники тѣхъ, которые обитаютъ въ нагорныхъ долинахъ, впадающихъ въ долину Аму-дарьи. Подобно другимъ галчамъ, живущимъ въ русскомъ и бухарскомъ

[1]) Karl Ritter, „Die Erdkunde von Asien".
[2]) „Отъ Кульджи до Лобъ-нора".

[1]) Forsyth, „Kashmir and Kashgar".
[2]) Shaw, „Visit to High Tartary, Yarkand and Kashgar".

Туркестанѣ, это красивые люди, съ благороднымъ лицомъ и стройнымъ станомъ, простые и прямодушные, свято хранящіе свои преданія и въ особенности почитаніе огня и солнца. Несмотря на то, что они разсѣяны небольшими группами среди киргизовъ, они, галчи, еще не перестали употреблять свою родную рѣчь: до сихъ поръ еще говорятъ персидскимъ языкомъ въ верхней долинѣ Саракола, одного изъ притоковъ Яркендъ-дарьи [1]), на разстояніи слишкомъ 1.200 километровъ отъ границы Ирана; но малочисленный арійскій народъ этой возвышенной долины недавно чуть было не исчезъ съ лица земли по милости Якубъ-бека, который насильно заставлялъ его переселяться въ Кашгарскую равнину [2]). Даже между «тюрками» равнины, особенно у подножія горъ Санджу, около юго-западнаго угла русскаго Туркестана, встрѣчается много лицъ, напоминающихъ типъ, который принято обозначать названіемъ арійскаго. Путешественники, посѣтившіе Яркендъ, наблюдая на улицахъ многочисленныхъ прохожихъ, пришли къ тому заключенію, что жители этого края ничѣмъ не отличаются отъ англичанъ, ни въ отношеніи правильности чертъ лица, ни въ отношеніи румяной бѣлизны кожи [3]). Шау находитъ, что яркендцы походятъ скорѣе на американцевъ по угловатымъ формамъ лица. У мужчинъ большія окладистыя бороды, тогда какъ у людей чистыхъ тюркскихъ расъ подбородокъ всегда скудно обростаетъ волосами.

Подобно тому, какъ въ широкомъ заливѣ вращаются и сталкиваются морскія теченія, народы различныхъ расъ и племенъ, приведенные одни торговлей, другіе войной, или какъ бѣглецы, или какъ завоеватели, перемѣшались до безконечности въ этой обширной равнинѣ, которую окружаютъ въ видѣ исполинскаго полукруга три высочайшихъ въ свѣтѣ плоскогорья. Персіяне, арабы и тибетцы, киргизы и калмыки, монголы и тюрки всѣхъ племенъ, индусы и китайцы, всѣ представлены посредствомъ своихъ помѣсей у сартовъ или таджиковъ восточнаго Туркестана. Даже въ моменты большихъ побоищъ, когда жители цѣлыхъ городовъ истребляются поголовно, какъ это было, напримѣръ, въ 1863 году, во время изгнанія китайцевъ, и въ 1877 и 1878 годахъ, при обратномъ завоеваніи края «храбрымъ и непобѣдимымъ воинствомъ» Сына Неба, непріязненныя чувства между угнетателями и угнетенными только, повидимому, совпадаютъ съ племенной ненавистью. Какъ ни сильно было, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отвращеніе кашгарцевъ къ имени и ко всему китайскому, тѣмъ не менѣе и тогда можно было замѣтить на улицахъ множество индивидуумовъ, которые чертами лица и формой бороды совершенно походили на желтолицыхъ «сыновъ Срединнаго царства» [1]). Единственные ясно обозначенные контрасты, замѣчаемые въ населеніи Китайскаго Туркестана,—это тѣ, которые производитъ не раса, а климатъ, образъ жизни, родъ занятій. Земледѣльцы равнины, каково бы ни было ихъ племенное происхожденіе, и пастухи горныхъ пастбищъ, киргизы, кара-киргизы (черные киргизы) или калмыки,—таковы два главные, истинно различные класса общества въ этой странѣ. Изъ среды этихъ киргизовъ выходятъ главнымъ образомъ такъ называемые дуланы, разбойники, живущіе въ пещерахъ и въ развалинахъ бывшихъ крѣпостей, въ окрестностяхъ оазисовъ [2]).

Въ области культурныхъ земель обитатели обозначаютъ сами себя и другъ друга не какимъ-либо этнографическимъ, племеннымъ или народнымъ наименованіемъ, а именемъ города, откуда кто родомъ: они называютъ себя хотанцами, яркендцами, кашгарцами, турфанцами, таримцами, смотря по мѣсту жительства; тѣмъ не менѣе, у нихъ есть нѣкотораго рода коллективный патріотизмъ, происходящій отъ одинаковости нравовъ, домашняго быта и политическихъ условій; если они позволили китайцамъ вернуться въ край, говоритъ Регель, то причину этого слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ иноземномъ происхожденіи Якубъ-бека, который окружалъ себя западными сартами, и котораго «сердце всегда было въ Маргеланѣ». По направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, отъ подошвы хребта Кара-корумъ до подножія восточнаго Тянь-шаня, замѣчается постепенный переходъ въ наружности жителей: съ одной стороны преобладаютъ арійскія черты лица; съ другой, монгольскія физіономіи сравнительно болѣе многочисленны. Но нельзя сказать, чтобы всѣ эти смѣшенія расъ и племенъ произвели націю, замѣчательную красотой типа. Большинство прибрежныхъ жителей Тарима и его притоковъ имѣютъ грубую, невзрачную физіономію. Зобъ сильно распространенъ какъ въ области равнины, такъ и на окружающихъ плоскогорьяхъ: изъ трехъ жителей Яркенда одинъ навѣрно зобатый [3]). Въ этой странѣ постоянныхъ вѣтровъ, ослѣпительнаго свѣта и ѣдкой пыли глазныя болѣзни тоже очень многочисленны.

Языкъ населенія края мало чѣмъ отличается отъ тюркскаго нарѣчія, которымъ говорятъ въ Ташкентѣ, и переселенцы изъ русскаго Туркестана бѣгло владѣютъ имъ послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія; единственныя различія между тѣмъ и другимъ происходятъ отъ употребленія яркендцами искаженныхъ китайскихъ словъ, и нѣкоторыхъ татарскихъ вы-

[1]) Gordon, „The Roof of the World".
[2]) Shaw, „Visit to High Tartary, Yarkand and Kashgar".
[3]) Henderson, „From Lahore to Yerkand".

[1]) Гендерсонъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Шау, цитированное сочиненіе.
[3]) Марко Поло;—Гендерсонъ, цитированное сочиненіе.

раженій, которыя, по какой-то странной лингвистической игрѣ случая, свидѣтельствующей о прежнихъ торговыхъ сношеніяхъ, передались изъ Оренбурга въ бассейнъ Тарима, не оставивъ никакихъ слѣдовъ въ промежуточныхъ областяхъ Сыръ-дарьи и Аму-дарьи [1]). Во всемъ китайскомъ Туркестанѣ теперь употребляется одинъ и тотъ же діалектъ: процессъ объединенія, дѣйствующій въ отношеніи расъ, проявляется также и въ отношеніи языка. Впрочемъ, языкъ этой страны не пріобрѣлъ еще литературнаго значенія: онъ не имѣетъ ни стихотворцевъ, ни прозаиковъ, и книги составляютъ чрезвычайную рѣдкость во всемъ краѣ.

Большая часть чужеземцевъ, поселяющихся въ городахъ области Тянь - шань - нань - лу, приходятъ изъ Ферганской долины и извѣстны обыкновенно подъ именемъ андиджанцевъ: это общее названіе объясняется тѣмъ, что пути всѣхъ переселенцевъ изъ Кокана сходятся въ древней столицѣ Андиджанъ. Индусы встрѣчаются только на базарахъ главнѣйшихъ городовъ, но выходцы изъ Кашмира довольно многочисленны, а колоніи тибетцевъ изъ Балтистана занимаются въ окрестностяхъ Яркенда воздѣлываніемъ табаку и дынь. Недавно евреи были почти неизвѣстны въ краѣ, такъ какъ Якубъ-бекъ, «охранитель вѣры», какъ эмиръ бухарскій, воспретилъ имъ входъ въ свое царство; но съ тѣхъ поръ, какъ китайцы снова овладѣли этой территоріей, многочисленныя еврейскія семейства изъ русскаго Туркестана переселились на восточный склонъ Памира [2]). Ревностные мусульмане, жители Китайскаго Туркестана принимаютъ не особенно дружелюбно иностранцевъ, исповѣдающихъ другую религію. Въ правленіе Якуба законъ для иностранцевъ, особенно для китайцевъ, былъ таковъ: «или обращеніе въ исламъ или смерть»; одни только калмыки, религія которыхъ, впрочемъ, не имѣетъ ничего опредѣленнаго и многими своими чертами сливается со всѣми суевѣріями сосѣднихъ народовъ, могли сохранить своихъ фетишей. Обитатели Кашгаріи обнаруживаютъ глубокое отвращеніе къ христіанамъ католикамъ или православнымъ, которые помѣщаютъ образа или статуи въ своихъ церквахъ, тогда какъ на протестантовъ, такихъ же иконоборцевъ, какъ и они сами, они смотрятъ какъ на магометанъ низшаго порядка, пренебрегающихъ, правда, исполненіемъ обрядовъ, но тѣмъ не менѣе принадлежащихъ къ великой семьѣ ислама [3]). У сердіе яркендцевъ въ дѣлѣ вѣры такъ велико, что они совершаютъ свои религіозныя церемоніи среди пустыни такъ же неукоснительно, какъ и въ городахъ. Вдоль часто посѣщаемыхъ дорогъ, маленькія четыреугольныя площадки, огороженныя рядами камней, служатъ священными мѣстами, почитаемыми наравнѣ съ мечетями, и передъ этими камнями становятся на колѣни всѣ прохожіе, употребляя для совершенія обязательныхъ омовеній песокъ вмѣсто воды. Несмотря на то, нравы этихъ людей, столь строгихъ блюстителей обрядовъ, сильно развращены, и тысячи изъ нихъ приходятъ въ чисто скотское состояніе отъ употребленія опіума или гашиша, смѣси экстракта конопли и табаку, которая производитъ страшное опьяненіе. Случаи кражи и воровства, — кромѣ надувательства, которое позволяютъ себѣ купцы въ своихъ операціяхъ, — очень рѣдки въ этомъ краѣ. Когда торговцы, идущіе караваномъ, потеряютъ одно изъ своихъ вьючныхъ животныхъ, они спокойно оставляютъ кладь возлѣ дороги, не опасаясь чтобы какой-нибудь прохожій завладѣлъ ихъ вещами, и по возвращеніи опять забираютъ товаръ. Во время Якубъ-бека процедура въ отношеніи воровъ была очень простая и короткая: въ первый разъ имъ давали простое предостереженіе; въ случаѣ повторенія преступленія, ихъ подвергали палочнымъ ударамъ; третья кража наказывалась потерей пальцевъ на обѣихъ рукахъ; за четвертую виновный платился головой.

Китайскій Туркестанъ—страна бѣдная, хотя Шау находитъ, что она стоитъ гораздо выше Индіи по степени благосостоянія жителей. Дома сдѣланы изъ глины и даже не побѣлены снаружи известкой; пыль, проникающая повсюду, покрываетъ слоями грубую мебель. Только въ большихъ городахъ можно увидѣть кое-какіе остатки зданій, украшенныхъ лакированными изразцами и арабесками, напоминающіе памятники Самарканда и Бухары. Промышленность, какъ кажется, сдѣлала шагъ назадъ, судя по надписямъ на китайскихъ памятникахъ и по раскопкамъ, которыя выводятъ на свѣтъ Божій изъ нѣдръ домовъ, погребенныхъ подъ песками, много издѣлій изящныхъ или драгоцѣнныхъ, какихъ не встрѣтишь болѣе въ нынѣ обитаемыхъ жилищахъ [1]). Произведенія мѣстной промышленности не представляютъ по большей части ничего замѣчательнаго: здѣсь выдѣлываютъ главнымъ образомъ ткани шелковыя, хлопчатобумажныя, шерстяные ковры, обувь, конскую сбрую; хотя страна обладаетъ рудными мѣсторожденіями въ изобиліи, она должна ввозить изъ-за границы большую часть издѣлій изъ мѣди и желѣза, равно какъ всѣ матеріи хорошаго качества. Въ настоящее время наибольшее количество товаровъ и различныхъ продуктовъ, получаемыхъ жителями Китайскаго Туркестана, доставляетъ Россія, черезъ посредство Ферганской области; товары, привозимые изъ Индостана, представляютъ го-

[1]) Куропаткинъ, цитированное сочиненіе.
[2]) „Revue de Geographie“, nov. 1878.
[3]) Henderson, „From Lahore to Yarkand“.

[1]) Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London“, 1877.

раздо меньшую цѣнность. Причина этой разницы должна быть приписана, главнымъ образомъ, рельефу почвы и этнографическимъ условіямъ. Въ то время, какъ на сѣверѣ караванамъ, идущимъ изъ Россіи, нужно, на всемъ

Видъ китайской стѣны.

пути отъ Кашгара до Андиджана, сдѣлать только одинъ перевалъ черезъ горы, дорога отъ Яркендъ-дарьи къ равнинамъ Инда пролегаетъ черезъ широкія плоскогорья на пространствѣ болѣе 400 километровъ и проходитъ черезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, поднимающихся слишкомъ на 5.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Кромѣ того, обитатели обоихъ Туркестановъ, русскаго и китайскаго, андиджанцы и кашгарцы, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, имѣютъ одни и тѣ же нравы и обычаи; они соплеменники и смотрятъ съ отвращеніемъ на своихъ южныхъ сосѣдей, на нечистаго индуса или на грубаго тибетца. Долгое время торговля

Индіи съ восточнымъ Туркестаномъ оставалась почти запрещенной благодаря значительнымъ пошлинамъ, которыя взималъ кашмирскій магараджа съ каждаго вьючнаго животнаго. Настоятельныя требованія англійскаго правительства заставили, наконецъ, измѣнить тарифъ, и отнынѣ кашмирской таможней установлена однообразная вывозная пошлина, въ размѣрѣ 5 процентовъ со стоимости товара.

Между Карашарскимъ озеромъ и истоками рѣки Кашгаръ-дарьи Куропаткинъ насчитываетъ тринадцать горныхъ проходовъ, которыми пользуются торговые караваны при движеніи черезъ Тянь-шань и его западное продолженіе, цѣпь Алай. Всѣ эти горныя дороги,—безъ сомнѣнія, не единственныя, извѣстныя туземцамъ,—доступны въ лѣтнее время верховымъ и вьючнымъ животнымъ, и даже, повидимому, легко было бы преобразовать въ колесную дорогу, по крайней мѣрѣ, одну изъ этихъ тропинокъ, именно ту, которая изъ Кашгара ведетъ къ русскому укрѣпленію Нарынъ черезъ перевалъ Тургъ (3.500 метровъ) и хребетъ Теректы (3.840 метровъ) [1]). Однако, караваны пользуются только одною изъ этихъ дорогъ въ продолженіе всего года: это знаменитый Терекъ-даванъ или «Тополевый хребетъ» (высота 3.140 метровъ), тотъ самый перевалъ, которымъ проходили, съ первыхъ временъ исторіи, большинство среднеазіатскихъ завоевателей. Иногда, въ серединѣ зимы, снѣгъ на этомъ перевалѣ бываетъ такъ глубокъ, что караваны не отваживаются пускаться въ путь безъ проводника. Въ этихъ случаяхъ нужно прибѣгать къ помощи сартларовъ, одного изъ кара-киргизскихъ племенъ, которое живетъ въ сосѣдствѣ перевала и занимается перевозкой кладей съ одного склона на другой; эти туземцы обзавелись тибетскими яками, которыхъ они нарочно гоняютъ по хребту, чтобы протоптать снѣгъ и такимъ образомъ приготовить тропинку для лошадей каравана [2]). Когда желѣзная дорога проникнетъ изъ русскихъ владѣній въ бассейнъ Тарима, она пройдетъ, вѣроятно, изъ Ферганской долины въ Кашгарскія равнины черезъ порогъ Терекъ-давана, Суока или какого-нибудь сосѣдняго пролома, ибо здѣсь именно двѣ низменности центральной Азіи всего болѣе сближаются и естественные пути всего удобнѣе продолжаются съ той и съ другой стороны горъ, образуя большую дорогу, идущую поперегъ континента, съ береговъ Волги до береговъ Желтой рѣки. Но пока, въ этомъ Таримскомъ краѣ, не можетъ быть еще и рѣчи о желѣзныхъ дорогахъ: теперь даже тотъ кругообразный путь, который слѣдуетъ вдоль подошвъ горныхъ цѣпей, отъ Хотана до Хами, и огибаетъ пески, переходя изъ оазиса въ оазисъ, только въ сосѣдствѣ городовъ принимаетъ видъ настоящей большой дороги. Около Яркенда, тамъ, гдѣ путь всего лучше содержится, эта дорога—шириною около 10 метровъ, вытоптанная прохожими до глубины болѣе одного метра ниже уровня окружающей почвы; телѣги, запряженныя тройкой лошадей въ рядъ, быстро проѣзжаютъ по ней. Въ другихъ мѣстахъ это не болѣе, какъ неопредѣленный слѣдъ, покрытый пескомъ.

Кольцо оазисовъ, окружающее всю низменность Тарима, начинается у подошвы горныхъ цѣпей центральнаго Куэнь-луня, городомъ, которого, можетъ быть до Пржевальскаго, не видѣлъ ни одинъ европеецъ со временъ Марко-Поло и Бенедикта де-Гоэсъ: это городъ Черченъ (Чарчанъ, Чарчандъ, Чачанъ), самое положеніе котораго долгое время опредѣлялось лишь приблизительно, по числу дневныхъ переходовъ отдѣляющихъ его отъ Хотана, отъ Корлы, отъ нѣкоторыхъ городовъ Тибета [1]). Слишкомъ мало доступный, чтобы могъ быть покоренъ хотанцами или китайцами, этотъ населенный пунктъ расположенъ на рѣкѣ того же имени, спускающейся къ озеру Лобъ-норъ, на высотѣ около 1.800 метровъ, судя по тому, что въ окрестностяхъ воздѣлываютъ пшеницу и кукурузу, но не рисъ и хлопчатникъ, какъ въ Яркендскомъ краѣ. Это маленькій городокъ, состоящій изъ 600 домовъ, какъ говорили туземцы Джонсону, или даже всего только изъ 30, по разсказамъ, слышаннымъ полковникомъ Пржевальскимъ.

Къ западу отъ Черчена, другіе города, Нія, Кэрія, Чира и многочисленныя селенія слѣдуютъ одно за другимъ у подошвы Куэнь-луня, повсюду, гдѣ бѣгущіе съ горъ ручьи приносятъ достаточно воды для орошенія садовъ. Здѣсь, на берегу одной значительной рѣки, основался главный городъ округа и нѣкогда столица отдѣльнаго царства, Ильчи, называемый также Хотанъ, какъ и вся страна. Городъ Хотанъ одинъ изъ тѣхъ, имя которыхъ всего чаще повторяется у арабскихъ и персидскихъ писателей, благодаря водящимся въ окрестныхъ горахъ ланямъ, доставляющимъ тотъ драгоцѣнный мускусъ, который восточные поэты такъ любятъ восхвалять, въ своихъ цвѣтистыхъ сравненіяхъ, за его душистый запахъ и прекрасный черный цвѣтъ [3]). Въ Китаѣ этотъ городъ пріобрѣлъ не менѣе громкую славу подъ именемъ Ю-тянь (небесный нефритъ), по причинѣ собираемаго въ его рѣкахъ камня *ю* или нефрита, который въ старину считали обладающимъ особенными волшебными свойствами. Одно изъ китайскихъ названій этого камня — «Глубокая истина», титулъ, который, очевидно, относится къ сокровеннымъ качествамъ, при-

[1]) Каульбарсъ,—Рейнталь;—Остенъ-Сакенъ.
[2]) Куропаткинъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Johnson, „Journal of the Geographical Society", 1867;—Yule, „The Book of ser Marco Polo";—Forsyth, „Journal of the Geographical Society", 1877.
[2]) Abel Remusat, „Histoire de la ville de Khotan".

писываемымъ нефриту. Священная книга обрядовъ и церемоній сравниваетъ мудреца съ камнемъ *ю:* «Умѣренный, ровный блескъ *ю*—это человѣколюбіе; его совершенная твердость—это знаніе или благоразуміе; его углы, которыхъ ничто не въ состояніи притупить, представляютъ справедливость; повѣшенный, онъ изображаетъ учтивость; при ударѣ, онъ издаетъ чистый звукъ, который продолжается съ невыразимой гармоніей, и который выражаетъ радость; блескъ его, когда онъ безъ недостатковъ и безъ пятенъ,—это правота, прямодушіе; точное соотношеніе его граней,—это вѣрность; вещество его то же самое, какъ и вещество радуги». Этотъ чудесный камень есть одинъ изъ тѣхъ, которые древними причислялись къ яшмамъ; Марко Поло, говоря о камнѣ *ю*, даетъ его разновидностямъ названія яшмы и халцедона. Вѣроятно, что прекрасные топоры изъ нефрита, находимые въ могилахъ каменнаго вѣка не только въ Азіи, но также во всѣхъ странахъ Европы, высоко цѣнились не единственно за острое лезвіе, мелкозернистое строеніе, блескъ полировки; въ нихъ, безъ сомнѣнія, искали вмѣстѣ съ тѣмъ таинственныхъ свойствъ, которыя древніе греки воспѣвали впослѣдствіи въ своемъ бронзовомъ оружіи, а средневѣковые паладины въ своихъ стальныхъ мечахъ. Изслѣдователи еще не открыли въ Европѣ горъ, которыя бы содержали въ себѣ нефриты, подобные издѣліямъ изъ этого камня, находимымъ въ древнихъ могилахъ и въ остаткахъ озерныхъ городовъ, и потому археологи, естественно, должны обращать взоры къ горнымъ массивамъ центральной Азіи, чтобы искать тамъ мѣсто происхожденія нефритовыхъ топоровъ, которые употребляли наши до-историческіе предки. Китайскіе документы дѣйствительно указываютъ различныя горы Тянь-шаня, Цзунъ-лина, Куэнь-луня, какъ доставляющія камень *ю;* эта горная порода находится также въ верхней Бирмѣ, но Куэнь-лунь заключаетъ самыя значительныя массы ея, и выходящіе изъ этой цѣпи потоки катятъ въ своихъ водахъ самые крупные и наиболѣе многочисленные куски нефрита [1]). Что касается самой драгоцѣнной разновидности, бѣлаго нефрита, то онъ существуетъ только въ странѣ Хотанъ, и отсюда-то, по всей вѣроятности, онъ распространялся отъ племени къ племени, отъ народа къ народу, и находилъ дорогу къ оконечностямъ континента [2]). Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Хотанъ былъ истиннымъ центромъ для весьма важнаго предмета торговли. Въ эпоху процвѣтанія Хотанскаго царства сборъ нефрита, который производился послѣ каждаго большаго разлива рѣкъ и ручьевъ, былъ открываемъ лично самимъ ханомъ, какъ религіозная церемонія: самыя лучшія гальки собирались на его глазахъ для государственной казны. Кромѣ того, китайцы непосредственно ломаютъ нефритъ въ горахъ Хотана. Близъ Балакши, тамъ, гдѣ рѣка Кара-кашъ приготовляется вступить въ горное ущелье, скала носитъ слѣды обширной нефритовой ломки, которую китайцы разработывали до той эпохи, когда край подпалъ подъ власть Якубъ-бека: куски нефрита разсѣяны повсюду въ окрестностяхъ этой каменоломни [1]).

Названіе Хотанъ, которое производятъ отъ слова Кустана, означаетъ по-санскритски «Сосокъ Земли» и дано, можетъ быть, по причинѣ богатства этой страны всякаго рода земными плодами: дѣйствительно, одна старинная легенда говоритъ о молокѣ, бьющемъ ключемъ изъ земли для того, чтобы кормить божественнаго младенца. Въ началѣ нашего лѣтосчисленія Хотанъ былъ значительнымъ городомъ и столицей могущественнаго царства: по словамъ китайскихъ лѣтописей, въ царствованіе династіи Хань, онъ имѣлъ около 85.000 жителей и гарнизонъ изъ 30.000 солдатъ. Все населеніе приняло ученіе Будды, которое, по сказанію лѣтописей, «сдѣлало его счастливымъ»; но страна быстро подпала подъ власть жрецовъ, образовавшихъ опредѣленную іерархію, какъ въ нынѣшнемъ Тибетѣ. Въ главномъ монастырѣ, построенномъ въ разстояніи 25 верстъ отъ города, община состояла изъ трехъ тысячъ монашествующихъ; въ другихъ частяхъ равнины существовало тринадцать большихъ ламайскихъ обителей, населенныхъ несмѣтнымъ множествомъ монаховъ, а маленькимъ монастырямъ и кумирнямъ, какъ говорятъ, не было счету. Во время религіозныхъ процессій, которыя совершались изъ столицы въ окрестныя кумирни, царь шелъ босыми ногами впереди изображенія Будды и представлялся верховному жрецу съ непокрытой головой и держа въ рукѣ благовонія и цвѣты. Впрочемъ, всѣ обитатели края были чрезвычайно почтительны въ отношеніи другъ друга: при встрѣчѣ знакомые становились одинъ передъ другимъ на колѣни, и это колѣнопреклоненіе было обыкновенной формой привѣтствія; тотъ, кто получалъ письмо, прежде чѣмъ открыть его, клалъ посланіе себѣ на голову въ знакъ покорности въ отношеніи своего корреспондента.

Завоеваніе страны китайцами [2]), затѣмъ монгольскія нашествія были причиной того, что Хотанъ пришелъ въ упадокъ и утратилъ свою торговую важность; но онъ не обратился въ безлюдную пустыню, подобно многимъ другимъ городамъ этого края, или, если былъ вынужденъ перейти на другое мѣсто, то единственно,

[1]) Stoliczka;—F. von Richthofen, „Verhandlungen der Gesellschaft zur Erdkunde“, 1874, №№ 6 и 7.

[2]) H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“;—Fischer, „Allgemeine Zeitung“, 2 Februar 1881.

[1]) Cayley, „Macmillan's Magazine“, oct. 1871;—Forsyth, „From Leh to Yarkand“.

[2]) Григорьевъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера“.

чтобы избавиться отъ грозившей ему опасности быть засыпаннымъ песками. Въ 1863 году населеніе его первое подняло знамя бунта противъ китайцевъ, и въ городѣ имѣли мѣсто кровавыя побоища; однако, когда Джонсонъ посѣтилъ Хотанъ, два года спустя, онъ показался ему «большимъ мануфактурнымъ городомъ». Здѣсь выдѣлываютъ мѣдную посуду, шелковыя матеріи, войлоки, шелковые и шерстяные ковры, грубыя бумажныя ткани, даже писчую бумагу, приготовляемую изъ волоконъ тутоваго дерева. Окружающая страна, которую Джонсонъ описываетъ какъ «стоящую гораздо выше Индіи», производитъ преимущественно шелкъ и хлопокъ, а горы, поднимающіяся въ южной ея части, заключаютъ въ себѣ рудныя мѣсторожденія большинства металловъ, отъ золота до желѣза и сурьмы, а также пласты каменнаго угля и залежи соли, сѣры и селитры; но эксплоатируются только золотоносныя жилы. Населеніе города въ 1885 году согласно указанію Громбчевскаго достигло до 20.000 душъ. Джонсонъ говоритъ, что въ окрестностяхъ города Кэрія, на золотыхъ рудникахъ заняты около 3.000 рабочихъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ Пржевальскимъ, годовая добыча простирается до 860 килограммовъ чистаго металла, приблизительная цѣнность котораго около 2.750.000 франковъ. Благодаря этимъ минеральнымъ богатствамъ и въ особенности изобилію превосходныхъ фруктовъ, которые производятъ сады, область Хотанъ относительно очень населена. По близости, на берегахъ двухъ нефритовыхъ рѣкъ Урунгъ-кашъ и Кара-кашъ находимъ города того же имени; въ одной изъ южныхъ долинъ мѣстечко Такъ тоже пріобрѣло настолько важное значеніе, что можетъ быть причислено къ городамъ.

Въ юго-западнымъ углу бассейна Тарима, оазисъ Санджу (Саньчжу), лежащій при рѣчкѣ, которая теряется въ пескахъ, состоитъ изъ многихъ деревень, безпорядочно раскинутыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, вдоль арыковъ или ирригаціонныхъ каналовъ; Санджу болѣе населенъ, чѣмъ многіе города, такъ какъ, по словамъ Джонсона, онъ имѣетъ около 7.000 домовъ. Киліанъ, на западѣ, Піальма, на сѣверо-востокѣ, Гума, на сѣверѣ, Каргалыкъ, Поламъ на сѣверо-западѣ, также многолюдные оазисы или, лучше сказать, группы селеній, которымъ иногда даютъ титулъ городовъ. Эта мѣстность самая богатая часть бассейна Тарима, и здѣсь-то естественно долженъ былъ выстроиться самый значительный городъ страны, какимъ является знаменитый Яркендъ, имѣющій, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, болѣе, чѣмъ стотысячное населеніе; Громбчевскій, Форсайтъ насчитываетъ только 60.000 жителей, изъ которыхъ будто-бы около восьми съ половиной тысячъ иностраннаго происхожденія (именно: переселенцевъ изъ Ферганской области—3.000, изъ Бадакшана—2.000, изъ Балтистана—2.000, изъ Кашмира—1.000, переселенцевъ-дунганъ—500 человѣкъ). Базаръ, гдѣ встрѣтишь весь этотъ разноплеменный и разноязычный людъ, расположенъ въ центрѣ города, который, благодаря кривымъ, извилистымъ улицамъ и каналамъ стоячей, гнилой воды, представляетъ обширный лабиринтъ. Широкая стѣна, обставленная по угламъ башнями съ китайской крышей и увѣнчанная высокимъ эшафодажемъ висѣлицы, опоясываетъ городъ и дополняется на западѣ крѣпостью Янги-шаръ или «Новый городъ», которую построили китайцы, чтобы держать въ повиновеніи безпокойныхъ яркендцевъ. Почти въ каждомъ городѣ Китайскаго Туркестана есть подобный Янги-шаръ, состоящій преимущественно изъ казармъ и административныхъ зданій.

Дорога, соединяющая Яркендъ съ второй столицей края, Кашгаромъ, приближается къ подошвѣ большихъ горъ и проходитъ черезъ городъ Янги-гисаръ или «Новый Замокъ», въ окрестностяхъ котораго находятся нѣсколько небольшихъ металлургическихъ заводовъ, посѣщенныхъ англійскимъ путешественникомъ Шау. Пройдя послѣдовательно черезъ нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ, которые теряются въ пескахъ, пропитанныхъ солью, дорога приводитъ къ «Новому городу», или Янги-гисару, который стережетъ Кашгаръ, какъ другая цитадель того же имени, наблюдающая за Яркендомъ [1]). Кашгаръ, расположенный въ 8 километрахъ западнѣе своего Янги-шара, окруженъ толстой земляной стѣной; въ сосѣдствѣ можно видѣть какіе остатки древняго города, разрушеннаго, какъ говорятъ, Тамерланомъ. Кашгаръ не имѣетъ того преимущества, какимъ пользуется Яркендъ,—не находится въ центрѣ земледѣльческой области, отличающейся большимъ плодородіемъ; но за то онъ занимаетъ болѣе выгодное положеніе съ торговой точки зрѣнія, такъ какъ онъ командуетъ путемъ, который ведетъ въ Ферганскую долину черезъ порогъ Терекъ-даванъ; кромѣ того, въ немъ сходятся нѣсколько другихъ дорогъ, пересѣкающихъ Небесныя Горы. Такимъ образомъ онъ является въ одно и то же время важнымъ складочнымъ мѣстомъ и первостепеннымъ стратегическимъ пунктомъ, и путешественникъ не удивляется, видя на окружающихъ холмахъ укрѣпленія, воздвигнутыя прежними властителями края: это городъ военный, родина героя Рустана, какъ гласитъ легенда. Нѣкоторыя изъ большихъ подгородныхъ селеній, особенно Ташбалыкъ, Файзабадъ и Артуцъ (послѣдній славится своимъ мавзолеемъ, на поклоненіе которому приходятъ массы пилигримовъ), занимаются выдѣлкой грубыхъ холстовъ, которыхъ ежегодно вывозятъ на сумму

[1]) Въ Янги-гисарѣ Громбчевскій насчитываетъ до 10.000 жителей.

отъ 2 до 3 милліоновъ франковъ. На сѣверѣ отъ Аргуша, горныя ущелья, ведущія къ русскому Туркестану, были укрѣплены во времена Якубъ-

Маньчжурскій министръ и начальникъ знамени.

бена, сильной цитаделью, называемой Ташъ-курганъ или «Каменный пригорокъ», какъ множество другихъ крѣпостей центральной Азіи. Городъ Кашгаръ служитъ резиденціей дао-тая, который управляетъ округами Кашгарскимъ, Яркендскимъ, Хотанскимъ и Янги-гисарскимъ. Здѣсь открыто съ 1882 года русское консульство. Населеніе города, по словамъ Громбчевскаго, достигаетъ 24.000 душъ.

Къ востоку отъ Кашгара, городъ Маралъ-баши—тоже важная крѣпость, такъ какъ онъ

занимаетъ довольно выгодное положеніе, недалеко отъ сліянія двухъ рѣкъ, Кашгаръ-дарьи и Яркендъ-дарьи, и въ мѣстѣ соединенія дорогъ, направляющихся къ главнымъ городамъ бассейна; несмотря на то, число жителей въ немъ очень не велико, и торговли нѣтъ почти никакой. Учь-турфанъ, на сѣверо-западѣ, тоже носитъ титулъ города, хотя въ другомъ мѣстѣ его бы считали бѣдной деревней; по словамъ г. Сунаргулова, въ Учь-турфанѣ не болѣе сотни домовъ, но крѣпость его заключаетъ въ себѣ гарнизонъ изъ 2.000 солдатъ, имѣющей назначеніе наблюдать за дорогой, по которой караваны и путешественники проникаютъ въ долину Иссыкъ-куля черезъ Бадальскій перевалъ (4.500 метровъ). Этотъ горный проходъ часто бываетъ въ серединѣ лѣта засыпанъ сугробами «желтаго снѣга», цвѣтъ котораго происходитъ, очевидно, отъ присутствія микроскопическихъ организмовъ.

Самый важный городъ въ Тянь-шань-нань-лу (Южная дорога Тянь-шаня), у южнаго основанія Небесныхъ горъ,—Акъ-су (Бѣлая вода), крѣпость, расположенная у подошвы высокаго берега, вдоль котораго прежде протекала рѣка Акъ-су, русло которой нынѣ отодвинулось на 16 километровъ къ западу. За Акъ-су, всѣ другіе города Китайскаго Туркестана, Бай, Сайрамъ, Куча, Шахьяръ, Бугуръ, Курля (Курла, Курліа), Карашаръ, лежатъ вдали отъ Тарима, который течетъ въ 100 слишкомъ километрахъ къ югу отъ передовыхъ горъ Тянь-шаня, въ открытой пустынѣ. Они выстроились, само-собой разумѣется, при выходѣ долинъ, гдѣ прозрачныя воды потоковъ легко могутъ быть проводимы въ сады посредствомъ ирригаціонныхъ канавокъ (арыковъ). Впрочемъ, всѣ эти города въ дѣйствительности не болѣе, какъ мѣстечки, не представляющія важнаго значенія ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніи: единственные промыслы ихъ жителей—это отправка шерсти, разведеніе и вывозъ жирныхъ куръ и продажа «пантовъ» или роговъ марала, высоко цѣнимыхъ въ Китаѣ за ихъ драгоцѣнное студенистое вещество [1]).

На нижнемъ Таримѣ и въ бассейнѣ озера Лобъ-норъ теперь нѣтъ ни одного города, но развалины древнихъ городовъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ; полковникъ Пржевальскій посѣтилъ три обширныхъ груды обломковъ и мусора въ сосѣдствѣ Чархалыка, деревни, населенной нынѣ бѣдными изгнанниками. Остатки города Кокъ-норъ затерялись среди камышей одной рѣки, въ трехъ дняхъ перехода къ юго-западу отъ Лобъ-нора: издалека видны его стѣны, возвышающіяся надъ лѣсомъ тростника. Пастухи ходятъ туда на поклоненіе кумирнѣ, гдѣ возсѣдаетъ на тронѣ божественное изображеніе, въ натуральную величину и окрашенное въ желтый цвѣтъ, вѣроятно, древняя статуя Будды. По разсказамъ туземцевъ, какъ самый идолъ, такъ и стѣны храма украшены жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, слитками золота и серебра; но никто не осмѣливается тронуть эти драгоцѣнности, изъ опасенія быть тотчасъ же пораженнымъ невидимой рукой [1]). Нынѣшнее населеніе этой мѣстности, таримцы, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ семействъ, живетъ въ жалкихъ лачужкахъ, сплетенныхъ изъ камыша; лодка да рыболовные снаряды составляютъ все его богатство. Умершихъ кладутъ въ челнокъ, который покрываютъ другимъ челнокомъ въ опрокинутомъ положеніи, такъ что образуется нѣчто въ родѣ гроба, и даютъ имъ на дорогу, чтобы они могли и на томъ свѣтѣ заниматься своимъ излюбленнымъ промысломъ, рыбной ловлей, половину невода, другую половину котораго родные хранятъ на память о покойникѣ. Впрочемъ, озеро доставляетъ въ изобиліи продовольствіе жителямъ, и когда полковникъ Пржевальскій посѣтилъ ихъ, они упорно отказывались принять деньги, которыя онъ имъ предлагалъ.

Давно уже ходилъ слухъ, что будто русскіе раскольники удалились въ большомъ числѣ на берега Тарима, и утверждали даже, что все населеніе края состоитъ изъ этихъ переселенцевъ [2]). Полковникъ Пржевальскій во время своего путешествія убѣдился, что эта легенда лишена основанія, такъ какъ таримцы, хотя у нихъ совершенно «арійскій» типъ лица, походятъ на другихъ сартовъ, обитающихъ въ бассейнѣ Тарима; но извѣстно достовѣрно, что русскіе сектанты дѣйствительно приходили цѣлой колоніей въ эту печальную страну, въ надеждѣ найти тамъ чудодѣйственную «Бѣлую воду», долженствующую смыть грѣхи съ тѣхъ, кто погружается въ нее, и сверхъ того обезпечить имъ всѣ блага жизни. Первыми пришли молодые люди, чтобы выстроить жилища и приготовить поля для колоніи. Въ слѣдующемъ году прибыла главная масса переселенцевъ, съ дѣтьми, стариками и женщинами; но они скоро отчаялись найти на берегахъ Лобъ-нора искомый рай и ушли обратно на сѣверъ, къ Урумчи. Съ той поры не слыхать было болѣе объ этихъ мистическихъ пилигримахъ [3]).

Китайскій Туркестанъ, составляетъ часть провинціи Гань-су-синь-цзянь, которая по управленію дѣлится на округа и приставства, слѣдующіе одинъ за другимъ, начиная отъ юго-запада, въ такомъ порядкѣ: Хотанъ, Яркендъ, Янги-гисаръ, Кашгаръ, Учъ-турфанъ, Акъ-су, Ань-си, Кэрія, Урумчи, Куча, Маралъ-баши,

[1]) Полковникъ Куропаткинъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Forsyth, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLVII, 1877.

[2]) Григорьевъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи Карла Риттера“.

[3]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора“.

Куръ-кара-усу, Карашаръ. Кромѣ того, Хами и Баркюль суть главные города второстепенныхъ административныхъ подраздѣленій. Два областныхъ воинскихъ начальника, дао-тая, имѣютъ пребываніе въ Акъ-су и Кашгарѣ, изъ которыхъ послѣдній служитъ въ то же время резиденціей главнаго начальника края или генералъ-губернатора. Семь городовъ, между всѣми городами страны, считаются какъ имѣющіе особенное достоинство, независимо отъ числа ихъ жителей или отъ ихъ административной роли. Хотанъ, Яркендъ, Янги-гисаръ, Кашгаръ, Уэнь-турфанъ, Куча и Карашаръ составляютъ этотъ гептаполь или Семиградье.

Города и главныя селенія Китайскаго Туркестана, имѣющіе болѣе 6.000 жителей, суть:

Яркендъ—60.000 жит. (Форсайтъ и Громбчевскій). Кашгаръ—24.000 (онъ же). Хотанъ —20.000 (онъ же). Санджу — 35.000 (Джонсонъ). Акъ-су—20.000 (Куропаткинъ). Кэрія—15.000 (Пржевальскій). Янги-гисаръ—10.000; (Форсайтъ). Каргалыкъ — 10.000 (онъ же). Курля—6.000 жит. (Регель).

Лучшее описаніе Кашгаріи принадлежитъ Пѣвцову и Богдановичу, см. его Труды Тибетской экспедиціи, кромѣ того сочиненія Куропаткина и Петровскаго.

Глава IV

Монголія.

I. Область озера Куку-норъ.

Гористая страна, пространствомъ около [illegible].000 квадратныхъ километровъ, которая простирается на сѣверо-востокъ отъ Тибета, и которую часто причисляютъ къ этой провинціи, составляетъ въ дѣйствительности область совершенно отличную отъ Бодъ-юла. Въ политическомъ отношеніи она зависитъ болѣе отъ китайскаго императора, чѣмъ отъ далай-ламы, и по своей торговлѣ она имѣетъ гораздо болѣе связей съ китайской провинціей Гань-су, нежели съ главной тибетской долиной, орошаемой рѣкою Цзанбо. Тройной валъ горныхъ хребтовъ отдѣляетъ на югѣ бассейны Куку-нора и Цайдама отъ населенныхъ мѣстностей Тибета, и естественная покатость страны наклонена къ Гоби или Шамо и къ территоріямъ, по которымъ кочуютъ монголы. Однако, эта страна высокихъ плоскогорій, замкнутыхъ бассейновъ, трудно доступныхъ горъ не можетъ быть разсматриваема какъ принадлежащая къ той же естественной области, къ которой принадлежатъ безлюдныя пустыни Гоби или обитаемыя равнины Гань-су: она должна быть изучаема отдѣльно, настолько по крайней мѣрѣ, насколько это позволяетъ скудость относящихся къ ней географическихъ свѣдѣній.

На востокѣ отъ Лобъ-нора горныя цѣпи Алтынъ-тага и Чаменъ-тага прерываются широкой брешью, посредствомъ которой Цайдамская низменность соединяется съ равнинами Лобъ-нора и нижняго Тарима: далѣе на востокъ другіе хребты, принадлежащіе также къ системѣ Куэнь-луня, образуютъ передовые выступы Тибетскаго плоскогорья. Эти ряды горъ представляютъ параллельныя цѣпи, между которыми берутъ начало рѣки восточнаго Тибета: во-первыхъ, Муръ-усу, которая ниже называется Цзинь-ша-цзянъ и Янъ-цзы-цзянъ, затѣмъ Лань-цянъ-цзянъ, принимающій въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи имя Меконга, и наконецъ, таинственный Напъ-чу, тотъ потокъ, который служитъ границей Тибета въ собственномъ смыслѣ, и который ниже называется Лу-цзяномъ и Салуэномъ. Эти горныя цѣпи такъ же, какъ промежуточныя долины, тянутся, внѣ плоской возвышенности, по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и въ этомъ же направленіи вырылась обширная низменность долины Чайдама или Цайдама, которая продолжается съ одной стороны долиной нижняго Тарима, съ другой—озерной областью, въ которой находятся истоки Хуанъхэ. Легко понять, почему старинныя китайскія географіи единогласно повторяютъ, что истоки Желтой рѣки образуются изъ водъ, заключенныхъ въ Лобъ-норѣ: объясненіе этихъ словъ находимъ въ томъ фактѣ, что въ этой части центральной Азіи непрерывный рядъ равнинъ и возвышенныхъ долинъ открывается черезъ горныя цѣпи и плоскогорья. Первые путешественники не могли принимать въ разсчетъ наклоненія покатостей между озеромъ Лобъ и

рѣкой Хуанъ-хэ; они обращали вниманіе только на общую форму рельефа, однако, на китайскихъ картахъ, оріентированныхъ въ направленіи обратномъ направленію нашихъ картъ, изображается валъ изъ горъ между равнинами, центральную низменность которыхъ занимаетъ Лобъ-норъ, и «Звѣздными озерами», въ которыхъ зарождается Хуанъ-хэ.

Но за этой поперечной низменностью, идущей отъ Тарима до Желтой рѣки, на сѣверѣ возвышаются группы и цѣпи горъ, соединяющіяся съ Тибетскимъ плоскогорьемъ, посредствомъ чрезвычайно неровной, холмистой страны, черезъ которую воды китайской рѣки проложили себѣ дорогу по страшнымъ ущельямъ. Различные притоки Хуанъ-хэ перерѣзываютъ эту систему горъ, которую можно назвать системою Куку-нора, по имени озера, занимающаго центральную ея область. На сѣверѣ цѣпь Нань-шаня, оріентированная почти по направленію отъ запада къ востоку, ограничиваетъ съ внѣшней стороны, выше равнинъ монгольскаго Гань-су, всю страну Куку-нора и, кажется, составляетъ продолженіе, на востокъ отъ пролома, образуемаго рѣкой Цайдамъ, цѣпи Алтынъ-тагъ; около истоковъ рѣки Асциндъ, нѣкоторыя изъ этихъ горныхъ вершинъ поднимаются за линію постоянныхъ снѣговъ, высоту которой опредѣляютъ въ 4.200 метровъ. Самыя высокія вершины этой горной массы достигаютъ 5.400 метровъ, но двѣ западныя отрасли, которыя полковникъ Пржевальскій назвалъ—одну хребтомъ Гумбольдта, другую—хребтомъ Риттера, имѣютъ, по его измѣреніямъ, только 3.300 метровъ высоты [1]). На югѣ отъ цѣпи Нань-шань, надъ которой господствуетъ вершина Канкиръ — одна изъ священныхъ горъ тангутовъ — возвышается другой хребетъ, Четри-шань, который ограниченъ съ сѣверной стороны долиной Да-тунъ-голъ, тогда какъ на югѣ открывается бассейнъ Куку-нора. Наконецъ, за этимъ внутреннимъ моремъ, другія горныя цѣпи, совокупность которыхъ полковникъ Пржевальскій называетъ южнымъ Куку-норомъ, развѣтвляются на многочисленныя отрасли, которыя всѣ изобилуютъ рудными мѣсторожденіями: прежде въ этихъ горахъ собирали много золота, но со времени возстанія дунганъ золотые пріиски на ручьяхъ заброшены.

На противоположныхъ склонахъ этихъ различныхъ цѣпей замѣчается тотъ же самый контрастъ, какъ и въ Кульджинскомъ краѣ между двумя скатами хребтовъ Тянь-шаня и въ Сибири между долинами сѣверной покатости Алтайскихъ горъ и долинами, наклоненными къ югу. Такъ, Нань-шань поросъ густымъ лѣсомъ на сторонѣ, смотрящей на сѣверъ, тогда какъ бока, обращенные къ югу, покрыты болѣе скудной древесной растительностью. Двѣ горныя цѣпи, между которыми заключенъ бассейнъ Куку-нора, представляютъ на своихъ противоположныхъ отлогостяхъ такой же контрастъ климата, пейзажа, растительности: на сѣверѣ—плодородный черноземъ, текучія воды, живописные лѣски; на югѣ—глинистые скаты и каменистые овраги. Тѣмъ не менѣе флора этой области чрезвычайно разнообразна въ сравненіи съ флорой степей сѣвера и плоскихъ возвышенностей юга: до высоты 3.000 метровъ тянутся лѣса хвойныхъ породъ, ивъ и деревьевъ, неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ, какова, напримѣръ, береза съ красной корой; особенные виды рододендроновъ и жимолости встрѣчаются въ подлѣсьѣ и на альпійскихъ лугахъ. Горы Куку-нора замѣчательны, кромѣ того, какъ главная область произрастанія лекарственнаго ревеня, который покупаютъ по очень высокимъ цѣнамъ китайскіе негоціанты изъ Си-нина. Фауна этихъ горъ тоже отличается удивительнымъ богатствомъ: полковникъ Пржевальскій нашелъ въ этой странѣ около сорока трехъ видовъ еще неизвѣстныхъ животныхъ [1]).

Озеро Куку-норъ, отъ котораго провинція получила свое названіе, извѣстно у тибетцевъ подъ именемъ чо Гумбумъ, а у китайцевъ подъ именемъ Цинъ-хай, что значитъ «Голубое озеро». И дѣйствительно, эта водная площадь прекраснаго лазурнаго цвѣта, «мягкаго, какъ шелкъ», составляетъ яркій контрастъ съ нѣжной бѣлизной снѣговъ, отражающихся въ его голубой поверхности. Бассейнъ его имѣетъ форму эллипса, удлиненнаго по направленію отъ востока къ западу; по разсказамъ тузем-цевъ, общее протяженіе береговъ должно быть около 350 до 400 километровъ, ибо пѣшеходъ можетъ совершить путешествіе вокругъ озера въ двѣ недѣли, а всадникъ объѣдетъ его въ семь дней. Голубое озеро покрываетъ, вѣроятно, пространство отъ пяти до шести тысячъ квадратныхъ километровъ; прежде площадь его была гораздо обширнѣе, на что указываютъ старые берега, которые видны во многихъ мѣстахъ на большомъ разстояніи отъ нынѣшнихъ. Многочисленные притоки, между которыми самый значительный—Бухаинъ-голъ, въ западной области бассейна, питаютъ озеро, но приносимое ими количество воды недостаточно, чтобы пополнять убыль, происходящую отъ испаренія, такъ какъ этотъ обширный резервуаръ не имѣетъ истеченія, и воды его сдѣлались солеными. Въ юго-восточной части озера лежитъ довольно большой островъ, около десяти километровъ въ окружности: по словамъ легенды, этотъ островъ прикрываетъ пропасть, откуда вытекали воды Куку-нора; чудовищная

[1]) Публичная бесѣда М. П. Пржевальскаго въ Петербургѣ, 11 марта 1881 года.

[1]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ“.

птица бросила его съ высоты небесъ, чтобы запереть бездну, волны которой грозили потопить весь міръ. Буддійскій монастырь, обитаемый десяткомъ ламъ, пріютился на этомъ уединенномъ островѣ, совершенно отрѣзанномъ отъ всякаго сообщенія съ твердой землей въ продолженіе большей части года, такъ какъ лѣтомъ никакое судно не отважится пуститься по бурнымъ водамъ озера; только въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, съ половины ноября до конца марта, монахи по льду могутъ выходить изъ своей тюрьмы, и этимъ временемъ они пользуются, чтобы ходить за сборомъ подаянія на другую сторону покрытой льдомъ поверхности и возобновлять свои запасы масла и муки. Воды озера Куку-нора очень богаты рыбой, и фауна его, по разсказамъ прибрежныхъ жителей, состоитъ изъ многихъ видовъ; однако, полковнику Пржевальскому за все время его пребыванія на озерѣ ни разу не удалось видѣть, чтобы кто-нибудь поймалъ, или самому поймать какія-либо другія породы рыбъ, кромѣ одного только вида, мясо которыхъ очень вкусно, но икра ядовита. Озеро лежитъ на высотѣ 3.200 метровъ, еще гораздо ниже верхняго предѣла растительности; по берегу, гдѣ чистая вода течетъ въ степи, она окаймлена кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, растущимъ густыми чащами.

Многія другія озера, менѣе значительныя, чѣмъ Куку-норъ, разсѣяны въ пониженіяхъ плато, на западѣ отъ верхняго Хуанъ-хэ; но самое обширное изъ всѣхъ внутреннихъ морей страны перестало существовать. Чайдамская или Цайдамская равнина была нѣкогда дномъ этого обширнаго озера, которое наполняло треугольное пространство, ограниченное на сѣверѣ горами Нань-шань, на востокѣ цѣпями Куку-нора, на югѣ хребтомъ Бурханъ-Будда. Эту равнину прорѣзываетъ, въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу, большая рѣка, Баянъ-голъ (Богатая рѣка) или Чайдамъ, Цайдамъ, теченіе которой имѣетъ, можетъ быть, отъ четырехъ до пяти сотъ километровъ длины, и которая представляетъ не менѣе 430 метровъ ширины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ нее переправлялся Пржевальскій. Но, по мѣрѣ приближенія къ пустынѣ, этотъ могучій потокъ постепенно съуживается, уменьшается въ объемѣ и, наконецъ, теряется въ болотахъ озера Дабсунъ-норъ. Во всей своей восточной части Цайдамская равнина покрыта соляными болотами, которыя въ иныхъ мѣстахъ образуютъ простые бѣлые налеты, похожіе на снѣгъ, въ другихъ кристаллическія плиты соли; на сѣверо-западѣ, напротивъ, она представляетъ только твердую глину или голую, каменистую почву. Камыши въ болотистой области, кое-гдѣ торчащіе пучки травы въ обсохшей части составляютъ почти единственную растительность Цайдамской равнины; впрочемъ, тамъ встрѣчаются, кромѣ того, чащи растенія nitraria Schoberi (селитрянница), которое достигаетъ болѣе 2 метровъ въ вышину, и ягоды котораго, въ одно и то же время сладкія и соленыя, составляютъ одно изъ самыхъ лакомыхъ яствъ въ краѣ, одинаково любимое людьми и животными; жители собираютъ эти ягоды осенью и примѣшиваютъ ихъ къ ячменной мукѣ. Фауна Цайдама такъ же мало разнообразна, какъ и флора; бѣдность ея происходитъ, можетъ быть, отъ чрезмѣрнаго множества комаровъ и мошекъ, которые тучами кружатся надъ болотами и заставляютъ пастуховъ, овецъ и дикихъ звѣрей искать спасенія въ окружающихъ горахъ. Одинъ видъ антилопы, волкъ, лисица, заяцъ—вотъ животныя, которыя всего чаще встрѣчаются при переходѣ черезъ эту равнину; кромѣ того, по разсказамъ монголовъ, въ западныхъ пустыняхъ бродитъ дикій верблюдъ. Человѣкъ посѣщаетъ эти страны только въ качествѣ охотника или кочеваго скотовода; однако, онъ могъ бы заниматься и обработкой почвы, благодаря оплодотворяющей водѣ, которую рѣка Баянъ-голъ катитъ въ изобиліи, и относительной теплотѣ климата, которая объясняется тѣмъ, что Цайдамъ не имѣетъ даже 3.000 метровъ высоты на своей верхней оконечности и постепенно понижается къ своему западному выходу, гдѣ высота мѣстоположенія не достигаетъ, можетъ быть, и 1.000 метровъ. Когда Пржевальскій и Роборовскій проходили черезъ эту равнину, нѣкоторые монголы сѣяли тамъ пшеницу и ячмень: такъ какъ возстаніе дунганъ лишило ихъ обыкновенныхъ источниковъ продовольствія, то они по неволѣ должны были сдѣлаться хлѣбопашцами. Въ центрѣ равнины, недалеко отъ слиянія Баянъ-гола съ другой рѣкой, находятся развалины древняго города, свидѣтельствующія о большихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ исторіи страны. Очевидно, было время, когда осѣдлыя населенія жили въ этомъ краѣ, гдѣ теперь увидишь только юрты пастуховъ, кочующихъ со своими стадами.

Возвышенная степь Одонь-тала, на сѣверѣ которой находится водораздѣльный порогъ между истоками Баянъ-гола и истоками Хуанъ-хэ, есть область священная для монголовъ и китайцевъ, гдѣ разсѣяны озера Чжаринъ-норъ и Оринъ-норъ, изливающія свои лишнія воды въ Желтую рѣку. Ни одинъ европейскій путешественникъ, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшее время, не бывалъ въ этой странѣ Синъ-су-хай или «Звѣзднаго моря»: Пржевальскій оставилъ ее въ сторонѣ, къ востоку отъ избраннаго имъ пути, во время своего перваго путешествія и не могъ добраться до нея съ другой стороны, во время второй своей экспедиціи [1]). А между тѣмъ пастбища «Звѣзднаго моря» посѣщаются

[1]) Экспедиція Пржевальскаго прошла здѣсь въ 1884 году, а въ 1893 г. нѣсколько сѣвернѣе прошла экспедиція Роборовскаго. Примѣч. ред.

каждый годъ въ августѣ мѣсяцѣ монголами, которые приходятъ сюда поклониться своему богу близъ священныхъ источниковъ. Семь животныхъ бѣлой масти безъ пятна, одинъ якъ, одна лошадь и пять барановъ, посвящаются жрецами божеству; привязавъ имъ вокругъ шеи по красной лентѣ, ихъ отпускаютъ на волю въ горы, нагруженныхъ грѣхами всего племени [1]).

Къ западу отъ степи Одонь-тала начинается крутая, утесистая цѣпь Бурханъ-будда, которая образуетъ съ этой стороны угловой валъ Тибетскаго нагорья. Это безплодный хребетъ, почти вездѣ одинаковой высоты и съ правильными скатами, простой валъ изъ глины, конгломератовъ и порфира, ограничивающій область возвышенныхъ равнинъ. Узкое пониженіе, похожее скорѣе на корридоръ или оврагъ, чѣмъ на долину, отдѣляетъ эту каменистую стѣну отъ другаго хребта, также голаго и тоже состоящаго изъ сѣрыхъ, желтыхъ или красноватыхъ скалъ, но поднимающагося нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ выше предѣла постоянныхъ снѣговъ: эта послѣдняя цѣпь горъ носитъ названіе Шуга. Далѣе, по направленію къ Тибету, простирается пустынное плоскогорье, усѣянное холмами и невысокими хребтами, разорванное тамъ и сямъ трещинами, покрытое въ иныхъ мѣстахъ булыжникомъ, въ другихъ—пескомъ или бѣлой, соленой пылью. Для путешественниковъ эта возвышенная волнистая равнина, абсолютная высота которой колеблется между 4.300 и 4.500 метровъ, представляется страной ужаса и смерти, и они испытываютъ невыразимую радость, когда, пройдя краевую цѣпь Баянъ-хара, опять спустятся, по обрывистымъ крутизнамъ, въ пастбища, окружающія рѣку Муръ-усу, то-есть верхній Янъ-цзы-цзянъ. Оффиціальной границей провинціи Куку-норъ считается хребетъ Шуга; но ее часто отодвигаютъ до цѣпи Баянъ-хара, или до долины Голубой рѣки, даже до Хара-усу. Само собой разумѣется, что въ подобномъ громадномъ необитаемомъ пространствѣ могутъ быть только совершенно фиктивныя границы.

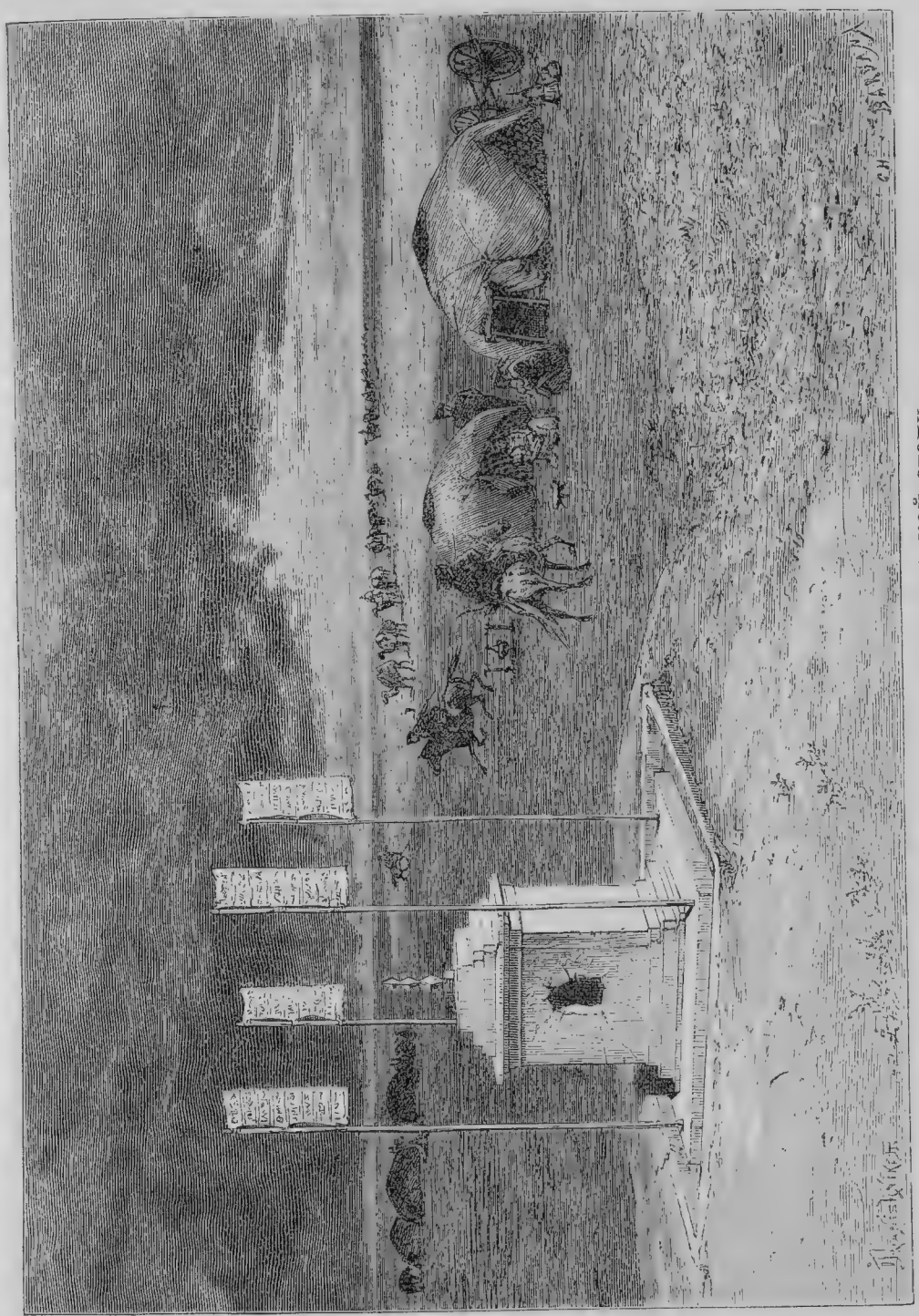
Народонаселеніе Куку-норскаго края можно считать приблизительно въ 150.000 человѣкъ; въ области, простирающейся на западѣ отъ озера, общее число жителей, по всей вѣроятности, не превышаетъ двадцати тысячъ душъ. Стойбища встрѣчаются на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи одно отъ другаго только въ равнинахъ, залегающихъ на сѣверѣ и востокѣ отъ Голубаго озера и въ долинѣ рѣки Да-тунъ-голъ. Близъ китайской границы, около города Донкыра или Дань-гэръ-тина, населеніе довольно плотно, и тѣ округи этой области, которые не были опустошены дунганами, представляютъ превосходно обработанныя земли. Китайскіе колонисты уже проникли въ эти долины, коренное населеніе которыхъ состоитъ изъ тангутовъ и дальдовъ, племени земледѣльцевъ, которые не походятъ на китайцевъ, хотя они приняли ихъ религію, нравы и даже одежду. Языкъ ихъ, говоритъ г. Пржевальскій, составляетъ смѣсь китайскаго, монгольскаго и какихъ-то неизвѣстныхъ словъ.

Наиболѣе осѣдлыя племена состоятъ изъ монголовъ, жалкихъ представителей своей расы. Угнетаемые тангутами и необладающіе достаточной энергіей, чтобы оказывать сопротивленіе, они повинуются безропотно, утративъ почти всякое воспоминаніе о томъ, что ихъ предки были господами страны. «Вырвите у нихъ переднie зубы и поставьте монхъ поддан-ныхъ на четвереньки, они будутъ походить на коровъ», говорилъ одинъ куку-норскій князь Пржевальскому. Что касается тангутскихъ завоевателей края, большинство которыхъ принадлежитъ къ роду хара-тангутовъ или «черныхъ тангутовъ», то это по большей части люди гордые и смѣлые, съ полнымъ сознаніемъ своей силы. Родственные тибетской народности по расѣ и языку, эти тангуты, извѣстные китайцамъ, какъ и тибетцы въ собственномъ смыслѣ слова, подъ общимъ именемъ сифаней, рѣзко отличаются отъ монголовъ чертами лица и нравами. Они имѣютъ черные и широко открытые глаза, овальное лицо безъ чрезмѣрно выдающихся скулъ, черную, довольно густую бороду, прямой или орлиный носъ. Пржевальскій находитъ у нихъ удивительное сходство съ цыганами южной Россіи. Монголъ смиренъ, тангутъ задоренъ и сварливъ. Монголъ любитъ безплодную пустыню, безграничное пространство; тангутъ предпочитаетъ долины, сырыя пастбища горъ. У монгола верховымъ и вьючнымъ животнымъ служитъ верблюдъ, тогда какъ тангутъ кочуетъ въ сопровожденіи яка или даже употребляетъ его для верховой ѣзды, продѣвая ему сквозь перегородку ноздрей большое деревянное кольцо. Монголъ гостепріименъ и радушно принимаетъ чужеземца; тангутъ выпроваживаетъ его изъ своей юрты или заставляетъ его дорого заплатить за свой пріемъ. Хара-тангуты жадны и страстные барышники; всякая, самая малоцѣнная вещь подаетъ у нихъ поводъ къ нескончаемымъ торгамъ. Они охотно предаются воровству и грабежу: соединившись въ шайки человѣкъ по десяти, они въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ведутъ веселую разбойничью жизнь, нападая на караваны купцовъ или на стойбища монголовъ; но возвращаясь въ свои родимыя мѣста, нагруженные награбленной добычей, эти рыцари большой дороги никогда не забываютъ сходить къ святымъ мѣстамъ, чтобы помолиться объ отпущеніи грѣховъ, о

[1]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ“.

прощеніи имъ совершенныхъ насилій или пролитой крови: они отправляются на священные берега Голубаго озера, покупаютъ у рыбаковъ или силой отнимаютъ у нихъ наловленную рыбу и бросаютъ ее обратно въ воду [1]). Такимъ образомъ сумма ихъ добрыхъ дѣлъ легко получаетъ перевѣсъ надъ числомъ ихъ злодѣяній.

Какъ подобаетъ народу грабителей, молодые тангуты имѣютъ еще обыкновеніе похищать дѣвушекъ, которыхъ они выбираютъ себѣ въ подруги жизни; но этотъ увозъ теперь чисто фиктивный, и похититель долженъ заплатить родителямъ невѣсты выкупъ, аналогичный калыму туркменъ и киргизовъ. Многомужіе не въ обычаѣ у тангутовъ, какъ у южныхъ тибетцовъ, но многоженство дозволяется, и всѣ бо-



Могила ламы въ монгольской степи.

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

гатые владѣльцы стадъ скота охотно промѣниваютъ яковъ и овецъ на новыхъ супругъ. Впрочемъ, съ женщинами не обращаются какъ съ рабынями: онѣ занимаются домашнимъ хозяйствомъ и уходомъ за скотомъ; онѣ ходятъ вездѣ совершенно свободно и посвящаютъ большую часть своего времени заботамъ объ убранствѣ своей шевелюры, которую они заплетаютъ въ косы и украшаютъ ихъ бусами, лентами, жемчугомъ, металлическими бляхами. Но онѣ не умѣютъ придавать красивый видъ своимъ жилищамъ. Большинство тангутовъ живетъ въ черныхъ, обтянутыхъ яковыми шкурами, палаткахъ, съ отверстіемъ на верхушкѣ, черезъ которое уходитъ дымъ и часто падаетъ дождь во внутренность жилища; обитатели юрты спятъ вокругъ очага, на кучахъ травы и хвороста, или даже прямо на голой землѣ, загрязненной всякими нечистотами и кухонными помоями.

Ревностные буддисты, подобно монголамъ и тибетцамъ, монгольскіе и тангутскіе жители области Куку-норъ съ величайшей пунктуальностью соблюдаютъ всѣ правила и церемоніи, предписываемыя ихъ религіей: они часто совершаютъ торжественныя процессіи вокругъ кумирень и священныхъ мѣстъ, и каждый годъ множество богомольцевъ изъ этого края присоединяются къ караванамъ, идущимъ въ Лассу. Одинъ воплощенный Будда тоже имѣетъ резиденцію въ одномъ изъ монастырей Куку-нора, при чемъ китайское правительство не нашло нужнымъ вмѣшиваться въ избраніе этого высшаго жреца [1]); но слава тангутскаго ламы затмевается славой тибетскаго далай-ламы, и куку-норскіе монастыри и кумирни считаются какъ бы вассалами, подвѣдомственными священному храму-дворцу Поталу. Большое число жрецовъ живутъ въ юртахъ, и даже монахи религіозныхъ общинъ часто странствуютъ отъ племени къ племени. Когда они умираютъ, ихъ хоронятъ со всѣми почестями, приличествующими ихъ духовному званію, тогда какъ тѣла мірянъ, согласно тибетскому обычаю, бросаются просто на голую землю и оставляются на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ [2]).

Обитатели степей Куку-нора и Цайдама не имѣютъ другихъ промысловъ и источниковъ существованія, кромѣ скотоводства, но за то стада у нихъ очень многочисленны: иной зажиточный тангутъ обладаетъ сотнями яковъ и тысячами барановъ. Цѣна товаровъ исчисляется головами скота. Точно также живыми животными и ихъ останками, шкурами и т. д., они оплачиваютъ всѣ предметы, въ которыхъ нуждаются, и которые имъ доставляютъ китайцы изъ пограничныхъ городовъ Си-нинъ-фу и Донкыра. Благодаря этой торговлѣ мукой, табакомъ, матеріями, чаемъ, ревенемъ, китайскому правительству удалось установить мало-по-малу, если не непосредственную власть, то по крайней мѣрѣ право верховнаго господства надъ гордыми тангутами страны. Караваны монгольскихъ пилигримовъ, которые отправляются отъ границъ Сибири къ нагорьямъ Тибета, и для которыхъ Куку-норъ служитъ промежуточнымъ мѣстомъ роздыха, также способствовали установленію связей между землей хара-тангутовъ и китайскимъ міромъ. Осень—самое благопріятное время года для путешествія, потому что лѣтніе дожди уже прекратились, а бури начинаются только зимой: оттого каждый годъ, начиная съ конца лѣта, монгольскіе караваны сходятся въ сборномъ пунктѣ, въ Куку-норѣ, гдѣ животныя подкрѣпляютъ свои силы для предстоящаго труднаго странствованія черезъ горы и пропасти, на протяженіи отъ 1.600 до 1.700 километровъ. Изъ Куку-нора и Донкыра, ближайшаго китайскаго города, караваны отправляются всегда въ началѣ сентября и черезъ два мѣсяца достигаютъ Лассы, гдѣ проводятъ три мѣсяца и въ февралѣ выступаютъ въ обратный путь, въ сопровожденіи тибетскихъ купцовъ. Во время возстанія дунганъ, долго опустошавшихъ Монголію и провинцію Гань-су, всѣ эти пилигримства, религіозныя и торговыя, были прерваны, и даже далай-лама долженъ былъ отказаться отъ отправки оффиціальнаго посольства, которое каждый третій годъ возитъ его подарки китайскому императору.

Благодаря караванамъ, тангуты Цайдама и Куку-нора находятся, въ мирныя времена, въ частыхъ сношеніяхъ съ представителями двухъ сюзереновъ, духовнаго и свѣтскаго, — далай-ламы и богдыхана. Кумирня Чейбсенъ или Чебсенъ, лежащая въ 75 километрахъ къ сѣверу отъ китайскаго города Си-нинъ-фу, на скалѣ, которая господствуетъ надъ Бугукъ-голомъ, небольшимъ притокомъ Желтой рѣки, можетъ быть разсматриваема какъ главный городъ страны. По словамъ полковника Пржевальскаго, вся эта провинція въ административномъ отношеніи раздѣлена на 29 хошуновъ или «знаменъ, значковъ», изъ которыхъ пять образуютъ Цайдамскій край, девятнадцать область Куку-нора и сѣверныхъ долинъ, а остальные пять лежатъ на югъ отъ Хуанъ-хэ. Тангуты, когда имъ понадобится вызвать вмѣшательство китайскихъ властей, обращаются со своими ходатайствами къ оффиціальнымъ чиновникамъ, имѣющимъ пребываніе въ городѣ Си-нинъ-фу.

Замѣтимъ здѣсь, что очень трудно передавать китайскія географическія названія, не только потому, что китайское произношеніе разнится отъ нашего, но также потому, что, соотвѣтственно языку своей націи, путешественники и географы каждой страны имѣютъ различную орѳографію. Такъ какъ европеецъ,

[1]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Китаѣ“.

[2]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

естественно, склоненъ писать китайскія названія такъ, чтобы воспроизвести въ своемъ языкѣ звуки такими, какъ онъ ихъ слышалъ, то всегда нужно принимать въ соображеніе національность авторовъ, которые говорятъ о Китаѣ, и сообразно тому удерживать или видоизмѣнять приводимыя имъ слова. До тѣхъ поръ, пока для географическихъ именъ вообще не будутъ употреблять однообразную систему транскрипціи, воспроизводящую всѣ звуки соотвѣтственными знаками, приходится изображать эти имена буквами того языка, на которомъ ихъ произноситъ читатель.

Трудность, испытываемая всѣми иностранцами вообще, при передачѣ китайскихъ названій въ правильной формѣ, принудила выдающихся синологовъ и знатоковъ Китая прибѣгнуть къ условному обозначенію китайскихъ слоговъ сочетаніемъ извѣстныхъ буквъ своего алфавита. Эти обозначенія у французовъ, англичанъ или нѣмцевъ дѣлались у каждаго по-своему, и послѣднее обстоятельство нужно всегда имѣть въ виду при употребленіи иностранныхъ источниковъ и географическихъ картъ Китая, изданныхъ въ Западной Европѣ и въ особенности при переводѣ этихъ уже перепначенныхъ на европейскій манеръ китайскихъ именъ на русскій языкъ.

Существованіе въ Китаѣ множества мѣстныхъ нарѣчій еще болѣе усложняетъ это дѣло и заставляетъ еще съ большею настоятельностью остановиться на выборѣ одного какого-нибудь изъ нихъ. Западно-европейскіе знатоки Китая въ большинствѣ приняли, такъ называемое, пекинское или мандаринское нарѣчіе, хотя нѣкоторые изъ европейскихъ синологовъ употребляютъ и южное мандаринское. Русскіе синологи исключительно держатся нарѣчія сѣвернаго, имѣя для такого выбора весьма вѣскіе доводы.

Огромное развитіе въ Западной Европѣ синологической литературы заставляетъ русскихъ авторовъ весьма часто обращаться къ этимъ источникамъ, но, не будучи ознакомлены съ основаніями сочетаніями звуковъ при передачѣ китайскихъ словъ, русскіе авторы переводятъ эти слова дословно буква за буквой, полагая, что чѣмъ неблагозвучнѣе получится китайское названіе тѣмъ оно ближе къ истинѣ [1]). Такой примѣръ мы видѣли еще недавно въ названіи бухты Цзяо-чжоу, перепначенной въ Кіао-чжао, вмѣсто его даже и въ оффиціальныхъ названіяхъ новыхъ нашихъ пріобрѣтеній Талянванѣ, Квантунгскомъ полуостровѣ, Кпронгъ (вмѣсто Гиринь) и др. названіяхъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя намъ подносятъ газетныя телеграммы «Новаго Времени» или другихъ агентствъ. Подобное коверканіе китайскихъ названій можно было бы извинить лишь въ томъ случаѣ, когда въ русской синологической литературѣ не оказалось бы вовсе руководствъ для правильной передачи ихъ съ иностраннаго на русскій. Между тѣмъ еще въ 40-хъ годахъ, отцемъ Іакинфомъ Бичуринымъ были изданы таблицы, показывающія орографію китайскихъ звуковъ на языкахъ французскомъ и англійскомъ параллельно съ русскимъ. Таблицы эти были повторены въ классическомъ трудѣ Матусовскаго, но и до сихъ поръ мы видимъ во всѣхъ переводныхъ сочиненіяхъ о Китаѣ, какъ и на картахъ этой страны, массу до такой степени искаженныхъ географическихъ именъ, что даже человѣку, хорошо знакомому съ Китаемъ, бываетъ не только трудно, но часто и совсѣмъ невозможно догадаться, о какой именно мѣстности идетъ рѣчь. Первое изданіе настоящаго тома Географіи Реклю въ отношеніи передачи географическихъ названій грѣшило не менѣе другихъ, но во время его выхода въ свѣтъ Китай интересовалъ насъ весьма мало, сама страна еще не вошла въ кругъ международныхъ отношеній и географическія свѣдѣнія или справки о ней требовались въ русскомъ обществѣ очень рѣдко. Совершенно иное мы видимъ теперь, и потому было бы непростительно относится съ прежнимъ пренебреженіемъ и къ точной передачѣ китайскихъ названій, и не уважать выработанныхъ русскими учеными правилъ, тѣмъ болѣе, что со времени Матусовскаго въ русской синологической литературѣ появились и такіе классическіе труды, какъ Вебера «Карта сѣверо-восточнаго Китая съ алфавитнымъ спискомъ китайскихъ названій». Игнорировать подобные труды было бы болѣе нежели непростительно, и потому вездѣ, гдѣ только можно, въ настоящемъ изданіи тома Реклю, всѣ китайскія названія будутъ переданы согласно указаніямъ нашихъ авторитетныхъ синологовъ*.

II. Монгольская Гань-су.

Поясъ пустынь, который тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ, отъ песковъ Такламаканъ, близъ Яркенда, до возвышенныхъ плато, окаймленныхъ съ восточной стороны цѣпью Большой Хинганъ, не представляетъ, какъ это часто воображаютъ, области совершенно однообразной по виду и характеру мѣстности, наклоненію почвы, климату и степени безплодія. Онъ составляетъ особую естественную область только по контрасту его равнинъ съ высокими горами, окружающими его съ четырехъ сторонъ, съ юга, запада, сѣвера и востока и съ великолѣпно обработанными полями, прилегающими съ юго-востока. Но въ этой безконечной полосѣ континента, за-

[1]) Нѣчто подобное мы видимъ даже у серьезныхъ знатоковъ Китая, какъ напр. Путята и многіе другіе.

нимающей цѣлую половину діаметра Азіи, слѣдуютъ одно за другимъ множество разнообразнѣйшихъ мѣстоположеній, и нѣкоторые писатели совершенно ошибочно смѣшиваютъ многія части этого громаднаго пространства съ пустыней Гоби или Шамо. Такъ, страна шириною около 500 километровъ, отдѣляющая Нань-шань отъ горъ Хами, не есть пустыня въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Правда, что она соединяется съ одной стороны съ пустынями нижняго Тарима, съ другой—съ страшными нагорьями восточнаго Гоби; но если однѣ изъ ея равнинъ, параллельныя впадины обширной котловины, которую нѣкогда наполняли воды монгольскаго средиземнаго моря, образуютъ маленькія промежуточныя «гоби», безъ воды и безъ растительности, гдѣ песокъ, поднимаемый вѣтромъ, кружится вихремъ, то нѣкоторыя рѣки, спускающіяся съ Нань-шаня и съ сосѣднихъ горныхъ цѣпей, катятъ достаточно воды, чтобы продолжать свое теченіе на сѣверъ, между зеленѣющими берегами, вплоть до самаго основанія предгорій Небесныхъ горъ. Пустыни, по которымъ протекаютъ эти рѣки, не похожи на тѣ мертвыя, лишенныя всякой растительности, пространства, какія представляютъ Такла-маканъ на Таримѣ или «Красные пески» и «Черные пески» въ русскомъ Туркестанѣ. Здѣсь почти вездѣ находятъ воду на незначительной глубинѣ; источники бьютъ изъ земли въ лощинахъ, и въ сосѣдствѣ этихъ ключей травы тянутся на далекое разстояніе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растительность покрываетъ почву на необозримое пространство, и стада дикихъ животныхъ находятъ обильный кормъ. Повсюду грунтъ земли твердый, удобный для проѣзда верхомъ на лошади или въ тѣлегѣ, постоялые дворы, деревни, даже настоящіе города съ базаромъ и фабричными заведеніями могли основаться тамъ и сямъ на берегу текущихъ водъ и окружить себя садами и воздѣланными полями [1]).

Причины этого перевыва большой центральной пустыни, относительно, плодородными землями нужно, безъ сомнѣнія, искать въ самыхъ контурахъ и въ рельефѣ Азіи. На югѣ отъ этой области континентальная масса представляетъ вырѣзку, образуемую Бенгальскимъ заливомъ, полукругъ котораго имѣетъ не менѣе 1.500 километровъ въ радіусѣ. Благодаря этой обширной водной площади, которая взрѣзывается между двухъ полуострововъ по обѣ стороны Ганга, пространство, отдѣляющее провинцію Гань-су отъ Индійскаго океана, сокращается почти на половину и воздухъ, насыщенный морскими парами, можетъ быть переносимъ вѣтромъ даже за Куку-норъ и оставлять тамъ нѣкоторую часть своей влажности. При томъ вѣтры, проходящіе черезъ горы восточнаго Тибета, отъ устьевъ Брамапутры до пустынь Монголіи, не встрѣчаютъ на этомъ пути препятствій подобныхъ тѣмъ, какія представляетъ на западѣ громадное нагорье центральнаго Тибета съ его однообразными равнинами, лежащими на высотѣ 4.500 и 5.000 метровъ, и его исполинскими краевыми цѣпями, поднимающимися на 7.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Горные хребты провинціи Камъ менѣе высоки, нежели западныя цѣпи; кромѣ того, они представляютъ многочисленные проломы и, въ большой части своего протяженія, они расположены параллельно направленію меридіана, такъ что южные вѣтры могутъ спускаться въ долины и затѣмъ подниматься до горныхъ цѣпей Куку-нора. Юго-западные муссоны, которые приносятъ въ бассейнъ Брамапутры такое огромное количество атмосферныхъ осадковъ еще далеко не могутъ быть названы сухими, когда они проходятъ черезъ цѣпь Баянъ-хара: съ апрѣля до конца осени они приносятъ снѣгъ и дождь: погода снова дѣлается ясной и сухой только съ наступленіемъ зимы. Пржевальскій говоритъ, что во время его пребыванія въ этомъ краѣ снѣгъ падалъ каждый день въ продолженіе всего апрѣля мѣсяца. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что облака изливаютъ еще по ту сторону хребта Нань-шань нѣкоторое количество влаги въ формѣ снѣга и дождя, и что ручьи, даже настоящія рѣки могутъ образоваться въ горахъ и течь далеко въ равнину; однако, ни одинъ изъ этихъ потоковъ не можетъ добраться до какой нибудь большой рѣки, текущей къ морю: всѣ они теряются въ озерахъ или соляныхъ болотахъ среди густыхъ камышей. Рѣка Хай-цзы, текущая на западъ по направленію къ Лобъ-нору, останавливается и испаряется въ котловинѣ Кара-норъ или «Чернаго озера»; Хай-хэ (Эцзинъ-голъ), болѣе значительная рѣка, принимаетъ въ себя воды Снѣговыхъ горъ, затѣмъ на сѣверѣ отъ Великой стѣны, соединяется съ другой рѣкой, почти равной ей по величинѣ, Тао-лаемъ, называемымъ въ старинныхъ документахъ «Золотой рѣкой»; далѣе она постепенно мелѣетъ и съуживается, развѣтвляется на прибрежныя болота, и наконецъ теряется, на границахъ пустыни, въ озерахъ Согакъ-норъ и Собо-норъ.

Благодаря вліянію муссоновъ, способствующихъ образованію текучихъ водъ между двумя половинами пустыни Гоби, китайцы легко могли поддерживать, отъ Нань-шаня до Небесныхъ горъ, свою линію сообщенія съ западными областями имперіи. Естественная дорога по которой всегда слѣдовали караваны и войска, есть та, которая, покинувъ Лань-чжоу-фу, при большомъ западномъ колѣнѣ Желтой рѣки проходитъ черезъ горы, позади которыхъ спрятался бассейнъ Куку-нора, затѣмъ спускается въ

[1]) Полковникъ Сосновскій, „Journal of the Geographical Society of London“, 1877; Д-ръ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай“.

равнины сѣвера, перерѣзываетъ Великую стѣну въ ущельѣ у Цзя-юй-гуань и направляется на сѣверо-западъ къ оазису Хами. Въ этомъ мѣстѣ историческій путь раздвояется по обѣ

Видъ въ верховьяхъ Янъ-цзы-цзяна.

стороны восточнаго хребта Тянь-шаня: въ то время, какъ одна изъ дорогъ проникаетъ въ бассейнъ Тарима, другая вступаетъ въ Чжунгарію, чтобы опять спуститься по западной отлогости горъ въ предѣлы русскаго міра, который уже принадлежитъ къ Европѣ. Понятно, какъ важно для Китая обладать этой областью, относительно плодородной, завоеванной имъ около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, которая разсѣкаетъ надвое поясъ пустынь и черезъ которую пролегаетъ поперечная дорога отъ береговъ Хуанъ-хэ до Небесныхъ горъ [1]).

[1]) Carl Ritter, „Asien“.

До 1884 года весь этотъ край, хотя лежащій внѣ Великой стѣны и отдѣленный отъ долины Желтой рѣки высокими горными массами, былъ соединенъ съ провинціей Гань-су; а начиная съ прошлаго столѣтія округи Хами и Пичжанъ, на южномъ скатѣ Тянь-шаня, были присоединены къ этой провинціи какъ нераздѣльная часть внутренней имперіи. Вскорѣ послѣ окончательнаго усмиренія магометанскаго возстанія, охватившаго весь Западный Китай, Пекинское правительство нашло необходимымъ упрочить свое вліяніе въ этой части государства и для этой цѣли все пространство, лежащее къ западу отъ великой стѣны по обѣ стороны Тянь-шаня, въ 1884 году выдѣлило въ особую провинцію, которая получила названіе Новой линіи и главнымъ городомъ которой назначенъ Урумчи. Въ составъ этой провинціи кромѣ монгольской части Гань-су вошли земли Восточнаго Туркестана, а также частью и округа Или и Тарбагатай, хотя послѣдніе имѣютъ значительную долю самоуправленія и начальники ихъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаютъ распоряженія изъ Урумчи. Къ области этой-то Новой линіи или по-китайски Гань-су-синь-цзянь-шэнъ въ административномъ отношеніи и относится весь описанный на стр. 111—150 Китайскій Туркестанъ.

На сѣверо-западѣ отъ раздѣльнаго хребта, черезъ который ведетъ перевалъ Усу (Усу-линъ) высотою около 3,000 метровъ [1]), полоса обитаемыхъ земель, имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 50 километровъ ширины, связываетъ, на подобіе перешейка, съ юго-восточнымъ или собственно китайскимъ Гань-су этотъ сѣверо-западный Гань-су, который по національности кочующихъ тамъ номадовъ можно назвать «монгольскимъ Гань-су». Съ одной стороны горы, съ другой пустыня образуетъ это дефиле, черезъ которое производится сообщеніе между двумя Гань-су; развалины древняго глинянаго вала [2]), извѣстнаго подъ именемъ «Великой стѣны», какъ и прочія укрѣпленія восточнаго Китая, ограничиваютъ поясъ культурныхъ земель на сѣверѣ отъ длиннаго дефиле и отъ первыхъ городовъ, лежащихъ при входѣ въ монгольскій Гань-су: далѣе имперія не имѣетъ болѣе никакихъ слѣдовъ искусственныхъ преградъ противъ набѣговъ своихъ старинныхъ враговъ кочевниковъ. Пространство внѣшняго Гань-су можно считать въ 400.000 квадратныхъ километровъ, но, по всей вѣроятности, эта обширная территорія не заключаетъ даже милліона жителей, такъ какъ населеніе сгруппировалось значительными колоніями только въ южныхъ городахъ, да въ оазисахъ, разсѣянныхъ у основанія Небесныхъ горъ.

Само собой разумѣется, что населеніе должно быть очень смѣшаннаго происхожденія въ этой области, представляющей столь важное стратегическое значеніе и такъ часто оспариваемой другъ у друга враждебными арміями. Племена тюркской расы, уйгуры и усуны, монголы различныхъ знаменъ или хошуновъ, тангуты тибетскаго племени, наконецъ, цивизизованные китайцы, пришедшіе съ Востока, нерѣдко вступали въ бой изъ-за обладанія проходомъ, который отдѣляетъ пустыню Гоби отъ Снѣговыхъ горъ. Лихіе воины номады быстро справляли свое дѣло: въ своихъ набѣгахъ они разрушали все, что попадалось на пути, затѣмъ удалялись обратно въ степи равнины или въ долины горъ. Китайцы дѣйствовали болѣе медленно, но за то болѣе настойчиво и болѣе успѣшно: они основывали, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, укрѣпленные и обороняемые гарнизономъ города, вокругъ которыхъ скоро возникали поселенія земледѣльцевъ; страна заселялась мало-по-малу, дороги прокладывались черезъ пустыни. Новое нападеніе варваровъ-кочевниковъ могло выжечь посѣвы, разрушить крѣпости, разграбить и опустошить города; но какъ только китайцы возвращались въ опустошенный край, имъ достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы вновь создать стратегическую сѣть дорогъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Такъ, война, свирѣпствовавшая въ продолженіе десяти слишкомъ лѣтъ между возставшими магометанами и императорскими войсками, опустошила города сѣвернаго Гань-су; большая часть страны была обращена въ груду развалинъ, но теперь опять отстраиваются и оправляются мало-по-малу отъ разгрома, или въ сосѣдствѣ руинъ появились новые города, благодаря переселенію китайскихъ земледѣльцевъ.

Что касается монголовъ, кочующихъ въ этой области пастбищъ, то они принадлежатъ по большей части къ многочисленной семьѣ элеутовъ, родственной калмыкамъ. Извѣстно, что за пятнадцать вѣковъ до нашего времени эта страна была населена преимущественно усунами, въ которыхъ ученые хотѣли видѣть народъ германской расы [1]), и которые отъ всѣхъ восточныхъ народовъ съ приплюснутымъ носомъ и выдающимися скулами отличались глубоко сидящими глазами и прямымъ носомъ. Эти люди съ «лошадиными образинами», какъ ихъ называютъ китайцы, были постепенно оттѣснены монгольскими народцами на западъ, въ Небесныя горы и въ бассейны Тарима. Проѣзжая по этой странѣ, Пржевальскій встрѣчалъ множество крестьянъ, которые показались ему чрезвычайно похожими по типу на мужиковъ центральной Россіи.

Наибольшіе города: Ша-чжоу или «Городъ песковъ», который дѣйствительно осаждается

[1]) Д-ръ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай".

[2]) Риттеръ;—Гюкъ; —Пржевальскій; — Пясецкій;—Крейтнеръ.

[1]) Humboldt, „Asie centrale".

дюнами западной пустыни. За полторы тысячи лѣтъ до нашей эпохи, во времена цвѣтущаго состоянія Хотанскаго царства, ни одинъ городъ страны Гань-су не имѣлъ болѣе важнаго значенія, чѣмъ Ша-чжоу, какъ сборный пунктъ для каравановъ, которымъ предстоялъ трудный путь черезъ каменистыя и песчаныя равнины, простирающіяся на западъ къ бассейну Тарима.

На дорогѣ въ Хами стоитъ деревня Юй-минь-сянь, съ высокими башнями среди большихъ деревьевъ, вполнѣ пощаженная дунганами. Ань-си, городъ, служащій аванпостомъ на дорогѣ, которая направляется на сѣверъ, къ Небеснымъ горамъ, тоже окруженъ кое-какой зеленью, но онъ былъ почти совершенно разрушенъ во время междуусобной войны, такъ что теперь на каждомъ шагу видишь груды кирпичей, остатки капищъ, обломки идоловъ. Сады, худо содержимые, не останавливаютъ болѣе вторженія песковъ, и дюны уже осаждаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городскіе валы: если не явятся колонисты въ значительномъ числѣ и не потрудятся надъ дѣломъ возстановленія разрушеннаго, то городу грозитъ опасность исчезнуть съ лица земли. На сѣверъ, въ направленіи къ Небеснымъ горамъ, разстилается пустыня въ собственномъ смыслѣ, необозримое пространство, «сливающееся на горизонтѣ съ фіолетовой полосой неба»; но нельзя сказать, чтобы эта пустынная область была совершенно недоступна, и чтобы путешественникамъ опасно было пускаться въ нее, хотя, правда, они не встрѣчаютъ тамъ, до оазиса Хами, никакихъ обитаемыхъ мѣстъ, кромѣ стойбищъ по берегамъ ручьевъ и источниковъ, да развалинъ разрушенныхъ городовъ. На востокъ, за Чукуръ-гоби, также есть нѣсколько постоянныхъ селеній и остатки городовъ. Одинъ изъ этихъ исчезнувшихъ городовъ есть, можетъ быть, «городъ Эцзина», о которомъ говоритъ Марко Поло, и имя котораго сохранилось въ названіи рѣки Эцзина.

Хами (Хамулъ), городъ, описываемый знаменитымъ венеціанскимъ путешественникомъ подъ именемъ Камуль, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые могутъ быть названы необходимыми. Онъ занимаетъ географическое положеніе, такъ сказать, указанное природой для основанія города: опустошенный или разрушенный, онъ долженъ былъ возрождаться на томъ же самомъ мѣстѣ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Оазисъ Хами представляетъ сборный пунктъ, мѣсто роздыха, гдѣ должны останавливаться караваны и арміи, какъ при входѣ въ пустыню, такъ и при выходѣ изъ нея, чтобы подкрѣпить свои силы или возобновить свои запасы продовольствія. Ни одинъ завоеватель, откуда бы онъ ни пришелъ, съ востока или запада, не могъ надѣяться продолжать далѣе свое побѣдоносное шествіе, если онъ сначала не утвердился прочно въ краю Хами и не обезпечилъ за собой пользованіе вспомогательными средствами, находящимися въ этой мѣстности. Какъ стратегическая позиція, Хами имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ что во всей центральной Азіи нельзя указать пункта, который превосходилъ бы его въ этомъ отношеніи. Неподалеку оттуда Небесныя горы, соединяя свои выступы въ послѣдній хребетъ, понижаютъ свои восточныя предгорья среди песчаныхъ и каменистыхъ пространствъ пустыни Гоби. Поясы растительности, идущіе съ той и другой стороны вдоль подошвы горныхъ цѣпей, составляютъ естественные, напередъ начертанные пути: съ одной стороны пролегаетъ «Южная дорога», Нань-лу, съ другой—«Сѣверная дорога», Бэй-лу, и точка встрѣчи этихъ двухъ историческихъ путей находится именно въ равнинахъ, среди которыхъ стоитъ Хами. Оттого имя этого города не переставало гремѣть въ исторіи Востока; но Хами, повидимому, никогда не былъ значительнымъ городомъ: окружающая его культурная территорія не достаточно обширна, чтобы могла возникнуть большая столица въ этой области. Во время возмущенія магометанъ Хами сильно пострадалъ, и его рисовыя плантаціи, виноградники и поля, гдѣ собираютъ превосходныя дыни, были часто опустошаемы [1]).

Къ западу отъ оазиса Хами, два города Пи-чжанъ (Пичанъ) и Турфанъ, нынѣ пришедшіе въ упадокъ, занимаютъ два сосѣдніе оазиса, отличающіеся большимъ плодородіемъ и производящіе превосходный хлопокъ, кунжутъ, пшеницу и всякаго рода фрукты, въ особенности чудный виноградъ, лозы котораго кладутся на бокъ для того, чтобы онѣ не пострадали отъ холодныхъ полярныхъ вѣтровъ [2]). На сѣверѣ высятся крутизны, принадлежащія къ горамъ Тянь-шаня, которыя здѣсь представляютъ уже довольно величественный видъ. Эта область была часто проходима китайскими путешественниками, которые разсказывали о ней разныя чудеса, но изъ современныхъ намъ натуралистовъ ее посѣтилъ одинъ только Регель. Между тѣмъ въ центральной Азіи мало найдется мѣстностей, которыя бы заслуживали больше, чѣмъ эта страна, научнаго изслѣдованія, судя по встрѣчающимся тамъ естественнымъ достопримѣчательностямъ, о которыхъ говорятъ китайскія лѣтописи. Такъ, напримѣръ, между двумя названными городами возвышается уединенная конусообразная

[1]) Важное значеніе, которое Реклю придаетъ Хами, весьма основательно опровергаетъ Груммъ-Гржимайло, посѣтившій его въ сравнительно недавнее время. См. описаніе путешествія въ Запад. Китай, т. I, стр. 443—469. Примѣч. ред.

[2]) Регель, „Russische Revue“, 1880, № 3;—„Petermann's Mittheilungen“ IV, 1880.

гора, или Хо-янь-шань (гора съ огненнымъ жерломъ), которая, какъ говорятъ, въ давнія времена, лѣтъ тысячу назадъ, извергала лаву, пепелъ, клубы дыма, и на которую туземцы ходили собирать нашатырь [1]). Между другими горами страны древнія китайскія географіи особенно часто упоминаютъ одинъ пикъ, Линь, стоящій на западѣ отъ Турфана, поднимающійся ступенями или террасами, которыя будто бы всѣ состоятъ изъ агатовыхъ галекъ. На этой священной горѣ, имѣющей «20 ли въ окружности», не увидишь ни одного дерева, ни одного растенія: голая скала обязана своимъ блескомъ этимъ блестящимъ агатамъ, «костямъ ста тысячъ логановъ, которые заслужили безсмертіе своими добродѣтелями» [2]). Турфанъ (т. е. «Столица») есть послѣдній городъ, отвоеванный китайцами, въ 1877 году, у дунганъ или возмутившихся магометанъ. Основаніе его восходитъ не далѣе какъ за 150 лѣтъ до нашей эпохи. «Старый Турфанъ», разрушенный около четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, находился верстахъ въ 50 западнѣе нынѣшняго; отъ него уцѣлѣли каменныя стѣны въ 15 метровъ высотою, служившія нѣкогда жилищами, и черезъ которыя проходятъ два или три яруса галлерей со сводами, сохранившихъ еще кое-какіе слѣды своего внутренняго устройства и напоминающихъ римскія постройки. Стоящія въ окрестностяхъ башни представляютъ тотъ же стиль архитектуры. Г. Регель приписываетъ сооруженіе ихъ уйгурамъ, въ которыхъ онъ видитъ предковъ нынѣшнихъ дунганъ. Среди развалилъ попадаются тамъ и сямъ китайскіе фарфоры, буддійскія статуэтки; кромѣ того, великолѣпный минаретъ и другія строенія, представляющія тотъ же стиль, который характеризуетъ памятники Самарканда, сохранились еще между руинами Стараго Турфана, а въ сосѣдствѣ находится знаменитая Мазарская мечеть, «даже болѣе священная, чѣмъ Мекка»; одному изъ придѣловъ этого храма мѣстная легенда приписываетъ несторіанское происхожденіе. Нѣкоторыя изъ крѣпостей, основанныхъ Якубъ-бекомъ до китайскаго завоеванія, превратились въ деревни и города. Самый многолюдный изъ нихъ—Токсунъ, лежащій на западъ отъ Турфана; подгородныя земли, прилегающія къ большому соляному озеру, замѣчательны тѣмъ, что производятъ лучшій въ странѣ хлопокъ.

Города сѣвернаго ската Небесныхъ горъ, до долины Урумчи, причисляются, какъ и города южнаго склона, къ Новой линіи. Городъ Баркюль, названный такъ по имени озера (куль), лежащаго нѣсколько сѣвернѣе, въ пониженіи плоскогорья, дополняетъ Хами въ стратегическомъ отношеніи: онъ составляетъ первую военную станцію и первый рынокъ на дорогѣ, которая изъ Хами ведетъ къ чжунгарскимъ равнинамъ; подобно тому, какъ южныя дороги сходятся въ оазисѣ Хами, сѣверныя соединяются въ Баркюлѣ, извѣстномъ у китайцевъ подъ именемъ Чжэнь-си-тинъ: это, какъ означаетъ китайское его названіе, «очень большой городъ», надъ которымъ господствуютъ двѣ крѣпости, окруженные фруктовыми и простыми садами. Одинъ изъ трехъ перевваловъ [1]), посредствомъ которыхъ производится сообщеніе между двумя названными городами (Баркюль и Хами), Кошеты-даванъ пролегаетъ еще на абсолютной высотѣ 2.734 метровъ, то-есть на высотѣ отъ 1.500 до 1.700 метровъ надъ уровнемъ оазисовъ, лежащихъ при основаніи хребта [2]); но эта высота ничтожна въ сравненіи съ высотой проходовъ, которые открываются на западѣ, и путешественники не могли бы обойти на востокѣ крайній передовой выступъ Небесныхъ горъ иначе, какъ забираясь въ самую глубь пустынныхъ областей.

Подобно тому, какъ, около оконечности цѣпи, Баркюль соотвѣтствуетъ Хами, такъ точно Гученъ соотвѣтствуетъ Пи-чжану и Турфану; но въ этомъ мѣстѣ система Тянь-шаня уже раздѣлилась на два параллельные хребта, и выступы горъ слишкомъ высоки и совокупность массива слишкомъ значительна, чтобы возможны были удобныя сообщенія между противоположными скатами. Далѣе на западъ, цѣпи Тянь-шаня сближаются; плоскогорье, на которомъ онѣ стоятъ, съуживается, и равнины, подобно обширному морскому заливу, вдающемуся въ крутой берегъ, врѣзываются далеко во внутренность горной системы, между поднимающимися съ обѣихъ сторонъ склонами, которые издали кажутся черными отъ покрывающаго ихъ густаго лѣса. Въ этомъ-то амфитеатрѣ горъ находится знаменитый городъ Урумчи или Урумци (Умруци, Умрици), по китайски Ди-хуа-чжоу или «Красный храмъ», Хунъ-мяо, основанный уже въ царствованіе династіи Хань: это былъ нѣкогда Бишбалыкъ монголовъ и тюрковъ [3]). Въ разныя эпохи онъ имѣлъ большую важность и, благодаря своему счастливому положенію, скоро оправлялся послѣ каждаго разоренія. Какъ главный городъ тюрковъ-уйгуровъ, онъ служилъ мѣстопребываніемъ ханамъ, которые владѣли на сѣверѣ и на югѣ отъ Небесныхъ горъ обширнымъ царствомъ, носившимъ, какъ и ихъ столица, названіе Бишбалыкъ или «Пятиградья»: это, быть

[1]) Klaproth; — Stanislas Julien; — Humboldt, „Asie centrale“;—Carl Ritter, „Asien“, t. I.—Грумъ-Гржимайло совершенно это отвергаетъ.

[2]) Amyot, „Mémoires, concernant l'histoire de Chine“, t. XIV;—Carl Ritter, „Asien“, t. I.

[1]) „Извѣстія Русск. Географ Общества“, за 1874 г.

[2]) Полковникъ Сосновскій,—Рафайловъ, „Карта сѣверо-западной Монголіи“.

[3]) Г. Грумъ-Гржимайло совершенно отрицаетъ послѣднее мнѣніе.

можетъ, была резиденція одного изъ царей, которыхъ европейскіе лѣтописцы двѣнадцатаго вѣка называли «попомъ Иваномъ». Въ прошломъ столѣтіи Урумчи былъ очень многолюднымъ городомъ и занималъ первое мѣсто между китайскими поселеніями монгольскаго Гань-су. Говорятъ, что онъ имѣлъ тогда около 200.000 жителей; но во время послѣдней междоусобной войны дунгане перебили почти все населеніе, потомъ и сами были перебиты въ свою очередь. Урумчи состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей или кварталовъ: стараго города, населеннаго торговымъ людомъ, на правомъ берегу рѣчки, и новаго или маньчжурскаго города, на лѣвомъ берегу. Несмотря на постигшій его разгромъ, этотъ городъ въ настоящее время ведетъ довольно большую торговлю съ Россіей черезъ Сѣверную дорогу Небесныхъ горъ и черезъ городъ Чугучакъ, и, кромѣ того, имѣетъ непосредственныя торговыя сношенія съ Туркестаномъ и восточнымъ Китаемъ; высота самаго низкаго порога между Урумчи и Турфаномъ, по измѣренію г. Регеля, не превышаетъ 1.200 метровъ [1]). У входа въ этотъ горный проходъ стоятъ два грубо изсѣченные идола, высоко чтимые туземцами. Такъ же, какъ Турфанъ, Урумчи имѣетъ въ окрестностяхъ горячіе сѣрнистые источники; кромѣ того, въ сосѣдствѣ этого города, какъ говорятъ, существуетъ или вулканическая отдушина, или горящая жила каменнаго угля, мѣстность съ подземнымъ огнемъ, извѣстная въ краѣ подъ именемъ «воспламененной равнины». Птицы избѣгаютъ летать надъ этимъ пространствомъ, богатымъ отъ эффлоресценціи лѣтомъ, сѣроватымъ зимой, среди снѣжныхъ равнинъ. Далѣе, въ западномъ направленіи, находится пропасть, близко къ которой не рѣшаются подходить ни животныя, ни люди, и которая носитъ названіе «Пепельной ямы» [2]); Регель, во время своего путешествія въ тѣ края, не имѣлъ возможности посѣтить эти достопримѣчательности природы. На сѣверо-востокѣ отъ города, главная группа горъ Богдо-ола, возвышающаяся около 4.000 метровъ, состоитъ, какъ говорятъ, изъ конусовъ съ кратерами, и дѣйствительно она похожа на массивъ вулкановъ. Д-ръ Пясецкій видѣлъ ее издали, но не могъ свернуть въ сторону отъ своего пути, чтобы изслѣдовать эту группу. На одной изъ высотъ, господствующихъ надъ Урумчи, жители города каждый годъ дѣлаютъ жертвоприношенія святой горѣ [3]). Болѣе подробное современное описаніе этой горной страны извѣстно изъ путешествія братьевъ Грумъ-Гржимайло.

III. Чжунгарія и китайскій Или.

Чжунгарія, какъ извѣстно, составляетъ широко раскрытыя ворота между китайскимъ міромъ и міромъ западнымъ. Бывшій заливъ «Высохшаго моря», загибающійся на сѣверѣ отъ монгольскаго Гань-су, вдается далеко, въ западномъ направленіи, между южными предгорьями Алтая и цѣпями Небесныхъ горъ, затѣмъ развѣтвляется на два рукава, гдѣ текли воды въ геологическія времена, и которые сдѣлались двумя главными историческими путями для переселеній народовъ и торговыхъ сношеній. Восточный корридоръ, составляющій общій входъ этихъ двухъ путей, занятъ въ большой части его протяженія разсѣянными болотами, и это пониженіе, которое еще сохраняетъ немного видъ древняго моря, продолжается двумя долинами: сѣверной, которая направляется на сѣверо-западъ и въ которой извивается рѣка Улюнгуръ, продолжающаяся за озеромъ того же имени, Чернымъ Иртышемъ; и южной, которая идетъ на западъ вдоль основанія горныхъ цѣпей Катунь и Иренъ-хабирганъ, принадлежащихъ къ системѣ Небесныхъ горъ. Сѣверная борозда, гдѣ собираются первыя воды величайшей сибирской рѣки, Иртыша-Оби, представляетъ почти на всемъ своемъ протяженіи очень удобную дорогу, пролегающую по затвердѣлому глиняному грунту степей; самый возвышенный пунктъ, видѣнный тамъ полковникомъ Сосновскимъ, имѣетъ всего только 765 метровъ высоты. Южная же представляетъ гораздо болѣе глубокую рытвину. Дно ея занимаютъ болота, неопредѣленныя, блуждающія рѣчки и двѣ главныя впадины, гдѣ собираются воды, озера Аяръ-норъ и Эби-норъ, продолжаются на русской территоріи, озеромъ Алакуль и другими озерами, прежде соединявшимися съ Балхашемъ. И тамъ также переходъ между двумя скатами, по дорогѣ изъ Лепсинска въ Урумчи, можетъ быть совершаемъ безъ труда; средняя высота положенія обѣихъ равнинъ отъ 200 до 250 метровъ, и порогъ или перевалъ, черезъ который отправляются изъ одной равнины въ другую, между чжунгарской цѣпью Ала-тау и хребтомъ Барлыкъ, представляетъ широкую брешь, страшную только по причинѣ завывающихъ тамъ сильныхъ вѣтровъ. Пространство, отдѣляющее долину Иртыша отъ южной долины, то-есть отъ Тянь-шань-бэй-лу, отчасти занято хребтомъ Джапръ, цѣпью Барлыкъ и восточными предгорьями Тарбагатая и Сауру, возвышающимися надъ степями, какъ полуострова надъ поверхностью океана: впрочемъ это пространство представляетъ еще третій проходъ, менѣе открытый, нежели перевалы, ведущіе съ сѣвера на югъ, но чаще по-

[1]) „Mittheilungen von Petermann“, VI, 1880;—„Изв. Рус. Географ. Общества“, 10 марта 1881 г.

[2]) Клапротъ,—Риттеръ,—Гумбольдтъ.

[3]) „Извѣстія Русскаго Географическаго Общества“, октябрь 1872 г.

сѣщаемый караванами: это тотъ проходъ, въ которомъ находится городъ Чугучакъ.

Названіе Тянь-шань-бэй-лу, то-есть «Сѣверная дорога Небесныхъ горъ», данное въ противоположность имени Тянь-шань-нань-лу, означающему «Южную дорогу Тянь-шаня» или дорогу, идущую на Таримъ, доказываетъ, что китайцы вполнѣ съумѣли оцѣнить важность этого историческаго пути, составляющаго продолженіе того пути, который, по выходѣ изъ Нефритовыхъ воротъ, пересѣкаетъ наискось монгольскій Гань-су до городовъ Хами, Баркюля и Урумчи. Такъ называемая «императорская» дорога, обставленная черезъ извѣстные промежутки крѣпостями и военными поселеніями, перерѣзываетъ страну по направленію отъ востока къ западу и поднимается на треугольное плато, ограниченное съ сѣверной стороны сіеррой чжунгарскаго Ала-тау, съ южной горами Боро-хоро: оттуда остается только спуститься на югъ черезъ перевалъ Талки (1.909 метровъ) или черезъ какой-нибудь другой сосѣдній проходъ, чтобы вступить въ богатую Илійскую или Кульджинскую долину, которая находится уже на западной покатости Азіи и соединяется со всѣми дорогами аралокаспійской низменности. Такимъ образомъ отъ береговъ Чернаго Иртыша до береговъ Или, на пространствѣ шириною около 500 километровъ, полукругъ плоскогорій и горъ, окружающій Китайскую имперію, прерывается въ разныхъ мѣстахъ долинами и порогами, легко доступными: этими-то естественными дорогами былъ, такъ сказать, напередъ начертанъ путь нашествій для гунновъ, уйгуровъ, монголовъ и черезъ эту же область проходили китайцы, чтобы овладѣть единственными округами, которыми они еще обладаютъ на западной покатости Азіи: это, съ одной стороны, верхняя долина Иртыша, съ другой долина Или.

Что касается русскихъ, то они съ первыхъ временъ покоренія Сибири знали, что дорога въ Китай идетъ между Алтаемъ и Небесными горами, такъ какъ они искали въ пониженіи рельефа озеро Китай, имя котораго сдѣлалось для нихъ названіемъ всей Срединной имперіи. Тѣмъ не менѣе это не тотъ путь, которымъ они слѣдовали, чтобы вступить въ торговыя и дружественныя связи со своими южными сосѣдями. Такъ какъ столица имперіи, Пекинъ, лежитъ очень далеко отъ центра Китая, то русскіе должны были сами выбрать, для сношеній съ этимъ государствомъ, дальнюю дорогу, ту, которая проходитъ черезъ холодныя нагорья восточной Монголіи, на высотахъ болѣе 1.200 метровъ, между Кяхтой и Пекиномъ. Но теперь русскіе купцы хорошо понимаютъ, насколько было бы удобнѣе, для ихъ торговаго обмѣна, отправляться прямо изъ западной Сибири въ «Цвѣтущее царство» черезъ Чжунгарію и сѣверный Гань-су. Отъ поста Зайсанъ до Ханькоу, который можно считать истиннымъ центромъ Китая, путешественники не встрѣчаютъ никакихъ препятствій; на протяженіи 4.350 километровъ только 270 километровъ не могутъ быть проѣзжаемы на колесахъ; но и тамъ есть хорошія тропинки, вполнѣ удобныя для прохода вьючныхъ животныхъ. На этой дорогѣ приходится идти черезъ пустыни Гоби только въ продолженіе восьми дневныхъ переходовъ: вездѣ въ другихъ мѣстахъ находишь отъ этапа до этапа осѣдлыя населенія [1]). Отъ Тюмени до Хань-коу черезъ Кяхту разстояніе 7.135 километровъ, то-есть на 3.000 километровъ больше, чѣмъ черезъ долину Чернаго Иртыша и оазисъ Хами, и мы знаемъ изъ разсказовъ путешественниковъ, съ какими трудностями и лишеніями сопровождается переходъ черезъ плоскія возвышенности восточной Монголіи: продолжительность путешествія, исчисляемая всего только въ 140 дней по прямому ближайшему пути черезъ долину Чернаго Иртыша, составляетъ не менѣе 202 дней по отдаленной дорогѣ, которою обыкновенно слѣдуютъ караваны, направляющіеся къ Пекину. Что касается дороги, которою тоже пользуются купцы и которая поднимается вверхъ по долинамъ русскаго Алтая къ пограничнымъ переваламъ и затѣмъ спускается на югъ къ Кобдо и Улясутаю, чтобы обогнуть съ южной стороны основаніе горъ Хангай, то это изъ всѣхъ дорогъ самая трудная и пролегающая по мѣстностямъ наименѣе плодороднымъ и наименѣе населеннымъ, безъ сомнѣнія, и это не тотъ путь, который будетъ выбранъ главнымъ потокомъ международнаго торговаго обмѣна. Вотъ почему Россія придаетъ такъ много важности обладанію подступами къ этой дорогѣ, и при заключеніи трактата объ уступкѣ китайскому правительству Кульджи, занятой ею во время волненій въ пограничныхъ провинціяхъ Китая, выговорила себѣ право пользоваться этимъ путемъ для торговыхъ экспедицій русскихъ подданныхъ; съ другой стороны, Кульджинская территорія врѣзывается клиномъ между сѣверной Чжунгаріей и долиной Тарима, и если бы китайцы не обладали долиной Или, то они не могли бы отправляться прямымъ путемъ изъ чжунгарскихъ степей къ оазисамъ Кашгара и Яркенда и должны бы были дѣлать большой обходъ, на востокъ отъ Тянь-шаня.

Внѣшній Китай, заключающійся между Небесными горами и Алтаемъ, дѣлится естественнымъ образомъ на двѣ области, рѣзко отличающіяся между собой и очень неравныя пространствомъ и цифрой народонаселенія, которыя отдѣлены одна отъ другой хребтомъ Боро-хоро: эти два округа суть Тарбагатай и провинція Или. Вотъ сравнительная величина той и другой:

---

[1]) Полковникъ Сосновскій, „Journal of the Geographical Society of London“, 1877.

	Вѣроятн. пространство.	Вѣроятн. населеніе.
Округъ Тарбагатай . .	1.163 кв. мили.	64.000 жит.
Округъ Или	1.265 „ „	140.000 „

Такъ же, какъ наибольшая часть монгольскихъ равнинъ, степи Чжунгаріи представляютъ однообразныя пространства, состоящія изъ желтыхъ или красноватыхъ глинъ и не имѣющія другой растительности, кромѣ тощаго мелкаго кустарника; только по берегамъ текущихъ водъ тополи и осина колышатъ свою скудную листву надъ камышами. Общее однообразіе страны прерывается живописными или очаровательными мѣстоположеніями только въ сосѣдствѣ высокихъ горъ. Хотя китайскій Алтай имѣетъ вообще очень суровый видъ и хотя крутизны его, обращенныя къ югу, состоятъ по большей части изъ голыхъ и мрачныхъ утесовъ, однако въ нѣкоторыхъ долинахъ южнаго склона существуютъ лѣса, луга, цвѣтущіе скаты, и бѣлыя полосы снѣга образуютъ тамъ и сямъ яркій контрастъ съ рыжеватымъ или сѣрымъ цвѣтомъ скалъ и зеленью лощинъ. На югѣ Чжунгаріи, южныя горныя цѣпи, Катунь, Боро-хоро, Талки, благодаря тому, что отлогости ихъ обращены на сѣверъ, гораздо богаче лѣсами, чѣмъ Алтай: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ склоны горъ сплошь покрыты вѣковыми соснами. Самая живописная мѣстность Чжунгаріи—юго-западный уголъ страны, гдѣ находится низменность или котловина, наполненная водами Сайрамъ-нора. Это озеро не самое значительное въ Чжунгаріи: Эби-норъ, Аяръ-норъ и Улюнгуръ превосходятъ его протяженіемъ, но оно, какъ говорятъ, очень глубоко: оттого монголы дали ему названіе «Большая вода»; китайцы же поэтически называютъ его «озеромъ Большаго спокойствія». Оно открывается какъ огромный кратеръ между лѣсистыми горами, и уровень его лежитъ всего только на какую-нибудь сотню метровъ ниже порога Талки, черезъ который императорская дорога спускается въ Илійскую долину. Полагаютъ, что излишекъ водъ Сайрамъ-нора уходитъ подземнымъ путемъ черезъ переваломъ Талки и образуетъ обильные источники, которые орошаютъ равнины Кульджи [1]). Если это предположеніе вѣрно, мы имѣемъ передъ собой явленіе аналогичное тому, которое представляетъ на другой оконечности Чжунгаріи, большое озеро Улюнгуръ или Кизыль-башъ — то-есть «озеро красноголовыхъ лососей»,—гдѣ подземный истокъ, открытый г. Мирошниченко, уноситъ излишнія воды въ рѣку Кара-Иртышъ [2]).

Извѣстно, что Кульджинская территорія, находившаяся нѣкоторое время во владѣніи Россіи, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ центральной Азіи. Она обнимаетъ всю восточную часть Небесныхъ горъ съ ея большими горными цѣпями, высотою отъ 5.000 до 6.000 и даже до 7.200 метровъ, съ ея долинами, въ которыя изливаются ледяныя рѣки, съ ея обширными плоскогорьями, одѣтыми мягкой муравой, съ ея лѣсами сосенъ и яблонь, съ ея равнинами, гдѣ текучія воды и искусственные оросительные каналы (арыки) даютъ возможность почвѣ производить богатѣйшіе урожаи. Долина Текеса, который нѣкогда былъ озеромъ, долины Кунгеса и Каша довольно рѣдко населены, по причинѣ большой высоты ихъ положенія: почти все населеніе сгруппировалось въ равнинахъ, которыя орошаетъ рѣка Или въ своемъ среднемъ теченіи, прежде чѣмъ вступаетъ въ предѣлы русскихъ владѣній и поворачиваетъ къ сѣверо-западу, чтобы излить свои воды въ озеро Балхашъ.

Чжунгары, то-есть «колѣна лѣвой стороны», перестали существовать, какъ нація, и имя ихъ сохранилось только въ названіи страны, которая нѣкогда была средоточіемъ ихъ могущества. Принадлежа къ монгольской расѣ и къ группѣ элеутовъ или «четырехъ-цвѣтныхъ», они успѣли, послѣдніе между поколѣніями ихъ племени, организовать государство независимое отъ Китая. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, когда уже всѣ другіе монголы были покорены и раздѣлены, чжунгары основали царство, которое въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалось одною изъ самыхъ обширныхъ имперій Азіи. Государь ихъ, какъ говорятъ, командовалъ цѣлымъ милліономъ воиновъ; отъ горъ Хами до озера Балхашъ вся страна была покорена его власти, и Кашгаръ, Яркендъ, даже города западнаго Туркестана платили ему дань; онъ хотѣлъ также распространить свое владычество на Тибетъ, и его арміи, послѣ трехъ послѣдовательныхъ нападеній, успѣли въ 1717 году овладѣть Лассой и священной крѣпостью Потала, резиденціей далай-ламы; только двумъ ламамъ, посланнымъ китайскимъ императоромъ Канъ-си съ порученіемъ составить карту Тибета, съ большимъ трудомъ удалось избѣгнуть участи своихъ собратій, которыхъ побѣдители увезли въ Чжунгарію связанныхъ на верблюдахъ. Внутренніе раздоры и междоусобныя войны не позволили этому монгольскому царству удержаться противъ Китая. Двѣ императорскія арміи были уничтожены чжунгарами; но, въ 1757 году, третья армія достигла успѣха въ дѣлѣ обратнаго завоеванія покоренныхъ чжунгарами земель: вся занятая ими территорія была забрана богдыханомъ Цянь-луномъ, и враждебные монголы, которымъ не удалось спастись бѣгствомъ въ Сибирь или за Небесныя горы, въ западный Туркестанъ, были безпощадно перебиты: около милліона человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, погибли въ этомъ общемъ погромѣ и поголовномъ истребленіи

[1]) Мушкетовъ, „Записки минералогическаго Общества“, 1877 г.

[2]) См. томъ VI Всемірной географіи.

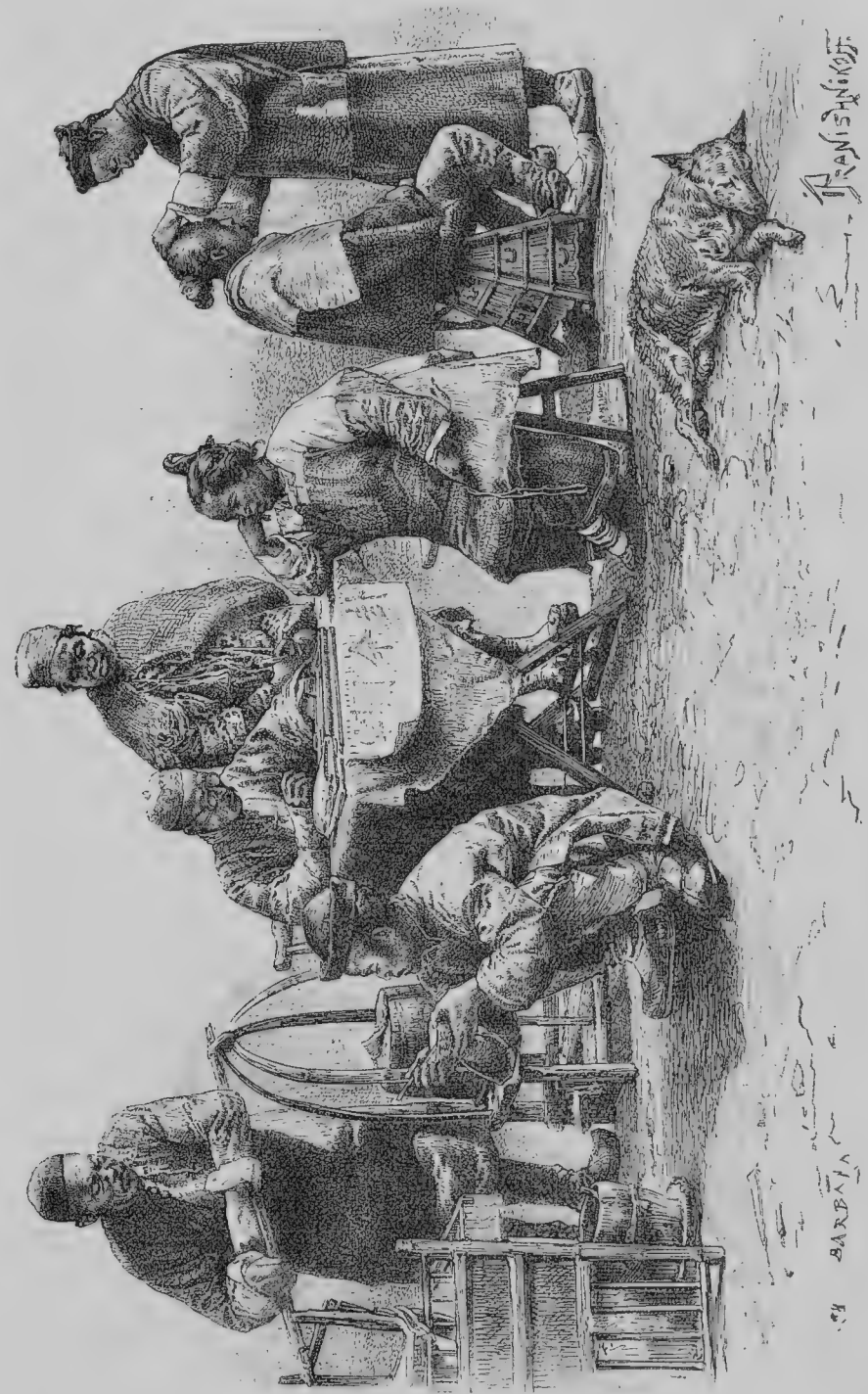
націи. Самое имя послѣдней исчезло, и теперь слѣды чжунгарскихъ семействъ остались только между колѣнами калмыковъ-горцевъ, которые дали имъ у себя убѣжище, и съ которыми бѣглецы быстро смѣшались, благодаря общности языка и религіи. Разрушенные города были замѣнены военными постами и поселеніями преступниковъ, присылаемыхъ изъ всѣхъ частей Китая и Монголіи [1]); кромѣ того, и добровольные переселенцы въ большомъ числѣ стали водворяться въ опустошенныхъ областяхъ. Въ 1771 году калмыки, отрасли тургутовъ, кочевавшіе на приволжскихъ степяхъ луговой стороны, ушли въ привольныя чжунгарскія степи, которыя еще прославлялись народнымъ преданіемъ. Изъ трехъ сотъ тысячъ калмыковъ, ушедшихъ тогда съ западныхъ береговъ Каспійскаго моря, многія тысячи погибли во время труднаго бѣгства, продолжавшагося восемь мѣсяцевъ черезъ рѣку Уралъ, Эмбенскія болота, пустыни Туркестана; но, по разсказамъ китайскихъ писателей, главная масса этого несмѣтнаго полчища переселенцевъ успѣла добраться до степей, разстилающихся у основанія Небесныхъ горъ, Тарбагатая, Алтая, и множество другихъ монголовъ, которыхъ побѣды китайцевъ передъ тѣмъ вытѣснили за предѣлы Срединной имперіи, увлеклись заразительнымъ примѣромъ и присоединились къ возвратному движенію ихъ сосплеменниковъ въ общее отечество предковъ. Такимъ образомъ полмилліона пришельцевъ вновь заселили пространство, простирающееся отъ озера Балхашъ до пустынь Гоби, и китайскій императоръ Цянь-лунъ могъ похвалиться тѣмъ, что сдѣлался повелителемъ всей монгольской націи.

Но различіе расъ и религій и, еще въ гораздо болѣе сильной степени, ненависть, порожденная китайскимъ угнетеніемъ, неминуемо должны были привести, въ концѣ концовъ, къ новымъ кровавымъ столкновеніямъ. Столѣтіе спустя послѣ разрушенія чжунгарскаго царства, земледѣльческое населеніе бассейна рѣки Или поднялось противъ китайскихъ мандариновъ и манчжурскихъ солдатъ. Дунгане, то-есть осѣдлые магометане страны, которые считаютъ себя потомками воиновъ Тамерлана, оставшихся въ краѣ послѣ прохода грознаго завоевателя, и таранчи, — названіе, подъ которымъ обыкновенно понимаютъ всѣхъ колонистовъ, переселившихся сюда изъ притаримскихъ мѣстностей,—одни завязали борьбу. Киргизъ-кайсаки сѣверныхъ степей, кара-киргизы (черные киргизы) или буруты долинъ Тянь-шаня не имѣли надобности принимать участіе въ этомъ столкновеніи, благодаря преимуществамъ своего положенія, которыя давалъ имъ кочевой образъ жизни; но между земледѣльцами равнины и ихъ господами, сидѣвшими въ городахъ, война, сначала веденная съ той и другой стороны съ большой нерѣшительностью, принимала съ каждымъ годомъ все болѣе ожесточенный характеръ и кончилась въ 1865 году всеобщимъ избіеніемъ китайцевъ, маньчжуръ и другихъ военныхъ поселенцевъ, пришедшихъ съ Востока: только молодыя женщины были пощажены, но и то затѣмъ, чтобы сдѣлаться невольницами. Прибытіе русскихъ, которымъ Кульджанскій край былъ временно переданъ китайскими военачальниками, положило конецъ этой рѣзнѣ; но говорятъ, что тогда въ странѣ не оставалось даже десятой части прежняго народонаселенія: изъ двухъ милліоновъ жителей, которые имѣлъ Кульджинскій округъ до возстанія, осталось не болѣе 139.000 человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ дунганъ и таранчей. Только немногимъ китайцамъ и маньчжурамъ такъ же, какъ небольшому числу солоновъ, потомковъ военныхъ поселенцевъ, удалось избѣгнуть насильственной смерти въ Кульджѣ и въ ея окрестностяхъ. Теперь магометанскимъ инсургентамъ нужно, въ свою очередь, опасаться мщенія китайцевъ: оттого, по Петербургскому трактату 1881 года, возвращающему Кульджинскій край Китаю, Россія нашла необходимымъ отвести особую территорію, могущую служить убѣжищемъ для дунганъ и таранчей, которые не пожелаютъ остаться подъ властью китайскаго правительства. Такъ велики естественныя выгоды, которыми пользуется бассейнъ Или въ отношеніи климата, плодородія земли, природныхъ богатствъ, что несмотря на страшныя побоища 1865 года, вся страна все еще гораздо богаче жителями, нежели сѣверная Чжунгарія.

Въ сѣверной Чжунгаріи, то-есть въ бассейнѣ Улюнгура и на берегахъ Чернаго Иртыша, нѣтъ городовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Однако, два поста получили нѣкоторую важность, какъ этапныя мѣста и исходные пункты каравановъ: это Булунъ-тохой, укрѣпленный городокъ, которымъ владѣютъ китайцы, на южномъ берегу озера Улюнгуръ, и Тульта или Тульту, на одномъ притокѣ Чернаго Иртыша, при входѣ въ проломъ между горъ, черезъ который ведетъ дорога, поднимающаяся на плоскогорье Кобдо; русскіе купцы сдѣлали его складочнымъ мѣстомъ для торговаго обмѣна съ Монголіей. Самый дѣятельный рынокъ Тарбагатая—городъ Чугучакъ, стоящій у южнаго основанія хребта Тарбагатай, въ бассейнѣ рѣки Эмиль, впадающей въ озеро Ала-куль. Расположенный на сибирской покатости, всего только въ 20 верстахъ отъ пограничнаго поста Бахты, этотъ городъ предоставляетъ русскимъ негоціантамъ большія выгоды для склада ихъ товаровъ: въ этомъ мѣстѣ они такъ же хорошо защищены отъ вымогательствъ мандариновъ, какъ если бы они были на русской территоріи.

[1]) Mailla, „Mémoires concernant l'histoire des Chinois“;—Клапротъ;—Тимковскій;—Карлъ Риттеръ.

Кромѣ того Чугучакъ находится на дорогѣ, по которой уже около двухъ столѣтій слѣдуютъ караваны яркендцевъ и кашгарцевъ, ведущихъ мѣновую торговлю съ городами Сибири. Эти купцы, извѣстные обыкновенно подъ именемъ



Уличная жизнь въ Цзю-цзянъ-фу

бухарцевъ, какъ приходящіе изъ «Малой Бухаріи», выбрали, чтобы пробраться изъ бассейна Тарима въ бассейнъ Оби, окольную дорогу, которая проходитъ черезъ центральный Тянь-шань, огибаетъ озеро Балхашъ и, переваливъ черезъ хребетъ Тарбагатай, спускается въ долину Иртыша: слѣдуя этимъ путемъ, они избѣгали большихъ западныхъ пустынь, равно какъ нападеній разбойничьихъ киргизскихъ племенъ, и вездѣ находили пастбище для своихъ вьючныхъ животныхъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія русское правительство хотѣло остановить эту торговлю, чтобы обезпечить монополію другимъ путямъ, и отказывало въ проходѣ всѣмъ путешественникамъ, которые изби-

рали дорогу на Тарбагатай; даже смертная казнь была постановляема противъ тѣхъ, кто оказывался виновнымъ въ привозѣ ревеня запрещеннымъ путемъ [1]). Но укоренившіяся привычки, въ концѣ концовъ, пересилили всѣ эти запрещенія, и Чугучакъ опять сдѣлался болѣе, чѣмъ когда-либо, сборнымъ мѣстомъ каравановъ; въ 1854 году онъ отправилъ въ Россію одного чаю на сумму около 1.600.000 руб.; населеніе его въ то время простиралось до 30.000 постоянныхъ жителей. Разоренный возстаніемъ дунганъ, Чугучакъ снова заселяется мало-помалу добровольными колонистами и ссыльно-поселенцами. Городъ, представляющій обширное скопленіе глиняныхъ домиковъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ, изъ которыхъ каждый населенъ отдѣльно эмигрантами различныхъ національностей, китайцами, маньчжурами, монголами, киргизами, таранчами. Отлично орошаемые фруктовые сады окружаютъ со всѣхъ сторонъ Чугучакъ, а въ сосѣдствѣ его разработываются залежи каменнаго угля [2]). Перевалъ Хабарассу, посредствомъ котораго Чугучакъ сообщается съ Семипалатинскомъ, доступенъ колеснымъ экипажамъ и на самомъ порогѣ, на высотѣ 2.874 метровъ, построенъ каравансарай. Къ югу отъ Чугучака, переходъ черезъ рѣку Эмиль и ея прибрежныя болота, близъ русской границы, обороняется укрѣпленіемъ Сарлытамъ.

На западъ отъ Урумчи всѣ города южной Чжунгаріи, Манасъ, Куръ-кара-усу, Шихо и другіе, суть военные посты, населенные ссыльными, какъ большая часть другихъ поселеній, находящихся внѣ Великой стѣны, и въ административномъ отношеніи причислены къ Новой линіи. Все время, пока продолжалась русская оккупація Кульджинской территоріи, эти укрѣпленные пункты имѣли значительные гарнизоны; даже настоящія арміи были сосредоточены между озерами Эби-норъ и Сайрамъ-норъ, чтобы сторожить переходы, черезъ которые Чжунгарія сообщается съ Илійской долиной; теперь колонизація въ собственномъ смыслѣ быстро усиливается въ этомъ краѣ, особенно къ востоку отъ Манаса, окрестности котораго есть одни изъ самыхъ плодородныхъ областей Новой линіи, лежащихъ на сѣверъ отъ Небесныхъ горъ; золотые пріиски, мѣсторожденія ископаемаго угля, соляныя озера и особенно нефтяное озеро, о которомъ говоритъ г. Регель, какъ о бассейнѣ, находящемся по близости города Шихо, обѣщаютъ этимъ колонистамъ будущія промышленныя богатства. На югѣ, перевалъ Талки и многіе другіе проломы горной цѣпи позволяютъ китайцамъ спускаться безъ труда въ равнины Кульджи; тѣмъ не менѣе очевидно, что этотъ край географически принадлежитъ къ другой естественной области, а не къ Монголіи: онъ составляетъ часть аралокаспійскаго бассейна, къ которому онъ широко открывается на западѣ. Съ этой стороны никакое препятствіе не помѣшало бы русскимъ войскамъ снова вступить на территорію дорога, на которую уже знакома имъ.

Извѣстно, что въ бассейнѣ рѣки Или (въ VI томѣ настоящей географіи Илійская провинція была описана, какъ русская территорія, такъ какъ трактатъ объ уступкѣ этого края Китаю въ то время еще не былъ окончательно заключенъ), послѣ недавнихъ опустошеній, уцѣлѣлъ одинъ только важный городъ, Старая Кульджа, называемая также Татарской Кульджей, Нинь-юань-чэнъ и Курень. Это старинный городъ, заключающій около десятка тысячъ жителей въ своей четыреугольной оградѣ, но окруженный обширными предмѣстьями, которыя поясъ полей скрываетъ отъ взоровъ путешественниковъ. Хотя построенная китайцами, Кульджа сохраняетъ внутри видъ города русскаго Туркестана и только какихъ-нибудь два или три зданія напоминаютъ своей архитектурой присутствіе восточныхъ завоевателей; дома, построенные изъ битой земли, покрытые глиняными кровлями, походятъ на жилища узбековъ и сартовъ въ городахъ бассейна Аральскаго моря. При томъ, огромное большинство городского населенія состоитъ изъ магометанъ, и главныя религіозныя зданія—мечети; кромѣ того въ городѣ существуетъ маленькая община китайцевъ-католиковъ, основанная послѣ разрушенія чжунгарскаго царства. Старая Кульджа—промышленный городъ; онъ имѣетъ мельницы, фабрики разнаго печенья, бумажную фабрику, обширные хорошо воздѣланные сады и богатыя поля, которыя, при русскомъ управленіи краемъ, были отчасти утилизируемы для культуры мака. Оффиціально выдѣлка и вывозъ опіума были запрещены до 1878 года; но уже за четыре года ранѣе площадь земель, засѣянныхъ запретнымъ растеніемъ, превосходила 3.000 гектаровъ, и цѣнность опіума, вывозимаго изъ Кульджи въ Китайскую имперію, достигала милліона франковъ [1]). Отъ мѣста сліянія рѣкъ Или и Каша, на пространствѣ сотни верстъ внизъ по теченію, вездѣ увидишь, въ весеннюю пору, красные цвѣты мака, ярко блистающіе рядомъ съ сѣроватыми стѣнами глиняныхъ домиковъ [2]). Въ Кульджѣ живетъ русскій консулъ, и населеніе города еще въ 1888 году=7.000 человѣкъ.

Къ западу отъ Старой Кульджи слѣды недавней опустошительной войны являются во всемъ ихъ ужасѣ. Маленькій городокъ Суйдунъ,

[1]) Шренкъ, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, von Baer und Helmersen“, vol. VII;—Потанинъ, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, I. 1867 г.
[2]) Finsche, „Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876“.

[1]) „Туркестанскія Вѣдомости“, 29 іюля 1880 г.
[2]) Delmar Morgan, „Proceedings of the Geographical Society of London“, march 1881.

населенный дунганами-земледѣльцами, существуетъ еще; но, недалеко оттуда, городъ Баяндай, имѣвшій, какъ говорятъ, 150.000 жителей, теперь представляетъ только развалины, полуразрушенныя стѣны, окруженныя молодыми вязами. Отъ города, который манчжуры основали въ 1764 году, чтобы сдѣлать его столицей края, и который былъ извѣстенъ подъ разными именами: Новой Кульджи, Маньчжурской Кульджи, Или или Хой-юань-чэна, осталась только крѣпость, окруженная грудами мусора и костей. Далѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ другіе разрушенные города, Чинча-хоцзи, Лаоцагунъ, Такіанцзы и еще нѣсколько другихъ; засоренные обломками, оросительные каналы превращаются въ болота. Однако, тамъ и сямъ, между развалинами, выстраиваются уже новые домики. Невозможно, чтобы страна, занимающая такое счастливое географическое положеніе, лежащая въ умѣренномъ поясѣ и защищенная отъ полярныхъ вѣтровъ, страна, столь богатая проточными водами и естественными произведеніями, не пріобрѣла снова значительной важности по своей населенности, своей промышленности и торговлѣ. Провинція Или извѣстна какъ мѣсторожденіе золота, серебра, мѣди, желѣза, свинца, графита; въ ней найдены пласты каменнаго угля, уже эксплоатируемые, и другія, гораздо болѣе обширныя, залежи этого минеральнаго топлива, еще ожидающія разработки; горячіе минеральные источники въ изобиліи бьютъ изъ земли въ ея долинахъ, и ни въ одной области центральной Азіи не увидишь болѣе грандіозныхъ мѣстоположеній, чѣмъ на берегахъ рѣки Кашъ и въ бассейнѣ рѣки Текесъ, у подошвы ледниковъ и горъ, надъ которыми количественно поднимается подъ облака испо-линскій Ханъ-тенгри или «царь-небесъ».

Города округовъ Или и Тарбагатая, суть: Старая Кульджа, въ 1888 г.—7.000 жит.; Суйдунъ—4.000 жит.; Чугучакъ, въ 1888 г.—4.500 жит.; Тульту—1.700 (?).

IV. Сѣверная Монголія и Гоби.

Эта обширная область, по которой кочуютъ монголы, одна почти равняется протяженіемъ Китаю въ собственномъ смыслѣ. Если прибавить къ ней Чжунгарію, равнины Монгольскаго Гань-су и бассейнъ Тарима съ пустыней Такламаканъ, то оказывается, что она занимаетъ половину имперіи. Между этими двумя частями громадной территоріи, принадлежащей «Сыну Неба», контрастъ полный: мало найдется странъ на земномъ шарѣ, между которыми существовали бы болѣе рѣзкія различія въ отношеніи климата, свойства почвы, образа жизни обитателей. Собственно Китай есть одна изъ странъ міра, наилучше обработанныхъ, самыхъ промышленныхъ и самыхъ богатыхъ, одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ населенія скучены въ наибольшемъ числѣ. Напротивъ, Монголія сѣверная, такъ называемая «внѣшняя», есть одно изъ наименѣе населенныхъ пространствъ нашей планеты, и даже отдѣлена отъ Китая на обширныхъ протяженіяхъ, землями совершенно пустынными.

	Пространство кв. геогр. миль.	Населеніе.	На 1 кв. милю.
Монголія внѣшняя или сѣв. (Халха). Монголія внутренняя или южная (Кобдо, Ала-шань и Ордосъ)	50.234,59	3.000.000	59 чел

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, и особенно на юго-востокѣ, колонизація связала этотъ край съ Китаемъ и сдѣлала изъ него «внутреннюю Монголію», несравненно гуще населенную, чѣмъ Монголія въ собственномъ смыслѣ, называемая китайцами Цао-ди или «Травяной землей». Такимъ способомъ образовался промежуточный поясъ, который не принадлежитъ болѣе къ Монголіи съ этнографической точки зрѣнія, но который, геологически и физически, составляетъ еще часть ея, такъ какъ онъ обнимаетъ скалистыя покатости, образующія цоколь плоскогорья. Естественная граница степи ясно обозначена окраиной изъ гранитныхъ скалъ, по которымъ лавы разлились громадной площадью, представляющей слегка волнообразную поверхность; но эта окраина была въ разныхъ мѣстахъ прорыта водами; даже лавы были размыты горными потоками, временными или постоянными, которые спускаются къ рѣкамъ, несущимъ свои воды въ Тихій океанъ. Такимъ образомъ плоская возвышенность была изрѣзана по краямъ наружными выемками или долинами, въ которыя легко проникли китайскіе земледѣльцы. Настоящая внутренняя Монголія начинается только въ той области нагорья, гдѣ снѣговыя и дождевыя воды, не находя болѣе истока черезъ окраину, должны застаиваться въ видѣ лужъ или продолжать путь въ видѣ ручьевъ, скоро испаряющихся [1]).

Если китайское правительство воздвигло непрерывный валъ между Монголіей и Срединной имперіей, то оно въ этомъ случаѣ только построило видимую границу между двумя естественными областями, которыя уже были раздѣлены самой природой. Различнымъ условіямъ климата и почвы соотвѣтствуютъ различія и между населеніями: географическій контрастъ дополняется контрастомъ этнологическимъ. Это составляетъ капитальный фактъ въ исторіи китайскаго міра, и мы знаемъ, что онъ имѣлъ также значительное вліяніе на судьбы самой Европы. Слѣдствія происходившей въ этой ча-

[1]) F. v. Richthofen, „Letter on the provinces of China, Shansi,... with notes on Mongolia“.

сти Азіи борьбы отразились черезъ весь континентъ Стараго Свѣта до оконечности запада мирными переселеніями и вооруженными нашествіями народовъ.

Какъ бы ни была велика важность неровностей въ устройствѣ поверхности, можно сказать, что Монголія и Гоби, какъ естественныя области, менѣе отдѣлены отъ Китая рельефомъ почвы, нежели климатическими условіями. На сѣверѣ, какъ и на югѣ отъ Великой стѣны, мы видимъ равнины и долины, плоскогорья и горныя цѣпи, проточныя воды и озера; даже одна большая рѣка, Хуанъ-хэ (Гоанъ-го) принадлежитъ въ одно и то же время и Монголіи и Китаю: въ среднемъ своемъ теченіи она направляется къ сѣверу, описывая большую дугу, и отдѣляетъ территорію ордосовъ отъ остальной Монголіи. Тѣмъ не менѣе можно представлять себѣ въ общихъ чертахъ Монголію и Гоби, какъ обширную плоскую возвышенность, слегка изрытую въ средней ея части и поднимающуюся постепенно отъ юго-запада къ сѣверо-востоку: средняя абсолютная высота этого плоскогорья, составляющая около 800 метровъ на западной окраинѣ, превышаетъ 1.200 метровъ въ восточной части. Цѣпи и массивы горъ ограничиваютъ Монголію на большомъ протяженіи ея окружности: на сѣверо-западѣ Алтайскія и Саянскія горы, на сѣверѣ группа Мунку-сардыкъ, Байкальскія горы, хребетъ Кэнтэй; на востокѣ краевой хребетъ Хингана; на юго-востокѣ гряды горъ, которыя господствуютъ надъ Пекинской равниной, затѣмъ горы, которыя перерѣзываетъ Желтая рѣка; наконецъ на югѣ горные хребты, которые соединяются съ вершинами Нань-шаня и, черезъ эту цѣпь, съ системой Куэнь-луня. Только на западѣ Монголія сравнительно открыта къ чжунгарскимъ проходамъ и къ замкнутому бассейну Тарима.

Алтай открываетъ свои очаровательнѣйшія долины и свои живописнѣйшія ущелья не со стороны Монголіи. На южной покатости склоны имѣютъ меньшую относительную высоту по причинѣ значительнаго возвышенія равнинъ, разстилающихся у ихъ основанія; граница постоянныхъ снѣговъ лежитъ выше, и кромѣ какъ на западѣ, въ странѣ Кобдо, немногія изъ горныхъ вершинъ достигаютъ высоты, которая около 2.600 метровъ по Мирошниченко, 2.730 метровъ по Сосновскому; вѣтры приносятъ сюда только сухой воздухъ изъ степей и пустыни. Въ этой центральной области Азіи самыя влажныя атмосферныя теченія это тѣ, которыя приходятъ съ ближайшаго моря, то-есть съ Ледовитаго океана: только сѣверо-восточные вѣтры приносятъ съ собой дожди и даютъ зелень, но эти вѣтры доходятъ только до сѣверной покатости Алтая, южные же скаты его остаются безъ растительности. Во многихъ мѣстахъ контрастъ полный съ той и другой стороны хребта: на сѣверѣ густые лѣса; на югѣ кое-гдѣ мелкій кустарникъ.

Два главные хребта, которые отдѣляются отъ системы Алтая на монгольскую территорію, Эктагъ-алтай и Танну-ула. Эктагъ-алтай, который иногда называютъ «Большимъ алтаемъ», есть горная цѣпь, простирающаяся по направленію отъ сѣверо-запада на юго-востокъ, параллельно теченію Чернаго Иртыша и Улюнгура. Нѣкоторыя изъ его вершинъ поднимаются за предѣлъ вѣчнаго снѣга,—откуда и произошло это названіе Эктагъ, то же самое, какъ имя Акъ-тагъ или «Бѣлыя горы» на другихъ тюркскихъ діалектахъ;—но между вершинами открываются довольно глубокіе проходы, черезъ которые караваны русскихъ купцовъ съ береговъ Иртыша безъ труда переходятъ черезъ эту цѣпь горъ, чтобы выдти на плоскогорье Кобдо [1]. Прежде русскіе изслѣдователи представляли Алтайскую цѣпь, какъ оканчивающуюся въ пустынѣ, на сѣверѣ отъ истоковъ Иртыша; но путешествія г. Потанина доказали, что это не такъ: хребетъ Эктагъ-алтай продолжается на юго-востокъ, далеко за меридіанъ Кобдо, затѣмъ, поворачивая въ восточномъ направленіи подъ именемъ Алтай-нуру, раздѣляется на нѣсколько хребтовъ и ограничиваетъ съ южной стороны область плоскогорій. Нѣкоторыя вершины поднимаются до высоты 3.000 метровъ въ этой цѣпи, самое существованіе которой еще недавно было неизвѣстно европейскимъ географамъ; перевалъ Уланъ-даба, черезъ который пролегаетъ дорога изъ Кобдо въ Баркуль, имѣетъ не менѣе 2.820 метровъ абсолютной высоты [2]. На Востокъ отъ Эктагъ-алтая другія горныя цѣпи, на-половину врѣзывающіяся въ толщу плоскогорья, тянутся параллельно Эктагу и Танну-ула, то-есть по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, но образуя многочисленные неправильные массивы, перерѣзанные во всѣхъ направленіяхъ оврагами, размытыми водой. Въ этой именно области находится, по свидѣтельству путешественниковъ, самый высокій хребетъ системы Алтая: Ней Эліасъ перешелъ его, по дорогѣ изъ Кобдо въ Бійскъ, на перевалѣ Баянъ-ингиръ, абсолютная высота котораго 2.713 метровъ. Одна снѣговая вершина, которая высится на сѣверѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ этого прохода, показалась ему достигающей 3.600 метровъ, слѣдовательно, она на 250 метровъ выше горы Бѣлухи, этого исполина русскаго Алтая [3]. По словамъ г. Пѣвцова, высочайшая вершина этой области, можетъ быть та, самая, о которой говоритъ Ней Эліасъ,—носитъ названіе Алтынъ-цицикъ [4].

[1]) Полковникъ Сосновскій, „Извѣстія Имп. Русскаго Географич. Общества“, за 1876 г.

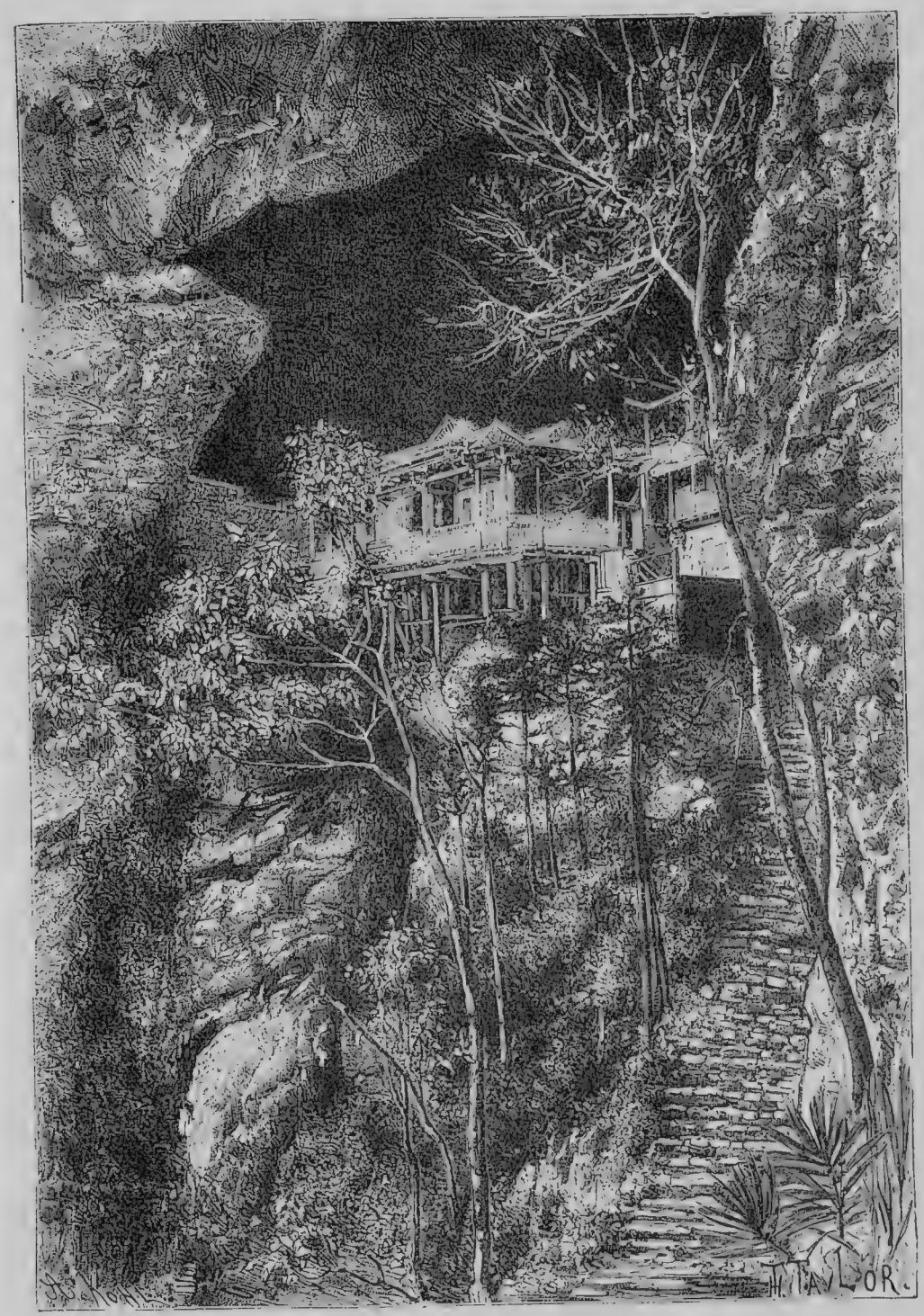
[2]) „Mittheilungen von Petermann“, май, 1881 г.

[3]) „Journal of the Geographical Society of London“, 1873 г.

[4]) „Туркестанскія Вѣдомости“, 8 апрѣля 1880 г.

Восточная цѣпь плоскогорья Кобдо, Танну-ула, продолжается на большое разстояніе къ востоку отъ Алтая, до истоковъ различныхъ

но во многихъ мѣстахъ хребетъ имѣетъ весьма незначительную высоту надъ долинами и плоскогорьями обоихъ его склоновъ. Особенно съ



Буддистскій монастырь близъ Фу-чжоу-фу.

рѣчекъ, которыя своимъ соединеніемъ образуютъ рѣку Селенгу. По свидѣтельству г. Пѣвцова, верхушки цѣпи Танну-ула также переходятъ за нижній предѣлъ постоянныхъ снѣговъ;

западной стороны эти горы кажутся незначительнымъ хребтомъ по причинѣ общаго возвышенія страны, которую гряды высотъ дѣлятъ на отдѣльные бассейны. На югѣ, плоскогорье,

въ отношеніи котораго Танну-ула составляетъ краевую цѣпь, имѣетъ среднюю ширину болѣе 200 километровъ и оканчивается на южной окраинѣ другой цѣпью, называемой Хангай, вдоль южнаго основанія которой проходили гг. Пѣвцовъ, Шишмаревъ, Ней Эліасъ. Снѣговыя вершины высотою до 3.000 метровъ поднимаются на этомъ хребтѣ надъ лѣсистыми скатами, гдѣ бьютъ изъ земли обильные источники. Между цѣпями Хангай и Алтай-нуру залегаютъ степи, имѣющія отъ 1.500 до 1.800 метровъ средней абсолютной высоты и перерѣзанныя тамъ и сямъ оврагами.

Всѣ лощины и низины плоскогорья, заключающагося въ обширномъ четыреугольникѣ монгольскаго Алтая, заняты озерными бассейнами. Одинъ изъ этихъ резервуаровъ безъ истеченія, недалеко отъ горнаго узла, гдѣ хребетъ Танну-ула отдѣляется отъ Алтайскихъ горъ, представляетъ обширную впадину, наполненную солеными водами Убса-нора, одного изъ величайшихъ озеръ Китайской имперіи: это бассейнъ пространствомъ по меньшей мѣрѣ въ 3.000 квадратныхъ километровъ, гдѣ собираются воды съ обширнаго амфитеатра горъ. Другія озера плоскогорья, тоже соляныя по причинѣ недостатка истоковъ, менѣе обширны, нежели Убса-норъ; но главныя между ними принадлежатъ въ гидрографической системѣ болѣе значительныхъ размѣровъ. Одна рѣка, получающая начало на южныхъ скатахъ цѣпи Танну-ула, съ другой стороны хребта, откуда изливаются первые ручьи, образующіе Селенгу, течетъ въ началѣ на юго-западъ, какъ-бы для того, чтобы направиться въ пустыню, затѣмъ она огибаетъ на сѣверо-западѣ гористое плоскогорье Улясутай и, соединившись съ горными потоками, спускающимися съ этого плато, теряется, наконецъ, подъ именемъ Дзанхынъ, въ соляныхъ озерахъ на югѣ отъ горъ, ограничивающихъ бассейнъ Убса-нора. Озеро Кобдо или Кара-усу, т. е. «Черная вода», которое получаетъ воды съ хребта Эктагъ-алтай черезъ рѣку Кобдо и черезъ Буянту, принадлежитъ къ тому же бассейну посредствомъ истока, который соединяется съ рѣкой Дзанхынъ. На высотѣ болѣе 1.000 метровъ, можетъ быть, на высотѣ 1.100 метровъ, находится Киргизъ-норъ (Киргизское озеро), самая низкая впадина плоскогорья Кобдо: озеро Кара-усу лежитъ на высотѣ 1.256 метровъ. На этой высотѣ, по берегамъ текучихъ водъ, еще ростутъ тополи и осины; но въ другихъ мѣстахъ деревья рѣдки: растительность этихъ гористыхъ областей походитъ на растительность степей, и соляныя вывѣтриванія бѣлѣютъ въ лощинахъ и оврагахъ. Однако, на нѣкоторыхъ, хорошо орошаемыхъ, мѣстахъ склоновъ почва покрыта прекраснымъ дерномъ.

Къ востоку отъ цѣпи Танну-ула монгольская территорія выдвигается далеко на покатость Ледовитаго океана. Верхніе бассейны Енисея и Селенги, хотя изливающіе свои воды въ сибирскія рѣки, принадлежатъ, однако, къ Монголіи. Кочующіе скотоводы «Земли травъ», естественно, старались распространить свое владѣніе насколько возможно было далѣе во всей области пастбищъ. На югѣ ихъ естественная граница—пустыня; на сѣверѣ—лѣса; весь промежуточный поясъ, въ какую бы сторону ни направлялось теченіе рѣкъ, представляетъ травяную степь, по которой они кочуютъ со своими стадами. Впрочемъ, этотъ предѣлъ пастбищъ и лѣсовъ, составляющій естественный рубежъ Монголіи, почти вездѣ совпадаетъ съ горными хребтами. Въ бассейнѣ Енисея Монголію отдѣляютъ отъ русской территоріи Саянскія горы, а самое названіе «тайга», то-есть «лѣсъ», которое даютъ ихъ главному хребту, Эргикъ-таргакъ, свидѣтельствуютъ о контрастѣ, который представляютъ его лѣсистые склоны съ луговыми пространствами монгольскаго склона. Однако и эти послѣднія не совсѣмъ лишены древесной растительности; сибирскіе кедры и лиственницы растутъ тамъ и сямъ группами на отлогостяхъ горъ, тогда какъ берега ручьевъ окаймлены ивами и тополями. Нѣкоторый переходъ замѣчается въ этой области между монгольской природой и сибирской; но извѣстно, что различныя долины «кемъ» или рѣкъ, образующихъ Енисей, всѣ сходятся къ узкимъ воротамъ Саянскаго хребта, черезъ которыя эта рѣка проникаетъ въ область горъ, гдѣ извивается въ поперечныхъ долинахъ, переходя изъ ущелья въ ущелье, до тѣхъ поръ, пока теченіе ея не вступитъ въ открытыя равнины Сибири. Этотъ рядъ узкихъ проходовъ и обозначаетъ истинную границу.

Енисейская Монголія, въ цѣломъ наклонная, заключаетъ лишь небольшіе озерные бассейны; но на востокѣ верхній бассейнъ Селенги имѣетъ гораздо меньшій уклонъ, и потому воды тамъ скопляются въ видѣ озеръ. Самое обширное изъ нихъ — Косоголъ, священное озеро, отражающее въ своихъ лазурныхъ водахъ пирамидальную вершину Мунку-сардыка съ ея лиственничными лѣсами, красноватыми кручами и ледяной діадемой. Косоголъ не замкнутый бассейнъ, какъ озера плоскогорья Кобдо; вода въ немъ прѣсная и вытекаетъ потокомъ Эгинъ-голъ, который далѣе сливается, въ руслѣ Селенги, съ водами, спускающимися съ горъ сотней ручьевъ и рѣчекъ; этотъ бассейнъ обнимаетъ всю территорію, которая простирается, въ видѣ полукруга, отъ южной оконечности цѣпи Танну-ула до массива Кэнтэй, конечной группы хребта, которому русскіе дали названіе «Яблоноваго». Еще далѣе на востокѣ, сѣверо-восточная Монголія можетъ быть разсматриваема какъ принадлежащая къ бассейну Амура: рѣка Кэрулэнъ, параллельная Онону, впадаетъ во внутреннее море или озеро Далай-

норъ, соединенное съ Хайларомъ; а эта рѣка есть, если не истокъ, то одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Аргуни, главной вѣтви Амура; во время высокихъ весеннихъ разливовъ теченіе Хайлара гонитъ воды обратно въ Далайноръ, и тогда низменные берега послѣдняго затопляются на далекое пространство.

На югъ отъ этой области Монголіи, покатость которой наклонена къ русской территоріи, простирается пустынный поясъ Гоби, пересѣкаемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ караванными дорогами, но нигдѣ не обитаемый постояннымъ образомъ. Гоби или «Песчаная пустыня», у китайцевъ извѣстная подъ именемъ Шамо, составляетъ восточную оконечность пояса сухихъ земель, который тянется наискось черезъ весь Старый Свѣтъ, отъ горъ Хинганъ до африканской рѣки Сенегалъ. Какъ пустыня Такла-маканъ въ провинціи Хотанъ, какъ пески Кизыль-кумъ и Акъ-кумъ въ Туркестанѣ, какъ пустыни Персіи, Сиріи, Аравіи, наконецъ, какъ громадная Сахара, Гоби находится на пути сухихъ вѣтровъ; и обратные воздушные потоки приносятъ ему весьма незначительное количество дождевой воды. Годовое паденіе дождя на сѣверѣ и на югѣ отъ Гоби: въ Ургѣ (47° 55′ с. ш.) 239 миллиметровъ, въ Си-вань-цзы (40° 50′ с. ш.) 461 миллиметръ. Зимой господствующее атмосферное теченіе—сѣверо-западное, но этотъ вѣтеръ, который, послѣ того какъ онъ пронесся уже надъ ледяной поверхностью полярнаго океана, проходитъ еще надъ сибирскими тундрами и равнинами, на пространствѣ около 3.000 верстъ, и ударяется о скаты Саянскихъ горъ, не можетъ приносить никакой влажности на монгольскія плоскогорья: это вѣтеръ леденящій и изсушающій, отъ котораго трескается кожа у путешественниковъ, такъ что они принуждены защищать себѣ лицо войлочными масками [1]). Лѣтомъ вѣтеръ перемѣняется, воздушное теченіе принимаетъ противоположное направленіе: юго-восточный муссонъ беретъ тогда перевѣсъ; но почти всѣ дождевыя облака, которыя онъ приноситъ съ Тихаго океана, сгущаются въ водяныя капли и падаютъ на землю на склонахъ горъ и параллельныхъ террасахъ, отдѣляющихъ собственный Китай отъ пустынныхъ плоскогорій. Однако, лѣтомъ иногда настоящіе ливни разражаются и надъ восточнымъ Гоби и въ глинистыхъ областяхъ нагорья; они образуютъ тамъ и сямъ лужи и временныя озера, которыя скоро испаряются, оставляя послѣ себя только слой соленой пыли. Въ другихъ мѣстахъ почва изрыта эфемерными дождевыми потоками, и въ этихъ-то промоинахъ монголы копаютъ колодцы, въ надеждѣ найти тамъ немного воды, просочившейся въ землю, когда на плато почва утратила всякій слѣдъ влажности. Но ни одна постоянная рѣка не могла образоваться къ югу отъ Толы и Кэрулэна до Хуанъ-хэ, между хребтомъ Хинганъ и монгольскимъ Гань-су, на пространствѣ, которое можно исчислять слишкомъ въ 1.200.000 квадратныхъ километровъ, то-есть болѣе, чѣмъ въ два раза превосходящемъ поверхность Франціи. Быстрота испаренія на плоскогорьяхъ Гоби объясняется силой и сухостью зимнихъ вѣтровъ и высокой температурой лѣта: по своимъ холодамъ Гоби принадлежитъ къ Сибири, а по своимъ жарамъ она походитъ на Индію, и эти крайности температуры, рѣзкіе переходы отъ зноя къ морозу, происходятъ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; промежутка въ половину сутокъ достаточно для того, чтобы термометръ поднялся или понизился на 40 градусовъ Цельсія. Такъ, Пржевальскій наблюдалъ, 16-го марта, въ горахъ юго-восточной части Монголіи, температуру +20°,5 (въ тѣни), за которой слѣдовалъ ночью морозъ, доходившій до 18 градусовъ ниже точки замерзанія. Вотъ числа, приводимыя этимъ путешественникомъ [1]) для наибольшей и наименьшей температуры трехъ весеннихъ мѣсяцевъ:

		Высшая температура.	Низшая температура.	Разность.
Годъ 1872.	Мартъ	22°	—20°,5	42°,5
„ „	Апрѣль	21°	—16°	37°
„ „	Май	40°	— 2°	42°

Еще гораздо большую разность представляютъ крайности тепла и холода за цѣлый годъ, какъ показываютъ слѣдующіе результаты наблюденій:

Мѣсто наблюденія.	Средняя годовая.	За іюль.	За январь.	Высшая жара.	Высшій холодъ.	Разность.
Урга	—2,9	+17,6	—27.8	34	—48,2	82,2
Си-вань-цзы.	+2,8	+19,5	—16,7	32,8	—31,1	63,9
Улясутай ...	—0,2	+19,2	—24,2	33,1	—47,3	80,4

Чрезвычайно суровые холода монгольскихъ зимъ, тѣмъ болѣе жестокіе для путешественниковъ, что они сопровождаются страшнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, объясняютъ ошибку прежнихъ географовъ, которые приписывали плоскогорью Гоби абсолютную высоту, по крайней мѣрѣ, вдвое большую дѣйствительной его высоты. Эти земли не поднимаются, какъ полагали прежде, на 2.500 метровъ надъ уровнемъ океана; Фуссъ и Бунге, въ 1832 году, и впослѣдствіи Фритше, Пржевальскій, Ней Эліасъ нашли для Гоби среднюю высоту, не превышающую 1.200 метровъ; но поверхность почвы на этой огромной возвышенности не

[1]) Рафаэль Помпелли;—Потанинъ;—Россель-Риллугъ.

[1]) „Монголія и страна тангутовъ“, ч. 2.

вездѣ ровная, ни даже правильно покатая: она представляетъ обширныя волнообразныя повышенія и пониженія; въ то время, какъ самыя высокія верхушки широкихъ хребтовъ достигаютъ 1.400 или 1.500 метровъ, самыя глубокія впадины, тѣ, гдѣ еще въ недавнюю геологическую эпоху скоплялись соляныя воды, не превышаютъ 900 или даже 800 метровъ въ отношеніи морскаго уровня. Пригорки и скалы показываются тамъ и сямъ, среди желтоватаго пространства, гдѣ извиваются бѣловатыя излучины караванной дороги; но эти незначительныя неровности почвы нисколько не измѣняютъ однообразія пейзажа; онѣ только отнимаютъ у него тотъ характеръ грандіозности, который имѣютъ всѣ гладкія равнины, сливающія вдали свой необозримый кругъ съ синеватой дымкой горизонта. Странствуя по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ черезъ пустынныя пространства Гоби, вездѣ встрѣчаешь тѣ же картины, голую землю, мелкій кустарникъ, овраги и гряды горокъ, слѣдующія одна за другой, какъ волны на безбрежной поверхности моря.

Гоби или Шамо не вполнѣ заслуживаетъ данное ему имя: это не «песчаная пустыня» въ строгомъ смыслѣ слова; только тамъ и сямъ, въ самыхъ глубокихъ впадинахъ, тянутся песчаныя полосы ша-хэ или «песчаныя рѣки», какъ назвалъ ихъ буддійскій монахъ Фагіанъ (Fahian), жившій въ концѣ четвертаго столѣтія [1]). Коегдѣ, въ этихъ низменныхъ мѣстностяхъ прогуливаются песчаные бугры; но въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются также горки этого рода, прежде подвижныя, которыя были постепенно прикрѣплены растительностью травъ и кустарника: таковы безчисленныя дюны, слѣдующія одна за другой непрерывнымъ рядомъ близъ восточной закраины Гоби, въ сосѣдствѣ города Долонъ-норъ, и изъ которыхъ иныя обросли даже большими деревьями, дубами, липами, березами. Почва Гоби въ собственномъ смыслѣ состоитъ почти вездѣ изъ красноватаго гравія, усѣяннаго кварцевыми камешками, агатами, сердоликами, халцедонами [2]). Солончаки показываются въ лощинахъ, мѣстами попадаются также селитряные налеты, называемые монголами гунжиръ и хорошо извѣстные верблюдамъ, которые останавливаются въ такихъ мѣстахъ и съ жадностью лижутъ кристаллы селитры [2]). Трава рѣдка въ степи, и почти вездѣ видна голая, желтая, сѣрая или красноватая почва между пучками растеній. На глинистомъ грунтѣ ростетъ lasiagrostis splendens или, какъ его называютъ монголы, дирису, тотъ самый злакъ, съ твердыми, какъ желѣзная проволока, стеблями, который также является главнымъ представителемъ растительности въ глинистыхъ степяхъ русскаго Туркестана. Деревьевъ и большихъ кустарниковъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, кромѣ какъ въ нѣкоторыхъ, хорошо защищенныхъ, лощинахъ. Отъ Калгана до Урги, т. е. отъ одной оконечности пустыни до другой, на пространствѣ болѣе 700 километровъ, Помпелли видѣлъ только кривыя, чахлыя деревца; Россель-Киллугъ насчиталъ ихъ всего пять. Въ другихъ мѣстахъ ростутъ также маленькія кучки жалкихъ вязовъ, на которые монголы-кочевники приходятъ посмотрѣть вблизи, какъ на диво, прежде даже, чѣмъ водрузятъ свои палатки, но до которыхъ они не дотрогиваются изъ опасенія осквернить ихъ своимъ прикосновеніемъ [1]). Вѣтеръ еще болѣе, чѣмъ природное безплодіе почвы, препятствуетъ произрастанію другихъ видовъ, кромѣ низкой и гибкой травы: онъ вырываетъ съ корнемъ изсушенныя растенія и катаетъ ихъ по степи, какъ хлопья пѣны по поверхности моря. Въ этихъ странахъ, какъ на плоскогорьяхъ Тибета, номады не имѣютъ другаго топлива, кромѣ кала животныхъ. Когда обитатели стойбища увидятъ пришедшаго къ нимъ какого-нибудь знакомаго или даже чужаго человѣка, они, первымъ дѣломъ, посылаютъ къ нему женщину съ вязанкой кала (аргалъ), чтобы онъ могъ развести вечерній огонь: такъ требуютъ правила гостепріимства [2]).

Фауна Гоби такъ же бѣдна, какъ и его флора. Подобно тому, какъ въ Сибири, здѣсь встрѣтишь во многихъ мѣстахъ степи норки пищухи (lagomys) или маленькаго зайца, животнаго величиной съ крысу, всегда любопытнаго, всегда пугливаго, который выбѣгаетъ къ отверстію своей подземной галлереи, чтобы посмотрѣть на проходящихъ путниковъ и быстро прячется въ норку при ихъ приближеніи: жизнь этого звѣрка, угрожаемая волками, лисицами и хищными птицами, проходитъ въ постоянной тревогѣ. Самое крупное млекопитающее пустыни Гоби—дзэрэнъ или антилопа gutturosa, которая, можетъ быть, не имѣетъ себѣ равныхъ по быстротѣ бѣга; даже смертельно раненый и съ одной переломленной ногой, дзэрэнъ можетъ превзойти въ скорости лучшую лошадь; приблизиться къ нему можно не иначе, какъ хитростью; пуля охотника только тогда поразитъ животное, если попадетъ въ сердце, въ голову или спинной хребетъ. Стада антилопъ по большей части состоятъ изъ тридцати до сорока головъ; но иногда попадаются банды въ нѣсколько сотъ и даже до тысячи недѣлимыхъ. Изъ другихъ видовъ антилопы слѣдуетъ упомянуть антилопу—хара-сульта, которая иногда ходитъ вмѣстѣ съ дзэрэнами, а также горнаго барана или аргали, встрѣчающагося среди горныхъ хребтовъ. Весьма мно-

[1]) Humboldt, „Asie centrale".

[2]) Raph. Pompelly, „China, Mongolia and Japan"; — Пржевальскій; — Russel Killough.

[3]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ".

[1]) Іакинфъ Бичуринъ; — Рихтгофенъ.

[2]) Тимковскій; — Мичи; — Пржевальскій; — Россель-Киллугъ.

го въ странѣ волковъ, лисицъ и другихъ болѣе мелкихъ животныхъ. Вообще говоря, для всей Монголіи Пржевальскій указываетъ 67 различныхъ млекопитающихся. Между птицами Гоби

Погребальныя урны близъ Амоя.

самыя обыкновенныя — коршуны, которые слѣдуютъ за караванами въ надеждѣ чѣмъ-нибудь поживиться, и вороны, которые не боятся садиться даже на горбы верблюдовъ и проклевываютъ ихъ до крови. Надъ травянистыми степями порхаютъ особые монгольскіе большіе жаворонки, такъ же звонко распѣвающіе, какъ и ихъ европейскіе родичи, кромѣ того, очень искусно подражающіе голосу другихъ птицъ и даже умѣющіе варьировать свои пѣсни. На берегахъ лужъ и озеръ гнѣздятся въ несмѣтномъ множествѣ, среди густыхъ камышей, утки, но онѣ не могутъ проводить тамъ суровую зиму и осенью улетаютъ въ болѣе

теплые края, къ южному Китаю; съ наступленіемъ весны можно наблюдать, какъ эти нетерпѣливыя птицы поднимаются большими стаями, чтобы попытать перелетъ черезъ нагорье: отброшенныя холоднымъ вѣтромъ, онѣ спускаются назадъ въ нижнія равнины, гдѣ къ нимъ постепенно присоединяются новые эмигранты съ юга, прибывающіе все въ большемъ и большемъ числѣ; затѣмъ, когда окончательно установится теплая погода, весь этотъ чающій движенія пернатый людъ разомъ поднимается, застилая, словно тучей, небо, и направляетъ путь къ родимымъ водамъ. Орнитологическую фауну Монголіи Пржевальскій опредѣляетъ въ составѣ 291 вида, изъ коихъ постоянно живущихъ птицъ только 63, гнѣздящихся—142 и пролетныхъ — 86. Среди первыхъ самыя характерныя: воронъ, сойка, мохноногій сычъ, ушастый жаворонокъ, бальдурукъ и монгольскій жаворонокъ.

На востокѣ плоскогорье Гоби ограничено высотами, которыя еще и до сихъ поръ не были вполнѣ изслѣдованы на обоихъ ихъ скатахъ, но о которыхъ извѣстно, что онѣ образуютъ длинную краевую цѣпь надъ равнинами Маньчжуріи и надъ нижней террасой степей, которую называютъ Восточнымъ Гоби или Малымъ Гоби. Эта цѣпь есть Хинганъ (Большой Хинганскій хребетъ), который продолжается на сѣверъ отъ Аргуни и который заставляетъ эту рѣку, затѣмъ Амуръ, уклониться далеко отъ первоначальнаго направленія, къ грядамъ высотъ, параллельныхъ Становому хребту. По словамъ г. Фритше, ни одна изъ горъ этой цѣпи не превышаетъ 2.500 метровъ и не достигаетъ границы постоянныхъ снѣговъ. Въ прошломъ столѣтіи миссіонеры Жербильонъ и Фербистъ упоминали, въ описаніи своего путешествія, о массивѣ горъ, носящемъ названіе Неча, который будто бы имѣетъ 4.500 метровъ абсолютной высоты и составляетъ на югѣ конечную грань Хингана; но гг. Фритше и Пржевальскій, а впослѣдствіи Путята убѣдились, что краевая цѣпь именно въ этомъ мѣстѣ, хотя и состоитъ изъ выпуклинъ или отроговъ довольно значительнаго возвышенія, но самая высокая точка страны поднимается всего только немного болѣе, чѣмъ на 1.600 метровъ надъ уровнемъ моря и не болѣе, какъ на четыреста или пятьсотъ метровъ надъ поверхностью степей Гоби. Въ цѣломъ цѣпь, окаймляющая это плоскогорье, представляетъ на западѣ только округленныя вершины и отлогости безъ лѣсной растительности; но съ другой стороны, по крайней мѣрѣ, въ юго-восточной области плато, между отрогами открываются зеленѣющія долины. Съ высотъ краеваго хребта нагорья или съ окраины нагорья, оканчивающейся обрывисто, какъ край крыши, ясно виденъ контрастъ двухъ природъ: на сѣверѣ и на западѣ—длинныя волнообразныя повышенія и пониженія однообразной и голой степи; на югѣ и на востокѣ—понижающіяся уступами террасы, съ ихъ склонами и лѣсами, съ перерѣзывающими ихъ долинами и ущельями, и въ отдаленіи равнины, среди которыхъ извиваются рѣчки, показывающіяся тамъ и сямъ серебристой лентой между деревьями [1]).

Гнейсовые хребты, покрытые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вулканическими породами (лавами), ограничиваютъ плоскогорье Гоби на сѣверѣ отъ Пекина, продолжаются на юго-западъ подъ разными именами, китайскими и монгольскими, и сопровождаютъ Желтую рѣку въ самой сѣверной части ея теченія. Эта совокупность горныхъ кряжей, обозначаемая общимъ наименованіемъ Инъ-шань оканчивается въ солончаковыхъ пустыняхъ Ала-шаня, на сѣверо-западѣ отъ большаго колѣна Желтой рѣки: гранитныя, гнейсовыя и порфировыя скалы поднимаютъ тамъ свои гребни до высоты отъ 2.000 до 2.700 метровъ, и на многихъ изъ нихъ обнаружено существованіе шлифованныхъ и исцарапанныхъ поверхностей, которыя свидѣтельствуютъ о прохожденіи древнихъ ледниковъ [2]). Эти горы отличаются отъ большинства горныхъ массъ Монголіи обиліемъ водъ и богатствомъ растительности. Желтое море, которое врѣзывается далеко внутрь материка Чжилійскимъ (Печилійскимъ) заливомъ, посылаетъ Инъ-шаню достаточное количество дождей, чтобы одѣть его богатымъ растительнымъ покровомъ, состоящимъ изъ травъ, кустарниковъ и большихъ деревьевъ. Луга, разстилающіеся ярко-зеленымъ ковромъ, какъ луга Альпъ, украшаются весной разноцвѣтной вышивкой цвѣтовъ; орѣшникъ, шиповникъ, дикое персиковое дерево, барбарисъ, крыжевникъ и другіе кустарники и деревца растутъ въ скалистыхъ мѣстностяхъ, тогда какъ выше тянется поясъ лѣсовъ, заключающій болѣе крупныя древесныя породы, осину, березу бѣлую и черную, кленъ, вязъ, ольху, рябину, дикую сливу. Въ цѣломъ флора Инъ-шаня имѣетъ много сходства съ флорой Сибири, отъ которой эта цѣпь отдѣлена древнимъ средиземнымъ моремъ Гоби; но сокъ растеній на этихъ горахъ не такъ обиленъ и лѣса тамъ менѣе высоки, менѣе густы и вѣтвисты, особенно на южной покатости. При томъ же китайцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно обезлѣсили горные склоны: во многихъ долинахъ теперь увидишь только поваленные и изсохшіе стволы деревъ.

Антилопа бродитъ большими стадами на пастбищахъ Инъ-шаня, преимущественно въ сосѣдствѣ буддійскихъ монастырей, ибо монгольскіе ламы такъ же, какъ и тибетскіе, запрещаютъ

[1]) Тимковскій;—Рихтгофенъ;—Россель-Киллугъ;—Путята;—Бородовскій.

[2]) Полковникъ Пржевальскій. „Монголія и страна тангутовъ“.

проливать кровь этихъ животныхъ. Одинъ видъ барана аргали тоже часто встрѣчается въ этихъ горахъ вмѣстѣ съ антилопами, а иногда пристаетъ даже къ стадамъ домашняго скота: вѣроятно, его легко было бы приручить, но монголы и китайцы видятъ еще въ этомъ животномъ только дичь охоты. Барсы и тигры, по словамъ туземцевъ, тоже принадлежатъ къ числу дикихъ звѣрей, живущихъ въ нѣкоторыхъ долинахъ Инъ-шаня. Но нужно замѣтить, что эта гористая область, составляющая рубежъ между Китаемъ и Монголіей, есть по преимуществу страна легендъ и баснословныхъ разсказовъ, и потому путешественники должны въ этомъ краю болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, довѣрять только своимъ личнымъ наблюденіямъ. На одной изъ горъ, разсказываютъ монголы, стоитъ окаменѣлый слонъ; другая вершина служила тропомъ Чингисъ-хану, и обширные гроты на бокахъ ея заключаютъ груды серебра, на которое геніи, охраняющіе входъ, позволяютъ смотрѣть сквозь форточку волшебной двери; но завоевать этотъ кладъ можетъ только какой-нибудь герой.

Весьма скудныя свѣдѣнія о природѣ юго-восточныхъ отроговъ Инъ-шаня пополнились трудами Путяты и Бородовскаго, которые осмѣтили своими съемками всю дотолѣ неизвѣстную площадь юго-восточнаго окончанія Хинган въ мѣстѣ его соединенія съ Инъ-шанемъ, а послѣдній изъ путешественниковъ былъ единственнымъ послѣ Ланге европейцемъ, посѣтившимъ внутренность знаменитаго лѣса для императорской охоты—Вэй-чана.

Онъ готъ послѣдній, несмотря на свое южное положеніе, носитъ въ своей флорѣ совершенно сибирско-даурскій характеръ, и вообще вся мѣстность вдоль поднятія хребта Б. Хинганъ, даже на самомъ югѣ, является по своей флорѣ продолженіемъ даурской природы [1]).

На югѣ отъ Инъ-шаня и сѣверной дуги Хуанъ-хэ находится еще одинъ отрывокъ Монголіи: это плоскогорье Ордо или Ордосъ, которое по виду и характеру природы такъ же, какъ по составу населенія, принадлежитъ къ той же естественной области, какъ и Гоби, хотя оно отдѣлено и отъ этой пустыни широкой долиной Желтой рѣки съ ея плодородными землями и ея городами, населенными китайцами: это то же самое, какъ въ Сибири поясъ Минусинскихъ степей дополняется тамъ и сямъ равнинами, залегающими на правомъ берегу Енисея, или какъ во Франціи ланды Гаскони продолжаются въ провинціи Сентонжъ, на сѣверѣ отъ лимана Жиронды, нѣсколькими степными пространствами, поросшими дикимъ терномъ и верескомъ. Плато Ордосъ, средняя высота котораго превышаетъ 1.000 метровъ, образуетъ четыреугольникъ слишкомъ въ 100.000 квадратныхъ километровъ, ограниченный съ трехъ сторонъ теченіемъ Желтой рѣки, а съ четвертой, южной, горными хребтами, южная покатость которыхъ принадлежитъ къ Китаю въ собственномъ смыслѣ. Рѣдкіе обитатели страны называютъ ее «сѣрой степью», въ отличіе отъ «зеленыхъ луговыхъ пространствъ», занимающихъ дно долинъ. Грунтъ земли, гораздо болѣе сухой, чѣмъ почва сѣверныхъ плоскогорій, въ собственно такъ называемой Монголіи, почти вездѣ песчаный или глинистый, пропитанный солью и совершенно непригодный для земледѣлія. Непосредственно на югѣ отъ долины Хуанъ-хэ высокій глинистый утесъ или яръ, поднимающійся метровъ на 15, мѣстами до 30, который, безъ сомнѣнія, прежде былъ берегомъ этой рѣки, обозначаетъ начало пустыни: мы вступаемъ въ пески Кузупчи или «Ожерелья», получившіе такое названіе отъ дюнъ, которыя дѣйствительно издали кажутся слѣдующими одна за другой, какъ рядъ бусъ. Эти песчаныя горки по большей части имѣютъ незначительное возвышеніе, отъ 12 до 15 метровъ; только нѣкоторыя изъ нихъ поднимаются метровъ на тридцать надъ песчаными равнинами. Всѣ онѣ однообразно желтоватаго цвѣта: вообще, исключая нѣсколькихъ, рѣдко встрѣчающихся оазисовъ, взоръ повсюду видитъ только этотъ песокъ, разстилающійся на необозримое пространство подъ блѣдно-голубымъ сводомъ неба; ни одно растеніе, ни одно животное не покажется въ неоглядной пустынѣ, кромѣ ящерицъ сѣрыхъ или желтыхъ, какъ песокъ, такъ что ихъ съ трудомъ отличишь отъ песчаной почвы, вездѣ исчерченной ихъ легкими слѣдами. Около середины плоской возвышенности находится обширное болото Дабосунъ-норъ, громадный резервуаръ самосадочной соли, смѣшанной съ селитрянымъ налетомъ, резервуаръ, окруженный со всѣхъ сторонъ горками, которыя похожи на вздутія грунта; во многихъ мѣстахъ почва обманчива, и тотъ, кто пускается по соляной корѣ, рискуетъ провалиться и увязнуть въ скрытой подъ нею топи [1]). Подобно тому, какъ въ песчаныхъ равнинахъ Кашгаріи, путники разсказываютъ о какихъ-то странныхъ голосахъ, слышанныхъ ими въ этихъ ужасающихъ пустыняхъ; у туземцевъ существуетъ повѣрье, что это крики китайцевъ, убитыхъ воинами Чингисъ-хана въ происходившемъ тутъ сраженіи, и которые умоляютъ или проклинаютъ прохожихъ. Иногда вѣтеръ, какъ гласитъ мѣстная легенда, сдуваетъ песокъ, покрывающій зарытые въ землю серебряные сосуды; но проходящіе мимо путники не трогаютъ этого клада изъ

[1]) Путята, „Хинганская экспедиція“; — Бородовскій, „Матеріалы къ описанію Хинганской экспедиціи“.

[1]) Huc, „Voyage en Chine, dans la Tartarie et au Tibet“.

опасенія, какъ бы не поплатиться жизнью за такое святотатство. По другимъ разсказамъ, эти дюны остатки песчанаго вала, воздвигнутаго съ цѣлью отвести теченіе Желтой рѣки, по приказанію того же Темучина, которому народное воображеніе приписываетъ все, что есть замѣчательнаго въ странѣ [1]). Преданіе гласитъ, что здѣсь же, въ территоріи ордосовъ, знаменитый азіатскій завоеватель кончилъ жизнь; смертные останки его, говорятъ, были положены въ два гроба, одинъ серебряный, другой деревянный, поставленные подъ шелковымъ шатромъ, а члены его семейства были погребены въ 10 верстахъ вокругъ его гробницы, какъ бы для того, чтобы воздавать ему должный почетъ на почтительномъ разстояніи: каждый вечеръ приносятся еще баранъ и лошадь въ жертву душѣ «верховнаго хана» (чингисъ-хана) Темучина.

Остатки прежнихъ городовъ до сихъ поръ встрѣчаются въ территоріи ордосовъ. Въ 30 километрахъ къ югу отъ Желтой рѣки, видны, среди песковъ, развалины города, валы котораго имѣли болѣе 8 километровъ длины въ каждой сторонѣ и около 15 метровъ толщины; теперь онъ большею частію покрытъ песками, и колодцы его тоже засыпаны пескомъ. Въ настоящее время большая часть страны, за исключеніемъ долины рѣки, представляетъ безлюдную пустыню: дунганскіе инсургенты разрушили даже стойбища монгольскихъ кочевниковъ, ордосовъ, а покинутый разбѣжавшимися жителями домашній скотъ одичалъ: быки и коровы утратили тотъ глупый, тупой видъ, который имъ придало продолжительное рабство, и снова пріобрѣли нравы и повадки вольной жизни. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ или трехъ лѣтъ совершилось полное преобразованіе; при приближеніи человѣка эти животныя убѣгали со всѣхъ ногъ, и догнать ихъ охотникамъ стоило почти столько же труда, какъ настичь быстроногую антилопу [2]). Верблюды, лошади тоже живутъ нынѣ дикими табунами въ степи; но овцы были пожраны волками. Во время путешествія Пржевальскаго, въ 1871 году, единственными посѣтителями ордосскаго края были купцы, приходившіе туда за грузами лакрицы (солодковый корень), одного изъ характеристическихъ растеній этой области Монголіи.

Близъ праваго берега Хуанъ-хэ, въ той части его теченія, гдѣ рѣка катитъ свои воды съ юга на сѣверъ, цѣпь холмовъ поднимается надъ окружающими песками и, постепенно увеличиваясь въ южномъ направленіи, образуетъ, наконецъ, настоящія горы: цѣпь эта носитъ названіе Арбусъ-ула, и, какъ гласитъ легенда, высшая вершина ея служила наковальней кузнецу Чингисъ-хана. По другую сторону Желтой рѣки, которая проходитъ въ этомъ мѣстѣ черезъ узкую поперечную долину, Арбусъ-ула продолжается другимъ, болѣе высокимъ рядомъ горъ, называемымъ Ала-шань, который тянется на юго-западъ, господствуя надъ прилегающими равнинами своими крутыми склонами. Хребетъ Ала-шань представляетъ узкій валъ, однообразной высоты и нигдѣ недостигающій предѣла постоянныхъ снѣговъ: двѣ самыя высокія вершины его, Дзумбуръ и Бугуту, поднимаются соотвѣтственно на 3.000 и 3.300 метровъ надъ уровнемъ океана. На сѣверѣ и на югѣ, Ала-шань, нѣкогда островной массивъ среди монгольскаго внутренняго моря, оканчивается песками и посылаетъ имъ лишь незначительные ручейки, какъ бы для того только, чтобы окружить свое основаніе узкой полосой оазисовъ и пастбищъ. Флора его очень бѣдна, по причинѣ недостатка воды; однако, верхніе скаты опоясаны лѣсами сосенъ, елей, ивъ и осинъ, и мускусный олень, горный козелъ и особенно красный олень живутъ тамъ многочисленными стадами. Съ вершинъ Ала-шаня открывается видъ на необозримое пространство,—съ одной стороны на долину Хуанъ-хэ, съ ея городами, воздѣланными полями, блестящими водами, съ другой на безпредѣльную пустыню [1]).

За Желтой рѣкой ордосскіе пески продолжаются на западъ пустынной областью, еще болѣе печальной, болѣе лишенной растительности. Этотъ южный заливъ «Высохшаго моря» есть одна изъ самыхъ страшныхъ для путешественниковъ частей Гоби, по причинѣ отсутствія воды и пастбищъ, а также по причинѣ песчаныхъ вихрей, поднимающихся тамъ во время бурь. Начинаясь отъ прохода, быть можетъ, бывшаго пролива, открывающагося между южными предгорьями Инъ-шаня и сѣверною оконечностью Ала-шаня, эта Заордосская пустыня тянется безъ перерыва до рѣки Асъ-зиндъ и до степей Монгольскаго Гань-су. На этомъ обширномъ пространствѣ, имѣющемъ болѣе 500 километровъ въ ширину, не увидишь ничего, кромѣ песковъ, полосъ гравія, въ сосѣдствѣ горъ, да глинистыхъ солончаковъ, гдѣ растутъ низкій кустарникъ ломкаго саксаула, какъ въ русскомъ Туркестанѣ, и колючіе стебли сулхира (agriophyllum gobicum), приносящіе мелкія зерна, изъ которыхъ монголы приготовляютъ родъ муки; эти растенія по большей части возвышаются на песчаныхъ бугоркахъ, которые вѣтеръ намелъ вокругъ корней и, такъ

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

[2]) Пржевальскій, „Отъ Кульджи до Лобъ-нора“: — „Монголія и страна тангутовъ“.

[1]) Несмотря на безотрадный видъ пустынь Ордоса и трудность посѣщенія ея, черезъ нее кромѣ Пржевальскаго проходилъ въ 1884 году Потанинъ, маршрутъ котораго лежалъ почти вдоль Великой стѣны черезъ кумирню Джунгаръ джо къ Боро-болгысунъ. Въ 1893 году пустыню по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ отъ Дайчинъ-чжу до Боро-болгысу же прошла экспедиція Обручева.

сказать, произвелъ ихъ изъ почвы. Самая глубокая впадина Заордосской пустыни, лежащая на высотѣ 940 метровъ надъ уровнемъ моря, занята солянымъ озеромъ Джаратай-дабасунъ, которое окружено со всѣхъ сторонъ, на разстояніи до 50 верстъ отъ береговъ, пластами соли, толщиною отъ одного до двухъ метровъ. Эта кристаллическая плита въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до такой степени прозрачна, что походитъ на водяную площадь; даже лебеди иногда обманываются и спускаются стаями на эту мнимую воду, откуда тотчасъ же и улетаютъ, испуская сердитые крики [1]).

Точная граница между монгольской территоріей и собственно Китаемъ была обозначена прежде такъ называемой «Великой стѣной», которая, сверхъ того, продолжается съ восточной стороны до залива Ляо-дунъ. (Бо-хай или Чжилійскій), на сѣверной оконечности Желтаго моря. «Вань - ли - чань - чэнъ или «стѣна въ десять тысячъ ли», — какъ обыкновенно ее называютъ китайцы, —не имѣетъ, правда, такого громаднаго протяженія въ 5.000 километровъ, которое равнялось бы восьмой части окружности земнаго шара, но все-таки общая длина ея превышаетъ 3.300 километровъ (3.100 верстъ), если считать всѣ извилины исполинскаго вала и двойныя и тройныя стѣны, построенныя въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно на сѣверѣ провинцій Чжи-ли и Шань-си. Принимая среднюю высоту стѣны только въ 8 метровъ, при ширинѣ равной 6 метрамъ, находимъ, что эта удивительная работа представляетъ каменный валъ объемомъ около 160 милліоновъ кубическихъ метровъ. Понятно, что Великая китайская стѣна все еще указывается, на-ряду съ Большимъ или Императорскимъ каналомъ, какъ одно изъ значительнѣйшихъ произведеній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ труду человѣка; но, забывая, что націи еще не перестали строить крѣпости и оборонительныя стѣны, многіе писатели сравниваютъ также это «чудо свѣта» съ египетскими пирамидами и видятъ въ немъ не болѣе какъ тщеславное сооруженіе, лишенное всякой практической пользы. Такая оцѣнка ошибочна. Безъ сомнѣнія, когда императоръ Цинь-ши-хуанъ-ди, за двѣ тысячи сто лѣтъ до нашего времени, послалъ милліоны работниковъ на монгольскую границу для возведенія каменнаго вала длиною въ десять тысячъ ли, цѣлыя сотни тысячъ людей погибли отъ тяжелаго труда; но работа ихъ, конечно, имѣла большую важность для защиты отечества, и въ теченіе многихъ столѣтій, предки монголовъ должны были останавливать свои воинственныя экспедиціи у подножія стѣны, которая ограничиваетъ ихъ территорію. Часовые на башняхъ, воздвигнутыхъ на стѣнѣ въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, издалека замѣчали приближеніе непріятельскихъ наѣздниковъ, и всѣ естественные проходы были охраняемы вооруженными лагерями или пикетами. При каждыхъ воротахъ стоялъ особый гарнизонъ, и въ сосѣдствѣ каждаго прохода скоро выстраивался городъ, который служилъ рынкомъ для сопредѣльнаго населенія и самымъ своимъ положеніемъ напередъ опредѣлялъ путь, по которому кочевники должны были слѣдовать въ своихъ степяхъ. Подъ защитой своего исполинскаго вала, китайцы могли дать большую связь своему національному единству и сосредоточить свои силы, чтобы вступить съ этого времени въ постоянныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ черезъ Небесныя горы и Памиръ [1]). Когда стѣна «въ десять тысячъ ли», окончательно форсированная полчищами Чингисъ-хана, потеряла всякую стратегическую цѣну, она уже сослужила службу китайскому народу, защищая передъ тѣмъ имперію въ продолженіе четырнадцати столѣтій отъ набѣговъ сѣверныхъ номадовъ.

Въ томъ видѣ, какъ она существуетъ нынѣ, Великая стѣна принадлежитъ различнымъ эпохамъ. Въ климатѣ Монголіи, который можно назвать климатомъ крайностей, гдѣ за сильными жарами вдругъ, безъ постепеннаго перехода, слѣдуютъ морозы, достаточно небольшаго числа лѣтъ, чтобы разрушить большую часть обыкновенныхъ построекъ. Сомнительно даже, чтобы какая-либо существующая нынѣ часть Великой стѣны могла быть отнесена къ эпохѣ перваго ея строителя Цинь-ши-хуанъ-ди, хотя, по словамъ лѣтописей, этотъ богдыханъ издалъ указъ, угрожающій смертной казнью всякому рабочему, который бы оставилъ въ каменной работѣ щель настолько широкую, чтобы въ нее могъ войти кончикъ гвоздя [2]). Почти вся восточная часть стѣны, отъ Ордосскаго полуострова до Желтаго моря, была построена въ пятомъ столѣтіи послѣ Р. Х., а въ царствованіе династіи Миновъ, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ, двойной валъ, защищающій на сѣверо-западѣ Пекинскую равнину, былъ два раза перестраиваемъ: вообще ни одна изъ частей громадной ограды, имѣющихъ архитектурную цѣну по правильности кладки кирпичей и красотѣ гранитной обшивки, не восходитъ далѣе четырнадцатаго вѣка нашей эры [3]). Смотря по перемѣнамъ династій и царствованій, по капризамъ правителей и превратностямъ пограничныхъ войнъ, планъ и направленіе вала много разъ измѣнялись, нѣкоторыя части ограды были заброшены, другія, напротивъ, поддерживались и перестроивались. Этимъ и объясняется большое различіе соору-

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

[1]) F. von Richthofen, „China“;— Ritter, „Asien“.

[2]) Panthier, „La Chine“.

[3]) Іакинфъ Бичуринъ;— Bretschneider, „Die Pekinger Ebene“.

женій на безконечномъ протяженіи Великой стѣны.

Въ то время, какъ на сѣверѣ отъ Пекина стѣна еще совершенно сохранилась, во многихъ западныхъ мѣстностяхъ, на границахъ Гоби, она уже представляетъ простой глиняный валъ, и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не видно болѣе никакихъ слѣдовъ ея на значительныхъ пространствахъ: ворота, стоящія одиноко среди пустыни, единственные остатки бывшей оборонительной стѣны. Однако, даже на весьма большомъ разстояніи отъ столицы строители возводили свои линіи укрѣпленій по склонамъ и на самые гребни горъ, до высоты 2.000 мет., и не останавливались даже передъ пропастями: стѣна переходитъ или огибаетъ всѣ препятствія, не оставляя врагу даже узенькой козьей тропинки [1]). Извѣстно, что на сѣверъ отъ Монголіи, въ Забайкальской области и Маньчжуріи существуютъ остатки другихъ стѣнъ, приписываемыхъ легендой Чингисъ-хану, а также напоминающихъ о вѣковой борьбѣ между осѣдлыми земледѣльческими населеніями и ихъ сосѣдями, кочевыми племенами.

Монголы, противъ которыхъ китайцы должны были нѣкогда возводить такія громадныя оборонительныя сооруженія, представляютъ народъ безъ національной связи. Какой-нибудь смѣлый завоеватель могъ соединить ихъ въ одну армію; но, вернувшись въ свои родимыя степи, они снова распадались на племена или колѣна, и именно благодаря отсутствію единства и внутреннимъ раздорамъ этихъ разрозненныхъ группъ монгольскаго народа, китайцамъ удалось восторжествовать надъ халхасцами, элеутами, чжунгарами, тогда какъ Россія покорила своей власти калмыковъ и бурятъ. Впрочемъ, это названіе «монголы» примѣнялось, въ продолженіе двухъ столѣтій ихъ политическаго господства, къ народамъ самыхъ разнообразныхъ расъ, то-есть ко всѣмъ тѣмъ народамъ, которые принимали участіе въ побѣдахъ и завоеваніяхъ Чингисъ-хана и его преемниковъ, проникавшихъ, съ одной стороны, въ Китайскую имперію, съ другой до самаго сердца Европы. Даже послѣ того, какъ фамилія Чингисъ-хана угасла, основаніе обширной имперіи Тамерлана, средоточіе которой было въ Самаркандѣ, и которая представляетъ собою, такъ сказать, отливъ западнаго міра Азіи къ странамъ, откуда вышли восточные завоеватели, тоже было приписываемо монголамъ; впослѣдствіи называли именемъ «Великаго Могола» (т. е. монгола) Бабера и его преемниковъ на делійскомъ тронѣ (въ Индіи), хотя они болѣе не имѣли монголовъ въ своихъ арміяхъ; тщеславіе, желаніе похвастать отдаленной генеалогіей было ихъ единственнымъ правомъ на громкій титулъ, который они себѣ присвоили. Что касается чжунгарскаго царства, которое основалось въ концѣ семнадцатаго столѣтія, то оно было несомнѣнно монгольскаго происхожденія, но это царство не переходило за предѣлы области равнинъ и возвышенностей центральной Азіи.

Въ средніе вѣка монголовъ смѣшивали съ татарами или тартарами, какъ ихъ называли европейцы: это племя, обитавшее въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ долинахъ Инъ-шаня, было слабымъ малочисленнымъ народцемъ, который, въ хаосѣ пришедшихъ въ столкновеніе народовъ, кончилъ тѣмъ, что передалъ свое имя монголамъ, маньчжурамъ, туркамъ, всѣмъ кочевымъ и воинственнымъ племенамъ Азіи и восточной Европы. Никогда Чингисъ-ханъ, ни его сподвижники не считали за честь носить названіе татаръ, которое принадлежало лишь простому колѣну одной изъ семи монгольскихъ націй: почетное прозвище, которое они приняли, было «синіе монголы», «потому что синева есть священный цвѣтъ Неба» и потому что сами они были властители земли. Такую обширную извѣстность татары пріобрѣли потому, что они составляли вообще авангардъ монгольскихъ завоевателей, и что названіе ихъ давало поводъ къ игрѣ словъ съ миѳологическимъ Тартаромъ или преисподней. «Утѣшимся, говорилъ св. Людовикъ: если они придутъ сюда, мы ихъ спровадимъ назадъ въ Тартаръ, откуда они вышли, или они сдѣлаютъ то, что всѣ мы вернемся на Небо»! [1]). Въ настоящее время это названіе «татары» не дается болѣе монголамъ развѣ только въ самомъ общемъ смыслѣ, такъ же, какъ ихъ сосѣдямъ маньчжурамъ: какъ спеціальное наименованіе это слово примѣняется теперь только къ населеніямъ тюркскаго корня, въ Сибири, въ Небесныхъ горахъ и Памирѣ, въ Туркестанѣ, на Кавказѣ и въ Европейской Россіи.

До періода ихъ завоеваній монгольскія племена обитали только въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ той обширной территоріи, которая теперь извѣстна подъ общимъ именемъ Монголіи; всѣ рѣки и ручьи, всѣ озера этой страны составляютъ предметъ поклоненія, какъ божества, и съ каждой горой связана какая-нибудь легенда, каждая гора носитъ титулъ хана [2]). На сѣверо-восточной оконечности этой области распространенія древнихъ монголовъ живутъ теперь маньчжурскіе солоны и различныя монгольскія и тунгузскія племена болѣе или менѣе смѣшанныя и доставляющія многочисленный контингентъ рекрутъ военнымъ поселеніямъ, которыя китайцы основали въ западныхъ провинціяхъ имперіи. Халхасцы,

[1]) Abel Rémusat; —Klaproth; —Ritter.

[2]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ“.

[2]) Bastian, „Reisen in China“.

названные такъ по имени одного изъ ихъ прежнихъ князьковъ и мѣстности, гдѣ они обита-

Башня въ окрестностяхъ Пекина.

ютъ, населяютъ преимущественно сѣверныя степи, въ сосѣдствѣ бурятъ, ихъ соплеменниковъ, сдѣлавшихся подданными Россіи; чахары, кочующіе въ числѣ восьми колѣнъ на юго-востокѣ сплошной возвышенности, въ степяхъ, ближайшихъ къ Китаю, замѣчательны тѣмъ, что имъ было спеціально поручено императорскимъ правительствомъ охраненіе границы

отъ набѣговъ сѣверныхъ монголовъ. Ордосцы, почти совершенно истребленные, обитали на рѣчномъ полуостровѣ, который получилъ отъ нихъ свое названіе, а далѣе на западѣ разсѣяны стойбища элеутовъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ съ народностями тюркскаго корня, и къ которымъ принадлежатъ также калмыцкія орды Алтая и Тянь-шаня. Наконецъ, въ верхнемъ бассейнѣ Енисея живутъ инородцы тюркскаго происхожденія, но въ сильной степени омонголившіеся, племена уріанхай или донва и дархатъ. Вообще говоря, монгольскія населенія дѣлятся на восточныхъ монголовъ или халха, западныхъ монголовъ или элеутовъ и сибирскихъ монголовъ или бурятъ, но единственное дѣйствительное дѣленіе—это дѣленіе на хошуны или «знамена»; смотря по превратностямъ войнъ и союзовъ племена различныхъ хошуновъ соединяются въ болѣе или менѣе могущественныя конфедераціи.

Національный типъ, кажется, сохранился въ наибольшей чистотѣ у халхасцевъ, которые при томъ же присвоиваютъ себѣ нѣкоторое превосходство надъ другими монголами, какъ имѣющіе среди себя семейства тайшей, производящія свой родъ отъ Чингисъ-хана. Но, хотя этнологи обыкновенно употребляютъ названіе «монгольская раса», какъ родовой терминъ для всѣхъ народовъ восточной Азіи, оказывается, что именно халхаскій или восточно-монгольскій типъ принадлежитъ къ тѣмъ типамъ, которые, на крайнемъ Востокѣ, всего менѣе походятъ на «монголовъ», описываемыхъ этнологами. Халхасецъ имѣетъ не желтый, а смуглый цвѣтъ лица. Глаза его не прищурены такъ, чтобы казались косолежащими, какъ глаза остяка или китайца; вѣки глазъ у него открытыя, какъ у европейца. Однако, онъ имѣетъ широкое и плоское лицо, выдающіяся скулы, черные волосы, скудно обросшую бороду,—признаки, которые признаются вообще какъ отличительныя черты монгольской расы; впрочемъ, нужно замѣтить, что въ Монголіи довольно распространенъ обычай выщипывать волосы изъ бороды, и потому было бы ошибочно приписывать природѣ то, что есть просто слѣдствіе моды. Европейцы сначала познакомились съ восточными народами черезъ монголовъ и, очень естественно, они замѣчали между этими чужеземными завоевателями въ особенности тѣхъ индивидуумовъ, которые своей наружностью и физіономіей представляли наиболѣе рѣзкій контрастъ съ условнымъ типомъ красоты, принятымъ на западѣ: чѣмъ болѣе лицо казалось имъ страннымъ, необыкновеннымъ, тѣмъ болѣе оно было азіатскимъ и монгольскимъ въ ихъ глазахъ. Такъ точно въ Китаѣ, не отличая національности, всѣхъ европейцевъ величаютъ общимъ именемъ «рыжеволосыхъ варваровъ».

Монголы вообще средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; привычные ко всякимъ непогодамъ и крайностямъ тепла и холода, они безъ труда переносятъ тягости, отъ которыхъ умерла бы большая часть европейцевъ. Они могутъ оставаться, не жалуясь, пятнадцать часовъ подъ рядъ на лошади или верблюдѣ; но они заохали бы, если бы имъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ сотню шаговъ внѣ своей юрты: это потому, что они вообще не привыкли ходить, а главное потому, что имъ стыдно показаться пѣшкомъ; монголу нужно, чтобы онъ всегда могъ съ высоты обозрѣвать свои владѣнія, безграничную степь. Даже въ Монголіи, гдѣ однако лошадь столь полезна и высоко цѣнима, не всѣ жители такъ счастливы, чтобы обладать собственнымъ верховымъ животнымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лошадь составляетъ предметъ роскоши, который можно увидѣть только подлѣ палатокъ знатныхъ и богатыхъ [1]); но въ болѣе счастливыхъ областяхъ Монголіи, гдѣ всякій кочевникъ имѣетъ своего коня, наѣздникъ всегда стрѣлой несется по равнинѣ, и даже, когда ему нужно проѣхать нѣсколько саженъ, которыя отдѣляютъ, на мѣстѣ стоянки, его кибитку отъ кибитки его сосѣда, онъ и тутъ заставляетъ свою лошадь скакать въ галопъ. Презирая всякія тѣлесныя упражненія, которыя дѣлаютъ не на конѣ, монголъ не охотникъ до пляски, но за то онъ едва-ли имѣетъ равныхъ себѣ въ наѣздничествѣ, въ искусствѣ укрощать и выѣзживать строптивыхъ жеребцовъ, пускать ихъ въ бѣгъ и исполнять на всемъ скаку самыя опасныя штуки. Если конскія скачки или джигитовки монголовъ не имѣютъ столько зрителей, какъ скачки въ европейскихъ городахъ, то въ нихъ принимаетъ участіе гораздо большее число дѣйствующихъ лицъ: нѣтъ молодаго наѣздника, нѣтъ мужчины въ силѣ возраста, который бы не считалъ за честь фигурировать между состязающимися. Въ 1792 году, во время празднества по случаю возрожденія одного монгольскаго Будды, 3.732 лошади оспаривали другъ у друга призы на джигитовкахъ [3]).

Нельзя не удивляться, что эти смѣлые укротители лошадей и лихіе наѣздники, эти потомки грозныхъ завоевателей Азіи, упали такъ низко въ политическомъ отношеніи и не оказываютъ теперь, такъ сказать, никакого вліянія, не играютъ никакой роли въ Старомъ свѣтѣ. Взятые въ массѣ, они даже сдѣлались трусами, и недавно мы видѣли, какъ они тысячами убѣгали въ безпорядкѣ передъ недисциплинированными бандами дунганъ, вся отвага которыхъ происходила отъ страха, выказан-

---

[1]) Лосевъ;—Ломоносовъ, „Экспедиція братьевъ Бутиныхъ въ 1871 г.“

[2]) Пржевальскій, „Монголія и земля тангутовъ“.

[3]) Reuilly, „Description du Tibet“.

наго ихъ непріятелемъ. Нація побѣжденная, разрозненная, разсѣянная, она чувствуетъ свою слабость. Какая неизмѣримая разница между униженнымъ раболѣпствомъ нынѣшнихъ монголовъ передъ русскими путешественниками, проѣзжающими черезъ «Землю травъ», и гордымъ высокомѣріемъ какого нибудь Куюкъ-хана, отвѣчавшаго легату папы римскаго, монаху Плано Карпини: «я судія Божій. Я имѣю право предать васъ смерти за то, что вы оказываете мнѣ сопротивленіе. А доказательство, что я имѣю такое право, это то, что я имѣю силу привести его въ дѣйствіе. Былъ ли бы я, человѣкъ, достаточно могучъ, чтобы дѣлать такія вещи, если бы самъ Богъ не далъ мнѣ своей десницы?» [1]). Всѣ указы и повелѣнія монгольскихъ хановъ издавались именемъ и въ силу «могущества неколебимаго неба» [2]). Такимъ образомъ задолго до Карлейля и другихъ новѣйшихъ теоретиковъ эти азіатскіе императоры нашли формулу власти.

Впрочемъ, энергія, съ которой монголы выступили на сцену всемірной исторіи, происходила не только отъ ихъ храбрости, дисциплины и неудержимой жажды завоеваній, но также отъ ихъ природнаго духа справедливости и тѣхъ успѣховъ, которыхъ они достигли въ цивилизаціи.

Монголы вовсе не были такими варварами, какими ихъ обыкновенно воображаютъ, основываясь на разсказахъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ.

Съ покоренными націями, послѣ сраженія, рѣшившаго ихъ участь, монгольскіе завоеватели обращались съ гораздо большей снисходительностью, чѣмъ какую выказывали тогда завоеватели мусульманскіе или христіанскіе въ отношеніи побѣжденныхъ ими народовъ. «Имперія была завоевана на конѣ», говорилъ одинъ совѣтникъ Чингисъ-хана, «но нельзя и управлять ею на конѣ». Монгольскіе государи съ замѣчательной справедливостью разбирали и рѣшали споры между своими подданными всѣхъ расъ и языковъ, и между лицами, которымъ они жаловали земли, освобожденныя отъ налоговъ, мы видимъ имена, принадлежащія всѣмъ національностямъ имперіи. Въ то же время монголы отличались чрезвычайной вѣротерпимостью, которая возбуждала удивленіе и скандализировала католическихъ миссіонеровъ. Мусульмане, христіане были между полководцами и приближенными хановъ: Иваны, Николаи, Георгіи, Марки встрѣчаются въ спискѣ высшихъ сановниковъ имперіи [3]).

Истощенные своими воинственными усиліями, униженные нравственно насиліями и жестокостями войны, монголы опять впали въ варварство. Безъ сомнѣнія, большинство нынѣшнихъ монголовъ отличаются еще здравымъ умомъ, прямодушіемъ, духомъ справедливости, гостепріимствомъ въ отношеніи чужеземца, радушіемъ и привѣтливостью въ отношеніи себѣ равныхъ, которыхъ онъ называетъ въ разговорѣ не иначе, какъ «товарищами», но при этомъ они страшно лѣнивы, крайне грязны и не чистоплотны, чрезвычайно обжорливы. Они допустили рабство вкрасться въ ихъ соціальный бытъ, и теперь многочисленныя семьи, происходящія отъ бывшихъ военно-плѣнныхъ, обречены на жалкую долю невольниковъ, стерегущихъ стада начальниковъ колѣнъ или тайшей [1]), и господа присвоили себѣ надъ ними право жизни и смерти, хотя, впрочемъ, они не считаютъ ихъ низшими, презрѣнными существами и не перестаютъ, въ обыкновенныхъ сношеніяхъ, обращаться съ ними кротко и доброжелательно. Правда, до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову дѣлить пастбища: они принадлежатъ всѣмъ и каждому, какъ воздухъ, какъ вода, и всякое поле, какъ только жатва собрана, снова поступаетъ въ собственность всей общины; но тѣмъ изъ монголовъ, которые не имѣютъ собственныхъ стадъ, какую пользу могутъ принести эти права на временное владѣніе полемъ и на кочеванье по травянымъ степямъ? Тайши или князьки и ламы, владѣльцы скота, только благодаря этому факту и являются собственники земли. Одинъ только ургинскій главный жрецъ или хутухта обладаетъ территоріей, населенной 150.000 жителей, почти его невольниковъ [2]).

Очень рѣдки монголы, которые, по примѣру китайцевъ, занимаются земледѣліемъ. Почти всѣ они ведутъ пастушескій образъ жизни и не знаютъ другихъ занятій или промысловъ, кромѣ ухода за своими стадами, которыя состоятъ главнымъ образомъ изъ верблюдовъ, барановъ съ жирнымъ хвостомъ (курдюкомъ), лошадей и рогатаго скота. При встрѣчѣ знакомые монголы первымъ дѣломъ начинаютъ разспрашивать другъ друга насчетъ скота: въ ихъ глазахъ стадо важнѣе семьи и родни. Они не понимаютъ даже, какъ могутъ быть люди до такой степени обездоленные, «оставленные небомъ», чтобы не имѣть домашнихъ животныхъ, и съ недовѣріемъ посматриваютъ на русскихъ путешественниковъ, когда тѣ говорятъ, что у нихъ нѣтъ ни верблюдовъ, ни барановъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей Монголіи и жизни монголовъ полагаютъ, что на каж-

[1]) „Recueil de voyages et de Mémoires publiés par la Société de Géographie de Paris", tome IV.
[2]) Bastian, „Reisen in China".
[3]) Howorth, „History of the Mongols";—Léon Cahun, etc.

[1]) Іоакинфъ Бичуринъ.
[2]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ".

дое монгольское семейство приходится около 50 барановъ, 10 верблюдовъ, 25 лошадей и 15 штукъ рогатаго скота. Профессоръ Поздѣевъ изъ оффиціальнаго источника сообщаетъ, что на однихъ казенныхъ земляхъ въ 1892 г. послось лошадей 68.213 головъ, верблюдовъ же 6.722. Въ то время, какъ женщины и дѣти, которымъ главнымъ образомъ ввѣрено попеченіе о скотѣ, исполняютъ свою задачу,—и исполняютъ всегда съ умѣньемъ и терпѣньемъ,—мужчины имѣли бы полный досугъ за иматься другими работами; даже выдѣлка предметовъ хозяйства и домашняго обихода, с делъ, конской сбруи, оружія, вышитой одежды, войлоковъ (кошмы) для кибитокъ, веревокъ изъ верблюжьей шерсти, почти всецѣло предоставлена женщинамъ; всѣ же другіе предметы потребленія, продукты и товары, въ которыхъ нуждаются монголы, они принуждены покупать или вымѣнивать у китайцевъ и у русскихъ. Въ особенности чай имъ необходимъ: они никогда не пьютъ холодной воды, которой они даже приписываютъ вредное вліяніе на здоровье; настой кирпичнаго чая съ молокомъ и солью составляетъ ихъ обычный и любимый напитокъ, вмѣстѣ съ кумысомъ, кобыльимъ молокомъ, и слишкомъ часто съ гибельной водкой русской и китайской фабрикаціи. Что касается ихъ твердой пищи, то она почти исключительно животная: они только примѣшиваютъ нѣчто въ родѣ тѣста изъ муки къ баранинѣ, конинѣ или верблюжьему мясу. Большинство изъ нихъ чувствуетъ непритворное отвращеніе къ мясу птицъ и рыбъ.

Языкъ монголовъ, имѣющій родственную связь съ языками урало-алтайскихъ народовъ и похожій на тюркскіе идіомы большимъ числомъ общихъ корней, дѣлится на діалекты или нарѣчія, довольно опредѣленно отличающіяся одно отъ другаго: монголы халхасскіе или халхи, буряты, элеуты не всѣ могутъ понимать другъ друга. При томъ къ этимъ нарѣчіямъ съ теченіемъ времени примѣшались чужія слова различнаго происхожденія; выраженія маньчжурскія, китайскія, тибетскія и турецкія испортили чистый монгольскій языкъ въ сосѣдствѣ границъ. Уже съ давнихъ поръ, около двадцати одного столѣтія, монгольскій языкъ имѣетъ свою письменность, ибо въ эту эпоху онъ уже заимствовалъ идеографическія письмена китайцевъ; но собственнаго оригинальнаго алфавита онъ не имѣлъ до начала десятаго столѣтія. Эти буквы были замѣнены въ двѣнадцатомъ вѣкѣ другимъ письмомъ, употреблявшимся для перевода классическихъ произведеній китайской литературы; къ сожалѣнію, всѣ эти книги потеряны, и мы едва знаемъ даже, какими знаками онѣ были написаны [1]). Въ періодъ завоеваній, когда монголы вдругъ пришли въ соприкосновеніе съ народами западной Азіи, имъ понадобилась письменность болѣе извѣстная, чѣмъ ихъ собственная, чтобы вступить въ сношенія съ своими сосѣдями: тогда они заимствовали алфавитъ турковъ - уйгуровъ. Однако, впослѣдствіи мало-по-малу одержали верхъ и вошли во всеобщее употребленіе національныя письмена, изобрѣтенныя въ 1269 г. однимъ ламой, который въ награду за это получилъ титулъ «Царя вѣры». Эти-то буквы и служили письменными знаками для всей нынѣшней монгольской литературы, состоящей изъ сборниковъ законовъ и повелѣній, словарей, календарей и въ особенности изъ книгъ духовнаго содержанія. Для письма монголы употребляютъ кисть, которую водятъ по деревяннымъ табличкамъ, выкрашеннымъ въ черный цвѣтъ и посыпаннымъ пескомъ или золой [1]).

Богослужебныя книги написаны на тибетскомъ языкѣ, который сдѣлался священнымъ языкомъ для монголовъ со времени обращенія ихъ въ буддизмъ, точно такъ же, какъ санскритъ долго былъ церковнымъ языкомъ для тибетцевъ, въ соотвѣтственную эпоху ихъ исторіи. Вслѣдствіе этого, монгольскіе жрецы, которые хотятъ знать въ своей религіи не одинъ только внѣшній церемоніалъ, принуждены изучать тибетскій языкъ, извѣстный въ Монголіи подъ именемъ «тангутскаго»; тѣ, которыхъ богословскія познанія ограничиваются простымъ чтеніемъ священныхъ книгъ, имѣютъ къ этимъ твореніямъ тѣмъ большее уваженіе, что не понимаютъ ихъ смысла. В нѣкоторыхъ монастыряхъ калмыцкихъ ламы платили до 50.000 франковъ за священныя книги Канджуръ и Танджуръ [2]); а сибирскіе буряты давали семь тысячъ быковъ за одинъ экземпляръ перваго изъ этихъ твореній [3]). Тибетъ—Святая земля монголовъ. Тибетскій далай - лама по степени божества почитается стоящимъ выше монгольскаго таранатъ-ламы (джетсонъ-тампа, штонъ-тампа); однако, этотъ послѣдній тоже Бурханъ, то-есть живой или воплощенный Будда, который, по вѣрованію ламаистовъ, подъ различными видами преемственно смѣняетъ самъ себя или возрождается, начиная съ половины шестнадцатаго столѣтія, а можетъ быть даже съ болѣе отдаленной эпохи. При каждой послѣдовательной кончинѣ онъ отправляется совершать свое переселеніе души въ Тибетъ; поэтому туда снаряжается торжественное посольство, которое и находитъ его въ видѣ младенца. Прежде монгольскій первосвященникъ имѣлъ резиденцію въ сосѣдствѣ китайской границы, въ Куку-

[1]) Іакинѳъ Бичуринъ, „Достопримѣчательности Монголіи“.

[1]) Roussel-Killough, „Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océanie“.

[2]) Emil Schlagintweit, „Buddhism in Tibet“.

[3]) Köppen, „Die Religion des Bouddha“.

хото; но онъ былъ умерщвленъ, вслѣдствіе столкновенія изъ-за первенства съ императоромъ Канъ-си, и, по повелѣнію свыше, долженъ былъ возродиться въ городѣ Ургѣ, въ сѣверной Монголіи [1]). Съ этой эпохи имена избираемыхъ «Буддъ» предварительно утвержденія должны быть посылаемы въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Пекинѣ [2]).

Главныя монгольскія божества, тѣ же самыя, какъ и божества тибетцевъ, имѣютъ индусское происхожденіе, но есть между ними также и боги національнаго происхожденія, и эти послѣдніе—не наименѣе чтимые, хотя и менѣе высокопоставленные въ монгольскомъ пантеонѣ. Таковъ, напримѣръ, богъ Ямандага или «Козлиное лицо», котораго дѣйствительно изображаютъ съ головой козла или быка, увѣнчаннымъ короной изъ человѣческихъ череповъ, изрыгающимъ пламя и держащимъ въ своихъ двадцати рукахъ оторванные человѣческіе члены и орудія убійства: самъ онъ выкрашенъ темносиней краской, тогда какъ супруга его свѣтлоголубаго цвѣта. Другіе мстительные боги или демоны это домашніе идолы, даже простыя куклы изъ дерева или кусковъ матеріи, въ родѣ самоѣдскихъ божковъ [3]). Монголы отличаются большой ревностью въ дѣлѣ религіи; нѣтъ такихъ тяжелыхъ, утомительныхъ испытаній, которымъ бы они добровольно не подвергали себя, нѣтъ такихъ эпитимій, которыхъ бы они не налагали на себя, чтобы вымолить себѣ прощеніе грѣховъ: усердіе ихъ доходитъ до того, что они предпринимаютъ обходъ вокругъ монастырей или кумпренъ, падая ницъ на каждомъ шагу, такъ что измѣряютъ ограду своими ламами, распростертыми въ пыли или въ грязи. Наибольшая доля ихъ достоянія и доходовъ заранѣе принадлежитъ ламамъ. Храмы, монастыри, воздвигнутые въ разныхъ мѣстахъ монгольской территоріи, служатъ наглядымъ доказательствомъ щедрости вѣрующихъ. Когда ламы отправляются за сборомъ подаяній во имя «Стараго Будды», они всегда и вездѣ находятъ хорошій пріемъ: ихъ освященная чаша быстро наполняется слитками золота и серебра, и скоро они возвращаются обратно, въ сопровожденіи цѣлаго каравана вьючныхъ животныхъ, несущихъ дары, пожертвованные вѣрующими на построеніе храма. Жрецы—истинные господа и хозяева страны, и единственные люди, которые, не имѣя надобности трудиться, всегда обезпечены въ пользованіи всѣми благами и удобствами жизни: все, что отъ нихъ требуется,—это повиноваться звукамъ рожка изъ морской раковины, призывающаго ихъ въ опредѣленные часы въ храмъ. Оттого-то число монголовъ, которые избѣгаютъ горькой доли бѣдняка, или которые освобождаются изъ рабскаго состоянія, вступая въ монастыри, много превышаетъ пропорцію лицъ духовнаго званія во всякой другой странѣ земнаго шара, не исключая даже и Тибета. Говорятъ, что цѣлая треть населенія страны состоитъ изъ ламъ или «бѣлыхъ людей», то-есть бритыхъ; нѣтъ семейства, которое не имѣло бы по крайней мѣрѣ одного изъ своихъ членовъ въ какой-нибудь кумпренѣ; во многихъ округахъ большинство родителей предназначаютъ всѣхъ своихъ дѣтей мужескаго пола къ постриженію и облаченію въ желтыя и красныя одежды ламъ и оставляютъ при себѣ только одного сына, поступающаго въ толпу «черныхъ людей» или волосатыхъ, которые продолжаютъ родъ и пасутъ стада. Ни въ одной странѣ міра наружныя формы и обряды религіи не соблюдаются болѣе строго: даже пограничный китаецъ, продавая обманнымъ вѣсомъ какой-нибудь фальсифицированный товаръ, не преминетъ завернуть въ бумагу, украшенную священной молитвой тибетцевъ и монголовъ, «Омъ мани падмэ хумъ», и содержатель гостиницы, подавая останавливавшемуся у него путешественнику свой баснословно преувеличенный счетъ, пишетъ его подъ той же формулой буддійской молитвы [1]). Китайское правительство, которое мало заботится о своемъ духовенствѣ, оказываетъ покровительство монгольскому ламаизму, обезпечивая прилличные доходы большинству монастырей: политика маньчжурской династіи постоянно стремилась и стремится къ тому, чтобы увеличивать число ламъ съ цѣлью уменьшать настолько же естественное приращеніе населенія и замѣнять мирными монастырями прежнія военныя ставки его наслѣдственныхъ непріятелей [2]). Тѣмъ не менѣе, національная ненависть продолжаетъ существовать по причинѣ различія нравовъ и противоположности интересовъ: почти всѣ сбереженія монгольскихъ племенъ исчезаютъ въ сундукахъ китайскихъ купцовъ и ростовщиковъ; они только проходятъ черезъ руки ламъ.

Какъ ни многочисленно населеніе монастырей Монголіи, въ которыхъ насчитываютъ до десяти тысячъ человѣкъ, принадлежащихъ всѣмъ ступенямъ жреческой іерархіи, они, однако, заключаютъ въ себѣ далеко не весь религіозный персоналъ страны. Большое число ламъ живутъ постоянно въ своихъ собственныхъ семействахъ; другіе скитаются по разнымъ мѣстамъ; наконецъ, и кудесники, независимые отъ оффиціальной религіи, тоже сохранили свой престижъ у большей части племенъ: къ нимъ именно, къ этимъ шаманамъ, обращаются суевѣрные монголы, чтобы отвратить отъ стадъ дурной глазъ и всякую бѣду,

[1]) Шифнеръ;—Васильевъ;—Гюкъ.

[2]) О. Иларіонъ, „Труды русскаго посольства въ Пекинѣ о Китаѣ“, т. I.

[3]) Pallas, „Sammlung historisches Nachrichter über die mongolischen Völkerschaften“.

[1]) Bushell, „Journal of the Geographical Society of London“. 1874.

[2]) Бокъ;—Рихтгофенъ.

чтобы установить хорошую погоду, чтобы «сдѣлать дождь», направить облака и вѣтеръ въ ту или другую сторону, указать дорогу, по которой нужно слѣдовать въ путешествіи, вылечить больныхъ, напустить болѣзнь на людей здоровыхъ, или даже «перемѣнить мѣсто души въ человѣческомъ тѣлѣ». Какъ доказываетъ самое имя шамановъ, которое первоначально примѣнялось, въ индусской формѣ срамана или въ китайской транскрипціи ша-менъ, къ «саманеянамъ» или буддійскимъ жрецамъ и монахамъ [1]), мы видимъ здѣсь всевозможные переходы между древнимъ культомъ силъ природы и религіей Будды, введенной послѣ смерти Чингисъ-хана. Даже до сихъ поръ совершаются жертвоприношенія животныхъ, въ противность предписаніямъ буддизма [2]). Какъ и въ Тибетѣ, нѣкоторыя монгольскія женщины, въ особенности вдовы, тоже посвящаютъ себя созерцательной жизни; но онѣ не довольно многочисленны, чтобы образовать монашескія общины въ собственномъ смыслѣ. Съ конца прошлаго столѣтія изгнанники и китайскіе поселенцы пропагандировали христіанство между нѣкоторыми монгольскими племенами и хоть сѣть католическихъ миссій протянулась вдоль южной окраины Монголіи отъ Ляо-дуна до самаго Тибета, тѣмъ не менѣе едва-ли распространеніе христіанства можно считать успѣшнымъ.

Различныя иноземныя вліянія, маньчжурское, китайское, тибетское, турецкое, которымъ подвергались монголы, оставили по себѣ слѣды въ ихъ нравахъ [3]). Такъ маньчжуры заставили монголовъ, какъ и китайцевъ, обрѣзывать себѣ волоса, за исключеніемъ «хвоста», то-есть длинной косы, спускающейся съ макушки на спину; они же, въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, ввели и сдѣлали преобладающимъ обычай моногаміи, тогда какъ до того времени монголы могли, какъ ихъ магометанскіе сосѣди, имѣть по нѣскольку женъ. Подобно тому, какъ въ Китаѣ, въ Монголіи родители напередъ устраиваютъ браки своихъ дѣтей, удостовѣрившись предварительно черезъ астрологовъ въ счастливомъ сочетаніи небесныхъ свѣтилъ. Покупная цѣна или калымъ платится и здѣсь, какъ у киргизовъ, и монгольскій женихъ, подобно туркмену разыгрываетъ комедію похищенія невѣсты. Что касается незаконныхъ женъ, которыхъ обычай позволяетъ содержать монголамъ, то онѣ просто покупаются, какъ въ Китаѣ, и дѣти ихъ не пользуются тѣми же правами, какъ дѣти законныхъ супругъ. Въ отношеніи погребенія умершихъ одерживаетъ верхъ китайскій обычай, когда дѣло идетъ о князьяхъ и княгиняхъ: ихъ кладутъ въ гробы, передъ которыми семейство покойника совершаетъ жертвоприношенія въ предписанныя времена. Тѣла высшихъ жрецовъ сжигаются, и пепелъ ихъ прикрывается башенками или грудами камней, тогда какъ трупы бѣдныхъ ламъ и простыхъ мірянъ бросаются на землѣ и оставляются на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, согласно тибетскому обычаю. Собаки приходятъ обнюхивать старыхъ и больныхъ нищихъ, лежащихъ на лохмотьяхъ и кускахъ войлока у дверей кибитокъ и сами собой выстраиваются въ ряды на похоронныхъ процессіяхъ, которыя слѣдуютъ за тѣлами умершихъ при уносѣ ихъ за стойбища [1]). Вороны, которымъ всѣ эти человѣческіе остатки доставляютъ обильную пищу, рѣдко покидаютъ плоскогорья Монголіи; границей имъ служитъ Великая стѣна. Китайцы даютъ этимъ птицамъ мѣткое названіе «гробовъ монголовъ» [2]).

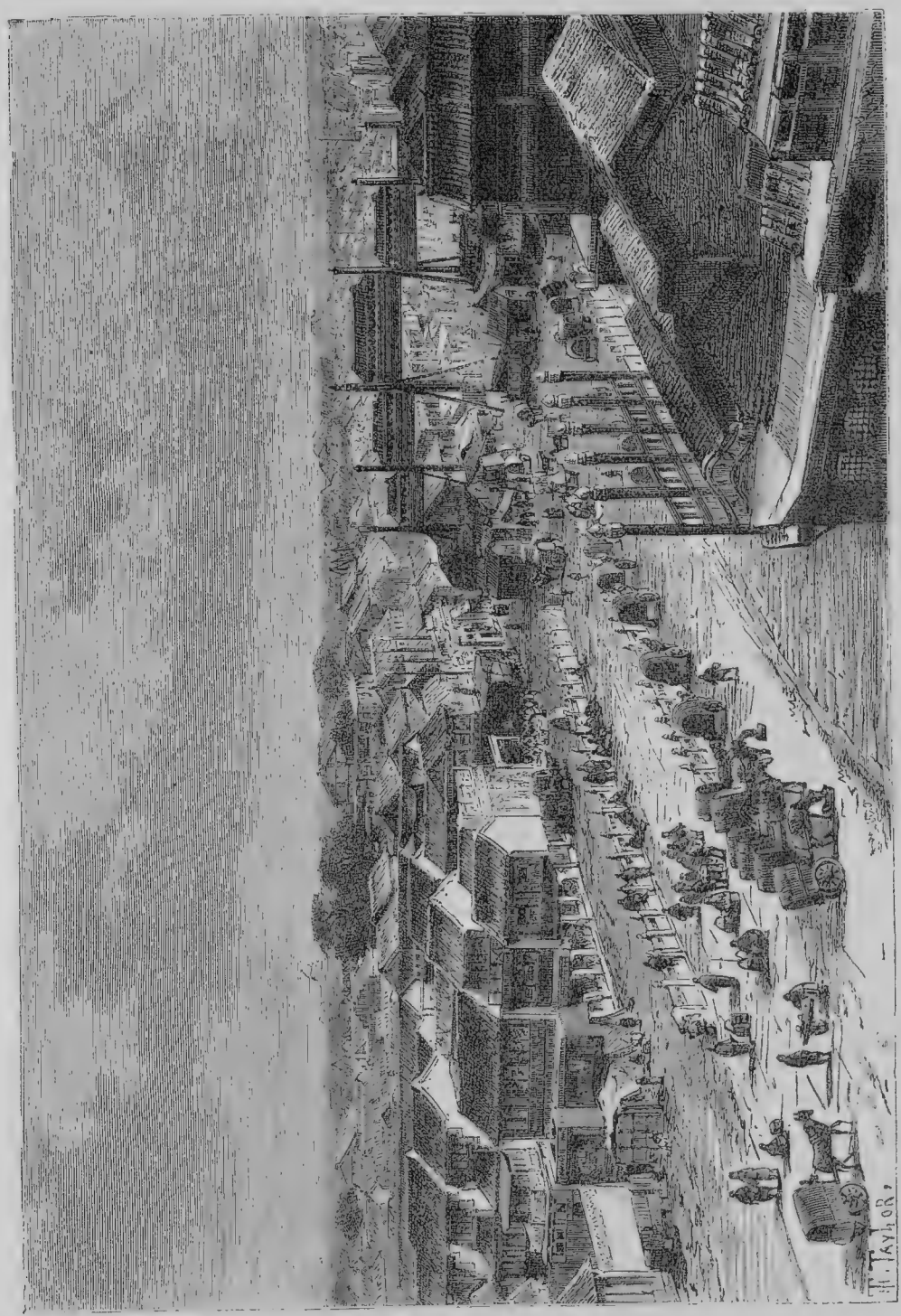
Несмотря на природное отвращеніе монголовъ къ китайцамъ, нѣтъ сомнѣнія, что цивилизація Срединной имперіи въ концѣ концовъ одержитъ верхъ» въ «Травяной землѣ», ибо переселенцы съ юга проникаютъ все далѣе и далѣе на сѣверную территорію, и ихъ численное превосходство не перестаетъ возрастать. Такъ, императорская область Джэголъ или Жэ-хэ, которая простирается, къ сѣверо-востоку отъ Пекина, на пространствѣ около 50.000 квадратныхъ километровъ, въ бассейнѣ, постепенно наклоняющемся отъ монгольскаго нагорья къ Чжилійскому заливу, была совершенно колонизована китайскими хлѣбопашцами, и несмотря на ожесточенныя столкновенія, прежніе обладатели земли были оттѣснены къ сѣверу. Джэголъ получилъ китайское названіе Чэнъ-дэ-фу; равнымъ образомъ и всѣ сосѣднія мѣста утратили свое монгольское наименованіе, чтобы принять китайскія имена, данныя переселенцами съ юга. Въ 1792 году этихъ послѣднихъ было уже въ краѣ 477.000 человѣкъ; въ 1827 году число ихъ почти удвоилось, именно достигало 884.000 человѣкъ; въ наши дни, по разсказамъ путешественниковъ, оно гораздо значительнѣе. Правда, что территорія Джэголъ составляла часть монгольской территоріи только въ административномъ отношеніи, и находится въ дѣйствительности на приморской покатости плоскогорья; но и на самыхъ монгольскихъ возвышенностяхъ китайцы уже начали дѣло колонизаціи и земледѣльческаго завоеванія этой страны. Область же Чэнъ-дэ-фу нынѣ причисляется къ провинціи Чжи-ли.

Часть «Травяной земли», которую обыкновенно называютъ «внутренней Монголіей», въ отличіе отъ «внѣшней Монголіи», простирающейся на сѣверъ отъ пустынь Гоби, сдѣлалась уже, какъ мы видѣли, болѣе, чѣмъ на половину китайской. Въ прежнія времена Великая стѣна была истинной границей. Этногра-

[1]) Палласъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Абель Ремюза.
[3]) Іоакинфъ Бичуринъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.
[2]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire chinois“.

фическій рубежъ довольно точно совпадалъ съ политической раздѣльной линіей и въ то же время съ геологической гранью, образуемой кристаллическими горными породами. Но китайскія населенія, стѣсненныя внутри стѣны, за которой они были заперты, давно уже перешагнули черезъ этотъ исполинскій валъ, чтобы занять. на южной покатости Монгольскаго плоскогорья, всѣ долины съ плодородной почвой и всѣ мѣстности, благопріятныя для торговли. Совокупность территоріи, извѣстной подъ именемъ Коу-вэй, что значитъ «За воротами», составляетъ отнынѣ китайскую землю, и какъ таковая, она не безъ основанія была присоединена недавно къ собственно Китаю, чтобы составить часть провинцій Шань-си и Чжи-ли. Колонизація этой территоріи, лежащей «За воротами», началась постройкой нѣсколькихъ



Главная пекинская улица.

укрѣпленныхъ мѣстъ, куда императоръ Канъси велѣлъ водворять на жительство уголовныхъ преступниковъ и политическихъ ссыльныхъ. Къ этому принудительному заселенію края мало-по-малу присоединилась добровольная колонизація, которая постоянно усиливалась, особенно съ половины девятнадцатаго столѣтія. Одна изъ главныхъ причинъ, привлекающихъ переселенцевъ на монгольскую территорію,—терпимость, которою тамъ пользуются воздѣлыватели мака; уплачивая извѣстную сумму — налогъ или штрафъ — около 80 франковъ съ гектара, китайскіе крестьяне безъ опаски сѣютъ запретное зерно и такимъ образомъ могутъ добывать себѣ опіумъ по дешевой цѣнѣ. Правда, каждый годъ мандарины являются объявлять всенародно, при звукахъ тамъ-тама, указъ, воспрещающій культуру мака, но этотъ объѣздъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы облегчить взиманіе налога [1]). Теперь населеніе кишитъ, какъ муравейникъ, въ этихъ странахъ; даже въ Собственномъ Китаѣ мало найдется мѣстностей, гдѣ бы города были болѣе оживлены, торговля болѣе дѣятельна, дороги болѣе кишѣли путешественниками. Когда спускаешься съ плоскогорья Монголіи, контрастъ поразительный: угрюмая, мертвая пустыня вдругъ смѣняется цвѣтущими нивами, красивыми городами, шумными толпами народа.

Въ этой борьбѣ расъ, двѣ національности, повидимому, не обнаруживаютъ склонности слиться въ одинъ народъ. Въ то время, какъ въ Маньчжуріи китайцы быстро ассимилируютъ себѣ туземцевъ, навязывая имъ свой языкъ и свои нравы, они съ трудомъ и очень медленно успѣваютъ передѣлывать монголовъ на свой ладъ. Тамъ, гдѣ китайскіе переселенцы основываютъ свои деревни на землѣ, право владѣнія которою остается еще за туземцемъ, этотъ послѣдній поспѣшно снимаетъ свою юрту и переноситъ ее на непочатую землю, чтобы оставаться, со своими лошадьми и овцами, внѣ области наступающей цивилизаціи [2]). При томъ же хлѣбопашество ему запрещено, такъ какъ въ качествѣ императорскаго воина онъ долженъ быть готовъ идти въ походъ по первому сигналу, долженъ жить единственно своимъ солдатскимъ жалованьемъ и доходомъ отъ своихъ стадъ. Многочисленныя монгольскія племена скорѣе соглашаются позволить оттѣснять себя постепенно къ пустынѣ, чѣмъ принять образъ жизни завоевателей ихъ страны, и брачные союзы, которые портятъ чистоту монгольской крови, считаются у нихъ позоромъ. Однако, медленное, но вѣковое воздѣйствіе китайцевъ, поселившихся на территоріи «За воротами», успѣло, въ концѣ концовъ, преобразить ближайшіе къ нимъ монгольскіе народы, измѣнить ихъ черты и нравы; «эрлицы», какъ называютъ метисовъ, происшедшихъ отъ китайскихъ колонистовъ и монгольскихъ женщинъ [1]), очень многочисленны въ нѣкоторыхъ племенахъ. Въ особенности чахары; то-есть «жители пограничнаго края», сдѣлались почти совершенными китайцами; они охотно подражаютъ обычаямъ сыновъ Небесной имперіи и предпочитаютъ жизнь большихъ городовъ дикой свободѣ своихъ соотечественниковъ [2]). Только въ сѣверной Монголіи старинная непріязнь къ китайцамъ сохраняется во всей своей силѣ: если бы Россія захотѣла, она легко могла бы воспользоваться противъ Срединной имперіи ненавистью сѣверныхъ монголовъ. Завоеваніе «Травяной земли» было бы для нея армій не болѣе, какъ военной прогулкой.

Чтобы обезпечить за собой владѣніе Монголіей, китайское правительство не имѣло до сихъ поръ другихъ средствъ, кромѣ какъ умышленно раздѣлять расу на враждующія между собой племена и льстить тщеславію начальниковъ отдѣльныхъ племенъ дозволяя имъ возвышать, посредствомъ брачныхъ союзовъ, въ родство съ императорской фамиліей. Преобразовавъ монгольскую знать въ чиновничью, маньчжуры переименовали бывшихъ родовыхъ правителей въ князей, раздѣливъ ихъ на 6 степеней и присвоивъ имъ извѣстные званія и оклады; они сохранили свою власть въ мѣстныхъ маловажныхъ вопросахъ, но обязаны входить съ представленіями въ китайское министерство по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ, а въ остальномъ они зависятъ въ дѣйствительности отъ Ургинскаго главнаго жреца и почитаютъ за великую честь именоваться учениками «святаго изъ Большаго куреня». Они съѣзжаются каждый годъ на общее собраніе подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, котораго они имѣютъ право сами выбирать, но выборъ котораго требуетъ еще утвержденія со стороны центральнаго правительства; принятыя на этомъ собраніи рѣшенія получаютъ силу закона только по представленіи ихъ китайскому губернатору или амбаню и по одобреніи ихъ формальнымъ порядкомъ. Императоръ, въ одно и то же время сюзеренъ и верховный судья, можетъ смѣстить начальника племени, который ему не нравится, но обычай требуетъ, чтобы преемникъ былъ выбранъ въ семействѣ низложеннаго князя. Всякая независимость въ сущности есть не что иное, какъ пустое слово, такъ какъ начальники племенъ состоятъ на жалованьи у правительства, и ихъ годовой окладъ, измѣняющійся отъ 750 до 20.000 франковъ, смотря по классамъ, повышается и понижается вмѣстѣ съ рангомъ, по

[1]) Key Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873; — Armand David, etc.

[2]) Ней Эліасъ; — Рихтгофенъ.

[1]) A. Bastian, „Peking“.

[2]) Пржевальскій, цитированное сочиненіе.

волѣ богдыхана. Вообще Монголія не только ничего не прибавляетъ къ доходамъ императорской казны, но даже стоитъ ей каждый годъ значительныхъ суммъ; ибо подать, уплачиваемая кочевниками натурой, верблюдами и лошадьми, остается въ рукахъ князей и ламъ. Правда, въ опредѣленныя эпохи вассалы отправляются торжественными посольствами въ Пекинъ поднести свои приношенія «Сыну Неба»; но послѣдній щедро отплачиваетъ за эти приношенія подарками, состоящими изъ шелковыхъ тканей, дорогихъ одеждъ и разныхъ драгоцѣнностей. Въ отношеніи Китая монголы не считаются обязанными платить какую-либо прямую дань, но отъ нихъ требуется, чтобы они несли военную службу; всѣ мужчины, въ возрастѣ отъ восемнадцати до шестидесяти лѣтъ, входятъ въ составъ императорской конницы; однако, князья въ большинствѣ случаевъ нерадиво относятся къ своей обязанности, не дѣлаютъ смотровъ и не повѣряютъ наличнаго состава войска. Какъ показала исторія недавней китайско-японской войны, монгольская армія имѣетъ скорѣе фиктивное, чѣмъ дѣйствительное существованіе; въ лучшемъ случаѣ можно бы было собрать развѣ только десятую ея часть [1]).

Монгольскія войска изъ западной части страны и Тибета явились въ послѣднюю войну въ Пекинъ, почти уже по окончаніи войны, хотя были вызваны при самомъ ея началѣ, причемъ вооруженіе ихъ болѣе нежели примитивное.

Сѣверная Монголія или Халха, занимающая большую часть Монголіи, въ административномъ и военномъ управленіи подраздѣляется на четыре корпуса, нѣкогда аймаки отдѣльныхъ хановъ: сѣверный или Ханъ-ула, восточный или Кэрулэнъ-барсъ-хотонъ, центральный или Цэцэрликскій и западный или Цзакъ-ламскій [2]). Преданія запрещаютъ различнымъ племенамъ переходить границы этихъ ханствъ въ своихъ перекочевкахъ въ разныя времена года. Въ южной и восточной Монголіи страна раздѣлена такимъ же образомъ между многими колѣнами, какъ-то: суніутами, гешиктами, баринцами, найманами, хорчинами, учумсинами, уніотами, джаротами, туметами, аханарами, дурбанами и восемью хошунами чахаровъ. Административныя дѣленія края совпадаютъ съ военными. Каждый отрядъ въ 150 солдатъ называется эскадрономъ; шесть эскадроновъ образуютъ полкъ; неопредѣленное число полковъ,—разное, смотря по провинціямъ,—составляютъ хошунъ или «знамя»: это дѣленіе всего лучше соотвѣтствуетъ естественной группировкѣ племени. Нѣкоторое число хошуновъ соединяется въ аймакъ; аймаки разнятся величиной и важностью: Халха или сѣверная Монголія—4 аймака 86 хошуновъ; южная Монголія—22 аймака 42 хошуна; область чахаровъ—1 аймакъ 8 хошуновъ; Ала-шань—1 аймакъ 1 хошунъ; область ордосовъ—1 аймакъ 7 хошуновъ.

Многолюдные города Монголіи, естественно, группируются въ юго-западной ея области, т. е. въ территоріи, называемой «За воротами», гдѣ живутъ китайцы; однако, и въ сѣверной части «Травяной земли» есть нѣсколько городовъ, имѣющихъ важное значеніе, какъ мѣста пересѣченія дорогъ и торговые центры. Такъ, городъ Кобдо, лежащій на высотѣ слишкомъ 1.200 метровъ, въ долинѣ рѣки Баянъ-ту, на одномъ плато монгольскаго Алтая, недалеко отъ западнаго берега большаго озера Кара-усу, служитъ складочнымъ пунктомъ для русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ съ Алтайскихъ горныхъ заводовъ и изъ долины верхняго Иртыша: это былъ также рынокъ горнозаводскихъ областей, которыя находятся на югѣ, на дорогѣ въ Баркуль; тамъ, небольшіе холмы, возвышающіеся среди пустыни, заключаютъ мѣсторожденія золота, которыя правильно разработывались для китайскаго правительства, до возстанія дунганъ. По чистотѣ Кобдо представляетъ рѣдкое исключеніе между китайскими городами. По обѣ стороны главной его улицы струятся оросительныя канавы, выведенныя изъ рѣки Баянъ-ту, а вдоль ихъ тянутся аллеи изъ тѣнистыхъ тополей. Къ востоку отъ Кобдо, на томъ же гористомъ плато китайскаго Алтая, но на большомъ разстояніи, находится другой торговый пунктъ, Улясутай. Оба эти города расположены одинаковымъ образомъ: тотъ и другой состоятъ изъ внутренняго города, окруженнаго каменной стѣной, въ которомъ имѣютъ пребываніе мѣстныя власти и сосредоточены солдаты гарнизона, и открытаго, неогороженнаго квартала, такъ называемаго маймачэна (мѣстечко для купли и продажи), гдѣ живутъ китайскіе купцы; вокругъ садовъ тамъ и сямъ разсѣяны юрты монголовъ. Въ 1870 году эти два города сильно пострадали отъ возстанія дунганъ: Кобдо, имѣвшій въ то время 6.000 жителей, былъ совершенно разграбленъ; въ Улясутаѣ инсургенты сожгли предмѣстья; другой городъ, Хахаръ-чэвъ, въ 200 километрахъ къ югу отъ Кобдо, былъ окончательно разрушенъ и пересталъ существовать. Несмотря, однако, на этотъ разгромъ, торговля теперь снова достигла весьма значительнаго развитія въ этой области Монголіи: изъ одного только Кобдо китайскіе негоціанты отправляютъ каждый годъ въ провинцію Ганьсу стада барановъ, заключающія болѣе 200.000 головъ. Что касается населенія городовъ, то оно не можетъ быстро возрастать: монголы приходятъ въ городъ лишь въ качествѣ временныхъ посѣтителей, а китайцы, не имѣя

[1]) Бичуринъ; —Тимковскій; —Пржевальскій.
[2]) Матусовскій; —Позднѣевъ.

права приводить съ собой своихъ женъ, не могутъ основывать постоянныхъ поселеній [1]).

Истинная столица всей сѣверной Монголіи есть городъ Урга, по-монгольски Богдо-курень или Да-курень, т. е. «Большое поле» или «Священная ограда». Онъ построенъ на сибирской покатости Монголіи, въ бассейнѣ рѣки Толы, воды которой соединяются черезъ Орхонъ съ Селенгой и теряются въ Байкальскомъ озерѣ. На сѣверѣ тянется цѣпь холмовъ съ пологими скатами, кое-гдѣ поросшими ельникомъ, тогда какъ прямо противъ города поднимаются крупные склоны настоящей горы, въ 600 метровъ высотою, горы, которой дали названіе Ханъ-ула или «Царская гора», и въ честь генія которой ежегодно дѣлаются торжественныя жертвоприношенія [2]). Урга занимаетъ значительное пространство. Собственно курень или окруженный стѣнами городъ, гдѣ находится одинъ изъ трехъ дворцовъ хутухты, «живаго Будды» Монголіи, раскинулся въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ рѣки Толы: это лабиринтъ дворовъ и переулковъ, гдѣ ламы,—въ числѣ 10.000 человѣкъ, а можетъ быть и больше,—разставили свои палатки и выстроили свои глиняныя мазанки, надъ которыми высоко поднимаются позолоченные куполы храмовъ: въ этой же оградѣ помѣщается высшее училище, нѣчто въ родѣ университета, состоящее изъ трехъ факультетовъ—медицинскаго, богословскаго и астрологическаго. Торговый посадъ или маймачэнъ расположенъ на востокъ отъ куреня: здѣсь имѣютъ пребываніе китайскіе купцы, въ числѣ около 4.000 человѣкъ, и располагаются станомъ русскіе чайные караваны съ своими бурятскими вожаками верблюдовъ: въ этой части города говорятъ коммерческимъ жаргономъ, представляющимъ смѣсь монгольскаго языка съ различными нарѣчіями Китая и Сибири [3]). Наконецъ въ послѣднее время выстроился новый кварталъ, кварталъ русскаго консульства, гдѣ складываются чаи и другіе товары (транзитъ чаевъ въ Ургѣ въ 1896 г.: 345.347 ящиковъ [4]). Въ этомъ-то консульствѣ, учрежденномъ въ 1861 году, была снаряжена большая часть русскихъ, научныхъ и торговыхъ экспедицій, совершенныхъ черезъ Монголію. Часть окружающей городъ равнины была преобразована китайскими огородниками въ великолѣпный садъ. Черезъ каждые три года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Ургѣ происходитъ большая ярмарка для всей Монголіи; въ это время собирается до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, которые располагаются въ палаткахъ на равнинѣ.

Между городами Монголіи Урга замѣчательна тѣмъ, что къ ней сходится наибольшее число торговыхъ путей. Будучи главнымъ этапнымъ пунктомъ на большой дорогѣ чайной торговли, между Кяхтой, на сѣверѣ, и Калганомъ, у воротъ Великой стѣны, Урга соединена въ то же время съ Кобдо и Улясутаемъ, съ городами провинціи Гань-су, съ городами Маньчжуріи, почтовыми дорогами, на которыхъ устроена правильная гоньба, но которыя обыкновенно періодически перемѣщаются съ перемѣной временъ года, для того, чтобы почтовыя лошади находили свѣжій кормъ въ продолженіе всего года. На этихъ торговыхъ трактахъ расположены, въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго, стойбища изъ пятнадцати до двадцати юртъ, подъ надзоромъ становаго смотрителя, получающаго жалованье отъ китайскаго правительства и обязаннаго доставлять безвозмездно лошадей проѣзжающимъ и давать имъ помѣщеніе на ночь. Въ силу трактатовъ, заключенныхъ въ 1859 и въ 1869 годахъ между Россіей и Китаемъ, русское правительство получило право устроить и содержать на свой счетъ почтовую службу между Кяхтой и Тянь-цзинемъ по ургинской дорогѣ. Въ каждомъ изъ городовъ, лежащихъ на этомъ трактѣ, въ Ургѣ, въ Калганѣ, въ Пекинѣ, въ Тянь-цзинѣ, имѣетъ пребываніе русскій чиновникъ, которому поручено заботиться о своевременной отправкѣ товаровъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ, и о перевозкѣ проѣзжающихъ черезъ каждые десять дней; среднимъ числомъ, продолжительность переѣзда между конечными пунктами пути составляетъ около двухъ недѣль.

Древняя столица громадной имперіи монголовъ, Кара-корумъ находился въ томъ же рѣчномъ бассейнѣ, какъ и современный намъ городъ племени. Часто удивлялись, что главная резиденція монгольскихъ государей могла продержаться въ теченіе двухъ третей столѣтія среди этихъ утомительно однообразныхъ равнинъ верхняго бассейна Селенги, и что она не была на первыхъ же порахъ переведена въ какую-нибудь болѣе живописную мѣстность, на берега большой рѣки, или въ плодоносную равнину; но это объясняется тѣмъ, что монгольскимъ завоевателямъ всего нужнѣе и удобнѣе была ихъ родимая степь, откуда они быстро могли дѣлать свои внезапные набѣги, съ одной стороны къ равнинамъ Китая, съ другой къ равнинамъ западной Азіи. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, когда дѣло завоеванія было кончено и когда громадная имперія распалась на два царства, восточное и западное, сохраненіе Кара-корума, какъ столицы, не имѣло болѣе смысла, и его смѣнили другіе города, каковы Пекинъ и Самаркандъ. Го-

[1]) „Извѣстія Русскаго Географическаго Общества“, 1874 годъ, № 1.

[2]) Принцъ;—Радловъ;—Матусовскій;—Ней Эліасъ;—Семеновъ и Потанинъ, „Дополненіе къ Землевѣдѣнію Азіи, Карла Риттера“;—„Journal of the Geographical Society“, 1873.

[3]) О. Іакинфъ Бичуринъ, „Достопримѣчательности Монголіи“; — Russel-Killough, „Seize mille lieues etc.“;—Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie“.

[4]) „Вѣстникъ Финансовъ“, 1897 г.

линъ или Хоринъ (Кара-курень или «Черное поле», «Черный городъ») упоминается китайскими лѣтописями уже въ восьмомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія; быть можетъ, Чингисъ-ханъ устроилъ тутъ одинъ изъ своихъ главных становъ, но это поселеніе сдѣлалось столицей имперіи только въ 1234 году: въ этомъ году Октай-ханъ велѣлъ огородить его стѣной. Европейскіе путешественники Лонжюмель, Рубрукъ, видѣли тамъ монгольскаго хана во всей его славѣ, въ то время, когда при его дворѣ толкались авантюристы всѣхъ націй и религій, буддисты, мусульмане и христіане: какой-то мастеръ изъ Парижа, по имени Гильомъ, украшалъ его сады и устраивалъ въ нихъ изящные фонтаны, откуда вино, молоко, кумысъ, сикеръ (родъ пива у древнихъ) лились струей въ серебряные бассейны [1]). Впрочемъ Кара-

Южныя ворота Великой стѣны.

[1]) Guillaume de Rubruk. édition d'Avezac, „Recueil

корумъ никогда не былъ большимъ городомъ. Валъ монгольскаго или внутренняго города имѣлъ всего только 5 ли, или около 2-хъ съ половиной километровъ въ окружности по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, 3 мили по словамъ Марко Поло, и наибольшая часть огороженнаго пространства состояла изъ дворцовъ и храмовъ, окруженныхъ обширными передними дворами и площадками. Внѣ ограды находились два другіе города, маймачэнъ китайцевъ и базаръ мусульманъ; но эти торговые кварталы, какъ кажется, были не очень обширны и важны: «городъ этотъ будетъ похуже мѣстечка Сенъ-Дени (во Франціи)», говорилъ Рубрукъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что «Черный курень», послѣ того какъ его покинули ханы, скоро исчезъ изъ числа городовъ. Долгое время даже никто не зналъ, кромѣ кочевниковъ племени халха, гдѣ находится мѣсто, на которомъ стояла древняя столица. Д'Анвиль помѣщалъ развалины Кара-корума на самой границѣ Гоби, близъ соляного озера Курганъ-уленъ; Ремюза искалъ ихъ гораздо сѣвернѣе, около истоковъ рѣки Орхонъ, приблизительно въ 400 километрахъ къ югозападу отъ Урги: и дѣйствительно, Падеринъ нашелъ ихъ недалеко оттуда, въ одной равнинѣ, по которой протекаетъ Орхонъ, километрахъ въ десяти къ юго-востоку. Тамъ видны остатки зубчатой стѣны, имѣвшей около пятисотъ шаговъ длины въ каждой сторонѣ, и внутри которой сохранились еще кое-какіе обломки стѣнъ построекъ [1]). Вопросъ о нахожденіи остатковъ Кара-курума вызвалъ, какъ извѣстно, снаряженіе особой экспедиціи академика Радлова въ 1891 году. См. Труды Орхонской экспедиціи.

Къ востоку отъ Урги область, по которой протекаютъ рѣки Кэрулэнъ и Хайларъ, и восточная часть которой причисляется въ административномъ отношеніи къ Маньчжуріи, не имѣетъ многолюдныхъ городовъ, а только мѣстечки, представляющія нѣкоторую важность, какъ главные города аймаковъ и сборные пункты для мѣновыхъ торговцевъ: между этими рынками наиболѣе посѣщаемые—Кэрулэнъ, Ганчжуръ и Хайларъ два изъ нихъ, носящіе имена рѣкъ, при которыхъ они стоятъ. Буддистскіе монастыри, существующіе въ этихъ мѣстечкахъ, извлекаютъ пользу изъ этого торговаго движенія.

Главный потокъ торговой дѣятельности, естественно, долженъ былъ направиться на югъ Монголіи, въ области, теперь присоединенныя въ административномъ отношеніи къ провинціямъ Шань-си и Чжи-ли, гдѣ китайцы, «пожиратели татаръ», поселившіеся многочисленными колоніями, основали свои промышленные города. Одинъ изъ этихъ рынковъ южной Монголіи есть городъ Сарачи, построенный на рѣкѣ, которая впадаетъ въ Хуанъ-хэ близъ ея большой сѣверо-восточной дуги. Къ востоку оттуда лежитъ другой городъ, Гуй-хуа-чэнъ, занимающій одну изъ нижнихъ террасъ плоскогорья, въ небольшомъ бассейнѣ, воды котораго спускаются на юго-западъ къ Хуанъ-хэ, впадая въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, обходя территорію племени ордосовъ, принимаетъ южное направленіе. Этотъ городъ, называемый монголами Куку-хото или «Голубымъ городомъ», имѣетъ важное значеніе, какъ рынокъ, гдѣ оканчивается торговая дорога, идущая изъ Улясутая, изъ Кобдо и изъ Чжунгаріи [1]). Какъ всѣ монгольскіе города, Куку-хото состоитъ изъ двухъ частей: изъ города военнаго и религіознаго и изъ города торговаго, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго площадями и садами. «Голубой городъ» былъ, до конца прошлаго столѣтія, резиденціей главнаго монгольскаго ламы, который нынѣ царитъ въ ургинскомъ дворцѣ; но и теперь еще въ Куку-хото живетъ хубильганъ, и этотъ городъ все еще служитъ мѣстопребываніемъ главныхъ буддійскихъ университетовъ Монголіи; по словамъ Гюка, не менѣе 20.000 студентовъ и ламъ наполняютъ школы и монастыри священнаго града. Какъ торговый центръ, Куку-хото особенно важенъ по торговлѣ скотомъ и его продуктами: главныя отрасли мѣстной промышленности—переработка ломокъ мрамора и копей каменнаго угля [2]), дубленіе кожъ и тканье верблюжьей шерсти; почти всѣ толстые канаты изъ этой шерсти, отправляемые въ Тянь-цзинь для лондонскаго и нью-іоркскаго рынковъ, получаются изъ Куку-хото: вычислено, что они представляютъ собой ежегодно стрижку около 200.000 верблюдовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Голубой городъ» есть, на монгольской территоріи, главное складочное мѣсто для товаровъ, отправляемыхъ въ Тянь-цзинь черезъ китайскій городъ Калганъ или «Ворота», на внѣшней Великой стѣнѣ. Равнымъ образомъ производится торговля кирпичнымъ чаемъ между Хань-коу и Сибирью, черезъ долину Хань-цзяна, провинцію Шань-си и городъ Куку-хото [3]).

Значительныя развалины до сихъ поръ еще видны на востокъ отъ этого города, близъ края террасы, откуда можно окинуть взоромъ долины внутренней Монголіи. Это остатки двухъ городовъ—Хара-хото или «Чернаго города» и Цаганъ-хото или «Бѣлаго города», изъ которыхъ первый очень древній, а второй былъ построенъ въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, чтобы служить столицей Монгольской имперіи [4]):

de voyages et de Mémoires publiés par la Société de Géographie", tome IV.

[1]) Robert Michell, „Geographical Magazine", іюнь 1874 г.

[1]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London", 1873.

[2]) Armand David; — Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 15 mars 1871.

[3]) „Oesterreichische Menatsschrift für den Orient", 1881.

[4]) Fr. von Richthofen, „Letters on Chili, Shansi", etc.; — Clement Allen, „Commercial Reports on China", 1879.

это городъ Цаганъ-норъ, черезъ который проѣзжалъ Марко Поло [1]). Въ томъ же округѣ, въ 50 километрахъ къ востоку отъ развалинъ Цаганъ-хото, находится китайская деревня Сиванъ-цзы главный пунктъ католическихъ миссій въ Монголіи. Въ 1873 году число монголовъ-католиковъ, причисленныхъ къ этой епархіи, опредѣляли въ 12.000 человѣкъ [2]).

Не менѣе Куку-хото важенъ городъ Долонъ-норъ, лежащій на высотѣ слишкомъ 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря, въ юго-восточномъ углу плоскогорья, тамъ, гдѣ невысокіе хребты указываютъ начало горной цѣпи Большой Хинганъ; этотъ городъ командуетъ также нѣкоторыми изъ самыхъ узкихъ проходовъ, спускающихся съ «Земли травъ» къ берегамъ Желтаго моря. Монгольское названіе его Долон-норъ, означающее «Семь озеръ», произошло отъ лужъ, которыя теперь засыпаны песками пустыни; китайцы же называютъ его Лама-мяо или «Могилой ламы», въ память капища, которое тутъ велѣлъ соорудить императоръ Канъ-си. Долонъ-норъ не обнесенъ каменной стѣной; но, какъ всѣ другіе города монгольскаго плоскогорья, онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей—города монастырей и храмовъ и города лавокъ. Дѣятельный торговый пунктъ, населенный преимущественно выходцами изъ провинціи Шань-си, которые приходятъ сюда обогащаться на счетъ простодушныхъ монгольскихъ пастуховъ, Долонъ-норъ есть въ то же время мануфактурный городъ; здѣсь выдѣлываютъ съ большимъ искусствомъ стальныя и всякаго рода украшенія изъ желѣза и изъ позолоченной мѣди, для монастырей и кумирень Монголіи; величественный идолъ Будды, имѣющій болѣе 10 метровъ въ вышину, который теперь красуется въ главномъ храмѣ г. Урги, былъ перенесенъ туда изъ Долонъ-нора черезъ пустыню Гоби [3]). Долонъ-норъ важенъ какъ конскій рынокъ, гдѣ ремонтеры китайской кавалеріи ежегодно скупаютъ много лошадей [4]).

Ганъ-ду или «Верхній дворъ», который наслѣдовалъ «Бѣлому городу» и Кара-коруму, какъ резиденція хановъ, и гдѣ Хубилай-ханъ построилъ мраморный и бамбуковый дворцы, описанные у Марко Поло, находится среди пустынной мѣстности, километрахъ въ сорока къ сѣверу отъ Долонъ-нора. Прозвище, которое ему обыкновенно даютъ монголы, «Городъ ста восьми храмовъ», произошло отъ религіозныхъ зданій, которыя нѣкогда господствовали своими куполами надъ массой домовъ, столь же многочисленныя, какъ томы священной книги Ганъ-чжуръ и какъ зерна молитвенныхъ четокъ. Но эти строенія лежатъ теперь въ развалинахъ, и двойная ограда, окружающая эти груды мусора, поросла травой и кустарникомъ. Небольшой монастырь, построенный за чертой древняго города, и нѣсколько монгольскихъ юртъ, разбитыхъ на берегу рѣчки, суть единственныя жилища, которыя въ наши дни замѣняютъ «городъ съ сотней храмовъ». Пространство, обведенное земляннымъ, обросшимъ травой, валомъ и обнимающее площадь по меньшей мѣрѣ въ двѣнадцать квадратныхъ километровъ, есть, вѣроятно, тотъ чудесный паркъ, о которомъ говоритъ Марко Поло; но, понятно, мы не увидимъ тамъ болѣе ни фонтановъ и искусственныхъ рѣчекъ, ни луговъ и лѣсовъ, описываемыхъ знаменитымъ венеціанскимъ путешественникомъ [1]).

Гораздо обширнѣе былъ Джегольскій паркъ (Вэй-чанъ), въ юго-восточной области внутренней Монголіи: эта лѣсная область, населенная дикими звѣрями, обнимала, на пространствѣ многихъ десятковъ тысячъ квадратныхъ километровъ, долины и холмы, которые простираются отъ монгольскаго плоскогорья до палисада Маньчжуріи: здѣсь-то паслись табуны десяти тысячъ бѣлыхъ, безъ малѣйшаго пятнышка, лошадей, представленныхъ въ видѣ дани императору Канъ-си; члены императорской фамиліи и нѣкоторыя привилегированныя лица только одни имѣли право пить вмѣстѣ съ нимъ молоко отъ кобылицъ этого отборнаго стада. Городъ Джегольъ, Шэ-хэръ или Чэнъ-дэ-фу — называемый также въ нѣкоторыхъ китайскихъ документахъ Жэ-хэ, т. е. «Теплая рѣка», по причинѣ горячаго ключа, бьющаго изъ земли въ паркѣ, — есть столица этой страны, которую китайцы и осѣдлые монголы быстро завоевываютъ для земледѣлія; онъ прославился лѣтнимъ императорскимъ дворцомъ, богато украшеннымъ произведеніями искусства и въ особенности инкрустированными деревянными издѣліями; это зданіе, построенное въ 1703 году, по образцу Пекинскаго дворца, служило убѣжищемъ императорской фамиліи, когда союзныя англо-французскія войска овладѣли столицей Китая, послѣ сраженія при На-ли-цяо. Главный храмъ этой резиденціи представляетъ, по своему архитектурному стилю, подражаніе капищу, которое высится на священной горѣ Потала [2]), въ Лассѣ, тогда какъ другой храмъ, напоминаетъ тибетскую кумирню, господствующую надъ городомъ Шигатзэ. Другой значительный городъ этой области, Ба-гоу или Пинъ-цюань-чжоу, лежащій въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Жэ-хэ, состоитъ изъ одной улицы, растянувшейся верстъ на восемь въ длину и окаймленной съ обѣихъ сторонъ фруктовыми садами и огородами: здѣсь находится центръ шелководственной

[1]) О. Іакинфъ Бичуринъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Carl Ritter, „Die Erdkunde von Asien“,—Yule, „The life of ser Marco Polo.
[3]) Гюкъ,—Пржевальскій,—Бушель.
[4]) Бородовскій, „Хинганская экспедиція“.

[1]) Bushell, „Journal of the Geographical Society of London“, 1874;—Путята.
[2]) Edkins, „North China branch. of Asiatic Journal“ 1866.

промышленности во внутренней Монголіи [1]). Дзынъ-пынъ, лежащій гораздо сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Шара-мурэнь,—тоже торговый городъ, посѣщаемый мѣховыми торговцами, которые пріѣзжаютъ сюда въ большомъ числѣ закупать шкуры тигровъ и другихъ пушныхъ животныхъ: здѣсь мы находимся уже на границахъ сѣверныхъ областей, еще слабо населенныхъ. Однако, и въ этой странѣ можно встрѣтить многолюдные монастыри. Такъ, одна кумирня, Гыгенъ-сумэ или «Храмъ живаго Будды», находящаяся въ этой сѣверной области внутренней Монголіи, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ, какъ говорятъ, не менѣе 5.000 жрецовъ.

Города Монголіи, съ вѣроятной цифрой ихъ населенія, суть:

Сѣверная Монголія: Кобдо—3.000 жит., въ 1868 г.; по Ней-Эліасу. Улясутай—3.000 жит., въ 1868 г.; по Ней-Эліасу. Урга—30.000 жит., въ 1870 г.; по Пржевальскому. Кэрулэнъ—1.500 жит., въ 1871 г.; по Лосеву.

Южная Монголія, причисленная къ провинціи Шань-си. Куку-хото—30.000 жит., въ 1870 г.; по Гюку.

Внутренняя Монголія, причисленная къ провинціи Чжи-ли. Чанъ-дэ-фу—40.000 жит.; Долонъ-норъ(Лама-міао)—10.000,въ1891г.;поБородовскому. Пинъ-цюань-чжоу—20.000; по Путятѣ.

V. Китайская Маньчжурія [2]).

На сѣверѣ, сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ Китайская Маньчжурія имѣетъ точныя границы, которыя опредѣлило русское правительство, именно теченіе р. Аргуни, Амура и притока послѣдняго, Уссури; на юго-востокѣ горныя цѣпи, пространства и воды рѣкъ Тумынь-улы и Ялу-цзяна отдѣляютъ маньчжурскую территорію отъ Кореи; на югѣ воды Желтаго моря омываютъ берега полуострова Ляодунъ; но на западѣ Маньчжурія не отдѣляется, со стороны Монголіи, никакимъ естественнымъ рубежемъ. Въ то время, какъ сѣверо-восточная часть «Земли травъ», на западѣ отъ хребта Большой Хинганъ, причисляется къ Маньчжуріи, лѣсистыя области и всѣ мѣстности верхняго бассейна рѣки Шара-мурэнь вошли въ составъ Монголіи. Когда-то «изгороди изъ ивняка» обозначали раздѣльную линію между этой частью монгольской территоріи и южной Маньчжуріей; но эти живыя изгороди давно уже не существуютъ. Туземцы, правда, показываютъ тамъ и сямъ нѣсколько рядовъ деревьевъ, о которыхъ они говорятъ, что это—остатки насажденій, сдѣланныхъ въ эпоху богдыхана Канъ-си [1]); но въ настоящее время невозможно распознать ни малѣйшаго плана въ группировкѣ лѣсковъ, которые видны по обѣ стороны древней границы, въ двухъ маньчжурскихъ провинціяхъ, Мукденской и Гиринской. Весьма вѣроятно, что эти барьеры изъ живыхъ деревьевъ и частокола, которые нѣкогда китайцы, японцы, корейцы устраивали взапуски другъ передъ другомъ, не имѣли никакой стратегической цѣли, ибо, въ случаѣ нападенія, ихъ, все равно, невозможно было бы защищать: но они были нѣчто въ родѣ волшебнаго круга, начертаннаго вокругъ страны и поставленнаго подъ покровительство добрыхъ геніевъ. Въ былыя времена взаимные набѣги различныхъ племенъ, маньчжурскихъ и монгольскихъ, съ обѣихъ сторонъ естественной границы, образуемой Большимъ Хинганскимъ хребтомъ, опредѣлили условную границу, существующую въ наши дни между Монголіей и Маньчжуріей; но эти давленія кочевыхъ племенъ другъ на друга уже утратили всякую важность: въ настоящее время и тѣ, и другіе, маньчжуры и монголы, одинаково должны отступать передъ китайцами, которые не перестаютъ подвигаться впередъ съ юга на сѣверъ, и которые составляютъ уже наибольшую часть населенія страны. Сомнительно даже, чтобы одна двѣнадцатая доля общаго числа жителей Маньчжуріи принадлежала къ той расѣ, отъ которой этотъ край получилъ свое названіе. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, пространство Маньчжуріи 600.000 квадратныхъ верстъ, населеніе 12.000.000 душъ, слѣдовательно, среднимъ числомъ приходится по 20 жителей на квадратную версту [2]).

Маньчжурская территорія естественнымъ образомъ дѣлится на двѣ противоположныя покатости: сѣверную, которая постепенно спускается къ Амуру и, черезъ эту рѣку, къ Охотскому морю; и южную, съ которой воды текутъ къ заливамъ Ляо-дунъ и Корейскому. Невысокій порогъ раздѣляетъ эти два ската и соединяется на западной сторонѣ съ монгольскимъ плоскогорьемъ посредствомъ полого спускающихся степей восточнаго Гоби, которыя во многихъ мѣстахъ представляютъ точно такой же видъ, какъ и «Земля травъ»: ихъ обширныя пустыни усѣяны впадинами и оврагами, въ которыхъ ручьи, бѣгущіе со скатовъ Большаго Хингана, образуютъ лужи безъ стока. Но съ той и съ другой стороны этого порога замѣчается большая разница между сѣверной Маньчжуріей, которая составляетъ часть сибирскаго міра, и южной Маньчжуріей, которая по своему климату, земледѣльческой культурѣ и характеру населенія принадлежитъ къ Китаю.

[1]) Williamson, „Journeys in North China, Manchuria, and Eastern Mongolia“;—Бородовскій;—Путята.

[2]) Отдѣлъ этотъ почти совершенно передѣланъ, значительно дополненъ въ видахъ того живаго интереса, который получила Маньчжурія въ русскомъ обществѣ за послѣднее время. Прим. ред.

[1]) Эти разсказы относятся лишь къ восточной части ивовой изгороди, что же касается западной ея части, то, по свидѣтельству Джемса, происхожденіе ея восходитъ къ временамъ Минской династіи. Прим. ред.

[2]) Д. Позднѣевъ, „Описаніе Маньчжуріи“.

Съ восточной стороны хребетъ Большой Хинганъ, который ясно виденъ съ береговъ рѣки Нонъ или Нонни (притока Сунгари), кажется болѣе величественнымъ, нежели съ западной, гдѣ подошва его врѣзывается въ толщу монгольскаго нагорья; вулканы, открывшіеся нѣкогда на протяженіи этой горной цѣпи, выставляютъ свои конусообразныя верхушки у оконечности глубокихъ ущелій, которыя вырыли себѣ притоки рѣки Нонни, осѣненные большими деревьями. Но древніе конусы изверженія высятся также въ равнинахъ, по которымъ протекаетъ рѣка Нонни, и которыя нѣкогда были покрыты водами озеръ, нынѣ опорожнившихся. Въ долинѣ рѣчки У-дэ-линь, притока Нэмэра, который изливается въ Нонни между городами Мэргэнемъ и Цицикаромъ, поднимается группа холмовъ, вулканическаго происхожденія, называемая маньчжурами Уюнь-холдонги или «Девять бугровъ». Въ 1720 году

Скалы желтозема на рѣкѣ Хуанъ-хэ.

сильныя землетрясенія колебали почву окружающей страны и сопровождались, въ началѣ 1721 года, сильнымъ изверженіемъ, которое продолжалось болѣе года, и за которымъ слѣдовалъ второй взрывъ, болѣе слабый. Явленія этого изверженія были обстоятельно описаны нятью императорскими посланцами, которые въ разныя времена посѣщали горѣвшую подземнымъ огнемъ мѣстность, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно природы событія; разсказы, относящіеся къ появленію Монте-Нуово, на сѣверномъ берегу Неаполитанскаго залива, далеко не отличаются такой точностью, какъ наблюденія китайскихъ изслѣдователей изверженія на холмахъ Уюньхолдонги. На трещинѣ почвы, откуда выходили пары и лава, поднялись два конуса изъ вулканическихъ обломковъ, и самый высокій изъ этихъ конусовъ возвышается на 800 саж. надъ уровнемъ равнины, тогда какъ кратеръ его имѣетъ около версты въ окружности: четыре потока лавы вылились изъ этого вулкана, каждый на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ жерла, и одинъ изъ нихъ, остановивъ теченіе рѣки У-дэ-линь, превратилъ ее въ обширное озеро; послѣ того другой потокъ лавы врѣзался въ водную площадь и образовалъ среди нея длинную плотину или дамбу, которая въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ была постоянно окутана клубами паровъ [1]) Архимандритъ Палладій, поднимаясь вверхъ по долинѣ рѣки Нонни, проходилъ въ сосѣдствѣ этихъ Девяти холмовъ, но онъ не могъ свернуть въ сторону отъ своей дороги, чтобы осмотрѣть ихъ вблизи; проводники его называли ихъ китайскимъ именемъ Лу-юань-шань, что значитъ «Сѣрныя горы»; дѣйствительно, эти горки заключаютъ въ себѣ богатыя мѣсторожденія сѣры, разработка которыхъ запрещена китайскимъ правительствомъ. Многіе другіе холмы этой долины тоже, очевидно, вулканическаго происхожденія; но о. Палладій не могъ узнать, были ли на нихъ наблюдаемы явленія вулканической дѣятельности. Въ этомъ отношеніи, «Девять пригорковъ» единственныя въ своемъ родѣ возвышенія въ Маньчжуріи. Существованіе вулканическихъ отдушинъ, производящихъ изверженія, на разстояніи около 1.000 верстъ отъ береговъ океана, составляетъ, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ области геологіи: мы имѣемъ тутъ очевидное доказательство того, что соленыя воды замкнутыхъ озеръ, какихъ есть нѣсколько въ Маньчжуріи, у основанія монгольскихъ степей, могутъ замѣнять воды моря въ химической работѣ, которая совершается въ нѣдрахъ земли и производитъ изверженія лавы.

На сѣверъ отъ бассейна, въ которомъ рѣка Нонни собираетъ свои первыя воды, гористая область соединяетъ монгольскій хребетъ Большой Хинганъ съ хребтомъ, который русскіе обыкновенно называютъ Малымъ Хинганомъ, тогда какъ у маньчжуровъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Даусэ-алинь. Горная страна, связывающая эти двѣ цѣпи, изображается подъ различными именами монгольскими, маньчжурскими, китайскими. О. Палладій, который проходилъ по ней, слышалъ, что ее всегда называли Хинь-ань-алинь: это, повидимому, то же самое наименованіе, какъ Хинганъ; на скатѣ, обращенномъ къ Амуру, ее обыкновенно называютъ Ильхури-алинь. Часто посѣщаемая дорога проходитъ черезъ эти горы между городами Мэргэнемъ и Айгуномъ. На самой возвышенной точкѣ прохода, среди поляны, окруженной большими лѣсами, стоитъ китайскій храмъ, принимающій путниковъ всѣхъ національностей имперіи, которые приходятъ преклонить колѣна передъ своими идолами; стражи этого святилища, изгнанники изъ «Цвѣтущаго царства», обязаны пещись о благополучіи проѣзжихъ и показывать имъ дорогу на тропинкахъ, иногда опасныхъ, или даже непроѣзжихъ въ весеннюю или лѣтнюю распутицу, во время таянія снѣговъ и проливныхъ дождей. Высота этихъ горъ не была точно измѣрена русскими путешественниками [2]). По ихъ описаніямъ невѣроятно, чтобы какая-либо изъ вершинъ достигала высоты 1.500 метровъ. Хребетъ Даусэ-алинь, который тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку въ обширномъ полукругѣ, образуемомъ теченіемъ рѣкъ Нонни и Сунгари, и который продолжается, на сѣверѣ отъ прорыва Амура, сибирскими горами, прилегающими къ рѣкѣ Буреѣ, имѣетъ, въ этой сѣверной части цѣпи, всего только 1.050 метровъ высоты, въ кульминаціонной точкѣ Лагоръ-аулъ.

Главный хребетъ южной Маньчжуріи — Шань-янь-алинь, обыкновенно называемый китайцами Чанъ-бо-шань или «Длинная бѣлая гора», получившая такое наименованіе отъ блеска ея известковыхъ скалъ, такъ же, какъ и отъ вѣнчающей будто бы ея гребень діадемы льдовъ; самыя высокія ея вершины, около истоковъ Сунгари, поднимаются до 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря и не переходятъ за предѣлъ постоянныхъ снѣговъ [3]). Въ своей совокупности эта горная цѣпь развивается довольно правильно по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ сліянія Амура и Уссури до мыса Лао-тѣ-шань, которымъ она оканчивается среди водъ Желтаго моря. На этомъ огромномъ протяженіи, около 1.500 километровъ, главный хребетъ неоднократно

[1]) Проф. Васильевъ, „Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества“, за 1855 г.;—Семеновъ, „Дополненіе къ землевѣдѣнію Азіи, Карла Риттера“, т. I.

[1]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, 1871.

[2]) Высота кумирни Лао-ѣ-мяо на перевалѣ М. Хингана по Усольцову опредѣляется въ 1.158 фут. Прим. ред.

[3]) Джемсъ;—Поздѣевъ.

мѣняетъ названіе и развѣтвляется многочисленными отрогами между рѣчными долинами; но онъ сохраняетъ свое нормальное направленіе, параллельное направленію другихъ большихъ цѣпей страны, на западѣ Монгольскаго Хингана, на востокѣ хребта Сихотэ-алинь, идущаго вдоль русскаго прибрежья. Бай-тоу-шань—высшая точка Чанъ-бо-шаня, какъ говорятъ, частію вулканическаго происхожденія, и въ центральной ея части находится озеро, наполняющее древній кратеръ, стѣнки котораго имѣютъ до 500 футовъ высоты [1]). Маньчжурскіе поэты, и между ними знаменитый императоръ Цянь-лунъ, воспѣваютъ горы Чанъ-бо-шань, какъ священную родину ихъ предковъ и въ то же время какъ страну прекраснѣйшую въ мірѣ по ея лугамъ и лѣсамъ, по ея источникамъ и рѣкамъ, по чистому воздуху, которымъ тамъ дышешь, и яркому свѣту, который тамъ разливаетъ небо.

Другія, менѣе важныя, горныя цѣпи, которыя поднимаются надъ равнинами, между Шань-янь-алинемъ и Хинганомъ, оріентированы въ томъ же направленіи, какъ почти всѣ возвышенія и пониженія почвы въ этой части восточной Азіи. Одинъ изъ наиболѣе правильныхъ между этими хребтами тотъ, который господствуетъ на западѣ надъ долиной рѣки Ляо-хэ, и который тянется вдоль западнаго берега залива Ляо-дунъ до мыса, у подножія котораго оканчивается Великая стѣна, омывая въ волнахъ моря свой послѣдній бастіонъ. Эта береговая цѣпь, извѣстная подъ разными именами, принимаетъ, около своей сѣверной оконечности, названіе Гуанъ-нинъ-шань, отъ города, лежащаго въ одной изъ долинъ ея подошвы; нѣсколько потухшихъ вулкановъ возвышаются въ сосѣдствѣ этихъ горъ. Горы Гуанъ-нинъ, такъ же, какъ хребетъ Чанъ-бо-шань, были во всѣ времена предметомъ почитанія, какъ хранители Маньчжуріи, ибо, по древнему повѣрованію, горы даютъ болѣе устойчивости странѣ давленіемъ, производимымъ ими на почву, и доставляютъ самимъ жителямъ, посредствомъ таинственнаго вліянія, власть и силу удерживать за собой обладаніе краемъ; уже во времена династіи Чжоу гора И-ву-люй, одна изъ вершинъ этой цѣпи, считалась однимъ изъ девяти стражей и патроновъ имперіи [2]). Точно также императоры послѣдующихъ династій помѣщали горы Гуанъ-нинъ въ число покровителей китайскихъ провинцій и иногда не упускали случая дѣлать имъ жертвоприношенія, чтобы пріобрѣсти ихъ благосклонность. И теперь еще показываютъ, на самой высокой вершинѣ этой цѣпи пустынь, гдѣ одинъ изъ богдыхановъ, наиболѣе прославляемыхъ историками Китая, Янь-ху-анъ (Jenhouang), провелъ большую часть своей жизни, окруженный книгами и рукописями.

Двѣ главныя рѣки Маньчжуріи, хотя весьма неравныя по объему воды, походятъ одна на другую симметріей своихъ долинъ. Эти рѣки текутъ въ противоположномъ направленіи, описывая каждая полуокружность замѣчательной правильности: верхняя Нонни, главная вѣтвь Сунгари, соотвѣтствуетъ Шара-мурэни, который есть не что иное, какъ верхній Ляо-хэ, а нижняя Сунгари воспроизводитъ такую же кривую, описываемую приморскимъ Ляо-хэ. Между этими двумя рѣками, низкая терраса восточнаго Гоби, покрытая желтоземомъ, усѣянная лужами стоячей воды, постепенно размывается на своихъ окраинахъ, гдѣ воды вырываютъ расходящіяся долины [1]).

Извѣстно, что Сунгари или «Молочный цвѣтокъ»,—получившая такое названіе отъ бѣлаго цвѣта ея водъ,—считается маньчжурами и китайцами главной рѣкой общаго бассейна, который она образуетъ вмѣстѣ съ Амуромъ. И дѣйствительно, по направленію своей долины, идущей параллельно хребтамъ Хингану и Чанъ-бо-шаню и самой оси всей сѣверо-восточной Азіи, Сунгари несомнѣнно должна быть признана первенствующимъ потокомъ бассейна, но она уступаетъ Амуру какъ по длинѣ теченія, такъ и по обилію жидкой массы; только лѣтомъ она превосходитъ своего соперника, благодаря обильнымъ осадкамъ отъ лѣтнихъ муссоновъ на Бѣлыхъ горахъ. Кромѣ того, твердыя землистыя частицы, которыя она приноситъ въ изобиліи, и отъ которыхъ прозрачная до того вода Амура тоже дѣлается мутной, ниже сліянія, придаютъ ей кажущееся превосходство: бѣловатый цвѣтъ ея волнъ сообщается долго всему соединенному потоку. Во многихъ мѣстахъ Сунгари имѣетъ болѣе 2 километровъ ширины между своими тинистыми берегами, гдѣ міріадами гнѣздятся ласточки; въ періодъ разливовъ эта рѣка принимаетъ видъ моря въ движеніи, усѣяннаго безчисленными островами, гдѣ находятъ убѣжище несмѣтныя стаи дикихъ гусей, лебедей и утокъ; барки заблуждаются въ лабиринтѣ каналовъ, отыскивая настоящій берегъ. Какъ историческій путь черезъ континентъ, Амуръ пріобрѣлъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ Сунгари, такъ какъ онъ носитъ на своихъ водахъ суда русскихъ къ Тихому океану и связываетъ Восточную Сибирь съ остальной частью Россійской имперіи; но Амуръ еще и до нынѣ протекаетъ по настоящимъ пустынямъ, въ сравненіи съ плодородными и населенными мѣстностями, орошаемыми Сунгари, по крайней мѣрѣ, въ средней части ея теченія. Торговое движеніе также несравненно значительнѣе на маньчжурской рѣкѣ, гдѣ передъ наиболѣе многолюдными городами

[1]) О. Палладій;—Delman Morgan, „Proceedings of the Geographical Society". 1872.

[2]) Edouard Biot, „Le Tchéou-li".

[1]) Fr. von Richthofen, „China".

барки должны съ большимъ трудомъ пробираться сквозь цѣлыя флотиліи стоящихъ на якорѣ судовъ. Для барокъ, сидящихъ на водѣ не глубже 3-хъ футовъ, Сунгари судоходна на протяженіи, по меньшей мѣрѣ 1.500 километровъ, отъ города Гириня до устья; Нонни, главный притокъ бассейна, тоже носитъ барки такого же водоуглубленія до Цицикара и даже выше этого города; наконецъ, рѣка Хурха или Муданьцзянъ, впадающая въ Сунгари у города Саньсина, доступна только мелкимъ судамъ. Однако, судоходство, которое производится по всѣмъ этимъ рѣкамъ, можетъ имѣть лишь мѣстную важность: большой крюкъ, который дѣлаетъ Сунгари въ западномъ направленіи, между городами Гиринемъ и Сань-синомъ, до такой степени замедляетъ перевозку товаровъ, что почти всѣ грузы отправляются прямо по сухопутнымъ сообщеніямъ [1]). Первый пароходъ, который поднимался вверхъ по Сунгари, былъ тотъ, на которомъ совершили свою поѣздку въ предѣлы Китайской имперіи русскіе изслѣдователи Усольцевъ и Кроноткинъ, въ 1864 году. Съ этого года до 1894 русскіе пароходы не появлялись на Сунгари, но въ настоящее время они уже перевозятъ грузы Китайской восточной дороги.

Шара-мурэнь или «Желтая рѣка», получающая начало на плоскогорьяхъ Монголіи и текущая вдоль южной окраины пустынной террасы, на которую опирается восточное основаніе хребта Хинганъ, становится судоходной, въ періодъ разлива, только ниже того мѣста, гдѣ она вступаетъ, подъ именемъ Ляо-хэ, въ провинцію Шэнъ-цзинъ, уже чисто китайскую. Въ нижней части своего теченія она достаточно глубока, чтобы принимать суда, имѣющія около 3 метровъ водоизмѣщенія, а приходящіе съ моря купеческіе корабли, вспомоществуемые морскимъ приливомъ, который можетъ подниматься до 3 съ половиною метровъ, проходятъ баръ Ляо-хэ и поднимаются вверхъ по рѣкѣ до порта Инъ-коу или Инъ-цзы. Приносимыя рѣкою твердыя землистыя частицы постепенно образовали, при впаденіи ея въ море, равнину въ ущербъ поверхности Ляо-дунскаго залива; даже въ историческія времена аллювіальныя земли захватили значительное пространство на мелкихъ водахъ залива; по мѣстному преданію, городъ Ню-чжуанъ стоялъ прежде у самаго устья; изъ вѣка въ вѣкъ онъ долженъ былъ устраивать себѣ передовые порты, по мѣрѣ того какъ устье выдвигалось все далѣе въ море и какъ самъ онъ оставался внутри материка, среди болотъ, постепенно преобразовываемыхъ въ культурныя пространства. Рѣчные наносы, которымъ, быть можетъ, помогаетъ также общее поднятіе страны, усѣяли дно Ляо-дунскаго залива мелями и островками, сильно затрудняющими плаваніе судовъ [1]). Долина рѣки Ляо-хэ во всѣ времена имѣла очень важное значеніе, какъ историческій путь: этой дорогой маньчжуры спускались къ прибрежью Желтаго моря, чтобы вторгаться въ предѣлы Китая, а китайскія арміи поднимались на сѣверъ къ бассейну Сунгари, къ границамъ Кореи; оттого-то императоры во всѣ времена учреждали бдительный надзоръ за безопасностью этой долины, и тамъ видны до сихъ поръ, въ сосѣдствѣ города Муъденя, остатки валовъ и укрѣпленій, имѣвшихъ истинную стратегическую важность [2]). Въ настоящее время долина Ляо-хэ получила исключительную цѣну въ политическомъ отношеніи, такъ какъ она представляетъ Маньчжуріи единственный существующій для нея выходъ къ морю. По странной непредусмотрительности, или, быть можетъ, потому, что оно тогда не считало себя достаточно сильнымъ, чтобы воспротивиться волѣ Россіи, китайское правительство лишилось всѣхъ портовъ на прибрежьѣ Тихаго океана къ сѣверу отъ Кореи, такъ что теперь торговыя сношенія бассейна Сунгари съ другими странами, кромѣ Сибири, должны производиться исключительно черезъ нижнюю долину рѣки Ляо-хэ, или запмствоваться чужой русской территоріей; именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сѣверная Маньчжурія находила бы свои лучшіе выходы къ Японскому морю, то-есть на берегу залива Петра Великаго, русскіе и основали свои морскія станціи для наблюденія за Китаемъ.

Маньчжурія представляетъ большое разнообразіе вида и характера мѣстности: въ ней есть и пустыни, и луга, и полевыя области, и густые, вѣтвистые лѣса. Пространство около 100.000 квадратныхъ километровъ, которое простирается на востокѣ Большаго Хингана, отъ рѣки Шара-мурэнь до подошвы передовыхъ горъ цѣпи Даусэ-алинь, какъ извѣстно, причисляется къ Монголіи, и иногда ему даютъ названіе Восточнаго Гоби; хребетъ Шань-янь-алинь, который поднимается высокой стѣной на юго-востокѣ, задерживаетъ на проходѣ дождливые муссоны Тихаго океана и заставляетъ ихъ отдать почти всю приносимую ими влажность, такъ что они продолжаютъ свой путь по другую сторону горъ уже значительно лишенные паровъ: понятно, что подъ этимъ изсушеннымъ воздушнымъ теченіемъ, съ которымъ чередуются сѣверо-западные вѣтры, еще болѣе сухіе, почва не можетъ быть плодородной, и воды, которыя изливаются на нее, должны застаиваться въ видѣ соляныхъ лужъ. Но между этой областью безплодныхъ степей или

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.

[1]) Michie, „Journal of the Geographical Society of London“, 1863.

[2]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, томъ IV, 1871 г.;—Richthofen, „Letter on the provinces of Tchekiang and Nganhwei“.

пустынь и тѣми пространствами, гдѣ муссоны свободно орошаютъ землю своими ливнями, и гдѣ, слѣдовательно, растительность достигаетъ могучаго пышнаго развитія, мы наблюдаемъ здѣсь всевозможныя переходныя степени климата и почвы. Въ бассейнѣ Сунгари разстилаются обширныя травныя степи подобныя тѣмъ, что и на берегахъ Амура; травы, покрывающія эта луга, поднимаются выше роста человѣческаго, до 3 метровъ вышины, и своими верхушками мѣшаются съ листвой кустарниковъ и деревьевъ: человѣкъ долженъ съ топоромъ въ рукѣ прочищать себѣ дорогу сквозь эти лѣса травъ и кустовъ, если счастливый случай не наведетъ его на тропинки, протоптанныя дикими звѣрями. На большой части горъ сѣверной Маньчжуріи скаты покрыты зеленью до самой вершины: лѣса наполняютъ промежуточныя долины. Ильмы, дубы, вязы, ивы достигаютъ такой высоты, что путникъ идетъ по нѣсколькимъ часамъ подъ ихъ тѣнью не видя ни малѣйшаго солнечнаго луча, который бы пробивался сквозь густой шатеръ ихъ листьевъ. Съ высоты нѣкоторыхъ вершинъ взорамъ наблюдателя представляется цѣлое море зелени, простирающееся далеко, изъ долины до долины и отъ горы до горы, сливаясь на крайнемъ горизонтѣ съ синевой неба: богатство растительности въ нѣкоторыхъ частяхъ бассейна Сунгари такъ велико, что его можно сравнить съ пышной растительностью острововъ Малайскаго архипелага. Въ южной Маньчжуріи, гдѣ земледѣліе завладѣло уже почти всѣми плодородными землями, лѣсная растительность менѣе густа, нежели въ бассейнѣ Сунгари; большая часть горъ полуострова или мыса, который выдвигается въ море между заливами Корейскимъ и Ляо-дунскимъ, оканчиваются голыми хребтами или пирамидальными вершинами [1]), кое-гдѣ даже встрѣчаются дюны, прогуливающіяся по берегу бухтъ.

Старая маньчжурка.

По своей флорѣ и фаунѣ китайская Маньчжурія такъ же, какъ и Маньчжурія русская, принадлежитъ къ переходной области между Восточной Сибирью и собственнымъ Китаемъ. Вѣрнѣе она составляетъ обширную растительную подъобласть, которую можно назвать Китайско-Маньчжурской [1]). Соотвѣтственные виды деревьевъ, кустарниковъ и низкихъ растеній придаютъ физіономіи этихъ странъ черты, напоминающія Европу; плодовыя деревья, хлѣбные злаки, огородныя овощи и другія культурныя растенія, которыя путешественникъ видитъ вокругъ жилищъ, еще болѣе увеличиваютъ это кажущееся сходство маньчжурской природы съ европейской. Но дикія животныя еще очень многочисленны въ Маньчжуріи, большая часть которой все еще находится въ первобытномъ, естественномъ состояніи: барсы все также прячутся въ лѣсныхъ чащахъ, и королевскій тигръ, этотъ «господинъ», какъ его называютъ туземцы, не переталъ рыскать по странѣ и нападать на ея обитателей, иногда даже на улицахъ ихъ поселеній: судя по большому количеству тигровыхъ шкуръ, которое продается каждый годъ въ городахъ, — шкуръ, изъ которыхъ иныя имѣютъ около 3 метровъ (4 аршинъ) въ длину, отъ головы до основанія хвоста [2]),— порода этихъ страшныхъ кошекъ еще далеко не перевелась въ краѣ. Волки этихъ странъ тоже очень опасные звѣри, и говорятъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Маньчжуріи они часто нападаютъ даже на людей; разсказываютъ, что бывали случаи, когда они пробѣгали вскачь черезъ стада барановъ, не дѣлая имъ никакого вреда, и бросались прямо на пастуха [3]). Между другими видами дикихъ животныхъ, кабаны, медвѣди, лисицы, дикія кошки, каменныя куницы тоже очень обыкновенны въ нѣкоторыхъ округахъ: въ сѣверныхъ лѣсахъ звѣроловы преслѣдуютъ ланей, красныхъ оленей, бѣлокъ и находятъ еще соболей, мѣхъ которыхъ идетъ на украшеніе шапокъ маньчжуровъ; въ западныхъ степяхъ бродятъ стада антилопъ. Еще и въ наши дни, несмотря на мирное вторженіе китайскихъ колонистовъ и распространеніе земледѣлія, сѣверная Маньчжурія есть по преимуществу страна охоты, звѣрованья, и, какъ въ старыя времена, когда безпрестанно нужно было опасаться нападенія хищныхъ звѣрей,

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.

[1]) „Описаніе Маньчжуріи“, изд. М—ва Финансовъ, т. I, стр. 174.

[2]) Вильямсонъ;—Гюкъ;—о. Палладій;—Пржевальскій;—Шредеръ etc.

[3]) Huc, „Voyage dans la Tartarie“.

*

охота доселѣ считается у маньчжуровъ своего рода религіознымъ актомъ: кто не умѣетъ охотиться, тотъ нечестивецъ [1]). Птицы, которыя по большей части принадлежатъ къ видамъ аналогичнымъ съ видами западной Европы, очень многочисленны, въ особенности пѣвчія птицы представлены большими стаями. Согласно изданному Министерствомъ Финансовъ «Описанію Маньчжуріи», орнитологическая фауна насчитываетъ въ своемъ составѣ 268 видовъ птицъ, изъ которыхъ 46 видовъ голенастыхъ, 35 хищныя, 40 плавающихъ, 8 курныхъ, 11 лазающихъ и 124 воробьиныхъ. Въ сосѣдствѣ жилищъ всегда увидишь безчисленное множество вороновъ, которыхъ маньчжуры почитаютъ какъ представителей ихъ предковъ, и которымъ они, вслѣдствіе этого, приносятъ ежедневныя жертвы, быстро поглощаемыя шумной толпой прожорливой птицы [2]). Текучія воды Маньчжуріи тоже очень богаты животной жизнью, и цѣлыя населенія существуютъ единственно рыбой. Изъ описанныхъ извѣстныхъ въ Маньчжуріи рыбъ повсемѣстно встрѣчаются китайскій окунь, налимъ, сомы различной породы, сазанъ, чебакъ, лещъ, бѣлорыбица, сиги, щуки, осетръ, калуга, а въ бассейнахъ рѣки Амура и лососевыя породы: кэта, горбуша и таймень. Въ Сунгари, ниже города Сань-сина, лососи водятся въ такомъ обиліи и попадаются такихъ большихъ размѣровъ, что рыболовы могутъ приготовлять себѣ изъ ихъ кожи лѣтній костюмъ, впрочемъ нисколько не уродливый, который ихъ жены украшаютъ разноцвѣтными вышивками.

*Изъ проходныхъ рыбъ другой породы, кромѣ лососевыхъ, слѣдуетъ упомянуть калугу (Huso orientalis) и амурскаго осетра (Sturio Schrenckii). Первая рыба достигаетъ до 50 пудовъ вѣсу [3]), имѣетъ вкусное, но нѣсколько грубоватое мясо, второй же, достигая вѣсомъ до 10 пудовъ, имѣетъ такое же вкусное мясо, какъ и осетры Европейской Россіи и Сибири.

Изъ пресмыкающихся здѣсь встрѣчаются: черепаха (Tryonyx Maackii), обыкновенныя ящерицы и лягушки, а изъ змѣй, колоссальная по размѣромъ, японская порода Trigonocephalus Blomhoffii. Насѣкомыми Маньчжурія весьма богата, и составъ видовъ ихъ еще разъ доказываетъ фактъ смѣшенія сибирской и болѣе южной природы. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть лишь, что страна отличается безпримѣрнымъ обиліемъ двукрылыхъ, какъ-то: оводовъ, слѣпней, мухъ, комаровъ, мошекъ и т. д., составляющихъ въ лѣтнее время сущій бичъ на людей и животныхъ, такъ какъ отъ этого «гнуса», какъ называютъ ихъ мѣстные обыватели, почти нѣтъ средствъ для защиты [1]).*

Нынѣшніе маньчжуры признаютъ своими предками ньючжэней или чжучжэней и причисляются къ тунгузской народности. Одно только изъ ихъ племенъ или колѣнъ, кочевавшее въ одной долинѣ «Длинной бѣлой горы» носило имя, которое теперь принадлежитъ всей націи. Побѣдитель всѣхъ своихъ сосѣдей, Тайцзу, начальникъ народца, называвшагося маньчжурами, провозгласилъ равенство всѣхъ своихъ подданныхъ подъ общимъ именемъ своего племени, и этому ловкому политическому шагу, соединившему разрозненныя поколѣнія въ одинъ народъ, онъ и былъ обязанъ своими побѣдами и надъ Китаемъ и завоеваніемъ этой громадной имперіи, въ 1636 году [2]). Но это завоеваніе должно было имѣть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ преобразованіе самихъ маньчжуровъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ тунгузскихъ племенъ, бродящихъ по берегамъ большихъ рѣкъ, каковы солоны, даурцы, гольды, манегиры, орочоны, маньчжуры собственно въ настоящее время составляютъ незначительную часть населенія страны. Впрочемъ и самая страна теперь есть не что иное, какъ китайская провинція, по порядку девятнадцатая область имперіи. Даже въ верхней долинѣ рѣки Нонни маньчжуры, измѣненные мало-по-малу китайскимъ вліяніемъ, положили конецъ своей бродячей жизни и изъ кочевыхъ дикарей сдѣлались осѣдлыми земледѣльцами. Они живутъ теперь въ фанзахъ, какъ и переселенцы съ юга, имѣютъ культурныя земли, которыя обыкновенно снимаютъ на аренду у китайцевъ, и говорятъ по-китайски съ чужеземцами. Изъ всѣхъ маньчжурскихъ племенъ солоны или салоны всего лучше сохранили свои старинные нравы и обычаи. Они не поклоняются Буддѣ и не имѣютъ другихъ жрецовъ, кромѣ шамановъ, совершающихъ свои заклинанія и колдованія вокругъ священныхъ пригорковъ. Тѣла умершихъ солоны сжигаютъ и пепелъ собираютъ въ кожаные мѣшки, которые привязываютъ къ вѣтвямъ деревьевъ, гдѣ они и остаются висѣть, качаемые вѣтромъ [3]). Дауры, которые теперь слывутъ самыми храбрыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми жестокими изъ маньчжуръ, суть, напротивъ, ревностные ламаисты, и каждая семья имѣетъ своего жреца.

*Орочоны, отрасль маньчжуръ, обитающіе по Номини, Гану, Ялу и притокамъ Нонни живутъ отдѣльными семействами или немноголюдными таборами въ самыхъ дикихъ мѣстахъ. Занимаясь оленеводствомъ, рыбными и звѣриными промыслами, они представляютъ бѣдное,

[1]) Carl Hiekisch, „Die Tungusen".
[2]) О. Палладій, „Записки Географическаго Общества" 1871 г.
[3]) „Описаніе Маньчжуріи".

[1]) Д. Позднѣевъ, „Описаніе Маньчжуріи".
[2]) Plath, „Geschichte der Mandschurei"; — Кастренъ; — П. Риттеръ и др.
[3]) Noirjean, „Annales de la propagation de la Foi", 1878.

неразвитое племя. Гольды, живущіе по нижнему теченію рѣкъ Сунгари и Уссури, по преимуществу рыболовы, и къ нимъ-то и было примѣнимо китайское названіе «ю-пи-тацзы», т. е. люди въ рыбьей шкурѣ. Общее число ихъ не достигаетъ и 25 тысячъ человѣкъ. Какъ духовныя качества, такъ и умственныя способности гольдовъ значительно выше, чѣмъ у другихъ второстепенныхъ маньчжурскихъ племенъ. На это обстоятельство китайское правительство обратило свое вниманіе и даровало гольдамъ нѣкоторыя права, сравнивъ ихъ съ маньчжурами, заведя въ гольдскихъ деревняхъ школы, и старается сдѣлать изъ нихъ осѣдлый народъ [1]).*

Вслѣдствіе смѣшенія расъ, которое произвело населеніе болѣе рослое и болѣе сильное, чѣмъ населеніе центральнаго Китая, нынѣ существуетъ большое сходство чертъ между завоевателями и тѣми, которыхъ еще причисляютъ къ туземцамъ, такъ что, для разрѣшенія сомнѣнія, нужно спрашивать у самихъ жителей края, кого имѣешь передъ собою—китайцевъ или маньчжуръ. Даже по формѣ ногъ нельзя узнать, къ какой національности принадлежатъ женщины, такъ какъ очень многія изъ китаянокъ, живущихъ въ Маньчжуріи, не подвергаютъ болѣе свои ноги пыткѣ искусственнаго уменьшенія. Между всѣми обитателями сѣверной полосы имперіи маньчжуры отличаются своей вѣжливостью, привѣтливостью и обходительностью съ иностранцами [2]). Хотя потомки тѣхъ маньчжуръ, которые покорили Китай, они, однако, имѣютъ настолько такта, что никогда не хвастаются своимъ происхожденіемъ передъ «сынами Неба»; въ этомъ отношеніи они ни мало не похожи на своихъ соплеменниковъ, наглыхъ китайскихъ мандариновъ, испорченныхъ практикой власти. Солоны, даурцы и другія сѣверныя маньчжурскія племена, веселые, живые, проворные, храбрые, какъ сибирскіе тунгусы, походятъ вмѣстѣ съ тѣмъ на японцевъ по быстротѣ и легкости, съ которою они усвоиваютъ себѣ чужія идеи и понятія и приспособляются къ перемѣнамъ среды. Въ настоящее время контрасты, производимые различіемъ религіи, имѣютъ въ Маньчжуріи гораздо болѣе важности, нежели противоположности, зависящія отъ различія расы. Магометане, составляющіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ треть населенія, живутъ по большей части въ городахъ, при томъ въ отдѣльныхъ кварталахъ и образуютъ настоящіе кланы или общины, члены которыхъ, хотя и принадлежатъ къ китайской расѣ, не смѣшиваются, однако, со своими соотечественниками другихъ религій. Въ отношеніи исполненія воинской повинности маньчжуры раздѣлены на восемь знаменъ или хошуновъ, откуда и произошло ихъ прозвище Паци или «восемь знаменъ»; но эти воины, которые еще въ 1873 году не имѣли другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлы, употребляются больше для охоты, чѣмъ для стратегическихъ экспедицій. Они обязаны вносить ежегодно подать натурой или ясакъ, состоящій изъ 2.400 оленей и нѣкотораго числа соболей.

Составляя поголовно военное сословіе, какъ у насъ казаки, они со своимъ потомствомъ несутъ помимо военной службы еще и нѣкоторыя повинности: такъ, содержатъ казенныхъ лошадей для гоньбы почтъ и перевозки чиновниковъ, служатъ матросами на правительственныхъ баркахъ по Сунгари и такъ далѣе. За это они пользуются среди остальнаго населенія особыми привилегіями, владѣютъ землями, получали нѣкогда пожизненное жалованье и въ случаѣ неурожая хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ. До восьмидесятыхъ годовъ всѣ эти права маньчжуръ строго исполнялись, но съ этого времени, когда въ страну начали направлять колонистовъ изъ собственнаго Китая, привилегіи маньчжуръ все сокращались и сокращались, и нынѣ они сравнены съ китайцами [1]). Впрочемъ, китайскіе элементы примѣшались къ маньчжурской расѣ даже въ арміи, такъ какъ множество переселенцевъ въ Шань-дуна были завербованы въ войска въ эпоху завоеванія Китая: этихъ военныхъ колонистовъ называютъ обыкновенно Ци-жэнь или «люди знамени» [2]).

Существованію маньчжурской расы, какъ особенной народности, и сохраненію ея языка, повидимому, грозитъ серьезная опасность, даже въ близкомъ будущемъ. Маньчжурскія дѣти, посѣщающія школу, почти всѣ ходятъ въ китайскія учебныя заведенія, гдѣ они изучаютъ четверокнижіе Конфуція и «книгу церемоній»; даже въ маньчжурскомъ краѣ большая часть названій мѣстъ извѣстна больше въ ихъ китайской формѣ. Маньчжурскій языкъ, вѣроятно, уже исчезъ бы, какъ письменный идіомъ, если бы онъ не былъ изучаемъ спеціально, по причинѣ маньчжурскаго происхожденія императорской фамиліи: это одинъ изъ классическихъ языковъ «Срединнаго царства», который обязаны изучать всѣ кандидаты на высшіе посты государственной службы, и знаніе котораго почти необходимо для ученыхъ, занимающихся китайской исторіей и литературой. Съ тѣхъ поръ, какъ маньчжурская династія царствуетъ надъ Китаемъ, то-есть съ 1636 года, всѣ важнѣйшія произведенія китайской словесности были переведены на языкъ завоевателей, и эти переводы позволяютъ разрѣшать трудности, встрѣчаемыя при толкованіи оригинала. Маньчжурскій діалектъ довольно звученъ и очень легокъ для изученія, благодаря правильности

[1]) „Описаніе Маньчжуріи". Изд. М—ва Финансовъ.
[2]) О. Палладій;—Вильямсонъ;—Гюкъ.

[1]) „Описаніе Маньчжуріи".
[2]) Noirjean, „Annales de la propagation de la Foi", 1874.

его грамматическихъ формъ и его синтаксиса; какъ всѣ нарѣчія тунгузскаго происхожденія, онъ состоитъ изъ односложныхъ или двусложныхъ корней, смыслъ которыхъ видоизмѣняется при помощи суффиксовъ. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, ньючжэни, предки нынѣшнихъ маньчжуръ, давшіе Китаю династію Циновъ, заимствовали свой алфавитъ у китайцевъ; буквы же, которыя они употребляютъ съ конца шестнадцатаго вѣка, монгольскаго происхожденія и, слѣдовательно, произведены отъ арамейскаго письма, занесеннаго въ центральную Азію несторіанами [1]). Императоръ Канъ-си велѣлъ составить маньчжурскій словарь, изъ котораго были тщательно исключены всѣ слова китайскаго происхожденія. Первый маньчжурскій словарь, который былъ изданъ въ свѣтъ европейцемъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, принадлежитъ Аміоту; съ тѣхъ поръ появились и другіе лексиконы на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Въ Маньчжуріи, какъ и въ другихъ внѣшнихъ владѣніяхъ или окраинахъ имперіи, китайская колонизація началась исправительными заведеніями для ссыльныхъ и военными поселеніями. Первыя колоніи этого рода были основаны непосредственно за Великой стѣной; въ настоящее же время онѣ уже далеко отодвинулись отъ нея, и большая часть изгнанниковъ, осужденныхъ за уголовныя или политическія преступленія, ссылаются въ глубь сѣверныхъ лѣсовъ и травяныхъ степей, въ сосѣдствѣ русской границы. Цицикаръ долгое время служилъ главнымъ мѣстомъ ссылки для высокопоставленныхъ особъ и для тѣхъ лицъ, которыя считались опасными, какъ члены тайныхъ сообществъ. Во время проѣзда архимандрита Палладія черезъ этотъ городъ, въ 1870 году, тамъ насчитывали до 3.000 ссыльныхъ, которые всѣ могли заниматься какой угодно работой и выбирать себѣ тотъ или другой кварталъ для жительства, подъ условіемъ являться на перекличку въ полицейское управленіе одинъ или два раза въ мѣсяцъ. Большое число магометанъ также водворены на жительство въ сѣверной Маньчжуріи; они живутъ особнякомъ отъ своихъ единовѣрцевъ, добровольно поселившихся въ краѣ, и имѣютъ особенныя мечети и школы [2]). Всѣ эти новые элементы оказываютъ большое вліяніе на измѣненіе мѣстнаго населенія и способствуютъ тому, что оно дѣлается все болѣе и болѣе похожимъ на населеніе внутренняго Китая. Но, прежде, чѣмъ слиться мирно съ другими жителями Маньчжуріи, эти поселенцы, добровольные и ссыльные, неоднократно бунтовали и во многихъ случаяхъ соединялись въ страшныя банды. Такъ, хунхузы или «рыжебородые», какъ называютъ тамошнихъ разбойниковъ, сдѣлались врагами всѣхъ мирныхъ колонистовъ окрестной мѣстности, русскихъ и китайцевъ; благодаря усовершенствованному оружію, которое они съумѣли добывать себѣ путемъ контрабанды, имъ удавалось даже составлять весьма большія правильно организованныя шайки и построить себѣ укрѣпленія, на которыхъ развѣвалось ихъ красное знамя съ надписью: «Отмстимъ за себя!» Часто даже русскія власти принуждены были посылать противъ нихъ значительные отряды войска [1]).

Китайскіе жители области Ляо-дунъ извѣстны вообще подъ именемъ манзовъ, какова бы ни была ихъ первоначальная родина. Они пришли сюда преимущественно изъ трехъ провинцій Шань-дунъ, Шань-си и Чжили; но въ сѣверо-западной Маньчжуріи есть также много такихъ, которые происходятъ отъ урожденцевъ Юнь-нани, сосланныхъ въ семнадцатомъ столѣтіи императоромъ Канъ-си. Переселенцы изъ провинціи Шань-дунъ самые многочисленные: они составляютъ осѣдлый и земледѣльческій классъ населенія; ихъ нарѣчіемъ говорятъ во всей Маньчжуріи, и ихъ нравы и обычаи преобладаютъ. Что касается переселенцевъ изъ провинціи Шань-си, то это по большей части странствующіе торговцы, ходебщики, лавочники, закладчики, банкиры. Они отличаются замѣчательною способностью къ изученію языковъ, и въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ иностранцами всегда употребляютъ діалектъ своихъ собесѣдниковъ; единственное нарѣчіе, которымъ они гнушаются пользоваться,—это маньчжурское, которое имъ въ самомъ дѣлѣ безполезно, такъ какъ бывшіе властители края выучились говорить по-китайски. Эти выходцы изъ Шань-си такъ ловко ведутъ свои дѣла, что въ концѣ концовъ присвоиваютъ себѣ всѣ богатства края. Въ ихъ домахъ, построенныхъ по маньчжурскому обычаю, съ плоскими крышами, идолы, которые занимаютъ самое почетное мѣсто, и передъ которыми они всего чаще преклоняютъ колѣни,—это тѣ, которые представляютъ боговъ богатства, Ла-о-ѣ и Цай-цинъ, и нужно сказать, что падкіе къ наживѣ китайцы не безъ успѣха молятся этимъ божествамъ: въ короткое время, посредствомъ труда или посредствомъ ростовщичества, они захватываютъ все въ свои цѣпкія руки. Однако, они еще не считаютъ себя окончательно водворившимися въ Маньчжуріи: умирая, они обыкновенно просятъ, чтобы ихъ тѣла были перенесены въ отечество.

*Современная колонизація страны имѣетъ большое значеніе для сосѣдней Россіи, и потому

[1]) Захаровъ, „Маньчжурско-русскій словарь“;—Schott, „Kitai und Karakitai“.

[2]) О. Палладій, цитирован. мемуаръ.

[1]) Aulagne et Noirjean, „Annales de la propagation de la Foi“, 1876;—Буссе, „Голосъ“, 1880 г.;—„Globus“, августъ 1880 г. Газеты „Владивостокъ“ и „Приамурскія Вѣдомости“ за всѣ годы.

не мѣшаетъ остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе. Плодородныя пространства долины рѣки Ляо-хэ еще въ древности

ную борьбу съ дикими аборигенами страны, которые хотя и были физически сильнѣе пришельцевъ, но нравственно подпадали подъ ихъ

Ущелье въ желтоземныхъ горахъ.

привлекали къ себѣ обитателей сосѣднихъ частей густо населенныхъ сѣверныхъ провинцій Китая. Являвшіеся сюда, культурные въ значительной степени, китайцы вели постоянвліяніе постоянно, какъ только дѣло, съ поля битвы или непріязненныхъ дѣйствій, переходило къ мирнымъ отношеніямъ. Маньчжурія обязана китайцамъ основаніемъ первыхъ го-

родовъ, введеніемъ культуры земли и началомъ торговли.

Когда изъ незначительнаго народа маньчжуры, покоривъ Китай, сдѣлались владыками его, первой заботою вновь воцарившейся династіи было сохраненіе родной земли для своихъ сородичей, что̀ могло быть достигнуто лишь при условіи недопущенія туда китайцевъ. Запретъ допуска китайцевъ могъ распространяться лишь на сѣверную, еще не тронутую, часть страны, такъ какъ въ южной части ея уже былъ большой процентъ китайскаго населенія. И дѣйствительно, въ первые годы правленія маньчжурскихъ богдохановъ въ Хэй-лун-цзянскую и Гириньскую провинціи лишь ссылали китайскихъ преступниковъ, которые, по отбытіи срока наказанія, дѣлались колонистами. Съ теченіемъ времени изъ южной части долины Ляо-хэ все болѣе и болѣе густѣющее населеніе перешло постепенно на югъ Гириньской провинціи и въ прилегающія съ запада монгольскія земли. Притокъ китайскихъ эмигрантовъ въ Маньчжурію увеличился особенно въ періодъ китайско-европейскихъ и тайпинскихъ войнъ. Не имѣя возможности по закону покупать для себя землю, китайскіе колонисты арендовали ее у знаменнаго маньчжура и производили распашки все шире и шире.

Но не одни только земледѣльцы шли въ Маньчжурію, сюда шла и та масса безкровныхъ скитальцевъ, которыхъ такъ много во внутреннемъ Китаѣ.

Помимо обилія свободной плодородной земли, ихъ привлекалъ также слухъ объ обиліи золота, пантовъ, жэнь-шэня и тому под. Пользуясь замѣшательствомъ и бездѣйствіемъ своего правительства и подкупностью маньчжурскихъ чиновниковъ, населеніе Маньчжуріи все возростало и возростало, и когда пекинскія власти обратили на положеніе этого дѣла свое вниманіе, было уже слишкомъ поздно, и они ничего лучшаго не могли сдѣлать, какъ закрѣпить землю за колонистами и ввести въ страну преобразованія по части управленія ею. Были выработаны точныя правила на право владѣнія землею и взносъ за это пошлинъ, а также обращено серьезное вниманіе на систему колонизаціи земель. Напуганные поднимавшимся значеніемъ Россіи на Дальнемъ востокѣ, китайцы прежде всего начали заселять пограничные раіоны и для этой цѣли даже вызывали китайцевъ изъ пограничныхъ русскихъ предѣловъ.

Если частные пріемы и способы колонизаціи бывали и неудачны, то общій результатъ этого дѣла достигъ намѣченной цѣли. Миссіонеръ Россъ, посѣтившей мѣстность, лежащую въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ верхняго Сунгари, сообщаетъ, что гдѣ 10 лѣтъ тому назадъ о присутствіи человѣка свидѣтельствовали лишь охотничьи тропы, во время его проѣзда насчитывалось до $^1/_2$ милліона хлѣбопашцевъ. Такіе же результаты достигнуты въ раіонѣ, городовъ Ажэ-хэ, Баянъ-су-су, Шуанъ-чэнъ-тинъ и др.

Колонизація продолжается и понынѣ, и въ близкомъ будущемъ уже рисуется картина полнаго окитаенія страны* [1]).

Умѣренный климатъ и плодородіе культурныхъ земель обезпечиваютъ южной Маньчжуріи большое разнообразіе земледѣльческихъ произведеній. Китайцы разводятъ свиней и воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, кукурузу, просо и другіе хлѣба; изъ бобовыхъ растеній они сѣютъ преимущественно «желтый горохъ» (soye hispida), изъ котораго приготовляютъ съѣдобное масло, и выжимки котораго отправляются, въ формѣ лепешекъ, въ Китай, гдѣ ихъ употребляютъ для удобренія полей. Несмотря на суровость зимъ и благодаря жаркому лѣту, колонисты занимаются также культурой одного вида индиговаго растенія, хлопчатника и винограда, но виноградныя лозы здѣсь увидишь только лѣтомъ; на зимніе мѣсяцы, съ конца октября до начала апрѣля, растенія кладутся въ борозды и прикрываются землей и соломой. Крестьяне насаждаютъ тутовыя деревья и дубы, чтобы воспитывать на нихъ разныя породы шелковичнаго червя, которыя не только доставляютъ имъ драгоцѣнныя волокна, но сверхъ того считаются самымъ лакомымъ кушаньемъ [2]). Такъ же, какъ земледѣльцы Монголіи, китайскіе колонисты маньчжурскихъ равнинъ предали забвенію всѣ указы, относящіеся къ фабрикаціи опіума, и вездѣ поля, засѣянныя макомъ, чередуются съ другими культурами. *Воздѣлываніе мака и приготовленіе изъ него опіума, какъ и куреніе послѣдняго распространены въ Маньчжуріи повсюду отъ границъ Чжи-ли до Амура, и отъ Монголіи до берега Японскаго моря и границъ Кореи. Въ Маньчжуріи опіумъ даже принимаетъ значеніе ходячей монеты. Главнымъ центромъ его производства можно признать мѣстность около поселка Цзя-бань-чжань и весь Хуланскій округъ. Какъ велико въ настоящее время количество добываемаго въ странѣ опіума, можно судить по тому обстоятельству, что одна только таможня въ Баянъ-су-су взыскала въ 1894 году пошлину за вывозъ на югъ болѣе чѣмъ 20 тысячъ руб. золотомъ. «Можно»,—говоритъ Матюнинъ,—«безъ большой натяжки считать, что въ одномъ лишь раіонѣ Баянъ-су-су опіума добывается не менѣе, чѣмъ на 400 тысячъ рублей» [3]).* Наконецъ, маньчжурскій табакъ, особенно табакъ изъ окрестностей города Гириня славится по всей имперіи своимъ превосходнымъ качествомъ. Извѣстно, что мань-

[1]) „Описаніе Маньчжуріи". Изд. М—ва Финансовъ.
[2]) De la Brunière, „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1844.
[3]) „Описаніе Маньчжуріи".

чжуры, научившись отъ японцевъ употребленію табака, передали его, въ свою очередь, китайцамъ, въ эпоху завоеванія ими Срединнаго царства; но сами они и понынѣ остались величайшими курильщиками въ имперіи. Нѣкоторые китайскіе колонисты въ долинѣ Уссури разводятъ также жэнь-шэнь или стосплъ (panax ginseng), который маньчжуры называютъ орота или «первымъ изъ растеній» [1]): по мнѣнію туземцевъ и китайцевъ, ни одинъ корень не обладаетъ такой чудодѣйственной силой, какъ корень жэнь-шэня, исцѣляющій всѣ недуги, возстановляющій силы и способствующій продолженію жизни; оттого это цѣлебное вещество покупается на вѣсъ золота баловнями фортуны. Прежде монополія сбора жэнь-шэня была предоставлена маньчжурамъ, и главнымъ образомъ съ цѣлью воспрепятствовать манзамъ проникать въ лѣса, наиболѣе изобиловавшіе этимъ растеніемъ, и были устроены палисады или живыя изгороди изъ ивъ. Въ настоящее время, напротивъ, одни только манзы и добываютъ драгоцѣнный корень, либо какъ воздѣлыватели его, либо какъ искатели дикаго жэнь-шэня, который цѣнится гораздо выше культивированнаго.

Единственныя мѣстныя промышленности сколько-нибудь важныя — приготовленіе растительнаго масла и фабрикація водки изъ сорго [2]). Маньчжуры, мужчины и женщины, часто напиваются этимъ виномъ, по ихъ собственному выраженію «до забвенія добра и зла». Золотые пріиски даютъ занятіе многимъ тысячамъ рабочихъ: по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, болѣе 30.000 человѣкъ работали, въ половинѣ текущаго столѣтія, на золотопромывальняхъ въ Ванъ-лунъ-гоу, на верховьяхъ Суйфуна. Послѣднія свѣдѣнія указываютъ между прочимъ на существованіе въ странѣ золотоискательныхъ республикъ, организація коихъ весьма интересна [3]). Мѣсторожденія каменнаго угля и желѣза, находящіяся въ южныхъ мѣстностяхъ края, обѣщаютъ пріобрѣсти также экономическую важность, гораздо болѣе значительную, чѣмъ золото. Ляо-дунъ уже теперь считается несравненно богаче многихъ внутреннихъ провинцій Китая, и превосходное положеніе его и то обстоятельство что онъ благодаря Россіи сдѣлался участникомъ великаго желѣзнодорожнаго пути, обезпечиваетъ ему въ близкомъ будущемъ развитіе торговли, легкую эксплоатацію естественныхъ богатствъ, хотя бы и съ помощью иностранныхъ капиталовъ.

Торговля Маньчжуріи съ Россіею и другими странами еще только начинаетъ развиваться и въ настоящее время находится въ переходномъ состояніи, завися отъ массы всевозможныхъ побочныхъ причинъ. Отсутствіе безопасности при пересылкахъ и перевозкахъ товаровъ въ краѣ, многочисленные поборы, не нормированные закономъ, произволъ мѣстныхъ властей, а также отсутствіе хорошихъ способовъ сообщенія и путей являются существенными тормозами развитія торговли и промышленности страны. Вывозная и ввозная торговля страны обложена таможенною пошлиною, по весьма сложному тарифу, и ведется главнымъ образомъ на югъ черезъ портъ Ню-чжуанъ, открытый для европейцевъ. Дѣятельность этого порта сильно развивается и за 12 лѣтъ съ 1881 года, коммерческіе обороты его увеличились здѣсь болѣе чѣмъ вдвое, давъ въ 1892 г. итогъ въ 22.483.000 руб., а въ послѣдующіе годы это увеличеніе было еще болѣе, достигнувъ въ 1895 году оборота въ 97.534 тысячи руб. Кромѣ этого порта значительный торговый обмѣнъ производится въ Цзинь-чжоу-фу, Фучжоу, Дагу-шань и Би-цзы-во. Вся сухопутная торговля Маньчжуріи съ собственнымъ Китаемъ проходитъ черезъ Шаньхай-гуань.

Торговля Маньчжуріи съ Кореей ведется на сушѣ черезъ города Фынъ-хуанъ и Хунь-чунь, а морская черезъ Ню-чжуанъ, въ который въ 1894 году было ввезено на 38 тысячъ рублей корейскихъ товаровъ.

Торговля съ Россіею оставляетъ желать весьма многаго и еще весьма незначительна, въ силу малонаселенности Приамурскаго пограничнаго округа и отсутствія русскихъ предпринимателей внутри страны.

Вся торговля сосредоточена главнымъ образомъ на границахъ и имѣетъ исключительно мѣстный интересъ. Обороты ея по недостатку данныхъ указать трудно. Такъ ввозная и вывозная торговля Южно-Уссурійскаго края не достигаетъ въ общемъ оборота и въ милліонъ рублей. Предметами торговли Маньчжуріи вообще служатъ скотъ, хлѣбъ въ зернѣ, бобы, опіумъ, ввозъ же главнымъ образомъ состоитъ изъ мануфактурныхъ издѣлій [1]).*

На правомъ берегу Хэй-лунъ-цзяна или «Рѣки чернаго дракона»,—какъ называютъ китайцы Амуръ, можетъ быть, по причинѣ темнаго цвѣта его водъ,—Маньчжурія имѣетъ только одинъ городъ, Айгунь (Айхунъ), едва-ли и до нынѣ не самый многолюдный во всей Амурской долинѣ. Онъ растянулся по берегу рѣки на пространствѣ 9 километровъ, включая сюда его предмѣстья и сады; кромѣ того подгородныя селенія, окруженныя тѣнистыми рощами и кладбищами, слѣдуютъ одно за другимъ по берегу Амура и деревни Сахалянь, лежащей противъ русскаго города Благовѣщенска вер-

[1]) Jartoux, „Lettres édifiantes et curieuses“, tome XVIII, 1781.

[2]) Alagne et Noirjean, „Annales de la propagation de la Foi“, 1876.

[3]) „Приамурскія Вѣдомости“, 1898 г.

[1]) „Описаніе Маньчжуріи“.

стахъ въ сорока выше Айгуня. Китайскій городъ есть не только главный административный и торговый пунктъ всего амурскаго округа Маньчжуріи, но онъ считается также мѣстомъ военнаго управленія края и de facto вѣдаетъ всѣми даурцами, маньчжурами, китайцами сибирскаго берега, которые тщательно избѣгаютъ своихъ русскихъ властителей [1]) и даже продолжаютъ по-прежнему платить ясакъ и подати айгунскому амбаню. Впрочемъ съ военной точки зрѣнія, этотъ городъ всегда представлялъ аванъ-постъ, слишкомъ удаленный отъ центра имперіи, чтобы быть въ состояніи, въ случаѣ нападенія, оказать серьезное сопротивленіе русскимъ. Простой частоколъ и остатки аллеи, обсаженной деревьями, составляютъ нынѣ единственную ограду города. Городъ памятенъ тѣмъ, что 16 мая 1858 года въ немъ былъ заключенъ Айгунскій трактатъ, по которому Амурскій край перешелъ во владѣніе Россіи.

Мэргэнь имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ городъ, черезъ посредство котораго Айгунь связанъ съ остальной имперіей [2]). Онъ лежитъ въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Нонни, въ мѣстности обезлѣсенной, но очень плодородной. Въ 1870 году, во время путешествія архимандрита Палладія, потокъ китайскаго переселенія еще не направился къ этой части сѣверной Маньчжуріи, и городъ, считавшійся нездоровымъ по причинѣ большой смертности, слѣдовавшей за работами по расчисткѣ земель подъ пашни, имѣлъ весьма незначительное число жителей въ своей оградѣ, состоящей изъ простаго частокола. Въ ту пору китайская колонизація не переходила еще за Цицикаръ или Букуй, главный городъ сѣверо-западной провинціи Маньчжуріи и центръ военнаго управленія всѣми бутханами или маньчжурами, еще соединенными въ отдѣльныя племена или поколѣнія. Каждый годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, эти туземцы приходятъ въ Цицикаръ платить ясакъ, состоящій изъ 5.500 собольихъ шкурокъ, и прибытіе ихъ даетъ поводъ къ большой ярмаркѣ, на которую китайскіе купцы съѣзжаются въ большомъ числѣ, чтобы нагрузить свои барки произведеніями края. Это прозвище «бутханы» было дано имъ отъ укрѣпленнаго города Бутха, лежащаго между Мэргэнемъ и Цицикаромъ. Въ эту крѣпость собираются для воинскихъ упражненій туземные ратники, раздѣленные на три корпуса: маньчжуръ, солоновъ и даурцевъ или тагури. *Въ настоящее время Мэргэнь находится въ сильномъ захуданіи; городскія стѣны и укрѣпленія разваливаются, домовъ не болѣе 400, лавокъ всего лишь семь, а населеніе едва достигаетъ 2.000 человѣкъ. Большинство населенія города перешло въ Цицикаръ, который является однимъ изъ самыхъ оживленныхъ и торговыхъ пунктовъ сѣверной Маньчжуріи. Населеніе послѣдняго достигаетъ до 70.000 человѣкъ, среди которыхъ много магометанъ. Выглядывая оживленнымъ, бойкимъ и зажиточнымъ городомъ, Цицикаръ имѣетъ до 400 лавокъ, въ числѣ которыхъ 50 производятъ крупную торговлю. Представляя главный административный центръ Хэй-лунъ-цзянской провинціи, Цицикаръ является мѣстопребываніемъ цзянь-цзюня или генералъ-губернатора этой провинціи и соединенъ китайскимъ правительственнымъ телеграфомъ съ Пекиномъ и Сахалянью на Амурѣ*.

Долина верхней Сунгари, болѣе близкая собственно къ Китаю и лежащая подъ болѣе южной широтой, нежели Хэй-лунъ-цзянская провинція, населена гораздо плотнѣе, и населеніе ея разрослось въ нѣсколько большихъ городовъ. Гиринь, главный городъ сѣверо-восточной провинціи Маньчжуріи, занимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе, въ центрѣ амфитеатра высокихъ лѣсистыхъ холмовъ и на лѣвомъ берегу рѣки Сунгари, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ до 300 метровъ въ ширину, но тамъ и сямъ съужена дамбами и деревянными строеніями, стоящими на цѣломъ лѣсѣ свай. Гиринь получилъ отъ китайцевъ названіе Чуань-чанъ, то есть «Барочная верфь», по той причинѣ, что тамъ строится много джонокъ и барокъ для плаванія по Сунгари; городъ, улицы котораго вездѣ вымощены ветхой деревянной мостовой, загроможденъ строевымъ лѣсомъ, а самая рѣка покрыта плотами. Золотые рудники, разрабатываемые въ сосѣдствѣ города, часто подаютъ поводъ къ насиліямъ и смертоубійствамъ, за которыя китайскія власти наказываютъ виновныхъ съ безпощадной жестокостью. Когда архимандритъ Палладій посѣтилъ Гиринь, онъ долженъ былъ проходить по аллеѣ, уставленной столбами, на верхушкахъ которыхъ торчали отрубленныя человѣческія головы, и которые были забрызганы кусками запекшейся крови. *Численность населенія города опредѣляется Джемсомъ въ 100 тысячъ человѣкъ обоего пола, среди нихъ весьма много исповѣдающихъ исламъ. Расположенный въ центрѣ страны, городъ является самымъ промышленнымъ центромъ сѣверной Маньчжуріи. Въ 1882 году въ немъ насчитывалось болѣе сотни крупныхъ торговыхъ домовъ, до 800 лавокъ, 400 постоялыхъ дворовъ, 20 сереброплавленъ. Торговлю города составляютъ главнымъ образомъ сырые земледѣльческіе и лѣсные продукты и прежде всего табакъ, мѣха и лѣсъ. Кромѣ того, въ окрестностяхъ города расположено много гончарныхъ заводовъ, поставляющихъ свои издѣлія въ Амурскую область и на верховья Нонни.

Расположенный по сосѣдству съ русской границею, городъ пріобрѣлъ значеніе важнаго

---

[1]) О. Палладій, цитированная статья.

[2]) Онъ имѣетъ значеніе и какъ пунктъ, черезъ который пролегаетъ единственный до сихъ поръ извѣстный путь, связывающій сѣверо-восточную Монголію съ Амурской областью. Прим. ред.

стратегическаго центра страны и съиздавна сосредоточивалъ въ себѣ боевыя силы, административныя управленія войскъ и военные пороховые заводы. Здѣсь еще въ началѣ 80-хъ годовъ былъ выстроенъ пороховой заводъ и арсеналъ, на которомъ изготовлялись артиллерійскія орудія и ружейные патроны. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же былъ произведенъ первый для Китая опытъ чеканки серебряной правительственной монеты. Опытъ этотъ не оправдалъ ожиданій, что же касается дѣятельности арсенала, то послѣдній, направляемый иностранными техниками, содержится въ большомъ порядкѣ. Важное значеніе Гиринь вынудило соединеніе его телеграфомъ съ Пекиномъ и нашей границею въ Хунь-чунѣ. Еще и до сихъ поръ китайское правительство мечтаетъ о соединеніи этого города съ Мукденемъ и Шаньхай-гуанемъ собственной желѣзнодорожной линіей. Изысканія для направленія послѣдней были окончены еще къ 1892 году, но недостатокъ средствъ, японская война и вызванныя ею осложненія не дали возможности осуществить это намѣреніе, и желѣзнодорожный путь, начатый отъ Тянь-цзиня, едва оконченъ около Чжунь-хоу-со, въ раіонѣ Великой стѣны*.

На болотистой равнинѣ, гдѣ соединяются два обширныя теченія Нонни и верхней Сунгари или Гиринь-ула, нѣтъ ни одного города, расположеннаго близъ рѣки: мѣстность слишкомъ низменна и нездорова, и воды слишкомъ часто мѣняютъ свое русло, чтобы осѣдлое населеніе могло основать городъ въ этомъ мѣстѣ; близъ сліянія двухъ рѣкъ встрѣчаются только деревни. Городъ Бодунэ, который наслѣдовалъ другому, болѣе древнему городу, лежавшему ближе къ мѣсту сліянія Нонни и Сунгари, важенъ какъ торговый пунктъ, гдѣ соединяются дороги двухъ долинъ; онъ находится въ 30 слишкомъ километрахъ къ югу отъ соединенія рѣкъ и расположенъ на высокомъ яру, господствующемъ надъ правымъ берегомъ верхней Сунгари: китайцы обыкновенно называютъ его Синь-чэнъ или «Новый городъ». *Населеніе города въ 1895 году, по мнѣнію посѣтившаго его Зиновьева, было не менѣе 20.000 человѣкъ; въ немъ насчитывалось свыше 300 купеческихъ фирмъ, изъ которыхъ 9 имѣли оборотъ до милліона ланъ въ годъ. Сверхъ того, въ городѣ числилось 400 лавокъ, 15 войлочныхъ, 4 бумажныхъ, 10 скорняжныхъ фабрикъ и 8 серебряныхъ кассъ. Неблагопріятныя для земледѣлія условія вызвали развитіе винокуренной и фабричной дѣятельности, а экономически тяготѣющая къ Бодунэ, лежащая къ западу богатая скотомъ монгольская степь сдѣлала его центромъ торговли скотомъ и шерсти*.

Бодунэ ведетъ довольно большую торговлю, особенно съ городомъ Куань-чэнъ-цзы, который лежитъ южнѣе, на большой китайской дорогѣ, и который означаютъ также подъ именемъ Чань-чунь или «Высокая столица». Послѣдній, въ самомъ дѣлѣ, главный рынокъ для всѣхъ монгольскихъ племенъ, кочующихъ на западъ отъ него въ степяхъ восточнаго Гоби; населеніе его достигаетъ до 70 тысячъ человѣкъ. Но главный торговый трактъ въ этой странѣ— это дорога, которая ведетъ прямо на сѣверъ къ Сунгари. На этомъ пути, усѣянномъ постоялыми дворами, по которому безпрестанно тянутся обозы съ товарами, встрѣчаемъ одинъ за другимъ города: Гуй-шу, Лалинь, Ажэ-хэ и др. Послѣдній, по составу населенія почти совершенно маньчжурскій; населеніе его, согласно Матюнину, до 35 тысячъ человѣкъ; своимъ названіемъ онъ обязанъ рѣкѣ Ажэ, притоку Сунгари. Къ западу оттуда лежитъ Шуанъ-чэнъ-тинъ, другой городъ, населенный маньчжурами. Недалеко отъ впаденія Ажэ, съ лѣвой стороны вливается въ Сунгари рѣка Хулань, и на высокомъ берегу, господствующемъ надъ этимъ тройнымъ сліяніемъ, расположился городъ Хулань-чэнъ, имѣющій до 70 тысячъ жителей.

Изъ китайскихъ городовъ въ бассейнѣ Сунгари нандалѣе выдвинутъ къ сѣверу Сань-синъ, лежащій при выходѣ изъ горъ, на правомъ берегу Сунгари, между двумя впадающими въ нее рѣками Хурха или Мудань-цзянъ и Кунъ-хэ, противъ устья третьяго притока. Этотъ городъ построенъ на мѣстѣ древняго Илань-хала маньчжуровъ, города «Трехъ семействъ», отъ котораго сохранились еще кое-гдѣ развалины стѣнъ. Въ другомъ, болѣе благопріятномъ климатѣ это великолѣпное торговое положеніе, при сліяніи четырехъ долинъ и рѣкъ, доставило бы городу первостепенную важность; но Сань-синъ выставленъ всей ярости сѣверныхъ вѣтровъ, а лѣтніе муссоны приносятъ ему огромныя количества дождя, которыя превращаютъ берега Сунгари въ болота, затопляютъ стойбища и заставляютъ прибрежныхъ жителей удаляться въ долины горъ. Вслѣдствіе этого, Сань-синъ, какъ былъ, такъ и остался простымъ рынкомъ для покупки шкуръ пушнаго звѣря, которыя привозятся сюда «Длинноволосыми», «Коротковолосыми» и другими народцами маньчжурскихъ звѣролововъ [1]). Населеніе города въ 1895 году достигало до 20 тысячъ человѣкъ. Населеніе занимается главнымъ образомъ посредническою торговлею между долиною Амура и хлѣбородными округами Бодунэ и Хулань. Ниже по рѣкѣ осѣдлое китайское населеніе еще очень рѣдко, по причинѣ трудности найти удобныя мѣста для поселенія на этихъ топкихъ болотистыхъ берегахъ нижней Сунгари; и наиболѣе важными изъ населенныхъ пунктовъ являются: Баянъ-тунь—укрѣпленный лагерь въ 15 верстахъ отъ Сань-сина и въ то же время таможня, у которой останавливаются суда, отправляю-

[1]) Franclet, „Annales de la propagation de la Foi“, 1869.

щіяся внизъ по рѣкѣ, Фугдинъ—гольдская деревня, которая служитъ мѣстомъ военныхъ сборовъ для инородцевъ и, наконецъ, Лаха-су—гольдская же деревня, извѣстная лишь какъ мѣсто, гдѣ китайцы обязаны визировать свои паспорты при переходѣ границъ [1]). Выше Саньсина, долина рѣки Хурхи населена многочисленными колонистами; тамъ даже основался важный, въ военномъ отношеніи, городъ Нингута, расположенный среди плодородныхъ равнинъ, орошаемыхъ водами, которыя спускаются съ Бѣлыхъ горъ. Изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ китайской Маньчжуріи Нингута занимаетъ самое выгодное положеніе для торговаго обмѣна съ Приморскою областью, а черезъ нее и съ Японіей; онъ находится въ точкѣ встрѣчи дорогъ, которыя поднимаются по скатамъ Шань-янь-алиня, переходятъ по сравнительно легкодоступнымъ переваламъ, черезъ этотъ хребетъ и затѣмъ опять спускаются на востокъ и на сѣверо-востокъ, въ долины рѣкъ Суйфуна и Тумыни; превосходные порты залива Петра Великаго составляютъ естественныя гавани области, окружающей городъ Нингуту.

*Городъ состоитъ изъ ряда грязныхъ, узкихъ и кривыхъ улицъ, обнесенныхъ каменною стѣною; дома большею частью глинобитные съ открытыми, какъ и повсюду въ Китаѣ, прямо на улицу лавками. Населеніе города, состоящее главнымъ образомъ изъ наплыва китайскихъ эмигрантовъ, опредѣлялось въ 20.000 душъ. Здѣсь имѣются заводы для выдѣлки мѣховъ, для витья пеньковыхъ веревокъ, прессованія бобовыхъ лепешекъ и нѣсколько кожевенныхъ, водочныхъ, кирпичныхъ и гончарныхъ заводовъ. Городъ соединенъ телеграфнымъ проводомъ съ Гиринемъ и нашей границею [2]).

Изъ другихъ городовъ, расположенныхъ по сосѣдству съ русской границею, слѣдуетъ отмѣтить Хунь-чунь, лежащій на небольшой рѣчкѣ Хунь-чунь-хэ, въ 25—30 верстахъ отъ залива Посьета. Пунктъ этотъ, служившій до 1897 года мѣстопребываніемъ военнаго начальства, созданъ почти искусственно вызовомъ сюда переселенцевъ, которые сильно заселили долину рѣки Хунь-чунь-хэ. Населеніе самаго города достигаетъ до 20 тысячъ, но оно сильно увеличивается въ періодъ трепанговаго промысла, когда въ Хунь-чунь является масса китайцевъ. Въ городѣ есть школа, гдѣ преподается русскій языкъ, и вообще этотъ пунктъ имѣетъ большое значеніе, почему и соединенъ телеграфомъ со столицею и нашимъ Хунь-чунскимъ карауломъ* [3]).

Большая дорога изъ Гиринь въ Мукденъ, пролегающая у подошвы вулканической горы Таку-шань, проходитъ черезъ нѣсколько важныхъ городовъ, каковы: И-тунь-чжоу, Кайюань-сянь, затѣмъ Тѣ-линъ или «Желѣзныя горы», получившій это названіе отъ гряды холмовъ, очень богатыхъ желѣзной рудой; городъ Тѣ-линъ—это маньчжурскій Бирмингамъ или Шеффильдъ: тамъ вездѣ только и слышишь, что удары молотовъ о наковальни [1]). Построенный въ равнинѣ, на разстояніи 3 километровъ отъ берега Ляо-хэ, онъ имѣетъ на этой рѣкѣ пристань, посѣщаемую многочисленными китайскими судами; населеніе города достигаетъ до 60 тысячъ человѣкъ [2]).

На южной покатости Маньчжуріи, важнѣйшій городъ, который въ то же время есть главный городъ трехъ маньчжурскихъ провинцій и равный Пекину по административному рангу, — Мукденъ, по-китайски Шэнь-янъ или Фынъ-тянь-фу, лежащій среди очень плодородныхъ, но почти лишенныхъ древесной растительности равнинъ, которыя орошаются восточнымъ притокомъ рѣки Ляо-хэ, рѣкою Хунь-хэ. Маньчжурское имя Мукденъ или «Цвѣтущій» никогда не употребляется ни однимъ изъ жителей: обыкновенно этотъ городъ называютъ просто цинъ, что значитъ «столица», и его почитаютъ даже священнымъ, потому что онъ служилъ мѣстопребываніемъ предкамъ нынѣшнихъ императоровъ. Мукденъ, «который отличается между всѣми городами, говоритъ императоръ Цянь-лунъ, какъ драконъ и тигръ между животными», окруженъ глинобитною стѣною; но внутри этой первой ограды, имѣющей около 17 верстъ въ окружности, находится вторая, длиною около $4^1/_2$ верстъ, построенная изъ кирпича и увѣнчанная по бокамъ башнями, и которая защищаетъ центральный кварталъ самую многолюдную и торговую часть города. Улицы Мукденя содержатся въ гораздо большей чистотѣ, чѣмъ улицы Пекина и такъ же, какъ пекинскія, обставлены по обѣимъ сторонамъ лавками, передъ которыми толпа прохожихъ образуетъ, съ утра до вечера, непрерывный потокъ. Въ самомъ центрѣ города стоитъ небольшой желтый дворецъ, въ которомъ сохраняются, какъ святыня, обувь и пастушеская сумка Нурхаци, основателя династіи. Населеніе города, по словамъ Джемса, достигаетъ до 250 тысячъ человѣкъ. На сѣверѣ за городской оградой раскинулось большое промышленное предмѣстье Бэй-гуань (Сѣверная застава), гдѣ находятся заводы для очистки золота, привозимаго изъ Кореи [3]).

Пользуясь большими привилегіями между городами имперіи, Мукденъ, по нѣкоторымъ изъ его административныхъ учрежденій, въ особенности по существующимъ въ немъ осо-

[1]) „Описаніе Маньчжуріи".
[2]) Ibid.—Свіятинъ, „По русской и китайской Маньчжуріи". 1897 г.
[3]) „Описаніе Маньчжуріи".

[1]) О. Палладій, „Proceedings of the Geographical Society of London", 1872.
[2]) „Описаніе Маньчжуріи".
[3]) Michie, „Journal of the Geographical Society of London", 1863.

бымъ министерствамъ, поставленъ на одинаковую степень съ столицей государства. На западѣ, въ окрестностяхъ его, находится богатая буддійская кумирня, основанная въ честь нынѣ царствующей династіи, а съ другой стороны города, въ 5 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ стѣнъ, расположено священное кладбище, заключающее могилы маньчжурскихъ предковъ нынѣшнихъ императоровъ: сквозь густыя вѣтви развѣсистыхъ деревьевъ видны желтыя кровли капищъ; но ни одинъ иностранецъ, ни одинъ туземецъ-профанъ не можетъ, подъ страхомъ смерти, проникнуть въ этотъ некрополь. На востокѣ, въ горахъ, лежитъ старинный, теперь пришедшій въ упадокъ, городъ Синъ-цзинъ-тинъ, близъ котораго тоже есть могилы маньчжурскихъ государей, не менѣе чтимыя ихъ потомками. Наконецъ, сѣверный берегъ озера Ханка или Сяо-ху (Большое озеро), по преданію, былъ нѣкогда владѣніемъ князьковъ, отъ которыхъ ведетъ свой родъ нынѣ царствующая императорская фамилія. Еще въ прошломъ столѣтіи императоры Китая считали своей обязанностью отправляться на богомолье въ Мукденъ, священный городъ своей династіи; еще въ 1804 году императоръ Цзя-цинъ лично исполнилъ этотъ фамильный долгъ. Съ того времени въ Мукденъ посылался черезъ каждыя десять лѣтъ «святой ликъ», то-есть портретъ богдыхана, и при этомъ случаѣ каждый разъ возвышалось новою насыпью полотно по срединѣ дороги; все движеніе тогда должно было производиться по низкимъ сторонамъ дороги, но въ настоящее время и эта церемонія уничтожена.

На югъ отъ Мукдэня дорога, ведущая къ морю, проходитъ по одной изъ самыхъ многолюдныхъ мѣстностей, гдѣ сгруппированы, въ большомъ числѣ, городскія поселенія. Городъ Ляо-янъ-чжоу виденъ издали, опоясанный стѣнами, надъ которыми высоко поднимается его главная пагода: эта бывшая столица, славящаяся нынѣ своими фабриками мебели и гробовъ, имѣетъ въ настоящее время, по отзыву Путяты, до 70.000 жителей. Далѣе на югѣ, въ округѣ, очень богатомъ плантаціями хлопчатника, показывается городъ Хай-чэнъ, славящійся въ особенности теплыми источниками, которые находятся въ его окрестностяхъ; затѣмъ слѣдуетъ Ню-чжуанъ, окруженный обширными предмѣстьями и теперь затерянный среди земель, безъ рѣки, которая проходитъ подъ его мостами; этотъ городъ окруженъ камышами и солончаковыми берегами, которые свидѣтельствуютъ объ отступленіи моря въ недавнюю эпоху. Городъ имѣетъ до 50.000 жителей, въ немъ помѣщается католическая миссія. Въ 1861 году онъ былъ открытъ для иностранной торговли, но портъ рѣки Ляо хэ теперь уже не въ немъ, хотя ему обыкновенно даютъ имя города, которому онъ наслѣдовалъ: онъ находится нынѣ въ 40 верстахъ къ югу, между многолюднымъ городомъ Тянь-чжуанъ-тай, который тоже былъ прежде передовымъ портомъ Ню-чжуана, и устьемъ рѣки: это городъ Инъ-коу или Инъ-цзы. Открытый европейскимъ купеческимъ судамъ, но запертый льдами въ продолженіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ въ году, этотъ портъ есть одинъ изъ тѣхъ, торговые обороты которыхъ возрастали съ наибольшею быстротой: онъ отпускаетъ, главнымъ образомъ, хлопокъ, шелкъ-сырецъ, пеньку, гороховое масло, каменный уголь, бобы.

Движеніе торговли Инъ-цзы въ 1894 г. — 16.418.604 ланъ. Движеніе торговли въ Инъ-цзы въ 1897 г.—26.358.671 ланъ [1]). Движеніе судоходства въ Инъ-цзы въ 1895 г. 230 судовъ, вмѣст.—185.242 тон. [2]).

Пока не были предприняты работы по установкѣ бакеновъ, освѣщенію маяковъ и исправному содержанію необходимыхъ приспособленій въ портѣ Инъ-коу, большіе корабли не отваживались пускаться въ плаваніе у этихъ опасныхъ береговъ. Зимой, когда дороги окрѣпнутъ отъ мороза, въ городъ, среднимъ числомъ, каждый день прибываетъ до 3.000 телѣгъ съ сельскими произведеніями всякаго рода [3]). Населеніе Инъ-цзы въ 1891 году достигало 60 т. человѣкъ. Иностранныхъ торговыхъ домовъ въ немъ было 5, а иностранцевъ проживало 140 человѣкъ.

Вся южная Маньчжурія очень богата ископаемымъ углемъ. Въ холмахъ, поднимающихся на юго-востокѣ отъ Мукденя, находятся важнѣйшія каменноугольныя копи Маньчжуріи, которыя снабжаютъ минеральнымъ топливомъ всю страну, и металлургическіе заводы, основанные въ сосѣдствѣ подземныхъ галлерей: въ одной изъ этихъ копей работаетъ болѣе 2.000 челов. Желтоморскіе пароходы увозятъ этотъ уголь, который, говорятъ, качествомъ превосходитъ японскій уголь и не уступаетъ лучшимъ сортамъ кардифскаго [4]).

Къ юго-востоку отъ устья Ляо-хэ города и коммерческіе порты слѣдуютъ одинъ за другимъ на западныхъ берегахъ полуострова, который выдвинулся на востокѣ Ляо-дунскаго залива: городъ Гай-пинъ, живописно построенный на холмѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, служитъ рынкомъ для торговли скотомъ и складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, составляющихъ предметъ торговаго обмѣна между горной страной и равниной; другіе маленькіе города ведутъ торговлю хлопкомъ, каменнымъ

[1]) Таможенный ланъ равенъ въ среднемъ 1 р. 40 к.—1 р. 30 к.

[2]) Годъ этотъ, какъ слѣдующій за японско-китайскою войною, слѣдуетъ считать неблагопріятнымъ для экономической жизни страны. Еще въ 1893 г. въ портъ вошло 400 судовъ вмѣстимостью 297.625 тоннъ. Прим. ред.

[3]) Herbert Allen, „Commercial Report“, 1879.

[4]) Williamson, „North China Herald“; — „Economiste francais“. 3 fevrier 1877.

углемъ, серебряной рудой, а окрестныя мѣстности заселяются переселенцами съ полуострова Шань дунъ, привлекаемыми черезъ проливъ слухами о благосостояніи, которымъ справедливо славится эта область Маньчжуріи. Морской берегъ около оконечности полуострова изрѣзанъ глубокими бухтами, и одинъ изъ этихъ заливовъ образуетъ даже родъ очень длиннаго, далеко вдающагося въ твердую землю, фіорда, которому англійскіе изслѣдователи прибрежья дали имя Портъ-Адамса; находящіяся здѣсь залежи каменнаго угля могутъ въ близкомъ будущемъ доставить нѣкоторую важность всему этому округу. Городъ Цзинь-чжоу-тинъ имѣетъ два порта, одинъ на западномъ, другой на восточномъ берегу полуострова, съуженнаго въ этомъ мѣстѣ въ простой перешеекъ, который соединяетъ материкъ съ полуостровомъ Гуанъ-дуномъ.

*Полуостровъ этотъ вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему ближними островами и водами составляетъ въ настоящее время арендное владѣніе Россіи, уступленное Китаемъ въ апрѣлѣ 1898 года.

Нѣтъ надобности указывать на важное значеніе этого послѣдняго пріобрѣтенія, достаточно только вспомнить, что въ теченіе всей первой половины текущаго года вниманіе всѣхъ интересующихся политическимъ положеніемъ на Дальнемъ востокѣ было приковано къ Да-лянь-ваню и Портъ-Артуру, пунктамъ, лежащимъ на этомъ полуостровѣ.

Портъ-Артуръ, портъ Лю—такъ зовутъ его англичане—или по-китайски Люй-шунь-коу расположенъ на самой юго-западной оконечности Гуанъ-дунскаго полуострова. Рядъ высотъ, совершенно лишенныхъ растительности, окружаетъ кольцомъ довольно обширный Люй-шунь-коускій заливъ, имѣющій до 2 верстъ въ длину и до $1^1/_2$ въ ширину и раздѣляющійся узкимъ косообразнымъ перешейкомъ на двѣ довольно неравномѣрныя бухты, западную и восточную. Первая имѣетъ значеніе лишь для мелко сидящихъ судовъ и, обширная во время прилива, съ отливами дѣлается почти втрое уже, вторая—искуственно углубленный до 28 футовъ портъ, предназначенный для стоянки большихъ судовъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Портъ-Артуръ былъ маленькой рыбачьей деревушкой, но уже въ 1886 году китайское правительство рѣшило устроить здѣсь базу для своей сѣверной эскадры и воздвигнуть первоклассную крѣпость. Пригласивъ для работъ европейскихъ инженеровъ, не щадя средствъ для достиженія цѣли, правительству богдохана удалось обратить эту пристань въ лучшій изъ военныхъ портовъ Китая. До послѣдней японско-китайской войны портовыя учрежденія Артура и его укрѣпленія производили на спеціалистовъ весьма выгодное впечатлѣніе. Различныя богато обставленныя мастерскія давали возможность выполнять не только ремонтировку, но и постройку новыхъ судовъ. Два сухихъ дока, эллингъ для миноносокъ, обширная верфь, арсеналъ вполнѣ удовлетворяли своему назначенію. Поясъ сухопутныхъ укрѣпленій изъ 12 фортовъ защищалъ подступы къ порту. Самыя укрѣпленія, снабженныя лучшими артиллерійскими орудіями и многочисленнымъ гарнизономъ, представляли серьезную преграду на случай войны. Все, на что только способна была фортификаціонная техника и техника военнаго искусства, было примѣнено къ оборонѣ этого пункта, и несмотря на то онъ достался японцамъ безъ особыхъ усилій только въ силу плохаго состоянія китайскихъ войскъ. Японцы, взявъ Артуръ, разрушили его укрѣпленія, и Россіи досталась груда развалинъ.

Да-лянь-вань представляетъ заливъ, лежащій на сѣверо-восточномъ концѣ Гуанъ-дунскаго полуострова и состоящій изъ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ бухтъ, среди которыхъ лучшія Victoria, Junk и Hand—особенно первая.

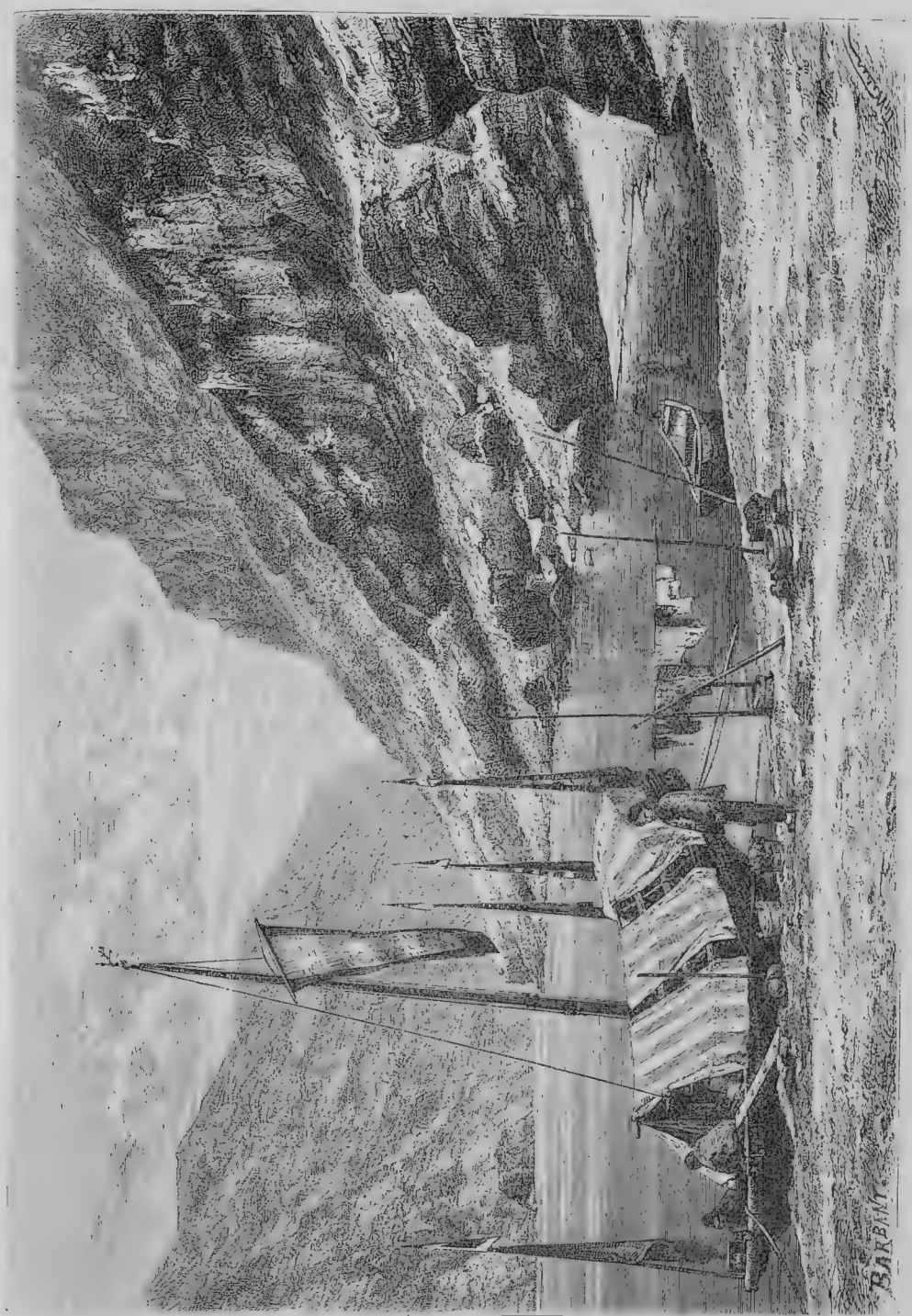
Что касается самаго Гуанъ-дунскаго полуострова, то природа его имѣетъ довольно жалкій видъ. Внутренность страны заполнена горами безъ всякаго признака древесной или кустарниковой растительности. Отсутствіе воды и каменистая почва представляютъ сильные тормозы для развитія земледѣлія, которое ограничивается посѣвами проса, гооляна и огородничествомъ. Населеніе весьма бѣдно, и общее число его едва достигаетъ 200 тысячъ человѣкъ на всей уступленной Россіи арендной и нейтральной полосахъ [1]).*

Берегъ, обращенный къ Желтому морю, имѣетъ нѣсколько портовъ, посѣщаемыхъ джонками, какъ-то: Би-цзы-во, Да-чжуанъ-хэ и, наиболѣе важный изъ нихъ, Да-янь-хэ, лежащій при устьѣ рѣки того же имени, недалеко отъ корейской границы. Суда, неглубоко сидящія въ водѣ, поднимаются вверхъ по рѣкѣ на 20 километровъ и бросаютъ якорь передъ торговымъ городомъ Да-гу-шань, обширные склады котораго расположены у подножія крутой горы, покрытой сосновымъ лѣсомъ и увѣнчанной на вершинѣ двумя храмами. Да-гу-шань приморскій городъ, черезъ который вывозятся мѣстныя произведенія изъ Сю-янь-чжоу, стариннаго маньчжурскаго города, славящагося своими ломками мрамора. Равнымъ образомъ черезъ Да-гу-шань сообщается съ моремъ и городъ Фынъ-хуанъ-чэнъ, стражъ китайской границы со стороны Кореи. Три раза въ годъ купцы китайскіе и корейскіе встрѣчаются въ этомъ городѣ для обмѣна своими товарами, и здѣсь же мандарины двухъ странъ обмѣнивались подарками, посланными ихъ государями, и осы-

[1]) В. Котвичъ и Л. Бородовскій, „Ляо-дунъ и его порты Портъ-Артуръ и Да-лянь вань“, 1898 г.

пали другъ друга самыми изысканными любезностями. Такъ называемыя «Ворота Кореи», находящіяся въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ города, совсѣмъ не похожи на тріумфальный порталъ, достойный входа въ великое царство: это просто обыкновенныя ворота при сторожевой мазанкѣ, которыя обходятся большинствомъ пѣшеходовъ и телѣгъ [1]).

На западѣ отъ рѣки Ляо-хэ, такъ называемая «Ивовая изгородь», искуственная граница Маньчжуріи, оставляетъ китайскому населенію только узкую полосу земли между горными цѣпями и равниной. Городъ Синь-минь-тинъ, лежащій на дорогѣ изъ Мукдэня въ Пекинъ, замѣчателенъ какъ очень дѣятельный рынокъ. На отрогѣ холмовъ, вокругъ котораго обходитъ на востокъ рѣка Шара-мурэнь, прежде, чѣмъ



Верховья Янъ-цзы-цзяна.

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.

принять имя Ляо-хэ, носимое ею въ нижнемъ теченіи, городъ Факу-мынь или «Живая изгородь изъ ивъ», охраняетъ одни изъ «воротъ» Монголіи, такъ называемый «большой проходъ», черезъ который производятся непосредственныя сношенія цивилизованнаго міра съ аймаками кочевыхъ народцевъ, хорцинъ и корло, обитающихъ въ восточномъ Гоби: эти факумыньскія ворота, еще менѣе импонирующія, чѣмъ корейскія, состоятъ только изъ нѣсколькихъ кольевъ, между которыми на ночь протягивается желѣзная цѣпь. Гуанъ-нинъ-сянь, расположенный у основанія горъ, которымъ онъ сообщилъ свое имя, замѣчателенъ только какъ старинный городъ, прославленный въ лѣтописяхъ маньчжурской династіи; тамъ до сихъ поръ можно видѣть гробницы богдыхановъ изъ фамиліи Ляо, которые царствовали надъ Китаемъ въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ. Цзинь-чжоу-фу, въ 18 верстахъ отъ сѣверо-западнаго угла Ляо-дунскаго залива, имѣетъ болѣе важное значеніе, ибо близъ этого города находится сборное мѣсто для всѣхъ произведеній Маньчжуріи, которыя отсюда отправляются вдоль морскаго берега до воротъ Великой стѣны въ Шань-хай-гуань. Окруженный дюнами, Цзинь-чжоу-фу, открывается взорамъ путешественника только въ тотъ моментъ, когда онъ переходитъ черезъ порогъ, образуемый песчаными буграми; но тѣмъ не менѣе это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ имперіи, и по сторонамъ его улицъ тянутся ряды богатыхъ магазиновъ, передъ которыми постоянно толпится масса народу; небольшой сосѣдній портъ посѣщается большимъ числомъ джонокъ и другихъ мелкихъ судовъ. Нинъ-юань-чжоу, лежащій въ 70 километрахъ южнѣе, недалеко отъ берега залива,—тоже торговый городъ. Самый южный городъ этой области—тотъ, который охраняетъ южный входъ Маньчжуріи, на оконечности Великой стѣны, у основанія высотъ, которыя китайцы называютъ «Горой печали» или «Горой радости», смотря по направленію ихъ путешествія, при отъѣздѣ или при возвращеніи въ отечество [1]). Этотъ пограничный городъ, Шань-хай-гуань или «Ворота между горами и моремъ», состоитъ въ дѣйствительности изъ трехъ различныхъ городскихъ поселеній, отдѣленныхъ одно отъ другаго стѣнами и воротами: внутренній городъ, самый многолюдный, сосредоточиваетъ въ себѣ торговую дѣятельность; восточный городъ, мѣстопребываніе властей и войска, меньше предыдущаго и имѣетъ менѣе оживленный видъ; наконецъ, западный городъ, носящій особое названіе, Нинъгай, населенъ преимущественно китайскими переселенцами. Ограда, наполовину развалившаяся, опоясываетъ всѣ три города и соединяется съ двумя кирпичными валами, уставленными по бокамъ башнями, которыя поднимаются на горы, съ террасы на террасу, до высоты 1.200 метровъ; самый крайній или южный изъ этихъ валовъ есть по преимуществу Великая стѣна, построенная въ эпоху династіи Минъ; но нѣкоторые обломки стѣны и земляныя насыпи приписываются предшествующимъ сооруженіямъ. Со стороны моря стѣна продолжается на пространствѣ около 4 верстъ параллельно берегу залива, затѣмъ прерывается, чтобы дать мѣсто цитадели, и оканчивается выдвинутой въ заливъ дамбой, о которую разбиваются морскія волны. Маленькій храмъ, построенный у пролома въ стѣнѣ, напоминаетъ легенду, получившую громкую извѣстность во всемъ Китаѣ и свидѣтельствующую о тѣхъ страшныхъ страданіяхъ, которыя должны были переносить несчастные, трудившіеся надъ сооруженіемъ исполинскаго оплота. Одна женщина, найдя трупъ своего мужа между тѣлами работниковъ, умершихъ отъ непосильнаго труда, съ отчаянія разбила себѣ голову объ стѣну, которая въ тотъ же моментъ обрушилась на нее, чтобы похоронить несчастную подъ развалинами рядомъ съ ея супругомъ. «Эта женщина,—гласитъ надпись на храмѣ,—всегда будетъ чтиться въ памяти людей, а императоръ Цзинь достоинъ вѣчнаго проклятія».

Города Маньчжуріи, съ приблизительной цифрой ихъ населенія, сообщаемой новѣйшими путешественниками и донесеніями европейскихъ консуловъ, суть:

Провинція Мукденьская или Шэнъ-цзинъ. Мукденъ (по Джемсу) — 250.000 жит.; Ляо-яньчжоу (по Путятѣ) — 70.000; Инъ-коу (Инъцзы) таможенныя свѣдѣнія—60.000; Ню-чжуанъ (Джемсъ)—50.000; Тянь-чжуанъ-тай (Вильямсонъ) — 25.000; Синь-минь-тинъ (Вильямсонъ) — 30.000; Тѣ-линъ (Путята) — 60.000; Кай-юань-сянь (Вильямсонъ) — 35.000; Хайлунъ-чэнъ—10.000; Чань-ту-фу (Гармонъ)—125.000; Хуай-дэ-сянь (Фульфордъ)—20.000; Да-гу-шань (The China Sea Directory)—30.000—40.000; Тунъ-хуа-сянь (Фульфордъ)—20.000.

Провинція Гиринь. Гиринь (Джемсъ)—100.000 жит.; Куань-чэнъ-цзы (Фульфордъ) — 70.000; Нунь-ань-сянь (консульскій отчетъ)—20.000; У-чанъ-тинъ (Берновъ)—1.000; Санъ-ха-тунь (Берновъ)—5.000; Нингута (Джемсъ)—20.000; Хунь-чунь (Матюнинъ)—5.000; Омосо (Берновъ)—5.000; Сань-ча-коу (Берновъ)—3.000; Бодунэ (Зиновьевъ) — 20.000; Шуанъ-чэнъ-тинъ—35.000; Ажэ-хэ (Путята)—15.000; Ялинь-чэнъ (Путята) — 20.000; Бинь-чжоу — 25.000; Сань-синъ (Зиновьевъ)—20.000.

Провинція Хей-лунъ-цзянъ или Цицикарская. Цицикаръ (Евтюгинъ)—30.000 жит.; Мэргэнь—2.000; Айгунь—10.000; Ху-лань-чэнъ—70.000; Баянъ-су-су (Матюнинъ)—30.000; Бэй-туань-линь-цзы (Фульфордъ) — 25.000; Хайларъ (Стрѣльбицкій)—1.000—2.000; Бутха (?)

[1]) О. Палладій, цитированная статья.

Глава V

Китай.

Общій взглядъ.

Названіе «Китай» или «Chine», «China», которое европейцы даютъ континентальной имперіи крайняго Востока, совершенно неизвѣстно самимъ обитателямъ страны; и династія Цинь, отъ которой, вѣроятно, было заимствовано индійское названіе «Чина» (откуда произошли западно-европейскія China, Chine), уже болѣе четырнадцати съ половиной столѣтій какъ перестала царствовать надъ равнинами рѣкъ Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Китайцы не знаютъ также и эпитета «Небесная», приписываемаго ихъ имперіи: слова «Тянь-ся» или «Подъ небомъ», «поднебесный», которыя употребляли ихъ стихотворцы, примѣняются къ «вселенному» міру вообще, такъ же, какъ и къ Китаю въ частности. Въ обыкновенномъ языкѣ китайцы называютъ свое отечество Чжунъ-хуа, что значитъ «Срединное царство» или «Центральная имперія», наименованіе, происходящее быть можетъ, отъ преобладанія, которое пріобрѣли мало-по-малу центральныя равнины надъ окружающими государствами [1]); но въ немъ можно также видѣть выраженіе той идеи, общей всѣмъ народамъ земнаго шара, что именно ихъ отечество составляетъ истинную середину, центръ обитаемыхъ земель. Китайцы не ограничиваются, какъ націи запада, четырьмя главными странами свѣта или точками горизонта: они прибавляютъ къ нимъ пятую точку, средину, и этимъ средоточіемъ считается, конечно, Китай. Со времени завоеванія края маньчжурами Центральное царство получило названіе по имени царствующаго дома—«Дай-цинъ», «Великая и чистая имперія». Китайскій народъ означаетъ свою родину именемъ «Сы-хай» или «Четыре моря», синонимъ вселенной; онъ употребляетъ также, между многими другими названіями, выраженіе Шн-па-шэнъ или «Восемнадцать провинцій», Нэй-ди, «Внутренняя земля». Особенно любимый терминъ—это Хуа-го — «Цвѣтущее царство» или «Земля цвѣтовъ»,—поэтическій синонимъ «Страны земледѣлія и вѣжливости». Что касается самихъ китайцевъ, то это «Дѣти Хань» или «Люди Хань» или иначе «Люди Цинь», по имени двухъ прославляемыхъ исторіей династій; они называютъ себя также Ли-минь (Limin),—загадочное слово, переводимое обыкновенно выраженіемъ «черноволосая раса», и кромѣ того, принимаютъ еще многія другія прозвища. Недостатокъ точнаго національнаго термина, употребляемаго всѣми и постоянно, для означенія Китая и его народовъ, происходитъ оттого, что каждое изъ именъ, сдѣлавшихся общеупотребительными, въ различныя эпохи, сохранило свое первоначальное значеніе и такимъ образомъ можетъ быть замѣняемо синонимами; ни одно изъ нихъ еще не преобразовалось отъ употребленія въ чисто географическое названіе. То же самое нужно сказать объ именахъ горъ, рѣкъ, провинцій, населенныхъ мѣстъ: всѣ эти имена не болѣе, какъ эпитеты, описательные, историческіе, военные, административные или поэтическіе, мѣняющіеся съ каждымъ новымъ режимомъ, съ каждой новой династіей, и замѣщаемые, въ случаѣ надобности, другими эпитетами, которые не отличаются болѣе точнымъ примѣненіемъ. Ни одна рѣка, ни одна горная цѣпь не сохраняетъ того же самаго наименованія на всемъ своемъ протяженіи; ни одинъ городъ не удерживаетъ своего первоначальнаго имени отъ династіи до династіи; нужно прослѣдить всѣ эти перемѣны названій мѣстъ чрезъ длинный рядъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, словаряхъ и въ пятнадцати тысячахъ другихъ географическихъ сочиненій Китая,—громадная работа, которая объясняетъ намъ трудовую, посвященную кропотливымъ изслѣдованіямъ жизнь такихъ ученыхъ, какъ Абель Ремюза и Станиславъ Жюльенъ [1]).

Естественныя границы «Срединнаго царства» или Китая въ собственномъ смыслѣ очерчены довольно точно. На западѣ возвышенности, составляющія продолженіе Тибетскаго плоскогорья и раздѣленныя рѣками на расходящіяся горныя цѣпи, образуютъ видимый рубежъ между китайцами и сифанями, лолотами и другими полудикими народцами; на сѣверѣ Великая стѣна «въ десять тысячъ ли» обозначаетъ, на бо́льшей части своего протяженія, раздѣльную линію между пустыней или степью и культурными территоріями; на востокѣ и на юго-востокѣ, Тихій океанъ омываетъ морской берегъ, который закругляется въ видѣ полукруга, общая длина котораго простирается до 3.500 километровъ. На югѣ, цѣпи горъ, террасы

[1]) Panthier, „Chine, Univers pittoresque".

[1]) Скачковъ, „Annales des voyages", сент. 1860 г.

плоскогорій и въ особенности болота, трудно доступныя рѣчныя ущелья отдѣляютъ Китай отъ полуострова по ту сторону Ганга или Индо-Китая; однако, эта граница во многихъ мѣстахъ чисто условная, и по обѣ стороны ея природа, жители и цивилизаціи представляютъ большое сходство, и съ этой стороны географическій переходъ между Китаемъ и другими странами совершается съ наибольшею постепенностью. Въ своей совокупности, Срединное царство, безъ внѣшнихъ его владѣній, занимаетъ на востокѣ Азіи пространство почти кругообразной формы, при чемъ одна половина окружности начертана на твердой землѣ, а другая совпадаетъ съ линіей береговъ океана. Описанная такимъ образомъ фигура Китая въ собственномъ смыслѣ представляетъ около половины имперіи и составляетъ одиннадцатую часть поверхности Азіатскаго континента. Сравниваемый съ Франціей, собственно Китай, обнимаетъ площадь въ восемь разъ болѣе обширную, на которой обитаетъ населеніе, какъ полагаютъ, въ полтора раза болѣе плотное, пропорціонально, чѣмъ населеніе Французской республики. Въ самомъ дѣлѣ, большинство ученыхъ, изучавшихъ и критически разбиравшихъ результаты китайскихъ народныхъ переписей, пришли къ тому выводу, что число жителей Центральнаго царства можно считать около 400 милліоновъ.

По оффиціальнымъ китайскимъ свѣдѣніямъ 1882 года Собственный Китай [1]):

Пространство.	Населеніе.	На кв. милю.
1.327.308 кв. миль.	386.853.029 душъ.	289 душъ.

*Эти данныя однако весьма проблематичны, и потому здѣсь не безполезно будетъ произвести общій обзоръ движенія народонаселенія Китая, дабы уже потомъ не возвращаться болѣе къ этому вопросу [2]).

По свидѣтельству китайскихъ историковъ, въ IX вѣкѣ до Р. Х. была произведена первая перепись, коею цифра Срединной имперіи опредѣлена въ 22 милліона. При Ханьской династіи въ періодъ времени между 155 и 2 годами до Р. Х., было произведено 10 переписей, исключительно въ интересахъ фиска, дабы узнать число плательщиковъ податей. Средняя цифра этихъ переписей оказалась равною 63.500.000 человѣкъ, въ томъ числѣ заключаются и женщины въ возрастѣ между 15 и 30 годами.

При Сунской династіи былъ введенъ новый усовершенствованный способъ народосчисленія, и люди старше 60 лѣтъ не вносились въ перепись. По народосчисленію 606 г. населеніе оказалось равнымъ 46 милліонамъ слишкомъ, при чемъ въ эту цифру включены были чиновники, слуги, рабы и нищіе. Перепись 772 г. показала 53 милл. душъ; такимъ образомъ народонаселеніе въ 116 лѣтъ возросло лишь на 7 милл. Наступившая послѣ паденія дома Тановъ частая смѣна династій, междоусобія и борьбы съ напиравшими съ сѣвера монголами мало благопріятствовали увеличенію народонаселенія, которое начало оправляться лишь при Сунской династіи, когда по переписи 1102 г. оно возросло до 100 слишкомъ милл. жителей. Завоеваніе Китая монголами и воцареніе Юаньской династіи опять уронило цифру населенія. Въ 1290 г. по переписи, произведенной по указу богдыхана Хубилая, оказалась 59 милл. лицъ, платящихъ подати, «не считая бѣжавшихъ въ горы и на озера и перешедшихъ на сторону бунтовщиковъ». Китайскій историкъ Матуанлинъ приводитъ цифры 16 переписей, произведенныхъ при Минской династіи между 1381 и 1580 гг.: средняя цифра этихъ переписей равна 57 милл., а максимальная 66 милл. съ половиною.

При нынѣшней Маньчжурской династіи, заслуживающее нѣкотораго довѣрія, народосчисленіе было совершено въ 1711 году ради цѣлей финансовыхъ и военныхъ, при чемъ въ перепись включены были всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ. Вскорѣ богдыханъ Канъ-лунъ возобновилъ перепись. При сравненіи переписи 1711 г. (28.605.716) съ переписью 1753 г. (103.050.060) видно, что населеніе если не все, то плательщики податей, увеличивалось въ теченіе 42 лѣтъ въ небывалой пропорціи, на 6% ежегодно.

Съ 1753 г. по 1792 г., т. е. въ теченіе 39 лѣтъ, государство подъ твердымъ управленіемъ Кан-луна, пользовалось непрерывнымъ миромъ, что отразилось на численности населенія, возросшаго до 207.467.200 чел., т. е. приблизительно по 2½% ежегодно. По переписи 1812 г. населеніе возросло до 262.467.183 души при ежегодномъ приростѣ въ 1%. Продолжайся приростъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія въ той же пропорціи—Срединная имперія, въ настоящее время насчитывала бы колоссальное населеніе въ 660 милл. Если этого не случилось и если по опредѣленію наиболѣе компетентныхъ лицъ, населеніе Китая не превышаетъ нынѣ 400 милл., то лишь вслѣдствіе особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ, на время совершенно парализовавшихъ размноженіе. Населеннѣйшія и богатѣйшія провинціи имперіи подверглись полному или частичному разоренію и опустошенію, благодаря цѣлому ряду политическихъ смутъ и возстаній, обрушившихся на Китай въ нынѣшнемъ столѣтіи. Особенный вредъ причинило странѣ возстаніе тайпиновъ, «длинноволосыхъ», охватившее нѣсколько провинцій и длившееся много лѣтъ (съ 1854 г. по 1864 г.). Такъ провинція Цзянъ-су въ 40-лѣтній періодъ съ 1842 г. по 1882 г. потеряла 19 милл. жителей, т. е. половину своего населенія. Почти столько же утратили провинціи Чжэ-цзянъ и

[1]) По свѣдѣніямъ „The Statesmans year book“, 1897 г.

[2]) Матеріаломъ для этой вставки послужило извѣстное сочиненіе Коростовцева „Китайцы и ихъ цивилизація“.

Чжи-ли. Въ провинціи Ань-хой населеніе уменьшилось на 20 милл. Около 1855 г. началось возстаніе магометанъ въ Юнь-нани, завершившееся сверженіемъ китайской власти и основаніемъ въ 1867 г. халифата. Жертвы этого возстанія, вслѣдствіе сильнаго религіознаго антагонизма между китайцами и магометанами, были весьма многочисленны.

Къ бѣдствіямъ войны присоединилась въ 1782 г. сильная эпидемія, произведшая не малое опустошеніе въ населеніи. Въ 1860 годахъ вспыхнуло возстаніе дунганъ въ провинціяхъ Шэнь-си и Гань-су. Это возмущеніе длилось 16 лѣтъ и превратило цвѣтущую и населенную страну въ пустыню. Обезлюденіе, начатое междоусобными войнами, довершено было тремя годами (съ 1876 г. по 1878 г.), жестокаго голода, свирѣпствовавшаго въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая—Шань-си, Шэнь-си, Чжи-ли, Хэ-нани и отчасти въ Шань-дунѣ. Въ Шань-си, напримѣръ, въ теченіе трехъ лѣтъ отъ голода погибло 5 милл. человѣкъ.

Нашъ генеральный консулъ въ Пекинѣ П. С. Поповъ, занимавшійся демографіею и статистикою Китая, пытался вывести цифры населенія провинцій, неупомянутыхъ въ новѣйшихъ китайскихъ отчетахъ, пользуясь оффиціальными данными прежнихъ годовъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены цифры 19-ти провинцій, заимствованныя изъ доклада 1886 г., отчасти же изъ статистической таблицы г. Попова, который при выводѣ своихъ цифръ принималъ во вниманіе разныя обстоятельства, вліявшія на приростъ или на убыль населенія:

Провинціи.	Населеніе въ 1836 г.	Населеніе въ 1887 г.	Приростъ.	Населеніе, выведенное на основаніи старыхъ списковъ.
1) Шань-дунъ	36.631.308	36.644.255	12.947	—
2) Шань-си	10.847.147	10.658.401	188.746 (убыль)	—
3) Хэ-нань	22.117.439	22.117.829	390	—
4) Цзянъ-су	21.346.899	21.408.930	62.031	—
5) Цзянъ-си	24.554.085	24.559.327	5.242	—
6) Чжэ-цзянъ	11.691.255	11.703.038	11.783	—
7) Ху-бэй	33.682.193	33.763.437	81.242	—
8) Ху-нань	21.005.952	21.005.368	416	—
9) Шэнь-си	8.395.954	8.403.818	7.864	—
10) Сы-чуань	72.126.148	73.148.566	1.053.418 (почти $1^1/_2$% прироста)	—
11) Гуанъ-дунъ	29.751.178	29.762.725	11.547	—
12) Гуй-чжоу	4.803.958	4.806.572	2.947	—
13) Фу-цзянь	24.344.810	—	—	—
14) Гань-су-синь-цзянь		1.238.583 [1]	—	—
15) Чжи-ли	—	—	—	17.937.000
16) Гань-су	—	—	—	5.411.188
17) Юньнань	—	—	—	11.721.576
18) Гуанъ-си	—	—	—	5.121.327
19) Ань-хой	—	—	—	20.596.988

При сравненіи цифръ населенія 1886 и 1887 гг. поражаетъ ничтожный приростъ населенія почти во всѣхъ провинціяхъ; этотъ приростъ значительно ниже 1%, въ провинціи же Шань-си оказалось почти 2% убыли. Единственнымъ исключеніемъ является провинція Сы-чуань, въ которой приростъ достигъ почти $1^1/_2$%. Благословенный климатъ, необыкновенное плодородіе почвы и отсутствіе политическихъ потрясеній—таковы причины, благопріятствовавшія размноженію населенія этого китайскаго эдема. Кромѣ того, цифра населенія Сы-чуани значительно повысилась благодаря приливу, во время Тайпинскаго возстанія, бѣглецовъ изъ другихъ провинцій, находившихся въ менѣе счастливыхъ условіяхъ. Сложивъ цифры населенія, выведенныя на основаніи прежнихъ списковъ, получимъ общую сумму народонаселенія для 19-ти провинцій въ 360.039.928 чел. или круглымъ числомъ въ 360.040.000 человѣкъ. Какъ ни гипотетична эта цифра, но, за неимѣніемъ болѣе достовѣрной, ею приходится довольствоваться при опредѣленіи населенія всей имперіи. Матусовскій полагаетъ, что населеніе собственно Китая== ==381.688.672 челов. Чтобы покончить вообще съ населеніемъ Китая, остается разсмотрѣть остальныя его части, гдѣ найдемъ, что по переписи 1842 г. населеніе Маньчжуріи, т. е. провинцій Шэнъ-цзинъ, Гиринь и Хэй-лунъ-цзянъ, равнялось 1.665.542 жителямъ. Но въ 1887 г. въ одной Шэнъ-цзинской провинціи населеніе въ 4.457.261 человѣкъ. Принявъ цифру жителей двухъ другихъ провинцій (населенныхъ значительно слабѣе), въ 5 милл., мы получимъ для всей Маньчжуріи 9 милл. человѣкъ, что, вѣроятно, скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительности[1]).

Матусовскій населеніе сѣверной и южной Монголіи опредѣляетъ въ 3 милліона. Тибета,

[1]) Эта цифра выведена на основаніи доклада генералъ-губернатора этой провинціи, представленнаго въ 1887 г. Въ докладѣ говорится, что число семействъ провинціи равно 266.959.

[1]) См. „Маньчжурія".

Куку-нора въ 3 милл. 650 тыс., Или и Тарбагатая въ 200 слишкомъ тысячъ. Сложивъ цифру населенія Маньчжуріи съ числами населенія названныхъ территорій, получимъ общую цифру народонаселенія застѣннаго Китая 15 милл. 850 тыс. или круглымъ числомъ 16 милл. Для полученія народонаселенія всей имперіи это число слѣдуетъ прибавить къ выведенной нами выше цифрѣ населенія 19-ти провинцій, тогда мы будемъ имѣть.

Населеніе: 19-ти провинцій — 360.040.000 чел.; Маньчжуріи и остальныхъ территорій— 16.000.000 чел.; всего—376.040.000 чел.

Итогъ этотъ можно считать цифрою народонаселенія Китая въ 1887 г., существенную часть его составили цифры переписи 1887 г. Нѣтъ причинъ допускать, въ особенности въ виду отсутствія крупныхъ бѣдствій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, чтобы нормальный годовой приростъ населенія былъ многимъ меньше $^1/_2\,^0/_0$. Принявъ такой $^0/_0$ ежегоднаго прироста, мы получимъ, что населеніе всей имперіи увеличилось съ 1887 г. по 1896 г. (т. е. за 9 лѣтъ) на 18 милл. чел. Прибавивъ этотъ приростъ къ выведенной нами цифрѣ населенія всей имперіи въ 1887 г. получимъ—376.040.000; 9-ти-лѣтній приростъ — 18.000.000; всего — 394.040.000, минусъ предполагаемое населеніе о-ва Формозы, уступленнаго Японіи—3.000.000, получимъ—391.040.000 т. е. предполагаемую цифру населенія въ 1896 г.* [1]).

Уже за тысячи лѣтъ до нашего времени китайцы составили себѣ понятіе о формѣ и рельефѣ своего отечества, по крайней мѣрѣ, въ ихъ общихъ чертахъ. Шу-цзинъ или «книга лѣтописей» разсказываетъ, что императоръ Юй, за двадцать два вѣка до начала общепринятаго лѣтосчисленія западныхъ народовъ, приказалъ составить статистическое описаніе Китая и вырѣзать карты девяти провинцій на девяти бронзовыхъ вазахъ: поставленные на храненіе въ одинъ храмъ, эти предметы считались народомъ какъ долженствующіе обезпечивать корону тому, кто сдѣлается ихъ обладателемъ; въ половинѣ третьяго столѣтія старой эры, одинъ богдоханъ велѣлъ ихъ бросить въ рѣку, дабы ими не могли воспользоваться его побѣдители. Рядъ работъ, перечисляемыхъ въ книгѣ Юй-гунъ, которыя были произведены подъ руководствомъ императора Юй въ видахъ устроенія государства, также составляетъ настоящую топографію, вѣроятно, древнѣйшую въ свѣтѣ: горы и мысы, рѣки и озера, качества грунта, произведенія почвы, все указано въ этомъ описаніи девяти провинцій имперіи. Цѣлые легіоны комментаторовъ, китайскихъ и европейскихъ, изучали эту географію Китая и провѣряли упоминаемыя въ ней имена мѣстъ. Отыскивая повсюду мистическій порядокъ и симметрію съ цѣлью найти священныя числа «девяти горъ», «девяти рѣкъ», «девяти рѣчныхъ вѣтвей», «девяти болотъ» и «девяти естественныхъ валовъ или стѣнъ», соотвѣтствующихъ девяти описываемымъ провинціямъ, неизвѣстный авторъ Юй-гуна не могъ, конечно, составить себѣ яснаго понятія о рельефѣ страны во всей его точности; но тѣмъ не менѣе вѣрно, что географія Китая, отъ моря до сыпучихъ песковъ пустыни Гоби, была подробно извѣстна въ ту эпоху. Даже, кажется, она была тогда лучше извѣстна, нежели въ послѣдующіе вѣка, ибо большая часть комментаріевъ, вмѣсто того, чтобы разъяснить, только затемнили текстъ Юй-гуна, представляя какъ чудо малѣйшій географическій фактъ, разсказанный въ этой книгѣ [1]), и пытаясь противопоставить, между предметами китайской природы, «внѣшние ряды» мистическимъ «рядамъ девяти», указываемымъ авторомъ Юй-гуна. Только въ наши дни, благодаря критикѣ европейскихъ синологовъ, этотъ древнѣйшій памятникъ китайскаго отечествовѣдѣнія понятъ наконецъ въ его истинномъ смыслѣ.

Въ царствованіе династіи Хань, во второмъ столѣтіи христіанской эры, въ Китаѣ существовало настоящее топографическое бюро, чжи-фанъ-ши, которому поручено было измѣрять страну и составлять карты [2]). Съ того времени географическія изслѣдованія никогда не были въ пренебреженіи; но во всѣхъ китайскихъ сочиненіяхъ, относящихся къ географіи Центральнаго царства, замѣчается полный недостатокъ чувства пропорціональности, аналогичный тому, которымъ страдаютъ произведенія китайской живописи. Отдѣльно стоящій пикъ, цѣпь горъ и цѣлая орографическая система имѣютъ въ ихъ описаніяхъ совершенно одинаковую важность и обозначаются однимъ и тѣмъ же именемъ; ручеекъ, большая рѣка, озеро, море, показаны на картахъ одинаково толстыми штрихами, одинаково сильными ударами кисти или чертами рѣзьбы; берега не начерчены въ видѣ непрерывной линіи: все смѣшивается въ картинѣ, рѣки и дороги, города и горы. Указаннымъ мѣрамъ недостаетъ точности, и онѣ имѣютъ лишь общую цѣну, и при томъ и единица длины, ли, измѣняется, смотря по времени и мѣсту. Обыкновенно европейцы приравниваютъ ее одной трети мили или одной десятой лье; но извѣстно, что эти мѣры разстоянія и сами не отличаются точностью. Въ градусѣ экватора считаютъ то 185 ли, то 192, 200 или 250, что соотвѣтствуетъ для каждаго ли 600, 578, 556 или 445 метрамъ длины. Та-

[1]) При дальнѣйшемъ обзорѣ Китая по его частямъ будутъ приводиться цифры для показанія пространства и населенія, заимствованныя у Матусовскаго, какъ сравнительно еще и до настоящаго времени достаточно близкія къ истиннымъ. Примѣч. ред.

[1]) F. von Richthofen, „China“.

[2]) Ed. Biot, „Le Tchéou-li ou Rites des Tchéou“.

кимъ образомъ средняя величина ли оказывается почти равной половинѣ километра; но разности вычисленія настолько значительны, что невозможно отмѣтить съ точностью относительное разстояніе мѣстъ, перечисляемыхъ

Хань-коу при сліяніи Хань-цзянъ съ Янъ-цзы-цзяномъ.

въ китайскихъ документахъ. Для приблизительнаго исчисленія разстоянія однако принято считать ли равнымъ $^1/_2$ версты.

Первые европейскіе путешественники, которые проникли въ Срединную имперію и разсказали про ея чудеса западному міру, могли, естественно, сдѣлать только предварительную работу открытія дотолѣ невѣдомой страны, и даже пройденные этими изслѣдователями пути обозначены на картѣ во многихъ мѣстахъ неопредѣленнымъ образомъ. При томъ же очень немногіе изъ первыхъ европейскихъ посѣтителей Китая оставили по себѣ память въ исторіи. Послѣ Марко Поло, знаменитаго венеціанца, который странствовалъ по Китаю въ продолже-

ніе семнадцати лѣтъ, и другіе европейскіе купцы или миссіонеры, Пеголотти, Монтекорвино, Одорико де Перденоне, Марньолли, видѣли большіе города Срединной имперіи. Въ своемъ описаніи великолѣпія города Цзинъ-ши —нынѣшній Ханъ-чжоу-фу, Одорико ди Перденоне ссылается на свидѣтельство многочисленныхъ венеціанцевъ, которые, тоже посѣтивъ дивный китайскій градъ, могли подтвердить его слова. Но дѣло изслѣдованія въ собственномъ смыслѣ и провѣрка или исправленіе туземныхъ картъ начались только съ прибытіемъ въ страну европейскихъ миссіонеровъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи тріентинецъ Мартино Мартини составилъ свое сочиненіе, въ которомъ онъ воспроизвелъ китайскія карты, измѣненныя имъ согласно собственнымъ путевымъ наблюденіямъ и сопровождаемыя критическими документами. Сдѣлавшись, въ концѣ того же столѣтія, оффиціальными астрономами и математиками имперіи, французскіе миссіонеры, которые въ то же время поддерживали сношенія съ географами Западной Европы, могли заниматься съ успѣхомъ изслѣдованіемъ Китая, могли тщательно снимать на планъ пройденныя ими мѣстности, опредѣлить постоянныя точки на своихъ картахъ посредствомъ наблюденія небесныхъ свѣтилъ. Въ 1688 и 1689 годахъ миссіонеръ Жербильонъ получилъ даже отъ пекинскаго правительства порученіе принять участіе въ трудахъ по проведенію новой границы между Россіей и Китайской имперіей, и до послѣднихъ русскихъ экспедицій его записки оставались капитальнымъ сочиненіемъ для нѣкоторыхъ областей сѣвернаго Китая. Наконецъ, въ 1708 году Буве, Режи и Жарту приступили, по повелѣнію императора Канъ-си, къ построенію генеральной карты Китая, которая и теперь еще, для нѣкоторой части внутренности имперіи, составляетъ основу, на которую современные путешественники должны наносить свои поправки. Въ десять лѣтъ эта общая передѣлка китайскихъ картъ была окончена, извѣстный французскій географъ д'Анвиль могъ воспользоваться ими для составленія атласа, съ котораго почти всѣ другія, изданныя послѣ того, карты Китая представляютъ только болѣе или менѣе вѣрныя перепечатки.

Труды научнаго изслѣдованія, предпринятые нынѣ въ различныхъ частяхъ имперіи, позволяютъ надѣяться на появленіе въ близкомъ будущемъ генеральной карты Китая, болѣе точной въ отношеніи положенія городовъ и теченія рѣкъ и въ особенности болѣе вѣрной въ отношеніи изображенія рельефа страны. Элементы для построенія этой новой карты умножаются съ каждымъ годомъ. Гидрографы англійскіе, французскіе, американскіе, нѣмецкіе, русскіе тщательно сняли на карту почти всѣ морскіе берега имперіи, входы въ порты, подступы къ островамъ, архипелаги, песчаныя мели. Блекистонъ и другіе моряки начертили теченіе Янъ-цзы-цзяна со всѣми его излучинами и такимъ образомъ приготовили для послѣдующихъ картографическихъ работъ линію базиса, проходящую черезъ всю имперію. Гг. Фритше, Сосновскій, Пржевальскій, Пѣвцовъ, Грумъ-Гржимайло, Путята и другіе русскіе путешественники, наконецъ Рихтгофенъ, который началъ издавать атласъ Китая въ сорока четырехъ листахъ, связали пройденные ими пути Срединной имперіи съ дорогами Сибири и Европы цѣлымъ рядомъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, и сѣть ихъ маршрутовъ новѣйшихъ изслѣдователей образуетъ уже, во всемъ Срединномъ царствѣ, большіе треугольники, вершины которыхъ сходятся на пекинской обсерваторіи и на европейскихъ станціяхъ въ портахъ морскаго прибрежья. Китайцы также принимаютъ участіе въ этомъ географическомъ трудѣ, и нѣкоторыя изъ напечатанныхъ въ послѣднее время туземныхъ картъ доказываютъ, что, въ графическомъ изображеніи формъ рельефа, фантазія и мистическій духъ уступили мѣсто у нихъ внимательному наблюденію чертъ природы. Обладая обширной синологической литературой, западные европейцы почти не имѣютъ, кромѣ вышеупомянутаго классическаго атласа Рихтгофена, хорошихъ картъ Китая. Все, что въ послѣднее время извѣстно въ этомъ отношеніи лучшаго, принадлежитъ русскимъ картографамъ Матусовскому, Веберу, Бретшнейдеру и другимъ авторамъ, болѣе подробный списокъ которыхъ уже помѣщенъ въ предисловіи къ книгѣ.

Въ своихъ естественныхъ границахъ, собственно такъ называемый Китай представляетъ довольно большое географическое единство. Можно сказать вообще, что его горныя цѣпи понижаются и развѣтвляются отъ запада къ востоку, открывая повсюду удобныя дороги населеніямъ, поднимающимся отъ береговъ моря къ внутреннимъ областямъ страны. Проломы въ цѣпи горъ, невысокіе или, по крайней мѣрѣ легко доступные горные проходы и перевалы дѣлаютъ возможнымъ сообщеніе между населенными мѣстностями противоположныхъ скатовъ, и нигдѣ отдѣльные мірки, образуемые плоскогорьями, не имѣютъ достаточно важнаго значенія, чтобы прерывать связь окружающихъ населеній. Двѣ главныя рѣки Китая, Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзянъ, расположены такимъ образомъ, что онѣ чрезвычайно облегчаютъ поддержаніе національнаго единства прибрежныхъ жителей. Обѣ эти рѣки имѣютъ общее направленіе, параллельное экватору, такъ что переселенія могутъ совершаться послѣдовательно изъ одной мѣстности въ другую сосѣднюю, вдоль по теченію рѣкъ, при чемъ

колонистамъ не приходится страдать отъ рѣзкой перемѣны климата, Хотя Желтая и Голубая рѣки текутъ на очень большихъ разстояніяхъ одна отъ другой въ своей средней части, и хотя многочисленныя цѣпи горъ, составляющія восточное продолженіе системы Куэнь-лунь, поднимаются между этими могучими потоками, однако, между средними ихъ теченіями открываются проходы, сдѣлавшіеся очень оживленными путями сообщенія, которые ведутъ изъ сѣверной долины въ южную. Въ области верховьевъ, поперечная долина, въ которой течетъ Минъ-цзянъ, впадающій въ Янъ-цзы-цзянъ, представляетъ первую дорогу, очень трудную, но которою, однако, пользуются уже съ незапамятныхъ временъ; другой путь, проходящій по долинѣ Цзя-линъ, менѣе затруднителенъ, и потому имъ чаще пользуются, чѣмъ предъидущимъ; на востокѣ, рѣка Хань-цзянъ тоже протекаетъ въ широкой бороздѣ, открывающейся наискось отъ одной главной рѣки до другой въ важнѣйшихъ частяхъ ихъ теченія; наконецъ, въ области низовьевъ, аллювіальныя равнины двухъ главныхъ потоковъ Китая сливаются, и иногда случалось даже, что блуждающія воды Хуанъ-хэ изливались въ лиманъ, сообщающійся посредствомъ побочныхъ вѣтвей съ водами рѣки Хуай-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Можно сказать, что два главные рѣчные бассейна имперіи, обнимающіе вмѣстѣ, на всемъ ихъ протяженіи въ Тибетѣ, Куку-норѣ, Монголіи и Китаѣ, поверхность въ 340.000 квадратныхъ километровъ, принадлежатъ къ одной и той же гидрографической системѣ. Полоса этого пространства, которая находится къ югу отъ монгольскихъ степей и къ востоку отъ тибетскихъ плоскогорій, сдѣлалась, естественно, земледѣльческой областью одной и той же націи.

Южная часть Китая, простирающаяся на югъ отъ этихъ двухъ рѣкъ-близнецовъ, которыя окружаютъ своимъ теченіемъ истинный «Цвѣтокъ середины», менѣе прочно соединена съ остальной имперіей. Въ этой области горы болѣе высоки, чѣмъ въ центрѣ страны, и раздѣляются на большее число цѣпей, расположенныхъ параллельно, по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; главная рѣка края, Си-цзянъ (Сикіангъ), не можетъ быть сравниваема по своему развитію съ двумя первенствующими рѣками Китая, и ея боковыя долины не открываютъ населеніямъ столь же широкихъ путей къ внутренности бассейна, какъ долины притоковъ Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Эта часть имперіи, составляющая особую территорію, отличную отъ остальнаго Китая, и которая, съ другой стороны, соединяется съ областями Индо-Китая верхними долинами Красной рѣки и Меконга, должна была, вслѣдствіе этого, рѣзко отличиться отъ области двухъ главныхъ рѣкъ Срединнаго царства, какъ климатомъ и естественными произведеніями, такъ и характеромъ населенія. Дѣйствительно, южные китайцы много разнятся отъ сѣверныхъ по языку и нравамъ; въ теченіе многовѣковой исторической жизни націи они часто входили въ составъ другихъ политическихъ агломерацій.

Въ Старомъ свѣтѣ Китай соотвѣтствуетъ западной Европѣ своимъ климатомъ, своими естественными произведеніями и историческимъ развитіемъ. Правда, что Китай, отъ Чжилійскаго залива до острова Хай-нань, въ своей совокупности, гораздо ближе къ экватору, чѣмъ западная Европа, такъ какъ самая сѣверная часть Срединной имперіи, въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. приморская оконечность Великой стѣны, находится подъ 40 градусами широты, какъ гора Аѳонъ, Минорка и Коимбра, и къ югу отъ Кантонскаго лимана все китайское прибрежье лежитъ въ тропическомъ поясѣ; но кривизна изотермическихъ линій, изгибающихся тамъ къ югу, такъ сказать, приподнимаетъ китайскую территорію въ сѣверномъ направленіи и сообщаетъ ей климатъ относительно холодный. Такъ, средняя годовая температура южной Англіи и сѣверной Франціи, равная 10 градусамъ по Цельзію, есть та же самая, какъ температура Пекина и долины рѣки Байхэ; Шанхай соотвѣтствуетъ, по средней своего климата, Марселю и Генуѣ, а изотерма 20 градусовъ Цельзія, проходящая по морскимъ берегамъ южнаго Китая, касается также португальской Алгавріи и Андалузіи. Правда, среднія величины температуры указываютъ только ось годовыхъ колебаній климата, и нужно, кромѣ того, принимать въ соображеніе, главнымъ образомъ, крайности тепла и холода. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Китай есть въ одно и то же время страна болѣе сѣверная и болѣе южная, чѣмъ умѣренная Европа. Лѣтомъ жары тамъ сильнѣе, а зимой холода суровѣе. Въ Старомъ Свѣтѣ, какъ и въ Новомъ, восточные берега континента имѣютъ болѣе неравномѣрный климатъ или климатъ крайностей, чѣмъ берега западные: это различіе происходитъ главнымъ образомъ отъ расположенія океанскихъ пространствъ и отъ вращенія земнаго шара въ направленіи отъ запада къ востоку. Въ Европѣ атмосферныя теченія, борющіяся изъ-за преобладанія, суть правильные вѣтры, идущіе отъ полюса, которые вращательнымъ движеніемъ земли измѣняются въ сѣверо-восточные и противо-пассаты, превращающіеся, вслѣдствіе земнаго вращенія, въ юго-западные вѣтры. На восточныхъ же берегахъ Азіи, центръ притяженія, образуемый громаднымъ бассейномъ Тихаго океана, отклоняетъ воздушные токи отъ ихъ нормальнаго направленія. Полярные вѣтры, проходящіе надъ Сибирью, уклоняются къ югу и къ юго-востоку, чтобы замѣщать теплую атмосферу, которая изъ тропиче-

скихъ морей переливается къ полюсу. Лѣтомъ, напротивъ, накаленныя солнцемъ «желтыя земли» по рѣкѣ Хуанъ-хэ, голыя степи, глинистыя и песчаныя пространства Монголіи привлекаютъ къ себѣ морскіе вѣтры, и воздушные слои, простирающіеся надъ Великимъ океаномъ, образуютъ юго-восточные муссоны, направляющіеся къ внутренности Китая. Это уклоненіе атмосферныхъ токовъ проявляется съ наибольшей силой на сѣверъ отъ Голубой рѣки; что касается болѣе южныхъ странъ, то притягательный центръ, представляемый пустыней Гоби, который при томъ же заслоненъ цѣпями горъ, слѣдующихъ одна за другой параллельно морскому берегу, находится слишкомъ далеко для того, чтобы вліяніе его могло отклонять пассатные вѣтры отъ ихъ нормальнаго хода, совершающагося по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и оттого послѣдніе неуклонно продолжаютъ дуть изъ Бенгальскаго залива къ плоскогорьямъ Юнь-нани и изъ Кохинхины къ острову Формозѣ. Но въ этихъ областяхъ моря воздухъ, побуждаемый двумя различными силами, пребываетъ въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, и здѣсь-то, подъ вліяніемъ двойнаго усилія, происходятъ въ эпохи перемѣны направленія муссоновъ, такъ называемые по-китайски тайфуны или «большіе вѣтры», тѣ «тифоны», которыхъ такъ боятся мореплаватели и которыми такъ страшенъ Формозскій проливъ.

Благодаря правильнымъ юго-западнымъ вѣтрамъ и муссонамъ, которые направляются съ моря къ внутренности континента, земли, расположенныя на пути этихъ атмосферныхъ теченій, получаютъ среднее количество влаги, болѣе значительное, чѣмъ страны западной Европы, и главныя рѣки, послѣ того какъ часть ихъ водъ израсходовалась на орошеніе обширныхъ земледѣльческихъ пространствъ и наполненіе большихъ озеръ, образовавшихся по обѣ стороны ихъ теченія, уносятъ еще въ море излишекъ, который доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кубическихъ метровъ въ секунду: среднее годовое паденіе дождя на приморскую область Китая можно считать равнымъ 1 метру, именно:

Среднее паденіе дождевой воды и снѣга въ сантиметрахъ:

Пекинъ—652; Си-ка-вэй—1.134; Хань-коу—1.380; Амой—1.138; Кантонъ—1.795; Шанхай—1.067 [1]).

Почти вся атмосферная влага падаетъ въ видѣ дождя, ибо холодные зимніе вѣтры приходятъ изъ континентальныхъ пространствъ, а влажные вѣтры,—по большей части теплыя воздушныя теченія, дующія съ юга. Когда однажды сильный вихрь принесъ нѣсколько хлопьевъ снѣга въ Кантонъ, то удивленные жители подумали, что это, должно быть, нѣчто въ родѣ летучаго хлопка, и нѣкоторые стали собирать снѣгъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, онъ пригодится какъ противолихорадочное средство. Обыкновенная правильность чередованія временъ года и перемѣнъ погоды есть одна изъ причинъ, которыя наиболѣе способствовали успѣхамъ земледѣлія въ Китаѣ. Тогда какъ въ Европѣ неправильныя годовыя варіаціи атмосферныхъ явленій отнимаютъ увѣренность у земледѣльца и много измѣняютъ, отъ одного года до другаго, величину и цѣнность его жатвы, уклоненія климата отъ средней нормы въ Китаѣ гораздо менѣе значительны, и тамошній крестьянинъ съ меньшимъ безпокойствомъ за будущее бросаетъ свое зерно въ борозду пашни. Тѣмъ не менѣе, однако, и тамъ большія катастрофы, каковы наводненія и иногда также совершенное бездожіе, могутъ лишить населеніе ожидаемаго урожая, и тогда голодъ становится неизбѣжнымъ [1]).

Пользуясь умѣреннымъ климатомъ, который въ южныхъ областяхъ приближается къ тропическому, Китай обладаетъ очень богатой флорой, гдѣ растительныя формы индійской области смѣшиваются съ растеніями европейскаго вида. Въ промежуточныхъ округахъ юга одно и то же поле можетъ производить сахарный тростникъ и картофель; дубъ и бамбукъ растутъ рядомъ въ одной и той же рощѣ [2]). По направленію отъ юга къ сѣверу замѣчается постепенный переходъ отъ индійской флоры къ маньчжурской. Переселеніе тропическихъ растеній облегчается наклонностью многочисленныхъ китайскихъ долинъ къ малайскому полуострову: переходъ отъ одного климата къ другому не задерживается или не затрудняется никакой естественной преградой, въ видѣ горныхъ цѣпей, пустынь, степей или морей, какъ на югѣ Европы, въ западной Азіи и въ сѣверной Америкѣ. Очень многія растенія, принадлежащія къ индійской флорѣ, можно видѣть еще въ Кантонѣ и въ Гонконгѣ, другія поднимаются еще далѣе къ сѣверу, и только въ сосѣдствѣ города Амой, подъ 24 градусомъ широты, тропическія растенія находятъ свою сѣверную границу распространенія. Изъ южныхъ видовъ нандалѣе распространяются къ сѣверу тѣ, которые наиболѣе нуждаются въ большомъ количествѣ воды для своего произрастанія, и которые, слѣдовательно, требуютъ если не тропическихъ жаровъ, то, по крайней мѣрѣ, дождей, столь же обильныхъ, какъ дожди тропическаго пояса [3]). Одно изъ этихъ растеній—бамбукъ, полезнѣйшій матеріалъ въ домашнемъ хозяйствѣ китайцевъ, которые строятъ изъ него жи-

[1]) Ивановскій, „Китай".

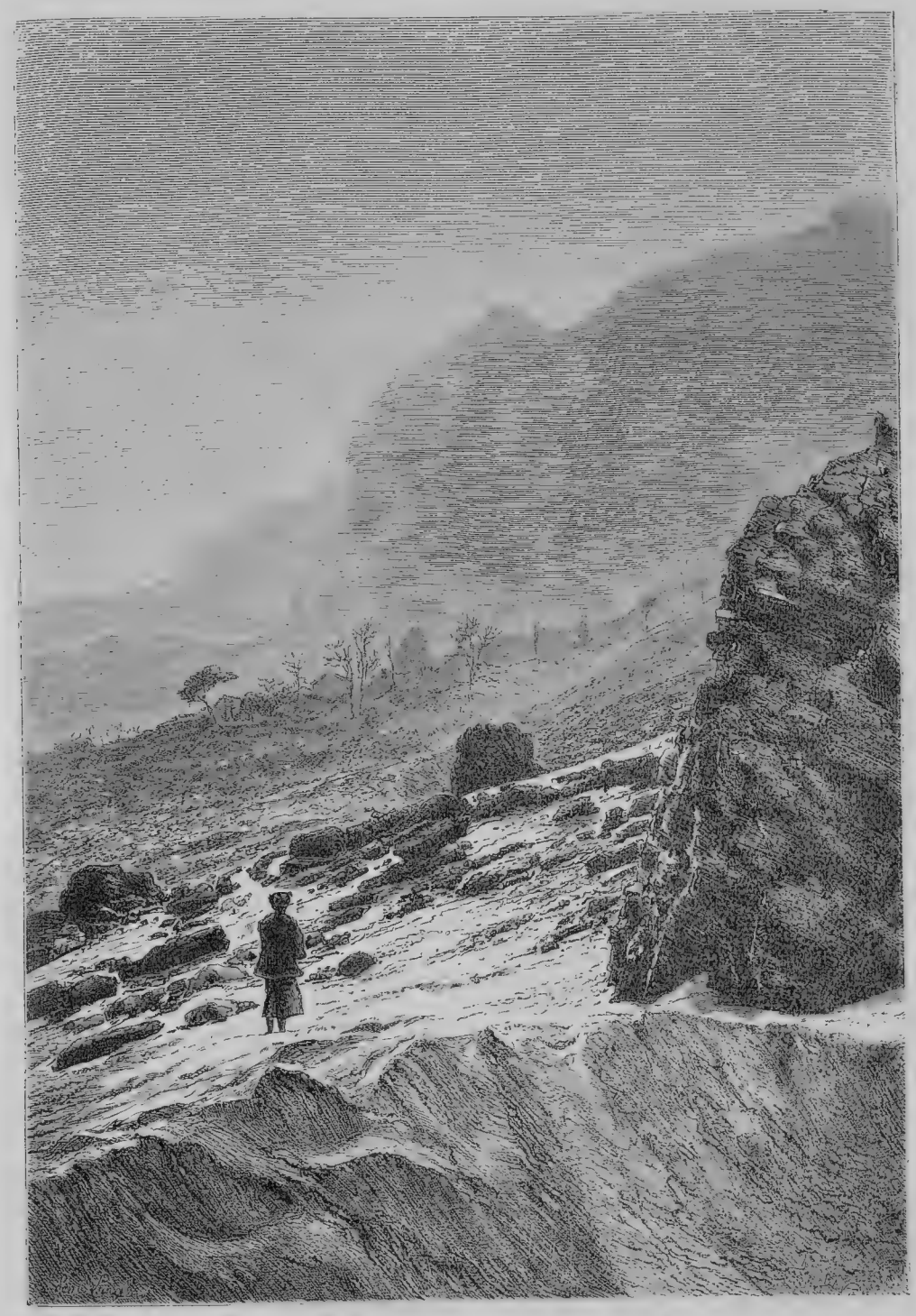
[1]) Grisebach, „la Végétation du Globe", trad. par Tchihatchev.

[2]) Fortune;—Plath, „Die Landwirthschaft der Chinesen".

[3]) Гризебахъ, цитированное сочиненіе.

лища, выдѣлываютъ мебель, веревки, паруса, приготовляютъ бумагу и даже употребляютъ его въ пищу: молодые побѣги бамбука составляютъ одно изъ лакомыхъ блюдъ китайской кухни.

ревьевъ: и въ этомъ отношеніи Китай тоже напоминаетъ тропическія области, хотя онъ, можно сказать, не имѣетъ настоящихъ лѣсовъ. Въ окрестностяхъ Гонконга, гдѣ древесная ра-



Видъ въ горахъ провинціи Сы-чуань.

Главное отличіе китайской флоры отъ европейской состоитъ въ томъ, что первая заключаетъ большое число деревянистыхъ видовъ, ліанъ (вьющихся растеній), кустарниковъ и дестительность была оттѣснена распространеніемъ земледѣлія въ нѣкоторыя узкія долины и на верхніе скаты холмовъ, деревянистыя породы представляютъ собою цѣлую треть мѣ-

стныхъ видовъ, тогда какъ на одномъ изъ острововъ Средиземнаго моря, на Искіи, который, по своему географическому положенію можетъ быть сравниваемъ съ Гонконгомъ, деревянистыя растенія составляютъ лишь двѣнадцатую часть флоры. [1]). Даже около Пекина и во всемъ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ, однако, климатъ уже почти сибирскій въ продолженіе извѣстной части года, и тамъ древесныя формы исчисляются въ одну пятую общаго числа растительныхъ видовъ. Между этими деревянистыми растеніями деревья и кустарники съ вѣчно зеленой листвой очень многочисленны: въ особенности смолистыя породы представлены тамъ самыми разнообразными типами, и флора Китая превосходитъ въ этомъ отношеніи даже лѣсную область сѣверной полосы Америки; лавровыя деревья также принадлежатъ къ нормальной физіономіи китайскаго пейзажа. Точно также древесныя формы области Средиземнаго моря всѣ имѣютъ соотвѣтственные виды въ китайской области, и большая часть деревьевъ съ опадающими листьями, каковы липа, ясень, сикомора, кленъ, встрѣчаются также въ Китаѣ и принадлежатъ къ тѣмъ же родамъ, какъ и европейскіе виды. Наконецъ, въ ряду кустарниковъ олеандръ и миртъ тоже напоминаютъ флору странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю; кромѣ того, китайская флора имѣетъ то преимущество надъ туземной флорой Европы, что она заключаетъ въ себѣ большое число видовъ, замѣчательныхъ пышностью своихъ цвѣтковъ или красотой своихъ листьевъ. Въ архипелагѣ Чжу-санъ путешественникъ Фортюнъ [2]) объѣхалъ одинъ лѣсистый островъ, гдѣ подлѣсокъ состоялъ изъ огромныхъ камелій, достигавшихъ въ вышину отъ 6 до 9 метровъ. Извѣстно, что эти великолѣпные цвѣтки первоначально привезены въ Европу изъ «Цвѣтущаго царства», такъ же, какъ жасминъ, азалея, глициния. Китай же далъ намъ шелкъ, самое драгоцѣнное изъ нашихъ волоконъ растительнаго происхожденія [3]).

Новыхъ числовыхъ данныхъ о количествѣ видовъ растеній китайской флоры къ сожалѣнію еще не указано. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1885 году и сообщеннымъ Максимовичемъ, число видовъ пекинской флоры достигало 995, но конечно эта цифра далеко ниже дѣйствительнаго числа видовъ южнаго и средняго Китая. Въ одной только флорѣ Гонконга Бентамъ насчитываетъ до 1.000 видовъ. Изъ остальныхъ провинцій собрано и перечислено несравненно больше, но пока еще нѣтъ возможности указать хотя бы приблизительную цифру для всего Китая [4]).

[1]) Bentham;—Grisebach.
[2]) Two visits to the tea-countries.
[3]) Eugène Simon, „Récit d'un voyage en Chine".
[4]) Максимовичъ, „Bull. du congr. internat. de Botanique", 1884 г.

Что касается животнаго царства, то тоже хотя неутомимые зоологи изъѣздили Китай во всѣхъ направленіяхъ, но фауна далеко еще не извѣстна во всей своей цѣлости, и каждый новый изслѣдователь открываетъ тамъ новые, прежде невѣдомые виды. Вѣроятно, что многіе другіе виды перестали существовать уже въ теченіе историческаго періода: постепенные захваты земледѣлія въ концѣ концовъ лишили ихъ всякаго убѣжища. Такъ, древнія описанія Китая говорятъ о носорогѣ, слонѣ, тапирѣ, какъ о животныхъ, водящихся въ имперіи: неизвѣстно, въ какую именно эпоху эти толстокожіе исчезли [1]). Китайская фауна, такая, какою она могла сохраниться въ гористыхъ областяхъ и въ лѣсахъ западныхъ плоскогорій, очень богата, гораздо богаче европейской; но во внутреннихъ провинціяхъ Китая мы находимъ уже весьма мало дикихъ видовъ. Подобно тому, какъ въ отношеніи флоры, въ животномъ царствѣ замѣчается постепенный переходъ отъ индійскихъ видовъ къ маньчжурскимъ формамъ. Обезьяны, которыхъ можно разсматривать какъ представителей тропическаго міра въ умѣренной полосѣ Китая, живутъ въ небольшомъ числѣ въ лѣсныхъ чащахъ и въ пещерахъ горъ чуть не до самыхъ окрестностей Пекина. По словамъ путешественниковъ Суинго и Армана Давида, по крайней мѣрѣ девять видовъ четырерукихъ встрѣчаются на китайской и тибетской территоріи. Около десятка видовъ кошачьяго рода, въ томъ числѣ тигръ, барсъ и другіе плотоядные звѣри, которыхъ, казалось бы, можно встрѣтить только въ тропическихъ лѣсахъ, рыскаютъ также, но въ небольшомъ числѣ, по наименѣе населенныхъ мѣстностяхъ собственно такъ называемаго Китая. Разсматриваемая въ цѣломъ, китайская фауна много разнится отъ фауны западной Европы: такъ, на двѣсти видовъ млекопитающихъ насчитываютъ всего только какой-нибудь десятокъ такихъ, которые могутъ быть названы въ одно и то же время европейскими и китайскими; да и то существуютъ нѣкоторыя небольшія различія между этими животными Востока и Запада, признаваемыя нѣкоторыми натуралистами за специфическіе признаки. Европейскія птицы сравнительно представлены большимъ числомъ видовъ въ китайской фаунѣ, такъ какъ общихъ видовъ оказалось около одной пятой, именно 146 на 764,—почти все хищныя и водяныя птицы; около шестидесяти видовъ принадлежатъ также къ фаунѣ Новаго Свѣта. Между черепахами, ящерицами, змѣями, саламандрами ни одинъ изъ многочисленныхъ представителей этого класса, которыми обладаетъ Китай, не существуетъ въ Европѣ. Точно также, за исключеніемъ угря, всѣ рыбы китайскихъ рѣкъ и озеръ

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage d'exploration dans l'Empire Chinois".

отличаются отъ рыбьихъ породъ Запада; онѣ имѣютъ больше общаго сходства съ видами Сѣверной Америки. Причину этого явленія нужно искать въ сходности рѣчныхъ водъ Стараго и Новаго Свѣта къ обширному бассейну Тихаго океана, гдѣ сообщенія были гораздо легче, чѣмъ сообщенія отъ одной къ другой оконечности континентальной массы.

Китайскій народъ, который своими культурами и домашними животными съумѣлъ болѣе, чѣмъ всякая другая нація, видоизмѣнить флору и фауну своего отечества, образуетъ въ семьѣ человѣчества одну изъ наиболѣе характеристическихъ и своеобразныхъ группъ. Въ прежнее время его считали представителемъ такъ называемой «монгольской» расы, хотя онъ представляетъ большой контрастъ съ кочевыми племенами этого имени; но это выраженіе, съ которымъ прежде связывали опредѣленное, точное понятіе, обозначаетъ нынѣ только сосѣдство между народами восточной Азіи. Китайское населеніе, очевидно, очень смѣшаннаго происхожденія, и самые разнообразные типы встрѣчаются въ громадномъ протяженіи Срединной имперіи, отъ Кантона до Мукденя и отъ Шань-дуна до Сы-чуани; но именно монгольскій типъ наименѣе часто представленъ между «Дѣтьми Ханя». Если мы попытаемся опредѣлить въ несмѣтныхъ толпахъ населенія центральной имперіи, каковы средніе китайцы, разсматриваемые какъ типъ предполагаемой расы, то мы увидимъ передъ собою индивидуумовъ средняго роста, съ довольно стройными формами тѣла и гибкими членами, склонныхъ рано къ дородству, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ. Они имѣютъ круглое лицо, высокія челюстныя кости; выпуклость скулъ, кажется, развилась насчетъ собственно носовыхъ частей, которыя широки и плоски, такъ что подвинули книзу внутренній уголъ вѣкъ: отсюда эти косолежащіе маленькіе глаза, которые составляютъ одну изъ характеристическихъ примѣтъ китайцевъ [1]). Волоса у нихъ такъ же, какъ глаза, всегда черные, но грубые и жесткіе; борода рѣдкая, и сквозь волосы ея проглядываетъ кожа подбородка, бѣлая, желтая или смуглая, смотря по климату. Общая форма черепа продолговатая, тогда какъ у монголовъ голова обыкновенно бываетъ гораздо болѣе круглая [2]). Большинство китаянокъ маленькія и тонкія; даже тѣ изъ нихъ, которыя занимаются самыми трудными работами, сохраняютъ деликатность своихъ формъ. Отличаясь въ этомъ отношеніи отъ европейскихъ женщинъ, обремененныхъ тяжелымъ трудомъ, онѣ не утрачиваютъ ни гибкости тѣла, ни граціи манеръ; только цвѣтъ лица дѣлается у нихъ смуглый отъ солнца и открытаго воздуха.

Уже въ древнихъ книгахъ и въ рѣчахъ Конфуція находимъ указанія на контрасты, которые представляютъ физическія черты и нравственныя свойства между различными населеніями Срединнаго царства. По характеристикѣ, даваемой этими старинными памятниками китайской письменности, жители сѣверныхъ провинцій славятся своей храбростью и неустрашимостью; людямъ южныхъ областей даны въ удѣлъ мудрость и благоразуміе; обитатели востока отличаются доброжелательствомъ и человѣколюбіемъ; обитатели запада—хорошими нравами, искренностью и вѣрностью. Каковы бы ни были всѣ ихъ добродѣтели, несомнѣнно то, что китайцы разныхъ провинцій явственно отличаются другъ отъ друга. Національной связью этого огромнаго государственнаго тѣла служитъ общая цивилизація, а не раса, ибо первоначальные элементы народа или аборигены разнообразно смѣшивались съ тибетцами, тюрками, монголами, маньчжурами, бирманами, малайцами и многочисленными народцами, еще полудикими, сифанями и мяоцзы, которые даже не имѣютъ этнографическаго наименованія. Уже десятки столѣтій земледѣльцы всякаго происхожденія, живущіе въ обширной естественной области двухъ главныхъ рѣкъ страны, Желтой и Голубой, имѣютъ одинаковыя историческія судьбы, говорятъ нарѣчіями одного и того же языка и составляютъ одну сплоченную націю. Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, многія различія сгладились между первобытными расами; но противоположность существуетъ еще до сихъ поръ съ замѣчательной силой въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ; особенно въ Фу-цзянѣ и въ Гуанъ-дунѣ; жители этихъ областей составляютъ, такъ сказать, двѣ перемѣшавшіяся націи.

Гдѣ получила начало эта первая цивилизація, которая, слагаясь изъ многочисленныхъ элементовъ, въ концѣ концовъ, образовала великую китайскую націю? Въ старину эта послѣдняя давала себѣ прозвище «Ста семей» и указывала на сѣверо-западъ, по ту сторону Желтой рѣки, какъ на область, откуда группы колонистовъ спустились къ рѣчнымъ долинамъ, чтобы прогнать или поработить себѣ обитавшее тамъ менѣе цивилизованное населеніе. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что эта обширная область «желтой земли» или желтозема, лежащая главной своей частью на сѣверѣ отъ Хуанъхэ, имѣла капитальное вліяніе въ исторіи цивилизаціи народовъ Китая: нигдѣ, во всемъ свѣтѣ, не существуетъ въ одной межѣ такого огромнаго протяженія легко воздѣлываемыхъ земель; на пространствѣ, въ полтора раза превосходящемъ поверхность Франціи, почва вездѣ легкая, рыхлая, пригодная къ культурѣ пищевыхъ растеній; только вершины нѣкоторыхъ

[1]) Harmand, „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1863, tome IV.

[2]) Hovelacque et Vinson, „Etudes de linguistique et d'ethnographie".

горныхъ цѣпей поднимаются надъ этой желтоземной степью, которую плугъ могъ бы сплошь преобразовать въ хлѣбныя поля. Такимъ образомъ милліоны и милліоны земледѣльцевъ легко находили себѣ средства пропитанія въ области Хуанъ-ту, гдѣ они къ тому же были защищены отъ набѣговъ окрестныхъ кочевыхъ народцевъ безчисленными промоинами, оврагами и ущельями, превратившими всю страну въ лабиринтъ, недоступный чужеземцамъ. Эта область желтозема представляла, слѣдовательно, очень благопріятныя естественныя условія для мирно развивающагося общества. По мѣрѣ того, какъ высыхали озера центральной Азіи, и песчаная пустыня вторгалась все далѣе въ область культурныхъ земель, населенія, вытѣсняемыя изъ западныхъ странъ, гдѣ они находились въ соприкосновеніи съ предками турокъ, индусовъ, персіянъ, постепенно спускались къ области Хуанъ-ту, принося съ собою въ новыя мѣста поселенія свои знанія и промыслы. Каждая рѣчная долина становилась путемъ для цивилизаціи народа земледѣльцевъ; мало-по-малу, переходя послѣдовательно отъ одной мѣстности къ другой, культура, языкъ, нравы, искусства распространились съ сѣвера на югъ во всей странѣ, извѣстной нынѣ подъ именемъ Китая. Если, между главными точками горизонта, китайцы даютъ первенство югу, если ихъ почетныя колесницы обращены на полдень, и если они ищутъ свой магнитный меридіанъ, обратясь лицомъ къ южному полюсу своихъ компасовъ, то причина этого, можетъ быть, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что движеніе переселенія и ходъ китайской цивилизаціи совершались, главнымъ образомъ, въ этомъ направленіи. То же самое мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ непрерывное распространеніе колонизаціи на западъ отъ Аллеганскихъ горъ придало, въ глазахъ народа, горизонту заката солнца нѣчто въ родѣ мистическаго превосходства: «звѣзда господства указываетъ намъ путь на западъ!» повторяютъ уже съ давнихъ поръ сѣверные американцы.

Подобно европейскимъ народамъ, населенія Китая имѣли свой каменный періодъ, и археологическія коллекціи крайняго Востока заключаютъ въ себѣ орудія и предметы всякаго рода, аналогичные каменнымъ издѣліямъ палеолитоваго и неолитоваго періодовъ Запада. Сладенъ привезъ изъ Юнь-нани нѣсколько нефритовыхъ топоровъ. Какъ и въ Европѣ, это древнее оружіе считали «громовыми стрѣлами», стрѣлами, пущенными на землю богомъ грома и молніи. Китайцы раздѣлили предшествующіе вѣка нынѣшней цивилизаціи на три эпохи, соотвѣтствующія періодамъ, принимаемымъ нашими археологами: «Фу-си (древнѣйшіе обитатели страны), говорятъ они, дѣлали себѣ оружіе изъ дерева; чжэнь-минъ приготовляли его изъ камня, и наконецъ, шн-юй—изъ металла»; но когда желѣзное оружіе вошло уже въ употребленіе, каменнымъ стрѣламъ продолжали еще приписывать символическое значеніе, и въ рукахъ государя онѣ считались однимъ изъ знаковъ царскаго достоинства [1]). До двѣнадцатаго столѣтія древней эры императоры Китая получали въ дань головки каменныхъ стрѣлъ, и еще долгое время послѣ этой эпохи дикія племена, живущія на западныхъ окраинахъ имперіи, употребляли оружіе этого рода. Китайцы до сихъ поръ еще имѣютъ въ своихъ письменахъ особенный знакъ, означающій «камень для приготовленія кончиковъ стрѣлъ» [2]).

Китайская нація прошла рядъ ступеней прогресса, соотвѣтствующихъ фазамъ развитія цивилизованныхъ націй другихъ частей свѣта; только эти первыя эволюціи были окончены ранѣе въ «Цвѣтущемъ царствѣ»; обитатели западной Европы находились еще въ состояніи полнаго варварства, когда китайцы, за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени, писали уже свою исторію. Несмотря на бѣдность слога и мысли, несмотря на безпрестанныя повторенія, собраніе китайскихъ лѣтописей есть безспорно самый полный и наиболѣе достовѣрный памятникъ бытописанія, какимъ только обладаетъ человѣчество: въ отношеніи древности хроникъ и достовѣрности сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ ни одинъ народъ не обладаетъ сокровищемъ равноцѣннымъ тому, которое исторіографы завѣщали китайской націи. Политическія перемѣны и явленія природы одинаково занесены въ лѣтописи. Точная исторія можетъ пользоваться съ тѣмъ большимъ довѣріемъ этими правильно веденными и обстоятельными анналами, что астрономическія наблюденія, сдѣланныя въ различныя времена и разсказанныя въ этихъ документахъ, позволяютъ провѣрять показанныя въ нихъ даты событій [3]).

Но, хотя достигшіе, уже столько столѣтій тому назадъ, высокой степени гражданственности, китайцы отличаются между всѣми цивилизованными народами еще первобытной формой своего языка: въ этомъ отношеніи они остались въ періодѣ развитія, который у арійцевъ и семитовъ принадлежитъ къ доисторической эпохѣ. Каждое изъ ихъ нарѣчій состоитъ изъ небольшаго числа словъ, все односложныхъ, выражающихъ лишь общую идею и принимающихъ опредѣленный смыслъ только въ данной фразѣ: разставляя эти немногія основныя слова въ извѣстномъ порядкѣ одни за другими, рѣчь дѣлаетъ изъ нихъ, смотря по надобности, имена существительныя, прилагательныя, глаголы или частицы; вся грамматика, такимъ образомъ, сводится къ синтаксису. Замѣчательно, что изъ всѣхъ китайскихъ нарѣчій, самый аристокра-

[1]) Щу-цзынъ, „Книга Конфуція“.
[2]) Emile Cartailhac, „l'Age de la pierre en Asie“.
[3]) Amiot, „Mémoire sur les Chinois“; — Pauthier, „Chine“.

тическій діалектъ, называемый «мандаринскимъ» гуань-хуа, которымъ говорятъ въ Пекинѣ, наиболѣе бѣденъ словами: онъ представляетъ, по Ваде, только 420 различныхъ односложныхъ словъ; 532 по Вильямсу. Нарѣчія шанхайское и нинбоское приближаются къ мандаринскому языку и заключаютъ не больше словъ; но сватоусскій діалектъ, которымъ говорятъ въ юго-восточной части провинціи Гуанъ-дунъ, состоитъ изъ 674 односложныхъ словъ, по Годдарду, а кантонское нарѣчіе имѣетъ даже 707. Словарь Маклая и Балдунна насчитываетъ въ Фу-чжоу 928 односложныхъ словъ, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторыя очень рѣдко употребляются. Самый богатый діалектъ китайскаго языка—Чжанъ-чжоуфусскій, близъ города Амоя; по Медгорсту и Дугласу, его 846 словъ образуютъ болѣе 2.500, благодаря разнообразію интонацій.

Въ самомъ дѣлѣ, бѣдность идіома словами различнаго произношенія заставляетъ китайцевъ, такъ же, какъ всѣ другіе народы, говорящіе моносиллабическимъ языкомъ, измѣнять смыслъ слова при помощи интонаціи, съ которой они его выговариваютъ. Шэнъ (ching), то-есть модуляція голоса въ среднемъ, мажорномъ или минорномъ тонѣ, опредѣляетъ точное значеніе односложнаго слова въ разговорѣ. Впрочемъ, китайское произношеніе всегда имѣетъ для европейцевъ нѣчто неясное, неопредѣленное, и при томъ оно значительно разнится въ различныхъ провинціяхъ и даже въ городахъ, лежащихъ близко одинъ отъ другаго. Такъ, слово, который переводится на нашъ языкъ словомъ дитя, и который встрѣчается въ очень многихъ географическихъ именахъ, произносится какъ тс въ сѣверномъ Китаѣ; въ Кантонѣ его выговариваютъ какъ ц или дз; въ Макао онъ измѣняется въ чи. Понятіе два выражается однимъ знакомъ; но не ходя даже въ Корею, въ Японію, въ Кохинхину, гдѣ произношеніе опять особенное, отличное отъ китайскаго, мы услышимъ въ самомъ Китаѣ для этого слова различнѣйшіе звуки, какъ-то: эль, ольръ, уль, уръ, р, люръ, нге, нги, же, жи, э, и. Точно также большая часть одинаково выговариваемыхъ или однозвучныхъ словъ подвергаются подобнымъ же измѣненіямъ звуковъ. Особенно въ фуцзяньскомъ нарѣчіи звуки такъ часто и многоразлично смѣшиваются, что приводятъ въ отчаяніе иностранца, который тщетно старается уловить различіе между л, ли, и б, между х и п, между іенъ и іанъ, анъ и инъ.

Это разнообразіе произношеній, въ соединеніи съ скуднымъ запасомъ словъ, дастъ тѣмъ болѣе значительную цѣну шэну или модуляціи голоса. Китайцы придаютъ гораздо больше важности тональности, чѣмъ азбучному произношенію звуковъ [1]). Такъ, напримѣръ, знакъ, означающій воду, можетъ быть выговоренъ сюи, шюи, ш'юи, ш'уи, или даже чвуи, и всякій поймет его, лишь бы только говорящій съумѣлъ произнести его съ свойственнымъ ему повышеніемъ тона; то же самое слово сюи, произнесенное съ пониженіемъ тона, не будетъ никѣмъ понято. Гамма китайскихъ словъ состоитъ не единственно изъ тональности восходящей и тональности нисходящей: Моррисонъ и Абель Ремюза [1]) насчитываютъ четыре тона; де-Гинь признаетъ ихъ пять; Медгорстъ находитъ ихъ семь, а если мы возьмемъ всю совокупность нарѣчій, то нужно допустить существованіе восьми тоновъ, полной октавы, такъ какъ каждый изъ шэновъ, указываемыхъ извѣстнымъ синологомъ Ремюза, имѣетъ два варіанта: принимая въ разсчетъ всѣ тонкіе оттѣнки языка, можно бы было насчитать двѣнадцать и даже бо̀льшее число интонацій, употребляемыхъ въ разговорѣ жителей провинціи Фу-цзянь. Каждое слово имѣетъ собственную модуляцію; къ разговору надобно примѣнять гамму, подобно тому какъ дѣлаетъ музыкантъ, когда поетъ слоги. Г. Леонъ де-Росни видитъ въ китайскомъ говорѣ указаніе на общее происхожденіе языка и пѣнія. Молитва, которая напоминаетъ въ Центральномъ царствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, архаическія формы языка, всегда имѣетъ форму стихотворенія или небольшаго пѣснопѣнія. Точно также дѣти учатъ свои уроки громко и на-распѣвъ [2]).

Благодаря своимъ разнообразнымъ интонаціямъ, обитатели «Великой и чистой имперіи» могутъ получать тысячи различныхъ значеній съ тѣми нѣсколькими сотнями словъ, которыми они обладаютъ, но языкъ, тѣмъ не менѣе, оказывается недостаточнымъ для выраженія всей совокупности идей, и китайская цивилизація должна была призвать на помощь письмена. Словарь, составленный по повелѣнію богдыхана Канъ-си, содержитъ 44.449 различныхъ знаковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ группу отдѣльныхъ значеній: такъ, напримѣръ, болѣе 150 знаковъ, изображающихъ каждый особенный рядъ понятій, читаются одинаково, какъ и. Философскія сочиненія, произведенія серьезной литературы могутъ быть понимаемы только читателями, и когда разговоръ поднимается надъ уровнемъ обыкновенныхъ банальностей, собесѣдники должны прибѣгать къ помощи туши и кисти, чтобы рисовать знаки, соотвѣтствующіе ихъ мыслямъ. Отчего происходитъ эта крайняя бѣдность фонетическаго аппарата китайцевъ, въ сравненіи съ огромной массой понятій, которыя приходится выражать въ цивилизованномъ языкѣ? Она должна быть приписана, безъ со-

[1]) Wells Williams, „Middle Kingdom; Dictionary".

[1]) „Grammaire chinoise".

[2]) Roze, „Annales de la propagation de la Foi", XI, 1849.

мнѣнія, поспѣшной культурѣ націи, языкъ которой былъ слишкомъ рано заключенъ въ тѣсныя рамки неизмѣнныхъ правилъ писаками правительства и пуристами академій. Народъ смирныхъ и послушныхъ, легко подчиняющихся, землепашцевъ, китайцы не съумѣли сломать преграды, противопоставленныя оффиціальнымъ говоромъ свободнымъ преобразованіямъ живой рѣчи. По языку они такъ и остались въ періодѣ дѣтства, и нѣтъ надобности говорить, какъ много должна была пострадать самая мысль отъ этой остановки развитія, вызванной чрезмѣрнымъ уваженіемъ къ установленному и облеченному въ неподвижныя формы языку!

Буддійскіе миссіонеры, которые обращали китайцевъ въ свою вѣру, неоднократно пытались ввести въ странѣ то или другое изъ фонетическихъ письменъ Индостана, произведенныхъ отъ санскритскаго алфавита. Но ни одна изъ этихъ многочисленныхъ попытокъ не имѣла серьезнаго результата. Точно также христіанскіе миссіонеры употребляли латинскую азбуку для изображеній на бумагѣ молитвъ, псалмовъ и священныхъ стиховъ или пѣснопѣній, которые обращенными выучиваются наизусть, и смыслъ которыхъ былъ объясненъ имъ напередъ. Но если только не обременить ихъ точками, черточками, тире, знаками ударенія, всякаго рода значками и прибавками, при которыхъ они сдѣлаются еще болѣе неудобопонятными, чѣмъ нынѣшнія письмена, буквы фонетическихъ алфавитовъ, очень полезныя для обыденной рѣчи, не могутъ быть употребляемы для языка истинно литературнаго. Къ этому нужно прибавить, что китайцы слышатъ звуки иначе, чѣмъ европейцы, но и эти послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ ухо, очень трудно воспринимающее китайскія интонаціи, и потому воспроизводятъ ихъ, конечно, далеко не всегда вѣрно. Если китайцы центральной и восточной части имперіи, которые смягчаютъ всѣ звуки и не имѣютъ въ своей азбукѣ, какъ ихъ сѣверные соотечественники и какъ жители провинціи Юнь-нань, гортаннаго звука р, принуждены произносить фолянси или фолянсай вмѣсто французъ, и билигянь, милогянь или миликянь вмѣсто американецъ, то и поселившіеся въ краѣ иностранцы платятъ имъ той же монетой въ отношеніи произношенія туземныхъ словъ.

Впрочемъ, самыя эти такъ псковерканныя имена фолянси и биликянь, вошедшія отнынѣ въ китайскій языкъ, служатъ доказательствомъ, что преобразованіе совершается постепенно, и что идіомъ безпрестанно обогащается многосложными словами, неологизмами ненавистными пуристамъ, но которые, тѣмъ не менѣе, пріобрѣли право употребленія, и которые оказываютъ вліяніе на образъ мышленія китайцевъ, приближая его къ образу мышленія западныхъ народовъ. Уже образуются новыя составныя слова, не только для существительныхъ, но также для глаголовъ, посредствомъ соединенія двухъ односложныхъ словъ, смыслъ которыхъ такимъ образомъ дѣлается болѣе опредѣленнымъ, болѣе точнымъ; такъ, напримѣръ, составное слово «ближній-дальній» принимаетъ значеніе «отдаленности», а существительное «родители» составляется изъ словъ, означающихъ «отца-мать» [1]). Точно также новые термины, которые нарождаются сотнями во всѣхъ городахъ, открытыхъ европейской торговлѣ, чтобы обозначать предметы или выражать идеи иностраннаго привоза, получаютъ мало-по-малу права гражданства: таковы, напримѣръ, многосложныя слова «паръ—воздухъ—карета», имѣющее неизмѣнный смыслъ локомотива, «паръ—воздухъ—судно», «воздухъ—плаваніе—паръ», «пренія—кротость—правительство», означающія соотвѣтственно «пароходъ», «воздушный шаръ», «республику» [2]). Непріязненно встрѣчаемыя поклонниками добраго стараго времени, эти составныя слова употребляются въ устной рѣчи и даже въ популярныхъ изданіяхъ: они составляютъ часть такъ называемаго соуэна, обыновеннаго, общеупотребительнаго стиля, который преобразовываетъ благородный односложный языкъ Конфуція, и который болѣе, чѣмъ другіе діалекты, пригоденъ для народной поэзіи, для сказокъ и комедій. Измѣненія, совершившіяся въ нашихъ арійскихъ языкахъ уже въ доисторическую эпоху, происходятъ теперь на нашихъ глазахъ въ китайскомъ языкѣ, и это явленіе, въ которомъ многіе мрачные пессимисты и почитатели старины, между китайцами, должны видѣть признакъ непоправимаго упадка, не свидѣтельствуетъ ли, напротивъ, о постоянномъ обновленіи?

Жители различныхъ провинцій давно бы уже перестали понимать другъ друга, если бы они не обладали, какъ посредниками, общими знаками письменнаго языка, которые люди ученые, книжники, читаютъ на своихъ собственныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, не только въ Китаѣ, но также въ Кореѣ, въ Японіи, въ Тонкинѣ, въ Кохинхинѣ, въ Сіамѣ. Этотъ діалектъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ южныя нарѣчія, прибѣгаетъ къ гаммѣ интонацій; оттого онъ отличается необыкновенной монотонностью. Три другіе главные діалекты суть нарѣчія провинцій Гуанъ-дунъ, Фу-цзянь и Чжэ-цзянъ; въ этихъ частяхъ имперіи одни только книжники могутъ, благодаря своей наукѣ, достигнуть пониманія разговорной рѣчи сѣверныхъ жителей. Нанкинскій языкъ, который сами китайцы сѣверныхъ областей называютъ шэнъ-нянь или

[1]) Hovelacque, „Linguistique“.

[2]) Edkins, „Shanghai Grammar“;—Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки;—J. Tryer, „Nature“, 19 марта 1881 г.

«правильнымъ произношеніемъ», есть нарѣчіе «мандаринскаго» діалекта, которое приближается къ чжэ-цзянскимъ нарѣчіямъ, представляющимъ, по мнѣнію Эдкинса, наилучше сохранившіеся остатки древне китайскаго языка. Есть-то различные діалекты, болѣе, чѣмъ племенныя особенности или даже, чѣмъ контрасты, происходящіе отъ климата, отличаютъ другъ отъ друга населенія отдѣльныхъ провинцій Китая.

Въ отношеніи религій, какъ и въ отношеніи нарѣчій, не существуетъ ясно обозначенныхъ различій между обитателями сѣверныхъ и обитателями южныхъ областей имперіи: въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ практикуются различные культы, которые много-

Китайскіе рудокопы.

образно перемѣшиваются одинъ съ другимъ, такъ что нѣтъ возможности провести между ними точную демаркаціонную линію; одни и тѣ же лица могутъ быть одновременно буддистами и даосами, и послѣдователями Конфуція. Въ силу своего сана, императоръ принадлежитъ ко всѣмъ тремъ религіямъ и пунктуально исполняетъ ихъ обряды. Въ сущности между этими различными культами больше сходства, чѣмъ можно бы было предполагать при видѣ религіозныхъ церемоній и особенно при чтеніи книгъ, излагающихъ вѣроученіе. Юй-цзяо, религія образованныхъ китайцевъ, которую обыкновенно обозначаютъ именемъ Конфуціева ученія, произошла изъ древняго національнаго культа; съ своей стороны даосизмъ или дао-цзяо, совершенно забывшій высокую доктрину своего основателя, представляетъ возвратъ къ древнимъ суевѣріямъ, и почти вездѣ преобразовался въ чародѣйство, въ колдовство; наконецъ, что касается третьей религіи, буддизма или фу-цзяо, то хотя она иностраннаго происхожденія, но это не помѣшало ей совершенно проникнуться національными идеями и принять туземные обряды.

При началѣ исторіи, слишкомъ за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени, религія китайцевъ состояла въ обожаніи предметовъ видимой природы: всѣ явленія окружающей жизни казались людямъ дѣйствіями геніевъ, добрыхъ или злыхъ, милость которыхъ нужно было обезпечить себѣ молитвами и жертвоприношеніями. Деревья, скалы, ручьи и рѣки, все имѣло своего сокровеннаго духа; горы, цѣлая страна, океанъ, наконецъ, вся земля тоже были одушевлены какимъ-нибудь спеціальнымъ божествомъ, и надъ этой природой, населенной таинственными существами, поднимаются, въ видѣ громаднаго купола, небесныя пространства, не менѣе наполненныя геніями, благодѣтельными или грозными. Человѣкъ, произведеніе всѣхъ побуждающихъ его естественныхъ силъ, тоже считался богомъ, но однимъ изъ самыхъ слабыхъ и наиболѣе угрожаемыхъ; только вызываніями и заклинаніями духовъ ему удавалось сохранять свою жизнь среди такого множества другихъ существъ, соединившихся противъ него. Мало-по-малу установилась нѣкоторая іерархія въ многочисленномъ сонмѣ геніевъ: Тянь или «Небо», которое окружаетъ землю, обнимаетъ всю совокупность природы, освѣщаетъ и согрѣваетъ ее своими живительными лучами, сдѣлалось Шань-ди, то-есть «Верховнымъ владыкой» или «Вседержителемъ», дѣятельнымъ началомъ всего творенія, тогда какъ Ти или «Земля» имѣла назначеніе воспринимать и вырабатывать сѣмена и зародыши. Уже три столѣтія европейскіе синологи спорятъ между собой объ истинномъ значеніи, которое слѣдуетъ придавать этому имени «Верховный владыка», приписываемому Небу, и разсуждаютъ о томъ, можно ли переводить его словомъ «Богъ» (Deus), терминомъ, который, впрочемъ, имѣетъ еще менѣе отвлеченное значеніе, такъ какъ первоначальный смыслъ его тотъ же, что и слова «День» (dies) [1]. Христіанскіе миссіонеры, увлеченные рвеніемъ къ своей вѣрѣ, хотѣли признать въ Шань-ди личнаго бога семитовъ; истолковывая темные, непонятные тексты, выраженія которыхъ объясняются преимущественно воображеніемъ, они отыскали въ священныхъ книгахъ китайцевъ всѣ догматы своихъ вѣроисповѣданій, католическаго или протестантскаго. Абель Ремюза думалъ даже, что ему удалось открыть имя Іеговы въ Дао-де-цзинѣ или «Книгѣ истиннаго пути и добродѣтели»; три слога, И, Ги, Вэй, взятые каждый въ отдѣльномъ членѣ фразы, представляютъ, по его мнѣнію, священное имя Бога израильтянъ и свидѣтельствуютъ о существованіи сношеній между Китаемъ и Западнымъ міромъ въ отдаленную эпоху, за двадцать пять столѣтій до того времени, когда доступъ на китайскую территорію былъ открытъ пушками европейцевъ. Однако, большинство новѣйшихъ критиковъ отказываются видѣть эту родственную связь между религіями Востока и Запада: до введенія буддизма, эволюція религіозныхъ идей въ Китаѣ была, повидимому, совершенно самобытная; первоначальное происхожденіе ихъ нужно искать въ культѣ духовъ.

Воображая себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ геніями, китаецъ долженъ былъ заботиться только о томъ, чтобы обезпечить себѣ ихъ милость и покровительство, какъ онъ старался бы пріобрѣсти благосклонность людей болѣе сильныхъ и властныхъ, чѣмъ онъ; для своихъ молитвъ онъ не нуждался ни въ жрецахъ, ни въ правильномъ богослуженіи. Обыкновенно самъ глава патріархальной семьи приносилъ въ даръ внушавшимъ страхъ существамъ явства и благовонія отъ имени всѣхъ членовъ своей семьи: точно также глава общины или клана, рода, совершалъ жертвоприношеніе и заклинанія въ качествѣ ходатая за тѣхъ, которые группировались вокругъ него. Но во всѣхъ этихъ обрядахъ нѣтъ мѣстъ для жреческой касты, и даже жрецы формально исключаются изъ религіозныхъ празднествъ, гдѣ показывается самъ императоръ. Такъ какъ никакого откровенія не было сдѣлано народу богами или ихъ посланниками, то нѣтъ надобности имѣть какихъ-либо истолкователей божественнаго слова. Между людьми естественнымъ образомъ установилась іерархія, соотвѣтствующая іерархіи самихъ духовъ. Богдыханъ имѣлъ привилегію представлять свои приношенія Небу, Землѣ, девяти или пяти большимъ горамъ (различно въ разныя эпохи) и главнымъ рѣкамъ Китая. Феодальные князьки

[1]) Prémare;—Pauthier;—Legge,—Medhurst,—d'Escayrac de Lauture,—Max Müller, „The Sacred of the East".

могли приносить жертвы только второстепеннымъ божествамъ и мѣстнымъ геніямъ; наконецъ, простые граждане должны были еще болѣе съузить область своихъ молитвъ и жертвоприношеній, они ограничивались обожаніемъ деревьевъ, источниковъ и скалъ. Такъ какъ культъ сдѣлался одною изъ аттрибуцій государственной власти, то малѣйшія его подробности были регламентированы такъ называемыми «сборниками церемоній». Между языкомъ и религіей китайцевъ замѣчается поразительный параллелизмъ; тотъ и другая достигли крайней степени утонченности, но онѣ представляютъ еще одну изъ первыхъ стадій развитія человѣчества: языкъ сохранилъ моносиллабическую форму, а религія можетъ быть названа самымъ ученымъ изъ фетишизмовъ.

Жертвы умилостивленія встрѣчаются въ китайской религіи, но происхожденіе этой обрядности приписываютъ въ гораздо большей мѣрѣ пограничнымъ населеніямъ, нежели самимъ китайцамъ: эти монгольскія племена, съ которыми прибрежные жители находились въ сношеніяхъ, на сѣверныхъ и западныхъ окраинахъ имперіи, какъ полагаютъ, научили «дѣтей Хань» охранять себя отъ пагубнаго вліянія злыхъ духовъ не простыми приношеніями, но кровавыми жертвами. Бывали случаи, что сотни придворныхъ добровольно предавали себя смерти или велѣли зарывать себя живыми въ землю, чтобы сопровождать своего повелителя на тотъ свѣтъ; когда умеръ императоръ Шп-хуанъ-ди, приблизительно за два столѣтія до начала христіанской эры, многія изъ его женъ и тѣлохранителей послѣдовали за нимъ въ могилу, и десять тысячъ рабочихъ были погребены живыми вокругъ его могильнаго кургана. Нѣкоторые остатки этихъ варварскихъ обычаевъ сохранились еще въ отдаленныхъ захолустьяхъ, и нерѣдко случалось, что родители, чтобы избавиться отъ колдовства или порчи, бросали новорожденныхъ дѣтей въ воды рѣки. Одинъ мандаринъ, желая положить конецъ этимъ грустнымъ злодѣйствамъ, велѣлъ схватить всѣхъ несчастныхъ, виновныхъ въ такихъ дѣтоубійствахъ, и утопилъ ихъ въ Янъ-цзы-цзянѣ, поручивъ имъ отнести его письма и благія пожеланія генію водъ [1]). Въ настоящее время не существуетъ другихъ слѣдовъ кровавыхъ жертвоприношеній, кромѣ обычая сжигать изображенія людей и животныхъ, при погребеніи умершихъ.

Исчезновеніе кровавыхъ обрядовъ въ китайской религіи приписывается обыкновенно Конфуцію и его ученикамъ; однако, религіозныя жертвоприношенія не дѣлались болѣе въ образованномъ Китаѣ уже задолго до Конфуція, и долгое время послѣ него, въ наши средніе вѣка, церемоніи этого рода еще практиковались въ исключительныхъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе Конфуцій, по важности его исторической роли, заслуживаетъ того, чтобы его считали истиннымъ основателемъ этой національной религіи китайцевъ, облеченной въ такія опредѣленныя правила, изложенныя въ книгѣ церемоній. Конфуцій старается въ особенности возстановить и заставить уважать обычаи, которые были въ почетѣ у древнихъ китайцевъ относительно культа мертвыхъ. Вообще сохраненіе, почитаніе и вѣрное соблюденіе завѣщанныхъ предками обычаевъ составляло въ его глазахъ всю суть религіи: продолжать прошлое, какимъ его описывало преданіе, — это было, по его ученію, главное средство навсегда обезпечить благополучіе имперіи, съ той, однако, оговоркой, чтобы это постоянное прославленіе «золотаго вѣка» не примѣнялось къ воображаемому состоянію, долженствующему осуществиться когда-либо въ будущемъ. Сверхъестественное, которое беретъ такъ много мѣста въ другихъ религіяхъ, едва проглядываетъ въ культѣ Конфуція: «какъ могу я, говорилъ онъ, утверждать, что знаю что-либо о Небѣ, когда намъ такъ трудно составить себѣ ясное понятіе даже о томъ, что происходитъ на Землѣ»? «Ты еще не научился жить, говорилъ онъ одному изъ своихъ учениковъ, а уже думаешь о томъ, что случится съ тобой послѣ смерти?» Въ чемъ должны состоять обязанности человѣка въ отношеніи своихъ родственниковъ по восходящей линіи, въ отношеніи своего ближняго, въ отношеніи верховнаго государства?—таковы вопросы, которые онъ пытался разрѣшить; религія въ собственномъ смыслѣ слова находила въ его ученіи мѣсто только какъ часть общей системы правленія. Человѣкъ мѣры и порядка, какимъ онъ былъ, Конфуцій сдѣлался образцомъ для своей націи: всегда и во всемъ умѣренные отъ природы и въ силу привычки, лишенные религіознаго жара, старающіеся постоянно держаться въ золотой серединѣ, китайцы узнали самихъ себя въ шаньтунскомъ мудрецѣ, и мало-по-малу этотъ мудрецъ занялъ первое мѣсто въ памяти своего народа. Точность историческихъ документовъ, оставленныхъ его учениками и послѣдователями, и самый образъ его жизни не позволили, чтобы существованіе его было окружаемо мноами и чудесами. Изъ него не сдѣлали бога; но нравственный авторитетъ его возрасталъ изъ вѣка въ вѣкъ. Четыреста лѣтъ спустя послѣ его смерти онъ получилъ еще только титулъ гуна или «князя»; черезъ восемь столѣтій послѣ того, въ правленіе династіи Танъ, онъ былъ названъ «первымъ святымъ», затѣмъ статуя его была облачена въ царское одѣяніе и увѣнчана діадемой. Въ царствованіе Миновъ, послѣдней китайской династіи, Конфуцій былъ объявленъ «самымъ святымъ, самымъ мудрымъ и самымъ добродѣтельнымъ изъ наставниковъ

[1]) „Lettres édifiantes“.

людей». Послѣ кончины мудреца, колонія его учениковъ поселилась вокругъ его могилы и объявила себя вассаломъ его семейства; другіе послѣдователи, не имѣя возможности предпринять дальнее странствованіе для поклоненія этому святому мѣсту, стали воздвигать въ своихъ городахъ символическія гробницы; тысяча шестьсотъ храмовъ были сооружены въ честь его, и, наконецъ, Конфуцій былъ торжественно признанъ «учителемъ націи». Никогда человѣкъ между тѣми, которые не возвысились на степень боговъ, не былъ предметомъ такого благоговѣйнаго уваженія; когда императоръ Цинь-ши-хуанъ-ди, завидуя славѣ прежнихъ богдыхановъ, приказалъ уничтожить старинныя книги и особенно знаменитый Шу-цзинъ или «Книгу лѣтописей», компилированную Конфуціемъ, то четыреста шестьдесятъ ученыхъ послѣдовали на костеръ за высокочтимыми твореніями учителя и погибли въ пламени.

Однако, культъ, облеченный въ столь опредѣленныя и подробныя правила, какъ культъ оффиціальныхъ церемоній, не могъ обнимать всей совокупности народныхъ суевѣрій, не могъ заклинать всѣхъ духовъ, которые кружатся вокругъ людей, ставя въ опасность ихъ благоденствіе и самое существованіе. Образовался значительный осадокъ обрядовъ не-регламентированныхъ [1]): это такъ называемый «фынъ-шуй», который, не будучи правильнымъ культомъ, тѣмъ не менѣе играетъ важную роль въ жизни народа. «Фынъ-шуй» буквально значитъ вѣтеръ и вода, и туземцы, играя словами, говорятъ, что этотъ культъ «невидимъ какъ вѣтеръ и неуловимъ какъ вода»; но его можно, однако, опредѣлить какъ совокупность церемоній, посредствомъ которыхъ человѣкъ располагаетъ въ свою пользу духовъ воздушныхъ и водяныхъ, то-есть всю природу, отъ свѣтилъ, движущихся въ небесныхъ пространствахъ, до блуждающихъ душъ умершихъ [2]). Два начала управляютъ міромъ, утверждаютъ китайскіе вѣроучители. Янъ, или мужское начало, соотвѣтствуетъ солнцу и господствуетъ надъ годомъ въ періодъ жаровъ; это принципъ счастливыхъ предзнаменованій, принципъ, дѣйствіемъ котораго растутъ и развиваются растенія, животныя и люди. Инь, или женское начало, есть то начало, представителемъ котораго на небесахъ является луна, и которое царствуетъ на землѣ въ сезонъ холодовъ: это принципъ дурныхъ предзнаменованій, онъ возвѣщаетъ смерть. Однако, ничто не могло бы существовать безъ этого смѣшенія начала смерти съ началомъ жизни; отъ соединенія этихъ двухъ началъ все зарождается и растетъ, и тотъ, кто постигъ бы ихъ вполнѣ, сдѣлался бы безсмертнымъ. Въ домѣ каждаго китайца вы увидите изображеніе тигра, несущаго дайцзи или картину (магическое зеркало), которая представляетъ оба начала янъ и инь, соединяющіяся и взаимно проникающіяся въ волшебномъ кругѣ, окруженныя чертами разной величины, которыя изображаютъ главныя точки горизонта и всю природу. Эти таинственныя черты суть тѣ знаменитыя діаграммы, которыя подали поводъ написать И-цзинъ или «Книгу преобразованій», которую приписываютъ Фу-си, и смыслъ которой тщетно пытались разгадать такое множество ученыхъ, китайскихъ и европейскихъ. Пекинская библіотека заключаетъ въ себѣ цѣлыя тысячи комментаріевъ этого сочиненія.

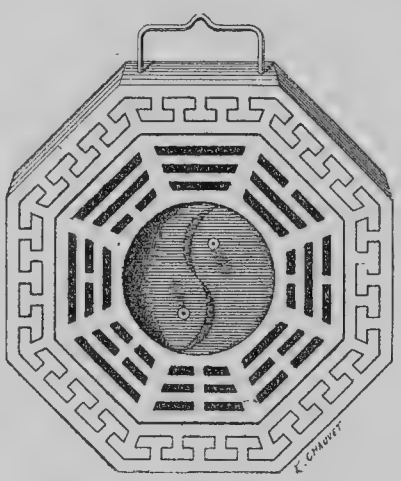
Въ теченіе своего земнаго существованія правовѣрные послѣдователи культа фынъ-шуй должны руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ правилами заклинанія, впрочемъ, подобными, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, если не въ подробностяхъ, заклинаніямъ и заговорамъ, которые и теперь еще можно наблюдать во всѣхъ другихъ странахъ земнаго шара [1]). Тѣни или духи предковъ также находятся въ числѣ невидимыхъ существъ, которыя наполняютъ землю и воздушныя пространства вокругъ жилища китайца, и которыя могутъ вліять, въ хорошую или дурную сторону, на судьбу живущихъ. Такъ же, какъ другіе народы, «дѣти Хань» признаютъ въ человѣкѣ существованіе трехъ различныхъ душъ: души разумной, которая находится въ головѣ; души страстной, которая имѣетъ пребываніе въ груди; и души матеріальной, которая пребываетъ въ нижней части живота. Изъ этихъ трехъ душъ двѣ первыя могутъ быть удержаны послѣ смерти, одна въ поминательныхъ табличкахъ, другая въ могилѣ, но третья улетаетъ въ пространство, стараясь вселиться въ другое тѣло, и ея вліяніе можетъ сдѣлаться гибельнымъ, если родные будутъ небрежно исполнять свой долгъ почтенія къ памяти покойнаго: особенно слѣдуетъ бояться душъ дѣтей, потому что они были еще несовершенны въ моментъ смерти, и ихъ еще не успѣли умилостивить правильнымъ культомъ [2]). Курительныя свѣчки, горящія при входѣ въ дома и лавки, для того именно и зажигаются, чтобы не пропускать въ двери эти пагубныя тѣни умершихъ и вообще злотворныхъ духовъ всякаго рода.

Въ особенности при выборѣ мѣста погребенія должно строго сообразоваться съ предписаніями культа фынъ-шуй, ибо если душа покойнаго, несмотря на исполненіе родными долга въ отношеніи его, подвергается несчастливымъ вліяніямъ, то она, конечно, постарается отмстить за себя, и гнѣвъ ея обнаружится бѣдствіями безъ числа, которыя постигнутъ неблагоразумное семейство. Духи, добрые и злые, которые

[1]) Левъ Мечниковъ. рукописныя замѣтки.
[2]) Eitel, „Congrès des orientalistes à Lyon“, 1878.

[1]) Dennys, „Folklore in China“.
[2]) Delaplace, „Annales de la propagation de la Foi“, juillet, 1852.

«приходятъ въ облакахъ и уходятъ въ туманѣ», безпрестанно странствуютъ, прикасаясь къ самой поверхности земли, и потому важнѣйшее искусство всѣхъ тѣхъ, кто занимается какими-либо работами, передѣлывающими такъ или иначе эту поверхность, должно состоять въ томъ, чтобы умѣть воздвигать надгробные памятники, строить капища, проводить дороги и каналы, починять каменоломни, рыть колодцы, такимъ образомъ, чтобы затруднять полетъ злотворныхъ духовъ и облегчать путь доброжелательнымъ геніямъ. Но, разумѣется, знаніе всѣхъ способовъ и пріемовъ, которые нужно употреблять для надлежащаго управленія этимъ безконечнымъ міромъ духовъ, пріобрѣсти очень трудно, и когда случится какое-нибудь несчастіе, общее бѣдствіе, народъ не приминетъ приписать его нерадѣнію или невѣжеству наставниковъ культа фынъ-шуй. По всему Китаю встрѣчаешь заброшенные рудники и каменоломни, которые мѣстныя власти велѣли засыпать по той причинѣ, что населеніе обвиняло ихъ, будто они повредили урожаямъ, оставивъ безпрепятственный доступъ дурнымъ вліяніямъ. Часто возникаютъ даже тяжбы между сосѣдями, обвиняющими другъ-друга въ произведеніи какихъ-либо перемѣнъ на принадлежащихъ имъ земляхъ или мѣстахъ, перемѣнъ, которыя будто-бы заставили добраго духа уклониться въ сторону отъ прежняго пути. Необходимо, слѣдовательно, всегда имѣть при себѣ хорошаго истолкователя таинственныхъ примѣтъ и указаній природы, который умѣлъ бы опредѣлять благопріятныя условія вѣтровъ и водъ и могъ бы превращать въ выгоды пагубныя вліянія. Иногда достаточно посадить дерево или построить на возвышеніи башню съ боковыми кровлями и съ колокольчиками для того, чтобы вся окрестная страна была поставлена подъ счастливое сочетаніе стихійныхъ силъ. Сѣверъ, откуда приходятъ полярные вѣтры, есть въ то же время и сторона злыхъ геніевъ, тогда какъ добрые духи приносятся дуновеніемъ юга [1]). Вообще извилистыя кривыя, описываемыя теченіемъ рѣкъ, мягко округленные контуры холмовъ благопріятствуютъ благосостоянію страны, тогда какъ крутые повороты потоковъ, отвѣсныя скалы подвергаютъ опасности окрестное населеніе. Нужно вездѣ избѣгать прямой линіи, которая есть излюбленный путь злыхъ духовъ; все должно двигаться по легкимъ извилинамъ, какъ вѣтры и воды. Вотъ почему крыши на китайскихъ домахъ всегда приподняты къ краямъ; при такомъ криволинейномъ устройствѣ кровли дурныя вліянія отвращаются отъ дома сосѣда и теряются въ пространствѣ [1]). Впрочемъ, нерѣдко случается, что предписанія культа фынъ-шуй согласуются съ требованіями гигіены: такъ, напримѣръ, гонконгскіе китайцы очень одобряли англійскихъ медиковъ, распорядившихся засадить деревьями пространство между казармами и нездоровыми пустырями, и признали, что это насажденіе сдѣлано сообразно правиламъ вѣтровъ и водъ. Съ извѣстной точки зрѣнія фынъ-шуй составляетъ начальныя основанія естественной науки въ Китаѣ: по словамъ учителей этого культа, онъ обнимаетъ изученіе общаго порядка вещей, ихъ численныхъ соотношеній, ихъ внутреннейжизни и внѣшней формы. Когда европейскій инженеръ является грубо вскрывать внутренности земли своими прямолинейными траншеями или строить кривые мосты на потокахъ, прорывать наискось горы, прокладывать неуклонные стальные рельсы черезъ аллеи гробницъ, народъ приходитъ въ неописанный ужасъ при видѣ такого кощунства. Сильная оппозиція, которую встрѣтили со стороны китайцевъ иностранцы, предпринявшіе сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Срединномъ царствѣ, происходитъ не только отъ опасеній правительства, чтобы европейцы не водворились мало-по-малу въ качествѣ господъ внутри страны, но она объясняется также традиціоннымъ уваженіемъ туземцевъ къ землѣ, которая ихъ носитъ; они еще не привыкли къ пріемамъ иностраннаго инженера.



Дай-цзи или волшебное зеркало.

Китайская религія, которая признаетъ Лаоцзы своимъ основателемъ, и которая въ первыя времена совершенно отличалась отъ національной религіи, представляемой Конфуціемъ, кончила тѣмъ, что вернулась къ древнимъ суевѣріямъ и стала согласоваться, или даже сливаться съ ученіями и обрядами культа фынъ-шуй. Въ противоположность Конфуцію, Лаоцзы не обращалъ взоровъ къ прошлому китайской націи, чтобы открыть тамъ образецъ для поведенія въ будущемъ. Онъ искалъ только чистую истину, не стараясь найти прецеденты въ

[1]) Вильямсонъ;—Муль;—Эйтель и др.

[1]) Эйтель, цитированный мемуаръ.

исторіи императоровъ. Не заботясь о духахъ, злыхъ или добрыхъ, ни о тѣняхъ предковъ, онъ пытался узнать первоначальную причину вещей, и языкъ этого мудреца, по крайней мѣрѣ насколько удалось разгадать его подъ темнымъ текстомъ книги Дао-дэ-цзинъ, напоминаетъ языкъ западныхъ философовъ. Для Лао-цзы «матерія и видимый міръ суть не что иное, какъ проявленія высочайшаго, вѣчнаго, непостижимаго начала», которое онъ называетъ Дао, то-есть «путемъ спасенія»; человѣкъ, который умѣетъ господствовать надъ страстями, можетъ избѣгнуть послѣдовательныхъ метампсихозъ (переселеній души) и съ первой же своей жизни войти въ блаженное безсмертіе посредствомъ созерцанія. Таково было ученіе великаго китайскаго мистика и его ближайшихъ преемниковъ; но скоро даосскіе монахи стали претендовать на открытіе безсмертія на этой землѣ, и приготовленіемъ разныхъ элексировъ и жизненныхъ эссенцій они съумѣли снискать милость императоровъ. Мало-по-малу религія Дао смѣшалась съ чародѣйствомъ, и отъ ученія Лао-цзы осталось только одно имя. Даосскіе жрецы, большинство которыхъ обрекаютъ себя на безбрачіе, какъ буддійскіе ламы,—это суть некромантики Китая, люди, которые заставляютъ вертѣться столы, и которые заклинаютъ или вызываютъ духовъ. Безъ опредѣленнаго догмата, который бы соединялъ ихъ въ особенное религіозное общество, одни изъ нихъ настоящіе шаманы, въ родѣ тунгузскихъ, другіе скорѣе астрологи или гадальщики. Вообще ученые китайцы показываютъ видъ, что относятся съ презрѣніемъ къ даоизму; однако, нѣкоторые обряды этого культа вмѣняются въ обязанность мандаринамъ, и даже нѣкоторыя даосскія церемоніи примѣшиваются къ національному культу въ присутствіи императора. Главный жрецъ даосовъ или «небесный учитель», какъ его величаютъ, получаетъ содержаніе отъ правительства въ обмѣнъ за амулетки, разныя священныя вещицы и архипастырскія посланія на красной или зеленой бумагѣ, которыя онъ велитъ раздавать по всему Китаю.

Буддійская религія, менѣе уклонившаяся отъ своего древняго вѣроученія, чѣмъ культъ Дао, съумѣла лучше сохраниться, и огромное большинство «дѣтей Хань» причисляетъ себя къ послѣдователямъ Фо. Несмотря на свое иноземное происхожденіе, буддизмъ сдѣлался, по крайней мѣрѣ по наружности, религіей китайской націи, но въ такой формѣ, которая чрезвычайно приближаетъ его къ первоначальному культу геніевъ и тѣней усопшихъ. Впрочемъ, религія Будды введена въ Срединномъ царствѣ въ относительно недавнюю эпоху. Первыя обращенія имѣли мѣсто за двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до нашего времени, и три вѣка спустя одинъ императоръ далъ новому культу свое оффиціальное одобреніе; но этотъ культъ не безъ борьбы противъ послѣдователей Конфуція и даосовъ могъ утвердиться въ Китаѣ. Только въ шестомъ столѣтіи онъ распространился на югѣ отъ Янъ-цзы-цзяна [1]): въ эту эпоху буддійскіе жрецы воздвигли около тринадцати тысячъ храмовъ въ разныхъ частяхъ имперіи; но тогда уже происходило соединеніе между національнымъ культомъ и буддійской религіей. Индійскіе миссіонеры съумѣли дать мѣсто въ своихъ ученіяхъ народнымъ вѣрованіямъ націи, которую они хотѣли обратить. Тѣни вѣтровъ и водъ, тѣни великихъ людей, всѣ обитатели китайскаго пантеона легко могли быть введены въ толпу «пуссовъ» (бодхисатвъ) и другихъ, болѣе или менѣе неполныхъ, воплощеній Будды; чтобы открыть доступъ всѣмъ, новыя степени святости и блаженства были прибавлены къ степенямъ уже существовавшимъ; домашніе боги остались, подъ другими именами, рядомъ съ божествами, которыхъ чтило общество; наконецъ, и число церемоній увеличилось безъ того, чтобы народъ имѣлъ надобность допытываться о ихъ различномъ происхожденіи. Умамъ, развитымъ образованіемъ, буддизмъ предлагалъ тонкости своей метафизики, тогда какъ слабымъ и несчастнымъ онъ давалъ участіе въ пышной обрядности культа и обѣщалъ имъ конецъ ихъ страданій въ будущей загробной жизни. Изъ всѣхъ буддійскихъ твореній самое распространенное въ Китаѣ, находимое на всѣхъ алтаряхъ Будды, не метафизическая книга, какъ священныя книги, употребляемыя въ храмахъ Тибета и Монголіи: это «Бѣлый ненуфаръ», сборникъ словъ любви, утѣшенія и обѣщаній [2]). Изъ всѣхъ сектъ буддизма самая популярная та, которая имѣетъ предметомъ почитанія Гуанъ-инь (у японцевъ Каннонъ), единственную женщину, бывшую въ числѣ учениковъ Будды. Сдѣлавшись «богиней Милосердія», она приняла подъ свое особенное покровительство и защиту матерей, потерявшихъ дѣтей, мореплавателей, которымъ угрожаютъ бури; часто ее представляютъ съ младенцемъ на рукахъ.

Періодъ успѣха и процвѣтанія для буддійской религіи въ Китаѣ заключался между шестымъ и одиннадцатымъ столѣтіями: въ эту эпоху монахи, увлекаемые жаромъ пропаганды, странствовали по всей Китайской имперіи и по сосѣднимъ странамъ, и къ тому же времени относятся важныя описанія путешествій, изъ которыхъ иныя и до сихъ поръ еще ожидаютъ

---

[1]) Pauthier;—проф. Васильевъ.

[2]) Проф. Васильевъ, „Исторія китайской литературы“, во „Всеобщей исторіи литературы“, издаваемой подъ редакціей В. Корша.

переводчиковъ [1]); тогда же были написаны китайскіе переводы почти тысячи пяти-сотъ санскритскихъ сочиненій, большая часть которыхъ не существуетъ болѣе въ оригиналѣ, и которыя заключаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе документы по исторіи буддизма. Въ теченіе этого періода перваго религіознаго пыла страна покрылась тѣми «та» или пагодами, безъ которыхъ европейцы не могутъ представить себѣ ни одного китайскаго пейзажа. Правда, что хотя первоначальный архитектурный стиль и самое названіе «священныхъ домовъ» были заимствованы у Индостана, но эти зданія были приспособлены къ вкусамъ китайцевъ: ихъ башни, въ пять, семь, девять, одиннадцать или тринадцать этажей, въ каждомъ ярусѣ украшены кровлями, крытыми голубой или бѣлой черепицей, которыя приподнимаются въ видѣ роговъ по угламъ храма и увѣнчанымногочисленными колокольчиками, серебристый звонъ которыхъ считается выраженіемъ почтенія, возсылаемаго воздушными пространствами славѣ Будды[2]). Почти всѣ буддійскіе монастыри Китая расположены одинаковымъ образомъ. Главный фасадъ всегда обращенъна югъ,исключая того случая, когда кумирня построена въ горахъ или на берегу моря, гдѣ оріентированіе храма указано уже условіями мѣстоположенія. За переднимъ дворомъ или папертью возвышается главный корпусъ зданія, отдѣленный отъ другихъ корпусовъ дворами меньшихъ размѣровъ; на скатахъ холмовъ всѣ эти строенія расположены одно надъ другимъ террасами; вокругъ монастыря, большія деревья осѣняютъ своими вѣтвями прудъ, на поверхности котораго плаваютъ широкіе листья нелюмбія (лотоса). Религіозныя церемоніи состоятъ въ приношеніяхъ, въ пѣніи гимновъ, въ земныхъ поклонахъ и въ медленныхъ процессіяхъ вокругъ кумирни, во время которыхъ вѣрующіе постоянно повторяютъ слоги «О ми то фо»,—китайская фонетическая транскрипція слова Амитаба, одного изъ индусскихъ именъ Будды.

Буддійскій жрецъ.

Многочисленность буддійскихъ монастырей свидѣтельствуетъ о преобладающемъ вліяніи, которымъ прежде пользовалась въ имперіи религія Фо; но, такъ же, какъ красивыя пагоды, большинство обителей обширныхъ размѣровъ основаны очень давно, за тысячу или, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько сотъ лѣтъ до нашихъ дней. Въ настоящее время почти всѣ эти зданія имѣютъ полуразрушенный видъ, и пучки кустовъ свободно растутъ въ трещинахъ стѣнъ и на крышахъ: упадокъ буддійской религіи очевиденъ; во многихъ областяхъ Китая она теперь не болѣе, какъ обрядность, предоставленная исключительно монахамъ. Часто императоры и высшіе сановники государства издавали указы и публиковали циркуляры, имѣвшіе цѣлью отвратить народъ отъ суевѣрій, не предусмотрѣнныхъ сборникомъ церемоній, и предостеречь его отъ всѣхъ жрецовъ, «обманщиковъ трутней, которые приходятъ расхищать улей пчелы». Въ самомъ дѣлѣ, народъ все болѣе и болѣе отвращается отъ бонзъ, но, что бы ни говорили, онъ тѣмъ не менѣе попрежнему остался вѣрующимъ и соблюдающимъ религіозные правила и обряды: невѣріе, которымъ рисуются люди книжные, получившіе образованіе, вводитъ поверхностнаго наблюдателя въ заблужденіе относительно истинныхъ чувствъ страны; заботливость и благоговѣніе, выказываемыя китайцами въ отношеніи ихъ домашнихъ идоловъ, ихъ колѣнопреклоненія, ихъ хожденія къ святымъ мѣстамъ, все это свидѣтельствуетъ о живучести и твердости ихъ вѣры. Не довольствуясь одной религіей, они исповѣдываютъ разомъ всѣ три національныя религіи. Съ Конфуціемъ они чтутъ память предковъ; слѣдуя даоизму, они научаются заклинать духовъ; черезъ посредство ученія Будды они имѣютъ общеніе со святыми. Эти три культа совершенно согласуются между собой и взаимно дополняются: первый обращается къ нравственной сторонѣ человѣка, второй взываетъ къ чувству самосохраненія; третій, наконецъ, возноситъ вѣрующаго въ высшій міръ воображенія и мысли [1]). Какъ говорятъ сами китайцы, «три религіи соста-

[1]) Проф. Васильевъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Edkins, „Religion in China“;—Milne, „Vie réelle en Chine“;—„Chinese Repository“, vol. XIX.

[1]) Edkins, „Religion in China.

ляютъ въ сущности одну» [1]). Оттого при погребеніи умершихъ часто бываетъ такъ, что жрецы различныхъ культовъ священнодѣйствуютъ въ одно и то же время [2]).

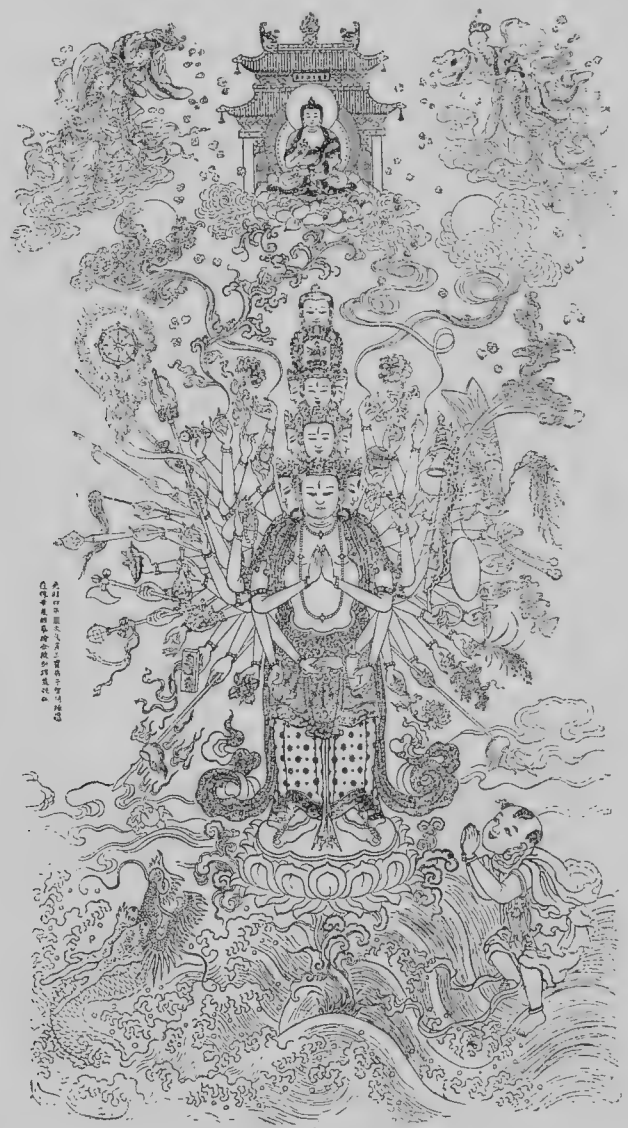
Между религіями, проникшими въ Срединное царство, есть, однако, и такія, которымъ не посчастливилось въ новомъ отечествѣ. Какъ на одну изъ этихъ, не имѣвшихъ успѣха въ Китаѣ, религій можно указать на культъ ветхозавѣтнаго Іеговы или Моисеевъ законъ, который, впрочемъ, насчитываетъ нынѣ весьма ограниченное число послѣдователей. Евреи, которыхъ часто называютъ «синими магометанами», потому что ихъ раввины носятъ шапку и башмаки синяго цвѣта, въ самомъ дѣлѣ почитаются многими китайцами за одну изъ сектъ ислама; туземцы даютъ имъ также прозвища лѣ-цзы-цзинь или «разрѣзыватели жилъ» и дао-цзинь-кэ-ду или «извлекатели нервовъ», по причинѣ употребляемаго ими особеннаго способа убиванія и приготовленія животныхъ, долженствующихъ служить имъ пищей. Въ прежнее время евреи были гораздо многочисленнѣе, и многіе изъ нихъ возвышались на видные посты въ государственной службѣ, но въ наши дни число ихъ уменьшилось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которые почти всѣ живутъ въ Кай-фынъ-фу, главномъ городѣ провинціи Хэ-нань. Еврейскія колоніи, находившіяся встарину въ Нанкинѣ, въ Пекинѣ, въ Нинъ-бо, давно уже перестали существовать: обращенія въ магометанство и въ національныя религіи Китая уменьшали изъ вѣка въ вѣкъ немногочисленную семитическую общину. Остающіеся нынѣ послѣдователи Моисеева закона говорятъ только китайскимъ языкомъ, и послѣдніе ихъ раввины, называемые ароннстами или аонистами, читаютъ уже съ большимъ трудомъ по-еврейски, выговаривая слова на китайскій ладъ: такъ, напримѣръ, имя Израиль превратилось у нихъ въ «Іе-се-ло-ни». По единогласному свидѣтельству кайфынскихъ евреевъ, они принадлежатъ къ колѣну Ассира и пришли въ Китай въ царствованіе династіи Хань, то-есть въ періодъ, который простирается отъ 206 года до Р. Х. по 264 годъ христіанской эры; миссіонеры, которые открыли еврейскую колонію въ Китаѣ, пришли къ тому заключенію, что она состоитъ изъ потомковъ бѣглецовъ, переселившихся въ страну послѣ разрушенія Іерусалима [3]); сами они даютъ своей первоначальной родинѣ имя Тянь-чжу (Дянь-чжоу), то самое, которымъ китайцы обозначаютъ островъ Цейлонъ. Такимъ образомъ выходитъ, что они сохранились въ теченіе восемнадцати столѣтій среди китайскаго міра, столь отличнаго отъ ихъ родной земли; но когда европейскимъ евреямъ удалось въ новѣйшее время вступить въ сношенія съ этими единовѣрцами, послѣдніе уже почти совершенно утратили свою племенную связь: синагога лежала въ развалинахъ, ни одинъ изъ вѣрующихъ не умѣлъ болѣе читать Пятикнижіе, такъ что предложены были общиной и правительствомъ награды тѣмъ, кто успѣетъ разобрать эти непонятныя письмена. При этомъ всѣмъ евреямъ сдѣлано было приглашеніе подождать, прежде чѣмъ окончательно мѣнять религію, чтобы невозможность читать священныя книги была вполнѣ удостовѣрена: но они уже считали Мекку и Медину своими святыми городами [4]).

Магометане имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе въ Китайской имперіи. Г. Скачковъ насчитывалъ ихъ около двадцати милліоновъ, число, которое кажется другимъ историкамъ Китая гораздо ниже дѣйствительнаго. Въ провинціи Гань-су послѣдователи ислама, какъ говорятъ, составляютъ большинство жителей, и во многихъ округахъ другихъ провинцій сѣверной полосы, собственно такъ называемаго Китая, они представляютъ треть населенія; къ этому нужно еще прибавить, чтобы получить полное понятіе объ ихъ вліяніи, дунганъ и всѣхъ другихъ мусульманъ Чжунгаріи, Кульджи и восточнаго Туркестана. Обыкновенно смѣшиваютъ всѣхъ китайскихъ магометанъ подъ общимъ именемъ хой-хой, которое прежде примѣнялось къ уйгурамъ; сами же они называютъ себя не иначе, какъ «цзяомынь» или «религіозными людьми», въ отличіе отъ другихъ китайцевъ, которыхъ они считаютъ нечестивыми. Что касается наименованія «дунгане», имѣющаго монгольское происхожденіе, то извѣстно, что смыслъ его обыкновенно переводятъ словомъ «отставшіе или исключенные (воины)»; впрочемъ, оно употребляется только для обозначенія мусульманъ сѣвернаго или сѣверо-западнаго Китая [3]). Магометане провинціи Юнь-нань, очень многочисленные и неимѣющіе прямыхъ сношеній со своими сѣверными единовѣрцами, обозначаются иностранцами подъ названіемъ «пантеевъ»,—слово бирманскаго происхожденія, истинный смыслъ котораго неизвѣстенъ [4]). Можно сказать съ увѣренностью, что мусульмане Китая не составляютъ однородной этнографической группы. Потомки уйгуровъ, тангутовъ и татаръ, они смѣшиваются на западѣ и на сѣверѣ имперіи съ китайскими прозелитами, тогда какъ въ провинціи Юнь-нань элементы тюркскій и монгольскій отсутствуютъ между послѣдователями ислама или

---

[1]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".
[2]) Huc, „L'Empire Chinois".
[3]) „Lettres édifiantes et curieuses", tome XXIV;—Finn, „The Orphan colony of Iews".
[1]) Liebermann, „Eighth annual report of the Anglo-Iewish Association", 1878—1879.
[2]) „Извѣстія Русск. Географ. Общества", томъ II, № 3, іюнь 1866 г.
[3]) Shaw, „Visit to High Tartary";—Гейнсъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества".
[4]) Gill, „The River of Golden Sand";—H. Yule, etc.

могутъ быть представлены развѣ только потомками солдатъ, сопровождавшими Хубилай-хана. Съ первыхъ же годовъ вступленія на императорскій престолъ маньчжурской династіи магометанъ заставляютъ, какъ и другихъ китайцевъ, носить косу, и даже въ нынѣшнемъ столѣтіи правительство имѣло варварство принуждать матерей мусульманокъ сообразоваться съ вообще лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ ихъ сосѣди, принадлежащіе къ другимъ религіямъ, а одушевляющій ихъ духъ солидарности обезпечиваетъ имъ матеріальное благосостояніе, далеко превосходящее достатки большей части китайцевъ. Такъ, по рѣшенію муллъ, богатые мусульманскіе купцы, въ провинціяхъ Гань-су и Шэнь-си, обязаны платить прогрессивный



Богиня Гуань-инь.

китайской модой, уродуя ноги своимъ дочерямъ. Несмотря на сходство чертъ лица и одинаковость костюма, можно обыкновенно съ перваго взгляда отличить магометанъ отъ другихъ китайцевъ, благодаря ихъ гордой осанкѣ, смѣлому, открытому взгляду, а въ западныхъ провинціяхъ также по оружію, которое они имѣютъ обыкновеніе всегда носить при себѣ. Не употребляя никакихъ хмѣльныхъ напитковъ, не куря ни табаку, ни опіума, они пользуются налогъ, который доходитъ иногда до двухъ пятыхъ дохода, и сборъ котораго употребляется въ пользу общины [1]).

По единогласному преданію китайскихъ мусульманъ, первое появленіе ислама въ сѣверныхъ провинціяхъ Срединнаго царства относится къ седьмому столѣтію, ко временамъ им-

[1]) Проф. Васильевъ; — Delmar Morgan, „Phoenix“, march 1872.

ператора Тай-цзунъ; одинъ родственникъ Магомета, Ибнъ-Гамса, поселился тогда съ тремя тысячами другихъ эмигрантовъ, своихъ единовѣрцевъ, въ Шанганѣ, сдѣлавшемся нынѣ городомъ Си-ань-фу. Очень хорошо принятые въ имперіи, магометане могли воздвигать въ мирѣ свои мечети, и ихъ духовныя лица, имамъ, хабибъ, муэдзинъ, были облечены правительствомъ нѣкоторою гражданской властью надъ своими единовѣрцами. Около того же времени другіе мусульмане проникли также въ Юнь-нань, вѣроятно, морскимъ путемъ: съ 758 года китайскія лѣтописи говорятъ объ арабскихъ пиратахъ, которые разграбили предмѣстья Кантона и расхитили императорскія житницы. Во всѣ времена сношенія между юнь-наньскими магометанами и остальнымъ мусульманскимъ міромъ поддерживались либо черезъ Кантонъ, либо черезъ Бамо и нижнюю Бирманію. Во всѣхъ мусульманскихъ общинахъ провинціи Юнь-нань, гдѣ уровень образованія выше, нежели въ сѣверныхъ областяхъ, находятся туземцы, способные истолковывать и комментировать по-китайски Коранъ и молитвы, читаемыя на арабскомъ языкѣ въ мечетяхъ. Ма-тесинъ (Ma-tehsing), одинъ изъ главныхъ предводителей возмутившихся магометанъ, посѣтилъ Мекку, Стамбулъ, Александрію и изучалъ тамъ науки Запада [1]).

Въ настоящее время хой-хои сѣвернаго Китая поддерживаютъ сношенія съ магометанами западнаго міра черезъ Чжунгарію. Уйгуры и тангуты провинціи Гань-су, бывшіе прежде ламаитами или несторіанами, обратились въ исламизмъ, когда эта вѣра сдѣлалась религіей всѣхъ ихъ сѣверныхъ и западныхъ соотечественниковъ въ государствѣ Джагатая. Впослѣдствіи число ихъ увеличилось переселенцами изъ восточнаго Туркестана и монголами-мусульманами, оставленными въ Чжунгаріи Тамерланомъ, и мало-по-малу они пріобрѣли преобладающее вліяніе въ этой части имперіи. Тамъ находятся два города Саларъ и Цзинь-цзи-бао, куда приходятъ молодые люди поучаться въ познаніи священныхъ книгъ и въ практикѣ религіозныхъ церемоній: эти города представляютъ Мекку и Медину въ Китайской имперіи [2]). Въ нѣкоторыхъ городахъ провинціи Гань-су насчитываютъ цѣлыя сотни мечетей, и вся торговля, въ концѣ-концовъ, перешла въ руки мусульманъ. Между прочимъ, они пріобрѣли монополію закупки скота, вслѣдствіе чего продовольствіе Пекина и другихъ городовъ морскаго прибрежья къ сѣверу отъ Янъ-цзы-цзяна поставлено въ зависимость отъ этихъ мусульманскихъ скототорговцевъ.

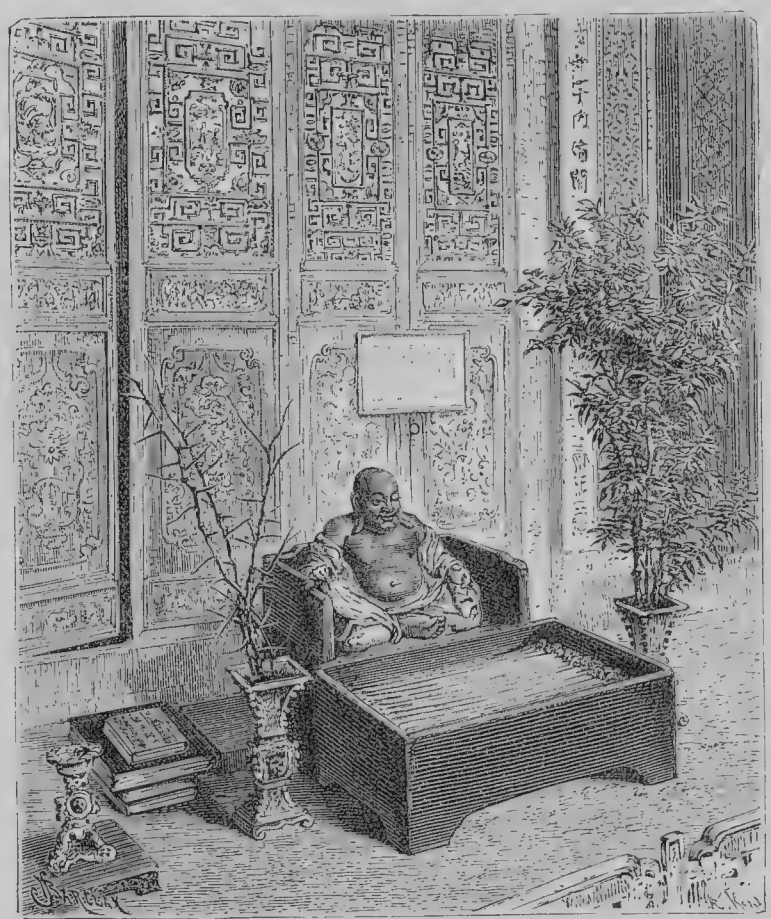
Въ сравненіи съ ихъ единовѣрцами другихъ странъ, китайскіе хой-хои не отличаются фанатизмомъ, столь обыкновеннымъ на Западѣ между поклонниками Аллаха. Очень многіе изъ нихъ подвергаются экзаменамъ, сообразно предписаніямъ Конфуція, и исполняютъ обряды государственной религіи; сдѣлавшись мандаринами, они не отказываютъ приносить публичныя жертвы въ честь геніевъ, покровителей страны. Однако, духъ религіознаго прозелитизма еще далеко не исчезъ: хой-хои стараются держаться особнякомъ отъ языческаго населенія, и муллы ихъ энергически противодѣйствуютъ заключенію браковъ мусульманскихъ дѣвушекъ съ маньчжурами или китайцами, тогда какъ они охотно дозволяютъ и даже поощряютъ покупку китайскихъ женщинъ магометанами. Будучи всѣ суннитами, хой-хои дѣлятся на двѣ секты, шафіевъ и аземовъ; но предъ лицомъ язычниковъ они проявляютъ полное единеніе и солидарность: во время послѣдняго возстанія всякіе религіозные споры и разногласія были забыты, всѣ послѣдователи обѣихъ сектъ, и богатые, и бѣдные, одинаково несли свои пожертвованія къ имамамъ той и другой обрядности. Точно также, въ Юнь-нани, пантеи дѣйствовали въ союзѣ со многими племенами мяо-цзы, живущими въ горахъ: ненависть къ маньчжурамъ соединила во-едино магометанъ и язычниковъ.

Первое возстаніе было въ Юнь-нани; оно было вызвано соперничествомъ матеріальныхъ интересовъ, обнаружившимся въ одномъ горно-заводскомъ округѣ, гдѣ китайцы и магометане работали отдѣльными группами. То тамъ, то сямъ происходили вооруженныя схватки, въ которыхъ побѣда обыкновенно оставалась за послѣдними, и, чтобы положить конецъ этимъ смутамъ, мандарины замыслили планъ всеобщаго истребленія магометанъ. Одинъ майскій день 1856 года былъ назначенъ для поголовнаго избіенія, но мѣры приведенія этого плана въ исполненіе были худо комбинированы, и мусульмане держались на-сторожѣ. Тамъ, гдѣ они жили въ очень маломъ числѣ, большая часть ихъ была перерѣзана; но въ другихъ мѣстахъ они сопротивлялись съ успѣхомъ, и даже имъ удалось овладѣть богатымъ городомъ Да-ли-фу, первоклассной крѣпостью, откуда они поспѣшили установить постоянныя торговыя сношенія съ Бирмою, чтобы доставить себѣ этимъ путемъ оружіе и боевые припасы. Въ 1860 году, послѣ четырехлѣтней борьбы, они заняли даже Юнь-нань-фу, главный городъ провинціи того же имени; но затѣмъ вожди возстанія, сдѣлавшись важными особами, подкупленные китайскимъ правительствомъ, обратили оружіе противъ своихъ единовѣрцевъ. Междоусобная война продолжалась еще тринадцать лѣтъ послѣ того, и окончилась избіеніемъ тридцати тысячъ мусульманъ на улицахъ города Да-ли-фу; едва нѣсколькимъ сотнямъ пан-

[1]) Emil Rocher, „La Province chinoise de Yunnan".
[2]) F. von Richthofen, „Lettre à la Chambre de commerce de Changhai".

тесвъ удалось спастись и найти себѣ убѣжище въ Бирмѣ [1]).

Въ сѣверномъ Китаѣ возстаніе вспыхнуло только въ 1860 году и началось избіеніемъ китайцевъ въ Хуа-чжоу, лежащемъ къ востоку отъ Си-ань-фу, главнаго города провинціи; но этотъ послѣдній городъ, благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ, устоялъ противъ нападеній хой-хоевъ. Вездѣ, куда являлись инсургенты, китайцы и монголы, охваченные паническимъ страхомъ, убѣгали въ горы или въ пустыню, спастись бѣгствомъ, были перебиты; захваченныхъ въ плѣнъ сжигали на кострахъ; даже стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей безжалостно умерщвляли: общее число погибшихъ во время этой страшной рѣзни нужно считать милліонами. Въ нѣкоторыхъ округахъ путешественникъ не безъ удивленія встрѣчаетъ тамъ и сямъ уцѣлѣвшее жилище, пощаженное дунганскимъ разгромомъ [1]); если бы нѣкоторые большіе города не были защищены своими крѣпкими стѣнами, неодолимыми безъ помощи пушекъ, сѣверныя



Домашній алтарь.

или даже позволяли рѣзать себя, какъ барановъ. Въ провинціяхъ Шэнь-си и Гань-су дѣло истребленія и разрушенія велось магометанами съ безпощадной яростью: бывали случаи, что главы семействъ сами убивали своихъ женъ и дѣтей, чтобы всецѣло посвятить себя священной войнѣ [2]). Въ бассейнѣ рѣки Вэй не осталось ни одной деревни, все было стерто съ лица земли; даже подземныя жилища, устроенныя въ пещерахъ, были обращены въ развалины посредствомъ взрыванія скалъ. За исключеніемъ христіанъ, всѣ сельскіе жители, не успѣвшіе и западныя провинціи Срединнаго царства были бы совершенно очищены отъ ихъ китайскихъ жителей. Край казался окончательно потерянным для имперіи, но недостатокъ общаго плана и согласованія дѣйствій у инсургентовъ имѣлъ для нихъ роковыя послѣдствія. Послѣ пятнадцати лѣтъ кровавой борьбы, побѣда досталась тѣмъ, которые располагали наиболѣе дисциплинированными боевыми силами. Китайскіе генералы отвоевали у дунганъ сначала провинцію Шэнь-си, затѣмъ провинцію Гань-су и, взявъ обратно военные посты въ

[1]) Emil Rocher, цитированное сочиненіе.

[2]) Гейнсъ, „Извѣстія Русск. Географ. Общества“, іюнь 1866 г.

[1]) Д-ръ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай въ 1874 и 1875 годахъ“.

Небесныхъ горахъ, легко могли разсѣять послѣднія шайки мятежниковъ въ пустыняхъ Чжунгаріи. Такимъ образомъ продолжительное возстаніе магометанъ окончилось одинаковымъ образомъ на обѣихъ оконечностяхъ Китая: перевѣсъ остался на сторонѣ императорскихъ армій. Но, хотя и побѣжденные, поклонники Аллаха все еще составляютъ великую силу въ Центральной имперіи, и нѣкоторые писатели предсказываютъ—немного рано, если принять въ соображеніе недостатокъ религіознаго рвенія у китайцевъ,—что магометане сдѣлаются современемъ, благодаря своему духу солидарности и своей крѣпкой общинной организаціи, властителями народовъ на крайнемъ Востокѣ [1]).

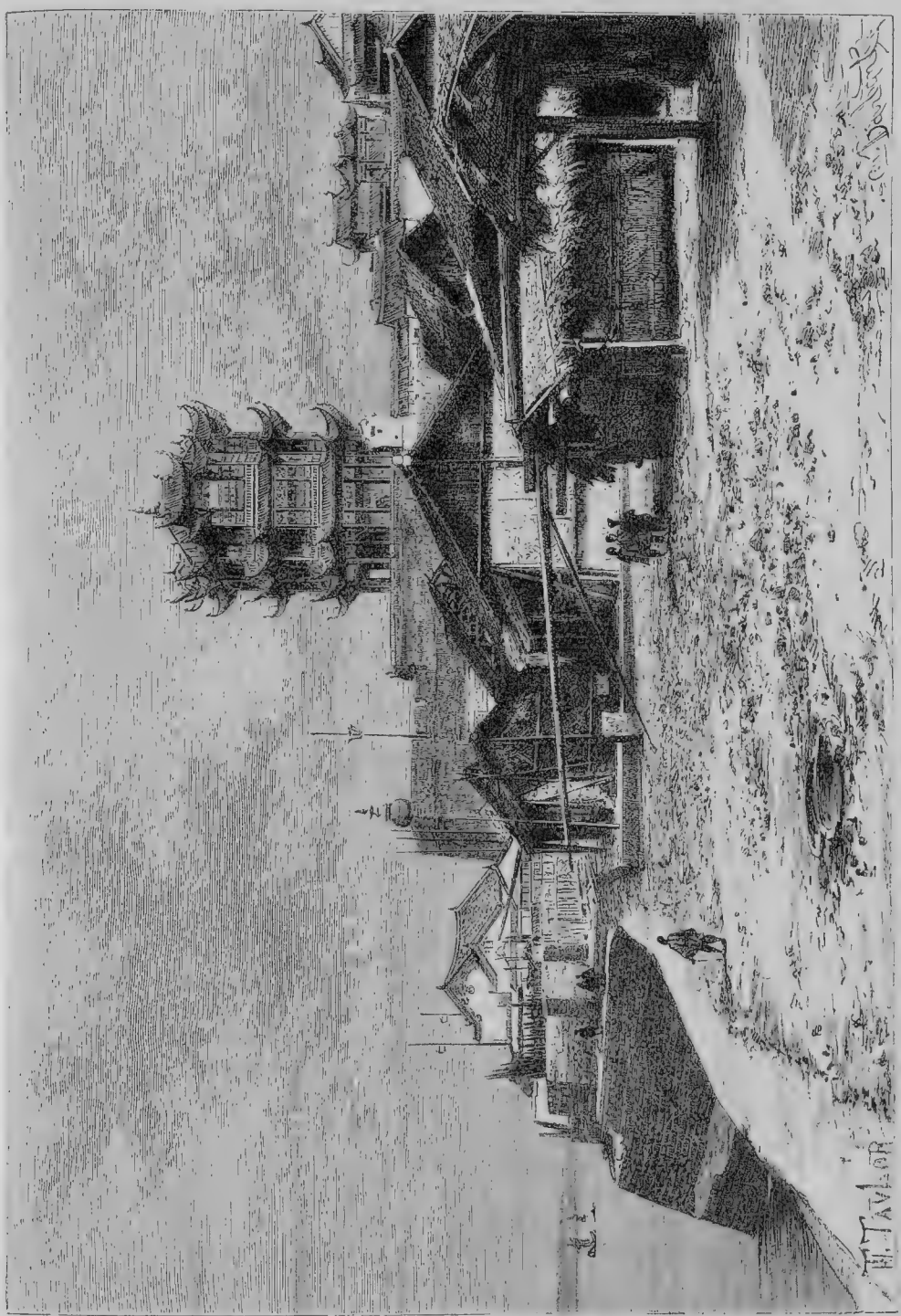
Христіане, поселившіеся въ одно время съ мусульманами на китайской территоріи, гораздо менѣе многочислены, и по сравненію съ послѣдними, вліяніе ихъ можетъ считаться ничтожнымъ. *Хотя исторія не сохранила положительныхъ данныхъ о первоначальномъ проникновеніи христіанства въ Китай, но можно съ большой вѣроятностью утверждать, что первыми христіанскими проповѣдниками въ этой странѣ были несторіанцы. Прибытіе несторіанцевъ въ Китай относятъ къ началу VI вѣка. Такъ извѣстно, что монахи, привезшіе въ 551 году шелковые коконы изъ Китая въ Константинополь, были несторіанцы. Единственнымъ памятникомъ дѣятельности несторіанскихъ христіанъ въ Срединной имперіи служитъ извѣстная мраморная плита, найденная въ 1625 г. въ городѣ Си-ань-фу въ Шэнь-си*. Камень этотъ, часто посѣщаемый католическими миссіонерами, вѣроятно, былъ разбитъ во время возстанія тайпиновъ, такъ какъ Вильямсонъ видѣлъ его еще въ 1867 году, но Рихтгофенъ не нашелъ уже его во время своей поѣздки въ провинцію Шэнь-си, въ 1872 году. Тѣмъ не менѣе не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ подлинности этой надписи, которую синологи часто воспроизводили, по причинѣ важности текста и изящества знаковъ или буквъ; прекрасная копія этого историческаго памятника выставлена въ парижской національной библіотекѣ. На плитѣ этой выгравировано восхваленіе христіанства, озаглавленное: «Апологія распространенія православной религіи въ Китаѣ, съ предисловіемъ: сочиненіе Цинь-цина, монаха Сирійской церкви» [2]). По сказанію этого камня, въ 635 году одинъ миссіонеръ изъ Сиріи, по имени Олопеннъ, проникъ въ Китай съ святыми образами и священными книгами, и три года спустя онъ получилъ позволеніе построить церковь въ Си-ань-фу. *Надпись эта, вызвавшая въ свое время многочисленные комментаріи синологовъ, ясно показываетъ, что христіанская религія уже въ VII вѣкѣ пользовалась въ Китаѣ нѣкоторымъ значеніемъ, и что несторіанцы занимали не послѣднее мѣсто среди другихъ китайскихъ религіозныхъ сектъ. Впрочемъ, положительныхъ свѣдѣній объ несторіанцахъ и о судьбѣ христіанскихъ общихъ не сохранилось. Путешественникъ Марко-Поло подтверждаетъ предположеніе о раннемъ существованіи христіанства въ Китаѣ*.

Въ настоящее время между христіанами Китая не существуетъ болѣе представителей несторіанской секты. Уйгуры, татары и разные другіе сѣверные инородцы, исповѣдавшіе западную религію, перешли въ магометанство, вѣроятно, въ эпоху Тамерлана, и это именно потомки несторіанъ, подъ именемъ дунганъ, недавно наводили страхъ на китайцевъ и подвергали опасности цѣлость имперіи. *Начало католической пропаганды въ Китаѣ относится къ концу VIII вѣка. Первая попытка организовать правильное миссіонерство сдѣлана была папою Николаемъ IV, приславшимъ монаха Монтекорвино въ 1291 году. Несмотря на оппозицію несторіанцевъ, боявшихся потерять свое вліяніе, Монтекорвино удалось заручиться покровительствомъ богдохана Хубилая, который разрѣшилъ ему построить церковь и заняться проповѣдью. Въ 1307 году Монтекорвино былъ назначенъ архіепископомъ китайской церкви, и въ помощь ему изъ Рима были присланы семь епископовъ. Исторія гласитъ, что дѣятельность первыхъ католическихъ миссіонеровъ была плодотворна и что во время Монтекорвино число обращенныхъ въ Пекинѣ достигало 30 тысячъ. Преемникомъ Монтекорвино былъ архіепископъ Николай. О дѣятельности католиковъ въ XIV и XV вѣкахъ сохранилось мало подробностей, извѣстно лишь, что миссіонеры дѣйствовали весьма успѣшно не только во внутреннемъ Китаѣ, но и на окраинахъ среди монгольскихъ кочевниковъ*. Наконецъ, итальянскій іезуитъ Руджіеро, переодѣтый китайцемъ, пробрался въ 1581 году въ городъ Кантонъ, а въ слѣдующемъ году его примѣру послѣдовалъ знаменитый Риччи, свѣтскій человѣкъ и тонкій дипломатъ, который, благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ, съумѣлъ понравиться вельможамъ, и который кончилъ тѣмъ, что жилъ при дворѣ, какъ пенсіонеръ императора. *Въ 1582 г. іезуитскимъ миссіонерамъ Михаилу Руджіери и Матвѣю Риччи удалось получить отъ губернатора Гуандунской провинціи разрѣшеніе пріобрѣсти землю для устройства церкви и миссіи. Дабы не навлечь на себя подозрѣнія мандариновъ, эти

[1]) Проф. Васильевъ, „Исторія китайской литературы, во Всеобщей исторіи литературы“

[2]) The Middle Kingdom, v. II, p. 275. Отдѣлъ о введеніи и распространеніи христіанства въ Китаѣ изложенъ у Реклю слишкомъ кратко. Въ настоящемъ изданіи этотъ отдѣлъ значительно увеличенъ и пополненъ. Матеріаломъ для этого послужило извѣстное сочиненіе Коростовцева, „Китайцы и ихъ цивилизація“, кромѣ того книга Путяты и мн. др. источники. Примѣч. ред.

проповѣдники дѣйствовали съ большою осторожностью и постепенностью. Когда дѣла основанной имъ христіанской общины стали процвѣтать, Риччи постарался заручиться покро-



У-чанъ-фу, башня «Желтаго журавля».

вительствомъ мѣстныхъ сановниковъ, и, при ихъ содѣйствіи, перенесъ свою дѣятельность въ Нанкинъ. Нужно замѣтить, что пропаганда Риччи и его сотрудниковъ не имѣла исключительно религіознаго характера; въ своихъ проповѣдяхъ, они касались и научныхъ предметовъ, преимущественоо физики и астрономіи. Въ Нанкинѣ Риччи завязалъ сношеніе съ однимъ съ вліятельныхъ евнуховъ богдоханскаго гарема и черезъ его посредство добился приглашенія въ Пекинъ, гдѣ вскорѣ нашелъ вліятельныхъ покровителей при дворѣ. Богдоханъ Ванли назначилъ ему вспомоществованіе и позволилъ его помощникамъ и единовѣрцамъ поселиться

въ столицѣ; Риччи успѣшно повелъ пропаганду, работая не только среди простаго народа, но также среди образованныхъ конфуціанцевъ, изъ коихъ многіе сдѣлались его послѣдователями. Особенную ревность проявилъ къ христіанству мандаринъ Сю, получившій имя Павла, и его дочь Кандида. Не довольствуясь пассивнымъ исповѣданіемъ новой вѣры, семейство Павла приняло участіе въ пропагандѣ и занялось дѣлами благочестія и благотворительности. Кандида за совершенныя ею добрыя дѣла была удостоена титула «добродѣтельной женщины». Впослѣдствіи она и ея отецъ были канонизированы и причислены къ народному пантеону. Миссіонерское учрежденіе Сикавей (деревня рода Сю) близъ Шанхая находится на землѣ, когда-то пожертвованной названнымъ Сю своимъ духовнымъ наставникамъ*. Миссіонеры-іезуиты, продолжавшіе дѣло Риччи, умѣли, по большей части, подобно ему, пріобрѣсти благоволеніе государя и дѣлали многочисленныхъ прозелитовъ между высшими сановниками имперіи; впрочемъ, они дѣйствовали съ большимъ тактомъ и остерегались осуждать безусловно обряды, которые китайцы считали священными, особенно обряды культа предковъ; они допускали даже приношенія цвѣтовъ и фруктовъ и жертвы въ честь тѣней усопшихъ, видя въ этихъ церемоніяхъ только свидѣтельства сыновняго почтенія. Доминканскіе миссіонеры, прибывшіе въ Китай около конца семнадцатаго столѣтія, стали, напротивъ, порицать, эти религіозные акты, какъ обряды идолопоклонства, и, подобно тому, какъ это случилось въ Южной Америкѣ, два духовные ордена вступили по этому поводу въ открытую вражду между собой. Булла папы Климента XI, изданная въ 1715 году, осудила образъ дѣйствія іезуитовъ, и съ этого времени китайскіе неофиты должны не только исповѣдывать католическую вѣру, но еще и отрекаться отъ традиціонныхъ обычаевъ своего отечества. Оттого случаи обращенія туземцевъ въ христіанство стали относительно рѣдки; большинство обращенныхъ принадлежитъ къ низшимъ классамъ общества, которыхъ бѣдность освобождаетъ отъ обязанности совершать похоронныя церемоніи; кромѣ того, дѣти, принятыя патерами во время войны или голода, или даже купленныя у бѣдныхъ родителей, воспитываются въ правилахъ католической вѣры; вотъ какимъ образомъ вербуется «крещеный» людъ въ Срединной имперіи. «Съ сотней франковъ, данной нашимъ крестителямъ, говоритъ епископъ Перрошо, мы можемъ переродить по малой мѣрѣ три или четыре сотни дѣтей, изъ которыхъ двѣ трети почти тотчасъ же возносятся на небо» [1]).

По даннымъ «Annales de la Foi», пропаганда христіанства послѣ 1820 г. шла довольно успѣшно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цифра обращенныхъ и духовенства. Въ 1820 г. въ Китаѣ было 6 епископовъ, 80 туземныхъ священниковъ и 215.000 обращенныхъ. Въ 1841 г. насчитываютъ уже 12 епископовъ и 400.000 обращенныхъ. Въ Сы-чуани, кромѣ того, было 54 школы для мальчиковъ и 114 школъ для дѣвочекъ. Согласно свѣдѣніямъ «Hongkong Catholik Register» въ 1881 г. въ Срединной имперіи было 40 слишкомъ епископій, 664 миссіонера, 559 туземныхъ священниковъ, 34 монастыря съ коллегіями при нихъ и свыше милліона обращенныхъ. За послѣднія 15 лѣтъ цифры эти измѣнились, вѣроятно, немного, но раіонъ дѣятельности католическихъ миссій распространился почти на всѣ провинціи имперіи. Кромѣ китайцевъ, получающихъ образованіе въ католическихъ миссіонерскихъ школахъ, значительное число китайскихъ юношей воспитывается въ Римѣ, въ коллегіи «Propaganda fidel».

Увеличеніе числа христіанъ происходитъ не столько отъ обращенія язычниковъ, сколько отъ естественнаго прироста въ средѣ китайцевъ-христіанъ. Китайцамъ-католикамъ разрѣшенъ бракъ съ язычницами, но подъ условіемъ, что жены ихъ примутъ католичество и дѣти ихъ будутъ окрещены* [1]).

Протестантскія миссіи, недавняго происхожденія, появились въ Китаѣ только въ 1842 году, послѣ нанкинскаго трактата, и только въ нѣкоторыхъ приморскихъ портахъ, которые правительство открыло европейской торговлѣ. Первымъ протестантскимъ миссіонеромъ былъ Робертъ Морриссонъ, служившій переводчикомъ въ Ость-Индской компаніи. Благодаря поддержкѣ компаніи этому миссіонеру удалось перевести и напечатать евангеліе и другія священныя книги. Хотя Морриссонъ былъ скорѣе ученый теоретикъ, чѣмъ пропагандистъ, значеніе его какъ миссіонера несомнѣнно. Своими научными трудами онъ подготовилъ почву и облегчилъ дѣятельность своихъ первыхъ преемниковъ—Мильна, Гуцлафа, Медхерста, Паркера и др.* Съ 1860 года миссіонеры этого вѣроисповѣданія постепенно распространились во всѣхъ частяхъ имперіи, исключая Тибета и восточнаго Туркестана; они проникли даже въ Монголію и Маньчжурію. Въ 1877 году въ Китаѣ дѣйствовало около пятисотъ протестантскихъ миссіонеровъ, принадлежащихъ къ 25 отдѣльнымъ миссіонерскимъ обществамъ. Число обращенныхъ достигало 14.000, въ настоящее время въ Китаѣ имѣется не менѣе 1.500 протестантскихъ миссіонеровъ разныхъ національностей и около 50.000 обращенныхъ; школы, мастерскія, гос-

[1]) „Annales de la propagation de la Foi“, mai 1851.

[1]) Въ 1898 году въ Китаѣ состоитъ 3.930 католическихъ церквей, при которыхъ состояло 759 европейскихъ миссіонерствъ и 409 туземныхъ священниковъ, 49 семинарій, 2.913 школъ. Въ одной Маньчжуріи насчитывается 21.830 ч. католиковъ. Примѣч. ред.

питали, пріюты, церкви и часовни насчитываются сотнями. Самыми крупными протестантскими миссіями считаются «The China Inland Mission»,«The London Mission» и «The Methodist Episcopal Mission»*. Въ округѣ Нинъ-бо буддійскія секты, воздерживающіяся отъ употребленія въ пищу мяса животныхъ, доставляютъ протестантамъ наибольшій контингентъ ихъ прозелитовъ [1]). Торговля опіумомъ, навязанная Великобританіей Китаю, есть одна изъ главныхъ причинъ относительной безуспѣшности пропаганды протестантскихъ миссіонеровъ въ Срединной имперіи; обитатели этого царства задаютъ себѣ вопросъ, можетъ ли та же самая нація, которая отравляетъ ихъ своими зельями, улучшить ихъ нравственно своими вѣрученіями [2]). При томъ христіанскія духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій должны терпѣть невыгоды, происходящія отъ сосѣдства другихъ европейцевъ, и стараются держать своихъ обращенныхъ какъ можно дальше отъ иностранныхъ общинъ другихъ обрядностей. Католическіе миссіонеры обучаютъ своихъ вѣрующихъ только церковной латыни, дабы они не соблазнились читать нечестивыя книги, а протестантскіе миссіонеры остерегаются учить обращенныхъ англійскому языку изъ опасенія, чтобы они выучившись, не сбѣжали съ цѣлью отправиться зарабатывать себѣ средства къ жизни въ качествѣ толмачей въ портахъ, открытыхъ торговлѣ европейскихъ націй [3]). Какъ выразился императорскій указъ, обнародованный въ оффиціальной «Пекинской газетѣ»: «два сорта чужеземцевъ претендуютъ на роль преобразователей Китая. Въ то время, какъ одни внушаютъ намъ любить ближняго какъ самихъ себя, другіе учатъ насъ убивать того же ближняго съ большихъ разстояній, безъ опасности для нихъ самихъ, и заставляютъ насъ покупать ихъ ядья, преисполненныя смертоносныхъ усовершенствованій».

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ въ Китаѣ протестантскіе миссіонеры въ дѣлѣ евангелизаціи язычниковъ стали придерживаться отличной отъ католиковъ системы. Эти особенности протестантской системы сохранились и въ настоящее время. Протестанты, заботясь болѣе о нравственномъ и культурномъ преуспѣяніи своихъ духовныхъ чадъ, чѣмъ о спасеніи ихъ душъ, направляютъ свои усилія на распространеніе общеполезныхъ знаній и профессій, ремеслъ и искусствъ путемъ печати и обученія, и занимаются устройствомъ школъ и госпиталей. Для обсужденія дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ и для возбужденія новыхъ вопросовъ, протестанты всѣхъ толковъ и національностей организуютъ съѣзды и совѣщанія, публикуютъ отчеты, журналы и газеты. Способы и пріемы протестантскихъ миссіонеровъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ полный контрастъ съ пріемами и манерою католиковъ. Послѣдніе дѣйствуютъ по старой, испытанной методѣ. Католическіе миссіонеры рѣдко проникаютъ въ народную среду, будь то для проповѣди, леченія или для раздачи душеспасительныхъ книгъ, и вообще не входятъ въ непосредственное общеніе съ массою, предоставляя евангелизацію туземнымъ катехизаторамъ. Они, кромѣ того, рѣдко тратятъ свои усилія и труды на постороннихъ язычниковъ, предпочитая дѣйствовать въ интересахъ лишь своей паствы. Католики стараются не только привязать новообращенныхъ, но сдѣлать ихъ зависимыми, для чего исключили изъ своей образовательной программы новые языки и практическія знанія, между тѣмъ, какъ протестанты дѣлятся своими знаніями со всѣми желающими, хотя бы то были язычники. Благодаря знанію европейскаго языка, китаецъ, побывавшій въ протестантской школѣ, имѣетъ возможность выбрать самостоятельную профессію и вообще утилизировать пріобрѣтенныя свѣдѣнія. Вообще воспитаннику протестантовъ легко найти хорошо оплаченную должность компрадора (торговый приказчикъ), счетчика, бухгалтера или переводчика въ китайской или европейской торговой фирмѣ.

Представители двухъ религій, дѣйствующихъ въ Китаѣ, различаются не только по методамъ пропаганды, но и по внѣшнему виду, Католики носятъ китайскій нарядъ и косу, протестанты же одѣваются въ обыкновенное платье. По мнѣнію протестантскихъ миссіонеровъ, сохраненіе европейскаго платья лучше отвѣчаетъ цѣлямъ пропаганды и вообще удобнѣе. Съ нѣкоторыми изъ ихъ доводовъ нельзя не согласиться. Миссіонеру, одѣтому въ европейскій костюмъ, легче привлечь вниманіе толпы, то-есть собрать большее число слушателей, другими словами, наружность его, является чѣмъ-то въ родѣ рекламы, привлекающей всеобщее любопытство. Католическій патеръ, не произносящій уличныхъ проповѣдей и не раздающій религіозныхъ брошюръ, не нуждается въ привлеченіи вниманія толпы. Противники китайскаго наряда находятъ, что иностранецъ, облекающійся въ курму и отпускающій косу, какъ бы утрачиваетъ свою самобытность, ибо старается поддѣлаться къ вкусамъ людей, которыхъ пришелъ просвѣщать и которыхъ считаетъ ниже по развитію и образованію. Чтобы носить китайское платье и не казаться мѣшковатымъ, нужна долговременная практика, не говоря о томъ, что коса идетъ лишь нѣкоторымъ типамъ,— китаецъ же съ бѣлокурою косою, то-есть иностранецъ, привлекаетъ больше вниманія, чѣмъ протестантскій миссіонеръ въ солнечномъ шлемѣ и сюртукѣ.*

[1]) Christlieb, „Missinos évangéliques“.
[2]) Medhurst, „The Foreigner in far Cathay“.
[3]) A. Williamson, „Journeys in North China, Manchuria and Eastern Mongolia“.

Трудно произнести общее сужденіе о нравахъ и народномъ характерѣ китайцевъ и опредѣлить истинное мѣсто «дѣтей Хань» между цивилизованными націями. Большинство путешественниковъ привыкли рисовать ихъ въ смѣшномъ каррикатурномъ видѣ. Почти принято за правило, что о людяхъ Небесной имперіи,—какъ ихъ называютъ, по незнанію,—нельзя говорить, безъ того, чтобы не представлять ихъ съ смѣшныхъ сторонъ, или даже безъ того, чтобы не преувеличить ихъ странностей. Такъ велика сила этого предразсудка, что большинство западныхъ людей не могутъ вообразить себѣ обитателя береговъ Голубой рѣки иначе, какъ въ формѣ уморительнаго «китайца ширмъ», съ размѣренными движеніями и съ вѣчной улыбкой на устахъ. Что касается миссіонеровъ, то опасности, которымъ они иногда подвергаются, и повседневныя сношенія, которыя они имѣютъ съ народомъ, конечно, обязываютъ ихъ относиться къ нему болѣе серьезно; но, являясь въ качествѣ обратителей на путь истинной вѣры, они повсюду видятъ грѣхъ и вообще описываютъ китайцевъ, еще «пребывающихъ въ язычествѣ», какъ существа униженныя и погрязшія въ порокахъ. Другіе,—и такихъ всего больше,—привыкаютъ мало-по-малу къ своей новой средѣ и въ концѣ концовъ натурализуются китайцами; по выраженію Гарнье, «Срединное царство пріобрѣтаетъ въ нихъ новыхъ гражданъ». Нѣкоторые миссіонеры, сохраняя свою западную цивилизацію, проникаются любовью къ націи, среди которой они живутъ, и склонны признавать за нею нѣкотораго рода нравственное превосходство. Такъ, въ прошломъ столѣтіи, восторженныя описанія Срединной имперіи, присылаемыя въ Европу миссіонерами-іезуитами, доставили китайцамъ репутацію мудрости и добродѣтели, которая вовсе не оправдывается ихъ исторіей. На основаніи этихъ панегириковъ европейскіе писатели любили выбирать свои примѣры въ этомъ новомъ для нихъ мірѣ восточной Азіи и находили удовольствіе сравнивать китайцевъ, взятыхъ за образецъ, съ такъ-называемыми цивилизованными народами Запада.

Весьма естественно, что сравнивая себя съ «западными варварами», китайцы приписываютъ себѣ превосходство, если не въ отношеніи индустріи, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи истинной гражданственности. И дѣйствительно, если судить по внѣшнимъ признакамъ народа, по его наружности, то, пожалуй, можно согласиться уступить ему это первое мѣсто, на которое онъ предъявляетъ притязанія. Нигдѣ вѣжливость обхожденія, привѣтливость и сердечность не распространены болѣе во всѣхъ классахъ общества, чѣмъ въ Китаѣ; нигдѣ толпа не откликается скорѣе на призывъ, обращенный къ человѣческому достоинству. Китайцы отъ природы сдержанны, внимательны, доброжелательны; они чувствуютъ себя солидарными между собою. «Люди четырехъ морей всѣ братья» [1]), говорятъ они обыкновенно, и ровесники по лѣтамъ любятъ называть другъ друга этимъ именемъ. Европейскіе путешественники могли проѣхать изъ конца въ конецъ самыя многолюдныя провинціи имперіи, Хубэй, Сы-чуань, не имѣвъ никогда повода пожаловаться на какую-либо грубость или даже оскорбительный жестъ со стороны туземцевъ; правда, что въ другихъ провинціяхъ, каковы: Юнь-нань, Хэ - нань, Гуань - си, любопытство толпы очень часто доходитъ до назойливости; но въ такихъ случаяхъ, чтобы заставить уважать себя, достаточно отдаться подъ покровительство какого-нибудь старика [2]). Среди массъ народа, которыя толпятся на улицахъ большихъ китайскихъ городовъ, никогда не встрѣтишь пьяныхъ; нужно посѣтить европейскія «концессіи» (такъ называются земли или мѣста, уступленныя подъ колоніи), въ портахъ, открытыхъ иностранной торговлѣ, чтобы присутствовать при сценахъ буйства, да и тамъ вина падаетъ не на туземцевъ. Но гдѣ особенно китайскій характеръ выказывается съ выгодной стороны, такъ это въ школахъ. Никогда, можно сказать, воспитанники не позволяютъ себѣ нарушить порядокъ почти религіозный, царствующій въ классахъ, или небрежно приготовить заданный имъ урокъ. Они показываютъ себя на школьной скамьѣ такими, какими они будутъ во всю жизнь, послушными, трудолюбивыми, неутомимыми; серьезные не по лѣтамъ, они, тѣмъ не менѣе, веселые и рѣзвые. Китайскія дѣти не заливаются такимъ громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ, какъ монгольскій ребенокъ, но за то они не дадутъ увлечь себя чувству гнѣва, какъ онъ: они уже имѣютъ полное сознаніе своего достоинства людей цивилизованныхъ [3]).

Слабое развитіе индивидуальной иниціативы—вотъ черта, по которой китаецъ, кажется, дѣйствительно стоитъ ниже европейца. Безъ сомнѣнія, очутившись лицомъ къ лицу съ трудностями жизни, онъ сумѣетъ, не хуже любаго француза или англичанина, придумать средства, какъ завоевать себѣ благосостояніе; но въ своей борьбѣ за существованіе онъ будетъ сообразоваться больше съ рутинными привычками; онъ разсчитываетъ, чтобы восторжествовать надъ судьбой, не столько на смѣлость, сколько на пассивное сопротивленіе. Обыкновенно китайцы не имѣютъ высшаго честолюбія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ народныя поговорки и правила обыденной морали и житейской мудрости. Приключенія, рѣзкія перемѣны жизни имъ не нравятся. Ни одинъ народъ не имѣетъ

[1]) Dennys, „Folklore in China“.
[2]) Simon, „Récits d'un voyage en Chine“.
[3]) Davis;—Milne;—Doolittle;—Williamson;—Simon;—Коростовцевъ.

такъ мало вопнственныхъ пѣсенъ и не прославляетъ съ такимъ постоянствомъ искусства мира, особенно трудъ земледѣльца, спокойно ходящаго за плугомъ по бороздамъ пашни. «Когда мы отправились въ путь-дорогу,—растенія уже пускали ростки;—когда же мы вернулись домой,—они были увядшими и засохшими. Путь дологъ, пища скудна! — Сколько незаслуженныхъ несчастій,—съ той поры, какъ я долженъ былъ поступить въ ряды войска,—покинувъ плугъ и родныя поля!» Таковы слова, которыя печально напѣваетъ китайскій поселянинъ, вмѣсто пылкихъ строфъ, которыя повторяютъ хоромъ жители Запада. Вообще это моралью, облеченной въ стихотворную форму, стихъ превращается у нихъ въ присловье, въ нравоученіе, и иную поэму можно разсматривать скорѣе, какъ трактатъ объ этикѣ. Китайскому поэту недостаетъ личнаго идеала: онъ какъ будто говоритъ всегда отъ имени семьи или народа.

Извѣстно, впрочемъ, что въ китайскомъ обществѣ семья гораздо крѣпче сплочена, нежели въ западныхъ странахъ. Вся нація, которая встарину носила названіе «Ста семей», считается какъ бы составляющею одно многочисленное семейство, гдѣ общественныя обязанности въ дѣйствительности суть не что иное,

Типъ и костюмъ.—Ученый китаецъ.

въ высшей степени любопытное явленіе, когда мы встрѣчаемъ національную поэзію, прославляющую главнымъ образомъ миръ и тишину, умѣренность, правильный трудъ, мирныя привязанности. Эта поэзія не лишена ни благородства, ни глубины, и нѣкоторыя произведенія ея выражаютъ чувство или мысль самымъ поразительнымъ образомъ; но рѣдко бываетъ, чтобы личное вдохновеніе высказалось въ ней вполнѣ, всецѣло: тысячи требованій относительно формы, условныя сравненія, уснащеніе рѣчи ходячими правилами морали, старательная скромность языка такъ хорошо замаскировываютъ идею, что нужно все искусство комментаторовъ, чтобы отыскать ее. По естественной эволюціи своего ума, китайскіе писатели дошли даже до того, что стали смѣшивать поэзію съ какъ обязанности сына въ отношеніи отца. Вся китайская нравственность вытекаетъ изъ сыновняго почтенія, и правительство Срединной имперіи есть въ сущности только расширеніе отеческой власти; оно представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ палеонтологическій остатокъ древняго патріархальнаго понятія общества. Какъ установляетъ священная книга Сяо-цзинъ, завѣщательное твореніе Конфуція, сыновнее почтеніе составляетъ основаніе общества. Предписываемыя учителемъ «пять непреложныхъ правилъ» опредѣляютъ отношенія отца и дѣтей, царя и подданныхъ, мужа и жены, стариковъ и молодыхъ людей, друга къ другу, между которыми тоже существуетъ взаимная подчиненность. Все проистекаетъ изъ естественной власти отца и повиновенія сына, утвержден-

ныхъ и освященныхъ преданіями и законами. Таково главное начало, которое въ теченіе тысячелѣтій удерживало въ связи разнородные элементы китайскаго общества, и которое создало изъ него прочное іерархическое цѣлое. Но по этой же причинѣ соціальныя преобразованія сдѣлались тамъ болѣе трудно осуществимыми и при проведеніи ихъ сопровождались болѣе ожесточенной, болѣе кровавой борьбой. Китаецъ менѣе, чѣмъ европеецъ, понимаетъ мораль свободы, той, которая даетъ каждому отдѣльному человѣку его собственную, независимую цѣну, въ окружающемъ его обществѣ. Одна только семья признается обладающей политическими правами въ государствѣ; въ былыя времена, когда правители совѣтовались съ народомъ, голоса считались по семьямъ, и теперь еще, когда дѣло идетъ о муниципальныхъ вопросахъ, одинъ только глава семейства идетъ подавать голосъ. Всякій другой способъ подачи голосовъ показался бы преступленіемъ, ибо отецъ, императоръ своего семейства, почитается выразителемъ мыслей и чувствъ всѣхъ своихъ домочадцевъ; онъ можетъ гордиться ихъ добродѣтелями, требовать себѣ награды за ихъ заслуги, но онъ же несетъ отвѣтственность за ихъ пороки и долженъ быть наказанъ за ихъ провинности. Великія дѣла сына облагораживаютъ отца и весь родъ, всѣхъ предковъ; и наоборотъ, преступленія потомковъ унижаютъ предъидущія поколѣнія. Эти патріархальные нравы, предоставляющіе родителямъ неограниченную власть и обязывающіе дѣтей къ безусловному послушанію и безпредѣльной преданности, имѣютъ такую силу въ Китаѣ, что порождаютъ тамъ обычаи, неизвѣстные ни въ какой другой странѣ міра. Простой ударъ, нанесенный сыномъ отцу или матери, приравнивается къ отцеубійству и наказывается смертію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ царствуетъ большая бѣдность, часто бывали случаи, что молодые люди добровольно вызывались подвергнуться смертной казни, въ качествѣ замѣстителей богатыхъ осужденныхъ. Они зарабатывали такимъ образомъ нѣсколько тысячъ франковъ, которые позволяли имъ обогатить свою семью. Такъ какъ законъ требуетъ только одного, искупленія содѣяннаго преступленія, то блюстителямъ его мало дѣла до имени жертвы; лишь бы только упала голова съ плечъ, правосудіе удовлетворено. Добрые сыновья, умирающіе такимъ образомъ отъ руки палача, благословляемые своими родителями, разстаются съ жизнью, исполненные неизреченнаго счастья отъ сознанія, что имъ удалось исполнить сыновній долгъ въ высшей степени его проявленія.

Въ похоронныхъ церемоніяхъ при погребеніи родителей, и преимущественно отца, обычай требуетъ отъ дѣтей публичнаго доказательства ихъ горести. Старшій сынъ, главный наслѣдникъ и глава семейства или, за неимѣніемъ его, его первенецъ или его пріемный сынъ, долженъ удержать, прикрѣпить одну изъ душъ усопшаго въ памятной табличкѣ, перечисляющей его добродѣтели, долженъ курить ладономъ передъ его тѣнью, облегчить ему дорогу, снабдивъ его въ изобиліи деньгами изъ бумаги и подобіями золотыхъ или серебряныхъ слитковъ, равно какъ одеждой, лошадьми, служителями, джонками, тоже изъ бумаги, изображеніемъ всего, чего только можетъ пожелать покойный на томъ свѣтѣ. Трауръ продолжается три года, двадцать семь мѣсяцевъ для оффиціальныхъ лицъ, и бываютъ случаи, что во все время этого длиннаго срока, обнимающаго значительную часть жизни, сыновья хранятъ у себя дома трупъ своего отца, присѣдая днемъ на скамейкѣ, а ночью ложась спать на камышевой циновкѣ подлѣ гроба. Въ продолженіе траурнаго періода китайцы должны воздерживаться отъ употребленія мяса и вина; вмѣстѣ съ тѣмъ обычай запрещаетъ имъ показываться въ какомъ бы то ни было общественномъ собраніи: оффиціальная жизнь, такъ сказать, пріостанавливается для нихъ. Если покойникъ не запасся заблаговременно гробомъ, который украшаетъ большую часть китайскихъ домовъ, то старшій сынъ долженъ купить гробъ какой богатый, какъ только позволяютъ его достатки, и указываютъ, какъ достойные всяческой похвалы и подражанія, примѣры добродѣтельныхъ молодыхъ людей, которые продавали себя въ рабство, чтобы только купить красивый гробъ своему родителю. Обычай требуетъ также, чтобы смертные останки усопшихъ переносились въ родной край, въ мѣста происхожденія: но такъ какъ затруднительно было бы предпринимать эти экспедиціи, иногда очень дальнія, по одиночкѣ, то почти всегда выжидаютъ, пока наберется достаточное число гробовъ, чтобы отправить большіе караваны. Вотъ почему, кромѣ кладбищъ и аллей постоянныхъ гробницъ, въ Китаѣ увидишь во многихъ мѣстахъ, преимущественно на высотахъ, временные некрополи, селенія мертвыхъ, заключающія только похоронныя урны или гробы, которые всѣ изящно украшены эмблематическими рисунками, представляющими цвѣты, птицъ, музыкальные инструменты [1]). Извѣстно, что китайцы, умирающіе на чужбинѣ, тоже завѣщаютъ перевезти ихъ кости въ отечество, и что для перевозки мертвыхъ тѣлъ зафрахтовываются особыя суда на средства обществъ взаимнаго вспомоществованія, къ которымъ принадлежали покойники. Спеціальный храмъ принимаетъ поминальныя таблички предковъ и таблички несчастныхъ умершихъ, не имѣвшихъ дѣтей, которыя могли бы воздать имъ послѣднія почести. Каждый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, посѣтители, одѣтые всѣ

[1]) Milne;—Doolittle;—Faivre;—„Lettres édifiantes“;—d'Escayrac de Lauture, etc.

въ бѣломъ,—цвѣтъ большаго траура,—приносятъ на могилки и въ поминальные храмы цвѣты, плоды и другія приношенія, на которыя тотчасъ же слетаются птицы, гнѣздящіяся на окружающихъ деревьяхъ. Въ этихъ священныхъ мѣстахъ, гдѣ иногда встрѣчаются тысячи людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества, нѣтъ различія ранговъ и званій: одинъ только возрастъ опредѣляетъ первенство. Простые крестьяне, поденщики по большей части хорошо знаютъ исторію своего семейства, изъ поколѣнія въ поколѣніе, за цѣлыя столѣтія назадъ, и могутъ не только сказать имена прапрадѣдовъ, но и перечислить всѣ дѣла, дающія имъ право на память ихъ потомства; обращая взоры въ прошлое, къ длинному ряду своихъ предковъ, они, такъ сказать, чувствуютъ себя мертвыхъ тѣлъ многіе иностранные путешественники пришли къ ошибочному заключенію и стали приписывать китайской націи якобы общераспространенный обычай дѣтоубійства, особенно убійства дѣвочекъ. Никогда общественное мнѣніе не разрѣшало этого преступленія, никогда правительство не одобряло и не поощряло его, какъ это часто утверждали. Въ полупатріархальномъ мірѣ Китая многочисленныя дѣти считаются, вмѣстѣ съ матеріальнымъ довольствомъ и долговѣчностью, такими вещами, которыя обезпечиваютъ отцу семейства «три блаженства» [1]); нельзя, однако, отрицать того факта, что выставленіе дѣтей передъ пріютами часто практикуется у бѣдныхъ китайцевъ нѣкоторыхъ провинцій; умерщвленіе дѣвочекъ—довольно обыкновенное явленіе въ провинціи

Китайскія дѣти.

...смертными [1]). Оттого-то несчастные, исключенные изъ семьи, тѣмъ самымъ поставлены почти внѣ общества. Главная причина презрѣнія, которое китайцы питаютъ къ духовенству, происходитъ оттого, что эти послѣдніе отрекались отъ узъ родства или были проданы въ раннемъ дѣтствѣ въ монастыри; презрѣніе это доходитъ до того, что они едва считаются за людей.

Въ Китаѣ не въ обычаѣ дѣлать длинныя погребальныя церемоніи для дѣтей, неженатыхъ взрослыхъ, незаконныхъ женъ или рабынь. Часто даже бѣдные родители пускаютъ трупы своихъ дѣтей по теченію рѣки, бросаютъ ихъ въ общія усыпальницы или костняки, или, наконецъ, просто выставляютъ передъ дверьми своихъ лачугъ, гдѣ ихъ подбираютъ могильщики. При видѣ этихъ покинутыхъ маленькихъ Фу-цзянь, преимущественно во многихъ изъ чрезмѣрно населенныхъ округовъ въ окрестностяхъ города Амоя; тамъ родители сами берутъ новорожденнаго младенца, чтобы умертвить его, погружая въ лоханъ съ холодной водой. Крайняя бѣдность—единственная причина этихъ убійствъ, на которыя мандарины смотрятъ сквозь пальцы или ограничиваются тѣмъ, что клеймятъ ихъ позоромъ въ прокламаціяхъ, которыхъ никто не читаетъ. Невозможность припасти приданое дочерямъ обрекаетъ ихъ на горькое существованіе, полное лишеній или безчестья, и родители даютъ имъ смерть, какъ единственное средство избавить ихъ отъ несчастій жизни, если они не успѣли продать ихъ въ качествѣ рабынь или будущихъ женъ какого-нибудь мальчика изъ околицы: въ этихъ случаяхъ продажная цѣна повышается,

[1]) Eugène Simon, „Récits d'un voyage en Chine".

[1]) Milne, „La vie réelle en Chine", trad. Tasset.

среднимъ числомъ, на десятокъ франковъ на каждый годъ возраста [1]). Мы знаемъ также, что миссіонеры, католическіе и протестантскіе, принимаютъ довольно большое число китайскихъ дѣтей въ видахъ увеличенія численности и важности своихъ конгрегацій или духовныхъ общинъ; но первая причина, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ существовать, и нищета все еще беретъ свои жертвы. Въ деревняхъ амойскаго округа случаи дѣтоубійства, какъ говорятъ, имѣютъ мѣсто въ половинѣ семействъ. Иностранцевъ, посѣщающихъ тотъ край, поражаетъ численное превосходство мужчинъ надъ женщинами, и туземцы не скрываютъ причины, которой должна быть приписана эта разница.

Если дѣтоубійство, строго порицаемое китайскими моралистами [2]), терпимо въ нѣкоторыхъ округахъ, то безусловное право отца продавать своихъ дѣтей въ рабство уже вполнѣ признается закономъ. Очень рѣдко, однако, случается, чтобы родители продавали своихъ сыновей; но весьма большое число дѣвушекъ обречены на рабство. Богатыя семейства владѣютъ иногда нѣсколькими десятками купленныхъ рабынь, и большинство китайскихъ хозяйствъ, живущихъ въ нѣкоторомъ довольствѣ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одну служанку, принадлежащую имъ на правахъ собственности. Контракты о продажѣ заключаются торжественнымъ образомъ и обыкновенно на улицѣ, «предъ лицомъ Неба». Впрочемъ, эта крѣпостная зависимость для женщинъ бываетъ лишь временная, такъ какъ владѣлецъ обязанъ найти своей рабынѣ мужа, и тогда она переходитъ подъ другіе законы. Рабы мужескаго пола также могутъ требовать, до тридцатилѣтняго возраста, чтобы господинъ женилъ ихъ, и сдѣлавшись главами семейства, они передаютъ крѣпостное состояніе только части своего потомства: дочери отпускаются на волю, тогда какъ для дѣтей мужескаго пола рабство продолжается до четвертаго поколѣнія. Тѣмъ не менѣе съ рабами почти всегда обращаются такъ же, какъ съ другой вольнонаемной прислугой, и иностранцы не дѣлаютъ никакого различія между ними и свободными людьми. Рабы имѣютъ право учиться въ школахъ, держать экзамены, поступать на государственную или общественную службу, и владѣлецъ долженъ тогда позволить имъ откупить на волю самихъ себя и все свое семейство. Что касается замужнихъ женщинъ, то мужья могутъ продавать ихъ только какъ женъ, но не какъ рабынь [3]).

Одинъ вещественный признакъ такъ же, какъ законы и обычай, свидѣтельствуетъ о подчиненномъ положеніи, въ которомъ держатся женщины въ Китаѣ: этотъ признакъ—уродованіе ногъ, которому должны подвергаться многіе милліоны дѣвушекъ, даже между тѣми, которыя предназначены къ трудовой жизни. Локгартъ указываетъ на 925 годъ какъ на эпоху, къ которой относится начало этого обычая [1]); но, вѣроятно, послѣдній распространялся очень медленно, такъ какъ Марко Поло и другіе средневѣковые путешественники не упоминаютъ о немъ; теперь онъ сдѣлался до такой степени господствующимъ, что въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая, исключая Пекина, почти всѣ женщины подвергаются уродованію, даже тѣ, которыя копаютъ землю заступомъ и носятъ тяжести. Напротивъ въ южномъ Китаѣ, въ Сычуанѣ и въ Маньчжуріи крестьянки совершенно освобождены отъ этого обычая, да и въ городахъ можно считать между женщинами около двухъ третей такихъ, которыя не уродуютъ себѣ ногъ; но кажется, что странная мода изъ году въ годъ увеличиваетъ число своихъ жертвъ. Однѣ только маньчжурскія дамы обязаны аристократству своей расы привилегіей, позволяющей имъ не сообразоваться съ нравами побѣжденной націи; однако, и онѣ подражаютъ ей, нося обувь, которая заставляетъ ихъ ходить на кончикѣ ноги, и которая бываетъ причиной многочисленныхъ несчастныхъ случаевъ и важныхъ болѣзней. Уродованіе женской ноги сдѣлалось для современныхъ намъ китайцевъ отличительнымъ признакомъ принадлежности къ «хорошему обществу», и ни одна молодая дѣвушка не можетъ надѣяться вступить въ эту высшую касту, если она не подвергалась пыткѣ, требуемой судьями женской красоты, чтобы превратить свою ногу въ «золотую лилію»; даже тѣ изъ родителей, которые охуждаютъ этотъ варварскій обычай, тѣмъ не менѣе подвергаютъ пыткѣ своихъ дочерей, дабы не обрекать ихъ почти непзбѣжно на безбрачіе. Обыкновенно на пятомъ, или шестомъ году дѣвочкамъ туго стягиваютъ повязками ступни ногъ, чтобы согнуть большіе пальцы, изогнуть въ видѣ дуги подъемъ ноги, задержать развитіе мускуловъ: нужно, чтобы башмакъ, расположенный такимъ образомъ, что этотъ обрубокъ ноги казался въ немъ еще меньше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, достигалъ только семи съ половиной сантиметровъ въ длину; самая голень участвуетъ въ атрофіи, искусственно вызываемой съ ранняго дѣтства, и образуетъ, вмѣстѣ съ ступней, прямую спицу безъ икры [3]); впрочемъ употребляютъ весьма различные способы въ разныхъ частяхъ имперіи [4]). Окончательно искалѣченная женщина «хорошаго общества» не въ состояніи болѣе поднимать тяжести, не можетъ даже заниматься какой бы то ни было трудовой рабо-

[1]) Doolittle, „Social life of the Chinese".
[2]) Amiot, „Mémoires concernant les Chinois".
[3]) Doolittle, цитированное сочиненіе.

[1]) „The Chinese and Japanese Repository", vol. I, march 1864.
[2]) Doolittle, цитированное сочиненіе.
[3]) Harmand, „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1863, tome VI.
[4]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".

той; правильная походка стала для нея невозможной; она принуждена подвигаться впередъ быстрыми и не твердыми шажками, шатаясь и помогая себѣ руками, какъ балансернымъ шестомъ: это поступь, которую поэты сравниваютъ съ колебаніями ивы, качаемой зефиромъ [1]). Понятно, какъ много эта искалѣченность увеличиваетъ зависимость женщины въ домашнемъ быту; впрочемъ изуродованныя деревенскія женщины работаютъ безъ замѣтной усталости на-ряду со своими мужьями [2]).

Въ самое послѣднее время среди китайскихъ женщинъ, подъ вліяніемъ миссіонерокъ, начинаютъ раздаваться протесты противъ этого варварскаго обычая. Въ странѣ образовалось нѣсколько обществъ, принявшихъ на себя задачу бороться съ нимъ. Особенно большое участіе въ этомъ проявляютъ протестантскія миссіонерки, пытавшіяся привлечь на свою сторону даже императрицу [3]).

Маньчжурка.

Отдаленныя преданія напоминаютъ о существованіи безбрачнаго и безсемейнаго состоянія въ древнемъ Китаѣ: «До временъ Фуси говорятъ старинныя книги, люди знали свою мать, но не вѣдали, кто былъ ихъ отецъ». Со временъ же основанія китайской семьи, законы и обычай съ точностью установляютъ безусловную подчиненность женщины, какъ дочери и какъ жены. Обязанная въ дѣвичествѣ обожать своихъ родителей, она должна, по вступленіи въ бракъ, обожать своего мужа. «Если я выйду замужъ за птицу, гласитъ народная пословица, я должна летать за ней; если выйду замужъ за собаку, должна слѣдовать за ней всюду, куда она побѣжитъ; если выйду за брошенный комокъ земли, я должна сидѣть подлѣ него и оберегать его» [4]). Всѣ свадебные обряды, всѣ символическіе акты помолвки и брака напоминаютъ женщинѣ, что покорность должна быть для нея первой и главной добродѣтелью. Каково бы ни было поведеніе мужа въ отношеніи ея, ей надлежитъ безропотно покоряться судьбѣ и молча повиноваться; она не можетъ прибѣгать ни къ защитѣ своихъ родителей, ни къ защитѣ судей или другихъ представителей власти, чтобы добиться справедливости; самое большое, что она можетъ сдѣлать,—это отправиться въ храмъ, чтобы повѣсить тамъ, головой внизъ, фигурку изъ бумаги, представляющую ея мужа, и помолиться «богинѣ Милосердія», прося ее перемѣнить сердце супруга, которое не на своемъ мѣстѣ [1]). Знаменитѣйшая изъ китайскихъ писательницъ, Бань-хой-бань, жившая въ первомъ столѣтіи христіанской эры, начертала обязанности женщинъ въ классическомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Семь статей». Она разсказываетъ намъ, что въ старину существовалъ обычай подносить отцу, при рожденіи дочери, кирпичи и черепицы, «кирпичи потому, что ихъ топчутъ ногами, а черепицы потому, что онѣ подвергаются всѣмъ бурямъ и непогодамъ». Жена должна быть ничѣмъ инымъ, какъ чистой тѣнью и простымъ отголоскомъ [2]). Когда мужъ выбираетъ себѣ, обыкновенно между своими рабынями, одну или нѣсколько добавочныхъ женъ, законная супруга обязана принять ихъ благосклонно и жить съ ними въ мирѣ и согласіи. Одинъ только мужъ вооруженъ правомъ разрыва брачнаго союза: не обращаясь къ суду, безъ всякаго бракоразводнаго процесса, онъ можетъ просто отослать отъ себя свою жену, даже въ томъ случаѣ, когда единственная вещь, въ которой онъ можетъ упрекнуть ее, есть ея болѣзненное состояніе или ея болтливость; но когда жена перестанетъ ему нравиться, онъ почти всегда предпочитаетъ избавиться отъ нея посредствомъ продажи, и въ этомъ случаѣ ему достаточно заключить съ покупателемъ домашній договоръ въ надлежащей формѣ, такъ какъ обществу нѣтъ дѣла вмѣшиваться въ эти частныя сдѣлки. Наконецъ, самоубійство вдовы, на могилѣ мужа еще не совсѣмъ исчезло изъ китайскихъ нравовъ; но нѣтъ примѣра, чтобы она избирала смерть на кострѣ, какъ это дѣлаютъ индусскія вдовы; китайскія жены соединяются съ своимъ супругомъ въ загробной жизни при посредствѣ опіума или какого-нибудь другаго яда, при посредствѣ голода, самоутопленія, но чаще всего при помощи веревки. Онѣ заранѣе объявляютъ о своемъ рѣшеніи, и тогда со всѣхъ сторонъ приходятъ родственни-

[1]) Milne, „La vie réelle en Chine“.
[2]) Huc, „Empire Chinois“.
[3]) „The China Herald“ 1897 г.
[4]) „Un Héritier dans la vieillesse“, trad. par. John Davis.

[1]) Mad. Gray, „Chinese Costums“.
[2]) Amyot, „Mémoires concernant les Chinois“.

ки, знакомые и любопытные, чтобы ободрять ихъ и восхвалять задуманный ими подвигъ [1]); даже когда онѣ не поддерживаются общественнымъ одобреніемъ, и тогда многія изъ нихъ добровольно обрекаютъ себя на смерть, или чтобы послѣдовать за мужемъ въ могилу, или чтобы остаться достойными его. Во время экспедиціи 1860 года, когда союзныя англо-французскія войска проникли въ Чжилійскую провинцію, тысячи женщинъ налагали на себя руки изъ боязни попасть во власть чужеземцевъ; онѣ ложились въ гробъ, чтобы ждать тамъ смерти, и дѣйствительно умирали [2]). Такимъ образомъ, женщина смотритъ на себя какъ на безличное существо, имѣющее существованіе лишь въ лицѣ супруга, и если она, тѣмъ не менѣе, пользуется нѣкоторой свободой, если мужъ рѣдко злоупотребляетъ своими правами неограниченнаго господина, то она обязана этимъ только общей кротости нравовъ. Въ честь дѣвъ и добродѣтельныхъ вдовъ китайцы, изъ своего рода національной любезности, воздвигаютъ наибольшее число тріумфальныхъ арокъ за воротами городовъ; взамѣнъ свободы, имъ жалуютъ монументы.

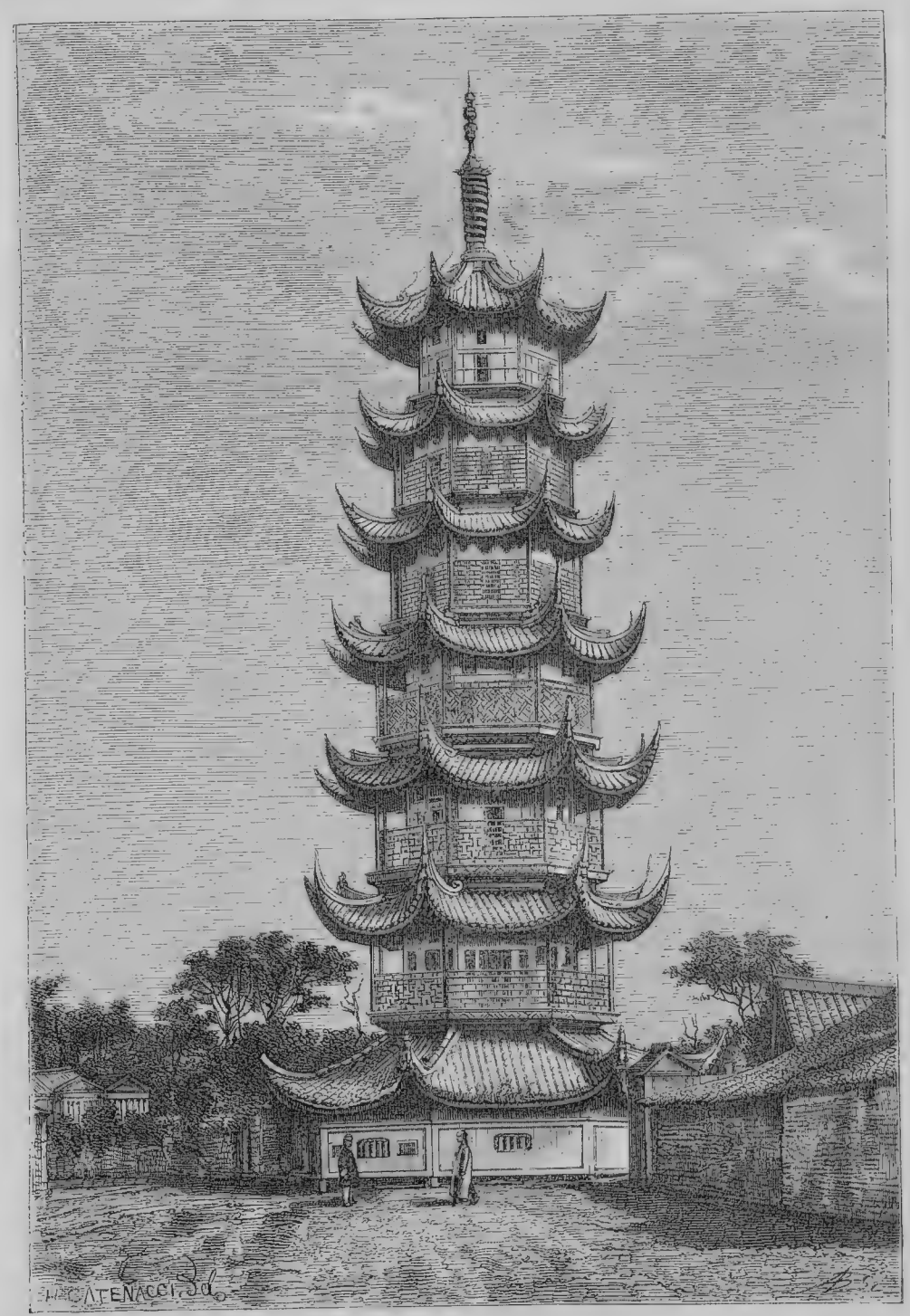
Въ образованномъ обществѣ Китая бракъ такъ же, какъ всѣ другіе акты жизни, обставленъ безчисленными церемоніями, символическій смыслъ которыхъ вообще остается непонятнымъ, но которыя тѣмъ не менѣе считаются необходимыми. «Само небо установило различіе церемоній», говоритъ Конфуцій, «и церемоніи составляютъ для насъ непреложные законы». Нужно замѣтить, однако, что «ли» или «церемоніалъ» китайцевъ обнимаетъ также нравы и все, что отличаетъ цивилизованнаго человѣка отъ варвара. Китаецъ, уважающій преданіе, имѣетъ передъ собой ясно и подробно начертанныя правила, какъ вести себя, что́ говорить и дѣлать въ каждомъ религіозномъ или гражданскомъ празднествѣ, въ каждомъ изъ своихъ визитовъ или пріемовъ: онъ твердо знаетъ число поклоновъ или колѣнопреклоненій, которое требуется въ данномъ случаѣ; онъ заранѣе измѣряетъ длину своихъ шаговъ, уголъ наклоненія своей головы, морганье глазъ, интонацію голоса, сладость улыбки. Конфуцій, который служитъ образцомъ для всей націи, не имѣлъ бо́льшаго развлеченія въ своей самой нѣжной юности, какъ привѣтствовать своихъ маленькихъ товарищей по всѣмъ правиламъ церемоніала, установленнаго для пріема самыхъ важныхъ особъ, приглашать ихъ садиться, почтительно уступая имъ первое мѣсто, падать ницъ вмѣстѣ съ ними и подражать обрядамъ, которые совершаются при жертвоприношеніяхъ въ честь предковъ [3]). Китаецъ имѣетъ право на титулъ «мудраго» лишь въ томъ случаѣ, если съ своими познаніями онъ соединяетъ точное знаніе всего церемоніала религіознаго и гражданскаго. «Всѣ добродѣтели имѣютъ свой источникъ въ этикетѣ», гласитъ изреченіе, приписываемое Конфуцію.

Какъ бы то ни было, несоблюденіе этикета составляетъ ту силу, которая даетъ необходимый толчекъ человѣческимъ обществамъ. Многочисленные перевороты, потрясавшіе китайское государство, доказываютъ, что подъ этимъ міромъ ученыхъ формалистовъ, полагающихъ свою радость въ повтореніи правилъ нравственности и въ рисованіи ихъ на стѣнахъ своихъ аппартаментовъ, волнуется толпа, которая занимается насущными потребностями, настоятельными интересами жизни, а не одними только исполненіемъ символическихъ церемоній. Борьба за существованіе, необходимость ежедневнаго труда не позволяютъ человѣку изъ народа искать, какъ этого требуетъ официальная мораль, санкціи всѣхъ своихъ поступковъ въ поведеніи трехъ императоровъ Яо, Шунь и Юй. Какъ говоритъ одна китайская пословица: «сынъ походитъ больше на свой вѣкъ, чѣмъ на отца и мать», а этотъ вѣкъ приноситъ постоянныя перемѣны, если не въ классическія правила морали, то, по крайней мѣрѣ, въ дѣйствительную жизнь націи. О Китаѣ говорили, что будто его «преждевременная зрѣлость истощила его силы», но это неправда; сила расы, которая бы опять поднималась болѣе сильной и болѣе молодой изъ несчастій, которыя, казалось, должны были окончательно раздавить ее. Однако отличительныя черты національнаго характера проявляются также и въ тѣхъ глубоко идущихъ преобразованіяхъ, которыя совершаются въ Китаѣ. Въ Европѣ преобладающее дѣйствіе исходитъ отъ индивидуумовъ, временно соединенныхъ между собой; въ Срединномъ царствѣ вліяніе «хуй», обществъ, сохраняющихся изъ поколѣнія въ поколѣніе, относительно, гораздо болѣе важно. Тогда какъ на Западѣ ассоціаціи, какъ онѣ ни многочисленны, обнимаютъ только незначительную часть населенія, на крайнемъ Востокѣ онѣ вовлекли почти всѣхъ людей въ свой кругъ дѣятельности. Въ китайскихъ городахъ не найдется, можетъ быть, ни одного жителя, богатаго или бѣднаго, именитаго гражданина или простаго работника, который бы не принадлежалъ къ какой-нибудь общественной группѣ, учрежденной публично, или дѣйствующей въ тайнѣ. Даже нищіе, «дѣти цвѣтовъ», какъ ихъ называютъ, и тѣ соединены въ ассоціаціи или артели, имѣющія свои уставы, свой спеціальный кодексъ, свои праздники и банкеты.

Гражданскія войны, опустошавшія нерѣдко всю центральную область «Цвѣтущаго царства», показали, какъ велико въ Китаѣ вліяніе тайныхъ обществъ; онѣ показали также, что произошли глубокія перемѣны у «дѣтей Хань», и

[1]) Doolittle, „Social life of the Chinese“.
[2]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine“.
[3]) Amiot, „Mémoires concernant les Chinois“.

что послѣднія не составляютъ, какъ это привыкли повторять въ Европѣ, неподвижной націи, окаменѣвшей въ обожаніи прошлаго; обычаи состоятъ въ томъ, чтобы обновлять людей». Тайпинги или тайпины представляли собою новую эволюцію въ національномъ развитіи, и



Пагода въ Шанхаѣ.

щераспространенное у насъ заблужденіе, смѣшивающее китайца и мандарина, было наглядно опровергнуто событіями, да при томъ и самъ Конфуцій сказалъ, что «Законъ великой науки состоитъ въ томъ, чтобы обновлять людей». Тайпинги или тайпины представляли собою новую эволюцію въ національномъ развитіи, и если они не были поддержаны до конца общественнымъ мнѣніемъ, то это, вѣроятно, потому, что они слишкомъ смѣло пустились въ новый путь религіозный и политическій; слишкомъ мало

заботясь о древней національной династіи Минов, они не искали въ предшествующей исторіи Китая опорной точки противъ маньчжурскихъ завоевателей [1]). Тайпинскій мятежъ, какъ извѣстно, вспыхнулъ въ 1848 году, въ эпоху великаго революціоннаго потрясенія западно-европейскихъ націй; въ началѣ это была простая ссора изъ-за разногласія по вопросамъ культа, возбужденная какимъ-то школьнымъ учителемъ, но вскорѣ затѣмъ волненіе приняло характеръ общей междусобной войны, въ которой религіозныя страсти, интересы и взаимная ненависть различныхъ классовъ общества, всѣ противоположные элементы націи вступили въ безпощадную борьбу. Изъ своего мѣста происхожденія, въ провинціи Гуанъ-си на Кантонской рѣкѣ, война постепенно распространилась въ разныя южныя области имперіи, гдѣ стоятъ лицомъ къ лицу хакки и пунти, затѣмъ она охватила земли по теченію Голубой рѣки, проникнувъ туда черезъ большія торговыя дороги, и разлилась на сѣверъ до самыхъ воротъ Тянь-цзиня. Съ 1851 года было основано государство «Великаго мира» (Тай-пинъ), а въ 1853 году Нанкинъ снова сдѣлался столицей имперіи, подъ именемъ Тянь-цзина или «Небесной резиденціи». Владѣя плодороднѣйшими странами «Срединнаго цвѣтка», всѣмъ нижнимъ теченіемъ Янъ-цзы-цзяна, даже городомъ Нинъ-бо и другими приморскими портами, раздѣливъ своими владѣніями на два удаленные одинъ отъ другаго пояса области, остававшіяся еще вѣрными маньчжурскому императору, тайпинское возстаніе имѣло всѣ шансы, если не восторжествовать, то, по крайней мѣрѣ, дать всей совокупности имперіи политическое положеніе, совершенно отличное отъ того, какое она имѣетъ въ наши дни, какъ вдругъ европейцы пришли помогать маньчжурской династіи, одновременно отрядами добровольцевъ и регулярными англо-французскими войсками. Хотя тайпинги, чаще называемые «длинноволосыми», примѣшивали къ своему культу христіанскія обрядности и писали свои прокламаціи и указы языкомъ, заимствованнымъ у христіанскихъ миссіонеровъ, хотя они помѣстили Библію въ число своихъ священныхъ книгъ и даже предлагали мѣсто въ своемъ правительствѣ христіанамъ иностранцамъ [2]); западные европейцы, имѣющіе пребываніе въ Китаѣ, отдали, однако, предпочтеніе интересамъ своей торговли передъ интересами своей религіи, и благодаря ихъ помощи, маньчжурскій богдыханъ могъ обратно завоевать отнятыя у него владѣнія. Въ 1862 году союзники помѣшали тайпингамъ занять Шанхэй и быстро вытѣснили ихъ со всѣхъ важныхъ стратегическихъ позицій; китайскимъ солдатамъ осталось только жечь города и убивать жителей, а потомъ гоняться за голодными инсургентами, которые сдѣлались разбойниками на большой дорогѣ, чтобы добывать себѣ пропитаніе, и, безъ всякой политической цѣли, грабили тамъ и сямъ деревни и мызы [1]).

Единство имперіи было возстановлено, но реставрація стараго порядка вещей есть лишь кажущаяся. Различныя общества, скрывающіяся въ глубинахъ націи, каковы сообщество «Ненуфара», лига «Чистаго чаю», союзъ «Трехъ драгоцѣнностей—неба, земли и человѣка» и множество другихъ ассоціацій съ новыми именами, изъ которыхъ одна была основана миссіонеромъ Гуцлафомъ [1]), и которыя поставили себѣ задачей политическое и соціальное обновленіе Китая, не переставали существовать и работать втихомолку. Нынѣшнее равновѣсіе Срединной имперіи представляется весьма неустойчивымъ. Древній аппаратъ законовъ, формулъ, оффиціальныхъ правилъ и обычаевъ все болѣе и болѣе приходитъ въ противорѣчіе съ новыми требованіями возрождающагося общества, и страна вступаетъ въ болѣе и болѣе частыя сношенія съ иностранцами, изъ которыхъ, хотя и отвергаемыя съ негодованіемъ, оказываютъ глубокое вліяніе и ускоряютъ паденіе старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ учрежденій.

Маленькія колоніи европейцевъ, основанныя на морскомъ прибрежьѣ и по берегамъ Голубой рѣки, кажутся маловажными, и дѣйствительно, если ихъ сравнивать съ несмѣтными массами «дѣтей Хань», онѣ представляютъ ничтожную горсть людей; но тѣмъ не менѣе съ появленіемъ ихъ въ имперіи начинается новый періодъ національной жизни китайцевъ. Отнынѣ Востокъ и Западъ соединены великими движеніями исторіи; въ географическомъ отношеніи Китай тоже все болѣе и болѣе приходитъ въ связь съ міромъ, уже хорошо извѣстнымъ Европы и южной Азіи. Европейскіе путешественники объѣздили Центральное царство во всѣхъ направленіяхъ; каждый годъ новые пути, пройденные туристами, прибавляются къ предъидущимъ, и кольца этой сѣти путей все болѣе и болѣе съуживаются. Теперь остается только приступить систематически къ подробному изслѣдованію страны.

---

[1]) Edkins, „Religion in China“.

[2]) Левъ Мечниковъ, журн. «Дѣло», августъ 1878 г.

[1]) Какъ лучшія изъ весьма немногихъ существующихъ на русскомъ языкѣ описаній Тайпингскаго возстанія можно указать на статью М. Венюкова „Возстаніе тайпинговъ“, изд. 1874 года, и болѣе краткое описаніе Д. Позднѣева „Тайпингское возстаніе въ Китаѣ“, помѣщенное въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1898 г. Прим. ред.

[2]) Callery et Ivan, „l'Insurrection en Chine;“—Edkins, „Religion in China“.

Бассейнъ рѣки Бай-хэ, провинція Чжи-ли.

Та часть Собственнаго Китая, гдѣ находится столица имперіи, образуетъ самую сѣверную изъ восемнадцати провинцій; она даже далеко лежитъ отъ истиннаго центра государства, то-есть пространства, заключеннаго между теченіями двухъ главныхъ рѣкъ страны, Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Въ эпохи продолжительнаго внутренняго мира естественно было основать средоточіе имперіи въ какомъ-либо центральномъ городѣ, каковъ, напримѣръ, Нанкинъ; но въ періоды иностранной войны сила сопротивленія, представляемая правительствомъ, его чиновниками и его арміями, должна была переноситься къ мѣсту наиболѣе угрожаемому внѣшнимъ врагомъ. Но мы знаемъ, что монголы и маньчжуры спускались къ Китаю черезъ мѣстности, орошаемыя рѣкой Бай-хэ, на берегахъ которой и происходили рѣшительныя битвы. Одержавъ побѣду, завоеватели охотно оставались въ этой области, сопредѣльной съ ихъ родиной, откуда имъ легко было получать подкрѣпленія, и куда они могли спастись въ случаѣ пораженія. Таковы причины, которыя, съ половины десятаго столѣтія нашей эры, исключая нѣсколькихъ перерывовъ, заставляли избирать Пекинъ для мѣстопребыванія императоровъ. При томъ же, этотъ городъ лежитъ уже не въ той же естественной области, въ которой и болѣе южные города; находясь въ странѣ равнинъ, къ юго-востоку отъ краевыхъ цѣпей, ограничивающихъ Монгольское плоскогорье, онъ не отдѣленъ отъ мѣстностей, орошаемыхъ Желтой рѣкой, никакимъ порогомъ изъ горъ или холмовъ; отъ Чжи-ли до провинцій Хэ-нань, Шань-су, Ань-хой, перемѣны климата, культуръ, населенія совершаются нечувствительными переходами. По многочисленности своихъ обитателей, провинція Чжи-ли, или «непосредственное сѣверное владѣніе, управляющая провинція», есть равнымъ образомъ, земля совершенно китайская; послѣдняя оффиціальная перепись, предшествовавшая вторженію тайпиновъ, перемѣнѣ теченія Желтой рѣки и большому голоду, насчитывала около тридцати семи милліоновъ жителей въ этой области; это отъ трехъ до четырехъ разъ больше того, сколько ихъ находится во Франціи на площади равнаго протяженія. Со включеніемъ территорій, присоединенныхъ отъ внутренней Монголіи, пространство Чжи-ли, по Матусовскому, въ 1879 г. опредѣлялось въ 5.438,28 квадратныхъ миль, населеніе, въ 1882 году, 17.937.000 душъ, такъ что среднимъ числомъ приходится 3.298 жителей на одну квадратную милю.

Омываемая на востокѣ моремъ, Чжилійская провинція довольно хорошо ограничена съ сѣверной и западной сторонъ крупными склонами горъ, составляющихъ отроги или предгорья массы монгольскихъ плоскихъ возвышенностей. Въ своей совокупности эти возвышенія почвы оріентированы по направленію отъ юго-запада къ сѣверу-востоку, параллельно хребту полуострова Ляо-дунъ и Шаньдунскимъ горнымъ цѣпямъ; вытекающія изъ нихъ рѣки слѣдуютъ сначала по возвышеннымъ долинамъ, затѣмъ, находя боковую разсѣлину или брешь, круто поворачиваютъ и черезъ этотъ проходъ вступаютъ въ равнину. Едва одна вершина достигаетъ высоты, превышающей 2.000 метровъ, въ частяхъ этихъ цѣпей, заключающихся между поперными долинами рѣкъ Бай-хэ и Янъ-хэ, которыя орошаютъ Пекинскую равнину; но къ югу отъ Янъ-хэ хребты опять поднимаются въ видѣ вершинъ до 2.500 и 2.400 метровъ высоты; а одна изъ цѣпей Сяо-у-тай-шань или «малая пятиглавая гора» достигаетъ даже, по Брейтшнейдеру, своими снѣговыми остроконечными верхушками высоты 3.600 метровъ надъ уровнемъ океана [1]).

Морской берегъ, который тянется на пространствѣ около 500 километровъ отъ устья маньчжурской рѣки, Ляо-хэ, до пекинской рѣки Бай-хэ, слѣдовалъ нѣкогда въ направленіи параллельномъ расположенію гористыхъ возвышеній страны, но рѣчные наносы постепенно измѣнили это первоначальное очертаніе. Такъ, рѣка Луань-хэ, которая принимаетъ въ себя всѣ ручьи и рѣчки, текущіе съ юго-востока изъ Монголіи черезъ Хара-хотонъ и Жэхолъ (Жэ-хэ), образовала въ открытомъ морѣ обширный полукругъ новыхъ аллювіальныхъ земель. При видѣ плоскихъ береговъ, которыми оканчивается на западѣ Чжилійскій заливъ, тоже не трудно признать, что наносы рѣкъ Бай-хэ и Сань-хэ или Бэй-танъ-хэ значительно выдвинули впередъ линію морскаго прибрежья въ это мелководное море и соединили съ берегомъ бывшіе острова, горки изъ лавы, поднятыя надъ поверхностью моря въ доисторическія времена [2]). Вся низменная равнина Чжилійской провинціи была нѣкогда морскимъ дномъ, которое прѣсноводные потоки, принося измельченные обломки съ прибрежныхъ горъ, постепенно, но еще не вполнѣ, засорили и превратили въ твердую землю. Озера и болота все еще занимаютъ часть страны, и тамъ и сямъ проточныя воды блуждаютъ по равнинѣ, не находя достаточнаго ската, чтобы изливаться въ заливъ. Часто случается нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, что равнины Тянь-цзиня и всего центральнаго Чжи-ли принимаютъ видъ сплошнаго озера; наводненіе иногда покрывало пространство около 15.000 квадратныхъ киломе-

[1]) По Веберу 9.500 ф.

[2]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, томъ IV, 1871 г.

тровъ слоемъ воды толщиною отъ полметра до полтора метра; одни только города и деревни, построенные на холмахъ и на возвышенныхъ земляхъ, выступаютъ, на подобіе острововъ, среди безпредѣльной поверхности потопа [1]). Во время разливовъ вода, которую приносятъ, выше Тянь-цзиня, всѣ рѣки, встрѣчающіяся въ этомъ мѣстѣ (верхній Бай-хэ, Янъ-хэ, Ху-то-хэ, Вэй-хэ), не находитъ достаточно быстраго стока черезъ нижнее теченіе Бай-хэ и разливается далеко по окружающимъ равнинамъ. Посѣвы на поляхъ уничтожаются, и жителямъ края предстоитъ неминуемый голодъ; судоходство сильно затрудняется; высокіе рѣчные берега, подмытые водами, обваливаются, русла мѣняютъ мѣсто, каналы превращаются въ блуждающіе потоки. Такъ, рѣка Вэй-хэ, составлявшая прежде сѣверную часть Большаго или Императорскаго канала, между Тянь-цзинемъ и Янъцзы-цзяномъ, недавно перестала быть судоходной. Почти всѣ селенія края, какъ это уже замѣтилъ одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, Эллисъ, носятъ названія, свидѣтельствующія о постоянномъ перемѣщеніи рѣкъ на равнинѣ.

Несчастные крестьяне этой части Чжилійской провинціи объясняютъ наводненія гнѣвомъ черно-зеленаго дракона, котораго нужно умилостивлять жертвоприношеніями, тогда какъ европейцы приписывали ихъ осѣданію почвы. Но эта гипотеза не опирается ни на какія точныя наблюденія, и большинство фактовъ оправдываютъ скорѣе противоположное предположеніе, именно существованіе мѣстнаго поднятія суши, которымъ китайскіе ученые и объясняютъ столь быстрые захваты, дѣлаемые берегами на водахъ Чжилійскаго залива [2]). Каковы бы ни были колебанія уровня почвы въ этой части Китая, непосредственныя причины періодическихъ наводненій въ нижней Чжи-ли совершенно очевидны. Здѣсь, какъ во многихъ странахъ Европы и Новаго Свѣта, склоны горъ, гдѣ ручьи и рѣки берутъ свое начало, были обезлѣсены; дожди, очень обильные лѣтомъ, не будучи болѣе задерживаемы корнями деревьевъ, быстро скатываются по почвѣ, увлекая верхній, растительный слой земли, и всѣ текущія ручьями воды, смѣшанныя съ иломъ, устремляются къ Тянь-цзиньской низменности, откуда онѣ не могутъ стечь такъ же скоро, какъ пришли. Кромѣ того, истребленіе лѣсовъ имѣло слѣдствіемъ увеличеніе силы вѣтровъ, называемыхъ хуа-фынъ, или «пыльными вихрями», которыхъ такъ боятся жители равнины по причинѣ вреда, который они наносятъ полямъ, и болѣзней, которыми часто сопровождается ихъ дуновеніе [3]).

[1]) Guy de Contenson, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, juillet 1864.

[2]) Wylie;—Howorth, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873;—Richthofen.

[3]) Lamprey, „Journal of the Geographical Society of London“, 1867.

Чтобы предупредить на будущее время общее ухудшеніе почвы и климата, необходимо было бы снова развести лѣса на скатахъ горъ и устроить запруды у воротъ рѣчныхъ тѣснинъ, для того, чтобы можно было утилизировать для правильнаго орошенія культурныхъ земель воды, которыя нынѣ только опустошаютъ почву; равнымъ образомъ было бы очень полезно перемѣстить сліяніе различныхъ рѣкъ, которыя теперь соединяются въ одной и той же впадинѣ. Гэппи [1]) даетъ слѣдующія цифры для области рѣки Бэй-хэ: Площадь рѣчнаго бассейна—142.400 кв. километр. Средній стокъ рѣки въ секунду—219 куб. метровъ. Объемъ годовыхъ наносовъ въ Чжилійскій заливъ 2.265.000 куб. метровъ.

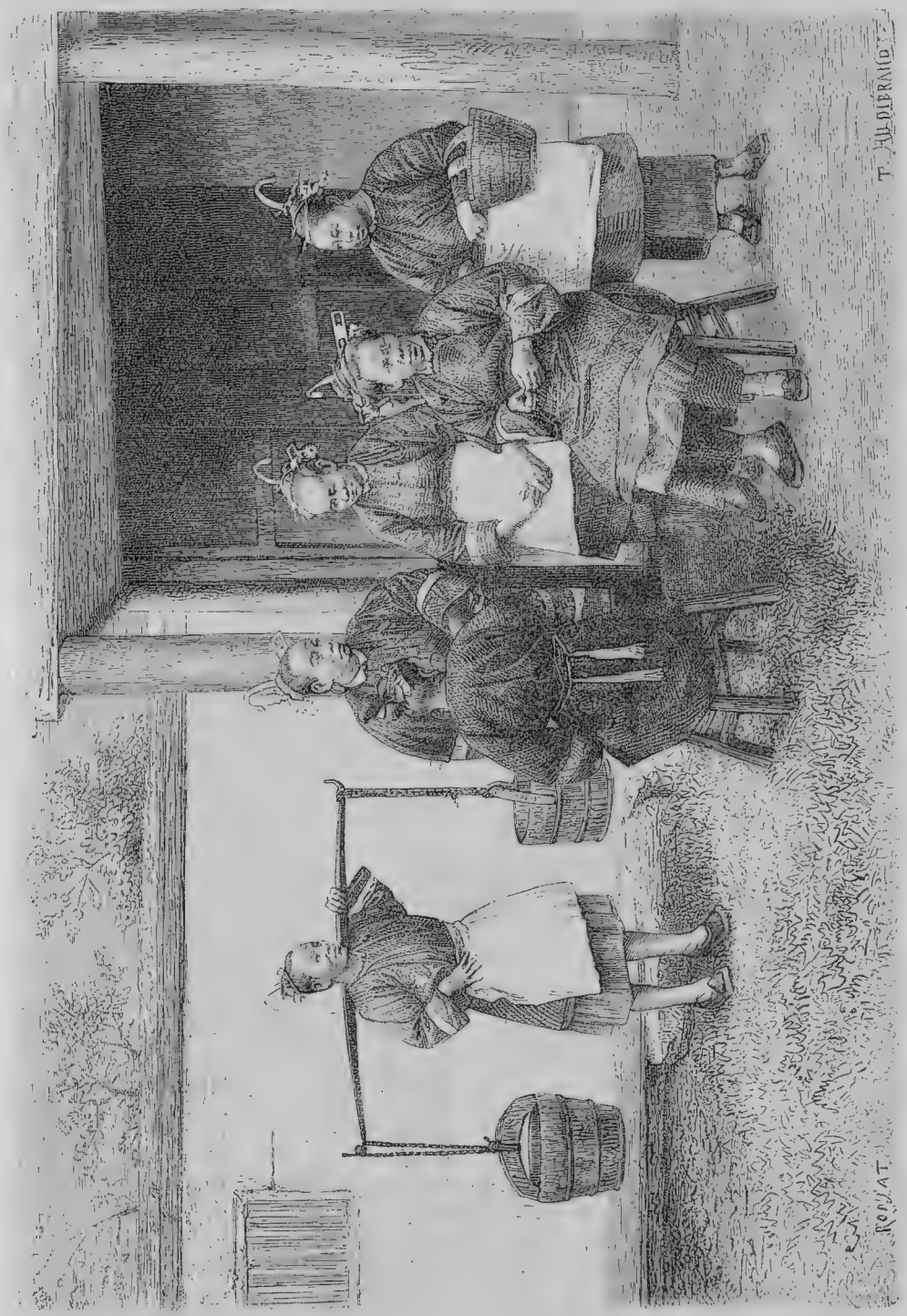
Бѣдствія, причиняемыя наводненіями, заставили выселиться часть жителей нижней Чжи-ли; эта область есть родина колонистовъ, которые сотнями тысячъ населяютъ въ наши дни внутреннюю Монголію и Маньчжурію. Нѣкоторые города страны тоже представляютъ уменьшеніе цифры населенія, въ томъ числѣ и Пекинъ, главный городъ имперіи.

Извѣстно, что имя Пекинъ, обыкновенно произносимое по южному Пэй-кинъ, а по сѣверному Бэй-цзинъ въ мандаринскомъ діалектѣ, буквально значитъ «Сѣверная столица» и дано въ противоположность городу Нанцзинъ или Нанкинъ, названіе котораго означаетъ «Южную столицу». Пекинъ былъ названъ такъ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія однимъ императоромъ изъ династіи Миновъ, но это имя, употребляемое всѣми европейцами, извѣстно въ самомъ Китаѣ только образованнымъ людямъ: простой народъ не знаетъ другого наименованія, кромѣ Цзинъ-чэнъ, то-есть «столичный городъ»; оффиціальный терминъ, имѣющій тотъ же смыслъ,—Цзинъ-ду, наконецъ, на китайскихъ картахъ городъ означается именемъ Шунь-тянь-фу. Впрочемъ, мало найдется городовъ, которые бы такъ часто мѣняли имя какъ столица Срединнаго царства. Когда Пекинъ въ первый разъ появляется въ имперіи, онъ назывался Цзи, впослѣдствіи онъ сдѣлался главнымъ городомъ княжества, подъ именемъ Янь, то-есть «ласточка», и писатели и теперь любятъ называть его этимъ именемъ. Между различными его наименованіями Европа познакомилась въ средніе вѣка съ тюркскимъ названіемъ Ханъ-балыкъ (Камбалюкъ) или «ханскій городъ», которое ему дали сѣверные завоеватели, и которое Марко Поло описалъ своимъ соотечественникамъ. Часто опустошаемый, Пекинъ долженъ былъ мѣнять мѣстоположеніе такъ же часто, какъ и самое имя, и въ окрестностяхъ столицы, особенно на сѣверной сто-

[1]) „Nature“, 23 sept. 1880.

ронѣ, до сихъ поръ видны во многихъ мѣстахъ остатки прежнихъ стѣнъ и башенъ [1]).

Пекинъ расположенъ, въ видѣ обширнаго прямоугольника, среди равнины, поднимающейся всего только на 37 метровъ надъ уровнемъ моря, въ небольшомъ разстояніи къ юго-востоку отъ высокихъ холмовъ, составляющихъ послѣдніе отроги горъ, которыя ограничиваютъ на югѣ плоскую возвышенность Монголіи. Два ручья перерѣзываютъ Пекинъ, но ни одна рѣка не проходитъ въ настоящее время возлѣ стѣнъ или черезъ самый городъ. Бай-хэ или Пэй-хо, водный путь, служащій для торговли и продовольствія столицы, извивается въ двадцати слишкомъ километрахъ къ востоку отъ городскихъ валовъ. На западѣ, Янъ-хэ, самая мно-



Китайцы провинціи Фу-цзянь.

[1]) Bretschneider, „Recherches archéologiques et historiques sur Pékin", trad. par V. Collin de Plancy.

говодная изъ этихъ двухъ рѣкъ, хотя менѣе предыдущей утилизируемая для судоходства, тоже проходитъ километрахъ въ пятнадцати отъ города. А между тѣмъ было время, когда она протекала недалеко отъ стѣнъ Пекина. Огромныя плотины возведены вдоль ея лѣваго берега для того, чтобы не позволять потоку направляться на Пекинскую равнину; при выходѣ изъ области холмовъ, на высокомъ берегу поставлено желѣзное изображеніе коровы, которой поручено, говоритъ мѣстная легенда, испускать громкое мычаніе, когда вода въ рѣкѣ начинаетъ подниматься тревожнымъ образомъ [1]). Императоры два раза приказывали прорывать отводный каналъ изъ Янъ-хэ выше уединеннаго холма Ши-цзинъ (Ши-цзинъ-шань), для того, чтобы наполнить водой пекинскіе каналы и поддерживать одинаковый уровень въ судоходныхъ каналахъ столицы; но оба раза принуждены были запереть это русло, черезъ которое выступившія изъ береговъ воды рѣки устремлялись на городъ: и теперь еще видны остатки исполинскихъ шлюзовъ, устроенныхъ нѣкогда при началѣ канала. Янъ-хэ очень часто перемѣнялъ ложе ниже холмовъ, и повсюду въ равнинѣ встрѣчаются мраморные мосты черезъ прежнія русла и рукава, нынѣ покинутые водами и наполняющіеся только въ сезонъ дождей

Площадь, занимаемая Пекиномъ, по исчисленію Вебера, равна 6.341 гектару, что составитъ около четырехъ пятыхъ Парижа, въ чертѣ ограды, образуемой его укрѣпленіями [2]).

Далеко не все это пространство застроено и заселено. Императорскій городъ или кварталъ и княжескія резиденціи заняты на большей части ихъ протяженія садами, кіосками, пустынными дворцами. Китайскій кварталъ наполненъ домами только на протяженіи около 1.600 метровъ въ ширину, отъ востока къ западу, а въ остальной части пространства, обнесеннаго стѣнами, разстилаются обширныя пустыни въ перемежку съ лужами, бывшими кладбищами и полями; здѣсь же находятся парки храмовъ Неба и Земледѣлія; наконецъ, значительная часть почвы занята древними зданіями, лежащими въ развалинахъ. Въ виду этого, кажется невѣроятнымъ, чтобы столица имѣла столь же многочисленное населеніе, какъ другіе большіе города Китая: она даже уступаетъ въ этомъ отношеніи одному городу своей собственной провинціи, Тянь-цзиню, рынку нижней Бай-хэ. Бретшнейдеръ не думаетъ, чтобы Пекинъ имѣлъ даже полмиліона жителей: далеко не равняясь съ Лондономъ по многолюдству, онъ представляетъ только около восьмой части англійской метрополіи. До сихъ поръ китайское правительство отказывалось опубликовать статистику городскаго населенія, для которой оно, однако, обладаетъ всѣми необходимыми элементами. Оно ведетъ точный счетъ смертности, такъ какъ всѣ умершіе хоронятся внѣ столицы, и списокъ погребальныхъ поѣздовъ составляется у каждыхъ городскихъ воротъ, подъ которыми они должны проходить.

«Сѣверная столица» состоитъ изъ двухъ рядомъ лежащихъ городовъ, которые отдѣлены одинъ отъ другаго высокой внутренней стѣной. Къ сѣверу отъ этой стѣны расположенъ въ видѣ правильнаго квадрата, «татарскій» или «маньчжурскій» городъ, называемый также «внутреннимъ» или Нэй-чэнъ; южный городъ, болѣе широкій отъ востока къ западу, но гораздо меньше предъидущаго по направленію отъ сѣвера къ югу, носитъ названіе «китайскаго, или внѣшняго» города или Вай-чэнъ; прежде это было простое предмѣстье, которое въ шестнадцатомъ столѣтіи опоясали валомъ. Городская стѣна, еще довольно хорошо сохранившаяся и имѣющая внушительные размѣры, представляетъ огромную земляную насыпь, одѣтую кирпичемъ и оканчивающуюся на высотѣ пятнадцати метровъ выложенной плитами платформой, такой же ширины, на которой свободно могутъ разъѣзжаться повозки; черезъ каждые двѣсти метровъ четыреугольныя башни, такой же высоты, какъ и стѣна, образуютъ выступы, вышиною около двадцати метровъ; кромѣ того, на всѣхъ четырехъ углахъ огромы высятся четырехъ-этажные бастіоны, пробранные бойницами, и надъ сводами каждыхъ воротъ возведены высокія постройки съ тройной кровлей, покрытой лакированными черепицами. Широкій ровъ, тамъ и сямъ усѣянный лужами или служащій канавой для сточныхъ водъ, отдѣляетъ стѣну отъ полей и внѣшнихъ садовъ такъ же, какъ отъ грязныхъ предмѣстій съ ихъ невзрачными домиками, обвѣшанными разнымъ тряпьемъ.

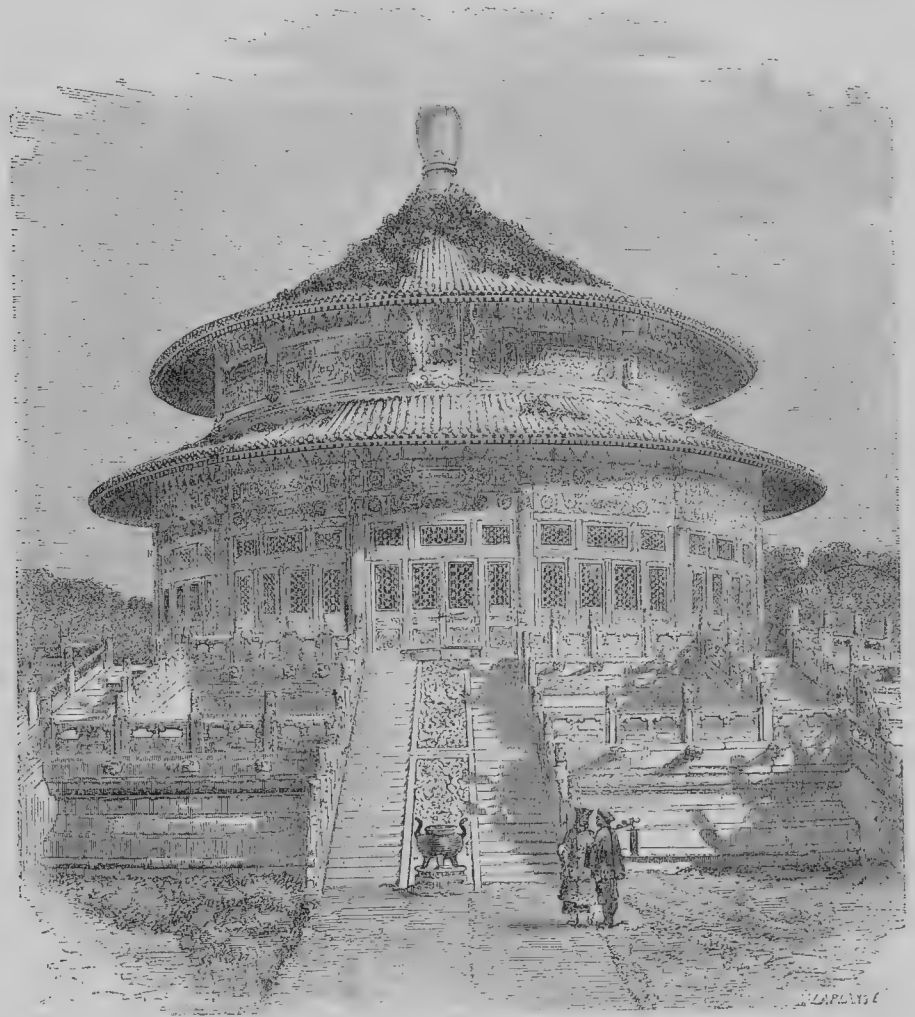
Китайскій городъ, если не самая многолюдная, то самая дѣятельная, по торговлѣ и промышленности, часть столицы; онъ походитъ скорѣе на большое ярмарочное становище, чѣмъ на городъ въ собственномъ смыслѣ слова. Площади его, неправильной формы, загромождены телѣгами и палатками; неровныя шоссе улицъ, гдѣ грохочутъ тряскія повозки, окаймлены по обѣ стороны впалыми дорогами, служащими вмѣсто тротуаровъ и превращающимися въ топкое болото послѣ дождей, въ груды пыли во время сухой погоды; народъ толпится передъ качающимися балаганами, украшенными флагами и значками, и слѣдующими одинъ за другимъ въ безпорядкѣ вдоль улицъ; бараки магазиновъ скрываютъ домики, гдѣ живутъ купцы, только тамъ и сямъ виднѣются деревья садовъ, расположенныхъ во внутренности островковъ. Нѣсколько водосточныхъ канавъ перерѣзываютъ этотъ кварталъ,

[1]) Bretschneider, „Die Pekinger Ebene“.

[2]) Матусовскій опредѣляетъ площадь въ 53 кв. версты. Примѣч. ред.

и вонючія воды ихъ употребляются на поливку улицъ. На одномъ изъ самыхъ людныхъ перекрестковъ, подлѣ «Моста слезъ», палачъ помѣщается передъ роковой скамьей, на которой его помощникамъ часто приходится растягивать жертвы; бамбуковыя клѣтки принимаютъ головы казненныхъ, и запекшаяся кровь обагряетъ землю.

Что касается «татарскаго» города, то онъ правильнѣе распланированъ, но по виду не должны быть оскверняемы никакой похоронной процессіей, по нимъ не можетъ быть проносимъ ни одинъ гробъ изъ китайскаго квартала. Прежде маньчжурамъ строго запрещено было имѣть постоянное мѣстожительство во внѣшнемъ городѣ или пускать къ себѣ въ домъ квартиранта, принадлежащаго къ покоренной расѣ; но уже давно эти запреты перестали исполняться: племена смѣшались, и хотя маньчжуры, болѣе или менѣе чистокровнаго происхожденія,



Пекинъ.—Храмъ Неба.

красивѣе китайскаго квартала, исключая мѣстъ вокругъ иностранныхъ посольствъ и вдоль тріумфальныхъ аллей или проспектовъ, гдѣ черезъ каналы построены мраморные мосты, украшенные фигурами символическихъ животныхъ. Еще недавно, потомки маньчжурскихъ завоевателей, считающіе себя принадлежащими къ высшей расѣ, обязаны были подавать хорошій примѣръ другимъ жителямъ Пекина. Такъ, въ татарскомъ городѣ не увидишь ни питейнаго дома, ни дома терпимости; улицы его не все еще составляютъ большинство населенія въ городѣ, носящемъ ихъ имя, но китайцы, въ собственномъ смыслѣ слова, водворились тамъ во множествѣ, и почти вся торговля находится въ ихъ рукахъ. Хой-хои или магометане, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ двухъ сопредѣльныхъ городахъ, занимаются преимущественно ремеслами; къ ихъ общинѣ принадлежатъ почти всѣ мастера металлическихъ издѣлій. Христіане изъ туземцевъ забрали въ свои руки монополію часоваго производства,

которому ихъ научили миссіонеры въ прошломъ столѣтіи.

Центръ татарскаго города образуетъ третій городъ—Хуанъ-чэнъ, тоже обведенный оградой, четверо воротъ которой открываются къ четыремъ главнымъ точкамъ горизонта. Въ немъ расположенъ Цзы-цзинь-чэнъ, священное мѣсто сѣверной столицы, заключающее въ своихъ стѣнахъ единственное зданіе Китая, обшитое снаружи желтымъ фарфоромъ—императорскій дворецъ, который самъ по себѣ составляетъ отдѣльный, четвертый городъ, недоступный подданнымъ богдыхана. Наибольшая часть этого квартала занята искусственнымъ озеромъ, рощами, садами съ тѣнистыми аллеями. Кромѣ того, тамъ есть два холма, изъ которыхъ самый высокій, господствующій надъ всѣмъ городомъ, называется Цзинъ-шань (столичная гора), но болѣе употребительное ея названіе—Мэй-шань или «Угольная гора»; по словамъ народной легенды, эта горка, образованная рукой человѣка, покоится на грудахъ угля, которыя были тутъ сложены на случай продолжительной осады. Съ высоты сѣверо-западныхъ холмовъ, откуда можно обозрѣвать разстилающуюся внизу Пекинскую равнину, столица кажется громаднымъ четыреугольнымъ садомъ, въ центрѣ котораго возвышается Угольная гора, съ ея аллеями и кіосками; низенькіе дома двухъ соединенныхъ городовъ представляются въ видѣ полосъ и пятенъ среди обширнаго пространства зелени.

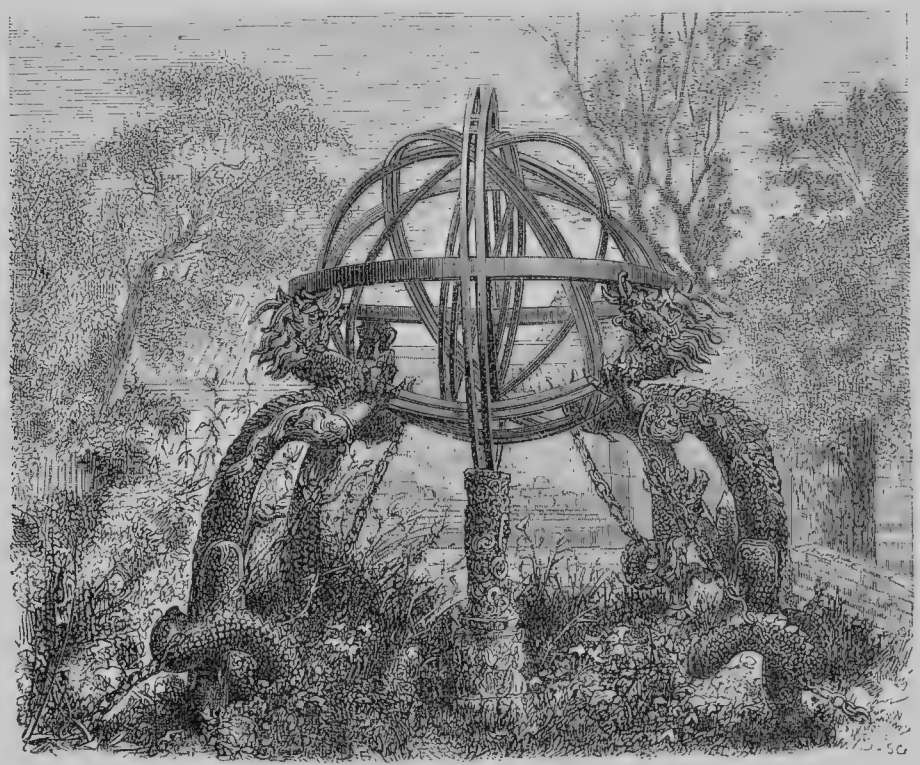
Два пекинскіе храма по протяженію почти соперничаютъ съ императорскимъ дворцомъ: это храмъ Неба и храмъ Земледѣлія, расположенные въ южной части китайскаго города и оба окруженные нѣсколькими рядами вѣковыхъ деревьевъ; внѣшнія ограды этихъ двухъ парковъ имѣютъ каждая по нѣскольку километровъ въ окружности. Храмъ Неба, съ двумя поднимающимся одна надъ другой крышами, стоитъ на террасѣ, на которую ведутъ мраморныя ступени, онъ построенъ въ формѣ широкой ротонды, украшенной лакированнымъ фаянсомъ и деревянной рѣзьбой, цвѣта которыхъ, голубой, ярко-красный, золотисто-желтый, составляютъ рѣзкій контрастъ съ зеленью фона. Храмъ Земледѣлія размѣрами меньше, но за то выше предъидущаго и оканчивается на верху тремя слѣдующими одна за другой крышами; корпусъ его окруженъ цѣлымъ лѣсомъ рѣзныхъ пилястровъ, украшающихъ балконы и лѣстницы. Въ сосѣдствѣ этого храма находится поле, куда императоръ и принцы торжественно приходили каждый годъ, въ эпоху начала весеннихъ полевыхъ работъ, пахать почву плугомъ, сдѣланнымъ изъ золота и слоновой кости, призывая благословеніе Неба и Земли на воздѣлываемыя нивы и предстоящій урожай; но со времени побѣдоноснаго вступленія европейцевъ въ столицу богдыхановъ эта церемонія вышла изъ употребленія [1]). Другія святилища, гдѣ совершаются торжественные обряды національной религіи, храмъ Земли, храмы Солнца и Луны, находятся внѣ татарскаго города, въ близкомъ разстояніи отъ его стѣнъ. Тоже близъ вала, но внутри города, въ сосѣдствѣ храма ученыхъ, стоитъ старая обсерваторія миссіонеровъ іезуитовъ, съ ея любопытными астрономическими инструментами, изъ бронзы, китайской конструкціи, которыхъ орнаменты, представляющіе символическихъ драконовъ, превосходно сохранились, благодаря сухому климату Пекина; эти инструменты составляютъ лучшую изъ извѣстныхъ намъ коллекцій китайскихъ бронзъ. Русская обсерваторія, построенная у сѣверо-восточнаго угла городской ограды, заключаетъ въ себѣ сокровища другаго рода, китайскую библіотеку, которая уже въ теченіе болѣе полустолѣтія постоянно увеличивается и обогащается новыми пріобрѣтеніями. Наконецъ лазаристская миссія обладала прекраснымъ музеемъ естественной исторіи, основаннымъ миссіонеромъ Арманомъ Давидомъ, но зданіе, гдѣ онъ помѣщался, нынѣ перешло къ китайцамъ вмѣстѣ со всѣми коллекціями музея. Книго-хранилище императорской академіи, нѣкогда довольно обширное и богатое, было большей частію разрознено, и теперь мы тщетно стали бы искать въ немъ нѣкоторыхъ сочиненій, экземпляры которыхъ имѣются даже у европейцевъ [2]). Въ царствованіе династіи Миновъ правительство содержало въ Пекинѣ спеціальныя школы, гдѣ обучали языкамъ сіамскому, германскому, персидскому, турецкому, тибетскому и двумъ нарѣчіямъ дикихъ народцевъ, живущихъ на юго-западной окраинѣ Китая. Со времени войны изъ-за опіума, министры богдыхана поняли, что есть на свѣтѣ другіе языки, знакомство съ которыми можетъ принести больше пользы, нежели знакомство съ діалектами Индо-Китая и центральной Азіи, и теперь молодые мандарины изучаютъ въ правительственной школѣ Тунъ-вэнь-гуань, учрежденной при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, языки: англійскій, французскій, нѣмецкій, русскій и маньчжурскій; курсы монгольскаго и турецкаго языковъ мало посѣщаются.

Какъ торговый центръ, Пекинъ въ наши дни не имѣетъ, можетъ быть, такого важнаго значенія, какое имѣлъ во время Марко Поло, когда, по словамъ знаменитаго венеціанца, «не было дня въ году, чтобы, по одному только привозу шелка, не вступало въ городъ тысячи возовъ, нагруженныхъ матеріаломъ, изъ котораго выдѣлываются многія златотканныя и шелковыя матеріи». Тѣмъ не менѣе и теперь движеніе повозокъ и товарныхъ обозовъ, кара-

[1]) I. de Rochechouart, „Pékin et l'interieur de la Chine".

[2]) W. Martin, „The Chinese, their Education, Philosophy and Letters".

вановъ лошадей и муловъ, пѣшеходовъ громадно на дорогѣ, связывающей Пекинъ съ его пристанью Тунъ-чжоу на рѣкѣ Бай-хэ. Кромѣ того, столица соединена съ той же пристанью судоходнымъ каналомъ, длиною около двадцати пяти километровъ, по которому поднимаются барки, нагруженныя виномъ, опіумомъ и другими продуктами; но это судоходство очень затруднительно, такъ какъ каналъ имѣетъ не менѣе пяти ступеней или уступовъ, при каждомъ изъ которыхъ нужно перегружать товары: одинъ изъ этихъ пороговъ находится у такъ-называемаго четырехверстнаго моста, Па-ли-цяо («мостъ въ восемь ли»), прославленнаго побѣдой, которую союзныя правильно организованныя англо-французскія войска одержали надъ китайской арміей въ 1860 году. Обыкновенно, пристань Тунъ-чжоу бываетъ сплошь наполнена барками, по которымъ можно, переходя съ борта на бортъ, переправиться съ одного на другой берегъ рѣки, и отъ этого подвижнаго моста вплоть до самаго Тянь-цзиня суда часто образуютъ непрерывную вереницу. Но съ начала декабря до начала марта, въ продолженіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ, навигація прекращается, по причинѣ замерзанія рѣки, и въ это время торговое сообщеніе Пекина съ Тянь-цзинемъ должно производиться по сухопутнымъ дорогамъ. Дороги эти очень плохи. Столица имѣетъ лишь небольшое число мощеныхъ дорогъ, расходящихся, въ видѣ радіусовъ, вокругъ ея стѣнъ. Единственное шоссе, которое было устроено въ новѣйшее время, направляется къ лѣтнему дворцу; другое, проведенное въ юго-западномъ направленіи, оканчивается у знаменитаго моста Лю-гоу-цяо, перекинутаго черезъ рѣку Янъ-хэ, но это не тотъ мостъ, который видѣлъ Марко Поло, и о которомъ онъ говоритъ какъ о великолѣпномъ сооруженіи съ двадцатью четырьмя аркадами: этотъ мостъ обрушился въ восемнадцатомъ столѣтіи, и нынѣшній памятникъ, колоссальная «китайская работа», украшенная двумя слонами и двумя стами восемьюдесятью львами изъ мрамора, былъ воздвигнутъ при императорѣ Канъ-си. Почти всѣ другія



Пекинъ.—Небесная сфера въ старой обсерваторіи.

дорожныя сооруженія въ окрестностяхъ Пекина обязаны своимъ происхожденіемъ династіи Миновъ.

*Въ настоящее время Пекинъ уже соединенъ желѣзною дорогой съ Тянь-цзинемъ, принадлежащей правительству. Дорога эта, начатая постройкой въ концѣ 80-хъ годовъ, окончена до Пекинской станціи Ма-цзя-поу только въ маѣ мѣсяцѣ 1897 года. Начинаясь отъ мѣстечка Дунъ-гу при устьи р. Бай-хэ, она черезъ Тянь-цзинь доходитъ до столицы, предварительно отдѣливъ отъ себя вѣтвь къ каменноугольнымъ копямъ Кай-пинъ и далѣе черезъ Шань-

---

*) Prospero Intorectta, „Missone Cinese“; —Bretschneider, „Die Pekinger Ebene“.

хай-гуань на сѣверъ въ Маньчжурію. Вѣтка эта въ настоящее время почти готова до Цзинь-чжоу-фу, и китайское правительство питаетъ надежды соединить ее въ Ню-чжуанѣ съ линіей Китайской Восточной дороги, идущей отъ Портъ-Артура къ Хайлару. Такъ какъ Пекино-Тянь-цзинская желѣзная дорога не доходитъ до столицы нѣсколько верстъ, то для удобства сообщенія отъ Пекина до Ма-цзя-поу проведена въ зиму 1897 года линія электрическаго трамвая. Въ самое послѣднее время явилось предположеніе построить желѣзнодорожную вѣтвь отъ Пекина прямо на Шань-хай-гуань, и объ этомъ уже идутъ переговоры. Кромѣ этихъ линій Пекинъ является конечной станціей желѣзной дороги на Хань-коу, которая строится и уже доведена до Бао-динъ-фу. Отъ города Чжэнъ-дина, лежащаго на той же линіи, пойдетъ желѣзная дорога на городъ Тай-юань-фу, главный городъ провинціи Шань-си. Вмѣстѣ съ этимъ отъ Пекино-Ханькоуской дороги между столицею и Бао-динъ-фу будетъ отдѣлятся вѣтвь желѣзной дороги на городъ Цзинань-фу въ Шань-дунѣ, отсюда до И-чжоу и на берегъ моря къ Цзяо-чжоу. При выполненіи всѣхъ этихъ проектовъ, а часть ихъ уже исполнена, столица Срединнаго царства будетъ соединена со своими южными провинціями и съ Маньчжуріей, а черезъ послѣднюю и съ Россіей, отъ которой она всегда можетъ получить безкорыстную и вѣрную помощь.*

Главную промышленность окрестностей столицы и подгородныхъ селеній составляетъ огородничество и садоводство. На юго-западѣ отъ города, восемнадцать деревень, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Фэнъ-хай, населены огородниками, которые снабжаютъ Пекинъ овощами, плодами и цвѣтами; картофель и сладкія пататы введены здѣсь съ начала текущаго столѣтія; виноградники даютъ великолѣпный виноградъ. Въ оранжереяхъ, запираемыхъ не стеклянными рамами, а обоями изъ корейской бумаги, приготовляемой изъ растенія Broussonetia papyrifera, садовники содержатъ съ полнымъ успѣхомъ растенія южной полосы Китая; они умѣютъ также съ изумительнымъ искусствомъ производить растительныя рѣдкости и курьезы. Другая промышленность въ окрестностяхъ Пекина, промышленность, которая, вѣроятно, получитъ въ близкомъ будущемъ наибольшую важность, — это эксплоатація мѣсторожденій антрацита: общая мощность открытыхъ тамъ угленосныхъ пластовъ исчисляется Рихтгофеномъ слишкомъ въ двѣ тысячи метровъ. Наиболѣе дѣятельно разрабатываемыя каменноугольныя копи находятся въ долинѣ рѣки Цинъ-шуй или «Чистой воды», вытекающей изъ враговъ горъ Бо-хуа-шань, на западѣ отъ столицы. Уголь съ этихъ копей доставляется въ Пекинъ самымъ первобытнымъ способомъ, именно, на мулахъ, караваны которыхъ, съ ихъ погонщиками принуждены пробираться по труднымъ горнымъ тропинкамъ, пролегающимъ черезъ ущелья, и по крутизнамъ скатовъ; впрочемъ, нѣкоторыя залежи минеральнаго топлива находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ столицы; католическіе миссіонеры владѣютъ однимъ мѣсторожденіемъ угля, близъ праваго берега р. Янъ-хэ. Когда англичане сдѣлали китайскому правительству предложеніе построить рельсовый путь изъ Пекина къ самымъ производительнымъ копямъ, именно Чайтанскимъ, то получили обычный отвѣтъ: «перевозка на мулахъ была достаточна до сихъ поръ, будетъ достаточна и впредь!» Со временъ путешествія Марко Поло не надумались даже устроить хорошую грунтовую дорогу, и Пекинъ находитъ еще болѣе выгоднымъ пріобрѣтать нѣкоторое количество англійскаго угля и даже ввозить дрова изъ Калифорніи черезъ шанхайскій портъ [1]); а между тѣмъ минеральное топливо изъ его собственныхъ копей довольно хорошаго качества [2]). На юго-западѣ отъ Пекина существуютъ также большія мраморныя каменоломни и рудники магнитнаго желѣзняка.

Между парками въ окрестностяхъ Пекина самый обширный тотъ, который носитъ названіе Нань-хай-цзы или «лѣсъ южныхъ морей»; онъ расположенъ, на югъ отъ города, отъ котораго онъ отдѣленъ равниной, частію болотистой, пространство почти въ три раза болѣе значительное, чѣмъ вся площадь Пекина, именно отъ 190 до 200 квадр. километровъ; его внѣшняя стѣна, которая соединяется съ валами новѣйшей постройки, защищающими подступы къ столицѣ [3]), имѣетъ 65 километровъ въ окружности; деревни, поля, военныя поселенія разсѣяны на полянахъ среди обширнаго лѣса. Европейцамъ не дозволяется проникать въ этотъ паркъ, и тѣ, которымъ удалось побывать тамъ, пробирались переодѣтые китайцами. Между стадами оленей, населяющими этотъ огромный садъ, натуралистъ Арманъ Давидъ открылъ одинъ замѣчательный видъ, неизвѣстнаго происхожденія (elaphurus davidianus), нѣсколько представителей котораго находятся теперь въ Европѣ. Въ сосѣднихъ горахъ нашли также одну очень интересную обезьяну, macacus tcheliensis, животное этого рода, которое обитаетъ на азіатскомъ континентѣ въ наибольшемъ разстояніи отъ экватора [4]).

Самый знаменитый изъ пекинскихъ парковъ не этотъ обширный «лѣсъ южныхъ морей», а Юань-минь-юань или «великолѣпный садъ», болѣе извѣстный у европейцевъ подъ именемъ

---

[1]) Gill, „The River of the Golden Sand".

[2]) F. von Richthofen, „Letter on the Provinces of Chili, Shansi, Schensi, Sz'chwan"; — Bretschneider, „Die Pekinger Ebene".

[3]) Williamson, „Journeys in North China", etc.

[4]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage d'exploration dans l'Empire Chinois".

«парка Лѣтняго дворца». Извѣстно, что эта резиденція была разграблена европейскими солдатами, которые передъ тѣмъ разсѣяли китайскую армію при На-ли-цяо. Тѣ изъ нихъ, которые проникли первыми во дворецъ, могли подумать, что очутились въ музеѣ: разнообразные предметы, драгоцѣнные по матеріалу или позолотѣ, сдѣланные изъ нефрита, изъ золота, изъ серебра, изъ китайскаго лака, были разставлены на этажеркахъ, какъ публичныя коллекціи на западѣ. Большое число этихъ достопримѣчательностей, поломанныя, розданныя кому попало, переплавленныя въ слитки, были безвозвратно потеряны, тогда какъ многіе отборные предметы послужили къ устройству новыхъ музеевъ въ Европѣ. Что касается слитковъ золота и серебра, то они были раздѣлены между солдатами союзнаго войска, пропорціонально чину; но кажется, что главное сокровище было спрятано [1]). Съ того времени, какъ дворецъ и окружающія его зданія были преданы разграбленію и пламени, большая часть этихъ строеній остаются до сего дня въ состояніи развалинъ; только одинъ изъ дворцевъ былъ вновь отстроенъ для императрицы-матери. Нѣкоторыя постройки избѣгли катастрофы. Прелестные павильоны въ итальянскомъ стилѣ, построенные въ половинѣ прошлаго столѣтія по плану и подъ руководствомъ католическихъ миссіонеровъ, видны и теперь еще въ восточномъ паркѣ. Драгоцѣннѣйшіе памятники китайской архитектуры, воздвигнутые императоромъ Цянь-луномъ въ паркѣ Вань-шу-шань, кіоски, многоэтажныя пагоды, храмы, мосты, тріумфальныя арки тоже совершенно сохранились, и вычурныя изваянія изъ бѣлаго мрамора по-прежнему блестятъ сквозь темнозеленую листву вѣковыхъ сосенъ. Образцовымъ произведеніемъ въ этомъ обширномъ архитектурномъ музеѣ можно считать храмъ въ 8 метровъ высоты, около 19 метровъ въ окружности, весь изъ бронзы. Но самое прекрасное, что заключаетъ въ себѣ область дворца,—это уединенный лѣсъ, покрывающій скаты Сянь-шаня, горы въ 300 метровъ высоты, откуда можно обозрѣвать разстилающуюся подъ ногами живописную панораму: обширное озеро, окруженное садами, храмы и пагоды, выложенные эмальированнымъ фарфоромъ, мосты, отражающіеся въ поверхности водъ, и вдали на горизонтѣ громадный четыреугольникъ стѣнъ Пекина, на половину скрытый за дымомъ.

У сѣвернаго основанія массива холмовъ, къ которому прислонены лѣтніе дворцы, бьютъ изъ земли сѣрнистые ключи, съ давнихъ поръ посѣщаемые китайцами, а теперь утилизируемые также и европейскими больными. Эти минеральныя воды находятся на дорогѣ къ знаменитому святилищу на горѣ Мяо-фынъ-шань, куда богатые пилигримы, не будучи въ состояніи взбираться по крутымъ тропинкамъ, велятъ нести себя въ паланкинахъ.—Близъ вершины горы, на одномъ изъ склоновъ которой пріютился монастырь, монахи показываютъ стѣну, съ высоты которой, по ихъ словамъ, бросаются молодые люди, изъ сыновней любви, въ надеждѣ, что ихъ смерть обезпечитъ долгую жизнь ихъ родителямъ. Большая часть буддійскихъ монастырей, разсѣянныхъ въ Пекинской равнинѣ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ монастыри въ наиболѣе католическихъ провинціяхъ Италіи или Испаніи, пришли въ запустѣніе и обратились въ развалины; ихъ бронзовыя или глиняныя статуи выставлены безъ всякаго прикрытія разрушительному дѣйствію дождя и солнца. Дикая растительность начинаетъ овладѣвать этими обрушивающимися зданіями, но священныя деревья, сосны, индѣйскіе каштаны, софоры все еще растутъ въ предверіяхъ и во дворахъ храмовъ, опутывая изваянія своими вѣтвями и цвѣтками. Лѣтомъ большое число европейцевъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ Пекинѣ, покидаютъ пыльный городъ и переселяются на дачу въ какой-нибудь старый монастырь, въ одну изъ прохладныхъ долинъ въ окрестностяхъ столицы. Самая обширная и самая знаменитая кумирня въ сосѣдствѣ Пекина—Хуанъ-сы или «Желтый монастырь», на сѣверѣ отъ города; одинъ «живой будда» утвердилъ тамъ свою резиденцію. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ столицы, на дорогѣ, ведущей къ Лѣтнему дворцу, стоитъ храмъ «Большаго колокола», гдѣ въ самомъ дѣлѣ повѣшенъ на изображеніи дракона одинъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ колоколовъ, колоссальный бронзовый конусъ около 8 метровъ (болѣе 11 аршинъ) вышиною, вѣсящій 54.000 килограммъ (около 3.300 пудовъ), и на поверхности котораго изображена, въ 35.000 буквахъ, чрезвычайно искусно и отчетливо вырѣзанныхъ, вся книга буддійскаго богослуженія [1]). Другой буддійскій монастырь, одинъ изъ важнѣйшихъ во всемъ Китаѣ, расположенъ на холмѣ, къ западу отъ столицы и отъ рѣки Хунь-хэ [2]): это Цзѣдай-сы (Tsietaisze), господствующій надъ панорамой не менѣе великолѣпной, чѣмъ видъ, открывающійся съ холмовъ противоположнаго берега, тоже усѣяннаго кіосками и монастырями; Цзѣдай-сы былъ любимымъ убѣжищемъ императора Цянь-луна, и стихотворенія, которыя онъ здѣсь написалъ, выгравированы въ садахъ на мраморныхъ плитахъ. Въ Китаѣ не много найдется мѣстностей болѣе живописныхъ, чѣмъ эта очаровательная холмистая страна, окруженная амфитеатромъ горъ Да-ханъ-линъ, гребень которыхъ, усаженный башнями и бастіонами Великой стѣны, развертывается на сѣверѣ и на западѣ Пекинской равнины. Рѣки, ручьи и не-

[1]) Pallu, „Rélation de l'Expédition de Chine en 1860“.

[1]) I. de Rochechouart, цитированное сочиненіе; — Achille Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie“.

[2]) Такъ называется нижнее теченіе р. Янъ-хэ.

высокіе хребты и перевалы раздѣляютъ эту область холмовъ на нѣсколько отдѣльныхъ массивовъ, изъ которыхъ самые замѣчательные: Та-эръ-динъ-шань (Tarhinchan), непосредственно на западѣ отъ Лѣтняго дворца; Цинъшуй-цзянь, съ причудливо изрѣзанными стѣнами; Бо-хуа-шань или «Гора ста цвѣтковъ», которая возвышается слишкомъ на 2.250 метровъ, къ югу отъ долины рѣки Цзинъ-шуй, въ области, усѣянной маленькими деревнями, гдѣ живутъ китайцы-католики.

Окрестности столицы усѣяны мраморными надгробными памятниками, которые, по большей части, суть фамильныя гробницы, осѣненныя группами сосенъ и можжевельника: почти всѣ эти памятники имѣютъ форму исполинскихъ черепахъ, несущихъ на верхнемъ черепѣ табличку, покрытую надписями. Кладбища княжескихъ родовъ украшены при входѣ колоссальными изображеніями львовъ, сдѣланными изъ бронзы или изъ мрамора; тамъ и сямъ погребальныя аллеи охраняются этими гигантскими статуями животныхъ. Европейцы посѣщаютъ преимущественно, на западѣ отъ города, кладбище, называемое «португальскимъ», и кладбище «французское», гдѣ покоится прахъ Риччи, Вербиста, Уміота, Гобиля, Жербильона и другихъ знаменитыхъ миссіонеровъ, которые такъ много способствовали своими трудами и изслѣдованіями ознакомленію Европы съ географіей Китая и съ нравами его жителей. Въ теченіе тридцати лѣтъ, пока продолжалось изгнаніе католическихъ священниковъ, до взятія Пекина союзными англо-французскими войсками, русское посольство приняло на себя заботу о содержаніи этихъ двухъ кладбищъ, равно какъ богатой библіотеки іезуитовъ, возвращенный теперь французскимъ миссіонерамъ.

«Гробницы Минской династіи» или Шп-саньлинъ, то-есть «Тринадцать могилъ», находятся километрахъ въ сорока отъ Пекина, въ уединенномъ цпркѣ горъ Тянь-шу, куда проникаешь черезъ ущелье, оканчивающееся великолѣпнымъ мраморнымъ порталомъ. Самая замѣчательная изъ этихъ могилъ, могила императора Юнъ-ло, окруженная, какъ и всѣ другія, соснами и дубами, находится на оконечности большой аллеи, обставленной по бокамъ мраморными статуями, представляющими двѣнадцать мужей, государственныхъ сановниковъ, жрецовъ или воиновъ, и двѣнадцать паръ животныхъ, слоновъ, верблюдовъ, львовъ, лошадей, баснословныхъ единороговъ, и миѳическаго «ци-лина»; одни колѣнопреклоненные, другіе въ стоячемъ положеніи. Всѣ эти животныя высѣчены изъ одной цѣльной глыбы камня; нѣкоторыя изъ нихъ превышаютъ четыре метра въ вышину; но, разсѣянныя на слишкомъ обширномъ протяженіи, безъ соблюденія правилъ перспективы, безъ всякаго старанія произвести какой-нибудь ансамбль, эти громадныя изваянія кажутся странными фигурами, гротесками [1]). Подлѣ гробницы стоитъ храмъ жертвоприношеній, опирающійся на шестидесяти столбахъ изъ лавра панму (а не изъ тековаго дерева, какъ вообще утверждали до сихъ поръ), изъ которыхъ каждый имѣетъ 13 метровъ въ вышину и 3 метра въ окружности. Тѣло богдыхана было погребено въ глубинѣ длинной галереи, подъ высокой естественной пирамидой горы [2]).

Другіе императорскіе некрополи разсѣяны въ Чжилійской равнинѣ. Гробницы династіи Цзинь, безобразныя развалины, относящіяся къ двѣнадцатому и тринадцатому столѣтіямъ, видны близъ города Фанъ-шань, на юго-западъ отъ Пекина. Что касается надгробныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ на могилахъ Кан-си, Цянь-луна и четырехъ другихъ императоровъ изъ династіи Циновъ, то до сихъ поръ ни одинъ европеецъ не былъ допущенъ ихъ видѣть: они скрыты въ большомъ паркѣ, расположенномъ къ юго-западу отъ Пекина, близъ города И-чжоу [3]). Это такъ-называемыя Си-линъ или «Западныя гробницы». Дунъ-линъ или «Восточныя гробницы» находятся въ 130 километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Пекина. Временныя строенія, возводимыя въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хранятъ тѣла усопшихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ ожиданіи, пока будетъ сооруженъ окончательный памятникъ. Для перевозки самыхъ тяжелыхъ глыбъ мрамора, предназначаемыхъ для ваянія колоссальныхъ фигуръ, устраиваютъ временныя дороги и употребляютъ длинныя ломовыя дроги, запрягаемыя шестью стами муловъ [4]).

Тянь-цзинь или «Небесный бродъ», на рѣкѣ Бай-хэ, служитъ пристанью для всей Чжилійской провинціи и въ то же время для Монголіи и отчасти даже для русскаго Прибайкальскаго края. Этотъ городъ пользуется рѣдкими выгодами для торговли. Онъ лежитъ въ чрезвычайно плодородной области, среди безконечной равнины, покрытой хлопковыми плантаціями и просовыми полями, при большой судоходной рѣкѣ и въ мѣстѣ соединенія нѣсколькихъ естественныхъ путей, образуемыхъ второстепенными рѣками страны; къ сожалѣнію, грунтъ земли низменный, мѣстами болотистый и подверженный наводненіямъ. Благодаря развитію своей торговли съ иностранными рынками, Тянь-цзинь сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Китая; онъ даже много превзошелъ, по численности населенія, столицу имперіи. Съ половины текущаго столѣтія число его жителей увеличи-

---

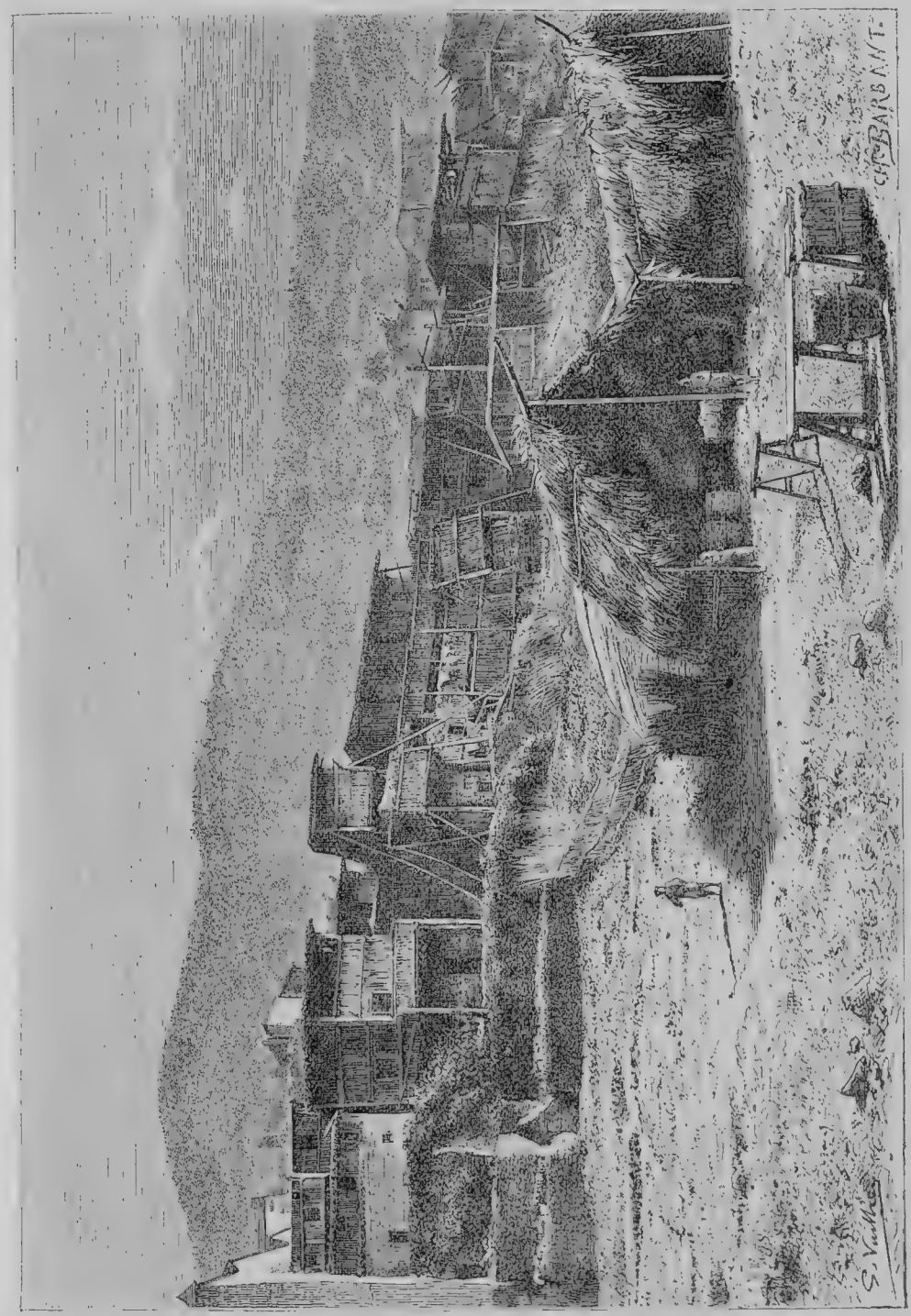
[1]) Francis Garnier, „De Paris au Tibet", „Temps", 22 nov. 1873.

[2]) Bretschneider, цитированное сочиненіе.

[3]) Lamprey, „Journal of the Geographical Society of London", 1867.

[4]) Lockhart, „Chinese and Japanese Repository", 3 june 1864.

лось почти въ пять разъ; по консульскимъ отчетамъ, оно простирается теперь безъ малаго до милліона [1]). Въ Тянь-цзинь ввозятъ главнымъ образомъ въ большомъ количествѣ рисъ, рые продукты: хлопокъ, шерсть овечью и верблюжью, кожи и мѣха, а также плетеную солому; въ этомъ же городѣ правительство учредило, для всей сѣверной части Китая, главный складъ



Мѣстечко Шуй-коу на верхнемъ Минѣ. Провинція Фу-цзянь.

красный товаръ, опіумъ, разныя металлическія издѣлія изъ Европы; отпускаютъ въ обмѣнъ сысоли (продажа которой составляетъ монополію казны) и хлѣбные магазины, служащіе для продовольствія Пекина. Огромныя груды соли, рису, пшеницы, прикрытыя циновками, тянутся по берегу рѣки.

[1]) Согласно „Chronicle and Directory", изд. 1897 г. китайское населеніе Тянь-цзиня опредѣлялось въ 950.000 человѣкъ; ту же цифру даютъ и другіе источники. П р. р.

Торговые обороты Тянь-цзиня выражаются по годамъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1896 году.	Въ 1897 году.
Привозъ изъ-за границы.....	29.490.949 ланъ.	30.212.260 ланъ.
Привозъ изъ китайскихъ портовъ.....	13.263 578 „	13.846.713 „
Вывезено изъ Тянь-цзиня ...	8.561.840 „	11.000.044 „
Общая сумма оборота на	51.316.367 ланъ.	55.059.017 ланъ.

Какъ увеличиваются обороты Тянь-цзинскаго порта, видно уже изъ того, что общая сумма оборота въ 1893 году равнялась—38.570.147 ланъ; въ 1894 году—44.277.054 лана; въ 1895 году—50.175.806 ланъ, а черезъ два года она уже достигла 55 милліоновъ слишкомъ.

Движеніе судоходства въ Тянь-цзинскомъ порту, не считая джонокъ, выразилось (показаны лишь прибывшія суда):

	Въ 1893 г.		Въ 1894 г.	
	Число судовъ.	Вмѣстим. тоннъ.	Число судовъ.	Вмѣстим. тоннъ.
Пароходовъ ..	596	492.345	645	541.276
Парусныхъ...	42	20.073	34	15.437
Итого ..	638	512.418	679	556.713*

Послѣ трактата 1858 года, эпохи, когда Тянь-цзинь былъ открытъ европейской торговлѣ, наибольшая часть крупнаго судоходства по Бай-хэ, обыкновенно называемой въ этомъ мѣстѣ Хай-хэ, то-есть «Морской рѣкой», принадлежала англійскимъ негоціантамъ, но въ нѣсколько лѣтъ китайцы успѣли завоевать себѣ первое мѣсто въ этомъ отношеніи; они прибавили къ своимъ флотиліямъ джонокъ большія суда европейской конструкціи и теперь уже давно имѣютъ многочисленные пароходы, которые ежедневно совершаютъ правильные рейсы по рѣкѣ, внизъ и вверхъ отъ города. По флагамъ суда, участвовавшія въ заграничной торговлѣ Тянь-цзиня, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ 1833 г.: флагъ англійскій—262.362 тонны; флагъ американскій—1.197 тоннъ; флагъ китайскій—209.563 тонны.

Въ 1894 г.: флагъ англійскій—318.879 тоннъ; флагъ американскій—1.426 тоннъ; флагъ китайскій—153.366 тоннъ.

Въ вывозной торговлѣ первое мѣсто по цѣнности и количеству привоза принадлежитъ Англіи, которая одна въ 1893 году экспортировала въ Китай товаровъ на 1.118.573 лана. Еще на большую сумму ввозится товара изъ Гонконга. Товаръ этотъ англійскаго происхожденія, и цѣнность его опредѣлялась въ 1893 г. въ 1.914.602 лана, а въ 1894 г. почти вдвое болѣе, именно въ 2.679.706 ланъ. Торговля Тянь-цзиня съ Южно-Уссурійскимъ краемъ почти не развивается, и въ 1893 г. отъ насъ было привезено товару на 34.668 ланъ, каковая цѣнность осталась и на 1894 г. (34.829 ланъ).

Въ нѣсколькихъ километрахъ, внизъ отъ центра Тянь-цзиня, раскинулись строенія европейскаго квартала, называемаго Чжу-цзы-линь или «Бамбуковая роща», который не представляетъ уже въ своей наружности ничего китайскаго: теперь это маленькій городокъ, чисто западный по распланировкѣ улицъ, архитектурѣ домовъ, расположенію магазиновъ. Почти всѣ европейцы, которыхъ дѣла призываютъ въ Тянь-цзинь, живутъ въ этомъ преобразованномъ пригородѣ. Да и самъ китайскій городъ мало-по-малу измѣняетъ свой видъ, и теперь тамъ можно встрѣтить большія постройки на европейскій манеръ, между прочимъ, новый госпиталь; интересенъ соборъ, построенный католическими миссіонерами, долгое время лежавшій въ развалинахъ: онъ былъ преданъ пламени во время страшной рѣзни 1870 года, когда сестры милосердія, священники и всѣ французы, за исключеніемъ одного, а также нѣсколько другихъ иностранцевъ были умерщвлены китайской чернью. Соборъ возстановленъ только въ 1897 году по настоянію французскаго представителя Жерара. Улицы въ Тянь-цзинѣ гораздо шире, чѣмъ въ Шанхаѣ и Кантонѣ, и переноска тяжестей производится на спинѣ носильщиковъ, тогда какъ въ сѣверныхъ городахъ для этой цѣли употребляютъ ломовыя телѣги, запряженныя мулами или волами. Тянь-цзинь—портъ, гдѣ европейцы получили въ первый разъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, благодаря трактату 1860 года, право свободнаго изслѣдованія страны, есть, можетъ быть, между всѣми городами Срединнаго царства, тотъ городъ, гдѣ признаки промышленнаго обновленія наиболѣе замѣтны. Тамъ впервые была основана бумагопрядильная мануфактура, спичечная фабрика и другія учрежденія; километрахъ въ ста къ сѣверо-востоку отъ города построена первая желѣзная дорога, чтобы соединить Кайпинскія каменноугольныя копи, гдѣ находится уже цѣлая колонія англичанъ, съ торговымъ городомъ Лу-тай, лежащемъ на рѣкѣ Бэй-танъ, при началѣ морскаго судоходства [1]); тысячи рабочихъ занимаются теперь расширеніемъ и углубленіемъ русла въ сѣверной части «Рѣки транспортовъ» (Большаго канала), которая, впрочемъ, имѣетъ теперь важность только для мелкой торговли, такъ какъ главное торговое движеніе направилось отнынѣ морскимъ путемъ. Въ настоящее время производятся также работы по урегулированію нижняго теченія рѣки, по которому могутъ подниматься суда, имѣющія отъ 3 до 4 метровъ водоизмѣщенія, но которое отдѣлено отъ водъ залива баромъ, представляющимъ только 1 метръ глубины въ періоды отлива и отъ 3 до 4 съ половиной метровъ въ періоды прилива [2]). Однако, важнѣйшія работы, произ-

[1]) „China Express“, 8 апр. 1881 г.

[2]) Вопросъ объ улучшеніи русла р. Бай-хэ въ настоя-

веденныя въ это послѣднее время, предприняты были въ видахъ усиленія средствъ военной обороны. Такъ, въ самомъ Тянь-цзинѣ, въ восточномъ предмѣстьѣ, устроенъ обширный арсеналъ, занимающій пространство въ 250 гектаровъ, гдѣ фабрикуютъ преимущественно ружья, метательные снаряды и лафеты. Въ Сянь-чэнѣ, между Тянь-цзинемъ и устьемъ Бай-хэ, правительство велѣло воздвигнуть сильныя укрѣпленія; при входѣ въ рѣку со стороны моря форты Та-ку («Большое устье»), которыми такъ быстро овладѣли союзныя англо-французскія войска въ 1858 и 1860 годахъ, были послѣ того перестроены, вооружены пушками самаго большаго калибра и дополнены обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ и доками для починки китайскихъ канонерокъ. Городъ Бай-танъ, при устьѣ рѣки Сань-хэ, впадающей въ Чжилійскій заливъ, непосредственно на сѣверѣ отъ Бай-хэ, тоже имѣетъ рядъ сильно укрѣпленныхъ фортовъ.

Нѣсколько городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на сѣверъ отъ Пекина, по дорогѣ, которая идетъ въ Жэ-хэ черезъ ворота Великой стѣны, называемыя Гу-бэй-коу («Старыя сѣверныя ворота»); но административный городъ Мынь-пинъ-фу, стоящій на дорогѣ въ Маньчжурію, не принадлежитъ къ значительнымъ центрамъ населенія. На западъ отъ воротъ Гу-бэй-коу равнина, орошаемая рѣкой Бай-хэ, доступна со стороны Монголіи, только черезъ перевалъ Гуань-гоу (Ворота заставы). Гуаньгоускій переходъ, называемый обыкновенно Нань-коу (Южныя ворота), по имени деревни, которая находится внизу всхода на гору, имѣлъ во всѣ времена капитальную стратегическую важность, и черезъ него именно почти всѣ завоеватели спускались въ равнину; съ высоты этого прохода Чингисъ-ханъ видѣлъ у своихъ ногъ столицу побѣжденной династіи. Оттого дорога, проходящая черезъ Гуань-гоу, есть одна изъ наиболѣе обильно снабженныхъ оборонительными укрѣпленіями: двѣ большія крѣпости построены одна надъ другой на южномъ скатѣ хребта и соединены между собой стѣнами и башнями, которыя большинство путешественниковъ описываетъ какъ часть Великой стѣны; но въ дѣйствительности это только передовой веркъ вала, который тянется по гребню горной цѣпи, и который дорога Гуань-гоу перерѣзываетъ подъ прямымъ угломъ на перевалѣ, называемомъ Ба-да-линъ. Сигнальныя башни, построенныя во времена Минской династіи, и теперь уже частію разрушенныя, высятся въ равномъ разстояніи одна отъ другой на дорогѣ, ведущей въ Пекинъ. Что касается мощеной дороги, которая поднималась по отлогости Гуань-гоу до горнаго прохода, то она существовала лишь отрывками; дождевые и снѣговые ручьи разрушили наибольшую часть ея, и путники принуждены были долгое время взбираться по тропинкамъ, проложеннымъ неправильно по скатамъ горъ. Въ 1890 году дорога эта вновь капитально разработана. Самый замѣчательный памятникъ, который еще сохранился на старой дорогѣ,— это тріумфальныя ворота, воздвигнутыя при входѣ въ южную крѣпость и украшенныя надписью на шести языкахъ: санскритскомъ, китайскомъ, уйгурскомъ, монгольскомъ, тибетскомъ и древне-маньчжурскомъ; надпись на китайскихъ воротахъ есть единственная, которую мы знаемъ на этомъ послѣднемъ языкѣ [1]). Въ настоящее время стратегическая дорога, проходящая черезъ Гуань-гоу, обязана своимъ важнымъ значеніемъ главнымъ образомъ торговлѣ, ибо это тотъ путь, которымъ слѣдуютъ почтовые курьеры и русскіе караваны изъ Кяхты. Караваны, везущіе кирпичный чай въ Сибирь, забираютъ свой грузъ прямо въ городѣ Тунъ-чжоу, на рѣкѣ Бай-хэ, не заходя въ Пекинъ, который остается у нихъ въ сторонѣ, на западѣ.

Въ возвышенныхъ долинахъ притоковъ рѣки Янъ-хэ многіе важные города служатъ посредниками Пекину и низменной равнинѣ провинціи Чжи-ли для ихъ торговли съ Монголіей и съ русскими владѣніями. Самый многолюдный и самый торговый изъ этихъ городовъ, какъ извѣстно, Калганъ или Чжанъ-цзякоу, лежащій у однихъ изъ воротъ Великой стѣны, какъ показываетъ монгольское имя его, и состоящій собственно изъ двухъ городовъ: военнаго и торговаго. Военный городъ, окруженный фортами и казармами, опирается на самую стѣну, которая въ этомъ мѣстѣ идетъ по боку довольно высокихъ горъ, поднимающихся на сѣверѣ, тогда какъ торговый городъ находится въ 5 километрахъ къ югу, уже на китайской территоріи. Дома европейцевъ, протестантскихъ миссіонеровъ и русскихъ коммерсантовъ, сгруппированы въ деревнѣ, внѣ китайскаго города, съ его грязными и вонючими улицами. Сюаньхуа-фу, расположенный при входѣ въ поперечную долину, черезъ которую пролегаетъ дорога изъ Пекина въ Калганъ, тоже торговый городъ, куда пріѣзжаетъ много купцовъ, китайцевъ и монголовъ. Онъ былъ столицей имперіи при монгольской династіи, и съ этой эпохи сохранилъ еще внушительныя крѣпостныя стѣ-

---

щее время находится въ новомъ фазисѣ, такъ какъ послѣдніе годы пароходы, даже спеціально приспособленные для Бай-хэ, не могли проходить выше деревни Танку и всѣ грузы направлялись по желѣзной дорогѣ, что сильно увеличивало ихъ стоимость, не говоря уже про то, что дорога совершенно не предназначена для перевоза грузовъ. По предложенію иностранцевъ Пекинское правительство рѣшило нынѣ же предпринять рядъ работъ для исправленія русла и для того, чтобы выручить необходимую сумму денегъ, обложило входящія въ рѣку суда пошлиною.

Примѣч. ред.

[1]) Smithoe, „Proceeding of the Geographical Society of London“, 1870.

ны, тріумфальныя арки, обширные парки. Подобно сосѣднему городу Да-тунъ-фу, лежащему гораздо западнѣе и болѣе выдвинутому въ середину горъ, Сюань-хуа-фу занимаетъ очень выгодное мѣстоположеніе для развитія мануфактурной промышленности, такъ какъ окружающія долины производятъ въ изобиліи съѣстные припасы, а залегающіе въ сосѣдствѣ мощные пласты каменнаго угля могли бы доставлять все топливо, потребное для переработки сырыхъ продуктовъ, привозимыхъ монголами, шерсти, кожъ, верблюжьяго волоса [1]); онъ ведетъ обширную торговлю табакомъ и войлоками. Городъ Цзи-минъ (Kiming), на дорогѣ отъ прохода Гуань-гоу въ Сюань-хуа-фу, имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ главная почтовая станція для всего сѣвернаго Китая. Виноградники въ окрестностяхъ этого города производятъ бѣлое вино, одно изъ наиболѣе высоко цѣнимыхъ, которое можно найти только на столахъ самыхъ богатыхъ мандариновъ [2]).

Особенно многочисленные города въ южной части провинціи, орошаемой различными притоками рѣкъ Хунь-хэ и Бай-хэ. Самый большой изъ этихъ городовъ Бао-динъ-фу, сообщающійся съ столицей черезъ Чжо-чжоу и выбранный, на мѣсто Пекина, главнымъ административнымъ центромъ провинціи и оффиціальной резиденціей вице-короля или намѣстника, который, впрочемъ, чаще имѣетъ пребываніе въ Тянь-цзинѣ. Бао-динъ-фу—городъ правильно построенный, лучше содержимый, чѣмъ сама столица имперіи, и очень торговый. Окрестныя поля, гдѣ преобладаетъ культура проса, какъ и во всей провинціи Чжи-ли, превосходно обработаны; недалеко отъ Бао-дина, въ Хуаньту-сянь стоятъ, окруженные исполинскими кипарисами, очень древніе холмы, воздвигнутые въ честь миѳическаго Яо и его матери. Чжэнъ-динъ-фу, на юго-западѣ, «огромный городъ съ большими и прекрасными стѣнами», лежащій близъ гористой границы провинціи Шань-си, тоже промышленный городъ, но пришедшій въ упадокъ; здѣшніе ремесленники занимаются преимущественно фабрикаціей изъ желѣза, добываемаго въ Шань-си, изображеній Будды, которыя расходятся по всему сѣверу Китая [3]). Бронзовые идолы Чжэндинскихъ храмовъ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ въ имперіи; одинъ изъ нихъ имѣетъ 24 метра (слишкомъ 11 саженъ) вышины. Далѣе, на югѣ, лежитъ городъ Да-минъ-фу, одинъ изъ главныхъ рынковъ странъ, прилегающихъ къ Желтой рѣкѣ.

Важнѣйшіе города провинціи Чжи-ли, цифра населенія которыхъ (приблизительная) указана новѣйшими путешественниками, суть:

Тянь-цзинь—950.000 жителей по Chronicl and Directory 1897 г.; Пекинъ—600.000 по Бретшнейдеру [1]), Чжанъ-цзя коу (Калганъ)—80.000 по Пѣвцову; Бао-динъ-фу—150.000 по Вильямсону; Тунъ-чжоу — 100.000 по Бредшнейдеру; Сюань-хуа-фу — 90.000 по Гранту; Чжао-чжоу — 25.000 по Вильямсону; Цзйтанъ—20.000 по Матусовскому; Чжэнъ-динъ-фу—10.000 жит. по Арману Давиду.

Полуостровъ Шань-дунъ.

Шань-дунъ составляетъ географическую область, совершенно отличную отъ остальной Китая. Эта страна «Восточныхъ горъ»,—таковъ буквальный смыслъ словъ Шань-дунъ—состоитъ изъ двухъ островныхъ массивовъ горъ и холмовъ, изъ которыхъ одинъ далеко выдвинутъ въ воды, между Чжилійскимъ заливомъ и собственно такъ называемымъ Желтымъ моремъ, и которые на западѣ совершенно ограничены обширными аллювіальными равнинами, отложенными рѣкой въ бывшемъ морѣ. Съ одной стороны Хуанъ-хэ перемѣщала свое теченіе въ продолженіе ряда вѣковъ, отлагая принесимыя его водами землистыя частицы, то на сѣверѣ, то на югѣ Шаньдунскаго полуострова. По своей общей формѣ этотъ полуостровъ находитъ на полуостровѣ Ляо-дунъ, который выдвинули передъ собой горы Маньчжуріи, но онъ больше размѣрами. Берега его, обслѣдованные въ первый разъ европейскими кораблями въ 1793 году, во время посольства въ Китай англичанина Макартнея, изрѣзаны безчисленными бухтами, закругляющими свои правильныя кривыя отъ одного до другаго выступа твердой земли. Почти всѣ его мысы оканчиваются крутыми, обрывистыми откосами, а между тѣмъ воды, омывающія подошвы этихъ мысовъ, не имѣютъ значительной глубины; надводные камни, высунувшіяся изъ воды скалы, островки, продолжаютъ нѣкоторые мысы на большое разстояніе въ море; существуетъ даже родъ перешейка, частію выступившаго изъ-подъ воды, который соединяетъ сѣверный берегъ Шаньдуна съ оконечнымъ мысомъ полуострова Маньчжуріи посредствомъ острововъ Мяо-дао и мелей. Наибольшая глубина, въ этихъ водахъ, образующихъ входъ въ Чжилійскій заливъ, достигаетъ 71 метра, средняя же глубина всей впадины не превышаетъ 25 метровъ; эта малая толщина жидкаго слоя, покрывающаго дно морское, объясняется постояннымъ отложеніемъ твердыхъ частицъ, приносимыхъ Желтой рѣкой. Тѣмъ не менѣе китайскія барки не-

[1]) F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi“, etc.

[2]) Grant, „Journal of the Geographical Society of London“, 1863.

[3]) Oxenham, „Mittheilungen von Petermann“, IV, 1870.

[1]) „Chronicl and Dir.“ 1897 г. указываетъ до 1.300.000, изъ коихъ 900.000 въ Маньчжурскомъ и 400.000 въ Китайскомъ городѣ.

большаго водоизмѣщенія могутъ проникать въ бо́льшую часть бухточекъ морскаго прибрежья; еще легче могли недавно мелкія суда огибать полуостровъ Шань-дунъ на западѣ черезъ Юнь-

географическаго положенія, которыя обезпечиваютъ Шань-дуну его превосходный климатъ, плодородіе его равнинъ, богатство его рудныхъ мѣсторожденій. И населенность достигла тамъ

Видъ близъ Гонконга.

хэ или Большой каналъ. Такимъ образомъ весь этотъ край былъ островомъ съ точки зрѣнія судоходства, тогда какъ для сухопутной торговли онъ оставался частью материка. Удобство торговыхъ сообщеній дополнило выгоды

необычайной густоты; вдоль большихъ дорогъ и рѣкъ, города и деревни слѣдуютъ одни за другими черезъ короткіе промежутки, и съ высоты многихъ холмовъ все пространство, обнимаемое кругомъ небосклона, представляется

какъ одинъ громадный городъ, перерѣзанный тамъ и сямъ садами. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ выходитъ, что эта область Китая населена, пропорціально пространству, гуще, чѣмъ даже Бельгія. Поверхность Шань-дуна, согласно Матусовскому, 2.619,36 квадратныхъ геогр. миль; населеніе въ 1887 году: 36.644.255 душъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ, на каждую квадратную милю приходится по 13.994 жителя [1]). Во многихъ отношеніяхъ населеніе Шань-дуна разнится отъ населенія низменныхъ равнинъ Желтой и Голубой рѣкъ; люди тамъ отличаются болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и кажутся болѣе энергичными; они вообще имѣютъ болѣе смуглый цвѣтъ кожи и болѣе выразительныя черты лица. Во многихъ мѣстахъ полуострова, и особенно въ окрестностяхъ города Чжи-фу (Чифу), туземцы показываютъ древнія могилы, оставленныя, по преданію, расой, предшествовавшей прибытію въ край китайцевъ [2]).

Горы, образующія остовъ полуострова, могутъ быть разсматриваемы, въ ихъ совокупности, какъ остатки плоскогорья, разрѣзаннаго во всѣхъ направленіяхъ маленькими рѣчками. На сѣверѣ рядъ высотъ тянется въ очень близкомъ разстояніи отъ морскаго прибрежья, и мореплаватели, огибающіе полуостровъ, видятъ ихъ слѣдующими одна за другой отъ востока къ западу, почти всѣ одинаковой формы и одинаковой величины; это правильные конусы, съ пологими скатами; такъ что Макартней и его спутники, сравнивая эти горы съ остроконечными шляпами, какія носятъ китайскіе офицеры, отмѣтили ихъ, въ своихъ корабельныхъ журналахъ, подъ названіемъ «мандаринскихъ шапокъ»: ни одна изъ нихъ не достигаетъ высоты 1.000 метровъ. Южная часть полуострова, вообще говоря, ниже сѣверной; но одинъ уединенный пикъ, Лао-шань, господствующій на западѣ надъ живописной бухтой, усѣянной островками, подымается на 1.070 метровъ высоты: это высшая точка полуострова въ собственномъ смыслѣ. По ту сторону другой бухты, называемой Вэй-шань, которая открывается въ морскомъ берегѣ какъ обширный кратеръ, гора Да-мо-шань (680 метровъ) составляетъ конечный предѣлъ системы горныхъ цѣпей, которая тянется на западъ и постепенно сливается съ поверхностью почвы на берегу Желтой рѣки, выдѣливъ изъ себя передъ тѣмъ вправо и влѣво нѣсколько боковыхъ отраслей. Вотъ высота этихъ цѣпей:

Гуань-ю-шань, на востокѣ полуострова — 880 метровъ; Лу-шань, на юго-западъ отъ Дэнъ-чжоу—765 метр. Да-цзы-шань, на югѣ отъ Лай-чжоу-фу—740 метр.

[1]) Извѣстный ежегодникъ „Almanach de Gotha“ за 1898 г. указываетъ только 25.000.000 душъ населенія.

[2]) Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“

Между этими массивами южной и западной части Шань-дуна и горными цѣпями, идущими вдоль сѣвернаго берега, открывается глубокая низменность, широкая площадь равнинъ, соединяющая Чжилійскій заливъ съ бухтой Цзяочжоу, около основанія полуострова; средину этой впадины наполняетъ озеро Бо-май-ху, то есть «Озеро бѣлой лошади», которое можетъ быть разсматриваемо, какъ остатокъ нѣкогда существовавшаго пролива: судоходный каналъ, теперь засоренный и представленный на картѣ іезуитовъ въ видѣ рѣки, соединялъ оба моря [1]).

Самыя высокія вершины западныхъ горъ подымаются почти непосредственно надъ равнинами Желтой рѣки, на югѣ отъ Цзи-нань-фу, главнаго города провинціи. Да-шань или Тай-шань, то-есть «Большая гора»,—таково имя, прославленное во всемъ Китаѣ, главной вершины (1.545 метровъ или 5.600 ф.). По китайской миѳологіи, Тай-шань самая святая изъ пяти священныхъ горъ имперіи. «Она равна небу, благодѣтельному властителю; отъ нея зависятъ рожденіе и смерть, счастіе и несчастіе, слава и безчестіе людей». Уже болѣе 41 столѣтія тому назадъ, по свидѣтельству «Книги лѣтописей» (Шу-цзинъ), императоръ Шунь ходилъ на вершину этой горы совершать жертвоприношенія небу, холмамъ и рѣкамъ. Самъ Конфуцій, родившійся въ сосѣдствѣ этого священнаго пика, пытался взойти на него, но не могъ достигнуть вершины; древній храмъ указываетъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Со времени его восхожденія подъемъ на святую гору былъ облегченъ устройствомъ превосходной мощеной дороги, длиною около 19 километровъ, и широкихъ лѣстницъ, обсаженныхъ, до высоты 600 метровъ, кипарисами, кедрами и тисами, а выше соснами съ горизонтальной верхушкой. Носильщики паланкиновъ ожидаютъ пилигримовъ на каждой площадкѣ лѣстницы. Храмы, кіоски, жертвенники возвышаются на каждомъ выступѣ горы; отъ вершины до подошвы дорога окаймлена алтарями и скамьями для отдохновенія вѣрующихъ; расположенный внизу, сплошь наполненный религіозными зданіями, городъ Тай-ань-фу, считается владѣніемъ, принадлежащимъ священной горѣ. Цѣлыя населенія калѣкъ и нищихъ живутъ милостыней, раздаваемой богомольцами; всѣ эти несчастные, одѣтые въ отвратительныя рубища, копошатся у входа въ гроты, посреди грудъ камней, и составляютъ печальный контрастъ съ богатствомъ храмовъ и красотой окружающей природы [2]).

Почти всѣ горы полуострова Шань-дунъ совершенно обезлѣсены; лѣса должны были уступить мѣсто пашнямъ на нижнихъ скатахъ, да

[1]) Williamson, „Journeys in North China“, „Manchuria and Eastern Mongolia“.

[2]) Williamson, цитированное сочиненіе;—Markham.

и деревья, покрывавшія высоты, не были пощажены алчнымъ земледѣльцемъ. Въ странѣ, гдѣ жители такъ тѣсно скучены, гдѣ поселенія такъ близки одно отъ другаго, природа почти совершенно утратила свою самородную флору: теперь растенія, введенныя человѣкомъ, придаютъ мѣстности ея особенную физіономію. Дикія животныя, безпощадно преслѣдуемыя охотниками, почти совсѣмъ исчезли, а господствующая въ краѣ система мелкаго земледѣлія не позволяетъ держать много домашняго скота. Но въ этомъ Срединномъ царствѣ, пользующемся столь благопріятными условіями для развитія земледѣльческой производительности, мало найдется провинцій, которыя равнялись бы Шань-дуну по относительной пропорціи хорошихъ земель, пригодныхъ для такого большаго разнообразія культуръ. Что касается минеральныхъ богатствъ, то Юнь-нань единственная область Китая, которая имѣетъ ихъ болѣе, чѣмъ Шань-дунъ: въ этомъ послѣднемъ краѣ существуютъ очень обширные пласты каменнаго угля; кромѣ того, тамъ находятъ золото и всѣ благородные металлы, желѣзная руда встрѣчается въ изобиліи, а горныя породы заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные камни; тамъ собираютъ даже мелкіе алмазы [1]). Климатъ на полуостровѣ, какъ и во всей сѣверной полосѣ Китая,—климатъ крайностей, жаркій лѣтомъ, очень холодный зимой; иногда даже море замерзаетъ вдоль сѣверныхъ береговъ, и тогда можно ѣздить по льду на мулахъ до острововъ, разсѣянныхъ по окружности Шань-дуна [2]). Но по крайней мѣрѣ здѣшній климатъ представляетъ ту выгоду, что переходы отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу совершаются постепенно и правильно, благодаря умѣряющему вліянію морскихъ водъ, омывающихъ берега, и препятствію, которое противопоставляютъ возвышенности Маньчжуріи и Кореи—сѣверному вторженію полярныхъ вѣтровъ. Но тайфоны или тайфуны не оканчиваютъ свою бурную въ Желтомъ морѣ; они почти также часто проникаютъ и въ Чжилійскій заливъ.

Между сотнями городовъ, скученныхъ на относительно небольшомъ пространствѣ полуострова Шань-дунъ, самые многолюдные, естественно, тѣ, которые находятся на аллювіальной равнинѣ въ западной части провинціи, тѣ, которые орошаются Желтой рѣкой и ея притоками, и черезъ которые проходитъ судоходный путь Большаго канала (Юнь-хэ или «перевозочной рѣки»). Но эти же города наиболѣе подвержены опасностямъ какъ со стороны природы, такъ и со стороны человѣка. Многіе изъ нихъ не разъ были совершенно разрушены наводненіями, и окружающія ихъ поля превращались временно въ болота, другіе города были предаваемы разграбленію инсургентами тайпингами или разбойниками, и разсѣянное населеніе принуждено было искать убѣжища въ защищенныхъ стѣнами городахъ или въ менѣе доступныхъ мѣстностяхъ горъ. Но послѣ каждой такой катастрофы пострадавшіе города быстро оправляются и вновь заселяются; въ короткое время разрушенные дома изъ глины или кирпича опять отстраиваются, бараки устанавливаются на прежнихъ мѣстахъ, и торговая дѣятельность снова закипаетъ. Такъ, Дунъ-чанъ-фу, ядро котораго составляетъ маловажный городъ, обнесенный стѣнами, получилъ видное мѣсто по своимъ громаднымъ форштатамъ, между самыми дѣятельными городскими поселеніями Срединной имперіи: лабиринтъ его улицъ и каналовъ напоминаетъ Шанхай или Тянь-цзинь. Этотъ городъ Шань-дуна, расположенный при Большомъ или Императорскомъ каналѣ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Китая, одинъ изъ тѣхъ, имя которыхъ всего чаще появляется на страницахъ лѣтописей; отсюда вышла династія Чжоу, основанная баснословнымъ героемъ Ваномъ, «съ лицомъ дракона и съ плечами тигра». На сѣверѣ отъ Дунъ-чана, города Линь-цинъ и Чжэнъ-цзя-коу, которые тоже были опустошены во время послѣдняго возстанія, теперь снова поднялись на степень многолюдныхъ и торговыхъ центровъ. Особенно важенъ послѣдній изъ нихъ, Чжэнъ-цзя-коу, какъ первоклассный рынокъ для торговаго обмѣна между провинціей Чжи-ли и центральными областями имперіи; онъ ведетъ торговлю даже съ Монголіей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ караваны верблюдовъ, которые встрѣчаешь на его улицахъ [1]).

Цзи-нань (Шинанли въ книгѣ Марко Поло), нынѣшній главный городъ провинціи, тоже лежитъ въ наносной области, къ западу отъ горныхъ цѣпей; окружающія его поля, чрезвычайно плодородныя и усѣянныя отдѣльно стоящими конусообразными горами, бывшими вулканами [2]), полого спускаются къ Желтой рѣкѣ, которая течетъ въ 7 километрахъ на сѣверъ отъ города, въ прежнемъ руслѣ рѣки Да-цинъ-хэ. Равный по пространству Парижу, такъ какъ ограда его имѣетъ 42 километра въ окружности, Цзи-нань есть одинъ изъ городовъ Китая, наилучше содержимыхъ и наиболѣе правильно построенныхъ; въ то же время это одинъ изъ городовъ, которые заключаютъ въ своихъ стѣнахъ наибольшее число жителей, исповѣдующихъ иностранныя религіи: число магометанъ простирается тамъ до 10.000 по Вильямсону, до 20.000 по Маркгаму; кромѣ того, въ городѣ и окрестностяхъ насчиты-

[1]) Gardner, „Proceedings of the Geographical Society of London“, октябрь 1880.
[2]) Pallu, „Relation de l'Expédition de Chine en 1860“.

[1]) A. Williamson, цитированное сочиненіе.
[2]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1870.

ваютъ до 12.000 христіанъ католиковъ. Одна изъ главныхъ промышленностей Цзи-наня фабрикація шелковыхъ тканей, особенно одной матеріи, для которой употребляютъ коконы дикаго шелковичнаго червя, питающагося листьями дуба. Поддѣльные драгоцѣнные камни, приготовляемые въ Цзи-нанѣ, также составляютъ предметъ значительной торговли въ Китаѣ. Въ 5 километрахъ къ востоку отъ главнаго города Шань-дуна находится холмъ, состоящій изъ желѣзной руды, частію изъ магнитнаго желѣзняка. Ло-коу служитъ пристанью Цзи-наню на Желтой рѣкѣ.

Тай-ань-фу, городъ храмовъ, въ которомъ оканчивается исполинская лѣстница священной горы Тай-шань, тоже лежитъ въ бассейнѣ Желтой рѣки, на притокѣ рѣки Вынь-хэ, протекающей черезъ горнозаводскую область, изобилующую мѣсторожденіями желѣза и каменнаго угля; онъ даетъ пріютъ многочисленнымъ пилигримамъ, приходящимъ со всѣхъ концовъ Китая на поклоненіе святой горѣ. Въ 1869 году, во время посѣщенія города Маркгамомъ, тамъ было до 70.000 иногородныхъ посѣтителей [1]). Главный храмъ, посвященный горѣ, занимаетъ наибольшую часть сѣверной половины города; онъ стоитъ среди обширнаго парка (около 10 гектаровъ), деревья котораго были посажены разными императорами, начиная съ десятаго столѣтія. Стѣны святилища покрыты очень любопытной панорамической живописью, представляющей императорскую процессію древнихъ временъ, съ бѣлыми слонами и верблюдами [2]). Далѣе на югѣ, уже въ равнинѣ, недалеко отъ болотистыхъ пространствъ, черезъ которыя проходитъ Большой каналъ, находится главный городъ всего юго-западнаго Шань-дуна, Янь-чжоу-фу, нѣкогда столица одной изъ девяти провинцій, на которыя императоръ Юй раздѣлилъ государство, слишкомъ 4.000 лѣтъ тому назадъ; надпись, помѣщенная на западныхъ воротахъ города, напоминаетъ его былую славу. Вообще, здѣсь мы находимся въ одной изъ классическихъ областей Китая, и имена городовъ, горъ, рѣкъ этого края встрѣчаются на каждой страницѣ древнѣйшихъ лѣтописей страны. Такъ, километрахъ въ двадцати на востокъ отъ Янь-чжоу-фу, показывается знаменитый городъ Цюй-фоу, родина Конфуція, и населенный почти единственно его потомствомъ; четыре пятыхъ общаго числа жителей, то-есть, по меньшей мѣрѣ, 20.000 лицъ, носятъ имя великаго китайскаго моралиста [3]). Это по большей части люди сильные и хорошо сложенные; но, кажется, ни одинъ членъ этой семьи, столь многочисленной и столь уважаемой, не отличился исключительнымъ образомъ въ теченіе восьмидесяти поколѣній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ той эпохи, когда ихъ общій родоначальникъ далъ нравственные законы имперіи. Главный храмъ, воздвигнутый въ память Конфуція, есть одно изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ религіозныхъ зданій Китая и заключаетъ длинный рядъ надписей, принадлежащихъ по времени всѣмъ династіямъ, царствовавшимъ въ послѣднія двѣ тысячи лѣтъ; вазы, орнаменты изъ бронзы, изваянія, рѣзьба изъ дерева украшаютъ галлереи и стѣны храма и образуютъ полный музей китайскаго искусства; въ окружающемъ паркѣ растутъ очень древнія деревья, глубоко чтимыя вѣрующими. При входѣ во дворецъ показываютъ старый кипарисъ съ узловатымъ стволомъ, посаженный, по преданію, самимъ Конфуціемъ, а въ частныхъ аппартаментахъ князя или главы рода можно видѣть драгоцѣнные предметы, принадлежавшіе великому нравоучителю, урны, треножники, манускрипты; владѣніе этой особы, составляющее непосредственный ленъ имперіи, обнимаетъ пространство не менѣе 66.000 гектаровъ. Когда инсургенты тайпинги проникли въ городъ Цюй-фоу, они оказали полное уваженіе храму, двору и ихъ сокровищамъ; узнавъ, что мѣстный мандаринъ принадлежитъ къ фамиліи философа, они воздержались даже отъ убійства его, сдѣлавъ въ этомъ случаѣ отступленіе отъ своего постояннаго правила. Недалеко отъ храма возвышается могильная земляная насыпь, отъ которой, вѣроятно, городъ и получилъ свое названіе Цюй-фоу или «округленный курганъ», и подъ которой покоится прахъ Конфуція; вокругъ этого кургана и на обширномъ протяженіи страны простирается фамильный некрополь. Другія могилы императоровъ и вельможъ, изъ которыхъ иные жили еще до Конфуція, также видны въ окрестностяхъ города. На сѣверо-западъ оттуда, близъ маленькаго города Цю-сянь, другое кладбище, деревья котораго, дубы и кипарисы, образовали священный лѣсъ, принимаетъ уже болѣе двадцати двухъ столѣтій тѣла всѣхъ потомковъ Мэнъ-цзы, самаго знаменитаго изъ учениковъ Конфуція. Такимъ образомъ въ Китаѣ физіологи могутъ изучать то, чего они тщетно ищутъ въ Европѣ, именно семейства непрерывно продолжающіяся уже слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ; впрочемъ, нужно замѣтить, что при каждомъ бракѣ эти роды смѣшиваются съ чужой кровью, такъ какъ брачные союзы между лицами одного и того же фамильнаго имени безусловно воспрещены въ Срединномъ царствѣ. Въ 1865 году, когда Вильямсонъ посѣтилъ городъ Цю-сянь, глава семейства, потомокъ Мэнъ-цзы по мужской линіи, принадлежалъ къ семидесятому поколѣнію.

Прежній главный городъ полуострова Шань-дунъ, называемый Цинъ-чжоу-фу, расположенъ на сѣверной покатости горъ, въ долинѣ, воды

[1]) „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1869.
[2]) Willamson;—Markham.
[3]) Markham, „Proceedings of the Geographical Society of London“, 1870.

которой бѣгутъ прямо въ Чжилійскій заливъ, параллельно теченію Желтой рѣки. Это тоже большой городъ, хотя онъ кажется пришедшимъ въ упадокъ и утратившимъ блескъ, которымъ онъ славился въ древности; татарскій городъ, нынѣ почти совсѣмъ покинутый, напоминаетъ первыя времена маньчжурскаго завоеванія. Это одинъ изъ главныхъ центровъ ислама въ восточномъ Китаѣ: тамъ насчитывается нѣсколько тысячъ магометанъ, и изученіе арабскаго языка еще не оставлено. Окружающая область очень густо населена, и промышленность тамъ достигла замѣчательнаго развитія и процвѣтанія. Въ Бо-шанѣ, на юго-западѣ, холмы изрыты въ разныхъ направленіяхъ галлереями для эксплоатаціи каменнаго угля, а скалы песчаника размельчены въ порошокъ для фабрикаціи стекла, которое отправляется съ здѣшнихъ заводовъ во всѣ части Китая; одно предмѣстье Бо-шаня составляетъ одинъ большой заводъ.

Городъ Шань-дуна, Вэй, не имѣетъ титула главнаго города провинціи: это просто сянь или «третьеклассное мѣсто»; но онъ занимаетъ очень выгодное положеніе посреди равнины, раздѣляющей два горные массива провинціи, и находится въ удобномъ сообщеніи съ двумя берегами полуострова, сѣвернымъ и южнымъ. Вэй-сянь есть главный складочный пунктъ для шелковыхъ тканей, табаку, каменнаго угля, желѣза, селитры, производимыхъ страною, и оттуда всѣ эти продукты и товары посылаются въ плохой портъ Цзя-инъ или въ другія гавани морскаго прибрежья. Давно уже былъ составленъ планъ желѣзной дороги, которая поставила бы Вэй-сянь въ сообщеніе съ моремъ, но китайское правительство не преминуло противопоставить свою обычную силу инерціи этому проекту европейцевъ [1]). Въ настоящее время Вэй-сянь сдѣлался уже центромъ сѣти проѣзжихъ дорогъ, которыя соединяютъ его съ портами южнаго берега, съ большимъ рынкомъ Чжоу-цунь, съ богатымъ Пинъ-ду, окруженнымъ золотыми пріисками, и съ прибрежными городами Чжилійскаго залива, изъ которыхъ назовемъ Лай-чжоу-фу, славящійся своими ломками стеатита (камень жировикъ или мыловка), гдѣ изрѣченъ въ горѣ цѣлый лабиринтъ галлерей.

Въ самой сѣверной части полуострова одинъ городъ, лежащій во внутренности страны, играетъ ту же роль, что и Вэй-сянь, какъ складочное мѣсто и рынокъ для отправки привозимыхъ товаровъ: это Хуанъ-сянь. Оттуда одна дорога направляется на западъ къ порту Лунъкоу, который ведетъ довольно значительную торговлю съ Маньчжуріей; другая ведетъ на сѣверъ къ большому городу Дэнъ-чжоу-фу, открытому, въ силу трактатовъ, европейской торговлѣ. Прежде воды пролива были въ этомъ мѣстѣ глубоки и джонки могли свободно проникать въ самый городъ для выгрузки своихъ товаровъ; теперь же даже простыя барки не могутъ уже входить [1]), а крупныя суда должны становиться на якорь въ большомъ разстояніи отъ берега, въ открытомъ морѣ. Въ виду этого неудобства, иностранные негоціанты перевели свои конторы въ болѣе обширный и болѣе глубокій портъ Янь-тай или «Дымъ», получившій такое названіе отъ огня, который въ прежнія времена служилъ сигналомъ жителямъ прибрежья, предупреждавшимъ ихъ о приближеніи японскихъ пиратовъ. Однако, городъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Чжи-фу (Чифу), по мысу, который защищаетъ рейдъ на сѣверо-западѣ, и надъ которымъ господствуетъ конусообразная гора, высотою въ 300 метровъ; при основаніи этого мыса должны были устроить портъ, дабы защищать суда отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Чифу, бывшій въ половинѣ настоящаго столѣтія простой деревней, теперь представляетъ одинъ изъ главныхъ городовъ провинціи Шань-дунъ и одинъ изъ тѣхъ портовъ Китая, гдѣ европейцы водворились наиболѣе удобнымъ образомъ. Лѣтомъ Чифу составляетъ своего рода Трувиль для иностранныхъ колоній Китайской имперіи (торговые обороты порта Чифу въ 1897 году, по цѣнности, простирались до 22.051.976 ланъ; движеніе судоходства въ 1895 году: 1.809 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 1.669.845 тон.) [2]). Другіе приморскіе города, лежащіе на восточной оконечности полуострова: занятый въ маѣ 1898 года англичанами Вэй-хай-вэй, съ превосходной гаванью, Юнъ-чэнъ, Ши-дао, имѣютъ важность только для мѣстной торговли между Шань-дуномъ и Кореей.

Въ сравненіи съ сѣверной покатостью береговъ Шань-дуна, южный скатъ, обращенный къ открытому морю, бѣденъ большими городами и оживленными судоходствомъ рейдами. Одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ этой области — Лай-янъ, обнесенный каменными стѣнами, которыя возвышаются на берегу рѣки, изливающейся въ портъ Динъ-цзы. Городъ Цзи-мо, на юго-западѣ, тоже важенъ какъ рынокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, откуда вывозятся преимущественно свиньи, разнаго рода хлѣбъ, плоды; километрахъ въ пятидесяти къ югу отъ этого города возвышается холмъ, усѣянный храмами и изрытый во всѣхъ направленіяхъ галлереями, гдѣ собираютъ драгоцѣнные камни, которые жрецы продаютъ въ свою пользу во время ярмарокъ, устраиваемыхъ по случаю стеченія пилигримовъ. Цзи-мо, Гао-ми, Цзяо-чжоу и другіе города страны отправляютъ свои произведенія черезъ порты большаго внутренняго рейда, которому до сихъ поръ еще даютъ

[1]) Alabaster, „Mettheilungen von Petermann“, XI, 1869.

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.

[2]) Оффиціальные отчеты императорскихъ морскихъ таможенъ за 1897 годъ.

названіе бухты Цзяо-чжоу, хотя этотъ городъ отодвинулся уже далеко отъ берега внутрь полуострова, вслѣдствіе образованія наносныхъ земель. „Какъ извѣстно, Цзяочжоуская бухта въ настоящее время составляетъ арендную собственность Германіи, занявшей ее въ зиму 1897 года".

Въ южной области Шань-дуна, воды которой теряются на югѣ среди болотъ, замѣнившихъ старое устье Желтой рѣки, самый многолюдный городъ — И-чжоу, гдѣ существуетъ значительная община магометанъ. Послѣдніе отроги «Восточныхъ горъ» (Шань-дунъ), которые исчезаютъ близъ города И-чжоу, и одинъ изъ которыхъ есть священная гора, почти столь же высоко чтимая, какъ и Тай-шань, заключаютъ въ себѣ пласты ископаемаго угля, правильно разрабатываемые.

Города провинціи Шань-дунъ, населеніе которыхъ указано, приблизительно, новѣйшими путешественниками или консульскими отчетами, суть:

Вэй-сянь, по Алабастеру—250.000 жителей; Дэнъ-чжоу-фу (консулы)—230.000 жит.; Цзи-нань, по Фовелю—200.000 жит.; Чжэнъ-цзяжоу (Вильямсонъ) — 200.000 жит.; Чжи-фу—35.000 жит. (въ 1896 г.); Цинь-чжоу, по Маркгаму — 70.000 жит.; Янь-чжоу-фу, по Маркгаму—60.000 жит.; Цзяо-чжоу, по Маркгаму—60.000 жит.; Лай-янъ, по Вильямсону—50.000 жит.; Тай-ань-фу, по Маркгаму—45.000 жит.; Бо-шань, по Маркгаму—35.000 жит.; Цуй-фоу, по Маркгаму—25.000 жит.; Цзи-мо, по Маркгаму—18.000 жит.; Ши-дао, по Вильямсону—10.000 жит.; Гао-ми, по Вильямсону—10.000 жит.; Цю-сянь, по Маркгаму—10.000 жителей.

Бассейнъ Желтой рѣки.

Провинціи Гань-су, Шэнь-си, Шань-си, Хэ-нань.

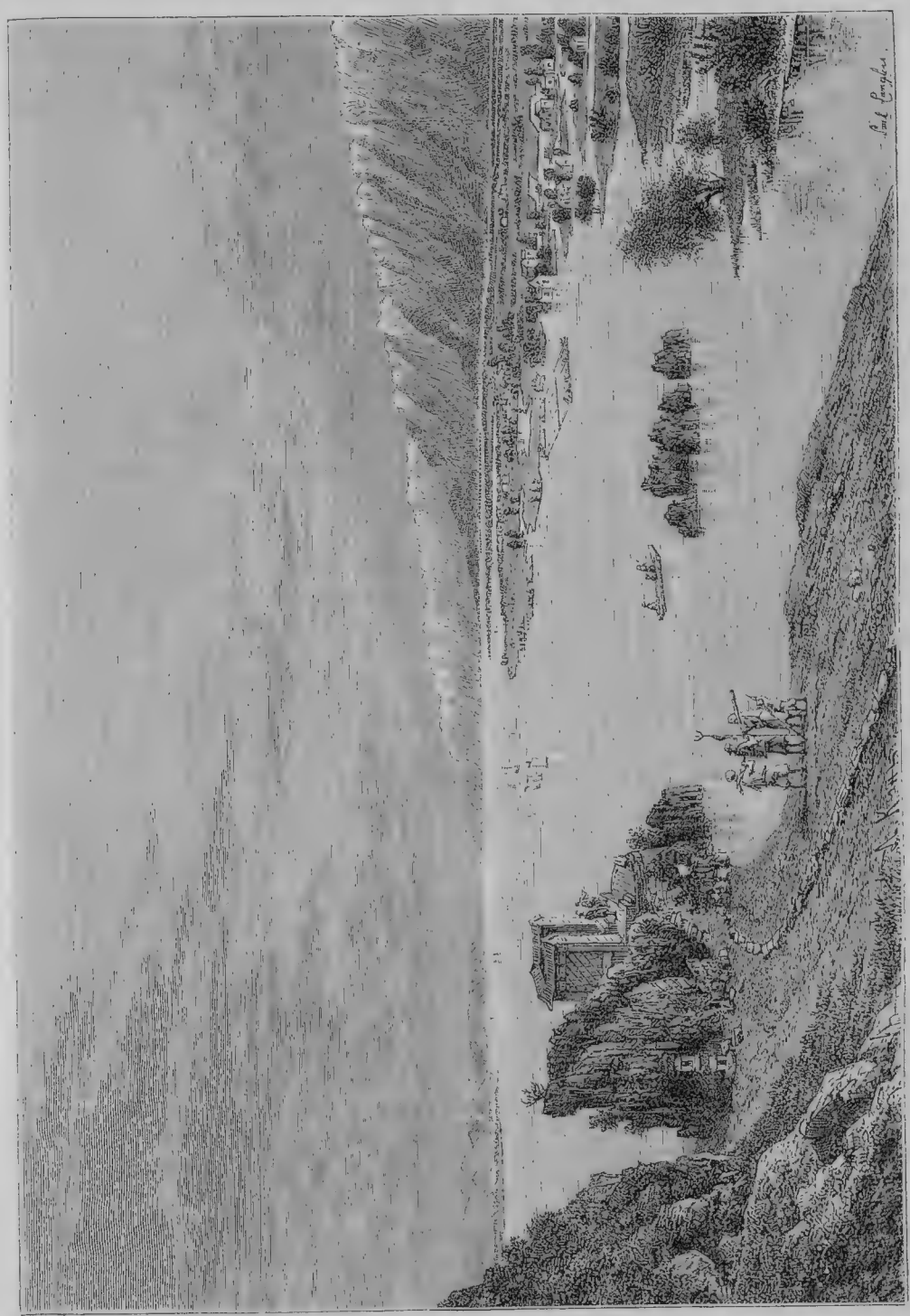
Бассейнъ Хуанъ-хэ или Гоанъ-го, то-есть «Желтой рѣки», обнимаетъ, въ Тибетѣ и въ «Срединномъ цвѣткѣ» или собственно Китаѣ, пространство, исчисляемое въ 1.500.000 квадратныхъ километровъ, слѣдовательно, въ три раза превосходящее поверхность Франціи; однако, она составляетъ лишь второстепенный бассейнъ Китайской имперіи; иногда даже, въ теченіе вѣковъ, она была не болѣе, какъ подчиненный бассейнъ или бассейнъ притока, такъ какъ воды ея переставали течь въ океанъ и частію отклонялись къ Янъ-цзы-цзяну. Хотя весьма значительно уступающій этой великой рѣкѣ по площади бассейна, по длинѣ теченія и по объему жидкой массы, Хуанъ-хэ, тѣмъ не менѣе, довольно могучъ, чтобы образовать обширную гидрографическую систему вмѣстѣ съ Голубой рѣкой, отъ которой онъ рѣзко отличается на всемъ своемъ протяженіи, отъ истока до устья, ходомъ своихъ водъ, культурою своихъ береговъ, образомъ жизни и нравами прибрежныхъ населеній. Чтобы выразить этотъ контрастъ, китайцы сдѣлали изъ этихъ двухъ рѣкъ представителей двухъ началъ, которыя, по ихъ вѣрованію, раздѣляютъ между собой міръ мужскаго начала или *янъ* и женскаго начала или *инь*, изъ которыхъ первое почитается также принципомъ Неба, а второе принципомъ Земли: Хуанъ-хэ рѣка женскаго пола; посвященная Землѣ, она обозначается желтымъ цвѣтомъ, цвѣтомъ, который обитатели «Желтыхъ земель», естественно, приняли за цвѣтъ земной по преимуществу. Правда, что волны Хуанъ-хэ всегда имѣютъ желтоватую окраску, но и воды Янъ-цзы-цзяна едва-ли менѣе мутны, чѣмъ воды другой рѣки.

Извѣстно, что Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзянъ зарождаются на одной и той же плоской возвышенности и перерѣзываютъ однѣ и тѣ же аллювіальныя равнины въ своихъ низовьяхъ, но въ среднемъ теченіи орошаютъ мѣстности очень отдаленныя и весьма различныя однѣ отъ другихъ. По выходѣ изъ возвышенныхъ пастбищъ, усѣянныхъ таинственными «Озерами звѣздъ», которыхъ до настоящей минуты тщетно искали новѣйшіе европейскіе путешественники, Хуанъ-хэ вырывается изъ области горъ черезъ грозныя ущелья, не описывая, однако, той черезъ чуръ огромной дуги, какая изображается на большой части старинныхъ картъ [1]). Сдѣлавшись уже значительной рѣкой, онъ принимаетъ въ себя горные потоки и рѣки, берущіе начало въ высотахъ, окружающихъ озеро Куку-норъ, и вскорѣ послѣ того достигаетъ границъ пустыни, возвѣщаемой Великой стѣной. Слѣдуя далѣе въ косвенномъ направленіи на сѣверъ, онъ течетъ нѣкоторое время вдоль подошвы плоскогорій Монголіи и перерѣзываетъ хребетъ Ала-шань, выходитъ даже за предѣлы территоріи собственнаго Китая, чтобы обойти Ордосскій край, и проникаетъ въ область пустыни. Песчаныя дюны подступаютъ къ самому берегу потока черезъ брешь, открывающуюся между цѣпями Ала-шань и Инъ-шань, и соляныя озера наполняютъ впадины долины въ непосредственномъ сосѣдствѣ рѣки. Вѣроятно, что въ прежнее время Желтая рѣка разливалась въ видѣ обширнаго озера въ пространствѣ, раздѣляющемъ двѣ названныя горныя цѣпи; въ этомъ мѣстѣ своего теченія Хуанъ-хэ развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, которые мѣняютъ мѣсто, смотря по разливамъ [2]). Во время путешествія Пржеваль-

[1]) М. Н. Пржевальскій, „Бесѣды въ Географическомъ Обществѣ", въ 1881 г.

[2]) Raphael Pumpelly, „Geological Researches in China; Smithsonian Contributions to Knowledge", 1866.

скаго, въ 1871 году, главнымъ потокомъ былъ южный рукавъ, средняя ширина котораго около 400 метровъ; но рукавъ этотъ былъ, очевидно, недавняго образованія, и нѣсколько



Озеро Да-ли.

боковыхъ потоковъ извивались по равнинѣ, доходя до основанія горъ Инъ-шань [1]). Эти-то перемѣщенія теченія, вѣроятно, и подали поводъ къ легендѣ, что будто бы рѣка исчезаетъ цѣликомъ въ пескахъ, огибая Ордосскій полуостровъ, послѣ чего ниже снова выходитъ на поверхность земли, среди скалъ [1]).

Ниже этой полуозерной области, свидѣтельствующей о существованіи нѣкогда въ этомъ мѣстѣ естественной запруды, рѣка, которая

[1]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ“.

[1]) Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“.

снова приняла восточное направленіе, ударяется о гнейсовыя горы, образующія на юго-востокѣ внѣшніе уступы плоской возвышенности Монголіи. Геологъ Помпелли полагаетъ, что ему удалось отыскать слѣды стараго ложа, по которому прежде протекала Желтая рѣка, слѣдуя вдоль подошвы монгольскаго нагорья; многочисленныя озера, слѣдующія одно за другимъ въ видѣ ожерельевъ и сообщающіяся между собой посредствомъ узкихъ проходовъ, указываютъ, по его мнѣнію, мѣсто прохожденія стараго потока, который нѣкогда изливался въ Желтое море черезъ рѣку Бай-хэ. Засыпанная обвалами или запруженная изліяніями лавы, Хуанъ-хэ должена была измѣнить направленіе, и теперь она поворачиваетъ прямо на югъ, пересѣкая двѣ параллельныя цѣпи горъ, такъ что эта часть теченія дополняетъ собою огромную дугу протяженіемъ болѣе 2.000 километровъ, которую она описываетъ вокругъ Ордосскаго края и провинціи Шэнь-си. Можетъ быть, къ образованію этого новаго русла Желтой рѣки и относится слѣдующая китайская легенда: «Въ это время Цзинъ-гунъ боролся съ Чжуанъ-чжоу изъ-за господства надъ міромъ. Въ ярости онъ ударилъ своимъ рогомъ въ гору Бу-чи-ао (Putchiao), поддерживающую столбы неба, и цѣпи земли порвались. Небеса обрушились на сѣверо-западѣ, и земля широко растреснулась на юго-востокѣ» [1]). По свидѣтельству католическихъ миссіонеровъ прошлаго столѣтія, одинъ видъ рыбъ встрѣчается только близъ Бао-дэ-чжоу, въ той части Хуанъ-хэ, которая отдѣляетъ провинцію Шэнь-си отъ провинціи Шань-си; такимъ образомъ фауна напоминаетъ о существовавшемъ нѣкогда разобщеніи двухъ половинъ нынѣшней рѣки.

Крутой поворотъ къ востоку, при сліяніи съ рѣкой Вэй-хэ, ограничиваетъ точнымъ образомъ среднее теченіе главной рѣки, ниже большаго прорыва. Можно сказать въ извѣстномъ смыслѣ, что Хуанъ-хэ, несмотря на обиліе его водъ, есть притокъ Вэй-хэ, ибо эта послѣдняя рѣка, такъ же, какъ, напримѣръ, Сена, соединяющаяся съ Роной, сохраняетъ свое первоначальное направленіе, и ея долина, колыбель китайской цивилизаціи, есть одна изъ правильныхъ, которыя открываются параллельно хребтамъ центральнаго Китая [2]). При томъ же Вэй-хэ, самый большой изъ притоковъ Желтой рѣки, важнѣе послѣдней для судоходства: тысячи плоскодонныхъ барокъ поднимаются вверхъ по теченію его до половины дороги отъ того колѣна при Лань-чжоу-фу, откуда начинается поворотъ Хуанъ-хэ къ Монголіи.

Обѣ названныя рѣки одинаково насыщены землистыми частицами, которыя онѣ увлекаютъ, размывая и подтачивая рыхлыя земли своихъ высокихъ береговъ и обрывистые береговые утесы, состоящіе изъ «желтозема». Неизвѣстно еще съ точностью, какъ велика средняя пропорція мути въ водѣ Хуанъ-хэ, такъ какъ надъ этимъ до сихъ поръ сдѣлано было весьма немного наблюденій. Въ 1792 году, англичанинъ Стонтонъ въ первый разъ попытался измѣрить стокъ рѣки или количество протекающей въ секунду воды: онъ вычислилъ, что доля землистыхъ частицъ, уносимая потокомъ желтоватой воды, составляетъ двѣ сотыхъ объема жидкой массы. Предполагая что не было ошибки въ наблюденіи, эта пропорція твердыхъ веществъ представляется совершенно исключительной по своей громадности: среднимъ числомъ, наносы должны быть въ три или четыре раза меньше, какъ это мы видимъ въ рѣкахъ, содержащихъ сравнительно наибольшее количество землистыхъ осадковъ, каковы, напримѣръ, Гангъ и Бай-хэ [1]); тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что между «рѣками работницами» Хуанъ-хэ есть одна изъ тѣхъ, которыя съ наибольшей силой и въ наибольшихъ размѣрахъ разрушаютъ свои высокіе берега, перенося обломки, послѣдовательно отъ этапа къ этапу, на берега нижняго теченія или на плоскіе берега области устья. Проѣзжая вдоль края Хуанъ-хэ, которая въ этомъ мѣстѣ подтачиваетъ основаніе своего берега, Вильямсонъ сравнивалъ дѣйствіе каждой послѣдовательной волны потока съ размахомъ косы, гуляющей въ густой травѣ луга: при каждомъ ударѣ рѣки полоса берега исчезала въ желтоватой водѣ [2]).

Но размываніе береговъ составляетъ для прибрежныхъ жителей еще самую малую изъ угрожающихъ имъ опасностей. Съ извѣстной точки зрѣнія они должны еще больше бояться наноса плодотворнаго ила, обновляющаго почву ихъ полей, ибо эти отлагаемыя рѣкой земли постоянно увеличиваютъ высоту береговъ: мало по малу естественныя плотины воздвигаются-по-краямъ рѣки на всемъ ея теченіи; соразмѣрно тому повышается дно ложа, и когда наступаютъ разливы, когда одинъ изъ береговъ размытъ, прорванъ потокомъ, или когда вода поднимается выше естественной насыпи, тогда образуется новый рукавъ и опустошаетъ прилегающую мѣстность. Такимъ образомъ, подобно Нилу, По, Миссисипи, Желтая рѣка во время большихъ разливовъ течетъ на уровнѣ болѣе высокомъ, нежели уровень сосѣднихъ равнинъ, и подъ вліяніемъ страха, у котораго всегда глаза велики, мѣстное населеніе не премину вообразить себѣ эту разность уровней гораздо болѣе значительной, чѣмъ какова она есть въ дѣйстви-

[1]) Klaproth;—Ritter;—Pumpelly.
[2]) Карлъ Риттеръ, „Азія“, т. IV.

[1]) Guppy, „Nature“, 23 sept. 1880.
[2]) Williamson, „Journeys in North China, Manchuria and Mongolia“.

тельности. Въ Италіи часто повторяли, да и теперь еще повторяютъ, что «воды По текутъ выше крышъ Феррары»; точно также китайскіе писатели, цитируемые Карломъ Риттеромъ, утверждаютъ, что во время половодья поверхность потока въ руслѣ Желтой рѣки превышаетъ на 11 чановъ, или на 33 метра, плоскость прибрежныхъ равнинъ! Это, конечно, большое преувеличеніе, но нельзя отрицать того, что въ періоды разливовъ происходитъ угрожающая разность уровней воды и суши, и жители страны принуждены тогда употреблять всѣ усилія, чтобы защитить свои дома, свои посѣвы и даже свою жизнь противъ вы[illegible]упленія изъ береговъ грозной стихіи.

Подобно прибрежнымъ обитателямъ По, Лу[illegible]ы, Миссисипи, населеніе, сгруппированное по теченію Хуанъ-хэ, прибѣгло къ системѣ искусственныхъ плотинъ, чтобы сдерживать потокъ въ берегахъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки тянутся магистральныя насыпи изъ глины, подпираемыя земляными отводами или контръ-плотинами, которыя, въ свою очередь, опираются на второстепенныя плотины. Выше города Кай-фынъ-фу, двѣ главныя плотины лѣваго берега, имѣющія не менѣе 22 метровъ высоты, тянутся параллельно рѣкѣ, на разстояніи 3.200 и 2.400 метровъ отъ естественнаго высокаго берега, и пространство, предоставленное водамъ разлива, между этими валами и рѣкой, разрѣзано на длинные прямоугольники поперечными плотинами [1]). Наиболѣе угрожаемыя прибрежныя мѣстности раздѣлены такимъ образомъ на многочисленныя небольшія городки, гдѣ задерживаются воды наводненія, и гдѣ земледѣльцы сѣютъ свое зерно и собираютъ свои жатвы въ промежутокъ между двумя послѣдовательными разливами. Прежде чѣмъ излиться въ открытую равнину, поднимающаяся вода должна прорваться черезъ нѣсколько валовъ: если хотя одинъ изъ нихъ, послѣдній, выдержитъ напоръ потока, то страна спасена отъ бѣдствія. Но вся эта сѣть боковыхъ плотинъ, надъ исправнымъ содержаніемъ и починкой которыхъ постоянно трудится масса рабочихъ, имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ постепенное возвышеніе береговъ, какъ результатъ быстраго отложенія наносовъ въ упомянутыхъ перегородкахъ между насыпями. Соразмѣрно тому увеличивается разность высоты между рѣчнымъ уровнемъ и уровнемъ низменныхъ равнинъ; чѣмъ выше поднимаютъ плотины, тѣмъ болѣе угрожающей становится рѣка; опасность даже возрастаетъ пропорціонально усиліямъ, которыя дѣлаетъ населеніе, чтобы отвратить ее. Однако, когда Хуанъ-хэ, такъ сказать, «виситъ» надъ прибрежными мѣстностями, можно прибѣгать къ прорытію каналовъ, которые уносятъ излишекъ водъ къ той или другой изъ болотистыхъ или озерныхъ впадинъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ Янъ-цзы-цзяна, въ области Цзянъ-су: такъ, въ 1780 году императоръ Цянь-лунъ приказалъ выкопать въ пятнадцать мѣсяцевъ каналъ длиною около 100 километровъ, который отбросилъ половину Желтой рѣки въ озеро Хунъ-цзэ-ху [1]). Открытые во-время, эти водоотводные каналы могутъ предупредить образованіе прорывовъ; но перемѣны временъ года и колебанія рѣчнаго уровня не всегда могутъ быть предвидѣны, плотины не всегда и не вездѣ въ исправномъ состояніи, особенно въ эпохи междоусобій и гражданскихъ войнъ или вслѣдствіе нерадѣнія и постояннаго хищенія чиновниковъ, и потому нерѣдко случается, что рѣка то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ открываетъ себѣ брешь черезъ сдерживающія ее плотины, чтобы продолжать свою геологическую работу, преобразованіе равнины. Благодаря этимъ перемѣщеніямъ рѣчнаго ложа, почва наводняемыхъ мѣстностей повышается, посѣвы цѣлыхъ странъ потопляются разомъ, и милліоны людей дѣлаются жертвой голода. Въ то же время города и деревни смываются волной потопа, ибо китайцы не догадались, какъ это дѣлали древніе египтяне и дѣлаютъ современные калифорнцы, строить свои группы жилищъ на искусственныхъ площадкахъ, поднимающихся выше уровня наводненія. Хуанъ-хэ до настоящей минуты осталась все той же Ни-хэ или «неисправимой рѣкой», какъ ее называютъ древніе китайскіе писатели [2]). Можетъ быть тоже намекая на его страшные разливы, и монголы дали этому «Бичу дѣтей Хань» прозвище Кара-мурэнь или «Черная рѣка», упоминаемое въ книгѣ Марко Поло. Прибрежныя населенія находятся во власти перваго начальника непріятельскаго войска или инсургентскихъ бандъ, который можетъ разрушить оборонительныя плотины. Въ 1209 году вторженіе водъ Хуанъ-хэ въ лагерь Чингисъ-хана было причиной одного изъ рѣдкихъ пораженій, которыя пришлось испытать этому завоевателю [3]). Въ 1642 году одинъ мандаринъ потопилъ 200.000 жителей въ городѣ Кай-фынъ-фу, а въ позднѣйшую эпоху императоръ Канъ-си предалъ смерти такимъ же способомъ полмилліона своихъ подданныхъ [4]).

Равнина, въ которой перемѣщаются послѣдовательно воды Желтой рѣки, обнимаетъ

[1]) Oxenham, „Mittheilungen von Petermann“, IV, 1870.

[1]) Amiot, „Mémoires concernant l'histoire de Chinois“, t. IX;—Carl Ritter, „Asien“, t. IV.

[2]) Porter Smith, „Geographical Magazine“, april 1873.

[3]) Дж. Плано Карпини, глава V;—D'Avezac, „Voyages et Mémoires publiés par la Société de Geographie de Paris“, tome IV, 2-e partie.

[4]) Barrow, „Travels in China“; — Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“.

громадное пространство, простирающееся отъ устьевъ Бай-хэ до устьевъ Янъ-цзы-цзяна: такимъ образомъ рѣка, словно маятникъ, качается вправо и влѣво на протяженіи около 900 километровъ отъ сѣвера къ югу. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара мы не встрѣчаемъ примѣра столь значительныхъ перемѣнъ въ современной исторіи рѣкъ; чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ передвиженіяхъ теченія, опустошающихъ обширную область, равную по пространству Великобританіи, нужно вообразить, напримѣръ, Рейнъ переставшимъ течь къ Голландіи, ниже Кельна, и направляющимся черезъ равнины Сѣверной Германіи до нынѣшняго устья Вислы. Это происходитъ оттого, что Хуанъ-хэ, пройдя извилистой линіей свою аллювіальную равнину, засоренное наносами дно бывшаго моря, ударяется именно о западную оконечность горныхъ цѣпей полуострова Шань-дуна; потокъ его уклоняется либо вправо, либо влѣво отъ исполинскаго естественнаго мола, а искусственное повышеніе уровня рѣчныхъ водъ системой береговыхъ плотинъ еще болѣе увеличиваетъ силу, съ которою потокъ устремляется въ ту или другую сторону, чтобы преодолѣть препятствіе, являющееся въ видѣ порога, который раздѣляетъ въ этомъ мѣстѣ двѣ покатости равнины. Со временъ глубокой древности, съ миѳической эпохи императора Юй, жившаго, по словамъ лѣтописей, безъ малаго четыре тысячи двѣсти лѣтъ тому назадъ, частныя или полныя, перемѣны направленія теченія составляютъ одно изъ обыкновенныхъ явленій, отмѣчаемыхъ историками Желтой рѣки: нѣкоторые миссіонеры даже хотѣли видѣть «потопъ» въ одномъ изъ этихъ большихъ наводненій, на которыя, по ихъ выраженію, «жители равнины жаловались вздыхая». Въ періодъ послѣднихъ двадцати пяти столѣтій, начиная съ 600 года старой эры, нижній Хуанъ-хэ совершенно перемѣстился девять разъ [1]), вырывая себѣ одно или нѣсколькихъ новыхъ руслъ въ аллювіальной равнинѣ, и каждое изъ этихъ событій имѣло слѣдствіемъ частное запустѣніе и уменьшеніе населенности страны.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія теченіе Желтой рѣки направлялось на юго-востокъ, ниже города Кай-фынъ-фу, и изливалось въ море почти около середины разстоянія, отдѣляющаго полуостровъ Шань-дунъ отъ лимана Янъ-цзы-цзяна; кромѣ того, небольшой отдѣлявшійся потокъ или рукавъ катилъ воды, переходя изъ озера въ озеро, къ этой послѣдней рѣкѣ. Но въ 1852 году, въ эпоху, когда начались опустошенія тайпиновъ, прибрежные жители Хуанъ-хэ, переставъ поддерживать береговыя насыпи, тѣмъ самымъ позволили рѣкѣ открыть себѣ черезъ плотины ея лѣваго берега, близъ деревни Лунъ-мынь-коу, брешь, шириною въ полтора километра. Однако, старое ложе не совсѣмъ обсохло, и въ продолженіе двухъ лѣтъ новая рѣка, блуждая среди сѣверныхъ равнинъ, искала себѣ дорогу къ Чжилійскому заливу; только въ 1854 году перемѣна сдѣлалась окончательной. Съ этого времени Желтая рѣка текла на сѣверо-востокъ, безъ рѣчного русла во многихъ мѣстахъ, и сохраняя видъ постояннаго наводненія отъ 15 до 25 километровъ въ ширину, заимствуя въ другихъ мѣстахъ какой-нибудь каналъ, естественный или искусственный, который она старалась расширить и углубить соотвѣтственно своимъ размѣрамъ. Такъ, въ нижней части своего теченія, она приняла себѣ ложе Да-цинъ-хэ, до того времени независимой рѣки. На берегахъ покинутаго русла, которое долго оставалось наполненнымъ лужами, сыпучими песками, низкимъ кустарникомъ, возвышались оборонительныя плотины, подобныя валамъ, и почти вездѣ превосходно сохранившіяся. Но если береговыя плотины продолжали стоять невредимыми, то большая часть прибрежныхъ селеній были обращены въ груды развалинъ, города опустѣли, поля превратились въ залежи и поросли дикой травой. Перемѣна теченія Хуанъ-хэ была двойнымъ бѣдствіемъ для края: съ одной стороны, воды затопили плодородныя земли, съ другой—онѣ покинули мѣстности, которыя не могутъ ничего производить безъ орошенія, и которыя обязаны были всѣмъ своимъ богатствомъ и населенностью плодотворнымъ ирригаціоннымъ каналамъ, проведеннымъ изъ рѣки. Непосредственное зло, которое надѣлало наводненіе въ мѣстностяхъ, пробѣгаемыхъ нынѣ Хуанъ-хэ, представляется маловажнымъ въ сравненіи съ вредомъ, который онъ причинилъ косвенно, удалившись съ песчаныхъ пространствъ, все плодородіе которыхъ происходило отъ присутствія его водъ. Оттого-то жители южной страны неоднократно ходатайствовали о томъ, чтобы перевели рѣку обратно въ ея старое канализованное русло, лежащее на 7 или на 8 метровъ выше ея новаго теченія [1]); но мало-по-малу населенія свыкаются съ совершившейся перемѣной, и въ то время, какъ покинутое ложе покрывается воздѣланными полями, умножающимися изъ года въ годъ, и мѣстами на немъ даже основались деревни [2]), нынѣшняя Хуанъ-хэ уже обведена боковыми плотинами на протяженіи болѣе 160 километровъ, и ея русло сдѣлалось болѣе правильнымъ, хотя ши-

[1]) Сочиненіе Чинху-вея, издан. въ 1705 г.;—E. Biot, „Journal Asiatique“, 1834;—Raphael Pumpelly, „Geological Researches in China“;—Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, 1871;—D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine“.

[1]) Ney Elias, „Journal of the Geographical Society of London“, febr. 1870.

[2]) A. Williamson, цитированное сочиненіе;—Карта стараго русла Хуанъ-хэ, составленная Лифанбао.

рина его весьма различна, измѣняясь отъ 3 километровъ до 200 метровъ [1]). А сколько человѣческимъ жизней погубило это перемѣщеніе рѣчнаго теченія произведенными имъ опустошеніями и голодомъ, который былъ ихъ неминуемымъ слѣдствіемъ! Всѣ путешественники, которымъ случилось видѣть разрушенныя деревни, покинутые города, поля и нивы, покрытыя тиной или засыпанныя подвижнымъ пескомъ, исчисляютъ въ нѣсколько милліоновъ число жертвъ [2]). Въ 1870 году новое бѣдствіе угрожало странѣ: открылась трещина въ плотинѣ праваго берега, выше Кай-фынъ-фу; но успѣли во-время запереть ее. Этотъ разъ выступившія изъ береговъ воды приняли направленіе къ Голубой рѣкѣ черезъ рѣки Го-лоу-хэ и Ш[illegible]-хэ и черезъ озеро Хунъ-цзэ-ху, на западъ отъ стараго ложа. *Въ сентябрѣ 1887 года случился другой прорывъ около города Чжунъ-чжоу, и воды рѣки разлились по равнинамъ провинціи Хэ-нань и Ань-хой, затопивъ цѣлыя сотни деревень и городовъ. Послѣ этого китайское правительство энергически принялось за урегулированіе Хуанъ-хэ и, несмотря на доморощенныя средства китайской гидротехники, ей удалось исправить старыя и возвести новыя плотины, такъ что въ январѣ 1889 г. рѣка снова потекла въ сѣверо-восточномъ направленіи по старому руслу. По разсказамъ нѣкоторыхъ голландскихъ спеціалистовъ, изслѣдовавшихъ въ то время, по предложенію Ли-хунъ-чжана, рѣку, плотина, выстроенная китайцами на мѣстѣ прорыва, имѣла въ длину 2[illegible]0 метровъ, при наибольшей ширинѣ въ 400 и наименьшей въ 130 фут.; вышина же ея доходила до 17, въ иныхъ мѣстахъ до 33 фут. надъ уровнемъ рѣки. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что постройка плотины главнымъ образомъ затруднялась весьма быстрымъ теченіемъ въ самомъ прорывѣ и глубиною воды въ 100 фут. Голландцы по этому поводу совершенно справедливо замѣчаютъ, что увѣнчанныя такимъ успѣхомъ работы возбудили ихъ удивленіе въ высшей степени [3]).* Кажется, впрочемъ, что посредствомъ боковыхъ просачиваній и маленькихъ трещинъ, образующихся то на правой, то на лѣвой сторонѣ, Хуанъ-хэ не перестаетъ быть данникомъ рѣкъ Янъ-цзы-цзяна, Хуай-хэ и Бай-хэ. Путешественниковъ поражаетъ сильное уменьшеніе объема водъ, которое представляетъ Желтая рѣка въ своемъ нижнемъ теченіи у Ци-хэ, близъ Цзи-нань-фу; ее едва можно сравнивать съ могучей массой воды, которая течетъ выше Кай-фынъ-фу, при выходѣ потока изъ области холмовъ; мостъ, построенный на бывшей рѣкѣ Да-цинъ-хэ, еще высовываетъ изъ воды остатки своихъ восьми быковъ на трехъ четвертяхъ ширины Хуанъ-хэ: большая часть рѣчнаго объема потерялась по дорогѣ въ озерахъ, въ болотахъ, въ подземныхъ ручьяхъ [1]).

По изслѣдованіямъ N. Elias'a, Желтая рѣка раздѣлялась выше Императорскаго канала на протяженіи болѣе ста верстъ на два рукава, Южный изъ нихъ впослѣдствіи отгородили на обоихъ концахъ его плотинами, и въ настоящее время, говорятъ, онъ совсѣмъ высохъ. Относительно устья слѣдуетъ еще замѣтить, что въ половинѣ 1889 года образовалось новое, начинающееся приблизительно въ 5 верстахъ выше Тѣ-мынь-гуаня и направляющееся на востокъ къ морю [2]).

Въ сосѣдствѣ Чжилійскаго залива, рѣка блуждаетъ между болотистыми пространствами, которыя, очевидно, суть не что иное, какъ недавно выступившее изъ-подъ воды морское дно. Городъ Пу-тай, который двѣ тысячи сто лѣтъ назадъ тому, какъ говорятъ, лежалъ въ 500 метрахъ отъ моря, теперь находится на разстояніи 70 километровъ отъ морскаго берега [3]). Окружающія земли еще насыщены солью, и жители города Тѣ-мынь-гуаня посредствомъ простаго промыванія получаютъ соль сноснаго качества. Послѣдняя группа жилищъ на Желтой рѣкѣ возвышается на раковистомъ пригоркѣ, который нѣкогда былъ островкомъ и даетъ убѣжище рѣзальщикамъ камыша и буддійскимъ монахамъ недавно сооруженной кумирни. Купеческія джонки должны останавливаться въ морѣ передъ баромъ, не потому, чтобы онъ былъ не переходимъ, такъ какъ даже при низкой водѣ отлива глубина не менѣе 2 метровъ, но потому, что рѣка слишкомъ узка и суда не могутъ въ ней свободно маневрировать. Маленькія барки перевозятъ товары съ морскихъ джонокъ въ укрѣпленный портъ Тѣ-мынь-гуань, лежащій въ 40 километрахъ выше рѣчнаго устья. Это почти все судоходство, которое производится на Хуанъ-хэ, рѣкѣ неуправимой. Ею пользуются только для установленія паромовъ, которые отъ одного берега до другаго употребляютъ во многихъ мѣстахъ цѣлые часы опасной переправы, и которые отталкиваются при помощи багра или длиннаго шеста, упирающагося въ дно, лежащее на разстояніи отъ 1 до 2 метровъ отъ поверхности; большія глубины находятъ только у подошвы крутыхъ, обвалившихся вслѣдствіе размыванія, береговъ. Во всемъ бассейнѣ нижняго Хуанъ-хэ, и особенно въ провинціи Хэ-нань, ручная одноколесная телѣжка составляетъ главное средство перевозки тяжестей, и въ нѣко-

[1]) Morrison, „Proceedings of the Geographical Society of London", febr. 1879.

[2]) Ney Elias; — Lockhard; — Sherard Osborne; — Macgowan.

[3]) Ney Elias, цитированный мемуаръ.

[1]) Ney Elias; — A. Williamson, цитированныя сочиненія.

[2]) См. Веберъ, „Алф. указатель географ. именъ къ картѣ сѣв.-вост. Китая", первое примѣчаніе, на стр. 70.

[3]) Raphael Pumpelly, цитированный мемуаръ.

торыхъ округахъ, откуда отправляютъ каменный уголь и соль, кательщики тачекъ имѣютъ монополію пользованія дорогой въ продолженіе цѣлаго дня: только ночью могутъ проѣзжать повозки и другіе экипажи [1]). Когда дуетъ попутный вѣтеръ, всѣ эти тачки, распустившія паруса и слѣдующія одна за другой нескончаемой вереницей, представляютъ въ высшей степени курьезное зрѣлище. Верхній Хуанъ-хэ, въ провинціи Гань-су, былъ бы судоходенъ для барокъ, но китайцы этого края, въ противоположность своимъ соотечественникамъ, жителямъ береговъ Голубой рѣки предпочитаютъ носить на себѣ свои продукты, вмѣсто того, чтобы перевозить ихъ водой [2]).

Императорскій каналъ, о которомъ такъ часто говорятъ европейскіе писатели, особенно писатели прошлаго столѣтія, есть одно изъ чудесъ человѣческой индустріи, впрочемъ, менѣе необычайное или грандіозное, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Этотъ судоходный путь не есть, какъ наши европейскіе каналы, напримѣръ, Южный каналъ (canal du Midi) во Франціи или Готскій каналъ въ Швеціи, траншея, разрѣзывающая горы отъ одного до другаго склона, поднимающаяся послѣдовательными ступенями съ одной стороны и снова спускающаяся такими же уступами на другомъ скатѣ, это просто рядъ покинутыхъ рѣчныхъ ложъ, озеръ, болотъ, соединенныхъ другъ съ другомъ незначительными прокопами. Оттого этотъ каналъ почти вездѣ сохранилъ видъ рѣки съ извилистымъ русломъ и неравной ширины. Какъ разсказываетъ Марко Поло, императору Хубилаю, жившему въ тринадцатомъ столѣтіи, нужно было только соединить рѣку съ рѣкой и болото съ болотомъ, чтобы устроить судоходный путь, Юнь-хэ или «Рѣку транспортовъ». Впрочемъ, задолго до этой эпохи, ладейщики перевозили товары изъ бассейна Янъ-цзы-цзяна въ бассейнъ Бай-хэ, но они должны были выгружать свои барки во многихъ мѣстахъ и съ большимъ трудомъ продолжать перевозку пѣшкомъ черезъ волоки. Смотря по перемѣнамъ наводненій и спада водъ, путь приходилось то и дѣло перемѣщать: никогда маршрутъ, по которому нужно было слѣдовать между Голубой рѣкой и сѣверными провинціями Китая, не былъ въ точности тотъ же самый. Но хотя положеніе и направленіе Большаго канала было напередъ указано озерами, болотами и потоками или рукавами, выдѣляющимися изъ рѣкъ, и хотя имъ пользовались въ большей или меньшей мѣрѣ во всѣ времена, тѣмъ не менѣе трудъ, потраченный на устройство и содержаніе этого судоходнаго пути, былъ по истинѣ громаденъ: нужно считать милліонами работниковъ, которые слѣдовали одни за другими на берегахъ Юнь-хэ, трудясь надъ сооруженіемъ береговыхъ плотинъ, чисткой дна при помощи землечерпальныхъ снарядовъ, регулированіемъ теченія посредствомъ шлюзовъ, перемѣщеніемъ потока у подходовъ къ озерамъ, открытымъ всей ярости вѣтровъ [1]). Весьма вѣроятно, что настоящій каналъ, вырытый правильно и окончательнымъ образомъ, какъ европейскіе каналы, потребовалъ бы гораздо меньше затратъ и усилій. Питательныя воды доставляются въ изобиліи самимъ Хуанъ-хэ, различными притоками и рѣками полуострова Шань-дунъ, особенно рѣкой Вынь-хэ или Да-вынь-хэ, которая дѣлится на два потока или рукава на водораздѣльномъ порогѣ: часть ея водъ пускается на сѣверъ къ нынѣшнему теченію Хуанъ-хэ и къ Чжилійскому заливу; другая часть, наиболѣе обильная по Вильямсону, изливается на югъ въ направленіи къ Янъ-цзы-цзяну: храмъ, воздвигнутый въ честь «Царя драконовъ водораздѣла», господствуетъ надъ берегомъ въ этомъ чтимомъ, какъ святыня, мѣстѣ [2]). Извѣстно, что въ послѣднія времена «Рѣка транспортовъ» много утратила свою важность, и теперь даже барка не можетъ пройти ее на всемъ протяженіи; тутъ наносы наполнили траншею, тамъ плотины обрушились, и вода разлилась широко въ видѣ болотъ; мѣстами каналъ представляетъ просто рядъ лужъ. Благодаря пару, снабженіе Пекина и сѣвернаго Китая жизненными припасами производится отнынѣ моремъ, и канализованный водный путь, проходящій внутри земли, не имѣетъ уже той цѣны, какъ прежде, для общей торговли страны. Но онъ все еще очень полезенъ для мѣстнаго движенія торговаго обмѣна, и послѣ лѣтнихъ дождей, когда уровень рѣкъ поднимается, джонки съ рисомъ цѣлыми караванами, въ нѣсколько сотъ вымоловъ каждый, отправляются по каналу на сѣверъ.

Количество протекающей въ Хуанъ-хэ воды, которое такъ важно было бы знать, до сихъ поръ еще не было измѣрено, ибо исчисленіе Стонтона, въ 1792 году, сдѣланное во время переправы черезъ Большой каналъ, примѣнялось къ части рѣки, гдѣ потеря жидкости путемъ просачиванія уже весьма значительна, и не представляло никакихъ данныхъ для сравненія рѣчныхъ стоковъ въ разныя эпохи года. Это исчисленіе даетъ для стока Хуанъ-хэ въ цѣломъ только 3.284 кубическихъ метра въ секунду: это почти такой же объемъ воды, какой найденъ для Нила, и треть объема, протекающаго въ Дунаѣ; но весьма вѣроятно, что

[1]) Williamson, цитированное сочиненіе.
[2]) Huc, „Empire Chinois“.

[1]) Сѣверная часть канала построена въ 1289 году, южная же между Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяномъ существовала еще за 5 вѣковъ до Рождества Христова.
[2]) Staunton, „Embassy“; — Ney Elias, цитированный мемуаръ; — Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“.

средняя величина теченія въ Желтой рѣкѣ гораздо значительнѣе. По отзыву голландскихъ техниковъ, вода, добытая ими 14 (26) апрѣля 1889 г. у самаго берега рѣки около города Сышуй-сяня, въ глубинѣ 1,75 метровъ подъ поверхностью и 0,5 метровъ надъ дномъ рѣки, содержала въ себѣ 3.708 граммъ ила на одинъ кубическій метръ; въ водѣ, взятой 9 (21) мая того же года противъ города Ци-хэ-сяня въ срединѣ рѣки и съ поверхности ея, оказалось даже 5.629 граммъ ила на одинъ кубическій метръ. Въ нижнемъ Дунаѣ имѣется всего лишь отъ 354 до 2.151 граммъ ила въ кубическомъ метрѣ воды, смотря по времени года [1])*. Какъ бы то ни было, масса воды, содержащей большое количество твердыхъ землистыхъ частицъ, достаточна для того, чтобы способствовать каждый годъ замѣтнымъ образомъ уменьшенію водной площади Чжилійскаго залива и Желтаго моря. За продолженіе тридцати лѣтъ своего новаго теченія въ сѣверномъ направленіи Хуанъ-хэ отложеніемъ своихъ осадковъ заставилъ линію береговъ чувствительно выдвинуться впередъ и захватить полосу залива. Точно также старое мѣсто впаденія въ Хуанъ-хай или Желтое море обозначено выступомъ прибрежья, и типичныя мели далеко выдвигаются въ море. По исчисленіямъ, болѣе или менѣе приблизительнымъ, Стонтона и Барро, наносы Желтой рѣки достаточны, чтобы образовать въ продолженіе двадцати пяти дней островъ пространствомъ въ одинъ квадратный километръ и средней толщиной въ 36 метровъ. Согласно исчисленію тѣхъ же авторовъ, все Желтое море должно исчезнуть отъ этихъ наносовъ въ 24.000 лѣтъ, какъ уже исчезли внутреннія моря на западѣ отъ полуострова Шань-дунъ; но Желтое море немного болѣе глубоко, чѣмъ принимаютъ названные англійскіе писатели; по новѣйшимъ морскимъ картамъ, средняя глубина составляетъ около 40 метровъ [2]). Плаваніе очень опасно на этомъ мелководномъ морѣ, обѣянномъ мелями, гдѣ судно поднимаетъ волны тины своимъ килемъ или движеніемъ своего винта, и гдѣ господствуютъ частые туманы: мореплаватели часто не могутъ найти дорогу иначе, какъ при помощи постоянныхъ промѣровъ морскаго дна. Нужно замѣтить, что названіе «Желтое море» китайцы строго ограничиваютъ морскими водами, мутными рѣчными наносами; области, гдѣ вода опять принимаетъ чистый цвѣтъ, извѣстны у нихъ подъ именемъ «Чернаго моря».

Обширныя равнины, отдѣляющія низовья Хуанъ-хэ отъ Янъ-цзы-цзяна, орошаются медленно текущими водами, Хуай-хэ, которую едва-ли даже можно разсматривать какъ независимую рѣку, несмотря на большую длину ея теченія и обиліе въ ней жидкой массы; въ продолженіе ряда вѣковъ рѣка эта не переставала блуждать въ ту и другую сторону по равнинамъ, отыскивая себѣ окончательное ложе. Часто она бывала простымъ притокомъ Хуанъ-хэ, въ другіе разы она впадала въ Янъ-цзы-цзянъ или дѣлилась между этими двумя рѣками; въ настоящее время она несетъ свои осадки въ озеро Хунъ-цзэ-ху и въ другіе озерные бассейны, остатки древняго залива, который продолжался на сѣверѣ, изолируя горы полуострова Шань-дунъ, и который рѣчные наносы, можетъ быть, частью также медленное поднятіе почвы, отдѣлили отъ открытаго моря. Вытекающая изъ озера Хунъ-цзэ-ху рѣка, которой оставили названіе Хуай-хэ, есть не что иное, какъ старое русло Хуанъ-хэ.

Горы и плоскогорья, которыя дали матеріалъ для наносовъ Желтой рѣки, и которыхъ обломки соединили островные массивы Шань-дуна съ твердой землею, еще достаточно высоки для того, чтобы продукты поверхностнаго обнаженія ихъ каменныхъ породъ могли наполнить современемъ Желтое море и преобразовать въ полуостровъ Японскій архипелагъ. Могучія цѣпи, примыкающія на западѣ къ тибетскимъ нагорьямъ и большимъ массивамъ, составляютъ водораздѣльную возвышенность между бассейнами Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяномъ, а далѣе на сѣверъ слѣдуютъ одинъ за другимъ другіе, менѣе высокіе хребты, внѣшнія ступени террасъ Монголіи.

Главная цѣпь, которая можетъ быть разсматриваема, какъ восточное продолженіе Куэнь-луня, отдѣлена отъ горныхъ кряжей Кукунора глубокимъ ущельемъ, на днѣ котораго струится ручей, выростающій впослѣдствіи въ могучую Хуанъ-хэ. Извѣстный подъ различными именами, смотря по рѣкамъ, которыя изъ него вытекаютъ, по населеніямъ, которыя живутъ въ его долинахъ, по городамъ, которые выстроились у его подошвы, этотъ горный хребетъ вообще обозначается, на югѣ отъ города Лань-чжоу-фу, напменованіемъ Синзинъ-шань. Прерываемый брешью, черезъ которую проходитъ Тао-хэ, одинъ изъ верхнихъ притоковъ Желтой рѣки, онъ опять поднимается на востокѣ, продолжая на югѣ отъ глубокой долины рѣки Вэй-хэ свой гребень, увѣнчанный снѣговыми пиками. Въ этой части своего протяженія онъ получилъ названіе Цинъ-линъ или «Голубыхъ горъ». На сѣверъ отъ города Хань-чжунъ-фу, въ высокой долинѣ рѣки Хань можно переходить эту цѣпь перевалами, удобными для ѣзды на мулахъ въ продолженіе всего года; тотъ изъ этихъ проходовъ, который выбралъ натуралистъ Арманъ Давидъ, во время своего путешествія зимой 1873 года, открывается на высотѣ 1.900 метровъ и огибаетъ на западѣ знаменитую гору Да-ба-шань. Путники, проѣзжающіе по рав-

[1]) Веберъ, „Алфавитный указатель къ картѣ Китая“.
[2]) Gupny, „Nature“, 23 sept. 1880.

пинѣ рѣки Вэй-хэ, издалека примѣчаютъ «длинный, блистающій обледенѣлыми снѣгами, хребетъ» этой горы, высота которой исчисляется различно, отъ 3.600 до 4.000 метровъ. Около середины цѣпи, гораздо далѣе на востокъ, одна вершина, имѣющая, повидимому, такую же высоту, Гуанъ-танъ-шань, превышаетъ 3.710 метровъ, по наблюденіямъ Армана Давида; другой новѣйшій путешественникъ, Рихтгофенъ, даетъ всей совокупности этой цѣпи только 2.000 метровъ средняго возвышенія [1]). Въ своей центральной части хребетъ Голубыхъ горъ, состоящій изъ гранитовъ и древнихъ сланцевъ, очень труденъ для перехода; большинство путниковъ не хотятъ взбираться на него прямо и предпочитаютъ обходить его на востокѣ, направляясь по одному изъ пониженій хребта, которыя открываются между большимъ восточнымъ колѣномъ Хуанъ-хэ и средней долиной рѣки Хань, притока Голубой рѣки. Одна изъ сѣверныхъ отраслей цѣпи Цинъ-линъ оканчивается гранитнымъ выступомъ или мысомъ горы Хуашань, который господствуетъ надъ сліяніемъ трехъ рѣкъ: Хуанъ-хэ, Вэй-хэ и Ло-шуй-хэ, и котораго вершина служила жертвенникомъ императору Шуну, уже четыре тысячи лѣтъ тому назадъ; во всѣ времена это былъ одинъ изъ «стражей» имперіи [2]). Напротивъ, по другую сторону рѣки Вэй-хэ, возвышается другая величественная гора, Фынъ-дяо-шань, о которой легенда говоритъ, что она была отдѣлена отъ горы Хуа-шань землетрясеніемъ.

Подобно Пиренеямъ, съ которыми цѣпь Цинъ-линъ представляетъ большое сходство по высотѣ вершинъ и общему виду, Голубыя горы возвышаются на рубежѣ двухъ областей растительныхъ и животныхъ. Естествоиспытатель съ удивленіемъ находитъ тамъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ виды, принадлежащіе совершенно различнымъ ботаническимъ или зоологическимъ областямъ; пальма chamaerops показывается только на скатахъ горъ; то на сѣверомъ склонѣ между древесной растительностью есть много формъ южнаго происхожденія: павловніи, катальпы, магноліи перемѣшиваются съ елями и дубами; флора этого края заключаетъ въ себѣ также березу съ красной корой, а между рододендронами встрѣчается одинъ видъ, достигающій размѣровъ дерева. Дикія животныя не находятъ болѣе безопасныхъ убѣжищъ, кромѣ какъ въ немногочисленныхъ лѣсахъ; однако, мѣстная фауна сохранила еще много видовъ сѣверныхъ и южныхъ, между прочимъ, серна, антилопъ, обезьянъ, барсовъ и одну породу быка, на котораго туземные жители не осмѣливаются охотиться изъ религіознаго уваженія [1]).

Параллельные хребты, извѣстные подъ общимъ названіемъ Фу-ни-ву (Founiou), которые продолжаютъ собою цѣпь Голубыхъ горъ на востокѣ, и которыми система Куэнь-луня оканчивается въ низменной равнинѣ, достигаютъ тамъ и сямъ, нѣкоторыми изъ своихъ округленныхъ вершинъ, высоты 2.000 метровъ, но среднее ихъ возвышеніе не превышаетъ 800 метровъ. На скатахъ этихъ горъ не увидишь ни одного деревца, такъ какъ жители провинціи Хэ-нань, старѣйшіе земледѣльцы Китая, уже за тысячи лѣтъ до нашей эпохи вырвали съ корнемъ всѣ деревья до малѣйшаго кустарника. Эти горные хребты, какъ и цѣпь Цинъ-линъ, образуютъ демаркаціонную линію между поясами Желтой и Голубой рѣкъ. Одинъ дневной переходъ переноситъ путешественника изъ одной области въ другую, и все, что онъ видитъ и слышитъ кругомъ себя, указываетъ на полный контрастъ: почва, климатъ, родъ культуры, пища жителей, средства передвиженія, совокупность нравовъ и обычаевъ, нарѣчія и даже термины официальнаго языка—все различно съ каждой стороны раздѣльнаго пояса. На югѣ земледѣльцы должны опасаться продолжительныхъ дождей, тогда какъ на сѣверѣ главный бичъ хлѣбопашества—засухи. Изъ хлѣбныхъ растеній на сѣверѣ сѣютъ пшеницу, кукурузу и просо, тогда какъ на югѣ преимущественно воздѣлываютъ рисъ. Сѣверные китайцы должны защищаться отъ зимнихъ холодовъ, и, какъ калмыки и русскіе, они спятъ ночью на кангахъ или большихъ печкахъ.

Параллельно Голубымъ горамъ, другіе горные хребты возвышаются на сѣверъ отъ долины рѣки Вэй-хэ, на полуостровѣ, ограниченномъ двумя большими колѣнами Желтой рѣки: но они пересѣкаются другими хребтами, которые направляются отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и которые образуютъ, вмѣстѣ съ первыми, родъ лабиринта, разрѣзаннаго долинами, расходящимися, въ видѣ радіусовъ, по всѣмъ направленіямъ. Нѣкоторыя изъ брешей, открывающихся при углахъ пересѣченія между различными горными цѣпями, имѣютъ капитальную важность, какъ необходимыя мѣста прохода между верхнимъ Хуанъ-хэ и нижнимъ теченіемъ рѣки: это естественная дорога, которою должны были слѣдовать во всѣ времена торговые караваны и арміи, отправляющіеся изъ одной части имперіи въ другую, и, здѣсь-то, на этомъ стратегическомъ пути, начертанномъ самой природой, отъ рѣки Вэй-хэ до излучины при Лань-чжоу-фу, произошло столкновеніе между инсургентами, дунганами и китайскими войсками. Между рѣками Цзинъ-хэ и

[1]) „Letter on the provinces of Chili, Shansi“ etc.
[2]) Edouard Biot, „Le Tchéou-li“.

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois“.

Вэй-хэ, одинъ массивъ, извѣстный прежде подъ именемъ ё, былъ, какъ и гора Хуа-шань, однимъ изъ «стражей имперіи». На сѣверо-востокѣ отъ города Лань-чжоу-фу нѣкоторыя вершины по справедливости носятъ названіе Сю-э-шань или «Снѣговыхъ горъ»; но въ цѣломъ горныя цѣпи, поднимающіяся на сѣверѣ равнины рѣки Вэй-хэ, имѣютъ незначительную высоту и только на нѣсколько сотъ метровъ превышаютъ уровень окружающихъ ихъ низменныхъ долинъ. Около середины этого полуострова гористая страна вдругъ переходитъ въ пустыню; море, покрывавшее нѣкогда Гоби или Шамо, простиралось вплоть до подошвы этихъ горъ, продолжаясь далеко на югъ отъ сѣверной дуги Хуанъ-хэ; оно было замѣнено соляными лужами и солончаковыми степями. Великая стѣна тянется въ видѣ полуокружности, длиною около 500 километровъ, слѣдуя по линіи естественной границы между двумя областями, собственно китайской провинціей Шэнь-си и монгольской территоріей.

Горные хребты, господствующіе на югѣ надъ Ордосской степью, продолжаются въ Шань-си, на востокъ отъ Хуанъ-хэ, прерываемые только узкими поперечными долинами, въ которыхъ катятся воды этой рѣки. Въ этой части своего протяженія «Западныя горы» или Шань-си, отъ которыхъ и вся эта провинція получила свое наименованіе, сохраняютъ совершенно правильное направленіе отъ юго-запада на сѣверо-востокъ. Вся страна имѣетъ форму исполинской лѣстницы, поднимающейся ступенями съ низменныхъ равнинъ провинціи Хэ-нань къ террасамъ Монголіи, но каждая ступень окаймлена длиннымъ выступомъ. Такъ образуются продольные и параллельные бассейны, въ которыхъ текутъ, извиваясь, воды до тѣхъ поръ, пока не найдутъ какой-нибудь бреши, чтобы спуститься въ равнину. Можно насчитать восемь такихъ бассейновъ, расположенныхъ ярусами одинъ надъ другимъ по направленію отъ юго-востока къ юго-западу. Для первыхъ ступеней, ближайшихъ къ низменнымъ равнинамъ, краевыми цѣпями служатъ хребты небольшаго возвышенія, только отъ 1.000 до 1.500 метровъ; но по мѣрѣ того, какъ поднимаешься далѣе къ Монголіи, приходится переходить черезъ болѣе высокія горы, и одинъ изъ этихъ выступовъ получаетъ даже такъ много снѣгу, что ему дали прозвище Сю-э-шань, то-есть «Снѣговыя горы»: это Сіерра Невада провинціи Шань-си. Около сѣверо-восточной оконечности этой снѣговой цѣпи, которая носитъ, кромѣ упомянутаго, еще и другія названія, возвышаются многія высоко чтимыя китайцами горы. Въ настоящее время наиболѣе часто посѣщаемая пилигримами вершина страны есть У-тай-шань или группа Пяти пиковъ или «Пяти столбовъ», изъ которыхъ самый высокій достигаетъ высоты 3.494 метра. Туземцы разсказываютъ, что число храмовъ, построенныхъ на его скатахъ и террасахъ, доходитъ до 360, и дѣйствительно зданія внушительныхъ размѣровъ, имѣющія каждое свою спеціальную легенду, возвышаются въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго вдоль дорогъ, по которымъ ходятъ пилигримы: одно изъ этихъ святилищъ сдѣлано все изъ чистой мѣди. По вѣрованію монголовъ, почва этихъ горъ самая благопріятная, какую только можно найти для хорошаго погребенія: тѣ, которые удостоятся счастія быть похороненными въ этой землѣ, несомнѣнно будутъ имѣть счастливое переселеніе души, и цвѣтки, распускающіеся на этихъ склонахъ, преимущественно на Южномъ пикѣ или Нань-динъ, «Узорчатой горѣ», обладаютъ особенными цѣлебными свойствами [1]). Въ самую худую и ненастную погоду, въ морозы и бури, фанатики предпринимаютъ восхожденіе на священную гору, налагая на себя самыя суровыя епитиміи. Съ высоты святыхъ горъ монгольскаго народа можно разглядѣть на сѣверѣ плоскую вершину китайской священной горы Хэнъ-шань, также почитаемой однимъ изъ стражей Срединнаго царства. Традиціонныя жертвоприношенія еще совершаются по прежнему на этой горѣ, но «дѣти Ханъ» не выказываютъ такого религіознаго усердія, какъ ихъ монгольскіе подданные, и ихъ святилище далеко не привлекаетъ такого множества поклонниковъ, какъ храмы горы У-тай-шань.

За исключеніемъ области высокихъ горныхъ цѣпей и аллювіальныхъ равнинъ, почти весь бассейнъ Желтой рѣки покрытъ слоемъ Ханъ-ту, то-есть «желтой земли» или желтозема. Провинціи Чжи-ли, Шань-си, Гань-су, половина провинціи Шэнь-си, сѣверная часть провинціи Хэ-нань, обширныя протяженія полуострова Шань-дунъ одѣты этими отложеніями, надъ которыми возвышаются вершины горъ, какъ острова посреди моря. Эти формаціи, обнимающія пространство болѣе обширное, чѣмъ вся Франція, простираются кусками вплоть до береговъ Голубой рѣки, а съ западной стороны онѣ прилегаютъ къ тибетскимъ нагорьямъ. Въ этихъ странахъ все желтое—холмы, дороги и поля, дома, построенные изъ глины, ручьи и потоки, несущіе мутную, желтоватую воду; самая растительность скрывается подъ покровомъ желтой пыли, и малѣйшій вѣтерокъ поднимаетъ тучи мелкихъ частицъ желтой глины. Отъ этихъ-то желтоземныхъ пространствъ императоръ Китая и получилъ присвоенное ему имя или эпитетъ Хуанъ-ди, то-есть «Желтый Государь», синонимъ слова «Властитель земли». Желтоватыя земли Срединнаго царства, отечества земледѣльческихъ населеній, у которыхъ развилась своеобразная китайская цивилизація, естественно должны были казаться

[1]) Huc, „Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine"; — Edkins, „Religion in China".

первымъ занявшимъ ихъ осѣдлымъ жителямъ какъ почва по преимуществу, и цвѣтъ ихъ сдѣлался символомъ Земли, взятой въ совокупности. Извѣстно, что, по гипотезѣ Рихтгофена, Хуанъ-ту или желтоземъ, означаемый имъ подъ нѣмецкимъ названіемъ лесъ (Löss), какъ аналогичныя формаціи береговъ Дуная и Рейна, есть не что иное, какъ скопленіе пыли, нанесенной въ теченіе вѣковъ сѣверными вѣтрами; изъ года въ годъ, въ продолженіе длиннаго ряда столѣтій, слои глины все болѣе и болѣе наростали, но не настолько быстро, чтобы заглушать растительность или препятствовать развитію животной жизни; обломки растеній, листья, корни и т. п., далѣе сухопутныя раковины, остатки животныхъ, словомъ всякія органическія вещества склеивались съ новой землей въ сплоченную массу, тогда какъ на поверхности безпрестанно вновь образовывался растительный коверъ, орошаемый во всѣхъ направленіяхъ ирригаціонными канавами, которыя вырываютъ китайскіе земледѣльцы. Во всякомъ случаѣ можно утверждать съ увѣренностью, что желтоземъ не глетчернаго происхожденія, такъ какъ вмѣсто того, чтобы быть просто скученнымъ сплошной массой, какъ мореновыя глины, онъ съ верху до низу пробуравленъ вертикальными и развѣтвляющимися во всѣ стороны дырами: это, очевидно, пустые промежутки, оставленные корнями растеній, которые были постепенно занесены пылью. Хуанъ-ту не отложенъ слоями, подобными осадкамъ, приносимымъ рѣками или ручьями; онъ не содержитъ также морскихъ ископаемыхъ, которыя бы свидѣтельствовали о затопленіи страны водами океана. Во многихъ мѣстахъ замѣтно, что скопленія «желтозема» были смыты и унесены текучими водами въ замкнутые бассейны озеръ, гдѣ они образуютъ пласты, совершенно отличные отъ первоначальныхъ слоевъ какъ по виду, такъ и по содержащимися въ нихъ ископаемымъ органическимъ остаткамъ.

На плоскогорьяхъ, окруженныхъ гористыми закраинами или краевыми цѣпями, задерживающими истеченіе водъ, «желтая земля» простирается однообразнымъ слоемъ неизвѣстной толщины, но вездѣ, гдѣ какая-нибудь брешь въ горной оградѣ позволяла совершаться работѣ размыванія, огромные овраги съ перпендикулярными стѣнами открываются въ глинистой массѣ. Вода, быстро уходящая въ безчисленныя пустоты, оставленныя корнями растеній, разрыхляетъ мало-по-малу землю и дѣлитъ ее на вертикальныя плоскости или стѣны. Изъ нихъ наиболѣе подверженныя разрушительному дѣйствію стихій обрушиваются всей массой, и этимъ-то способомъ образуются обрывистые утесы, разрѣзанные по всѣмъ направленіямъ, смотря по неровностямъ поверхности: въ результатѣ получается цѣлый лабиринтъ проходовъ или узкихъ корридоровъ, открывающихся въ глубинахъ почвы между перпендикулярными стѣнами. Сѣверныя плоскогорья все болѣе и болѣе размываются водами; образовавшіяся уже промоины и овраги съ каждымъ годомъ продолжаютъ все далѣе свою первоначальную трещину и все болѣе расширяются при выходѣ ихъ въ равнину; отъ прежняго горизонтальнаго слоя во многихъ мѣстахъ остались только простыя террасы, вершины выступовъ горъ и бастіоновъ. Иногда процессъ размыванія происходитъ въ самыхъ глубинахъ земли, вслѣдствіе постепеннаго просачиванія воды; образуются подземныя галлереи путемъ провала почвы, и вдругъ верхніе слои земли обрушиваются, оставляя по себѣ отверстія, похожія на колодцы. Въ другихъ мѣстахъ грани земли обваливаются съ каждой стороны плоскогорья, такъ что оставляютъ только стѣны, вклинивающіяся между двухъ пропастей; эти стѣны, въ свою очередь, тоже уступаютъ тамъ и сямъ разрушительному дѣйствію воды и воздуха, и скоро отъ нихъ остаются только отдѣльные отрывки, похожіе по виду на феодальныя крѣпости западной Европы. Можетъ быть, процессъ размыванія нигдѣ не произвелъ болѣе странныхъ, болѣе причудливыхъ пейзажей, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ «желтая земля» приняла форму памятниковъ, нагроможденныхъ одинъ за другой, какъ башни Вавилонскаго столпотворенія. При первомъ взглядѣ можно подумать, что всѣ эти глиняныя террасы представляютъ собою плоскости напластованія, подобныя тѣмъ, какія образуютъ воды въ отлагаемыхъ ими горныхъ породахъ; но, въ этихъ мѣстахъ, желтая земля сохранила свое обыкновенное строеніе, и раздѣльныя плоскости обозначены либо известковыми сростками, либо сухопутными раковинами или тонкими слоями обломковъ, которые покрывали пыльную равнину въ различныя эпохи. Общая толщина желтозема, обнаруживаемая обнаженіемъ краевъ вслѣдствіе размыванія, достигаетъ по меньшей мѣрѣ 600 метровъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая; изъ этого видно, какими громадными запасами глины располагаетъ Желтая рѣка, чтобы образовывать изъ нихъ новыя земли, которыя она отлагаетъ въ низменныхъ равнинахъ и въ морѣ!

Во многихъ округахъ области желтыхъ земель всѣ обитатели страны живутъ во внутренности почвы. Глинистая масса, достаточно крѣпкая, чтобы не обрушиться на головы находящихъ въ ней пріютъ, изрыта внутри безчисленными галлереями; даже публичныя зданія и трактиры подземныхъ деревень вырыты въ желтоземѣ. Почти вездѣ отверстія, сдѣланныя въ желтоватой стѣнѣ, указываютъ на существованіе колоній людей и домашнихъ животныхъ въ пещерахъ глиняныхъ горъ. Богатые троглодиты заботливо украшаютъ фасады своихъ пещерныхъ жилищъ; колоннады, вы-

ступающія крыши, балконы, кіоски, слѣдуютъ другъ за другомъ по ступенямъ естественной лѣстницы. Тамъ и сямъ огромная глыба глины, совершенно уединенная, высится словно башня между глубокими промоинами; на вершинѣ этихъ призмъ туземцы выстроили укрѣпленные храмы, въ которые они и укрываются во время междоусобной войны, взбираясь по лѣстницамъ, изсѣченнымъ во внутренности массива. Копая землю для своихъ проходовъ и жилищъ, пещерные обыватели часто находятъ кости мамонтовъ или другихъ большихъ животныхъ; они твердо увѣрены, что эти кости принадлежали земному дракону, и немедленно превращаютъ ихъ въ порошокъ, употребляемый какъ лѣкарство для всѣхъ болѣзней [1]).

„Желтоземъ“ — самая плодородная почва, какою только обладаютъ китайскіе земледѣльцы; она даже гораздо плодороднѣе аллювіальныхъ (наносныхъ) земель, такъ какъ эти послѣднія въ концѣ концовъ все-таки истощаются, и тогда нужно обновлять ихъ производительную силу искусственнымъ удобреніемъ, между тѣмъ какъ Хуанъ-ту производитъ жатвы непрерывно каждый годъ, и уже съ незапамятныхъ временъ безъ того, чтобы необходимо было прибѣгать къ помощи навоза. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ города Си-ань-фу террасы, плодородіе которыхъ лѣтописи прославляли уже четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, сохранили свою производительную силу до сего дня, лишь бы только выпадали дожди въ достаточномъ количествѣ, урожаи тамъ всегда велики и колѣпны. Это объясняется тѣмъ, что «желтоземъ» содержитъ всѣ питательные элементы растеній; благодаря своему пористому строенію, онъ пропускаетъ влагу до большой глубины въ почвѣ и позволяетъ ей обратно подниматься къ поверхности дѣйствіемъ капиллярности, насыщенною химическими веществами въ растворѣ; растительные организмы постоянно получаютъ свое нормальное питаніе. Желтая земля служитъ даже удобреніемъ полямъ, которыя ея не имѣютъ; для этой цѣли отъ глиняныхъ стѣнъ отбиваютъ толстыя грани, обломки которыхъ переносятся на сосѣднія пашни. Но обыкновенно граница хуанъ-ту есть въ то же время и граница земледѣльческой территоріи, и, съ другой стороны, хлѣбопашецъ утилизируетъ повсюду этотъ грунтъ, даже на значительныхъ абсолютныхъ высотахъ. Тогда какъ подъ теплымъ климатомъ полуденнаго Китая рѣдко гдѣ увидишь запаханныя пространства выше 600 метровъ надъ уровнемъ моря; поля, засѣянныя хлѣбными растеніями, поднимаются съ террасы на террасу до высоты 2.000 метровъ подъ суровымъ небомъ верхняго Шань-си, и даже тамъ и сямъ, въ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ, куски «желтозема» воздѣлываются на высотѣ 2.400 метровъ. Нѣкоторыя области хуанъ-ту представляютъ въ своемъ наружномъ видѣ любопытный контрастъ, смотря по мѣсту наблюденія, на которое становится зритель. Если смотрѣть снизу, то не замѣчаешь ничего, кромѣ желтоватыхъ стѣнъ; но когда станешь подниматься со ступени на ступеню до верхняго этажа, то будешь имѣть передъ глазами только уступы, покрытые зеленью. Именно съ той цѣлью, чтобы не терять ни одного клочка драгоцѣнныхъ земель поверхности, благоразумный китайскій крестьянинъ и рѣшился вырыть себѣ жилище во внутренности глинистой массы; обыкновенно онъ живетъ со своей семьей подъ своими собственными нивами; ему стоитъ только подняться на нѣсколько ступенекъ, чтобы очутиться на открытомъ воздухѣ, среди своихъ полей [1]).

Китайцы выказали удивительное искусство, чтобы восторжествовать надъ препятствіями, которыя вертикальныя стѣны «желтой земли» противопоставляли сообщеніямъ: чтобы пройти изъ одного бассейна въ другой, имъ нужно утилизировать узкія трещины въ глинистой массѣ, прокапывать глубокія траншеи, даже совершенно переносить дорогу на другое мѣсто, когда образовались новые овраги. Нѣкоторые изъ наиболѣе посѣщаемыхъ путей не слѣдуютъ по крутымъ поворотамъ корридоровъ и не поднимаются на промежуточныя плато; они идутъ по выкопаннымъ траншеямъ, глубина которыхъ измѣняется отъ 10 до 30 метровъ; совокупность этихъ прокоповъ представляетъ гигантскій трудъ, по меньшей мѣрѣ столь же значительный, какъ громадная работа, употребленная на сооруженіе Великой стѣны или прорытіе Императорскаго канала. Заключенные, словно въ ящикѣ, между вертикальными стѣнами, надъ которыми пыльное небо кажется узкой желтоватой полосой, эти дороги продолжаются на сотни километровъ какъ глубокіе рвы во внутренности почвы; имѣя въ ширину самое большее 2 или 3 метра, онѣ даютъ проходъ только одной повозкѣ заразъ, и два экипажа нигдѣ не могли бы разъѣхаться; поэтому извозчики, пускающіеся по этимъ корридорамъ, все время испускаютъ протяжные крики, съ цѣлью предупредить путниковъ, ѣдущихъ или идущихъ въ противоположномъ направленіи, чтобы они сторонились въ боковыхъ закоулкахъ, предназначенныхъ для разъѣзда [2]). Въ сухое время колеса экипажей тонутъ въ пыли «какъ въ водѣ»; послѣ дождей они глубоко вязнутъ въ грязи; дорога превращается въ сплошную топь, грозящую погло-

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois“.

[1]) F. von Richthofen, „China“; различные мемуары.

[2]) Léon Rousset, „A travers la Chine“;—„Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, oct. 1878.

тить пѣшеходовъ и лошадей: убитый грунтъ дорогъ, утративъ свою естественную скважность, не пропускаетъ болѣе воду въ глубины, и оттого колеи по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются наполненными жидкой грязью. Несмотря на всѣ затрудненія, представляемыя этими дорогами, ихъ невозможно избѣгнуть, когда нужно углубиться вправо или влѣво на лабиринтъ овраговъ. Отсюда происходитъ стратегическая важность дорогъ въ этомъ краѣ; достаточно въ нѣкоторыхъ округахъ охранять какое-нибудь дефиле, чтобы сдѣлать сообщенія отъ одного склона до другаго совершенно невозможными для всякой непріятельской силы. Но когда шайки мятежниковъ или разбойниковъ поселятся въ лабиринтѣ овраговъ, которыхъ они знаютъ выходы, то чрезвычайно трудно съ ними справиться. Въ исторіи Китая очень многіе факты могутъ быть объяснены только особеннымъ образованіемъ «желтой земли».

Эти горы, нижніе скаты которыхъ покрыты глинистыми массами желтозема, принадлежатъ къ числу самыхъ богатыхъ въ свѣтѣ по запасамъ ископаемаго угля. Жирный уголь и антрацитъ находятъ во всѣхъ провинціяхъ, по которымъ протекаютъ притоки Желтой рѣки: въ Чжи-ли, Шань-дунѣ, Шань-си, Шэнь-си, Гань-су, Хэ-нань, и нѣкоторыя изъ мѣсторожденій залегаютъ вблизи береговъ рѣкъ, такъ что добытый уголь очень удобно можетъ быть отправляемъ къ приморскимъ портамъ по Хуанъ-хэ или по развѣтвленію Большаго канала. Бассейны антрацита въ провинціи Хэ-нань, по Рихтгофену, занимаютъ площадь пространствомъ болѣе 53.000 квадратныхъ километровъ. Одинъ изъ самыхъ производительныхъ земледѣльческихъ странъ, бассейнъ Желтой рѣки обѣщаетъ сдѣлаться со временемъ одною изъ самыхъ дѣятельныхъ промышленныхъ областей, благодаря своимъ огромнымъ скопленіямъ минеральнаго топлива, въ сравненіи съ которыми каменноугольныя копи Великобританіи являются маловажными бассейнами.

Изъ всѣхъ частей Срединнаго царства провинціи по Желтой рѣкѣ напменѣе извѣстны въ отношеніи степени населенности, и для нихъ всего рискованнѣе было бы хотѣть указать хотя бы только приблизительную цифру населенія, такъ какъ эти страны, гдѣ получило начало магометанское возстаніе, были болѣе другихъ опустошены гражданской войной, и вдобавокъ тамъ къ злодѣяніямъ людей присоединились еще естественныя бѣдствія, наводненія и засухи, морившія голодомъ несчастныхъ, которые были пощажены междоусобной рѣзней. Извѣстно, однако, что труды колонизаціи снова завоевали большую часть опустошенной области; всѣ путешественники говорятъ, что города и деревни опять отстраиваются и заселяются; даже, благодаря введенію культуры картофеля, возвышенныя долины, гдѣ прежде никогда не было человѣческихъ поселеній, теперь покрываются многочисленными колоніями. Если возрастаніе населенія будетъ продолжаться въ той же пропорціи, то всѣ пробѣлы пополнятся въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и болѣе восьмидесяти милліоновъ людей опять будутъ жить въ бассейнѣ Желтой рѣки такъ же скученно, какъ они жили въ половинѣ настоящаго столѣтія до гражданскихъ войнъ и прорыва плотинъ при городѣ Кай-фынъ-фу.

Населеніе китайскаго Гань-су, Хэ-нани Шэнь-си и Шань-си по переписи 1882 года распредѣляется такъ:

Провинціи.	Пространство въ кв. геогр. миляхъ по Матусовскому	Населеніе.	На одну кв. милю.
Гань-су	5.910,38	5.000.000	846
Хэ-нань	3.206,84	22.115.827	6.899
Шэнь-си ..	3.540,47	8.432.193	2.381
Шань-си ...	3.846,14	12.211.453	3.175
Итого въ 4 пров.	16.503,83 кв. г. м.	47.759.473 д.	3.326 д.

Города, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ по направленію отъ юга къ западу, въ дефиле, соединявшемъ нѣкогда двѣ области Гань-су, суть окруженные стѣнами города Лянъ-чжоу, Гань-чжоу и Су-чжоу, основанные въ эпоху первой колонизаціи края, за двадцать столѣтій до нашихъ дней; эти два послѣдніе города—главные административные пункты округовъ Гань и Су, изъ соединенія именъ которыхъ образовалось названіе провинціи. Ганьчжоу между всѣми городами страны есть одинъ изъ тѣхъ, которые всего скорѣе оправились отъ разоренія, постигшаго ихъ во время междоусобной войны, и его новые дома весело глядятъ среди зеленѣющихъ полей. Лянъ-чжоу, еще многолюдный и торговый городъ, и мало найдется въ Китаѣ городовъ, которые содержались бы въ большей чистотѣ и порядкѣ. впрочемъ, только та часть города, которая заключается въ послѣдней оградѣ, представляетъ этотъ видъ дѣятельности и благосостоянія. Другая половина Лянъ-чжоу, находящаяся между первой и второй стѣной, есть не болѣе, какъ груда развалинъ. Осматривая окрестности съ высоты городскихъ валовъ, путешественникъ съ удивленіемъ замѣчаетъ множество маленькихъ крѣпостей, которыя высятся повсюду, на берегу ручьевъ, въ долинахъ, на вершинахъ холмовъ. Эти недавно возведенныя укрѣпленія суть не что иное, какъ жилища крестьянъ, вернувшихся въ край со времени прекращенія возстанія дунганъ; деревенскіе жители принимаютъ мѣры предосторожности противъ новыхъ напастей этого рода, въ надеждѣ, что, запершись въ своихъ укрѣпленныхъ убѣжищахъ, они будутъ въ безопасности и могутъ спокойно смотрѣть на мимо несущійся потокъ завоевате-

лей или инсургентовъ [1]). Су-чжоу, построенный на рѣкѣ Да-гоу-хэ, притокѣ Тао-лай, былъ прежде сторожевымъ городомъ имперіи; но въ 1872 году, послѣ обратнаго взятія этого города китайцами, въ немъ не оставалось ни одного цѣлаго дома: голыя стѣны высились среди необозримаго поля развалинъ, представлявшихъ тѣмъ болѣе печальное зрѣлище, что ни одно дерево, ни одинъ кустикъ не успѣли еще вырости на грудахъ мусора.

Городъ имѣетъ важное торговое значеніе, такъ какъ расположенъ на главномъ торговомъ пути. Съ 1881 года городъ считается открытымъ для русской торговли, а въ 90-хъ годахъ черезъ него былъ проведенъ изъ Пекина до границы телеграфъ*.

Непосредственно къ западу отъ города Су-чжоу, на другой сторонѣ рѣки Тао-лай открывается, въ узкомъ дефиле, знаменитый проходъ Цзя-юй-гуань или «Нефритовыя ворота», названный такъ потому, что онъ даетъ доступъ къ дорогѣ въ Хотанъ, ту страну, куда китайскіе купцы ходили собирать этотъ драгоцѣнный камень; но названіе «ворота» не значитъ, какъ это обыкновенно думаютъ, что тутъ граница пустыни, ибо по обѣ стороны дороги видны еще кусты и пучки травы; въ текучихъ водахъ тоже нѣтъ недостатка, и по берегамъ ихъ ручьевъ растутъ тополи и плакучія ивы. Два столѣтія спустя послѣ Марко Поло, перваго европейскаго путешественника, который проходилъ до пустыни черезъ Лобъ-норъ и Черчанъ, португальскій миссіонеръ Бенедиктъ Гоэсъ также проникъ въ Гань-су по дорогѣ, ведущей изъ Хотана, но онъ не заходилъ далѣе Су-чжоу, онъ умеръ въ этомъ городѣ въ 1607 году, и даже его путевыя замѣтки не могли быть спасены его спутникомъ, армяниномъ Исаакомъ, который продолжалъ путь до Пекина.

Самый высокій городъ по положенію на берегахъ Хуанъ-хэ,—Гоми (Gomi), былъ посѣщенъ полковникомъ Пржевальскимъ; онъ находится на высотѣ 2.400 метровъ надъ уровнемъ моря, на крайнемъ предѣлѣ хлѣбопашества, которое успѣваютъ поддерживать тангутскіе земледѣльцы на перекоръ суровому климату. Далѣе виднѣются только лѣса, гдѣ гнѣздятся голубые фазаны. Городъ Сп-нинъ фу, лежащій на востокѣ отъ Куку-нора на лѣвомъ берегу рѣки Сп-нинъ-хэ, соединяющійся съ Желтой рѣкой черезъ притокъ послѣдней, Да-тунъ-хэ, есть метрополія верхняго Гань-су и мѣстопребываніе властей, которымъ ввѣрено управленіе тангутами и монголами, живущими по берегамъ Голубаго озера; но городское населеніе почти сплошь состоитъ изъ китайцевъ [2]). Счастливое географическое положеніе Сп-нина, у сѣверо-восточнаго угла тибетскихъ плоскогорій и при историческомъ пути изъ центральнаго Китая въ китайскій Туркестанъ и въ Чжунгарію, придаетъ ему первостепенную важность какъ стратегической позиціи и какъ складочному мѣсту товаровъ: это «огромный» городъ, но стѣны его заключаютъ много развалинъ, а торговля большею частію перемѣстилась въ городъ Данъ-гэръ (Донкыръ, по Пржевальскому [1]); Тонкеръ, по Крейтнеру), лежащій километрахъ въ сорока къ западу, на самой границѣ области Куку-норъ. Въ Донкыръ спускаются восточные тибетцы, сп-фани или манзы, для покупки себѣ съѣстныхъ припасовъ и другаго товара и для продажи ревеня, кожъ, шерсти, животныхъ, разныхъ рудъ; здѣсь же снаряжаются караваны, предпринимающіе опасный переходъ черезъ высокія плоскогорья. Всѣ расы западнаго Китая имѣютъ своихъ представителей въ населеніи этого торговаго города; но торговыя сдѣлки не всегда происходятъ тамъ мирнымъ образомъ: купцы носятъ при себѣ оружіе, и малѣйшій споръ угрожаетъ превратиться въ кровопролитную баталію. Сп-нинскій край—священная область для тибетскихъ и монгольскихъ буддистовъ: здѣсь родился реформаторъ ламаизма Цзонхава, и нѣкоторые изъ монастырей этой страны пользуются репутаціей особенной святости. Кумирня Гумбумъ расположена на югѣ отъ города Сп-нина, на лѣсистой террасѣ, недалеко отъ глубокой долины, на днѣ которой течетъ Желтая рѣка; четыре тысячи ламъ жили въ этомъ монастырѣ до прохода магометанскихъ инсургентовъ, затѣмъ варваровъ сп-фаней, которые опустошили его дважды, въ 1872 и 1874 годахъ; теперь тамъ не болѣе двухъ тысячъ монаховъ. Гунбумское высшее училище, нѣчто въ родѣ университета, состоитъ изъ четырехъ школъ, посвященныхъ изученію таинствъ, церемоній, молитвъ, и искусству исцѣлять «четыреста сорокъ болѣзней» человѣка. Однимъ изъ главныхъ лѣкарствъ служитъ листъ одного священнаго дерева (особый видъ бузины), которое растетъ предъ порталомъ главнаго храма, и листья котораго, по словамъ вѣрующихъ, представляютъ фигуру Будды и различные знаки тибетскаго священнаго алфавита. Миссіонеръ Гюкъ говоритъ, что онъ видѣлъ это чудо, а путешественникъ, венгерецъ графъ Сеченьи, послѣ безплодныхъ поисковъ во время посѣщенія главнаго капища, успѣлъ открыть на другой день одинъ листъ, на которомъ были кѣмъ-то начертаны контуры безобразнаго Будды [2]). Во время большихъ праздниковъ несчетныя толпы пилигримовъ, тибетцевъ, монголовъ и китайцевъ собираются въ храмъ, чтобы созерцать искусно и красиво сдѣланныя ста-

[1]) Д-ръ Пясецкій, цитированное сочиненіе.
[2]) Графъ Бела Сеченьи;—G. Kreitner, „Im fernen Osten“.

[1]) Huc, „Voyage dans le Thibet“.
[2]) Kreitner „Im fernen Osten“.

туи и разныя украшенія, всѣ изъ коровьяго масла, которыя изображаютъ четвероногихъ, птицъ и цвѣтки, и которыя вдругъ уничтожаютъ, послѣ блистательной ночной иллюминаціи.

Къ сѣверу отъ Си-нинъ-фу и менѣе важнаго города Чжань-ба-сянь, лежащаго также при рѣкѣ Си-нинъ-хэ, слѣдуетъ одинъ за другимъ нѣсколько городовъ на историческомъ пути страны Гань-су, между горными цѣпями и Великой стѣной; почти всѣ эти города были разрушены дунганами, и еще недавно они представляли только груды мусора [1]). Обнесенный каменными стѣнами городъ Лань-чжоу-фу, исходный пунктъ этой дороги, которая связываетъ съ Срединнымъ царствомъ его внѣшнія владѣнія на Западѣ, могъ, благодаря своей крѣпкой оградѣ, удержаться цѣлымъ и невредимымъ и дать убѣжище безчисленнымъ бѣглецамъ, спасавшимся отъ мятежниковъ. Оффиціальная столица провинціи Гань-су (хотя вице-король или генералъ-губернаторъ черезъ каждые три года переноситъ отсюда свою резиденцію, тоже на три года, въ городъ Су-чжоу, близъ Нефритовыхъ воротъ), Лань-чжоу-фу лежитъ въ точкѣ соединенія всѣхъ дорогъ верхняго теченія Хуанъ-хэ, на правомъ берегу рѣки, которая ниже города изгибается въ сѣверномъ направленіи, чтобы описать свою большую дугу вокругъ Ордосскаго полуострова. Сосѣдняя равнина широка и плодородна, но на югѣ длинный выступъ горъ, которымъ оканчивается одинъ отрогъ цѣпи Ма-ха-шань, подходитъ къ самымъ воротамъ Лань-чжоу, и на вершинѣ его виднѣются нѣсколько четыреугольныхъ башенъ. На сѣверѣ по другую сторону рѣки, поднимаются скалистыя горы, высотою отъ 600 до 900 метровъ, опирающіяся на округленные контръ-форсы, усѣянные храмами и кіосками, ярко блистающими среди зелени. Въ городѣ нѣтъ замѣчательныхъ зданій, и его сорокъ тысячъ домовъ почти всѣ—невзрачные, деревянные домишки; но улицы, вымощенныя мраморными и гранитными плитами, содержатся очень опрятно: немногіе китайскіе города имѣютъ болѣе пріятный видъ. Несмотря на свое отдаленное положеніе отъ морскаго прибрежья и отъ коммерческихъ портовъ, открытыхъ европейцамъ, Лань-чжоу-фу одинъ изъ городовъ Срединнаго царства, гдѣ всего болѣе было сдѣлано попытокъ подражать промышленнымъ искусствамъ Европы. Правда, что война съ ея потребностями входитъ въ весьма значительной мѣрѣ въ эти нововведенія. Главная мануфактура столицы Гань-су—пушечно-литейный заводъ; но другая большая фабрика устроена на европейскій ладъ и, управляемая европейцами, занимается выдѣлкой суконъ для арміи и другихъ грубыхъ тканей изъ овечьей и верблюжьей шерсти. Лань-чжоу уже обзавелся паровыми машинами, употребляющими каменный уголь изъ сосѣднихъ копей, и вокругъ всего города расходятся въ разныя стороны широкія дороги новѣйшаго сооруженія, осѣненныя по бокамъ ивами и вязами; черезъ рѣку устроенъ плашкоутный мостъ [1]). Послѣ бѣдствій гражданской войны, поняли, какъ важно, съ стратегической точки зрѣнія, создать удобные пути сообщенія. Въ сотнѣ километровъ на юго-западъ отъ Лань-чжоу-фу, въ одной изъ боковыхъ долинъ Желтой рѣки, находится городъ Саларъ и Хэ-чжоу, который, какъ извѣстно, былъ главной твердыней дунганскихъ инсургентовъ въ послѣдней междоусобную войну. Вѣроятно, отъ этого города магометане и получили названіе Са-[illegible] подъ которымъ они извѣстны въ краѣ [2]).

Населеніе постепенно уменьшается внизъ отъ Лань-чжоу-фу, на обоихъ берегахъ Желтой рѣки, которая, переходя изъ ущелья въ ущелье, извивается въ сѣверномъ направленіи. Торговый городъ Чжунъ-вэй, построенный на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ, у восточнаго основанія хребта Ала-шань, опирается на Великую стѣну, при одномъ изъ ея воротъ, открывающихся въ песчаную пустыню [3]), и дюны близко подступаютъ къ городскому валу. Ниже по рѣкѣ встрѣчается городокъ Цзинъ-цзи-пу, который былъ однимъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ магометанъ, и которыхъ предки занимали въ продолженіе слишкомъ тысячи лѣтъ, не встрѣчая противодѣйствія со стороны китайскаго правительства, которое никогда не пыталось вытѣснить ихъ оттуда [4]). Нинъ-ся-фу, главный городъ этой части провинціи Гань-су, построенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Великая стѣна, слѣдовавшая до сихъ поръ вдоль лѣваго берега рѣки, переходитъ на правый берегъ, чтобы ограничить на югѣ Ордосскую территорію. Какъ складочный торговый пунктъ между Китаемъ и Монголіей, Нинъ-ся-фу игралъ нѣкогда важную роль; онъ даже былъ столицей отдѣльнаго царства въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ. Разрушенный Чингисъ-ханомъ, онъ снова отстроился, и его пагоды, его высокія кирпичныя стѣны, окруженныя болотами, придаютъ ему очень внушительный видъ; но внутри города улицы узкія, кривыя и дома частью опустѣлые [5]). Даже и въ настоящее время въ немъ сосредочены склады для товаровъ, обмѣниваемыхъ на монгольское сырье.

Ниже Нинъ-ся-фу, въ той части рѣчнаго теченія, которая проходитъ черезъ монгольскую

---

[1]) Докторъ Пясецкій, „Путешествіе въ Китай“.

[1]) Szechenyi und Kreitner, „Im fernen Osten“;—Rousset, „A travers la Chine“.

[2]) Easton, „Weekly Times“, 16 april 1880.

[3]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.

[4]) F. von Richthofen, „The Rebellion in Shensi and Kansu“.

[5]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.

территорію, прибрежные города населены почти исключительно китайцами. Бауту (Бичухай), самый значительный изъ этихъ городовъ, расположенъ въ 7 километрахъ отъ лѣваго берега, въ плодоносной равнинѣ, среди круга деревень, тоже китайскихъ, населенныхъ земледѣльцами. Городъ обведенъ четыреугольной оградой, каждая сторона которой имѣетъ около трехъ верстъ въ длину; онъ ведетъ очень дѣятельную торговлю съ населеніемъ плоскихъ возвышенностей; кромѣ того, въ немъ есть металлургическіе заводы [1]). Въ 50 километрахъ къ востоку, другой городъ, недавней постройки, раскинулся близъ сѣвернаго берега: это Цаганъ-курень или «Бѣлая ограда». Построенный китайцами во времена заселенія внутренней Монголіи, онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ имперіи по чистотѣ и ширинѣ улицъ, по правильности домовъ; нѣкоторыя изъ его площадей обсажены тѣнистыми деревьями [2]). Цаганъ-курень, лежащій при сѣверо-восточномъ колѣнѣ, которое образуетъ Хуанъ-хэ вокругъ Ордосскаго полуострова, есть одинъ изъ городовъ, всего чаще избираемыхъ караванами для переправы черезъ Желтую рѣку. На югѣ отъ Великой стѣны, въ той части теченія, гдѣ рѣка, снова вступившая въ предѣлы Китая въ собственномъ смыслѣ, раздѣляетъ двѣ провинціи Шэнь-си и Шанъ-си,—то-есть провинціи «Западной границы» и «Горнаго запада»,—главное мѣсто перехода находится въ тѣснинѣ, надъ которой господствуетъ съ высоты скалы укрѣпленный городъ Бао-чжоу: въ этомъ мѣстѣ рѣка имѣетъ всего только 400 метровъ ширины [3]).

Города, возникшіе на югѣ Ордосскаго полуострова, вдоль историческаго пути, которымъ во всѣ времена производилось сообщеніе между двумя колѣнами Желтой рѣки, естественно, получили гораздо болѣе важное значеніе, нежели сѣверные города, лежащіе на границахъ пустыни. Главные этапы этой южной дороги, въ долинѣ рѣки Цзинъ-хэ, суть города Цинъ-ян-фу, Цзинъ-чжоу, Бинь-чжоу, изъ которыхъ послѣдній окруженъ деревьями и особенно грушами, которыя даютъ самые крупные плоды во всемъ Китаѣ. Эти города устояли противъ взбунтившихся магометанъ, благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, но всѣ окрестныя села и деревни были опустошены инсургентами, и послѣ окончательной побѣды императорскаго войска, китайцы заставили плѣнныхъ хой-хоевъ вновь отстроить разрушенныя поселенія, починить поврежденныя дороги и привести въ прежній видъ опустошенныя поля и нивы; старые оборонительные валы, тщательно поправленные, и новыя укрѣпленія защищаютъ теперь города, дефиле и перевалы дороги. Одинъ гротъ въ окрестностяхъ города Бинь-чжоу заключаетъ въ себѣ статую Будды, изсѣченную въ самой скалѣ: это самый большой и самый знаменитый идолъ во всемъ центральномъ Китаѣ; передъ этимъ громаднымъ изваяніемъ, имѣющимъ 17 метровъ въ вышину, двѣ статуи его учениковъ, на половину менѣе высокія, указываютъ на святаго повергающимся къ ногамъ его вѣрующимъ. На югѣ, въ долинѣ рѣки Вэй-хэ, главный городъ—Гунъ-чанъ-фу, затерянный, такъ сказать, въ обширной оградѣ, часть которой занята кладбищемъ. Ниже, на той же рѣкѣ встрѣчаемъ административный городъ Фу-цянъ-сянь, близъ котораго, на холмѣ, стоитъ другой идолъ Будды, благословляющій простертой правой рукой окрестную мѣстность. Къ югу оттуда, на берегахъ одного притока рѣки Вэй-хэ, расположенъ большой городъ Цинь-чжоу, съ многочисленными пагодами и храмами, куполы которыхъ высоко поднимаются надъ густой листвой каштановъ и орѣховыхъ деревьевъ: это группа пяти соединенныхъ городскихъ поселеній, имѣющихъ общаго городскаго голову, но изъ которыхъ каждое окружено особенной оградой высокихъ стѣнъ. Цинь-чжоу производитъ обширную торговлю чаемъ, табакомъ, индиго, а ремесленное населеніе занимается тканьемъ и вышиваньемъ шелковыхъ матерій, такъ же, какъ приготовленіемъ металлическихъ издѣлій. Часто посѣщаемая тропинка поднимается отъ Цинь-чжоу къ перевалу, лежащему на высотѣ 1.392 метровъ, порогу хребта, раздѣляющаго бассейны Хуанъ-хэ и Янъ цзы-цзяна, и которому карты даютъ названіе Бэй-линъ, неизвѣстное въ странѣ [4]).

Си-ань-фу, главный городъ провинціи Шэнь-си, бывшій нѣкогда столицей Срединнаго царства, въ эпоху династій Чжоу, Цинь и Хань, извѣстный съ 906 по 1280 годъ, подъ именемъ Си-цзина или Западной столицы,—и теперь еще одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ имперіи; по числу жителей, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, превосходитъ Пекинъ и, вѣроятно, уступаетъ одному только Кантону. Онъ расположенъ среди равнины, гдѣ соединяются Вэй-хэ, Цзинъ-хэ и нѣкоторыя другія, менѣе важныя, рѣки. Крѣпкая зубчатая ограда города образуетъ правильный квадратъ, ориентированный по главнымъ точкамъ горизонта, и середина каждой стороны, имѣющей болѣе 11 километровъ въ длину, перерѣзана монументальными воротами, увѣнчанными многоэтажными павильонами. Уже тысячи лѣтъ Си-ань-фу первоклассный торговый городъ, благодаря своему центральному положенію и плодородію окружающихъ желтоземныхъ пространствъ. Его богатые магазины наполнены драгоцѣнными товарами; но ни одного достопримѣчательнаго зданія древнихъ временъ не сохранилось, въ «маньчжурскомъ» кварталѣ показываютъ толь-

[1]) Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ“.
[2]) Гюкъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Gerbillon;—du Halde;—Karl Ritter.

[4]) Bela Szechenyi;—Kreitner, „Im fernen Osten“.

ко мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ династіи Танъ, которая царствовала съ седьмаго до начала десятаго столѣтія. Однако въ Си-ань-фу все-таки существуетъ очень богатый археологическій музей, такъ называемый «лѣсъ табличекъ», коллекція надписей и рисунковъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не менѣе двухъ тысячъ лѣтъ, и которые позволяютъ возстановить исторію нѣсколькихъ послѣдовательныхъ династій. Си-ань-фу благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ не былъ разрушенъ магометанскими инсургентами, какъ Нанкинъ и многіе другіе города центральнаго Китая. Въ продолженіе гражданской войны пятьдесятъ тысячъ сианьфусскихъ мусульманъ были изолированы въ городѣ, откуда имъ запрещено было отлучаться подъ страхомъ смерти и властямъ стоило большаго труда удерживать народъ отъ избіенія ихъ. Послѣдователи ислама обладаютъ здѣсь своими восемью мечетями, но они должны были перемѣнить на нихъ надписи и помѣстить туда таблички императора и Конфуція [1]).

Ниже Си-ань-фу, на рѣкѣ Вэй-хэ, находился до междоусобной войны важный городъ Хуачжоу, гдѣ началось, въ 1860 году, то страшное возстаніе, которое разорило такія обширныя страны, и которое стоило жизни столькимъ милліонамъ людей. Этотъ городъ не существуетъ болѣе; онъ былъ стертъ съ лица земли; отъ него остался только одинъ священный памятникъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ имперіи, храмъ, воздвигнутый въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія. Въ настоящее время самый многолюдный городъ этой области — сильно укрѣпленный Тунъ-гуань-тинъ или «Восточныя ворота». Это центральная крѣпость всего бассейна Желтой рѣки и наилучше защищенный стратегическій пунктъ Китая: подступы къ нему охраняются башнями и валами, вооруженными пушками. Расположенный при восточномъ входѣ провинціи Шэнь-си, у самаго угла рѣчной долины, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Хуанъ-хэ, переставъ течь съ сѣвера на востокъ, принимаетъ въ себя въ то же время три многоводныя рѣки,—Тунъ-гуань сдѣлался естественнымъ мѣстомъ соединенія нѣсколькихъ главныхъ дорогъ. Въ этомъ краю, гдѣ «желтая земля» занимаетъ столь большое протяженіе страны, все торговое и военное движеніе, понятно, должно производиться по проложеннымъ дорогамъ, а не по окольнымъ путямъ: отсюда и происходитъ исключительная стратегическая важность города «Восточныхъ воротъ» [2]). Гора Хуа-шань, господствующая надъ Тунъ-гуанемъ съ юго-западной стороны, почти такъ же священна, въ глазахъ китайцевъ, какъ гора Тай-шань на полуостровѣ Шань-дунъ, и тоже усѣяна многочисленными монастырями; но восхожденіе на нее труднѣе: на вершинѣ этой горной массы «съ слоновьимъ хребтомъ» возсѣдаетъ на тронѣ, окруженный феями и небесными духами, Бэй-ди, «Бѣлый Императоръ», покровитель западныхъ провинцій Срединнаго царства.

Сѣверный Шэнь-си, сопредѣльный съ Ордосскимъ краемъ, есть одна изъ наименѣе извѣстныхъ странъ Китая; за исключеніемъ миссіонеровъ, изъ европейскихъ путешественниковъ до сихъ поръ въ этой области былъ въ 1893 году, Обручевъ. Извѣстно, что тамъ находятся торговые города: таковы: Фу-чжоу, въ долинѣ рѣки Ло-хэ; Янь-ань-фу, лежащій сѣвернѣе, въ мѣстности, изобилующей каменнымъ углемъ и нефтяными источниками; Юй-линь-фу, построенный у однихъ изъ воротъ Великой стѣны, въ сосѣдствѣ монгольскихъ степей.

Легче доступный, верхній Шань-си лучше извѣстенъ, чѣмъ сѣверный Шэнь-си. Даже европейскіе коммерсанты и горные инженеры прошли его въ разныхъ направленіяхъ, съ цѣлью изученія его естественныхъ богатствъ и экономическихъ рессурсовъ; здѣсь уже сильно замѣтно вліяніе Тянь-цзинскаго порта. Въ этой области находится главный городъ провинціи Шань-си, Тай-юань-фу; онъ защищенъ съ сѣверо-западной стороны цѣпью холмовъ, одною изъ террасъ, которыя образуютъ подни[illegible]ющіяся уступами плоскогорья Шань-си, и окружающія его равнины орошаются водами Фынь-хэ, которая спускается на юго-западъ къ Желтой рѣкѣ. Тай-юань-фу менѣе обширенъ, нежели большая часть другихъ главныхъ городовъ провинцій: прямоугольникъ его внѣшней ограды имѣетъ всего только 14 верстъ въ периметрѣ и мѣстами заключаетъ въ себѣ необитаемыя пространства; подобно Пекину, онъ имѣетъ свой татарскій кварталъ, отдѣленный отъ китайскаго города высокой внутренней стѣной; вообще части города расположены здѣсь такимъ же образомъ, какъ и части императорской резиденціи; въ губернаторскомъ паркѣ устроены пруды, пагоды, даже «Угольная гора», все въ подраженіе «Желтому городу». Прежде Тай-юань-фу славился на весь Китай фабрикаціей оружія, но въ послѣднее время эта промышленность значительно упала, хотя правительство все еще имѣетъ тамъ арсеналъ и пушечно-литейный заводъ. Окрестности города очень хорошо обработаны, и нѣкоторыя изъ подгородныхъ селеній представляютъ настоящіе сады; здѣшніе земледѣльцы получаютъ лучшій въ Китаѣ виноградъ и умѣютъ приготовлять изъ него хорошее вино, по способу, которому ихъ научили католическіе миссіонеры [1]).

Движеніе транзитной торговли не проходитъ

[1]) F. von Richthofen, „Rebellion in Kansu and Spensi"; — Léon Rousset, „A travers la Chine".

[2]) Rousset, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", oct. 1878.

[1]) Martinus Martini, „Novus Atlas Sinensis".

черезъ эту часть провинціи Шань-си. Между Чжи-ли и Монголіей торговый трактъ поднимается по долинѣ рѣки Ху-то-хэ, огибаетъ западную оконечность горъ У-тай-шань и пересѣкаетъ Великую стѣну на перевалѣ Янъ-минъ-гуань [1]), гдѣ иногда проходитъ до 2.000 вьючныхъ животныхъ въ одинъ день. Прямая дорога поднимается на востокъ къ дѣятельному торговому городу Пинъ-динъ-чжоу, отъ Тай-юань-фу, окруженному металлургическими заводами и каменноугольными копями, и проходитъ послѣдовательно четыре перевала или четверо «небесныхъ воротъ», послѣ чего спускается при Чжэнъ-динѣ въ Чжилійскую равнину. Въ бассейнѣ Тай-юань-фу, торговые города, Сюй-гоу, Ци-сянь, лежатъ на югѣ и на юго-западѣ отъ главнаго города. Городъ Пинъ-яо-сянь важенъ какъ рынокъ, откуда производится отправка мѣстныхъ произведеній въ провинцію Хэ-нань; Тай-гу-сянь и Чжанъ-лань-чжэнь—очень богатые города, гдѣ имѣютъ пребываніе многіе изъ богатыхъ банкировъ имперіи, находящіеся въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Санъ-Франциско, Лондономъ, Марселью; бронзы и вазы, находимые антикваріями въ этихъ городахъ Шань-си, принадлежатъ къ драгоцѣннѣйшимъ произведеніямъ китайскаго искусства. Почва плоскихъ возвышенностей не можетъ давать урожаевъ, достаточныхъ для прокормленія населенія, вслѣдствіе чего естественные рессурсы края должны восполняться промышленностью и заработками періодической эмиграціи или отхожаго промысла. Каждый городъ, каждая деревня имѣетъ свою спеціальную промышленность—производство тканей, желѣзныхъ издѣлій или писчей бумаги; кромѣ того, очень дѣятельно занимаются эксплоатаціей каменноугольныхъ копей для мѣстнаго употребленія. Хотя очень жадные къ деньгамъ во время своихъ хожденій на заработки въ чужія мѣста, жители провинціи Шань-си вообще отличаются вѣжливостью, предупредительностью, гостепріимствомъ, тогда какъ обитатели провинціи Шэнь-си пріобрѣли себѣ у путешественниковъ совершенно противоположную репутацію.

До возстанія тайпинговъ, нѣсколько значительныхъ городовъ существовало въ бассейнѣ, который простирается къ югу отъ бассейна Тай-юань-фу, и по которому протекаетъ та же рѣка Фэнь-хэ, пройдя глубокой поперечной долиной цѣпь Хэ-шань или «Рѣчныхъ горъ». Въ 1872 году всѣ эти города представляли собою груды развалинъ, занятые гарнизонами; теперь они опять отстраиваются мало-по-малу, благодаря значительной торговлѣ, направляющейся изъ провинціи Хэ-нань къ сѣверному Шань-си. Перевалъ Хань-синь-линъ, узкій проходъ, открывающійся въ массѣ «желтой земли», иногда бываетъ такъ же оживленъ, какъ бойкая улица большаго города: ослы, мулы, верблюды, навьюченные зерновымъ хлѣбомъ, мукой, табакомъ, солью, чаемъ, писчей бумагой, хлопчатобумажными танями, тянутся одни за другими длиннымъ караваномъ, общая кладь котораго представляетъ грузъ нѣсколькихъ товарныхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ.

Пинъ-янъ-фу расположенъ при рѣкѣ Фынь-хэ, въ песчаной равнинѣ, менѣе плодородной, нежели Тайюаньскій бассейнъ: ранѣе это былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ провинціи Шань-си, но тайпинги страшно опустошили его; въ одномъ изъ его предмѣстій, хотя обнесенномъ стѣнами, какъ городъ, не осталось ни одного дома, который не былъ бы разрушенъ инсургентами. А между тѣмъ едвали во всемъ Китаѣ найдется городъ лучше укрѣпленный, чѣмъ Пинъ-янъ: онъ окруженъ тройной оградой и прикрытыми путями, позволяющими гарнизону ударить съ тылу на непріятеля, въ случаѣ, если бы ему удалось прорваться черезъ первыя ворота. Вѣроятно, что въ моментъ нападенія тайпинговъ жители города, охваченные паническимъ страхомъ, не думали защищаться; или, можетъ быть, они разсчитывали на чудодѣйственную силу своихъ стѣнъ, контуры которыхъ подражаютъ очертаніямъ черепахи. Пинъ-янъ-фу — одинъ изъ священныхъ городовъ имперіи и одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ; менѣе чѣмъ въ 3 километрахъ къ югу отъ города, находится мѣсто, гдѣ стояла столица Срединнаго царства во время богдыхана Яо, слишкомъ за четыре тысячи двѣсти лѣтъ до нашей эпохи. Неподалеку возвышается храмъ, еще недавно пышный, посвященный памяти трехъ святыхъ императоровъ Яо, Шуна и Юй. По сказанію легенды, первый изъ нихъ похороненъ въ нѣдрахъ горъ, которыя возвышаются на восточной сторонѣ Пинъянской равнины: въ боку горы открывается гротъ, откуда выходятъ мефитическія испаренія, и на днѣ этой недоступной пещеры, въ водахъ подземнаго озера, находится будто бы гробъ знаменитаго императора, вылитый изъ чистаго золота и серебра и повѣшенный на стѣнахъ скалы посредствомъ желѣзныхъ цѣпей [1]).

Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ городовъ Шань-си,— Пу-чжоу-фу, Цзѣ-чжоу-фу, Ань-и-сянь, Юань-чэнъ, — выстроились около юго-восточнаго угла провинціи, въ части, ограничиваемой поворотомъ Желтой рѣки. Эта область замѣчательна какъ мѣсто добыванія соли, которою снабжается весь Шань-си, а также и наибольшая часть провинцій Шэнь-си, Хэ-нани и Гань-су. Главный солончакъ, извѣстный вообще подъ именемъ Лутсвунъ (Loutswoun), простирается на сѣверномъ берегу обширнаго озера, около 30 километровъ длиною, надъ которымъ съ южной стороны господствуютъ

[1]) У Вебера, Пинъ-синь-гуань.

[1]) Williamson, „Travels through North China, Manchuria and Eastern Mongolia".

высокія крутизны горъ Фынъ-дяо-шань (Foungtiao chan). Этотъ солончакъ есть, вѣроятно, богатѣйшее въ свѣтѣ мѣсторожденіе, доставляющее наибольшее количество соли и разрабатываемое правильнымъ образомъ въ теченіе наиболѣе длиннаго ряда столѣтій; уже въ эпоху императора Яо, слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, здѣсь извлекали соль въ изобиліи, и безъ всякаго сомнѣнія, съ этихъ древнѣйшихъ временъ ничего не было измѣнено въ первобытномъ способѣ эксплоатаціи. Вода маленькаго озера, занимающаго дно болотистой котловины, почти прѣсная, и потому ее не утилизируютъ для добыванія соли; работы производятся только въ самомъ болотѣ. Тамъ грунтъ земли состоитъ изъ твердой глины, наполненной кристаллами гипса; чтобы извлечь соль, выкапываютъ большія ямы, въ формѣ воронокъ, на днѣ которыхъ скопляется соленая вода; эту воду потомъ черпаютъ ведрами и разливаютъ по ровнымъ площадямъ, гдѣ она испаряется, оставляя послѣ себя соляной слой. Вся соленосная котловина Лутсвунъ принадлежитъ императору, который велѣлъ обнести ее высокой каменной стѣной для взиманія акциза, и которую онъ сдаетъ въ аренду обществамъ откупщиковъ; такихъ компаній насчитываютъ около ста пятидесяти, и каждая изъ нихъ арендуетъ на солончакѣ участокъ въ 180 метровъ длиною. Количество соли, которое извлекаютъ эти арендаторы, различно, смотря по степени насыщенія грунта; но на кругъ можно считать, что ежегодная добыча со всего бассейна простирается до огромной цифры 154.000 тоннъ [1]). Юань-чэнъ или «Селеніе источниковъ» есть главный центръ вывоза соли; изъ зданій его замѣчателенъ большой храмъ, одинъ изъ красивѣйшихъ во всемъ Китаѣ, высоко поднимающій свои куполы надъ крышами домовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, тщательныя развѣдки обнаружатъ современемъ, въ глубинахъ почвы, мощные пласты самородной или каменной соли, ибо соляные ключи бьютъ изъ земли во многихъ другихъ мѣстахъ южнаго Шэнь-си и Хэнани. На противуположной покатости горъ Фынъ-дяо-шань, въ самой равнинѣ Хуанъ-хэ, солончаки простираются по берегу рѣки. Желтоземъ крутыхъ береговъ пропитанъ солью. Прибрежные жители промываютъ эту землю и насыщенный солью растворъ заставляютъ испаряться въ перегородкахъ солончаковъ, которые устраиваются и располагаются совершенно такимъ же образомъ, какъ подобныя камеры на морскомъ берегу: концентрація и кристализація соли доканчиваются съ помощью огня [2]).

Внизъ отъ Тунъ-гуань-тина, города и деревни слѣдуютъ одни за другими непрерывной цѣпью на обоихъ берегахъ Хуанъ-хэ; люди скучены массами въ этой плодоносной долинѣ и въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ притоками Желтой рѣки; это та часть Китая, которая спеціально носитъ названіе «Цвѣтка середины».

Хэ-нань-фу или «Югъ рѣки», имя котораго есть въ то же время имя всей провинціи, хотя онъ и не главный ея городъ, занимаетъ, какъ и упомянутый выше Си-ань-фу, одну изъ частей Китая, гдѣ была нѣкогда столица Срединнаго царства; недалеко отъ этого мѣста, на рѣкѣ Хо (Но), находился городъ Ло-янъ, императорская резиденція, въ третьемъ и седьмомъ столѣтіяхъ христіанскаго времени счисленія, въ царствованіе династій Вэй и Танъ; легенды помѣщаютъ сюда также мѣстопребываніе мионческаго Фу-си. Хэ-нань-фу построенъ близъ сѣвернаго берега рѣки Ло-хэ, текущей параллельно Желтой рѣкѣ; гряда холмовъ, средняя высота которой около 150 метровъ, раздѣляетъ двѣ долины. Центральное положеніе города дало китайцамъ поводъ назвать его «пупомъ міра». Мало найдется городовъ, которые были бы поставлены въ болѣе благопріятныя условія, какъ пункты соединенія большихъ проѣзжихъ дорогъ; къ дорогѣ поднимающейся вверхъ по долинѣ Желтой рѣки, примыкаютъ въ этомъ мѣстѣ другіе колесные пути, направляющіеся на сѣверо-востокъ къ Тянь-цзиню, на юго-востокъ къ рѣкамъ Хуай-хэ и нижнему Янъцзы-цзяну, на югъ къ долинѣ рѣки Хань, черезъ Наньчжоусскій перевалъ. Когда желѣзные пути сообщенія будутъ проложены черезъ Китай, Хэ-нань, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлается главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Срединнаго царства, предназначаемыхъ для западныхъ странъ [1]). Въ самомъ городѣ нѣтъ замѣчательныхъ памятниковъ архитектуры, но на окрестныхъ холмахъ можно видѣть храмы, принадлежащіе къ древнѣйшимъ въ Китаѣ и къ самымъ любопытнымъ по находящимся въ нихъ своеобразнымъ произведеніямъ китайскаго искусства. Гора Сунъ-шань, на югѣ отъ Хэ-нань-фу, почитается священной, и нѣкоторые изъ украшающихъ ее религіозныхъ памятниковъ изсѣчены въ живой скалѣ.

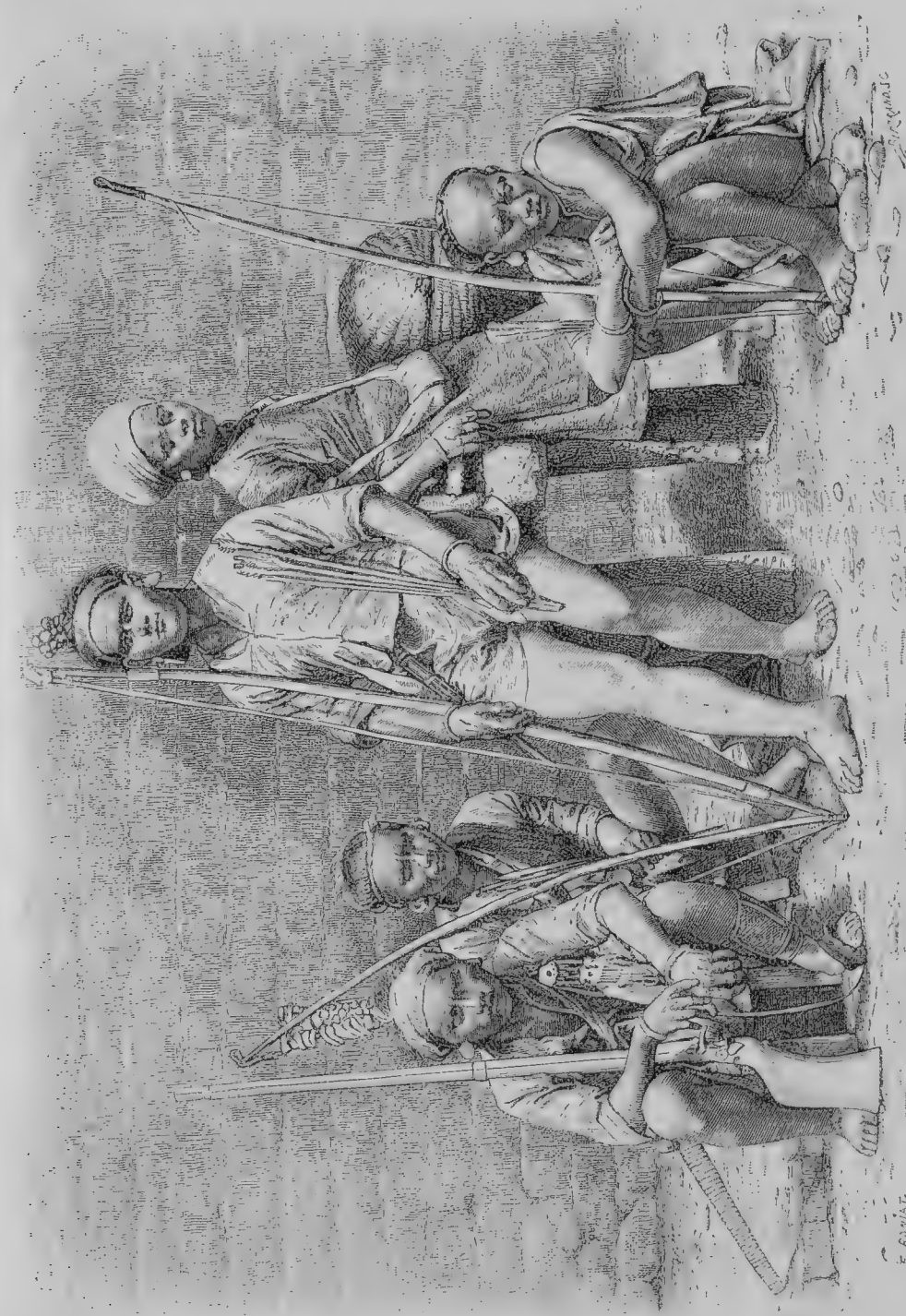
Кай-фынъ-фу, главный городъ провинціи Хэ-нань, вообще извѣстный у туземцевъ подъ стариннымъ его именемъ Пинъ-лянъ, занималъ бы не менѣе благопріятное мѣстоположеніе, чѣмъ Хэ-нань-фу, если бы ему не угрожали постоянно наводненія отъ разливовъ Хуанъ-хэ и его притока Пинъ-хэ, и если бы Желтая рѣка, прорывая сдерживающія ее плотины, не опустошала иногда прибрежныхъ равнинъ.

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi“ etc.;—Williamson, „Travels through North China, Manchuria and Eastern Mongolia“.

[2]) Léon Rousset, „A travers la Chine“.

[1]) F. von Richthofen, „Report on the provinces of Honan and Shansi“.

Работы по содержанію въ порядкѣ береговыхъ плотинъ постоянно занимаютъ тысячи работниковъ; несмотря на то, стѣны города часто бывали окружены цѣлымъ моремъ выступившей изъ береговъ рѣчной воды. Въ 1541 году Кай-фынъ былъ даже почти весь разрушенъ своими собственными защитниками; сдѣлавъ пробоины въ дамбахъ, съ цѣлью потопить войско инсургентовъ, они не съумѣли отвратить грозный потокъ отъ своихъ оплотовъ и погибли почти всѣ, тогда какъ большинство осаждавшихъ имѣли время спастись бѣгствомъ. Кай-фынъ-фу, который тоже былъ, съ 1280 по 1405 годъ столицей имперіи подъ именемъ Дунъ-цзина, или «восточной резиденціи», не сохранилъ ни одного памятника своего прошлаго величія: теперь это просто торговый городъ, который можно сравнить съ постояннымъ



Плѣнные бутанцы въ Японіи.

ярмарочнымъ полемъ. Почти всѣ живущіе въ городѣ—евреи, составляющіе единственную въ Китаѣ іудейскую общину, занимаются, какъ и ихъ сплеменники на Западѣ, ремесломъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, торговцевъ старыми вещами, мѣнялъ и ростовщиковъ [1]). Мѣстечко Чжу-сянь-чжэнь, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Кай-фына, есть одинъ изъ главныхъ рынковъ Китая; въ прежнее время его причисляли къ четыремъ важнѣйшимъ торговымъ центрамъ Срединной имперіи.

На сѣверѣ отъ Желтой рѣки, городъ Хуай-цинъ-фу, расположенный среди обширнаго сада, который орошается прозрачными ручьями, вытекающими съ горы Тай-ё-шань, тоже производитъ большую торговлю, но по степени торговой важности его превосходитъ сосѣднее мѣстечко, лежащее въ 18 километрахъ къ сѣверо-востоку, Цинъ хуа-чжэнь. Этотъ «рынокъ», складочный пунктъ каменнаго угля изъ копей, очень дѣятельно разрабатываемыхъ въ холмахъ, находящихся на западѣ, ведетъ также отпускную торговлю издѣліями изъ желѣза и стали, фабрикуемыми въ Хуай-цинѣ; въ этой мѣстности китайская фармакопея достаетъ тигуанъ, одинъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ ею корней. Дорога изъ Цинъ-хуа въ Тянь-цзинь проходитъ черезъ большой городъ Вэй-хой-фу и достигаетъ начальнаго пункта судоходства по рѣкѣ Вэй-хэ, пристани Танку-чжэнь (Tanko outchen), гдѣ производится преимущественно обмѣнъ каменнаго угля изъ Шань-си на уголь изъ чжилійскихъ копей, и которая служитъ главнымъ посредникомъ въ торговлѣ между Тянь-цзинемъ и прибрежными мѣстностями Желтой рѣки. Къ западу отъ рѣки Вэй-хэ, на небольшомъ притокѣ, находимъ городъ Чжанъ-дэ-фу, выгодно отличающійся отъ всѣхъ своихъ сосѣдей образцовымъ содержаніемъ своихъ улицъ и храмовъ, хорошимъ вкусомъ своихъ жителей и цвѣтущимъ состояніемъ своей промышленности. Дороги въ окрестностяхъ этого города, говоритъ путешественникъ Оксенгамъ, такъ же хорошо содержатся, какъ лучшія шоссе въ Англіи [2]).

Торговые города очень многочислены также и на югѣ отъ Хуанъ-хэ, въ обширныхъ равнинахъ, гдѣ извиваются рѣки Хуай-хэ и ея притоки. Важнѣйшій рынокъ этой области—Чжоу-цзя-коу, построенный при сліяніи трехъ рѣкъ, образующихъ Ша-хэ, къ западу отъ провинціальнаго города Чэнь-чжоу-фу. Мѣстности, на югѣ отъ Кай-фынъ-фу не менѣе богаты, чѣмъ равнины западной Хэ-нани, но онѣ гораздо болѣе пострадали отъ опустошительнаго прохода инсургентовъ тайпиновъ. Отъ Нанкина до Цзи-наня, пространство, нѣкогда покрытое водами моря, а теперь усѣянное озерами, по которому проходитъ Большой или Императорскій каналъ, было открыто имъ безъ всякой защиты, и они разорили всѣ находившіеся тамъ города.

Важнѣйшіе города бассейна Желтой рѣки, цифра населенія которыхъ указывается, приблизительно, новѣйшими путешественниками суть:

Гань-су: Лань-чжоу-фу, по Крейтнеру—500.000 жит.; Цзинъ-чжоу—160.000 жит.; Синиъ-фу—60.000 жит.; Пинъ-лянъ-фу—60.000 жит.; Гунъ-чанъ-фу — 50.000 жит.; Чунъ-синь—10.000 жит.

Шэнь-си: Си-ань-фу, по Рихтгофену—1.000.000 жит.; Хань-чжунъ-фу—70.000 жит.

Шань-си: Тай-юань-фу, по Вильямсону—250.000 жит.; Пинъ-яо-сянь—60.000 жит.; Цисянь—30.000 жит.; Сюй-гоу — 22.000 жит.; Пинъ-динъ-чжоу — 20.000 жит.; Пинъ-янъ-фу—15.000 жит.

Бассейнъ Янъ-цзы-цзяна.

Провинціи: Сы-чуань, Гуй-чжоу, Ху-бэй, Ху-нань, Ань-хой, Цзянъ-су, Цзянъ-си, Чжэ-цзянъ.

Бассейнъ Янъ-цзы-цзяна обнимаетъ болѣе трехъ восьмыхъ территоріи Китая въ собственномъ смыслѣ, и сгруппированное въ немъ населеніе исчислялось болѣе чѣмъ въ 200 милліоновъ душъ до страшной гражданской войны, которая опустошила эти провинціи. Хотя китайское государство основалось не въ этой области, проходимой теченіемъ Голубой рѣки, но оно нашло тамъ свои главные источники народнаго богатства и могло развить свое могущество въ такой степени, что сдѣлалось первенствующей державой восточной Азіи.

Народонаселеніе бассейна Янъ-цзы-цзяна въ 1882 году:

	Пространство по Матусовскому квад. миль.	Общее населеніе жителей.	На квадр. миль жителей.
Сы-чуань.....	10.278,76	67.712.897	6.588
Гуй чжоу.....	3.158,10	7.669.181	2.428
Ху-бэй.....	3.356,19	33.365.005	9.941
Ху-нань.....	3.917,09	21.002.604	5.362
Ань-хой.....	2.579,41	20.596.988	7.986
Цзянъ-су	1.797,28	20.905 171	11.633
Цзянъ-си	3.308,29	24.534.118	7.416
Чжэ-цзянъ.....	1.764,10	11.588.692	6.569
Всего.....	30.160,2	207.374.652	6.511

Изъ всѣхъ главныхъ китайскихъ рѣкъ Янъ-цзы-цзянъ самая значительная, такъ что жители Срединнаго царства обыкновенно означаютъ ее просто подъ именемъ Да-цзянъ или «Большой рѣки». Воды ея такія же желтыя отъ примѣси землистыхъ частицъ, какъ воды Хуанъ-хэ; но въ то время, какъ эта послѣдняя рѣка сравнивается съ «Землей», съ «женскимъ

[1]) I. de Rochechouart, „Pekin et l'interieur de la Chine".
[2]) Oxenham, „Mittheilungen von Petermann", IV, 1870.

началомъ», символическій цвѣтъ котораго желтый, Янъ-цзы-цзянъ, по толкованію нѣкоторыхъ комментаторовъ, есть «Сынъ мужскаго начала», то-есть «Неба»; слѣдовательно, названіе «Голубая рѣка», которое ему даютъ миссіонеры прошлаго столѣтія, и которое до сихъ поръ еще очень употребительно въ Европѣ, оказывается не лишеннымъ основанія, такъ какъ небо имѣетъ голубой цвѣтъ [1]). Но хотя одинъ изъ знаковъ, обыкновенно употребляемыхъ для означенія Янъ-цзы-цзяна, есть тотъ, который относится къ мужскому началу, употребляютъ также и другіе знаки, изъ которыхъ каждый измѣняетъ смыслъ этого имени. Можетъ быть, оно должно быть переводимо «Сынъ океана»; можетъ быть, оно напоминаетъ сильные разливы рѣки, или, наконецъ, не есть ли оно чисто географическій терминъ, происшедшій отъ названія прежней провинціи Янъ, извѣстной въ наши дни подъ именемъ Цзянъсу? Какъ бы то ни было, нельзя удивляться грандіознымъ эпитетамъ, которые придаются туземцами главной рѣки центральнаго Китая, ибо она несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ могучихъ потоковъ земнаго шара. Правда, что въ самой Азіи лишь три большія сибирскія рѣки, Обь съ Иртышемъ, Енисей съ Ангарой и Лена, превосходятъ ее по длинѣ теченія и по пространству бассейна (развернутая длина Янъ-цзы-цзяна равна 4.500 верстамъ; приблизительная поверхность его бассейна, по Б[illegible]истону, 1.877.560 квадратныхъ километровъ); но по объему жидкой массы она кажется гораздо значительнѣе этихъ рѣкъ холодныхъ странъ. Голубая рѣка оказывается первымъ потокомъ земнаго шара въ отношеніи средняго количества протекающей воды: въ Старомъ Свѣтѣ ее превосходитъ только Нилъ и Конго, въ Новомъ Свѣтѣ только Амазонка и соединенныя рѣки Миссисипи-Миссури. Ниже слиянія съ притокомъ Хань, Янъ-цзы-цзянъ катитъ, среднимъ числомъ, 18.320 кубическихъ метровъ въ секунду (наибольшій мѣсячный сокъ, именно въ августѣ, доходитъ до 35.840 кубическихъ метровъ въ секунду); но въ этомъ мѣстѣ поверхность истеченія представляетъ только одиннадцать тринадцатыхъ всего рѣчного бассейна; предполагая, что пропорція дождей и истеченія сохраняется та же самая во всей нижней части теченія, находимъ, что средній объемъ протекающей въ рѣкѣ воды равенъ 21.650 кубическимъ метрамъ въ секунду, то-есть въ десять разъ больше, чѣмъ стокъ Роны.

Сравнивая двѣ главныя рѣки Срединнаго царства, китайцы не забываютъ противополагать южный потокъ къ сѣверному, рѣку благодѣтельную по преимуществу потоку опустошительному, который, по справедливости, получилъ прозвище «Бича дѣтей Хань». Янъ-цзы-цзянъ никогда не причинялъ бѣдствій, подобныхъ тѣмъ, какими сопровождаются перемѣны теченія Хуанъ-хэ, и ни одна рѣка не приноситъ больше пользы въ отношеніи судоходства. Если Голубая рѣка не носитъ еще на своихъ водахъ столь же большаго числа пароходовъ, какъ Миссисипи, ни даже, какъ Волга, то она покрыта безчисленными флотиліями парусныхъ и гребныхъ судовъ, джонокъ и барокъ, и нужно считать сотнями тысячъ число судовщиковъ и лодочниковъ, живущихъ на ея поверхности. Марко Поло нисколько не преувеличивалъ, говоря, что на водахъ Цзяна въ его время плавало больше судовъ, несущихъ больше богатствъ и товаровъ, чѣмъ сколько ихъ нашлось бы на соединенныхъ рѣкахъ и моряхъ всего тогдашняго христіанскаго міра. Пожаръ, происшедшій отъ громоваго удара на пристани города Учанъ-фу, въ 1850 году, истребилъ семьсотъ большихъ джоновъ и тысячи барокъ; слишкомъ пятьдесятъ тысячъ матросовъ (?) нашли смерть въ волнахъ или въ пламени; только одинъ негоціантъ города заказалъ десять тысячъ гробовъ на свой счетъ [1]). Поразивъ одинъ только портъ, который, правда, тянется на пространствѣ 15 километровъ, эта страшная катастрофа погубила больше судовщиковъ, чѣмъ сколько ихъ есть во всей Франціи. Война тайпиновъ, которая свирѣпствовала преимущественно на берегахъ Янъ-цзы-цзяна и его главныхъ притоковъ, обезлюдила на нѣкоторое время воды могучей рѣки. Со времени возстановленія мира мѣстная торговля мало-по-малу вошла въ свою прежнюю колею, и теперь опять показываются мирныя джонки и барки, скользящія по водамъ длинными вереницами; но отъ времени до времени волны, поднимаемыя быстро несущимися пароходами, сильно качаютъ эти флотиліи, какъ бы для того, чтобы увѣдомить ихъ о перемѣнѣ, совершающейся въ перевозочномъ промыслѣ. Голубая рѣка, которой монголы дали громкое имя Далай, то-есть «Море», въ самомъ дѣлѣ исполняла въ исторіи Китая ту же роль, какъ океанъ, замѣняя собою для судоходства морскіе заливы далеко вдающіяся во внутренность земель. Путешествія, перевозка продуктовъ и товаровъ и въ то же время сближеніе различныхъ цивилизацій производились по этимъ внутреннимъ водамъ легче и удобнѣе, чѣмъ по внѣшнему морю. Въ настоящее время по тому же Янъ-цзы-цзяну европейское вліяніе проникаетъ всего далѣе вглубь центральнаго Китая; два берега этой рѣки, составляя, такъ сказать, прибавку къ морскому прибрежью, продолжаютъ его въ дѣйствительности на цѣлыя 4.000 километровъ. Общая длина судоходныхъ водъ

[1]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Novella, Rizzolati, „Annales de la propagation de la Foi“, janvier 1851.

въ бассейнѣ Янъ-цзы-цзяна равняется половинѣ земной окружности.

Извѣстно, что верхніе притоки Янъ-цзы-цзяна берутъ начало внѣ предѣловъ собственнаго Китая, на плоскогорьяхъ Тибета. Истоки Голубой рѣки, такъ же, какъ и истоки Желтой рѣки, еще не были обслѣдованы вполнѣ европейскими путешественниками, но можно указать довольно точнымъ образомъ мѣсто ихъ происхожденія. Три ручья, одинаково называемые монголами Уланъ-мурэнь, или «Красными рѣками» и различаемые спеціально прозвищами Намейту, Токтонай, Кетси, зарождаются въ сѣверо-восточной области страны Хачи, на югѣ отъ неизслѣдованныхъ еще горныхъ цѣпей системы Куэнь-луня, которую продолжаетъ на западѣ хребетъ Баянъ-хара. Эти три потока, соединяясь, образуютъ Муръ-усу или «Извилистую воду» монголовъ, Дичу или Бричу тибетцевъ, то-есть «Коровью рѣку» [1]); это и есть та самая рѣка, которая принимаетъ имя Янъ-цзы-цзяна на китайской территоріи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Пржевальскій переправлялся черезъ нее, на абсолютной высотѣ 4.007 метровъ, ширина русла была 225 метровъ и теченіе очень быстрое; видъ береговъ доказываетъ, что во время лѣтнихъ разливовъ пространство, покрываемое водами, имѣетъ не менѣе 1.600 метровъ отъ края до края. На высотѣ 4 километровъ надъ уровнемъ океана и на разстояніи слишкомъ 5.000 километровъ отъ своего устья, Муръ-усу катитъ уже большій объемъ воды, чѣмъ многія знаменитыя рѣки западной Европы. Въ этой части своего теченія двѣ важнѣйшія рѣки Китая, Хуанъ-хэ, Янъ-цзы-цзянъ всего болѣе сближаются: ихъ бассейны отдѣлены одинъ отъ другаго только хребтомъ Баянъ-хара, и снѣга одной и той же горной степи питаютъ оба потока.

Муръ-усу слѣдуетъ въ началѣ тому же направленію, какъ и другія рѣки восточнаго Тибета: оставаясь параллельнымъ Лу-цзяну и Лань-цань-цзяну, онъ течетъ на югъ, какъ бы намѣреваясь излить свои воды въ Сіамскій заливъ; на пространствѣ слишкомъ 1.000 километровъ развитія онъ спускается такимъ образомъ къ Индійскому океану; но въ то время, какъ сосѣдніе потоки нашли бреши для прохода черезъ Юньнаньское плоскогорье, онъ ударяется объ эти возвышенности, не будучи въ состояніи найти себѣ выходъ и изгибаясь къ востоку обширными излучинами, переходитъ на другую континентальную покатость и снова приближается къ Хуанъ-хэ, чтобы идти, какъ и эта рѣка, излить свои воды въ Китайское море. Въ этой части своего теченія онъ получилъ отъ китайцевъ имена Цзинь-ша-цзянъ или «Рѣка золотаго песку» и Бэй-шуй-цзянъ или «Рѣка бѣлой воды». Другой потокъ тоже носитъ названіе «Рѣка съ золотыми песками»: это Я-лунъ-цзянъ или На-чу, который зарождается на скатахъ хребта Баянъ-хара и течетъ параллельно Муръ-усу и другимъ тибетскимъ рѣкамъ провинціи Камъ. При сліяніи этихъ двухъ потоковъ, Я-лунъ-цзянъ, почти столь же широкій и болѣе быстрый, чѣмъ главная рѣка, проходитъ въ поперечной долинѣ, между высокими скалами съ перпендикулярными стѣнами: никакая тропинка не проникаетъ въ это дикое ущелье [1]).

Ниже впаденія Я-лунъ-цзяна, Цзинь-ша-цзянъ принимаетъ въ себя еще другую рѣку, которая вытекаетъ, если не съ самаго хребта Баянъ-хара, то, по крайней мѣрѣ, съ его восточнаго продолженія, горъ Минъ-шань, и которая спускается съ сѣвера на югъ, въ томъ же направленіи, какъ и параллельныя рѣки провинціи Камъ. Этотъ притокъ на большей части картъ носитъ названіе Минъ-цзянъ. Съ гидрографической точки зрѣнія не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Минъ-цзянъ составляетъ притокъ Цзинь-ша-цзяна, ибо онъ гораздо меньше его какъ по объему жидкой массы, такъ и по длинѣ теченія, и долина, гдѣ онъ протекаетъ, есть не что иное, по сѣверному направленію, какъ боковая борозда большаго средняго пониженія, въ которомъ текутъ воды Янъ-цзы-цзяна. Однако, большинство китайскихъ писателей разсматривали Минъ, какъ главную вѣтвь рѣки; причину тому нужно искать, безъ сомнѣнія, въ общности цивилизаціи, существовавшей между жителями долины Мина и населеніями низоваго Янъ-цзы; большая рѣка, приходящая изъ возвышенныхъ и горныхъ странъ, населенныхъ дикими, внушавшими страхъ, народцами, казалась цивилизованнымъ китайцамъ происходящей какъ бы изъ особеннаго міра; по ихъ понятіямъ, Цзинь, «Рѣка» по преимуществу, должна была на всемъ своемъ протяженіи течь въ области цивилизаціи. Въ Юй-гунѣ, древнѣйшемъ географическомъ документѣ Китая, Минъ-цзянъ уже означенъ какъ протокъ, образующій верхнее теченіе Великой рѣки [2]). Марко Поло, который жилъ нѣкоторое время въ долинѣ Мина, тоже даетъ этой рѣкѣ названіе «Цзянъ». На старинныхъ картахъ, все верхнее теченіе Цзинь-ша-цзянъ совсѣмъ не показано, а Хуанъ-хэ, рѣка, долина которой была колонизована раньше другихъ мѣстностей, представлена какъ потокъ, имѣющій гораздо болѣе значительную важность. Со временъ знаменитаго венеціанскаго путешественника, Минъ перемѣнилъ свое ложе въ равнинѣ, гдѣ находится Чэнъ-ду-фу, главный городъ провинціи Сы-чуань: онъ тогда протекалъ посреди города, очень глубокій и широкою около полумили, тогда какъ въ наши дни

[1]) Klaproth, „Description du Thibet".

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
[2]) F. von Richthofen, „China";—Yule, „Introduction to the River of Golden Sand", by Gille.

онъ уже не проходитъ болѣе черезъ Чэнъ-ду-фу и дѣлится на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ ближайшій къ городской оградѣ не имѣетъ даже 100 метровъ въ ширину: ирригаціонные каналы, вырытые въ окружающей равнинѣ, въ одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей Цвѣтущаго царства, способствовали измѣненію направленія проточныхъ водъ [1]).

Въ періодъ разливовъ Минь судоходенъ до самаго Чэнъ-ду-фу, но въ обыкновенное время суда не могутъ подниматься выше города Синь-цзинь-сянь, гдѣ соединяются въ одинъ протокъ всѣ искусственные каналы бассейна главнаго города провинціи: здѣсь начинается, на разстояніи 3.260 километровъ отъ моря, та непрерывная линія судоходства, которая пересѣкаетъ отъ запада къ востоку весь Китай въ собственномъ смыслѣ. Десятую часть этой судоходной линіи образуетъ теченіе Минь-цзяна, тогда какъ выше мѣста сліянія рѣка Цзинь-цзянъ, какъ говорятъ, судоходна безъ перерыва только на протяженіи какой-нибудь сотни километровъ для обыкновенныхъ барокъ; вѣроятно, однако, что водопады, о которыхъ разсказываютъ судовщики изъ Пинъ-шаня, суть просто пороги, легко переходимые, и что единственная причина пустынности водъ Цзинь-цзяна и отсутствія на нихъ судоходства есть страхъ, который внушаютъ китайскимъ торговцамъ дикіе мяо-цзы, обитатели этой страны [2]). Впрочемъ, и «Великую рѣку» ниже сліянія ея съ Миномъ нельзя назвать совершенно горнымъ потокомъ; она тоже образуетъ нѣсколько порогоровъ, гдѣ плаваніе сопряжено съ опасностью. По измѣреніямъ Блекистона, общее паденіе Янъ-цзы-цзяна, ниже Пинъ-шаня, на пространствѣ 2.939 километровъ, составляетъ около 455 метровъ, что дастъ въ среднемъ наводѣ отъ 15 до 16 сантиметровъ на километръ,—покатость гораздо менѣе крутая, чѣмъ покатость Роны, нижеЛіона, но неравномѣрно распредѣленная. Ниже сліянія съ Миномъ главная рѣка, текущая на сѣверо-востокъ, слѣдуетъ въ томъ же направленіи, какъ скалистые хребты, идущіе вдоль ея береговъ; но эти каменистыя цѣпи, состоящія изъ сѣрыхъ известняковъ, представляютъ мѣстами, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, бреши, въ которыя и устремляется потокъ, дѣлая крутые повороты или излучины. На вершинѣ этихъ выступовъ горъ высятся крѣпостцы, укрѣпленные лагери, куда обыкновенно укрывается населеніе окрестныхъ мѣстностей во время гражданскихъ войнъ, тогда какъ у основанія ихъ открываются каменоломни и копи, гдѣ разрабатываютъ залегающія параллельными пластами мѣсторожденія каменнаго угля и углекислой извести, кое-гдѣ даже добываютъ желѣзную руду. На берегахъ золотоискатели собираютъ также кое-какія крупинки драгоцѣннаго металла, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что, при всей умѣренности ихъ потребностей, съ трудомъ могутъ поддерживать этимъ промысломъ свое жалкое существованіе.

Во всей этой области бассейна, которой Блекистонъ далъ названіе Crass Ranges или «Поперечныхъ цѣпей горъ», видны прежніе берега на довольно большой высотѣ надъ нынѣшнимъ уровнемъ разливовъ Янъ-цзы-цзяна. Очевидно, что рѣка нѣкогда текла на высотѣ гораздо болѣе значительной: порогъ катарактовъ, прерывающихъ теченіе рѣки между провинціями Сы-чуань и Ху-бэй, долженъ былъ занимать въ ту эпоху болѣе возвышенное положеніе, чѣмъ онъ занимаетъ теперь. Здѣсь именно, въ этой области прорыва, самые живописные и самые разнообразные ландшафты слѣдуютъ одинъ за другимъ на обоихъ берегахъ Да-цзяна или «Великой рѣки». Неподалеку отъ верхняго входа въ рѣчныя тѣснины, скала, имѣющая форму четыреугольной призмы въ 60 метровъ вышины, состоящая на цоколѣ такой же высоты, господствуетъ надъ маленькой деревней, группирующей свои домики подъ тѣнью нѣсколькихъ деревьевъ. Словно громадное зданіе, песчаниковая скала составлена изъ горизонтальныхъ слоевъ. На той изъ ея граней, которая обращена къ рѣкѣ, пріютилась девятиэтажная пагода, верхній павильонъ которой даетъ доступъ на площадку каменной глыбы: это кумирня, построенная, какъ говорятъ, буддійскими миссіонерами въ четвертомъ столѣтіи послѣ Р. Х., носитъ названіе Ши-бу-чжай (Chipoutchai) или «Домъ драгоцѣннаго камня». Далѣе рѣка вступаетъ въ глубокое ущелье, вертикальныя стѣны котораго поднимаются на 200 метровъ высоты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега рѣки отстоятъ одинъ отъ другаго всего только на 140 метровъ, и въ тѣснину проникаешь точно въ разсѣлину горъ. Такъ какъ большая часть этихъ дефиле оріентирована по направленію отъ запада къ востоку, то солнце никогда не освѣщаетъ ихъ глубины: стѣны тѣснинъ всегда остаются въ полумракѣ, и во всѣхъ углубленіяхъ откосовъ прозябаютъ папоротники и другія растенія, которыя любятъ тѣнь и сырость; сосны показываются только на высотахъ, и поля культурныхъ растеній виднѣются тамъ и сямъ, вездѣ, гдѣ скаты представляютъ полосы земли достаточно широкія, чтобы на нихъ можно было посѣять нѣсколько горстей зеренъ. Вдоль берега есть скрытые подводные камни, но вода глубока, и даже во время мелководья можно бросать лотъ во многихъ мѣстахъ этихъ тѣснинъ, не находя дна на 30 метрахъ; въ періодъ разливовъ, то-есть въ августѣ мѣсяцѣ, когда теченіе уноситъ къ морю растаявшіе снѣга съ горъ Куэнь-

[1]) Yule;—Gill;—Richthofen, „Letter on the Provinces of Chili, Shansi, Shensi, Sz'chwan".

[2]) Blakiston, „Five months on the Yangtze".

луня и Баянъ-хара, уровень поднимается на 20 и 21 метръ въ узкихъ дефиле; чтобы сдѣлать жилища недосягаемыми для наводненія, они должны быть помѣщаемы высоко на выступахъ скалъ. Управляемыя искусными кормчими, ладьи и даже джонки могутъ спускаться и подниматься по рѣкѣ, не опасаясь набѣжать на камень, но при подъемѣ онѣ должны бороться противъ сильнаго теченія, скорость котораго на нѣкоторыхъ порогахъ доходитъ до 18 и 19 километровъ въ часъ. Тяга судовъ бичевой—трудъ въ высшей степени тяжелый. Въ сосѣдствѣ всѣхъ опасныхъ мѣстъ выстроились деревни, населенныя судовщиками, которыя служатъ подкрѣпленіемъ. Иной разъ цѣлая сотня этихъ бурлаковъ впрягаются въ бамбуковую веревку, чтобы тащить одну барку, и тамъ, гдѣ тропинка прерывается, они принуждены карабкаться по крутымъ утесамъ обрывистаго берега, налегая въ то же время своей тяжестью на канатъ; партіи бурлаковъ обыкновенно предшествуетъ шутъ, прыгающій, кривляющійся, бросающійся передъ ними на колѣни, чтобы ободрять ихъ въ трудной работѣ [1]).

Отъ Куй-чжоу-фу до И-чана рядъ главныхъ «тановъ» или пороговъ тянется на пространствѣ 189 километровъ и оканчивается грандіозными ущельями, каковы тѣснины Лонъ-гань и Мидань. Холмы вдругъ понижаются съ той и другой стороны, рѣка раздвигаетъ свои берега на 800 метровъ въ ширину, и въ водахъ ея, какъ въ морѣ, видимы дельфиновъ, играющихъ возлѣ судовъ; здѣсь, на разстояніи 1.760 километровъ отъ океана, начинается морской Цзянъ, къ которому китайцы примѣняютъ поговорку: «безпредѣльно море, бездонна рѣка Цзянъ». По крайней мѣрѣ она «бездонна» для обыкновенныхъ джонокъ, такъ какъ даже на самыхъ высокихъ порогахъ, во время мелководья, она представляетъ, исключая одного только мѣста, 6 метровъ воды въ фарватерѣ и почти вездѣ глубина ея гораздо больше; но разливы поднимаютъ рѣчной уровень въ этой части теченія до меньшей высоты, нежели въ тѣснинахъ, и разность между горизонтомъ высокой и низкой воды становится все менѣе и менѣе значительной, по мѣрѣ того, какъ рѣка приближается къ морю. Въ то же время опасность наводненія увеличивается для прибрежныхъ мѣстностей пропорціонально пониженію береговъ, и потому вдоль русла Янъ-цзы-цзяна съ той и другой стороны, возведены оборонительныя плотины, подобныя береговымъ дамбамъ Желтой рѣки. Съ каждой стороны рѣки начинаютъ показываться болота, въ которыя изливается выступающая изъ береговъ вода во время разливовъ, и которыя такимъ образомъ ослабляютъ размѣры наводненія; даже большія озера разстилаются тамъ и сямъ въ сосѣднихъ равнинахъ и принимаютъ въ себя притоки, которые затѣмъ изливаютъ обратно въ Янъ-цзы-цзянъ посредствомъ измѣнчивыхъ каналовъ. Самое большое изъ этихъ озеръ, между областью тѣснинъ и мѣстомъ впаденія притока Хань, носитъ названіе Дунъ-тинъ-ху. Это обширное озеро, поверхность котораго по малой мѣрѣ около 5.000 квадратныхъ километровъ, служитъ резервуаромъ истеченія огромному бассейну, слишкомъ въ 200.000 квадратныхъ километровъ, обнимающему почти всю провинцію Ху-нань; оно мѣняетъ свои очертанія и протяженіе по временамъ года, смотря по степени обилія впадающихъ въ него рѣкъ, изъ которыхъ значительнѣйшія суть: Юань-цзянъ, Цзы-цзянъ, Сянь-цзянъ, и смотря по высотѣ воды въ Янъ-цзы-цзянѣ, которая иногда отбрасываетъ теченіе озернаго истока Дунъ-тинъ-ху и заставляетъ его течь обратно въ озеро. Во время наводненій прибрежные жители покидаютъ свои селенія, чтобы искать временнаго убѣжища, одни на окрестныхъ холмахъ, другіе въ баркахъ и на плотахъ. Кромѣ рѣки своего названія, озеро выпускаетъ отъ себя нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ потоковъ, которые изливаются въ Янъ-цзы-цзянъ, проходя черезъ низменныя равнины, иногда затопляемыя разливомъ водъ. Отъ этого озера Дунъ-тинъ-ху получили свое названіе двѣ прибрежныя провинціи Янъ-цзы-цзяна: Ху-бэй, «Сѣверъ озера», и Ху-нань—«Югъ озера».

Главный притокъ низоваго Янъ-цзы-цзяна, какъ по обилію водъ, такъ и по развитію торговой дѣятельности и по важности исторической роли, есть Хань-цзянъ: это естественный путь, которымъ слѣдуютъ люди и товары между двумя главными рѣками Китая. Бассейнъ Хань-цзяна есть въ то же время одна изъ тѣхъ областей Срединнаго царства, гдѣ соединены всѣ выгодныя условія для благосостоянія и численнаго возрастанія населеній: здоровый и умѣренный климатъ, плодородныя земли, обильныя и чистыя воды, чрезвычайно разнообразная растительность, залежи мрамора, гипса и строительнаго камня въ сосѣднихъ горахъ, очень богатые запасы минеральнаго топлива [1]). Хань-цзянъ удобенъ для судоходства почти на всемъ своемъ протяженіи, и пароходы могли бы лѣтомъ подниматься вверхъ по рѣкѣ на пространствѣ болѣе 1.000 километровъ отъ устья; даже выше города Хань-чжунъ-фу, тамъ, гдѣ Хань-цзянъ еще представляетъ простой ручей, прибрежные жители имѣютъ ладьи, которыя и нагружаютъ своими сельскими произведеніями, выжидая благопріятнаго времени, то-есть періода разлива, чтобы пуститься въ плаваніе; но среднее

[1]) Blakiston, цитированное сочиненіе

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'empire Chinois".

теченіе рѣки прерывается порогами, на которыхъ суда часто терпятъ крушеніе. Въ нижней части Хань-цзяна рѣчное русло лежитъ выше прибрежныхъ мѣстностей, и съ высоты боковыхъ плотинъ можно видѣть у себя подъ ногами домики крестьянъ, пріютившіеся подъ тѣнью ивъ и ракитъ. Однако, нѣкоторыя селенія построены на широкихъ террасахъ, которыя опираются на плотины, такъ что образуютъ искусственные острова, возвышающіеся, во время разлива, надъ поверхностью выступившей изъ береговъ воды [1]). Часто вся равнина, простирающаяся отъ озера Дунъ-тинъ до мѣста сліянія Хань-цзяна съ Янъ-цзы-цзянъ, превращается въ сплошное внутреннее море, по которому разгуливаютъ многочисленныя джонки. Въ нижней части своего теченія Хань-цзянъ гораздо уже, чѣмъ въ средней части; во время мелководья, то-есть въ зимніе мѣсяцы, разстояніе отъ берега до берега, передъ набережными Хань-коу, всего только 200 метровъ, тогда какъ выше этого города русло его имѣетъ не менѣе 800 метровъ ширины, а мѣстами берега раздвигаются до двухъ съ половиною километровъ [2]).

Озеро По-янъ-ху походитъ на Дунъ-тинъ-ху по своему положенію на югѣ отъ большой излучины Янъ-цзы-цзяна, но своимъ обширнымъ размѣрамъ, по своему гидрологическому порядку и, наконецъ, по своей важности для судоходства. Оно тоже принимаетъ въ себя судоходную рѣку, Гань-цзянъ, аллювіальная дельта которой, затопляема во время разлива, выдвигается далеко въ площадь водъ; направляясь обратно въ озеро, теченіе Янъ-цзы-цзяна повышаетъ его уровень слишкомъ на 9 метровъ [3]). Многочисленные острова разбросаны по поверхности По-яна, и нѣкоторыя части бассейна, площадь котораго не менѣе 3500 квадратныхъ километровъ, представляютъ сплошной лѣсъ камышей; но сѣверная часть озера вездѣ глубока, и на берегахъ ея вырѣзаются обрывистые утесы, крутые холмы; улицы городовъ раскинули поднимающимися одинъ надъ другимъ ярусами свои дома, башни и пагоды по лѣсистымъ скатамъ горъ, на островахъ и полуостровахъ берега; плавучіе городки изъ барокъ и плотовъ, стоящихъ на якорѣ въ сосѣдствѣ пристаней, джонки съ распущенными парусами, несущіяся по обширной площади водъ, дѣлаютъ эту часть По-яна одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей центральнаго Китая. При выходѣ истока высится каменистая масса, носящая названіе «Большаго утеса сироты»; въ самомъ Янъ-цзы-цзянѣ противъ впаденія, другая скала, извѣстна подъ именемъ «Малаго утеса сироты», менѣе широкая, но болѣе высокая, чѣмъ скала По-яна, стоитъ словно стражъ, охраняющій входъ въ рѣку; стаи баклановъ или морскихъ вороновъ тучами кружатся около ея стѣнъ. Морскія рыбы и дельфины заходятъ въ По-янъ, и моряки, плывущіе черезъ это внутреннее море, могутъ подумать, что судно ихъ находится въ какомъ-нибудь заливѣ океана. Иногда оно страшно бушуетъ, волнуемое бурями [1]); оттого обыкновенныя барки скользятъ вдоль береговъ по неглубокимъ фарватерамъ, не осмѣливаясь пускаться въ открытое озеро. Почти всѣ легкіе товары ввѣряются кательщикамъ двуколесныхъ телѣжекъ, которые огибаютъ на западѣ воды бассейна [2]).

Ниже озера По-янъ-ху, Великая рѣка направляется на сѣверо-востокъ, протекая черезъ одну изъ прелестнѣйшихъ областей Китая. Могучій потокъ скользитъ въ своемъ широкомъ руслѣ движеніемъ всегда равномѣрнымъ и правильнымъ; зеленѣющіе острова прерываютъ тамъ и сямъ однообразіе сѣрой массы водъ; по берегамъ виднѣются домики, окруженные группами деревьевъ, бамбуковыми рощами; какая-нибудь пагода, стоящая одиноко на выступѣ береговыхъ холмовъ, возвѣщаетъ сосѣдство города; невысокіе косогоры, испещренные полосами зелени, господствуютъ надъ воздѣланными полями обоихъ береговъ и, обходя вокругъ отдаленной излучины, теряются въ синеватой дымкѣ горизонта. Аллювіальная равнина начинается, на обоихъ берегахъ, только ниже Нанкина, тамъ, гдѣ рѣка, принимая восточное направленіе, постепенно расширяется въ лиманъ; морской приливъ проникаетъ во всю эту часть рѣчнаго теченія на пространствѣ 360 километровъ отъ океана. Глубина фарватера превышаетъ 100 метровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и при промѣрахъ свинцовая гиря лота прогуливается на большихъ разстояніяхъ, не находя дна менѣе, какъ на 40 метрахъ; но ложе рѣки мало-по-малу повышается, по мѣрѣ приближенія къ морю, и илистый баръ отдѣляетъ рѣчной лиманъ отъ морскихъ водъ. При устьѣ разстояніе отъ одной оконечности береговъ или стрѣлки до другой около сотни километровъ; но это обширное пространство занято въ большой части островами и песчаными мелями; самые глубокіе проходы на барѣ имѣютъ среднимъ числомъ 4 метра глубины, и, благодаря морскому приливу, который повышаетъ горизонтъ воды отъ 3 до 4 съ половиною метровъ, смотря по измѣненіямъ рѣчнаго уровня, корабли, сидящіе въ водѣ на 5 метровъ и даже болѣе, легко проникаютъ въ рѣку. Главная опасность при входѣ въ рѣку Янъ-цзы-цзянъ происходитъ

[1]) Leon Rousset, „A travers la Chine“.
[2]) F. von Richthofen, „Letter on the province of Hupen“.
[3]) Swinhoe, „Journal of the Geographical Society of London“, XL, 1870.

[1]) Du Halde; — Ellis; — Staunton; — Barrow; — Carl Ritter; — Blakiston.
[2]) Swinhoe, цитированный мемуаръ.

отъ густыхъ тумановъ, которые иногда скопляются надъ мелями, скрывая буйки и вѣхи. Такъ же, какъ во всемъ Желтомъ морѣ и въ другихъ мелководныхъ морскихъ пространствахъ, эти туманы являются вслѣдствіе быстрыхъ перемѣнъ температуры [1]).

«Голубая рѣка» несетъ въ своихъ водахъ меньше землистыхъ частицъ, нежели Желтая рѣка. По наблюденіямъ Геппи, пропорція осадка, содержащагося въ водѣ низоваго Янъ-цзы-цзяна, составляетъ 2.188-ю часть по вѣсу и 4.157-ю часть по объему всего протекающаго количества жидкостей массы: осадки, приносимые въ устье, представляютъ твердую массу около 6 кубическихъ метровъ въ секунду; слѣдовательно, каждый годъ отложенія ила увеличиваются на 180 милліоновъ кубическихъ метровъ,—количество достаточное для того, чтобы покрыть пространство въ 100 квадратныхъ километровъ слоемъ грязи въ 2 метра толщиной. Вслѣдствіе этого, положеніе проходовъ на барѣ измѣняется изъ году въ годъ; появляются новыя мели, и острова разростаются въ протяженіи. Говорятъ, что длинный островъ Чунъминъ, то-есть «коса рѣки», который протянулся въ лиманѣ по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, непосредственно на сѣверѣ отъ Вусунскаго рейда, едва касался поверхности воды въ эпоху господства монголовъ: размываемый теченіемъ въ верхней своей части, онъ увеличивается постепенно на нижней оконечности, передвигаясь такимъ образомъ отъ запада къ востоку и удаляясь отъ южнаго берега. Первые жители, посланные на новую, достаточно окрѣпшую землю, были изгнанники съ континента; но островъ, не переставшій расти и укрѣпляться, былъ вскорѣ послѣ того посѣщенъ добровольными колонистами, которые совершенно измѣнили его видъ своими каналами, оборонительными плотинами, деревнями и воздѣланными полями; впослѣдствіи на этомъ океанскомъ прибрежьѣ водворились также японскіе морскіе разбойники, и ихъ потомки, превратившіеся въ мирныхъ хлѣбопашцевъ, смѣшались съ переселенцами континентальнаго происхожденія. Въ настоящее время Чунъминъ, гдѣ на пространствѣ около тысячи квадратныхъ километровъ скучено до двухъ милліоновъ жителей, есть одна изъ многолюднѣйшихъ и плодороднѣйшихъ областей Китая. Чунминскіе колонисты, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, жили совершенно независимо, не зная никакихъ мандариновъ, вымогающихъ подати и утѣсняющихъ народъ своими регламентами; оттого населеніе острова, пользовавшееся выгодами самоуправленія, было гораздо счастливѣе и болѣе образовано, чѣмъ населеніе твердой земли. «Вотъ куда нужно идти, говорилъ Липдсей, чтобы познакомиться съ природной честностью и добродушіемъ китайцевъ» [1]). Островитяне Чунъ-мина заселяютъ послѣдовательно всѣ новыя земли, образующіяся въ лиманѣ Янъ-цзы-цзяна: такъ, они колонизовали большой островъ Си-тэй-ша, состоящій изъ сотни различныхъ острововъ и островковъ, который плистыми отмелями соединяется съ сѣверной оконечностью материка при входѣ въ рѣку; точно также они распространяютъ мало-по-малу свои поселенія на полуостровѣ Хай-мынь, лежащемъ къ сѣверу отъ Голубой рѣки, и покрываютъ его прекрасными воздѣланными полями. Въ этой области провинціи Цзянъ-су они находятся въ соприкосновеніи съ первобытными жителями, почти дикими аборигенами, отъ которыхъ они совершенно отличаются кротостью нрава и умомъ [2]).

Въ нижнемъ теченіи Янъ-цзы-цзяна также произошли большія перемѣны, хотя далеко уступающія по важности перемѣнамъ, имѣвшимъ мѣсто въ низовьяхъ Желтой рѣки. Въ [illegible]мѣ своего нынѣшняго устья онъ имѣлъ [illegible] когда два другихъ, которыя открывались южнѣе. Главное изъ этихъ засорившихся руслъ, которое и теперь еще можно узнать на большой части его протяженія, отдѣлялось отъ сѣвернаго рукава въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится въ наши дни городъ У-ху, выше Нанкина, и слѣдовало извилистой линіей къ юго-востоку, неся свои воды въ Ханчжоусскій лиманъ или заливъ. Покинутыя Янъ-цзы-цзяномъ озера на полуостровѣ Шань-хай сохранили излучистую форму прежней рѣки, и высокіе берега при поворотахъ представляютъ такой точно видъ, какъ будто бы теченіе продолжало еще омывать ихъ основанія. Такъ, озеро Тай-ху, самый большой озерный бассейнъ этой области, по которому снуютъ во всѣхъ направленіяхъ двумачтовыя палубныя барки, напоминаетъ свой прежній рѣчной характеръ очертаніемъ своего западнаго берега, слѣдующаго параллельно правому берегу Янъ-цзы-цзяна. Точно также Ханчжоусскій заливъ все еще имѣетъ видъ рѣчнаго устья, но процессъ отложенія землистыхъ наносовъ уже прекратился; во многихъ мѣстахъ происходитъ обратное явленіе: волны постепенно смываютъ мели, подтачиваютъ прежніе берега, и каменистые острова Чжу-сана, которые протянулись впереди лимана на подобіе поперечной плотины, перестали служить опорной точкой для образованія аллювіальнаго полуострова. Вся страна, которая была дельтой Янъ-цзы-цзяна, между двумя лиманами, представляетъ низменное пространство, подобное по виду Нидерландамъ, перерѣзанное во всѣхъ направленіяхъ каналами, обведенными охранительными плотинами; поля окопаны судоходными рвами,

[1]) Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“;—„Instructions nautiques sur les cotes de la Chine“.

[1]) „Report of Proceedings“;—Carl Ritter, „Asien“.

[2]) Bourdilleau, „Annales de la propagation de la Foi“. 1871 г.

и всѣ перевозки продуктовъ и товаровъ производятся ладьями. На сѣверъ отъ Янъ-цзы-цзяна, аллювіальная равнина, которая продолжается въ сѣверномъ направленіи до стараго русла Хуанъ-хэ, имѣетъ такой же видъ, и естественные потоки, искусственные каналы тоже переплетаются тамъ въ цѣлый лабиринтъ водъ. Каналъ по преимуществу или Юнь-хэ, «рѣка транспортовъ», бывшій притокъ Янъ-цзы-цзяна, пересѣкаетъ эту область съ юга на сѣверъ и соединяется съ теченіемъ Желтой рѣки; рѣка Хуанъ-хэ, питаемая ручьями, спускающимися съ крайнихъ развѣтвленій системы Куэнь-лунь, дѣлится въ равнинѣ на многочисленные потоки, которые соединяются съ прежними руслами Хуанъ-хэ, озера и болота наполняютъ всѣ низменныя мѣстности, а вдоль морскаго берега эта неопредѣленная земля окаймлена бахрамой песчаныхъ мелей и острововъ. О видѣ, который должна имѣть эта страна, можно судить по картѣ ея, составленной католическими миссіонерами прошлаго столѣтія и впослѣдствіи исправленной китайскимъ географомъ Линь-бао.

Отъ внѣшнихъ террасъ Тибета до неопредѣленныхъ береговъ Желтаго моря неровности рельефа дѣлятъ бассейнъ Голубой рѣки на нѣсколько естественныхъ областей, различающихся одна отъ другой климатомъ, произведеніями и нравами жителей. Первая ясно обособленная область — это область высокихъ горныхъ хребтовъ западной Сы-чуани, гдѣ «Золотоносная рѣка» течетъ по дну узкихъ поперечныхъ долинъ въ странѣ тибетцевъ и лоло. «Поперечныя цѣпи» (Cross Ranges) и ущелья на пространствѣ отъ Куй-чжоу до Ичана отдѣляютъ восточную Сы-чуань отъ равнинъ провинціи Ху-бэй; наконецъ, холмы провинціи Ань-хой указываютъ конецъ возвышенностей и начало низменностей, недавно завоеванныхъ у океана.

Горы восточной границы Тибета, очевидно, суть остатки плоскогорья, которое разрушительнымъ дѣйствіемъ снѣговъ, льдовъ и водъ было постепенно разрѣзано на параллельные хребты, имѣющіе общее направленіе отъ сѣвера къ югу; даже ложа рѣкъ, хотя глубоко врѣзывающіяся въ толщу нагорья, находятся въ этой области на высотахъ отъ 3.000 до 3.500 метровъ надъ уровнемъ моря. Большая торговая дорога, ведущая изъ Лассы въ западный Китай черезъ Батанъ и Да-цзянь-лу, держится почти вездѣ между этими двумя городами на средней высотѣ 3.600 метровъ [1]), и даже три перевала, на этой дорогѣ, открываются на абсолютной высотѣ около 5.000 метровъ. Эти горные проходы очень пугаютъ путешественниковъ, не столько по причинѣ крутизны скатовъ и суровости холода или свирѣпости вѣтра, сколько по причинѣ разрѣженности воздуха. Китайцы, не знающіе истинной причины тошноты или даже обмороковъ, которымъ они подвергаются при проходѣ черезъ высокіе хребты, приписываютъ эти случаи ядовитымъ испареніямъ почвы. На хребтѣ Танъ-ла тибетцы тоже приписываютъ нарамъ земли зловредное дѣйствіе [1]).

Хребты, отдѣляющіе Цзинь-ша-цзянъ отъ Я-лунъ-цзяна и этотъ послѣдній отъ Мина, представляютъ еще, далеко на югѣ отъ плоскихъ возвышенностей Куку-нора и Баянъ-хара, вершины, поднимающіяся за нижній предѣлъ постоянныхъ снѣговъ, который, по вычисленію Джилля, проходитъ, въ этихъ областяхъ тибетской границы, на абсолютной высотѣ отъ 4.200 до 4.500 метровъ. Такъ, Нэнда или «Священная гора», поднимающаяся на востокѣ отъ нагорной долины Цзинь-ша-цзяна, подъ широтой Батана, имѣетъ не менѣе 6.250 метровъ высоты, и со всѣхъ сторонъ ея изливаются въ окружающіе цирки или котловины потоки, вытекающіе изъ снѣговъ и ледниковъ: путешественники, проходящіе у южной подошвы этой горы, огибаютъ въ продолженіе цѣлаго дня труднаго пути ея снѣговыя предгорья ослѣпительной бѣлизны. На востокѣ отъ Нэнды поднимаются другія горы почти столь же высокія и, вѣроятно, составляющія часть того же самаго массива: это Сурунскіе пики, рядъ которыхъ тянется по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, ограничивая половину горизонта своей серебристой линіей зубчатаго гребня. На востокѣ отъ Я-лунъ-цзяна другая цѣпь, параллельная Сурунскому хребту и покрытая вѣчными снѣгами на всѣхъ своихъ верхушкахъ, поддерживаетъ отдѣльно стоящую вершину, поднимающуюся на 1.500 метровъ выше своихъ сосѣдей: туземцы дали ей прозвище Жара или «Царица горъ», и между всѣми горами, которыя имѣлъ случай видѣть Джилль во время своего путешествія черезъ Альпы Сы-чуани, ни одна, по его мнѣнію, не заслуживаетъ болѣе этой такого названія. На сѣверѣ горныя цѣпи, надъ которыми господствуетъ Жара, примыкаютъ къ гористой области, составляющей продолженіе хребта Баянъ-хара, и тамъ тоже многочисленныя вершины превосходятъ по высотѣ Монъ-бланъ; Арманъ Давидъ полагаетъ даже, что тамъ найдутся соперники вершинамъ Гималая [2]). Одна изъ этихъ горъ—О-ми-шань, на которой тамъ и сямъ воздвигнуты буддійскіе храмы, и на которую совершилъ восхожденіе миссіонеръ Рилей, въ 1879 году; другая гора носитъ названіе Сюэ-лунъ-шань или «Драконъ снѣговъ»; сосѣдняя гора называется «Бѣлое облако», а напротивъ ея, по другую сторону главнаго

[1]) Gill, „The River of Golden Sand".

[1]) Гюкъ;—Пржевальскій;—Джилль.

[2]) Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 1-er juin 1871.

горнаго потока, образующаго рѣку Минь, высится пирамидальная масса съ семью остроконечными вершинами, извѣстная подъ именемъ «Семи гвоздей»; Джилль приписываетъ ей высоту отъ 5.400 до 6.000 метровъ. Далѣе на сѣверѣ гора, называемая Ши-бань-фанъ или «Домъ изъ каменной плиты», какъ говорятъ, имѣетъ почти такую же высоту; даже простой боковой перевалъ, черезъ который поднимаются отъ одного притока Миня къ другому притоку той же рѣки, лежитъ на высотѣ болѣе 4.000 метровъ [1]).

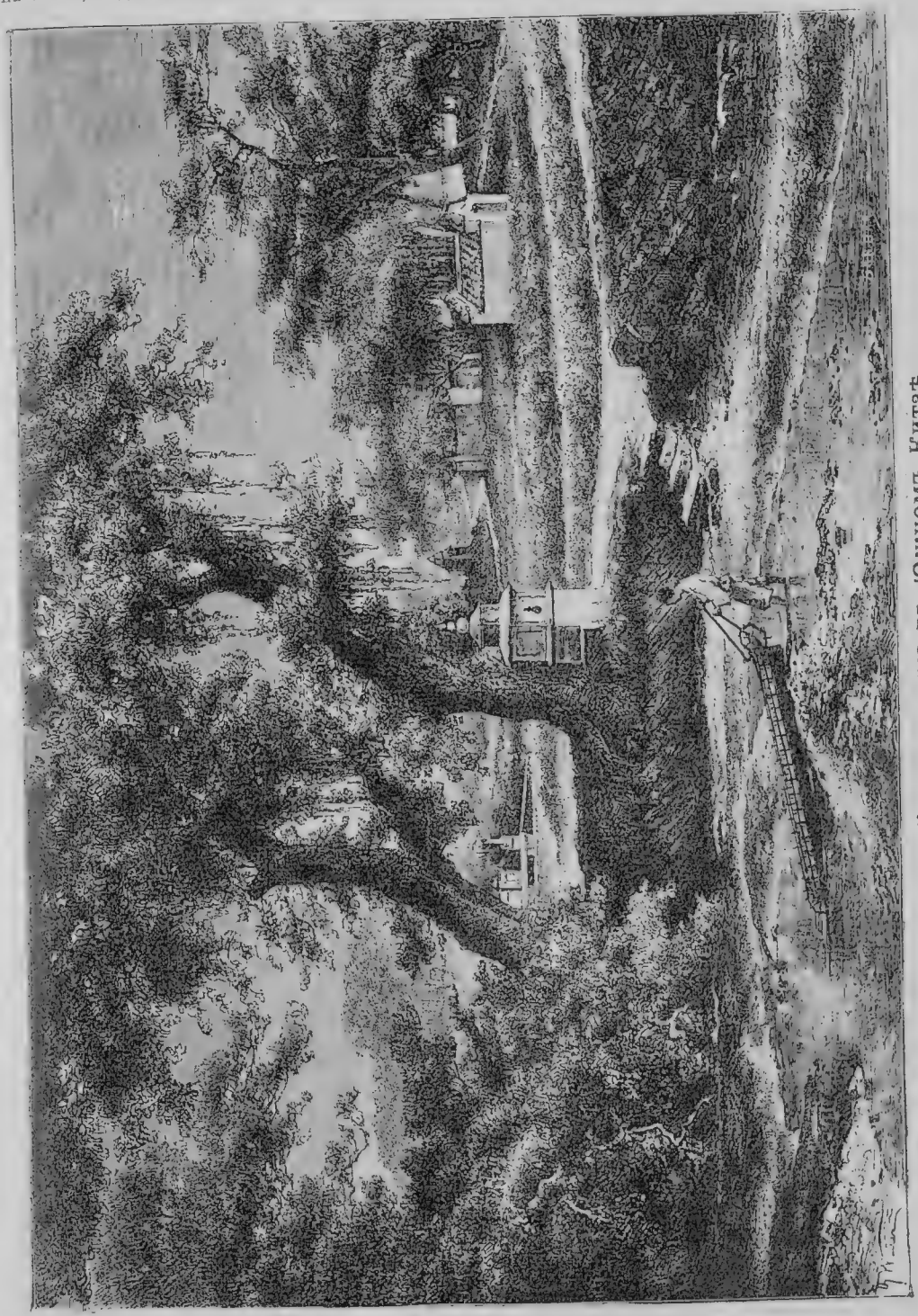
Горы западной Сы-чуани и китайскаго Тибета получаютъ довольно обильное количество атмосферной влаги въ формѣ снѣга и дождя. Не будучи отдѣлены отъ Бенгальскаго залива болѣе высокими цѣпями, онѣ выставлены непосредственно удару сырыхъ вѣтровъ, и въ нѣкоторыхъ областяхъ, особенно въ Литанѣ и въ Мупинѣ, дожди, какъ говорятъ, падаютъ каждый день, послѣ полудня, во все продолженіе лѣтняго сезона [2]). Оттого растительность отличается тамъ необычайной силой и пышностью во всѣхъ лощинахъ, гдѣ скопляются воды. Большинство нагорныхъ долинъ, даже многія изъ тѣхъ, которыя еще усѣяны селеніями, находятся выше пояса древесной растительности, но скаты бываютъ покрыты, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, роскошными травами, которыя исчезаютъ подъ снѣгомъ въ продолженіе длинной зимы. Ниже идутъ лѣса, представляющіе изумительное разнообразіе деревьевъ, изъ которыхъ иныя достигаютъ размѣровъ, неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ; господствующая порода этихъ лѣсовъ—тисъ, высокій, какъ самыя горделивыя сосны и ели европейской флоры, величественный, какъ растущіе съ нимъ въ сосѣдствѣ могучіе дубы; рододендроны выростаютъ здѣсь въ настоящія деревья; еще на высотѣ 2.500 метровъ видишь великолѣпныя азалеи, въ 5 и 6 метровъ вышиной, не менѣе обильно усѣянныя цвѣтами, чѣмъ прекраснѣйшіе экземпляры этого растенія, выставляемые европейскими садоводами. На почти вертикальныхъ крутизнахъ папоротники, кустарники, даже деревья укореняются въ углубленіяхъ камня, прикрывая скалы занавѣсами изъ листьевъ и цвѣтовъ: едва выйдя изъ какого-нибудь ущелья горы, путешественникъ тщетно ищетъ разсѣлину, по которой онъ сейчасъ проходилъ, онъ примѣчаетъ только сплетеніе вѣтвей и цвѣтущихъ ліанъ, сквозь которыя нельзя разглядѣть даже выступы утеса. Каждая деревня, въ долинахъ притоковъ рѣки Минь, затеряна въ чащѣ фруктовыхъ деревьевъ, абрикосовыхъ, персиковыхъ, орѣховыхъ; на высотѣ 1.500 метровъ видны уже пучки бамбука. Въ Батанской равнинѣ, то-есть почти на высотѣ 2.600 метровъ надъ уровнемъ моря, растутъ виноградная лоза и туговое дерево, и тамъ легко было бы заняться шелководствомъ, если бы жители края, тибетцы, не смотрѣли на умерщвленіе шелкопряда какъ на смертный грѣхъ [1]).

Дикія животныя въ этой странѣ тѣ же самыя, что и въ Тибетѣ, но они уже исчезли изъ всей почти области, колонизированной китайцами, такъ что натуралистъ Арманъ Давидъ долженъ былъ поселиться на большой высотѣ надъ Сычуаньской равниной, въ мѣстности, возвышающейся слишкомъ на 2.000 метровъ надъ уровнемъ океана, именно въ Мупинѣ, чтобы изучать богатую фауну этой естественной области. Такъ же, какъ на плоскогорьяхъ Бодъ юла (Тибета), на Альпахъ Сы-чуани водятся большія жвачныя животныя, различные виды антилопъ, каменные бараны, мускусная лань, красные олени, ревностно преслѣдуемые охотниками, которые продаютъ довольно дорого ихъ еще вполнѣ окрѣпшіе рога. Дикій якъ одиноко бродитъ вокругъ пастбищъ, гдѣ пасутся тысячи домашніе яки; одинъ быкъ особенной породы, котораго нашли также въ восточныхъ Гималаяхъ, называемый туземцами такинъ (budorcas taxicolor), рыскаетъ въ лѣсахъ нагорной Сы-чуани. Бѣлый медвѣдь, свойственный странѣ Хачи, водится равнымъ образомъ въ окрестностяхъ Мупинъ и, вѣроятно, на всѣхъ промежуточныхъ плоскогорьяхъ. Но удивительнѣе всего, что въ этихъ холодныхъ нагорныхъ пространствахъ, почти сплошь покрытыхъ снѣгомъ въ концѣ марта мѣсяца, встрѣчаются многія зябкія животныя тропическихъ странъ. Одинъ видъ летучей бѣлки перепархиваетъ съ дерева на дерево, и двѣ породы обезьянъ живутъ въ лѣсахъ Мупина; правда, что онѣ защищены отъ холода очень густой шерстью. Одна изъ обезьянъ, извѣстная у китайцевъ подъ именемъ цзинь-цзянь-хоу, и называемая натуралистами rhinopithecus Roxellanae, величиной почти такая же, какъ четырерукія Малайскаго архипелага; морда у нея короткая, бирюзово-зеленаго цвѣта, а носъ сильно вздернутый; устройство ея головы, повидимому, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ умѣ [2]). Но чѣмъ особенно отличается фауна Мупина, такъ это великолѣпіемъ и разнообразіемъ своего пернатаго царства. Необыкновенно красивые фазаны, лофофоры, различныя породы куриныхъ, поражающія блескомъ своего наряда, живутъ въ этихъ горахъ рядомъ съ многочисленными птицами, имѣющими болѣе скромное опереніе и похожими на европейскіе виды. Пѣвчія птицы, соловьи и малиновки, тоже имѣютъ своихъ представителей въ Сы-чуани. Въ одной только коллекціи, собранной Арманомъ Давидомъ, признано тридцать слишкомъ новыхъ видовъ, и

[1]) Gill, цитированное сочиненіе.
[2]) Gill, цитированное сочиненіе; Armand David;—Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 juin 1871.

[1]) Gill, цитированное сочиненіе.
[2]) A. Milne-Edwards;—Armand David.

безъ сомнѣнія со временемъ будутъ открыты еще многія другія породы. Лѣтомъ зеленые попугаи, прилетающіе, вѣроятно, изъ южнаго Юнь-наня, поднимаются на сѣверъ въ долинахъ которую огибаетъ на югѣ дуга, описываемая «Золотоносной рѣкой», принадлежитъ этнографически къ Тибету, хотя этотъ край отдаленъ отъ него въ политическомъ отношеніи.



Ирригаціонная помпа въ Южномъ Китаѣ

рѣкъ Цзинь-ша-цзяна и Я-лунъ-цзяна. На высотѣ 3.000 метровъ надъ уровнемъ моря, можно подумать, что находишься среди лѣсовъ Индо-Китая.

Наибольшая часть области горныхъ цѣпей, Цивилизованные жители страны такіе же тибетцы (бодъ), какъ и обитатели Лассы, имѣющіе тѣ же нравы и обычаи и тѣ же соціальныя учрежденія. Въ тибетской Сы-чуанѣ, какъ и въ провинціи Камъ, переправляешься черезъ

рѣки либо по висячимъ мостамъ, либо при помощи подвижныхъ плотовъ или паромовъ, скользящихъ на канатѣ отъ одного берега до другаго. Въ китайскомъ Тибетѣ пастухи тоже живутъ въ переносныхъ черныхъ палаткахъ, обвѣшанныхъ яковыми шкурами; равнымъ образомъ и постоянныя жилища состоятъ изъ грубыхъ каменныхъ мазанокъ, съ узенькими отверстіями вмѣсто оконъ и дверей, и съ плоскими крышами; построенныя почти всѣ особнякомъ на выступахъ горъ, эти невзрачныя лачуги издали походятъ на развалины крѣпкихъ замковъ. Контрастъ поразительный между деревнями тибетцевъ и деревнями китайцевъ. Эти послѣднія любятъ жить скученно, большими селеніями, даже когда имъ нужно для этого удалиться отъ своихъ пашенъ и покосовъ, тогда какъ тибетцы предпочитаютъ селиться отдѣльными дворами. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ одновременно обѣими расами, мѣстечки и посады всегда китайскіе, а захолустья, маленькіе поселки непремѣнно тибетскіе. Однако буддійскіе монастыри, гдѣ сотни, даже тысячи людей живутъ вмѣстѣ, составляя одну общину, населены исключительно тибетцами, къ которымъ присоединились нѣсколько китайскихъ метисовъ, покинутыхъ своими родителями, да отставныхъ солдатъ, вернувшихся на родину. Эти ламы—настоящіе господа страны. Пропорціонально болѣе многочисленные, чѣмъ жрецы самаго Бодъ-юла, монахи тибетской Сы-чуани владѣютъ половиной земли, самыми большими стадами яковъ и овецъ, толпами невольниковъ, которыхъ они заставляютъ служить себѣ въ качествѣ пастуховъ и въ качествѣ хлѣбопашцевъ; посредствомъ ростовщичества они являются истинными владѣльцами полей, обрабатываемыхъ мірянами [1]). Вступительный искусъ не труденъ: всякій можетъ вступить въ общину, и всегда находится много желающихъ принять постриженіе, либо во исполненіе даннаго обѣта, либо съ цѣлью найти безопасное убѣжище отъ угрожающей мести, либо, наконецъ, просто для того, чтобы не платить податей и чтобы пользоваться привилегіями всякаго рода, присвоенными членамъ религіознаго братства. Но если ламы, стоящіе выше законовъ, избавлены отъ обязанности участвовать какимъ бы то ни было образомъ въ покрытіи расходовъ государства, то масса народа испытываетъ, вслѣдствіе этого, тѣмъ большее угнетеніе, несетъ тѣмъ болѣе тяжелое бремя повинностей, и налоги, разложенные на постепенно уменьшающееся число семействъ, сдѣлались невыносимыми. Въ послѣднія сто лѣтъ податное населеніе края уменьшилось на половину, главнымъ образомъ вслѣдствіе эмиграціи въ Юнь-нань: путешественникъ повсюду встрѣчаетъ развалины домовъ и деревень; нѣкоторые округи даже совершенно опустѣли, и воздѣланныя равнины снова превращаются въ лѣса или пастбища [1]).

Тибетцы еще полудикіе, которые живутъ отдѣльными племенами въ сѣверныхъ областяхъ Алынъ Сы-чуани, вообще означаются подъ именемъ си-фаней или «западныхъ фаней». Одѣтые въ шкуры или въ балахоны изъ грубой шерсти, съ густыми длинными волосами, ниспадающими въ безпорядкѣ по плечамъ, си-фани наводятъ ужасъ на цивилизованныхъ китайцевъ равнины, но на самомъ дѣлѣ они не такъ страшны, какъ кажутся, и чужеземецъ, просящій у нихъ гостепріимства, всегда находитъ хорошій пріемъ. Ламаизмъ утвердился и между ними, однако въ меньшей степени, нежели у другихъ тибетцевъ, и священныя книги, употребляемыя ихъ жрецами, не написаны тангутскими знаками. Си-фани, живущіе на верховьяхъ Желтой рѣки, такъ же, какъ многіе другіе дикари внутренняго Китая, даже сами китайцы воображаютъ, что европейцы могутъ проникать взоромъ почву и воду до огромной глубины, и что они перелетаютъ черезъ горы: если же въ равнинѣ они ходятъ, то только потому, что имъ затруднительно бы было бы переносить, во время полета, вьючныхъ животныхъ, въ которыхъ они нуждаются. Синскій амбань пресерьезно спрашивалъ у переводчика Пржевальскаго, правда ли, что европейскій господинъ можетъ видѣть блескъ драгоцѣнныхъ камней до глубины почти 40 саженъ въ землѣ.

На сѣверѣ си-фани примыкаютъ къ амдонамъ [2]), тогда какъ на югѣ и на юго-западѣ они соприкасаются съ другими племенами, тоже тибетскаго происхожденія, извѣстными подъ общимъ названіемъ манзовъ, то-есть «неукротимой сволочи». Оттого-то нѣкоторыя племена, знающія смыслъ этого слова, отвергаютъ его какъ обидное прозвище и просятъ, чтобы ихъ называли именемъ и-жэнь, означающимъ просто «другіе люди» или «инородцы». Одно изъ племенъ, именно племя суму или «бѣлыхъ манзовъ», обитающее на берегахъ Лоу-хуа-хэ, западнаго притока рѣки Минь, состоитъ, по словамъ Джилля, изъ трехъ съ половиной милліоновъ человѣкъ, живущихъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Какъ ни мало вѣроятной кажется точность этого исчисленія, тѣмъ не менѣе достовѣрно извѣстно, что манзы представляютъ значительный элементъ въ народонаселеніи западнаго Китая. Политически обособленные отъ другихъ племенъ, манзы Сы-чуани соединены въ восемнадцать отдѣльныхъ общинъ, въ которыхъ власть старшинъ неограниченна. Послѣдніе взимаютъ налогъ съ обрабатываемыхъ земель, равно какъ со стадъ, и,

[1]) Desgodins;—Gill, цитированное сочиненіе.

[1]) Hodgson, — Yule „Introductory Essay to the River of the Golden Sand", by Gill.

[2]) Письмо Н. М. Пржевальскаго, „Русскій Инвалидъ", 1880.

кромѣ того, каждая семья должна платить ему личнымъ трудомъ одного изъ своихъ членовъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ каждаго года. По своему усмотрѣнію, они раздаютъ земли и отнимаютъ ихъ, чтобы отдать другимъ. Въ самомъ могущественномъ изъ этихъ восемнадцати королевствъ, въ королевствѣ бѣлыхъ манзовъ, тронъ всегда занятъ царицей, въ память блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ одной прародительницей царствующей фамиліи. Хотя манзовъ обыкновенно называютъ «дикарями», но это совершенно несправедливо, такъ какъ они усердно занимаются хлѣбопашествомъ, умѣютъ ткать холстъ и грубое сукно, строятъ себѣ дома и башни въ тибетскомъ стилѣ, имѣютъ даже книги на тибетскомъ и китайскомъ языкахъ и держатъ школы для своихъ дѣтей. На западѣ преобладаетъ тибетское вліяніе, и ламы тамъ пользуются не меньшей властью, чѣмъ у си-фаней; на востокѣ, напротивъ, беретъ перевѣсъ китайское вліяніе, и многіе изъ манзовъ обрѣзываютъ свою густую шевелюру, оставляя только косу на китайскій ладъ и облачаясь въ костюмъ жителей равнины, чтобы походить на «дѣтей Ханя» [1]).

Но эти инородцы не могутъ оказывать достаточнаго сопротивленія постоянному напору китайскихъ колонистовъ, которые, такъ сказать, осаждаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и не перестаютъ дѣлать захваты въ предѣлахъ ихъ области. Въ то время, какъ разные искатели приключеній и бѣглые изъ низменной страны пробираются далеко въ горы, принося съ собой новые нравы и понятія, армія китайскихъ земледѣльцевъ подвигается сплоченной массой съ фронта, пользуясь всякими предлогами, чтобы объявить войну «дикарямъ» и чтобы завладѣть ихъ землями. Оттѣсняемые съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе въ глубь горъ, манзы испытываютъ участь всѣхъ побѣжденныхъ и обыкновенно ихъ же обвиняютъ въ совершеніи тѣхъ жестокостей, которымъ они подвергаются. Расположившись лагеремъ въ инородческихъ селеніяхъ, въ которыхъ они не успѣли еще даже измѣнить архитектуру построекъ, китайскіе грабители увѣрены, что они сдѣлали этотъ насильный захватъ чужой земли единственно въ видахъ своей личной обороны.

На югѣ отъ манзовъ, въ большой дугѣ, которую описываетъ рѣка Цзинь-ша-цзянъ, между Сы-чуанью и Юнь-нанью, живутъ другія инородческія населенія, тоже угрожаемыя колонизаціоннымъ потокомъ: это ло-ло, имя которыхъ не имѣетъ никакого смысла въ китайскомъ языкѣ, если только этотъ удвоенный слогъ не означаетъ, какъ греческое названіе «варваръ», бормотуновъ, «людей не умѣющихъ выражаться на цивилизованномъ языкѣ» [1]). Впрочемъ, китайцы смѣшиваютъ подъ этимъ наименованіемъ ло-ло большое число племенъ Сы-чуани и Юнь-нани, совершенно отличныхъ отъ населеній тибетскаго корня, каковы си-фани и манзы; Эдкинсъ видитъ въ этихъ инородцахъ отрасли бирманской семьи; ихъ письмена, по его словамъ, напоминаютъ письмена талапоиновъ, жителей Пегу и Авы [2]). Торель дѣлитъ лолотовъ на «бѣлыхъ» родственныхъ лаотійцамъ, и «черныхъ», которыхъ, по его мнѣнію, должно признать коренными жителями края. Они вообще выше ростомъ и худощавѣе собственно китайцевъ, черты лица у нихъ выразительнѣе и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ на европейскій вкусъ; но въ нѣкоторыхъ долинахъ зобатые и кретины не пропорціонально многочисленны. Въ городѣ Нинъ-юань-фу лолоты совершенно окитаились по нравамъ и, выдержавъ установленный экзаменъ, поступили на государственную службу [3]); но въ окружающихъ горахъ дикія племена сохранили свою первобытную независимость, и китайцы старательно избѣгаютъ встрѣчи съ этими инородцами, обходя ихъ край либо на сѣверѣ, либо на югѣ. Въ продолженіе многовѣковой борьбы колонисты не успѣли оттѣснить этихъ варваровъ, и только очень немногіе князьки согласились принимать отъ богдыхана утвержденіе въ своемъ достоинствѣ; военные посты, учрежденные на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго вдоль ихъ границы, не мѣшаютъ лолотамъ дѣлать частые набѣги съ горъ въ равнину, чтобы захватить силой предметы, въ которыхъ они нуждаются, и возобновить свои запасы соли. Тогда какъ въ сѣверной полосѣ Сы-чуани образовалась порода метисовъ отъ смѣшенія китайцевъ съ ихъ сосѣдями, сифанями и манзами, въ южной части провинціи неизвѣстны случаи скрещиванія между дикарями лолотами и ихъ цивилизованными сосѣдями [4]).

Поясъ Сы-чуани, занятый исключительно китайскимъ населеніемъ, ограниченъ склонами горъ, господствующихъ на западѣ надъ долиной рѣки Минь. Къ востоку отъ этой естественной границы, первобытныя расы, аборигены, совершенно исчезли изъ края, называемаго «Четырерѣчьемъ», который весь принадлежалъ имъ двадцать два столѣтія тому назадъ, когда появились первые переселенцы изъ китайцевъ. Но между этими пришельцами и старожилами нерѣдко происходили кровавыя столкновенія, и во времена Хубилай-хана большая часть колонистовъ была истреблена. Въ эпоху маньчжурскаго завоеванія страна снова опустѣла, и впослѣдствіи новые эмиграціонные потоки

[1]) Gill, цитированное сочиненіе; — Cameron, „Exploration“. 9 décembre 1880.

[1]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Gaston de Bézaure, „le Fleuve Bleu“.

[3]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.

[4]) Nicholl, „Proceedings of the Geographical Society of London“, nov. 1880.

направились сюда изъ различныхъ провинцій и преимущественно изъ Шэнь-си и изъ Ху-бэй. Слѣдовательно, жители Четырерѣчнаго края имѣютъ очень смѣшанное происхожденіе, но изъ этого смѣшенія образовалось населеніе, отличающееся нѣкоторыми особенными признаками. Сычуаньцы, можетъ быть, изъ всѣхъ китайцевъ самые привлекательные, самые доброжелательные, самые вѣжливые и привѣтливые въ обхожденіи, и въ то же время самые прямодушные и наболѣе одаренные здравымъ смысломъ. Очень трудолюбивые, они, однако, не чувствуютъ ни малѣйшей склонности къ торговлѣ: въ ихъ странѣ негоціанты обыкновенно пришельцы изъ провинціи Шэнь-си и Цзянъ-си, а банкиры, закладчики, ростовщики—всѣ уроженцы провинціи Шань-си. Жители Сы-чуани даютъ также менѣе значительный контингентъ книжниковъ и военныхъ начальниковъ, нежели жители другихъ провинцій имперіи: ихъ практическій умъ отвращаетъ ихъ отъ изученія оффиціальной премудрости, гдѣ капля истиннаго знанія смѣшана съ массой безсмысленныхъ формулъ. Посвящая свой трудъ земледѣлію, ремесламъ и промышленности, сычуанцы доставили своему краю первое мѣсто между провинціями Китая и имѣютъ полное право говорить объ этомъ съ гордостью. Такъ какъ они принимали лишь слабое участіе въ войнѣ тайпинговъ, то это дало имъ возможность развить въ изумительныхъ размѣрахъ свои промышленные рессурсы. Они очень дѣятельно разрабатываютъ свои рудники, соляные и нефтяные источники, залежи каменнаго угля и мѣсторожденія желѣза; почва равнинъ превосходно орошается ирригаціонными каналами; ни въ какой странѣ не увидишь такого обилія и разнообразія огородныхъ овощей. По степени развитія шелководства Сы-чуань не имѣетъ соперниковъ даже въ Китаѣ, и употребленіе шелковыхъ тканей такъ распространено въ краѣ, что въ праздничные дни болѣе половины жителей наряжаются въ эти драгоцѣнныя матеріи [1]). Не только равнины и косогоры обращены въ культурныя земли, но также и крутизны горъ; даже тамъ, гдѣ горные склоны имѣютъ крутость до 60 градусовъ и кажутся недоступными, почва изсѣчена въ видѣ лѣстницы, и площадка каждой ступени засѣяна хлѣбными растеніями или усажена рядомъ деревьевъ [2]). Благодаря «иностранному корню», то-есть картофелю, который введенъ въ Сычуанѣ христіанскими миссіонерами, вѣроятно въ прошломъ столѣтіи [3]), культура могла подняться до высоты 2.500 и даже 3.000 метровъ надъ уровнемъ моря, и уже непрерывные поясы воздѣланныхъ полей продолжаются черезъ горы до сосѣднихъ провинцій; излишекъ населенія «Четырехъ рѣкъ» переливается черезъ возвышенныя границы, и Сы-чуань возвращаетъ теперь окружающимъ провинціямъ столько же колонистовъ, столько онъ нѣкогда самъ получилъ отъ нихъ.

Сычуаньскіе крестьяне разводятъ многія породы деревъ и кустарниковъ, которыхъ соки или жирныя маслянистыя вещества употребляются въ промышленности; таково, напримѣръ, сальное дерево (Stillingia Sebifera), содержащее въ своихъ безчисленныхъ ягодахъ родъ сала, изъ котораго дѣлаютъ свѣчи; таковъ, далѣе, масличерновикъ (Elaeo cocca), плодъ котораго даетъ масло, выгодно замѣняющее лакъ [1]); мыльное дерево есть особенный видъ акаціи, похожій на ясень (Acacia rugata), и очень богатый щелочью плодъ этого дерева, къ которому прибавляютъ, для запаха, немного камфоры, употребляется какъ мыло въ большей части китайскихъ ремеслъ [2]). Одна изъ самыхъ любопытныхъ отраслей сельскохозяйственной промышленности провинціи—это производство растительнаго воска или бэй-ла, который можетъ быть приготовляемъ не иначе, какъ при раздѣленіи труда между жителями двухъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго округовъ. Насѣкомое (coccus pela), вырабатывающее воскъ, родится и развивается на листьяхъ дерева ligustrum lucidum, въ округѣ Цянь-чжанъ, близъ города Нинъ-юань-фу. Въ концѣ апрѣля земледѣльцы осторожно собираютъ яички этого насѣкомаго и отправляются съ ними въ окрестности города Цзя-динъ-фу, за четырнадцать дней пути, на другую сторону цѣпи горъ. Дорога очень трудная, и при томъ идти по ней нужно ночью для того, чтобы яички не попортились отъ дневнаго тепла; издали безконечныя вереницы мелькающихъ огоньковъ, движущіяся по извилистымъ тропинкамъ горъ, представляютъ очень эффектное зрѣлище. Какъ единственное исключеніе во всемъ Срединномъ царствѣ, ворота Цзядинъ-фу остаются постоянно отпертыми въ продолженіе всего сезона сбора яичекъ. По перенесеніи послѣднихъ въ окрестности этого города, начинается деликатная операція: нужно снять яички съ вѣтки, на которой ихъ несли, и помѣстить ихъ на листья дерева совсѣмъ другой породы, китайскаго ясеня (Fraxinus sinensis), гдѣ насѣкомыя вылупляются и выдѣляютъ изъ себя бѣлый воскъ, такъ высоко цѣнимый китайцами. Безъ сомнѣнія, нужно приписать болѣзни это свойство червецовъ производить много воску именно на растеніяхъ, которыя не даютъ имъ естественной пищи [3]). По словамъ ки-

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi, Shensi, Sz'chwan".

[2]) F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.

[3]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".

[1]) Armand David, цитированное сочиненіе;—Gaston de Bézaure, „Le Fleuve Bleu".

[2]) Gill, „River of the Golden Sand".

[3]) „Lettres édifiantes", tome XXIII; – F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi" etc.;—Gill, „The River of Golden Sand";—„Comptes rendus de l'Academie des Sciences", t. X, 1840.

тайскихъ писателей, насѣкомое, производящее воскъ, успѣшно развивается на трехъ или четырехъ различныхъ породахъ деревъ [1]). Общая цѣнность собираемаго въ Сы-чуани растительнаго воска исчисляется Рихтгофеномъ въ 14 милліоновъ франковъ. Владѣніе восконосными деревьями очень раздроблено; обыкновенно они принадлежатъ другимъ крестьянамъ, не тѣмъ, которые владѣютъ землей, простирающейся подъ тѣнью этихъ деревьевъ.

Къ востоку отъ Минь-цзяна и его притоковъ, то-есть отъ «Четырехъ рѣкъ» именно: Минь-цзяна, Да-ду-хэ, Хэй-шуя (Черныя воды) и Бэй-шуя (Бѣлыя воды)—слѣдуютъ одинъ за другимъ всѣ оріентированные по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку хребты, состоящіе изъ краснаго песчаника и каменноугольныхъ формацій, обломки которыхъ, размельченные и разсѣянные по почвѣ, подали Рихтгофену поводъ дать странѣ названіе «Краснаго бассейна». Эти хребты примыкаютъ къ горному порогу, отдѣляющему притоки Минь-цзяна отъ долины Хань-цзяна, и высота котораго, на югѣ отъ Хань-чжунъ-фу и другаго «Краснаго бассейна», окружающаго этотъ городъ, исчисляется Арманомъ Давидомъ въ 3.000 метровъ. Раздѣльная горная цѣпь между двумя долинами, извѣстная подъ именемъ Цзя-лунъ-шань, понижается постепенно къ востоку и незамѣтно сливается съ равниной въ области [illegible], гдѣ смѣшиваются, во время разливовъ, воды Хань-цзяна и Янъ-цзы-цзяна. На югъ отъ Великой рѣки, провинція Гуй-чжоу представляетъ въ совокупности своего рельефа форму симметричную съ очертаніемъ Сы-чуани. Съ западной стороны она тоже ограничена гористой областью или, вѣрнѣе сказать, разрѣзаннымъ плоскогорьемъ, на которомъ высятся снѣговыя вершины Лынъ-шаня или «холодныхъ горъ». На югѣ, краевыя цѣпи отдѣляютъ область отъ Юньнаньскаго нагорья, и хребетъ, которому европейцы дали названіе Нань-линъ (Нань-шань) или «Южныхъ горъ», образуетъ раздѣльную границу между бассейномъ Янъ-цзы-цзяна и бассейномъ Си-цзяна. Во внутренности провинціи Гуй-чжоу параллельныя цѣпи, оріентированныя такъ же, какъ и хребты Краснаго бассейна въ Сы-чуанѣ, вообще говоря, немного менѣе высоки, и воды У-цзяна и другихъ рѣкъ, имѣя меньшее паденіе, застаиваются тамъ и сямъ въ видѣ болотъ, которыя дѣлаютъ этотъ край очень нездоровымъ. Болотныя лихорадки и непрекращающіяся междоусобія— вотъ причины, задерживающія Гуй-чжоу на послѣднемъ мѣстѣ между провинціями Китая по населенности и степени развитія торговли и промышленности. Въ южной части этой провинціи война, или, вѣрнѣе сказать, охота на человѣка, ведется постоянно, съ перемѣннымъ счастіемъ, между китайцами и коренными жителями края.

Инородцы мяо-цзы, то-есть, по объясненію Моррисона и Локкарта, «люди, выросшіе изъ земли», обитали прежде въ областяхъ равнины, преимущественно по берегамъ озеръ Дунъ-тинъ и По-янъ [2]). Постепенно оттѣсненные китайскими колонистами въ область горъ, эти нань-маны или «южные варвары»,— какъ ихъ называли встарину,— поселились большею частью въ массивѣ Нань-линъ (Южныя горы) и въ окружающихъ долинахъ; раздѣленные промежуточными равнинами, они по необходимости должны были распасться на множество племенъ или колѣнъ, различія которыхъ постепенно увеличивались изъ вѣка въ вѣкъ, и подъ которыми теперь трудно признать родство происхожденія. Шу-цзинъ (Книга лѣтописей) Конфуція дѣлитъ мяо на три главныя группы—бѣлыхъ, голубыхъ и красныхъ. Въ горахъ южнаго Гуй-чжоу до сихъ поръ еще существуютъ народцы подъ тѣмъ же именемъ [3]), но эти эпитеты, мотивируемые нынѣ цвѣтомъ одежды, вѣроятно, не примѣняются болѣе къ тѣмъ же самымъ племенамъ, о которыхъ говорилъ Конфуцій. Поколѣнія чжунъ-мяо, цзи-лао, цзи-дао, ду-мань, живущія въ провинціи Гуй-чжоу, поколѣніе тунъ, обитающее въ провинціи Гаунъ-си, «восемьдесятъ два» племени, описываемыя въ одной книгѣ, переведенной Бриджменомъ, тоже принадлежатъ къ мяо-цзы, которые въ настоящее время до того уменьшились въ числѣ, что представляетъ лишь разрозненные отрывки [3]); нѣкоторымъ народцамъ китайцы даютъ названіе «Шести сотъ семействъ», можетъ быть, затѣмъ, чтобы обрисовать состояніе разсѣянія, въ которомъ они теперь находятся. Различныя покоренныя племена инородцевъ постепенно смѣшиваются съ расой завоевателей, съ китайцами: бывали случаи, что мяоты выдерживали экзамены высшихъ учебныхъ заведеній и возвышались на степень мандариновъ. Другіе инородцы, хотя китайскаго происхожденія по отцамъ, живутъ особнякомъ вдали отъ цивилизованныхъ [4]). Мяо-цзы племени сэнъ, оставшіеся независимыми отъ китайскихъ чиновниковъ и буддійскихъ монаховъ, принуждены были удалиться въ трудно доступныя горныя мѣстности. Большинство этихъ инородцевъ построили свои укрѣпленныя селенія на вершинахъ горъ, откуда они могутъ сторожить страну, но, за исключеніемъ одного изъ двухъ племенъ, живущихъ разбоемъ,

[1]) Bretschneider, „Note on some botanical questions connected with the export trade of China".

[1]) Lockhart, „Transactions of the Ethnological Society of London", vol. I; 1861;—„Chinese Repository", 3 octob. 1863.

[2]) Emile Rocher, „La province Chinoise du Yunnan".

[3]) Edkins, „The Miautsi";—Bridgman;—Schertzer, „Novara Expedition".

[4]) Mac Carthy, „Proceedings of the Geographical Society of London", aug. 1879

они ограничиваются самообороной. Они воздѣлываютъ кукурузу, гречиху, а также немного рису, въ рѣдкихъ благопріятныхъ мѣстахъ; кромѣ того, они занимаются скотоводствомъ и слывутъ искусными охотниками; но они не спускаются въ равнину для продажи шкуръ убитыхъ ими животныхъ, оленьихъ роговъ и мускусныхъ мѣшковъ кабарги, а ждутъ посѣщенія странствующихъ торговцевъ, приходящихъ въ ихъ деревни обмѣнивать свой товаръ на мѣстные продукты [1]). Очень гордые, очень чувствительные къ несправедливости, они не могутъ выносить угнетенія мандариновъ и живутъ въ состояніи постояннаго возмущенія противъ китайскихъ властей. Но они не пользуются такой выгодной позиціей, какъ сычуаньскіе манзы, опирающіеся на обширныя необитаемыя плоскогорья; ихъ горы окружены со всѣхъ сторонъ китайскими колонистами, и кольцо этого обложенія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе съуживается; цѣлыя поколѣнія инородцевъ были истреблены. Во время смутнаго періода войны тайпинговъ, магометанскихъ возстаній въ Юнь-нанѣ, китайскіе генералы ринулись со своими войсками на территорію мяотовъ и разрушили ихъ поселенія; большое число начальниковъ племенъ, захваченные въ плѣнъ и отведенные въ Пекинъ, были подвергнуты жестокимъ пыткамъ и затѣмъ обезглавлены на площадяхъ столицы.

Гонимые со свѣта китайцами, мяо-цзы, само собой разумѣется, обвиняются своими преслѣдователями во всевозможныхъ злодѣяніяхъ; не только на нихъ смотрятъ, какъ на дикарей, но имъ почти отказываютъ даже въ названіи людей: такъ, напримѣръ, про инородцевъ племени яо, живущихъ въ округѣ Ли-бо, къ югу отъ хребта Нань-линъ, ихъ сосѣди еще и до сихъ поръ разсказываютъ, что будто у нихъ есть короткіе хвосты, какъ у обезьянъ. Правда, что мяотскія племена утратили свою цивилизацію и частію даже снова впали въ варварство съ того времени, какъ на нихъ стали дѣлать облавы, словно на дикихъ звѣрей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ въ пещерахъ или въ шалашахъ изъ хвороста и вѣтвей, и должны отказаться отъ всякаго земледѣлія; есть даже такіе, которые обитаютъ въ трещинахъ обрывистыхъ стѣнъ горы, и которые могутъ попадать въ свое логовище только съ помощью лѣстницы изъ бамбука, прикрѣпленной къ отвѣсной скалѣ до высоты 150 метровъ [2]). Однако китайскія лѣтописи и даже разсказы новѣйшихъ путешественниковъ изображаютъ намъ ихъ народомъ, знающимъ искусство письма, имѣющимъ сочиненія на родномъ языкѣ, написанныя на деревянныхъ табличкахъ или на пальмовыхъ листьяхъ. Въ то же время эти инородцы пользуются славой искусныхъ ткачей; ихъ женщины умѣютъ выдѣлывать прекрасныя ткани изъ шелка, изъ льна, изъ шерсти и изъ хлопчатой бумаги, покупаемыя на расхватъ кантонскими негоціантами. Хорошіе музыканты, они играютъ на духовомъ инструментѣ въ родѣ флейты, болѣе пріятномъ, чѣмъ гудокъ китайцевъ, и пляшутъ мѣрно подъ звуки бубна и гитары, представляя съ большою выразительностью сцены печальныя или радостныя [1]); нѣкоторые изъ танцевъ имѣютъ также религіозный характеръ. Главный порокъ этихъ горцевъ, пьянство, способствуетъ усиленію презрѣнія, съ которымъ смотрятъ на нихъ [illegible] цивилизованные обитатели равнинъ [2]).

Нужно опасаться, что сохранившіеся еще остатки этой древней націи, пожалуй, исчезнутъ съ лица земли прежде даже, чѣмъ [illegible] графы успѣютъ опредѣлить ихъ мѣсто между расами Азіи. Принадлежатъ ли они къ тому же корню, что и тибетцы, какъ это предполагаетъ большинство китайскихъ писателей, включая мяотовъ въ группу Па-фань или «Восемь племенъ фань», одну изъ отраслей которой составляютъ тибетскіе си-фани или западные фани [3])? Или, подобно другимъ народностямъ южнаго Юнь-наня, каковы племена пай и нанэ, мяоты имѣютъ родственную связь съ сіамскимъ корнемъ, какъ даетъ поводъ думать ихъ словарь? Ростомъ мяоты, вообще говоря, [illegible] ше китайцевъ, но черты лица ихъ выразительнѣе, и глаза у нихъ открытые, какъ у европейца. Мужчины и женщины, носящіе почти одинаковую прическу, собираютъ свою длинную шевелюру на затылокъ и закручиваютъ ее въ формѣ шиньона; женщины нѣкоторыхъ колѣнъ кладутъ себѣ на голову дощечку и поверхъ ея завязываютъ волоса, такъ что этотъ головной уборъ защищаетъ ихъ отъ солнца и дождя; большинство мужчинъ обматываютъ себѣ вокругъ головы чалму изъ матеріи ярк[illegible] цвѣтовъ, а женщины носятъ серьги въ ушахъ. Тѣ и другія одѣваются въ блузы, холщевыя и шерстяныя, а ноги обуваютъ въ сандаліи или ланти, сплетенныя изъ соломы. Правительства у нихъ нѣтъ никакого, но въ случаѣ споровъ они охотно выбираютъ себѣ третейскихъ судей между старшими, и въ концѣ концовъ прибѣгаютъ къ силѣ, если дѣло не уладится полюбовно: наслѣдственная ненависть продолжается у нихъ до девятаго колѣна, и, говорятъ, овладѣвъ врагомъ, они убиваютъ его и ѣдятъ его мясо. Они исповѣдуютъ буддійскую вѣру, но примѣшиваютъ къ ея обрядамъ культъ демоновъ и предковъ. У нѣкоторыхъ племенъ есть обыкновеніе кости похороненныхъ вынимать изъ гроба черезъ каждые два или три года и тщательно обмывать ихъ; отъ чистоты этихъ костей,

[1]) Lockhart, цитированный мемуаръ;—„Année géographique“. I.
[2]) Edkins, „The Miautsi“.

[1]) Du Halde;—Carl Ritter;—Lockhart.
[2]) Broumton, „Times“, 5 sept. 1881.
[3]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

думаютъ мяоты, зависитъ общественное здравіе. Другіе кланы не оплакиваютъ покойниковъ въ моментъ разлуки; они ждутъ весны, и когда увидятъ обновленіе природы и прилетъ птицъ, принимаются горевать и вопить, приговаривая, что ихъ родственники покинули ихъ на вѣки [1]). Говорятъ, что будто въ одномъ изъ мяотскихъ племенъ существуетъ курьезный обычай, напоминающій поочередное сидѣнье на яйцахъ самки и самца у нѣкоторыхъ птицъ: послѣ рожденія ребенка, какъ только мать чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы покинуть свою родильную постель, отецъ занимаетъ ея мѣсто и принимаетъ поздравленія родныхъ и знакомыхъ [2]).

Горы провинцій Ху-нань, Цзянъ-си, Чжэцзянъ были изслѣдованы сравнительно только на небольшомъ числѣ пунктовъ, а на большей части европейскихъ картъ Китая ограничивались, слѣдуя примѣру, данному миссіонерами іезуитами, проведеніемъ червеобразныхъ цѣпей между главными рѣками; что касается китайскихъ картъ, то онѣ показываютъ вездѣ горы, разсѣянныя на удачу. Новѣйшіе путешественники Помпелли и Рихтгофенъ первые признали порядокъ, существующій въ этомъ кажущемся хаосѣ, и указали общее направленіе горныхъ цѣпей. Въ своей совокупности, вся эта юго-восточная область Китая, на протяженіи по меньшей мѣрѣ 800.000 квадратныхъ километровъ, покрыта высотами, которыя нигдѣ не соединяются въ обширное сплошное плоскогорье, и надъ которыми не господствуетъ никакая центральная цѣпь исключительнаго возвышенія; во всемъ свѣтѣ нѣтъ другой страны, гдѣ бы на столь значительномъ пространствѣ находился подобный лабиринтъ горъ и холмовъ, такъ мало разнообразныхъ по формѣ и высотѣ; почти всѣ тянутся прямолинейно короткія гряды невысокихъ пригорковъ, между которыми открываются узкія долины, соединяющіяся одна съ другой острыми углами; равнины рѣдки въ этомъ огромномъ лабиринтѣ. Среднее возвышеніе большинства высотъ отъ 500 до 800 метровъ надъ уровнемъ рѣкъ; въ главныхъ цѣпяхъ ни одна вершина не достигаетъ 2.000 метровъ, кромѣ, можетъ быть, горъ, лежащихъ въ провинціи Фу-цзянь.

Всѣ эти низкія цѣпи, которыя на первый взглядъ кажутся нескончаемымъ скопленіемъ холмовъ и пригорковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, оріентированы съ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ и «поперечныя цѣпи» верхняго Янъ-цзы-цзяна; въ этомъ направленіи происходитъ истеченіе водъ на южной покатости бассейна; въ наибольшей части своего теченія притоки Голубой рѣки извиваются къ сѣверо-востоку, и съ береговъ ихъ видны гребни вершинъ, обрисовывающіеся на горизонтѣ въ томъ же направленіи. Самъ Янъ-цзы, отъ устья Цина до Желтаго моря, образуетъ три слѣдующія одна за другой излучины, изъ которыхъ каждая въ своей западной части направляется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, параллельно общей оси страны. Когда отправляешься съ береговъ Голубой рѣки на берега Кантонской рѣки по торговой дорогѣ провинціи Цзянъ-си, видишь направо и налѣво слѣдующіе одни за другими ряды горъ или холмовъ, однообразно оріентированные, какъ теченіе Янъ-цзы-цзяна между озеромъ По-янъ и Нанкиномъ. Наконецъ, въ томъ же направленіи продолжается изрѣзанный бухтами морской берегъ провинцій Гуанъ-дуна и Фу-цзяни. Главная ось, которой Рихтгофенъ далъ названіе Нань-шань или «Южныхъ горъ»,—названіе, уже примѣняемое китайцами ко многимъ другимъ горнымъ цѣпямъ,—начинается около истоковъ Сянъ-цзяна, главнаго притока озера Дунъ-тинъ; за ущельями, черезъ которыя проходитъ рѣка Ганьцзянъ, эта ось снова поднимается, чтобы образовать массивъ У-гунъ-шань, а далѣе, на сѣверо-востокѣ, она составляетъ водораздѣльную линію между морской покатостью рѣкъ провинціи Фу-цзянь и бассейномъ Янъ-цзы. Холмы Нинъ-бо принадлежатъ къ этой же осевой цѣпи, которая продолжается въ морѣ архипелагомъ Чжу-санъ. По мнѣнію Рихтгофена, существуетъ даже подводное продолженіе горъ Нань-шань между Желтымъ моремъ въ собственномъ смыслѣ и Китайскимъ моремъ или Дунъ-хай, и этотъ хребетъ снова появляется на поверхность земли въ Японскомъ архипелагѣ, гдѣ онъ примыкаетъ къ вулканическимъ массивамъ центральнаго острова [1]). Съ обѣихъ сторонъ широкаго морскаго пролива наружный видъ и строеніе горъ одинаковы; и тутъ и тамъ онѣ состоятъ изъ песчаниковъ, сланцевъ и известняковъ, принадлежащихъ, вѣроятно, къ силурійскимъ вѣкамъ; сквозь эти породы выступаютъ выпуклины изъ гранита и порфира. На морскихъ берегахъ выступъ или мысъ холмовъ Нинъ-бо и архипелагъ Чжу-санъ, замыкающій на половину большую бухту Ханъ-чжоу, образуютъ, по гипотезѣ Рихтгофена, шарньеръ колебанія между площадью поднятія и площадью пониженія. Вѣроятно, что на сѣверъ отъ Нинъбо, до залива Ляо-дунъ, морской берегъ поднимается, хотя и чрезвычайно медленно, тогда какъ на югѣ онъ опускается; море надвигается на прибрежье, поднимая, однако, соразмѣрно своимъ захватамъ, песчаныя и илистыя мели, заграждающія входъ въ гавани.

Водораздѣльная возвышенность между бассейномъ Янъ-цзы-цзяна и бассейномъ Си-цзяна проходитъ въ провинціи Цзянъ-си, гораздо юж-

[1]) Edkins, „The Miautsi"; — „Chinese Repository", 1863, № 4.

[2]) Lockhart, цитированный мемуаръ.

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chekiang and Xganhwei".

нѣе горныхъ цѣпей, образующихъ главную ось системы Нань-шаня. Этому раздѣльному хребту дали названія Нань-линъ, Мэй-линъ, Тай-линъ (Tayuling), по именамъ различныхъ линовъ или проходовъ, которые перерѣзываютъ гребень и черезъ которые поддерживается сообщеніе между противоположными склонами. Изъ всѣхъ горъ Китая хребетъ Мэй-линъ самый оживленный и наиболѣе посѣщаемый, ибо черезъ него проходитъ главная дорога, соединяющая Кантонскій портъ съ центральными областями имперіи; по китайскому выраженію, Мэй-линъ—это «корридоръ» между сѣверомъ и югомъ Срединнаго царства. Всѣ товары, привозимые на судахъ и складываемые съ той и другой стороны волока, переносятся черезъ гору на спинахъ людей; говорятъ, что около пятидесяти тысячъ человѣкъ зарабатываютъ себѣ средства къ жизни въ качествѣ носильщиковъ на этой трудной дорогѣ: у входа въ обширные сараи изъ бамбука, подъ которыми отдыхаютъ путники, часто толпится такое же множество народу, какъ на улицахъ главныхъ городовъ. По крутымъ скатамъ горы, надъ которыми господствуютъ стѣны изъ черноватаго песчаника, извиваются и пересѣкаются многочисленныя тропинки, сходящіяся на высшей точкѣ перевала въ глубокой траншеѣ, изсѣченной въ камнѣ, и надъ которой возведена тріумфальная арка: говорятъ, что эта дорога была построена, по повелѣнію императора Чжанъ-гулина, въ началѣ восьмаго столѣтія, въ ту эпоху, когда торговля съ Зондскими островами и съ Индіей, производившаяся черезъ посредство арабскихъ купцовъ, приняла обширные размѣры; но вѣроятнѣе, что въ то время только ремонтировали или улучшили уже существовавшій путь, ибо невозможно допустить, чтобы этотъ проходъ, имѣющій столь важное значеніе какъ для военныхъ экспедицій, такъ и для торговли, не былъ утилизируемъ съ той самой эпохи, когда населенія бассейна Да-цзяна вступили въ постоянныя сношенія съ населеніями бассейна Си-цзяна [1]). Абсолютную высоту хребта Мэй-линъ Риттеръ опредѣлялъ въ 2.400 метровъ, основываясь на указаніяхъ, которыя доставили первые путешественники относительно паденія сосѣднихъ рѣкъ, наклонности и длины дороги и мѣстной флоры, но новѣйшія изслѣдованія доказали, что эта цифра слишкомъ велика: замѣчено, что вершины, поднимающіяся въ окружающихъ массивахъ, бываютъ покрыты полосами снѣга только въ зимнее время, и потому едва-ли онъ достигаетъ и трети указанной высоты [2]). Съ высоты перевала, въ сѣверномъ направленіи видны только скалы и горы, господствующія надъ лабиринтомъ ущелій и пропастей, тогда какъ на югѣ разстилаются, подъ зеленѣющими скатами хребта, великолѣпныя равнины, усѣянныя городами и деревнями, подобно тому, какъ съ высоты французскихъ Альпъ взорамъ открываются цвѣтущія равнины Піемонта [1]). Путешественника не мало удивляетъ здѣсь тотъ фактъ, что съ обѣихъ сторонъ водораздѣльной линіи судовщики могутъ проводить свои нагруженныя барки въ самое сердце горъ. Большинство рѣкъ прерывается стремнинами и порогами, на которыхъ слой воды недостаточно глубокъ для прохода судовъ; но гребцы не дорого цѣнятъ свой трудъ, и какъ только представляется препятствіе, они выходятъ на берегъ, разгружаютъ ладью и перетаскиваютъ или переносятъ ее до благопріятнаго мѣста, затѣмъ снова нагружаютъ и продолжаютъ плаваніе; въ этихъ мѣстностяхъ нѣтъ ни одного потока, который, въ періоды разлива, не служилъ бы для перевозки товаровъ почти до самыхъ его истоковъ. Помимо рѣкъ и рѣчекъ, въ краѣ не существуетъ другихъ путей сообщенія, кромѣ узкихъ тропинокъ, тамъ и сямъ вымощенныхъ плитами; все транспортированіе товаровъ совершается на спинѣ носильщиковъ; вьючныхъ и ломовыхъ животныхъ употребляютъ только въ сосѣдствѣ большихъ городовъ.

Раздѣльная линія между населеніями сѣвера и юга разсматриваемой области, съ точки зрѣнія нарѣчія и нравовъ, не совпадаетъ съ водораздѣльной цѣпью между гидрографическими покатостями; она проходитъ гораздо сѣвернѣе, слѣдуя вдоль нормальной оси горъ Нань-шань, которая всецѣло находится въ бассейнѣ Янъ-цзы. Такъ, путешественникъ, поднимающійся вверхъ по теченію рѣки Гань-цзянъ, черезъ провинцію Цзянъ-си переходитъ изъ области мандаринскаго діалекта въ область южныхъ нарѣчій, какъ только онъ вступилъ въ дефиле выше Цзи-ань-фу. Слѣдовательно, осевая линія, несмотря на ея малое возвышеніе, оказала значительное вліяніе на распредѣленіе жителей въ этой части Китая. Кромѣ того, раздѣленіе края на безчисленныя долины имѣло слѣдствіемъ распаденіе населенія на множество отдѣльныхъ клановъ, живущихъ особнякомъ одинъ отъ другаго и удовлетворяющихъ всѣ свои потребности собственными средствами. Въ безконечномъ лабиринтѣ цѣпи Нань-шань жители долинъ, если эти долины не лежатъ на большихъ транзитныхъ путяхъ, не знаютъ о внѣшнемъ мірѣ, за исключеніемъ жрецовъ и нищихъ, которыхъ бродячая жизнь заводитъ во всѣ страны Китая; туземцы воображаютъ, что за предѣлами ихъ долинъ вся остальная земля населена дикими людьми и хищными звѣрями [2]).

Растительность провинцій Ху-нань и Цзянъ-

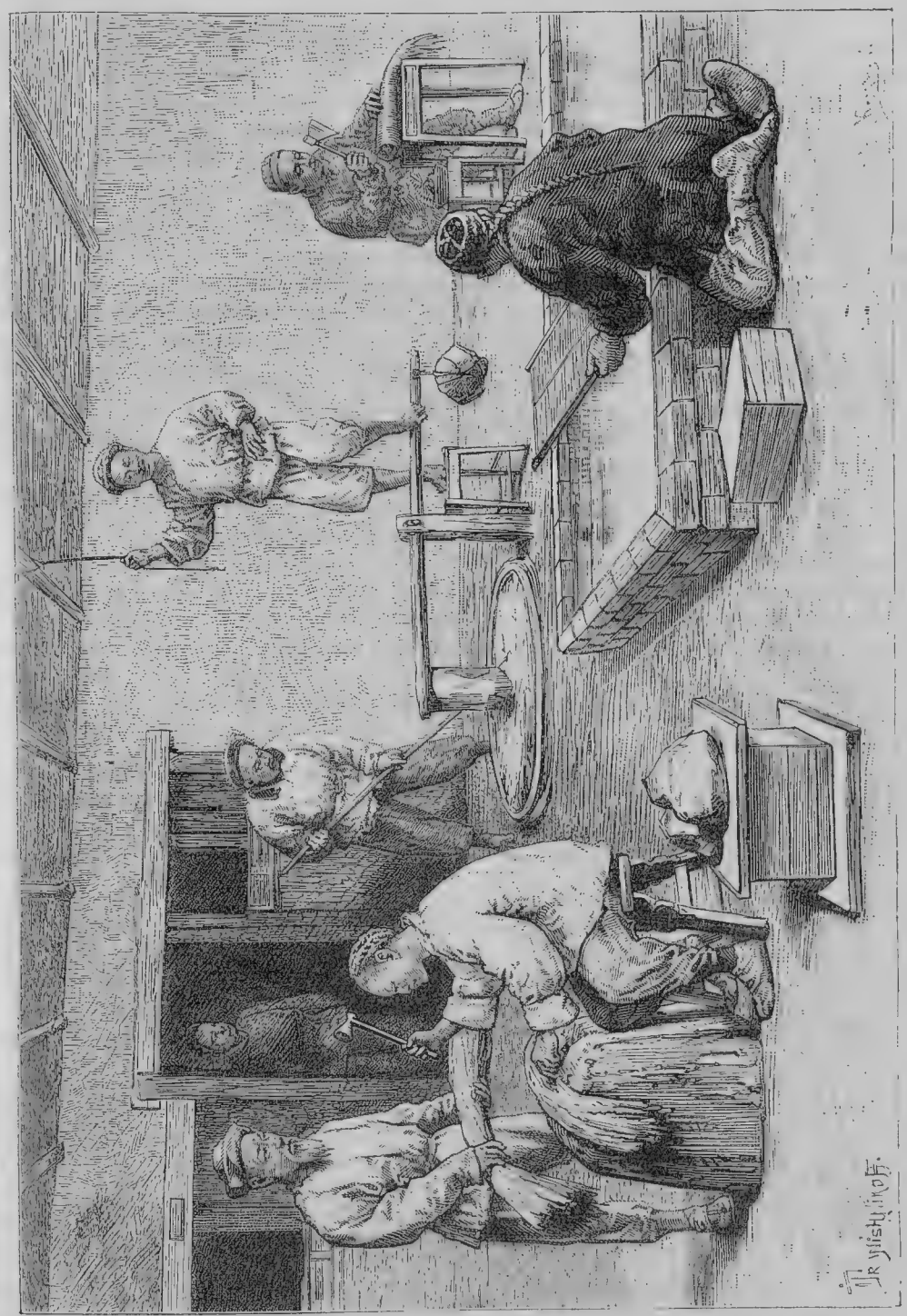
[1]) F. von Richthofen, „China“.

[2]) Бретшнейдеръ опредѣляетъ высоту Мэйлинскаго прохода въ 1.000 футовъ.

[1]) Barrow, „Travels in China“.

[2]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chekiang and Nganhwei“.

ся представляетъ, естественно, болѣе тропическій характеръ, чѣмъ флора областей, лежащихъ по верхнему теченію Голубой рѣки. Наружный видъ деревьевъ указываетъ на сосѣдство жаркаго пояса. Даже тѣ древесныя породы, которыя походятъ на породы сѣвернаго Китая и Монголіи, ива, бѣлый букъ, дубъ, каштанъ, принадлежатъ къ особеннымъ видамъ. На верхнихъ склонахъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ представителей хвойныхъ, величественная золотистая сосна (abies Kaempferi), отличается своей большой вышиной отъ другихъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ; ниже по скатамъ горъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ деревъ—сосна небольшихъ размѣровъ, усаженная чрезвычайно мелкими тоненькими хвоями. У подошвы холмовъ крестьяне разводятъ камфарный лавръ вокругъ своихъ деревень, рядомъ



Фабрикація бумаги.

съ маслозерновикомъ (elaeocosca) и лаконоснымъ деревомъ (rhus vernicifera). Большая часть страны совершенно обезлѣсена, и во многихъ городахъ топятъ только соломой, сухой травой и хворостомъ, срѣзываемымъ вровень съ землей на окрестныхъ холмахъ [1]). Хотя по малой мѣрѣ двѣ трети области горъ Нань-шань состоятъ изъ необработанныхъ земель, дѣвственные лѣса давнымъ-давно исчезли; туземцы разсуждаютъ такъ, что лѣса—собственность императора, и на этомъ основаніи присваиваютъ себѣ всѣ деревья, которыя имъ нужны для постройки домовъ или барокъ; остались только разбросанныя тамъ и сямъ рощицы или группы деревьевъ. Но кустарники, кусты и злаки одѣваютъ еще холмы роскошной растительностью; особенно на островахъ архипелага Чжу-санъ весенніе и лѣтніе цвѣты превращаютъ страну въ чудный край, въ прелестный цвѣтникъ: розы, піоны, дафніи, азалеи, камеліи, глицины покрываютъ чащи кустарника и живыя изгороди своими пышными цвѣтами, въ видѣ букетовъ, скатертей или гирляндъ; ни въ какой другой области умѣреннаго климата, исключая развѣ Японіи, не увидишь такого разнообразія растеній, болѣе замѣчательныхъ красотой листьевъ, блескомъ и нѣжнымъ ароматомъ цвѣтовъ. Что касается дикой фауны большихъ млекопитающихъ, то она исчезла вмѣстѣ съ лѣсами, которые служили ей убѣжищемъ; только дикіе кабаны размножились съ тѣхъ поръ, какъ тайпинги и императорскіе солдаты опустошили страну. Въ густыхъ камышахъ нѣкоторыхъ островковъ Голубой рѣки водится одинъ видъ дикой козы, hydropotes, которая удивительно походитъ на кабаргу, но которая отдѣлена отъ нея обширными территоріями и не встрѣчается ни въ какой другой странѣ Китая [2]). Единственныя домашнія млекопитающія, разводимыя въ странѣ, суть быки, буйволы и свиньи. Цапли уважаются, почти почитаются, какъ священныя животныя, населеніемъ деревень, и часто можно видѣть цѣлыя республики этихъ птицъ, особенно въ рощахъ, окружающихъ пагоды [3]).

По земледѣльческой производительности область горъ Нань-шань одна изъ самыхъ счастливыхъ странъ. Провинціи по нижнему теченію Янъ-цзы-цзяна доставляютъ торговлѣ Китая большую часть ея отпускныхъ товаровъ; извѣстно, что важнѣйшія чайныя плантаціи находятся въ восточной области бассейна. Страна, простирающаяся отъ береговъ Чжана до аллювіальныхъ равнинъ устья Голубой рѣки, на пространствѣ около 600 километровъ, составляетъ, вмѣстѣ съ южной покатостью провинціи Фу-цзянь, область чая по преимуществу. Чайное дерево разводятъ вообще на скатѣ холмовъ, обращенномъ на югъ, не сплошными плантаціями, а маленькими разсѣянными рощами или рядами, насаженными вдоль полей; пользуются также земляными насыпями, раздѣляющими рисовыя поля, чтобы сѣять на нихъ драгоцѣнный кустарникъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чайныя плантаціи покрываютъ большія площади, промежутки между рядами деревьевъ утилизируютъ для культуры овощей. Чаи области Голубой рѣки принадлежатъ преимущественно къ тѣмъ разновидностямъ, которыя употребляются для приготовленія зеленаго чая. По производству шелка такъ же, какъ и по производству чая, область Нань-шаня и область нижняго Янъ-цзы-цзяна чрезвычайно богаты. Въ совокупности земледѣльческой промышленности Китая эта страна занимаетъ первое или одно изъ первыхъ мѣстъ, не только по размѣрамъ культуры чайнаго и тутоваго дерева, но также по количеству получаемаго риса и другихъ родовъ хлѣба, по производству сахара, табаку, пеньки, маслянистыхъ растеній и плодовъ всякаго рода. Сладкій картофель (батат) здѣсь воздѣлываютъ съ успѣхомъ даже на склонахъ горъ. Изъ продуктовъ, необходимыхъ для мѣстнаго потребленія, только одинъ хлопокъ получается въ Нань-шанѣ въ слишкомъ незначительномъ количествѣ; но провинціи Чжэ-цзянь, Ань-хой, Ху-бэй съ избыткомъ удовлетворяютъ собственными произведеніями свои нужды, какъ въ отношеніи сырыхъ матеріаловъ, такъ и въ отношеніи тканей [1]).

Крайнее развитіе промышленности у жителей описываемой страны обнаруживается, между прочимъ, тѣми союзниками, которыхъ они съумѣли пріобрѣсти себѣ въ животномъ царствѣ. Подобно тому, какъ это дѣлали англичане въ средніе вѣка, китайцы приручили и выдрессировали баклана, утилизируя въ свою пользу его рыболовные таланты. Птицы, которымъ изъ предосторожности надѣвается жесткій ошейникъ, непозволяющій проглатывать добычу, пріучены регулярно нырять съ барки на дно воды, откуда онѣ выплываютъ на поверхность съ рыбой въ клювѣ, послѣ чего отдыхаютъ минутку на бортѣ ладьи, прежде чѣмъ снова нырнуть въ воду. Вечеромъ, когда работа кончена, бакланы усаживаются въ порядкѣ поровну на обѣихъ сторонахъ барки, такъ, чтобы сохранялось равновѣсіе [2]). Въ другихъ мѣстахъ рыбакамъ удалось приручить рѣчныхъ выдръ, которыя, по знаку хозяина, бросаются въ воду и вскорѣ возвращаются на барку съ рыбой [3]). Искусственное разведеніе рыбы, изобрѣтенное въ Европѣ только въ новѣйшее время, извѣстно и практикуется въ Срединномъ царствѣ уже

[1]) Huc, „Empire Chinois"; — Armand David; — Blanchard, etc.

[2]) Swinhoe; — Armand David.

[3]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois".

[1]) F. von Richthofen, цитированный мемуаръ.

[2]) Armand David; — Huc; — Fortune, etc.

[3]) Blanchard, „Revue des Deux Mondes", 18 juin 1871.

многія столѣтія, и даже многіе изъ употребляемыхъ китайцами способовъ остаются еще необъяснимыми для западныхъ людей. Продавцы свѣже наметанной икры странствуютъ по провинціи Цзянъ-си, катая передъ собой двуколесную телѣжку съ бочкой, содержащей драгоцѣнное вещество въ формѣ слизистой жидкости; достаточно бросить немного этой жидкости въ прудъ: нѣсколько дней спустя молодыя рыбки развиваются изъ яичекъ, и рыбоводамъ остается только откармливать ихъ, принося въ прудъ рубленую траву.

Подобныя отрасли промышленности, понятно, могли возникнуть только въ странѣ очень густо населенной, и, дѣйствительно, около половины настоящаго столѣтія провинціи Цзянъ-су, Ань-хой, Чжэ-цзянъ представляли собою ту область земнаго шара, гдѣ было скучено наибольшее число людей на тѣсномъ пространствѣ; по народной переписи 1842 года, населеніе Чжэ-цзяна простиралось до 26 милліоновъ душъ, что составляетъ болѣе 280 человѣкъ на одинъ квадратный километръ; но по окончаніи кровопролитной междоусобной войны, за которой слѣдовали эпидеміи и голодовки, Рихтгофенъ опредѣлялъ приблизительно всего только въ 5 съ половиной милліоновъ число оставшихся въ этой провинціи жителей; однако и эта цифра, пропорціонально пространству, превышаетъ еще населенность Франціи. Впрочемъ, край вновь заселяется съ изумительной быстротой, и въ настоящее время населеніе достигло цифры въ 11.705 т. душъ. Колонисты, поселяющіеся въ покинутыхъ мѣстностяхъ Чжэ-цзяна, приходятъ по большей части изъ провинціи Ху-бэй, но между ними есть также много уроженцевъ провинцій Хэ-нани, Ху-нани, даже Гуй-чжоу и Сы-чуани. Всѣ эти переселенцы, говорящіе различными поднарѣчіями мандаринскаго діалекта, вначалѣ съ большимъ трудомъ понимаютъ другъ друга; часто выходятъ курьезныя недоразумѣнія между собесѣдниками уроженцами разныхъ провинцій; но мало-по-малу установляется взаимное пониманіе, и вырабатывается общій языкъ, болѣе приближающійся къ мандаринскому говору, чѣмъ прежнее мѣстное нарѣчіе. Такимъ-то образомъ, вслѣдствіе каждаго изъ большихъ политическихъ потрясеній, населенія различныхъ частей государства перемѣшиваются между собой, способствуя установленію и укрѣпленію того замѣчательнаго національнаго единства, которое представляютъ жители Срединной имперіи. Впрочемъ, колонисты могутъ селиться на покинутыхъ земляхъ безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей, кромѣ уплаты номинальнаго выкупа ближайшему представителю прежнихъ исчезнувшихъ семействъ, владѣвшихъ даннымъ участкомъ; два года спустя послѣ того, какъ переселенецъ снова провелъ плугомъ борозды въ заброшенной пашнѣ, земля считается принадлежащей ему на правахъ полной и безспорной собственности [1]).

Съ того времени, какъ возстанія и войны опустошили бассейнъ Голубой рѣки, число большихъ городовъ убавилось, и цифра населенія въ большинствѣ ихъ сильно уменьшилась; однако, и теперь еще между ними есть не мало такихъ, которые должны быть причислены къ самымъ многолюднымъ городамъ земнаго шара. Само собою разумѣется, что эти огромныя скопленія людей могутъ находиться только въ плодородныхъ и торговыхъ областяхъ бассейна, ниже верхняго Цзинь-ша-цзяна.

Батанъ, нѣкогда важный городъ Сы-чуани, извѣстной обыкновенно подъ именемъ восточнаго Тибета, въ настоящее время представляетъ незначительное мѣстечко. Совершенно разрушенный въ 1871 году землетрясеніями, слѣдовавшими одно за другимъ въ продолженіе нѣсколькихъ-недѣль, этотъ городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ новыхъ домовъ, построенныхъ среди плодоносной равнины, которую орошаетъ одинъ восточный притокъ Цзинь-ша-цзяна, и гдѣ бьютъ изъ земли обильные горячіе ключи; около половины городскаго населенія состоитъ изъ ламъ, живущихъ въ великолѣпномъ монастырѣ съ позолоченной крышей, на которой сидятъ тысячи священныхъ каплуновъ, приносимыхъ богомольцами. «Городъ роздыха»,—ибо таковъ буквальный смыслъ слова Батанъ, по объясненію Дегодена,—имѣетъ важность только какъ этапный пунктъ, на большой дорогѣ, ведущей изъ центральнаго Китая въ Лассу; тибетцы, зависящіе отъ начальства изъ ихъ собственной націи, но поставленные подъ наблюденіе китайскаго гарнизона, продаютъ пріѣзжающимъ съ востока китайскимъ купцамъ мускусъ, буру, шкурки пушныхъ звѣрей, золотой порошокъ, въ обмѣнъ на кирпичный чай и мануфактурныя издѣлія; въ окрестныхъ горахъ бродятъ совершенно независимыя племена, извѣстныя подъ именемъ зендовъ [2]). Литанъ, другой торговый пунктъ на дорогѣ изъ Тибета въ Чэнъ-ду-фу, есть одинъ изъ самыхъ жалкихъ городишекъ въ свѣтѣ: расположенный въ котловинѣ высокихъ плоскогорій, въ бассейнѣ рѣки Ли-чу, спускающейся на югъ къ Цзинь-ша-цзяну, онъ находится почти на верхнемъ предѣлѣ растительности, на высотѣ 4.088 метровъ надъ уровнемъ океана; ни одного деревца, ни одного поля, засѣяннаго хлѣбомъ, никакой растительности, кромѣ грядокъ малорослой капусты да рѣпы, не увидишь въ этой печальной мѣстности, бывшей колыбелью Тибетской монархіи [3]), а между тѣмъ ламы, въ

[1]) F. von Richthofen, цитированное сочиненіе.
[2]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.
[3]) Huc;—Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

числѣ около 3.500 человѣкъ, живутъ тутъ принѣваючи въ богатомъ монастырѣ, съ крышей, обитой золотыми листами [1]). Городъ Да-цзянь-лу (Дарчанъ-до), лежащій ниже Литана на 1.500 метровъ, въ прелестной долинѣ, орошаемой притокомъ рѣки Минь, занимаетъ болѣе счастливое, въ торговомъ отношеніи, мѣстоположеніе. Здѣсь находится таможня, на границѣ тибетской монархіи. Китайскій гарнизонъ занимаетъ казармы, а многочисленные купцы изъ провинціи Шань-си, буддисты или магометане, населяютъ лучшую часть города. Китайскія женщины не могутъ переходить за предѣлы этого города, чтобы проникать въ восточный Тибетъ; но въ самомъ городѣ онѣ живутъ въ большомъ числѣ, и тибетское населеніе представлено тамъ только метисами, которые, впрочемъ, отличаются болѣе красивыми чертами лица, на вкусъ европейцевъ, чѣмъ «дѣти Срединнаго царства». Нѣтъ мѣстности въ Китайской имперіи, гдѣ бы у женщинъ въ такой сильной степени была развита страсть къ драгоцѣннымъ украшеніямъ; онѣ обвѣшиваютъ себя бляхами изъ чеканнаго серебра, которыя перемѣшиваются съ ихъ ожерельями изъ драгоцѣнныхъ камней и стеклянныхъ бусъ; верхушка шевелюры прикрыта двумя большими серебряными кружками, и косы, спускающіяся изъ-подъ этой діадемы, поддерживаются повязкой, украшенной бляхами изъ того же металла [2]). Да-цзянь-лу есть мѣстопребываніе тибетскихъ католическихъ миссій.

Рѣка Да-ду-хэ проходитъ ниже Да-цзянь-лу въ страшномъ ущельѣ, между отвѣсныхъ стѣнъ, поднимающихся метровъ на 200 въ вышину, и омываетъ стѣны Лоу-динъ-чжао, перваго города, лежащаго совершенно внѣ области тибетцевъ и манзовъ, затѣмъ соединяется съ другими потоками, которые образуютъ рѣку Тунъ-хэ, главный притокъ Минь-цзяна и даже превосходящій его по объему жидкой массы. Во всякое время года суда могутъ подниматься вверхъ по Миню до Цзя-динъ-фу, города, господствующаго надъ мѣстомъ сліянія двухъ большихъ рѣкъ и еще одного, менѣе значительнаго, притока. Цзя-динъ-фу, одинъ изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ Сы-чуани, замѣчателенъ, между прочимъ, какъ рынокъ, откуда отправляется во всѣ мѣста Китая тотъ драгоцѣнный бѣлый воскъ или бэй-ла, который производятъ червецы, приносимые изъ окрестностей города Нинъ-юань-фу, стоящаго на 300 километровъ къ юго-западу. Окруженный соляными источниками, Цзя-динъ-фу получаетъ также шелкъ и сырецъ изъ города Я-чжоу-фу, лежащаго на сѣверо-западѣ, на дорогѣ изъ Тибета въ Чэнъ-ду-фу. Въ Я-чжоу-фу приготовляется почти весь кирпичный чай, потребляемый въ Тибетѣ; въ сосѣднихъ съ городомъ селеніяхъ воздѣлывается особая порода чайнаго дерева, листъ которой, гораздо болѣе грубый, чѣмъ листъ на плантаціяхъ восточныхъ провинцій, употребляется для приготовленія этого сорта чая [1]). Я-чжоу-фу—важнѣйшій укрѣпленный пунктъ и главный военный арсеналъ на границѣ. Въ 1860 году всѣ города этой страны укрѣплялись въ виду возможности нападеній тайпинговъ, но инсургенты не переходили за Цзя-динъ-фу, жители котораго защищались безъ помощи китайскихъ войскъ.

Столица провинціи Сы-чуань, Чэнъ-ду-фу, все еще «богатый и благородный городъ», какимъ онъ былъ во времена Марко Поло, хотя съ той эпохи онъ былъ много разъ опустошаемъ и даже разрушаемъ; Хубилай-ханъ истребилъ почти все его населеніе, болѣе милліона человѣкъ, по свидѣтельству лѣтописей. Нынѣшній городъ относительно недавняго происхожденія: императорскій дворецъ, какъ кажется, древнѣйшее зданіе города, восходитъ, по времени постройки, не далѣе конца четырнадцатаго столѣтія; городскія стѣны и почти всѣ дома были построены около конца прошлаго столѣтія, послѣ пожара, истребившаго большую часть Чэнъ-ду-фу; теперешняя ограда, довольно неправильная, но солидная и хорошо содержимая, имѣетъ около 12 верстъ въ окружности, и, сверхъ того, обширныя предмѣстья продолжаются далеко вдоль дорогъ: мало найдется городовъ, которые бы занимали болѣе значительное пространство. Какъ всѣ другіе главные города провинцій, Чэнъ-ду-фу состоитъ изъ двухъ городовъ или кварталовъ, татарскаго и китайскаго, изъ которыхъ послѣдній гораздо богаче и многолюднѣе перваго. Столицу Сы-чуани можно по справедливости назвать «китайскимъ Парижемъ»: это самый красивый и самый изящный городъ во всей Срединной имперіи. Улицы въ немъ широкія, прямыя, правильныя, хорошо вымощенныя и обведенныя по бокамъ водосточными канавами. Деревянные фасады домовъ украшены вычурной рѣзьбой, и черезъ отворенныя ворота видна перспектива дворовъ, съ ихъ разноцвѣтными обоями и цвѣтущими садами, которыми оканчиваются дворы. Арки изъ краснаго песчаника, воздвигнутыя въ разныхъ мѣстахъ города и въ предмѣстьяхъ, покрыты прелестными изваяніями въ рельефѣ, представляющими фантастическихъ животныхъ или сцены изъ мѣстной жизни. Жители города, по большей части опрятно и даже богато одѣтые, пользуются, кромѣ того, репутаціей самыхъ вѣжливыхъ и наиболѣе интересующихся литературой и наукой между китайцами; блестящіе магазины лучшихъ улицъ наполнены дорогими товарами, въ числѣ которыхъ находится много предметовъ европейскаго производства, и по-

[1]) Huc;—Cooper;—Gill.

[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie“, août 1879.

[1]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.

сѣтители постоянно толпятся въ книжныхъ лавкахъ [1]). Равнина, въ которой Чэнъ-ду-фу занимаетъ центръ, и которая дѣлаетъ столицу Сы-чуани однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Китая, представляетъ громадный садъ, одинъ изъ наилучше воздѣланныхъ во всемъ свѣтѣ, садъ, гдѣ вода «Четырехъ рѣкъ», Миня и его притоковъ, дѣлится на каналы чистой воды, развѣтвляющіеся на безчисленныя канавки между рядами фруктовыхъ деревьевъ, рисовыми полями, грядками овощей. Кромѣ главнаго города, на этой равнинѣ разсѣяно восемнадцать второклассныхъ и третьеклассныхъ городскихъ поселеній, имѣющихъ рангъ чжоу и сянь, нѣсколько другихъ городовъ, неогороженныхъ стѣнами, мѣстечекъ и посадовъ, имѣющихъ болѣе жителей, чѣмъ сколько ихъ насчитываютъ въ своей чертѣ многіе торговые города: вѣроятно, что въ этомъ бассейнѣ, площадь котораго не превышаетъ 6.000 квадратныхъ километровъ, сгруппировано населеніе, простирающееся до 4 милліоновъ душъ [2]). Громадное земледѣльческое производство этой равнины сдѣлало изъ Чэнъ-ду-фу большой складочный пунктъ разныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, но, кромѣ того, въ этомъ городѣ сильно развита промышленная дѣятельность, и ткачи различныхъ матерій, красильщики, вышивальщики насчитываются тамъ тысячами и тысячами. Верстахъ въ 75 къ западу, у подошвы горъ, ограничивающихъ равнину, лежитъ городъ Цюнъ-чжоу, славящійся своими писчебумажными фабриками [3]): отсюда получается лучшая въ Китаѣ бумага; но населеніе этого города, состоящее изъ переселенцевъ изъ Фу-цзяна, пользуется дурной славой въ краѣ за свой буйный нравъ; въ окрестностяхъ города добываются желѣзо и соль, въ окружающихъ горахъ ростетъ чай. Чэнъ-ду-фу имѣетъ также транзитъ, который ему даетъ торговля долины Голубой рѣки съ Тибетомъ съ одной стороны, и съ другой — съ сѣверною Сы-чуанью и съ провинціей Гань-су, черезъ Гуанъ-юань-сянь или «Городъ у воротъ», лежащій при входѣ въ ущелья, черезъ которыя протекаетъ верхній Минь. Въ верхней долинѣ, городъ Сунъ-панъ-тингъ, расположенный близъ границы между двумя провинціями, замѣчателенъ какъ самый оживленный рынокъ въ той мѣстности, и населеніе его, состоящее въ большой части изъ магометанъ, по выраженію Джиля, «громадно», несмотря на высокое положеніе мѣста надъ уровнемъ моря (2.986 метровъ) [4]).

На сѣверо-востокѣ другая большая дорога ведетъ изъ Чэнъ-ду-фу въ верхней долинѣ Хань-цзяна, въ провинцію Шэнь-си, проходя послѣдовательно черезъ нѣсколько цѣпей холмовъ и горъ. Эта дорога, по сказанію лѣтописей имперіи, проведенная двадцать три столѣтія тому назадъ, для того, чтобы связать два царства Цзинь и Шу, то-есть сѣверный Китай и Сы-чуань, которые еще въ то время не были соединены въ одно государство, извѣстна подъ именемъ «Дорога золотаго быка» (Цзань-дао); по словамъ легенды, властитель страны Шу, съ цѣлью отправиться въ горы на поиски чудесныхъ быковъ, пища которыхъ будто бы превращалась въ чистое золото, велѣлъ, по совѣту другаго государя, устроить эту дорогу, открытіе которой должно было имѣть слѣдствіемъ гибель его царства [1]). Путь отъ Чэнъ-ду-фу въ бассейнъ Желтой рѣки только шесть столѣтій спустя былъ дополненъ дорогой изъ Хань-чжунъ-фу въ Си-ань-фу, проложенной черезъ перевалъ Цзунъ-линъ однимъ сычуанскимъ императоромъ, по имени Люй-би (Liupi), изъ котораго легенда сдѣлала нѣчто въ родѣ китайскаго Геркулеса.

Области китайскаго Цзинь-ша-цзяна не могутъ сравниться по важности городовъ съ бассейномъ Минь-цзяна. Однако, въ этой части Сы-чуани существуетъ значительный городъ, котораго не посѣтилъ еще не одинъ европеецъ въ новѣйшія времена, но который, вѣроятно, видѣлъ Марко Поло: это Нинъ-юань, главный городъ прекрасной долины Ань-нинъ-хэ, рѣка которой, текущая на югъ, соединяется съ Я-луномъ, въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста сліянія этой рѣки съ Цзинь-ша-цзяномъ. По мнѣнію Рихтгофена [2]), Нинъ-юань то же самое, что Каинду, упоминаемый венеціанскимъ путешественникомъ. Китайцы говорятъ объ этомъ городѣ и объ окружающей его мѣстности какъ о земномъ раѣ — чудный контрастъ этой богатой равнины съ окружающими ее дикими горами есть одинъ изъ тѣхъ, которые никогда не забываются.

Пинъ-шань-сянь, какъ извѣстно, есть тотъ городъ, передъ которымъ долженъ былъ остановиться путешественникъ Блекистонъ при плаваніи вверхъ по теченію Голубой рѣки. Сюй-чжоу-фу, расположенный при сліяніи Минь-цзяна и Золотоносной рѣки, — значительный городъ, складочный пунктъ для всѣхъ произведеній, отправляемыхъ изъ Юнь-нани во внутреннія провинціи Китая; лавки его наполнены рѣдкими и дорогими товарами, и между его ремесленниками есть много скульпторовъ и гранильщиковъ драгоцѣнныхъ камней [3]); кромѣ того, этотъ городъ славится своими цыновками, очень гибкими и чрезвычайно прочными. При-

[1]) Huc; — Richthofen; — Gill; — Cooper; — Baber; — Armand David.

[2]) F. von Richthofen, „Letter of the provinces of Chili, Shansi“ etc.

[3]) Cooper, цитированное сочиненіе.

[4]) Gill, цитированное сочиненіе.

[1]) Wylie, „Proceedings of the Geographical Society“, vol. XIV; — Richthofen, цитированное сочиненіе.

[2]) „Verhandlungen der Ges. für Erdkunde zu Berlin“, 1874; — Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

[3]) Gaston de Bézaure, „Le Fleuve Bleu“.

режныя залежи каменнаго угля, находящіяся выше и ниже Сюй-чжоу, доставляютъ лучшее по качеству минеральное топливо изъ всего бассейна Янъ-цзы-цзяна. Ниже, городъ Лучжоу, построенный тоже на лѣвомъ берегу Голубой рѣки, при впаденіи притока Чжунъцзяна, ведетъ отпускную торговлю другими минеральными продуктами, преимущественно солью, добываемой изъ знаменитыхъ соляныхъ источниковъ Цзы-лю-чэнъ («Колодцы текучей воды»), въ сотнѣ километровъ къ сѣверо-западу. Этотъ «Соляной городъ» примѣтенъ издалека по высокимъ деревяннымъ помостамъ, воздвигнутымъ на берегу рѣки, по скатамъ и даже на вершинѣ холмовъ: издали это такой же точно видъ, какой представляютъ высокія трубы фабрикъ въ мануфактурныхъ городахъ Европы. Эта любопытная область, съ которой мы знакомы уже изъ разсказовъ прежнихъ миссіонеровъ іезуитовъ, и которую посѣтилъ Джилль, обнимаетъ площадь болѣе 10 километровъ въ ширину, и на всемъ этомъ пространствѣ почва изрыта глубокими ямами, пробуренными на сотни метровъ внутрь земли. Джилль видѣлъ, какъ бурили колодезь, доведенный уже до глубины 660 метровъ черезъ слои песчаника и глины: буреніе подвигалось почти на 60 сантиметровъ въ день, но, должно быть, буровой снарядъ часто ломался, судя по тому, что работа была начата уже за тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Другія буровыя скважины достигаютъ глубины 850 метровъ [1]). Такимъ образомъ китайскіе рудокопы, при помощи самыхъ простыхъ пріемовъ и орудій, успѣваютъ соперничать съ горными инженерами Запада: длинная желѣзная полоса, заостренная на концѣ, бамбуковый канатъ для поднятія ея, крюкъ для обратнаго спусканія ея въ колодезь, легкое закручиваніе, сообщаемое веревкѣ, когда она поднимается,—вотъ и весь снарядъ; буровыя скважины, шириной отъ 6 до 12 сантиметровъ, выложены внутри бамбукомъ, и при помощи другихъ бамбуковыхъ палокъ, съ просверленнымъ въ нихъ клапаномъ, поднимаютъ на верхъ соленую воду, чтобы отбрасывать ее въ испарительные бассейны. Большинство колодцевъ достигаютъ соляного слоя между 200 и 300 метрами, и если продолжать буреніе въ болѣе глубокихъ пластахъ, то буровой снарядъ наполняется уже не соленой водой, а горнымъ масломъ. Изъ земли съ силой вырываются воспламеняющіеся газы: отсюда и названіе «огненные колодцы», даваемое буровымъ скважинамъ. Бамбуковыя трубы, обмазанныя глиной, вставлены въ отверстіе, откуда выходятъ горючіе газы, и развѣтвляются подъ бассейнами, наполненными соленой водой, гдѣ зажигаютъ газъ, чтобы ускорить выпариваніе и кристаллизованіе соли. Въ 1862 году, когда въ краѣ расхаживали шайки мятежниковъ, одинъ изъ колодцевъ воспламенился и горѣлъ долго, освѣщая всю окрестную страну, какъ маякъ [1]). По Джиллю, округъ Цзы-лю-чэнъ изрытъ по меньшей мѣрѣ 1.200 соляными колодцами; общая добыча соли должна простираться ежегодно отъ 80.000 до 120.000 тоннъ [2]). Большинство солеварницъ принадлежитъ богатымъ корпораціямъ, но масса жителей влачитъ свое существованіе въ крайней бѣдности; мало найдется городскихъ поселеній, которыя бы имѣли болѣе жалкій невзрачный видъ, чѣмъ этотъ большой городъ, населеніе котораго своимъ тяжелымъ трудомъ обогащаетъ банкировъ Чунъ-цина. Въ концѣ 70 годовъ нѣкоторые владѣльцы соляныхъ заводовъ, соединившись съ компаніей европейскихъ негоціантовъ, хотѣли было ввести англійскіе насосы для того, чтобы облегчить трудъ и уменьшить заработную плату, но рабочіе тотчасъ же устроили стачку, и нововводители были изгнаны изъ края. Населеніе этого округа, единственный промыселъ котораго, помимо земледѣлія, составляетъ разработка соляныхъ и нефтяныхъ источниковъ, простирается до нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ.

Чунъ-цинъ — главный рынокъ восточной Сы-чуани. Живописно построенный на лѣвомъ берегу Янъ-цзы-цзяна, при впаденіи въ него судоходной рѣки Цзя-линъ-цзяна, притока которой орошаютъ обширное пространство земель, начиная отъ границъ страны Куку-норъ, этотъ городъ сдѣлался складочнымъ пунктомъ для всѣхъ произведеній Сы-чуани и мѣстомъ разсылки по краю товаровъ, привозимыхъ въ восточныхъ провинцій. Важный торговый центръ, преимущественно для шелковыхъ тканей, табаку, растительныхъ маслъ, мускуса, Чунъ-цинъ представляетъ болѣе кипучую коммерческую дѣятельность, чѣмъ даже главный городъ «Четырехрѣченскаго» края; это Шанхай западнаго Китая; подобно европейскимъ торговымъ городамъ, главный рынокъ Сы-чуани имѣетъ биржу, гдѣ обсуждаютъ цѣны товаровъ и заключаются сдѣлки между негоціантами; здѣсь существуютъ также заводы, гдѣ очищается серебро, и которые каждый день пропускаютъ черезъ свои плавильники около сотни тысячъ франковъ въ серебряныхъ слиткахъ [3]). Но Чунъ-цинъ стоитъ гораздо ниже Чэнъ-ду-фу въ отношеніи чистоты улицъ и красоты зданій; какъ дѣятельный торговый городъ, онъ отличается только оживленнымъ видомъ своихъ улицъ и переулковъ и скопленіемъ огромнаго множества джонокъ и барокъ, стоящихъ на якорѣ передъ его набережными. Онъ

[1]) Imbert, „Annales de la propagation de la Foi", 1828. 1830.

[1]) „The River of Golden Sand".

[2]) F. von Richthofen, „Letter on the Provinces of Chili, Shansi, Shensi" etc.

[3]) Fr. Garnier, „Temps", 13 mars 1874.

состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ городовъ, которые оба имѣютъ рангъ главнаго административнаго пункта,—изъ собственно Чунъ-цина, расположеннаго въ западномъ углу, и Ли-мина, выстроившагося въ восточномъ углу сліянія, окруженнаго каменною стѣною до 7½ верстъ длиною; кромѣ того, обширное предмѣстье раскинулось напротивъ, на правомъ берегу Голубой рѣки. Большинство негоціантовъ, поселившихся въ Чунъ-цинѣ, состоитъ изъ уроженцевъ провинціи Шань-си, Шэньси, Цзянъ-си; въ 1878 году здѣсь учреждено англійское торговое агентство, а въ 1891 году на основаніи Чифуйской конвенціи портъ былъ открытъ для иностранной торговли, при чемъ иностранные товары до 1897 года могли лишь быть перевозимы подъ китайскимъ флагомъ. Въ 1897 году и это условіе было устранено. Въ настоящее время въ Чунъ-цинѣ проживаетъ 65—70 человѣкъ иностранцевъ, а торговые обороты Чунцинскаго порта довольно значительны: такъ, въ 1892 году иностранныхъ товаровъ было доставлено на туземныхъ джонкахъ на сумму 8 милліоновъ рублей, однихъ китайскихъ товаровъ привезено на 500 тысячъ. Вывозъ мѣстныхъ предметовъ достигъ цѣнности въ 4 милліономъ милліона рублей. Такимъ образомъ общая цифра оборота равняется 12½ м. руб. Въ 1895 году общая цѣнность оборотовъ простиралась до 13.253.772 ланъ [1]), при чемъ цѣнность иностранныхъ произведеній равнялась 5.618.213 ланамъ [2]). Въ началѣ семнадцатаго столѣтія населеніе города исчислялось въ 36.000 душъ; въ 1861 году Блекистонъ приписывалъ ему 200.000 жителей, а въ 1892 году — 250 т. душъ; по разсчету новѣйшихъ изслѣдователей, три соединенные города заключаютъ въ своей чертѣ не менѣе 700.000 человѣкъ: такимъ образомъ два центра населенія въ Сы-чуани превосходятъ по многолюдству самую столицу имперіи. На сѣверъ отъ Чунъ-цина, другой городъ, Хэ-чжоу, также ведетъ дѣятельную торговлю, благодаря своему счастливому положенію при сліяніи трехъ рѣкъ, изъ которыхъ образуется Ба-хэ. Окрестныя горы содержатъ залежи жирной земли, которую употребляютъ въ пищу во время недостатка хлѣба; ее сушатъ въ формѣ маленькихъ хлѣбцевъ, затѣмъ пекутъ на горячихъ угольяхъ и развозятъ по всѣмъ окрестнымъ рынкамъ [3]).

Ниже Чунъ-цина по теченію Янъ-цзы-цзяна, первый городъ, лежащій при впаденіи большаго притока, Фу-чжоу, очень оживленный рынокъ, командуетъ входомъ рѣки Цинъ-цзянъ-хэ и, слѣдовательно, всей судоходной сѣтью провинціи Гуй-чжоу: главный торговый трактъ между Сы-чуанью и Цзянъ-си захватываетъ теченіе этой рѣки. Большинство барокъ останавливается у подножія пороговъ, отъ которыхъ получили свое названіе самая рѣка и городъ Гунъ-дань [1]); только нѣкоторыя, плоскодонныя суда поднимаются до Гуй-яна, главнаго административнаго пункта провинціи Гуй-чжоу. Этотъ городъ находится около истоковъ рѣки Цинъ-цзянъ-хэ и сообщается, черезъ невысокіе пороги, съ одной стороны съ бассейномъ Си-цзяна, съ другой—съ бассейномъ рѣки Юана, впадающей въ озеро Дунъ-тинъ. Изъ этого видно, что сообщенія въ этой части Китая, относительно не затруднительны, но въ окрестностяхъ находятся нѣкоторые изъ массивовъ, принадлежащіе къ числу наименѣе изслѣдованныхъ горъ имперіи; нѣкоторыя племена мяотовъ, частію обращенныя миссіонерами въ римско-католическую вѣру, могли до сихъ поръ удержаться тамъ. Въ одномъ ущельѣ этихъ горныхъ цѣпей, близъ Анъ-шуа, ручей падаетъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ метровъ [2]). Область верхняго Гуй-чжоу принадлежитъ къ числу странъ, гдѣ ртуть находится въ наибольшемъ изобиліи; во многихъ мѣстахъ плугъ выбрасываетъ изъ подъ почвы куски киновари. Революція 1848 года, имѣвшая очень кровавый характеръ въ провинціи Гуй-чжоу, положила конецъ разработкѣ рудниковъ; въ 1872 году они еще были залиты водой [3]).

Очень красивый городъ Гуй-чжоу-фу лежитъ не въ провинціи того же имени, названной такъ, говорятъ, по растущей тамъ во множествѣ дикой ліанѣ, можетъ быть, той самой, которая даетъ китайскую корицу; онъ находится въ Сы-чуани, на лѣвомъ берегу Голубой рѣки, и командуетъ входомъ въ ущелья, выходъ изъ которыхъ въ провинцію Ху-бэй охраняетъ И-чанъ. Этотъ послѣдній городъ окруженъ полями, засѣянными макомъ и производящими лучшій и наиболѣе цѣнный во всемъ Китаѣ сортъ опіума; въ 1878 году тамъ поселилась европейская колонія, состоящая изъ негоціантовъ и служащихъ, и съ этого времени движеніе торговыхъ оборотовъ города стало быстро возрастать; главные предметы его отпуска составляютъ каменный уголь, москотильный товаръ и лекарственныя снадобья всякаго рода. Торговля И-чана представлялась, по общей цѣнности, въ 1897 году на сумму 1.794.380 ланъ [4]). И-чанъ, лежащій на Голубой рѣкѣ въ разстояніи 1.760 километровъ выше Шанхая, теперь регулярно посѣщается пароходами, которые находятъ до этого мѣста обыкновенно по меньшей мѣрѣ 6 метровъ глубины; однако, въ ме-

[1]) Ланъ таможенный около 1,40 коп.
[2]) „Trade reports“, 1895, стр. 51.
[3]) Bertrand, „Annales de la propagation de la Foi“, juillet 1844.
[1]) Fr. Garnier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, janvier 1874.
[2]) Lions, „Annales de la propagation de la Foi“, 1876.
[3]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi, Shensi“ etc.
[4]) „Returns of trade“, 1897 г.

женное время одинъ изъ пороговъ лежитъ менѣе, чѣмъ на 2 метра отъ поверхности воды [1]). Большинство барокъ, приходящихъ изъ Сычуани, выгружаютъ свою кладь либо въ И-чанѣ, либо ниже по рѣкѣ въ Ша-ши, гдѣ другія барки, построенныя спеціально въ виду плаванія по мелкимъ водамъ и требующія меньшаго числа судовщиковъ, принимаютъ грузы, чтобы перевозить ихъ въ Хань-коу. До введенія пароходства городъ Ша-ши, расположенный по берегу Голубой рѣки, на протяженіи 7 километровъ, производилъ болѣе дѣятельную торговлю, чѣмъ И-чанъ; впрочемъ, онъ имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что можетъ поддерживать прямое сообщеніе, посредствомъ Тайпинскаго канала, всегда судоходнаго, съ озеромъ Дунъ-тинъ. Близъ Ша-ши, на лѣвомъ берегу Янъ-цзы-цзяна, стоитъ укрѣпленный городъ Цзинъ-чжоу, упоминаемый уже Конфуціемъ; занятый маньчжурскимъ гарнизономъ, этотъ городъ имѣетъ важность только по своей административной и военной роли.

Большіе города Ху-нани расположены не на берегу Голубой рѣки; они находятся внутри провинціи, на торговыхъ путяхъ, связывающихъ бассейнъ Янъ-цзы-цзяна съ бассейномъ Си-цзяна. Рѣка Юань, изливающая свои воды въ юго-западную бухту озера Дунъ-тинъ,—есть одинъ изъ главныхъ путей судоходства; она даже соединяется посредствомъ канала съ однимъ изъ притоковъ Кантонской рѣки: судамъ нужно только пройти черезъ ворота шлюза, у города Гуй-линъ (Koeiling), чтобы перейти съ одной покатости водораздѣльнаго хребта на другую. Однако, этотъ водный путь слишкомъ труденъ при подъемѣ, чтобы имъ можно было часто пользоваться, и большинство судовъ нижняго Юань-цзяна не переходитъ, при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, за городъ Чэнь-чжоу-фу, главный рынокъ западной Ху-нани [2]). Ниже, городъ Чанъ-дэ-фу, построенный на Юань-цзянѣ, въ 60 километрахъ ниже первыхъ пороговъ, доступенъ во всякое время года для барокъ даже большаго водоизмѣщенія: этотъ «пышный» городъ служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для части провинціи Гуй-чжоу и для земли мяотовъ. Опустошительное возстаніе тайпиновъ едва коснулось Чанъ-дэ-фу, чѣмъ и объясняется поразительная роскошь его публичныхъ сооруженій, мостовъ, набережныхъ и дорогъ [3]).

Гораздо важнѣе рынокъ восточной Ху-нани, Сянъ-тань, если не главный въ административномъ отношеніи, то важнѣйшій по торговлѣ городъ провинціи и одна изъ метрополій Китая. Сянъ-тань построенъ, какъ показываетъ самое его имя (тань—значитъ порогъ), при одномъ изъ пороговъ рѣки Сянъ-хэ, черезъ который, впрочемъ, могутъ подниматься барки: джонки, несущія грузъ вѣсомъ отъ 25 до 30 тоннъ, тысячами стоятъ на якорѣ передъ набережными города. Собственно городъ, обнесенный каменными стѣнами, тянется по лѣвому берегу рѣки на пространствѣ около 5 километровъ; но не тутъ средоточіе торговли: торговая дѣятельность перенеслась въ обширныя предмѣстья, которыя расходятся во всѣхъ направленіяхъ, вдоль высокаго берега и вдоль дорогъ. Этотъ городъ занимаетъ очень выгодное мѣстоположеніе почти въ серединѣ восточной Ху-нани, самой богатой части провинціи, и, благодаря своей судоходной рѣкѣ, является необходимымъ мѣстомъ остановки и склада для путешественниковъ и товаровъ на дорогахъ между центральными и южными провинціями государства, пролегающихъ черезъ три горные прохода Гуй-линъ, Чжэ-линъ и Мэй-линъ. Сянъ-тань лежитъ въ центрѣ обширнаго треугольника, образуемаго тремя важными городами Чунъ-циномъ, Хань-коу и Кантономъ. Коммерческая рутина сдѣлала также изъ этого города главный складъ аптекарскихъ и москотельныхъ товаровъ всякаго рода для цѣлаго Китая. Этотъ товаръ составляетъ предметъ весьма значительной торговли въ странѣ, гдѣ всякія лекарственныя снадобья и зелья, корни, пилюли и охладительные отвары въ большей чести, чѣмъ у всякаго другаго народа: на окрестныхъ дорогахъ часто встрѣчаешь караваны, состоящіе единственно изъ куліевъ и вьючныхъ животныхъ, несущихъ ящики съ лекарственными припасами. Такъ же, какъ въ другихъ городахъ имперіи, почти всѣ богатые купцы и банкиры переселенцы изъ провинціи Шань-си, эти «евреи» Срединнаго царства. Вездѣ на скатахъ холмовъ, въ окрестностяхъ города, увидишь ихъ хорошенькія дачи, обсаженныя тѣнистыми деревьями и окруженныя пахатными землями, которыя обыкновенно сдаются въ аренду. Переворотъ, совершившійся въ китайской торговлѣ со времени открытія приморскихъ портовъ иностраннымъ негоціантамъ и появленія невиданныхъ дотолѣ пароходовъ на Голубой рѣкѣ, неминуемо долженъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе относительной важности Сянъ-таня, оставленнаго въ сторонѣ отъ главныхъ путей торговаго движенія. Но возможно, что городъ получитъ въ будущемъ значительную промышленную роль, благодаря каменноугольнымъ мѣсторожденіямъ Ху-нани, которыя по протяженію можно сравнить съ обширными залежами Пенсильваніи. Смолистые угли сосѣдней съ Сянъ-таномъ области мало цѣнятся по причинѣ ихъ плохаго качества, но антрациты изъ Лэй-яна, въ бассейнѣ рѣки Лэй, одного изъ верхнихъ притоковъ Сяна, принадлежатъ къ лучшимъ сортамъ, какіе извѣстны до сихъ поръ; они, впрочемъ, разрабатываются очень дѣятельно, и тысячи судовъ употребляются для перевозки лэйянскаго угля въ Сянъ-тань и на Янъ-цзы-

[1]) Spencer, „Consular Report“, 1881.
[2]) F. von Richthofen, „Letter on the province of Hunan“.
[3]) Fr. Garnier, Temps“, 4 mars 1874.

цзянъ. Даже Хань-коу и Нанкинъ получаютъ этотъ уголь для рѣчныхъ пароходовъ: Рихтгофенъ полагаетъ, что нужно считать по меньшей мѣрѣ въ 150.000 тоннъ количество антрацита, извлекаемое ежегодно изъ мѣсторожденій бассейна Лэй-хэ [1]).

Главный городъ провинціи—Чанъ-ша-фу, лежащій при рѣкѣ Сянъ, на половинѣ дороги отъ Сянъ-таня къ озеру Дунъ-тинъ, много уступаетъ Сянъ-таню, какъ по развитію торговой дѣятельности, такъ и по своимъ размѣрамъ, хотя ограда, обведенная вокругъ собственно такъ называемаго города, имѣетъ болѣе значительное протяженіе. Противъ города, на скатахъ холма, расположены зданія высшаго училища или лицея Іо-ло, одного изъ знаменитѣйшихъ учебныхъ заведеній Китая, гдѣ болѣе тысячи молодыхъ людей, отъ двадцати двухъ до двадцатипятилѣтняго возраста учатся каждый отдѣльно и совершенно самостоятельно, обращаясь за разъясненіемъ къ своему профессору только въ тѣхъ случаяхъ, когда наталкивается на какое-нибудь затрудненіе въ изучаемомъ предметѣ. Существованіе въ Ху-нани могущественной земельной аристократіи, обогащающейся въ добавокъ торговлей, объясняетъ исключительную пропорцію мандариновъ уроженцевъ этой страны, которыхъ встрѣтишь во всѣхъ частяхъ имперіи.

Ниже города Чанъ-ша-фу, одинъ небольшой гранитный хребетъ, перерѣзываемый рѣкой Сянъ, замѣчателенъ тѣмъ, что далъ странѣ нѣкоторую промышленную важность; камень утилизируется для выдѣлки плитъ и ступокъ, которыя вывозятъ отсюда даже въ отдаленныя мѣста, а глины, образовавшіяся изъ разложенія гранита, употребляются въ многочисленныхъ гончарныхъ заведеніяхъ Тунъ-гуаня, гдѣ фабрикуютъ, между прочимъ, лакированныя черепицы всевозможныхъ цвѣтовъ, расписанныя оригинальными рисунками, которыя идутъ на обшивку кровель храмовъ и частныхъ домовъ въ Ху-нани и въ сосѣднихъ провинціяхъ. Ниже встрѣчаемъ городъ Сянъ-инь, который можетъ быть разсматриваемъ какъ верхній портъ озера Дунъ-тинъ, тогда какъ Іо-чжоу построенъ при выходѣ изъ этого озера, на крутоярѣ праваго берега Голубой рѣки. Этотъ городъ получилъ нѣкоторую важность какъ пристань и складочное мѣсто товаровъ; однако, онъ не такъ значителенъ, какъ можно бы было предполагать, принимая во вниманіе его счастливое мѣстоположеніе въ точкѣ встрѣчи двухъ торговыхъ путей, каковы Янъ-цзы-цзянъ и Сянъ-цзянъ; это объясняется тѣмъ, что ханькоусскій рынокъ привлекаетъ къ себѣ все движеніе торговаго обмѣна.

Въ началѣ 1898 года японцы, послѣ того какъ англичане заняли Вэй-хай-вэй, потребовали отъ Пекинскаго правительства, чтобы въ число портовъ, открываемыхъ для японской торговли, былъ включенъ и городъ Іо-чжоу; на это требованіе китайское правительство медлитъ окончательнымъ отвѣтомъ, заявивъ, что Іо-чжоу будетъ открытъ своевременно вмѣстѣ съ другими трактатными портами, объ открытіи которыхъ такъ хлопочутъ европейцы и преимущественно англичане.

Вѣроятно, что три города: У-чанъ-фу, расположенный на правомъ берегу Янъ-цзы, Ханькоу, помѣщающійся напротивъ и къ востоку отъ впаденія притока Хань, и Хань-янъ-фу, построенный на верхнемъ полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, были до половины настоящаго столѣтія самыми многолюдными городскими поселеніями, какія существовали на земномъ шарѣ. Лондонъ, у котораго теперь во всемъ свѣтѣ нѣтъ соперника по числу жителей, имѣлъ только половину своего нынѣшняго населенія въ то время, когда эти три китайскіе города еще не были разорены тайпингами. По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, которые, впрочемъ, могли судить о важности и населенности этихъ городовъ только по продолжительности времени, употребленнаго на проѣздъ или проходъ черезъ нихъ, тогда жило около восьми милліоновъ человѣкъ въ этомъ громадномъ муравейникѣ [1]). Какъ бы то ни было, У-чанъ, Хань-коу и Хань-янъ не имѣли вмѣстѣ даже одного милліона жителей, послѣ нашествія инсургентовъ, когда Блекистонъ поднимался по Голубой рѣкѣ, въ 1861 г. Въ настоящее время они снова возрастаютъ по количеству населенія и по развитію торговой дѣятельности. Городъ праваго берега, столица провинціи Ху-бэй, есть единственный изъ трехъ городовъ, который окруженъ валами и стѣнами; онъ занимаетъ пространство около 34 квадратныхъ километровъ, не считая предмѣстій; Ханькоу далеко протянулся своими кварталами и улицами по берегамъ двухъ рѣкъ, и соединяется съ Хань-яномъ множествомъ джонокъ, образующихъ собою подвижный мостъ отъ одного берега до другаго; даже Янъ-цзы-цзянъ, хотя онъ имѣетъ въ этомъ мѣстѣ болѣе километра въ ширину, покрытъ судами, между которыми фигурируютъ въ довольно большомъ числѣ пароходы преимущественно англійскіе и китайскіе. Какъ торговый городъ, Хань-коу занимаетъ очень выгодное мѣстоположеніе, такъ какъ онъ находится около середины удобнаго для судоходства теченія Янъ-цзы, при впаденіи въ него Хань-цзяна, торговаго пути, который ведетъ къ берегамъ Желтой рѣки и въ провинцію Шэнь-си; можно даже сказать, что Хань-коу, имя котораго значитъ буквально «Устье Ханя», командуетъ географически теченіемъ рѣки Сянъ и всѣмъ бас-

[1]) „Letter on the province of Hunan"; —Morrison, „Proceedings of the Geograph. Society of London", 1881.

[1]) Huc, „L'Empire Chinois".

сейномъ озера Дунъ-тинъ: въ этомъ городѣ пересѣкаются главныя дороги судоходства, идущія съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ имперіи. Слѣдовательно, Хань-коу представляетъ собою центръ торговли Китая, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ получилъ такое важное значеніе между всемірными рынками. Единственное неудобство мѣстоположенія этого города то, что онъ подверженъ наводненіямъ вслѣдствіе разлива Янъ-цзы-цзяна; когда береговыя плотины уступятъ напору водъ, улицы затопляются, и жители убѣгаютъ на окрестные холмы и на пригорки искусственнаго происхожденія, разсѣянные словно острова середи моря [1]). Даже когда рѣки стоятъ на низкомъ уровнѣ, вы видите у себя подъ ногами, съ высоты «Холма пагоды», почти столько же воды, сколько твердой земли; большія рѣки, извивающіяся по равнинѣ, потоки, оставленные тамъ и сямъ измѣнчивымъ теченіемъ разлива, озера, разсѣянныя въ лощинахъ, придаютъ окрестной мѣстности видъ страны, едва выступающей изъ водъ потопа. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать по теченію Голубой рѣки, которая дѣлаетъ большой крюкъ къ югу, суда, направляющіяся на западъ къ городу Ша-ши, плывутъ прямо по непрерывной цѣпи озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ каналами, обведенными по берегамъ плотинами: такимъ образомъ переходъ сокращается болѣе, чѣмъ на двѣ трети [2]).

Ни одинъ изъ городовъ внутренняго Китая не имѣетъ такой многочисленной иностранной колоніи, какая находится къ Хань-коу. Красивый кварталъ европейскихъ двухъ-этажныхъ домовъ, отдѣленный отъ рѣки широкою набережною, засаженными деревьями, господствуетъ своей правильной массой надъ китайскими строеніями и составляетъ яркій контрастъ съ бараками на сваяхъ города Хань-янъ-фу. Произведены были громадныя работы, чтобы поднять почву европейской концессіи выше уровня наводненій, и чтобы построить каменный откосъ набережной, вышиной въ 15 метровъ, которой англичане дали названіе bund,— слово персидское, ввезенное изъ ихъ остъ-индской имперіи. Хань-коу—главный рынокъ Китая по торговлѣ чаемъ. Можно сказать, что иностранная колонія зависитъ отъ коммерческихъ колебаній этого товара; прибытіе первыхъ чайныхъ листьевъ приводитъ всѣхъ ея обитателей въ лихорадочное движеніе; народъ толпится на фабрикахъ и въ конторахъ, пароходы спѣшатъ ошвартоваться вдоль дамбы; днемъ и ночью улицы и площади европейскаго квартала переполнены дѣловымъ людомъ. Эта кипучая дѣятельность продолжается три мѣсяца, и именно въ самую жаркую, самую томительную пору года. Возбужденіе достигаетъ высшаго предѣла въ концѣ мая, когда корабли, отправляющіеся въ Европу, приводятъ къ концу свою нагрузку, ибо состязаніе въ скорости между судами доставляетъ побѣдителю не только тщеславіе торжества, но, сверхъ того, фрахтовую плату двойную противъ обыкновенныхъ цѣнъ. Въ 1881 году изъ Хань-коу было вывезено чаевъ 2.920.000 пудовъ, на сумму 18.578.000 руб. [1]). Но какъ только отправка ящиковъ съ чаемъ окончена, въ конторахъ воцаряется полное затишье, и въ европейскомъ кварталѣ остается только небольшое число служащихъ и приказчиковъ; одни лишь китайскіе торговцы, которыхъ иностранные негоціанты, впрочемъ, являются только коммиссіонерами, продолжаютъ отправлять табакъ, кожи и другія произведенія края; они вывозятъ даже туземный опіумъ, который мѣшаютъ съ индійскимъ опіумомъ, чтобы продавать его потребителямъ Срединнаго царства.

Дѣятельность русскихъ фирмъ въ Хань-коу ограничивается главнымъ образомъ на закупкѣ и отправленіи чаевъ въ Россію, при чемъ отправляются чаи и высшаго и низшаго качества, послѣдніе перерабатываются въ Ханькоу на спеціальныхъ фабрикахъ и въ видѣ кирпичнаго и плиточнаго чая поступаютъ на рынки Азіатской и Европейской Россіи, а также Монголіи и Средней Азіи. За послѣднее время чайное дѣло въ Хань-коу стало нѣсколько падать, и количество вывозимаго чая уже въ 1886 году, хотя и было нѣсколько большимъ, равнялось 3.293.000 пудамъ, но цѣнность его была почти та же— 18.817.000 руб., говоря другими словами, увеличился вывозъ низшихъ сортовъ чая и уменьшился вывозъ высшихъ сортовъ, покупателями которыхъ главнымъ образомъ были ранѣе англійскіе купцы. Послѣдніе, по словамъ Д. Покотилова, признавая, что китайскіе чаи отличаются несравненно большимъ ароматомъ, тѣмъ не менѣе предпочитаютъ индійскіе и цейлонскіе, какъ изготовляемые съ большею практичностію и дающіе болѣе крѣпкій настой. Въ настоящее время чайное дѣло Ханькоускаго рынка перешло главнымъ образомъ въ руки русскихъ коммерсантовъ, дѣятельность которыхъ описывается Д. Покотиловымъ слѣдующимъ образомъ:

«Вліяніе свое наши фирмы пріобрѣтали и закрѣпляли понемногу, при чемъ аккуратнымъ и точнымъ исполненіемъ получаемыхъ ими изъ Москвы заказовъ наши Ханькоускіе коммиссіонные торговые домы постепенно отъучали московскихъ заказчиковъ отъ обращенія за товаромъ въ Лондонъ, бывшій до послѣдняго времени главнымъ центромъ по чайной торговлѣ. Они показали на опытѣ, насколько выгоднѣе и цѣлесообразнѣе для русскихъ чай-

[1]) Armand David;—Cooper;—Mac. Carthy.
[2]) Léon Rousset, „A travers la Chine“.

[1]) Покотиловъ, „Китайскіе порты“. Изд. Мин. Финанс.

ныхъ торговцевъ обращаться съ заказами на товаръ прямо въ Хань-коу, вслѣдствіе чего являлось возможнымъ избѣгать множества накладныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ закупкою чаевъ на Лондонскомъ рынкѣ. Съ особенною рельефностью обрисовалось преобладающее значеніе нашихъ купцовъ въ Хань-коу, начиная съ 1888 г. Въ этомъ году учредилъ свою контору извѣстный торговый домъ «Братья К. и С. Поповы». Оживленная дѣятельность этой фирмы, производившей самостоятельныя закупки чаевъ за свой собственный рискъ, придала особенный вѣсъ и значеніе операціямъ русскихъ коммерсантовъ. Отличительною чертою дѣятельности нашихъ фирмъ въ отношеніи закупокъ байховыхъ чаевъ является отсутствіе въ ней спекулятивнаго характера, чего далеко нельзя сказать объ операціяхъ другихъ иностранныхъ торговыхъ домовъ.—Русскіе обыкновенно озабочиваются заблаговременно покупкою чая, для чего посылаютъ въ горы на плантаціи и на чайныя фабрики своихъ агентовъ, которые закупаютъ чайные урожаи, такъ сказать, еще на кустахъ. Заручившись такимъ извѣстнымъ количествомъ товара, русскія фирмы этимъ самымъ уже избавляются до нѣкоторой степени отъ спекулятивной горячки, которая обнаруживается въ Хань-коу, почти ежегодно при открытіи чайнаго рынка. Самый ходъ торговли во время сезона безконечно разнообразится и стоитъ въ зависимости отъ многихъ причинъ: отъ урожая, размѣровъ дѣятельности такъ называемыхъ чайныхъ брокеровъ, преимущественно Кантонскихъ купцовъ, перепродающихъ въ Хань-коу иностранцамъ скупленные ими у мѣстныхъ производителей чаи, и проч. При наличности такихъ условій естественно, что выдержанность и осторожность, являющіяся отличительными качествами нашихъ фирмъ въ Хань-коу, могутъ служить наиболѣе вѣрнымъ залогомъ успѣшности ихъ операцій.

Съ 1888 года начинается увеличеніе вывоза байховыхъ чаевъ въ Россію и пропорціональное сокращеніе его на Лондонъ. Такое паденіе значенія лондонскаго рынка признается впрочемъ и самими англійскими купцами, которые, начиная съ 1889 года, откровенно высказываютъ, что чайный рынокъ въ Хань-коу контролируется русскимъ спросомъ и они, англичане, утратили на немъ свою первенствующую роль.

Русскія фирмы отправляли байковые чаи въ Россію или Кяхту черезъ Тянь-цзинь, или же черезъ Одессу и Лондонъ. Довольно значительныя партіи байховыхъ чаевъ направлялись также въ Николаевскъ на Амурѣ, во Владивостокъ и наконецъ въ Аянъ черезъ Іокогаму.

Общіе же итоги вывоза русскими изъ Хань-коу байховыхъ чаевъ колебались за десятилѣтіе съ 1881 года по 1890 годъ между 27.500 тыс. рус. фунтовъ на сумму 5.500 тыс. р. м. (вывозъ 1886 г.) и 13.500 тыс. рус. фунтовъ на сумму 3.500 тыс. р. м. (вывозъ 1881 г.).

Весьма почтенную отрасль коммерческой и промышленной дѣятельности русскихъ фирмъ въ Хань-коу составляетъ выдѣлка и вывозъ въ Россію кирпичнаго чая. За отчетныя 12 лѣтъ кирпичнаго чая вывозилось русскими ежегодно на сумму 1.200 тыс. до 1.600 тыс. руб. мет.

Кирпичный чай изготовляется русскими изъ чайныхъ высѣвокъ, называемыхъ по-китайски «хуа-сянъ». Высѣвки эти предварительно распариваются, а затѣмъ складываются въ деревянныя формы, похожія на тѣ, которыя употребляются для выдѣлки обыкновенныхъ кирпичей. Формы эти кладутъ подъ сильный паровой прессъ и прессуютъ до тѣхъ поръ, пока не получится кирпичъ желаемой плотности. Пріемъ этотъ, кажущійся на первый взглядъ довольно простымъ, требуетъ, однако, отъ фабриканта значительнаго умѣнья и опытности, такъ какъ при малѣйшемъ недосмотрѣ или недостаточно хорошемъ качествѣ матеріала, издѣліе получается весьма низкаго достоинства. По качеству матеріала, идущаго на изготовленіе кирпичнаго чая, товаръ этотъ дѣлится на три категоріи: черный, обыкновенный и зеленый.

За первую половину отчетнаго періода замѣчается особенное увеличеніе выдѣлки и вывоза чернаго чая. Причиною этого увеличенія слѣдуетъ считать уменьшеніе за это время выдѣлки его на югѣ, въ Фу-чжоу. Дѣло въ томъ, что сибирскіе купцы, выписывавшіе кирпичные чаи отъ русскихъ фабрикантовъ въ Китаѣ, требовали отъ нихъ, чтобы таковые приготовлялись исключительно изъ фучжоускихъ чайныхъ высѣвокъ. Такъ какъ фабрикантамъ не представлялось никакой возможности удовлетворить такому требованію заказчиковъ, то они стали изготовлять чаи весьма низкаго качества, которые и были забракованы заказчиками, послѣ чего послѣдніе почти совсѣмъ прекратили свои сношенія съ Фу-чжоу и стали обращаться со своими заказами въ Хань-коу. Такое увеличеніе спроса побудило купцовъ построить фабрики для выдѣлки кирпичнаго чая въ г. Цзю-цзянѣ (Кью-кіангѣ), лежащемъ отъ Хань-коу на 225 верстъ ниже по Янъ-цзы-цзяну. Пунктъ этотъ былъ выбранъ нашими фабрикантами на томъ основаніи, что онъ находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ округами, откуда доставляется наибольшее количество лучшаго хуа-сяна.

Главнымъ мѣстомъ выдѣлки кирпичныхъ чаевъ китайской фабрикаціи является мѣстечко Янъ-лоу-дунъ на Янъ-цзы-цзянѣ выше Хань-коу. Само собою разумѣется, что, не обладая паровыми машинами, которыми уже давно пользуются на своихъ фабрикахъ русскія фирмы, китайскіе фабриканты кирпичнаго чая мо-

гутъ поддерживать конкурренцію съ русскими лишь благодаря тому, что употребляютъ матеріалъ для своихъ издѣлій самаго низкаго достоинства со всевозможными, нерѣдко вредными для здоровья примѣсями. Вслѣдствіе этого имъ удается выдѣлывать товаръ гораздо низшій по цѣнѣ, который находитъ себѣ покупателей преимущественно среди невзыскательныхъ монголовъ, нашихъ кочевниковъ бурятъ, а также идетъ на золотые пріиски, гдѣ и навязывается насильно хозяевами ихъ злополучнымъ рабочимъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что всѣ эти обстоятельства, вызывающія временное сокращеніе въ вывозѣ кирпичнаго чая изъ Хань-коу, не отличаются серьезнымъ характеромъ. Этому дѣлу безспорно предстоитъ значительное развитіе и хорошее будущее, такъ какъ увеличеніе вывоза кирпичнаго чая въ Азіятскую Россію стоитъ въ прямой зависимости отъ увеличенія населенія Сибири, а также отъ распространенія самаго района употребленія этого чая. Въ настоящее время кирпичный чай пьютъ чуть ли не во всей Сибири до самыхъ Уральскихъ горъ, и значеніе его, какъ теплаго и питательнаго напитка, все больше и больше оцѣнивается въ этой обширной нашей окраинѣ» [1])*.

Что касается непосредственной торговли Хань-коу съ иностранными государствами морскимъ путемъ, то о важности ея можно судить по тому факту, что количество грузовъ «морской» торговли представлено въ этомъ городѣ внутренняго Китая, отстоящемъ на 900 верстъ отъ океана, въ 1895 году движеніемъ слишкомъ 2.346 судовъ. Французскій флагъ не развѣвается ни на одномъ изъ этихъ судовъ. Вотъ нѣкоторыя относящіяся сюда числовыя данныя [2]):

Движеніе судоходства на ханькоуской пристани въ 1895 году: 2.346 судовъ, вмѣстимостью 1.513.147 тоннъ.

Доля участія англійскаго флага:—1.005 судовъ, вмѣстим.—959.043 тоннъ. Доля участія китайскаго флага:—1.317 судовъ, вмѣстим.—508.276 тоннъ. Доля участія русскаго флага:—14 судовъ, вмѣстим.—36.896 тон. Доля участія норвежскаго флага: — 10 судовъ, вмѣстим.—8.932 тоннъ.

Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ 1897 г.—19.720.630 ланъ.

Большинство судовъ, которыя стоятъ, выстроившись въ нѣсколько рядовъ, передъ набережными Хань-коу, приходятъ изъ внутреннихъ портовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на берегахъ рѣки Хань. Одна изъ древнихъ столицъ имперіи, городъ Хань-чжунъ-фу, находящійся въ центрѣ «Краснаго бассейна», въ плодородной области Шэнсійскаго края, которую съ сѣверной стороны ограничиваетъ горная цѣпь Цзунъ-линъ, и которая производитъ въ изобиліи пшеницу, хлопокъ, табакъ, шелкъ, посылаетъ къ ханькоуской пристани нѣкоторыя изъ этихъ барокъ въ сезонъ высокихъ водъ; иногда Хань бываетъ судоходенъ даже до сталелитейныхъ заводовъ Синь-бу-вань, находящихся на разстояніи 1.895 километровъ отъ Хань-коу, недалеко отъ истоковъ рѣки; но начальнымъ пунктомъ судоходства по Ханю считается городъ Чжи-чжи-дянь, имѣющій около 12 километровъ въ окружности, въ которомъ стоитъ сильный гарнизонъ, строго наблюдающій за безпокойнымъ населеніемъ, и гдѣ находятся обширные склады товаровъ, принадлежащіе фуцзяньскимъ и кантонскимъ негоціантамъ [1]). Городъ Лао-хэ-коу, или «Устье Лао-хэ»,—также очень оживленная пристань, гдѣ грузятъ главнымъ образомъ кипы хлопка, отправляемыя въ Хань-коу. Въ 90 километрахъ ниже по рѣкѣ расположены два города-близнецы: Сянъ-янъ-фу, окруженный стѣнами городъ на правомъ берегу, и Фань-чэнъ, торговый складочный пунктъ на лѣвомъ берегу: эта группа городовъ обязана своей важностью счастливому мѣстоположенію вблизи слія́нія Ханя и двухъ его притоковъ Танъ-хэ и Бай-хэ, водныхъ путей, ведущихъ въ богатыя равнины Хэ-нани и на берега Желтой рѣки. На полдорогѣ изъ Фань-чэна въ Хань-коу, портовое мѣстечко Ша - янъ тоже ведетъ очень дѣятельную торговлю; Рихтгофенъ видѣлъ болѣе 500 большихъ барокъ, скопившихся на его пристани. Большая часть значительныхъ городовъ этой долины выстроились вдали отъ рѣки, чтобы не подвергаться опасности ея страшныхъ наводненій.

Ниже Хань-коу, Цзю-цзянъ или «Городъ девяти рѣкъ», расположенный на узкомъ скалистомъ полуостровѣ, который отдѣляетъ озеро По-янъ отъ Голубой рѣки, имѣетъ важное торговое значеніе, какъ мѣсто провоза произведеній провинціи Цзянъ-си, преимущественно табаку и чернаго чая, изъ которыхъ послѣдній иностранные негоціанты не долюбливаютъ только за то, что онъ слишкомъ дорого цѣнится въ самомъ Китаѣ, такъ что они не могутъ получать барышей въ Европѣ на цѣнѣ этого товара. Въ этомъ городѣ также существуетъ европейскій кварталъ, съ выстроенной, какъ и въ иностранной колоніи въ Хань-коу, огромной набережной [1]). По мнѣнію большинства иностранныхъ моряковъ и коммерсантовъ, городъ Хукоу, стоящій при самомъ устьѣ нижняго По-яна, на правомъ берегу озернаго истока, предста-

[1]) Изд. Мин. Финансовъ. Покотиловъ, „Китайскіе порты“, стр. 46, 47, 49, 50. Одно изъ самыхъ цѣнныхъ сочиненій по экономическимъ вопросамъ, относящимся до открытыхъ портовъ Китая, въ которыхъ могутъ встрѣтиться русскіе интересы.

[2]) „Returns of trade“, 1897.

[1]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chili, Shansi“, etc.

влялъ бы болѣе удобствъ, чѣмъ Цзю-цзянъ, какъ мѣсто для международнаго торговаго обмѣна. Общая цѣнность оборотовъ по внѣшней торговлѣ Цзю-цзяна простиралась въ 1897 г.

Общій видъ города Нанкина.

до 14.865.563 лана. Движеніе судоходства на его пристани въ 1895 году представляло въ сложности грузовъ—2.332.568 тоннъ, изъ которыхъ 1.716.636 тонны были подъ англійскимъ, 619.834 тонны подъ китайскимъ флагомъ[1]). Главный городъ провинціи Цзянъ-си или «Запада рѣки», Нань-чанъ-фу, для котораго Цзю-цзянъ служитъ передовымъ портомъ на Янъ-цзы-цзянѣ, а Ду-чанъ пристанью на По-янѣ, построенъ при началѣ или вершинѣ дельты рѣки Цза-цзянъ или Гань, въ одной изъ плодороднѣйшихъ равнинъ; по своему мѣстоположенію, онъ

[1]) „Returns of trade“, 1897.

представляетъ почти такія же выгоды для торговыхъ сношеній, какъ и городъ Сянъ-янъ-фу, находясь въ точкѣ соединенія дорогъ обширной страны; но его сообщенія съ Кантономъ болѣе затруднительны, по причинѣ крутизны и дикости горъ. Подобно другимъ городамъ Китая, Нань-чанъ-фу не заключаетъ въ своихъ стѣнахъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ развѣ пагодъ да тріумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ въ честь вдовъ, прославившихся своими добродѣтелями; но онъ отличается правильностью и чистотой своихъ улицъ: въ этомъ отношеніи онъ походитъ на главный городъ Сы-чуани. Въ торговомъ отношеніи Нань-чанъ важенъ какъ главное складочное мѣсто фарфоровыхъ издѣлій, фабрикуемыхъ на востокѣ отъ озера По-янъ, въ долинѣ рѣки Гань-цзяна, особенно вокругъ Цзинъ-дэ-чжэня. Въ прошломъ столѣтіи болѣе 500 фарфоровыхъ фабрикъ были сгруппированы въ окрестностяхъ этого города, надъ которымъ постоянно носится густое облако дыма, черное днемъ, освѣщенное снопами пламени ночью. Цѣлый милліонъ людей копошился тогда въ этомъ фабричномъ округѣ [1]), но несомнѣнно, что населеніе уменьшилось въ числѣ съ той эпохи. Фарфоръ изъ Цзинъ-дэ-чжэня все еще считается лучшимъ въ Китаѣ и составляетъ предметъ весьма обширной торговли, которая сосредоточена главнымъ образомъ вокругъ города Жао-чжоу-фу, близъ восточнаго берега озера По-янъ; пристань этого города всегда запружена барками и джонками, приходящими за драгоцѣннымъ грузомъ. Однако, этотъ фарфоръ, который столько столѣтій пользовался первенствомъ между глиняными издѣліями всего свѣта, теперь много уступаетъ европейскимъ фарфорамъ, какъ по составу массы, такъ и по формѣ и рисунку; заводчики Цзинъ-дэ-чжэня тщетно пытались вступить въ конкуренцію съ иноземными фабрикантами [2]). На востокѣ и юго-востокѣ, въ сосѣдствѣ границъ провинціи Фу-цзянь, открываются нѣсколько долинъ, которыя производятъ отборные чаи, называемые обыкновенно по имени города Ху-коу. На сѣверо-востокъ возвышаются горы, гдѣ впервые было открыто искусство утилизировать листья этого драгоцѣннаго деревца.

Ниже Цзю-цзяна и Ху-коу по теченію Янъ-цзы встрѣчаемъ Ань-цинъ-фу, главный городъ провинціи Ань-хой или «Мирныхъ городовъ» и одинъ изъ лучшихъ прибрежныхъ городовъ «Великой рѣки». Ниже на правомъ берегу той же рѣки, слѣдуютъ одинъ за другимъ два города, Да-тунъ и У-ху, занявшіе видное мѣсто между городами, съ которыми европейскіе негоціанты непосредственно ведутъ торговыя дѣла. Оба эти города имѣютъ довольно важное значеніе, благодаря сосѣдству округовъ, обогащаемыхъ культурой чая, конопли и риса; кромѣ того, Да-тунъ служитъ складочнымъ мѣстомъ соли, которую отсюда отправляютъ въ разные пункты области нижняго Янъ-цзы-цзяна. У-ху въ то же время и промышленный центръ; его красные снурки пользуются извѣстностью во всей имперіи, и уже два столѣтія онъ славится въ Китаѣ своими ножами и другими стальными издѣліями, которыя, впрочемъ, по качеству много уступаютъ фабрикатамъ этого рода, привозимымъ изъ Европы (въ 1897 году обороты иностранной торговли этого города простирались до 8.888.361 ланъ); въ одной изъ окрестныхъ долинъ выдѣлываютъ одинъ изъ лучшихъ сортовъ китайской бумаги, употребляемой для письма и для рисованья: кора сальнаго дерева, лубъ шелковичнаго дерева и пшеничная солома—вотъ сырые матеріалы, изъ которыхъ приготовляется эта бумага [1]).

Нанкинъ («Южная столица»), главный городъ провинціи Цзянъ-су или «Рукавовъ рѣки», и мѣстопребываніе вице-короля,—двухъ провинцій Цзянъ-су и Ань-хой,—былъ нѣкогда метрополіей всего Китая; онъ еще и до сихъ поръ не открылъ свободнаго доступа въ свои стѣны иностраннымъ негоціантамъ. Этотъ городъ долгое время былъ самымъ многолюднымъ въ свѣтѣ, и даже когда императорская резиденція была переведена въ Пекинъ, прежняя столица на берегахъ Голубой рѣки соперничала съ новой метрополіей по числу жителей и превосходила ее по развитію промышленной и торговой дѣятельности. Въ 1853 году Нанкинъ опять поднялся на степень столичнаго города, какъ резиденція главы государства, «царя небеснаго» или государя тайпинговъ; но новому царству не суждено было долго существовать, и метрополія его, послѣ убійственной осады, продолжавшейся не менѣе двухъ лѣтъ, была взята въ 1864 году императорскими войсками; оставшіеся въ живыхъ защитники крѣпости были переколоты, а городъ обращенъ въ груду развалинъ. Послѣ прохода истребителей, нѣсколько тысячъ голодныхъ нищихъ, бродившихъ между кучами мусора, ночевавшихъ въ канавахъ и рвахъ подъ шалашами изъ хвороста, составляли все населеніе «Южной столицы» Китая. Однако немногихъ лѣтъ мира достаточно было, чтобы снова помѣстить Нанкинъ между большими городами Срединной имперіи, хотя пространство, обнимаемое огромной оградой стѣнъ и валовъ около 30 километровъ въ окружности, заключаетъ еще много полей и пустырей, покрытыхъ мусоромъ, гдѣ городскіе жители охотятся на дупелей, фазановъ и даже на крупную дичь [2]); бѣглецы вер-

[1]) Du Halde, „Description de la Chine“;—Carl Ritter, „Asien“.

[2]) Scott, „Commercial Report“, 1879;—I. de Rochechouart, „Pékin et l'interieur de la Chine“.

[1]) Oxenham, „Athenaeum“, 5 febr. 1881.

[2]) I. de Rochechouart;—Gaston de Bézaure.

нулись со своими семьями на старое пепелище, и переселенцы изъ сосѣднихъ провинцій стали толпами стекаться въ разоренный городъ. Правительство учредило въ окрестностяхъ столицы Цзянъ-су одинъ изъ своихъ арсеналовъ, а частная промышленность основала многочисленныя мануфактуры для фабрикаціи хлопчато-бумажныхъ тканей, которыя подъ именемъ «нанки» служили въ былое время образцами европейскимъ ткачамъ; лучшіе китайскіе атласы тоже выходятъ съ фабрикъ этого города. Нанкинъ или Цзянъ-нинъ-фу, какъ онъ называется оффиціально, снова пріобрѣлъ свою прежнюю роль какъ метрополія изящнаго языка и словесности, и каждый годъ до 12.000 молодыхъ людей являются сюда держать экзамены. Въ Нанкинѣ опять основано нѣсколько большихъ библіотекъ, и открыты новыя книгопечатни съ китайскими и европейскими приборами. Между эмигрантами реставрированнаго города очень много магометанъ: ихъ насчитываютъ уже около пятидесяти тысячъ. За исключеніемъ своей городской ограды, усаженной по бокамъ башнями, Нанкинъ лишился всѣхъ зданій, составлявшихъ его красу и гордость: башня, называемая «фарфоровой», или вѣрнѣе «пагода изъ остеклованныхъ драгоцѣнныхъ камней», нѣкогда пользовавшаяся такой громкой славой, была разбита въ куски, во время тайпинской войны, и зеленыя черепицы съ крышъ, кирпичи изъ разноцвѣтнаго фарфора ея стѣнъ сдѣлались уже рѣдкостью въ кучахъ мусора, гдѣ производятъ раскопки англійскіе туристы, желающіе унести съ собой какіе-нибудь обломки знаменитой башни, въ видѣ «сувенировъ»; остатки этого памятника послужили матеріаломъ при постройкѣ мастерскихъ оружейнаго завода [1]). «Южная резиденція», какъ и «Сѣверная столица», имѣетъ въ окрестностяхъ древнее кладбище династіи Миновъ. Разрушенныя зданія этого некрополя, надъ которымъ господствуетъ «Гора золотыхъ воротъ», указываютъ мѣстоположеніе царскихъ могилъ, а колоссальныя изображенія людей, слоновъ, верблюдовъ, лошадей и собакъ все еще составляютъ кортежъ погребенныхъ властителей. Въ окрестной мѣстности встрѣчаются тамъ и сямъ вулканическія горки.

Торговая дѣятельность провинціи Цзянъ-су сосредоточена главнымъ образомъ въ городѣ Чжэнь-цзянѣ, лежащемъ къ востоку отъ Нанкина, также на правомъ берегу Янъ-цзы-цзяна, но противъ южнаго входа Императорскаго канала; кромѣ того, каналы естественные и искусственные даютъ ему возможность поддерживать прямое сообщеніе съ Шанхаемъ. Чжэнь-цзянъ-фу находится въ точкѣ пересѣченія торговыхъ путей первостепенной важности, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что онъ могъ снова подняться послѣ двухъ разгромовъ, которые постигли его въ текущемъ столѣтіи. Въ 1842 году англійская армія одержала подъ стѣнами этого города побѣду, которая позволила ей предписать Китаю условія мира, формулированныя въ нанкинскомъ трактатѣ; но англичане нашли въ Чжэнь-цзянѣ только мертвыхъ: маньчжурскіе защитники города перерѣзали своихъ женъ и дѣтей, а затѣмъ сами себя лишили жизни, чтобы не подпасть подъ ненавистное владычество «рыжеволосыхъ варваровъ». Въ 1853 г. городъ былъ взятъ тайпингами, а четыре года спустя населеніе было перебито императорскими солдатами; какъ и въ Нанкинѣ, отъ города остались только стѣны да кое-гдѣ кучки несчастныхъ жителей, укрывавшихся между грудами развалинъ. Несмотря на эти катастрофы, торговля снова достигла такого развитія, что городъ сдѣлался важнымъ портомъ Китая по размѣрамъ ввоза иностранныхъ товаровъ (въ 1897 году цѣнность торговыхъ оборотовъ Чжэнь-цзяна съ заграничными рынками простиралась до 24.145.341 лана). На другой сторонѣ рѣки прежде находился значительный городъ Гуа-чжоу, гдѣ правительство держало свой главный складъ соли на берегахъ Янъ-цзы-цзяна. Иногда на рейдѣ заразъ скоплялось до тысячи восьми сотъ джонокъ, приходившихъ за грузомъ; но размывы рѣки и обвалы берега уничтожили городъ, отъ котораго теперь осталось только нѣсколько домовъ[1]). Въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу, на берегахъ Большаго канала, городъ Янъ-чжоу-фу играетъ въ торговомъ отношеніи такую же роль, какъ Чжэнь-цзянъ, но онъ не открытъ для европейцевъ: это древняя столица царства Янъ, отъ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологистовъ, получила свое названіе и Голубая рѣка или Янъ-цзы; это тоже «великій и благородный градъ», Янжу, какъ его называетъ Марко Поло, управлявшій имъ три года.

Шанхайскій портъ, ближайшій отъ входа въ «Великую рѣку», теперь занимаетъ первое мѣсто между торговыми городами имперіи, да и во всей Азіи его превосходитъ по важности развѣ одинъ только Бомбей. А между тѣмъ, когда англичане выбрали эту позицію, въ 1842 году, для основанія своихъ конторъ, казалось крайне сомнительнымъ, чтобы имъ удалось когда-нибудь сдѣлать городъ при рѣкѣ Хуанъ-пу соперникомъ Кантона или Амоя. Правда, что Шанхай, гавань значительнаго города Су-чжоу и всего богатаго окружающаго его края, имѣлъ уже и въ то время немаловажныя торговыя сношенія, и вдобавокъ пользовался очень выгоднымъ географическимъ положеніемъ, командующимъ надъ входомъ съ моря въ большую судоходную рѣку, которая протекаетъ черезъ всю Китайскую имперію отъ запада къ востоку; но нужно было

[1]) Léon Rousset, „A travers la Chine“.

[1]) „Le Kiangnan en“, 1869.

бороться противъ трудностей, представляемыхъ почвой и климатомъ, нужно было укрѣплять и поднимать грунтъ земли, перерѣзать его каналами, осушить лужи и болота, очистить воздухъ отъ зловредныхъ міазмовъ; кромѣ того, пришлось расчищать и обставлять бакенами судоходный фарватеръ, чтобы поддерживать свободный доступъ судамъ. Осушка почвы была приведена къ желанному концу, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно сдѣлать въ такой сырой мѣстности; но самая важная, съ коммерческой точки зрѣнія, часть задачи еще далеко не окончена: опасный баръ и теперь еще отдѣляетъ лиманъ Янъ-цзы-цзяна отъ Хуанъ-пу или «рѣки съ желтыми водами», на которой расположенъ Шанхай. Въ послѣдніе годы это препятствіе увеличилось; каждый годъ немалое число мелкихъ судовъ вязнутъ въ тинѣ мелей, суда же большаго водоизмѣщенія избѣгаютъ подниматься вверхъ по рѣкѣ до самаго города. Если китайское правительство не позволитъ иностраннымъ негоціантамъ предпринять всѣ необходимыя работы для расчистки прохода на барѣ, то можно опасаться, что рано или поздно Шанхай очутится затерянымъ внутри земель, на берегу болотистой бухточки. Это будетъ только еще одна маленькая геологическая перемѣна на почвѣ, которую оспариваютъ другъ у друга наносы Голубой рѣки и волны моря. По китайскимъ преданіямъ, Шанхай былъ построенъ на берегу океана, отъ котораго онъ находится въ наши дни на разстояніи 20 верстъ. «Желтый вѣтеръ», то-есть атмосферное теченіе съ сѣвера и съ сѣверо-запада, несущее пыль пустыни, часто дуетъ въ Шанхаѣ [1]).

Торговля мѣстными произведеніями обогатила первыхъ европейскихъ негоціантовъ, поселившихся въ Шанхаѣ, но процвѣтанію ихъ колоніи много способствовали также національныя бѣдствія китайцевъ, смуты и междоусобія. Война тайпиновъ заставила бѣглецовъ массами искать убѣжища на земляхъ, уступленныхъ иностранцамъ. Когда городъ Су-чжоу былъ разрушенъ, въ 1860 году, Шанхай наслѣдовалъ ему какъ главный городъ страны; дома тамъ стали выростать изъ земли словно дѣйствіемъ волшебства; но послѣ того, какъ мятежники были вытѣснены изъ Шанхая и его округа, затѣмъ истреблены, послѣдовалъ отливъ населенія къ внутреннимъ областямъ, и число китайскихъ жителей съ полмилліона понизилось до 65.000 [2]). Однако, массивныя каменныя палаты европейскихъ «концессій» тянулись длинными рядами по берегу рѣки, на сѣверѣ отъ обнесеннаго стѣнами города китайцевъ, и привычка къ торговой дѣятельности укоренилась въ населеніи; вскорѣ Шанхай сдѣлался центральнымъ портомъ, откуда товары, привозимые изъ Европы, отправляются на другіе рынки имперіи. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Шанхая въ 1897 году представляла слѣдующія цифры:

Привозъ — 42.666.586 ланъ. Вывозъ — 59.166.376 ланъ. Вмѣстѣ—101.832.962 ланъ[1]).

Европейская «концессія», жители которой пользуются полнымъ самоуправленіемъ, есть «образцовая колонія, желтоводская республика», какъ ее называютъ по имени рѣки Хуанъпу; территорія, уступленная американцамъ, на сѣверъ отъ рѣки Су-чжоу, присоединилась съ 1863 года къ британскому муниципалитету, и уже вся западная часть городскаго округа, вокругъ поля скачекъ, покрыта строеніями европейскаго вида. Болѣе ста тысячъ китайцевъ живутъ въ британской «концессіи». Тамъ же поселилось и большинство французскихъ резидентовъ, которые избѣгаютъ сосѣдства шумныхъ кварталовъ стараго города, или которые не желаютъ подчиняться произвольной власти своего консула, облеченнаго почти диктаторскими правами [2]). На югъ отъ китайскаго города продолжается предмѣстье Тонкату, тогда какъ на востокѣ, на противоположномъ берегу рѣки, раскинулся пригородъ Пунтунъ, называемый часто «маленькойЕвропой», оттого,что тамъ живетъ много китайцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Равнины, окружающія Пунтунъ, защищены противъ наводненій моря и разливовъ текучихъ водъ цѣлой системой плотинъ, какъ почва Нидерландовъ. Со стороны океана прибрежье обведено пятью концентрическими плотинами.

Если въ чайной торговлѣ Шанхай не играетъ, какъ Хань-коу, роли рынка, гдѣ спекулянты покупаетъ на расхватъ первосборные чаи свѣжаго урожая, то за то въ немъ постоянно, круглый годъ, происходятъ сдѣлки по куплѣ и продажѣ этого товара, наибольшія доли котораго идутъ въ Англію и въ Соединенные Штаты, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Вывозъ чаевъ изъ Шанхая въ 1892 году:

	Въ Англію.	Въ Соедин. Штаты.	Въ Индію.
	Пуды.	Пуды.	Пуды.
Чернаго чаю. .	390.000	182.000	—
Зеленаго чаю.	174.000	322.000	123.000
Всего по стран. .	564.000	544.000	123.000
Общій итогъ . .		1.231.000	

Торговля шелкомъ, которая производится главнымъ образомъ съ Англіей и съ Франціей, еще болѣе значительна: въ 1892 году изъ Шанхая были вывезены за границу слѣдующія количества:

Въ Англію — 48.000 пуд.; во Францію—

[1]) Milne, „Vie réelle en Chine".
[2]) De Hübner, „Promenade autour du Monde".

[1]) „Returns of trade", 1897.
[2]) Rousset. „A travers la Chine";—Bousguet, „Revue des Deux Mondes", juillet 1878.

147.000 пуд.; въ Америку — 29.000 пуд.; въ Индостанъ—7.000 пуд.; въ Турцію—2.500 пуд.

Но главную роль въ заграничной торговлѣ этого рынка играетъ привозъ опіума, который доставляетъ большую часть грузовъ шанхайскому судоходству и покрываетъ рѣку Хуанъпу цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Движеніе судоходства въ шанхайскомъ портѣ въ 1895 году выразилось слѣдующими цифрами:

	Паруси. судовъ.	Паров. судовъ.	Вмѣст. общ. Тонны.
Англійскихъ . . .	103	3·573	4.675.824
Китайскихъ . . .	642	873	1.113.302
Германскихъ . .	12	894	8.433.726
Американскихъ. .	59	4	58.169
Норвежскихъ. . .	14	278	200 530
Русскихъ	—	24	17.528
Японскихъ	—	72	95.119
Французскихъ . .	—	111	226.729
Остальныхъ націй.	119	—	—
Всего же	6.807	5.964	17.403.652

Сюда же, въ склады на берегахъ рѣки Хуанъпу или Вусунъ, суда выгружаютъ трупы китайцевъ, умершихъ за границей. Нѣсколько обществъ рѣчнаго пароходства, поддерживающихъ правильное сообщеніе по Янъ-цзы, имѣютъ свое пребываніе въ Шанхаѣ, и сорокъ морскихъ каботажныхъ пакетботовъ принадлежатъ торговымъ компаніямъ этого порта; между китайскими городами одинъ только Шанхай имѣетъ въ своемъ пригородѣ Пунтунъ, на правомъ берегу рѣки Хуанъ-пу, верфи, гдѣ коммерческія суда строятся туземными рабочими подъ руководствомъ европейскихъ корабельныхъ инженеровъ. Въ 1879 году китайскіе промышленники основали также бумагопрядильню, кожевенный заводъ и другія фабричныя заведенія, устроенныя по образцу большихъ мануфактуръ Запада; каменноугольныя копи, которыми они обладаютъ на берегахъ Янъ-цзы-цзяна, достаточны, чтобы снабжать топливомъ всѣ рѣчные пароходы, и продуктъ ихъ все болѣе и болѣе замѣняетъ, въ шанхайскихъ складахъ, уголь иностраннаго привоза. Прекрасныя аллеи идутъ вокругъ поля скачекъ, къ западной сторонѣ Шанхая и продолжаются до «Кипуна», называемаго англичанами Bubbling well (кипящій колодезь), а китайцами Хай-янъ (глазъ моря), ключа, изъ котораго выдѣляется сѣрнисто-водородный газъ. Далѣе широкія, усыпанныя мелкимъ камнемъ, дороги расходятся въ разныя стороны, километровъ на десять отъ городской черты, къ загороднымъ домамъ негоціантовъ, китайскихъ и иностранныхъ; но правительство еще не дало разрѣшенія продолжать эти шоссированныя дороги до городовъ, лежащихъ внутри страны. Гораздо болѣе важная неудача постигла европейцевъ, по поводу желѣзнодорожной линіи, длиною около 15 километровъ, которую одна англійская компанія построила между Шанхаемъ и его передовымъ портомъ Вусуномъ, на Голубой рѣкѣ. Этотъ рельсовый путь, нѣкогда единственный въ Китаѣ, просуществовалъ всего только шестнадцать мѣсяцевъ, хотя онъ приносилъ величайшую пользу мѣстной торговлѣ, и хотя вагоны его поѣздовъ всегда были биткомъ набиты пассажирами. Правительство приказало разрушить «заморскую дорогу», и рельсы были перевезены на островъ Формозу и сложены тамъ на плоскомъ берегу, гдѣ волны моря скоро занесли ихъ пескомъ; укрѣпленія, обшитыя желѣзной броней и вооруженныя пушками осадной артиллеріи, замѣнили желѣзно-дорожную станцію и складочные амбары вусунскаго порта. Многіе предлоги были выставлены, чтобы оправдать разрушеніе этой желѣзной дороги; но дѣйствительная причина, разумѣется, все то же опасеніе мандариновъ, чтобы иностранные резиденты, уже полные господа въ чертѣ своихъ муниципалитетовъ или городскихъ общинъ, и пріобрѣвшіе огромное вліяніе даже въ китайскихъ дѣлахъ посредствомъ учрежденія смѣшаннаго суда, не захватили мало-по-малу въ свои руки всю власть и не сдѣлались повелителями страны въ большей мѣрѣ, чѣмъ само правительство. Въ настоящее время императорская администрація, вынужденная силой вещей, должна была, въ концѣ концовъ, принять проекты иноземныхъ инженеровъ; уже планы желѣзныхъ дорогъ изъ Шанхая въ Нанкинъ, окончательно составлены и ждутъ только начала работъ. Телеграфная линія связываетъ Пекинъ съ Шанхаемъ, и послѣдній съ Японіей, посредствомъ подводныхъ кабелей. Въ Шанхаѣ существуетъ ученое общество подъ названіемъ «сѣверокитайскаго отдѣла азіатскаго общества» (North China branch of the Asiatic Society), основанное въ 1858 году.

Въ обширномъ садѣ, которымъ окруженъ Шанхай, и который перерѣзанъ во всѣхъ направленіяхъ осушительными каналами, повсюду разсѣяны многолюдныя мѣстечки и города. Одно изъ этихъ мѣстечекъ Сикавэй, которое можно разсматривать еще какъ пригородъ Шанхая, отъ котораго оно удалено всего только на 8 километровъ къ юго-западу, замѣчательно своей высокой пагодой, многоэтажной башней Лонъ-ха, которая видна съ далекаго разстоянія; здѣсь же находится іезуитская коллегія, основанная въ семнадцатомъ столѣтіи, при которой теперь учреждена метеорологическая обсерваторія, снабженная лучшими инструментами, благодаря денежнымъ пособіямъ Соединенныхъ Штатовъ; молодые люди, выходящіе изъ этой коллегіи, могутъ держать экзамены на мандаринское званіе наравнѣ со студентами туземныхъ учебныхъ заведеній. Наньсянъ, Цзя-динъ-сянь, Тай-цанъ-чжоу, Сунъцзянъ, Цзя-динъ, Ху-чжоу принадлежатъ къ значительнымъ городамъ полуострова, почти на половину покрытаго озерами, который отдѣляетъ лиманъ Голубой рѣки отъ лимана

Цянь-тана или Ханчжоуской бухты. Городъ Ху-чжоу, прославившійся своими крепами и фулярами, долгое время былъ центромъ фабрикаціи шелковыхъ тканей; въ сосѣдствѣ его находится Ань-цзи, главный рынокъ по торговлѣ коконами шелковичнаго червя [1]). Большое мѣстечко Азэ (Asé), лежащее километрахъ въ тридцати отъ города Цзя-динъ, замѣчательно какъ мѣсто, гдѣ приготовляется прекрасный свѣтло-зеленый цвѣтъ, называемый ло-гао, который французскіе красильщики тщетно пытались воспроизвести [2]). Острова Голубой рѣки не менѣе многолюдны, чѣмъ твердая земля: особенно острова Чунъ-минъ усѣяны городами и мѣстечками, которые всѣ защищены отъ бурь открытаго моря густыми насажденіями бамбука.

Въ богатой равнинѣ южнаго Цзянъ-су первое мѣсто, по числу жителей и развитію промышленности, все еще принадлежитъ знаменитому городу Су-чжоу-фу, «великому и благородному» Сужу, который Марко Поло описываетъ съ восхищеніемъ. Конечно, этотъ городъ въ наши дни не имѣетъ уже «шестидесяти миль въ окружности», какъ во время знаменитаго венеціанскаго путешественника; на каналахъ его теперь не насчитаешь «шести тысячъ каменныхъ мостовъ, настолько высокихъ, что подъ ними могутъ свободно проходить галеры», и жители, которые нынѣ толпятся на улицахъ и на баркахъ Су-чжоу-фу, не довольно многочисленны, чтобы могли «завоевать весь свѣтъ»; но, тѣмъ не менѣе, китайская Венеція, вновь отстроенная послѣ опустошительнаго прихода тайпиновъ, опять пріобрѣла нѣкоторую важность въ торговомъ отношеніи, и населеніе ея отличается интеллигентностью и хорошимъ вкусомъ. «Все, что носитъ на себѣ печать красоты, исходитъ изъ Су-чжоу: картины, изваянія, тамтамы, шелковыя матеріи и женщины [3]). Чтобы быть счастливымъ, нужно родиться въ Су-чжоу и жить въ Ханъ-чжоу-фу», гласитъ другая пословица. Но еще многое нужно для того, чтобы поправить потери, причиненныя междоусобной войной. Су-чжоу не соперничаетъ болѣе съ Пекиномъ по изяществу своихъ изданій; точно также и превосходство по части шелковыхъ тканей, окончательно ускользнуло изъ его рукъ [4]). «Большое озеро» или Тай-ху, простирающееся обширной водной площадью на западъ отъ Су-чжоу, и черезъ которое прежде проходилъ рукавъ Голубой рѣки, представляетъ настоящее внутреннее море, на которомъ живутъ цѣлыя населенія рыбаковъ, ходящихъ на промыселъ далеко отъ береговъ.

Ханъ-чжоу-фу, лежащій близъ восточной оконечности большой бухты того же имени, у выхода судоходной рѣки Цянь-танъ-цзянъ, также находится при устьѣ стараго теченія Янъ-цзы-цзяна, южнаго продолженія Императорскаго канала. Счастливый климатъ, необычайно плодородная почва заранѣе обезпечили этому городу первостепенную важность. И дѣйствительно, Ханъ-чжоу-фу былъ столицей южной имперіи, которая долго оказывала сопротивленіе монгольскимъ завоевателямъ, и съ этой эпохи онъ сохранялъ, въ теченіе многихъ столѣтій, имя Кинъ-сы, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка путешественникамъ арабскимъ и европейскимъ. Марко Поло говоритъ о Кинъ-сы (Quinsay) въ восторженныхъ выраженіяхъ, какихъ не внушалъ ему никакой другой городъ Срединнаго царства; во время его странствованій черезъ восточную Азію ничто не приводило его въ такое удивленіе, какъ этотъ «благороднѣйшій городъ, безъ преувеличенія самый великолѣпный и лучшій, какой только существуетъ въ свѣтѣ». Однако, подробности, которыя онъ сообщаетъ объ этой южной столицѣ, таковы, что, читая ихъ, можно безъ труда объяснить себѣ тѣ насмѣшки, которыми были встрѣчены въ Европѣ разсказы венеціанскаго путешественника. По словамъ его, Ханъ-чжоу имѣлъ въ то время сто миль въ окружности, милліонъ шестьсотъ тысячъ домовъ, три тысячи публичныхъ бань, двѣнадцать тысячъ каменныхъ мостовъ, настолько высокихъ, что подъ ними могли свободно проходить цѣлые флоты, и охраняемыхъ каждый постомъ изъ десяти солдатъ; двѣнадцать ремесленныхъ корпорацій имѣли каждая двѣнадцать тысячъ домовъ для своихъ мастерскихъ и заведеній. Другіе средневѣковые путешественники говорятъ о Кинъ-сы въ подобныхъ же выраженіяхъ. Ордорико ди Порденоне тоже называетъ его «величайшимъ городомъ въ свѣтѣ»; арабскій писатель Ибнъ-Батута разсказываетъ, что нужно идти три полныхъ дня съ утра до вечера, чтобы пройти весь городъ изъ конца въ конецъ. Даже въ семнадцатомъ столѣтіи, когда Ханъ-чжоу давно уже утратилъ свой рангъ столичнаго города, Мартино Мартини давалъ ему еще сто итальянскихъ миль въ окружности, даже больше, считая предмѣстья, которыя продолжаются на огромныя разстоянія; по словамъ этого путешественника, можно было идти въ городѣ по прямой линіи на пространствѣ 50 ли, не видя по сторонамъ ничего, кромѣ ряда домовъ, тѣсно жавшихся одинъ къ другому.

Въ наши дни городъ, все еще очень обширный, такъ какъ ограда его имѣетъ 21 версту въ окружности, несомнѣнно покрываетъ гораздо меньшую площадь, чѣмъ какую онъ занималъ въ тѣ времена; на юго-западѣ, остатки стѣнъ и строеній указываютъ мѣсто, гдѣ находился обширный императорскій дворецъ, и со

[1]) Isidore Hedde, „Congrès des Orientalistes“, 1878.
2) Hélot, „Annales de la propagation de la Foi“, 1857.
3) Fortune, „Travels in China“;—Yule, „The book of ser Marco Polo“;—Léon Rousset, „A travers la Chine“.
[4]) Isidore Hedde, „Congrès des Orientalistes“.

всѣхъ сторонъ видны развалины древнихъ храмовъ. Большое озеро, которое средневѣковые авторы описываютъ какъ заключенное внутри города, теперь лежитъ внѣ ограды; но постройки всякаго рода, возвышающіяся на островахъ и берегахъ, пагоды, кіоски, гробницы, башни, загородные дома дѣлаютъ его еще составной частью городскаго населенія. Си-ху или «Западное озеро» тоже утратило свою первоначальную форму. Прежде эта водная площадь имѣла почти кругообразное очертаніе, кромѣ западной стороны, гдѣ волны, гонимыя вѣтромъ, дующимъ съ моря, образовали поперекъ озера слегка изогнутую косу, которую люди передѣлали въ дамбу, получившую названіе «шоссе съ шестью мостами»; каждый мысъ, каждый островокъ окаймленъ искусственными плотами. Эти причудливыя зданія, отражающіяся въ водахъ бассейна вмѣстѣ съ окружающими рощами и лѣсками, принадлежатъ къ лучшей эпохѣ китайской архитектуры, и изящество ихъ формъ, блескъ ихъ цвѣтовъ, и безконечное разнообразіе, которое они придаютъ ландшафту, сдѣлали берега Си-ху однимъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Срединной имперіи. Живописный видъ озера, такъ же, какъ веселая жизнь города, добродушіе и привѣтливость обитателей, доставили Ханъ-чжоу лестное прозвище «земнаго рая» китайцевъ. «Небо въ вышинѣ, Су-чжоу и Ханъ-чжоу на землѣ», говоритъ часто цитируемое присловье. Сами иностранцы, хотя нѣкоторыя символическія украшенія кажутся имъ слишкомъ причудливыми или противными требованіямъ вкуса, всѣ, въ одинъ голосъ, говорятъ о «Западномъ озерѣ» и его островахъ, какъ о мѣстѣ чудесъ, гдѣ искусство въ соединеніи съ природой создали восхитительную картину. Какъ и Чэнъ-ду-фу, Ханъ-чжоу получилъ отъ европейцевъ названіе «восточнаго Парижа». И дѣйствительно, это одинъ изъ самыхъ великихъ городовъ Китая, городъ, гдѣ даже мандарины, наиболѣе заботящіеся о поддержаніи своего достоинства, имѣютъ право веселиться какъ простые смертные. Главная мѣстная промышленность — производство шелковыхъ тканей; около шестидесяти тысячъ человѣкъ занимаются здѣсь тканьемъ этихъ матерій, и въ сосѣднихъ городахъ, Ху-чжоу, Цзя-синъ и въ окружающихъ мѣстечкахъ и селахъ сотни тысячъ другихъ работниковъ посвящаютъ свой трудъ тому же промыслу [1]). Но тайпинги и въ этой мѣстности надѣлали много вреда, разорили множество городовъ и селеній, заставили пріостановить или перенести въ другія мѣста многія отрасли промышленности; это ихъ нашествію приписываютъ развалины новѣйшаго происхожденія, которыя видны въ окрестностяхъ Ханъ-чжоу, и самый городъ, который въ половинѣ настоящаго столѣтія, говорятъ, имѣлъ болѣе 2 милліоновъ жителей, считая съ предмѣстьями, не имѣетъ теперь и половины своего прежняго населенія, а по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, не наберется даже и четверти. Магометане здѣсь болѣе многочисленны, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ морскаго прибрежья.

На южной сторонѣ того же залива находится другой важный городъ, Шао-синъ, торговый и промышленный центръ плодороднѣйшей равнины, вѣроятно, одной изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ живетъ наиболѣе скученное населеніе. Во всѣхъ аллювіальныхъ областяхъ Китая были совершены громадныя работы, чтобы укрѣпить и осушить болотистую почву, но нигдѣ не встрѣтишь гидравлическихъ сооруженій подобныхъ по размѣру тѣмъ, которыя возведены вдоль южнаго берега Ханчжоуской бухты: здѣсь люди построили самый длинный путеводъ или мостъ на аркахъ, какой существуетъ на земномъ шарѣ; даже можно сказать, что со времени развитія новѣйшей индустріи, западные народы не соорудили ни одного шоссе, которое могло бы сравниться съ насыпной дорогой, которую китайцы провинціи Чжэ-цзянъ устроили уже слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Шаосинскій «мостъ» имѣетъ не менѣе 135 верстъ въ длину и состоитъ почти изъ 40.000 прямоугольныхъ пролетовъ, по которымъ идетъ путь, защищенный парапетомъ, нынѣ пришедшимъ уже въ ветхость. Между городами Нинъ-бо и Юй-яо, горы Да-синъ прорѣзаны на высотѣ 500 метровъ громадными каменоломнями, вѣроятно, самыми большими во всемъ Китаѣ: отсюда-то брали каменныя глыбы для сооруженія исполинскаго путевода; камни изъ этихъ каменоломень, изсѣченные въ формѣ колоннъ и статуй, отправляются даже въ Сіамское королевство [1]). На восточной своей оконечности мостъ примыкаетъ къ крѣпости, построенной изъ великолѣпнаго краснаго песчаника, которая защищаетъ городъ Чжэнь-хай, стоящій при устьѣ Юнъ-цзяна или рѣки Нинъ-бо [2]).

Вѣроятно, что сооруженіе этого путевода восходитъ къ той эпохѣ, когда вся страна представляла одно обширное соляное болото. Въ наши дни, когда эта мѣстность уже достаточно осушена, віадукъ является безполезнымъ, но онъ былъ такъ прочно построенъ, что имъ всегда пользовались и пользуются какъ дорогой и какъ бечевникомъ для сосѣдняго канала. Плотина, проведенная вдоль морскаго берега, которая дала возможность обратить болотистое пространство въ плодороднѣйшую территорію, также представляетъ колоссальное сооруженіе, строители котораго неизвѣстны: лѣтописи упоминаютъ только о реставраторахъ этой ги-

[1]) Fortune; — Dennis, „Trade Report“, 1869; — Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

[1]) Gobbold, „Pictures of Chinese“.

[2]) Gardner, „Proceedings of the Geographical Society of London“ 1868; — Fauvel, etc.

гантской дамбы. Она состоитъ изъ каменныхъ плитъ, расположенныхъ пологимъ откосомъ со стороны моря и скрѣпленныхъ одна съ другой желѣзными скобами и камнями въ формѣ клиньевъ. Защищенные плотиной польдеры этой китайской Голландіи, которая простирается отъ Ханчжоускаго лимана до рѣки Юнъ-цзяна, перерѣзаны черезъ промежутки въ 400 метровъ прѣсноводными каналами, которые дѣлятъ всю страну на островки равной величины, и служатъ въ одно и то же время для цѣлей орошенія полей и для перевозки продуктовъ [1]). Шао-синъ-фу главный городъ этой нездоровой области, осаждаемой волнами океана, нынѣ пришелъ въ упадокъ, но за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени онъ былъ столицей отдѣльнаго государства, обнимавшаго всю юго-восточную территорію, между Кантономъ и провинціей Цзянъ-су; за городскими стѣнами показываютъ древнюю могилу, въ которой, по преданію, похороненъ императоръ Юй. Хотя утратившій свое прежнее торговое значеніе, Шао-синъ до сихъ поръ остался однимъ изъ городовъ, отличающихся изяществомъ нравовъ: большое число мандариновъ—уроженцы этого города. Ароматическій ликеръ, извѣстный подъ именемъ «шаосинскаго вина», хотя онъ приготовляется изъ одной разновидности риса, представляетъ отмѣнный напитокъ, который путешественники сравниваютъ съ сотерномъ [2]).

Одинъ обнесенный стѣнами городъ на сѣверномъ берегу залива Чжэ-цзянъ до сихъ поръ еще носитъ названіе Гань-пу, но полагаютъ, что древній городъ этого имени, Ганфу, Гампу или Кануп, о которомъ Марко Поло говоритъ какъ о приморскомъ портѣ города Кинъ-сы и всей окружающей страны [3]), былъ покрытъ водами бухты; въ этомъ мѣстѣ море затопило значительную полосу береговъ, но оно не глубоко. Ни въ какой другой бухтѣ китайскаго прибрежья такъ называемая бора или маскаретъ (быстро набѣгающая приливная волна при распространеніи прилива въ лиманахъ или заливообразныхъ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ), извѣстная у англійскихъ моряковъ подъ именемъ eagre или bore, не поднимается вверхъ по заливу съ большой силой и стремительностью и не причиняла большихъ опустошеній на берегахъ. Издали этотъ валъ представляется въ видѣ бѣлаго каната, протянутаго поперекъ бухты; но онъ приближается съ быстротой 10 метровъ въ секунду; движущаяся водяная стѣна, такъ сказать, ростетъ на глазахъ, и шумъ, происходящій отъ столкновенія водъ прилива и теченія, походитъ на громъ. Два, три вала, имѣющіе вмѣстѣ отъ 9 до 10 метровъ высоты, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ видѣ быстро поднимающагося исполинскаго водопада шириной отъ 6 до 8 километровъ. Суда, неуспѣвшія укрыться въ безопасное мѣсто, ждутъ удара этого водопада, повернувшись носомъ впередъ, и, какъ лососи, поднимаются прыжками на самый гребень приливной волны. Нѣсколько минутъ достаточно, чтобы перемѣнить направленіе теченія и заставить воды разливаться по сторонамъ, затопляя берега на значительномъ пространствѣ. Понятно, что береговыя плотины требуютъ постоянныхъ починокъ и поправокъ, чтобы быть въ состояніи выдерживать эти ежедневные удары прилива; въ царствованіе императора Цянь-луна, съ 1736 по 1796 годъ, гидравлическія работы въ Ханчжоуской бухтѣ стоили болѣе 50 милліоновъ франковъ. Этимъ-то стремительно набѣгающимъ валомъ прилива бухта, какъ полагаютъ, и обязана своимъ названіемъ Чжэ-цзянъ, означающимъ «Извилистую» или «Волнующуюся рѣку», — можетъ быть, также «Рѣку-разрушительницу», — которое сдѣлалось именемъ всей провинціи. Прибрежные жители Ханчжоускаго лимана съ незапамятныхъ временъ придумали плотины, подобные «аконамъ» или толконожкамъ, «pousse-pied», какіе употребляютъ во Франціи на топкихъ тинистихъ берегахъ Эгильонской бухты; рыбакъ, которому нужно переправиться черезъ топи, чтобы посмотрѣть свои сѣти, становится колѣномъ на пукъ соломы, положенный на плотикъ или ниму, и ухватившись руками за поперечный брусъ, гребетъ въ грязи другой свободной ногой [1]). Для перевозки путешественниковъ употребляютъ простую баджу, буксируемую двумя плотами. Всѣ поля морскаго прибрежья и острова защищены плотинами, которыя придаютъ берегамъ геометрически правильное очертаніе, и прѣсныя воды задерживаются шлюзами, которые препятствуютъ также входу водъ моря во время высокихъ приливовъ [2]). Большинство городовъ морскаго прибрежья пересѣкаются такимъ множествомъ каналовъ, что ихъ часто называютъ «китайскими Венеціями».

Бассейнъ Цянь-танъ-цзяна, называемаго также «Зеленой рѣкой», который охраняется при его восточномъ выходѣ двумя городами Ханъ-чжоу и Шао-синъ, былъ въ половинѣ текущаго столѣтія одною изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ странъ Китая, и можетъ быть, это прекраснѣйшая изъ его областей по прелести пейзажей, яркости зелени и блеску цвѣтовъ. Ни въ одной части имперіи опустошеніе, причиненное междоусобной войной, не было болѣе полное; проѣзжая по странѣ, Рихтгофенъ старался собрать свѣдѣнія объ уменьшеніи населенности городовъ этого края, и по его разсчету выходитъ, что прежняго числа жителей только три-

[1]) Гарднеръ, цитированный мемуаръ.
[2]) Мильнъ;—Гюкъ.
[3]) Reinaud, „Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine".

[1]) Fauvel, „Mémoires de la Société des Sciences naturelles de Cherbourg", tome XXII, 1879.
[2]) Milne;— Macgowan;—Fauvel, etc.

дцатая часть успѣла спастись отъ рѣзни и голода [1]). Но край опять быстро заселяется и снова вывозитъ въ большомъ количествѣ чаи, очень цѣнимые китайскими гастрономами. Лань-чи или Лань-чжи, хотя по своему рангу только третьеклассное городское поселеніе

Маркизъ Цзэнъ, бывшій посланникъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

шелковыя ткани, превосходные фрукты изъ Цюй-чжоу, а также окорока изъ Цзинь-хуа, (сянь), есть торговый центръ этого бассейна, обнимающаго пространство около 40.000 квадратныхъ километровъ; въ сосѣдствѣ этого хорошенькаго города, «съ почти британской фи-

[1]) „Letter on the provinces of Chekiang and Nganwhei".

*

зіопоміей», послѣднее войско, навербованное для защиты династіи Миновъ, было разбито маньчжурами [1]).

Двадцать девять второклассныхъ и третьеклассныхъ городскихъ поселеній (чжоу и сянь), находящіяся въ бассейнѣ Цянь-тана, всѣ доступны для барокъ въ сезонъ разливовъ; но большія суда не могутъ подниматься по рѣкѣ Цянь-танъ до города Ханъ-чжоу и останавливаются въ Чжа-пу. Большая часть большихъ джонокъ, украшенныхъ двумя большими глазами, намалеванными по бокамъ носа, и выкрашенныхъ въ бѣлый цвѣтъ, такъ же, какъ это было во времена средневѣковаго путешественника Одорико ди-Порденоне, обыкновенно останавливаются у входа въ бухту. Главная морская гавань страны открывается у восточной оконечности полуострова, на рѣкѣ Юнъцзянъ, которая впадаетъ въ рейдъ, образуемый большимъ островомъ Чжу-санъ. Тамъ находится естественная граница Желтаго моря и южныхъ лимановъ, которыми оно оканчивается: устья Голубой рѣки и Ханчжоуской бухты. Полуостровъ, на которомъ находится Нинъ-до, городъ «Мирныхъ волнъ», при сліяніи двухъ судоходныхъ рѣкъ и въ точкѣ встрѣчи каналовъ, соединяющихся со всѣми городами провинцій Чжэ-цзянъ и Цзянъ-си, сдѣлалъ этотъ городъ стражемъ богатыхъ равнинъ, которыя простираются на западъ до Великой рѣки; всѣ выгоды мѣстоположенія соединены здѣсь — хорошая якорная стоянка, обиліе продовольствія, удобства защиты; ни одна позиція не представляетъ большой важности съ стратегической точки зрѣнія. И дѣйствительно, округъ Нинъ-бо прославился въ военныхъ лѣтописяхъ Китая. Въ 1130 году татары были разбиты наголову въ 8 километрахъ отъ города китайскими крестьянами; въ 1554 году японскіе пираты, о которыхъ, впрочемъ, не упоминаютъ лѣтописи Ниппона [2]), утвердились тамъ прочно, но они были остановлены далѣе на западѣ, на берегахъ одного притока Юна, рѣки Юй-яо, и близъ города того же имени. Наконецъ, въ 1841 году, во время «войны изъ-за опіума», англичане овладѣли Нинъ-бо, и этотъ городъ, вмѣстѣ съ рейдомъ его передоваго порта Чжэньхай и островами Чжу-санъ, сдѣлался ихъ главной опорной точкой для операцій, которыя они предприняли противъ Нанкина. Впрочемъ, чужеземцы съ запада были извѣстны въ Нинъбо уже болѣе трехъ столѣтій тому назадъ. Въ 1522 году туда явились португальцы, чтобы завязать торговыя сношенія съ Китаемъ, и до сихъ поръ еще можно видѣть, близъ городскихъ воротъ, зданіе, гдѣ они пользовались гостепріимствомъ: это такъ называемый домъ «Общества добрыхъ иностранцевъ» [1]). Что касается ихъ города, построеннаго ниже по рѣкѣ Юнъ, близъ Чжэнь-хая, то онъ былъ совершенно разрушенъ въ 1542 году китайцами окрестныхъ мѣстностей: 800 португальцевъ были перебиты и 25 судовъ потоплены.

Въ настоящее время только небольшое число европейцевъ, преимущественно миссіонеровъ, имѣютъ постоянное пребываніе въ Нинъ-бо, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ провинціи Чжэ-цзянъ, какъ по красотѣ мѣстоположенія, такъ и по прекрасному климату и плодородію почвы: синеватыя горы, которыя виднѣются на юго-западѣ, принадлежатъ къ самымъ лѣсистымъ возвышенностямъ Китая, и одно изъ ихъ ущелій, называемое «Снѣговой долиной», славится на всемъ Востокѣ своими стѣнами изъ бѣлыхъ скалъ, своими великолѣпными лѣсами и своимъ живописнымъ водопадомъ; у подножія этихъ высотъ разстилаются равнины, классическія въ исторіи китайскаго земледѣлія, поля, гдѣ, по преданію, слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, императоръ Шунъ держалъ ручку плуга, запряженнаго слономъ, въ этой же мѣстности показываютъ его колодезь и его каменное ложе. Нинъ-бо есть въ то же время центръ умственной жизни, и одна изъ его частныхъ библіотекъ, принадлежащая сообща одной фамиліи, каждый членъ который имѣетъ собственный ключъ, содержитъ болѣе 50.000 томовъ [2]). Мѣстная промышленность очень дѣятельна, и мебель, инкрустированная или лакированная, ковры, циновки изъ крапивы, фабрикуемые въ Нинъ-бо, вывозятся даже въ Японію; но непосредственная торговля съ заграничными рынками, обороты которой прежде достигали 25 милліоновъ въ годъ, теперь совершенно незначительна (въ 1897 году общая цѣнность внѣшней торговли этого города составляла всего только 16.042.136 лянъ); все движеніе международнаго обмѣна перемѣстилось въ Шанхай. Нинъ-бо—главный рынокъ Китая по торговлѣ рыбой и «морскими плодами»; оттого окружающая равнина покрыта складами льда, безъ котораго невозможно было бы сохранять рыбу; благодаря толстымъ соломеннымъ циновкамъ, проходятъ цѣлые годы прежде, чѣмъ ледъ совершенно растаетъ.

Въ окружающей странѣ разсѣяны многолюдные города каковы: Юй-яо, Цзы-ци, и большія мѣстечки. Динъ-хай-тинъ, расположенный на южномъ берегу самаго большаго изъ острововъ Чжусана, есть главный городъ всего этого архипелага, гдѣ насчитываютъ не менѣе милліона жителей. Это очень промышленный городъ, производящій дѣятельную торговлю своими произведеніями: канатами, циновками, опахалами, плащами, фабрикуемыми изъ волоконъ и ли-

[1]) Milne, „Vie réelle en Chine".
[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) William Milne, „La vie réelle en Chine".
[2]) Macgowan, „Zeitschrift für allgemeine Erdkunde", 1860.

стьевъ особаго вида пальмы; отсюда же кантонскіе кондитеры получаютъ плоды дерева citrus olivaeformis, извѣстные въ Европѣ подъ именемъ chinoises (вареные въ сахарѣ зеленые померанцы). Гавань Динъ-хая глубока и совершенно защищена отъ вѣтровъ, но входъ въ нее затруднителенъ, почему джонки рыболововъ посѣщаютъ преимущественно портъ Чжэнъгинь-мынь, находящійся на юго-восточной оконечности главнаго острова.

На востокѣ, на одномъ изъ малыхъ острововъ той же группы, буддійскіе пилигримы посѣщаютъ знаменитые монастыри (Пу-ту), посвященные Гуань-инь, богинѣ милосердія, покровительницѣ мореходовъ. Самое названіе Пу-ту произошло, говорятъ, отъ имени Потала, священнаго храма-дворца Далай-ламы въ Лассѣ; первая кумирня, сооруженная на островѣ въ началѣ девятаго столѣтія, была построена надъ пещерой, куда морская вода низвергается съ ревомъ, и откуда она вылетаетъ мелкими брызгами, словно бѣлый дымъ. Сто монастырей острова, въ которыхъ живетъ около двухъ тысячъ жрецовъ, служатъ лѣтомъ отелями иностраннымъ посѣтителямъ, которые пріѣзжаютъ сюда брать морскія ванны. Растенія и животныя этого острова свято чтутся туземцами; кромѣ того, проливы, извивающіеся между островами, необычайно богаты рыбой, и фауна ихъ заключаетъ многія сотни различныхъ породъ: во всѣхъ моряхъ Китая не найдется ни одного мѣста, гдѣ бы натуралисты могли дѣлать столь плодовитыя, обильныя результатами, изслѣдованія, какъ въ водахъ острова Пу - ту. Главный промыселъ островнаго населенія — рыбная ловля. Потомки разбойниковъ, жители архипелага Чжу-санъ до сихъ поръ сохранили въ сильной степени духъ независимости; еще недавно, въ 1878 году, они прогнали китайскихъ солдатъ и наотрѣзъ отказались платить поземельной налогъ.

Города бассейна Голубой рѣки, цифра населенія которыхъ указывается новѣйшими путешественниками:

Провинція Сы-чуань: Чэнъ - ду - фу (Рихтгофенъ) — 800 т.; Сюй-чжоу-фу (миссіонеры) — 300 т.; Чунъ-цинъ-фу [1])—250 т.; Батанъ (по Джиллю)—3 т.

Провинція Шэнь-си: Хань-чжунъ-фу (Сосновскій)—70 т.

Провинція Ху-бэй: У-чанъ-фу, Хань-коу и Хань-янъ—болѣе 1 милліона; И-чанъ [1])—34 т.; Юнь-янъ-фу—4 т.

Провинція Ху-нань: Чанъ - ша - фу (Морриссонъ)—300 т.; Сянъ-тань (Рихгофенъ)—1 мил.

Провинція Ань-хой: Ань - цинъ - фу — 40 т.; У-ху [2]) въ 1891—77 т.

Провинція Цзянъ-су: Шанхай [2])—400 т.; Су-чжоу — 500 т.; Чжэнь-цзянъ-фу [1]) — 140 т.; Нанкинъ [1])—130 т.

Провинція Цзянъ-си: Цзю-цзянъ-фу [1])—53 т.; Ху-коу—50 т.

Провинція Чжэ - цзянъ: Ханъ - чжоу - фу—800 т.; Ху-чжоу-фу—100 т.; Нинъ-бо-фу [1])—255 т.; Шао - синъ - фу — 500 т.; Динъ-хай-синъ—35 т.

Восточная покатость Нань-шаня южная Чжэ-цзянъ и Фу-цзянь.

Эта часть Китая имѣетъ очень опредѣленныя естественныя границы. Главный хребетъ системы китайскихъ горъ ясно опредѣляетъ провинцію Фу-цзянь отъ покатости, воды которой изливаются въ Янъ-цзы-цзянъ и въ Цянь-танъ. Расположеніе горныхъ цѣпей Нань-шаня, которыя всѣ оріентированы съ юго-запада на сѣверо-востокъ, напередъ указывало направленіе историческаго пути переселеній и торговыхъ сношеній между дельтой Голубой рѣки и Кантонской рѣкой: эта дорога движенія народовъ естественно должна была пройти во внутренности земель, на западъ отъ провинціи Фу-цзянь и отъ водораздѣльной возвышенности. На своемъ протяженіи отъ Ханъ-чжоу-фу до Кантона она поднимается по судоходному теченію Цянь-танъ-цзяна до прохода, откуда путешественникъ проникаетъ въ провинцію Цзянъси, чтобы направиться на югъ по Мэйлинской дорогѣ [2]). На востокъ отъ этого торговаго пути, нѣкогда очень оживленнаго, и которому суждено пріобрѣсти гораздо болѣе важное значеніе современемъ, когда желѣзныя дороги пройдутъ внутрь страны, малая ширина юго-восточной покатости не позволила текущимъ по ней водамъ соединиться въ одинъ рѣчной бассейнъ; рѣки, которыя, переходя послѣдовательно изъ одной поперечной долины въ другую, достигаютъ, наконецъ, моря, принадлежатъ къ нѣсколькимъ независимымъ гидрографическимъ системамъ, изъ конхъ нѣкоторыя отдѣлены отъ другихъ высокими порогами, дѣлающими сообщенія затруднительными. Такимъ образомъ, южный Чжэ-цзянъ естественно дѣлится на два округа, изъ которыхъ одинъ орошается рѣкой, Тай-чжоу, а другой рѣкой Вэнь-чжоу; подобно тому, и въ провинціи Фу-цзянь край распадается на отдѣльныя естественныя области, соотвѣтствующія бассейнамъ Минь-цзяна и рѣкъ, впадающихъ въ лиманы Амойскій и Сватоускій. Такъ какъ хребты горъ или холмовъ, возвышающіеся въ этой странѣ, оріентированы параллельно морскому берегу и оси горной системы Нань-шань, то притоки главныхъ рѣкъ

[1]) „Statesman's yeor book“ 1895 г.
[2]) „Chronicle and directory“. 1897.

[1]) „Chronicle and directory“, 1897.
[2]) F. von Richthofen, „Letter on the provinces of Chekiang and Xganhwei.

протекаютъ въ промежуточныхъ долинахъ по тому же направленію, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, такъ что и тамъ естественные пути не слѣдуютъ вдоль гористаго и изрѣзаннаго бухтами морскаго прибрежья, а направляются по бороздамъ возвышенныхъ долинъ между параллельными грядами горъ; жители Фу-цзяни вступили во взаимныя сношенія черезъ море или черезъ горную страну. Но, хотя различныя естественныя области отдѣлены одна отъ другой возвышенными землями, не воздѣланными культурой, и хотя весь этотъ край остался въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ трактовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлался одною изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ странъ Китая, благодаря плодородію своихъ долинъ и своему великолѣпному климату. При томъ же это обособленное положеніе принесло ему ту пользу, что бѣдствія войнъ сравнительно мало коснулись его, и, благодаря этому обстоятельству, уже тысячи лѣтъ земледѣліе и промышленность развиваются тамъ мирно, безъ насильственныхъ перерывовъ. По народной переписи 1842 года, въ провинціи Фу-цзянь, пространство которой исчисляютъ 2.737.75 квадратныхъ миль, оказалось 25.790.556 жителей, что составляетъ 9.416 жителей на одну квадратную милю [1]).

Морское прибрежье провинціи Фу-цзянь, изрѣзанное безчисленнымъ множествомъ каменистыхъ мысовъ, стрѣлокъ и полуострововъ, окаймленное міріадами островковъ и торчащихъ изъ воды скалъ, представляетъ вообще печальный видъ, несмотря на безконечное разнообразіе его контуровъ. Большинство береговыхъ холмовъ, состоящихъ изъ гранитныхъ обломковъ и усѣянныхъ каменными глыбами всякой величины, совершенно лишено зелени или представляетъ только кучки жалкихъ сосенъ, низведенныхъ неблагопріятными условіями до размѣровъ простаго кустарника; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль берега тянутся ряды бѣлыхъ дюнъ, надъ которыми вѣтеръ вздымаетъ и кружитъ цѣлыя тучи песку. Растенія принадлежатъ къ тропической флорѣ, но они слишкомъ малочисленны, чтобы могли сообщить особенный характеръ мѣстности; только черезъ извѣстные промежутки, при поворотѣ мысовъ, взорамъ открываются, словно оазисы, устья долинъ съ ихъ городами или деревнями, окруженными банановыми рощами и воздѣланными полями [2]). Страна принимаетъ прекрасный видъ только вдали отъ береговъ и вѣтровъ моря, тамъ, гдѣ дикая растительность зеленѣетъ вокругъ храмовъ и на склонахъ высотъ, слишкомъ крутыхъ для того, чтобы ихъ можно было искусственно изсѣчь въ формѣ террасъ и обратить въ полосы культурной земли. Берега рѣки Минь, ниже города Фучжоу, представляютъ непрерывный рядъ очаровательныхъ пейзажей, гдѣ являются въ яркомъ контрастѣ двѣ флоры—внизу флора тропиковъ, вверху, по скатамъ горъ, флора умѣреннаго пояса.

Относительная изолированность, въ которой жило населеніе Фу-цзяни, была причиной того, что жители сохранили еще и до нынѣ свою особенную физіономію. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ обитателей имперіи. Они имѣютъ по меньшей мѣрѣ пять особенныхъ идіомовъ, настолько отличныхъ отъ оффиціальнаго языка, что простолюдины изъ разныхъ мѣстностей не понимаютъ другъ друга. Самымъ характеристическимъ областнымъ нарѣчіемъ Фу-цзяни, кажется, нужно признать амойское, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть одно изъ наилучше извѣстныхъ китайскихъ нарѣчій, благодаря трудамъ Медгорста, Дугласа и другихъ синологовъ.

Этотъ діалектъ не только имѣетъ надъ мандаринскимъ говоромъ то преимущество, что онъ располагаетъ большимъ числомъ словъ при помощи разнообразія своихъ интонацій, но, сверхъ того, онъ освободился отъ первобытной формы, замѣняя односложныя слова литературнаго языка многочисленными двусложными составными и варьируя флексіи словъ посредствомъ носоваго или сокращеннаго окончанія. Нарѣчія Фу-цзяни, предѣлы которыхъ не совпадаютъ съ административными границами провинціи и область которыхъ, напротивъ, захватываетъ весь сѣверъ и востокъ провинціи Гуанъ-дунъ, даютъ нѣкоторую національную связь тѣмъ, которые говорятъ ими; въ другихъ провинціяхъ уроженцы Фу-цзяни, которые вообще любятъ путешествовать, обыкновенно водятъ знакомство только со своими земляками. Они перенесли съ собой свои діалекты во всѣ китайскія колоніи на Филиппинскихъ островахъ, въ Малезіи, въ Индо-Китаѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Китайскій языкъ, который услышишь по улицамъ Банкока, Лимы, Сакраменто, есть именно нарѣчіе, употребляемое въ Амоѣ и Сватоу.

Въ Фу-цзяни такъ же, какъ и въ провинціи Гуанъ-дунъ и въ архипелагѣ Чжу-санъ, существуютъ еще презираемыя населенія, въ которыхъ ученые видятъ обездоленныхъ первобытныхъ жителей края. Эти туземцы держатся въ сторонѣ, особнякомъ, нынѣшними господами страны, и во многихъ округахъ, особенно въ Фу-чжоу, они не могутъ имѣть земельной собственности; имъ даже не позволено селиться на твердой землѣ: вмѣсто всякаго земледѣлія, они должны ограничиться культурой кое-какихъ цвѣтовъ или овощей, растущихъ въ корзинѣ впереди барки, служащей имъ домомъ. Принужденные жить на водѣ, они переѣзжаютъ изъ порта въ портъ или стоятъ на якорѣ въ малень-

[1]) Матусовскій.

2) Armand David;—Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 mai 1871.

кихъ бухточкахъ, подвергаясь всѣмъ бурямъ и непогодамъ; но счастью, они хорошо приспособились къ новой средѣ и сдѣлались почти амфибіями, научаясь плавать съ самаго ранняго дѣтства; даже грудные младенцы снабжены выдолбленной тыквой или досчечкой, для того, чтобы могли держаться на водѣ въ случаѣ паденія съ барки. У нихъ есть даже свои подвижные храмы, и даосскіе жрецы, осужденные, какъ и ихъ паства, проводить жизнь на жидкой стихіи, вѣнчаютъ своихъ прихожанъ и совершаютъ церемоніи въ честь «Девяти царей» [1]); ни буддійская религія, ни обрядности Конфуціевой вѣры не проникли въ эти плавучія поселенія. Туземная каста обречена на невѣжество, такъ какъ дѣтямъ ея не дозволяется представляться на публичные экзамены; цѣлыя [illegible] поколѣнія должны пройти прежде, чѣмъ потомки этихъ лодочниковъ, терпимые въ городахъ или деревняхъ какъ цирюльники или носильщики паланкиновъ, могутъ быть окончательно приняты въ общество полноправныхъ [illegible]вателей какъ равные [2]). Большое число [illegible]пирадоровъ или посредниковъ между европейскими негоціантами и китайцами принадлежитъ къ презираемому классу; но какъ бы ни было велико нажитое ими богатство, имъ [illegible]прещено пріобрѣтать недвижимую собственность на твердой землѣ [3]); обычай оказался въ этомъ случаѣ сильнѣе указовъ императора [illegible]нъ-чжэна, изданныхъ въ 1730 году. Эти [illegible]ди награждаются разными презрительными [illegible]звищами, но для нихъ нѣтъ особаго этнографическаго имени, которое отличало бы ихъ [illegible] другихъ жителей Фу-цзяни, напменованіе «[illegible]анкіа», которое имъ всего чаще даютъ, есть [illegible] что иное какъ оскорбительная кличка. Въ [illegible]рахъ, возвышающихся на западъ отъ города [illegible]-чжоу, аборигены носятъ еще имя «минь», которое есть въ то же время названіе главной [illegible]ки этой покатости, и которое примѣняется [illegible]же къ бывшему королевству, сдѣлавшемуся [illegible]перь провинціей Фу-цзянь.

Тогда какъ на низменныхъ берегахъ, продолжающихся къ сѣверу отъ Ханчжоуской бухты, безопасныя пристанища для судовъ рѣдки, на югъ отъ города Нинъ-бо слѣдуютъ одинъ за другимъ многочисленные каботажные порты. Изрѣзанный заливами морской берегъ представляетъ мореходамъ надежныя гавани, даже настоящіе фьорды, какова, напримѣръ, длинная бухта Нимврода, гдѣ они могутъ укрываться во время страшныхъ штормовъ, бушующихъ въ морѣ около острова Формозы. У оконечности каждой бухты видны барки, стоящія передъ домиками рыболововъ, и въ каждомъ проливѣ джонки, осторожно пробирающіяся между подводными камнями. На этомъ берегу, гдѣ самый дѣятельный портъ—Шп-пу-тинъ, почти вся торговля сосредоточена въ рукахъ китайскихъ мореходовъ. Тамъ, между прочимъ, ловятся устрицы, очень цѣнимыя въ Китаѣ: устрицы изъ Тайчжоуской бухты имѣютъ не менѣе полметра въ длину [1]).

Изъ приморскихъ городовъ южнаго Чжэцзяна замѣчателенъ портъ Вэнь-чжоу-фу, открытый правительствомъ для непосредственнаго торговаго обмѣна съ иностранцами. Вэньчжоу, расположенный при оконечности лимана, куда изливается судоходная рѣка, и перерѣзанный во всѣхъ направленіяхъ каналами, естественными или искусственными, до сихъ поръ еще большой городъ, но онъ утратилъ свою важность; развалины дворцовъ, украшенныхъ изваяніями, городскихъ воротъ, тріумфальныхъ арокъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ его величіи и нынѣшнемъ упадкѣ; тѣмъ не менѣе, онъ и теперь еще одинъ изъ самыхъ чистенькихъ городовъ имперіи. Какъ говорятъ его уроженцы, «фынъ-шуй» не благопріятствуетъ болѣе мѣстному благосостоянію; но въ дѣйствительности причину разоренія надо искать въ самихъ жителяхъ. Вѣроятно, во всемъ Срединномъ царствѣ не сыщешь города, гдѣ бы привычка курить опіумъ была болѣе распространена; три пятыхъ жителей Вэнь-чжоу отчаянные, неисправимые курильщики, съ впалыми щеками, съ тупымъ, обезжизненнымъ взглядомъ, съ разслабленными членами. Въ городѣ множество монастырей, и большинство монашествующихъ ведутъ распущенную жизнь: чтобы положить конецъ скандаламъ, губернаторъ велѣлъ однажды схватить монашенокъ въ ихъ обителяхъ, и продавалъ ихъ съ публичнаго торга на вѣсъ; среднимъ числомъ, покупная цѣна была 75 франковъ за штуку [2]). Въ предмѣстьяхъ поселены двѣ колоніи осужденныхъ преступниковъ, приведенныхъ изъ провинціи Шань-дунъ. Такъ какъ портъ Вэньчжоу находится въ краѣ, производящемъ много чая, то естественно было бы прямо отсюда вывозить этотъ товаръ за границу; однако, онъ отправляется сначала на каботажныхъ джонкахъ въ Фу-чжоу-фу. Всѣ операціи по внѣшней торговлѣ находятся въ рукахъ китайцевъ. Въ 1879 году ни одинъ англійскій купеческій корабль не заходилъ въ этотъ портъ, хотя почти всѣ привозные товары британскаго происхожденія; единственныя иностранныя суда, бросавшія якорь въ водахъ города, принадлежали нѣмцамъ и датчанамъ (движеніе судоходства въ Вэньчжоускомъ портѣ въ 1895 году: 38.642

[1]) H. Gray, „China“;—L. Katscher, „Bilder aus dem Chinesischen Leben“.

[2]) Rousset, „A travers la Chine“.

[3]) De Moges, „Souvenirs d'une ambassade en Chine et au Japon“.

[1]) Fauvel, „Mémoires de la Société des Sciences naturelles de Cherbourg“, tome XXII, 1879.

[2]) W. Everard, „Rapport consulaire“, 1879.

тоннъ); обороты внѣшней торговли: въ 1897 году равнялись 1.225.204 ланъ [1]).

Между многочисленными заливами, слѣдующими одинъ за другимъ на югъ отъ Вэнь-чжоу, особенно замѣчателенъ тотъ, который даетъ доступъ къ городу Фу-нинъ-фу. Это настоящее внутреннее море, усѣянное многочисленными островками и совершенно защищенное отъ бурь и волненій открытаго моря. Онъ не имѣетъ другаго входа, кромѣ узкаго и глубокаго коридора, который легко было бы обставить грозными укрѣпленіями. Такимъ образомъ Фунинскій рейдъ какъ бы предназначенъ самой природой для устройства большой военной и морской станціи. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ несравненно большія выгоды, чѣмъ входъ въ Минь или рѣку города Фу-чжоу, слишкомъ мелкую для большихъ военныхъ кораблей [2]). На югѣ отъ это рейда, портъ Лянь-цзянь тоже посѣщается большимъ числомъ судовъ.

Фу-чжоу или Фу-чжоу-фу, главный городъ провинціи Фу-цзянь и важнѣйшій портъ юго-восточнаго прибрежья, между Шанхаемъ и Кантономъ, есть, между большими городами имперіи, одинъ изъ тѣхъ, окрестности которыхъ представляютъ прелестнѣйшія мѣстоположенія: отсюда, можетъ быть, и самое его названіе, которому обыкновенно придаютъ смыслъ «Счастливаго уголка»; у туземцевъ онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Хокъ-чу; кромѣ того, его называютъ еще Юнъ-чэнъ, что значитъ «Замокъ, окруженный банановыми рощами». Городъ построенъ не на берегу моря, но въ 51 верстѣ отъ устья Минь-цзяна, близъ сліянія этой многоводной рѣки съ другимъ потокомъ, текущимъ съ юго-запада, параллельно горнымъ цѣпямъ морскаго берега. По переходѣ черезъ баръ, порогъ котораго, въ часы отлива, имѣетъ 4 метра глубины, суда плывутъ по узкому проходу шириною около 360 метровъ, между двухъ гранитныхъ стѣнъ: тутъ расположены укрѣпленія Цзянь-пай, первое препятствіе, которое долженъ бы былъ преодолѣть непріятельскій флотъ. Далѣе, другой узкій проливъ, Миньанскій, тоже укрѣпленный, открывается выше песковъ, покрываемыхъ водой въ періоды прилива, и образуетъ второй входъ въ рѣку, доступный для джонокъ. За Миньанскимъ проходомъ, рѣка Минь, снова расширяясь и развѣтвляясь вокругъ островковъ и мелей, принимаетъ форму озера. Уединенная скала, съ пагодой на вершинѣ, высоко поднимается надъ широкимъ потокомъ, и недалеко оттуда одинъ мысъ сѣвернаго берега выдвинулся въ рѣку въ видѣ полуострова, на которомъ находится военный арсеналъ и кораблестроительныя верфи; суда, имѣющія болѣе 5 метровъ водоизмѣщенія, останавливаются въ этомъ мѣстѣ. Въ 1840 году китайцы набросали огромныхъ камней у одного изъ поворотовъ рѣки, между городомъ и мѣстной якорной стоянки, чтобы воспрепятствовать англійскимъ кораблямъ подняться до Фу-чжоу. Эта запруда почти исчезла, но накопившаяся выше ея тина не была совершенно расчищена теченіемъ, и потому плаваніе до сихъ поръ затруднительно, даже для судовъ, неглубоко сидящихъ въ водѣ. Арсеналъ, построенный въ 1869 году, подъ руководствомъ двухъ французовъ, Жикеля и Эгбеля, есть важнѣйшее въ имперіи военно-морское заведеніе; уже въ первыя пять лѣтъ послѣ его открытія было спущено изъ его верфей 15 военныхъ судовъ. При арсеналѣ учреждены мореходное училище и большіе заводы и мастерскія.

Обнесенная стѣнами часть города Фу-чжоу-фу, гдѣ живутъ мандарины, обыватели и десять тысячъ потомковъ манчжуровъ, расположена на сѣверѣ отъ рѣки Минь, въ 3 километрахъ отъ берега, но промежуточное пространство между рѣкой и собственно городомъ занимаетъ обширное предмѣстье, гдѣ сосредоточена торговая и промышленная дѣятельность: тутъ группируются различныя корпораціи промышленниковъ и торговцевъ, каждая въ своей улицѣ. Напротивъ, на южномъ берегу рѣки, раскинулось другое многолюдное предмѣстье, Нань-тай. Небольшой островъ Чжунъ-чжоу, лежащій посреди рѣки, также покрытъ домами, и, наконецъ, сама рѣка исчезаетъ подъ плавучимъ городомъ Сампанъ, раздѣленнымъ на кварталы правильными улицами, по которымъ снуютъ взадъ и впередъ торговыя суда и лодки. Черезъ оба рукава Минь-цзяна, окружающіе островъ Чжунъ-чжоу, устроены гранитные мосты, которые еще въ 1860 году были живописно обставлены по бокамъ деревянными домиками. Большой мостъ, называемый «Мостомъ десяти тысячъ лѣтъ», время постройки котораго относятъ къ одиннадцатому столѣтію, имѣетъ не менѣе 400 метровъ въ длину и покоится на сорока быкахъ, которые не всѣ поставлены въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Огромныя песчаниковыя плиты, изъ которыхъ нѣкія имѣютъ болѣе 15 метровъ длины, поддерживаютъ настилку моста. Многіе изъ этихъ камней обвалились, и эти обломки, оставшіеся въ руслѣ рѣки, образуютъ пороги, черезъ которые не могутъ проходить джонки; только барки, не глубоко сидящія въ водѣ, поднимаются вверхъ по теченію выше «Десяти-тысячелѣтняго моста». Чтобы положить упавшія плиты на прежнее мѣсто, или замѣнить ихъ новыми, строители пользуются высокимъ морскимъ приливомъ, который поднимаетъ уровень рѣки почти вровень съ настилкой моста: каменная глыба, положенная поперегъ барки, перевозится въ пролетъ между быками какъ разъ къ тому

[1]) „Returns of trade“, 1897.
[2]) L. Rousset, „A travers la Chine“.

мѣсту, куда ее нужно вставить, затѣмъ постепенно понижаютъ барки при помощи добавочныхъ тяжестей, особенно песку, и плита сама собой укладывается въ ту часть моста, которую она должна занимать [1]): это способъ подобный тому, который употребляли древніе египтяне для перевозки своихъ большихъ монолитовъ [2]). Въ 1876 году, «Десяти-тысячелѣтній мостъ», хотя совершенно потопленный водами выступившаго изъ береговъ Минь-цзяна, устоялъ противъ напора теченія [3]).

Европейскій кварталъ находится въ предмѣстьѣ Нань-тай, и большинство его жилыхъ домовъ разсѣяны между китайскими гробницами, по скатамъ холма, откуда виденъ весь городъ какъ на ладони. Отпускная торговля ограничивается вывозомъ чая; въ продолженіе многихъ лѣтъ Фу-чжоу-фу былъ самымъ дѣятельнымъ портомъ по вывозу этого товара. Почти весь посылаемый отсюда чай идетъ въ Англію и Австралію, однако, русскіе негоціанты, поселившіеся въ Фу-чжоу, начали фабриковать кирпичные чаи для отправки въ Тянь-цзинь. Отпускъ чая изъ Фу-чжоу въ 1895 году былъ:

Въ Великобританію—8.962.453 пикулей; въ Австралію—8.371.727 пикулей; въ Россію—[illegible]683 пикулей. Всего, съ другими странами—[illegible]446 пикулей [4]).

Китайскія каботажныя суда приходятъ въ Фу-чжоу за грузами строеваго лѣса, бамбука, мебели, писчей бумаги, риса, разнаго рода фруктовъ и привозятъ въ обмѣнъ европейскіе товары, покупаемые въ портахъ гонконгскомъ, кантонскомъ, шанхайскомъ. Въ 1897 году движеніе торговли въ Фу-чжоу выразилось слѣдующими цифрами:

Торговля съ иностранными рынками: Привозъ—6.715.228 ланъ; вывозъ—6.841.266 л. Вмѣстѣ—13.556.494 ланъ.

Движеніе судоходства въ 1895 г.: Англійскихъ судовъ—389 вмѣстим.—503.797 тоннъ; иностранныхъ судовъ—185 вмѣстим.—107.946 тон. Всего судовъ—574 вмѣстим.—611.739 тоннъ.

«Городъ Трехъ холмовъ»—какъ часто называютъ Фу-чжоу по причинѣ трехъ возвышенностей, находящихся въ его оградѣ,—окруженъ высотами. Одна изъ этихъ высотъ, пользующаяся громкой извѣстностью во всей имперіи, имѣетъ видъ настоящей горы, и ея пирамидальная гранитная вершина поднимается на 880 метровъ надъ уровнемъ Минь-цзяна, между Фу-чжоу и арсеналомъ: это Гу-шань или «Гора барабана». Буддійскій монастырь, называемый кумирней «Журчащаго фонтана», занимаетъ одинъ изъ верхнихъ цирковъ этой горы, и съ высоты окружающихъ его великолѣпныхъ аллей можно любоваться развертывающейся внизу чудной панорамой острововъ, рѣки и обширнаго города. Въ сезонъ жаровъ этотъ монастырь служитъ мѣстомъ дачной жизни для богатыхъ негоціантовъ. Какъ и въ Европѣ, деревни, куда городскіе жители переселяются лѣтомъ на дачу, выстроились и здѣсь вокругъ минеральныхъ источниковъ, которые тамъ и сямъ бьютъ изъ земли въ долинѣ; одинъ изъ этихъ горячихъ ключей находится у самыхъ воротъ Фу-чжоу-фу. Въ 10 километрахъ выше города черезъ рѣку устроенъ мостъ, подобный «Десятитысячелѣтнему»: это «Мостъ красныхъ» или «Облачныхъ горъ», получившій такое названіе отъ вершинъ, возвышающихся надъ долиной. Барки на верховьяхъ рѣки не могутъ переходить за мѣстечко Шуй-коу, лежащее ниже большаго города Янъ-пинъ-фу, построеннаго въ точкѣ соединенія главныхъ долинъ бассейна. Ботаникъ Фортюнъ поднимался вверхъ по теченію Минь-цзяна, имѣя въ виду посѣтить округи, гдѣ собираются лучшіе черные чаи провинціи Фу-цзянь; но различныя препятствія заставили его вернуться съ дороги, чтобы обойти горную цѣпь черезъ провинцію Чжэ-цзянъ и спуститься черезъ перевалъ горъ «Чернаго чая» опять въ долину Мина. Эти горы, съ зубчатымъ профилемъ, поднимаются отъ 2.000 до 5.000 метровъ надъ уровнемъ моря; Арманъ Давидъ исчисляетъ въ 3.000 метровъ высоту самыхъ возвышенныхъ вершинъ восточной цѣпи Фу-цзяни. Главный рынокъ чаевъ въ этой области верхняго Минь-цзяна—городъ Чунъ-ань, лежащій недалеко отъ уединенной группы Ву-и-шань, одной изъ наиболѣе почитаемыхъ горныхъ цѣпей южнаго Китая. Этотъ массивъ состоитъ изъ шиферовъ и песчаниковъ, соединенныхъ въ видѣ конгломерата, перерѣзаннаго жилами кварца и гранита, и возвышается на 300 метровъ надъ уровнемъ равнины. Крутыя стѣны, фантастическія формы этихъ скалъ, «рѣка съ девятью излучинами», бѣгущая на днѣ узкихъ поперечныхъ долинъ, сдѣлали Ву-и-шань одною изъ любопытнѣйшихъ мѣстностей Фу-цзяни; эта группа горъ есть въ то же время одинъ изъ богатѣйшихъ округовъ края, благодаря превосходному качеству ея чаевъ, которые воздѣлываются буддійскими монахами «999 кумирень», разсѣянныхъ на холмахъ [1]).

Прежде Фу-чжоу-фу титулъ главнаго города Фу-цзяни носилъ другой, болѣе южный городъ, Цюань-чжоу-фу, который и теперь еще служитъ мѣстопребываніемъ военнаго губернатора провинціи. Большинство комментаторовъ Марко Поло и средневѣковыхъ арабскихъ географовъ согласны въ томъ, что въ этомъ городѣ, простонародное имя котораго Цетунъ [2]), слѣдуетъ ви-

[1]) Léon Rousset, „A travers la Chine“.
[2]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.
[3]) Мистрисъ Т. Фр. Гюнсъ, „Among the Sons of Han“.
[4]) Пикуль=3,7 пуда.

[1]) Fortune, „Tea-districts of China and India“.
[2]) Klaproth, „Recherches sur les ports de Gampou et de Zaitoun“.

дѣть Зайтонъ (Сайтонъ, Зайтунъ), который былъ, по словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Батуты, «величайшимъ портомъ въ свѣтѣ». Арабы пріѣзжали туда массами для торговыхъ дѣлъ, служа посредниками между Китаемъ и Западомъ; даже армяне и генуэзцы поселялись тамъ въ качествѣ торговцевъ; одинъ итальянскій епископъ прожилъ тамъ съ 1318 по 1322 годъ, и Мариньоли видѣлъ «три прекрасныя церкви» въ этомъ городѣ «неимовѣрно огромнаго протяженія»; гавань заключала въ себѣ такое множество судовъ, что мѣстное купечество, по случаю войны съ Японіей, похвалялось, что оно можетъ перекинуть сплошной мостъ изъ судовъ между его портомъ и «архипелагомъ «Восходящаго солнца». Зайтунъ или «Городъ масленичныхъ деревьевъ», какъ называли его арабы, видоизмѣняя китайское имя, доставлялъ западнымъ купцамъ сахаръ, бархатъ и шелкъ; Ибнъ-Батута даже говоритъ опредѣленно, что атласъ или по-арабски зайтуньяхъ (отсюда же, вѣроятно, французское и англійское satin) получилъ свое названіе отъ города, изъ котораго его вывозили, и Юль готовъ принять эту этимологію [1]). Но рейдъ Цюань-чжоу мало-по-малу засорился пескомъ, обмелѣлъ, и кипучая торговая дѣятельность перемѣстилась далѣе на югъ въ обширную Амойскую бухту, въ городъ Амой, который, кажется, тоже былъ извѣстенъ подъ именемъ Зайтуна, какъ торговый пригородъ Цюань-чжоу, въ округѣ котораго онъ находится. Маленькая гавань Ань-хай служитъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ между старымъ портомъ Зайтунъ и тѣмъ, который замѣняетъ его въ наши дни.

Амой, южный портъ провинціи Фу-цзянь, открытый теперь западнымъ купеческимъ кораблямъ, есть одинъ изъ лучшихъ портовъ земнаго шара, если не «первый» по движенію торговаго обмѣна, какимъ былъ нѣкогда его предмѣстникъ Зайтунъ. Построенный на островѣ, который, повидимому, прежде составлялъ, вмѣстѣ съ окружающими его островами, часть материка, Амой представляетъ передъ своими набережными превосходную яркую стоянку для самыхъ большихъ судовъ. Когда португальцы явились впервые на берегахъ Китая, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія Амой былъ уже главнымъ портомъ провинціи Фу-цзянь, и они пристали въ его гавани. До 1730 года европейскіе корабли безпрепятственно бросали якорь въ этомъ рейдѣ, но съ этого времени китайцы перестали пускать ихъ, и портъ былъ вновь открытъ иностранной торговлѣ только англійскими пушками, въ 1842 году. Колонія «рыжеволосыхъ дьяволовъ», заключавшая въ 1880 году около 300 лицъ, поселилась на небольшомъ островѣ Ся-мынь, въ 600 метрахъ отъ Амоя, и вокругъ европейскихъ домовъ уже выстроился цѣлый китайскій городъ, лучше содержимый, чѣмъ городъ противоположнаго берега. Натуралистъ Суинго основалъ тамъ въ 1857 году ученое общество, которое заявило себя очень полезными изслѣдованіями по естественной исторіи. Одинъ изъ сосѣднихъ съ Ся-мынь острововъ оканчивается мысомъ, прорѣзаннымъ естественной галлереей, которая эффектно обрамляетъ своими черными скалами ярко освѣщенную картину рейда, усѣяннаго безчисленными судами.

Внѣшняя торговля амойскаго порта, по важности почти равная торговлѣ города Фу-чжоу, состоитъ главнымъ образомъ въ привозѣ опіума и въ вывозѣ сахару (въ 1895 году этого товара было отправлено за границу 12.470.723 пикуля) [1])и чая.Цѣнность торговаго обмѣна Амойскаго рынка съ иностранными выразилась въ 1897 году слѣдующими цифрами: привозъ 10.532.385 ланъ, вывозъ 2.441.231 ланъ, сумма оборотовъ 12.973.616 ланъ. Въ Амой, кромѣ того, садятся на корабли эмигранты, переселяющіеся въ чужія страны, и между этимъ городомъ и Сингапуромъ происходитъ постоянное движеніе путешественниковъ (въ 1879 изъ Амоя отправилось 20.512 эмигрантовъ, изъ этого числа 14.455 въ Сингапуръ и 3.393 въ Манилу); въ то же время этотъ портъ служитъ торговой и военной пристанью для судоходства между островомъ Формозой и континентомъ. Амой, одинъ изъ городовъ Китая, отличающійся духомъ иниціативы и предпріимчивости, обзавелся доками, гдѣ починяются не только джонки и мелкія морскія суда, но даже большіе пароходы, поднимающіе до 2.000 тоннъ груза. Движеніе судоходства въ амойскомъ портѣ по внѣшней торговлѣ въ 1879 году: 1.540 судовъ, вмѣстимостью 892.000 тоннъ, въ томъ числѣ судовъ подъ англійскимъ флагомъ 1.060, вмѣстимостью 720.000 тоннъ. Главный островъ состоитъ частію изъ безплоднаго гранита, но плодородныя равнины твердой земли, вокругъ многолюдныхъ городовъ Чжанъ-чжоу-фу и Тунъ-ань, представляютъ одинъ обширный, прекрасно воздѣланный садъ.

Города юго-восточнаго берега, населеніе которыхъ указывается новѣйшими путешественниками, суть:

Чжэ-цзянъ: Вэнь-чжоу-фу—83.000 жит. (по Honykong directory).

Фу-цзянь: Фу-чжоу-фу—1.000.000; Чжанъ-чжоу-фу — 500.000; Лянь-цзянъ — 250.000; Чунъ-ань — 100.000; Янь-пинъ-фу—200.000; (Фортюнъ) Амой—300.000.

[1]) Yule, „The Book of ser Marco Polo".

[1]) Пикуль=3,7 пуда.

Бассейнъ Си-цзяна.

Провинціи Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ.

Эта часть Китая, половина которой находится уже въ предѣлахъ тропическаго пояса, есть одна изъ тѣхъ, которыя по своимъ климатическимъ условіямъ, по произведеніямъ почвы и самой исторіи жителей, наиболѣе ясно отличаются отъ остальной имперіи. Въ историческія времена бассейнъ Си-цзяна нерѣдко принадлежалъ другимъ властителямъ, не тѣмъ, которые господствовали на сѣверѣ страны, и около половины настоящаго столѣтія въ этой же области зародилось и развилось грозное возстаніе тайпиновъ. Пропорціонально численности своего населенія, составляющаго двадцатую часть всей цифры жителей Серединнаго царства, провинція Гуанъ-дунъ оказываетъ немаловажное вліяніе на общую политику Китая, и главный ея городъ, который, при отсутствіи достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, основанныхъ на правильной переписи народонаселенія, считаютъ самымъ многолюднымъ городомъ имперіи, разсматривается во многихъ отношеніяхъ какъ центръ, составляющій противовѣсъ Пекину. Въ то время, какъ «Сѣверная столица» сторожитъ области монгольскихъ плоскогорій, гдѣ подготовлялись всѣ нашествія дикихъ завоевателей, «Восточный городъ», уже почти принадлежащій къ Индостану по своему климату, поддерживалъ сношенія китайскаго міра съ островами и полуостровами, омываемыми Индійскимъ океаномъ. Пространство и населеніе двухъ провинцій бассейна Си-цзяна суть:

Гуанъ-си 3819.98 □ геогр. миль,—5.151.327 душъ; на □ милю 1.348 чел. Гуанъ-дунъ 4.153,26 □ геогр. миль, 29.706.249 душъ; на милю 7.152 чел.

На сѣверной сторонѣ долины Си-цзяна, различныя цѣпи горъ, означаемыя китайцами массою мѣстныхъ названій, и совокупность которыхъ соединена въ описаніи Рихтгофена подъ общимъ именемъ Нань-шань (Южныя горы), представляются, какъ и возвышенности бассейна Голубой рѣки, въ формѣ параллельныхъ хребтовъ, оріентированныхъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и раздѣленныхъ широкими брешами. Одинъ изъ этихъ хребтовъ, Бинъ-и-шань, какъ говорятъ, поднимается своими вершинами до пояса постоянныхъ снѣговъ[1]). Полагаютъ, что эти сѣверныя гряды горъ по своему среднему возвышенію значительно превосходятъ горныя цѣпи южнаго Гуанъ-дуна. Эти послѣднія, начинающіяся въ Тонкинѣ параллельно берегу залива, направляются также на сѣверо-востокъ, сопровождаемыя на сѣверной сторонѣ теченіемъ рѣки Юй-цзянъ. Образовавъ высокій массивъ, Ло-янъ, восхожденіе на вершину котораго, по словамъ Мартини, требуетъ не менѣе двухъ дней безостановочнаго пути[1]), горы пересѣкаютъ «Западную рѣку». Узкія поперечныя долины, слѣдующія одна за другой въ этомъ мѣстѣ, составляютъ естественную границу двухъ провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дуна; ниже, параллельныя цѣпи еще разъ сближаются и съуживаютъ ложе Си-цзяна. Другіе горные хребты, расположенные по большей части въ томъ же направленіи, какъ Нань-шань и вся система китайскихъ горъ, занимаютъ восточную область Гаунъ-дуна и продолжаются въ провинціи Фу-цзянь; одинъ изъ нихъ начинается у самыхъ воротъ Кантона и образуетъ живописную группу Бэй-юнь или «Гору, окутанную бѣлыми облаками», скаты которой усѣяны безчисленными могилами. Далѣе слѣдуютъ горы Ло-фоу-шань, достигающія высоты отъ 1.200 до 1.500 метровъ, и покрытыя лѣсами, подъ тѣнью которыхъ буддійскіе монахи понастроили свои обители. Еще далѣе тянутся другія цѣпи, пока еще непзмѣренныя, которыя примыкаютъ къ параллельнымъ массивамъ Фу-цзяни. По донесеніямъ миссіонеровъ, нѣкоторыя изъ этихъ горъ, особенно тѣ, которыя отдѣляютъ бассейнъ Хань-цзяна отъ бассейна Дунъ-цзяна, настолько высоки, что зимою покрываются снѣгомъ[2]).

На югѣ отъ провинціи Фу-цзянь обильная рѣка Хань-цзянъ принимаетъ въ себя воды западнаго Гуанъ-дуна; получая начало на границахъ провинціи Цзянъ-си и спускаясь по прямой линіи съ сѣвера на югъ, эта рѣка пользуется брешами для прохода черезъ горныя цѣпи, но главный ея притокъ, Мэй-цзянъ или «рѣка сливъ», слѣдуетъ въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку по одному изъ длинныхъ промежуточныхъ пониженій или долинъ, раздѣляющихъ хребты, представляя такимъ образомъ поперечную дорогу изъ Фу-цзяни въ бассейнъ Си-цзяна.

Рѣка, которой дали названіе Си-цзянъ,—т. е. «Западной рѣки», представляетъ могучій многоводный потокъ, благодаря лѣтнему муссону, приносящему очень обильные дожди на южную покатость Нань-шаня; количество выпадающей въ продолженіе года дождевой воды въ провинціи Гуанъ-дунъ составляетъ слой толщиною болѣе 2 метровъ. «Западная рѣка», называемая иногда также Бэй-цзянъ или «рѣкой Бэй», по общему имени края, обнимающаго двѣ южныя провинціи, получаетъ свои первыя воды изъ Юньнани и съ высотъ Гуй-чжоу, въ странѣ мяотовъ. Главная ея вѣтвь, Хунъ-шуй, течетъ

[1]) „Mittheilungen von Petermann", 1861.

[1]) „Novus Atlas Sinensis".

[2]) Hirth, „Mittheilungen von Petermann", 1873.

подъ разными именами прежде, чѣмъ получить отъ кантонцевъ названіе, которымъ она означается въ нижнемъ ея теченіи; недостатокъ точной номенклатуры былъ причиной того, что каждый путешественникъ за главную вѣтвь Си-цзяна принималъ именно ту, которую онъ посѣтилъ. Такъ миссіонеры Гюкъ и Габе, которые сѣли на судно на сѣверѣ Кантонской провинціи, на рѣкѣ, вытекающей у подошвы хребта Мэй-линъ, полагаютъ, что плыли по главной рѣкѣ; точно также Моссъ, поднимавшійся по рѣкѣ Юй-цзяну, притоку «Западной рѣки», который беретъ начало въ Тонкинѣ, говоритъ о своемъ путешествіи какъ о поѣздкѣ по Си-цзяну. Ниже сліянія этихъ двухъ потоковъ другая большая рѣка, Гуй-цзянъ, присоединяется къ общему теченію, и «Западная рѣка», отселѣ имѣющая видъ могучаго потока, вступаетъ черезъ рядъ тѣснинъ въ провинцію Гуанъ-дунъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаныя мели прерываютъ теченіе Си-цзяна и въ періодъ низкаго стоянія воды оставляютъ судамъ фарватеръ не болѣе 2 метровъ глубиной; но лѣтомъ, во время дождей, приносимыхъ муссономъ, уровень воды поднимается до 8 и 10 метровъ; кромѣ того, морской приливъ дважды въ сутки поддерживаетъ и повышаетъ горизонтъ водъ: вліяніе прилива ощутительно даже на провинціи Гуанъ-си, на разстояніи 300 километровъ отъ моря. Въ глубокихъ частяхъ фарватера лотъ достаетъ дно на глубинахъ, превышающихъ 50 метровъ [1]).

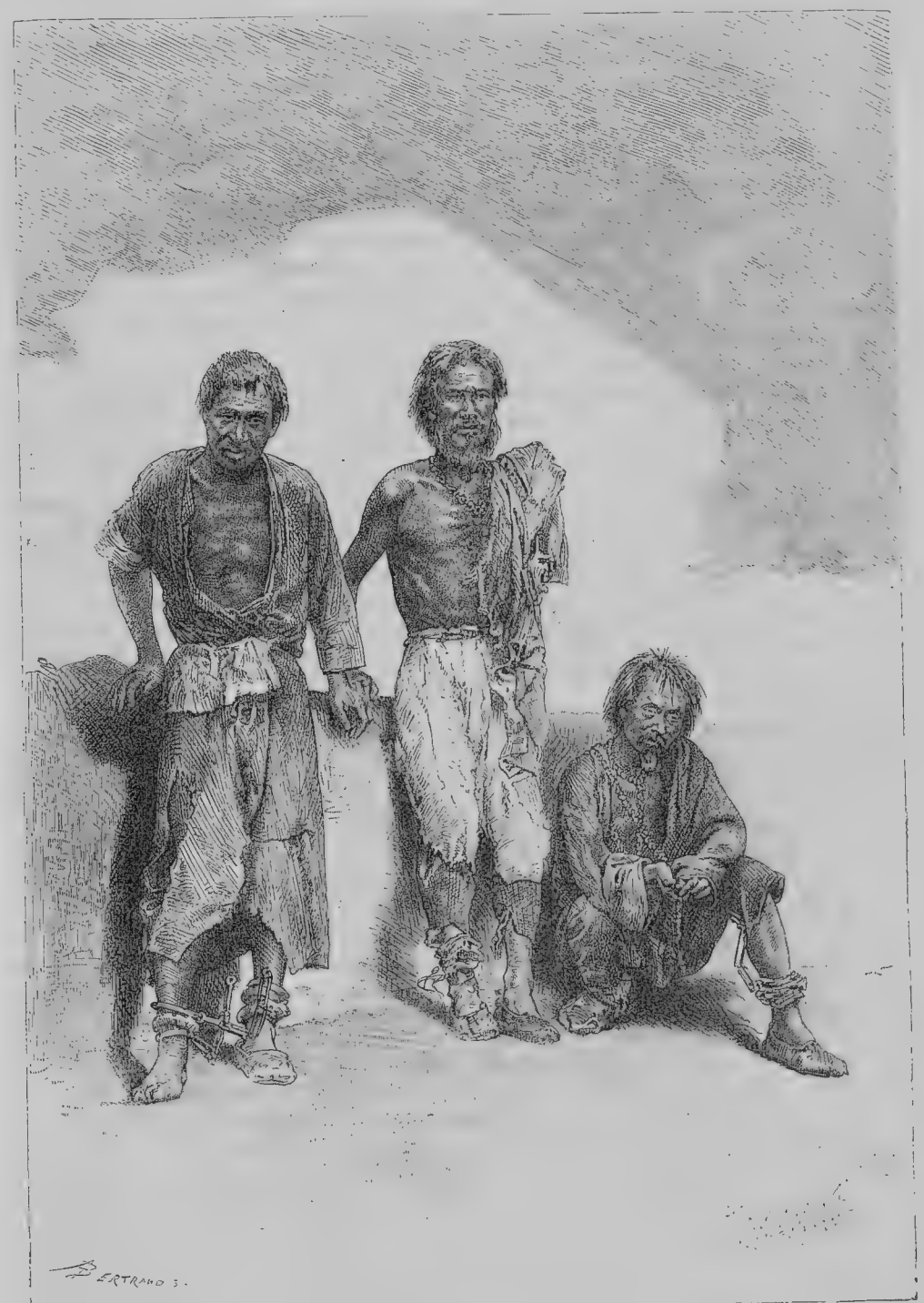
По выходѣ изъ послѣдняго ущелья, гдѣ рѣка имѣетъ всего только 200 метровъ въ ширину между крутыми стѣнами, которыя отъ выступа къ выступу поднимаются до высоты почти 900 метровъ, Си-цзянъ соединяется съ Бэй-цзяномъ или «Сѣверной рѣкой». Съ этого мѣста и начинается область дельты. Отъ истоковъ до бифуркаціи нижнихъ вѣтвей длина теченія Си-цзяна по меньшей мѣрѣ 1.500 километровъ, но судоходная сѣть по главной рѣкѣ и ея притокамъ гораздо значительнѣе, благодаря изобрѣтательности и предпріимчивости ладейщиковъ, которые пользуются малѣйшимъ потокомъ или рукавомъ, чтобы проводить маленькія суда, перетаскивая ихъ силой рукъ черезъ пороги или волоки. Си-цзянъ есть единственный торговый путь между Кантономъ и тремя провинціями Гуанъ-си, Гуй-чжоу, Юнь-нань, и по этой же рѣкѣ производятся частью торговыя сношенія съ странами Индо-Китая, орошаемыми Красной рѣкой и Меконгомъ. Бэй-цзянъ еще важнѣе главной рѣки, какъ путь торговаго обмѣна. Онъ составляетъ часть большой дороги судоходства, которая соединяетъ Кантонъ съ бассейномъ Янъ-цзы-цзяна, и на которой нѣтъ нигдѣ перерывовъ, кромѣ пересѣкающаго ее «Хребта сливъ» или Мэй-линъ. Это тотъ путь, которымъ слѣдовало большинство европейскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ южныя провинціи Китая: въ 1693 году миссіонеръ Буве плылъ по Бэй-цзяну, а въ 1722 году Гобиль составилъ карту этой рѣки, на основаніи своихъ астрономическихъ наблюденій. Въ 1793 году по этому пути прошло посольство Макартнея, а въ 1816 году лордъ Амгерстъ. Изъ всѣхъ историческихъ путей Китайской имперіи Бэйцзянская дорога безспорно самая важная, такъ какъ безъ нея вся южная область донынѣ оставалась бы отдѣленной отъ остальной части Срединнаго царства. Съ той поры какъ пароходы стали совершать правильные рейсы вдоль морскаго прибрежья, перевозя пассажировъ и товары, судоходство на Бэй-цзянѣ сильно уменьшилось, но торговыя сношенія этимъ путемъ между двумя полустоятами южныхъ горъ все еще имѣютъ значительную цѣну.

Ниже сліянія «Западной» и «Сѣверной» рѣкъ (Си-цзяна и Бэй-цзяна), потокъ раздвояется: можно сказать, что эти двѣ рѣки пересѣкаются подъ угломъ; въ то время, какъ главный потокъ спускается на югъ, чтобы излиться въ море на западѣ отъ острова дельты, другой рукавъ направляется на востокъ и соединяется съ сѣтью безчисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, извивающихся въ аллювіальныхъ земляхъ окрестностей Кантона. На востокѣ другая большая рѣка тоже развѣтвляется на множество рукавовъ, примыкающихъ къ рѣчному лабиринту низовьевъ Си-цзяна; это Дунъ-цзянъ или «Восточная рѣка», истоки которой зарождаются на сѣверо-востокѣ, на границахъ провинціи Цзянси и Фу-цзяни. Это тоже оживленный водяной путь, очень важный для перевозки сахарнаго риса и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Что касается рѣкъ дельты, судоходныхъ по всей ихъ обширной сѣти, благодаря морскому приливу, который дважды въ сутки повышаетъ ихъ уровень, то онѣ образуютъ одну изъ областей земнаго шара, наиболѣе богатыхъ естественными каналами: на пространствѣ слишкомъ 8.000 квадратныхъ километровъ почва изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ судоходными путями, которые служатъ для перевозки людей и товаровъ и дѣлаютъ постройку дорогъ почти безполезной. Понятно, что населеніе страны сдѣлалось, такъ сказать, земноводнымъ, живущимъ такъ же хорошо на водѣ, какъ и на твердой землѣ. Не только мелкая торговля производится посредствомъ рѣкъ, отъ пристани до пристани, но даже огромные торги или ярмарки устраивались въ разныя эпохи въ области дельты, и нерѣдко случалось, что появлялись временно цѣлые города изъ судовъ въ мѣстностяхъ обыкновенно пустынныхъ [1]).

1) Экспедиція Макъ-Клеверти и д'Абовиля въ 1859 г., „Mittheilungen von Petermann", 1861.

1) H. Gray, „China"; — L. Katscher, „Bilder aus dem chinesischen Leben".

Различные промыслы, не говоря уже о рыболовствѣ, практикуются семьями, кочующими по водамъ; даже земледѣльцы живутъ на барбойничество основывало свои притоны въ непроходимомъ лабиринтѣ каналовъ нижняго Си-цзяна: вооруженныя барки грабителей



Бѣглые каторжники.

кахъ, стоящихъ на якорѣ возлѣ ихъ полей. Очень естественно поэтому, что эта область сдѣлалась по преимуществу торговымъ центромъ имперіи, и что въ смутныя эпохи морское разкупеческія джонки, скрываясь за каждой песчаной косой или стрѣлкой, за каждой чащей камышей. Европейскимъ военнымъ кораблямъ

стоило не мало труда очистить эту мѣстность отъ наводнявшихъ ее пиратовъ.

Городъ Кантонъ выстроился почти въ равномъ разстояніи отъ двухъ вершинъ дельты, образуемыхъ на западѣ Си-цзяномъ и Бэй-цзяномъ, на востокѣ развѣтвленіями Дунъ-цзяна; изъ этого пункта джонки могутъ отправляться кратчайшимъ путемъ въ оба лимана. Восточный лиманъ, самый глубокій изъ нихъ, получилъ болѣе спеціальное названіе «Кантонской» или «Жемчужной рѣки» (Чжу-цзянъ); это послѣднее наименованіе производятъ отъ имени одного форта, Хай-чу, что значитъ «Жемчужина моря»: на картахъ этотъ флотъ означаютъ словомъ Dutch Folly, то-есть «голландская глупость». Большія суда не могутъ подниматься по Кантонской рѣкѣ до самаго города. Джонки крупнаго размѣра и обыкновенные пароходы должны останавливаться въ 15 километрахъ ниже Кантона, на якорной стоянкѣ (Вампоа); большіе военные корабли, даже поддерживаемые приливомъ, который превышаетъ два метра въ этихъ водахъ, останавливаются еще гораздо ниже, потому что баръ, гдѣ вода имѣетъ только 4 метра глубины, въ часы отлива заграждаетъ входъ въ рѣку [1]). Граница «Жемчужной рѣки» и лимана ясно обозначена каменистыми крутизнами, которыя съ той и другой стороны съуживаютъ рѣчное устье, и передовые выступы или мысы которыхъ, защищенные фортами, были сравниваемы китайцами съ пастью тигра; отсюда и произошло названіе Ху-мынь, которое европейскіе мореплаватели перевели словами: Bocca Tigris. Въ формѣ и глубинѣ мелей, такъ же, какъ и въ очертаніи береговъ, происходятъ постоянныя измѣненія. Въ цѣломъ, твердая земля постепенно подвигается все далѣе въ море; тамъ, гдѣ новые берега отлагаются впереди стараго прибрежья, прибрежные жители немедленно обводятъ ихъ земляными насыпями и сѣютъ тростникъ въ тинистой почвѣ. Эти растенія, сильно разростающіяся, доставляютъ волокно, употребляемое на выдѣлку циновокъ, укрѣпляютъ почву, повышаютъ грунтъ и присоединяютъ вновь завоеванную у моря береговую полосу къ области прѣсной воды, которая мало по-малу извлекаетъ содержащуюся въ ней соль; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ новая земля становится годной для культуры, и тогда является мандаринъ, чтобы измѣрить поля и внести ихъ въ кадастровую книгу.

Среди аллювіальныхъ земель возвышаются тамъ и сямъ цѣпи холмовъ, всѣ оріентированныя по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, какъ и горы китайской системы, и служащія опорной точкой для землистыхъ осадковъ, отлагаемыхъ рѣчнымъ теченіемъ или приносимыхъ волной морскаго прилива. Демаркаціонную линію между открытымъ моремъ и рѣчными лиманами образуютъ нѣсколько параллельныхъ грядъ этихъ каменистыхъ острововъ, наполовину поглощенныхъ моремъ. Сѣверная гряда состоитъ изъ большихъ острововъ, изъ которыхъ иные содержатъ высокія горы: такъ, при входѣ въ Кантонскій лиманъ высятся, словно стражи, охраняющіе проходъ, два пика, одинъ на островѣ, извѣстномъ подъ его португальскимъ именемъ Монтанга, другой на островѣ Лань-дао. Острова Ладронскіе или разбойничьи составляютъ такъ же, какъ Гонконгъ, часть промежуточной цѣпи, а послѣдній рядъ островковъ, со стороны открытаго моря, образуетъ длинный архипелагъ Кай-пынъ и Лэ-ма (Lema).

Въ бассейнѣ Си-цзяна встрѣчаются два климатическихъ пояса. По своему климату Кантонъ только одну половину года находится въ тропической области; смотря по перемѣнѣ направленія муссоновъ, онъ, такъ сказать, путешествуетъ съ сѣвера на югъ. Годовая температура въ этомъ пунктѣ китайскаго прибрежья гораздо менѣе равномѣрна, нежели въ Калькуттѣ, въ Гонолулу, въ Гаваннѣ и въ другихъ городахъ, лежащихъ подъ тою же широтой, какъ показываютъ слѣдующіе выводы изъ наблюденій:

Температуры различныхъ городовъ подъ сѣвернымъ тропикомъ:

	Средняя годовая.	Августъ.	Февраль.	Разность.
Кантонъ ..	21°,6 Ц.	27°,8 Ц.	14° Ц.	13°,8 Ц.
Макао	22°,5 „	28°,2 „	13°,5 „	14°,7 „
Калькутта.	26°,7 „	28°,4 „	23° „	5°,4 „
Гонолулу .	24° „	25°,9 „	21°,7 „	4°,2 „
Гаванна ..	25° „	27°,4 „	22°,9 „	4°,5 „

Съ мая по сентябрь, когда дуетъ юго-западный муссонъ, приносящій дожди, жары такъ же сильны въ южномъ Китаѣ, какъ и въ остъ-индскихъ городахъ, находящихся въ такомъ же разстояніи отъ экватора; но, начиная съ октября мѣсяца, когда господствуютъ полярные сѣверо-восточные вѣтры, движущіеся параллельно морскому берегу и горнымъ цѣпямъ въ промежуточныхъ бороздахъ земной поверхности, температура быстро понижается. Хотя эти вѣтры на большой части своего пути проходятъ надъ океаническими пространствами, тѣмъ не менѣе они могутъ, нагрѣваясь подъ болѣе южными широтами, насыщаться большимъ количествомъ водяныхъ паровъ, не осаждая ихъ въ видѣ дождя; они кажутся очень сухими, какъ вѣтры, дующіе надъ Монголіей. Въ январѣ мѣсяцѣ дождь идетъ рѣдко, ночи всегда ясныя, и иногда бываетъ легкій морозецъ, отъ котораго блекнутъ листья на деревьяхъ; случается даже, что въ холодную ночь на кантонскихъ водахъ образуются пленки льда, которыя исчезаютъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Однако, періодическое чередованіе

[1]) Sampson; Hirth, „Mittheilungen von Petermann“, 1873.

влажныхъ лѣтнихъ и сухихъ зимнихъ вѣтровъ не всегда происходитъ съ совершенной правильностью; и атмосферныя теченія претерпѣваютъ разнообразныя отклоненія отъ нормальнаго пути подъ вліяніемъ рельефа и формы морскаго прибрежья; такъ, юго-западный муссонъ становится въ Кантонѣ юго-восточнымъ вѣтромъ. Вокругъ высокой горы острова Ланьдао почти каждый день скопляются грозовыя тучи въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Какъ только солнце спрячется за горизонтъ, густыя облака окутываютъ вершину пика, вихрь поднимается въ воздухѣ и молнія разсѣкаетъ черный сводъ неба [1]).

Контрастъ, проявляющійся между различными временами года въ движеніи вѣтровъ и во всемъ климатѣ, обнаруживается также и въ растительности. Зимой поля лежатъ голыя, горы теряютъ свой нарядъ изъ пышной листвы; природа имѣетъ тотъ же видъ, какъ и въ странахъ, лежащихъ внѣ тропическаго пояса. Но картина быстро мѣняется съ переходомъ направленія муссона въ противоположное и съ наступленіемъ дождей. Тогда южная флора возрождается во всемъ своемъ блескѣ: подумаешь, что находиться гдѣ-нибудь въ Индостанѣ. Рядомъ съ китайской сосной высится стройная пальма, камеліи пышно растутъ на скатахъ горъ подлѣ могучихъ дубовъ и каштановъ. Лимонныя и апельсинныя деревья разныхъ породъ, гуявы, бананы, манговое дерево, личжи или нефеліи (nephelium litchi) перемѣшаны съ фруктовыми деревьями умѣреннаго пояса. Большое число деревьевъ, кустарниковъ, низкихъ растеній, которые въ Европѣ держатъ въ теплыхъ оранжереяхъ, пышно растутъ на открытомъ воздухѣ подъ небомъ Кантона, украшая землю своими роскошными цвѣтами, наполняя воздухъ своимъ благоуханіемъ. Островъ Гонконгъ, хотя очень маленькій въ сравненіи съ пространствомъ бассейна, пробѣгаемаго Си-цзяномъ, представляетъ, однако, настолько обширную площадь, что посѣтившіе его англійскіе натуралисты видятъ въ немъ какъ бы резюме этой южной флоры. Но пространства, оставшіяся тамъ необработанными, слишкомъ сужены, чтобы животныя крупныхъ размѣровъ могли быть многочисленны; изъ млекопитающихъ попадаются только бѣлки и лисицы. Птицы, насѣкомыя, бабочки, принадлежатъ на добрую долю къ фаунѣ Индостана: можно подумать, что находишься на берегу Индійскаго океана [2]). Во внутреннихъ мѣстностяхъ края фауна представлена нѣкоторыми изъ большихъ видовъ остъ-индской Азіи: такъ, въ лѣсахъ провинціи Гуанъ-си встрѣчается носорогъ [3]); иногда тигры переправлялись вплавь черезъ проливы, отдѣляющіе континентъ отъ сосѣднихъ острововъ [1]).

Вѣроятно, что въ составъ населенія южнаго Китая вошли, между прочимъ, южные элементы, представленные преимущественно малайцами; однако, слѣдовъ ихъ не видно ни въ нравахъ, ни въ языкѣ жителей Гуанъ-дуна. Ихъ нарѣчіе, чисто китайское, даже болѣе приближается къ древнимъ формамъ, чѣмъ нынѣшній мандаринскій діалектъ, и всѣ названія мѣстъ принадлежатъ къ тому же корню, какъ и имена мѣстъ въ сѣверномъ и центральномъ Китаѣ: число оригинальныхъ словъ, которые не соотвѣтствуютъ особенному знаку литературнаго языка, гораздо ограниченнѣе, чѣмъ предполагали прежніе синологи [2]). Но внутри страны существуютъ еще первобытныя населенія (аборигены), которыя не слились въ одну расу съ китайцами и на которыхъ послѣдніе смотрятъ какъ на варваровъ. Такъ, на сѣверо-западѣ провинціи Гуанъ-дунъ, около истоковъ Ляньчжоу, западнаго притока рѣки Бэй-цзяна [3]), живутъ мяоты; другіе инородцы того же племени обитаютъ въ провинціи Гуанъ-си, гдѣ они соединились въ автономныя общины на земляхъ, отведенныхъ имъ по повелѣнію императора Юнъ-чжэна, въ 1730 году [4]). Въ семнадцатомъ столѣтіи другія мяотскія колѣна или роды, говорятъ, населяли также горы, гдѣ зарождаются верхніе притоки Хань-цзяна, но въ наши дни вся эта страна отъ границъ Фу-цзяни занята китайскими поселенцами. Инородцы «яо» или «ію»—группа племенъ, какъ говорятъ, бирманскаго происхожденія,—бродятъ въ гористой странѣ на юго-западѣ провинціи, недалеко отъ аннамской границы. Число «яо» различныхъ нарѣчій не превышаетъ 30.000 человѣкъ; при такой малочисленности они не могутъ, конечно, и помышлять о томъ, чтобы защищаться противъ китайцевъ силой; только хитростью они успѣвали до сихъ поръ сохранять свою независимость. Яо представляютъ примѣръ, довольно рѣдкій на крайнемъ Востокѣ, народа, сохранившаго, подобно черкесамъ, корсиканцамъ, обычай вендетты (родовой мести), преслѣдуемый изъ рода въ родъ въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній. Но, какъ въ Корсикѣ и въ Албаніи, женщины и здѣсь остаются внѣ наслѣдственной борьбы; въ то время, какъ мужчины ищутъ другъ друга и встрѣтившись вступаютъ въ бой между собой, женщины могутъ безъ всякаго опасенія заниматься сельскими работами.

Хотя принадлежащіе, если не къ одной и той же первоначальной расѣ, то по крайней мѣрѣ къ одной націи, прочно соединенной об-

[1]) Meyen, „Climatische Verhältnisse des südlichen China's".
[2]) Fortune;—Swinhoe;—Armand David.
[3]) „Mittheilungen von Petermann", 1861.

[1]) Swinhoe, „Treaty ports of China and Japan".
[2]) Douglas;—R. Yule, „The Book of ser Marco Polo".
[3]) Hirth „Mitteilungen von Petermann", 1873.
[4]) H. Gray, „China";—L. Katscher, „Bilder aus dem chinesischen Leben".

щимъ языкомъ и историческимъ развитіемъ, жители Кантона и окружающихъ мѣстностей дѣлятся на три группы: гокло, пунти и хакка.

Гокло (Hoklo) населяютъ преимущественно область морскаго прибрежья и лиманы рѣкъ. Имя ихъ, какъ оно изображается въ китайскомъ письмѣ, означаетъ «Старшіе по наукѣ», что, повидимому, указываетъ на цивилизацію, предшествовавшую культурѣ другихъ жителей; но именно между гокло всего менѣе встрѣчается людей, посвятившихъ себя ученой или литературной профессіи. Впрочемъ, они извѣстны также подъ именемъ фуло (старшіе по благосостоянію); но эти слова фу и гокъ, «благосостояніе» и «наука» входятъ въ наименованіе провинціи Гокіенъ или Фу-цзяни. Поэтому можно предположить, что истинный смыслъ названія гокло есть просто «жители Фу-цзяни». Нарѣчіе гокло мало разнится отъ амойскаго діалекта [1]). По китайскому преданію, переселеніе этихъ народовъ въ провинцію Гуанъ-дунъ имѣло мѣсто въ четырнадцатомъ столѣтіи. Лодочники, которые занимаютъ лиманы десятками тысячъ человѣкъ, представляютъ болѣе близкую связь съ гокло, чѣмъ съ другими элементами юга, и имъ тоже приписываютъ фуцзянское происхожденіе. Различіе образа жизни сдѣлало изъ нихъ особенную касту, не менѣе презираемую, чѣмъ рѣчные паріи города Фучжоу и награждаемую такими же оскорбительными прозвищами. Въ Кантонѣ, какъ и Фучжао, люди, принадлежащіе къ этой кастѣ, не допускаются на твердую землю; изъ поколѣнія въ поколѣніе они живутъ на баркахъ, кочуя вдоль береговъ и группируясь въ плавучія деревни. Въ Кантонской рѣкѣ мѣста якорной стоянки становятся наслѣдственной собственностью, и когда барка отъ ветхости разваливается, обитатели ея строятъ новую на томъ же самомъ мѣстѣ [2]).

Пунти (Punti) или «корни земли»—самые многочисленные жители южныхъ провинцій, съ гордостью называютъ себя кореннымъ, первобытнымъ населеніемъ края. Происшедшіе, вѣроятно, изъ смѣшенія сѣверныхъ переселенцевъ съ мѣстными аборигенами, пунти считаютъ себя естественными господами страны, и даже въ Юнь-нанѣ отказываются принять имя китайцевъ: они хотятъ, чтобы ихъ признавали за особую расу [3]). Представляя собою аристократію южнаго Китая, пунти относятся съ презрѣніемъ къ плебейской толпѣ людей хакка и гокло и даже къ жителямъ сѣвера имперіи, которыхъ они превосходятъ изяществомъ и утонченностью нравовъ. Ихъ нарѣчіе, прекрасный кантонскій діалектъ, прозвали пэ-хоа, то-есть «бѣлымъ языкомъ»; большое число литературныхъ произведеній было написано на этомъ нарѣчіи. Пунти составляютъ численное большинство въ Кантонѣ и его окрестностяхъ, но имъ угрожаютъ пролетаріи хакка, потомки колонистовъ, поселившихся первоначально въ сѣверо-восточной части провинціи Гуанъ-дунъ. Нарѣчіе хакка, совершенно отличное отъ нарѣчія пунти и фуцзяньскаго, гораздо болѣе приближается къ діалекту гуань-хоа, чѣмъ къ областнымъ нарѣчіямъ южнаго Китая: это нарѣчіе, кажется, составляетъ вѣтвь такъ называемаго «истиннаго языка», то-есть нанкинскаго говора, но оно приняло въ себя довольно значительное число выраженій и оборотовъ діалекта пунти. Хакка, то-есть «семейства въ гостяхъ», являются, въ южныхъ провинціяхъ, самыми чистыми представителями китайцевъ въ собственномъ смыслѣ слова. Почти всѣ они земледѣльцы, и характеристическую черту ихъ составляетъ замѣчательная выносливость и неутомимость въ трудѣ. Между ними и между жителями провинціи Фу-цзяни и встрѣчаются преимущественно работники, которымъ европейцы дали индусское названіе куліевъ. Эти китайскіе выходцы, которые толпами переселяются на островъ Формозу, на Яву, въ Сайгонъ, Банкокъ, на Сандвичевы острова, въ Перу, въ Калифорнію, все тѣ же хакка; это ихъ нарѣчіемъ говорятъ въ китайскихъ поселеніяхъ на островѣ Борнео и въ Сингапурѣ. Продолжая это движеніе мирнаго завоеванія посредствомъ труда, которое привело ихъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ изъ долины Янъцзы-цзяна въ долину «Западной рѣки», они устремились теперь въ другія страны Стараго и Новаго Свѣта. Какъ ни презираютъ ихъ высокомѣрные пунти, нельзя не признать, что это ихъ иниціативѣ главнымъ образомъ обязана китайская нація тѣмъ, что ею сдѣлано въ общемъ трудѣ человѣчества.

На сѣверо-востокѣ отъ Кантона, въ той части провинціи Гуанъ-дунъ, которая, по языку и нравамъ жителей, составляетъ этнографическое продолженіе Фу-цзяни, главный торговый городъ есть Шань-тоу, который иностранцы называютъ Сватоу. Около 1840 года это была простая рыбачья деревня, но ея счастливое положеніе, на судоходной рѣкѣ и при выходѣ послѣдней изъ плодородной аллювіальной равнины, привлекало торговлю. Уже задолго до того времени, когда трактаты разрѣшили англичанамъ селиться въ странѣ, коммерсанты этой націи овладѣли островомъ, лежащимъ въ устьѣ Ханя и названнымъ ими «Двойнымъ островомъ» (Double Island), и сдѣлали его складочнымъ мѣстомъ опіума и товаровъ всякаго рода: пираты и контрабандисты составляли вокругъ нихъ, особенно на островѣ Намоа или Нангао и на сосѣднихъ берегахъ, нѣчто въ родѣ не-

[1]) Wells Williams, „Sillabic Dictionnary“;—Smith, „Vocabulary of Chinese proper names“;—Yule, „The Book of ser Marco Polo“;—Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) M-rs Gray, „Fourteen months in Canton“.

[3]) Emile Rocher „La province chinoise du Yunnan“.

зависимой республики, куда не осмѣливались показываться мандарины [1]). Но европейцы «Двойнаго острова» не ограничивались операціями контрабандной торговли, они еще воровали людей, чтобы продавать ихъ въ Новомъ свѣтѣ въ качествѣ нанятыхъ работниковъ. Оттого они были очень недружелюбно приняты въ Сватоу, когда доступъ въ этотъ портъ былъ открытъ имъ въ 1858 году, и съ большимъ трудомъ нашли мѣсто для своихъ домовъ и товарныхъ складовъ. Благодаря этой ненависти мѣстнаго населенія къ чужеземнымъ негоціантамъ, китайскимъ купцамъ легко было завладѣть внѣшней торговлей порта Сватоу. Почти всѣ конторы этого приморскаго города принадлежатъ кантонцамъ или эмигрантамъ изъ Сингапура; послѣдніе съумѣли даже образовать нѣчто въ родѣ «ганзы», которая подъ именемъ «Сватоуской гильдіи», предписываетъ условія европейскимъ коммиссантамъ въ другихъ портахъ китайскаго прибрежья. Главный предметъ ввоза составляютъ соевыя выжимки, покупаемыя въ Маньчжуріи и употребляемыя для удобренія полей сахарнаго тростника, которыя покрываютъ всю дельту рѣки Хань-цзяна, отъ Сватоу до главнаго областнаго города, Чаочжоу-фу; этотъ городъ Срединнаго царства производитъ также лучшую селитру. Сватоу вывозитъ главнымъ образомъ сахаръ, земляные орѣхи произведенія своей промышленности, лаковый товаръ и опахала. Въ часы прилива, гавань, отстоящая на 8 километровъ отъ моря, даетъ доступъ даже большимъ судамъ, сидящимъ на 6 метровъ въ водѣ; деревня, населенная лоцманами, осталась при входѣ въ рѣку, тамъ, гдѣ находилось становище европейскихъ контрабандистовъ, на Двойномъ островѣ. Сватоу одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ морскаго прибрежья, но ураганы иногда причиняютъ ему много вреда, и чтобы лучше выносить силу вѣтра, всѣ его дома, построенные изъ битой глины, покрыты плоскими кровлями. Движеніе судоходства въ портѣ Сватоу въ 1895 г.: 1.828 судовъ, вмѣстимостью 1.812.382 тоннъ; общая цѣнность внѣшней торговли въ 1897 году 28.398.001 ланъ.

Городъ Сватоу.—Прическа китаянки.

Такъ какъ въ области Си-цзяна единственные пути сообщенія—рѣки и волоки, то всѣ города возникли на берегахъ текучихъ водъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сліянія рѣкъ, пороги, задержки судоходства дѣлали необходимымъ учрежденіе складовъ для товаровъ. Такъ, Гуй-линь-фу, главный городъ провинціи Гуанъ-си, выстроился при выходѣ изъ бреши горъ, на берегу шлюзованнаго канала, который соединяетъ Голубую рѣку съ Западной посредствомъ ихъ притоковъ Сянъ-цзяна и Гуй-цзяна; но эта послѣдняя рѣка до такой степени загромождена порогами, что судоходство по ней почти невозможно кромѣ какъ въ періоды разлива, и потому городъ того же имени, несмотря на его административный рангъ, не имѣетъ важнаго значенія въ торговомъ отношеніи. Главнымъ рынкомъ этой провинціи является городъ У-чжоу-фу, построенный ниже сліянія Гуй-цзяна и Си-цзяна, на сѣверномъ берегу Западной рѣки. Всѣ произведенія провинцій Юнь-нань и Гуанъ-си, мѣдныя руды, строевой лѣсъ, издѣлія изъ чернаго дерева, рисъ и родъ кассіи, отъ которой получили свое имя рѣка и городъ Гуй-линь, направляются въ У-чжоу и обмѣниваются тамъ на соль и мануфактурные товары, привозимые изъ Кантона. Въ 1859 году англо-французская экспедиція, подъ начальствомъ Макъ-Клеверти и д'Абовиля, поднималась по Си-цзяну до города У-чжоу-фу.

Городъ Чжао-цинъ-фу, на лѣвомъ берегу Си-цзяна, выше послѣдняго ущелья, которое проходитъ рѣка до вступленія въ область дельты, былъ долгое время резиденціей генералъ-губернатора двухъ провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ; но администрація края должна была перемѣститься, чтобы имѣть возможность наблюдать за иностранцами, посѣщающими Кантонъ. Чжао-цинъ-фу прежде былъ самымъ оживленнымъ городомъ южнаго Китая; но послѣ тайпинскаго разгрома онъ пришелъ въ упадокъ и не можетъ уже сравняться съ могущественнымъ городомъ, стоящимъ на берегу Жемчужной рѣки; однако, онъ все еще ведетъ большую торговлю чаемъ, фарфоровыми издѣліями, мраморными плитами, высѣкаемыми въ сосѣднихъ горахъ; въ холмахъ, господствующихъ надъ городомъ, открываются тамъ и сямъ гроты, преобразованные въ храмы. Населеніе

[1]) Fortune, „Wanderings in China".
[2]) „Returns of trade", 1897 г.

густо скучено на обоихъ берегахъ рѣки; деревни слѣдуютъ одна за другой по обѣимъ сторонамъ въ видѣ непрерывнаго города, вездѣ, гдѣ долина раздвигается на столько, что оставляетъ по берегамъ достаточно мѣста для постройки домовъ. Движеніе торговли и толпа жителей сосредоточиваются въ особенности около слiянія Си-цзяна и Бэй-цзяна, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ вершину дельты; здѣсь находится городъ Сань-шуй. Фо-шань на юго-западъ отъ главнаго города провинціи, считается простымъ мѣстечкомъ или селомъ, потому что онъ не обнесенъ поясомъ стѣнъ; въ немъ нѣтъ никакихъ укрѣпленій, кромѣ двухъ сотъ башенъ, воздвигнутыхъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и предназначенныхъ служить убѣжищемъ жителямъ во время войнъ и революцій. Эта громадная деревня, растянутая на 20 километровъ въ длину, причисляется къ «четыремъ главнымъ рынкамъ» Срединной имперіи; она составляетъ самое многолюдное поселеніе дельты, соединяющей Саньшуйскій рукавъ или «Рукавъ трехъ водъ» съ Жемчужной рѣкой. Кажется, что судоходный Фошаньскій рукавъ обмелѣлъ сравнительно съ прежнимъ временемъ; отсюда, можетъ быть, и происходитъ упадокъ этого огромнаго села, которое, по словамъ Буве и другихъ миссіонеровъ, имѣло милліонъ жителей въ семнадцатомъ столѣтіи, тогда какъ въ наши дни цифра его населенія, говорятъ, не превышаетъ пятисотъ тысячъ. Если Фо-шань пересталъ быть равнымъ Кантону, то, по крайней мѣрѣ, его можно разсматривать какъ пригородъ послѣдняго по обрабатывающей промышленности, такъ какъ въ этомъ мѣстечкѣ сосредоточены разные фабрики и заводы, производящіе шелковыя ткани, мелкія желѣзныя и мѣдныя издѣлія, циновки, писчую бумагу, парусину, предметы всякаго рода. На востокѣ отъ Кантона, Шп-лунъ, построенный при вершинѣ дельты, образуемой Западной рѣкой, тоже можетъ быть разсматриваемъ какъ торговый пригородъ Кантона; это складочный пунктъ для сахара и другихъ произведеній востока, предназначенныхъ къ отправкѣ въ главный городъ провинціи. Что касается Бэй-цзяна, то онъ тоже орошаетъ густо населенную страну, и нѣкоторые изъ прибрежныхъ городовъ, каковы Нань-сюнъ-чжоу, у подошвы хребта Мэй-линъ, и Шао-чжоу-фу — представляютъ оживленныя пристани, посѣщаемыя большимъ числомъ джонокъ и барокъ. Притокъ, который Сѣверная рѣка (Бэй-цзянъ) принимаетъ въ себя у города Шао-чжоу, беретъ начало на хребтѣ Чжэ-линъ, образующемъ перевалъ въ 400 метровъ высоты, на дорогѣ изъ Гуанъ-дуна въ Ху-нань. Гористая область, по которой протекаетъ верхній Бэй-цзянъ, очень богата залежами каменнаго угля. Одинъ изъ пригорковъ, господствующихъ надъ этой рѣкой, при вступленіи ея въ равнину, изрытъ обширными пещерами, изъ которыхъ сдѣлали храмъ Будды [1]).

Китайскія лѣтописи упоминаютъ о Кантонѣ уже за двѣ тысячи триста лѣтъ до нашего времени: въ ту эпоху онъ носилъ имя Нань-вучэнъ или «воинственный городъ юга», и, дѣйствительно, онъ заслуживалъ этого названія по своимъ частымъ возмущеніямъ. Въ 250 году христіанскаго лѣтосчисленія онъ успѣлъ прогнать сѣверныхъ китайцевъ и остался совершенно независимымъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. Въ началѣ десятаго столѣтія Кантонъ сдѣлался столицей отдѣльнаго государства, связаннаго съ имперіей лишь уплатой ежегодной дани; но шестьдесятъ лѣтъ спустя онъ былъ снова завоеванъ основателемъ династіи Сунъ. Въ 1648 году онъ возсталъ противъ маньчжуровъ, во имя династіи Минъ, и сопротивлялся болѣе года: слишкомъ 700.000 кантонцевъ погибли во время осады, и городъ, отданный на разграбленіе солдатамъ, былъ обращенъ въ груду развалинъ.

Кантонъ или Гуанъ-чжоу-фу, Шэнъ-цзинъ или Янъ-цзинъ на мѣстномъ простонародномъ нарѣчіи, есть одинъ изъ самыхъ большихъ китайскихъ городовъ Срединнаго царства, хотя онъ находится на южныхъ окраинахъ, обращенныхъ лицомъ, такъ сказать, къ малайскимъ островамъ и индійскимъ полуостровамъ. Сравниваемый съ другими большими городами имперіи, которые, вѣроятно, всѣ уступаютъ ему по числу жителей, онъ превосходитъ ихъ также оригинальностью вида и своей вѣрностью характерическому типу китайской столицы. Мы не увидимъ въ немъ, какъ въ Пекинѣ, широкихъ пыльныхъ улицъ, этихъ домовъ въ формѣ палатки кочевника, напоминающихъ о сосѣдствѣ монгольскихъ степей; онъ не поражаетъ взора, какъ Шанхай или Хань-коу, этими новыми кварталами, гдѣ все европейское – дома, дамы, суда и люди; ему не приходилось заново отстраиваться, какъ Ханъ-чжоу-фу и многимъ другимъ городамъ имперіи, разрушеннымъ «долговолосыми мятежниками». Онъ является и теперь такимъ же, какимъ былъ слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, когда европейцы увидѣли его въ первый разъ. Этотъ городъ, «единственный въ свѣтѣ», показывается иностранцу прежде всего своимъ пловучимъ кварталомъ, гдѣ стоятъ на якорѣ безчисленныя суда всякаго рода, расположенныя въ видѣ островковъ, какъ дома на твердой землѣ, и раздѣленныя водяными улицами, по которымъ безпрестанно снуютъ взадъ и впередъ барки и лодки; рѣка, имѣющая въ этомъ мѣстѣ болѣе километра ширины, исчезаетъ подъ этимъ флотомъ судовъ, гдѣ суетится толпа торговцевъ, промышленниковъ трактирщиковъ и разнаго гуляющаго люда, и гдѣ царствуетъ не менѣе кипучая

[1]) Barrow, „Travels in China“.

жизнь, чѣмъ въ городѣ на твердой землѣ. Собственно такъ называемый городъ, построенный на сѣверномъ берегу Жемчужной рѣки, окруженъ стѣной, и, по китайскому обычаю, раздѣленъ внутри другимъ валомъ на два отдѣльные города. Населеніе густо скучено на этомъ пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ; улицы узкія и кривыя; лакированныя и вызолоченныя доски вывѣсокъ, висящихъ передъ каждымъ магазиномъ, еще болѣе съуживаютъ и безъ того тѣсную дорогу; во многихъ проходахъ протянуты надъ домами циновки съ одной стороны улицы на другую, и въ скромномъ полумракѣ, между богатыми магазинами съ открытыми настежь дверями, безшумно движется пестрая толпа пѣшеходовъ, разступаясь тамъ и сямъ, чтобы пропустить встрѣчные паланкины. За стѣнами города, вдоль рѣки, продолжаются вправо и влѣво обширныя предмѣстья; напротивъ, на южномъ берегу Чжу-цзяна, расположился городъ Хэ-нань, на островѣ того же имени, тогда какъ на юго-западѣ, на другомъ островѣ, разстилается Фати или Хуа-ди, «Поле цвѣтовъ», населенное садовниками, которые занимаются главнымъ образомъ культурой малорослыхъ деревьевъ и разведеніемъ златоцвѣта. Пагоды и несгораемыя башни, въ которыхъ хранятся вещи, отдаваемыя, въ видѣ залога, закладчикамъ, господствуютъ надъ скопленіями низенькихъ домовъ. Столица провинціи—Гуанъ-дунъ—одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ Китая: тамъ насчитываютъ не менѣе 8.000 слѣпыхъ и 10.000 прокаженныхъ; мало найдется городовъ, гдѣ бы типъ жителей представлялся на первый взглядъ болѣе противорѣчащимъ понятію о красотѣ, которое составилось у западныхъ народовъ; большинство лицъ кажутся европейцамъ отвратительными [1]). Англійскіе резиденты, составляющіе самую многочисленную и самую богатую часть населенія европейской колоніи Кантона, сдѣлали изъ своего квартала, построеннаго на островѣ Шань-мынь [2]), великолѣпный городъ, гораздо болѣе здоровый, чѣмъ городъ китайцевъ, и снабженный публичными садами, бульварами, тѣнистыми аллеями, полемъ для скачекъ. Мѣстоположеніе этого квартала выбрано какъ нельзя болѣе удачно: какъ разъ напротивъ «концессіи» происходитъ соединеніе двухъ самыхъ глубокихъ фарватеровъ Жемчужной рѣки.

По промышленному производству Кантонъ занимаетъ первое мѣсто между городами Срединной имперіи: его мастера прядутъ и ткутъ шелкъ, красятъ и апретируютъ матеріи, фабрикуютъ писчую бумагу, стекло, лакированныя издѣлія, вытачиваютъ разныя вещи изъ слоновой кости и дерева, дѣлаютъ превосходную рѣзную и полированную мебель, плавятъ металлы, обжигаютъ фарфоровую посуду, рафинируютъ сахаръ, работаютъ тысячу предметовъ, которые извѣстны подъ именемъ «кантонскаго товара» (articles de Canton), и которые вывозятся отсюда во внутреннія провинціи Китая; туземныя мастерицы достигли высокой степени совершенства въ искусствѣ вышиванья: какъ въ отношеніи расположенія и подбора цвѣтовъ, такъ и въ отношеніи изящества рисунковъ и отчетливости отдѣлки, онѣ не имѣютъ соперницъ во всемъ свѣтѣ [1]). Кантонъ главный складочный пунктъ шелковыхъ тканей въ южномъ Китаѣ, какъ Ханъ-чжоу главный рынокъ этого товара въ центральной части имперіи. Почти вся кантонская торговля находится въ рукахъ туземныхъ негоціантовъ: европейцы, живущіе на островѣ Шань-мынѣ, сдѣлались простыми коммиссіонерами. Въ 1815 году, до посольства лорда Амгерста, англійская торговля была только терпима; въ то время не существовало съ Китаемъ ни капитуляцій, какъ въ Турціи, ни торговыхъ трактатовъ, какъ между различными европейскими государствами. Но когда явилась возможность производить торговлю съ полной свободой, Кантонъ, пользуясь монополіей обмѣна съ иностранцами, пріобрѣлъ чрезвычайно важное значеніе. Открытіе Шанхая и другихъ китайскихъ портовъ европейскимъ купеческимъ кораблямъ низвело Кантонъ на вторую степень между торговыми центрами имперіи, но теперь торговое движеніе этого города снова увеличивается мало-по-малу.

Обороты заграничной торговли Кантона въ 1897 году были: привозъ 27.034.720 ланъ; вывозъ 22.899.671 ланъ. Вмѣстѣ 49.934.391 ланъ.

На долю Англіи въ торговлѣ порта приходится до 65%.

Въ Кантонѣ выработался, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній между англичанами и китайцами, странный жаргонъ, называемый «англійскимъ дѣловымъ языкомъ» или business english (pidgeon english), многія выраженія котораго вошли въ обыденную рѣчь самихъ англичанъ. Особенный классъ посредниковъ, которые не англичане и не китайцы, кишитъ вокругъ факторій; эти люди по большей части пользуются незавидной репутаціей, и они-то, безъ сомнѣнія подали поводъ къ тому крайне невыгодному мнѣнію, которое сложилось о «кантонцахъ» у жителей внутреннихъ областей. Одна народная поговорка выражаетъ въ одно и то же время, какъ тяжела жизнь въ горахъ запада, и какъ она развратна въ большомъ городѣ юга: «Старикъ, не ходи въ Сы-чуань; молодой человѣкъ, не ходи въ Кантонъ» [2]).

Хуанъ-пу (Вампоа), передовой портъ Кантона на Жемчужной рѣкѣ, тоже большой го-

[1]) Wernich, „Geographisch-medicinisch Studien".
[2]) По другимъ источникамъ Ша-мянь.

[1]) Julien de Rochechouart, „Pékin et l'interieur de la Chine".
[2]) Guillemin, „Annales de la propagation de la Foi", nov. 1850.

родъ, протянувшійся на пространствѣ 4 километровъ, по берегу острововъ, окружающихъ рейдъ. Хотя онъ находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ европейскими строеніями, онъ сохранилъ всю свою оригинальность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всю свою китайскую неопрятность: это скопленіе бамбуковыхъ домиковъ, похожихъ на клѣтки: только пагода, пользующаяся большой славой, возвышается надъ этимъ человѣческимъ муравейникомъ. Кораблестроительныя верфи, доки для починки судовъ, обширные амбары для склада товаровъ—все это дѣлаетъ Вампоа одною изъ пристаней, наилучше приспособленныхъ для европейскихъ кораблей, и, дѣйствительно, движеніе судоходства въ этомъ портѣ весьма значительно; такъ, въ 1895 году, оно выразилось слѣдующими цифрами (не считая джонокъ):

Судовъ англійскихъ 3.192, вмѣстимостью 3.035.340 тоннъ; судовъ другихъ націй 1.056, вмѣстимостью 597.294 тоннъ. Всего 4.248 судовъ, вмѣстимостью 3.632.634 тонны.

Но большая часть торговли Вампоа производится тайно, въ сосѣднихъ рукавахъ, среди густыхъ камышей: сюда приходятъ по ночамъ контрабандисты за кипами опіума, которыя складываютъ тутъ купцы Великобританіи. На берегу виднѣются, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, старинныя башни, построенныя неизвѣстно въ какую эпоху противъ непріятелей, самое имя которыхъ теперь забыто.

Англійскіе коммерсанты, которымъ открытые для нихъ китайскіе рынки показались недостаточными, овладѣли однимъ островомъ морскаго прибрежья, лежащимъ за чертой китайскихъ укрѣпленій. Гонконгъ,—или Хонъ-конъ, кантонское названіе Сянъ-цзянъ, островъ «Душистыхъ водъ»,—принадлежитъ англичанамъ съ 1841 года, и, благодаря имъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ Востока. Этотъ островъ, состоящій изъ различныхъ каменныхъ породъ, гранитовъ, сланцевъ, базальтовъ, и занимающій пространство около 83 квадратныхъ километровъ, составляетъ отдѣльный міръ, имѣющій свои горы и долины, свои лѣса, рѣки и ручьи, свои берега, изрѣзанные скалистыми бухточками, свои гавани и маленькіе архипелаги островковъ и выступающихъ изъ моря скалъ; у западнаго входа проливъ, отдѣляющій Гонконгъ отъ материка, имѣетъ 2.500 метровъ въ ширину. Когда островъ перешелъ подъ власть англичанъ, тамъ было всего только 2.000 жителей, рыбаковъ и земледѣльцевъ; теперь большой великолѣпный городъ, Викторія (китайцы называютъ его Гуань-дай-лоу, что значитъ «дорога поясовъ юбки») [1]), раскинулся на сѣверномъ берегу острова, на краю рейда, образуемаго проливомъ; многолюдныя деревни выстроились у входа всѣхъ долинъ; загородные дома, виллы и пышныя зданія занимаютъ всѣ мысы, утопая въ густой зелени сосенъ, смоковницъ, банановъ, бамбуковъ. Прекрасная дорога поднимается извилистой линіей до высшей вершины острова, откуда, съ высоты 539 метровъ надъ уровнемъ моря, видны, какъ на ладони, набережныя Викторіи и блестящая поверхность рейда, съ его многочисленными кораблями, военными и купеческими, пересѣкающимися своими струями. По чистотѣ своихъ улицъ, по солидности построекъ, по богатству своихъ дворцовъ, этотъ англійскій городъ, въ которомъ теперь возводятъ укрѣпленія, походитъ на города метрополіи, но онъ, сверхъ того, отличается красотой и живописностью, которую придаютъ ему веранды, убранныя тропическими цвѣтами, сады, наполненные деревьями и кустарниками, и ярко освѣщенное небо юга. Въ первое время англійской колонизаціи, Викторія, гдѣ постоянно разрывали почву для возведенія построекъ, пріобрѣла репутацію очень нездороваго города; теперь же онъ сдѣлался для англійскихъ резидентовъ крайняго Востока мѣстомъ, куда ѣздятъ для поправленія здоровья, хотя воздухъ обновляется здѣсь не такъ скоро, какъ на берегу острова, обращенномъ къ морской бризѣ. Къ несчастію, Гонконгъ находится на пути урагановъ; тифонъ 1874 года повалилъ тамъ болѣе тысячи домовъ, потопилъ 33 большихъ судна и сотни джонокъ; многія тысячи людей погибли во время этой страшной катастрофы.

Городъ Викторія представляетъ изъ себя по внѣшности совершенно европейскій крупный центръ. Многоэтажные каменные дома поднимаются ярусами одинъ надъ другимъ по скату высочайшей горы, на самой вершинѣ которой устроены окруженныя садами дачи. Улицы и дороги содержатся въ образцовомъ порядкѣ, обсажены деревьями и вымощены. Центръ города занимаетъ ботаническій садъ, расположенный въ видѣ террасокъ, скатовъ или аллей, съ многочисленными фонтанами, оранжереями и клѣтками для звѣрей и птицъ. Въ этомъ саду помѣщается бронзовая статуя одного изъ правителей острова сэра Кэннди, поставленная въ 1887 году. Красивыя зданія городской ратуши, театра, судебной палаты и казеннаго госпиталя украшаютъ городъ. Въ ратушѣ помѣщаются: клубъ, библіотека и музей полезныхъ производствъ и природы. Большую красоту городу придаетъ присутствіе такихъ монументальныхъ зданій какъ церкви. Послѣднихъ нѣсколько, но самыя красивыя это Англиканскій соборъ св. Іоанна, построенный еще въ 1842 году и въ 1869 году передѣланный, Римско-католическій соборъ, вблизи ботаническаго сада, китайская церковь св. Стефана и новая церковь св. Іосифа, основанная на мѣстѣ

[1]) E. P. Smith, „Vocabulary of Chinese Proper Names“;—Mayers;—Dennys;—King, „Treaty Ports of China“.

разрушенной тайфуномъ церкви въ 1874 году. Здѣсь находится также еврейская синагога и мусульманская мечеть, институтъ для воспитанія сиротъ и Англиканская коллегія св. Павла, гдѣ живетъ гонконгскій епископъ. Зданіе Гонконгъ-Шанхайскаго банка весьма громадно, но несмотря на свою массивность красиво и могло бы служить украшеніемъ любой столицы.

Общее населеніе колоніи, по переписи 1891 года, составляло 221.441 жителей, въ томъ числѣ англійскаго и американскаго гражданскаго населенія 4.195 ч., англійскаго войска 1.544 ч., флота 1.356. Въ общемъ 8.545 европейцевъ и американцевъ. Населеніе собственно города Викторіи равно 144.300 жит. Входъ въ портъ сильно укрѣпленъ фортами и орудіями новѣйшихъ конструкцій, и въ городѣ квартируетъ постоянный гарнизонъ.

Мануфактурная промышленность Гонконга возростаетъ весьма быстро. Въ колоніи извѣстны три громадныхъ сахароваренныхъ завода, заводы рома, водокъ, льда, шелковыя фабрики и канатные заводы. Въ порту находятся нѣсколько доковъ и строительная, правительству принадлежащая, верфь. Въ 1891 году торговые обороты Гонконга достигли до 70 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и въ него вошло 18.288 судовъ, съ грузомъ 6.052.866 тоннъ. Предметами торговли главнымъ образомъ являются: опіумъ, хлопокъ, сахаръ, соль, мука, шерстяныя издѣлія, зелень и др. [1]) *).

Важность торговли Англіи и Индіи въ китайскомъ мірѣ, Гонконгъ есть вмѣстѣ съ Шанхаемъ тотъ городъ крайняго Востока, гдѣ ученые могли собрать самый богатый запасъ матеріаловъ для изученія Срединнаго царства, и гдѣ издано объ этой странѣ наибольшее число благоцѣнныхъ сочиненій. Въ то же время это одно изъ тѣхъ мѣстъ земнаго шара, гдѣ можно наблюдать наибольшее разнообразіе типовъ. Персы, наиболѣе уважаемые изъ чужеземцевъ, почти какъ дома на этомъ островѣ китайскаго прибрежья, гдѣ ихъ всегда принимали какъ сватьевъ, благодаря ихъ традиціонной честности. Новые господа, англичане, привели съ собой индусовъ всякаго языка и племени, малайцевъ, бирманцевъ, португальскихъ метисовъ, полинезійцевъ. Между китайцами, которые составляютъ главную массу населенія, есть уроженцы всѣхъ провинцій имперіи. Вся торговля между Англіей и Кантономъ производится черезъ посредничество Гонконга, и изъ этого же города отправляется большая часть европейскихъ товаровъ, предназначенныхъ въ Шанхай, въ Хань-коу, въ Тянь-цзинь. Движеніе судоходства въ рейдѣ представляетъ въ сложности количество грузовъ, превышающее 6 милліона тоннъ, и годовой оборотъ внѣшней торговли исчисляется въ 300 милліоновъ франковъ. Однако, гонконгскія факторіи теперь уже не такъ богаты, какъ въ первыя времена свободы торговыхъ сношеній съ Китаемъ: большіе склады товаровъ, основанные китайскими негоціантами, существуютъ нынѣ и въ городахъ, лежащихъ на сосѣднемъ берегу континента, особенно въ Коу-лунѣ, но другую сторону рейда, гдѣ также построили обширныя верфи, и британскіе дворцы Викторіи переходятъ одинъ за другимъ въ руки туземцевъ. Гонконгъ сохранилъ за собою только монополію складовъ золота и серебра, благодаря тому, что банковыя учрежденія боятся, что капиталъ ихъ подвергался бы слишкомъ большому риску, если бы они поставили его подъ чье-нибудь покровительство, кромѣ Англіи. На юго-западной оконечности острова небольшой городъ Абердинъ, называемый также «Малымъ Гонконгомъ» (Little Hongkong), имѣетъ многочисленныя верфи и доки для починки судовъ; недавно на островѣ основаны большіе сахаро-рафинадные заводы [1]).

До настоящаго года англійскія владѣнія въ Гонконгѣ состояли изъ самаго острова Гонконга съ городомъ Викторіей, небольшой части полуострова Кой-лунъ къ сѣверу отъ Гонконга и маленькаго островка Стоннъ-Куттеръ. Теперь, въ 1898 году, ради лучшей защиты своей колоніи, Англія выговорила у Китая аренду на территорію у полуострова Кой-лунъ съ заливами Мирсъ и Динъ. Кромѣ того къ Англіи отошелъ островъ Лянь-дао и нѣсколько другихъ острововъ. Въ общемъ гонконгскія владѣнія Англіи увеличились на 200 кв. миль.

Португальская колонія Макао или Cidade do Santo Nome de Dios de Macao (по-китайски Ао-мынь), расположенная къ западу отъ Гонконга, на другой сторонѣ лимана, въ который изливается Жемчужная рѣка, оффиціально не отдѣлена отъ Китая. Пекинское правительство никогда не признавало безусловнаго господства Португаліи надъ этимъ полуостровомъ и до сихъ поръ получаетъ, въ качествѣ верховнаго владѣтеля земли, аренду, опредѣленную императоромъ Канъ-си въ 500 таэлей, то-есть около 3.700 франковъ, черезъ посредство мандарина-резидента. Однако, давность владѣнія, начало котораго восходитъ къ 1557 году, и энергическія мѣры, принятыя губернаторомъ Амаралемъ въ 1849 году, сдѣлали изъ Макао истинно португальскую землю, и часть города, которую занимаютъ европейцы, имѣетъ совершенно видъ города Эстрамадуры, съ его большими правильными домами, окрашенными въ красный или желтый цвѣтъ, украшенными тяжелыми балюстрадами, и его обширными монастырями, обращенными въ казармы. Населеніе, называемое португальскимъ, къ которому

[1]) Заимствовано изъ „The Chronicle and Directory for China, Corea, Japon“ etc. 1897 года.

[1]) „Wetenschappelyke Bladen“, авг. 1881.

нужно прибавить и гарнизонъ изъ 1.400 человѣкъ, состоитъ почти исключительно изъ метисовъ; да и это населеніе далеко не составляетъ большинства жителей; главный кварталъ тотъ, гдѣ живутъ китайцы: въ этой части города улицы всегда наполнены многолюдной толпой, и тамъ же сосредоточена почти вся дѣятельность колоніи. Населеніе Макао въ 1896 году: 4.059 европейцевъ, 74.568 китайцевъ[1]). Даже португальскій кварталъ, Praya-Grande, частію захваченъ «дѣтьми Ханя»: хотя имъ запрещено строить дома въ этой части города, но они покупаютъ дома бывшихъ лузитанскихъ владѣльцевъ и замѣняютъ изображеніе мадонны жертвенникомъ въ честь предковъ [2]).

Городъ Макао, по своему мѣстоположенію, представляетъ большія удобства для торговли. Онъ занимаетъ, на югѣ отъ главнаго острова дельты, южный берегъ холмистаго полуострова, пространствомъ около 31 квадратнаго километра, соединеннаго съ твердой землей песчаной косой, называемой «Стеблемъ ненюфара», которая прежде была перерѣзана рядомъ укрѣпленій; на сѣверѣ, на китайской территоріи, виднѣются стѣны города Цзянь-шань или «Зеленой горы», которому португальцы дали названіе Казабранка. Рейдъ, защищенный отъ вѣтровъ открытаго моря гористыми островами, даетъ доступъ большихъ судамъ и джонкамъ, приходящимъ изъ внутреннихъ мѣстностей либо по Жемчужной рѣкѣ, либо по западному лиману Си-цзяна. Въ продолженіе почти трехъ столѣтій Макао пользовался монополіей торговли Европы съ Китайской имперіей, но открытіе другихъ портовъ международному торговому обмѣну лишило португальскій городъ его исключительныхъ выгодъ, и его купцы, не имѣя болѣе надобности заниматься операціями по отправкѣ товаровъ, принялись за торговлю человѣческимъ мясомъ; barracões Макао сдѣлались складами куліевъ, захватываемыхъ въ плѣнъ или покупаемыхъ на островахъ и на сосѣднемъ берегу, затѣмъ посылаемыхъ, подъ именемъ добровольно нанявшихся работниковъ, въ Перу и на Антильскіе острова. Протесты пекинскаго правительства положили конецъ, въ 1873 году, этому постыдному торгу людьми, и отнынѣ наймы эмигрантовъ представляютъ нѣкоторыя гарантіи добровольнаго согласія; кромѣ того, большая часть контрактовъ о наймѣ подписываются въ Вампоа, на китайской территоріи. Нынѣшней своей извѣстностью между городами крайняго Востока Макао обязанъ преимущественно своимъ игорнымъ домамъ (доходъ отъ игръ и лотереи составлялъ въ 1880 году 2.028.000 франковъ). Мѣстная торговля, которая почти вся находилась въ рукахъ китайскихъ негоціантовъ, имѣетъ нѣкоторую важность по вывозу риса, чаевъ (въ 1878 году изъ порта Макао было отправлено около 4.050.000 килограммовъ чая, цѣнность котораго опредѣляютъ въ 6.300.000 франковъ), шелковыхъ тканей, сахару, индиго (общая цѣнность торговыхъ оборотовъ этого порта простиралась въ 1878 году до 124.340.000 франковъ); но почти вся эта торговля производится джонками, и число приходящихъ въ португальскій портъ европейскихъ судовъ весьма незначительно; большая часть этихъ судовъ привозятъ грузы соли изъ Кохинхины [1]). Муниципальный совѣтъ или сенатъ (Leal senado) выбирается посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.

Макао прославился также въ исторіи португальской литературы. Камоэнсъ провелъ въ этомъ городѣ восемнадцать мѣсяцевъ, въ 1559 и въ 1560 годахъ, и, говорятъ, написалъ здѣсь часть своей «Лузіады». Владѣлецъ одного сада, называемаго «Паркомъ бѣлой горлицы», показываетъ расколовшуюся скалу, образующую родъ грота, который преданіе освѣтило какъ мѣсто, куда удалялся знаменитый поэтъ: эта самая пещера, какъ увѣряютъ, была «убѣжищемъ сообразнымъ съ его думами», гдѣ Камоэнсъ, скрываясь «въ нѣдрахъ скалы, въ одно и то же время живой и мертвый, погребенный и живущій», могъ «стенать безъ мѣры и безъ стѣсненія» (141-й сонетъ поэмы). На городскомъ кладбищѣ обращаетъ на себя вниманіе могила Моррисона, одного изъ ученыхъ, труды которыхъ принесли наибольшую пользу изученію китайскаго языка и географіи Срединнаго царства. Франциск де-Ксавье, знаменитый миссіонеръ-іезуитъ, который ввелъ католицизмъ въ Японіи и который былъ канонизованъ какъ «покровитель Индіи», умеръ, въ 1552 году, на одномъ изъ острововъ сосѣдняго прибрежья, Чжанъ-чжуанѣ, называемомъ англійскими моряками Сентъ-Джономъ. Гонконгскіе англичане пріобрѣли множество виллъ въ окрестностяхъ Макао, чтобы пользоваться тамъ морской бризой, правильно дующей на берега.

Къ западу отъ Макао слѣдуютъ одинъ за другимъ многочисленные порты на китайскомъ прибрежьѣ, по обѣ стороны полуострова, выдвинутаго по направленію къ острову Хай-нань; но только одна гавань этой области открыта европейской торговлѣ—это городъ Пакъ-хой (Пэй-хой) или «Бѣлое море», расположенный на краю лагуны, на южномъ берегу лимана Лянь-чжоу, въ которой поднимается приливъ изъ Тонкинскаго залива. Первыя европейскія суда появились на Пакхойскомъ рейдѣ только въ 1879 году, и движеніе торговаго обмѣна съ иностранными рынками, понятно, не могло еще подняться до уровня оборотовъ другихъ портовъ (цѣнность внѣшней торговли этого порта составляла въ 1897 году 4.209.945 лянъ)[2]); глав-

[1]) Chronicle and Directory 1897.
[2]) De Hübner, „Promenade autour du Monde“.

[1]) Mortimer Murray, „Commercial Reports“, янв. 1879 г.
[2]) „Returns of trade“, 1897.

ный предметъ мѣстной торговли—соленая рыба. Но можно навѣрно предсказать, что Пакъхой современемъ получитъ важное торговое значеніе, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ начинается

Общій видъ Кхангъ-хоя.

прямая дорога черезъ Лянь-чжоу-фу и Юй-линь-чжоу къ плодороднымъ округамъ Юй-цзяна, произведенія которыхъ въ настоящее время отправляются къ морю длиннымъ и труднымъ окольнымъ путемъ по Кантонской рѣкѣ. „Особенно важное значеніе долженъ будетъ пріобрѣсти Пакъ-хой, когда онъ сдѣлается конечною морскою пристанью желѣзнодорожнаго пути, проектированнаго французами отъ Пакъхоя на Лянь-чжоу-фу и далѣе черезъ Нань-нинъфу на соединеніе съ Тонкинской дорогой отъ Лансона. Право на эту дорогу французы выговорили себѣ дипломатическимъ путемъ въ 1897 году*. Одна пагода въ окрестностяхъ Пакъ-хоя

пользуется огромной славой во всемъ Китаѣ, благодаря чинару, растущему подъ сводомъ, въ центрѣ памятника: величественное дерево высунуло черезъ окна зданія свои густыя вѣтви, гдѣ гнѣздятся тысячи птицъ, оглашающихъ святилище своимъ пѣніемъ [1]). Подступы къ Пакхойскому порту опасны по причинѣ песчаныхъ мелей, и потому суда должны бросать якорь въ открытомъ морѣ, на разстояніи болѣе километра отъ моря, защищаемыя при низкомъ стояніи воды Алонской мелью, но подвергающіяся всей силѣ зыби въ часы прилива, который достигаетъ здѣсь среднимъ числомъ 4 метровъ высоты. Сѣверныя бури иногда производятъ сильное волненіе въ рейдѣ, но центръ тифоновъ всегда проходитъ на югъ отъ мыса Гуань-дао. За этимъ мысомъ, заливъ, отдѣляющій Пакхойскій полуостровъ отъ полуострова Лэй-чжоу, загроможденъ во многихъ мѣстахъ свайными перемычками или заколами рыбаковъ, не только у подходовъ къ берегамъ, но также и въ глубокой водѣ: нѣкоторые ряды свай вбиты въ дно на глубинѣ 20 метровъ [2]).

Города провинцій Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ, населеніе которыхъ опредѣлено посредствомъ переписи или указано приблизительно новѣйшими путешественниками суть:

Гуанъ-си: У-чжоу-фу—200.000 жит.

Гуанъ-дунъ: Кантонъ—800.000 жит.; Фошань (консулы)—500.000 жит.; Чжао-цинъ-фу—200.000 жит.; Сватоу (консулы)—30.000 жит.; Пакъ-хой (консулы)—25.000 жит.; Лянь-чжоу-фу—12.000 жит.

Иностранныя колоніи: Викторія (Гонконгъ), 1891 г.—221.441 жит.; Абердинъ (Малый Гонконгъ)—6.000 жит.; Макао, въ 1896 году—78.627 жит.

Къ югу отъ города Пакъ-хой возвышается, среди залива, островъ Гуй-чжоу [3]), изрубренный кратеръ, поднимающій свои черноватыя стѣны надъ голубыми волнами моря. Циркъ обвалившихся стѣнъ, имѣющихъ не менѣе двухъ съ половиной километровъ между двумя крайними мысами, развертывается въ видѣ полукруга, почти правильнаго, обращеннаго къ южному вѣтру. На сѣверѣ, скатъ откоса, покрытый прекрасно воздѣланными полями и усѣянный многочисленными деревьями, полого наклоняется къ морю, испещренный тамъ и сямъ оврагами, которые дождевыя воды вырыли въ вулканическомъ пескѣ, изолируя большія каменныя глыбы, извергнутыя нѣкогда кратеромъ. Въ половинѣ настоящаго столѣтія единственными обитателями этого острова были морскіе разбойники; теперь же онъ занятъ мирнымъ населеніемъ, состоящимъ почти изъ 3.000 душъ. Большинство населенія составляютъ переселенцы съ полуострова Лэй-чжоу и хакка-христіане, пришедшіе изъ Кантона, которые занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ, въ особенности ловлей кальмаровъ; около тысячи двухъ сотъ барокъ употребляются для ловли этихъ головоногихъ моллюсковъ.

[1]) E. Planchut, „Revue des Deux Mondes“, 1-er mars 1878.

[2]) Valois, „Annalen der Hydrographie“, 1877, X.

[3]) На картѣ Брейтшнейдера островъ этотъ называется Вай-чжоу (пр. ред.).

Юнь-нань.

Эта провинція, самая богатая по рудными мѣсторожденіямъ и одна изъ самыхъ важныхъ по разнообразію произведеній растительнаго царства, наименѣе прочно связана съ Срединной имперіей. Правда, что часть Юнь-нани принадлежитъ къ бассейну Голубой рѣки, но это—именно область наиболѣе гористая, наименѣе населенная, самая трудная для путешествія. Западная половина Юнь-нани орошается двумя большими рѣками Индо-Китая, Лу-цзяномъ и Меконгомъ, тогда какъ южная покатость наклоняется къ Аннаму, изливая свои воды въ Тонкинскій заливъ черезъ Сонъ-кой или Красную рѣку. Въ 70-хъ годахъ, большая часть страны сдѣлалась на время независимой, и сообщенія были почти совершенно прерваны между жителями Юнь-нани, оставшимися въ ея пыми богдыхану, и другими провинціями государства: только длиннымъ обходомъ къ востоковьямъ Янъ-цзы-цзяна и черезъ Сы-чуань могли поддерживаться сношенія, а въ случаѣ крайней опасности мандарины принуждены были искать помощи внѣ границъ имперіи, пользуясь дорогой, представляемой Красной рѣкою. Этотъ естественный путь получилъ въ то время капитальную важность, и путешественникъ-изслѣдователь Дюпюи могъ прослѣдовать по теченію Сонъ-коя и, такъ сказать, завоевать его для науки и торговли. Когда возстаніе мухометанъ было подавлено, дороги, соединяющія Юнь-нань съ остальнымъ Китаемъ, снова открылись для торговыхъ сношеній. Разсѣянные земледѣльцы возвратились въ свои деревни, и новые переселенцы изъ Сы-чуани, Гуй-чжоу, Гуанъ-си пополнили собою пробѣлы, произведенные междоусобной рѣзней; дома и храмы вновь отстраиваются [1]). Юнь-нань опять сдѣлалась нераздѣльной частью имперіи, но, тѣмъ не менѣе, по причинѣ трудности дорогъ и большой продолжительности путешествій, она остается еще и нынѣ какъ бы внѣшнимъ владѣніемъ Китая. Въ сравненіи съ другими провинціями, Юнь-нань представляетъ относительно пустынный, мало населенный край; по переписи 1882 года, она была наименѣе населенной областью пропорціонально ея пространству, а съ той поры безпрестанныя войны еще уменьшили, можетъ быть, на половину число ея жителей. Что касается поверхности этой

[1]) Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London“, сент. 1881 г.

провинціи, то она можетъ быть исчисляема лишь на основаніи очень неопредѣленныхъ данныхъ, такъ какъ политическая граница, на западъ со стороны Тибета, на юго-западъ со стороны Бирмы, на югѣ со стороны земли лолотовъ и Аннама, проведена безъ всякой точности, и многочисленныя независимыя племена занимаютъ окраины провинціи. Приблизительное пространство Юнь-нани опредѣляютъ въ 690.760 квадратныхъ миль; населеніе же ея въ 1882 году простиралось до 11.721.576 душъ, такъ что, слѣдовательно, на 1 милю приходилось среднимъ числомъ по 84 жителя.

Въ цѣломъ Юнь-нань можетъ быть разсматриваема какъ плоскость, наклоненная по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. На границахъ Тибета и западной Сы-чуани горы, еще неизслѣдованныя, поднимаются до пояса постоянныхъ снѣговъ. Въ центральной части Юнь-нань представляетъ плоскогорье слишкомъ въ 3.000 метровъ средней высоты, надъ которымъ господствуютъ хребты изъ краснаго песчаника, одинаковой высоты. Большія озера разсѣяны въ углубленіяхъ этого плато, перерѣзаннаго на окраинахъ рѣками, которыя вырыли себѣ глубокія ущелья въ менѣе твердыхъ поверхностныхъ горныхъ породахъ. На югѣ почва, размытая водами, представляетъ уже, на берегахъ Красной рѣки и въ бассейнѣ Иравадди, широкія равнины, возвышающіяся всего только на 150 или 200 метровъ надъ уровнемъ моря. Между высокими мѣстностями сѣверной части края, гдѣ высятся снѣговыя горы, и низменными землями юга, лежащими уже въ предѣлахъ жаркаго пояса, замѣчаются всѣ послѣдовательные переходы средней температуры. Въ городѣ Юнь-нань-фу, на промежуточномъ плато, снѣгъ лежитъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ [1]).

Страна, по преимуществу горнозаводская, Юнь-нань вывозила уже обработанные металлы прежде, чѣмъ китайцы проникли въ край: аборигены повсюду имѣли рудники и фабрики. Самый обыкновенный металлъ въ этой области—желѣзо, и почти вездѣ разрабатываются очень богатыя мѣсторожденія этой руды, продукты которыхъ употребляютъ на выдѣлку всякаго рода предметовъ изъ чугуна и стали. Эта провинція изобилуетъ также мѣдной рудой, и если китайское правительство дѣлало такія большія усилія для обратнаго завоеванія Юнь-нани у овладѣвшихъ ею магометанъ, то оно руководилось главнымъ образомъ желаніемъ вернуть себѣ этотъ источникъ богатствъ [2]). Десятина и другіе налоги металломъ, платимые юньнаньскими рудокопами для фабрикаціи монетъ и для промышленныхъ надобностей, простирались, передъ возстаніемъ, до 6.000 тоннъ мѣди въ годъ. Мѣдная руда представляется здѣсь въ различныхъ формахъ и даже въ видѣ самородковъ; рабочіе, не будучи въ состояніи перенести огромныя глыбы чистой мѣди, принуждены бросать ихъ въ горной породѣ, ограничиваясь обрѣзываніемъ выдающихся частей самородка. Золотые пріиски разсѣяны во множествѣ по берегамъ Цзинь-ша-цзяна и другихъ потоковъ, которые, подобно ему, заслуживали бы названія «Золотоносной рѣки». Самыя богатыя рудныя мѣсторожденія—это залежи сереброноснаго свинцоваго блеска, но именно, по причинѣ ихъ богатства, часто прерывали ихъ разработку; дѣло въ томъ, что рудокопы должны дѣлить добываемое серебро на три части—одну для богдыхана, другую для мандариновъ, третью для себя, но и эта послѣдняя доля нерѣдко ускользаетъ изъ ихъ рукъ въ пользу солдатъ, таможенныхъ стражниковъ или разбойниковъ. Кромѣ того, Юнь-нань обладаетъ рудами свинца, цинка, киновари, а въ бассейнѣ Красной рѣки есть мѣсторожденіе оловянной руды; пласты ископаемаго угля занимаютъ обширныя протяженія и даютъ превосходное топливо. Тогда какъ остальной Китай, за исключеніемъ провинціи Шань-дунъ, чрезвычайно бѣденъ металлами и не заключаетъ другихъ подземныхъ богатствъ, кромѣ желѣзныхъ рудниковъ да неисчерпаемыхъ залежей каменнаго угля и антрацита, Юнь-нань обѣщаетъ сдѣлаться современемъ минеральной сокровищницей имперіи и ея главнымъ металлургическимъ заводомъ. Равнымъ образомъ она очень богата драгоцѣнными камнями, рубинами, топазами, сапфирами, изумрудами; въ горахъ ея встрѣчаются драгоцѣнныя разновидности нефрита, такъ же, какъ одинъ видъ мрамора, жилы котораго представляютъ самыя разнообразныя и причудливыя фигуры. Китайцы, большіе любители всякихъ странностей, придаютъ большую цѣну этимъ курьезамъ природы. Обширные лѣса покрываютъ еще часть гористой области, и оттуда получается строевой лѣсъ, между прочимъ, лавръ нанму, который употребляютъ на постройку храмовъ и дворцовъ, по причинѣ большой крѣпости этого дерева и сильнаго запаха, который оно издаетъ [1]). Со времени прекращенія магометанскаго возстанія Юнь-нань сдѣлалась, несмотря на мнимые запреты правительства, главной провинціей по культурѣ опіума [2]); по меньшей мѣрѣ треть полей засѣвается макомъ. На пастбищахъ горъ пасутся большія стада барановъ, шерсть которыхъ употребляютъ на выдѣлку тканей, но мясо которыхъ туземцы никогда не ѣдятъ [3]).

Въ Азіи мало найдется странъ, гдѣ бы

[1]) F. von Richthofen, „Letters on the provinces of Chili, Shansi, Shensi, Sz'chwan".

[2]) Emile Rocher, „La province chinoise du Yunnan".

[1]) Dupuis;—Romanet du Caillaud, „Ducos de la Haille", etc.

[2]) Colborne Baber, „Geogrpahical Magazine", jule 1878.

[3]) Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London", cent. 1881.

устройство удобныхъ путей сообщенія могло произвести столь важныя перемѣны, какъ въ Юнь-нани. Эта провинція не только нуждается въ хорошихъ грунтовыхъ дорогахъ и рельсовыхъ путяхъ для вывоза своихъ рудъ и земледѣльческихъ продуктовъ въ Китай и за границу, но, кромѣ того, она должна служить транзитнымъ трактомъ между Индостаномъ и бассейномъ Янъ-цзы-цзяна. Это и составляетъ причину, почему на Юнь-нань одновременно жадными глазами смотрятъ: со стороны Бирмы англичане, а со стороны Тонкина французы; и тѣ и другіе одинаково мечтаютъ присоединить эту провинцію если не къ числу своихъ земель, то по крайней мѣрѣ въ сферу своего преобладающаго вліянія*. Большія рѣки, которыя расходятся въ разныя стороны вокругъ восточнаго Тибета и Юнь-нани: Брамапутра, Ираваддн, Лу-цзянъ, Меконгъ, Сонъ-кой, напередъ указываютъ, въ общихъ чертахъ, направленіе всѣхъ дорогъ, естественный центръ которыхъ долженъ находиться на плато въ Юнь-нань-фу. Черезъ эту второстепенную террасу верхнее плоскогорье Тибета можетъ быть обойдено на востокѣ, и центральная Азія, такъ сказать, приблизится къ устьямъ Ганга. Между двумя большими азіатскими рынками: Калькуттой и Хань-коу, прямая линія, проходящая черезъ города Юнь-нани, позволитъ современемъ избѣгать плаванія вокругъ Индо-Китая и южнаго Китая: разстояніе, выгадываемое путешественниками, составитъ около 6.000 километровъ. Неудивительно поэтому, что въ послѣднее время были сдѣланы попытки въ видахъ установленія правильныхъ сношеній между Индіей и «Срединнымъ цвѣткомъ» черезъ Юнь-нань, а французы и англичане соперничаютъ другъ передъ другомъ въ хлопотахъ о полученіи разрѣшенія на постройку желѣзныхъ дорогъ. На основаніи одной статьи тяньцзиньскаго трактата, иностранцы имѣютъ право проникать черезъ всѣ пункты сухопутной границы или морскаго прибрежья во внутренность Китая, и уже очень многіе путешественники - изслѣдователи воспользовались этой статьей договора, идя по слѣдамъ прежнихъ миссіонеровъ, которые пробирались переодѣтые китайцами и жили тамъ и сямъ въ селеніяхъ обращенныхъ въ христіанство туземцевъ, на тибетскихъ границахъ. Съ 1867 года, памятная экспедиція, самая важная изъ всѣхъ, которыя когда-либо были предпринимаемы въ эти страны, открыла южныя границы Юнь-нани: французы Дударъ-де-Лагре, Гарнье, Делапортъ, Жуберъ, Торель проникли въ Юнь-нань-фу; со временъ Марко Поло это было первое посѣщеніе европейцевъ, которое принялъ древній городъ, упомпнаемый знаменитымъ венеціанцемъ подъ именемъ «Яппи». Въ 1868 году одинъ «піонеръ торговли», какъ онъ себя называетъ, англичанинъ Куперъ, отправившись съ береговъ Голубой рѣки, тщетно пытался проникнуть въ Ассамъ черезъ города Батанъ и Да-ли-фу; въ слѣдующемъ году онъ хотѣлъ было добраться до плоскогорья съ другой стороны, поднимаясь по рѣкамъ Брамапутрѣ и Логиту, но и эта попытка не удалась ему. Соотечественникъ Купера, Сладенъ, избравшій другой путь, именно по рѣкѣ Ираваддн и ея притоку Цзянъ-дао-хэ, тоже долженъ былъ вернуться съ дороги, не успѣвъ пройти далѣе Момеина или Тэнъ-дао-тина, главнаго города Юнь-нани къ западу отъ рѣки Лу-цзянъ. Въ 1874 году, послѣ окончательной побѣды китайскихъ армій надъ возставшими магометанами, молодой англичанинъ Маргари, отправившись черезъ Китай, открылъ, наконецъ, прямую дорогу изъ Хань-коу въ Бамо, на Ираваддн. Но ему не суждено было самому воспользоваться этой дорогой для новой экспедиціи: нѣсколько недѣль спустя онъ былъ измѣнпически умерщвленъ въ Юнь-нани, въ пятидесяти километрахъ отъ бирманской границы. Вѣсть о его смерти взволновала Англію и подала поводъ къ продолжительной дипломатической перепискѣ, заключеніе которой должно было доставить большія выгоды англійской торговлѣ. Въ силу конвенціи, заключенной въ 1876 году въ городѣ Чифу, британское правительство получило право посылать торговыхъ резидентовъ въ Да-ли-фу или во всякій другой городъ Юнь-нани и отправить научную экспедицію въ Тибетъ, либо черезъ Сы-чуань, либо черезъ Куку-норъ и Гань-су. Различные путешественники ходили по слѣдамъ Маргари, Гросвеноръ и Бэберъ, Макъ-Картн, Камеронъ, Джилль, Стевенсонъ, Сольтау, принцъ Генрихъ Орланскій, Сеченп, Делавей изслѣдовали Юнь-нань по разнымъ направленіямъ и проложили пути будущимъ сношеніямъ между народами.

Въ ожиданіи того времени, когда Юнь-нань будетъ имѣть свободное сообщеніе съ Индіей посредствомъ большой магистральной дороги между Бамо и Хань-коу, она можетъ располагать для своей непосредственной торговли съ заграничными рынками судоходной рѣкой, изслѣдованной въ первый разъ французомъ Дюпюи. Въ 1870 году этотъ путешественникъ достигъ береговъ Юань-цзяна или Красной рѣки и убѣдился, что она судоходна въ южной части Юнь-нани. Въ 1872 году ему дѣйствительно удалось подняться по этой рѣкѣ, называемой въ Тонкинѣ Сонъ-кой, и проникнуть въ Китай до пристани Мань-хао, находящейся въ близкомъ сосѣдствѣ съ богатѣйшими мѣсторожденіями металловъ и драгоцѣнныхъ камней. По трактату, заключенному между Франціей и Аннамомъ въ 1874 году, Красная рѣка была объявлена открытой для европейской торговли; но эта конвенція осталась мертвой буквой, и, со времени побѣдоносной экспедиціи 1873 года, ни одно иностранное судно не плавало по водамъ Сонъ-коя въ китайской его части. Тѣмъ

не менѣе, китайскіе купцы хорошо понимаютъ выгоды этого торговаго пути, который позволилъ бы имъ избѣгать, для своихъ морскихъ экспедицій, обхода въ тысячу километровъ по Кантонской рѣкѣ.

Населеніе Юнь-нани состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, еще далеко не слившихся въ одну націю, хотя китайское господство утвердилось въ первый разъ въ краѣ уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ гористыхъ областяхъ обитаютъ еще разныя непокоренныя племена: мяоцзы, манцзы, луцэ,лису, лоло; но многія изъ этихъ именъ суть генерическія названія, примѣняемыя, какъ и слово «и-жэнь» или «другіе люди», то-есть инородцы, къ народцамъ различнаго происхожденія и языка. Мяоцзы принадлежатъ къ тѣмъ же племенамъ какъ и племена провинціи Гуй-чжоу; точно также манцзы и лоло

Китаецъ изъ Юнь-нани.

походятъ на одноименныхъ народцевъ Сычуани. Обыкновенно лолотовъ дѣлятъ на два класса, на «Черныхъ» и «Бѣлыхъ», скорѣе по причинѣ противоположности ихъ нравовъ,чѣмъ вслѣдствіе различія цвѣта кожи, который дѣйствительно у черныхъ лолотовъ смуглѣе, чѣмъ у бѣлыхъ. Первые, называемые также «сырыми» лолотами, живутъ по большей части въ высокихъ долинахъ горныхъ цѣпей сѣвера, и рѣдко спускаются въ равнину, почти только затѣмъ, чтобы продать свои произведенія; они населяютъ ту же самую страну, какъ и жители «Зандардана», о которыхъ разсказываетъ Марко Поло, и которые, по словамъ его, имѣли привычку покрывать себѣ зубы тонкой золотой пластинкой; но въ настоящее время нигдѣ въ Юнь-нани не встрѣчали слѣдовъ этого древняго обычая [1]). Бѣлые лолоты, означаемые также прозвищемъ «Спѣлыхъ» или «Печеныхъ» [2]), разсѣяны группами по всей провинціи Юнь-нани и признаютъ надъ собой власть китайскаго правительства: очень многіе изъ нихъ бреютъ себѣ голову на китайскій манеръ и носятъ косу, —этотъ символъ цивилизаціи въ Срединномъ царствѣ,—но они отличаются отъ китайцевъ крѣпостью своихъ мускуловъ и своей энергіей въ трудѣ. Если бы не носъ, немного сплюснутый, да не рѣдкая борода, они напоминали бы европейскій типъ по правильности чертъ лица, по гибкости тѣла, по стройности и равновѣсію пропорцій [1]); у многихъ волоса темнорусые и цвѣтъ кожи бѣлый. Женщины, кокетливыя и отличающіяся живымъ, веселымъ нравомъ, тоже физически гораздо сильнѣе китаянокъ; онѣ еще не переняли у послѣднихъ моду искусственно сдавливать себѣ ноги и работаютъ на поляхъ рядомъ съ мужчинами, всегда веселыя и готовыя отдохнуть отъ труда пляской и пѣніемъ; въ этомъ отношеніи онѣ составляютъ поразительный контрастъ съ робкой и серьезной китаянкой, которая сочла бы себя скомпрометтированной, если бы чужой мужчина заговорилъ съ ней. Лолотскія женщины считаются самыми красивыми въ краѣ, и часто китайцы выбираютъ себѣ законныхъ супругъ между этими туземками. У всѣхъ племенъ лоло новобрачная, въ силу обычая, покидаетъ супружеское жилище на другой день послѣ свадьбы, и возвращается въ него только тогда, когда почувствуетъ первые симптомы материнства;если она не забеременѣла, то этимъ самымъ брачный союзъ разрывается. При взглядѣ на женщину всегда можно узнать по ея головному убору, дѣвица ли она, бездѣтная ли супруга, или уже мать. Незамужняя, она носитъ на головѣ голубую шапочку, вышитую яркими цвѣтами и оканчивающуюся пятью острыми углами или рогами, увѣшанными серебряными гремушками. Выйдя замужъ, она покидаетъ рогатый колпакъ и замѣняетъ его соломенной шляпой, тоже украшенной металлическими пуговицами; сдѣлавшись матерью, она указываетъ свое достоинство красной лентой, повязанной вокругъ шевелюры; другая лента возвѣщаетъ о рожденіи втораго ребенка, который, согласно обычаю, всегда получаетъ, будь то сынъ или дочь, титулъ старшаго [2]).

Лу-цзянъ, какъ извѣстно, обязанъ своимъ именемъ народцу лу или апонъ, который живетъ на его берегахъ, въ области западной Юнь-нани, граничащей на сѣверѣ съ территоріей, населенной лолотами. Племена лису разсѣяны равнымъ образомъ въ долинѣ этой тибетской и бирманской рѣки и въ долинѣ Ланьцанъ-цзяна или Меконга, который въ этой ча-

1) Yule, „The Book of ser Marco Polo".
2) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", octobre 1877.

1) Thorel, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
2) Emilie Rocher, „La province chinoise du Yunnan".

сти своего теченія пересѣкаетъ Юнь-нань. На правомъ берегу, напротивъ города Вэй-си, горы заняты почти исключительно лисутами. Тѣ изъ этихъ инородцевъ, которые живутъ поближе къ китайскимъ городамъ и къ мосотамъ, своимъ болѣе цивилизованнымъ единоплеменникамъ, платятъ регулярно дань; но обитающіе въ дальнихъ, уединенныхъ горахъ, остались независимыми, и у нихъ издавна укоренился обычай черезъ каждыя двадцать или тридцать лѣтъ дѣлать военный и разбойничій набѣгъ на своихъ образованныхъ сосѣдей, населяющихъ равнины. Подобно нѣкоторымъ племенамъ краснокожихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки, они всегда заранѣе увѣдомляютъ своихъ враговъ о задуманной экспедиціи въ ихъ землю, посылая имъ символическій прутъ съ многочисленными нарѣзками, украшенный перьями и другими предметами, грозный смыслъ которыхъ объясняетъ посланецъ. Въ назначенный день они являются въ указанное мѣсто, и такъ великъ страхъ китайскихъ поселенцевъ, что они почти всегда бываютъ побѣждены этими дикарями, вооруженными луками и стрѣлами, обмокнутыми въ сокъ аконита (прикрыта). Лисуты овладѣваютъ женщинами и дѣтьми, чтобы обратить ихъ въ невольниковъ и продать въ Бирманію; они забираютъ также шелковыя вещи и драгоцѣнности, затѣмъ предаютъ пламени дома своихъ непріятелей. А между тѣмъ мандарины упорно отрицаютъ самое существованіе этихъ опасныхъ сосѣдей и запрещаютъ даже произносить ихъ имя; дѣло въ томъ, что они давно уже сообщили правительству о совершенномъ истребленіи этихъ племенъ, и потому имъ трудно было бы противорѣчить самимъ себѣ въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ [1]). Въ мирное время лисуты очень гостепріимны и всегда отличаются отъ сосѣднихъ населеній царствующимъ между ними согласіемъ и духомъ солидарности. Земля принадлежитъ всѣмъ, и каждая семья располагается на жительство въ любомъ мѣстѣ, гдѣ можно сѣять хлѣбъ, въ лѣсныхъ прогалинахъ, природныхъ или расчищенныхъ топоромъ и огнемъ. Они ведутъ торговлю съ окрестными племенами, и такимъ-то образомъ, переходя послѣдовательно отъ одного племени къ другому, къ нимъ попадаютъ каури (*cyprœa moneta*), эти прелестныя раковинки съ Малдивскихъ острововъ, которыми сплошь унизаны головные уборы ихъ женщинъ; кусочки самороднаго золота, которые они собираютъ въ пескахъ Лу-цзяна, служатъ имъ ходячей монетой. Они не поклоняются Буддѣ, и тибетскимъ жрецамъ не удалось проникнуть къ нимъ, но они сохранили еще обрядности шаманства, которое прежде преобладало на всемъ крайнемъ Востокѣ: ихъ колдуны или шаманы бросаютъ роковыя косточки, чтобы привлечь добрыхъ геніевъ, и бьютъ въ бубенъ, чтобы устрашить злыхъ духовъ источниковъ, скалъ и лѣсовъ.

Инородцы шанъ, «бѣлые варвары» (какъ ихъ называютъ китайцы), такъ же, какъ ихъ сосѣди какьенъ (K kyen), болѣе многочисленны въ Бирманіи, нежели на территоріи Срединнаго царства: племена ихъ живутъ только въ юго-западной части Юнь-нани, къ западу отъ рѣки Салуэнъ или Лу-цзяна; они, впрочемъ, подчиняются власти мандариновъ, которые назначаютъ имъ сельскихъ старшинъ, съ приказаніемъ собирать подать. Какьены (качинъ) или сингпо (чингпо, Singpo), какъ они сами себя называютъ, представляютъ одну изъ самыхъ энергичныхъ группъ населенія страны и смотрятъ на шановъ какъ на низшую расу, годную развѣ только для того, чтобы поставлять имъ погонщиковъ муловъ и носильщиковъ тяжестей [2]). Малорослые, но коренастые и сильные, какьены проводятъ время въ ѣдѣ и питьѣ да въ заботахъ о томъ, чтобы придать своей особѣ возможно болѣе щеголеватый видъ; они татуируютъ себѣ руки и ноги, убираютъ свою одежду раковинами и всякаго рода украшеніями. Вся работа, даже обработка полей и переноска тяжестей, лежитъ на женщинахъ. Мужъ выбираетъ себѣ жену не за красоту ея, а за физическую силу, и тотъ отецъ почитается самымъ счастливымъ, который имѣетъ наиболѣе дочерей, то-есть невольницъ, обремененныхъ чрезмѣрнымъ трудомъ. Окруженные буддистами, какьены сохранили свой древній анимистическій культъ, и молитвы ихъ обращаются къ натамъ или геніямъ покровителямъ. Согласно обычаю, существующему еще, впрочемъ, даже въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы, они кладутъ покойнику въ ротъ серебряную монету для того, чтобы онъ могъ заплатить за перевозъ при переправѣ черезъ великую рѣку, текущую между этимъ и тѣмъ міромъ [3]).

Бэй или бай, аборигены, живущіе въ южной и юго-западной частяхъ Юнь-нани, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Салуэна, дѣлятся, смотря по обитаемой ими области, на «горныхъ» и «рѣчныхъ»; есть преданіе, что они прежде обитали на берегахъ Голубой рѣки, откуда ихъ постепенно вытѣснили китайскіе переселенцы. Хотя сосѣди лолотовъ и соплеменники шановъ, они, однако, рѣдко мѣшаются съ ними и живутъ большею частью отдѣльными селеніями, гдѣ дома покрыты не кровлями на китайскій ладъ, а террасами, подобными тѣмъ, какія мы видимъ на жилищахъ тибетцевъ и мяотовъ. Цвѣтъ кожи у бэйевъ гораздо бѣлѣе, чѣмъ у китайцевъ, и, какъ лолоты, они отличаются отъ пришельцевъ съ сѣвера своей

[1]) Dubernard, Desgodins, „Bulletin de la Société de Geographie de Paris“, juillet 1875.

[2]) Ney Elias, „Proceedings of the Geographical Society of London“, апр. 1876 г.

[3]) Kreitner, „Mittheilungen von Petermann“, 1881, №7.

физической силой. Всѣ они прокалываютъ мочку ушей и продѣваютъ въ отверстіе либо серебряный цилиндрикъ, либо бамбуковую трубочку, украшеніе, которое женщины замѣняютъ сигарами или пучками соломы; женщины почти всѣ курятъ табакъ, тогда какъ мужчины пристрастились къ опіуму [1]). Женщины племени бэй дѣятельны, безъ той рѣзкости движеній, какая замѣчается у большинства женщинъ лоло; онѣ очень искусныя мастерицы по части тканья и даже по выдѣлкѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей. По языку и вѣроятно, по расѣ, инородцы бэй, такъ же, какъ и хамти, приближаются къ лолотамъ Индо-Китая, тогда какъ лолоты говорятъ разными нарѣчіями, болѣе или менѣе смѣшанными изъ бирманскаго, китайскаго, тибетскаго, и, вѣроятно, примыкаютъ къ этому послѣднему идіому. Одно племя, родственное народцу бэй и называемое пане, есть остатокъ націи, нѣкогда могущественной, о которой китайскія лѣтописи разсказываютъ, что Сынъ Неба принудилъ ее посылать ему въ видѣ дани золотыя и серебряныя вещи, рога носорога и бивни слона [2]); изъ этого нужно заключить, что фауна большихъ млекопитающихъ измѣнилась въ краѣ въ относительно короткій періодъ времени, обнимающій небольшое число столѣтій. Ни бэй, ни пане не имѣютъ идоловъ; но когда имъ случится быть у цивилизованныхъ, они охотно ходятъ въ храмы, дѣлаютъ жертвоприношенія и курятъ благовонными смолами, какъ и другіе вѣрующіе; тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ писать, употребляютъ только китайскіе знаки. Впрочемъ, цивилизація Срединнаго царства мало-по-малу одерживаетъ верхъ, и первоначальные племенные типы постепенно исчезаютъ, вслѣдствіе смѣшенія расъ. Изъ этихъ скрещиваній возникло множество различныхъ народцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ, совершенно забывшіе свой родной языкъ и говорящіе только по-китайски, напоминаютъ еще свое туземное происхожденіе отличающими ихъ крѣпостью мускуловъ, духомъ независимости и простыми, деревенскими нравами и обычаями: «мы не китайцы», говорятъ они съ гордостью; «мы юньнаньцы». Во многихъ случаяхъ во время смутъ и междоусобій, они становились на сторону мятежниковъ, магометанъ или туземцевъ, чтобы избавиться отъ мандариновъ. Они отличаются также отъ «дѣтей Хань» своимъ веселымъ характеромъ и своей страстью къ музыкѣ: почти всѣ погонщики муловъ или ямщики носятъ при себѣ мандолины на перевязи, и какъ только лошади или мулы тронутся въ путь, они начинаютъ аккомпанировать звону бубенчиковъ пронзительными звуками своей музыки [1]). Можно подумать, что находишься въ Испаніи; подобно кастильскимъ погонщикамъ муловъ, погонщики, которыхъ мы встрѣчаемъ на плоскогорьяхъ Юнь-нани, одѣты въ короткую куртку съ серебряными пуговицами; разница только въ томъ, что у послѣднихъ, вмѣсто шляпы, обмотанъ широкій тюрбанъ.

Возстаніе, которое вспыхнуло въ 1855 году, и результатомъ котораго было основаніе, въ западной Юнь-нани независимаго государства, просуществовавшаго нѣсколько лѣтъ, началось простой ссорой между рудокопами-буддистами и мусульманами, разрабатывавшими жилы серебряной руды въ Ши-янѣ, около истоковъ Красной рѣки. Ни въ одной провинціи Китая магометанская религія не получила такого распространенія, какъ въ Юнь-нани. Потомки немногочисленныхъ арабскихъ эмигрантовъ, пришедшихъ въ край вскорѣ послѣ начала магометанскаго лѣтосчисленія (геджры), и бухарскихъ солдатъ, которыхъ привелъ Хубилай-ханъ во время одной военной экспедиціи, относящейся къ половинѣ тринадцатаго столѣтія, юньнаньскіе мусульмане, или, какъ ихъ называютъ, хой-хои не отличаются физически отъ другихъ китайцевъ этой провинціи, съ которыми они смѣшались вслѣдствіе постоянныхъ скрещиваній; но различіе пищи, различіе культовъ и еще гораздо болѣе борьба матеріальныхъ интересовъ между разными группами рудокоповъ породили взаимную ненависть и повели къ кровавымъ столкновеніямъ. Однако, между инсургентами, которыхъ за границей обыкновенно называли бирманскимъ именемъ «пантеи», встрѣчались самые разнообразные элементы: рядомъ съ магометанами бунтовали китайцы, буддисты и даоисты, такъ же, какъ лолоты, паи, мяоты всѣхъ племенъ; съ другой стороны, были и мусульмане, оставшіеся вѣрными правительству, и даже именно одинъ изъ предводителей хой-хоевъ, которому повстанцы были обязаны своимъ торжествомъ, впослѣдствіи перешелъ на сторону китайцевъ и доставилъ имъ окончательную побѣду надъ возстаніемъ. Нѣкоторое число побѣжденныхъ пантеевъ поселилось въ горахъ на границѣ Сіама и Бирманіи между шанами и какьенами; но образовавшіеся вслѣдствіе ихъ ухода пробѣлы пополнились переселенцами съ сѣвера, пришедшими по большей части изъ Сы-чуани. Междоусобная война—не единственное бѣдствіе, посѣтившее въ это послѣднее время Юнь-нань; часто въ краѣ свирѣпствуютъ эпидеміи и особенно обыкновенна проказа. Утверждали, что эта болѣзнь была прежде неизвѣстна въ Юньнани, и что появленіе ея будто бы совпадаетъ съ прибытіемъ европейцевъ; но, можетъ быть, происхожденіе этого слуха слѣдуетъ искать въ

[1]) Kreitner, цитированная статья.
[2]) Amiot „Mémoires concernant les Chinois“, vol. XIV.

[1]) E. Rocher, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, mars 1878.

непріязненномъ чувствѣ, которое мандарины питаютъ къ иностранцамъ. Чума тоже нерѣдко производила большія опустошенія въ странѣ, постигая одновременно людей и животныхъ. Выяснено, что эта эпидемія здѣсь всегда начинается съ крысъ [1]).

Тэнъ-юэ-тинъ или Момеинъ—единственный сколько-нибудь значительный городъ, которымъ Китай владѣетъ въ бассейнѣ Иравадди; онъ расположенъ среди обширной равнины, покрытой рисовыми полями и окруженной высокими крутыми горами, вслѣдствіе чего англійскіе путешественники называютъ его юго-западными воротами Срединной имперіи, и это названіе неизмѣнно повторяется во всѣхъ проектахъ строителей желѣзныхъ дорогъ. Момеинъ, послѣдній магометанскій городъ Юнь-нани, оказавшій сопротивленіе императорскимъ войскамъ въ 1873 году. На востокѣ, глубокая долина Лу-цзяна, близъ которой находятся горячіе сѣрнистые ключи Ню-бяо (Pupiao) не имѣетъ важныхъ городовъ на своихъ берегахъ; но городъ Юнъ-анъ-фу, стоящій на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, въ равнинѣ, покрытой рисовыми плантаціями, какъ и Момеинъ, производитъ очень дѣятельную торговлю, и, благодаря этому обстоятельству, онъ быстро оправляется отъ бѣдствій гражданской войны; между эмигрантами находятся нанкинскіе бѣглецы, которые переселились сюда въ такомъ большомъ числѣ, что ихъ нарѣчіе сдѣлалось господствующимъ діалектомъ городскаго населенія: отъ этого и произошло данное городу названіе «Малый Нанкинъ» [2]). Комментаторы Марко Поло отождествляютъ Юнъ-чанъ-фу съ городомъ Вошанъ (Вончанъ, Вончіанъ), который былъ посѣщенъ знаменитымъ венеціанскимъ путешественникомъ, и гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1272 или въ 1277 году, двѣнадцать тысячъ татаръ великаго хана монголовъ, Кублая, разбили шестьдесятъ тысячъ солдатъ царя Бирмы, сопровождаемыхъ 2.000 слоновъ. Вѣроятно, что въ ту эпоху существовали лучшія дороги, чѣмъ въ наши дни, между Бирманіей и Юнь-нанью, такъ какъ слоны не могли бы пройти по тѣмъ опаснымъ тропамъ, поднимающимся по крутизнамъ или пролегающимъ надъ ущельями, гдѣ должны теперь пробираться путники, пѣшкомъ или сидя на смѣлыхъ лошадкахъ, гибкихъ и поворотливыхъ, какъ верблюды. Однако, на дорогѣ изъ Бамо въ Да-ли-фу устроены висячіе желѣзные мосты черезъ двѣ рѣки: Лу-цзянъ и Лань-цанъ-цзянъ; это, вѣроятно, послѣднія сооруженія этого рода, существующія еще на этихъ двухъ могучихъ потокахъ [3]).

Въ бассейнѣ одного притока верхняго Лань-цанъ-цзяна, бѣгущаго по дну страшныхъ ущелій, находится городъ А-тунь-цзы, который можно назвать стражемъ границы Юнь-нани со стороны Тибета. Въ этой области полудикихъ туземныхъ племенъ большинство цивилизованныхъ жителей состоитъ изъ китайцевъ, но почти всѣ они лучше говорятъ тибетскимъ, чѣмъ своимъ природнымъ языкомъ, благодаря тому, что торговыя сношенія безпрестанно приводятъ на рынокъ этого города большое число тибетцевъ. Да и въ другихъ отношеніяхъ можно подумать, что находишься въ Бодъ-юлѣ (Тибетѣ). Подобно тибетскимъ городамъ, А-тунь-цзы лежитъ въ области холодовъ, среди равнины, возвышающейся на 3.360 метровъ надъ уровнемъ моря; его дома съ плоскими крышами построены совершенно такъ же, какъ жилища тибетцевъ, и надъ городомъ господствуютъ монастыри, ламы которыхъ повинуются верховному жрецу, пребывающему въ Лассѣ. Атунценскіе купцы продаютъ тибетцамъ чай, сахаръ, табакъ, въ обмѣнъ на мускусные мѣшечки, кожи и выдѣланный пергаментъ и «земляныя гусеницы», на головѣ которыхъ растутъ грибы, и за которыхъ китайцы платятъ большія деньги по причинѣ приписываемыхъ имъ цѣлебныхъ свойствъ [1]). Гора Докеръ-ла, поднимающая свою снѣговую голову на юго-западъ отъ города А-тунь-цзы по другую сторону ущелій Лань-цанъ-цзяна, есть одна изъ почитаемыхъ вершинъ Тибета, и пилигримы ходятъ толпой на поклоненіе этой святынѣ [2]). На сѣверѣ, на берегахъ той же рѣки, бьютъ изъ земли горячіе соляные ключи, называемые Іеркало. Населеніе этой части тибетской монархіи очень обижено природой; по меньшей мѣрѣ треть жителей страдаетъ зобомъ [3]).

Городъ Вэй-си, лежащій южнѣе, на восточномъ притокѣ Лань-цанъ-цзяна, населенной главнымъ образомъ лисутами и метисами, служитъ мѣстопребываніемъ гарнизона; онъ сильно пострадалъ во время минувшей гражданской войны. Точно также городъ Да-ли фу, занимающій гораздо болѣе счастливое положеніе, на западномъ берегу обширнаго озера Да-ли, еще не оправился отъ разгрома, которому онъ подвергся во время разрушенія царства пантеевъ: большая часть его улицъ были еще загромождены грудами развалинъ и мусора, когда англійскій путешественникъ Джилль посѣтилъ его въ 1877 г.; позже его посѣтили Hosie въ 1888 г. и Bonin въ 1895 г. Всѣ окрестныя деревни

[1]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce"; — Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".

[2]) Mac Carthy, „Proceedings of the Geographical Society of London", августъ 1879 г.

[3]) Gill, „The River of Golden Sand".

[1]) Emile Rocher, „La province chinoise de Yunnan"; — Soltau и Stevenson, „Proceedings of the Geographical Society of London", авг. 1881 г.

[2]) Desgodins, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", окт. 1878 г.

[3]) Gill, „The River of Golden Sand".

тоже были опустошены, а въ полѣ не осталось ни одного цѣлаго дерева; во многихъ мѣстахъ пашни исчезли подъ терніями и колючими кактусами. Постигшими его несчастіями Да-ли-фу обязанъ своей крѣпкой военной позиціи. На сѣверѣ и на югѣ равнина, гдѣ онъ построенъ, оканчивается узкимъ дефиле между горами и озеромъ, и эти два прохода, Чжунь-гуань на сѣверѣ и Ся-гуань на югѣ, перерѣзаны укрѣпленіями, которыя обратили все западное прибрежье озера Да-ли въ одну обширную крѣпость. Во времена Марко Поло этотъ городъ былъ, подъ именемъ Караяна, «столицей семи королевствъ» и однимъ изъ главныхъ городовъ

Корейскіе мандарины.

южнаго Китая; для окружающихъ племенъ это «святой городъ» [1]). Въ 70 годахъ городъ опять былъ возведенъ на степень столицы: здѣсь основалъ свою резиденцію предводитель возставшихъ магометанъ, Тувенсіа, который въ прокламаціяхъ на арабскомъ языкѣ, распространяемыхъ въ сосѣднихъ государствахъ, именовалъ себя султаномъ Солиманомъ [2]). Когда императорскія войска, одолѣвъ инсургентовъ, вступили въ городъ, болѣе половины жителей Да-ли-фу, число которыхъ доходило до 50.000 душъ, были перерѣзаны солдатами, такъ что китайскій генералъ могъ послать въ Юнь-нань-фу, въ видѣ трофеевъ своей побѣды, двадцать четыре большія корзины, наполненныя человѣческими ушами [3]). Предмѣстья были преданы пламени, и городъ на половину разрушенъ; даже въ окрестныхъ мѣстностяхъ населеніе, занимающее нынѣ опустошенныя войной деревни, не превышаетъ трети прежняго числа жителей. Но Да-ли-фу имѣетъ всѣ условія для того, чтобы быстро оправиться отъ разоренія; не говоря уже о важности его, какъ административнаго пункта, поднятію и процвѣтанію этого города могутъ способствовать природное плодородіе окружающей равнины и минеральныя богатства сосѣднихъ горъ: ломки мрамора, соляныя копи, пріиски драгоцѣнныхъ камней; въ то же время онъ является естественнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для торговли между городами Бамо и Нинъ-юань, то-есть между Бирманіей и Сы-чуанью. Вдобавокъ ко всему этому, Да-ли-фу пользуется превосходнымъ климатомъ, однимъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ; находясь на высотѣ 2.030 метровъ надъ уровнемъ океана, но уже въ сосѣдствѣ тропическаго пояса, онъ не знаетъ зимы, хотя возвышающіяся на западѣ горы, которыя поднимаются болѣе чѣмъ на 3.000 метровъ надъ поверхностью озера, бываютъ покрыты снѣгомъ въ продолженіе двухъ третей или даже трехъ четвертей года. Озеро, болѣе извѣстное подъ именемъ Эръ-хай, имѣетъ, по Роше и Джиллю, около 30 миль въ длину и тянется съ сѣвера на югъ, шириной около 7 миль. Въ самыхъ низкихъ мѣстахъ озернаго бассейна глубина превышаетъ 100 метровъ, но она очень неравномѣрна. Дожди, очень обильные на восточномъ склонѣ горъ, окружающихъ Эръ-хай, иногда поднимаютъ уровень озера на 5 метровъ выше горизонта низкой воды и превращаютъ въ могучую рѣку ручей, уносящій излишекъ водъ резервуара въ Меконгъ; въ своемъ выходномъ ущельѣ, при укрѣпленіи Ся-гуань, истокъ озера проходитъ подъ естественной аркадой, образуемой скалами, подлѣ которой принуждены были прорыть туннель для прохода дороги [4]). Озеро Эръ-хай изобилуетъ рыбой, такъ же, какъ и впадающіе въ него рѣки и ручьи. Мѣстные рыбаки, еще болѣе искусные въ этомъ отношеніи, чѣмъ ихъ собраты по ремеслу на Голубой рѣкѣ, съумѣли пріучить мѣстныхъ птицъ помогать себѣ въ ловлѣ рыбы. Они отправляются на промыселъ раннимъ утромъ, съ шумомъ и крикомъ, чтобы разбудить птицъ-рыболововъ, спящихъ въ лѣсной чащѣ по берегу озера, и пускаютъ свои барки по теченію, бросая позади кормы шарики изъ риса. Рыбы поднимаются со дна, чтобы хватать пищу; съ своей стороны, птицы пускаются на охоту, и пойманную рыбу приносятъ на барку. Въ награду за ихъ услуги, человѣкъ удѣляетъ имъ небольшую долю добычи [1]).

Города, слѣдующіе одинъ за другимъ на югѣ отъ Да-ли-фу, въ бассейнѣ Меконга, Шунь-нинъ-фу, Юнь-чжоу, Сэ-мао, тоже были опустошены императорскими войсками послѣ обратнаго завоеванія края у магометанъ, но ни одинъ изъ нихъ не защищался съ такимъ мужествомъ, какъ Мынъ-хао-сянь, городъ, построенный въ пятидесяти километрахъ къ югу отъ озера Да-ли, близъ истоковъ Красной рѣки. Населеніе этого города, подкрѣпленное бѣглецами изъ Да-ли-фу, долго сопротивлялось съ энергіей отчаянія, но, наконецъ, поняв, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, рѣшилось ничего не оставить побѣдителю. Всѣ цѣнныя вещи были поспѣшно собраны въ кучку домовъ, которую затѣмъ предали пламени; женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ былъ розданъ ядъ. Когда способные носить оружіе мужчины остались одни, они подожгли городъ со всѣхъ четырехъ концовъ и бросились на осаждающихъ, чтобы открыть себѣ проходъ; нѣкоторые изъ нихъ успѣли пробиться сквозь ряды непріятеля, но большинство пало подъ ударами мечей или погибло въ пламени [2]).

Въ верхнемъ бассейнѣ Цзинь-ша-цзяна, расположенномъ параллельно бассейну Лань-цанъ-цзяна или Меконга, группы населенія не менѣе рѣдки, чѣмъ въ бассейнѣ сосѣдней рѣки, и тамъ нѣтъ даже никакой проѣзжей дороги, которая бы пролегала по долинѣ во всю ея длину [3]). Городъ Ли-цзянъ-фу, на сѣверѣ отъ Да-ли, до 1895 года, когда черезъ него прошелъ Вопіп, не былъ посѣщенъ ни однимъ европейскимъ путешественникомъ, но англичанинъ Джилль проходилъ неподалеку оттуда, нѣсколько западнѣе, и слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что этотъ городъ разоренъ лихоимствомъ мандариновъ. Другіе города были совершенно опустошены магометанами или китайскими солдатами. Теперь въ области Юнь-нани, принадлежащей къ покатости Голубой рѣки, остались

[1]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce“.
[2]) Gill, цитированное сочиненіе.
[3]) Emile Rocher, цитированное сочиненіе.
[4]) Soltau и Stevenson, „Proceedings of the Geographical Society of London“, августъ, 1881.

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration dans l'Indo-Chine“.
[2]) Emile Rocher, цитированное сочиненіе.
[3]) Gill, цитированное сочиненіе.

только три значительныхъ города, изъ которыхъ одинъ главный городъ всей провинціи. Юнь-нань-фу стоитъ въ равнинѣ, близъ сѣверной оконечности большаго озера, самаго обширнаго въ верхней Юнь - нани, которое носитъ названіе «Тяньскаго моря», по имени царства, занимавшаго нѣкогда наибольшую часть плоскогорья; излишнія воды этого бассейна, лежащаго немного ниже озера Да-ли (на высотѣ 1.950 метровъ), уходятъ на западной оконечности, черезъ долину, которая вскорѣ поворачиваетъ на сѣверъ и направляется къ Янъ-цзы-цзяну. Прибрежныя селенія «Тяньскаго моря» производятъ въ изобиліи хлѣба, ленъ, табакъ, разнаго рода фрукты; тамъ и сямъ, по склонамъ холмовъ, пасутся стада барановъ, козъ, коровъ и буйволовъ. Культура мака уничтожила одну весьма важную отрасль сельскаго хозяйства — пчеловодство; мѣстные жители разсказываютъ, что пчелы, привлекаемыя цвѣтками мака, какъ китайцы, испытывающіе неодолимое влеченіе къ опіуму, всѣ погибли послѣ втораго сезона, отравленныя ядовитымъ сокомъ растенія [1]).

Ограда Юнь-нань-фу, имѣющая правильную форму четыреугольника, какъ во всѣхъ почти китайскихъ городахъ, ограничиваетъ пространство около 6 квадратныхъ километровъ, но далеко не все это пространство застроено домами, да и внѣшнія предмѣстья сильно уменьшились въ размѣрахъ послѣ войны. Городъ Юнь-нань, очень древняго происхожденія, и въ которомъ комментаторы Марко Поло видятъ «Яши», упоминаемый венеціанскимъ путешественникомъ, былъ до возстанія магометанъ гораздо значительнѣе, но торговля его снова стала увеличиваться со времени возстановленія мира. Центръ одной изъ главныхъ горнозаводскихъ областей Юнь-нани, онъ служитъ рынкомъ, регулирующимъ цѣны мѣди для всего Китая, и имѣетъ большіе металлургическіе заводы: его монетный дворъ, основанный болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, выпускалъ въ обращеніе, до войны, около ста милліоновъ сапековъ (мелкая мѣдная монета) въ годъ,—масса металла, которая, однако, представляетъ цѣнность не болѣе 100.000 франковъ. На сѣверо-востокѣ, на вершинѣ небольшой горы, виднѣется капище, сдѣланное все изъ чистой мѣди, даже кровля его покрыта мѣдными листами; этотъ храмъ былъ пощаженъ во время междоусобной войны, благодаря тому обстоятельству, что онъ напоминаетъ память національнаго короля Усанкуэя (Ousanskouei), который не побоялся сопротивляться императору Канъ-си. Кромѣ обработки металловъ, въ Юнь-нань-фу есть и другія отрасли промышленности: здѣсь выдѣлываютъ ковры, одѣяла, кошмы, а также одну особенную матерію, которая, какъ полагаетъ Франсискъ Гарнье, ткется, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ нитей особой породы паука, свойственной южной Юнь-нани; эта ткань, пользующаяся большой славой въ Китаѣ, отличается замѣчательной прочностью; цвѣтъ ея матово-черный. Юнь-нань-фу находится не болѣе, какъ въ сотнѣ километровъ къ югу отъ Янъ-цзы-цзяна, но, въ этой части своего теченія, великая рѣка, загроможденная порогами и текущая водопадами, не удобна для судоходства, и потому большая торговая дорога подходитъ къ ней гораздо ниже, въ 400 километрахъ отъ ближайшаго къ городу мѣста рѣки. Эта дорога, которая проходитъ черезъ многолюдные и торговые города: Дунъ-чуань-фу, славящійся своими монетными дворами, и Чжао-тунъ-фу, извивается по изрытымъ оврагами плоскогорьямъ, но прежде чѣмъ вступить въ провинцію Сы-чуань, она захватываетъ рѣку Да-гуань-хэ, называемую также Хуанъ-цзянъ или «Желтой рѣкой», которая впадаетъ въ Янъ-цзы между Пинъ-шанемъ и Су-чжоу. Пристань, откуда отправляются суда, получившая отъ ближнихъ порогов названіе Лао - ва - тань, представляетъ очень оживленный городокъ, лежащій въ странѣ, изобилующей мѣсторожденіями серебросной свинцовой руды. Къ сѣверу отъ этого города, на границѣ между Юнь-нанью и Сычуанью, пріютились, на вершинѣ холма Лонъ-цзи (Long-ky), церковь, духовная семинарія, школа, цѣлая группа строеній, изъ которой католическіе миссіонеры сдѣлали настоящую крѣпость, чтобы обезопасить себя отъ набѣговъ дикихъ манзовъ [1]).

Массивъ Холодныхъ горъ или Линъ-шань, которыя поднимаются на общей границѣ трехъ смежныхъ провинцій: Юнь-нани, Сы-чуани и Гуй-чжоу, по справедливости можетъ быть названъ счастливой областью страны: въ продолженіе семнадцати лѣтъ гражданской войны обитатели этого края, буддисты и магометане китайцы и инородцы (и-жэнь), не переставали жить въ полномъ согласіи между собою, и работы въ рудникахъ и копяхъ не прекращались ни на одинъ день. Одинъ изъ главныхъ продуктовъ мѣстной промышленности составляетъ свинцовая соль, употребляемая для живописи на фарфорѣ, и которую отсюда отправляютъ на спинѣ муловъ къ Янъ-цзы-цзяну, откуда она перевозится на баркахъ на фабрики Цзинъдэ-чжэня, въ провинціи Цзянъ-си [2]). Восточная часть Юнь-нани принадлежитъ къ бассейну Кантонской рѣки; на этой покатости есть нѣсколько важныхъ городовъ, каковы Цюй-цзинъ-фу и Кай-хуа-фу; кромѣ того, верхнія долины

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine“.

[1]) De Carné, „Revue des Deux Mondes“, 1-e juin 1780;—Fr. Garnier, цитированное сочиненіе.

[2]) F. Garnier; —E. Rocher, цитированныя сочиненія;— Fenouil, „Annales de la propagation de la Foi“, juillet 1862.

рѣки Хунъ-шуй и ея притоковъ окружаютъ передовые выступы центральнаго плоскогорья провинціи. Въ пониженіяхъ этой плоской возвышенности тянется рядъ озеръ, на югъ отъ «Тяньскаго моря». Эти озерные бассейны, Чжэнъ-цзянъ, Цзянъ-чуань, Дунъ-хай (Восточное море), Ши-бинъ, наполнены прѣсной водой, хотя они не имѣютъ истеченія, если только излишекъ водъ не уносится подземными ручьями, ибо эта область изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ пещерами и галлереями, въ которыхъ исчезаютъ текущія на поверхности рѣчки [1]). Два озера, Чжэнъ-цзянъ и Цзянъ-чуанъ, соединены искусственнымъ каналомъ, длиною около 1.700 метровъ, прорытымъ черезъ холмъ, состоящій изъ кварцоваго песчаника [2]). Земледѣльцы завоевываютъ каждый годъ новыя земли на озерахъ, выбрасывая тину со дна на прибрежныя пространства бассейна, и въ то время, какъ поля, засѣянныя макомъ и табакомъ, окаймляютъ края озера, неравные прямоугольники рисовыхъ плантацій далеко выдвигаются на поверхность водъ, имѣя видъ пловучихъ острововъ. Каждое изъ этихъ внутреннихъ морей дало свое имя главному городу прибрежныхъ мѣстностей. Серебряные, мѣдные и желѣзные рудники, металлургическіе заводы, въ особенности сталелитейные заводы въ Лао-лю-гуань, доставили этому округу нѣкоторую промышленную и торговую важность. На сѣверо-востокъ отъ Восточнаго моря (Дунъ-хай) находится городъ Нинъ-чжоу, населенный горшечниками.

Города южнаго склона, орошаемаго Красной рѣкой и ея притоками, тоже служатъ складочными пунктами для продуктовъ горной промышленности. Городъ Юань-цзянъ, на западномъ берегу рѣки, важенъ, кромѣ того, какъ большой рынокъ для земледѣльческихъ произведеній; онъ окруженъ великолѣпными культурными землями, принадлежащими уже къ тропической флорѣ, ибо абсолютная высота равнины всего только 520 метровъ; въ этой странѣ южныя растенія перемѣшаны съ растеніями умѣреннаго пояса, и крестьяне привозятъ на рынки южные фрукты, манго, гуявы, цедры, апельсины, такъ же, какъ персики, груши, яблоки, орѣхи и каштаны. На юго-западѣ, особенно въ окрестностяхъ города Пуэръ-фу (Пу-эръ, Пу-эль), собираютъ на склонахъ Гуань-шаня или «Голой горы», особенный видъ чая, высоко цѣнимый въ Юнь-нани и во всемъ Китаѣ, несмотря на его мускусный запахъ, но слишкомъ дорогой для того, чтобы его можно было вывозить за границу [3]); въ окрестностяхъ разрабатываютъ также богатыя салины. Къ востоку отъ Красной рѣки важнѣйшій городъ—Линь-ань-фу, крѣпкая ограда котораго окружена зеленью, и надъ которымъ господствуютъ со всѣхъ сторонъ мраморные холмы, составляющіе своими безплодными верхушками рѣзкій контрастъ съ смѣющимися полями и лугами долины. Самый дѣятельный рынокъ провинціи, конечно, Мань-хао, пристань на Красной рѣкѣ, гдѣ начинается правильное судоходство: это складочное мѣсто чаевъ, хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ тканей для всей южной части Юнь-нани. Многіе кантонскіе негоціанты, предвидя важную роль, которую можетъ современемъ играть эта область въ общей торговлѣ, поселились въ городѣ Мань-хао и забрали въ свои руки почти всю тамошнюю торговлю. Во время посѣщенія края французской экспедиціей, снаряженной для изслѣдованія Индо-Китая, одинъ кантонскій глава фирмы даже основалъ себѣ нѣчто въ родѣ независимаго княжества, на границѣ Китая и Тонкина; таможня, которую онъ учредилъ на рѣкѣ, приносила ему, по свидѣтельству Франциска Гарнье, полтора милліона въ годъ. По словамъ консула Кергарадека, эта таможня находилась потомъ въ рукахъ одного воинственнаго племени независимыхъ китайцевъ, принявшихъ имя «Черныхъ флаговъ».

Населенія главнѣйшихъ городовъ Юнь-нани, указываемое новѣйшими путешественниками, суть:

Юнь - нань - фу, въ 1868 г., по Гарнье — 50.000 жит.; Да-ли-фу, въ 1878 г., по Джилю — 23.000 жит.

Хай-нань.

Этотъ большой островъ, причисляемый въ административномъ отношеніи къ провинціи Гуанъ-дунъ, принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ тому же періоду исторіи земнаго шара, какъ и сосѣдній континентъ. Полуостровъ, отдѣляющійся отъ твердой земли какъ разъ противъ Хай-наня съ сѣверной стороны, пытается, такъ сказать, образовать островъ,, подобный тому, котораго горные массивы возвышаются по другую сторону пролива. Проходъ раздѣляющій эти двѣ земли и соединяющіе Китайское море съ Тонкинскимъ заливомъ, представляетъ узкій и неглубокій «рукавъ», небольшую поверхностную промоину. Отъ берега до берега проливъ или «каналъ джонокъ» имѣетъ всего только отъ 25 до 50 верстъ ширины, и самая большая глубина его, у западнаго входа, не превышаетъ 24 метровъ; около середины прохода лотъ находитъ только 11 метровъ глубины въ часы отлива [1]). Берегъ Хай-наня на сѣверо-востокѣ далеко продолжается подводными

[1]) F. Garnier, „Exploration en Indo-Chine".

[2]) Emile Rocher, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", mars 1878.

[3]) Soltau, „Proceedings of the Geographical Society of London", сент 1881 года.

[1]) Walois, „Annalen der Hydrographie", 1877, X.

камнями, которые значительно увеличили бы его поверхность, если бы небольшое поднятіе почвы заставило выступить изъ-подъ воды прибрежную полосу моря. Черезъ проливъ движется, между островомъ и твердой землей, морское теченіе, средняя скорость котораго измѣняется отъ 4 до 7 километровъ въ часъ: оно усиливается съ приливомъ, направляющимся въ ту же сторону, и ослабѣваетъ съ отливомъ, идущимъ ему навстрѣчу.

Общей своей формой и направленіемъ главнаго горнаго хребта, островъ, который лежитъ «на югѣ моря»—таково буквальное значеніе слова Хай-нань—также указываетъ на общность происхожденія съ сосѣдней континентальной массой. Его большая ось идетъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, слѣдовательно, параллельно грядамъ системы китайскихъ горъ, и самыя высокія его вершины расположены въ томъ же направленіи. Центральный массивъ извѣстенъ подъ именемъ У-жи-шань или «горы о пяти пальцахъ»: это Пентодактиль, какъ Тайгетъ въ Пелопоннесѣ; китайскія стихотворенія сравниваютъ островъ съ рукой, пальцы которой «днемъ играютъ съ облаками, а ночью собираютъ звѣзды среди млечнаго пути». Поэты говорятъ также о снѣгахъ, будто бы вѣнчающихъ верхи этихъ горъ; однако, въ этомъ тропическомъ климатѣ снѣгъ могъ бы держаться въ продолженіе цѣлаго года только на вершинахъ, имѣющихъ по меньшей мѣрѣ 5.000 метровъ высоты; но подобный массивъ, поднимающійся на разстояніи менѣе 80 километровъ отъ берега, въ водахъ, гдѣ безпрестанно проходятъ корабли и пароходы, былъ бы, конечно, наиболѣе приметнымъ пунктомъ, главнымъ маякомъ для мореплавателей и представлялъ бы одно изъ самыхъ грандіозныхъ зрѣлищъ для путешественниковъ. Вѣроятно, что эти горы покрываются снѣгомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, что все еще предполагаетъ высоту не меньшую 1.800 метровъ [1]). Съ этихъ высотъ спускаются горные потоки, расходящіеся въ разныя стороны къ окружности острова, которая образуетъ неправильный овалъ длиною около 300 километровъ.

Хай-нань есть одна изъ наименѣе извѣстныхъ китайскихъ земель; за исключеніемъ мѣстъ, ближайшихъ къ подходамъ пролива, видъ береговъ острова снятъ мореплавателями лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а начертаніе рѣкъ нанесено на карты единственно по указаніямъ туземцевъ и на основаніи старыхъ китайскихъ документовъ. Особенно важно было бы обслѣдовать рѣки западной области, чтобы узнать, дѣйствительно ли Нань-сянь-цзянъ, вытекающій изъ «Пятипалой» горы, дѣлится на двѣ судоходныя рѣки, Бэй-мынь-цзянъ и Гянь-цзянъ, или Да-цзянъ, образующія вмѣстѣ каналъ въ 300 километровъ длины и превращающія въ островъ обширную территорію равнинъ и холмовъ; говорятъ даже, будто отъ Нань-сянь-цзяна отдѣляется и третій рукавъ, впадающій прямо въ Тонкинское море. Эта трифуркація рѣки на судоходные рукава, на гористомъ островѣ, была бы единственнымъ извѣстнымъ до сихъ поръ явленіемъ этого рода на поверхности земнаго шара, и потому едва-ли можно признать ее за несомнѣнный фактъ на основаніи одного только свидѣтельства китайскихъ писателей. Англичанинъ Пьюрфой даетъ точныя свѣдѣнія о нижней части теченія Да-цзяна (Ли-ми), идущей на югъ отъ Цюнъ-чжоу-фу, главнаго города острова; въ этомъ мѣстѣ рѣка, по его словамъ, имѣетъ отъ 3 до 4 метровъ средней глубины и судоходна только для судовъ небольшаго водоизмѣщенія; но выше Динъ-аня барки уже не пользуются этой «Великой рѣкой», и все торговое движеніе производится по большой почтовой дорогѣ; если бы дѣйствительно существовалъ каналъ, то лодочники, такіе мастера проводить свои лодки даже по самымъ маленькимъ ручейкамъ, конечно, не преминули бы воспользоваться искусственнымъ водянымъ путемъ перевозки товаровъ [2]).

Островъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ и разнообразіемъ естественныхъ богатствъ: горы его заключаютъ мѣсторожденія золота, серебра, мѣди, желѣза и другихъ металловъ: въ долинахъ и равнинахъ, преимущественно на восточной покатости, бьютъ изъ земли горячіе минеральные ключи; на склонахъ горъ растутъ обширные лѣса, доставляющіе строевой лѣсъ, столь рѣдкій въ остальномъ Китаѣ. Въ этихъ возвышенныхъ областяхъ водятся еще дикія животныя: тамъ встрѣчаютъ, между прочимъ, носороговъ, тигровъ, обезьянъ особой породы, похожей на орангъ-утанга, оленей и козуль. Внизу, по скатамъ холмовъ и въ равнинахъ, тянутся лѣса кокосовыхъ деревьевъ, арекъ и пальмъ, приносящихъ орѣхи бетеля; живыя изгороди изъ ананасовъ раздѣляютъ поля и плантаціи, гдѣ воздѣлываютъ сахарный тростникъ, дынеплодникъ (папайя), райскую смоковницу (бананъ), манговое дерево, личи, индиго, хлопчатникъ, клещевину, табакъ, рисъ, сладкій картофель, кунжутъ, фисташки, фруктовыя деревья тропическаго пояса и многія растенія, цѣнимыя за душистый запахъ ихъ цвѣтовъ или за ихъ лекарственныя свойства. Какъ Сы-чуань и Юнь-нань, Хай-нань имѣетъ также насѣкомое coccus pela, производящее бѣлый воскъ. Окружающія моря очень богаты рыбой; кромѣ того, тамъ ловятъ жемчужныхъ раковинъ, а также черепахъ, щиты которыхъ высоко цѣнятся въ тор-

[1]) Наибольшая высота горъ Хай-нанія, отмѣченная на картѣ Брейтшнейдера=5 870 футовъ.

[2]) Hirth, „Mittheilungen von Petermann," 1873, VII.

говлѣ [1]). Благодаря своему положенію на пути дождливыхъ юго-западныхъ муссоновъ, островъ получаетъ обильное орошеніе; горные хребты, будучи оріентированы въ томъ же направленіи, какъ и атмосферныя теченія, не образуютъ барьера между климатами сѣвера и юга; за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ контрастовъ между берегами противоположныхъ покатостей, тѣ и другіе имѣютъ одинаково высокую температуру, умѣряемую морскими бризами, и два времени года, сезонъ дождливаго юго-западнаго муссона и сезонъ сухаго сѣверо-восточнаго муссона, смѣняются тамъ въ правильномъ порядкѣ. Обильныя росы освѣжаютъ растенія въ періодъ засухъ, и поля всегда сохраняютъ свою яркую зелень. По свѣжести растительности ландшафты морскаго прибрежья, особенно на сѣверѣ и на западѣ, походятъ на пейзажи западной Европы, но характеръ флоры показываетъ, что мы находимся уже подъ небомъ Индіи. Хай-нань выставленъ дѣйствію циклоновъ, хотя въ меньшей степени, нежели Формоза; рѣдко случается, чтобы корабли разбивались на его берегахъ.

Китайскіе писатели говорятъ о населеніи Хай-наня, сравниваютъ этотъ островъ съ кругомъ, окруженнымъ двумя концентрическими кольцами. Въ серединѣ живутъ аборигены, по окраинамъ китайцы, а въ промежуточномъ поясѣ цивилизованные туземцы. Различныя племена, которыя удалились въ долины внутренней части острова, извѣстны подъ именемъ ли или лой и говорятъ языкомъ, близко подходящимъ къ нарѣчію народа мяоцзы, живущаго на континентѣ. Дикіе ли, неимѣющіе еще постоянныхъ сношеній съ цивилизованными жителями побережья, носятъ у китайцевъ названіе сонъ-ли (шань-ли, чуанъ-ли), то-есть «варварскихъ ли»; между ними есть еще такіе, которые ходятъ почти голые и не имѣютъ другихъ жилищъ, кромѣ пещеръ или узенькихъ шалашей съ соломенной крышей; они дѣлятся на множество отдѣльныхъ колѣнъ, постоянно враждующихъ между собою и отличающихся одно отъ другого одеждой, вооруженіемъ и нравами. Такъ, наутоны носятъ волосы закрученные на лобъ; мяоты втыкаютъ себѣ по серединѣ шевелюры палочки бамбука на подобіе роговъ; бамъ-мяоты употребляютъ еще самострѣлъ [2]). Инородцы ли, селенія которыхъ посѣщаются торговцами, получили наименованіе шу-ли, то-есть «зрѣлыхъ ли», въ смыслѣ «припрученныхъ». Группы бѣглыхъ мяотовъ, пришедшихъ въ разныя времена изъ провинцій Гуанъ-си и западнаго Гуанъ-дуна, причисляются къ «зрѣлымъ» туземцамъ, на которыхъ они дѣйствительно походятъ нравами, такъ же какъ и языкомъ. Что касается китайскихъ завоевателей, то они теперь составляютъ господствующую расу на Хай-нанѣ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда они овладѣли этимъ островомъ, около 23.000 семействъ китайскихъ колонистовъ поселились въ разныхъ мѣстахъ прибрежья; въ 1835 году китайское населеніе Хай-наня не превышало 1.350.000 душъ; въ настоящее время цифру его опредѣляютъ приблизительно въ два съ половиной милліона (вѣроятное пространство и населеніе Хай-наня: 3.558 квадратныхъ миль и 2.300.000 душъ, такъ что на 1 квадратную милю приходится по 4.121 жителей). Населеніе острова было бы, вѣроятно, гораздо значительнѣе, если бы морскіе разбойники, еще недавно очень многочисленные въ этихъ водахъ, не дѣлали частыхъ набѣговъ на островъ и даже не поселялись тамъ на постоянное жительство, благодаря тому обстоятельству, что ни одна мѣстность Китая не представляетъ имъ болѣе благопріятныхъ условій для того, чтобы нападать неожиданно на проходящія суда и укрываться отъ преслѣдованія. Но колонисты, почти всѣ уроженцы провинцій Гуанъ-дунъ и Фу-цзяни, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ихъ мѣстныя нарѣчія, никогда не встрѣчали никакого сопротивленія, никакихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны боязливыхъ туземцевъ и безъ труда оттѣснили ихъ во внутренность острова; зачумленная атмосфера прудовъ и болотъ прибрежной области была главной причиной временныхъ пріостановокъ эмиграціоннаго движенія съ материка на островъ. Большое число гаваней, открывающихся на окружности острова, и правильное чередованіе муссоновъ, которые то гонятъ джонки къ открытому морю, то приводятъ ихъ къ пристани, представляютъ большія удобства мѣстной торговлѣ, и тысячи хайнаньцевъ плаваютъ по южнымъ морямъ къ Тонкину, Кохинхинѣ, Филиппинскимъ островамъ, Явѣ, Сингапуру или Сіаму; во всѣхъ частяхъ острова можно встрѣтить разбогатѣвшихъ эмигрантовъ, возвратившихся на родину провести остатокъ дней. Такъ же, какъ на сосѣднемъ континентѣ, китайское населеніе острова дѣлится на пунти и хакка, и борьба между этими наслѣдственными непріятелями весьма обыкновенна и въ настоящее время.

Цюнъ-чжоу-фу, главный въ административномъ отношеніи и въ то же время самый значительный городъ острова, находится, естественно, въ части Хай-наня, ближайшей къ материку, въ той, гдѣ высаживаются китайскіе переселенцы и коммерсанты, и гдѣ должны складываться произведенія острова, прежде чѣмъ быть отправленными въ Гонконгъ и въ Кантонъ. Окрестности Цюнъ-чжоу отличаются необыкновеннымъ плодородіемъ и усѣяны деревнями, выглядывающими изъ густой зелени бамбуковъ. Городъ, окруженный стѣной въ 12 метровъ вы-

[1]) Guillemin, „Annales de la propagation de la Foi", janvier 1852.

[2]) Swinhoe, „Journal of the China branch of the Asiatic Society", 1871, 1872;—„Mittheilungen der geographischen Gesellschaft zu Wien", 1876.

соты, построенъ на разстояніи около десяти километровъ отъ моря, но онъ имѣетъ въ бухтѣ, открывающейся на южной сторонѣ пролива, приморскій портъ Хой-хоу, «Устье моря», которому иностранные негоціанты даютъ обыкновенно то же названіе Цюнъ-чжоу, какъ и столицѣ острова; почти все пространство, раздѣляющее эти два города, занято кладбищами. Уже тяньцзиньскій трактъ, въ 1858 году, предоставилъ европейцамъ право непосредственно производить торговлю съ Цюнъ-чжоу, но только въ 1876 году они успѣли восторжествовать надъ мѣстными сопротивленіями, и суда ихъ появились въ первый разъ передъ портомъ Хой-хоу. Торговое движеніе этого порта въ 1879 году было представлено 496 судами, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 212.724 тоннамъ; въ 1897 году цѣнность внѣшней торговли выразилась слѣдующими цифрами: привозъ—1.473.998 ланъ, вывозъ—1.826.241 ланъ, вмѣстѣ 3.300.239 ланъ. Въ заграничной торговлѣ Цюнъ-чжоу первенство по числу приходящихъ судовъ принадлежитъ германскому коммерческому флоту; однако, барыши по операціямъ этого обмѣна реализуются китайскими посредниками, коммерсантами Макао, Гонконга и Кантона. Главные предметы отпуска—сахаръ, кунжутъ, ткани изъ волоконъ крапивы Boehmeria nivea, кожи, выдѣлываемыя на кожевенныхъ заводахъ города Хой-хоу, и живыя животныя, свиньи, куры и голуби, для продовольствія Макао и Гонконга Такъ какъ гавань г. Хой-хоу недостаточно глубока, то суда принуждены бросать якорь въ открытомъ морѣ, не доходя болѣе 4 километровъ до города, подлѣ песчаной мели, которая защищаетъ ихъ отъ ударовъ волнъ. Тѣмъ не менѣе положеніе этого порта при Хайнаньскомъ проливѣ дѣлаетъ его необходимой пристанью для судовъ, отправляющихся изъ Китайскаго моря въ Тонкинскій заливъ, и исходнымъ пунктомъ для пассажировъ, ѣдущихъ на твердую землю; этимъ и объясняется безпрестанное движеніе судовъ между Хой-хоу и городомъ Хай-ань-со, стоящимъ на сѣверо-западѣ, на южномъ берегу полуострова Лэй-чжоу.

Кромѣ главнаго города, многіе другіе важные города разсѣяны въ разныхъ частяхъ острова. Динъ-ань, на рѣкѣ Да-цзянъ, къ югу-западу отъ Цюнъ-чжоу, замѣчателенъ какъ самый большой рынокъ земледѣльческихъ продуктовъ во внутренней части Хай-наня; Линьгао и Дань-чжоу, на сѣверо-западномъ берегу, окружены плантаціями сахарнаго тростника; Яй-чжоу, на южной сторонѣ, ведетъ торговлю съ Филиппинскими островами, Зондскимъ архипелагомъ и Индо-Китаемъ; Вань-чжоу и Лэхой—главные города на восточномъ берегу, обращенномъ къ океану.

Города Хай-наня, приблизительное населеніе которыхъ указывается новѣйшими путешественниками и консулами, суть:

Цюнъ-чжоу, въ 1896 году—41.000 жителей; Лэ-хой, въ 1805 году (Пьюрфой)—80.000 жителей; Динь-ань, въ 1805 году (Пьюрфой)—60.000 жителей; Хой-хоу—10.000 жителей.

Экономическое и соціальное состояніе Китая.

Извѣстно изъ предъидущаго, что населеніе Китая, численность котораго уменьшилась въ періодъ войнъ и внутреннихъ революцій, начавшихся со второй половины текущаго столѣтія, теперь снова вступило въ періодъ сильнаго возрастанія. Въ Срединномъ царствѣ почти не бываетъ примѣра, чтобы гражданинъ оставался безбрачнымъ; тамъ мужчины женятся въ молодыхъ лѣтахъ, всѣ дѣвушки находятъ себѣ мужей, и среднее число дѣтей на семейство значительно выше, чѣмъ во всѣхъ странахъ Запада. «Есть три грѣха противъ сыновняго почтенія, говоритъ Менъ-цзы, и самый большой изъ нихъ—это не имѣть потомковъ». Безбрачіе если и не запрещено закономъ, но далеко не пользуется популярностью; мандарины могутъ употребить власть, чтобы насильно заставить вступить въ бракъ мужчинъ, достигшихъ тридцатилѣтняго, и дѣвицъ, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста. Періодъ удвоенія цифры народонаселенія не превышалъ бы двадцати лѣтъ, если бы гражданскія войны, избіенія людей массами и голода не уменьшали излишковъ каждаго поколѣнія. Миръ, опять возстановленный въ восемнадцати провинціяхъ Срединной имперіи, конечно, прибавилъ новые десятки милліоновъ жителей къ существующему уже населенію; но элементы, изъ которыхъ оно теперь состоитъ, уже не совсѣмъ тѣ же самые; переселенія внутри государства измѣнили прежнее равновѣсіе. Тогда какъ нѣкоторыя области, въ особенности провинціи по нижнему теченію Желтой и Голубой рѣкъ, Юнь-нань и Гань-су, частію опустѣли, обезлюдѣли, другія провинціи какъ-то: Сычуань, Фу-цзянь, Шань-си, не переставали возрастать по числу жителей, и эти-то страны, по окончаніи войнъ, выдѣляли колонистовъ, чтобы вновь воздѣлывать заброшенныя поля и отстраивать разоренные города и села опустошенныхъ территорій. Но сычуаньцы и фу-цзяньцы именно самые трудолюбивые и предпріимчивые изъ китайцевъ для работъ земледѣлія и промышленности, а шаньсійцы обладаютъ спеціальными способностями для торговли. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно сказать, что кровь китайскаго народа обновилась вслѣдствіе этого перемѣщенія жителей изъ однѣхъ провинцій въ другія. Нравы тоже

измѣняются, ибо переселенцы, естественно, освобождаются отъ законовъ, которые на нихъ налагалъ духъ родства или связи корпораціи въ родной странѣ; они вступаютъ въ новыя соціальныя группы, тѣмъ болѣе отличныя отъ ихъ прежнихъ ассоціацій, чѣмъ болѣе удаленъ край, въ которомъ они поселились, отъ мѣста ихъ рожденія.

О степени плотности населенія въ разныхъ частяхъ Срединнаго царства можно судить только гадательно и на основаніи данныхъ прежнихъ народныхъ переписей, дѣйствительное достоинство которыхъ еще не достаточно опредѣлено; но при настоящихъ свѣдѣніяхъ еще невозможно было бы пытаться узнать относительную пропорцію жителей въ городахъ и деревняхъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Китай не можетъ сравниться съ государствами Западной Европы, ни съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки и съ Австраліей по относительно численной важности городского населенія. Правда, что Срединная имперія имѣетъ очень большіе и многолюдные города, каковы Кантонъ, У-чанъ и Хань-коу, Чанъ-чжоу, Фу-чжоу, Ханъ-чжоу, Синъ-ань-фу, Чанъ-ду-фу, Тянь-цзинь, Пекинъ и т. д., но эти города должны быть причислены къ второстепеннымъ въ сравненіи съ Лондономъ и даже съ Парижемъ; относительно громадной территоріи, которая ихъ окружаетъ, они оказывали гораздо меньшую притягательную силу. Тогда какъ въ странахъ съ преобладающей мануфактурной промышленностью города имѣютъ перевѣсъ надъ деревнями по общему числу жителей, Китай, еще страна по преимуществу земледѣльческая, заключаетъ въ стѣнахъ своихъ городовъ часть жителей очень незначительную въ сравненіи съ массой сельскаго населенія. Политическая и экономическая централизація въ Срединной имперіи далеко не такъ сильна, какъ въ большей части европейскихъ государствъ, и недостатокъ быстрыхъ путей сообщенія не позволяетъ китайскимъ рынкамъ привлекать къ себѣ торговое движеніе, подобное, по размѣрамъ, торговому движенію многолюдныхъ городовъ Европы. Кромѣ того, нужно еще принять во вниманіе то обстоятельство, что китайцы гораздо болѣе, чѣмъ европейцы, зависятъ отъ туземнаго производства пищевыхъ продуктовъ, и потому уменьшеніе населенія деревень въ пользу городовъ имѣло бы слѣдствіемъ постоянный голодъ.

Разсматриваемый въ общихъ чертахъ и не принимая въ соображеніе контрастовъ, которые представляютъ различныя части имперіи въ формѣ и постройкѣ своихъ городовъ, китайскій городъ,—за типъ котораго можетъ быть взятъ древній Си-ань-фу, такъ успѣшно сопротивлявшійся магометанамъ во время послѣдняго возстанія,—не принадлежитъ къ тому же періоду эволюціи, какъ европейскіе города. Своей четыреугольной оградой изъ высокихъ зубчатыхъ стѣнъ онъ свидѣтельствуетъ еще о частыхъ междоусобныхъ войнахъ, а внутренній или дворцовый городъ, обнесенный второй каменной оградой, напоминаетъ о завоеваніи страны маньчжурами. При малѣйшей тревогѣ, запираютъ всѣ четверо или восемь городскихъ воротъ, и всѣ башни занимаются отрядами солдатъ; точно также татарскій кварталъ снабженъ всѣми средствами обороны и можетъ въ одно мгновеніе уединиться отъ города и приготовиться къ обратному завоеванію китайскаго квартала. Пространство, ограниченное второй оградой, заключаетъ въ себѣ ямынь, то есть мѣстопребываніе администраціи, съ ея канцеляріями и судами: это самая тихая часть города, та, вокругъ которой разстилаются сады и парки. Гораздо значительнѣе движеніе на улицахъ китайскаго города; но всего охотнѣе торговый и промышленный людъ селится за городскими стѣнами, въ предмѣстьяхъ, куда можно входить во всякій часъ ночи, не заботясь о караулахъ, и гдѣ полицейскія и военныя правила мало стѣснительны и легко могутъ быть обходимы. Эти внѣшнія предмѣстья, продолжающіяся на цѣлыя версты по краямъ дорогъ и каналовъ, дѣлаются мало-по-малу настоящими городами: здѣсь мы видимъ явленіе аналогичное тому, которое происходило въ Европѣ, когда городскія населенія, спускаясь съ акрополей или кремлей, постепенно распространились по отлогостямъ, затѣмъ у основанія холмовъ, въ открытыхъ равнинахъ. Такимъ образомъ городская жизнь перемѣщается постепенно: отъ своей первоначальной военной формы, грубо ограниченной стѣнами и укрѣпленіями, китайскіе города переходятъ къ формѣ болѣе привольной, контуры которой образуются уже съ рельефомъ почвы и съ теченіемъ рѣкъ. Въ періодъ гражданскихъ войнъ и возстаній, которыя недавно пронеслись опустошительнымъ потокомъ по странѣ, большинство этихъ предмѣстій совершенно исчезли съ лица земли, но по окончаніи смутнаго времени населеніе опять устремилось въ непосредственныя окрестности городовъ и принялось вновь отстраивать разрушенныя жилища, и теперь многія предмѣстья сдѣлались уже болѣе важными центрами населенія, чѣмъ городъ, подлѣ котораго они построены. При томъ, китайскіе дома, простые срубы изъ легкаго хвороста и изъ бамбука, съ украшеніями изъ бумаги, легко могутъ быть возобновляемы. Монументальныхъ построекъ, въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ въ городахъ Европы, весьма немного встрѣтишь въ китайскихъ городахъ. Оттого и землетрясенія гораздо менѣе опасны въ Срединномъ царствѣ, нежели въ странахъ, гдѣ преобладаетъ архитектура западныхъ народовъ; но зато пожары, которые часто вспыхиваютъ среди всѣхъ этихъ легкихъ деревянныхъ строе-

ній, особенно здѣсь свирѣпствуютъ. По этой причинѣ лѣтомъ обыкновенно запираютъ южныя городскія ворота, дабы «не пропускать бога огня»; остатокъ древней солнечной религіи, смѣшанный съ другими суевѣріями, поддерживаетъ опасеніе, чтобы пожаръ не проникъ въ городскую ограду черезъ отверстіе, обращенное на югъ [1]).

Только дома богатыхъ людей, вообще говоря, отличаются большею опрятностью, и украшены разнообразными цвѣтами, которые превращаютъ помѣщенія въ настоящія оранжереи; но города по большей части имѣютъ невыразимо грязный видъ и составляютъ поразительный контрастъ съ полями, содержимыми въ образцовомъ порядкѣ. На улицахъ, загроможденныхъ разной дрянью и окаймленныхъ по сторонамъ водосточными канавами, всегда царствуетъ невыносимая вонь, и мѣръ къ удаленію сора и нечистотъ не принимается почти никакихъ; городское управленіе предоставляетъ времени и животнымъ уничтожать остатки, которые земледѣльцы не могутъ употреблять непосредственно на удобреніе своихъ полей. Оттого-то эпидеміи въ Китаѣ, особенно оспа, относительно гораздо болѣе часты и болѣе смертоносны, чѣмъ въ Европѣ, и эндимическія болѣзни, происходящія главнымъ образомъ отъ неопрятности, свирѣпствуютъ между китайцами; проказа, элефантіазисъ (бугорчатая, слоновая проказа)—страшные бичи, похищающіе много жертвъ въ области морскаго прибрежья, особенно на югѣ имперіи. Вѣроятно девять десятыхъ китайскаго населенія одержимы болѣзнями кожи [2]), происхожденіе которыхъ приписывается вреднымъ испареніямъ рисовыхъ плантацій, очень опаснымъ въ жаркую лѣтнюю пору; всего болѣе должны страдать отъ этого болотнаго пропитаннаго сыростью воздуха женщины, которымъ приходится топтаться по колѣна въ мокрой землѣ, чтобы очищать поле отъ сорныхъ травъ. Однако большинство гигіенистовъ согласно признаютъ у китайцевъ необыкновенную силу сопротивленія губительнымъ вліяніямъ климата; лучше, чѣмъ всякій другой народъ, они умѣютъ приспособляться къ крайнимъ перемѣнамъ температуры, влажности и высоты мѣста надъ уровнемъ моря [3]). Чрезвычайно замѣчателенъ въ китайской демографіи тотъ фактъ, что, распространяясь отъ одной до другой оконечности имперіи и скрещиваясь до безконечности, китайцы никогда не соединяются между лицами, принадлежащими къ семействамъ, носящимъ одинаковое фамильное имя. Брачные союзы между мужчинами и женщинами одной и той же фамиліи, хотя бы и не родственными между собою, безусловно воспрещены; такимъ образомъ вся нація оказывается раздѣленной на 150 различныхъ группъ, члены которыхъ могутъ соединяться между собой узами родства только косвенно, чрезъ женское потомство.

Уже много тысячъ лѣтъ китайцы обрабатываютъ свою плодородную землю, и никогда не случалось, кромѣ какъ во времена внутреннихъ смутъ и войнъ, чтобы земледѣльческая производительность страны уменьшалась; теперь болѣе значительная, чѣмъ въ предшествующія эпохи, она не только достаточна для прокормленія сотенъ милліоновъ людей, скученныхъ на пространствѣ Срединнаго царства, но еще даетъ излишекъ, составляющій предметъ довольно важной заграничной торговли. Китайскій земледѣлецъ не анализировалъ химически своихъ земель, сѣмянъ и удобреній, какъ европейскій агрономъ, онъ не обладаетъ усовершенствованными сельско-хозяйственными орудіями англійскихъ фермъ, но вѣковой опытъ предковъ научилъ его распознавать качества почвъ и потребности растеній; онъ знаетъ, что различныя культуры должны слѣдовать одна за другой въ извѣстномъ порядкѣ на одной и той же почвѣ; онъ благоразумно размѣриваетъ количество примѣшиваемыхъ къ землѣ удобреній или туковъ, мергеля, извести или фосфорно-кислыхъ солей, степной травы, сгнившей травы, золы, толченыхъ костей, маслянистыхъ остатковъ или выжимокъ, животныхъ или человѣческихъ удобреній, а несовершенство орудій восполняетъ ловкостью ручной работы; онъ разбиваетъ, размельчаетъ и уравниваетъ землю руками и даже ногами, пальцы которыхъ, благодаря этому упражненію, сдѣлались у него гораздо болѣе подвижными, чѣмъ наши [1]); онъ старательно вырываетъ всякую негодную траву; такимъ образомъ вся производительная сила почвы сберегается для будущаго урожая. Искусственная ирригація полей производится тысячью различныхъ способовъ, при помощи насосовъ всякаго рода, посредствомъ особенныхъ гидравлическихъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе людьми, животными или вѣтромъ; но чаще всего китаецъ поитъ свои растенія непосредственнымъ орошеніемъ, ручной поливкой, и такимъ образомъ его культура походитъ болѣе на садоводство или огородничество, нежели на экстенсивное полеводство европейцевъ, и употребляемые китайцемъ пріемы приближаются къ тѣмъ, которые употребляются западными садовниками и огородниками. Результатомъ подобной земледѣльческой культуры является то обстоятельство, что въ плодородныхъ равнинахъ, особенно на бо-

[1]) W. Gill, „The River of Golden Sand".
[2]) Wernich, „Geographische-medicinische Studien".
[3]) Thorel, „Voyage d'exploration en Indo-Chine", par Fr. Garnier.

[1]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".

гатыхъ земляхъ окрестностей Шанхая, двадцать человѣкъ живутъ въ довольствѣ продуктами, получаемыми съ одного гектара. Прежде, чѣмъ Китай вступилъ въ дѣятельныя торговыя сношенія съ иностранными государствами, онъ производилъ все, что было необходимо для его потребленія; онъ самъ удовлетворялъ всѣ свои потребности, и между сѣверными, центральными и южными провинціями существовало совершенное равновѣсіе, достигаемое путемъ внутренней торговли. Тогда казалось почти преступнымъ предполагать, что отечество можетъ нуждаться въ привозѣ какихъ-либо продуктовъ или товаровъ изъ-за границы, и гордость патріотизма примѣшивалась къ вліянію традиціи, чтобы поощрять правительство къ сопротивленію противъ европейскихъ армій, которыя хотѣли принудить его открыть свои порты торговлѣ внѣшняго міра. Впрочемъ, еще и до сихъ поръ Срединное царство содержитъ еще весьма обширныя пространства невоздѣланныхъ земель. По оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, относящимся къ началу настоящаго столѣтія, совокупность обрабатываемой территоріи въ собственномъ Китаѣ обнимала около 46 милліоновъ десятинъ, безъ лѣсовъ, пастбищъ и выгоновъ, безъ земель, принадлежащихъ императору, пагодамъ и общинамъ, и Шань-дунъ былъ единственной провинціей, гдѣ болѣе половины площади было покрыто пашнями [1]). Почти всѣ гористыя области еще лежатъ нетронутыми, и нѣкоторые путешественники были совершенно неправы, когда, увидавъ лѣсенки зелени, разводимыя на скатахъ горъ, господствующихъ надъ долиной фуцзянской рѣки Минь, или горъ нѣкоторыхъ мѣстностей Юнь-нани, Чжэ-цзяна и Ху-бэй, заключили изъ этого, что вся почва Китая взрыта заступомъ или плугомъ [2]).

Между европейскими учеными, въ особенности Либихъ указывалъ на счастливый контрастъ, который представляетъ китайское земледѣліе въ сравненіи съ земледѣліемъ многихъ другихъ странъ, гдѣ почва истощена. Было время, когда Палестина, столь безплодная въ наши дни, «текла млекомъ и медомъ». Центральная Италія тоже обѣднѣла въ отношеніи производительности почвы; въ эпоху основанія Рима окрестная мѣстность, Кампанья, была плодоносна и густо населена; но уже десять столѣтій спустя холмы стояли голые, лишенные растительности, низины покрылись лужами и болотами, словомъ, пустыня царствовала вокругъ стѣнъ вѣчнаго города. И сколько другихъ плодородныхъ земель были обращены въ безплодныя пустыни истощающей культурой, неумѣющей возвращать почвѣ элементовъ, отнятыхъ у нея посѣвами! Даже въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Бразиліи многія поля, дававшія еще недавно обильные урожаи, теперь не покоряются плугу. Да и самыя передовыя, наиболѣе цивилизованныя страны, Англія, Франція, Германія, развѣ не принуждены ввозить изъ-за границы каждый годъ значительную часть своего продовольствія, развѣ онѣ не должны покупать, въ формѣ гуано или другихъ удобрительныхъ веществъ элементы, которые возвратятъ истощенной почвѣ ея производительную силу? Пахатныя поля Китая, за исключеніемъ «желтыхъ лессовыхъ земель», не требующихъ удобренія, обязаны сохраненіемъ своего плодородія въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ единственно той благоговѣйной заботливости, съ которой хлѣбопашецъ возвращаетъ имъ въ другой формѣ все, что взялъ у нихъ: непрерывный «круговоротъ» снова приноситъ въ землю химическіе элементы, содержащіеся въ получаемыхъ съ нея урожаяхъ [1]).

Культура риса составляетъ важнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства Срединой имперіи, ту отрасль, которая даетъ средства для прокормленія всѣхъ жителей средней и южной полосы государства: площадь рисовыхъ полей исчисляютъ по меньшей мѣрѣ въ одну восьмую всего пространства воздѣлываемыхъ земель [2]). Впрочемъ, китайцы обладаютъ различными разновидностями этого хлѣбнаго злака и знаютъ разные способы его культуры; у нихъ есть даже одинъ видъ горнаго риса, который они сѣютъ на крутизнахъ, расположенныхъ террасами, и которому достаточно воды, падающей въ видѣ атмосферныхъ осадковъ. На сѣверѣ отъ Хуанъ-хэ самые обыкновенные сорта хлѣбныхъ растеній—пшеница, просо, сорго; кромѣ того, каждая семья земледѣльцевъ, въ бассейнѣ Желтой рѣки, какъ и въ другихъ частяхъ имперіи, старательно содержитъ, подлѣ домика, огородъ, гдѣ можно встрѣтить, смотря по климатамъ, всѣ европейскіе овощи и другіе, неизвѣстные у насъ; нигдѣ рынки не снабжаются въ такомъ изобиліи плодами и овощами, ибо, при равенствѣ средней температуры, Китай производитъ большее количество растеній, чѣмъ Европа подъ соотвѣтственными изотермическими линіями; благодаря суммѣ лѣтней теплоты, хлопчатникъ, сахарный сорго, фисташки, сладкій картофель, лотосъ растутъ и приносятъ плодъ въ умѣренныхъ областяхъ крайняго Востока, тогда какъ попытки ввести эти растенія въ Европу въ большинствѣ не имѣли ус-

---

[1]) Захаровъ, „Arbeiten der russischen Gesandschaft zu Peking".

[2]) R. Fortune, „Wanderings in China";—Gill, „The River of Golden Sand".

[1]) Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie";—Plath, „Die Landwirthschaft der Chinesen und Japanesen".

[2]) Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie";—Plaht, „Die Landwirthschaft der Chinesen und Japanesen".

пѣха [1]). Но для того, чтобы подвергнуть такимъ образомъ почву обработкѣ, доведенной до степени садоводства, нужно было пожертвовать лѣсами. Въ «Цвѣткѣ середины», тамъ, гдѣ населеніе скучено массами, дикое дерево занимаетъ слишкомъ много мѣста, и потому его замѣнили культурнымъ растеніемъ; для фабрикаціи гробовъ китайцы уже принуждены ввозить лѣсъ изъ-за границы, Приамурья, Приморской области даже изъ Сѣверной Америки. Высохшая трава, солома, корни, разные растительные остатки и обломки составляютъ единственное топливо, да и это топливо расходуется крайне экономно; нѣсколькихъ пучковъ прутиковъ достаточно для приготовленія пищи [2]). Во время зимнихъ холодовъ не топятъ печей для нагрѣванія дома; прибавляютъ только къ обычной одеждѣ мѣховые штаны, да шубу и два, три балахона. Крупная растительность представлена въ сельскихъ мѣстностяхъ восточнаго Китая, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Голубой рѣки, только бамбуковыми рощами, фруктовыми садами, рядами деревьевъ вдоль полей, и тамъ и сямъ группами зелени вокругъ пагодъ и особенно вокругъ могилъ. Такимъ-то образомъ города и деревни окружаются обширными пространствами земель, занятыхъ у земледѣльческой промышленности. Окрестности населенныхъ мѣстъ, поля и равнины покрылись бы надгробными памятниками, если бы по древнему обычаю, имѣющему силу закона, плугъ не былъ безпощадно проведенъ по всѣмъ кладбищамъ при воцареніи каждой новой династіи; только маньчжурскіе государи, желая пріобрѣсти популярность, позволили щадить могилы и осѣняющія ихъ деревья; такимъ-то образомъ самородная растительность и дикая фауна могли сохраниться въ рощицахъ священныхъ деревьевъ.

Луговъ въ Китаѣ тоже очень мало, какъ и лѣсовъ. Земля слишкомъ цѣнна, чтобы ее можно было утилизировать косвеннымъ образомъ для продовольствія человѣка посредствомъ разведенія бойнаго скота, ибо то же самое пространство почвы, которое прокармливаетъ милліонъ быковъ, дало бы количество хлѣбовъ и овощей, достаточное для прокормленія двѣнадцати милліоновъ людей. Уже за тысячи лѣтъ до нашего времени народъ «Ста семействъ» сумѣлъ сдѣлать себѣ помощниковъ изъ быка и лошади и присоединить ихъ работу къ своему собственному труду. По преданію, миѳическій императоръ Фу-си, жившій, говорятъ, болѣе, чѣмъ пятьдесятъ три столѣтія тому назадъ, первый приручилъ «шесть животныхъ», сдѣлавшихся домашними по преимуществу,—лошадь, быка, свинью, собаку, барана и курицу. Кажется, однако, что лошадь и собака долгое время были представлены лишь небольшимъ числомъ недѣлимыхъ, и при томъ первая изъ нихъ быстро вырождается въ южныхъ провинціяхъ. По своимъ отношеніямъ къ животному міру, китайцы существенно отличаются отъ монголовъ, кочующихъ звѣролововъ и пастуховъ овецъ: у нихъ нѣтъ стадъ, которыя нужно бы было стеречь, имъ не приходится бродить по обширнымъ пространствамъ, и, слѣдовательно, ни собака, ни лошадь для нихъ не необходимы, а чтобы воздѣлывать землю, они нуждаются только въ собственныхъ рукахъ. Большія домашнія животныя, быки, буйволы, лошади употребляются только для перевозки тяжестей и ѣзды; они всегда пользуются самымъ тщательнымъ уходомъ: чтобы предохранить отъ холода, ихъ окутываютъ попонами, а на худыхъ дорогахъ имъ надѣваютъ на ноги обувь изъ соломы. Предписанія буддизма и природная привязанность крестьянина къ своему помощнику въ работѣ не позволяютъ ему ѣсть мясо домашнихъ животныхъ иначе, какъ съ отвращеніемъ [1]); даже уголовный кодексъ опредѣляетъ строгое наказаніе противъ тѣхъ, кто убиваетъ одно изъ своихъ животныхъ, безъ особеннаго разрѣшенія [2]). Но оставляя въ сторонѣ секты вегетаріанцевъ (употребляющихъ исключительно растительную пищу), довольно многочисленныя въ странѣ, и которыя воздерживаются также отъ употребленія вина и «растительныхъ мясъ», каковы лукъ и чеснокъ [3]), китайцы прибавляютъ немного мяса къ своей пищѣ: они ѣдятъ въ особенности мясо свиней, которыя разведены у нихъ въ большомъ числѣ разновидностей, и содержаніе которыхъ обходится имъ очень дешево; на прудахъ и рѣкахъ встрѣчаешь домашнихъ утокъ огромными стадами въ три или четыре тысячи штукъ, за которыми присматриваютъ либо малые ребята, сидящіе на лодкахъ, либо даже пѣтухи, которые наблюдаютъ за стадомъ съ берега и своими криками да шумными помахиваньями крыльевъ не позволяютъ ему разбродиться [4]). Утка составляетъ предметъ значительной торговли; убитую птицу высушиваютъ между двумя досечками, какъ цвѣтокъ въ гербаріи, и въ этомъ видѣ посылаютъ ее до самыхъ отдаленныхъ провинцій; такимъ же точно способомъ приготовляютъ, въ южныхъ провинціяхъ и особенно въ Ху-нани [5]), собакъ особой породы, и даже крысъ и мышей; кузнечики, саранча, шелковичные черви, змѣи [6]) входятъ въ число продуктовъ, составляющихъ пищу бѣдняка, а плавники акулъ, морскія ку-

1) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois".
2) Eugène Simon;—Fortune;—Hedde;—Syrski;—Plath.

1) Eugène Simon, „Récits d'un voyage en Chine".
2) John Francis Davis, „The Chinese".
3) J. Doolittle, „Social Life of the Chinese".
4) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois".
5) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".
6) Purefoy;—Carl Ritter, „Asien";—A. Poussielgue, „Voyage en Chine et en Mongolie".

бышки (трепанги) и ласточкины гнѣзда подаются къ столу богача-гастронома.

Китайцы чрезвычайно искусны и изобрѣтательны въ дѣлѣ возможно бо́льшаго умноженія количества животной пищи, которое природа предоставила въ ихъ распоряженіе. Они знаютъ средства увеличивать плодовитость домашней птицы, и вслѣдствіе того, производство яицъ въ Китаѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Европѣ; они умѣютъ помѣшать курицѣ сѣсть на яйца, заставляя ее принимать ванны [1]), и задолго ранѣе западныхъ народовъ употребляли способы искусственнаго вывода цыплятъ, чтобы устранить случайности неудачнаго высиживанія ихъ самой насѣдкой. Они защищаютъ голубей противъ хищныхъ птицъ, прилаживая имъ между крыльями свистки изъ бамбуковой коры, тонкой какъ бумага; разсказываютъ даже, что они обладаютъ искусствомъ дрессировать пернатыхъ такъ, чтобы они отмѣчали часы пѣніемъ, повторяющимся столько разъ, сколько ударовъ сдѣлаетъ колоколъ [2]). Рыбаки тоже проявляютъ изумительное искусство по части ловли рыбы, которую ловятъ на днѣ воды, безъ сѣтей и безъ снарядовъ, и достигли высокой степени совершенства въ разведеніи прѣсноводныхъ и морскихъ видовъ [3]). На берегахъ провинціи Фу-цзянь они собираютъ маленькія раковинки и, въ буквальномъ смыслѣ, «сѣютъ» ихъ въ прибрежныхъ тѣнистыхъ лагунахъ, гдѣ эти моллюски быстро растутъ и дѣлаются болѣе вкусными. Одинъ видъ алозы или бѣшеной рыбы, называемой самли, разводится почти исключительно искусственными способами; ее отправляютъ далеко во всѣхъ состояніяхъ роста, въ большихъ сосудахъ изъ грубаго фаянса. Есть рыбы, которыя мечутъ икру до двухъ разъ въ мѣсяцъ, и которыхъ разводятъ не только въ живорыбныхъ садкахъ, но еще на рисовыхъ поляхъ, и даже, если эти поля слишкомъ скоро обсыхаютъ, въ лужахъ, образовавшихся отъ сильныхъ дождей [4]).

Въ совокупности отечественнаго производства культура чайнаго деревца играетъ очень важную роль, такъ какъ она доставляетъ самый значительный матеріалъ для внѣшней торговли. Количество чая, потребляемое внутри страны, должно немного превосходить то, которое употребляется въ остальномъ мірѣ, но вычислить это количество пока еще невозможно даже приблизительно. Впрочемъ, употребленіе настоящаго чая, хотя практикуемое уже двѣнадцать или пятнадцать столѣтій, не сдѣлалось еще общераспространеннымъ въ Китаѣ. Въ сѣверныхъ провинціяхъ только богатые люди позволяютъ себѣ роскошь пить чай изъ о́бласти Голубой рѣки, бѣдный же людъ и даже люди средняго достатка довольствуются разными суррогатами, куда чай входитъ лишь въ незначительной долѣ; кромѣ того, они пьютъ другіе отвары или настои, или даже просто горячую воду. Въ провинціяхъ, производящихъ ароматическій листъ, недостаточные жители тоже принуждены замѣнять чай листьями, которые они собираютъ въ рощахъ, преимущественно листья ивы [1]). Собранные весной, эти листья раскладываются на солнцѣ, на ровныхъ площадкахъ, гдѣ они подвергаются легкому броженію, послѣ чего ихъ обрабатываютъ точно такъ же, какъ чай, и они принимаютъ вкусъ чайныхъ листьевъ; одни только знатоки могутъ отличить этотъ суррогатъ отъ настоящаго чая. Въ нѣкоторыхъ округахъ эта промышленность получила нѣкоторую коммерческую важность вслѣдствіе фальсификаціи, которую позволяютъ себѣ ханькоускіе, шанхайскіе и амойскіе негоціанты, дѣлая обманныя подмѣси въ чаяхъ, предназначенныхъ для европейскаго потребленія.

Между семьюдесятью различными отраслями или производствами собственно земледѣлія, которыя перечисляютъ путешественники-изслѣдователи, культура сахарнаго тростника и хлопчатника, тутоваго, восковаго, сальнаго и лаковаго деревьевъ, культура конопли, рапивы бомеріи, и, еще въ гораздо большей мѣрѣ, культура бамбука имѣютъ первостепенную экономическую важность. Апельсинныя и померанцевыя деревья, которыя Китай передалъ остальному міру, такъ же, какъ персиковое дерево и шелковицу,—самыя производительныя изъ фруктовыхъ деревьевъ въ южныхъ областяхъ Срединнаго царства. Опіумъ, несмотря на то, что культура его оффиціально воспрещена, воздѣлывается почти во всѣхъ провинціяхъ имперіи, преимущественно въ Ху-бэй, Сы-чуани, Юнь-нани, Чжи-ли, Маньчжуріи, даетъ снадобье, которое, хотя цѣнится ниже индійскаго опіума, но вытѣсняетъ послѣдній и представляетъ собою значительную часть земледѣльческаго производства. Область Янъ-цзы-цзяна, куда хлопчатникъ первоначально перевезенъ былъ съ Зондскихъ острововъ и изъ Туркестана, сдѣлалась было, во время сѣверо-американской международной войны, одною изъ странъ-производительницъ драгоцѣннаго волокна, и поля провинціи Чжэ-цзянъ покрылись хлопчатобумажными плантаціями, въ ущербъ другимъ культурнымъ растеніямъ, которыя, впрочемъ, съ тѣхъ поръ опять завоевали почву.

Плодопеременное хозяйство съ его сѣвооборотами урегулировано такимъ образомъ, чтобы удовлетворять потребностямъ громаднаго народонаселенія, и невозможно было бы, не подвергая страну серьезной опасности, предпринимать существенное измѣненіе этого новораздѣ-

[1]) „Lettres édifiantes“;—Plath;—Simon;—Huc, etc.
[2]) Milne, „La vie réelle en Chine“.
[3]) Fortune, „China“.
[4]) Richthofen;—Fortune.

[1]) Fortune;—Richthofen.

ленія и всего способа культуры, освященнаго болѣе чѣмъ двадцати-вѣковымъ опытомъ [1]). Какъ, въ самомъ дѣлѣ, трогать это удивительно стройное цѣлое, въ которомъ всѣ части такъ

Гора Фузи-Яма въ Японіи.

хорошо согласуются одна съ другой, такъ гармонически переплетаются и взаимно дополняются, на всемъ пространствѣ огромнаго Срединнаго царства, отъ передовыхъ плоскогорій Тибета до береговъ Тихаго океана? Какъ преобразовать въ особенности эту обширную систему искусственнаго орошенія, сѣть которой обнимаетъ горы, холмы и равнины, распространяя оплодотворящую воду на всѣ уровни расположенныхъ ярусами полей? Единственная значительная перемѣна, которая можетъ сдѣлаться

[1]) Eugène Simon, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, dec. 1871.

и дѣйствительно дѣлается, къ выгодѣ китайскаго земледѣлія,—это увеличеніе удобной къ обработкѣ территоріи: такъ, въ теченіе нынѣшняго столѣтія культура была постепенно распространяема по отлогостямъ горъ и по залежамъ и новинамъ, благодаря введенію картофеля и кукурузы [1]). Точно также крестьяне во всѣ времена дѣлали захваты земли на болотахъ и на озерахъ посредствомъ разведенія аллоказіи и лотоса, которыхъ корни и сѣмена употребляются въ пищу, какъ лакомые плоды, а листья примѣшиваются къ курительному табаку, чтобы смягчить его крѣпость [2]).

Извѣстно, какимъ почетомъ пользуется земледѣліе въ народѣ «Ста семействъ». Между общественными классами сословіе земледѣльцевъ возводится на первое мѣсто, потому что оно даетъ хлѣбъ всѣмъ, и безъ него никто не могъ бы возвыситься до пониманія правилъ морали и обрядности религіи. Самъ императоръ считается первымъ хлѣбопашцемъ «Великой и Чистой имперіи», и извѣстно, что еще недавно исполнялось древнее правило, въ силу котораго глава государства долженъ былъ, въ концѣ марта мѣсяца, провести плугомъ три борозды, одѣтый по-крестьянски. Принцы крови, высшіе сановники имперіи, старики, созванные на эту церемонію, затѣмъ настоящіе пахари продолжали работу, начатую богдоханомъ, и зерно, собранное съ императорской полосы, представлялось въ слѣдующемъ году въ даръ богу Неба, какъ приношеніе всего народа [3]). Но если императоръ священнодѣйствуетъ отъ имени всѣхъ земледѣльцевъ Срединнаго царства, то онъ, однако, есть лишь виртуальный собственникъ земли, дѣйствительнымъ владѣльцемъ обрабатываемаго поля является крестьянинъ, который пользуется имъ и передаетъ его своимъ наслѣдникамъ на правахъ полной собственности.

Несмотря на приписываемую китайской націи неподвижность, нѣтъ народа, у котораго бы система землевладѣнія подвергалась болѣе частымъ и болѣе радикальнымъ перемѣнамъ; земледѣліе играетъ слишкомъ важную роль, чтобы перевороты не были направлены спеціально на форму владѣнія полями. Въ первыя времена китайской исторіи земля составляла общую собственность «Ста семей»; всѣ мужчины отъ двадцати до шестидесятилѣтняго возраста, которые могли содѣйствовать своей физической силой содержанію и защитѣ отечества, имѣли тѣмъ самымъ право на долю удобной для паханія почвы. Однако, частная земельная собственность возникла и утвердилась мало-по-малу въ пользу императора и вельможъ, и, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія старой эры, земля дѣлилась на удѣлы и лены, какъ должна была раздѣляться впослѣдствіи почва Западной Европы. Каждый способный къ труду человѣкъ, хотя зависѣвшій отъ какого-нибудь леннаго владѣтеля, сохранялъ свое право на обработку части лена, и даже нѣкоторыя угодья помѣстья, лѣса, пажити, выгоны, пустоши или невоздѣланныя земли оставались нераздѣльными для каждой группы изъ восьми семействъ. Китайская сельская община была организована почти такъ же, какъ въ наши дни организованъ міръ въ великорусскихъ губерніяхъ. При раздѣлахъ земли принимали въ разсчетъ мѣстоположеніе и качество полей: кто получалъ лучшій участокъ, наивыгоднѣе расположенный или ближайшій къ городамъ, тотъ долженъ былъ довольствоваться меньшимъ пространствомъ. Торговецъ и промышленникъ тоже получали часть, но размѣровъ, относительно, небольшихъ, для того, чтобы они во всякое время имѣли возможность вернуться къ земледѣльческому труду, въ случаѣ неуспѣха въ избранной ими профессіи. При этомъ никто не имѣлъ права продать, отдать въ наемъ или заложить свою долю земли: такова система, которой дали названіе «общиннаго землевладѣнія». Нѣкоторые остатки ея встрѣчаются еще и теперь не только въ самомъ Китаѣ, но также въ странахъ китайской цивилизаціи, между прочимъ въ Кореѣ [1]).

Китайскій «міръ» держался въ продолженіе болѣе, чѣмъ двадцати поколѣній, при господствѣ феодальнаго порядка; но около половины четвертаго столѣтія до Рождества Христова новая перемѣна, которую давно уже предвѣщали различныя явленія, совершилась и получила силу закона. Такъ какъ распредѣленіе населенія сдѣлалось съ теченіемъ времени очень неравномѣрнымъ, то различныя группы изъ восьми семействъ оказывались весьма несправедливо надѣленными землей; въ то время, какъ одни не могли болѣе существовать на своихъ маленькихъ имѣніяхъ, другіе, напротивъ, владѣли обширными землями, окруженными, сверхъ того, пустопорожними, неимѣющими опредѣленныхъ границъ, пространствами, которыя они тоже могли утилизировать. Такъ какъ старое соціальное равновѣсіе не представляло болѣе устойчивости, то «испорченность нравовъ» измѣнила его; было позволено каждому земледѣльцу селиться на гуляющей, незанятой землѣ вездѣ, гдѣ ему полюбится, и проводить тамъ межи своего владѣнія, не заботясь объ общинныхъ границахъ. Сельскій міръ окончательно распался въ одно время съ исчезновеніемъ феодальнаго порядка, и каждый изъ крестьянъ прежней общины сдѣлался

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage dans l'Empire Chinois“,—Willamson, „Journeys in North China, Machuria and Eastern Mongolia“.

[2]) Hunc, „L'Empire Chinois“.

[3]) Plath, „Geschichte des östlichen Asiens“.

[1]) Захаровъ, „Труды Императорской русской миссіи въ Пекинѣ“.

собственникомъ, съ правомъ продажи и передачи своего имѣнія въ видѣ дара или по наслѣдству; на мѣсто коллективнаго землевладѣнія установилась частная собственность. Преобразованіе, которое нѣкоторые экономисты предсказываютъ Россіи въ близкомъ будущемъ, совершалось, слѣдовательно, уже слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ Срединной имперіи. Но послѣдствія этого разложенія общинной группы не заставили себя долго ждать: всѣ тѣ, кого обогащали торговля, промышленность, милость государя или какія-нибудь другія благопріятныя обстоятельства, дѣлались пріобрѣтателями земли, въ ущербъ хлѣбопашцамъ, возникла крупная земельная собственность, и мало-по-малу обезземеленные крестьяне, не имѣя болѣе даже такого кусочка земли, гдѣ бы можно было «воткнуть иголку», кончили тѣмъ, что сдѣлались по большей части невольниками или крѣпостными богатыхъ землевладѣльцевъ; самые счастливые изъ нихъ были тѣ, которые продолжали воздѣлывать, въ качествѣ арендаторовъ, поля своихъ предковъ. Начались частые бунты и возстанія, нищета сдѣлалась общимъ явленіемъ, само государство обѣднѣло, и поступленіе податей и налоговъ достигалось съ большимъ трудомъ. Непрерывная борьба завязалась между сторонниками новаго порядка вещей и приверженцами общиннаго землевладѣнія. Въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ политическая исторія имперіи сливается съ исторіей землевладѣнія; смотря по альтернативамъ мѣстныхъ революцій и превратностямъ династій, которыя то хотѣли нравиться народу, то опираться на знать, права земледѣльца и привилегіи помѣщичьей собственности поочередно брали верхъ, и часто устраивались соглашенія и сдѣлки между находившимися въ борьбѣ партіями. Такъ, въ девятомъ году христіанской эры министръ Ванъ-манъ, овладѣвшій престоломъ, провозгласилъ, что съ этого времени земля будетъ императорскою собственностью: «ни одинъ подданный не можетъ удерживать за собой болѣе одного цина — около 5 съ половиной десятинъ, и не можетъ имѣть болѣе, чѣмъ весемь невольниковъ мужскаго пола. Продажа земли воспрещается, дабы каждый могъ сохранить то, что ему даетъ хлѣбъ. Всѣ излишки земельной собственности, которые окажутся во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, возвращаются казнѣ и имѣютъ быть розданы общинамъ соразмѣрно ихъ нуждамъ. Всякій сомнѣвающійся въ мудрости этихъ мѣръ будетъ изгнанъ изъ предѣловъ государства; всякій противящійся имъ будетъ казненъ смертію». Новый законъ дѣйствительно приведенъ былъ въ исполненіе, но нѣсколько лѣтъ спустя вельможи опять завладѣли своими помѣстьями. Еще разъ попытка возстановленія стараго общиннаго землевладѣнія потерпѣла неудачу. «Сами Юй и Шунь, говорилъ одинъ современный философъ, не успѣли бы возстановить этотъ порядокъ земельной собственности. Все на свѣтѣ мѣняется, рѣки перемѣщаютъ свое теченіе, и что уничтожено временемъ, то исчезаетъ навсегда».

Послѣ различныхъ перипетій, которыя повлекли за собой внутреннія революціи и перемѣны династій, китайскіе соціалисты, оставивъ идею общиннаго землевладѣнія въ томъ видѣ, какъ оно существовало встарину, попытались ввести новую систему. Никогда въ исторіи человѣчества подобный переворотъ не былъ предпринимаемъ правителями для преобразованія всего общества. Вангачже, сдѣлавшійся, въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія, другомъ и совѣтникомъ императора Чжань-цзуна, смѣло принялся за разрушеніе стараго соціальнаго строя; въ 1069 году, по его иниціативѣ, изданъ былъ указъ, отмѣнявшій всякую личную собственость; государство становилось единственнымъ владѣльцемъ и принимало на себя заботу о равномѣрномъ распредѣленіи продуктовъ почвы между работниками; богатство и бѣдность одинаково упразднялись, такъ какъ трудъ и пропитаніе обезпечивались всѣмъ и каждому, и такъ какъ никто не могъ овладѣвать ни малѣйшимъ клочкомъ земли; всѣ промыслы были поставлены подъ управленіе государства, и капиталисты должны были, въ пятилѣтній срокъ, передать свои капиталы правительству. Несмотря на противодѣйствіе мандариновъ и прежнихъ ленныхъ владѣльцевъ или помѣщиковъ, Вангачже удалось мирно поддерживать этотъ государственный коммунизмъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ; но достаточно было перемѣны царствованія, чтобы ниспровергнуть новый порядокъ, который не соотвѣтствовалъ ни желаніямъ народа, ни желаніямъ знати, и который къ тому же создалъ цѣлый классъ инквизиторовъ, сдѣлавшихся истинными владѣльцами земли.

Подъ владычествомъ монголовъ, земельная собственность сразу перешла въ другія руки, чтобы образовать новую феодальную систему, опиравшуюся на право завоеванія. Сановники имперіи завладѣли большими ленами, обнимавшими тысячи и сотни тысячъ десятинъ; послѣдній солдатъ получилъ на свою долю отдѣльное имѣніе. Въ то же время монголы, желая расширить пастбища для своихъ лошадей, преслѣдовали странный идеалъ—замѣнить пашни лугами или травяными степями и оттѣснить китайцевъ къ югу. Послѣдовало формальное запрещеніе производить какія бы то ни было запашки въ Пекинской равнинѣ, и только въ концѣ царствованія династіи Юань хлѣбопашцы добились разрѣшенія дѣлать кое-какіе посѣвы осенью [1]). Извѣстно, что усилія

[1]) Захаровъ, цитированн. мемуаръ.

монгольскихъ государей въ этомъ направленіи не имѣли успѣха; вмѣсто того, чтобы оттѣснить китайцевъ за Желтую рѣку, они, напротивъ, принуждены были удалиться со своими ордами, стадами и табунами на сѣверъ отъ Великой стѣны. Толпа земледѣльцевъ водворяется на ихъ земляхъ, населеніями все болѣе и болѣе плотными, тогда какъ промышленники и купцы лишаютъ ихъ всѣхъ сбереженій, гордясь присвоеннымъ имъ, совершенно справедливымъ, прозвищемъ «татароѣдовъ».

*Вообще же по праву владѣнія китайскія земли дѣлятся: на земли частныя или минъ-тянь, земли школьныя—ся-тянь и войсковыя или тунъ-пянъ. Послѣднія расположены въ застѣнномъ Китаѣ и особенно въ Маньчжуріи и Гань-су-синь-цзянь.

Всѣ этого рода земли оплачиваются особымъ налогомъ въ пользу государства, но кромѣ ихъ есть еще земельная собственность, принадлежащая монастырямъ, доходы съ нея идутъ исключительно на дѣла благотворительности* [1]).

Въ настоящее время въ Китаѣ преобладаетъ система мелкой земельной собственности; но часто случается, что земля остается подъ управленіемъ старшихъ братьевъ, въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ членовъ семьи или даже цѣлой деревни; слѣды прежняго общиннаго землевладѣнія встрѣчаются еще во всѣхъ частяхъ имперіи. Такъ какъ большіе капиталы направляются преимущественно къ промышленности и торговлѣ, то земля въ нѣкоторыхъ провинціяхъ остается почти всецѣло въ рукахъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ; однако, существуетъ еще много обширныхъ имѣній, почва которыхъ эксплоатируется либо арендаторами, либо исполовниками, которые дѣлятъ лѣтній урожай съ землевладѣльцемъ и сохраняютъ за собой всю зимнюю жатву; они доставляютъ скотъ, удобреніе и земледѣльческія орудія, тогда какъ помѣщикъ платитъ поземельный налогъ, который, впрочемъ, относительно очень не великъ. Въ плодородныхъ провинціяхъ морскаго прибережья, гдѣ почва наиболѣе раздѣлена, собственность въ 6 гектаровъ считается уже большимъ имѣніемъ, а средняя величина земельныхъ эксплоатацій, вѣроятно, не превышаетъ одного гектара [2]). Глава семейства можетъ продать или заложить свое имѣніе, но не иначе, какъ предлагая его сначала членамъ своего семейства и своимъ близкимъ родственникамъ по порядку ихъ родства [3]); по духовному завѣщанію или при передачѣ въ даръ своимъ семейнымъ онъ долженъ раздѣлить его на части почти равныя между всѣми своими сыновьями. Законъ обязываетъ его держать свои нивы или плантаціи въ хорошемъ состояніи; запущенная земля, остававшаяся три года сряду въ видѣ залежи, конфискуется и уступается новому владѣльцу, всякому, кто пожелаетъ занять ее. Даже глава общины несетъ отвѣтственность за хорошее или дурное содержаніе полей; если земли худо обрабатываются, то уголовный кодексъ можетъ приговорить его къ наказанію отъ двадцати до ста ударовъ бамбукомъ по пятамъ; по китайскимъ понятіямъ, не заботиться о томъ, чтобы почва давала, или что она можетъ дать, значитъ совершить преступленіе противъ націи. Право поселенія на невоздѣланной землѣ принадлежитъ всѣмъ безъ исключенія; достаточно, чтобы переселенецъ заявилъ о своемъ прибытіи мѣстнымъ властямъ, съ просьбой объ освобожденіи его отъ платежа податей, и эта льгота дается ему на извѣстный періодъ времени. Наконецъ правительство и само основываетъ поселенія, военныя или ссыльныя, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ городовъ и дорогъ, особенно въ провинціи Гань-су, въ Чжунгаріи и въ Маньчжуріи. Коронныя или удѣльныя земли, площадь которыхъ сравнительно не велика, всѣ находятся внѣ Китая въ собственномъ смыслѣ, именно въ Монголіи, близъ Великой стѣны и въ Маньчжуріи, странѣ, откуда происходитъ нынѣ царствующая династія. Плантаціи, окружающія храмы, поля, доходы съ которыхъ употребляются на содержаніе школъ, земли, пожертвованныя или завѣщанныя въ пользу больницъ, пріютовъ и другихъ богоугодныхъ или общественныхъ заведеній, наконецъ, часть болотъ, а также намывныхъ земель, морскихъ и рѣчныхъ, управляются общиной. Казенныя земли въ 1831 году были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Удѣлы императорской фамиліи — 302.[illegible]50 гектар.; земли восьми хошуновъ (знаменъ) — 860.800 гектар.; земли храмовъ, школъ и пріютовъ—130.980 гектар.; болота и морскія намывныя земли — 626.750 гектар.; всего — 1.921.380 гектар.

Мануфактурная промышленность Срединнаго царства по древности превосходитъ на много столѣтій ту же промышленность Запада, и даже нѣкоторые изъ важнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ въ Европѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ, были уже давно извѣстны китайцамъ. Марко Поло и первые европейскіе изслѣдователи крайняго Востока говорятъ съ удивленіемъ о тканяхъ, металлическихъ издѣліяхъ и другихъ произведеніяхъ промышленности «манзовъ»; но первые достовѣрные документы, относящіеся къ мануфактурамъ Китая, достигли въ Европу только въ концѣ семнадцатаго столѣтія, благодаря посольству восточной компаніи голландскихъ провинцій. Миссіонеры познакомили Европу со многими изъ употребляемыхъ китайцами способовъ фабрикаціи, а въ

[1]) Коростовецъ, „Китайцы и ихъ цивилизація“, 336 стр.
[2]) Syrski, „Landwirthschaft von China“.
[3]) Gray; —Katscher, „Bilder aus dem chinesischen Leben“.

текущемъ столѣтіи Станиславъ Жюльенъ и другіе синологи дополнили этотъ трудъ переводомъ многочисленныхъ китайскихъ сочиненій. Быстрая понятливость и смышленость, ловкость рукъ, свойственныя китайскому рабочему, не составляютъ только привилегій расы, онѣ происходятъ также отъ того, что крупная промышленность, съ ея раздѣленіемъ труда до крайней степени, еще не овладѣла мануфактурнымъ населеніемъ. Каждый предметъ искусства есть произведеніе одного художника, который самъ начертываетъ, формуетъ и разрисовываетъ его; то же самое нужно сказать о мебели и матеріяхъ, которыя всегда являются продуктомъ индивидуальнаго труда. Во многихъ провинціяхъ крестьяне въ то же время и ремесленники; они сами ткутъ, прядутъ хлопокъ и выдѣлываютъ холстъ [1]). Особенно по части корзиночнаго производства они достигли замѣчательнаго совершенства; плетенье ихъ корзинъ до такой степени плотно, что онѣ служатъ для переноски всякаго рода жидкостей, замѣняя деревянныя ведра и металлическіе сосуды.

За исключеніемъ, однако, небольшаго числа издѣлій, жители Цвѣтущаго царства не могутъ болѣе похвалиться своимъ превосходствомъ надъ «западными варварами», и потому они подражаютъ тому, что доходитъ къ нимъ изъ Европы. Инструменты и орудія, разнаго рода украшенія, часы карманные и стѣнные, тысячи предметовъ туалета и домашняго обихода, которые фабрикуютъ кантонскіе и фучжоускіе мастера, и которые расходятся по всей Срединной имперіи, были по большей части скопированы съ образчиковъ, привезенныхъ изъ западныхъ государствъ; также и по части большихъ работъ, эти наставники, пришедшіе изъ Европы или изъ Новаго Свѣта, научили дѣтей Ханъ искусству строить локомобили, машины прядильныхъ фабрикъ, пароходы и управлять ими. Что касается старинныхъ промышленностей, то имъ трудно было-бы преобразоваться, такъ какъ способы ихъ доведены уже до послѣдней степени простоты и отчетливости. Нѣкоторыя изъ нихъ не измѣнились въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ; онѣ могутъ исчезнуть, замѣненныя другими, но измѣниться не могутъ [2]). Между промышленностями или ремеслами, которыя погибли, безъ сомнѣнія потому, что способы фабрикаціи были извѣстны лишь небольшому числу мастеровъ, есть такія, которыхъ ни китайцы, ни европейцы не могли опять найти. Лучшіе нынѣшніе мастера не въ состояніи выдѣлывать бронзы съ чернью, финифтяныя работы и фарфоровыя вазы, которыя могли бы сравниться съ издѣліями этого рода, хранящимися въ музеяхъ [1]). По части краснильнаго искусства, для котораго употребляются преимущественно растительные соки, китайцы до сихъ поръ еще могутъ быть учителями европейцевъ и обладаютъ различными цвѣтами, секретъ которыхъ неизвѣстенъ за границей.

Мы знаемъ, какъ богатъ Китай металлами, солью и каменнымъ углемъ. Солепромышленники очень искусны въ эксплоатаціи соляныхъ источниковъ и не уступаютъ европейскимъ рабочимъ въ искусствѣ концентрировать маточный разсолъ и кристаллизовать соль, либо при помощи солнечной теплоты, либо искусственными средствами или дѣйствіемъ газовъ, выдѣляющихся изъ «огненныхъ колодцевъ», какъ это дѣлается въ Сы-чуани. Что касается рудокоповъ, то они употребляютъ еще самые первобытные способы для разработки залежей каменнаго угля; трубы и лѣстницы изъ бамбука замѣняютъ у нихъ сложныя машины европейскихъ горныхъ инженеровъ; несмотря на недостатокъ желѣзныхъ дорогъ для перевозки минеральнаго топлива на большія разстоянія, ежегодная добыча этого продукта простирается до нѣсколькихъ милліоновъ тоннъ; Китай занимаетъ уже шестое мѣсто между производящими ископаемый уголь государствами, въ ожиданіи того времени, когда, съ одной стороны, обѣднѣніе англійскихъ копей и, съ другой стороны, правильное устройство его подземныхъ галлерей обезпечатъ ему первое мѣсто. Каменноугольный бассейнъ Сы-чуани простирается на пространствѣ по меньшей мѣрѣ 250.000 квадратныхъ километровъ; бассейнъ Ху-нани тоже занимаетъ весьма значительную площадь; но самый важный изъ всѣхъ, если не по протяженію или содержанію угля, то, по крайней мѣрѣ, по чрезвычайной легкости доступа,—это бассейнъ южнаго Шань-си, гдѣ правильные пласты, начинаясь на уровнѣ окружающихъ равнинъ, продолжаются далеко во внутренности горныхъ породъ [2]). Не встрѣтилось бы никакихъ затрудненій построить желѣзныя дороги, проникающія съ равнины въ копи и развѣтвляющіяся въ подземныхъ галлереяхъ въ обширную сѣть. Нигдѣ мѣсторожденія минеральнаго топлива не представляютъ столь благопріятныхъ условій для удобной и не дорого стоющей эксплоатаціи. При теперешнихъ размѣрахъ потребленія, южный Шань-си легко могъ бы снабжать антрацитомъ весь свѣтъ въ теченіе тысячъ лѣтъ [3]).

Добыча земляного угля въ Китаѣ въ 1878 г. была:

Шань-си — 1.000.000 тоннъ антрацита

---

[1]) De Courcy, „L'Empir du Milieu".

[2]) Paul Champion, „Industries anciennes et modernes de l'Empire Chinois".

[1]) De Rochechouart, „Pékin et l'interieur de la Chine".

[2]) F. von Richthofen, „Oesterreichische Monatsschrift für den Orient".

[3]) F. von Richthofen, „Geographical Review", nov. 1873.

и—700.000 тоннъ угля; Ху-нань— 600.000 тоннъ антрацита и угля; Шань-дунъ — 200.000 тоннъ антрацита и угля; Чжи-ли — 150.000 тоннъ антрацита и угля; другія провинціи—350.000 тоннъ антрацита и угля. Всего—3.000.000 тоннъ антрацита и угля.

Въ нѣкоторыхъ округахъ китайской территоріи, въ провинціи Чжи-ли, въ Маньчжуріи, работы по эксплоатаціи каменноугольныхъ копей производятся теперь по европейскимъ способамъ, что дало возможность удесятерить годовое производство. Китайцы стали также извлекать желѣзную руду и обработывать ее по методѣ иностранныхъ металлургистовъ, которая, впрочемъ, мало отличается отъ той, которая практиковалась въ Срединномъ царствѣ еще съ незапамятныхъ временъ. Туземная сталь всегда предпочитается въ краѣ англійской. Китайцы достигли высокой степени совершенства въ приготовленіи сплавовъ мѣди, свинца, олова, мышьяка, золота и серебра, и умѣютъ разнообразить ихъ, смотря по употребленію, для котораго предназначается тотъ или другой фабричный предметъ. Качество, цвѣтъ, полировка ихъ бронзъ безподобны, а ихъ гонги, «мужскіе» и «женскіе», отличаются замѣчательной силой вибраціи. Посредствомъ ковки мастера́ сообщаютъ металлу всякую желаемую звонкость. Эта операція одна изъ тѣхъ, гдѣ рабочій выказываетъ удивительную ловкость: дѣйствуя тяжелыми молотами, четверо или пятеро кузнецовъ ударяютъ по узкому кружку, всегда соразмѣряя кадансъ и силу ударовъ, никогда не путаясь и не мѣшая другъ другу въ этомъ деликатномъ трудѣ; самая ихъ работа есть уже настоящая музыка [1]).

Китайскія лакированныя издѣлія, такъ же, какъ и японскія, принадлежатъ къ числу тѣхъ произведеній промышленности, относительно которыхъ народы крайняго Востока сохранили за собой монополію, благодаря обладанію сырымъ матеріаломъ; но липкая жидкость, которую они извлекаютъ изъ дерева rhus vernicifera, и которая служитъ имъ для приготовленія этихъ издѣлій,—очень опасное вещество, такъ что рабочіе должны обращаться съ нимъ чрезвычайно осторожно и не могутъ безъ вреда для себя дотрогиваться до него; даже испаренія его страшно ядовиты; что касается обыкновенныхъ лакированныхъ вещей, то ихъ фабрикуютъ съ помощью масла, добываемаго изъ сѣмянъ одного молочайнаго растенія, dryandra cordata [2]). Такъ же, какъ лакированныя издѣлія, китайская тушь стоитъ гораздо выше подобныхъ европейскихъ продуктовъ, хотя способъ выдѣлки ея вполнѣ извѣстенъ, на основаніи китайскихъ документовъ и опыта иностранныхъ фабрикантовъ; превосходство палочекъ туши, приготовляемыхъ въ Сы-чуани и въ Чжэ-цзянѣ, должно быть приписано постоянной внимательности и ловкости рабочихъ. Ремесленники Срединнаго царства отличаются также изумительнымъ искусствомъ въ рѣзьбѣ на деревѣ, слоновой кости и твердыхъ камняхъ. Китайцы, которымъ принадлежитъ честь изобрѣтенія писчей бумаги, приготовляютъ многіе виды ея, неизвѣстные въ Европѣ; однако, сами они всегда отдаютъ предпочтеніе корейской и японской бумагѣ. Уже съ 153 года, общепринятаго лѣтосчисленія, нѣкто Цай-лунъ научилъ своихъ соотечественниковъ искусству замѣнять употребляемыя до того времени бамбуковыя таблички писчей бумагой, тѣсто которой онъ приготовлялъ изъ древесной коры, волоконъ конопли, старой парусины, негодныхъ рыболовныхъ сѣтей. Впослѣдствіи для фабрикаціи бумаги стали употреблять также молодые побѣги бамбука, ротангъ (индійскій тростникъ), морскія водоросли, траву шпажника, волокна бруссонеціи (broussonetia papyrifera), коконы шелковичнаго червя и т. под.

Извѣстно, что китайцы опередили европейцевъ въ открытіи искусства книгопечатанія: уже въ концѣ шестаго столѣтія объ этомъ искусствѣ говорится какъ объ извѣстномъ съ давнихъ поръ; если бы западные народы могли читать и изучать персидскихъ историковъ, они познакомились бы съ книгопечатаніемъ полутора вѣками ранѣе, ибо способъ, употребляемый китайцами, довольно ясно изложенъ въ одномъ сочиненіи Рашидъ-Эддина, оконченномъ около 1310 года [1]). И не только дѣти Хань знали уже печатаніе съ помощью деревянныхъ досточекъ, но они практиковали также гравированіе на камнѣ и на мѣди, а около половины одиннадцатаго столѣтія одинъ кузнецъ изобрѣлъ подвижныя буквы изъ обожженной формовой земли или терракотты. Однако, большое число знаковъ, которые необходимы для письменнаго языка, мѣшаетъ до сихъ поръ большинству печатниковъ пользоваться подвижными литерами, кромѣ какъ для популярныхъ изданій и журналовъ, для которыхъ достаточно небольшое число знаковъ; продолжаютъ употреблять досточки изъ грушеваго дерева, на которыхъ вырѣзаны письменные знаки, и мѣдныя пластинки, выгравированныя въ рельефѣ. Существуютъ, однако, великолѣпныя изданія, напечатанныя съ помощью подвижныхъ буквъ: таковъ сборникъ изъ 6.000 древнихъ сочиненій, изданный императоромъ Канъ-си, который велѣлъ приготовить для этого изданія 250.000 подвижныхъ мѣдныхъ литеръ; таковы же изданія, выходящія изъ императорской типографіи и печатаемыя необыкновенно изящнымъ шрифтомъ, который получилъ на-

[1]) Paul Champion, цитированное сочиненіе.

[2]) John Fr. Davis, „The Chinese"; —Wells Williams, „The Middle Kingdom".

[1]) Klaprotch, „Mémoire sur la Boussole".

званіе «собранныхъ жемчужинъ» [1]). Наконецъ, во всѣхъ городахъ, открытыхъ европейской торговлѣ, заведены типографіи, гдѣ употребляютъ подвижныя литеры, и откуда выходятъ пересмотрѣнныя книги, гораздо болѣе безошибочныя, чѣмъ обыкновенныя изданія. Матеріальныя усовершенствованія промышленности соотвѣтствуютъ прогрессу, который происходитъ въ совокупности знаній.

Китайскіе рабочіе, въ среднемъ выводѣ, получаютъ гораздо меньшую плату, нежели рабочіе Европы и Новаго свѣта: размѣръ заработной платы, въ Пекинѣ, въ Шанхаѣ, въ Кантонѣ, въ Хань-коу, измѣняется отъ 50 сантимовъ до 1 франка въ день на человѣка. Правда, что съѣстные припасы въ Срединной имперіи пропорціонально дешевле, чѣмъ въ западныхъ странахъ; но за исключеніемъ занятій тяжестей, они не уступятъ англійскимъ рабочимъ. Въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ Китая почти всѣ товары, которые можно отправлять водой, переносятся на спинѣ человѣка, и любо смотрѣть, какъ куліи взбираются по скатамъ горъ, нагруженные тяжелой кладью, которую многіе европейскіе носильщики отказались бы поднять даже въ равнинѣ. Во всѣхъ китайскихъ городахъ вы увидите на улицахъ носильщиковъ паланкиновъ, быстро бѣгущихъ и ловко проталкивающихся сквозь толпу, повидимому, вовсе не думая о грузной ношѣ, которая тяготѣетъ на ихъ плечахъ; они только испускаютъ отъ времени до времени глухіе гортанные крики, какъ европейскіе мѣсильщики тѣста въ булочныхъ или кабильскіе толкачи кофе; ихъ шаги и усилія соразмѣряются по этому отрывистому оханью [1]).

Волокъ въ провинціи Чжэ-цзянъ.

шелковыхъ по шелковой промышленности, получающихъ сравнительно съ другими болѣе высокое вознагражденіе, немногіе изъ рабочаго люда имѣютъ достаточное питаніе; во многихъ округахъ вся пища ихъ состоитъ изъ вареная риса, капусты, свареной на водѣ, съ прибавкой небольшаго количества сала и иногда рыбы. Средняя стоимость ихъ дневнаго пропитанія измѣняется отъ 40 до 50 сантимовъ; разница громадная между ихъ скудной пищей и обильнымъ питаніемъ европейскихъ матросовъ, которыхъ они встрѣчаютъ на верфяхъ Тянь-цзина и Фу-чжоу-фу. А между тѣмъ эти работники, съ виду тщедушные и слабосильные, съ блѣднымъ лицомъ, обладаютъ большой мускулистой силой, и когда дѣло идетъ о под-

Въ Срединномъ царствѣ, гдѣ ассоціаціи такъ крѣпко организованы, рабочіе, такъ же, какъ и другіе классы общества, съумѣли сгруппироваться въ ремесленные союзы или корпораціи: чтобы удержать уровень заработной платы или жалованья, они устраиваютъ стачку или даже основываютъ производительныя товарищества; благодаря присущему имъ духу солидарности, благодаря ихъ удивительной добровольной дисциплинѣ, которая доходитъ до спокойнаго принятія самоубійства посредствомъ голода, они почти всегда, въ концѣ концовъ, одерживаютъ верхъ. Сила ихъ такъ прочно установлена, что во многихъ мѣстахъ хозяева даже не вступаютъ въ борьбу. Рабочіе сами назначаютъ умѣренную таксу заработной платы при началѣ каждаго промышленнаго сезона, и каково бы

[1]) Bourgeois, „Mémoires concernants les Chinois“, tome XI.

[1]) Huc; — Champion; — Milne; — Doolittle.

ни было это жалованье, оно аккуратно уплачивается. Они легко могли бы овладѣть всѣмъ промышленнымъ механизмомъ, если бы ремесленныя корпораціи не образовали изъ себя замкнутыхъ обществъ, соперничающихъ между собою. Организованныя какъ мастерства, различныя ремесленныя ассоціаціи или артели, принимаютъ учениковъ только для того, чтобы заставить ихъ пройти чрезъ настоящее рабство, продолжающееся два или три года; онѣ составляютъ своего рода аристократію, подъ которой копошится толпа безправныхъ личностей, принужденныхъ ухищряться всякими способами, чтобы жить внѣ рамокъ правильнаго общества. Въ обыкновенное время самые счастливые между этими непринадлежащими ни къ какому сословію людьми—ниціе по профессіи. Подобно купечеству и ремесленному классу, они сгруппированы въ признанныя закономъ общества, имѣющія свои уставы, свои праздники и пиршества.

Торговля страны столь богатой, какъ Китай, продуктами всякаго рода, районы производства которыхъ разнообразно переплетаются и скрещиваются, представляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, значительную часть всемірнаго торговаго обмѣна, но исчислить ея невозможно, даже приблизительнымъ образомъ, исключая, развѣ, торговли солью и нѣкоторыми другими произведеніями, надъ которыми тяготѣетъ монополія правительства. Близъ большихъ городовъ, рѣки, каналы усѣяны судами, слѣдующими одно за другимъ нескончаемыми караванами; волоки, дороги, убитыя глинистой землей, по которымъ упряжки воловъ перетаскиваютъ ладьи и барки изъ одного канала въ другой, часто походятъ на ярмарочное поле; по бойкимъ, часто посѣщаемымъ дорогамъ черезъ горы, между противоположными покатостями, каждый день проходятъ тысячи людей. Общее число судовщиковъ и носильщиковъ, которые служатъ посредниками во внутренней торговлѣ, по всей вѣроятности, простирается до нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ.

Китай, удовлетворяя самъ почти вполнѣ свои потребности, благодаря разнообразію своихъ произведеній, могъ долгое время ограничивать свою внѣшнюю торговлю нагрузкой нѣсколькихъ кораблей. Это не значитъ, чтобы китайская нація по принципу отказывалась отъ торговыхъ сношеній съ иностранцами; совсѣмъ напротивъ—арабы, малайцы, жители Индо-Китая всегда свободно производили торговлю въ южныхъ портахъ имперіи, и когда португальцы въ первый разъ появились, въ 1516 году, при входѣ въ Кантонскую рѣку, они были приняты какъ нельзя лучше. Нѣтъ сомнѣнія, что территорія Срединной имперіи была бы имъ открыта такъ же, какъ она была открыта въ средніе вѣка всѣмъ путешественникамъ индійскимъ, арабскимъ, европейскимъ, которые пріѣзжали по одиночкѣ, но португальцы, затѣмъ послѣ нихъ испанцы, голландцы, англичане являлись почти какъ завоеватели, съ угрозой на устахъ, съ рукой на пальникѣ пушекъ. Со времени третьяго посѣщенія португальцевъ, въ 1518 году, возникли столкновенія, и вскорѣ послѣ того не проходило ни одного года безъ того, чтобы «чужеземные варвары» не совершали какихъ-нибудь кровавыхъ подвиговъ, оправдывавшихъ это прозвище, которое имъ дали китайцы. Кромѣ того, они воевали между собой; жители Срединнаго царства, видя во всѣхъ этихъ посѣтителяхъ людей одной и той же націи, недоумѣвали, почему эти соотечественники враждуютъ и отнимаютъ другъ у друга корабли и товары; они смотрѣли на нихъ, какъ на кровожадную расу, какъ на людей безъ вѣры, которыхъ всѣ дѣти Хань должны тщательно избѣгать. Порты открылись для иноземцевъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ пускали не иначе, какъ подвергая стѣснительнымъ ограниченіямъ и унизительнымъ формальностямъ. Чтобы предохранить себя отъ соприкосновенія съ европейцами, Китай сдѣлался недоступнымъ. «Варвары тѣ же скоты, съ ними невозможно управлять на основаніи тѣхъ же принциповъ, какъ и гражданами», такъ выражался одинъ оффиціальный документъ, переведенный Премаромъ. «Пытаться управлять ими посредствомъ великихъ правилъ разума значило бы хотѣть привести къ безпорядку. Управлять варварами посредствомъ произвола—вотъ истинная метода и лучшій способъ управлять ими [1]).

Торговля опіумомъ прибавила новыя жалобы къ тѣмъ, которыя пекинское правительство уже имѣло противъ европейцевъ. Употребленіе этого снадобья распространилось въ Китаѣ только около конца прошлаго столѣтія, эпохи, когда оно привозилось изъ-за границы еще подъ видомъ простаго медикамента. Въ 1800 году императоръ издалъ прокламацію, въ которой запрещаетъ своему народу обмѣнивать свои деньги на «мерзкую дрянь»; но зло было уже сдѣлано, и ядъ распространялся съ неудержимой силой; Остъ-индская компанія уже имѣла сообщниками милліоны курильщиковъ и въ томъ числѣ большую часть мандариновъ, которымъ оффиціально было поручено положить конецъ этой вредной торговлѣ. Контрабандный привозъ опіума усиливался изъ-года-въ-годъ, къ великому ущербу императорской казны; такъ какъ отпускъ чаевъ и шелковъ далеко не уравновѣшивалъ, по цѣнности, привоза опіума, то деньги Срединнаго царства пропадали безвозвратно, по китайскому выраженію, «въ ненасытныхъ глубинахъ заморскихъ странъ». Наконецъ, правительство прибѣгло къ силѣ; въ 1839 году всѣ иностранцы, поселившіеся въ

[1]) Wells Williams, „The Middle Kingdom“.

Кантонѣ, въ числѣ 275 человѣкъ, были заключены въ тюрьму, и британскій коммиссаръ, чтобы купить свободу себѣ и своимъ соотечественникамъ, принужденъ былъ отдать вице-королю Лину, для уничтоженія, болѣе двадцати тысячъ ящиковъ опіума, принадлежавшихъ англійскимъ подданнымъ и представлявшихъ цѣнность по малой мѣрѣ 50 милліоновъ франковъ. Это и было сигналомъ «къ войнѣ изъ-за опіума». Въ 1841 году англичане овладѣли архипелагомъ Чжу-санъ, затѣмъ фортами Кантонской рѣки. Въ слѣдующемъ году города Нинъ-бо и Чжэнь-цзянъ были взяты, входъ въ Голубую рѣку былъ форсированъ, и Англія продиктовала Китаю условія мира передъ стѣнами Нанкина. Мирный трактатъ отмѣнялъ монополію двѣнадцати гонговъ, посредниковъ, къ которымъ иностранные коммерсанты должны были обращаться до того времени, и отдалъ Великобританіи, кромѣ большой суммы военнаго возмагражденія, островъ Гонконгъ въ полную собственность; правительство богдыхана обязывалось открыть пять портовъ торговлѣ западныхъ государствъ, именно: Кантонъ, Амой, Фу-чжоу, Нинъ-бо и Шанхай, но при этомъ было оставлено въ силѣ прежнее запрещеніе, по которому никакое британское судно не могло подниматься вдоль морскаго берега на сѣверъ выше лимана Янъ-цзы-цзяна.

Однако, тяжелыя условія этого договора не были соблюдаемы китайцами; кончилось тѣмъ, что пребываніе въ Кантонскомъ портѣ было воспрещено иностранцамъ, и нѣкоторыя монополіи были возстановлены; съ своей стороны, англичане, французы, американцы требовали новыхъ уступокъ. Вспыхнула вторая война, въ 1857 году, между Китаемъ и двумя западными державами, Англіей и Франціей. Кантонъ былъ снова взятъ, а европейскіе военные корабли вошли въ Пекинскую рѣку; но миръ, поспѣшно заключенный и подписанный въ Тянь-цзинѣ въ 1858 году, не могъ быть прочнымъ, и уже въ слѣдующемъ году союзникамъ пришлось снова пытаться форсировать входъ въ рѣку Байхо, на этотъ разъ безъ успѣха; только, когда они проникли въ третій разъ въ рѣку китайской столицы, въ 1860 году, превосходство западнаго оружія окончательно восторжествовало. Англо-французскія войска взяли приступомъ форты Да-гу, разбили въ чистомъ полѣ китайскую армію, которою командовалъ татаринъ Санколинсинъ, и расположились лагеремъ передъ Пекиномъ. Мало того, союзники оказали императорскому правительству постыдную для него услугу, взявъ на себя обязанность защищать его противъ его собственныхъ мятежныхъ подданныхъ и отвоевать для него прибрежные города Голубой рѣки, занятые тайпингами. Въ силу трактата 1860 года, европейской торговлѣ были открыты новые порты; а въ 1878 году,—на этотъ разъ дѣло устроилось путемъ переговоровъ и не было надобности прибѣгать къ посредству пушекъ,—пекинскій дворъ долженъ былъ, во искупленіе измѣннической убійства англійскаго путешественника Маргари, предоставить европейскимъ негоціантамъ право выбрать себѣ, кромѣ прежде указанныхъ, и другіе рынки на морскихъ прибрежьяхъ. Въ настоящее время двадцать четыре порта морскихъ или рѣчныхъ, съ ихъ пригородами, открыты внѣшней торговлѣ, иностранцамъ уступлены земли для постройки товарныхъ складовъ и жилищъ, срокомъ на «на девяносто девять лѣтъ», и, сверхъ того, два острова, Макао и Гонконгъ, принадлежатъ: одинъ Португаліи, съ нѣкоторыми ограниченіями, другой—Англіи, въ самыхъ водахъ Китая. Англія же получила въ аренду Вэйхай-вэй и окрестности Коу-луня. Бухта Цзяочжоу вмѣстѣ съ окружающей ее мѣстностью находится въ арендѣ Германіи, а въ пользованіе Россіи Китай предоставилъ южную часть Ляо-дуна. На сухопутной границѣ, на югѣ и юго-западѣ, недостатокъ удобныхъ путей сообщенія и гражданскія войны Юнь-нани препятствовали до сихъ поръ учрежденію международнаго рынка, тогда какъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Россія имѣетъ свои консульства и складочные пункты въ городахъ Чугучакѣ, въ Кобдо, въ Улясутаѣ, въ Ургѣ, Турфанѣ, Кашгарѣ, Кульджѣ, и свободно располагаетъ почтовой дорогой изъ Кяхты въ Тянь-цзинь черезъ Калганъ и Тунъ-чжоу. Она пріобрѣла право держать своихъ агентовъ на обѣихъ оконечностяхъ дороги, пролегающей черезъ пустыни монгольскаго Гань-су, въ Турфанѣ и въ Су-чжоу, близъ «Нефритовыхъ воротъ», и въ Ха-ми; она снова открываетъ, къ своей выгодѣ, старый трансконтинентальный путь между Востокомъ и Западомъ. Сосѣдка Китайской имперіи на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, Россія имѣла надъ европейскими державами то огромное преимущество, что могла дѣйствовать непрерывнымъ образомъ въ видахъ успѣнія своего вліянія; благодаря промежуточнымъ населеніямъ, составляющимъ этнологическій переходъ отъ одной націи къ другой, она гораздо лучше поняла характеръ китайцевъ и съумѣла получить лаской и хитростью то, что западные народы старались завоевать силой оружія. Россія не имѣла надобности вступить въ войну, чтобы заставить уступить ей лѣвый берегъ Амура и все морское прибрежье Маньчжуріи до границы полуострова Кореи, и чтобы добиться права ввозить свои товары, платя двѣ трети таможенныхъ пошлинъ, требуемыхъ съ другихъ націй [1]).

Порты, открытые иностранной торговлѣ, расположены, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, по всему морскому прибрежью,

[1]) Martens, „Russische Revue“, 1880 г., № 12.

отъ Пакъ-хоя, въ Тонкинскомъ заливѣ, до Инъцзы, при устьѣ рѣки Ляо-хэ; островъ Хай-нань тоже имѣетъ свои европейскія колоніи; слѣдовательно, на всемъ пространствѣ отъ границъ Индо-Китая до границъ Кореи произведенія страны могутъ быть отправляемы непосредственно изъ всѣхъ мѣстностей Китая къ главнымъ рынкамъ Европы. Между этими портовыми городами Кантонъ, самый близкій изъ китайскихъ портовъ отъ Малайскаго архипелага, Индостана и Европы и, кромѣ того, обладающій давней коммерческой традиціей, естественно долженъ былъ сохранить за собой значительную часть торговаго обмѣна съ европейскимъ міромъ; Тянь-цзинь, на сѣверѣ имперіи, тоже получилъ какъ портъ столицы исключительную важность; но два главные рынка занимаютъ болѣе центральное положеніе: Шанхай, стоящій при лиманѣ Янъ-цзы, служитъ воротами, посредствомъ которыхъ громадный бассейнъ этой рѣки сообщается съ остальнымъ міромъ; Хань-коу составляетъ центръ этого бассейна. По свидѣтельству наиболѣе авторитетныхъ негоціантовъ, Чунъ-цинъ предназначенъ сдѣлаться въ близкомъ будущемъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ городовъ для всемірной торговли: онъ уже теперь служитъ центромъ торговаго обмѣна для богатой провинціи Сы-чуань и части провинціи Юнь-нани, и ему недостаетъ только удобныхъ сообщеній съ Индіей и съ Индо-Китаемъ.

Общая сумма торговаго обмѣна Китая съ иностранными государствами удесятерилась со времени открытія портовъ внѣшней торговлѣ [1]): по оффиціальной статистикѣ, эта сумма превышаетъ милліардъ, но отчеты таможеннаго вѣдомства не принимаютъ въ разсчетъ торговыхъ операцій, производимыхъ черезъ посредство китайскихъ джонокъ; многіе писатели исчисляютъ въ три милліарда совокупность продажъ и покупокъ, происходящихъ въ портахъ Срединной имперіи; но и при этой цифрѣ на каждаго жителя, среднимъ числомъ, приходилось бы только отъ 7 до 8 франковъ,—сумма почти ничтожная въ сравненіи съ количествомъ торговаго обмѣна, который дѣлаютъ другія государства съ иностранными націями.

Внѣшняя торговля Китая по оффиціальнымъ даннымъ такова:

	Въ 1889 г.	Въ 1891 г.	Въ 1893 г.	Въ 1897 г.	
Привозъ	110.884.355	134.003.863	151.362.819	202.828.625	въ ланахъ.
Вывозъ	96.947.832	100.947.849	116.632.311	163.501.358	
Итого	207.832.187	274.951.712	267.995.130	366.329.983	

Изъ этого видно, что заграничная торговля представляетъ, въ среднемъ выводѣ, довольно значительное возрастаніе съ каждымъ годомъ, кромѣ 1893 года, когда она показываетъ уменьшеніе, причину котораго нужно отнести къ войнѣ. Движеніе судоходства увеличилось въ той же пропорціи, какъ и движеніе торговли, но парусныя суда европейцевъ были почти совершенно замѣнены пароходами. Въ настоящее время правильные рейсы пакетботовъ совершаются изъ порта въ портъ вдоль морскаго прибрежья, а также въ Голубой рѣкѣ, отъ пристани до пристани, до И-чана, ниже пороговъ.

Недавно еще почти вся эта торговля производилась подъ иностраннымъ флагомъ. Наибольшая часть торговаго движенія болѣе половины все еще приходится на долю англичанъ. Американцы прежде занимали второе мѣсто послѣ англичанъ; но, менѣе богатые купеческими судами, чѣмъ ихъ соперники, они теперь почти удалились съ арены коммерческой борьбы. Движеніе нѣмецкаго судоходства, довольно значительное въ то время, когда перевозка товаровъ производилась главнымъ образомъ парусными судами, уменьшилось съ той поры, какъ Гамбургъ долженъ выдерживать конкурренцію совершающихъ правильные и быстрые рейсы пакетботовъ Англіи и Франціи.

По цѣнности торговли съ странами на долю послѣднихъ приходилось въ 1897 году:

Гонконгъ — 150.528.109 ланъ; Англія — 52.960.816 ланъ; Индія—21.114.114 ланъ; Австралія—4.713.905 ланъ; Сингапуръ и другія англійскихъ колоній—617.429 ланъ; Японія — 39.191.022 ланъ; Россія (Прим. обл.) — 3.220.886 ланъ; Россія (Одесса) — 7.160.99[illegible] ланъ; Россія (Кяхта, Сибирь) — 94.710.0[illegible] ланъ; Корея — 1.394.574 ланъ.

Весьма важное значеніе въ торговлѣ съ Китаемъ принадлежитъ Германіи и въ послѣднее время и Японіи. Что касается китайскихъ негоціантовъ — покровительствуемыхъ Цай-шиномъ, богомъ торговли, котораго изображенія они всѣ имѣютъ,—то они принимаютъ все болѣе и болѣе значительное участіе въ перевозкѣ товаровъ. Забравъ въ свои руки розничную торговлю, производимую при помощи неглубоко сидящихъ въ водѣ джонокъ, которыя свободно проникаютъ во всѣ бухточки морскаго прибережья, они овладѣваютъ также мало-по-малу оптовой торговлей и пускаются въ смѣлыя спекуляціи: болѣе воздержные и умѣренные въ образѣ жизни, чѣмъ европейцы, болѣе скромные въ своихъ желаніяхъ наживы, болѣе смѣтливые въ обсужденіи дѣлъ, хотя гораздо строже соблюдающіе данное слово, лучше услуживаемые посредниками, своими земляками, болѣе солидарные въ отношеніи другъ друга, знающіе всѣ мѣста производства и имѣющіе уже корреспон-

[1]) F. von Richthofen;—Colborne Baber.

дентовъ своего племени въ большей части иностранныхъ государствъ, изощрившіеся отъ отца къ сыну во всѣхъ тонкостяхъ аѳіотажа и спекуляціи, привыкшіе со временъ своихъ игръ дѣтства говорить языкомъ купцовъ, посвященные во всѣ тайны банковыхъ операцій, съ векселями, переводами, траттами и т. д., китайскіе коммерсанты быстро поняли секреты европейскихъ конторъ, и уже во многихъ изъ открытыхъ иностранцамъ портовъ всѣ отправки товаровъ производятся подъ китайскимъ флагомъ. Все, что потеряла торговля американцевъ, было выиграно, и даже съ излишкомъ, дѣтьми Хань.

Островъ Парамуширъ.

Форма китайскихъ джонокъ, тяжелыхъ и медленныхъ на ходу, мало-по-малу измѣняется, приближаясь къ типу европейскихъ судовъ. Не только купеческія, но даже рыболовныя суда

снабжаются килемъ и законопачиваются паклей и дегтемъ; нѣкоторыя оснащиваются англійскими парусами, и почти всѣ замѣнили бамбуковыя циновки парусной, которую вымачиваютъ въ отварѣ изъ коры корнепуска, чтобы предохранить ее отъ гніенія и сырости [1]). Рыболовы смѣло пускаются далеко въ море, несмотря на опасность быть застигнутыми тифономъ; мало того—мореходы «Великой и Чистой имперіи», припоминая, что предки ихъ были знакомы съ компасомъ уже по меньшей мѣрѣ 2.000 лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно, четырнадцатью вѣками ранѣе европейцевъ, не боятся предпринимать плаванія далеко за предѣлы китайскихъ морей, къ портамъ Филиппинскихъ острововъ и Зондскаго архипелага, въ Сингапуръ, во Владивостокъ, въ Индійскій океанъ, въ Австралію, на Сандвичевы острова, въ Санъ-Франциско, даже въ Англію; компанія заграничнаго судоходства, управляемая исключительно китайцами, покупаетъ пароходы для совершенія правильныхъ рейсовъ между Шанхаемъ, Гонолулу, Санъ-Франциско, Гаванной.

Движеніе судоходства, не считая джонокъ, въ китайскихъ портахъ, открытыхъ иностранной торговлѣ, въ 1897 году [2]) было:

Пароходовъ—34.566 судовъ, вмѣстимостью 32.519.729 тоннъ; парусныхъ 9.934 судовъ, вмѣстимостью 1.232.633 тонны; итого 44.500 судовъ, вмѣстимостью 33.752.362 тонны.

По національностямъ суда распредѣлялись: англійскихъ судовъ 21.140, вмѣстимостью 21.891.043 тоннъ; китайскихъ судовъ 12.706, вмѣстимостью 7.543.529 тоннъ; германскихъ 1.858, вмѣстимостью 1.658.094 тоннъ; японскихъ 653, вмѣстимостью 660 707 тоннъ; русскихъ 70, вмѣстимостью 145.660 тоннъ; датскихъ 276, вмѣстимостью 142.932 тоннъ; французскихъ 465, вмѣстимостью 423.122 тоннъ, американскихъ 333, вмѣстимостью 269.780 тоннъ.

Сотни, можетъ быть, тысячи джонокъ, записанныя въ регистрахъ какъ состоящія на службѣ у иностранныхъ коммерсантовъ, въ дѣйствительности—китайскія суда. Чтобы избѣгнуть платежа пошлинъ, которыя таможенныя досмотрщики требуютъ съ туземныхъ судовъ передъ каждымъ портомъ, и чтобы пользоваться правомъ заплатить судовой сборъ только одинъ разъ, въ мѣстѣ назначенія, а главное, чтобы избавиться отъ вымогательствъ со стороны мандариновъ, капитаны джонокъ часто достаютъ себѣ бумаги, удостовѣряющія, что они состоятъ на службѣ у европейскихъ негоціантовъ. Точно также, когда правительство дѣлаетъ реквизицію джонокъ для перевозки риса, необходимаго для продовольствія столицы, достаточно купить свидѣтельство о наймѣ въ конторахъ иностранныхъ купцовъ, чтобы освободиться отъ этой повинности. Какой-нибудь европейскій негоціантъ безъ дѣлъ, который не нагружаетъ ни одного судна своими собственными товарами, по бумагамъ значится наймателемъ, зафрахтовывающимъ сотню судовъ, и заставляетъ дорого платить себѣ за угожденіе, состоящее въ подписи фиктивнаго фрахтоваго контракта [1]).

Шелкъ и чай—главные продукты капитальной важности, которые Китай доставляетъ западнымъ націямъ и Новому свѣту; каждый годъ цѣнность этихъ двухъ экспортныхъ товаровъ превышаетъ нѣсколько сотенъ милліоновъ франковъ. Отпускъ шелка изъ китайскихъ портовъ въ 1893 году былъ на сумму 38.114.225 лан; отпускъ чая въ томъ же году на сумму 30.558.723 лана [2]). До 1844 года средній ежегодный вывозъ шелка не превышалъ 1.000 килограммъ; въ настоящее же время онъ въ пять или шесть разъ значительнѣе [3]). Главный предметъ ввоза составляетъ рисъ, и каждый годъ тысячи джонокъ ходятъ за грузами этого продукта въ порты Сіама, французской Кохинхины, Аннама; но эта торговля, въ которой иностранцы не принимаютъ никакого участія, ускользаетъ отъ внесенія въ оффиціальные отчеты таможеннаго вѣдомства, и цѣнность ея оборотовъ остается неизвѣстной. Въ движеніи торговаго обмѣна съ «рыжеволосыми варварами» китайскіе купцы получаютъ главнымъ образомъ не какой-нибудь предметъ необходимости, въ родѣ риса, а напротивъ, ядовитое вещество. Мы говоримъ объ опіумѣ, которымъ, какъ извѣстно, англичане, — представляемые по этой отрасли торговли преимущественно бомбейскими негоціантами изъ евреевъ и персовъ,—оплачиваютъ наибольшую часть своихъ покупокъ, дѣлаемыхъ на рынкахъ Срединной имперіи.

Цѣнность опіума, ввезеннаго въ Китай въ 1893 г. 31.69[illegible].399 ланъ; цѣнность хлопчатобумажныхъ тканей въ 1893 г. — 45.137.970 л.; цѣнность шерстяныхъ тканей въ 1893 г. 4.587.006 л.; цѣнность металлическихъ издѣлій въ 1893 г.—7.198.422 л.

Жители Сы-чуани курятъ опіумъ уже многіе вѣка [4]); но еще въ половинѣ прошлаго столѣтія китайцы морскаго прибережья были совершенно незнакомы съ употребленіемъ этого наркотическаго средства. Привезенное впервые изъ Ассама двумя англичанами, Вилеромъ и Ватсономъ, гибельное снадобье скоро доставило важный источникъ доходовъ бывшей британской остъ-индской компаніи, а англійское правительство Индостана, наслѣдовавшее этому обществу, болѣе чѣмъ удесятерило продажу опі-

[1]) Fauvel, „Mémoires de la Société des sciences naturelles de Cherbourg". 1879.

[2]) „Returns of trade", 1897 г.

[1]) Francis Garnier, „Revue scientifique" 9 octobre 1875; — Консульскіе отчеты, „Trade Reports" и пр.

[2]) „Statismans year book 1894".

[3]) Isidore Hedde, „Congrès des Orientalistes en 1876".

[4]) „Watters; — H. Colborne Baber, „Rapports consulaires".

ума (ввозъ опіума въ Китай въ 1792 г. составлялъ только 303.000 килограм., а въ 1879 г. онъ уже простирался до 5.540.500 килограмовъ). Оно выдаетъ фермерамъ, занимающимся культурой мака въ Бенгаліи, денежныя ссуды, подъ условіемъ, чтобы ящикъ опіума былъ уступаемъ казнѣ за опредѣленную цѣну, затѣмъ перепродаетъ его съ публичнаго торга, выручая при этомъ барыша, среднимъ числомъ, около 2.250 франк. на ящикъ; что касается опіума «мальва», привозимаго съ плоскогорій этого имени, находящагося въ медіатизированныхъ государствахъ Декана, то остъ-индское правительство облагаетъ его при провозѣ его черезъ границу пошлиной въ размѣрѣ 1.500 франк. съ ящика. Такимъ образомъ, опіумъ, вывозимый изъ Индостана въ Китай, всецѣло продается отъ имени индійской императрицы и въ пользу ея казны; онъ 150 до 200 милліоновъ, смотря по годамъ, поступаетъ ежегодно по этой статьѣ въ остъ-индскій бюджетъ. Не безъ основанія, поэтому, обвиняютъ британское правительство въ томъ, что оно спекулируетъ на пороки китайцевъ, чтобы уничтожать и отравлять ихъ; патріоты Срединнаго царства не упускаютъ случая указывать на тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ злоупотребленіе опіумомъ низвело до состоянія скелетовъ, живыхъ мертвецовъ, или которыхъ оно обратило въ состояніе идіотовъ, чтобы сказать англичанамъ, которые являются въ ихъ страну въ качествѣ цивилизаторовъ: «вотъ ваше дѣло!» Однако можно задать себѣ вопросъ, существуетъ ли на свѣтѣ нація, представляемая либо отдѣльными негоціантами, либо ея правительствомъ, которая могла бы по справедливости считать себя неповинной въ поступкахъ того же рода; можно положительно сказать, что нѣтъ государства, которое бы посредствомъ водки, табаку, азартной игры или такого-нибудь другаго яда матеріальнаго или нравственнаго не спекулировало на пороки туземцевъ или иноземцевъ. Пекинское правительство и само извлекаетъ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ съ опіума, привозимаго изъ Индіи и изъ Персіи, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ доходовъ своего бюджета, и почти во всѣхъ провинціяхъ имперіи купцы и мандарины дѣлятъ между собой крупные барыши, получаемые съ урожаевъ воздѣлываемаго китайцами запрещеннаго растенія.

Что же касается дѣйствія опіума на организмъ, то нѣтъ вопроса болѣе спорнаго; нѣтъ также вопроса, который бы затемнялся, смотря по выгодамъ дѣла, которое требуется защищать. Какъ ни гибельно это наркотическое снадобье, оно далеко не производитъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія ему обыкновенно приписываются. Большинство образованныхъ китайцевъ употребляютъ опіумъ въ умѣренномъ количествѣ, и незамѣтно, чтобы отъ этого ослабѣвали ихъ умственныя способности, или чтобы они преждевременно старились [1]). Безъ сомнѣнія, пенасытные курильщики, которые проводятъ весь день въ бреду грезъ,—люди безусловно потерянные для труда и кончаютъ, какъ и предающіеся неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, полнымъ разслабленіемъ, влекущимъ за собою конвульсивные припадки и общій параличъ; но такіе субъекты, относительно немногочисленные, не встрѣчаются между крестьянами и рабочими, которые составляютъ истинную націю. Курильщики опіума въ огромномъ количествѣ довольствуются нѣсколькими безвредными затяжками въ промежуткахъ между работой: замѣчательно, что именно въ той провинціи, гдѣ куреніе опіума распространено всего болѣе и вошло въ привычку уже съ незапамятныхъ временъ, въ Сы-чуани, населеніе отличается умомъ и дѣятельностью. Допуская даже, что количество туземнаго наркотическаго средства, которое, впрочемъ, дѣйствуетъ гораздо менѣе сильно, нежели индійское снадобье, равняется количеству привознаго иностраннаго опіума, на долю каждаго жителя все-таки пришлось бы никакъ не болѣе двадцати граммъ въ годъ [2]). Употребленіе табаку или, какъ его называютъ китайцы, «курительнаго листа», гораздо болѣе распространенное въ приморскихъ и сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ его ввели маньчжуры, оказываетъ, быть можетъ, не менѣе гибельное дѣйствіе на совокупность расы. Іезуиты научили мандариновъ искусству нюхать табакъ изящнымъ манеромъ; три цвѣтка лиліи (старинный французскій гербъ) до сихъ поръ еще составляютъ въ Пекинѣ единственную вывѣску на лавочкахъ, гдѣ продается нюхательный табакъ [3]). Что касается европейскаго порока пьянства, то онъ почти неизвѣстенъ въ Китаѣ: можно путешествовать цѣлые годы по Срединному царству, не встрѣчая ни одного человѣка, который бы напился до потери разсудка.

Благодаря пару, сообщенія приморскихъ мѣстностей Китая съ остальнымъ міромъ сдѣлались гораздо болѣе легкими и частыми; но дороги и каналы внутри страны находятся теперь, вѣроятно, въ худшемъ состояніи, чѣмъ они были во времена династіи Миновъ, за три или четыре столѣтія до нашихъ дней; за исключеніемъ провинція Шань-дунъ, Гань-су, Сы-чуань, нѣкоторыхъ частей Хэ-нани и Чжи-ли, мѣст-

[1]) Morache, „Dictionnaire Encyclopédie des sciences médicales".

[2]) Подобное разсужденіе Эл. Реклю не выдерживаетъ строгой критики со стороны лицъ, хорошо ознакомленныхъ съ Китаемъ. Признано большинствомъ, что опіумъ является огромнымъ зломъ для народа, вліяющимъ весьма сильно на физическую и моральную сторону его жизни, разлагающимъ общественный строй государства. Въ пристрастіи къ нему усматриваютъ причину деморализаціи китайскаго чиновничества, поголовное взяточничество послѣдняго и т. под. отрицательные акты въ жизни Китая. (Пр. ред.).

[3]) Huc, „l'Empire Chinois".

ностей, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ открытыми европейской торговлѣ портами, старыя дороги пришли въ разрушеніе, тамъ и сямъ перерѣзаны обвалами, промоинами и оврагами; мосты развалились; во многихъ мѣстахъ остались только тропинки, извивающіяся рядомъ съ совершенно испортившейся мощеной дорогой. Въ рисовыхъ поляхъ, которыя покрываютъ столь значительную часть страны, большинство дорогъ состоитъ изъ рядовъ плитъ, шириной въ пол-метра, самое большее метра, поднимающихся немного выше уровня общаго наводненія, которому подвергаются эти плантаціи; достаточно, чтобы носильщики паланкиновъ могли найти мѣсто, необходимое, чтобы поставить ноги [1]). Тѣ изъ 21, такъ называемыхъ, императорскихъ дорогъ, которыя еще сохранились въ хорошемъ состояніи, свидѣтельствуютъ о высокой степени цивилизаціи, которой достигли китайцы въ средніе вѣка, и дѣлаютъ понятнымъ удивленіе Марко Поло и другихъ европейскихъ путешественниковъ той эпохи. Эти дороги перерѣзываютъ встрѣчающіеся выступы горъ траншеями, даже подземными галлереями, и поднимаются въ видѣ насыпей на низменныхъ земляхъ: очень широкія въ равнинахъ (отъ 20 до 25 метровъ) и вымощенныя гранитными плитами, онѣ, по большей части, окаймлены по обѣимъ сторонамъ рядами деревьевъ, какъ европейскія avenues. Вдоль шоссе разставлены, черезъ каждые 5 километровъ, сигнальныя башни, гостиницы и постоялые дворы, водопои для лошадей и муловъ, станціи, посты солдатъ для охраны путешественниковъ, мѣста для рынковъ тоже слѣдуютъ одни за другими черезъ опредѣленные промежутки. Все предусмотрѣно на этихъ образцовыхъ дорогахъ, съ которыми составляютъ такой рѣзкій контрастъ множество жалкихъ первобытныхъ тропинокъ, впрочемъ, тоже всегда переполненныхъ прохожимъ и проѣзжимъ людомъ. Только служба почты не организована правильнымъ образомъ для публики. Письма отправляются стараніями частныхъ обществъ негоціантовъ, и рѣдко случается, чтобы они не доходили по назначенію, какова бы ни была длина пути, отъ одной до другой оконечности имперіи. Внѣ городовъ, какъ Шанхай, единственная почта, устроенная по европейскому образцу, — это почта русскихъ курьеровъ, посылаемыхъ изъ Пекина въ Кяхту черезъ Калганъ и совершающихъ переѣздъ въ 15 дней; отправка ея совершается три раза въ мѣсяцъ [2]).

Извѣстно, что еще и до сихъ поръ императорская администрація неохотно разрѣшаетъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Еще недавно за исключеніемъ нѣсколькихъ маленькихъ линій рельсовъ, у подъѣздовъ къ каменноугольнымъ копямъ и на верфяхъ портовыхъ городовъ, въ Китаѣ не существовало желѣзныхъ путей. А между тѣмъ опытъ имѣющихся желѣзнодорожныхъ линій показалъ, что желѣзныя дороги, съ перваго же года ихъ открытія, были бы столь же дѣятельно утилизируемы, какъ и пути этого рода въ западной Европѣ, доказательствомъ чего на первыхъ порахъ служила маленькая линія изъ Да-гу въ Тянь-цзинь; пассажиры массами толпились въ вокзалъ этого рельсоваго пути, какъ они толпятся на амбаркадерахъ пароходныхъ компаній въ городахъ морскаго пребрежья и на пристаняхъ Голубой рѣки. Планы главныхъ желѣзнодорожныхъ линій уже давно составлены инженерами различныхъ націй, и, безъ всякаго сомнѣнія, немедленно нашлись бы въ какомъ бы угодно количествѣ и капиталы для сооруженія этихъ дорогъ, будущихъ развѣтвленій Великой сибирской линіи, которая свяжетъ сѣть желѣзныхъ путей Европы черезъ Сибирь и Маньчжурію. Возраженія, которыя дѣлаютъ мандарины противъ введенія рельсовыхъ дорогъ, тѣ же самыя, которыя были приводимы въ свое время противъ употребленія пароходовъ; они выставляютъ себя защитниками интересовъ милліоновъ носильщиковъ и судовщиковъ, занимающихся нынѣ перевозкой и переноской путешественниковъ и товаровъ, и утверждаютъ, что хотятъ избавить ихъ отъ нищеты, въ которую неминуемо повергла бы ихъ постройка быстрыхъ путей сообщенія. Кромѣ того, мандарины ссылаются на «фынъ-шуй», какъ это они дѣлали и прежде, чтобы воспротивиться сооруженію высокихъ зданій на земляхъ, отведенныхъ подъ колоніи иностранныхъ негоціантовъ; однако, это возраженіе не составило бы непреодолимаго препятствія, такъ какъ легко бы было перенести гробницы на другое мѣсто, съ совершеніемъ надлежащихъ церемоній, и богдыханъ, «повелитель духовъ», могъ бы указать послѣднимъ дорогу, по которой они должны слѣдовать, и успокоить своихъ подданныхъ, поставивъ ихъ въ извѣстность о приказахъ, отданныхъ имъ по вѣдомству геніевъ воздушныхъ пространствъ. Истинная причина противодѣйствія правительства та, что постройка желѣзныхъ дорогъ, по его мнѣнію, имѣетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ значительное усиленіе вліянія иностранцевъ и отдаетъ въ ихъ руки, даже внутри страны, весь перевозочный промыселъ. Подобное опасеніе, конечно, не лишено основанія, и не трудно понять, почему Китай считалъ нужнымъ подождать, пока государство будетъ приведено въ достаточное оборонительное состояніе, прежде чѣмъ свободно открыть свои провинціи предпріятіямъ европейскихъ инженеровъ. «Китай для китайцевъ!»—такой общій крикъ во всей Срединной имперіи; даже большая часть же-

[1]) Vigneron, „Deux ans au Senchouan".

[2]) Во время печатанія настоящаго изданія телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что съ сентября настоящаго года во всемъ Китаѣ начала дѣйствовать правительственная почта, организація которой ввѣрена покамѣстъ въ руки управленія морскими таможнями. Прим. ред.

лѣзныхъ рудниковъ и каменноугольныхъ копей переданы для эксплоатаціи въ частныя руки подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы промышленники не употребляли на работы европейцевъ. Къ этой боязни чужеземцевъ у генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ провинцій присоединяется еще своя спеціальная причина нерасположенія къ такому новшеству, какъ рельсовые пути. Затруднительность сообщеній съ столицей дѣлаетъ генералъ-губернаторовъ въ дѣйствительности почти независимыми въ отношеніи всего мѣстнаго управленія; желѣзныя же дороги имѣли бы то неизбѣжное слѣдствіе, что контроль сдѣлался бы болѣе легкимъ и дѣйствительнымъ; свѣдѣнія объ ихъ крушеніяхъ и злоупотребленіяхъ имѣли бы болѣе шансовъ достигнуть цѣли: отсюда и происходитъ ихъ ненависть къ злосчастной выдумкѣ «западныхъ варваровъ».

Однако, подобное сопротивленіе въ этомъ дѣлѣ не можетъ продолжаться еще долгое время: интересы всякаго рода, которые требуютъ устройства сѣти желѣзныхъ путей на Дальнемъ востокѣ, становятся все болѣе настоятельными съ каждымъ годомъ. Китай понялъ наконецъ, что и самая оборона страны можетъ сдѣлаться невозможной, если императорское правительство, оставляя своимъ внѣшнимъ врагамъ удобство быстро привозить свои войска къ его границамъ морскимъ путемъ, будетъ располагать, для сосредоточенія своихъ военныхъ силъ, только скверными проселочными дорогами и тропинками внутренняго Китая. Этотъ вопросъ о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ сдѣлался самымъ острымъ въ Китаѣ; пользу ихъ уже сознаютъ передовые китайскіе умы, и не далеко то время, когда правительство будетъ вынуждено само заняться постройкой желѣзно-дорожныхъ линій, съ тою же настойчивостью, съ какою оно проводило телеграфныя линіи, ранѣе имъ отвергаемыя.

Не только портовые города, гдѣ имѣютъ пребываніе иностранцы, соединены съ Европой двойной телеграфной линіей, изъ которыхъ одна идетъ черезъ Сингапуръ, огибая континентъ на югѣ, а другая черезъ Владивостокъ, пересѣкая

Воздушный телеграфъ.

его на сѣверѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ китайское правительство устроило линію проволокъ между многими городами страны. Что касается старыхъ «воздушныхъ» телеграфовъ или дунъ-тай, то они теперь уже заброшены: это были просто пирамидальные очаги, помѣщенные на широкихъ каменныхъ цоколяхъ и содержавшіе кучи коровьяго кала или хвороста, которые, въ случаѣ надобности, разжигались, чтобы подать вѣсть сторожамъ соотвѣтственныхъ башенъ. Съ подобными телеграфами комбинаціи сигналовъ были, конечно, не многочисленны; онѣ приносили только ту пользу, что посредствомъ ихъ можно было предостеречь правительство, давая ему знать о существованіи волненій въ отдаленныхъ провинціяхъ [1]).

[1]) „Lettres édifiantes“;—Vigneron;—Gaston de Bézaure, etc.

Пропорціонально ихъ дѣйствительному вліянію на Китай и рѣшительному участію, которое они принимаютъ въ его преобразованіяхъ, иностранцы различныхъ національностей очень слабо представлены въ Цвѣтущемъ царствѣ: въ 1894 году число ихъ торговыхъ домовъ было 552, и по національностямъ эти дома распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [1]):

Англійскихъ домовъ—350; американскихъ домовъ — 31; германскихъ — 85; французскихъ—32; русскихъ—4; остальныхъ—50.

Прибавляя къ этому путешественниковъ, миссіонеровъ и дипломатическій корпусъ, но не считая моряковъ, которые обыкновенно останавливаются на короткое время въ портовыхъ городахъ, найдемъ, что общее число проживающихъ въ Китаѣ чужеземцевъ ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ 10.000 челов.

И дѣйствительно, согласно «Chronicle and Directory 1897 г.», число иностранцевъ въ Китаѣ въ 1894 году было 9.350 человѣкъ. Въ томъ числѣ по націямъ:

Англичанъ — 3.989 ч.; американцевъ — 1.294 ч.; французовъ – 807 ч.; германцевъ— 356 ч.; португальцевъ — 780 ч.; шведовъ — 356 ч.; итальянцевъ — 206 ч.; испанцевъ — 380 ч.; японцевъ—253 ч. и русскихъ—42*.

Въ сравненіи съ безчисленными массами желтолицыхъ сыновъ «Срединной націи», эти пришельцы съ Запада представляютъ собою ничтожную горсть людей; но присутствіе ихъ тѣмъ не менѣе указываетъ на важный переворотъ въ исторіи Азіи и всего міра. Торговля, промышленность, нравы и понятія – все измѣнено въ гораздо большой степени, чѣмъ это сознаютъ сами китайцы. Въ портахъ морскаго прибрежья эти выходцы изъ дальнихъ, европейскихъ странъ создали даже особый языкъ, такъ называемый pidgeon—englisH или «англійскій торговый» (pidgeon—это англійское слово business, произносимое на китайскій ладъ), который уже имѣетъ кое-какія притязанія сдѣлаться литературнымъ діалектомъ, и который употребляется даже между китайцами различныхъ нарѣчій: онъ даетъ имъ много терминовъ для новыхъ понятій. Въ замѣнъ того, множество словъ обыденнаго языка вошли въ этотъ жаргонъ, но большинство выраженій дотого преобразилось, что ни китайцы, ни иностранцы не узнаютъ ихъ въ новой формѣ. Основа этого смѣшаннаго англо-китайскаго говора скорѣе португальская, чѣмъ британская, и первоначальное происхожденіе его нужно искать въ Индіи, въ колоніи Гоа: такъ, напримѣръ, имя joss, даваемое на морскомъ прибрежьѣ статуямъ Будды, боговъ и святыхъ, происходитъ отъ португальскаго слова Dios (Богъ) [2]). Во французскихъ «концессіяхъ» также говорятъ коммерческимъ жаргономъ съ португальской основой, въ которомъ встрѣчается нѣсколько французскихъ словъ, болѣе или менѣе узнаваемыхъ.

По числу переселенцевъ, эмиграція китайцевъ представляетъ явленіе гораздо болѣе значительное, чѣмъ водвореніе чужеземцевъ въ Китаѣ, хотя она далеко ниже, по цифрѣ передвиженій, которыя происходятъ изъ Срединнаго царства къ сѣвернымъ областямъ. Такъ, китайцы и ихъ потомки, которые живутъ теперь внѣ Великой стѣны, въ Монголіи, въ Маньчжуріи, во внѣшнемъ Гань-су, составляютъ не менѣе пятнадцати милліонновъ человѣкъ, тогда какъ китайцевъ, или дѣтей китайцевъ, обитающихъ въ иностранныхъ государствахъ, вѣроятно, не наберется болѣе трехъ милліоновъ. Слѣдовательно, въ движеніи современныхъ народныхъ «исходовъ» китайцы, по численности выселяющихся, слѣдуютъ лишь за ирландцами, англичанами, нѣмцами, испанцами, португальцами. Часто преувеличивали дѣйствительную роль ихъ эмиграціи: предчувствіе страшныхъ столкновеній между расами заставило видѣть слишкомъ преждевременно нашествіе желтолицей націи на остальной міръ.

Число китайцевъ, выселившихся за предѣлы Срединной имперіи, слѣдующее:

Сибирь (лѣвый берегъ Амура), въ 1869 г.— 10.580.

Японія и ея владѣнія, въ 1879 г.—3.0[illegible].

Соединенные Штаты: Калифорнія, въ 1881 г.—75.125; Орегонъ въ 1881 г.—9.500; другіе штаты, въ 1881 г.—21.100. Итого—105.725.

Викторія или Британская Колумбія, въ 1881 г.—11.850.

Другія части Британской Америки—1.000.

Романская Америка: Перу—70.000; Бразилія—10.000; Куба и Пуэрто-Рико, въ 1880 г.— 110.000; другія государства—5.000. Итого— 195.000.

Гвіаны, въ 1881 году— 13.500.

Малые Антильскіе острова—3.000.

Сандвичевы острова, 15 февраля 1881 г.— 14.500.

Другіе острова Тихаго океана—20.000.

Австралія: Квинсленъ, въ 1880 г.—14.525; Викторія, въ 1880 г.—13.000; Новый Валлисъ и остальная Австралія—11.500; Тасманія— 750; Новая Зеландія—4.445. Итого—44.220.

Филиппинскіе острова: Люсонъ — 180.000; другіе острова—70.000. Итого—250.000.

Голландскіе острова: Ява, въ концѣ 1879 г. — 206.051; Борнео и другіе острова, 1878 г.—119.534. Итого—325.585.

Сингапуръ — 110.000; Пуло - Пинанъ, въ 1879 г. — 40.000; Аннамъ, въ 1875 г. — 105.000; Французская Кохинхина, въ 1880 г.—47.200; Камбоджа, въ 1875 г.—100.000; Сіамъ—1.500.000; Бирманія—20.000; полуостровъ Малакка—20.000; Британская Ин-

[1]) „Chronicle and Directory", 1897.
[2]) „The Chinese and Japanese Repository", vol. I.

дія — 10.000; острова Индійскаго океана — 5.000; Южная Африка—3.000, другія страны земнаго шара—1.000.

По поводу опасеній, внушаемыхъ китайской эмиграціей, нужно замѣтить, во-первыхъ, что въ прежнее время значительная часть эмиграціоннаго движенія не имѣла ничего добровольнаго и была въ сущности своего рода торгомъ невольниками, болѣе или менѣе замаскированнымъ. Сотни несчастныхъ, навербованныхъ подъ различными предлогами на улицахъ многолюдныхъ торговыхъ городовъ, или просто украденныхъ на морскомъ берегу, были приводимы глухой ночной порой на корабли и запирались тамъ въ пространствѣ между палубами, для того, чтобы быть впослѣдствіи отданными, подъ видомъ «добровольно нанявшихся работниковъ», плантаторамъ Антильскихъ острововъ, Гвіанъ или Перу! Большіе барыши, реализуемые на этихъ грузахъ человѣческаго мяса, возбуждали до такой степени жадность работорговцевъ, что они старались забрать за-разъ какъ можно больше куліевъ и перевозили ихъ биткомъ набитыми въ тѣсныхъ трюмахъ, безъ воздуха, безъ свѣта, давая имъ недостаточную пищу. Сколько разъ эти обреченные ссыльные, страдая отъ голода, отъ жажды, отъ дурнаго обращенія, пытались взбунтоваться противъ своихъ похитителей! Страшныя драмы совершались на этихъ переселенческихъ корабляхъ. Случалось, что партія эмигрантовъ была изрублена черезъ десятаго ударами топора; иной разъ ее удушали всю поголовно въ наглухо запертомъ трюмѣ; бывало и такъ, что экипажъ, пересѣвъ на шлюпки, потоплялъ корабль со всѣми находившимися на немъ узниками! И теперь еще большіе эмигрантскіе корабли устроены такимъ образомъ, чтобы можно было постоянно держать весь грузъ куліевъ подъ угрозой обдаванія струями горячаго пара и обливанія кипящей водой [1]). На кораблѣ «Dolores Ugarte» несчастные не хотѣли погибнуть, не отомстивъ своимъ мучителямъ: они подожгли судно, и всѣ находившіеся на немъ, капитанъ, матросы и плѣнники, сгорѣли въ пламени пожара! Эти ужасающіе случаи, хорошо извѣстные въ Китаѣ, были причиной того, что торговля якобы «нанятыми» куліями становилась все болѣе и болѣе затруднительной, и даже эмиграція вольныхъ переселенцевъ, которая теперь сдѣлалась уже правиломъ, была пріостановлена на долгое время. Средняя смертность на переселенческихъ корабляхъ всегда превышала десятую часть перевозимаго населенія, а многіе корабли высаживали на мѣстѣ назначенія только треть живаго груза, взятаго въ мѣстѣ отправленія. Въ 1857 году 63 переселенческихъ корабля, которые брали «добровольныхъ» эмигрантовъ для доставки въ Гаванну, увезли 23.928 куліевъ, изъ которыхъ 3.342, то-есть около седьмой части умерли въ дорогѣ [1]).

Но чѣмъ особенно отличается китайская эмиграція отъ переселенія европейскихъ колонистовъ, такъ это тѣмъ, что ряды его состоятъ почти исключительно изъ мужчинъ. Во время заселенія калифорнскихъ золотыхъ пріисковъ (placers) и австралійскихъ «золотыхъ полей», толпы европейцевъ и американцевъ, бросившихся на поиски драгоцѣннаго металла, были почти всѣ молодые люди или мужчины въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ; но то были, въ исторіи европейской эмиграціи, исключительные факты. Пропорція бѣлыхъ женщинъ, которыя отправляются въ колоніи, либо по одиночкѣ, либо вмѣстѣ съ семейной группой, почти всегда значительна, и въ періодъ одного или двухъ поколѣній, численное равновѣсіе между полами возстановляется. Совершенно иное явленіе представляетъ намъ китайская эмиграція. Тамъ выселяются только мужчины, и долгое время почти вовсе не видѣли китайскихъ женщинъ ни въ Новомъ Свѣтѣ, ни въ Австраліи, ни въ Приморской области, кромѣ тѣхъ, за которыхъ за проѣздъ и содержаніе въ пути платили антрепренеры эмиграціи: ни одна изъ нихъ не предприняла, по собственному желанію, этого путешествія за море; процентъ лицъ женскаго пола довольно значителенъ въ ежегодной эмиграціи только для Сингапура и Пинанга, которые, по характеру ихъ населенія, могутъ считаться какъ бы китайскими землями и которые при томъ находятся сравнительно не далеко отъ Срединной имперіи. Число эмигрантовъ, выѣхавшихъ изъ Гонконга съ 1 января по 30 апрѣля 1881 г. было:

Мужчинъ — 19.550; женщинъ — 4.850, (4.449 въ Сингапуръ); мальчиковъ—269; дѣвочекъ—56 (40 въ Сингапуръ); всего —24.735.

„Изъ Чифу ежегодно выселяется въ Приморскую область масса китайскаго люда и въ одинъ Владивостокъ, по свѣдѣніямъ газеты «Владивостокъ», прибыло въ весну 1897 года до 30 т. душъ. Въ лѣто 1898 года наплывъ китайцевъ-эмигрантовъ и рабочихъ достигъ до 58 т. человѣкъ (?) [2]). Изъ Чифу въ 1895 году выѣхало 28.529 человѣкъ, а изъ Амоя 74.012 душъ* [3]).

Отливъ мужскаго населенія въ чужіе края имѣлъ, между прочимъ, то слѣдствіе, что случаи дѣтоубійства дѣвочекъ стали гораздо чаще повторяться во многихъ деревняхъ морскаго прибрежья; многіе родители не видятъ никакой будущности для своихъ дочерей, кромѣ какъ въ замужествѣ, и разсуждаютъ такъ, что лучше

[1]) Wernich, „Geographisch medicinische Studien“.

[1]) Crawfurd, „Rapport consulaire“.
[2]) „Владивостокъ и Дальній востокъ“, 1898 г.
[3]) „Returns of trade“ 1895 г.

покончить съ ними сразу, чѣмъ подвергать ихъ несчастью оставаться весь вѣкъ въ дѣвицахъ [1]). Китайская женщина, не пользующаяся ни личной свободой, ни имущественными правами, не можетъ выходить изъ семейнаго дома иначе, какъ по волѣ отца или мужа, и даже внутри государства ей рѣдко позволяется дѣлать дальнія поѣздки. За исключеніемъ мандариновъ, перемѣщаемыхъ изъ одного города въ другой по дѣламъ службы, китайцы рѣдко возятъ съ собой семейство; почти всѣ торговые люди странствуютъ по Срединному царству безъ сопровожденія своихъ женъ и обзаводятся случайными семьями въ отдаленныхъ провинціяхъ, куда они наѣзжаютъ періодически, или гдѣ имъ приходится жить продолжительное время. Даже закономъ запрещено вывозить женщину изъ административныхъ границъ края. Такъ какъ замужняя женщина почти всегда раздѣляетъ судьбу главы семейства, то правительство хочетъ помѣшать тому, чтобы китаянки вступали въ бракъ съ иноземцами и, такимъ образомъ, способствовали размноженію враждебныхъ расъ; напротивъ, эмигранты изъ Цвѣтущаго царства, принужденные брать себѣ женъ между туземками, основываютъ на чужбинѣ семьи, которыя, разумѣется, связаны узами родства съ дѣтьми Хань. По отношенію къ эмиграціи за предѣлами имперіи этотъ законъ, конечно, не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ онъ былъ изданъ лишь для странъ подвластныхъ Сыну Неба, а между тѣмъ онъ и тамъ соблюдался силою привычки. Впрочемъ, всякое выселеніе, даже выселеніе мужчинъ, было долго не дозволяемо; всякое соприкосновеніе подданныхъ богдыхана съ заморскими варварами было воспрещено какъ пагубное для «пяти добродѣтелей» и для сыновняго почтенія: эмигранты должны были уходить потихоньку, безъ вѣдома или несмотря на несогласіе мѣстныхъ властей. Но выселеніе за границу приняло столь значительные размѣры, особенно между хакками, въ провинціяхъ Фуцзянь и Гуанъ-дунъ, и практиковавшійся еще недавно насильственный увозъ куліевъ, захватываемыхъ въ селеніяхъ морскаго прибрежья, лишилъ правительство такого большаго числа подданныхъ, что необходимо было, наконецъ, серьезно подумать объ урегулированіи эмиграціоннаго движенія, по соглашенію съ иностранными державами, и постараться сохранить за собой верховныя права надъ выселившимися на чужбину китайцами. Невозможно, чтобы съ теченіемъ времени, благодаря все болѣе и болѣе увеличивающейся легкости путешествій, эмиграціонный потокъ не увлекъ также и женщинъ въ чужіе края, гдѣ мужчины ихъ расы уже представлены сотнями тысячъ индивидуумовъ. Мало-по-малу ближайшія къ Китаю страны колонизаціи перестаютъ считаться иностранной землей: эмигранты могутъ основывать тамъ семью и оставлять свои кости, будучи увѣрены, что прахъ ихъ будетъ почтенъ погребальными обрядами, какъ былъ почтенъ, на родинѣ, прахъ ихъ предковъ. Но, въ глазахъ сыновъ Ханя, было бы тяжкимъ преступленіемъ оставить тѣло соотечественника въ отдаленной землѣ, гдѣ дѣти не могли бы воздать ему послѣднихъ почестей. Поэтому китайцы, живущіе въ Калифорніи, въ Перу или въ австралійскихъ колоніяхъ, у насъ на Амурѣ организуютъ изъ себя общества взаимопомощи на предметъ отсылки тѣхъ умершихъ въ метрополію.

Хотя семейства совершенно китайскія не могутъ основываться на чужбинѣ, кромѣ какъ въ исключительныхъ случаяхъ, выходцы изъ Срединнаго царства составляютъ, тѣмъ не менѣе, въ странахъ, гдѣ они поселяются, одинъ изъ важныхъ элементовъ населенія, благодаря своему неутомимому трудолюбію. Отличаясь крайней воздержностью и умѣренностью потребностей, обладая способностью приспособляться ко всякимъ средамъ, занимаясь самыми разнообразными ремеслами, настойчивые въ осуществленіи своихъ предпріятій, искусные въ эксплоатированіи человѣческихъ страстей и слабостей, крѣпко связанные между собой въ общества гласныя и тайныя, умѣющіе втереться всюду съ изумительной пронырливостью, эти выходцы успѣваютъ тамъ, гдѣ пропали бы колонисты другихъ расъ, и основываютъ благоденствующія общины. Въ борьбѣ за существованіе они имѣютъ на своей сторонѣ то преимущество, что легко выучиваются говорить, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, коверкая слова, на языкахъ различныхъ странъ, которыя они посѣщаютъ, тогда какъ иностранцы очень рѣдко даютъ себѣ трудъ изучать китайскій языкъ. Семья, которую основываетъ сынъ Ханя въ своемъ новомъ отечествѣ, всегда дѣлается китайской, къ какой бы національности ни принадлежала мать, къ сіамской, тагальской или яванской. Какъ представители высшей цивилизаціи, отличающіеся, вообще говоря, лучшими манерами, чѣмъ туземцы, китайцы почти всегда, если только не въ Японіи, считаются хорошей партіей, и ихъ сватовство встрѣчаетъ благопріятный пріемъ. Китайская кровь вездѣ слываетъ «крѣпкой кровью»; дѣти, родившіяся отъ брака китайца съ иностранкой и даже отъ брака китаянки съ иностранцемъ, почти всегда имѣютъ китайскій типъ: смѣшеніе крови дѣлается въ пользу болѣе сильной расы [1]). Такимъ то-образомъ выходцы изъ Срединнаго царства основываютъ прочныя общины на чужбинѣ, какъ бы малень-

[1]) Wells Williams, „The Middle Kingdom“

[1]) Ratzel, „Die Chinesische Auswanderung“;—Bastian и др.

кіе «Китап», несокрушимые, кромѣ какъ посредствомъ поголовнаго избіенія. Области, гдѣ они всего прочнѣе водворились,—это рѣчные бассейны, которые спускаются изъ Юнь-нани и Сы-чуани въ Индо-Китай; съ этой стороны, какъ и на другой оконечности имперіи, въ Маньчжуріи и внутренней Монголіи, они завоевываютъ страну постепенно, шагъ за шагомъ, посредствомъ земледѣлія, торговли, распространенія гражданственности между туземными племенами. Спускаясь по теченію рѣкъ, колонисты, пришедшіе по сушѣ, неизбѣжно должны сойтись въ Сіамскомъ королевствѣ со своими соотечественниками, прибывшими морскимъ путемъ.

Въ чужихъ краяхъ, гдѣ китайскіе эмигранты не вступаютъ въ конкурренцію съ господствующей расой, они скоро дѣлаются необходимыми людьми. Такъ, напримѣръ, англійская колонія Сингапуръ обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, главнымъ образомъ, китайцамъ; безъ нихъ все промышленное и торговое движеніе этой колоніи тотчасъ же остановилось бы. Но есть другія страны, гдѣ они находятъ соперниковъ въ работѣ и конкуррентовъ, которые ихъ проклинаютъ. Такъ, въ то время, когда англійская колонія западной Австраліи, очень мало населенная и неимѣющая другихъ богатствъ и рессурсовъ, кромѣ луговъ и пастбищъ, нуждается въ китайскихъ колонистахъ для того, чтобы наблюдать за стадами скота, содержать въ порядкѣ сады, ввести и развить въ краѣ кое-какую промышленность и ремесленность, процвѣтающіе штаты Квинсленд, Новый Южный Валлисъ, Викторія, въ восточной Австраліи, стараются, напротивъ, избавиться отъ желтолицыхъ пришельцевъ, слишкомъ трудолюбивыхъ, слишкомъ воздержанныхъ и умѣренныхъ въ своихъ потребностяхъ, слишкомъ бережливыхъ, а главное—слишкомъ легко удовлетворяющихся скудной заработной платой, на взглядъ бѣлокожихъ рабочихъ. Китайцевъ упрекаютъ въ томъ, что они мало-помалу монополизируютъ нѣкоторые промыслы или ремесла, какъ женскія, каковы, напримѣръ, мытье половъ и стирка бѣлья, такъ и самыя тяжелыя мужскія работы, эксплоатацію рудниковъ и копей; какъ ни малы ихъ заработки, они, однако, въ концѣ концовъ, всегда успѣваютъ разбогатѣть, тогда какъ ихъ конкурренты кавказской расы бѣднѣютъ; при этомъ они не оставляютъ въ краѣ никакого слѣда своего пребыванія, и ихъ маленькія сбереженія регулярно отсылаются на родину черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Подушная подать, налагаемая, вопреки трактатовъ, стѣснительныя мѣры всякаго рода, и, во многихъ случаяхъ, даже прямыя гоненія и кровавые погромы повели къ тому, что уменьшили во многихъ австралійскихъ калифорнійскихъ графствахъ число китайскихъ колонистовъ, или даже совершенно отвратили эмиграціонный потокъ. Пекинское правительство согласилось подписать съ Соединенными Штатами трактатъ, ограничивающій право поселенія его подданныхъ на американской почвѣ; точно также власти Филиппинскихъ острововъ и голландскихъ колоній въ Зондскомъ архипелагѣ противопоставляютъ препятствія всякаго рода прибытію китайцевъ, не позволяя имъ селиться иначе, какъ только въ указанныхъ мѣстахъ, воспрещая имъ различныя профессіи, облагая ихъ особенными податями и поборами, подвергая ихъ всевозможнымъ полицейскимъ придиркамъ и формальностямъ; но движеніе, уносящее излишекъ китайскаго народонаселенія къ прибрежнымъ странамъ Тихаго океана, сдѣлалось уже неудержимымъ; въ лучшемъ разѣ можно только замедлить его на время или перемѣстить его ходъ. Даже Аравійскій полуостровъ начинаетъ получать китайскихъ переселенцевъ: магометане Срединнаго царства каждый годъ принимаютъ участіе въ паломничествѣ въ Мекку, и нѣкоторые изъ нихъ остаются въ странѣ [1]). Что бы ни дѣлали, взаимныя сношенія разноплеменныхъ народовъ все болѣе и болѣе учащаются, и на тысячѣ точекъ земнаго шара заразъ встаетъ этотъ вопросъ первостепенной важности, вопросъ о примиреніи между бѣлыми и желтыми представителями человѣческаго рода, рѣзко различающимися между собой идеаломъ, характеромъ, традиціями и нравами.

Пребываніе такого множества сыновъ Хань въ чужихъ краяхъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, не менѣе важности для обновленія Китая, чѣмъ присутствіе иностранцевъ въ самой странѣ. Терпѣливые и внимательные наблюдатели, китайцы хорошо сохраняютъ въ памяти всѣ уроки, которые даетъ имъ трудная жизненная борьба, и умѣютъ дѣйствовать сообразно этимъ урокамъ, видоизмѣняя свои поступки и усвоивая себѣ чужеземныя искусства, не съ юношескими увлеченіемъ японца, но съ рѣшимостью и непобѣдимой настойчивостью. Гордые длиннымъ прошлымъ своей многовѣковой цивилизаціи, ясно сознающіе, въ чемъ именно та или другая изъ ихъ промышленностей, тотъ или другой изъ ихъ обычаевъ можетъ превосходить иностранныя практики, китайцы вовсе не обнаруживаютъ наклонности бросаться зря, безъ всякаго разбора, въ подражаніе англійскимъ модамъ: они не наряжаются въ странные европейскіе костюмы, какъ японцы, чтобы походить на «рыжеволосыхъ варваровъ», но они отлично видятъ, какія выгоды могутъ извлечь изъ полезныхъ западныхъ изобрѣтеній, и далеки отъ того, чтобы отвергать эти изобрѣтенія единственно по причинѣ ихъ происхожденія. За исключеніемъ мандариновъ, ко-

[1]) Wilfrid Blount, „Fortnightly Review“, августъ 1881 г.

торые заинтересованы въ сохраненіи своихъ привилегій и употребляютъ всѣ усилія и средства, чтобы удержать существующій порядокъ вещей, масса націи очень хорошо понимаетъ, какъ много она можетъ выиграть отъ изученія наукъ и искусствъ, которые приносятъ ей западные люди. Больные толпами являются въ госпитали и лечебницы, основанные европейцами въ Тянь-цзинѣ, Шанхаѣ, Амоѣ, Фу-чжоу, Нинъ-бо; своеобразная китайская фармакопея, гдѣ магическія средства играли столь важную роль, приближается мало-по-малу къ лекарствовѣдѣнію западныхъ народовъ; употребленіе вакцины (коровьей оспы) замѣнило опасный способъ натуральнаго оспопрививанія черезъ ноздри, и тамъ и сямъ изъ безчисленной массы туземныхъ лекарей-эмпириковъ выступаютъ серьезные врачи практики, изучившіе анатомію, физіологію, гигіену. Въ торговыхъ городахъ морскаго прибрежья открылись европейскія школы, и воспитанники ихъ не оказались неспособными къ изученію какого-либо изъ предметовъ, преподаваемыхъ иностранными наставниками; они учатся даже музыкѣ «варваровъ», къ которой прежде ихъ считали совершенно нечувствительными, и, благодаря чрезвычайной тонкости ихъ слуха, они дѣлаются если не тонкими цѣнителями европейской музыки, то искусными музыкантами [1]). Несмотря на особенныя трудности, которыя представляютъ сочиненія, переводимыя на языкъ столь отличный отъ языка, на которомъ они задуманы и написаны, сокровище книгъ научнаго содержанія и другихъ, переложенныхъ китайцами на свою рѣчь, простирается уже до нѣсколькихъ тысячъ названій. Имъ отказываютъ вообще въ способности пониманія чиселъ, а между тѣмъ именно математическія сочиненія всего болѣе требуются китайской публикой: геометрія Евклида или книга «Элементы количества», китайскій переводъ которой былъ начатъ миссіонеромъ Риччи въ 1608 году, сдѣлалась классическимъ твореніемъ и выдержала множество послѣдовательныхъ изданій [2]). Періодическія изданія, основанныя иностранцами въ открытыхъ внѣшней торговлѣ городахъ, имѣютъ большое число туземныхъ читателей, даже когда они не трактуютъ о дѣлахъ Китая: такъ издаваемая въ Шанхаѣ ежедневная газета Шунь-бао, которая занимается исключительно заморскими націями, поставивъ себѣ задачей описывать ихъ жизнь, нравы, обычаи, этикетъ, имѣла еще въ 1877 году не менѣе 8.000 подписчиковъ все туземцевъ [3]). Кромѣ этой газеты весьма большимъ распространеніемъ пользуется Синь-вэнь-бао. Провинціи по нижнему теченію Голубой рѣки, то-есть тѣ, которыя находятся въ наиболѣе частыхъ сношеніяхъ съ иностранцами, были и есть самыя богатыя писателями, несмотря на постигшія этотъ край бѣдствія междоусобной войны, и уже нѣкоторые изъ этихъ писателей осмѣливаются критиковать слова древнихъ авторовъ, благоговѣйно передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ одномъ Шанхаѣ выпускается пять ежедневныхъ газетъ, изъ нихъ одна чисто юмористическая. Предметами насмѣшекъ служатъ конечно рыжеволосые варвары. Одну изъ распространенныхъ шанхайскихъ газетъ издаетъ «Китайское общество прогресса».

Само правительство должно было уступить давленію общественнаго мнѣнія и въ 1868 г. учредило, при Цзяннанскомъ арсеналѣ, переводное бюро, для изданія главнѣйшихъ произведеній иностранныхъ литературъ, относящихся къ наукамъ. Съ 1868 по 1879 годъ въ этомъ арсеналѣ было переведено 142 сочиненія, заключавшія 378 томовъ, и изъ нихъ продано публикѣ 83.454 экземпляра; кромѣ того, издано 27 картъ, разошедшихся въ количествѣ 84.774 оттисковъ [1]). Далѣе правительство основало въ Пекинѣ, подъ именемъ Тунъ-вэнь-гуань, административную коллегію или лицей, гдѣ обучаютъ языкамъ: англійскому, французскому, русскому, нѣмецкому, и гдѣ курсы физики, химіи, медицины, физіологіи, астрономіи, а также чтенія по сравнительному законодательству поручены иностраннымъ профессорамъ, въ помощь которымъ даны репетиторы изъ туземцевъ; большинство лекцій читается на англійскомъ языкѣ, но постоянныя упражненія поддерживаютъ до конца курса ученія практику другихъ европейскихъ языковъ. Административный персоналъ имперіи набирается частію въ этой школѣ, которую въ 1876 г. посѣщали около сотни воспитанниковъ. Кромѣ того, правительство, слѣдуя примѣру Франціи, учредившей свои высшія училища въ Римѣ и Аоннахъ, основало въ городѣ Гартфордѣ, въ штатѣ Коннектикутъ, великолѣпное учебное заведеніе, гдѣ около сотни молодыхъ китайцевъ, воспитываемыхъ на его счетъ, должны были проводить около пятнадцати лѣтъ, изучая науки и промышленныя искусства. Но въ 1881 году оно упразднило это заведеніе, вслѣдствіе неблагопріятнаго отзыва, даннаго словеснымъ коммиссаромъ, который съ ужасомъ констатировалъ тотъ фактъ, что молодые китайцы сильно американизировались въ нравахъ и понятіяхъ; отнынѣ образованіе этихъ питомцевъ имперіи должно доканчиваться въ Европѣ.

*Наконецъ въ іюнѣ 1898 года указомъ богдохана повелѣно немедленно открыть въ Пекинѣ университетъ для преподаванія различ-

[1]) Armand David, „Journal de mon troisième voyage d'exploration dans l'Empire Chinois“;—R. Werner, „Die preussische Expedition in China, Japan und Siam“.

[2]) Lockhert, „The medical Missionary in China“.

[3]) H. Giles, „Chinese Sketches“.

[1]) Fryers, „Nature“, 19 марта 1881 г.

ныхъ наукъ практическаго характера, не исключая и военныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано для подготовленія контингента университетскихъ слушателей открыть въ главнѣйшихъ городахъ особыя подготовительныя училища. Преподаваніе наукъ во вновь открытомъ высшемъ учебномъ заведеніи будетъ поручено иностраннымъ профессорамъ, изъ которыхъ половина англичанъ и по два человѣка французовъ, нѣмцевъ, русскихъ и японцевъ*.

По-китайски слово цзяо примѣняется одинаково къ образованію и къ религіи: ученіе разсматривается какъ своего рода религіозный культъ [1]). Уже тысячи лѣтъ господствуетъ принципъ, признаваемый всѣми обитателями Срединнаго царства, что родители должны стараться дать образованіе своимъ дѣтямъ мужескаго пола. Всѣ города и всѣ деревни должны имѣть школы, наставники которыхъ получаютъ содержаніе отъ общины или отъ околот[illegible] и выбираются свободно совѣтомъ отцовъ семействъ. Люди состоятельные держатъ одного или нѣсколькихъ воспитателей въ своихъ семействахъ; другіе, кто побѣднѣе, посылаютъ своихъ сыновей въ дневныя школы, внося крайне умѣренную плату за ученье; въ большихъ городахъ существуютъ вечерніе классы, посѣщаемые мальчиками, которые должны заниматься въ продолженіе дня, чтобы зарабатывать себѣ средства къ жизни или содержать своихъ родителей. Дѣти, отъ природы любознательныя, терпѣливыя, прилежныя, привыкшія къ порядку, съ истинной страстью учатся читать тѣ нѣсколько сотенъ словъ, которыя необходимы имъ въ житейскомъ обиходѣ; у нихъ нѣтъ времени, чтобы достигнуть основательнаго знанія словарей, и сокровищница преданій остается для нихъ закрытой; однако малѣйшій письменный знакъ, который они разбираютъ, необходимо пробуждаетъ соотвѣтственное понятіе въ ихъ умѣ; это не простой звукъ, лишенный смысла, какъ слогъ, складываемый по буквамъ европейскимъ ребенкомъ; машинальное чтеніе, въ родѣ того, которое такъ часто практикуется въ школахъ западныхъ странъ, было бы совершенно невозможно въ Китаѣ: тамъ нужно подумать слово прежде, чѣмъ произнести его. Оттого-то простой народъ питаетъ такое глубокое уваженіе къ знанію грамоты: простолюдины разсматриваютъ съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ надписи и мудрыя изреченія хорошихъ писателей, которыя украшаютъ аппартаменты, дома, публичныя зданія, и которыя, такъ сказать, превращаютъ весь Китай въ обширную библіотеку. Они почитаютъ даже бумагу, какъ будто нарисованныя на ней слова составляютъ самую науку, и простираютъ это благоговѣніе къ письменамъ такъ далеко, что организуютъ изъ себя общества, которыя ставятъ себѣ задачей—препятствовать профанаціи разбросанныхъ рукописей и разрозненныхъ книгъ, сжигая ихъ съ уваженіемъ.

Г. Янгъ, состоящій при китайскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

Такъ называемые «ученые» или грамотеи и правительство, которое они представляютъ, также были предметомъ ихъ суевѣрнаго поученія: люди, на долю которыхъ выпало счастіе проникнуть въ тайны письма, казались имъ почти полубогами. Но событія послѣдняго времени не могутъ не уменьшить въ сильной степени традиціоннаго благоговѣнія толпы къ грамотеямъ. Она поняла, что ихъ наука пуста и безплодна, и что иностранцы, не изучая «пяти классиковъ», успѣли сдѣлать изобрѣтенія гораздо болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ тотъ или другой комментарій на слова Конфуція. Въ этомъ сознаніи заключается цѣлая нравственная революція, которая не преминетъ проявиться и политическими послѣдствіями. «Престижъ» или обаяніе власти ослабѣваетъ, и мандарины тщетно стараются поддержать его. Извѣстно, къ какимъ страстнымъ спорамъ и дипломатическимъ столкновеніямъ подалъ поводъ вопросъ о тройномъ поверженіи ницъ, которое прежде чужеземные министры обязаны были совершать передъ особой богдыхана [1]), когда Китай, не соглашаясь еще признавать иностранныя державы какъ равныхъ себѣ, не аккредитовалъ самъ постоянныхъ посланниковъ на Западѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Наконецъ, послы европейскихъ правительствъ своими угрозами порвать всякія сношенія съ Пекинскимъ дворомъ или даже вернуться врагами достигли

[1]) Edkins, „Religions in China“.

[1]) Pauthier, „Histoire des relations politiques de la Chine avec les puissances européennes“.

того, что ихъ освободили отъ этой унизительной церемоніи; но мандарины были совершенно правы, смотря какъ на одно изъ важнѣйшихъ событій на этотъ фактъ, такой пустячный повидимому, который однако долженъ былъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ умаленіе императорскаго величества въ глазахъ его подданныхъ. Оттого они старались просто отрицать самый фактъ; изданныя ихъ иждивеніемъ брошюры разсказывали читателямъ, что чужестранные посланники были точно поражены громомъ при лицезрѣніи священной особы Сына Неба, и что богдыханъ, въ своемъ неисчерпаемомъ милосердіи, соблаговолилъ возродить ихъ къ жизни. Однако отмѣна обряда паденія къ стопамъ императора, по отношенію къ дипломатическимъ представителямъ, является лишь второстепеннымъ случаемъ, въ сравненіи съ тѣмъ униженіемъ, которое должны терпѣть китайскіе ученые по милости западныхъ людей. Простые крестьяне, носильщики тяжестей, которые не употребили лучшую часть своего существованія на изученіе знаковъ письма, видятъ и понимаютъ, какъ сильно уменьшается разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ грамотнаго класса: центръ тяжести перемѣщается въ Срединной имперіи въ пользу народа и въ ущербъ власти, и политическіе перевороты являются какъ роковое слѣдствіе эволюціи, совершающейся въ умахъ.

Особенно поразило всѣхъ сторонниковъ дореформеннаго почитанія классиковъ въ Китаѣ опубликованіе въ маѣ мѣсяцѣ 1898 года указа богдыхана, въ которомъ рекомендовалось при экзаменахъ обращать вниманіе не на витіеватость и красоту стиля, а на истинную суть дѣла, и предлагалось задавать темы на вопросы практически-важные, а не на объясненія классическихъ текстовъ или изреченій.

Говорятъ еще о неподвижности Срединнаго царства, какъ это дѣлаютъ многіе, совершенно несправедливо: нигдѣ не было болѣе революцій, нигдѣ не перепробовано болѣе правительственныхъ системъ, какъ въ этомъ царствѣ [1]). Китай тоже измѣняется и сообразуется съ правиломъ одного изъ своихъ древнихъ мудрецовъ, цитируемаго Конфуціемъ: «Если хочешь усовершенствоваться, ты долженъ обновляться каждый день!» Но легко понять, почему преобразованія совершаются теперь медленнѣе въ Китаѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Жители Срединной имперіи проникнуты сознаніемъ, что они были долгое время цивилизованной націей по преимуществу, и даже они могли думать въ теченіе многихъ вѣковъ, что кромѣ нихъ на землѣ нѣтъ другаго образованнаго народа; они были окружены только варварами, дикарями или населеніями, которыхъ они же научили всему, что тѣ знали. Они считали себя единственнымъ народомъ, лѣтописи котораго восходятъ далеко въ глубь вѣковъ, единственной націей, которая пользуется привилегіей долговѣчности. И вотъ, вдругъ они узнаютъ, что за морями, пустынями и плоскими возвышенностями, опоясывающими ихъ обширное государство, существуютъ другіе народы, которые, не будучи имъ равными по древности исторіи, превосходятъ ихъ въ знаніи и въ промышленности! Міръ раздвигается и заселяется вокругъ нихъ: эти внѣшнія пространства, которымъ они давали также незначительное притяженіе на своихъ старинныхъ картахъ, показываются такими, какими они суть въ дѣйствительности, въ десять разъ болѣе обширными и въ два раза болѣе населенными, чѣмъ Китай: превосходство, сознаніе котораго такъ пріятно ласкало самолюбіе, ускользаетъ отъ нихъ окончательно. Конечно, не безъ чувства горечи надменный народъ долженъ былъ признать относительное умаленіе своей роли въ мірѣ, и не легко ему унизиться до того, чтобы ходить въ школу иностранныхъ націй. Онъ дѣлаетъ это однако, но не теряя чувства собственнаго достоинства; онъ изучаетъ науки и индустрію Европы не какъ ученикъ, но скорѣе какъ соперникъ, который хочетъ усвоить себѣ ресурсы противника, чтобы съ помощью ихъ вести съ нимъ борьбу.

Давно была пора, чтобы какой-нибудь внѣшній толчекъ заставилъ Китай вступить на путь самообновленія. Наука въ Китаѣ превратилась въ простое искусство хорошо владѣть кистью, чтобы воспроизводить красивыми знаками классическія формулы. Гордые сознаніемъ, что обладаютъ посредствомъ своихъ идеографическихъ письменъ языкомъ по-истинѣ всемірнымъ, китайскіе ученые, которые въ то же время и полновластные господа націи, дошли до того, что стали смотрѣть на чтеніе и письмо, т. е. простыя средства къ пріобрѣтенію знаній, какъ на самую науку. Учиться читать—такова была главная и единственная задача, которой они посвящали свою жизнь. Они были наверху славы и почета, когда, въ концѣ длиннаго курса ученья, имъ удавалось постигнуть всѣ тайны ихъ письменнаго языка. Жизнь человѣческая слишкомъ коротка для этого столь продолжительнаго усвоенія искусства читать древнихъ авторовъ, и изучившему ихъ не остается времени для самостоятельнаго изученія окружающаго міра и пріобрѣтенія какихъ-либо реальныхъ знаній; невѣжды относительно явленій настоящаго, не умѣющіе проникать умственнымъ взоромъ сквозь завѣсу будущаго, эти «ученые» занимаются только прошедшимъ; они сводятъ все къ традиціи, къ прежде бывшимъ примѣрамъ, которые они находятъ у классиковъ; тамъ же ищутъ они и правила управленія государствомъ. Умѣть писать и понимать оффиціальныя бумаги, умѣть отыскивать въ сокро-

[1]) Henri Cordier, „Annales du musée Guim, et Revue de l'Histoire des Religions", mai, juin 1880.

вищницѣ древней мудрости формулы обрядностей и церемоній, которымъ должно слѣдовать во всѣхъ важныхъ актахъ жизни общественной и политической,—не есть ли это въ самомъ дѣлѣ то, что отличаетъ главнымъ образомъ мандарина отъ простыхъ смертныхъ, не есть ли это причина его престижа, единственный предлогъ, на который онъ можетъ ссылаться, чтобы требовать повиновенія?

Правительство и администрація.

Въ теоріи, Китайское государство есть большое семейство: императоръ почитается «отцомъ и матерью» своихъ подданныхъ, и привязанность, которую послѣдніе обязаны питать къ нему, вытекаетъ изъ двойной сыновней любви и почитанія. Если онъ приказываетъ, всѣ безпрекословно повинуются; если ему угодно взять имущество или жизнь подданнаго,—приговоренный долженъ съ признательностью отдать то или другую. Властелинъ Срединнаго царства можетъ даже давать приказанія почвѣ, водамъ и атмосферѣ: духи земли и воздуха исполняютъ его велѣнія. Онъ «Сынъ Неба», повелитель «Четырехъ морей» и «Десяти тысячъ народовъ». Ему одному присвоена привилегія приносить жертвы Небу и Землѣ, какъ верховному жрецу и какъ главѣ великой китайской семьи. Онъ говоритъ о самомъ себѣ со смиреніемъ, называя себя «несовершеннымъ человѣкомъ»; онъ даже отличается отъ вельможъ своего двора болѣе простой одеждой; но нѣтъ знаковъ обожанія, которые бы не оказывались ему. Присутствующій или отсутствующій, онъ получаетъ отъ своихъ подданныхъ доказательства божескаго почитанія, и самые высокіе сановники имперіи падаютъ ницъ передъ его пустымъ трономъ или передъ его ширмой изъ желтаго шелка, которую украшаютъ фигура дракона съ пятью когтями, символъ счастья, и фигура черепахи—эмблема могущества. Въ провинціи мандарины воскуриваютъ ѳиміамъ при полученіи императорскаго указа и бьютъ челомъ объ полъ, обратившись лицомъ къ Пекину. Имя его до такой степени священно, что письменные знаки, употребляемые для означенія его, не могутъ уже служить для изображенія другихъ словъ, и должны быть видоизмѣняемы посредствомъ прибавленія черты [1]). «Всякъ да повинуется со страхомъ и трепетомъ!»—такова обычная формула, которою оканчиваются всѣ его прокламаціи.

Почитаніе, оказываемое китайцами своему «отцу и матери», не есть простая политическая фикція. Всѣ учрежденія государства организованы такимъ образомъ, чтобы установить точную параллель между обязанностями сына и обязанностями подданнаго; съ самаго ранняго дѣтства китаецъ научается вѣрить, что отеческая власть принадлежитъ главѣ большой семьи, какъ и главѣ малаго семейства, часть котораго онъ составляетъ; даже въ училищахъ, гробъ, на которомъ написано слово «блаженство», напоминаетъ дѣтямъ, что первый ихъ долгъ будетъ состоять въ успокоеніи душъ ихъ родителей. «Быть безпорядочнымъ въ поведеніи—значило бы погрѣшать противъ сыновняго долга, точно также было бы нарушеніемъ того же долга—не быть вѣрнымъ государю, не быть рачительнымъ и осмотрительнымъ, когда исполняешь какую-либо должность въ государственной службѣ, не быть искреннимъ въ своихъ отношеніяхъ съ друзьями, не быть храбрымъ подъ ружьемъ». Отецъ всегда почитается въ семействѣ какъ представитель богдохана, и домашнее возмущеніе наказывается совершенно такъ же, какъ преступленіе оскорбленія величества. Лѣтописи наполнены разсказами, свидѣтельствующими о той заботливости, которую выказываетъ правительство въ видахъ поддержанія этого фундаментальнаго принципа имперіи; дѣти, виновныя въ жестокомъ обращеніи со своими родителями, караются смертію, и домъ ихъ предается разрушенію; должностныя лица округа, въ которомъ произошло такое вопіющее дѣло, отставляются отъ службы, и даже передъ студентами того села закрываются двери экзаменаціонныхъ залъ; мѣсто, гдѣ совершено преступленіе, навсегда остается проклятымъ; и населеніе его переводится въ другую мѣстность: городъ Лоу-чжоу, на верхнемъ Янъ-цзы-цзянѣ, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые должны были вновь выстроиться далеко отъ прежняго своего мѣстоположенія, гдѣ земля и воздухъ были осквернены отцеубійствомъ [1]). По закону, впрочемъ очень рѣдко исполняемому, «въ большихъ городахъ, старики, перешедшіе за седьмой десятокъ лѣтъ», должны быть почитаемы всѣми какъ дѣды и состоять на попеченіи у своихъ общихъ дѣтей; содержаніе, которое имъ доставляютъ, и почести, которыя имъ оказываютъ, должны увеличиваться съ ихъ годами. Во что бы то ни стало имперія должна оставаться «семейнымъ союзомъ»: такъ выражаются указы государя; изъ шестнадцати публичныхъ чтеній, дѣлаемыхъ періодически народу, чтобы напомнить ему о его обязанностяхъ, первое относится къ сыновей любви [2]). Даже оффиціальныя названія, которыми означаютъ города, дворцы, площади и улицы, составляютъ, такъ сказать, цѣлый курсъ морали, внушенный домашними добродѣтелями. Между двѣнадцатью храмами, которые по закону должны быть сооружены въ каждомъ городѣ, всегда есть одинъ, посвящен-

[1]) Lockhart, „The Medical Missionary in China“;—I. Fryers, „Nature“, 19 марта 1881 г.

[1]) De Carné, „Revue des Deux Mondes“, juin 1870.
[2]) I. F. Davis, „China“.

ный предкамъ; какъ бы ни были невзрачны и грязны кварталы города, какъ бы ни мало были почетны мѣстные промыслы, тѣмъ не менѣе красующіяся на улицахъ надписи напоминаютъ всѣ обязанности, лежащія на членахъ великой семьи, уваженіе къ старикамъ, взаимное доброжелательство между равными и заботливость о дѣтяхъ. Нѣтъ лавченки, нѣтъ харчевни, вывѣска которой не прославляла бы справедливость, добродѣтель или гармонію Земли и Неба.

Естественныя родственныя отношенія сына къ отцу сливаются въ понятіи народа «Ста семействъ» съ отношеніями повиновенія къ императору. Такова главная причина, которая поддерживала Китайское государство, несмотря на внутреннія революціи, иностранныя нашествія и перемѣны династій. Кажется, что и революціонерамъ никогда не приходила мысль трогать это основное начало правленія Цвѣтущей имперіи; даже самые ярые соціалисты всегда признавали священный характеръ отеческой и материнской власти императора. Только въ послѣднее время,—и конечно подъ вліяніемъ занесенныхъ извнѣ идей,—китайскіе вольнодумцы, быть можетъ несознающіе всей важности своихъ мятежныхъ поступковъ, позволили себѣ въ первый разъ насмѣхаться надъ своимъ верховнымъ повелителемъ и писать на стѣнахъ, по адресу его священной особы, оскорбительныя слова, которыя прохожіе читаютъ съ изумленіемъ и ужасомъ [1]). По древней теоріи, государь, вступающій на престолъ именемъ Неба, почитался во всякомъ случаѣ достойнымъ обожанія, каковы бы ни были его добродѣтели или его пороки. «Какъ бы ни была изношена шапка,—гласитъ «Шу-цзинъ» Конфуція,—ее все же надѣваютъ на голову, и какъ бы ни была чиста обувь, ее только надѣваютъ на ноги. Цзе (Кіе) и Шоу были гнусные злодѣи, но они были императоры; Чжэнъ-танъ и У-ванъ были великія и святыя личности, но были подданные».

Неограниченная и самодержавная въ принципѣ, въ силу своего божественнаго происхожденія, власть государей «Великой и чистой имперіи» не такова, однако, на практикѣ. Во всѣхъ провинціяхъ существуютъ извѣстныя правила обычнаго права, которыя имѣютъ за собой авторитетъ вѣковъ и которыхъ правительство если и не смѣетъ, то не рискуетъ трогать. Кромѣ того, общественное мнѣніе, при всей его покорности, тѣмъ не менѣе прозорливо, и въ глазахъ его «императоръ и подданный, которые нарушаютъ законъ, одинаково виновны и тотъ, и другой».—«Пріобрѣти любовь народа — и пріобрѣтешь царство; потеряй любовь народа—и потеряешь царство», говоритъ народная пословица. Для государя ясно начертанъ законъ; это «Девять правилъ», установленныхъ Конфуціемъ, которыя рекомендуютъ императорамъ нравственное самоусовершенствованіе, уваженіе къ мудрецамъ, къ родителямъ, къ чиновникамъ, къ судьямъ, отеческая любовь къ подданнымъ, искаціе ученыхъ и художниковъ, радушіе къ иностранцамъ и доброжелательность къ союзникамъ. Руководимый цензорами, которые должны напоминать ему эти заповѣди, связанный со всѣхъ сторонъ и на каждомъ шагу непреложными правилами этикета, предписанія котораго наполняютъ не менѣе двухсотъ томовъ, сопровождаемый двадцатью двумя исторіографами, которые записываютъ каждый день, для потомства все, что ему благоугодно было сказать, сдѣлать или приказать, императоръ почти неизбѣжно долженъ утратить всякую оригинальность, всякую личную инціативу, чтобы сдѣлаться простымъ орудіемъ въ рукахъ отдѣльнаго человѣка или цѣлой партіи. Онъ перестаетъ быть отвѣтственнымъ за свои собственные поступки, но правительственная фикція, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за счастье и несчастье его народа. Въ этомъ отношеніи теорія императорской власти оказывается болѣе логичной въ Срединномъ царствѣ, чѣмъ въ другихъ монархическихъ государствахъ. Короли обыкновенно любятъ приписывать себѣ благоденствіе ихъ націи; они ожидаютъ, чтобы возносилась къ ихъ трону благодарность народа за всѣ благопріятныя событія; но рѣдко бываетъ, чтобы они приписывали себѣ также и бѣдствія, постигающія страну: они и ихъ царедворцы видятъ въ этихъ бѣдахъ только незаслуженныя несчастія. Мораль китайскихъ богдохановъ болѣе послѣдовательна: «Терпитъ ли народъ холодъ, говаривалъ императоръ Яо,—это я тому причина; терпитъ ли онъ голодъ, это опять-таки моя вина; впадетъ ли онъ въ какое-нибудь злополучіе,—и въ этомъ надо винить меня». Точно также императоръ Юй приписывалъ себѣ бѣдствія народа: «Въ царствованія Яо и Шуня, говорилъ онъ, всѣ подданные считали долгомъ слѣдовать примѣру ихъ добродѣтелей. Должно быть, я далеко не похожъ на этихъ моихъ предшественниковъ, потому что въ мое правленіе мы видимъ такъ много преступниковъ». «Я одинъ виноватъ», разсуждалъ богдоханъ Чжэнъ-танъ, говоря о напастяхъ, постигшихъ имперію: «меня одного слѣдуетъ предать закланію». Отвѣтственность растетъ вмѣстѣ съ властью; основываясь на этомъ, Мэнъ-цзы доходитъ до того, что считаетъ позволительнымъ даже смерть въ томъ случаѣ, когда государь «попираетъ ногами справедливость».—«Нѣтъ никакой разницы, говоритъ онъ, между убіеніемъ человѣка мечемъ или несправедливымъ управленіемъ» [1]).

Такъ какъ правленіе государствомъ устроено

[1]) Léon Rousset, „A travers la Chine".

[1]) Pauthier, „China".

по образцу семейнаго союза, то мать государя, равно какъ царствующая императрица, имѣетъ право на величайшія почести со стороны всѣхъ сановниковъ имперіи. Подобно тому, какъ еще недавно императоръ освящалъ каждый годъ пахатную землю, проводя кругомъ три борозды по полю, такъ и царствующая императрица предсѣдательствовала на церемоніяхъ, относящихся къ культурѣ тутоваго дерева и разведенію шелковичныхъ червей; какъ и ея супругъ, она имѣетъ золотыя печати и нефритовый камень—знаки верховной власти; поэзія посвятила ей фона (fong), баснословное животное, въ которомъ европейцы видѣли нѣчто подобное фениксу. Самъ богдоханъ долженъ оказывать почтеніе императрицѣ и дѣлать ей черезъ каждые пять дней оффиціальный визитъ, преклоняя передъ нею колѣно. Три другія законныя жены обязаны оказывать ей полное повиновеніе, такъ же, какъ и всѣ обитательницы гарема, число которыхъ ограничено, по правиламъ Книги церемоній, ста тридцатью. Особый министръ завѣдуетъ императорскимъ домомъ и руководитъ воспитаніемъ принцевъ, которые по большей части не имѣютъ никакого сана, кромѣ должностей въ маньчжурскихъ войскахъ; между ними государь и выбираетъ себѣ наслѣдника, почти всегда одного изъ дѣтей императрицы. Въ случаѣ кончины императора, вся общественная жизнь должна быть пріостановлена на своемъ обычномъ ходѣ: вельможи облекаются въ бѣлыя; траурныя одежды на цѣлый годъ, люди низшихъ классовъ—на сто дней, и въ теченіе этого времени не дозволяются ни свадьбы, ни празднества; ношеніе яркихъ матерій также запрещено; каждый долженъ отпускать себѣ волосы; цирюльники, профессія которыхъ находится въ періодъ траура подъ запрещеніемъ, дѣлаются временно пенсіонерами государства.

«Потерянный въ своемъ величіи», Сынъ Неба, называемый также «Одинокимъ человѣкомъ»; можетъ быть потому, что никто не имѣетъ права быть его братомъ, облекаетъ своей властью Най-гэ—великій секретаріатъ и государственный совѣтъ, состоящій на-половину изъ маньчжуръ и китайцевъ, который составляетъ законы, обнародываетъ декреты и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ. Въ силу принципа, который дѣлаетъ изъ образованія и успѣха на публичныхъ экзаменахъ источникъ почестей, два президента этого совѣта, т. е. дѣйствительные канцлеры имперіи, суть вмѣстѣ съ тѣмъ директоры академіи Хань-линь; это они предлагаютъ законы въ засѣданіяхъ великаго державнаго совѣта, опредѣляютъ форму изложенія императорскихъ указовъ, представляютъ оффиціальныя бумаги богдыхану для того, чтобы онъ помѣтилъ ихъ своей алой кисточкой, дѣлаютъ распоряженіе о распубликованіи законоположеній и распоряженій правительства въ Цзинь-бао, оффиціальномъ журналѣ, суще-

Лѣтній дворецъ.—Бронзовые львы, эмблемы императорскаго могущества.

ствующемъ уже болѣе 800 лѣтъ и извѣстномъ иностранцамъ подъ именемъ «Пекинской газеты». Прежде представленія въ совѣтъ най-гэ, различныя дѣла передаются для спеціальнаго изслѣдованія той или другой группѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ, каковы: трибуналъ цензоровъ, высшая судебная палата, палата докладчиковъ совѣта най-гэ. Дѣятельность правительственной администраціи распредѣлена между различными управленіями вродѣ нашихъ европейскихъ министерствъ, Они называются по-китайски приказами (бу) и число ихъ доходитъ до семи.

I. Палата церемоній (Ли-бу) замѣняетъ наше министерство императорскаго двора и выполняетъ тѣ же функціи, которыя выполняетъ и послѣднее. Оно завѣдуетъ церемоніями, обрядами, аудіенціями, жертвоприношеніями богдохана, дежурствомъ монгольскихъ князей при дворѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругъ его компетенціи входитъ наблюденіе за развитіемъ въ странѣ правильнаго музыкальнаго образованія и надзоръ за образованіемъ вообще. Наблюдая за школами, назначая экзамены, регулируя кандидатовъ, оно, такъ сказать, исполняетъ и обязанности министерства народнаго просвѣщенія.

II. Палата работъ или гунъ-бу завѣдываетъ общественными работами по проведенію каналовъ, дорогъ, сооруженію и ремонту мостовъ, кумпрень, и въ то же время регулируетъ вѣсы, мѣры и исполняетъ роль интендантства.

III. Палата финансовъ (ху-бу) имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи акцизъ, подати, налогъ на соль и вообще государственные налоги. Въ его вѣдѣніи находятся казначейство, хлѣбные магазины, монетные дворы и т. под.

IV. Военный приказъ или бинъ-бу вѣдаетъ различными отраслями сухопутнаго и морскаго дѣла, войсками и флотомъ, въ его же компетенціи находятся и часть почтовыхъ учрежденій, арсеналы и желѣзныя дороги.

V. Гражданскими чинами вѣдаетъ особая палата ли-бу.

VI. Приказъ уголовный или законовъ, — синь-бу назначенъ слѣдить за исполненіемъ правосудія, онъ завѣдуетъ законами, суммами отъ штрафовъ и выкуповъ и т. под.

Кромѣ перечисленныхъ министерствъ существуетъ еще одинъ такъ называемый инородческій приказъ ли-фань-юань, который завѣдываетъ колоніями, т. е. китайскими владѣніями, находящимися внѣ восемнадцати провинцій*. Что касается министерства иностранныхъ дѣлъ, учрежденнаго въ 1861 году и сдѣлавшагося самымъ важнымъ изъ министерствъ, съ тѣхъ поръ какъ китайско-европейская торговля расширилась и какъ иностранцы стали селиться въ городахъ морскаго прибрежья, то оно замѣняется цзунь-ли-ямынемъ. Цзунь ли-ямынь состоитъ изъ лицъ, состоящихъ членами другихъ министерствъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ ближайшихъ родственниковъ богдохана. Учрежденіе это носитъ совѣщательный характеръ и до настоящаго (1898) года призвано было служить посредствующей инстанціей между верховною властью и высшими правительственными учрежденіями и иностранными государствами, но нынѣ на него же было возложено приведеніе въ дѣйствительность всѣхъ реформъ, которыя проектировались императоромъ*.

Императоръ можетъ, если ему заблагоразсудится, обойти всѣ формальности обсужденія дѣлъ: въ этомъ случаѣ онъ обращается къ своему тайному совѣту, который ведетъ свои совѣщанія въ секретѣ. Правда, что его дѣйствія могутъ быть контролируемы трибуналомъ цензоровъ или «главныхъ доносчиковъ», которые имѣютъ право дѣлать предостереженія государю, прося при этомъ, какъ милости, быть обезглавленными или четвертованными, если бы ихъ слова оказались несправедливыми, или если бы они ихъ разгласили. Дѣйствительно, въ исторіи указываютъ примѣры горицкой, почтительнѣйше произнесенныхъ противъ особы богдыхана въ теченіе вѣковъ; лѣтописи разсказываютъ, что бывали даже случаи, когда совѣтники представляли императору обвинительную записку, позаботясь предварительно поставить для себя гробы у дверей дворца, такъ какъ хорошо знали, что имъ навряд ли посчастливится выйти оттуда живыми; но обыкновенно дѣятельность этого трибунала главныхъ доносчиковъ ограничивается тѣмъ, что онъ наблюдаетъ черезъ своихъ безчисленныхъ шіоновъ за публичнымъ и частнымъ поведеніемъ мандариновъ и подданныхъ; такъ какъ функціи этого учрежденія состоятъ «въ улучшеніи» нравовъ, то оно облечено правомъ всеобщаго шіонства, и его страшные агенты безпрестанно снуютъ во всѣхъ частяхъ государства. Легко понять, каковы должны быть послѣдствія такого рода «внѣдренія и улучшенія нравственности»; обыкновенно «доходныя мѣста» облегчаютъ примиренія между чиновниками и цензорами, мандарины продолжаютъ притѣснять и обирать народъ, къ собственной выгодѣ и къ выгодѣ своихъ надзирателей [1]).

Какъ выше сказано, въ Китаѣ не существуетъ спеціальнаго министерства народнаго просвѣщенія, потому что правительство, во всей его совокупности, считается учрежденіемъ, не имѣющимъ иной цѣли и задачи, кромѣ воспитанія народа. Китайскіе воспитанники, которые пріобрѣли первыя основанія чтенія и письма и которые умѣютъ уже читать пятикнижіе и другихъ классиковъ, могутъ видѣть открывающуюся передъ ними карьеру почестей и ласкать себя надеждой, что слава ихъ отразится и на ихъ родныхъ. Одно изъ фундамен-

[1]) „Lettres édifiantes", tome I.

тальныхъ правилъ имперіи то, что мѣста принадлежатъ заслугѣ, гарантируемой экзаменами и дипломами, выдаваемыми по конкурсу. «Здѣсь учатся управлять страной», гласитъ одна надпись, выгравированная на дверяхъ академическаго зданія въ Пекинѣ. Для пріобрѣтенія каждаго новаго чина или повышенія по службѣ, нужно подвергаться послѣдовательнымъ испытаніямъ, такъ что вся администрація можетъ быть разсматриваема какъ большая іерархическая школа. Правда, что правительство, когда въ казнѣ у него пусто, отступаетъ отъ правила и само совершаетъ преступленіе, предусмотрѣнное его собственнымъ уголовнымъ кодексомъ и называемое «продажей права за подарки»: многіе мандарины обязаны занимаемымъ ими мѣстомъ не своей учености или природнымъ талантамъ, а просто деньгамъ; однако управляемые никогда не забываютъ происхожденія такихъ чиновниковъ и не отказываютъ себѣ въ удовольствіи кольнуть ихъ этимъ при удобномъ случаѣ. Что касается военныхъ мандариновъ, маньчжуръ по происхожденію, то очень многіе изъ нихъ обязаны своей національности тѣмъ, что достигли командованія, не пройдя черезъ рядъ послѣдовательныхъ экзаменовъ; но въ противоположность тому, что мы видимъ въ большей части другихъ государствъ, они считаются по рангу ниже гражданскихъ чиновниковъ. На годовыхъ празднествахъ, гдѣ собираются всѣ мандарины, «ученые», то-есть гражданскіе чиновники, садятся на восточной сторонѣ, какъ самой почетной, а военные помѣщаются на западной; въ храмахъ Конфуція послѣдніе не принимаютъ участія въ церемоніяхъ, посредствомъ которыхъ Земля приходитъ въ сообщеніе съ Небомъ. Потомки завоевателей, маньчжуры признаютъ превосходство мирныхъ китайцевъ, потомковъ покоренныхъ, такъ же, какъ и превосходство мирныхъ искусствъ надъ искусствами войны: «Имперіи, которая подъ Небомъ, — высшій миръ!» — таковъ девизъ, который повторяется вездѣ, въ храмахъ, на стѣнахъ, во внутренности домовъ.

Во всѣхъ большихъ городахъ одно изъ главныхъ общественныхъ зданій то, гдѣ находятся мѣста для производства публичныхъ экзаменовъ; оно состоитъ изъ множества залъ и дворовъ, окруженныхъ каморками для кандидатовъ, которыхъ вводятъ туда снабженныхъ только чистой бумагой и письменнымъ приборомъ, то-есть тушью и кисточками; приставленные къ дверямъ часовые не допускаютъ никакого сообщенія между экзаменующимися. Иногда на испытаніе разомъ представляется до десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней все это населеніе остается взаперти, занятое писаніемъ темъ по вопросамъ нравственнымъ и политическимъ, комментированіемъ текстовъ, выбранныхъ въ священныхъ книгахъ, сочиненіемъ сентенцій въ прозѣ и въ стихахъ. Иногда случается, что кандидаты умираютъ отъ истощенія силъ въ своей кельѣ; въ этомъ случаѣ проламываютъ наружную стѣну, чтобы вытащить черезъ отверстіе трупы такъ, чтобы не замѣтили другіе экзаменующіеся. За исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ презираемымъ кастамъ, полицейскихъ агентовъ, комедіантовъ, брадобреевъ, носильщиковъ паланкиновъ, лодочниковъ, нищихъ, потомковъ бунтовщиковъ, обреченныхъ на вѣчный позоръ, всѣ допускаются на конкурсъ, и даже экзаменаторы охотно закрываютъ глаза на происхожденіе и первоначальное состояніе кандидатовъ, лишь бы только они имѣли опредѣленное мѣсто жительства [1]). Относительно возраста тоже не существуетъ никакихъ ограниченій: «феноменальныя дѣти» и старики равно могутъ представляться на конкурсъ; но экзамены очень строги, и только десятая часть кандидатовъ — или даже и того менѣе — успѣваетъ получить титулъ сю-цзая или «украшеннаго таланта», соотвѣтствующій французской степени баккалавра. Уже поднявшіеся надъ толпой обыкновенныхъ смертныхъ, эти избранные счастливцы имѣютъ право облачаться въ длинное платье, обувать полусапожки и прикрывать голову шапкой особенной формы; не получивъ еще никакой оффиціальной должности, они уже дѣлаются почти независимыми отъ коммунальныхъ властей и образуютъ особый классъ въ государствѣ. Очень многочисленные, они доставляютъ наибольшій контингентъ для увеличенія толпы разночинцевъ, ибо люди недостаточные не въ состояніи покрывать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ расходы на свое содержаніе и образованіе, чтобы приготовиться къ дальнѣйшимъ экзаменамъ: между ними-то встрѣчаются преимущественно мелкіе чиновники, чтецы, декламирующіе въ трактирахъ и харчевняхъ драматическіе разсказы изъ отечественной исторіи, торговцы сентенціями, сочиняющіе разныя мудрыя изреченія на полосахъ разрисованной бумаги, вѣчные кандидаты, которые за условленное вознагражденіе являются на экзамены вмѣсто и подъ именемъ богатыхъ недорослей и добываютъ для нихъ титулъ «ученыхъ». Бѣдные баккалавры могутъ также сдѣлаться школьными учителями или лекарями, и это именно въ ихъ классѣ найдешь всего болѣе людей интеллигентныхъ, съ умомъ открытымъ и любознательнымъ, которые развиваются съ оригинальностью и всего болѣе содѣйствуютъ непрестанному процессу національнаго обновленія.

Каждый годъ канцлеръ, назначаемый изъ своей среды академіей Хань-линь или «Перьевъ краснаго феникса», наводитъ справки о баккалаврахъ предыдущаго года и распредѣляетъ ихъ въ разряды по порядку заслуги, при

[1]) „China Review“, іюль и августъ 1880 г.

чемъ ему даже предоставлена власть лишать недостойныхъ ученой степени; но экзамены на высшую степень, на степень цюй-жэнь или «человѣка представленнаго», производятся только разъ въ три года, въ главномъ городѣ каждой провинціи, въ собой испытательной коммисіи подъ предсѣдательствомъ двухъ членовъ «академіи краснаго феникса». Экзаменующіеся снова запираются въ отдѣльныя каморки и занимаются составленіемъ своихъ тезисовъ, философскихъ, историческихъ и политическихъ; очень немногочисленные,—около 1.300 человѣкъ на весь Китай,—тѣ изъ кандитатовъ, которые удостоены степени цюй-жэнь, получаютъ поздравленіе отъ судей и должностныхъ лицъ, и въ честь ихъ устраиваются большія общественныя празднества. Наконецъ, по прошествіи еще трехъ лѣтъ, они могутъ представиться въ Пекинъ, чтобы защищать тамъ диссертацію, которая доставляетъ имъ титулъ цзинь-ши или «поступающаго на службу», право носить особенную одежду, первое мѣсто въ церемоніяхъ, почести, напередъ опредѣленныя обрядами, и одну изъ высшихъ должностей въ имперіи. Для вступленія въ число ханлинцевъ требуются новые экзамены, и кандидаты подвергаются испытанію въ императорскомъ дворцѣ, въ присутствіи самого богдохана или по крайней мѣрѣ высшихъ сановниковъ двора, между которыми они домогаются занять мѣсто.

Такимъ-то образомъ, восходя отъ степени къ степени, устроивается правительственная іерархія. Корпорація ученыхъ поддерживается правильно уже около тридцати двухъ вѣковъ; но до восьмаго столѣтія христіанской эры должностныя лица были еще назначаемы народомъ. Не довѣряя народному выбору и желая устранить его капризы, одинъ изъ богдохановъ Танской династіи хотѣлъ, чтобы впредь должности государственной службы были присвоиваемы одной только заслугѣ: таково происхожденіе этого правительства «ученыхъ», баккалавровъ и кандидатовъ, которое восхвалялось европейскими писателями, какъ идеальная форма правленія народами. Однако дѣйствительность не соотвѣтствуетъ блестящей картинѣ, которую нарисовали намъ поклонники этого режима. Если бы даже было правда, что власть всегда строго распредѣляется на основаніи результатовъ конкурснаго экзамена, и что деньги не играютъ никакой роли въ раздачѣ мѣстъ, то и въ такомъ случаѣ можно бы было спросить себя, какимъ образомъ счастливая память и доскональное знаніе классиковъ могутъ быть у мандарина гарантіей политическаго смысла, здраваго взгляда и прозорливости въ дѣлахъ правленія? Нужно опасаться, напротивъ, что, оставаясь въ своемъ курсѣ ученья замкнутымъ въ далекомъ прошломъ, отодвинутымъ слишкомъ за двадцать вѣковъ назадъ, живя мыслью въ эпохѣ Конфуція, будущій государственный дѣятель тѣмъ самымъ осуждаетъ себя на остановку развитія и дѣлается неспособнымъ къ пониманію дѣлъ настоящаго времени. «Красивая кисть», или, говоря нашимъ языкомъ, красивый почеркъ—вотъ первое изъ условій, требуемыхъ отъ кандидата; но какъ бы хорошо ни владѣло должностное лицо кистью, какъ бы красиво ни вырисовывало письменные знаки, оно отъ этого не менѣе поддается искушеніямъ произвола и продажности, которымъ его подвергаетъ его должность. И дѣйствительно, единогласное свидѣтельство путешественниковъ такъ же, какъ комедіи, памфлеты и народныя пѣсни говорятъ намъ, что ученый китаецъ нисколько не уступаетъ неучу-маньчжуру въ искусствѣ притѣснять находящихся подъ его управленіемъ и торговать правосудіемъ. Вообще народъ менѣе боится мандариновъ, которые купили себѣ мѣсто, нежели чиновниковъ, получившихъ на должность путемъ конкурса: болѣе богатые, первые менѣе алчны; они не такъ твердо знаютъ прекрасныя правила морали, но зато обладаютъ болѣе открытымъ умомъ и быстрѣе разбираютъ ввѣряемыя имъ дѣла [1]).

Всѣ чиновники, гражданскіе и военные, означаемые часто собирательнымъ именемъ Бэй-гуань, или «Ста должностей», носятъ генерическое названіе гуанъ-фу, переводимое на европейскіе языки наименованіемъ мандаринъ, которое первоначально стали употреблять португальцы, выговаривая по-своему индусскій титулъ туземныхъ судей въ Гоа [2]). Іерархическая лѣстница чиновниковъ дѣлится на девять порядковъ или классовъ, различающихся цвѣтомъ и веществомъ шарика (изъ золота, серебра, камня или коралла), величиной съ голубиное яйцо, который привинчивается на форменной шляпѣ, соломенной, шелковой или поярковой, конусообразной или съ отвороченными полями. Титулы, которые они получаютъ и которые переводятся на европейскіе языки соотвѣтственными почетными званіями, не могутъ быть передаваемы ихъ дѣтямъ; сдѣлавшись благородными, они сообщаютъ благородное званіе только своимъ родственникамъ по восходящей линіи, дабы всегда было такъ, чтобы они въ качествѣ нижепоставленныхъ воздавали похоронныя почести своимъ родителямъ. Даже запрещено закономъ гражданскому мандарину брать съ собой своего отца на жительство въ губернію, куда онъ назначенъ на службу, потому что если бы случилось, что его мнѣніе противоположно мнѣнію его отца, то онъ очутился бы между двумя обязанностями равно повелительными, — повиновеніемъ придержащей власти и сыновнимъ почтеніемъ. Сыновья чиновниковъ возвращаются въ первобытное состояніе, въ массу народа; чтобы подняться не

[1]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine".
[2]) Yule, „The Book of ser Marco Polo".

лѣстницѣ правительственной іерархіи, они сами должны, въ свою очередь, пройти черезъ рядъ экзаменовъ. Наслѣдственные титулы принадлежатъ только потомкамъ Конфуція и императоровъ; но эти послѣдніе тоже не могутъ претендовать на общественныя должности, если они не выдержали установленныхъ экзаменовъ. Единственныя привилегіи родственниковъ богдохана состоятъ въ полученіи умѣреннаго пенсіона, въ правѣ носить красный или желтый поясъ, украшать свою шляпу павлиньимъ перомъ и держать для выѣздовъ восемь или двѣнадцать носильщиковъ паланкиновъ; но они не играютъ никакой роли въ государствѣ, и къ нимъ приставлены особые мандарины, которымъ поручено строго держать ихъ въ повиновеніи, даже подвергать ихъ тѣлесному наказанію, если они не ведутъ себя сообразно установленнымъ правиламъ. Имѣя лишь заимствованное достоинство, они не имѣютъ никакого права на уваженіе гражданъ; они скоро теряются во всеуравнивающей демократіи націи. Семейства, которыя всего болѣе приближаются къ аристократіи въ европейскомъ смыслѣ слова, и которыя можно разсматривать какъ составляющія настоящее дворянство,—это тѣ, которыя уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну, доставляли имперіи «ученыхъ». Чиновники изъ этихъ фамилій, возвысившіеся какъ собственными заслугами, такъ и заслугами своихъ предковъ, пріобрѣли себѣ родъ святости, которая ставитъ ихъ выше законовъ. Въ прежнее время дай-фу, т. е. высшіе сановники, не могли быть судимы никѣмъ другимъ, кромѣ ихъ самыхъ; никто не могъ наложить руку на ихъ священную особу; когда они были изобличены въ какомъ-нибудь преступленіи, забота о примѣненіи слѣдующаго по закону наказанія предоставлялась имъ самимъ. Совершившій преступленіе дай-фу самъ являлся передъ судьями и просилъ у нихъ позволенія предать себя смерти, затѣмъ онъ облачался въ бѣлую траурную одежду и отправлялся къ дверямъ зданія суда, неся саблю, которую онъ передъ тѣмъ омылъ въ чистой водѣ бассейна жертвоприношеній. Стоя на колѣняхъ передъ своими судьями, онъ ждалъ, чтобы ему дали просимое разрѣшеніе. «Дѣлайте, что надлежитъ», произносилъ судья, и виновный дай-фу распарывалъ себѣ животъ, бросаясь на свою саблю [1]).

Подобно императору, котораго блескъ они отражаютъ, мандарины считаются «отцами и матерями» ввѣреннаго ихъ управленію населенія; въ старину ихъ называли «облаками», потому что они «изливаютъ благодѣтельный дождь на жаждущія влаги поля». Всѣ разнородныя функціи мѣстнаго управленія сосредоточены въ ихъ рукахъ: они собираютъ подати и налоги, строятъ дороги и мосты, организуютъ милицію; они царьки въ своемъ округѣ; но имъ постоянно угрожаетъ кара отрѣшенія отъ должности, и только эта боязнь не позволяетъ имъ превратиться въ настоящихъ государей. Подобно тому, какъ отецъ несетъ отвѣтственность за дурные поступки своихъ дѣтей, такъ точно и мандаринъ считается виновнымъ во всѣхъ преступленіяхъ подчиненныхъ ему подданныхъ: случаются ли во ввѣренной ему провинціи смертоубійства, смуты, возмущенія, вину этого доносчики могутъ свалить на него. Оттого, хотя обязанный по закону ежегодно исповѣдываться въ своихъ ошибкахъ и упущеніяхъ по службѣ, въ спеціальной докладной запискѣ, представляемой императору, онъ, въ большинствѣ случаевъ, умышленно скрываетъ безпорядки, происшедшіе въ его округѣ; но истина, въ концѣ концовъ, все-таки обнаруживается, и если бы законъ былъ примѣняемъ со всей строгостью, онъ долженъ былъ бы поплатиться собственной кровью за свое дурное управленіе. Въ наши дни обыкновенное наказаніе, которому подвергаютъ провинившихся мандариновъ,—ссылка въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, въ сѣверную Маньчжурію, въ тибетскій Сы-чуань, въ Гуй-чжоу, въ Юньнань, въ Чжунгарію и на островъ Хай-нань. Въ послѣднее время представители иностранныхъ державъ, сами того не желая, нанесли сильный ударъ могуществу мандариновъ и много способствовали усиленію политической централизаціи въ имперіи, отказываясь вступить въ сношенія съ губернаторами и генералъ-губернаторами и всегда обращаясь по своимъ дѣламъ непосредственно къ пекинскому двору.

Будучи въ одно и то же время военачальниками, администраторами и судьями, мандарины особенно страшны въ этомъ послѣднемъ качествѣ, не взирая на всѣ мѣры и законодательныя строгости, направленныя противъ продажности органовъ правосудія; деньги тяжущихся восполняютъ недостаточный окладъ жалованья, исчисленный въ первыя времена по величинѣ заработка, который они могли бы получить какъ хлѣбопашцы. Древніе царскіе указы провозглашаютъ, что «всякое неправедное рѣшеніе дѣла влечетъ за собою смерть судьи»; но въ дѣйствительности нѣтъ прибѣжища противъ судьи-лихоимца: некуда жаловаться на него. «Нужно, чтобы люди боялись судовъ, говаривалъ императоръ Канъ-си. Я хочу, чтобы съ тѣми, кто прибѣгаетъ къ судьямъ, поступали безъ жалости, дабы всякій страшился предстать передъ судъ. Пусть добрые граждане полюбовно улаживаютъ свои споры, какъ братья, представляя свое дѣло на третейскій судъ стариковъ и старшины общины; что касается спорщиковъ и сутягъ, упрямцевъ и людей неисправимыхъ, то пусть ихъ разоряютъ судьи,—вотъ правосудіе, котораго они заслуживаютъ».

[1]) Amiot, „Mémoires concernants les Chinois“.

Во многихъ мѣстахъ споры и тяжбы разрѣшаются еще главами семействъ, которые судятъ на основаніи обычая. Законъ возмездія все еще въ чести у сыновъ Хань. Частная месть совершается также посредствомъ самоубійства. Должникъ, преслѣдуемый запмодавцемъ, арендаторъ, ограбленный землевладѣльцемъ, работникъ, обиженный хозяиномъ, жена, притѣсняемая свекровью, прибѣгаютъ къ лишенію себя жизни, какъ къ средству добиться того, чтобы имъ было оказано правосудіе; все общество принимаетъ тогда горячее участіе въ ихъ дѣлѣ и мститъ за ихъ смерть виновникамъ нанесенныхъ имъ обидъ. Сбѣгаются сосѣди, всовываютъ метлу въ руку повѣсившагося, и эта роковая рука мертвеца, которою они двигаютъ направо и налѣво, вооруженная своимъ символическимъ орудіемъ, выметаетъ изъ преступнаго дома богатство, благополучіе и самую семью [1]).

Уголовный кодексъ китайцевъ отличается ясностью, точностью, логической послѣдовательностью, но въ то же время и крайней суровостью каръ; при томъ онъ заранѣе дозволяетъ произволъ или капризъ судей, установляя наказанія не только противъ тѣхъ, кто нарушаетъ законы, но даже и противъ тѣхъ, кто не признаетъ ихъ «духа». Въ большинствѣ случаевъ приговоры постановляются послѣ простаго допроса, производимаго публично; адвокатовъ не существуетъ, и если мандаринъ позволяетъ роднымъ или друзьямъ защищать дѣло подсудимаго, то это чистое снисхожденіе съ его стороны; онъ можетъ даже, если ему заблагоразсудится, пригласить постороннее лицо для замѣщенія его на судейскомъ сѣдалищѣ, и часто случается, что судья, изъ утонченной любезности, уполномочиваетъ своихъ гостей освободить обвиняемыхъ отъ наказаній, къ которымъ онъ ихъ приговорилъ [2]). Судьи, пропорціонально гораздо менѣе многочисленные, чѣмъ въ Европѣ, постановляютъ свои рѣшенія послѣ болѣе краткаго разбирательства. Еще вооруженные правомъ подвергать обвиняемыхъ пыткѣ, они пользуются этимъ правомъ съ той же строгостью, какъ пользовались имъ европейскіе судьи въ недавнюю эпоху. Биченіе, вырываніе ногтей, раздавливаніе лодыжекъ или пальцевъ, вѣшаніе за подмышки и сотня другихъ замысловатыхъ мученій примѣняются къ жертвамъ судебныхъ слѣдователей, чтобы заставить ихъ произнести роковое слово сознанія или извѣта. Наказанія, налагаемыя на осужденныхъ, очень жестоки, и три вида смертной казни, обезглавленіе, повѣшеніе и удавленіе, кажутся недостаточными китайскимъ судьямъ; уголовный кодексъ предусматриваетъ еще наказаніе «медленной смертью»; въ прежнее время, мученіе приговореннаго къ смерти, продолжавшееся по цѣлымъ днямъ, начиналось сдираніемъ кожи на лбу, которую палачъ заворачивалъ на глаза казнимому, чтобы избѣгнуть его взгляда [4]); но теперь ограничиваются тѣмъ, что дѣлаютъ порѣзы на лицѣ и рукахъ осужденнаго, прежде чѣмъ отрубить ему голову [2]). По счастію, нервная система у китайцевъ гораздо менѣе чувствительна, нежели у европейцевъ; доктора гонконгскихъ и шанхайскихъ госпиталей всѣ говорятъ съ удивленіемъ о безчувствіи ихъ больныхъ во время самыхъ тяжелыхъ операцій [3]).

За менѣе важныя преступленія или проступки самыя обыкновенныя наказанія—палочные удары (индійскимъ тростникомъ или ротангомъ) и надѣваніе деревяннаго ошейника. Это страшное ожерелье вѣситъ, среднимъ числомъ, (около 2 пудовъ), и несчастный, который его носитъ, долженъ опираться имъ о землю, тщетно стараясь сообщить своему тѣлу такое положеніе, которое позволило бы ему найти забвеніе во снѣ: выставленный всѣмъ непогодамъ и перемѣнамъ температуры, солнечному зною во время дня, холоду и росѣ во время ночи, онъ падаетъ подъ невыносимымъ бременемъ, умоляя прохожихъ сжалиться надъ нимъ и избавить его отъ жизни. Тюрьмы—это отвратительные вертепы, гдѣ скучены, какъ сельди въ боченкѣ, несчастные арестанты, отданные на полный произволъ тюремщиковъ, которые иногда выбираются между уголовными преступниками; тѣ изъ арестантовъ, которые не получаютъ продовольствія отъ своихъ родственниковъ или отъ обществъ благотворительности, рискуютъ умереть съ голоду [4]). Рѣдко случается, чтобы женщинъ наказывали по всей строгости законовъ; это зависитъ оттого, что за преступленія или проступки, совершенныя ими, считаются отвѣтственными ихъ мужья или сыновья; ихъ никогда не подвергаютъ наказанію деревяннымъ ошейникомъ, и обыкновенно ограничиваются стеганьемъ ихъ по щекамъ или по губамъ кожаными ремнями. Хотя родственники и домашняя прислуга поощряются общественнымъ мнѣніемъ и даже закономъ къ сокрытію преступленія или проступка, совершеннаго однимъ изъ домочадцевъ, однако, они часто привлекаются въ такихъ случаяхъ къ отвѣтственности, и все семейство, въ цѣломъ его составѣ, дѣлается солидарнымъ относительно дѣйствій своихъ членовъ. Принципъ замѣстительства вполнѣ допускается въ китайской

[1]) Herbert Giles, „Chinese Sketches“;—Huc, „l'Empire Chinois“.

[2]) Eugène Simon, „Récits d'un voyage en Chine“.

[3]) „Letters édifiantes“;—I. Gauthier, „Les peuples étrangers“.

[2]) Herbert Giles, „Chinese Sketches“.

[3]) Lockhart;—Wernich. То же самое подтверждается спеціалистами докторами, которые были свидѣтелями перевязокъ китайцевъ на перевязочныхъ пунктахъ послѣдней Японо-китайской войны (См. статью Медвѣдева въ медицин. прибавлен. къ „Морскому Сборнику“).

[4]) D'Escayrac de Lauture, „Mémoires sur la Chine“.

юриспруденціи, не только когда сынъ представляется вмѣсто своего отца, но даже когда совершенно посторонній, чужой человѣкъ предтаетъ себя удовлетвореннымъ, а до имени жертвы ему нѣтъ никакого дѣла. Даже для пытокъ, даже для смертной казни, находятъ под-

Портикъ храма въ Никко.

лагаетъ принять на себя наказаніе, присужденное преступнику, который оплачиваетъ эту услугу; лишь бы только приговоръ былъ исполненъ, вина искуплена, правосудіе счиставныхъ лицъ, которыя отдаютъ свою жизнь въ обмѣнъ на кое-какое увеличеніе благосостоянія для своихъ семействъ. Во время вторженія союзныхъ англо-французскихъ войскъ въ

провинцію Чжи-ли, когда китайскихъ убійцъ присуждали къ смертной казни, постоянно являлись наемники съ просьбой позволить имъ умереть вмѣсто преступниковъ, и жаловались на несправедливость отказа въ ихъ ходатайствѣ. Когда дѣло идетъ просто о примѣненіи наказанія индійскимъ тростникомъ, то обыкновенно является цѣлая толпа охотниковъ замѣстителей. По выраженію одного писателя, въ Китаѣ «есть безчисленное множество людей, живущихъ единственно палочными ударами» [1]).

Судьи не имѣютъ права произносить смертный приговоръ безъ разрѣшенія верховнаго совѣта, «за исключеніемъ того случая, когда обычный правовой порядокъ края нарушенъ возстаніемъ или иноземнымъ нашествіемъ», но наказанія, которыя они опредѣляютъ, вполнѣ достаточны, чтобы свести со свѣта тѣхъ, отъ кого они желаютъ отдѣлаться. Всѣ смертные приговоры представляются на разсмотрѣніе императора и откладываются до осени, эпохи окончательнаго рѣшенія; имена тѣхъ, кого онъ хочетъ помиловать, богдоханъ обводитъ кругомъ «алой кисти»; иногда онъ облекаетъ другое лицо этимъ присвоеннымъ верховной власти правомъ помилованія. Въ эпохи политическихъ революцій губернаторы провинцій вооружены неограниченной властью, правомъ жизни и смерти и водятъ за собой цѣлые отряды палачей, неустанно занятыхъ своимъ кровавымъ дѣломъ; во время атаки Кантона англичанами, въ 1855 году, генералъ-губернаторъ хвастался, что онъ въ теченіе семи мѣсяцевъ предалъ смерти 70.000 своихъ подданныхъ; случалось, что въ одинъ день казнили до 800 человѣкъ [2]). Теперь въ китайскихъ трибуналахъ, которые имѣютъ пребываніе въ европейскихъ «концессіяхъ», въ Шанхаѣ и другихъ портахъ, открытыхъ международной торговлѣ, засѣдаютъ также, въ качествѣ членовъ иностранные резиденты; отсюда и названіе «смѣшанныхъ судовъ», которымъ ихъ обыкновенно означаютъ. Пытка совсѣмъ не употребляется этими судами, или по крайней мѣрѣ никогда не была примѣняема въ присутствіи европейскихъ судей, и приговоренные къ наказанію деревяннымъ ошейникомъ, простой связкой досокъ, вѣсящей отъ 2 до 4 килограммовъ, носятъ это ожерелье только въ продолженіе шести или семи часовъ каждый день и въ мѣстѣ, защищенномъ отъ непогодъ и солнечнаго зноя; обыкновенно имъ позволяютъ проводить ночь въ своемъ жилищѣ [3]). Въ колоніи Гонконгъ представители англійской магистратуры отмѣнили для китайцевъ всѣ тѣлесныя наказанія, вычеркнутыя изъ ихъ собственнаго кодекса въ метрополіи. Что касается иностранцевъ, то они подсудны только своимъ консуламъ, въ силу привилегіи «внѣземельности»; но китайское правительство жалуется, что, пользуясь этимъ преимуществомъ, они позволяютъ себѣ игнорировать и безнаказанно нарушать законы страны. Оно даже велѣло постепенно смягчать наказанія, налагаемыя на его собственныхъ подданныхъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы открыть себѣ возможность снова пріобрѣсти право суда надъ иностранцами; это даетъ основаніе надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ и китайскіе суды перестанутъ примѣнять пытку.

Хотя власть мандариновъ въ теоріи считается неограниченной, такъ какъ они представляютъ собою особу императора, они, однако, далеко не могутъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Они слишкомъ малочисленны и не располагаютъ достаточно солидно-организованными военными силами, чтобы бравировать недовольствомъ гражданъ, особенно въ провинціяхъ Фу-цзянь, Гуй-чжоу, гдѣ населеніе отличается очень независимымъ духомъ. Правда, въ большей части провинціи, жители, привыкшіе къ покорности, «счастливые тѣмъ, что могутъ упиваться росой богдоханскаго благоволенія», повинуются охотно до тѣхъ поръ, пока притѣсненіе не кажется имъ невыносимымъ; но когда терпѣніе ихъ подвергается черезчуръ тяжелому испытанію, они бунтуются, и бунтуются съ такимъ замѣчательнымъ единодушіемъ, что всякое сопротивленіе со стороны мандарина становится невозможнымъ; когда прокламаціи вывѣшены на улицахъ «по приказанію всего города», ему ничего болѣе не остается, какъ покориться общей волѣ. Собираются публичныя сходки, принимаютъ резолюцію объ изгнаніи мандарина и посылаютъ къ нему депутацію изъ именитыхъ гражданъ, съ порученіемъ передать ему въ вѣжливой формѣ приглашеніе удалиться изъ города; паланкинъ, сопровождаемый блестящимъ эскортомъ, ожидаетъ изгоняемую персону, которая откланивается и не имѣетъ другаго средства нѣсколько примирить съ собою общество и возвратить къ себѣ уваженіе, какъ добровольно подчиняясь этому требованію. Когда населеніе удовлетворено поведеніемъ удаляющагося мандарина, оно подноситъ ему поздравительные адресы и проситъ его подарить свои сапоги, чтобы повѣсить ихъ, въ память о немъ, на городскихъ воротахъ [1]). Въ дѣйствительности, китайцы пользуются такими традиціонными вольностями, какихъ недостаетъ большинству націй западной Европы. Они могутъ свободно путешествовать во всѣхъ частяхъ имперіи, нигдѣ не встрѣчая жандарма, который бы потребовалъ у нихъ письменный видъ; они могутъ заниматься какой угодно профессіей, безъ

[1]) Louis Lecomte, „Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Chine".

[2]) Neumann, „Ostasiatische Geschichte.

[3]) Clement Allen, „Report on the mixed court at Changhai".

[1]) John Davis, „la Chine";—Huc, „L'Empire Chinois".

всякихъ патентовъ, дозволеній или разрѣшеній какихъ бы то ни было властей; право публикаціи и вывѣшиванія всякаго рода объявленій повсюду уважается, и народныя собранія происходятъ публично, безъ того, чтобы необходимо было извѣщать объ этомъ полицію; даже въ такомъ безпокойномъ городѣ, какъ Кантонъ, правительство никогда не покушалось запереть двери Минъ-лунъ-тана или зданія «Свободнаго обсужденія», хотя оно не отказываетъ себѣ въ удовольствіи посылать туда своихъ ораторовъ, которые принимаютъ участіе въ преніяхъ и стараются дать имъ оборотъ, благопріятный интересамъ мандариновъ.

Фундаментальный принципъ Китайскаго государства, что все общество должно покоиться на семейномъ союзѣ, поддерживалъ изъ вѣка въ вѣкъ древнее общинное самоуправленіе. Въ каждой деревнѣ всѣ главы семействъ принимаютъ участіе въ избраніи своего представителя, выбираемаго почти всегда между землевладѣльцами: онъ исполняетъ въ одно и то же время обязанности мера или старшины, наблюдая за исполненіемъ законовъ, обязанности сельскаго нотаріуса, записывая въ книгу контракты по продажѣ или мѣнѣ имущества; обязанности сборщика податей, принимая деньги, поступающія въ уплату налоговъ; обязанности мироваго судьи, улаживая споры, возникающіе между отдѣльными семьями; обязанности надзирателя надъ полями и смотрителя надъ дорогами, указывая тѣхъ, кто запускаетъ свои земли, оставляя ихъ безъ обработки, или практикуя худые способы хозяйства: даже обязанности деревенскаго церемоніймейстера, указывая подходящія мѣста для могилъ; должность его безвозмездна, но ему помогаютъ въ отправленіи его функцій другія должностныя лица, сельскіе сторожа, межевщики или писаря, которыхъ также назначаютъ главы семействъ, составляющихъ общину. Въ городахъ семейныя группы организуются подобнымъ же образомъ: всѣ составляютъ муниципальный совѣтъ, который выбираетъ изъ своей среды голову или бао-чжэна, утверждаемаго въ должности мѣстнымъ мандариномъ, и назначаетъ всѣхъ другихъ муниципальныхъ чиновниковъ, на которыхъ возлагается обязанность наблюдать за общинными интересами и общественнымъ порядкомъ, регулировать расходы и налоги, вотируемые совѣтомъ, даже принимать военныя мѣры, въ случаѣ надобности, и организовать вольные отряды для защиты. Для общихъ дѣлъ, касающихся различныхъ околодковъ, околодочные бао-чжэни назначаютъ изъ своей среды окружныхъ представителей: такимъ образомъ на всѣхъ ступеняхъ правительственной іерархіи избранники власти находятъ передъ собой въ китайскихъ городахъ уполномоченныхъ семействъ и группъ семействъ [1]).

[1]) Anatole Robin, „Les institutions de la Chine“, „Exploration“, 1879.

Что касается татарскихъ городовъ, замкнутыхъ въ своихъ каменныхъ стѣнахъ, то они зависятъ только отъ правительства [1]).

Но если древнія гражданскія учрежденія Китая могли сохраниться въ народѣ, то нельзя сказать того же о военной организаціи: подъ страхомъ иноземнаго нашествія и завоеванія провинцій, Срединное царство вынуждено теперь передѣлывать свои арміи, которыя прежде были ему достаточны какъ противъ внѣшнихъ враговъ, такъ и противъ собственныхъ мятежниковъ. Общественное мнѣніе не очень благопріятно относится къ увеличенію арміи, ибо въ Китаѣ еще повторяютъ изреченіе Конфуція: «На каждаго человѣка, который не работаетъ, есть другой, который терпитъ недостатокъ въ хлѣбѣ». Военные вообще не пользуются большимъ уваженіемъ: «Изъ честнаго человѣка не дѣлаютъ солдата, хорошаго желѣза не употребляютъ на выдѣлку гвоздей», говоритъ народная пословица.

Кромѣ войскъ, организованныхъ на западный образецъ, различные вооруженные отряды суть не что иное, какъ простыя банды. Армія «восьми знаменъ», которая нѣкогда была главной силой династіи, сохранила свою древнюю организацію; она состоитъ почти исключительно изъ женатыхъ маньчжуръ и монголовъ, владѣющихъ каждый своимъ полемъ или садомъ; это скорѣе военные поселенцы, нежели солдаты въ полномъ смыслѣ слова. Несмотря на ихъ большую численность (общій составъ «восьми знаменъ» исчисляютъ въ 230.000 человѣкъ), они, по всей вѣроятности, были бы очень слабымъ рессурсомъ для защиты отечества противъ иностраннаго вторженія: быть можетъ, они скорѣе опасны, чѣмъ полезны для безопасности имперіи; самымъ своимъ пребываніемъ въ «татарскихъ городахъ», которые стоятъ, обнесенные крѣпостными стѣнами, среди китайскихъ городовъ, они постоянно напоминаютъ побѣжденной націи о постигшемъ ее пораженіи и такимъ образомъ поддерживаютъ въ народѣ чувство сопротивленія и вражды противъ маньжурской власти [2]). Единственный татарскій корпусъ, могущій претендовать на названіе правильной арміи въ настоящемъ смыслѣ слова, это—Сяоцзинъ, занимающій столицу богдыхана и ея окрестности; наличный составъ этого корпуса заключаетъ 36.000 человѣкъ, кромѣ того 26.000 воспитанниковъ; но очень трудно собрать точныя свѣдѣнія объ этихъ войскахъ, которыя маневрируютъ и парадируютъ внутри императорскихъ парковъ, куда входъ строго воспрещенъ всякому иностранцу. Высшій военный рангъ, называемый цзянь-цзюнь,—можетъ быть занятъ только маньчжуромъ; генералъ китайскаго происхожденія не можетъ подняться по

[1]) Morache Chine, „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales“.

[2]) Meadows, „The Chinese and their Rebellions“.

лѣстницѣ военной іерархіи выше чина тидай.

Лу-инъ или армія «зеленаго знамени», раздѣленная на восемнадцать корпусовъ, которые соотвѣтствуетъ восемнадцати провинціямъ имперіи, имѣетъ, по національности, исключительно китайскій характеръ и состоялъ до Японо-китайской войны изъ 475.177 человѣкъ [1]), если вѣрить болѣе или менѣе правдивымъ донесеніемъ офицеровъ. Эти ратники употребляются преимущественно для полицейской службы, для перевозки и переноски хлѣбныхъ запасовъ, для содержанія въ исправности береговыхъ насыпей, плотинъ и шлюзовъ на рѣкахъ и каналахъ, для починки дорогъ; они служатъ только въ предѣлахъ своей провинціи, и губернатору стоитъ большаго труда получить въ исключительныхъ обстоятельствахъ разрѣшеніе употреблять ихъ внѣ той территоріи, которую они обязаны защищать. Генералъ, командующій этимъ войскомъ, фу-тай или губернаторъ, всегда гражданскій чиновникъ въ силу господствующаго въ Китаѣ общаго принципа, что оружіе должно уступать первенство тогѣ. Кромѣ того, полки милиціи набираются въ различныхъ областяхъ на средства самихъ общинъ и ничего не стоятъ государственной казнѣ. Въ военное время, когда дѣйствіе законовъ пріостанавливается осаднымъ положеніемъ, правительство можетъ вербовать на службу всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе; но опытъ доказалъ, что подобныя войска безъ предшествующихъ организаціи и подготовки къ военному дѣлу служатъ только, въ случаѣ встрѣчи съ правильной арміей, къ увеличенію безпорядочной массы бѣгущихъ.

Морскія силы Китая сравнительно еще менѣе значительны, чѣмъ сухопутныя; прекрасный флотъ весь уничтоженъ японцами, а новаго Китай еще не успѣлъ пріобрѣсти. Большинство матросовъ, уроженцы южныхъ провинцій, Гуанъ-дуна и Фу-цзяни, — искусные моряки; во многихъ обстоятельствахъ они доказали, что на нихъ нельзя было бы смотрѣть какъ на враговъ, не стоющихъ вниманія, въ случаѣ столкновенія съ европейскими державами. Въ новѣйшее время были построены укрѣпленія при входѣ въ лиманы и рѣки Кантона, Фу-чжоу и Пекина, и для вооруженія этихъ фортовъ, а также другихъ крѣпостей; сталелитейный заводъ Крупа уже неоднократно доставлялъ орудія; сверхъ того, въ собственныхъ арсеналахъ работаютъ надъ изготовленіемъ огромнаго количества военныхъ принадлежностей и снарядовъ, по европейскимъ образцамъ, ибо хотя порохъ—китайское изобрѣтеніе, но императоры Срединнаго царства еще недавно не имѣли другой артиллеріи, кромѣ деревянныхъ, обитыхъ желѣзными обручами, трубъ да пушекъ, отлитыхъ по указаніямъ миссіонеровъ-іезуитовъ. Бо́льшая половина доходовъ имперіи, исчисляемыхъ въ 74.900.000 ланъ, употребляется на военныя издержки; равнымъ образомъ, для той же цѣли, именно на сооруженіе фортовъ и пріобрѣтеніе броненосныхъ кораблей, Китай употребляетъ деньги внѣшнихъ займовъ, заключенныхъ въ разныя времена съ 1874 года, черезъ посредство банкировъ Шанхай и Гонконга.

Бюджетъ Китайской имперіи представлялъ въ 1894 году, по Statesman's year-book, слѣдующія цифры въ ланахъ:

Поземельный налогъ (серебр.)—20.000.000; сборъ рисомъ на—2.800.000: соляные сборы—9.600.000; таможни морскія—23.500.000; таможни внутреннія — 6.000.000; ли-цзинь 11.000.000; патенты — 2.000.000; итого — 74.900.000.

Изъ этого видно, что важнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ составляютъ сборы, доставляемые казнѣ таможнями, и правительство умѣло понять, что для предупрежденія возможности расхищенія этой статьи доходовъ всего лучше обратиться къ услугамъ иностранныхъ администраторовъ, привыкшихъ къ веденію большихъ финансовыхъ операцій. Подобно тому, какъ завѣдываніе морскими сигналами, бакенами и маяками (въ 1880 году въ числѣ служащихъ при маякахъ было 58 европейцевъ и 278 китайцевъ), управленіе таможнями находится въ рукахъ европейцевъ, принадлежащимъ къ различнымъ національностямъ Запада, въ числѣ почти пропорціональномъ оборотамъ ихъ торговли; но эта таможенная администрація, оффиціальнымъ языкомъ которой служитъ языкъ англійскій, и которая зависитъ отъ главнаго управленія иностранныхъ дѣлъ, не завѣдуетъ торговымъ обмѣномъ, который производится при помощи джонокъ китайской конструкціи, и кругъ ея вѣдомства не распространяется за предѣлы пояса, открытаго международной торговлѣ; но выходѣ изъ портовъ морскаго прибрежья или берега Голубой рѣки, начинаются внутреннія таможни ли-цзиня или «тысячной доли», пошлины которыхъ удваиваютъ, утраиваютъ или даже удесятеряютъ цѣнность провозимыхъ товаровъ, смотря по степени алчности мандариновъ. На основаніи одной статьи трактатовъ, сборъ въ размѣрѣ 2 съ половиной процентовъ, прибавляемый къ ввозной пошлинѣ въ количествѣ 5 процентовъ, долженъ бы былъ освобождать товары отъ всякаго дополнительнаго налога, но въ дѣйствительности приходится платить провозную пошлину у воротъ городовъ, на дорогахъ, на каналахъ и на мостахъ; сборщикъ мыта или дорожной и заставной пошлины требуетъ особую подать на починку пагодъ, особую подать на успѣхъ молепій, совершаемыхъ о ниспосланіи дождя или хорошей погоды, осо-

[1]) Путята, „Китай".

бую подать на содержаніе ратниковъ милиціи или на бракосочетаніе принцессы. Эти-то препятствія, затрудняющія внутреннюю торговлю, и мѣшаютъ движенію торговаго обмѣна съ иностранцами принять свою нормальную дѣятельность, и потому въ послѣднее время европейцы усиленно хлопочутъ объ уничтоженіи ли-цзиня. Китайцы охотно покупаютъ иностранные товары, не только для своего личнаго употребленія, но также для публичныхъ празднествъ: они любятъ наружную пышность, знамена, богатые обои, фейерверки и не жалѣютъ денегъ для торжественныхъ дней; но отъ городовъ морскаго прибрежья до городовъ внутренняго Китая цѣнность предметовъ иностраннаго привоза, благодаря таможеннымъ поборамъ, болѣе чѣмъ удесятеряется.

Недостатокъ удобныхъ знаковъ денежнаго обращенія также составляетъ одну изъ главныхъ причинъ рѣдкости прямыхъ торговыхъ сношеній между приморскими портами и внутренними городами. Старинная монетная система, заключавшая золотыя, серебряныя и бронзовыя деньги, перестала существовать, вслѣдствіе всевозможныхъ фальсификацій, которыя позволяла себѣ казна, и теперь правительство не чеканитъ другой монеты, кромѣ чеховъ, дѣлаемыхъ изъ сплава мѣди и олова. Это просто кружки съ дырочкой, которые нанизываются на шнурокъ, и составляютъ монетную единицу, называемую дяо; но десятки, сотни и тысячи этихъ денежныхъ знаковъ суть простыя названія безъ опредѣленной цѣнности, и мѣняются по цѣнѣ отъ одного округа до другаго: въ иномъ городѣ считаютъ только 99, 95 или даже 96 чоховъ въ дяо; къ востоку отъ Тянь-цзиня одинъ дяо представляетъ собою цѣнность 333 чеховъ вмѣсто 100. Другая денежная единица, унція серебра, называемая таэль или ланъ, средняя цѣнность котораго около 1.500 чеховъ, есть фиктивная монета, мѣняющаяся въ цѣнѣ отъ одного рынка до другаго, что даетъ возможность мѣнялямъ и банкирамъ получать въ свою пользу барышъ на всѣхъ сдѣлкахъ, барышъ тѣмъ болѣе значительный, что узаконенный размѣръ процентовъ составляетъ 30 на 100 въ годъ и 3 на сто въ мѣсяцъ. Въ прежнее время, когда еще не было внѣшней торговли, которая ввела въ страну много иностранныхъ монетъ и тѣмъ понизила относительную цѣнность туземныхъ денегъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ давали до 3.000 чеховъ за одну унцію серебра. Вѣдомство приморскихъ таможенъ ведетъ свои счеты въ такъ называемыхъ хай-гуанъ-таэль, оффиціальная цѣнность которыхъ около 6 франковъ, или 1.070 к.; но оно получаетъ платежи пошлинъ только въ слиткахъ серебра, цѣнность которыхъ означается клеймомъ. Самая обыкновенная ходячая монета въ Китаѣ—это мехиканскій долларъ, который негоціанты велятъ спеціально чеканить для торговли съ Срединнымъ царствомъ [1]). Золото нигдѣ не употребляется какъ мѣновая монета, но бумажныя деньги, называвшіяся прежде «крылатымъ золотомъ» или «летучей монетой», вошли во всеобщее употребленіе въ Срединной имперіи уже около тысячи лѣтъ. Изъ серебряныхъ слитковъ всегда отдаютъ предпочтеніе, по причинѣ чистоты металла и отсутствія въ немъ всякой лигатуры, чунченскимъ (Tchoung-tcheng) «башмакамъ», получившимъ это названіе отъ формы, которую имъ придали плавильщики [2]).

Китай въ собственномъ смыслѣ обнимаетъ восемнадцать провинцій,—девятнадцать, если прибавить къ нимъ Щэнъ-цзинъ или южную Маньчжурію, — сгруппированныхъ въ восемь вице-королевствъ или генералъ-губернаторствъ. Каждая изъ этихъ провинцій дѣлится на области или фу, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на округа или чжоу, раздѣленные на уѣзды или сянь; эти слова обыкновенно прибавляются къ именамъ городовъ, которые были выбраны, какъ главныя мѣста соотвѣтственныхъ административныхъ дѣленій. Кромѣ того существуетъ нѣкоторое число округовъ или чжоу, называемыхъ чжи-ли-чжоу, которые зависятъ непосредственно отъ центральной администраціи провинціи, нарушая такимъ образомъ правильную іерархію городовъ. Военныя губернаторства или тинъ многочисленны въ краяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ; имъ даютъ названіе чжи-ли-тинъ, когда они имѣютъ непосредственныя сношенія съ центральной администраціей. Городъ Пекинъ находится подъ особымъ военнымъ управленіемъ, кругъ вѣдомства котораго распространяется на нѣсколько километровъ въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы. Высшее командованіе принадлежитъ генералъ-губернатору или цзунъ-ду въ вице-королевствахъ, губернатору или фу-тай въ провинціяхъ, окружнымъ и областнымъ начальникамъ, чжи-чжоу, въ округахъ или группахъ округовъ. Спеціальные коммисары носятъ названіе чжи-сянь.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ девятнадцати провинцій Китая, съ подраздѣленіемъ ихъ на области, округи и уѣзды:

---

[1]) Въ настоящее время въ Китаѣ весьма обыкновенны въ обращеніи китайскіе доллары, вычеканенные на Кантонскомъ монетномъ дворѣ, но доллары эти имѣютъ свободный доступъ лишь въ приморскихъ портахъ Китая. Попытки ввести доллары, чеканенные въ Гирнѣ, не увѣнчались успѣхомъ.

[2]) Cooper, „Travels of a pioneer of commerce".

Перечень провинцій Китая съ показаніемъ административнаго дѣленія страны и главнѣйшихъ пунктовъ.

Собственный (внутренній) Китай.

Названіе провинцій.	Названіе генералъ-губернаторства.	Кѣмъ управляется провинція.	Пространство въ кв. миляхъ по Мату	Населеніе. совскому.	Плотность населенія на кв. милю.	Важнѣйшіе города и населенные пункты.
Чжи-ли....	Чжилійское.	Генералъ-губернаторомъ (цзунъ-ду).	5.438,28	17.937.000	3.298ч.	*Пекинъ*; Бао-динъ-фу; Чэнъ-дэ-фу; Юнъ-пинъ-фу; Линь-юй; Хэ-цзянь-фу; Тянь-цзинь-фу; Чжэнъ-динъ-фу; Шунь-дэ-фу; Гуанъ-пинъ-фу; Даминъ-фу; Сюань-хуа-фу; Долонъ-норъ-тинъ; Чжанъ-цзякоу; и др. всего 148 городовъ.
Шань-дунъ.	Составляютъ самостоятельныя губернаторства.	Губернаторомъ (фуюань).	2.619,36	36.247.835	13.840	*Цзи-нанъ-фу;* Тай-ань-фу; Янь-чжоу-фу; И-чжоу-фу; Цао-чжоу-фу; Дунъ-чанъ-фу; Цинъ-чжоу-фу; Дэнъ-чжоу-фу; Лай-чжоу-фу; Вэй-сянь и др. всего 107 город.
Шань-си		Тоже.	3.846,14	12.211 453	3.174	*Тай юань-фу;* Пинъ-янъ-фу; Пу-чжоу-фу; Цзэ-чжоу-фу; Да-тунъ-фу; Пинъ-динъ-чжоу; Синь-чжоу; У-тай; Бао-дэ-чжоу; Цзэ-чжоу; Кукухото и др. всего 109 городовъ.
Хэ-нань...		Тоже.	3.206,84	22.115.827	6.898	*Кай-фынъ-фу;* Гуй-дэ-фу; Хуай-цинъ-фу; Хэ-нань-фу; Ло-янъ-сянь; Нанъ-янъ-фу; Жу-чжоу; Лу-шань-сянь и др. всего 107 городовъ.
Цзянъ су..	Генералъ-губернаторство Лянъ-цзянское или	Губернаторомъ.	1 797,23	20.905.171	11.633	*Цзянъ-нинъ-фу;* Су-чжоу-фу; Сунъ-цзянъ-фу; Шанъ хай; Чжэнь-цзянъ-фу; Хуай-ань-фу и др. всего 59 гор.
Ань-хой...	Цзянь-паньское	Тоже.	2.579,41	20.596.988	7.986	*Ань-цинъ-фу;* Хой-чжоу-фу; Нинъ-го фу; Тай-пинъ-фу; У-ху-сянь; Лу-чжоу-фу; Сычжоу; Фынъ-янъ-фу и др. всего 58 городовъ.
Цзянъ-си..	(Лянъ-цзянъ-цзунъ-ду).	Тоже.	3.308,29	24.534.118	7.416	*Нань-чанъ-фу;* Жао-чжоу-фу; Гуань-синь-фу; Нань-канъ-фу; Цзю-цзянъ-фу; Фучжоу-фу; Цзи-анъ-фу; Ганьчжоу-фу; Нань-ань-фу; всего городовъ 78.

Названіе провинцій.	Названіе генералъ-губернаторства.	Кѣмъ управляется провинція.	Пространство въ кв. миляхъ по Мату	Населеніе. совскому.	Плотность населенія на кв. милю	Важнѣйшіе города и населенные пункты.
Фу-цзянь ..	Генералъ-губернаторство Минь-чжэское.	Губернаторомъ.	2.739,75	25.790 556	9 416	*Фу-чжоу фу;* Цюань-чжоу-фу; Амой; Цзянь-нинъ-фу; Янь-пинъ-фу; Типъ-чжоу-фу; Шао-у-фу; Чжанъ-чжоу-фу; Фу-нинъ-фу и др.
Чжэ-цзянъ.	(Минь - чжэ - цзунъ-ду).	Тоже.	1.764,10	11.588.692	6.569	*Ханъ-чжоу фу;* Хай-нинъ-чжоу; Цзя синъ-фу; Ху-чжоу-фу; Ань-цзи-сянь; Нинъ-бо-фу; Шао-синъ-фу; Тай-чжоу-фу; Цзинь-хуа фу; Янъ-чжоу-фу; Вэнь-чжоу-фу; Чу-чжоу-фу; Динъ - хай - тинъ и др. всего 75 городовъ.
Ху-бэй	Генералъ-губернаторство Хуганское или Лянъ-хуйское.	Губернаторомъ.	3.356,19	33 365 005	9.941	*У-чанъ-фу;* Хань-коу; Ханьянъ-фу; Анъ-лу-фу; Сянъ-янъ фу; Юнь-янъ-фу; Дэ ань-фу; Хуанъ-чжоу-фу; Цзинъ-чжоу-фу; И-чанъ-фу; Ши-нань-фу; Цзинъ-мынь-чжоу и др. всего 68 городовъ.
Ху-нань...	(Лянъ - ху - цзунъ-ду).	Тоже.	3.917,09	21.002.604	5.362	*Чанъ-ша-фу;* Сянъ - тань - сянь; Іо-чжоу-фу; Хэнъ-чжоу-фу; Чанъ-дэ фу; Чэнь-чжоу-фу; Юнъ - чжоу - фу; Юнъ-шунь-фу; Ли-чжоу; Цзинъ-чжоу-фу и др. всего 73 города.
Шэнь си ..	Генералъ - губернаторство Шэньганьское	Губернаторомъ.	3.540,47	8.432.193	2.381	*Си-анъ-фу;* Тунъ-чжоу-фу; Тунъ гуань - тинъ; Ханьчжунъ - фу; Синъ - ань - фу; Сюнъ-янъ-сянь; Янь-ань-фу; Юй-линь-фу; Бинь-чжоу и др. всего 90 городовъ.
Гань-су....	(Шэнь - гань - цзунъ-ду).	Тоже	5.910,33	5.000.000	846	*Ланъ-чжоу-фу;* Нинъ-лянъ-фу; Гунъ - чанъ-фу; Цинъ-янъ-фу; Нинъ - ся - фу; Синнинъ - фу; Лянъ чжоу - фу; Гань - чжоу - фу; Су чжоу; Цзинъ-чжоу и др. всего 60 городовъ.
Сы-чуань ..	Генералъ - губернаторство.	Генералъ - губернаторомъ.	10.278,76	67.712.897	9.588	*Чэнъ-ду-фу;* Нинъ-юань-фу; Бао-нинъ-фу; Шунь-цинъ-фу; Сюй-чжоу-фу; Чунъ-цинъ-фу; Фоу-чжоу; Куй-чжоу-фу; Ушань сянь; Лунъ - ань - фу; Тунъ-чуань-фу; Цзя - динъ-фу; Я-чжоу фу; Мэй - чжоу; Чжунъ-чжоу; Ли-чжоу; Цюнъ-чжоу и др. всего 140 городовъ.

Названіе провинцій.	Названіе генералъ губернаторства.	Кѣмъ управляется провинція.	Пространство въ кв миляхъ. по Мату	Населеніе. совскому.	Плотность населенія на кв.миля.	Важнѣйшіе города и населенные пункты.
Гуанъ-дунъ.	Генералъ - губернаторство Лянъ-гуанское.	Губернаторомъ.	4.153,26	29.706.249	7.152	*Гуанъ-чжоу-фу* (Кантонъ); Фо-шань-тинъ; Макао (Аомынь) Шао-чжоу-фу; Хойчжоу-фу; Чао-чжоу-фу; Чжаоцинъ-фу; Лянь-чжоу фу; Лейчжоу-фу; Цюнъ-чжоу-фу; Хойхоу; Лянь-чжоу; Цзя-инъчжоу и др. всего 95 городовъ.
Гуанъ-си . .	(Лянъ - гуанъцзунъ-ду).	Тоже.	3.819,98	5.153.327	1.348	*Гуй-линъ-фу*; Лю-чжоу-фу; Цинъ-юань-фу; Сы - энь - фу; Пинъ - лэ - фу; У - чжоу - фу; Сюнь-чжоу-фу; Нань - нинъ-фу; Тай-пинъ-фу; Юй-линъчжоу; Си-лунъ-чжоу и др. всего 69 городовъ.
Юнь-нань.	Генералъ - губернаторство Юньгуйское.	Губернаторомъ.	6.907,60	11.721.576	1.697	*Юнь-нань-фу*; Да - ли - фу; Линь-ань-фу; Чу - сюнъ - фу; Гуанъ-нанъ-фу; Шунь-нинъ-фу; Пу-эръ-фу; Ли-цзянъ-фу; Дунъ-чуанъ-фу; Чжао тунъ-фу; Юнъ-чанъ-фу; Тэнъ-юэтинъ; У-динъ-чжоу и др. всего 84 города.
Гуй-чжоу.	(Юнь - гуй - цзунъ-ду).	Тоже.	3.158,10	7.669.181	2.428	*Гуй-инъ - фу*; Сы-чжоу-фу; Сы-нань-фу; Чжэнь-юань-фу; Тунъ-жэнь-фу; Ли-пинъ-фу; Да-динъ-фу и др. всего 64 города.
		Всего . .	72.341,28 кв. геогр. миль.	381.683.672	5.276	Городовъ, въ которыхъ находятся административныя власти, свыше 1.552.

Внѣшній Китай.

Названіе страны, провинціи, округа, ханства.	Кѣмъ управляется страна.	Пространство.	Населеніе.	Плотность.	Важнѣйшіе пункты.
Маньчжурія см. подробности на стр. 272 — Шенъ-цзинъ, Гиринь, Хей-лунъ-цзянъ.	Военными генералъ-губернаторами (цзянь-цзюнями) подчиненными Мукденьскому цзянь-цзюню.	2.633,24 4.937,05 9 533 98	4.243.267 3 700 000 1.060.000	1611 749 111	По провинціямъ указаны на стр. 272.
Сѣверная Монголія (Халха) . . . . . Южная Монголія, Орд..съ, Ала-шань и Коб-до.	Управляются своими князьями подъ контролемъ китайскихъ военныхъ губернаторовъ Чахары подчинены дутуну, живущему въ Калганѣ.	50.234,59	3.0 0.000	59	Урга; Улясутай; Кобдо и др.
Тарбагатай . . .	Губернаторомъ.	1.163,26	64.000	55	Дарбульджинъ; Чугучакъ.
Или	Военнымъ губернаторомъ.	1 265,90	140.000	110	Суй-динъ-чэнъ (Суйдунъ); Кульджа.
Новая линія или Ганьсу-синь-цзянь . . .	Генералъ-губернаторомъ и его двумя помощниками въ В. Туркестанѣ.	23 980,94	1.500 000	62	Урумчи; Баркюль; Хами; Турфанъ; Аньси; Кашгаръ; Яркендъ; Хотанъ; Кэрія; Акъсу; Карашаръ и др.
Тибетъ	Управляется далай-ламой подъ контролемъ двухъ китайскихъ резидентовъ.	21.763,03	25.000.000	114	Ласса; Четанъ; Шигатзэ; Гардокъ; Чамдоула; Чжамдо.
Куку-норъ	Управляется на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Монголія, подъ наблюденіемъ амбаня изъ г. Си-нинъ-фу.	13.056,54	150.000	11	Дань-гэръ-тинъ (Донкыръ).
	Всего . .	128.568,53	16.357.267	127	

Глава VI

Корея.

Полуостровъ, который выдѣляется изъ материка между двумя морями, Желтымъ и Японскимъ, какъ-бы идя на соединеніе съ южными островами архипелага «Восходящаго солнца», совершенно ограниченъ со стороны твердой земли; какъ Италія, съ которою его можно сравнить по протяженію и даже отчасти по орографическому очертанію [1]), онъ отдѣленъ отъ континентальной массы своего рода Альпами, цѣпью Чанъ-бо-шань или «Большими бѣлыми горами» Маньчжуріи; онъ имѣетъ также и свои Апеннины, которыя продолжаются съ сѣвера на югъ, образуя, какъ-бы, остовъ полуострова. Такъ же, какъ въ Италіи, западная покатость горъ составляетъ, во всей центральной и южной области полуострова, живую половину страны: здѣсь развертывается теченіе корейскаго Тибра, рѣки Хань-ганъ, и здѣсь же находится Сеулъ, нынѣшній главный городъ азіатскаго полуострова. Въ Кореѣ, какъ и въ Италіи, морской берегъ, обращенный къ востоку, довольно однообразенъ и мало изрѣзанъ, тогда какъ западное побережье глубоко испещрено заливами и бухтами, богато островами и маленькими архипелагами; противъ этого же западнаго берега, простирается море, наиболѣе оживленное каботажнымъ судоходствомъ; какъ Корея соотвѣтствуетъ Апеннинскому полуострову, такъ и Китайское море соотвѣтствуетъ морю Тирренскому. Однако, это сходство можно подмѣтить только въ общихъ чертахъ, но оно не продолжается до деталей: въ то время, какъ на сѣверо-востокѣ со стороны русской Маньчжуріи, пограничная область очень гориста и дѣлаетъ затруднительными сообщенія между двумя странами, долины притоковъ рѣки Ялу-цзянъ представляютъ на сѣверо-востокѣ края весьма удобный естественный проходъ между Кореею и китайской провинціей. Съ этой стороны правительство двухъ сопредѣльныхъ государствъ нашло нужнымъ создать между собою «маркію» взаимной обороны, строго воспрещая всякую обработку почвы и поселенія на широкой полосѣ земли, къ западу и сѣверо-западу отъ рѣки Ялу-цзяна. Смертная казнь угрожала всякому, кто вздумалъ бы поселиться, въ качествѣ мирнаго земледѣльца, на этой запрещенной территоріи; разбойники устраивали тамъ свои притоны, грабя купеческіе караваны, которые не безъ опасенія пускались по дорогѣ, пролегающей черезъ нейтральную полосу и которая ведетъ къ «Корейскимъ воротамъ», близъ города Фынъ-хуанъ-чэнъ. Еще въ 1866 году китайскіе послы, ѣздившіе въ Корею, чтобы поздравить молодаго короля съ его бракосочетаніемъ, не имѣли другаго пристанища во время пути, кромѣ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ и прикрытыхъ рогожами [1]); чтобы избѣжать нападенія волковъ и тигровъ, они должны были окружать свое становище кордономъ изъ горящихъ костровъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что запрещенное пространство, площадь котораго исчисляется Бемомъ и Вагнеромъ почти въ 14.000 квадр. километровъ, начинаетъ покрываться пашнями и селеніями: мало-по-малу китайскіе эмигранты, которые уже овладѣли посредствомъ земледѣлія почти всей южной Маньчжуріей, дѣлаютъ захваты въ этой полосѣ и расчищаютъ тамъ землю подъ пашни; точно также и корейцы основали нѣсколько селеній внѣ ихъ границы [2]). Согласно недавно изданному труду нашего Министерства Финансовъ, въ нейтральной полосѣ и на берегахъ Ялу-цзяна расположено уже много селъ и нѣсколько городовъ [3]).

Корея такъ же, какъ большая часть странъ крайняго Востока, извѣстна иностранцамъ подъ именемъ, которое обыкновенно не употребляется туземными жителями. Это наименованіе, принадлежавшее нѣкогда маленькому княжеству Корье, одному изъ государствъ, на которыя была раздѣлена территорія, было примѣнено японцами и китайцами ко всему полуострову, подъ формами Гаогуйли («Отмѣнная красота»), Корай и Гаоли. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, въ эпоху соединенія отдѣльныхъ государствъ полуострова въ одно королевство, страна, находившаяся тогда подъ верховной властью китайскаго императора, котораго она признавала своимъ сюзереномъ, получила оффиціальное названіе Чаосянь или Чаосіанъ (Цiосенъ), то-есть «Утренняго блеска», по причинѣ ея географическаго положенія на восточной окраинѣ имперіи [4]); впрочемъ, это наименованіе было уже извѣстно

[1]) Карлъ Риттеръ, „Землевѣдѣніе Азіи“;—Коль и др.

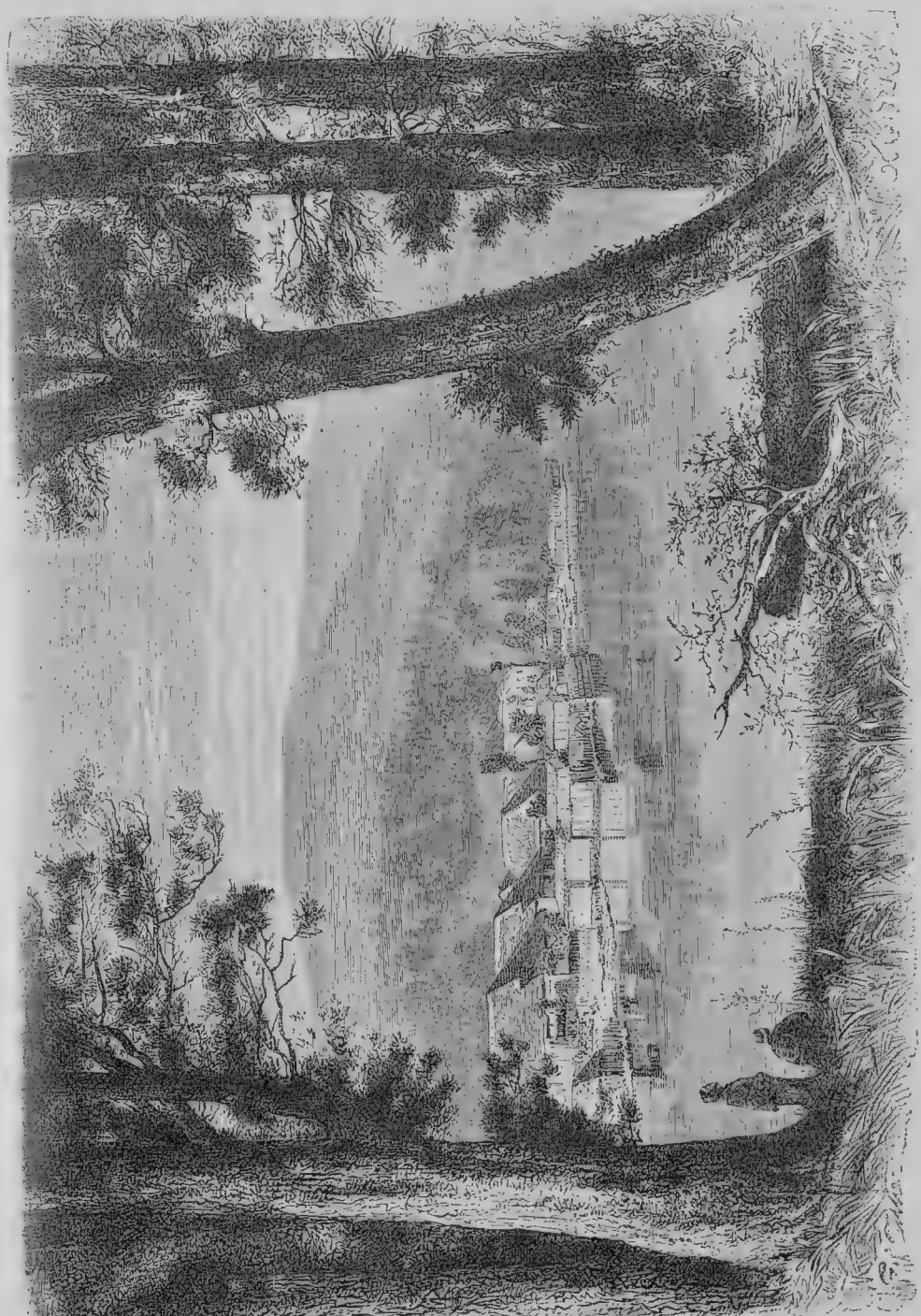
[1]) Koeiling, „Mission en Corée“ trad. par Scherzer;—„Recueil d'Itinéraires et de Voyages dans l'Asie Centrale et l'Extrême Orient“.

[2]) Ratzel, „Mittheilungen von Petermann“. II, 1881.

[3]) Д. Позднѣевъ, „Описаніе Маньчжуріи“, СПБ. 1897 г.

[4]) I. Klaproth, „Asia Polyglotta“.

ранѣе, чѣмъ установилось территоріальное единство Кореи, ибо Матуанлинъ, писатель тринадцатаго вѣка, приводилъ его, какъ принадлежащее одному изъ государствъ полуострова 1). Такимъ образомъ этотъ край означается поэтическимъ выраженіемъ, указывающимъ на его положеніе между Китаемъ и Японіей. Въ то время, какъ эта послѣдняя имперія является для жителей континента «Страной восходящаго солнца», Корея представляетъ «блестящую» землю, освѣщаемую утренними лучами дневнаго свѣтила.



Озеро Хаконе.

Корея, хотя и расположена между двумя часто посѣщаемыми морями, есть, однако, еще и до сихъ поръ одна изъ наименѣе изслѣдован-

*

1) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine" par Matouanlin.

ныхъ странъ земнаго шара. Даже берега ея, которые такъ необходимо было бы изучить самымъ тщательнымъ образомъ для безопасности мореплавателей, еще неизвѣстны съ точностью, и морскія карты даютъ имъ очертанія въ большой части гипотетическія. До семнадцатаго столѣтія европейскіе географы полагали, что Корея островъ, и такъ именно она представлена на картѣ Меркатора, Ортелія, Сансона; ея полуостровная форма было впервые открыта картой, составленной на основаніи корейскихъ и китайскихъ источниковъ, которую прислали миссіонеры изъ Пекина, и которая была воспроизведена д'Анвилемъ. Первыя точныя наблюденія, сдѣланныя европейскими мореплавателями, относятся къ концу восемнадцатаго столѣтія: только въ 1787 году Лаперузъ могъ опредѣлить положеніе большаго острова Квельпарта, называемаго китайцами Тангло, а японцами Тамуро, и сдѣлать гидрографическое описаніе Корейскаго пролива, между двумя морями Китайскимъ и Японскимъ. Десять лѣтъ спустя, другой мореплаватель, Броутонъ, обогнулъ полуостровъ на югѣ черезъ проливъ, который носитъ его имя, между Кореей и двойнымъ островомъ Цу-сима, и обслѣдовалъ нѣкоторые пункты восточнаго берега. Впослѣдствіи Крузенштернъ, проходя на сѣверѣ отъ острова Кіусіу, черезъ проливъ, названный его именемъ, прибавилъ нѣкоторыя подробности къ чертежу морскихъ береговъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія Максвель и Василій Галь возобновили дѣло гидрографическаго изслѣдованія, и съ этой эпохи многіе военные корабли, англійскіе, французскіе, американскіе, русскіе, произвели детальную съемку различныхъ частей морскаго прибрежья. Въ 1869 г. итальянскій фрегатъ «Vitorio Pisani» также обслѣдовалъ разные пункты корейскаго берега. Наконецъ, двѣ военныя экспедиціи, одна французская, другая американская, имѣли по крайней мѣрѣ тотъ практическій результатъ, что доставили съемку береговъ лимана и рѣчнаго устья, которые ведутъ къ столицѣ королевства. Въ настоящее время наиболѣе усердно занимаются изученіемъ береговъ Кореи японскіе моряки. Они уже въ большой части измѣрили и опредѣлили глубину тысячи каналовъ архипелага, островки и опасныя подводныя скалы, котораго усѣяли море, и который на старинныхъ китайскихъ, японскихъ и европейскихъ картахъ и въ описаніяхъ изображался, да и теперь изображается принадлежащимъ къ твердой землѣ острова.

Показанія, относящіяся къ величинѣ поверхности Кореи, весьма разнорѣчивы. По исчисленію «Petermans Geogr. Mittheilung», 1883 г., площадь полуострова съ островами равна 3.962,6 географическихъ миль или 218.142 квадр. километрамъ. По послѣднему изданію «Almanach de Gotha», она исчисляется 218.650 кв. километровъ, тогда какъ извѣстное справочное изданіе «Statesman's year book» 1895 года опредѣляетъ площадь въ 3.765,4 географическихъ квадр. миль. Подобная рѣзкая разница объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Кореѣ весьма трудно опредѣлить правильное положеніе береговой линіи и до сего времени нѣтъ ни одной карты, которая бы совершенно точно опредѣляла границу моря и суши. Это особенно относится къ югу полуострова, еще болѣе къ его западному побережью и многочисленнымъ островамъ. Громадность приливовъ и отливовъ въ связи съ отлогостью морскаго дна являются причиной неизслѣдованности береговъ*.

Нельзя сказать, что внутренность полуострова совершенно неизвѣстна, такъ какъ уже съ морскаго берега можно разглядѣть ея горы, различить ея долины и равнины, при томъ же карта Кореи, составленная д'Анвилемъ и воспроизведенная почти всѣми другими географами, основана на довольно точныхъ документахъ корейскаго происхожденія. Конечно, и направленіе горныхъ цѣпей, ходъ теченія рѣкъ, мѣсто городовъ показаны безъ строгой точности, но и до настоящей минуты еще ни одинъ изслѣдователь, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не провѣрялъ и не исправлялъ предъидущихъ работъ по описанію этой страны. Въ 1653 году голландскій писатель Гамель, потерпѣвъ крушеніе у береговъ острова Квельпарта, съ тридцатью пятью спутниками, былъ отведенъ плѣнными до самой столицы, и въ продолженіе 13-лѣтняго невольнаго пребыванія въ краѣ могъ изучить нравы и обычаи корейцевъ, но, какъ простой плѣнникъ, онъ не имѣлъ возможности ознакомиться съ страной съ географической точки зрѣнія, и при томъ пройденный имъ путь идетъ вдоль западнаго берега, не проникая во внутренность земель. Христіанскіе миссіонеры, которые съ 1835 года одни за другими посѣщали Корею для проповѣдыванія ея жителямъ слова Божія, исходили почти всю западную покатость полуострова, пробираясь туда—одни сухимъ путемъ съ границъ Маньчжуріи, другіе моремъ съ береговъ Шаньдуна; но жизнь скрывающихся бѣглецовъ, которую они принуждены были вести, не позволяла имъ дѣлать много точныхъ наблюденій надъ краемъ. Большинство ихъ могли путешествовать только въ почное время, или должны были нарочно выбирать самыя трудныя, наименѣе посѣщаемыя дороги, должны были вязнуть въ болотахъ, продираться сквозь лѣсныя чащи, питаясь травами и корнями. Однако, именно этимъ отважнымъ миссіонерамъ, изъ которыхъ многіе поплатились жизнью за свое рвеніе къ распространенію Христовой вѣры, наука обязана наиболѣе полнымъ собраніемъ свѣдѣній по географіи страны «Утренней ясности» [1]).

[1]) Dallet, „Histoire de l'Eglise de Corée".

Еще болѣе точныя и полныя свѣдѣнія о странѣ стали проникать въ европейскую литературу послѣ того, какъ страна согласилась открыть для иностранной торговли нѣкоторые изъ своихъ портовъ и заключила договоры съ иностранными государствами. Послѣднія обстоятельства доставили доступъ въ страну многимъ европейцамъ, которые уже по своему служебному положенію нерѣдко бывали обязаны изучать страну. И дѣйствительно, самыя цѣнныя свѣдѣнія о Кореѣ за послѣднее время принадлежатъ оффиціальнымъ консуламъ и чиновникамъ англійскаго правительства, Карлесу, Гриффису, Готше, Бишопъ и др.

Простой прибавокъ или выступъ китайской покатости азіатскаго континента и въ то же время земля, близкая къ Японіи, Корея, естественно, не могла не сдѣлаться предметомъ спора между двумя державами, къ которымъ она прилегаетъ. Служа постоянно яблокомъ раздора между этими государствами, она-то и явилась главной причиной Японско-Китайской войны. До соединенія корейскихъ княжествъ въ одно королевство, полуостровъ заключалъ нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, границы которыхъ часто мѣнялись. Это были: на сѣверѣ, Гаогуйли (Гаоли) или Корея въ собственномъ смыслѣ; въ центрѣ Чаосянь и «семьдесятъ восемь» королевствъ китайскаго основанія, которымъ вообще давали китайско-японское названіе Санъ-канъ (Санъ-хань) или «Три Хань» [1]); на югѣ, княжество, извѣстное у китайцевъ подъ именемъ Синло, а у японцевъ подъ именемъ Спраги, далѣе государство Петси или Гіаксай, называемое Кударой восточными островитянами; кромѣ того, маленькое государство Кара, Зинна или Мимана образовалось на юго-востокѣ полуострова, вокругъ залива Фузанъ. Сѣверныя территоріи, лежащія въ сосѣдствѣ съ Китаемъ, необходимо должны были тяготѣть къ цвѣтущему царству, императоры котораго неоднократно вмѣшивались во внутреннія дѣла полуострова. Съ своей стороны, южные корейцы, извѣстные въ исторіи подъ японскимъ прозвищемъ Кмасо или «Стада медвѣдей», долгое время находились подъ владычествомъ Японіи; иногда они дѣлали частые набѣги на острова Кіусіу и Хондо и даже поселялись тамъ на жительство. Первое завоеваніе Кореи было совершено въ третьемъ столѣтіи арміями правительницы Японіи Зингу. Около конца шестаго вѣка знаменитый японскій диктаторъ, котораго обыкновенно означаютъ прозвищемъ Тайко-сама, и который, начавъ свое поприще разбойничаньемъ на большой дорогѣ, кончилъ тѣмъ, что подчинилъ своей власти все феодальное дворянство Японіи, возъимѣлъ смѣлую мысль завоевать Срединное царство. Будучи почитателемъ Португальскаго королевства, которое, несмотря на крохотные размѣры своей территоріи, успѣло присоединить къ своимъ владѣніямъ обширную Индійскую имперію, онъ рѣшился не оставаться позади маленькаго короля Запада по грандіозности завоевательныхъ предпріятій. Такъ какъ попытка его вовлечь въ свой союзъ противъ Китая государя Кореи не увѣнчалась успѣхомъ, то онъ долженъ былъ начать осуществленіе своего плана завоеваніемъ полуострова, которому онъ и объявилъ войну, подъ предлогомъ старинныхъ правъ Японіи на страну «Медвѣдей» (Кмасо); онъ опустошилъ провинціи этого государства, принудилъ короля признать себя его данникомъ, и, не смотря на то, что былъ разбитъ пришедшими на помощь китайцами; уходя въ Японію, оставилъ постоянный гарнизонъ въ Фузанъ-по на корейской территоріи. Слѣдовавшая затѣмъ новая экспедиція также была побѣдоносна и хотя она была прервана смертью самого Тайко-самы, но островъ Цу-сима остался окончательно въ рукахъ японцевъ, и съ этой эпохи до половины настоящаго столѣтія, Корея, какъ вассалка Ниппона, не переставала посылать регулярно каждый годъ, черезъ посредство князя Цу-симы, изъявленіе своего леннаго подданства и свои дары. По свидѣтельству христіанскихъ миссіонеровъ, которое, впрочемъ, можетъ быть есть не болѣе, какъ воспроизведеніе какой-нибудь древней легенды, но которое не подтверждается японскими лѣтописями [1]), первоначально часть ежегодной дани, платимой корейцами Японіи, составляли тридцать человѣческихъ кожъ [2]); впослѣдствіи онѣ были замѣнены посылками серебра, риса, холста и лекарственныхъ растеній.

Что касается отношеній страны «Утренняго блеска» къ Китаю, то они были самыя дружественныя, благодаря поддержкѣ, которую династія Миновъ оказывала царствующей династіи Кореи въ ея побѣдоносной борьбѣ противъ другихъ государствъ полуострова и въ ея сопротивленіи противъ Японіи. Поклонники китайской цивилизаціи, корейскіе короли считали для себя за честь получать инвеституру отъ «Сына Неба». Но въ эпоху завоеванія Срединнаго царства маньчжурами, Корея осталась вѣрна дѣлу Миновъ, и новые властители имперіи должны были предпринять походъ, чтобы силой заставить государя полуострова признать ихъ верховную власть. Въ 1637 году они опустошили сѣверныя провинціи Кореи и продиктовали условія мира, которыми побѣжденное королевство обязывалось платить каждый годъ пекинскому двору дань, состоящую изъ 100 унцій золота, 1.000 унцій серебра, а также изъ опредѣленнаго количества произведеній естествен-

[1]) Matouanlin, d'Hervey de Saint Denys, цитированное сочиненіе; Pfizmaier, „Nachrichten von alten Bewohnern des heutigen Corea".

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Imbert, „Annales de la propagation de la Foi"; мартъ 1841 г.

ныхъ, промышленныхъ и художественныхъ, мѣховъ и лекарственныхъ корней, тканей всякаго рода, циновокъ, вышитыхъ и разрисованныхъ; посольство, привозящее эту ежегодную дань, получало въ обмѣнъ императорскій календарь. Корейскій король даже прямо называлъ себя «подданнымъ» богдохана; но, несмотря на это названіе, китайское правительство далеко не пользовалось реальнымъ правомъ верховной власти надъ корейской территоріей [1]). По закону, ни одинъ выходецъ Срединнаго царства не могъ поселиться въ предѣлахъ Чао-сяна; даже посланники пекинскаго двора, при въѣздѣ въ столицу Кореи, должны были оставлять свою свиту за городомъ, и во время пребыванія ихъ въ сеульскомъ дворцѣ они походили скорѣе на почетныхъ плѣнниковъ, чѣмъ на представителей государя, верховнаго повелителя страны [2]). Такимъ образомъ, несмотря на свою двойную вассальную зависимость въ продолженіе періода, обнимавшаго болѣе двухъ столѣтій, Корея, такъ сказать, равно побуждаемая двумя сосѣдними имперіями, какъ двумя силами, дѣйствующими въ противоположномъ направленіи, оставалась совершенно самостоятельной, автономной страной; но стараясь держаться въ сторонѣ, такъ, чтобы другіе забыли о ея существованіи, она не имѣла до послѣдняго времени никакой политической важности, не играла никакой роли въ исторіи Азіи; можно было сказать, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ обширный и богатый полуостровъ, земля представляетъ пустое пространство.

Третья имперія, сдѣлавшаяся сосѣдкой Кореи, тоже вмѣшивается, въ свою очередь, и даетъ чувствовать свое могущество. Уже не разъ были поводы предполагать, что Петербургское правительство сдѣлаетъ распоряженіе о занятіи какого-нибудь порта на полуостровѣ «Утренняго блеска». Нѣтъ сомнѣнія, что какъ съ торговой, такъ и съ стратегической точки зрѣнія Россіи было бы чрезвычайно выгодно владѣть на южномъ берегу Кореи, этой Италіи азіатскаго Востока, какой-нибудь хорошо защищенной отъ вѣтровъ гаванью, доступной судамъ въ теченіе всей зимы, въ то время, какъ рейдъ Владивостока бываетъ запертъ льдами. Обладаніе такимъ портомъ на корейскомъ побережьѣ, который наблюдалъ бы одновременно за двумя морями, Китайскимъ и Японскимъ, и командовалъ бы проливами, весьма важно и желательно для Россіи; однако, преслѣдуя цѣли общаго миролюбія, Россія не только не пытается этого достигнуть, но напротивъ употребляетъ со своей стороны всѣ усилія, чтобы только сохранить независимость и цѣлость корейскаго владѣнія. Англійскіе моряки тоже часто предлагали своему правительству овладѣть островомъ Квельпартъ, чтобы имѣть точку опоры, откуда можно бы было господствовать надъ проливами морей Желтаго и Японскаго, и вѣроятно это было бы исполнено, если бы въ водахъ, окружающихъ островъ, была удобная гавань [1]). Въ настоящее время изъ трехъ окружающихъ государствъ починъ въ пріобрѣтеніи вліянія на судьбы корейскаго народа принадлежитъ Японіи, которая добилась уступки себѣ торговыхъ пристаней на морскомъ прибережьѣ и служитъ главнымъ посредникомъ между полуостровитянами и внѣшнимъ міромъ.

Китайскія и японскія книги даютъ лишь несвязную и смутную картину королевства Чаосянь, а корейское правительство старается поддерживать мракъ неизвѣстности и совершенное молчаніе относительно его собственной страны. Существующія краткія изложенія отечественной исторіи суть не что иное, какъ собранія анекдотовъ, истинныхъ или вымышленныхъ, которые ученый постыдился бы цитировать [2]). Да и эти анекдотическія сочиненія касаются лишь древней исторіи Кореи, ибо строго воспрещено публиковать или хотя бы только составлять какія бы то ни было записки, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ и упоминающія имена государей царствующей династіи. Тѣмъ не менѣе, у большой части дворянскихъ фамилій существуетъ обычай отмѣчать важнѣйшіе современные факты въ секретныхъ записныхъ книгахъ, но при этомъ остерегаются высказывать хотя бы малѣйшее сужденіе о дѣйствіяхъ министровъ или даже мелкихъ правительственныхъ агентовъ, такъ какъ всякому хорошо извѣстно, что за одно неосторожное слово можно поплатиться жизнью. Географическіе документы еще болѣе рѣдки, чѣмъ историческія сочиненія и матеріалы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ безобразный эскизъ, который былъ доставленъ посланникамъ китайскаго императора Канъ-си, просившаго своего вассала прислать ему карту территоріи: очевидно, у корейцевъ во всѣ времена было обыкновеніе держать иностранцевъ въ полномъ невѣдѣніи относительно ихъ отечества. А между тѣмъ мало найдется странъ, знакомство съ которыми представляло бы болѣе интереса, горы которыхъ имѣли бы болѣе величественный видъ, долины были бы болѣе живописны, а произведенія болѣе разнообразны.

По описанію Далле, главная горная цѣпь Кореи отдѣляется отъ Чанъ-бо-шаня въ массивѣ Пай-ку-сань или «Горѣ съ бѣлой главой»,

[1]) „Путешествіе Козлина“, въ перев. Шерцера, „Recueil d'itinéraires et de voyages dans l'Asie centrale et dans l'Extrême Orient“.

[2]) На самомъ дѣлѣ этотъ законъ едва-ли былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ Кореѣ всегда было довольно много китайцевъ. Прим. ред.

[1]) Въ 80-хъ годахъ англичане заняли островъ Комынъ-до или Гамильтонъ, на югѣ полуострова.

[2]) Dallet, „Histoire de l'Eglise de Corée“.

и образуетъ раздѣльную линію между водами, текущими на сѣверо-востокъ въ рѣку Тумень-ула, и водами, спускающимися на юго-западъ къ рѣкѣ Ялу-цзянъ. Многія вершины, возвышающіяся надъ хребтомъ, означаются, съ различными варіантами, именемъ Пай-ку-сань, такъ что вся цѣпь, отъ границъ Маньчжуріи до Броутонова залива, могла бы носить это наименованіе, смыслъ котораго—«Бѣлая гора» [1]). Слѣдовательно, въ этой области Кореи горы достигаютъ весьма значительной высоты; здѣсь, вѣроятно, находятся самыя высокія вершины полуострова, но большинство ихъ еще не было посѣщено путешественниками, и потому измѣренія высоты имѣютъ нѣкоторую достовѣрность только для горъ морскаго прибрежья, видимыхъ съ открытаго моря. Гора Гіенъ-фунъ, (Сань-фынъ) пирамидальная масса которой видна въ небольшомъ разстояніи отъ берега, на сѣверѣ отъ Броутонова залива, имѣетъ болѣе 2.470 метровъ высоты; кромѣ того, многія другія вершины достигаютъ 2.000 метровъ.

Единогласное свидѣтельство первыхъ христіанскихъ миссіонеровъ и позднѣйшихъ путешественниковъ не позволяетъ сомнѣваться въ гористомъ характерѣ внутренней части Кореи. Во всѣхъ областяхъ полуострова, куда ни посмотришь, вездѣ увидишь только горы, либо голыя, лишенныя растительности, либо покрытыя густымъ, непроходимыми лѣсами, ограничивающія небосклонъ своими вершинами, обрисовывающимися въ формѣ куполовъ, башенъ, конусовъ или шпицевъ; вездѣ долины узки и сообщаются посредствомъ дикихъ ущелій, равнины, да и то небольшихъ размѣровъ, встрѣчаются только въ сосѣдствѣ морскихъ береговъ и преимущественно на западномъ побережьѣ полуострова. Въ цѣломъ, рельефъ полуострова образуетъ наклонную плоскость, вершина которой находится довольно близко отъ восточнаго берега: съ этой стороны паденіе быстрое, поверхность круто понижается къ Японскому морю, и воды, омывающія крутизны прибрежья, глубоки; берегъ, правильный, едва зазубренный, развертывается въ видѣ длинной выпуклой кривой, отъ Броутонова залива до южной оконечности Кореи. Покатость, обращенная къ Желтому морю, имѣетъ гораздо болѣе пологій скатъ, чѣмъ восточная, она постепенно понижается къ неглубокому морю, и неопредѣленная линія морскихъ береговъ окаймлена бахрамой изъ полуострововъ и острововъ, очертанія которыхъ измѣняются при малѣйшемъ колебаніи уровня водъ. Насколько можно судить по имѣющимся детальнымъ свѣдѣніямъ, лабиринтъ корейскихъ горъ происходитъ отъ пересѣченія меридіональной цѣпи, идущей вдоль восточнаго прибрежья, и поперечныхъ хребтовъ, принадлежащихъ къ китайской системѣ возвышенностей; самая форма изсѣченій западнаго берега, повидимому, указываетъ на то, что выступы или возвышенія земной поверхности слѣдуютъ въ Кореѣ тому же самому направленію, какъ и на сосѣднемъ континентѣ. Длинная гористая коса далеко выдается въ Желтое море, какъ-бы для того, чтобы идти на соединеніе съ полуостровомъ Шань-дунь, ограничивая Чжилійскій заливъ: точно также юго-западная оконечность выдвинулась въ Желтое море, предшествуемая цѣлымъ архипелагомъ островковъ, и образуетъ выступъ, соотвѣтствующій полуострову Нинъ бо и островамъ Чжу-санъ, на китайскомъ берегу. По крайней мѣрѣ два изъ корейскихъ хребтовъ несомнѣнно имѣютъ то же направленіе, какъ горныя цѣпи и террасы сосѣдняго материка, и тянутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно цѣпямъ и террасамъ Маньчжуріи, Монголіи, Чжи - ли, Шань - си: одинъ изъ этихъ хребтовъ, составляющій по ту сторону Желтаго моря продолженіе горъ полуострова Шань-дунь, тянется вдоль восточнаго берега до залива Посьета; другой начинается у крайняго мыса южной Кореи и сливается съ восточными горами около выпуклости морскаго прибрежья, надъ которою господствуетъ вершина Цянъ-сань, называемая русскими моряками «Горой Попова». Островки, принадлежащіе къ этому послѣднему хребту, очень высоки: многіе изъ нихъ—холмы или, вѣрнѣе, горы съ обрывистыми скатами, поднимающіяся на 500, даже на 600 и 640 метровъ надъ уровнемъ моря. Островъ Квельпортъ, изъ котораго корейское правительство сдѣлало мѣсто ссылки, также образуетъ маленькую горную цѣпь, ориентированную по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и примѣтную издалека по бѣлѣющимъ скаламъ горы Аула или Ханка-сань, называемой англійскими моряками горой Ауклендъ, которая поднимается на 2.029 метровъ надъ уровнемъ моря. Нѣкоторые изъ острововъ морскаго прибрежья, очевидно, вулканическаго происхожденія: такъ, островъ Уллынъ-бо, который носитъ также японское имя Мацу-симы и европейское наименованіе Дажелетъ, имѣетъ форму конуса, вершина котораго поднимается слишкомъ на 1.200 метровъ надъ поверхностью воды, тогда какъ откосы его погружаются въ море глубиною болѣе 700 метровъ. По словамъ корейской легенды, растенія, животныя и люди этого затерянаго среди моря острова всѣ отличаются исполинскими размѣрами. Въ эти-же области моря Матуанлинъ помѣщалъ «Царство женщинъ» и «Царство двуличныхъ людей» [1]). Сеульское правительство не позволяло своимъ подданнымъ ѣздить на этотъ островъ; однако,

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

смѣлые колонисты не убоялись поселиться въ запретной землѣ и приняться за воздѣлываніе ея долинъ, рискуя встрѣтить тамъ страшныхъ гигантовъ [1]). Лѣса этого острова доставили японцамъ большую часть дерева, которое послужило имъ матеріаломъ для постройки домовъ Гензана, на корейскомъ прибрежьѣ.

*Въ отношеніи горныхъ богатствъ Корейскаго полуострова мнѣнія различныхъ спеціалистовъ весьма расходятся, тѣмъ не менѣе большинство мнѣній сводятся къ тому, что въ странѣ находятся довольно большія богатства, которыя при правильной эксплоатаціи ихъ могли бы приносить большіе доходы этому обѣднѣвшему государству.

Золото въ странѣ встрѣчается весьма часто и преимущественно въ сѣверныхъ частяхъ. Одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей сѣверной Кореи, Лубенцовъ, на основаніи многихъ пріисковъ, видѣнныхъ имъ въ департаментахъ Хамъ-хынъ, Пхіёнъ-янъ и Ы-чжу утверждаетъ, что долины нѣкоторыхъ ручьевъ и рѣчекъ представляютъ настоящее золотое дно. Изъ своихъ наблюденій путешественникъ вывелъ заключеніе, что золотоносные пески являются не спорадически, а представляютъ сплошныя отложенія. Имъ встрѣчено въ двухъ сѣверныхъ провинціяхъ страны 35 разработываемыхъ пріисковъ.

Менѣе богата золотомъ средняя и южная Корея, но и здѣсь встрѣчаются уже давно эксплоатированныя розсыпи, привлекающія вниманіе японцевъ, которые, подъ залогъ одного изъ рудниковъ въ Рп-ціенѣ, даже предложили основать въ Чемульпо банкъ и монетный дворъ. Богатыя золотыя розсыпи обнаружены, по словамъ Бишопъ, въ 50 миляхъ отъ Фузана. До послѣдняго времени однако Корейское правительство стѣсняетъ разработку золота для иностранныхъ компаній.

Единственное исключеніе было сдѣлано для русскаго золотопромышленника Нищинскаго, который получилъ право добывать золото во всей сѣверной Кореѣ, но условія этой концессіи не достаточно выгодны для предпринимателя, почему къ разработкѣ еще до сихъ поръ не приступлено. Болѣе выгодныя условія успѣла выхлопотать себѣ американская компанія инженера Морса, которой Корейское правительство отвело площадь въ 25 квад. миль къ сѣверу отъ Пхіёнъ-яна и разработку которыхъ видѣла Бишопъ. Чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о запасахъ золота въ странѣ, достаточно упомянуть, что съ 1886 по 1896 годъ изъ открытыхъ для иностранцевъ портовъ было вывезено металла на 11.815.431 дол., т. е. въ среднемъ около 1.074.110 дол. въ годъ Принимая во вниманіе, что здѣсь показанъ лишь прошедшій черезъ таможню металлъ, а большинство вывозится контрабандой, приходится придти къ заключенію, что вывозка его достигаетъ до 4.000.000 долларовъ. Лубенцовъ полагаетъ, что количество добываемаго золота для одного только Гензана должно быть не менѣе $5^1/_2$ милліон. дол.

Серебромъ богаты горы въ окрестностяхъ Сеула и сѣверная часть страны, гдѣ оно добывается около Анг-чжю, Кай-чхэнъ, Чжанъ-чжинъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ виду малой цѣнности и сравнительной трудности разработки, серебро не такъ привлекаетъ промышленниковъ. Оно употребляется лишь внутри страны на подѣлки, если же и вывозится, то только на сѣверной границѣ для Китая.

Желѣзныя руды встрѣчаются во многихъ мѣстахъ страны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ залежи ихъ расположены вблизи самаго моря, такъ это встрѣчается въ провинціи Кіонъ-сандо или около Киль-чжу. Корейцы довольно искусны въ обработкѣ чугуна, и всѣ желѣзныя вещи для домашняго обихода приготовляются въ странѣ кустарнымъ способомъ въ небольшихъ печахъ съ поддувалами.

Мѣдь добывается во многихъ мѣстностяхъ сѣверной Кореи около Киль-чжу, гдѣ даже былъ устроенъ особый монетный дворъ для отливки мѣдныхъ кэшей, служившихъ до послѣдняго времени единственной корейской монетой.

Обращаясь къ такому роду минеральныхъ богатствъ, какъ каменный уголь, слѣдуетъ сказать, что присутствіе каменнаго угля обнаружено въ Кореѣ во многихъ мѣстахъ, но въ большинствѣ случаевъ это мелкій спекающійся и бурый уголь, который разработывается самими корейцами вездѣ, гдѣ онъ появляется на поверхности земли. Болѣе хорошій уголь въ настоящее время извѣстенъ въ окрестностяхъ Фузана и главнымъ образомъ около Пхіёнъ-яна, гдѣ онъ разрабатывался въ 1885 году для правительства.

Кромѣ вышеперечисленныхъ главнѣйшихъ минеральныхъ породъ страны въ ней встрѣчаются: каменная соль, ртуть, олово, свинецъ и сѣра. Есть указанія и на то, что на полуостровѣ была находима нефть.

Большинство этихъ богатствъ если и эксплоатируется, то самымъ первобытнымъ способомъ, и задачею японцевъ въ періодъ временнаго правленія ихъ страною являлось желаніе оживить этого рода промышленность. Вмѣстѣ съ тѣмъ они старались забрать въ свои руки всѣ лучшія рудники и мѣсторожденія горныхъ богатствъ страны. Вмѣстѣ съ японцами въ страну явились авантюристы другихъ національностей и подъ защитой своихъ консульскихъ флаговъ назойливо требовали концессій, отказать въ которыхъ король не имѣлъ ни силъ, ни мужества. Только въ началѣ 1898 года онъ вновь заявилъ, что впредь въ Кореѣ не будетъ выдаваемо никакихъ концессій иностранцамъ.

[1]) Ernest Oppert, „The Forbidden Land".

Флора Корейскаго полуострова по своему составу имѣетъ большое сходство на сѣверѣ съ флорой Маньчжуріи, на югѣ отчасти приближается къ флорѣ Японскихъ острововъ, а отчасти, особенно на островахъ у юго-западнаго прибрежья, имѣетъ много общаго и съ растительностью сѣверо-восточнаго Шань-дуна. «Лежа какъ разъ противъ Японіи», пишетъ извѣстный ботаникъ академикъ Максимовичъ, «пользуясь благорастворенымъ климатомъ послѣдней, Корея должна имѣть много общаго и въ флорѣ». Тѣ немногія данныя, которыя извѣстны, подтверждаютъ слова этого знатока восточно-азіатскихъ растеній и въ особенности по отношенію къ южной части страны.

Кратковременность вегетаціоннаго періода конечно является главною причиною существующаго различія флоръ японской и корейской. Такъ, въ Кореѣ уже не встрѣчаются японскія низкорослыя пальмы и многочисленныя въ Японіи породы вѣчнозеленыхъ деревьевъ, а бамбукъ, рѣдкій на полуостровѣ, не заходитъ сѣвернѣе 35°45′ с. ш. Сѣверныя породы деревьевъ изъ Маньчжуріи проникаютъ на югъ значительно болѣе и особенно далеко заходятъ вдоль восточнаго прибрежья.

Въ настоящее время лѣса близъ большихъ населенныхъ пунктовъ почти истреблены и въ средней и южной части полуострова сохранились лишь какъ украшенія храмовъ и гробницъ или же благодаря своей недоступности. Въ сѣверной Кореѣ лѣса также довольно рѣдки на прибережьѣ, внутри же всѣ горные хребты и ихъ отроги густо заросли лѣсомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ какъ по виду, такъ и по составу настоящую маньчжурскую тайгу. Этотъ характеръ Маньчжурской флоры сохраняется вполнѣ даже около Гензана, а уже около Сеула въ составъ лѣсовъ входятъ растенія, свойственныя болѣе теплому поясу. Здѣсь уже произрастаетъ каштанъ, хлопчатникъ, бумажное дерево, Rhus vernicefera и Rhus succedanea. Попадаются китайскіе дубы, а еще южнѣе около Фузана ростутъ на открытомъ воздухѣ гранаты, камеліи, каки и даже померанцы.

Одинъ изъ послѣднихъ путешественниковъ по Кореѣ, г-жа Bichop такими словами рисуетъ картину растительности въ средней части теченія рѣки Хань. «Въ противоположность оголеннымъ скатамъ холмовъ между Чемульпо и Сеуломъ, недоступные склоны высотъ, расположенныхъ вдоль дороги, покрыты отдѣльными деревьями и во многихъ мѣстахъ даже цѣлыми лѣсами хвойныхъ и лиственныхъ породъ, среди которыхъ чаще всего попадаются живописныя группы зонтикообразныхъ сосенъ (Pinus sinensis и Abies microsperma). Нѣсколько породъ кленовъ и дубовъ, можжевельникъ, орѣшникъ, ясень, даурская береза и рябина перемѣшиваются съ болѣе южными породами, представителями которыхъ здѣсь являются Sophora japonica, Platanus, Evonymus alatus, Thuja orientalis и многіе другія. Красивые развѣсистые кусты разрѣзнолистственныхъ Acanthopanax recinifolia, тутовая шелковица, грецкій орѣхъ и довольно рѣдкая Zelkowia указываютъ на близкое родство корейской и японской флоръ. Геліотропъ, гвоздика и алыя азаліи были въ полномъ цвѣту и украшали склоны холмовъ; бѣлые и сѣрно-желтые цвѣты ломоносовъ, вьющаяся зелень Actinidia смѣняются прелестнымъ Ampelopsis Weitchii, который покрываетъ утесы своею изящною свѣжею зеленью; вьющіяся красныя и бѣлыя розы охватываютъ стволы даже высокихъ деревьевъ, взбираются на вершины ихъ и спускаются надъ тропинкой красивыми фестонами душистыхъ цвѣтовъ» [1]).

Полезныхъ растеній въ корейской флорѣ Готье насчитываетъ болѣе 60 видовъ. Изъ злаковъ рисъ, много видовъ проса, ячмень, пшеница, гречиха. Особенно важны рисъ и просо, составляющіе главную пищу населенія. Слѣдуетъ упомянуть также и о бобахъ, кукурузѣ, а на сѣверѣ и о картофелѣ. Арбузы, тыквы, огурцы, рѣдька и рѣдиска служатъ пищею простолюдина.

Ткани выдѣлываются изъ хлопчатника и крапивы и окрашиваются въ краски, добываемыя также изъ мѣстныхъ растеній. Красная добывается изъ Conthamus tinctorius, синяя изъ Polygonum tinctorium и фіолетовая изъ Lithospermum erythrorhizon. Изъ сѣмянъ клещевицы, крапивы, сесама и горчицы выдѣлываются масла, а изъ дерева Broussonetia papyrifera—прекрасная бумага [2]).

Почти весь строевой лѣсъ, употребляемый въ Чжи-ли и Шань-дунѣ, вывозится изъ сѣверной Кореи. Лѣсныя богатства страны обратили вниманіе нѣкоторыхъ коммерсантовъ, и послѣдніе неоднократно обращались къ корейскому правительству съ просьбой разрѣшить разработку и вывозку лѣса. Въ концѣ 1896 г. одну такую концессію получилъ владивостокскій купецъ Бринеръ, которому разрѣшена разработка лѣсовъ по долинамъ р.р. Ялу-цзянъ и Тумень-улы и на островѣ Дажелетъ*.

Дикая фауна полуострова заключаетъ, между прочимъ, медвѣдей, лисицъ, кабановъ, тигровъ и барсовъ: звѣриныя шкуры принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ предметовъ корейской торговли. Въ нѣкоторыхъ округахъ тигры нападаютъ на туземцевъ даже въ ихъ селеніяхъ; они бродятъ вокругъ домовъ и иногда вскакиваютъ на соломенныя крыши, разносятъ ихъ и такимъ образомъ пробираются къ добычѣ. Сезонъ охоты на этого хищника начинается зимой; когда снѣгъ на половину подмерзнетъ, онъ достаточно крѣпокъ, чтобы сдерживать че-

[1]) Bichop. „Korea & Her Neighbourg“ 1848 г. Лондонъ.
[2]) Готше.

ловѣка, но проваливается подъ тяжелыми лапами тигра; въ то время, когда звѣрь тщетно старается высвободиться изъ вязкаго снѣга, охотникъ быстро бросается на него, чтобы пронзить его копьемъ или кинжаломъ. Корейскія лошади, привозимыя преимущественно съ острова Квельпартъ, очень малорослы, какъ шотландскія пони, но быки, которыхъ здѣсь употребляютъ для ѣзды, сильныя животныя. Свиньи и собаки очень многочисленны, но послѣднихъ не утилизируютъ ни для охоты, ни для оберегания домовъ или стадъ: до крайности боязливыя, корейскія собаки служатъ только къ тому, чтобы снабжать рынки бойнымъ мясомъ. Тогда какъ въ Китаѣ собачье мясо только въ исключительныхъ случаяхъ входитъ въ число предметовъ общественнаго питанія, въ Кореѣ оно для всѣхъ жителей составляетъ одно изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ [1]). Моря, омывающія берега полуострова, чрезвычайно богаты животной жизнью, и въ этихъ водахъ ловятъ, между прочимъ, одну породу ската, кожа котораго, подъ именемъ galuchat (шагренъ изъ рыбьей кожи), употребляется на выдѣлку ноженъ [2]). Кромѣ всевозможной мелкой рыбы, которою такъ богаты воды восточно-азіатскаго побережья, около Кореи ловится масса лососей, трески, селедки и камбалы; не менѣе богаты воды, омывающія Корею, и китами, дельфинами и ракообразными. Изъ послѣднихъ крабы особенно изобильны и въ сушономъ видѣ являются даже предметомъ вывоза. Занятіе рыболовствомъ весьма доходно и очень распространено не только у мѣстныхъ жителей, но и у японцевъ, которые арендуютъ мѣста около Квельпарта и Фузана. Въ 1896 г. въ корейскихъ водахъ ловило рыбу 859 японцевъ судохозяевъ* [3]).

Хотя и омываемая водами моря, Корея, однако, имѣетъ такой же континентальный климатъ, какъ Китай и Маньчжурія, причину чего слѣдуетъ искать въ незначительной глубинѣ Желтаго моря и Чжилійскаго залива; такъ какъ эти внутреннія воды быстро нагрѣваются или охлаждаются, смотря по времени года, то онѣ, понятно, могутъ оказывать лишь весьма слабое вліяніе въ смыслѣ регулированія годоваго климата. Какъ и въ континентальной Азіи, кривая изотермъ, соотвѣтствующихъ изотермамъ Европы, проходитъ въ Кореѣ нѣсколькими градусами южнѣе тѣхъ широтъ, которыя она пересѣкаетъ на берегахъ Атлантическаго океана: чтобы отыскать среднюю годовую температуру Франціи, нужно спуститься на южную оконечность полуострова, на такое же разстояніе отъ экватора, въ какомъ находятся Гибралтаръ и Мавританія. Не только климатъ Кореи, въ среднемъ выводѣ, холоднѣе климата Европы, но, главное, онъ гораздо болѣе неравномѣренъ, отличаясь крайностями тепла и холода, потому что холодные сѣверо-западные вѣтры господствуютъ здѣсь зимой, тогда какъ юго-восточные муссоны дуютъ лѣтомъ. Даже въ южныхъ провинціяхъ термометръ опускается зимой на много градусовъ ниже точки замерзанія, а въ центральной Кореѣ бываютъ двадцати-пяти градусные морозы.

Юго-восточный муссонъ, поступая въ область Корейскаго полуострова, приноситъ съ собою много влаги, и вліяніе его сказывается въ томъ, что облачность и количество осадковъ въ Кореѣ за періодъ лѣта несравненно болѣе, чѣмъ въ другія времена года. Вообще же въ Кореѣ количество осадковъ велико непомѣрно, сравнительно съ другими странами на такой же широтѣ. Чѣмъ южнѣе мѣсто на полуостровѣ, тѣмъ ранѣе начинается въ немъ сезонъ дождей или тумановъ. Такъ въ Фузанѣ дожди начинаются много ранѣе сѣвера Кореи и южной Маньчжуріи. По свѣдѣніямъ 1887 и 1889 годовъ, среднее количество осадковъ для Гензана, Фузана и Чемульпо опредѣлялось по такомъ числѣ часовъ:

Гензанъ—туманъ 186, снѣгъ 302, дождь 814, въ томъ числѣ на іюнь и іюль 330; Фузанъ — туманъ 216, снѣгъ 107, дождь 1.552, въ томъ числѣ на іюль 156; Чемульпо—туманъ 5[illegible], снѣгъ 0, дождь 422, въ томъ числѣ на августъ 115*.

Такое огромное количество атмосферныхъ осадковъ дѣлаетъ, что каждая долина гдѣ имѣетъ свою рѣчку, каждая равнина морского прибережья орошается большой рѣкой; но полуостровъ, раздѣленный на двѣ покатости незначительной ширины, недостаточно великъ, чтобы эти потоки могли сдѣлаться судоходными: узкіе, быстрые, загроможденные во многихъ мѣстахъ камнями, они доступны судамъ только въ лиманахъ при ихъ устьяхъ. Значительнѣйшія рѣки текутъ въ самой широкой части территоріи, то-есть при основаніи полуострова; это Ялуцзянъ (Амнокъ-канъ, по-корейски) и Тюменьула (Туманъ-ганъ), которыя служатъ границами Кореи; морскія барки поднимаются по Ялуцзяну на 50 километровъ отъ устья; выше эта рѣка еще судоходна для мелкихъ рѣчныхъ судовъ на пространствѣ около 200 верстъ до Маоэръ-шаня [1]). Морской проливъ поднимается съ большой силой въ потоки западнаго берега: въ Хань или «Сеульской рѣкѣ» онъ, говорятъ, повышаетъ рѣчной уровень болѣе чѣмъ на 10 метровъ [2]), и теченіе почти моментально мѣняетъ направленіе въ противоположное при переходѣ отъ прилива къ отливу. Точно также въ Фузанѣ, на юго-востокѣ полуострова, раз-

[1]) Dallet, цитированное сочиненіе.
[2]) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers la Chine".
[3]) „Korean repository 1848 года".

[1]) Поздѣевъ, „Описаніе Маньчжуріи".
[2]) Экспедиція кораблей „Tardif" и „Deroulède", въ 1866 г.

ность уровней, производимая приливомъ и отливомъ, достигаетъ десятка метровъ [1]).

Народная перепись 1794 года, результаты которой были сообщены миссіонеромъ Давелюи, насчитывала въ Корейскомъ королевствѣ 1.837.325 домовъ и 7.342.361 жит..—3.396.880 мужчинъ и 2.743.481 женщинъ. Болѣе близкія къ нашему времени оффиціальныя статистики народонаселенія даютъ нѣсколько меньшую цифру жителей; такъ по переписи 1897 года въ Кореѣ оказалось 5.198.028 душъ при 133.230 домѣ [2]); но, по единогласному свидѣтельству корейцевъ, это исчисленіе далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ подданные корейскаго короля имѣютъ выгоду скрываться отъ переписи, чтобы избѣгнуть податей и барщинныхъ повинностей. Далле полагалъ, что въ его время число жителей полуострова превышало десять милліоновъ, а Оппертъ опредѣлялъ его въ пятнадцать или шестнадцать милліоновъ душъ, распредѣленныхъ, впрочемъ, весьма неравномѣрно, ибо горпстыя области сѣвера Кореи почти пустынны и безводны, тогда какъ населеніе живетъ скученно въ плодородныхъ областяхъ юга; повсюду, гдѣ почва, хорошо обработанная, производитъ рисъ въ изобилін. Мало провинцій, гдѣ бы не встрѣчались новыя, недавно основанныя селенія, мало мѣстечекъ, гдѣ бы новые дома не прибавлялись къ старымъ постройкамъ, земледѣліе постоянно распространяется все далѣе, захватывая пустующія земли и лѣса, и дикіе звѣри отступаютъ передъ надвигающимися хлѣбопашцами. Даже на сѣверномъ участкѣ восточнаго берега, холодномъ, каменистомъ и безплодномъ, населеніе очень густое; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, деревни соприкасаются одна съ другой, такъ, что образуютъ одинъ сплошной городъ; повсюду, въ сосѣдствѣ морскаго берега, видно большое движеніе судовъ рыболовныхъ и перевозочныхъ [3]). Но если рождаемость въ Кореѣ весьма значительна, то и смертность тоже очень сильна, и въ земледѣльческихъ округахъ, гдѣ питаніе недостаточно, господствуютъ различныя болѣзни, между прочимъ, суито, —то-есть «вода и почва»,—симптомы которой, какъ ихъ описываютъ миссіонеры, походятъ на симптомы миланской проказы. Оспа производитъ въ Кореѣ еще болѣе страшныя опустошенія, чѣмъ въ Китайской имперіи: говорятъ, что болѣе половины дѣтей дѣлаются жертвой этого бича; наконецъ, обычай произведенія искусственныхъ выкидышей, почти общераспространенный въ странѣ, еще болѣе уменьшаетъ естественный приростъ народонаселенія [4]). Въ цѣломъ, климатъ Кореи считается здоровымъ: число достигающихъ столѣтняго возраста довольно значительно, какъ это явствуетъ изъ оффиціальныхъ вѣдомостей о пенсіяхъ, выдаваемыхъ престарѣлымъ людямъ изъ фондовъ государства [1]).

Корейцы ростомъ вообще немного повыше китайцевъ и японцевъ. Сильные, способные къ продолжительному труду, они могли бы считаться превосходными работниками въ портахъ, открытыхъ японской торговлѣ, и въ земледѣльческихъ колоніяхъ русской Маньчжуріи, если бы не ихъ все уничтожающая лѣнь. Что касается господствующаго типа, въ отношеніи формы черепа и лица, то невозможно составить о немъ точное понятіе, читая противорѣчащія одно другому описанія, которыя намъ даютъ путешественники и миссіонеры. Не подлежитъ сомнѣнію, что корейцы представляютъ большое разнообразіе типовъ отъ типа, который обыкновенно означаютъ подъ именемъ монгольскаго, до типовъ европейцевъ и малайцевъ. Одна изъ крайнихъ формъ, типъ континентально-азіатскій, характеризуется широкой головой, выдающимися скулами, косолежащими глазами, маленькимъ носомъ, какъ бы теряющимся въ двойной округлости щекъ, толстыми губами, рѣдкой бородой, мѣднымъ цвѣтомъ кожи. Другая крайность, типъ «островной», самыми чистыми представителями котораго можно признать туземцевъ нѣкоторыхъ острововъ Люцю [2]), отличается удлиненнымъ оваломъ лица, вынуклымъ носомъ, выступающими впередъ рядами зубовъ, которые всегда видны сквозь полуоткрытыя уста, довольно густой бородой, тонкой кожей, матовый цвѣтъ которой приближается къ почти зеленоватому оттѣнку малайцевъ. У большаго числа корейцевъ замѣчаешь свѣтлорусые волосы и голубые глаза; ни въ какой другой странѣ Крайняго востока, исключая развѣ первобытныхъ племенъ Нань-ханя, въ южномъ Китаѣ, не встрѣтишь туземныхъ семействъ, которыя представляли бы тѣ же характеристическія черты. Во многихъ округахъ Кореи можно бы было вообразить себя окруженнымъ европейцами, если бы костюмы и языкъ не напоминали, что находишься на берегахъ Тихаго океана [3]). Ни въ одной части полуострова женщины не уродуютъ себѣ ногъ на китайскій манеръ. Во времена Матуанлина одно изъ племенъ народа Хань имѣло привычку сдавливать голову дѣтямъ въ помощью камня, тогда какъ прибрежныя населенія, находящіяся въ сношеніяхъ съ японцами, заимствовали у послѣднихъ моду татупрованья.

Каково происхожденіе этихъ различныхъ расъ, которыя болѣе или менѣе слились одна съ другой, чтобы образовать нынѣшній корейскій народъ? Клапротъ считаетъ ихъ родствен-

[1]) Гамай, „Exploration“, 31 марта 1881 г.
[2]) „Korean repository“, Vol. V, № 1 1898 г., стр. 29.
[3]) Путешествіе корабля „Паллада“ въ 1854 г. и многіе другіе источники.
[4]) „Annales de la propagation de la Foi“, juillet 1848 г.

[1]) О. Палладій, „Записки Русскаго Географическаго Общества“, апрѣль 1866 г.
[2]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[3]) Ernest Oppert, „The Forbidden Land“.

ными тунгузскимъ племенамъ восточной Сибири [1]); но извѣстно, что китайскій элементъ также очень сильно представленъ въ странѣ, такъ какъ «Три Ханя» (Санъ-хань), которые дали свое имя большой части полуострова, происходили отъ китайцевъ, переселившихся изъ провинцій Чжи-ли и Шань-дунъ, въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ христіанской эры, къ концу царствованія династіи Цинь [2]). Сами туземцы не имѣютъ никакихъ преданій на этотъ счетъ; одни говорятъ, что ихъ предки произошли отъ черной коровы, которая паслась на берегахъ Японскаго моря; но аристократическіе роды претендуютъ на болѣе благородное происхожденіе: гаогуйли, имя которыхъ, видоизмѣненное китайцами и японцами, сдѣлалось теперь названіемъ всего полуострова, утверждаютъ, что прародителемъ ихъ было солнце [3]). Различныя корейскія нарѣчія мало разнятся между собой, изъ чего можно заключить, что этническіе элементы корейской націи давно уже слились въ одну расу.

Идіомъ страны Чяосянь существенно разнится отъ китайскаго, такъ же, какъ и отъ японскаго: это языкъ полисиллабическій и аглютинативный; звука *л* въ немъ нѣтъ, какъ и въ японскомъ; но тогда какъ этотъ послѣдній отличается простой и ясной артикуляціей своихъ шести гласныхъ, корейскій языкъ имѣетъ ихъ не менѣе четырнадцати, которыя почти всѣ двугласныя. Шипящіе звуки и придыханія, которыхъ не существуетъ въ японскомъ языкѣ, встрѣчаются въ большой части корейскихъ словъ; Пуцилло, въ своемъ словарѣ, принужденъ былъ прибѣгать къ неупотребляемымъ сочетаніямъ русскихъ буквъ, чтобы передать приблизительно произношеніе корейскихъ согласныхъ, которое при томъ же всегда глухое и протяжное; кромѣ того, каждая фраза оканчивается гортаннымъ звукомъ, который никто не можетъ воспроизвести, не упражняясь долгое время въ выговорѣ этого языка. Грамматическое строеніе корейскаго языка приближаетъ его къ идіомамъ уральскимъ и тунгузскимъ [4]); онъ представляетъ также одну черту сходства съ баскскимъ нарѣчіемъ, именно ту, что въ немъ мѣняются глагольныя окончанія, сообразно полу и состояніямъ собесѣдниковъ [5]). Корейская письменность, которая имѣетъ за собой, какъ говорятъ, болѣе двадцати столѣтій существованія, заключаетъ въ одно и то же время особыя изображенія для каждой буквы и для каждаго слога, всего немного болѣе 200 знаковъ, болѣе простыхъ, но зато и гораздо менѣе красивыхъ, чѣмъ китайскія литеры; образованные люди гнушаются употреблять эти вульгарныя письмена. До недавняго времени это было почти все, что европейцы знали о корейскомъ языкѣ; существовали лишь маленькіе словари, очень неполные, такъ какъ грамматики и лексиконы, составленные миссіонерами, были сожжены во время преслѣдованій, которымъ подверглись проповѣдники Христовой вѣры. Однако, одинъ изъ священниковъ, избѣгнувшихъ избіенія, успѣлъ собрать матеріалы, необходимые для составленія окончательнаго труда по этому предмету, труда, который позволилъ дать корейскому языку спеціальное мѣсто, которое ему принадлежитъ между языками восточной Азіи [1]). Грамматика языка, составленная по-французски, издана въ Іокогамѣ.

Введеніе множества иностранныхъ словъ, китайскихъ въ сѣверное корейское нарѣчіе, японскихъ въ южное нарѣчіе, породило особые жаргоны, употребляемые въ торговыхъ городахъ. Арго, представляющій смѣсь корейскаго съ японскимъ и которымъ говорятъ въ южныхъ портахъ страны, довольно распространенъ повсюду кромѣ сѣвера. Что касается китайской письменности, то это языкъ цивилизаціи, языкъ, который обязательно знать всякому образованному человѣку; подобно тому, какъ въ средневѣковой Европѣ латынь, языкъ ученыхъ, упорно держался рядомъ съ мѣстнымъ идіомомъ, такъ и въ Кореѣ китайская письменность сохраняется рядомъ съ собственной рѣчью и письменностью страны; но корейцы выговариваютъ китайскія слова такимъ образомъ, что «сынъ Ханя» не можетъ понимать ихъ безъ переводчика. Всѣ мѣста, всѣ лица, всѣ вещи имѣютъ два различныя названія: одно китайское, болѣе или менѣе измѣненное туземнымъ произношеніемъ, другое чисто корейское. Эти два элемента разнообразно перемѣшиваются въ живой рѣчи различныхъ классовъ общества и въ то время какъ китайскій языкъ господствуетъ въ оффиціальномъ говорѣ, національный сохранился преимущественно въ практикѣ древнихъ суевѣрій; большинство народа употребляетъ ту или другую устную рѣчь, смотря по степени своихъ знаній и рангу своихъ собесѣдниковъ. По словамъ миссіонера Давелюи, во многихъ мѣстахъ разговорный языкъ состоитъ всецѣло изъ китайскихъ словъ, имѣющихъ лишь корейскія окончанія.

Вообще китайское вліяніе играло преобладающую роль въ корейской цивилизаціи. Въ эпоху, когда полуостровъ былъ посредникомъ Китая и Японіи, корейцы взяли себѣ за образецъ нравы и учрежденія Срединнаго царства. Государственное управленіе, обычаи и пріемы

---

[1]) „Asia Polyglotta“.

[2]) Matouanlin, d'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine“.

[3]) Du Halde, „Description de la Chine et de la Grande Tartarie“.

[4]) Dallet, цитированное сочиненіе.

[5]) Pacifique Ly, „Annales de la propagation de la Foi“, 1836 г.

[1]) „Dictionnaire coréen-français par les missionnaires de la Corée“.

оффиціальнаго міра были рабски скопированы съ порядковъ Срединной имперіи, въ отношеніи которой, Корея еще и до настоящаго времени является въ гораздо большей степени вассалкой и данницей съ интеллектуальной, чѣмъ была съ политической точки зрѣнія, но народъ сохранилъ свои старинные обычаи и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ поразительные контрасты съ «дѣтьми Ханя». Тогда какъ въ «Великой и чистой имперіи» вся нація, за исключеніемъ нѣсколькихъ безсословныхъ людей, разсматривается какъ образующая одну большую семью, каждый членъ которой можетъ подняться до самыхъ высокихъ должностей въ государствѣ, различные общественные классы корейской націи составляютъ настоящія касты. Кромѣ короля и его родственниковъ, благородные, ведущіе свой родъ отъ древнихъ началь-

Мысь Горнеръ при входѣ въ оухту Кагосима.

никовъ племенъ, пользуются привилегіями богатства и власти, но не въ равныхъ степеняхъ, смотря по группѣ, къ которой они принадлежатъ: гражданское дворянство наиболѣе образованное, то-есть вполнѣ свѣдущее въ секретахъ китайскихъ наукъ и словесности, имѣетъ монополію высшихъ должностей государственной службы; военное дворянство занимаетъ лишь вторую степень, но и оно по достоинству стоитъ выше всѣхъ новопожалованныхъ дворянъ, принадлежащихъ къ фамиліямъ «безъ корней». Дворяне пользуются значительными привилегіями, и простолюдины-всадники, при встрѣчѣ съ ними на улицѣ, должны останавливаться и сходить съ коней; простой смертный едва осмѣливается взглянуть на благороднаго, а тѣмъ болѣе не дерзнетъ обратиться къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ; дворяне освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ, какъ равно и отъ исполненія воинской повинности, и жилище ихъ, считающееся неприкосновеннымъ, можетъ служить безопаснымъ убѣжищемъ для всякаго, кому они оказываютъ покровительство.

*Нужно сказать, что вообще корейское дворянство, весьма вліятельное и чрезвычайно гордое, крайне ревниво охраняетъ свои привилегіи, такъ что всякое поползновеніе не уважать его права преслѣдуется дворянами съ неимовѣрной жестокостью.

Въ настоящее время число дворянъ достигло въ Кореѣ громаднаго числа. Это обстоятельство составляетъ главное зло для края; отсюда происходятъ всѣ злоупотребленія, на которыя издавна жалуется народъ, но, конечно, безуспѣшно, ибо аристократія такъ сильна и такъ твердо охраняетъ свои кастовыя привилегіи, что не только народъ, но даже самъ король не въ силахъ бороться съ ея могуществомъ. Аристократія въ Кореѣ безспорно всесильна; свое политическое вліяніе она пріобрѣла постепенно, весьма ловко пользуясь для своихъ цѣлей частыми и продолжительными регентствами, равно какъ ничтожествомъ цѣлаго ряда государей. Изъ-за пріобрѣтенія этого вліянія на государственныя дѣла, между нѣкоторыми аристократическими семействами часто возникала ожесточенная борьба. Однако, слѣдуетъ сказать, что какъ велика ни бываетъ ненависть между дворянскими партіями, онѣ, въ случаѣ угрожающей имъ общей опасности, на время забываютъ всѣ свои внутреннія раздоры, чтобы общими силами защитить свои дворянскія права. Эта солидарность дворянства и составляетъ его главную силу.

Въ Кореѣ дворянинъ распоряжается хозяиномъ и является повелителемъ. Для него законъ не писанъ. Дворянинъ, который занимаетъ высокую должность и кромѣ того имѣетъ за себя нѣсколько вліятельныхъ ему сановниковъ, даже смѣло противорѣчитъ самому королю. Власти, которыя осмѣлились бы наказать дворянина, имѣющаго протекцію, неминуемо лишаются своихъ должностей. Поэтому въ Кореѣ царствуетъ полный произволъ. Бываетъ, напримѣръ, что если знатному дворянину необходимы деньги, слуги его отправляются за поисками таковыхъ у кого-либо изъ купцовъ или поселянъ, и горе тому, кто откажетъ въ требуемой суммѣ: слуги сейчасъ хватаютъ несчастнаго и тащатъ его въ домъ своего барина, гдѣ его истязаютъ до тѣхъ поръ, пока вся сумма не будетъ выплачена сполна. Другіе же дворяне, не прибѣгая къ столь суровымъ мѣрамъ, не лучше, однако, поступаютъ: они обыкновенно берутъ деньги въ займы, или покупаютъ землю или домъ у крестьянина, и затѣмъ ни денегъ, ни купленнаго недвижимаго имущества не возвращаютъ. Искать же противъ этихъ хищниковъ въ судѣ никто не отваживается, зная напередъ, что споръ непремѣнно рѣшится въ пользу дворянина. Неудивительно поэтому, что дворяне пользуются общей ненавистью; это пугало, которымъ матери стращаютъ своихъ дѣтей. Народъ конечно терпѣливо переноситъ всѣ эти несправедливости, тщательно скрывая до поры до времени свою злобу, которая при первомъ удобномъ случаѣ можетъ разразиться со страшной силой на голову вѣковыхъ притѣснителей Кореи* [1]).

Къ дворянству весьма близокъ классъ людей, образовавшихся въ теченіе болѣе столѣтія, благодаря безнравственности корейской аристократіи, изъ незаконныхъ дѣтей дворянъ. Классъ этотъ въ послѣднее время поразительно увеличился и сталъ пріобрѣтать большое вліяніе на внутреннія дѣла страны. Среди него встрѣчаются секретари, переводчики, толмачи и другіе второстепенные чиновники, которые составляютъ переходъ между вельможами и классомъ мѣщанъ, который заключаетъ въ себѣ торговцевъ, промышленниковъ и большую часть ремесленниковъ. Другое сословіе, совершенно обособленное,—это земледѣльцевъ, пастуховъ, звѣролововъ и рыболововъ, которые составляютъ массу народа. Затѣмъ слѣдуютъ «презираемыя» сословія, подраздѣляющіяся, въ свою очередь, на нѣсколько группъ, которыя держатся особнякомъ одна отъ другой. Мясники, кожевники, кузнецы, бонзы тоже принадлежатъ къ числу этихъ парій; но между ними же всего чаще встрѣчаются тѣ искусные и ловкіе люди, готовые на всякое дѣло, услуги которыхъ становятся необходимыми людямъ привилегированныхъ кастъ. Наконецъ, низшій слой общества составляютъ крѣпостные, изъ которыхъ одни принадлежатъ коронѣ, другіе частнымъ лицамъ, дворянамъ или мѣщанамъ. Они имѣютъ право выкупаться на волю и могутъ жениться на свободныхъ женщинахъ.

[1]) Поджіо, „Очерки Кореи".

чтобы дать возможность своимъ дѣтямъ вступить въ классъ вольноотпущенниковъ.. Впрочемъ, съ ними, вообще говоря, обращаются кротко, доброжелательно, и они смѣшиваются съ землепашцами. Всѣ касты, всѣ корпораціи отличаются въ своей средѣ сильно развитымъ духомъ солидарности, и, благодаря этому, всегда умѣютъ завоевать себѣ уваженіе другихъ общественныхъ группъ. Особенно носильщики своей разумной внутренней организаціей достигли того, что составляютъ какъ бы государство въ государствѣ: они имѣютъ свои уставы, собственные кодексы, и никогда не бывало примѣра, чтобы кто-нибудь изъ ихъ среды просилъ правосудія у мандариновъ; они сами возстановляютъ свои нарушенныя права; когда они имѣютъ поводъ жаловаться на какую-нибудь несправедливость или обиду, они покидаютъ край, вслѣдствіе чего вся торговля пріостанавливается, и чтобы побудить ихъ вернуться, принуждены бываютъ подчиниться ихъ требованіямъ [1]).

Оффиціальная религія—конфуціонизмъ, который былъ введенъ въ странѣ около конца 14-го столѣтія христіанской эры [2]): кромѣ того, исповѣдуется буддизмъ—древняя оффиціальная религія страны [3]); а равно не исчезъ еще древній анимистическій культъ. Въ Кореѣ встрѣчаются также кое-какіе слѣды культа огня, который указываетъ на связь жителей полуострова съ различными дикими народцами сѣверо-востока Сибири: во всѣхъ домахъ сохраняютъ горячіе уголья подъ пепломъ; если бы жаръ потухъ, то то считалось бы примѣтой, что вмѣстѣ съ нимъ должно угаснуть и счастье дома. При перемѣнахъ временъ года и въ другіе важные періоды года нужно возобновлять огонь священной жаровни, зажигая дѣвственное пламя, получаемое посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой [4]). Что касается оффиціальныхъ церемоній буддизма, то онѣ почти въ совершенномъ пренебреженіи, и презрѣніе, выказываемое къ бонзамъ, распространяется также на религію, представителями которой они слывутъ: къ нимъ обращаются только затѣмъ, чтобы заставить ихъ поворожить. Во многихъ городахъ и деревняхъ храмовъ совсѣмъ не существуетъ, да и въ жилищахъ нѣтъ домашнихъ жертвенниковъ; даже въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ городахъ всѣ святилища имѣютъ видъ жалкихъ мазанокъ.

Храмы въ честь Конфуція воздвигнуты повсемѣстно, въ столицѣ и во всѣхъ главныхъ и уѣздныхъ городахъ. Это небольшія зданія весьма незатѣйливой архитектуры; всѣ они обнесены стѣнами. Всякій, проѣзжающій верхомъ мимо храма, обязанъ сойти съ лошади и пройтись пѣшкомъ, о чемъ его всегда предупреждаетъ выставленная у храма досточка съ надписью «слѣзай» (съ коня). Этимъ кумирнямъ иногда принадлежатъ весьма значительныя угодья, но даже, если доходы оказались бы недостаточными для покрытія всѣхъ издержекъ по кумирнѣ, то мѣстныя власти обязаны доставить необходимыя для сего средства, и горе тому начальнику, который откажется исполнить подобное требованіе послѣдователей ученія Конфуція. Въ честь Конфуція жертвоприношенія совершаются весною и осенью, а также въ каждое новолуніе и полнолуніе. Въ столицѣ король лично совершаетъ жертвоприношенія, которыя состоятъ въ закланіи исключительно овецъ. Овцы эти покупаются въ Китаѣ; а разводить ихъ въ странѣ строго воспрещается. Обязанность совершать жертвоприношенія въ областныхъ городахъ возлагается на представителей мѣстной власти или на ученыхъ, выбирающихъ изъ своей среды тѣхъ лицъ, которыя должны въ продолженіе опредѣленнаго времени исполнить обязанность жреца. Въ этихъ кумирняхъ, какъ и въ буддійскихъ, книжники часто собираются для занятій и ученыхъ диспутовъ* [1]). Статуи боговъ и святыхъ суть не что иное, какъ безобразные куски дерева, поставленные по краямъ дорогъ: сначала можно подумать, что это просто межевые знаки, и, только подойдя ближе, замѣчаешь грубыя вырѣзки, придающія чурбану нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры. Какъ произведенія искусства, идолы полинезійскихъ дикарей стоятъ гораздо выше этихъ корейскихъ изображеній, которымъ, впрочемъ, прохожіе оказываютъ такъ мало уваженія, что недоумѣваешь, зачѣмъ это поселяне давали себѣ трудъ воздвигать ихъ; когда какой-нибудь изъ этихъ божковъ сгніетъ или повалится отъ вѣтра, дѣти катаютъ его по землѣ, поощряемыя смѣхомъ присутствующей взрослой публики.

Христіанство тоже имѣетъ послѣдователей въ Кореѣ. Во время завоеванія полуострова японскимъ диктаторомъ Тайкосамой первый корпусъ его арміи былъ подъ командой католическаго князя, прибавившаго къ своему національному прозвищу Коноси Юкинага португальское имя донъ Аустинъ [2]). Съ этой эпохи довольно большое число туземцевъ приняли чужеземную религію и стали исполнять ея обрядности; китайскіе миссіонеры поддерживали вѣру новообращенныхъ, затѣмъ, въ теченіе настоящаго столѣтія, французскіе священники, пріѣхавшіе тайно, основали новыя христіанскія общины; во время наибольшаго процвѣтанія

---

[1]) Dallet, цитированное сочиненіе.
[2]) Поджіо, стр. 260
[3]) H. Cardier, „Annales du musée Guimet“, май, іюнь, 1880
[4]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[1]) Поджіо, стр. 261.
[2]) Поджіо совершенно отвергаетъ это, указывая, что до XVIII столѣтія христіанство вовсе не было извѣстно въ странѣ и проникло въ нее только въ 1784 году изъ Китая (см. Поджіо, стр. 287).

ихъ церквей они исчисляли общую цифру христіанъ безъ малаго въ сто тысячъ человѣкъ, и нѣкоторые изъ ихъ духовныхъ чадъ, принадлежащіе къ королевской фамиліи, были довольно могущественны, чтобы защищать ихъ отъ преслѣдованія. Однако, миссіонеры съ опасностью жизни проповѣдывали ученіе Христа; въ 1839 году трое изъ нихъ были преданы смерти; въ 1866 году правительство велѣло умертвить девятерыхъ миссіонеровъ, и только съ большимъ трудомъ вѣрующіе успѣли дать возможность скрыться другимъ ихъ пастырямъ. Христіане, несогласившіеся отречься отъ принятой ими вѣры, были осуждены на смертную казнь, и цѣлыя деревни потеряли почти все свое способное къ труду населеніе: болѣе десяти тысячъ человѣкъ были истреблены во время этого гоненія. Тщетно французская экспедиція ходила требовать удовлетворенія за убійство миссіонеровъ; проникнувъ въ рѣку столицы и разрушивъ городъ Канъ-хуа, она вернулась въ Чжифусскій рейдъ, не получивъ ничего отъ корейскаго короля. Исповѣданіе иностранной религіи всегда уподоблялось, на полуостровѣ, преступленію государственной измѣны, и потому въ слѣдующемъ же 1868 году погибло до 2.000 христіанъ, а въ 1870 году около 8.000 человѣкъ. До 1882 года въ странѣ функціонировали только католики, но съ этого года на Корею обратили вниманіе и протестанты, миссіи которыхъ нынѣ весьма многочисленны.

Въ Кореѣ такъ же, какъ и въ Китаѣ, дозволено многожество, и богатые пользуются этимъ правомъ, оставляя всегда завѣдываніе домашнимъ хозяйствомъ въ рукахъ первой супруги; но рѣдко случается, чтобы простолюдинъ имѣлъ больше одной жены. Свадьба не сопровождается длинными символическими церемоніями, какъ у китайцевъ: какъ только покупная цѣна или калымъ уплаченъ женихомъ, послѣдній уводитъ къ себѣ свою собственность, съ которой онъ съ этого момента можетъ дѣлать все, что угодно. Корейская женщина не имѣетъ имени, ни даже легальнаго существованія; какъ существо безотвѣтное, она не можетъ быть ни судима, ни наказываема закономъ, развѣ только во время возмущенія. Впрочемъ, рѣдко бываетъ, чтобы мужья худо обращались со своими женами, но корейскія женщины пользуются меньшей свободой нежели, китаянки; за исключеніемъ крестьянокъ, которыя работаютъ на пашняхъ, и торговокъ, которыя ходятъ отъ дверей къ дверямъ, предлагая свои товары, кореянки ведутъ затворническую жизнь въ отдѣльной части дома, неприкосновенной даже для полиціи; онѣ никогда не выходятъ изъ дому во время дня: для нихъ было бы позоромъ показываться на улицахъ города до заката солнца. Однако, дабы ихъ здоровье не страдало отъ затворничества, онѣ могутъ прогуливаться вечеромъ, послѣ того, какъ окончаніе дневныхъ работъ позволило мужчинамъ вернуться въ свои жилища. Въ девять часовъ пополудни лѣтомъ, и въ болѣе раннюю пору зимой, особый сигналъ возвѣщаетъ о наступленіи момента, когда улицы предоставляются въ распоряженіе прекраснаго пола: мужчины спѣшатъ добраться до своихъ домовъ, тѣ изъ нихъ, которымъ случится замѣшкаться, обязаны, когда встрѣтятъ дамъ, переходить на другую сторону улицы, закрывая себѣ лицо опахаломъ: поступить иначе значило бы обнаружить совершенное незнаніе правилъ приличія [1]). Оттого большая часть путешественниковъ, которые приставали къ берегамъ Кореи, не имѣли случая видѣть тамошнихъ женщинъ съ открытымъ лицомъ; говорятъ, что онѣ вообще отличаются красивыми чертами и миловидной физіономіей. Далле приводитъ въ своей книгѣ примѣры кореянокъ, лишившихъ себя жизни самоубійствомъ изъ-за того только, что чужеземцы дотронулись до ихъ пальца [2]).

Церемоніи похоронъ обыкновенно бываютъ не болѣе торжественны, чѣмъ свадебные обряды; у простонародья все ограничивается тѣмъ, что тѣло покойника кладутъ въ гробъ или даже просто завертываютъ въ саванъ, и зарываютъ въ землю безъ всякой торжественности; но люди богатые и знатные, которые хотятъ сообразоваться съ китайскимъ церемоніаломъ, придерживаются еще, при погребеніи умершихъ, древняго ритуала, которому уже перестали слѣдовать въ самомъ Китаѣ, по причинѣ его крайней строгости. Трауръ по родителямъ продолжается цѣлыхъ три года, и во все это время сынъ долженъ считать себя умершимъ для внѣшняго міра, долженъ отказаться отъ своихъ должностей и вообще отъ своихъ обыкновенныхъ занятій; этикетъ не позволяетъ ему даже отвѣчать на слова, съ которыми къ нему обратится кто-нибудь; одѣтый весь въ бѣломъ, онъ прячетъ лицо подъ большой шляпой и носитъ вѣеръ или длинный вуаль; католики-миссіонеры часто пользовались этимъ таинственнымъ траурнымъ костюмомъ, чтобы путешествовать подъ защитой отъ нескромныхъ вопросовъ чиновниковъ и заниматься безъ опаски запретнымъ «уловленіемъ душъ». Три раза въ день, въ опредѣленные часы, сыновья, носящіе трауръ, должны предаваться плачу и оглашать воздухъ рыданіями Рѣдко случается, чтобы вдовы благороднаго званія вступали во вторичный бракъ; вдова, которая опять вышла бы замужъ до истеченія трехлѣтняго срока, подвергалась бы такимъ же наказаніямъ, какъ чиновники, изобличенные въ лихоимствѣ, и ея дѣти, признаваемыя незаконорожденными, бы-

[1]) Ernest Oppert, цитированное сочиненіе. Этотъ обычай совершенно вывелся. См. вышедшую въ Лондонѣ книгу Ландора.

[2]) Pourthié;—Dallet;—Féron;—Daveluy;—Pichon.

ли бы навсегда исключены отъ конкурсныхъ экзаменовъ, дающихъ право на административныя и гражданскія должности.

Такимъ образомъ китайскіе обряды и церемоніи, такъ сказать, привиты на основѣ національныхъ нравовъ, но характеръ народа отъ этого не измѣнился. Корейцы не имѣютъ хитрости китайцевъ и превосходятъ ихъ въ храбрости; гостепріимство ихъ не знаетъ границъ; честные, простодушные, доброжелательные, они скоры на дружбу и довѣріе, но очень живо чувствуютъ всякую обиду. Серьезные и сдержанные въ присутствіи чужихъ, они охотно сбрасываютъ съ себя обычный важный видъ въ обществѣ друзей; они не боятся даже плясать и предаваться забавамъ, которыя китаецъ считаетъ дѣломъ позволительнымъ только дикарямъ. Корейскіе чиновники, правда, стараются подражать мандаринамъ Срединнаго царства, въ отношеніи благородства и изящества манеръ, но не всегда успѣваютъ въ этомъ, и дикарь невѣжественный въ правилахъ и тонкостяхъ обхожденія, часто весьма скоро выступаетъ наружу, какъ только кончатся оффиціальныя церемоніи. Сценическія представленія, столь цѣнимыя въ Китаѣ и Японіи, извѣстны корейцамъ мало, вѣроятно, по причинѣ относительной бѣдности ихъ литературы; но они большіе цѣнители хореографіи; музыка играетъ въ жизни народа важную роль, и корейцы съ восхищеніемъ слушаютъ аккорды гитарки [1]). Они находятъ удовольствіе слушать европейскія аріи, которыя китайцы, непонимающіе гармоніи, такъ медленно научаются оцѣнивать, и даже при своихъ военныхъ отрядахъ содержатъ примитивный оркестръ [2]).

Почти запертая до послѣдняго времени для иностранной торговли страна производитъ только тѣ продукты, которые необходимы для ея собственнаго потребленія. Корейцы, питающіеся, какъ и китайцы, рисомъ, воздѣлываютъ преимущественно это растеніе, и большое количество воды, которое катятъ многочисленные ручьи и рѣки, даетъ имъ всѣ удобства для образованія искусственныхъ наводненій, необходимыхъ для этого рода культуры. Разводятъ также особую породу суходольнаго риса, легко растущаго даже по горамъ. Они сѣютъ также другіе хлѣба: пшеницу, просо, кукурузу, равно какъ овощи всякаго рода, а въ садахъ, окружающихъ селенія, встрѣтишь большую часть фруктовыхъ деревьевъ умѣренныхъ климатовъ Европы и Азіи; самый распространенный фруктъ—это плодъ курмы (diospyros)—«камъ» по-корейски, «каки» по-японски;—но слишкомъ дождливый климатъ страны отнимаетъ почти весь вкусъ у этихъ плодовъ и весь ароматъ у цвѣтовъ [1]). Между промышленными растеніями хлопчатникъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ: лѣтъ пятьсотъ тому назадъ этотъ драгоцѣнный кустъ еще не былъ извѣстенъ въ Кореѣ, и пекинское правительство, желая сохранить за Китаемъ монополію хлопчатобумажной культуры и промышленности, запрещало вывозъ за границу сѣмянъ хлопчатника, подъ угрозой самыхъ тяжкихъ наказаній; но одинъ членъ посольства, отправляемаго съ порученіемъ засвидѣтельствовать, отъ имени государя, почтеніе «Сыну Неба», успѣлъ похитить три зерна и спрятать ихъ въ бамбуковую трубку своей рисовальной кисти [2]). Съ своей стороны, корейскіе короли строго воспретили вывозъ жэнь-шэня; но хотя корейскій корень, получаемый посредствомъ культуры, гораздо менѣе цѣнится, нежели растеніе лѣсовъ Маньчжуріи, тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался предметомъ важной контрабандной торговли. Чайное дерево растетъ въ дикомъ состояніи въ южныхъ частяхъ полуострова, но оно почти не воздѣлывается, такъ какъ употребленіе чая, этого китайскаго напитка по преимуществу, распространено въ Кореѣ только въ высшихъ классахъ [3]). Виноградный кустъ, котораго много разновидностей, даетъ превосходные плоды, но корейцы не умѣютъ приготовлять изъ нихъ вина. Картофель въ Кореѣ садятъ одни только христіане, и то тайкомъ, чтобы приносить его въ даръ своимъ пастырямъ [4]). Прежде запашки дѣлались только въ равнинахъ: гонимые за вѣру христіане первые принуждены были приняться за расчистку земли подъ пашни на верхнихъ склонахъ горъ, куда они скрывались отъ преслѣдованія; они открыли такимъ образомъ новые способы культуры и стали утилизировать растенія, пренебрегаемыя въ другихъ мѣстахъ. Въ настоящее время главную отрасль земледѣлія на возвышенныхъ мѣстахъ составляетъ табакъ; кромѣ того, тамъ сѣютъ просо и коноплю.

Земледѣльческая обработка земли не знаетъ какихъ-либо машинъ и производится первобытнымъ способомъ, посредствомъ деревянныхъ сохъ, мотыгъ, бамбуковыхъ грабель. Водяныхъ или вѣтряныхъ мельницъ не знаютъ совершенно, замѣняя силу воды и воздуха силою муловъ или рукъ, толча зерна въ ступахъ или растирая на жерновахъ, ко-

[1]) Ernest Oppert, цитированное сочиненіе.
[2]) Поджіо, „Очерки Кореи".

[1]) Dallet, цитированное сочиненіе,—Левъ Мечниковъ, „Японская имперія".
[2]) Daveluy, „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1848.
[3]) Хотя у многихъ путешественниковъ встрѣчаются указанія на то, что чайное дерево растетъ даже въ сѣверной части страны, но едва-ли это вѣроятно, т. к. ни одинъ изъ тѣхъ же авторовъ не опредѣляетъ его точно, а профессоръ Красновъ, изслѣдуя мѣсторожденіе чайнаго дерева, нигдѣ даже намекомъ не упоминаетъ о Кореѣ. См. Красновъ, „Чайные округи". Пр. ред.
[4]) Feron, „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1859;—Dallet, цитированное сочиненіе.

торые вращаются муломъ, лошадьми или людьми. Корейцы въ южной части страны снимаютъ по двѣ жатвы въ годъ*.

Въ первые вѣка христіанскаго лѣтосчисленія корейцы были учителями японцевъ въ большей части промышленностей, но въ наши дни они стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо ниже своихъ бывшихъ учениковъ. Они сохранили за собой превосходство только по фабрикаціи нѣкоторыхъ родовъ оружія да по выдѣлкѣ писчей бумаги изъ мякоти бруссонеціи (brausonetia papyrifera). Туземцы умѣютъ ткать и красить холсты и бумажныя матеріи, но не выдѣлываютъ шерстяныхъ произведеній и должны обходиться безъ этихъ тканей, которыя были бы имъ очень полезны во время холодовъ; они довольствуются тѣмъ, что удваиваютъ или утраиваютъ число своихъ одеждъ. Шелковыя матеріи, въ которыя наряжаются чиновники и благородные, привозятся изъ Китая, но величественныя шляпы съ конической тульей и приподнятыми полями, почти въ метръ шириной, которыя офицеры носятъ съ такой гордостью, всѣ мѣстной фабрикаціи. Главное средоточіе этой промышленности находится на островѣ Квельпартѣ; островитяне употребляютъ для этой работы или конскій волосъ или чаще бамбуковыя волокна, окрашенныя въ желтый цвѣтъ, или еще чаще, покрытыя чернымъ лакомъ, и украшаютъ верхушку нѣкоторыхъ наиболѣе изящныхъ шляпъ прелестными серебряными фигурами, изображающихъ журавлей или другихъ птицъ [1]). Дома корейцевъ, даже тѣ, которые носятъ громкое названіе дворцовъ, представляютъ вообще простыя мазанки изъ глины, поднятыя на столбахъ и крытыя рисовой соломой. Въ городахъ самыя красивыя зданія походятъ на китайскія постройки по характеру архитектуры и внутреннему убранству; окна вездѣ безъ стеколъ, составляющихъ предметъ роскоши, который еще не проникъ въ Корею; полъ устланъ циновками, и такъ же, какъ въ Японіи, посѣтители, входящіе въ горницы, снимаютъ обувь у дверей [2]). Нищета всеобщая, благодаря тому, что трудъ считается позорнымъ дѣломъ; для людей высшихъ классовъ, ростовщичество, казнокрадство и хищенія всякаго рода составляютъ единственныя средства существованія.

Начиная съ половины текущаго столѣтія и до 1884 года непосредственная торговля Кореи съ ея сосѣдями, китайцами, японцами, русскими, была крайне затруднительна, и почти весь торговый обмѣнъ съ иностранцами производится путемъ контрабанды. Морскія экспедиціи, сдѣланныя безъ всякаго серьезнаго результата въ рѣку Хань-янъ французами въ 1866 г. и американцами въ 1871 г., поселили въ сеульскомъ дворѣ убѣжденіе, что, отнынѣ непобѣдимый, онъ можетъ вызвать на бой хоть весь свѣтъ и порвать всякія сношенія съ чужеземцами. Въ 1867 году ярмарки, происходившія ежегодно въ Цiенъ-мынь, то-есть у «Воротъ Кореи» близъ Фынъ-хуанъ-чэна, были запрещены; точно также продолжавшіеся по нѣсколько дней рынки, которые собирались въ городѣ Кяньгуанъ, на корейской рѣкѣ Тюмень-ула, недалеко отъ Хунь-чуна, въ русской Маньчжуріи, были упразднены, и правительство упорно отказывалось дозволить точное опредѣленіе границъ съ Россійской имперіей, не желая признавать существованіе этого стѣснительнаго сосѣда. Корейскій король, боясь даже поссориться со своимъ сюзереномъ «Сыномъ Неба», велѣлъ схватить китайскія джонки, которыя пришли, по издавна заведенному обычаю, ловить рыбу въ водахъ королевства; многія изъ этихъ судовъ были сожжены, а экипажи ихъ преданы смерти [1]). Въ 1875 году японскій посланникъ не былъ допущенъ къ государю изъ-за того, что онъ нарушилъ традиціонный этикетъ, осмѣлившись явиться въ европейскомъ костюмѣ, и сеульское правительство дошло до того, что погрозило императору Японіи наложить на него наказаніе, подобное тому, которому оно подвергло французовъ и американцевъ [2]). Война уже готова была вспыхнуть между двумя сосѣдними государствами, но на этотъ разъ удалось путемъ переговоровъ предотвратить грозящую бѣду, и японцы, сильные примѣромъ, который имъ подали европейцы, форсируя входъ въ порты, необходимые для ихъ торговли, успѣли, въ 1876 году, заставить признать за ними право пребыванія въ ихъ старинной факторіи Фузанъ, на югѣ полуострова. Деревушка, находившаяся въ этомъ мѣстѣ, на берегу бухты, постепенно превратилась въ маленькій городокъ, имѣвшій уже въ 1878 г. около 3.000 жителей, перерѣзанный правильными улицами, украшенный общественными зданіями, между прочимъ храмомъ, воздвигнутымъ въ честь древнихъ японскихъ завоевателей.

Корейцы, живущіе въ Фузанѣ и на сосѣднемъ берегу, научились употреблять суда менѣе опасныя для плаванія, нежели шаланды, на которыхъ еще и донынѣ пускаются въ море другіе мореходы корейскихъ береговъ. Большинство этихъ допотопныхъ барокъ представляютъ просто большіе ящики, кое-какъ сколоченные изъ досокъ и даже не законопаченные, съ парусами и снастями изъ плетеной соломы; вода входитъ въ такомъ обильномъ количествѣ черезъ щели между досками, что нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ пустыми тыквами, безпрестанно заняты отливкой изъ трюма. На восточномъ берегу барки дѣлаются даже просто изъ

---

[1]) Ernest Oppert, цитированное сочиненіе.
[2]) Коэйлинъ;—Шерцеръ, цитированное сочиненіе.

[1]) Ch. Dallet, цитированное сочиненіе.
[2]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

выдолбленныхъ стволовъ деревьевъ; онѣ походятъ болѣе на корыта или колоды, изъ которыхъ поятъ скотъ, чѣмъ на лодки [1]). Понятно, что при такихъ условіяхъ судоходство можетъ производиться только отъ порта къ порту, вдоль береговъ; при малѣйшемъ признакѣ опасности эти утлыя ладьи поспѣшно удаляются въ ближайшую гавань [2]).

Трактатъ 1876 года, открывшій японской торговлѣ территорію полуострова, составляетъ важное событіе въ исторіи Кореи, ибо съ момента заключенія этой конвенціи прекратилась политическая и торговая отчужденность страны. Подобно тому, какъ Японія передъ тѣмъ должна была, волей или неволей, войти въ «концертъ государствъ», такъ и Корея принуждена была, въ свою очередь, вступить въ сношенія съ Японіею, а черезъ Японію и съ остальнымъ міромъ. Едва прошло четыре года со времени открытія Фузанскаго порта, какъ японская дипломатія добилась уже открытія другаго пункта, города Генсана, лежащаго верстахъ въ десяти къ югу отъ порта Лазарева, который часто посѣщали русскіе корабли, и на который нерѣдко указывали, какъ на пунктъ, долженствующій быть присоединеннымъ къ Россійской имперіи. Гензанскій рынокъ составляетъ весьма важный пунктъ, такъ какъ онъ находится на сѣверо-восточномъ берегу и потому доставляетъ внѣшней торговлѣ нѣсколько иныя произведенія края, а не тѣ, что вывозятся изъ Фузана, а именно шкуры пушныхъ звѣрей, табакъ, золотой песокъ и морскую капусту. Одна торговая компанія тотчасъ же выстроила тамъ дома и пристань, а вскорѣ было учреждено и пароходное сообщеніе между Нагасаки и Владивостокомъ. Съ точки зрѣнія морскаго удобства этотъ портъ болѣе глубокъ и лучше защищенъ отъ вѣтровъ, чѣмъ Фузанъ.

Ободренная своими успѣхами, Японія съумѣла вытребовать, чтобы для ея торговли былъ еще открытъ одинъ пунктъ на западномъ побережьѣ страны. Такимъ портомъ явилось мѣстечко Чемульпо, лежащее на сѣверо-западномъ берегу полуострова, при устьѣ Хань-яна, въ близкомъ сосѣдствѣ со столицею. Портъ этотъ, фактически открытый съ 1-го января 1883 года, благодаря выгодному положенію началъ быстро развиваться и въ настоящее время является первымъ по количеству торговаго оборота страны.

Всѣ попытки иностранныхъ державъ выхлопотать для своихъ подданныхъ доступъ въ страну разбивались объ упорство корейскаго правительства, и потому волею или неволею всѣ сношенія иностранцевъ съ полуостровомъ происходили черезъ посредничество японцевъ, но съ начала 80 годовъ Корея по совѣту Китая вступаетъ въ сношеніе и начинаетъ заключать договоры. Такъ въ 1883 году былъ заключенъ договоръ съ Соединенными Штатами, Англіей и Германіей, въ 1885 году съ Россіей. Послѣдній договоръ въ 1886 году былъ дополненъ объявленіемъ правилъ для сухопутной торговли*.

Чаосянь переживаетъ теперь критическій періодъ своей исторіи, и все указываетъ на то, что исконная изолированность этой земли Крайняго востока должна прекратиться къ близкомъ будущемъ. Въ предвидѣніи этой неизбѣжной перемѣны, были отправлены изъ Сеула спеціальные посланники съ порученіемъ объѣхать Японію и изучить ея учрежденія и роды промышленности.

Король Чаосяня есть самодержавный и неограниченный повелитель своихъ подданныхъ, и послѣдніе обязаны ему оказывать почти божеское почитаніе: произнести имя, которое государь получилъ отъ своего предшественника, значило бы совершить преступленіе оскорбленія величества; преступленіемъ же было бы дотронуться до его священной особы, и даже послѣ его смерти, придворные должны принять всевозможныя предосторожности, чтобы при погребеніи не было непосредственнаго прикосновенія между ихъ руками и тѣломъ почившаго короля. Честь удостоиться прикосновенія царской руки неоцѣненна; счастливцы, которые были пожалованы этой великой монаршей милостью, украшаютъ шелковой лентой часть своей одежды, освященную перстомъ повелителя. Одного знака королевской руки довольно, чтобы впавшій въ немилость министръ лишилъ себя жизни отравой [1]). Хотя, въ подражаніе китайскому императору, король имѣетъ при себѣ оффиціальнаго цензора, но этотъ сановникъ не только никогда не дерзаетъ высказать какія-либо порицанія противъ особы государя, но, напротивъ, вся его обязанность состоитъ лишь въ томъ, чтобы сочинять похвалы; въ столицѣ содержится цѣлая школа рисованія для приготовленія живописцевъ, которые должны воспроизводить черты священнаго лица. Тѣмъ не менѣе, эта самодержавная власть, безъ границъ, поставленныхъ законами, есть не болѣе какъ простая фикція для дворянства: какъ нѣкогда японскіе дайміосы, корейскіе дворяне командуютъ въ дѣйствительности, и изъ опасенія увидѣть ихъ всѣхъ соединившимися противъ королевской власти, государь не осмѣливается трогать привилегій ни одного изъ нихъ.

Оффиціально, организація государственнаго управленія представляетъ вѣрную копію съ правительственнаго механизма Срединнаго царства, и Сеулъ всегда и во всемъ подражалъ Пекину. Ранѣе каждый годъ въ день рожденія китайскаго богдохана, а также въ день новаго года и въ дни солнцестояній, властитель Кореи,

[1]) Путешествіе фрегата „Паллада“, въ 1854 г.

[2]) Ferréol;—Pourthié, „Annales de la propagation de la Foi“, май 1847 г., іюль 1859 г.

[1]) Daveluy;—Pourthié, „Annales da la propagation de la Foi“, іюль 1848 г.; мартъ 1860 г.

окруженный своими дѣтьми и высшими сановниками государства, публично повергался ницъ, имѣя лицо, обращенное по направленію къ резиденціи «Сына Неба». Когда онъ отправлялъ посла ко двору Небесной имперіи, онъ дѣлалъ четыре колѣнопреклоненія и воскуривалъ благовонія; его грамота съ изъявленіями вассальной преданности неслась въ почетномъ паланкинѣ, драпированномъ желтыми занавѣсками, и онъ самолично сопровождалъ ее за ворота столицы. При возвращеніи посольства, онъ исполнялъ подобныя же церемоніи, и когда къ его двору являлся посланникъ изъ Пекина, онъ принимался въ положеніи равнаго по сану. Всѣ эти церемоніи, совершавшіяся прежде весьма точно и строго, хотя съ объявленіемъ независимости Кореи и уничтожились сами собою, но тѣмъ не менѣе еще и теперь, по примѣру «Сына Неба», корейскій король каждый годъ проводитъ плугомъ борозды по заповѣдному полю, урожай съ котораго предназначается для установленныхъ жертвоприношеній; точно также королева, которая въ былое время принимала этотъ титулъ только по полученіи оффиціальнаго разрѣшенія изъ Пекина [1]), священнодѣйствуетъ, въ качествѣ верховной жрицы, при жертвоприношеніяхъ, предлагаемыхъ генію шелководства; и хотя шелковая промышленность занимаетъ очень низкую степень между промыслами ея королевства, государыня разводитъ шелковичныхъ червей у себя во дворцѣ, чтобы привлечь милости неба на ея подражательницъ. При корейскомъ дворѣ, какъ и при пекинскомъ, совершаются публичныя жертвоприношенія въ честь предковъ и Конфуція, и для этихъ великихъ церемоній въ Сеулѣ содержатъ стада барановъ и козъ,—животныхъ, почитаемыхъ священными, разведеніе которыхъ запрещено частнымъ лицамъ [2]). Когда король умираетъ, общественная жизнь должна быть прервана на двадцать семь мѣсяцевъ; въ продолженіе этого времени, жертвоприношенія, свадьбы, похороны воспрещены, и теченіе правосудія пріостанавливается, всякая жизнь человѣка или животнаго должна быть уважаема. Потомки корейскаго короля, какъ и потомки «Сына Неба», съ каждымъ поколѣніемъ спускаются все ниже по степени дворянства; между ними есть даже такіе, которые принадлежатъ къ кастѣ рабовъ.

*Послѣ государя, главную роль въ королевствѣ играетъ предсѣдатель верховнаго совѣта, состоящаго изъ трехъ членовъ. Предсѣдатель является первымъ сановникомъ королевства и принимаетъ на себя управленіе дѣлами, въ случаѣ болѣзни и неспособности короля [1]). По регламентамъ, всѣ чиновники должны бы были принадлежать къ классу «ученыхъ» и, какъ въ сосѣдней имперіи, могли бы быть повышаемы изъ степени въ степень не иначе, какъ пройдя черезъ рядъ трехъ послѣдовательныхъ экзаменовъ; но на практикѣ предписанія закона, относящіяся къ конкурснымъ испытаніямъ, давно уже сдѣлались мертвой буквой, и даже внѣшнія формы болѣе не соблюдаются. Должности, чины и почести продаются тому, кто больше дастъ, и цензоры, обязанные доносить о замѣченныхъ ими злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ по должности, обыкновенно продаютъ свое молчаніе.

Китайскіе законы временъ династіи Минъ имѣли весьма значительное вліяніе на развитіе корейскаго законодательства. Дѣйствующій нынѣ въ Кореѣ кодексъ былъ пересмотрѣнъ и опубликованъ въ 1785 г. Кодексъ этотъ отмѣнилъ многія варварскія наказанія, но тѣмъ не менѣе отличительную черту корейскихъ законовъ, даже въ наше время, составляетъ неимовѣрная ихъ суровость. Въ древнее время корейскіе законы были весьма жестоки; такъ, чиновника въ наказаніе за недобросовѣстное управленіе, вызывающее открытое неудовольствіе въ народѣ, бросали въ котелъ съ кипяченымъ масломъ; жену, убившую своего мужа, закапывали въ землю до плечъ у большой дороги, и каждому прохожему предоставлялось право нанести ей какую угодно рану мечемъ, или другимъ острымъ орудіемъ; вору насильно наливали въ горло уксусъ и затѣмъ палками били до тѣхъ поръ, пока онъ не лопнетъ; раба, убившаго своего господина, пытали до смерти и т. д. Всѣ эти и многія другія варварскія наказанія современемъ постепенно отмѣнялись. Такъ, король Шп-цзунъ (1419—1450) запретилъ бить по спинѣ палками, отрѣзать носъ и ноги, а король Сяо-цзунъ (1650—1659) отмѣнилъ смертную казнь посредствомъ ударовъ по головѣ молоткомъ. Наконецъ, король Инъ-цзунъ (1725—1776) отмѣнилъ клейменіе воровъ и т. д. Во времена, не столь отдаленныя, смертная казнь вообще примѣнялась только въ исключительныхъ случаяхъ. Политическихъ и уголовныхъ преступниковъ вообще ссылали на островъ Квельпартъ и на другіе отдаленные острова. Но съ 1794 по 1868 г.г. ссылка постепенно замѣнялась смертною казнію, которая особенно широко примѣнялась къ послѣдователямъ христіанской религіи [2]).

Какъ въ Китаѣ, почести, оказываемыя старости, составляютъ общественное учрежденіе: въ извѣстное время достигшіе семидесятилѣтняго возраста приглашаются на банкетъ, устраиваемый для нихъ королемъ, между тѣмъ какъ

[1]) „Annales de la propagation de la Foi", juillet 1859.

[2]) Ferréol, „Annales de la propagation de la Foi", ноябрь 1847 г.

[1]) Покотиловъ, „Корея и Китайско-Японское столкновеніе".

[2]) Поджіо, „Очерки Кореи", стр. 77 и 88.

королева принимаетъ въ своихъ частныхъ апартаментахъ делегацію вѣрныхъ вдовъ и добродѣтельныхъ дѣвицъ. Запасные хлѣбные магазины должны быть заводимы во всѣхъ селеніяхъ для того, чтобы можно было удовлетворять нужды бѣдныхъ въ неурожайные годы. По обрядамъ религіи, чиновники обязаны также заботиться о содержащихся въ тюрьмахъ, печась объ ихъ благосостояніи и даже приносить имъ кушанья, взятыя съ королевскаго стола; но на дѣлѣ эти прекрасныя предписанія такъ же мало исполняются, какъ и принципы классическихъ сочиненій, и отъ нихъ нисколько не легче народу, который не менѣе угнетенъ, подавленъ налогами, предоставленъ въ жертву нищеты и голода. Говорятъ, что голодовка 1877—78 годовъ стоила жизни милліону корейцевъ, что составляетъ почти восьмую долю населенія страны; даже часть дворцовой гвардіи будто-бы погибла отъ истощенія силъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія.

Армія, состоящая въ принципѣ изъ всѣхъ здоровыхъ и способныхъ къ труду мужчинъ, то-есть болѣе, чѣмъ изъ милліона солдатъ, заключаетъ въ дѣйствительности лишь малочисленныя группы ратниковъ. До открытія Фузанскаго порта японской торговлѣ, корейская армія не имѣла другаго вооруженія, кромѣ копій, сабель и ружей съ фитилемъ, смастеренныхъ по образцу стариннаго японскаго оружія, которое само было скопировано съ оружія португальцевъ шестнадцатаго столѣтія; теперь корейское правительство выписываетъ ружья изъ Японіи и фабрикуетъ ихъ само по этимъ образцамъ [1]). *Японскіе и европейскіе инструкторы неоднократно приглашались корейскимъ правительствомъ для обученія своихъ войскъ, но особенной пользы отъ этого для страны не замѣчалось за исключеніемъ того случая, когда корейцы пригласили русскихъ инструкторовъ, которые умѣло повели это дѣло [2]). Предполагая завести свой военный флотъ, корейцы пріобрѣли у японцевъ одинъ маленькій довольно плохой пароходъ, нынѣ вмѣсто своего первоначальнаго военнаго назначенія совершающій почтовые рейсы вдоль береговъ*. Въ важныхъ обстоятельствахъ правительство призываетъ на службу изъ горныхъ мѣстностей охотниковъ на тигровъ и организуетъ изъ нихъ ополченіе: эти-то войска и сражались съ французскимъ десантнымъ отрядомъ въ 1866 году. *Еще недавно обмундированіе солдатъ состояло изъ темносиняго холста, поверхъ котораго надѣвалась туника такого же цвѣта, или красная, обшитая широкой черной бумажной тесьмой. На груди и спинѣ куртки вышиты круги изъ бѣлаго холста, въ которомъ вырѣзанъ знакъ, показывающій ту часть войска, къ которому принадлежитъ солдатъ. Вмѣсто обыкновенной корейской шляпы солдаты носятъ большія войлочныя шляпы съ широкими полями и острой тульей, напоминающія мексиканскія самбреро. Шляпы эти съ боку украшаются лисьимъ хвостомъ, павлиньимъ перомъ, или же пучкомъ конскаго волоса, выкрашеннаго въ красный цвѣтъ. Платье военныхъ начальниковъ первыхъ трехъ степеней бываетъ синее съ краснымъ поясомъ, а прочихъ офицеровъ темносинее съ синимъ же поясомъ. Свои шляпы офицеры украшаютъ тигровыми усами или перьями разныхъ птицъ. Вооруженіе солдатъ самое первобытное. Кавалерія вооружена длинными копьями, насаженными на бамбуковое дерево, саблями и луками, а пѣхота обоюдо-острыми мечами, простыми мечами, копьями, кистенями и луками. Каждый солдатъ носитъ при себѣ колчанъ, содержащій обыкновенно до 15 стрѣлъ. Фитильными и кремневыми ружьями снабжена лишь незначительная часть отборнаго войска. Для боя солдаты надѣваютъ латы и головные уборы, сдѣланные изъ плотно стеганной и въ 40 разъ сложенной бумажной матеріи. Когда американцы во время экспедиціи въ Корею въ 1871 г. взяли одинъ изъ фортовъ у входа въ рѣку Хань, то между прочими вещами ими найдены были своеобразныя каски и кирасы. Прочность ихъ оказалась удивительной, ибо онѣ не поддавались ни сабельнымъ, ни штыковымъ ударамъ; только коническая пуля пробила ихъ насквозь [1]). Въ настоящее время часть Сеульской гвардіи имѣетъ форму, близко подходящую къ японской, вооруженіе же ея состоитъ изъ европейскихъ ружей различныхъ системъ. Войска, въ которыхъ состояли въ теченіе 1896—97 г.г. русскіе инструкторы, вооружены ружьями Бердана № 2*.

*Въ 1882 году старинная партія въ Кореѣ, руководимая популярнымъ въ странѣ отцомъ короля, регентомъ Тай-вэнъ-гуномъ, недовольная усиленіемъ иностраннаго вліянія въ Кореѣ, упраздненіемъ или вѣрнѣе нарушеніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ въ странѣ, успѣла взбунтовать сеульскую чернь, которая напала на японское посольство, убила и ранила нѣкоторыхъ изъ членовъ японской дипломатической миссіи и вынудила оставшихся бѣжать въ Чемульпо, подъ защиту англійскаго военнаго судна.

Не удовольствовавшись этимъ, бунтовщики проникли во дворецъ короля, свергли послѣдняго съ престола и, посадивъ на его мѣсто Тай-вэнъ-гуна, начали преслѣдовать сторонниковъ иностранныхъ порядковъ. Событіе это не могло остаться безслѣднымъ въ Японіи и вызвало со стороны послѣдней требованія объ удовлетвореніи. Корейцы вынуждены были обратиться

[1]) Акино, „Exploration“, 1880 г.

[2]) См. статью „Русскіе инструкторы въ Кореѣ“, въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“ 1898 года.

[1]) Ходжіо, стр. 61—62.

къ помощи Китая, который нашелъ необходимымъ опротестовать японскія требованія и даже угрожалъ Японіи, выславъ къ Корейскимъ берегамъ свое войско и флотъ. Не считая себя достаточно сильными въ то время для борьбы, японцы вынуждены были согласиться и рѣшили уладить дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ, которые привели къ уплатѣ Кореей въ пользу Японіи денежнаго вознагражденія, открытія еще одного пункта для японской торговли, посылки въ Японію посольства, а Китай съ своей стороны обязался по мѣрѣ силъ поддерживать прерогативы и власть короля и содѣйствовать спокойствію въ странѣ.

Въ промежутокъ слѣдующихъ двухъ лѣтъ Корея подъ вліяніемъ Ли-хунъ-чжана, а отчасти чтобы показать Японіи свою мнимую самостоятельность, ввела у себя нѣкоторыя реформы, заключила торговые договоры съ Англіей, Франціей, Германіей, Соединенными Штатами и Россіей, для упорядоченія внѣшней привозной торговли, реорганизовала управленіе своими таможнями, пригласивъ для этой цѣли въ совѣтники фонъ-Меллендорфа, который, по справедливости пользуясь репутаціей знатока Востока и въ то же время будучи знакомъ съ корейскимъ языкомъ, легко освоился со своимъ назначеніемъ и съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ совѣтникомъ короля.

Всѣ эти событія совершились въ то время, когда между Россіей и Китаемъ происходили оживленные переговоры, вызванные отказомъ Китая ратифицировать Ливадійскій договоръ и во время нашихъ недоразумѣній съ Англіей по поводу Кушкинскаго вопроса. Пользуясь уже существующимъ между нами и Китаемъ осложненіемъ, англійская политика, вѣрная своему вѣковому принципу подъуськиванія, начала дѣйствовать, по заранѣе испытанному плану, направивъ на Россію свою многочисленную газетную прессу, которая старалась обвинять русскихъ въ намѣреніи захвата Китайскихъ и Корейскихъ владѣній. Не надѣясь на прочность своихъ среднеазіатскихъ границъ, Великобританія, подстрекая противъ русскихъ Срединную имперію, и, сама того не предвидя, вооружила противъ себя Пекинское правительство, какъ только попыталась получить преобладаніе на Востокѣ, для чего заняла и укрѣпила въ апрѣлѣ 1885 года группу корейскихъ острововъ, Комунь-до или Гамильтонъ. Это занятіе, вызвавшее протестъ Китая и Россіи, было весьма непродолжительно и уже въ 1887 году англійскія силы были выведены изъ Гамильтона, а возведенныя постройки на немъ разрушены, и соединяющій его съ Шанхаемъ кабель снятъ. Корейское правительство, между тѣмъ, вводя нѣкоторыя реформы въ странѣ, не могло въ то же время похвалиться особеннымъ спокойствіемъ въ народѣ. Уже въ 1885 году въ самомъ Сеулѣ вспыхнуло возстаніе, поднятое слишкомъ горячими сторонниками японскаго прогресса, корейцами, побывавшими въ Японіи. Эти горячія головы, подкупленныя японскимъ золотомъ, воспитанныя японскими идеями, никакъ не могли примириться съ направленіями Меллендорфа, который явно тяготѣлъ къ Россіи и настаивалъ на необходимости возможно тѣснаго сближенія Кореи съ Россіей. Во время этого возстанія были убиты многіе сторонники анти-японской партіи, и мятежники угрожали королю, который, опасаясь за свою безопасность, вынужденъ былъ просить помощи у японскаго посланника. Послѣдній прибылъ во дворецъ съ отрядомъ японскихъ солдатъ и расположился въ немъ для охраны личности короля, въ то же время ничего не предпринимая для подавленія народнаго возстанія въ самомъ городѣ. Въ этомъ послѣднемъ мятежники, не встрѣчая активнаго сопротивленія, предали казни многихъ членовъ королевской фамиліи и главнымъ образомъ родственниковъ королевы. Безпорядки въ Сеулѣ и прежде всего вмѣшательство въ корейскія дѣла японцевъ не могло быть безразличными для китайскаго правительства и вызвали активное участіе въ дѣлѣ содержимыхъ въ корейской столицѣ китайскихъ войскъ. Безхарактерный корейскій король, боясь неудовольствія Ли-хунъ-чжана, не решелъ на сторону китайцевъ, къ которымъ пристала также сеульская чернь, и японцы были вытѣснены изъ дворца. Отбиваясь отъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля, они бѣжали въ Чемульпо и укрылись на англійскомъ суднѣ. Послѣ всего этого опять правительство Микадо потребовало удовлетворенія, но на сей разъ уже прямо у китайцевъ, выказавшихъ явную къ нимъ враждебность. Японскій уполномоченный графъ Ито далъ понять, что, въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи, Японія вынуждена будетъ отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Въ то же время японцы начали предъявлять къ Сеульскому правительству разнаго рода требованія, и корейскій король, окруженный борьбою противныхъ партій, не встрѣчая фактической помощи со стороны Китая, по совѣту Меллендорфа, обратился къ Россіи, прося принять несчастную страну подъ свое покровительство. Нѣтъ надобности объяснять причинъ, въ силу которыхъ это ходатайство было отклонено, онѣ понятны сами собою.

Результатомъ этихъ безпорядковъ было заключеніе новой китайско-японской конвенціи, по которой Китай обязался убрать свои войска изъ столицы, наказать виновныхъ въ нападеніи на японцевъ, принудить Корею внести въ пользу Японіи значительное денежное вознагражденіе, корейскій же король обязался уволить Меллендорфа и ввести реформы въ гражданское и военное управленія страны. Вмѣстѣ съ этимъ оба договорившихся государства, выговорили себѣ право отправить въ Корею, въ случаѣ безпо-

рядковъ въ ней, свои войска. Хотя этимъ соглашеніемъ и опредѣлялись права обоихъ государствъ къ Кореѣ, но тѣмъ не менѣе быть прочнымъ оно не могло. Недостаточность вознагражденія, которое получили японцы, постоянныя вмѣшательства Китая въ жизнь страны, видимое безсиліе японцевъ передъ своимъ западнымъ сосѣдомъ пошатнули совершенно японскій престижъ на Корейскомъ полуостровѣ, и японскіе государственные дѣятели хорошо видѣли, что недалеко то время, когда Корея явится опять яблокомъ раздора между ихъ страной и Китаемъ. Столкновеніе двухъ державъ явилось неизбѣжнымъ, особенно послѣ того, какъ Корея подъ вліяніемъ Китая не исполнила требованій Японіи, на открытіе монетнаго двора въ Чемульпо, на что́ сама ранѣе дала свое согласіе, и отказалась удовлетворить японцевъ по нѣсколькимъ другимъ вопросамъ, вызваннымъ нарушеніемъ уже ранѣе заключенныхъ трактатовъ.

Всѣ эти неудачи японцевъ на полуостровѣ не могли не возбудить негодованія въ средѣ до мелочностей самолюбивой націи, и негодованіе это, особенно рѣзко выразившееся въ газетной прессѣ, рядомъ нападокъ на бездѣйствіе и вялость своего правительства, не могло не отразиться на взглядахъ и дѣйствіяхъ послѣдняго. Въ самихъ японскихъ правительственныхъ сферахъ начали наконецъ раздаваться голоса, требовавшіе, чтобы Японія заставила уважать Китай и японскія права въ Кореѣ, а въ то же время японцы настаивали на полной независимости Кореи, отлично понимая, что имъ тогда легче будетъ совершенно забрать весь полуостровъ въ свои руки. Китайско-японскія отношенія особенно обострились послѣ того, какъ китайское правительство косвеннымъ образомъ содѣйствовало корейскимъ властямъ въ захватѣ и убійствѣ одного изъ главныхъ зачинщиковъ возстанія 1885 года, корейца Кимъ-око-цзюна, живущаго въ Японіи на японскія деньги и яраго японофила.

Между тѣмъ несмотря на данное послѣ возстанія 1885 года обѣщаніе, корейское правительство не приняло никакихъ мѣръ, чтобы установить болѣе прочный порядокъ. Простой народъ по-прежнему продолжалъ терпѣть отъ взяточничества и произвола чиновнаго дворянства и по временамъ выражалъ свое негодованіе и ропотъ явными возмущеніями и бунтами. Начавшееся въ 1893 году въ одной изъ южныхъ провинцій Кореи возстаніе политико-религіозной секты или общества Тонгаковъ охватило весь югъ страны и хотя было легко подавлено, но на слѣдующій же годъ повторилось съ большею силою, начавъ при томъ распространяться и въ сѣверной провинціи полуострова, угрожая и самой столицѣ государства. Не имѣя силы подавить вспыхнувшій мятежъ своими средствами, корейскій король въ концѣ апрѣля того же 1894 года обратился опять за помощью въ Китай, на что́ послѣдній, по совѣту Ли-хунъ-чжана, выслалъ въ Корею двухъ-тысячный отрядъ войскъ. Но не успѣлъ еще отрядъ прибыть къ мѣсту назначенія, какъ возстаніе въ странѣ прекратилось. Казалось бы, что китайскимъ войскамъ нечего дѣлать въ Кореѣ, а тѣмъ не менѣе они остались и не выказывали намѣренія уйти изъ страны, почему Японія также не замедлила послать въ Корею четырехъ-тысячный отрядъ подъ начальствомъ генерала Оюима, который, прибывъ въ Чемульпо, отправилъ часть отряда для охраны своей миссіи въ столицѣ, а съ остальными войсками расположился лагеремъ въ самомъ Чемульпо и по дорогѣ въ Сеулъ. Одновременно съ этимъ были посланы японскія войска и въ Фузанъ, и въ Гензанъ, и вмѣстѣ съ посылкой ихъ Японія начала энергично готовиться къ войнѣ. Китайское правительство, озабоченное чрезмѣрнымъ количествомъ японскихъ войскъ въ странѣ и тревожными слухами съ острововъ, протестовало противъ японцевъ, которые заявили, что они согласны выполнить требованія китайцевъ при условіяхъ: отозванія изъ страны китайскихъ войскъ, уплаты затраченной на оккупацію суммы, и самое главное—на признаніи независимости Кореи. Условія эти были отвергнуты Китаемъ, который началъ приготовлятся къ войнѣ и въ то же время обратился къ Россіи съ просьбой о посредничествѣ. Пока происходили дипломатическіе переговоры заинтересованныхъ державъ, въ Сеулѣ начались новые безпорядки, заставившіе японцевъ занять корейскій дворецъ, арестовать короля и прервать телеграфное сообщеніе страны съ Китаемъ. Послѣ такого образа дѣйствія, война Японіи съ Китаемъ сдѣлалась неизбѣжной, и послѣдній началъ стягивать въ Корею сухопутныя войска. Здѣсь не мѣсто упоминать о ходѣ японско-китайской борьбы, начатой на корейской территоріи и перенесенной на берега Ляо-дуна и Шань-дуна, она слишкомъ свѣжа у всѣхъ. Окончившись полнымъ пораженіемъ Срединнаго царства и вмѣшательствомъ Европейскихъ державъ, она привела къ объявленію независимости Корейскаго государства. Но эта оффиціальная независимость, объявленная въ началѣ 1895 года (въ январѣ), была de facto призрачной, и скорѣе полуостровъ сдѣлался японской провинціей, чѣмъ самостоятельнымъ государствомъ. Японцы, недовольствуясь освобожденіемъ полуострова изъ-подъ сюзеренства Китая, рѣшили ввести въ немъ различныя реформы или вѣрнѣе японизировать Корею и уничтожить въ ней малѣйшіе признаки китайскаго вліянія. Введеніе реформъ поручено было знакомому со страною японцу графу Инуэ, который, несмотря на то, что знакомъ былъ съ корейцами, прослуживъ въ этой странѣ еще ранѣе

довольно долгое время, проводилъ въ жизнь народа мѣропріятія совершенно безцѣльныя, вовсе не соотвѣтствующія ни состоянію культуры, ни традиціямъ народа, ни духу его. Не взирая на отсутствіе въ корейскомъ народѣ признаковъ малѣйшей симпатіи къ японцамъ и ихъ государственнымъ порядкамъ, онъ старался на-ряду съ полезными реформами осуществить такія, которыя становились не только безцѣльными, но при томъ и противными для населенія, возбуждая ропотъ послѣдняго. Нѣтъ надобности говорить, что, проводя въ жизнь страны нововведенія, онъ, какъ истинный патріотъ своего отечества, старался прежде всего въ пользу охраненія интересовъ многочисленныхъ своихъ соотечественниковъ, попавшихъ съ острововъ для эксплоатаціи естественныхъ богатствъ страны и ея обитателей. Если уже либеральные оффиціальные представители японскаго правительства дѣйствовали въ такомъ духѣ, то легко себѣ представить, что̀ выдѣлывала ихъ меньшая братія, купцы, ремесленники, рабочіе и различные авантюристы. Послѣдніе своимъ заносчивымъ и презрительнымъ отношеніемъ къ простому народу, а нерѣдко и рѣзкостью и грубостью обращенія съ ними способствовали ухудшенію отношеній и распространенію непріязни не только къ самымъ японцамъ, но и ихъ нововведеніямъ безъ различія, полезны ли они или нѣтъ. Особенное негодованіе и раздраженіе народа возбудило запрещеніе носить національный костюмъ и обязательное остриганіе волосъ. На почвѣ такихъ недовольствъ начали обнаруживаться многочисленныя интриги, вооруженныя столкновенія, дворцовые заговоры, и въ концѣ концовъ все это перешло въ нескрываемую, дружную по сложности и духу, антияпонскую агитацію. Во главѣ этой агитаціи стояла королева, которая пріобрѣла сильное вліяніе на своего мужа и заставила его отмѣнить многія реформы, насильно введенныя японцами. Борьба Японіи и національной партіи окончилась весьма трагически для самой королевы и многихъ изъ ея родственниковъ по фамиліи Минъ. Такъ, въ октябрѣ 1895 года японскіе солдаты совмѣстно съ приверженцами бывшаго регента Тай-вэнъ-гуна напали на королевскій дворецъ и умертвили королеву вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ ея сторонниковъ. Желая скрыть убійство, японцы подожгли дворецъ, но имъ не удалось скрыть слѣдовъ преступленія и своего участія въ немъ. Вѣроломное убійство корейской королевы возбудило общее негодованіе и заставило японское правительство назначить оффиціальное разслѣдованіе. Хотя японское правительство, при производствѣ того слѣдствія, старалось всѣми мѣрами устранить свое участіе въ этомъ дѣлѣ, въ результатѣ же обвинило во всемъ бывшаго регента Тай-вэнъ-гуна; тѣмъ не менѣе, оно не было въ состояніи убѣдить въ своей непричастности народъ и представителей иностранныхъ державъ въ Сеулѣ. Послѣдніе, собравшись на особомъ для этой цѣли митингѣ, разсмотрѣвъ всѣ детали дѣла, вынесли заключеніе, что не только заговоръ противъ фамиліи Минъ и королевы, но и самое злодѣяніе были совершены японцами, при томъ съ вѣдома японскаго представителя, виконта Міура, только-что передъ тѣмъ отозваннаго изъ Кореи. Эта резолюція иностранныхъ дипломатовъ, переданная въ ихъ кабинеты, возстановила противъ образа дѣйствій японцевъ чуть не всѣ націи европейскаго материка и заставила ихъ обратить на образъ дѣйствія передовой націи азіатскаго востока должное вниманіе. Будучи дискредитированы въ глазахъ Европы, которой они такъ упорно старались подражать, японцы вынуждены были на время прекратить видимое активное вмѣшательство въ жизнь страны и начали дѣйствовать болѣе скрытно. Правда, возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ была предотвращена нотою Россіи, давшей понять, что она не допуститъ нарушенія независимости противъ короля и нарушенія законнаго порядка, но тѣмъ не менѣе, уже въ началѣ февраля 1896 года, королю сдѣлалось извѣстно, что противъ него, его же собственные министры, правда, японизированные, составили заговоръ. Результатомъ этого открытія было бѣгство короля въ помѣщеніе русской дипломатической миссіи подъ охрану русскаго флага, для поддержанія достоинства котораго прибыли въ Чемульпо десанты съ русскихъ военныхъ судовъ. Тогда же король заявилъ собравшимся представителямъ иностранныхъ державъ причину его бѣгства въ русскую миссію и издалъ указъ объ арестѣ всѣхъ членовъ своего кабинета, дѣйствовавшихъ по японскимъ указаніямъ. Этотъ указъ возбудилъ въ Сеулѣ волненіе черни, которое выразилось въ убійствѣ нѣкоторыхъ корейцевъ, японскихъ партизановъ, и только заявленіе короля, что онъ находится въ безопасности, остановило дальнѣйшія волненія. Проживая въ русской миссіи въ полнѣйшей безопасности, охраняемый нашими матросами, король убѣдился, что только надежныя, хорошо организованныя и преданныя войска могутъ гарантировать его относительную безопасность и просилъ бывшихъ при десантѣ офицеровъ обучить нѣсколькихъ корейцевъ, а впослѣдствіи обратился къ Русскому правительству съ просьбою прислать въ Корею военныхъ инструкторовъ и совѣтника по финансовымъ вопросамъ. Результаты этой просьбы и обратное отозваніе русскихъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника еще такъ свѣжи въ памяти у всѣхъ, что и повторять ихъ здѣсь едва-ли не излишне, тѣмъ болѣе, что инструкторскій вопросъ въ Кореѣ еще далеко не исчерпанъ, и послѣдствія этого отозванія уже дали себя знать, почти тотчасъ

же какъ были удалены русскіе совѣтники и король остался одинокимъ со своими министрами. Не успѣли еще русскіе выѣхать изъ страны, какъ въ сѣверной части ея уже началось возстаніе, охватившее вскорѣ и всю страну. Поводы къ этому возстанію, а равно и подпольныя пружины возбужденія его еще не выяснены съ достаточной точностью и еще ждутъ своего описателя, но ни для кого не составляетъ секрета, что при настоящихъ условіяхъ существованіе независимой Корейской имперіи едвали возможно безъ вмѣшательства другихъ державъ. Не мѣшаетъ упомянуть, что въ концѣ прошлаго (1897) года корейскій правитель увѣдомилъ иностранныхъ представителей, что онъ измѣнилъ свой корейскій титулъ на императорскій, и такимъ образомъ изъ королевства полуостровъ сдѣлался имперіей. Признаніе Россіею этого титула является лучшимъ доказательствомъ стремленія ея, чтобы несчастная страна была независимой и имѣла собственное управленіе* [1]).

Мѣстопребываніе центральной администраціи, которое есть въ то же время и королевская резиденція, Хань-янъ, болѣе извѣстно подъ именемъ Сеула, которое по-корейски значитъ просто «Столица». Это большой городъ, постройки котораго, разбросанныя въ безпорядкѣ, окружены стѣной, имѣющей около 15 верстъ по окружности; народная перепись 1793 года, результаты которой приведены въ книгѣ Давелля, насчитывала въ немъ 190.000 жителей, новѣйшія свѣдѣнія опредѣляютъ цифру его населенія въ 219.815 [2]) душъ. Сеулъ занимаетъ очень красивое мѣстоположеніе у южной подошвы хребта Гоа-шань и на западѣ отъ горной цѣпи Гуанъ-линъ, защищающей его отъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ; съ южной стороны городъ огибаетъ излучина рѣки Хань-янъ, черезъ которую построенъ каменный мостъ; къ сѣверо-западу рѣка мало-по-малу расширяется и, сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ, образуетъ лиманъ, называемый Погай, посредствомъ котораго и сливается съ водами Чжилійскаго залива. Сеульская рѣка сообщается съ открытымъ моремъ двумя проходами, изъ которыхъ одинъ находится на югѣ, а другой на сѣверѣ отъ большаго острова Канъ-хоа; но эти каналы мелководны и даютъ доступъ въ рѣку только въ часъ прилива, и всѣ суда должны останавливаться въ 5 верстахъ ниже Сеула. Столица Кореи не имѣетъ сколько-нибудь замѣчательныхъ зданій, кромѣ обширнаго королевскаго дворца и высшаго училища, гдѣ получаютъ образованіе около 500 студентовъ.

Нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, Канъ-хоа, имѣетъ по Опперту, отъ пятнадцати до двадцати тысячъ жителей, защищаютъ подходы къ Сеулу. Въ сосѣдствѣ столицы находится королевскій пригородъ Соу, который можно назвать корейскимъ Версалемъ и Сенъ-Дени: здѣсь погребены государи Кореи, въ «золотыхъ гробахъ», какъ гласитъ народная молва. Въ 1868 году нѣкоторые американскіе и нѣмецкіе искатели приключеній, пріѣхавшіе секретно въ страну, покушались было сдѣлать исчаянное нападеніе на этотъ некрополь; но, открытые во-время, они были отражены поселянами; это дерзкое предпріятіе и вызванная имъ схватка имѣли то слѣдствіе, что правительство Соединенныхъ Штатовъ сочло долгомъ показать свой флагъ въ Сеульской рѣкѣ и разрушить кос-гдѣ стѣны пушечными выстрѣлами [1]).

Прежняя столица, Сондо (Касіонъ), которая была разрушена японцами въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, нынѣ опять пріобрѣла очень важное значеніе, какъ торговый центръ: она находится въ болѣе близкомъ разстояніи отъ моря, чѣмъ Сеулъ, и потому легче доступна пріѣзжимъ купцамъ. Пхіонъ-янъ—одинъ изъ главныхъ городовъ сѣверо-западной провинціи. Этотъ городъ до сихъ поръ еще ведетъ довольно большую торговлю такъ же, какъ Ы-чжу, построенный близъ устья рѣки Ялуцзяна. Въ южной части страны замѣчателенъ, какъ главный рынокъ края, городъ Тай-гу (Дайкіо), въ которомъ каждый годъ бываютъ двѣ большія ярмарки, гдѣ обмѣниваются продукты и товары, привозимые японцами изъ Фузана.

Гораздо большее значеніе для жизни страны имѣютъ открытые порты Кореи. Портъ Чемульпо расположенъ при устьѣ одного изъ многочисленныхъ рукавовъ Сеульской рѣки и открытъ для иностранной торговли въ 1882 году. Представляя до того времени жалкоек орейское селеніе, жители котораго занимались рыболовствомъ, Чемульпо въ настоящее время разросся въ порядочный городъ съ иностраннымъ населеніемъ въ 4.675 человѣкъ. Въ немъ имѣютъ пребываніе агенты Великобританіи, Японіи, Китая, а въ послѣднее время и Россіи (вице-консулъ).

Хозяйственное управленіе иностраннаго квартала находится въ рукахъ муниципальнаго совѣта смѣшаннаго состава (корейскій чиновникъ и 3 европейца изъ числа домовладѣльцевъ). Торговые обороты Чемульпо по Покотилову за послѣдніе годы достигли 4 милліоновъ рублей, при чемъ ввозъ по цѣнности болѣе вывоза въ три раза. Предметами вывоза являются сельскіе продукты: бобы, жмыхи, рисъ и кожи, ввозятся же главнымъ образомъ мануфак-

[1]) Этотъ очеркъ политической жизни страны составленъ главнымъ образомъ по книгѣ Коростовцева и газетнымъ статьямъ. Прим. ред.

[2]) „Korean Repository 1898", Vol. V. № 1.

[1]) „United States diplomatic correspondance", 1870.

турныя издѣлія и при томъ почти всѣ японскаго приготовленія. Въ настоящее время Чемульпо соединяется желѣзной дорогой съ Сеуломъ, которая строится американской компаніей Морса.

Слѣдующій по значенію портъ Кореи, Фузанъ, лежащій на юго-востокѣ полуострова къ востоку отъ устья р. Накъ-тонъ-ганъ, былъ японскимъ поселеніемъ еще съ начала XVII вѣка и съ того времени является главнымъ складочнымъ мѣстомъ японско-корейской торговли. Японцы имѣютъ здѣсь какъ бы свой родной городъ, который по благоустройству рѣзко разнится отъ таковаго же корейскаго, росположеннаго не вдалекѣ отъ берега. Къ 1895 году иностранное населеніе Фузана было въ 4.985 человѣкъ, изъ которыхъ 4 953 было японцевъ, семь китайцевъ, и 25 европейцевъ и американцевъ. При такомъ перевѣсѣ японскаго элемента понятно, что вся торговля порта находится въ японскихъ рукахъ. Торговый оборотъ достигаетъ до 3 милліоновъ рублей въ годъ, а предметы ввоза и вывоза тѣ же, что и во Чемульпо. Занимая выгодное положеніе вблизи острова Цу-симы, портъ Фузанъ является для сосѣдней Японіи весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Въ настоящее время въ немъ, если вѣрить газетамъ, проживаетъ постоянный японскій гарнизонъ, и японцы хлопочутъ о проведеніи черезъ полуостровъ отъ Фузана къ Сеулу желѣзнодорожной линіи, разрѣшеніе на каковую они получили еще въ 1894 году. Портъ соединенъ подводнымъ телеграфомъ съ съ Цу-симой и Японіей и пароходнымъ сообщеніемъ съ Владивостокомъ, Нагасаки и Чжифу.

Третій изъ открытыхъ въ странѣ для иностранной торговли портовъ, самый сѣверный изъ всѣхъ, это Гензанъ, лежащій въ южной части бухты Лазарева. Бухта эта, занимающая пространство въ 80 кв. верстъ, хорошо защищена отъ вѣтровъ и представляетъ прекрасную стоянку для морскихъ судовъ. Есть убѣжденіе (хотя оно требуетъ тщательной повѣрки), что портъ Лазаревъ остается открытымъ круглый годъ, и потому на него неоднократно указывали какъ на удобный выходъ Сибирской желѣзной дороги Самый городъ Гензанъ вытянулся вдоль бухты и состоитъ изъ 2 тысячъ домовъ, въ которыхъ проживаетъ до 10 тысячъ корейцевъ.

Иностранцы рѣдко селятся въ этомъ пунктѣ, и вся торговля порта сосредоточена въ рукахъ предпріимчивыхъ японцевъ, которые, начавъ торговлю въ немъ съ 80 года, образовали особый городъ, имѣютъ своего консула, содержатъ гарнизонъ и вообще стараются изъ этого мѣста сдѣлать такую же японскую колонію, какъ и въ Фузанѣ. Торговые обороты порта въ послѣднее время начинаютъ увеличиваться и въ 1895 году достигли 2.816.306 рублей; главные предметы вывоза: золотой песокъ, бобы, сушеная рыба и звѣриныя шкуры.

Въ октябрѣ 1897 года Корейское правительство, уступая усиленнымъ стараніямъ иностранцевъ, а главнымъ образомъ японцамъ, объявило открытыми для иностранной торговли еще два порта Мокпо и Цзинъ-намъ-по.

Первый изъ названныхъ портовъ, лежащій на юго-западной оконечности полуострова у устья рѣки Юнь-сань-ганъ, уже давно указывался какъ пунктъ, желательный для японской торговли, второй же, расположенный на правомъ берегу устья Та-донъ-гана, является портомъ всей сѣверо-западной части страны и портомъ такого важнаго города сѣверной части страны, какъ Пхіонъ-янъ. Значеніе этихъ портовъ еще не успѣло выясниться, какъ корейцы уже намѣрены открыть еще три порта: Кильчжу на восточномъ побережьѣ, сѣвернѣе Гензана, Масаньпо на югѣ полуострова, близъ Фузана, и Кумьсань на западномъ берегу между Чемульпо и Мокпо. Въ настоящее время всѣ открытые порты соединены пароходнымъ сообщеніемъ японской линіи компаніи Нипонъ-Юзенъ-Кайша и русской линіи пароходства Шевелева.

Торговля Кореи какъ внутренняя, такъ и внѣшняя оставляетъ желать весьма многаго. Обороты внѣшней торговли за 1893 годъ исчислялись приблизительно: ввозъ въ 3.143 тыс. руб.; вывозъ 2.118 т. руб., и такимъ образомъ весь оборотъ достигалъ цѣнности 5.261 т. руб.

Большая часть этой суммы приходится на Японію, а именно 3.174 т. руб., при чемъ цѣнность ввоза и вывоза почти одинаковы. Обороты торговли съ Китаемъ въ томъ же году исчислялись въ 2 051 т., при чемъ цѣнность ввезенныхъ изъ Китая товаровъ превысила вывозъ въ него изъ Кореи въ три раза (= 1.544 т. руб.). Морская торговля съ Южно-уссурійскимъ краемъ совсѣмъ незначительна: она едва достигаетъ 40 тысячъ, а въ 1893 году равнялась только 36 т., изъ которыхъ на долю русскихъ товаровъ пришлось 20 тысячъ.

Главными предметами внѣшней морской торговли Кореи являются ввозимыя хлопчатобумажныя ткани, шерстяныя и механическія издѣлья и керосинъ. Среди предметовъ вывоза обращаютъ вниманіе: золото, бобы, рисъ, кожи и рыба.

Общее число судовъ какъ парусныхъ, такъ и паровыхъ, въ 1893 году посѣтившихъ корейскіе порта достигло 1.322 съ водоизмѣщеніемъ въ 388 т. тоннъ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ суда японскія, среди которыхъ насчитываютъ 383 парохода и 573 парусника съ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 304 т. тоннъ.

Сухопутная внѣшняя торговля Кореи съ Россіей еще незначительна, хотя все-таки обороты ея превышаютъ обороты морской торговли съ нами. Торгъ происходитъ главнымъ образомъ черезъ пограничную Красносельскую

заставу, на берегу р. Тумень-ула, при чемъ главнымъ предметомъ торговли со стороны Кореи является рогатый скотъ, а отъ насъ идутъ мануфактурные и металлическіе товары*.

По оффиціальной географіи Чаосяня, частію переведенной Шарлемъ Далле, въ королевствѣ насчитываютъ 106 настоящихъ, то-есть обнесенныхъ стѣнами, городовъ.

Когда японцы явились полными хозяевами несчастнаго королевства, то они для удобства управленія, а отчасти и для того, чтобы получить возможность имѣть большее число своихъ сторонниковъ во всѣхъ частяхъ страны, раздѣлили Корею на 23 провинціи, взамѣнъ существовавшаго до того времени дѣленія на 8 провинцій. Губернаторами новыхъ провинцій были посажены японскіе приверженцы. Когда затѣмъ японское вліяніе въ странѣ упало и престижъ ихъ исчезъ, корейское правительство рѣшило ввести древнее раздѣленіе страны на 8 провинцій, но, въ виду обширности нѣкоторыхъ изъ нихъ, раздѣлить послѣднія каждую пополамъ. Такимъ образомъ въ настоящее время страна дѣлится на 13 провинцій, каждая провинція дѣлится на округи, а послѣдніе на уѣзды.

Слѣдующая таблица дастъ списокъ всѣхъ провинцій или дорогъ Кореи съ ихъ главными городами и количествомъ населенія по свѣдѣніямъ 1897 г. *[1]).

Населеніе Кореи и ея административные пункты.

Названіе провинціи	Число уѣзд.	мужчинъ.	женщинъ.	всего	доховъ.	Главные города.
Хань-янъ (Сеулъ) [1])	—	115.447	104.768	219.815	45.350	Столица государства.
Кіонъ-гый-до (столичная).....	28	352.863	291.367	644.230	167.230	Су-уонь
Чюнъ-чіонъ-д сѣверная	17	147.330	132.372	279.702	72 313	Чюнъ-чжю.
„ южная.....	37	215.058	171 869	386·927	114.793	Конъ-чжю
Чжіолла-до сѣверная.....	36	189.780	150.342	340.122	97.815	Чжіонь-чжю.
„ южная..	33	199.791	166.249	366.090	104.918	Коапъ-чжю.
Кіонъ-санъ-до сѣверная..... .	41	306.854	242.959	549.813	149.952	Тä-гу.
„ южная	30	261.499	199.533	461.032	126.972	Чжинь-чжю.
Хä-анъ-ха-до..	24	184.456	151.059	335.515	93.550	Хä-чжю.
Пхіонъ-янъ-до сѣверная	23	198.331	168.918	367.241	96.406	Іонъ-біонь
„ южная	21	198.487	158.205	357.192	86.888	Пхіонъ-янъ.
Канъ-уонь-до	26	142.205	111.897	254.100	75.853	Чунь-чіонь.
Хамъ-гіонъ-до сѣверная.....	14	208.068	177.384	385.452	59.674	Кіонъ-сіонъ.
„ южная	20	148.900	101.897	250 797	41 187	Хамъ-хынъ.
Итого	340	2 869.767	2.328.481	5.198.028	1.332.501	

Глава VII

Японія.

Японія, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ острововъ и островковъ, имѣетъ лишь весьма незначительное протяженіе въ сравненіи съ громадной Китайской имперіей, къ которой она, повидимому, принадлежитъ географически, какъ одна изъ составныхъ частей азіатскаго материка. Но это маленькое государство, которое не занимаетъ даже тысячи-трехъ-сотой доли поверхности земнаго шара, есть, тѣмъ не менѣе, одна изъ самыхъ любопытныхъ странъ въ мірѣ, по своей природѣ, по своимъ обитателямъ, по своей исторіи, и по тому политическому значенію, которое оно успѣло пріобрѣсти въ короткое время въ средѣ другихъ державъ на Дальнемъ востокѣ, а также и въ особенности по событіямъ, совершающимся тамъ въ наше время. Изъ всѣхъ націй, живущихъ внѣ Европы, Новаго свѣта и Австраліи, японцы—единственные люди, которые приняли по своей доброй волѣ цивилизацію Запада и которые стараются примѣнять у себя всѣ ея завоеванія матеріальныя и нравственныя. Они не имѣли, какъ многіе другіе народы, несчастія потерять свою независимость, и сила не навязывала имъ нравовъ побѣдоносной націи; господство какой-либо чуждой религіи тоже не группировало ихъ, какъ стадо, подъ власть законовъ ихъ обратителей. Свободные политически и религіозно, они вступаютъ въ качествѣ добровольныхъ

[1]) „Korean Repository", 1848 vol. I № 1.

[1]) Столица Хань-янъ (Сеулъ) составляетъ особый округъ, выдѣленный по управленію, отъ остальной провинціи, главный же начальникъ провинціи живетъ въ городѣ Со-уонь къ югу отъ Сеула.

учениковъ, а не въ качествѣ подданныхъ въ европейскій міръ, чтобы заимствовать у него его идеи и нравы. Тогда какъ китайцы, гордые своей древней цивилизаціей, сознающіе свою силу и справедливо относящіеся съ недовѣріемъ къ тѣмъ иноземнымъ варварамъ, которые приходили громить пушками ихъ города и жечь ихъ дворцы, принимаютъ уроки западныхъ народовъ лишь послѣ долгихъ колебаній и подъ давленіемъ событій,—японцы, напротивъ, съ юношескимъ увлеченіемъ стараются преобразиться въ европейцевъ, какъ они нѣкогда пробовали измѣниться въ китайцевъ. Каковъ бы ни былъ успѣхъ ихъ попытки, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что, съ точки зрѣнія научныхъ знаній и промышленнаго прогресса, Японія принадлежитъ отнынѣ къ группѣ націй, пользующихся такъ называемой «западной» или «арійской» цивилизаціей. Міръ европейской культуры, который еще въ началѣ текущаго столѣтія заключалъ только около 150 милліоновъ людей, состоитъ въ настоящее время почти изъ полумилліарда индивидуумовъ, не только въ Европѣ и въ Новомъ свѣтѣ, но также въ Африкѣ, въ Австраліи и въ Азіи. Географическое положеніе Японіи придаетъ особенную важность этому новому присоединенію. Расположенная на половинѣ пути изъ Санъ-Франциско въ Лондонъ черезъ Тихій океанъ и Россійскую имперію, имперія «Восходящаго солнца» пополняетъ собою поясъ земель европейской цивилизаціи въ сѣверномъ полушаріи. Она связываетъ востокъ и западъ міра, и посредствомъ окружающаго его моря командуетъ всѣми дорогами, которыя ведутъ къ Малайскимъ островамъ, Австраліи, Индо-Китаю и прибрежнымъ странамъ Тихаго и Индійскаго океановъ. Кромѣ того, населеніе его довольно многочисленно и довольно промышленно, чтобы могло быстро занять роль капитальной важности въ исторіи торговли и общей цивилизаціи. Уже и теперь многіе европейскіе писатели говорятъ о Нишонѣ, какъ о «Великобританіи» Востока. Пространство Японіи исчисляется въ 27.062,46 квадратныхъ ри [1]), а народоселеніе ея въ 1897 году состояло изъ 42.708.264 душъ, такъ что, слѣдовательно, на одинъ квадратный ри приходится, среднимъ числомъ, 1.722 [2]) жителей.

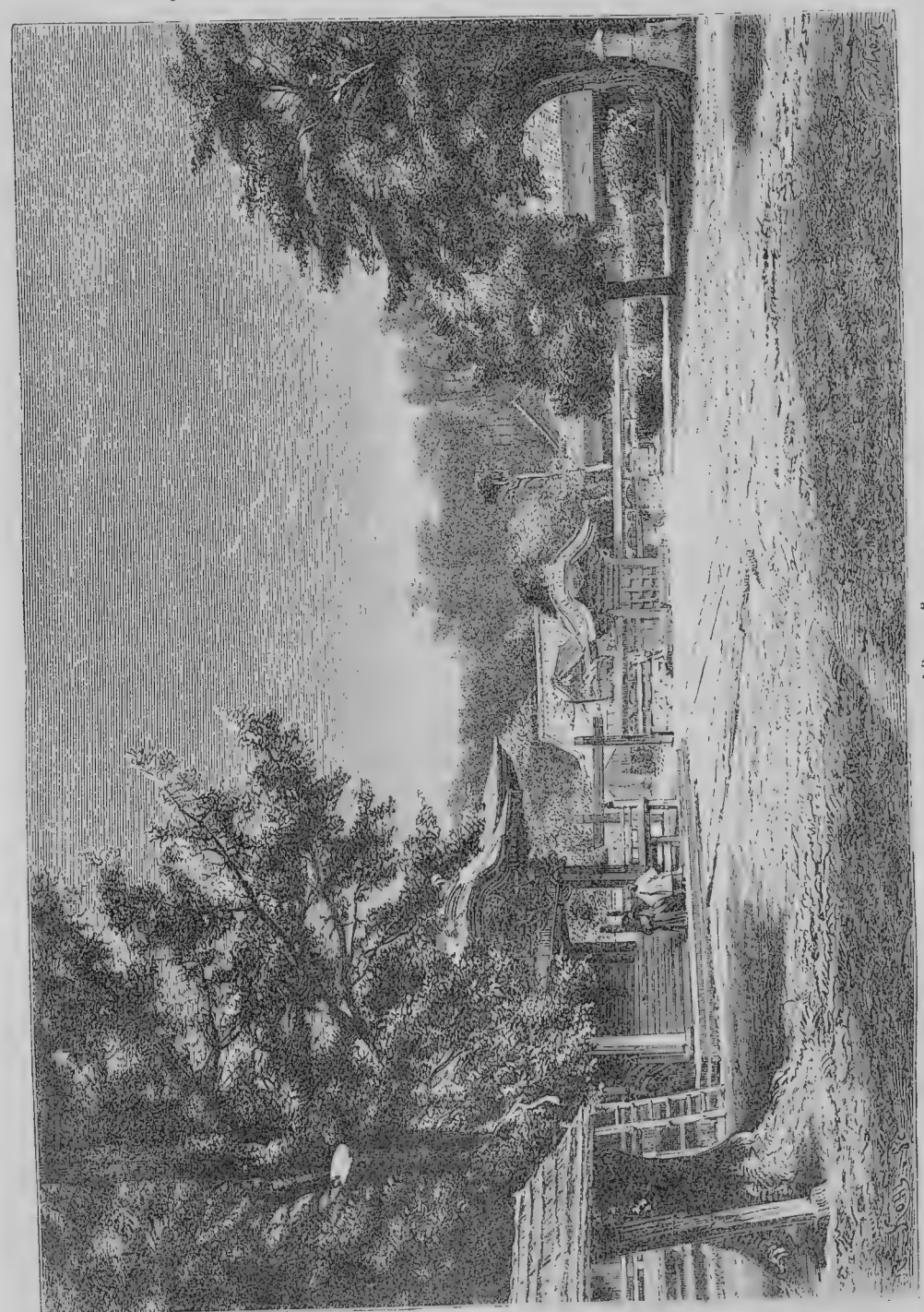
Японскій архипелагъ вмѣстѣ съ Формозою составляетъ географическое цѣлое, совершенно ограниченное, по крайней мѣрѣ, если включить въ него еще островъ Сахалинъ, уступленный Россіи въ 1875 году, въ обмѣнъ на гряду Курильскихъ острововъ. Не принимая въ разсчетъ детальныхъ неровностей рельефа, легко признать, что островъ Сахалинъ есть сѣверная часть длиннаго выступа земель, который продолжается островомъ Іессо, половиной острова Гондо (Хондо) и островами и островками, примыкающими на югѣ къ архипелагу острововъ Огасавара или Бонинъ-сима. Къ этой оси, почти параллельной меридіану, которая продолжается по прямой линіи на протяженіи около 3.000 километровъ, присоединяется на сѣверо-востокѣ слегка изогнутая кривая Курильскихъ острововъ, связывающая вулканическій очагъ Камчатки съ такимъ же очагомъ острова Іессо. Но мы знаемъ, что въ восточной Азіи всѣ земли, какъ цѣпи острововъ, такъ и берега континента, представляютъ однообразно это криволинейное расположеніе. Гондо, или Нишонъ, главный островъ Японіи, описываетъ кривую, обращенную, какъ и круговая дуга Курильскихъ острововъ, своей выпуклой стороной къ открытому морю и направляющуюся на сѣверо-западъ къ конечному архипелагу Кореи. На югѣ отъ главной, по пространству, земли Японской имперіи, различныя островныя группы, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Ріукіу (Лю-цю), тоже расположены въ формѣ дуги круга между островами Кіусіу и Формозой и вмѣстѣ съ послѣдней и Нескадорскими островами составляютъ одно цѣлое. Такимъ образомъ Японія, разсматриваемая въ цѣломъ, состоитъ изъ меридіональной оси и трехъ кривыхъ, слѣдующихъ одна за другой по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Южная область острова Іессо, вокругъ Залива вулкановъ, массивъ горъ Никко на главномъ островѣ и центральная группа высотъ Кіусіу составляютъ узлы пересѣченія этихъ различныхъ линій, и именно въ этихъ точкахъ встрѣчи находятся самые дѣятельные вулканическіе очаги архипелага. Три кривыя—гряды Курильскихъ острововъ, острова Гондо и архипелага Ріукіу,—образуютъ крутые берега самыхъ глубокихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, пучинъ океана; но съ западной стороны онѣ отдѣлены отъ твердой земли лишь поверхностными промоинами почвы. Посредствомъ Сахалина Японія, такъ сказать, касается континента; посредствомъ острововъ Кіусіу и промежуточнаго острова Цу-сима, она близко подходитъ къ Кореѣ, при чемъ лотъ опускается не болѣе, какъ на 100 и до 120 метровъ въ раздѣляющемъ ихъ каналѣ. Только между Татарскимъ проливомъ и двумя проливами острова Цу-сима Японское море образуетъ глубокую впадину, и не далеко отъ мыса Казакова, на сѣверо-востокѣ Кореи, нашли пропасти, гдѣ лотъ опускается на 2.690 метровъ отъ поверхности; около середины бассейна глубины, вѣроятно, еще болѣе значительны.

Безъ ожерелья Курильскихъ острововъ, Формозы, и другаго ожерелья, образуемаго архипелагомъ Ріукіу, Японія въ собственномъ смыслѣ состоитъ изъ четырехъ большихъ острововъ: Іессо или «земля варваровъ», Гондо или Нишонъ, Сикокъ или «четыре провинціи», Кіусіу или «девять

[1]) 1 квадр. ри=995 кв. мили.

[2]) „Résumé statistique de l'Empire du Japon", Токіо. 1898.

странъ», и безчисленнаго множества меньшихъ острововъ и островковъ, которые соединяются съ сосѣднимъ морскимъ берегомъ посредствомъ подводныхъ перешейковъ, или которые поднимаются въ видѣ вулканическихъ горъ надъ



Японскій пейзажъ.

поверхностью глубокихъ водъ. Японскія географіи часто говорятъ о 3.850 островахъ, но не указывая, на какой именно границѣ морской поверхности онѣ останавливаются въ своей номенклатурѣ, ибо если считать всѣ земли, окруженныя моремъ, всѣ скалы, выступающія изъ-подъ воды, то это число окажется еще значительнѣе [1]). Давая своему отечеству названіе Ого-я-сима или «Восьми большихъ острововъ», японцы имѣли въ виду главные, входящіе въ его составъ острова Садо, Цу-сима, Оки и Ики въ Японскомъ морѣ, Аваджи во вну-

[1]) „Résumé statistique 1828 г." даетъ цифру острововъ равную 4.870. Прим. ред.

тренемъ морѣ, но они не считаютъ Іессо, а тѣмъ болѣе Формозу, которые еще недавно были для нихъ чужими странами. Замѣтимъ здѣсь, что звукъ японскихъ словъ можетъ быть переданъ почти точно алфавитомъ европейскихъ языковъ. Метода транскрипціи, предложенная Гепбориомъ и Сатоу, вошла почти во всеобщее употребленіе. Однако, въ виду того, что звукъ *y* исчезаетъ почти совершенно въ живой рѣчи, намъ казалось приличнѣе отбрасывать его въ концѣ словъ. Мы сохраняемъ букву *c* для соотвѣтственнаго, слегка придыхательнаго, звука, употребляемаго въ южной части имперіи, который англійскіе авторы передаютъ звукомъ *sh* (*ш*); такъ, мы пишемъ Куро-сиво, по методѣ гг. Леонаде Рони и Турретини, а не Куро-шиво. Самый большой островъ, называемый самими японцами Хондо, Гондо или Гонтси (Главная земли), Тсіудо (Центральная земли), Найтси (Внутренняя земля, или «Материкъ»), чаще означается въ Европѣ именемъ Ниппонъ, которое принадлежитъ всей группѣ острововъ: это наименованіе, буквальный смыслъ котораго «Страна восходящаго солнца». Японія получила по причинѣ ея положенія на востокѣ отъ Китайской имперіи и всего Стараго свѣта. По общепринятому у моряковъ обычаю, названіе «Крайній востокъ» примѣняется къ Японіи и къ китайскому прибрежью, тогда какъ, по другую сторону Тихаго океана, Калифорнія обыкновенно означается именемъ «Крайняго запада». Слѣдовательно, условная раздѣльная линія между двумя половинами свѣта, опредѣляемая 180-мъ градусомъ долготы къ востоку и къ западу, либо отъ острова Ферро, либо отъ Парижа или Гринвича, проходитъ по срединѣ Великаго океана. Хотя дни въ Іедо начинаются девятью часами ранѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и только черезъ шесть или семь часовъ послѣ наступленія дня въ Санъ-Франциско, числа мѣсяца тѣ же самые въ Японіи и въ западной Европѣ: переплывая Тихій океанъ изъ Стараго свѣта въ Новый, путешественникъ считаетъ одинъ и тотъ же день два раза; дѣлая переходъ въ обратномъ направленіи, онъ перескакиваетъ черезъ одинъ день календаря или насчитываетъ лишній день.

У японцевъ существуетъ много поэтическихъ названій ихъ архипелага: это «Мирный берегъ», «Земля храбрости» или «Земля чести и вѣжливости»; это «Отвердѣвшая капля воды» или «Страна между небомъ и землей». Японскіе ученые и поэты даютъ иногда своему отечеству имя Фузанъ-куэ, передѣланное по-японски въ Фузанъ-кокъ и намекающее на ту таинственную страну, лежащую на востокѣ міра, которую описываютъ древніе китайскіе авторы, какъ изобилующую чудесами всякаго рода. Знали или нѣтъ восточные народы о существованіи Новаго свѣта за полторы или двѣ тысячи лѣтъ ранѣе европейцевъ [1]), это имя Фузанъ примѣнялось въ особенности къ баснословной странѣ, гдѣ растутъ деревья, высота которыхъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ локтей, и которыя приносятъ плоды только одинъ разъ въ девять тысячъ лѣтъ. Живя на востокѣ отъ Китая, на краю океана, который казался имъ безпредѣльнымъ, японцы могли думать, въ эпоху, когда прекратились всякія сношенія ихъ имперіи съ китайцами, что эта земля Фузанъ, упоминаемая въ древнихъ лѣтописяхъ, была именно ихъ страна. При томъ же, такъ какъ слово фузанъ (фузо) означало названіе сказочной шелковицы, древесина которой имѣетъ будто-бы свойство постоянно твердѣть и, наконецъ, дѣлается нерушаемой, то они любили сравнивать это дерево съ своимъ отечествомъ, торжествующимъ надъ всѣми опасностями, побѣдоносно поборящимъ всѣхъ своихъ враговъ [2]).

Марко Поло принесъ въ Европу, вмѣсто всякихъ свѣдѣній объ островахъ «Восходящаго солнца», только имя Зипангу, или Зипангъ, передѣланное въ Зипанъ малайцами, въ Японію (Japon, Japan) европейцами. Однако, и онъ говоритъ тоже о чудесныхъ богатствахъ этой страны, объ ея дворцахъ, крыши которыхъ обиты листами изъ чистаго золота, а полы вымощены слитками того же металла. Извѣстно, что Христоферъ Колумбъ полагалъ, что онъ нашелъ эту счастливую землю, когда присталъ къ берегамъ острова Кубы; но только спустя полвѣка послѣ него, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ кругосвѣтнаго путешествія Магеллана, въ 1543 году, португальскіе мореплаватели, Мендезъ Пинто, Діего Замото и Борралло, пристали, гонимые бурей, къ острову Танега, на югѣ архипелага Кіусіу. Они были приняты островитянами самымъ радушнымъ образомъ; вскорѣ установились торговыя сношенія межлу Малаккой и Японіей, даже устраивались браки между иностранцами и богатыми туземными дѣвушками. Но слѣдомъ за мореплавателями явились миссіонеры, и не прошло столѣтія, какъ уже вспыхнули религіозныя войны: христіане были изгнаны или перебиты, и только голландскимъ негоціантамъ, подъ условіемъ, если они согласятся плевать на распятіе и топтать его ногами, было дозволено вести торговлю съ Японіей въ своей конторѣ или, вѣрнѣе сказать, въ своемъ гетто, на островѣ Де-сима (Де-цима), въ Нагасаки. Хотя удаленные, какъ-бы сосланные, на этотъ маленькій

---

[1]) De Guignes, „Recherches sur les navigations des Chinois du côté de l'Amerique"; - Leland, „Discovery of America";—Neumann„Zeitschrift für allgemeine Erdkunde", 1864;—Matouanlin, trad. par d'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

[2]) Pfoundes, „Fu-so mimi Bukuro", Budget of Japanese notes;—Л. Мечниковъ, „Японская имперія".

островокъ, лежащій у юго-западной оконечности Японскаго архипелага, голландцы успѣли ознакомиться съ естественной исторіей страны и съ нравами народа, который принялъ ихъ съ такимъ недовѣрчивымъ гостепріимствомъ, и великія сочиненія Кемпфера и Зибольда останутся въ числѣ драгоцѣннѣйшихъ документовъ, которые мы имѣемъ относительно Нипона.

Сами японцы, хотя ихъ правительство приняло всѣ мѣры, чтобы предохранить ихъ отъ вліянія голландцевъ, терпимыхъ въ факторіи Де-цима, нашли средство научиться кое-чему отъ иностранцевъ, и географическіе труды, которые они издали въ свѣтъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, носятъ на себѣ очевидные слѣды европейскаго обученія. Въ 1778 году начаты были операціи по генеральному кадастру Японіи, который былъ оконченъ только въ 1807 году, и на основаніи данныхъ этого кадастра, японскій ученый Ино составилъ карту въ масштабѣ одной пятисотъ-тысячной, въ которой онъ со всевозможной тщательностью согласовалъ туземныя работы съ начертаніемъ береговъ, заимствованнымъ изъ голландскихъ картъ. Нѣкоторые японскіе ученые занимались также изслѣдованіемъ странъ, лежащихъ внѣ Японіи въ собственномъ смыслѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія Могами-Токудай уже объѣхалъ и описалъ Курильскіе острова, а два брата Симодани посѣтили острова, находящіеся въ сосѣдствѣ Японскаго архипелага съ юго-западной стороны [1]). Наконецъ, Мамія-Ринзо предпринялъ плаваніе къ берегамъ Маньчжуріи и, проѣхавъ между Сибирью и Сахалиномъ, проливъ, носящій у японцевъ съ того времени его имя, разрѣшилъ проблему, которую подняли, не рѣшивъ ее вполнѣ, экспедиціи европейскихъ изслѣдователей Лаперуза, Броутона, Крузенштерна. «Японцы побѣдили меня!» воскликнулъ этотъ послѣдній мореплаватель [2]). Въ 1811 году, когда другой русскій мореплаватель, Головнинъ, былъ задержанъ въ плѣну японскимъ правительствомъ, Мамія-Ринзо и другіе японскіе ученые, которые умѣли опредѣлять широты по высотѣ солнца и долготы по часовымъ разстоямъ, хотѣли научиться отъ него способу вычислять непосредственно долготу изъ наблюденій неподвижныхъ звѣздъ и разстояній солнца и луны.

Со времени революціи, которая открыла европейцамъ порты Японіи, иностранцы и туземцы дѣятельно и совмѣстно трудятся надъ изслѣдованіемъ страны. На морскомъ прибрежьѣ, японскіе морскіе офицеры, вмѣстѣ съ моряками Соединенныхъ Штатовъ и различныхъ европейскихъ державъ, принимаютъ участіе въ съемкѣ спеціальныхъ картъ для подступовъ къ гаванямъ. Геологи и горные инженеры изучаютъ рельефъ острововъ и свойство горныхъ породъ, и уже теперь генеральныя карты Нипона даютъ изображеніе страны съ точностью, превосходящей точность картъ многихъ европейскихъ странъ, каковы, напримѣръ, Албанія, Македонія, нѣкоторыя части Пиренейскаго полуострова. Для японской номенклатуры картографы встрѣчаютъ одно спеціальное затрудненіе, зависящее отъ того, что китайскіе знаки, употребляемые для означенія городовъ или другихъ мѣстъ, могутъ быть читаемы на разные манеры, по методѣ идеографической или по методѣ фонетической. Чтобы утверждать съ увѣренностью, какъ эти знаки должны быть произносимы, нужно знать напередъ мѣсто, которое они означаютъ: отсюда происходятъ весьма частыя ошибки на японскихъ картахъ, даже туземнаго происхожденія, и избѣгнуть ихъ можно не иначе, какъ переписывая каждый знакъ фонетическими литерами. Но это—временныя затрудненія, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ скоро устранены, благодаря изумительному рвенію географіи Рѣдко бываетъ, чтобы туземный путешественникъ, купецъ или рабочій предпринялъ поѣздку по дѣламъ или для собственнаго удовольствія, не запасшись картой провинціи, по которой онъ долженъ ѣхать; принимая во вниманіе разницу условій, можно сказать, что сборники маршрутовъ и дорожники и «путеводители по знаменитымъ мѣстоположеніямъ» гораздо болѣе распространены въ Японіи, чѣмъ въ странахъ Запада. Лучшею картою страны, европейскаго происхожденія, слѣдуетъ признать изданный въ 85—87 году Atlas von Japan, Hassenstein'a.

Цѣпь горъ, частью погруженная въ воды океана, которая образуетъ Курильскіе острова, развертываетъ съ изумительной правильностью свою гряду въ видѣ дуги, длиною около 650 километровъ. Отдѣленный отъ мыса Лопатки, оконечности Камчатки, небольшимъ проливомъ, ширина котораго всего только около 13 километровъ, а глубина не болѣе 18 метровъ, рядъ «Тысячи острововъ»,—ибо таковъ смыслъ названія Цзи-сима, которое ему дали японцы,—начинается вулканическимъ массивомъ острова Сумшу, за которымъ слѣдуетъ на югѣ удлиненный и гористый островъ Парамуширъ (по-японски Параму-сири): этой именно землей оканчивается географически полуостровъ Камчатка, ибо два пролива, называемые одинъ «проливомъ Большихъ Курильскихъ», другой «проливомъ Малыхъ Курильскихъ острововъ», представляютъ, такъ сказать, простые рвы, наполненные водой. Но на югѣ отъ Парамушира встрѣчается уже довольно широкій морской проливъ, посредствомъ котораго Тихій океанъ сообщается съ Охотскимъ моремъ: острова.

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Von Siebold, „Geographical und Ethnographical Elucidations to the discoveries of Maerten Gerrits Vries". Проливъ этотъ для европейской географіи открытъ былъ адмираломъ Невельскимъ, и значеніе этого открытія имѣло важныя послѣдствія для дѣйствій Россіи на Амурѣ.

слѣдующіе одинъ за другимъ въ юго-западномъ направленіи, Оннекотанъ, Гарамукотанъ, Сіаскотанъ. Матуа, Растуа, Симуширъ, и другіе менѣе значительные, суть не что иное, какъ выступающіе изъ-подъ воды гребни горъ, подошва которыхъ находится въ глубинахъ океана. Рядъ острововъ, довольно обширныхъ, чтобы, такъ сказать, пытаться образовать сплошную цѣпь, прерываемую только узкими каналами, снова начинается островомъ Урупъ, «Компанейской землей» (Companys Iant), которую голландскій мореплаватель Герритсъ Фрисъ посѣтилъ уже въ 1643 году, и которою онъ овладѣлъ отъ имени ость-индской компаніи [1]); затѣмъ слѣдуетъ Іетурупъ или Іеторофу, самый значительный изъ «Тысячи острововъ», такъ какъ онъ одинъ занимаетъ почти половину общаго пространства этого архипелага [поверхность 32-хъ Курильскихъ острововъ исчисляются въ 14.800 квадратныхъ верстъ [2]); изъ этого числа на долю острова Іетурупъ приходится 6.000 квадратныхъ верстъ]; какъ маленькій континентъ, онъ имѣетъ свои отдѣльные массивы, свои горныя цѣпи, свои полуострова. Островъ Кунаширъ,—по-японски Кунасиро,—изъ Курильскихъ острововъ самый близкій къ Іессо, тоже представляетъ обширную землю; онъ далеко вдается въ бухту, образуемую двумя восточными рогами острова Іессо, и даже соединяется съ этимъ островомъ порогомъ изъ подводныхъ скалъ, на встрѣчу которымъ островъ Іессо выдѣляетъ изъ себя песчаную косу, распростертую въ формѣ султана. Іетурупъ, Кунаширъ и сосѣдняя земля Сикотанъ, получившая это названіе отъ особой породы бамбука съ крапчатымъ стеблемъ, который еще растетъ подъ этими высокими широтами, принадлежали политически Японіи даже ранѣе того времени, когда трактатомъ, заключеннымъ съ Россіей, ей была уступлена вся эта гряда Курильскихъ острововъ, и въ этой-то южной островной группѣ, на южной оконечности острова Кунашира, находится деревушка или «станція» Томари, главный административный пунктъ этого, почти необитаемаго, архипелага. Изслѣдованное только въ нѣкоторыхъ своихъ областяхъ, для цѣлей мореходства и рыболовнаго промысла, Курильское море есть еще одна изъ тѣхъ частей океана, географія которыхъ наименѣе извѣстна. Мы знаемъ, что вулканическая трещина Камчатки соединяется съ дымящимися конусами Іессо цѣпью вулкановъ Курильскихъ острововъ, но намъ неизвѣстно число горъ, которыя еще горятъ; въ настоящее время даже невозможно и узнать его, такъ какъ номенклатура этихъ острововъ не установлена опредѣленнымъ образомъ, и то или другое описаніе мореплавателей, хотя относящееся къ двумъ разнымъ островамъ, даетъ одинаковое имя тому и другому. Мильнъ насчитываетъ 52 вулкана на Курильскихъ островахъ. По статистикѣ, составленной Алексисомъ Перресмъ съ той тщательностью, какою отличаются всѣ труды этого ученаго, изъ числа этихъ огнедышащихъ горъ, по крайней мѣрѣ, тринадцать извергали лаву или пепелъ въ продолженіе короткаго періода, протекшаго со времени открытія архипелага [1]). Самый высокій изъ этихъ вулкановъ, Аландъ или Арандо, который почти всегда покрытъ снѣгомъ, и высоту котораго опредѣляютъ различно, отъ 3.300 до 4.480 (?) метровъ [2]), высится на сѣверо-западъ отъ острова Парамушира, немного въ сторонѣ отъ цѣпи Курильскихъ острововъ. Можетъ быть по воспоминанію о какомъ-нибудь вулканическомъ катаклизмѣ, камчадалы разсказываютъ, что этотъ вулканъ поднимался нѣкогда на югѣ отъ ихъ полуострова, и что, вслѣдствіе спора съ другими огнедышащими горами, онъ ринулся въ море, но оставилъ на поверхности свое «сердце», то-есть скалистый островокъ, въ глубокомъ озерѣ, которое открылось на мѣстѣ исчезнувшей горы [3]). Острова Парамуширъ, Гарамукотанъ, Сіаскотанъ, Икарма, Цирпкотанъ, Райкокъ, Матуа, Цирпой, Кунаширъ имѣютъ каждый по одному дѣйствующему вулкану; на островѣ Іетурупѣ, вѣроятно, двѣ огнедышащія горы; островъ Оннекотанъ заключаетъ три эруптивные конуса, и не можетъ быть сомнѣнія, что между горными вершинами обширной островной кривой существуютъ еще другіе кратеры, извергавшіе пепелъ и лаву [4]). Землетрясенія тоже очень часты въ этомъ архипелагѣ и нерѣдко были причиной крушенія русскихъ кораблей; въ 1849 году отъ сотрясенія почвы изсякли всѣ источники на островѣ Симуширѣ, и немногочисленные его обитатели принуждены были поселиться въ другихъ мѣстахъ [5]). Замѣчателенъ тотъ фактъ, что Курильскіе острова расположены такимъ образомъ вдоль обрывистаго подводнаго берега Тихаго океана: непосредственно на востокѣ отъ этой цѣпи вулканическихъ горъ, лотъ нашелъ глубины въ 2.000, въ 2.500, въ 3.000, даже въ 4.000 и въ 6.000 метровъ; тогда какъ съ западной стороны котловина Охотскаго моря нигдѣ не представляетъ впадинъ, достигающихъ даже 800 метровъ углубленія. Кромѣ могучаго Аланда, нѣкоторыя горныя вершины Курильскихъ острововъ были измѣрены моряками: одна изъ нихъ, на островѣ Кунаширѣ, поднимается на 7.400 футовъ надъ уровнемъ моря; пикъ Матуа, дости-

[1]) Von Siebold, цитированная статья.
[2]) По японскимъ даннымъ 1.053,46 кв. ри.

[1]) „Annales des sciences physiques et naturelles de Lyon“, tome VIII, 1864
[2]) Landgrebe, „Naturgeschichte der Vulkane“; 7.100 ф. по атласу Hassenstein'a.
[3]) Steller; — Крашенинниковъ, „Исторія Камчатки“.
[4]) „Géographie japonaise“;—Landgrebe;—Л. Мечниковъ, „Японская имперія“.
[5]) „Mittheilungen von Petermann“, 1858.

гаетъ высоты 4.500 ф., а пикъ Фуссона на Парамуширѣ 6.900 ф.

Если островъ Іессо (Іезо) или Хакондо можетъ быть разсматриваемъ въ цѣломъ, какъ образуемый встрѣчей двухъ пересѣкающихся горныхъ осей, то это геологическое явленіе обнаруживается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и въ деталяхъ рельефъ острова представляетъ многочисленныя неправильности. Хребетъ, составляющій на югѣ продолженіе острова Сахалина, и хребетъ, которымъ продолжается въ юго-западномъ направленіи гряда Курильскихъ острововъ, сливаются въ четыреугольной массѣ острова Іессо, гдѣ они образуютъ неровные массивы и отроги раздѣльная линія, которыхъ, изрытая съ той и другой стороны руслами рѣкъ, извивается длинными изгибами. Самая правильная между этими горными цѣпями та, которая тянется параллельно крайнему южному изъ Курильскихъ острововъ и которая оканчивается мысомъ Сиретоко на его длинномъ полуостровѣ, представляющемъ форму желѣзнаго копья; гора, поднимающаяся на этомъ полуостровѣ, недалеко отъ конечнаго мыса, имѣетъ не менѣе 1.646 метровъ высоты; далѣе на югъ, сольфатара Итазпбе или Чертова гора поднимается на тысячу метровъ выше; но гребень мало-по-малу понижается къ внутренности острова. Высочайшія горныя вершины этого острова принадлежатъ къ хребту, который начинается на берегу Лаперузова пролива, мысомъ Сойя, и который тянется параллельно восточному берегу Іессо, въ юго-восточномъ направленіи. Кульминирующія высоты острова Іессо, гора Токатсипаке и другія вершины, достигающія 2.500 метровъ, поднимаются въ разстояніи всего какихъ-нибудь 40 верстъ отъ берега Охотскаго моря: оттуда онѣ расходятся въ разныя стороны, къ сѣверо-западу, къ юго-западу и къ югу, бецы или самыя значительныя рѣки, Тесихо, Нака-гава, Изикари, Токатси. Главная цѣпь, выдѣляющаяся изъ этого центральнаго узла въ юго-западномъ направленіи, между пиками Изикари и Токатси, и которая развѣтвляется потомъ на нѣсколько хребтовъ, образовала массивъ Ювары, главная вершина котораго не менѣе высока, чѣмъ вершина Токатси; къ этому второму узлу, лежащему недалеко отъ центра острова, примыкаетъ небольшая горная цѣпь, оканчивающаяся на югѣ остроконечной стрѣлкой мыса Іеримосака.

Очевидно, островъ Іессо долженъ быть причисленъ къ землямъ, выступившимъ изъ водъ моря въ очень отдаленную эпоху, ибо вмѣсто того, чтобы быть усѣяннымъ озерами, какъ земли, менѣе давняго происхожденія, напримѣръ, Скандинавія, Финляндія, Нью-фаундлендъ, онъ былъ, такъ сказать, изваянъ, на всемъ своемъ протяженіи, работой рѣкъ, и озерные бассейны, образованные пересѣченіемъ горныхъ цѣпей, почти всѣ были опорожнены размывомъ ихъ стѣнокъ или засорены рѣчными наносами. Незначительныя озера расположены или только по краямъ моря, гдѣ они образовались подъ защитой прибрежныхъ высотъ или дюнъ, или въ сосѣдствѣ вулканическихъ горъ, изверженія которыхъ разнообразно измѣнили первоначальный рельефъ почвы. Озерныя области Іезо обнимаютъ восточную часть острова и гористыя земли, которыя расположены, въ видѣ обширнаго амфитеатра, вокругъ Залива вулкановъ, на юго-западѣ острова и въ сѣверо-восточной его части. Изъ морскихъ заливовъ, которые нѣкогда вдавались далеко внутрь земель, иные, какъ, напримѣръ, заливъ, по которому теперь извивается нижнее теченіе Изикари, превратились въ аллювіальныя равнины, тогда какъ другіе, особенно вдоль сѣвернаго берега, были отдѣлены отъ моря прибрежными рядами дюнъ, которые еще болѣе увеличиваютъ геометрическую правильность обширной островной трапеціи. Впрочемъ, и поднятіе береговъ должно было способствовать въ значительной степени измѣненіямъ вида морскаго прибрежья, ибо во многихъ мѣстахъ окружности Іессо и южныхъ Курильскихъ острововъ замѣчено существованіе старыхъ морскихъ береговъ на различныхъ высотахъ, даже до высоты 30 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ моря [1]).

Эти поднятія морскаго берега были, можетъ быть, слѣдствіемъ вулканическихъ вибрацій почвы, такъ какъ Японскій архипелагъ есть одна изъ тѣхъ областей земнаго шара, которыя всего чаще испытываютъ сотрясенія подъ дѣйствіемъ паровъ, заключенныхъ въ твердыхъ слояхъ поверхности, и нѣкоторыя изъ высочайшихъ горъ Іессо несомнѣнно принадлежатъ къ огнедышащимъ. Близъ сѣверо-западнаго угла острова, эруптивный конусъ Рисири или пикъ Делангль поднимается на 1.784 метра. Цѣпь, лежащая на продолженіи оси Сахалина, тоже, говорятъ, имѣетъ одинъ дѣйствующій кратеръ между вершинами своего гребня; но эта часть гористой области состоитъ, главнымъ образомъ, изъ гранита и сланцевъ; вулканическія горныя породы, трахиты, базальты, новѣйшія лавы встрѣчаются на продолженіи цѣпи Курильскихъ острововъ, и въ этомъ же направленіи, отъ сѣверо-востока къ юго-западу, расположены и огнедышащія горы. Въ восточной области, на югѣ отъ полуострова, гдѣ находится вулканъ Итаспбе, два пика Аканъ, О-аканъ или «Аканъ мужескій» и Ме-аканъ или «Аканъ женскій», высятся остроконечными конусами подлѣ большаго озера, которому они, быть можетъ, способствовали образоваться, задерживая его воды запрудой изъ вулканиче-

[1]) I. Milne, „Evidences of the glacial period in Japan“.—Benj. S. Lyman, „General report on the Geology of Iesso“.

скихъ пилаковъ. Точно также двѣ огнедышащія горы, Турумай и Юсу-таке, на сѣверной сторонѣ Залива вулкановъ, отражаютъ свои столбы дыма въ водахъ озерныхъ бассейновъ, а далѣе во внутренности острова, на сѣверо-западѣ, поднимается вулканъ Сиргибецъ-таке, который соперничаетъ съ Риспри по геометрической правильности своего конуса извержения; но онъ постоянно пребывалъ въ бездѣйствіи со времени поселенія въ краѣ цивилизованныхъ колонистовъ [1]). Японскія географы упоминаютъ также вулканъ Сири-яма, въ сѣверныхъ горахъ острова, и вулканъ Иванай (Ивановори), на западномъ берегу, близъ порта, который носитъ его имя. Образуя полуостровной массивъ между болотами, озерами и моремъ, огнедышащая гора Утсіура или Комага-таке [по правиламъ благозвучія японскаго языка, произношеніе нѣкоторыхъ словъ зависитъ отъ выговора словъ предшествующихъ; такъ, правописаніе мѣняется для словъ таке, дакe (пикъ), санъ, занъ и зепъ (горный хребетъ), кава или гава (рѣка)], господствуетъ, какъ маякъ надъ входомъ въ заливъ, носящій названіе «Бухты вулкановъ», которое онъ получилъ отъ дымящихся горъ своей окружности, тогда какъ на оконечности острова Іессо, вулканъ Іезанъ (Эсанъ), на вершинѣ котораго открывается зазубренный кратеръ, указываетъ мореплавателямъ подходы города Хокодате. На сѣверо-востокѣ отъ этого города, Усиояма или «Гора быка», поднимающая къ небу свою остроконечную раздвоившуюся верхушку, «какъ рога тура» [2]), тоже вулканъ, но онъ отдыхаетъ съ незапамятныхъ временъ, и растительность покрываетъ всѣ его застывшіе потоки лавы и его склоны, состоящіе изъ слоя пилаковъ. Наконецъ на сѣверѣ отъ западнаго входа въ проливъ Мацмай или Цсугару выступаютъ надъ поверхностью водъ двѣ пирамиды изъ лавы, теперь покрытыя темнымъ сосновымъ лѣсомъ, «Большой» островъ и «Малый» островъ, О-сима и Ко-сима. Приводимъ высоту главныхъ горъ острова Іессо:

Сольфатора Итасибе (Чортова гора) — 2.593 метр.; Токатси-таке — 2.500 метр., (8.000 фут.); Изикари - таке — 7.700 футъ; Сапуро-таке—1.982 метр.; Сирибецъ-таке—1.830 метр.; Іебосидаке—1.818 метр.; Утсіура (Комага-таке) — 1.291 метр. (3.860 футъ); Эсанъ—1.277 метр. (2.000 футъ); Тарумай—920 метр. (2.600 футъ); О-аканъ—606 метр.

Самыя недавнія извержения, имѣвшія мѣсто на островѣ Іессо, были извержения вулкана Комага, въ 1852 и 1856 годахъ, и вулкана Тарумай, въ 1867 и 1874 годахъ. Говорятъ, что Комага былъ гораздо выше до взрыва 1852 г.; тогда весь верхній конусъ горы былъ разрушенъ, и обломки, измельченные въ пепелъ, переносились вѣтромъ даже на Курильскіе острова, изъ которыхъ ближайшій находится на разстояніи 430 километровъ къ сѣверо-востоку [1]). Вулканъ Эсанъ не производитъ болѣе извержений въ большомъ видѣ уже съ незапамятныхъ временъ, но онъ еще и до сихъ поръ изливаетъ потоки сѣрнистой грязи и выбрасываетъ большіе камни изъ лопающихся пузырей въ глубинѣ кратера [2]). Почва вездѣ дрожитъ, и пары поднимаются изъ всѣхъ трещинъ. Разноцвѣтныя стѣнки громадной воронки, постоянно разъѣдаемыя водянымъ паромъ, смѣшаннымъ съ сѣрной кислотой, разлагаются и обваливаются; видъ жерла мѣняется изо дня въ день: рабочіе набрасываются на эти вулканическія развалины, чтобы извлекать изъ нихъ сѣру, которая содержится тамъ въ пропорціи отъ четверти до половины [3]).

Большая часть горныхъ цѣпей большого острова Хондо, Гондо или Ниппонъ, поднимается въ видѣ параллельныхъ грядъ различной длины, которыя тянутся прямолинейно въ направленіи отъ сѣверо-сѣверо-востока къ юго-юго-западу, и соединяются тамъ и сямъ въ массивы посредствомъ боковыхъ развѣтвленій, поперечныхъ отроговъ и прямолинейныхъ рядовъ вулканическихъ изверженій: самыя высокія вершины Японіи, почти всѣ тѣ, которыя поднимаются болѣе, чѣмъ на 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря, — вулканическія горы, лавы которыхъ разлились въ разныя эпохи по гранитамъ и сланцамъ, составляющимъ остовъ архипелага; пепелъ, выбрасываемый кратерами и разносимый вѣтромъ во всѣ части острова, способствовалъ, вмѣстѣ съ аллювіальными отложеніями, образованію почвы равнинъ, переработанной впослѣдствіи теченіями рѣкъ. Въ цѣломъ почти вся страна не ровна, холмиста и представляетъ непрерывный рядъ возвышеній и долинъ: общая площадь равнинъ составляетъ всего только восьмую часть пространства Японіи. Впрочемъ, большинство горныхъ вершинъ имѣетъ округленные контуры и легко доступные скаты. Японскія горы не представляютъ тѣхъ страшныхъ кручъ, обрывистыхъ склоновъ, какіе ожидаешь увидѣть въ альпійскихъ странахъ; почти совершенное отсутствіе известняковъ и песчанниковъ, которые раскалываются на вертикальныя глыбы, частое повтореніе обильныхъ дождей, естественное богатство растительности дали японскимъ ландшафтамъ красивую волнистую линію горизонта, лощины съ пологими покатостями, долины широко раскрытыя, гдѣ рѣки извиваются удлиненными контурами. Тамъ и сямъ высокія вершины горъ покрыты полосами по-

[1]) Benj. S. Lyman, „General Report on the Geology of Jesso“.

[2]) Georges Bousquet, „Le Japon de nos jours“.

[1]) R. Pumpelly, „Across America and Asia“.

[2]) Лубенцовъ, „Путеводитель по Японіи“, 277.

[3]) Pumpelly, „Geological Researches in China, Mongolia and Japan“.

стоянныхъ снѣговъ; по свидѣтельству геолога Мильна, фирны кристаллизуются во многихъ мѣстахъ, такъ, что образуютъ ледники въ миніатюрѣ [1]).

На сѣверо-востокѣ большаго острова, первая цѣпь невысокихъ сланцевъ горъ, отдѣленная отъ остальной части Гондо глубокой долиной Китаками - гава, тянется параллельно высокому хребту, который составляетъ главный остовъ этой земли. Эта цѣпь, такъ сказать, внѣшняя, оканчивается на сѣверѣ залива Сендай; посреди водъ моря разсѣяны «восемьсотъ восемь» острововъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мацзу-сима; эти туфовыя скалы, разбросанныя въ неглубокой водѣ, покрыты кустарникомъ и соснами (по-японски мацзъ), отъ которыхъ архипелагъ и получилъ свое названіе. Японцы смотрятъ на этотъ водяной садъ, какъ на одно изъ «трехъ чудесъ» своей страны; вода вырыла въ основаніяхъ острововъ пещеры и естественныя аркады; люди выкопали гроты на стѣнахъ самыхъ крутыхъ острововъ, и вершина одного изъ нихъ была изсѣчена въ формѣ Будды [2]).

На югѣ отъ бухты и равнины Сендай, горная цѣпь опять начинается, слѣдуя своему первоначальному направленію и оставаясь совершенно изолированной отъ горъ внутренней части острова широкими долинами. Прежде она была ограничена съ южной стороны тоже заливомъ, но эта вырѣзка прибрежья съ теченіемъ времени обмелѣла и засорилась отъ наносовъ рѣки Тоне-гава; послѣдняя развѣтвляется на безчисленное множество каналовъ, затѣмъ загружаетъ своими блуждающими водами гористую землю, лежащую къ востоку отъ бухты, на берегу которой стоитъ Токіо или Іеддо; наносы этой рѣки, подвигаясь разомъ съ двухъ сторонъ, уничтожили бывшій морской проливъ и соединили островъ съ сосѣдней большой землей болотистыми равнинами, постепенно окрѣпшими. Такимъ образомъ три отрывка «внѣшней» восточной цѣпи, такъ сказать, приросли къ «континенту» Японіи. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ горныхъ хребтовъ страны отсутствіемъ вулкановъ. Ни одинъ кратеръ не открывается среди этихъ сланцевыхъ горъ; но именно вдоль этого берега были констатированы самые очевидные слѣды поднятія почвы. На сѣверной сторонѣ бухты Сендай открывается маленькій портъ Кесенъ-нума, который еще въ половинѣ настоящаго столѣтія посѣщался многочисленными судами и который затѣмъ принужденъ былъ покинуть, по причинѣ постепеннаго обмелѣнія фарватера; а между тѣмъ въ этомъ мѣстѣ нѣтъ никакой рѣки, которая наносила бы землистыя частицы, и теченіе не могло образовать бара; кромѣ того, дорога, недавно построенная вокругъ сосѣдняго мыса, проходитъ подлѣ высокаго известковаго берега, просверленнаго во всѣхъ направленіяхъ моллюсками, раковины которыхъ совершенно сохранились; геологи опредѣляютъ по меньшей мѣрѣ въ полтора метра общее повышеніе морскаго берега, которое произошло при портѣ Кесенъ-нума въ теченіе современнаго періода. Осушеніе равнины Іеддо и древняго морскаго пролива, гдѣ теперь протекаетъ нижняя Тонегава, произошло не столько вслѣдствіе отложенія наносовъ этой рѣки, сколько отъ постепеннаго поднятія почвы, обусловленнаго вулканическими причинами [1]).

Съ западной стороны, другая побочная цѣпь протянула свои горы параллельно оси острова Гондо; но эта цѣпь, погруженная въ море въ небольшой части своего протяженія, состоитъ лишь изъ отдѣльныхъ массивовъ. Первый изъ нихъ образуетъ полуостровъ на сѣверной оконечности острова; далѣе на югѣ возвышается второй массивъ, Иваки-яма. Ога-сима или «Оленій островъ» есть, какъ показываетъ самое имя его, островная земля, надъ которой господствуетъ Салоуказе-яма или «Гора холоднаго вѣтра», возвышающаяся на 769 метровъ; но этотъ островъ соединяется съ большой землей длинной песчаной стрѣлкой или косой. Такимъ образомъ отъ открытаго моря отдѣленъ лиманъ, судоходный для джонокъ: это «Большое озеро» (Огоката) Хациро или «Море цитры» (Котоно-уми), которое сообщается съ свободными водами посредствомъ рѣки Фунагава или «Рѣки судовъ», доступной гребнымъ судамъ, имѣющимъ до 5 метровъ водоизмѣщенія. Къ югу отъ Оленьяго острова слѣдуютъ одинъ за другимъ маленькіе острова Тобп-сима и Аво-сима, затѣмъ большой островъ Садо, образуемый двумя выступами, соединяющимися при основаніи. Полуостровъ Ното, изгибающійся въ видѣ крючка удочки вокругъ бухты Тояма, тоже принадлежитъ къ этой боковой цѣпи. и можетъ быть, къ ней же слѣдовало бы причислить группу острововъ Оки, лежащихъ въ 300 километрахъ къ юго-западу. Эта гряда островныхъ горныхъ вершинъ составлена не единственно изъ древнѣйшихъ каменныхъ породъ, какъ восточная береговая цѣпь, и многія изъ ея горъ, между прочимъ, горы острова Ога-сима, нѣкогда извергали лаву.

Что касается средней цѣпи острова, то она начинается величественнымъ вулканомъ Осорезанъ, который поднимается на 976 метровъ надъ уровнемъ моря, непосредственно противъ острова Іессо, между проливомъ Цзугару или Сангарскимъ и бухтой Аомори: часто этой уединенной горѣ даютъ спеціально имя Якеяма или «Горящая гора», которое впрочемъ, примѣняется ко всѣмъ вообще эруптивнымъ конусамъ [2]).

[1]) J. Milne, „Evidences of the glacial period in Japan".
[2]) Benj. P. Lyman, „Iesso Geological Surveys", febr. 1875;– Saint John;—Rein etc.

[1]) Neumann, „Mittheilungen von Petermann", 1879, IV.
[2]) Serrurier, рукописныя замѣтки.

По другую сторону бухты хребетъ тотчасъ же опять поднимается и затѣмъ продолжается уже безъ перерывовъ до самаго центра острова. Средняя абсолютная высота его пиковъ, которые по большей части суть потухшіе вулканы, около 1.500 метровъ, а высота проходовъ, перерѣзывающихъ гребень, измѣняется отъ 600 до 1.000 метровъ; но направо и налѣво поднимаются вулканическіе конусы, имѣющіе болѣе величественный видъ, чѣмъ вершины правильной цѣпи, благодаря ихъ изолированности и большой высотѣ. Такъ, въ направленіи поперечномъ къ главной оси, отъ запада къ востоку слѣдуютъ одинъ за другимъ многочисленные вулканы между городами Акита и Моріока; южнѣе, не далеко отъ западнаго берега, гора Чокой-санъ поднимаетъ на 2.400 метровъ свой верхній конусъ, покрытый снѣгомъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ въ году. Другой вулканъ, Бандай-санъ, возвышающійся на 1.850 метровъ (6.000 ф.), отражаетъ свои лѣсистые склоны въ водахъ озера Инаваширо, и съ его верхняго конуса можно обозрѣвать развертывающійся въ видѣ обширнаго амфитеатра, прерываемаго только на западной сторонѣ, цѣлый кругъ горъ, обступившихъ глубокій бассейнъ Айдзу-таиры или равнины Айдзу. Застывшій потокъ лавы и груды вулканическаго пепла образовали плотину, задерживающую воды озера Инаваширо [1]), и стоитъ только расчистить часть этого естественнаго вала, чтобы осушить большую часть озерной равнины и завоевать земледѣлію превосходныя земли.

Послѣднее изверженіе вулкана Бандай-санъ было въ 1888 году 15 іюня. Во время его погибло 461 человѣкъ, уничтожено четыре и полуразрушено семь деревень. Окружающіе лѣса были истреблены, а теченіе рѣки Нагасегавы было преграждено обломками и образовало озеро Хибаро, длиною въ 12, шириною отъ $1^1/_2$ до 3 верстъ* [2]).

Въ этой части своего протяженія средняя горная цѣпь, гребень которой составляетъ водораздѣльную возвышенность между двумя океанами, изгибается къ востоку, чтобы примкнуть къ другой параллельной цѣпи, которая образуетъ въ свою очередь водораздѣльный хребетъ между различными притоками рѣкъ Тоне-гава и Тенрю, на востокѣ и притоками Цикума или Синяно-гава, самой многоводной рѣки не только западной покатости, но и всей Японіи. На югѣ отъ соединительнаго хребта, средняя цѣпь продолжается простыми отрогами, которые постепенно сливаются съ равниной на сѣверѣ отъ Іеддо. Но именно этотъ хребетъ служитъ опорной точкой массиву изъ вулканическихъ вершинъ, пользующихся громкой славой во всемъ царствѣ Восходящаго солнца, благодаря лѣсамъ, покрывающимъ ихъ склоны, и прозрачнымъ водамъ, которыя текутъ въ изобиліи съ этихъ горъ. Эта группа, почти всегда покрытая снѣгомъ, носитъ имя Никкозанъ, то-есть «Двѣ дикія горы», которое бонзы, посредствомъ перемѣны одного знака, передѣлали въ болѣе поэтическое названіе «Гора солнечнаго сіянія». Одна изъ самыхъ высокихъ остроконечныхъ вершинъ этого массива, Нантай-санъ (2.540 метровъ), принадлежитъ къ числу святыхъ горъ Японіи; и въ прежнее время никто не могъ предпринимать восхожденія на этотъ пикъ, кромѣ какъ одинъ разъ въ году, въ освященную недѣлю лѣта, и не иначе, какъ выдержавъ предварительно строгій постъ въ какомъ-либо храмѣ одной изъ нижнихъ долинъ. Тихое озеро Чугенжи, берега котораго осѣнены большими деревьями, наполняетъ глубокій циркъ у основанія вулкана, и вытекающій изъ этого бассейна ручей спускается каскадами по скаламъ изъ лавы: недалеко оттуда стоятъ пышные надгробные памятники двухъ сіоговъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, поднимающіе свои колонны между высокоствольными соснами и криптоміями. Обширный лѣсъ, въ 70 километровъ длиною, соединяетъ это священное мѣсто съ берегами нижней Тоне-гавы; вѣроятно во всемъ свѣтѣ не найдется аллей, которыя могли бы сравниться съ великолѣпными авеню этой области храмовъ: «Пусть не говоритъ о красотѣ и великолѣпіи тотъ, кто не видалъ Никко», гласитъ одна японская пословица. Благодаря сосѣдству Токіо, эти священныя рощи собираютъ въ лѣтнюю пору подъ свою прохладную тѣнь безпрестанно обновляющуюся толпу публики, къ которой примѣшиваются, съ 1870 года, многочисленные иностранцы. Съ мая до октября Никко походитъ на наиболѣе посѣщаемыя мѣстности Швейцаріи по массамъ посѣтителей, которые приходятъ любоваться его горами, лѣсами, чистыми водами; зимой эти живописныя долины, занесенныя снѣгомъ, опять дѣлаются пустынными. Сѣрнистые источники Юліога бьютъ изъ земли на сѣверной сторонѣ озера, въ самой дикой области горъ.

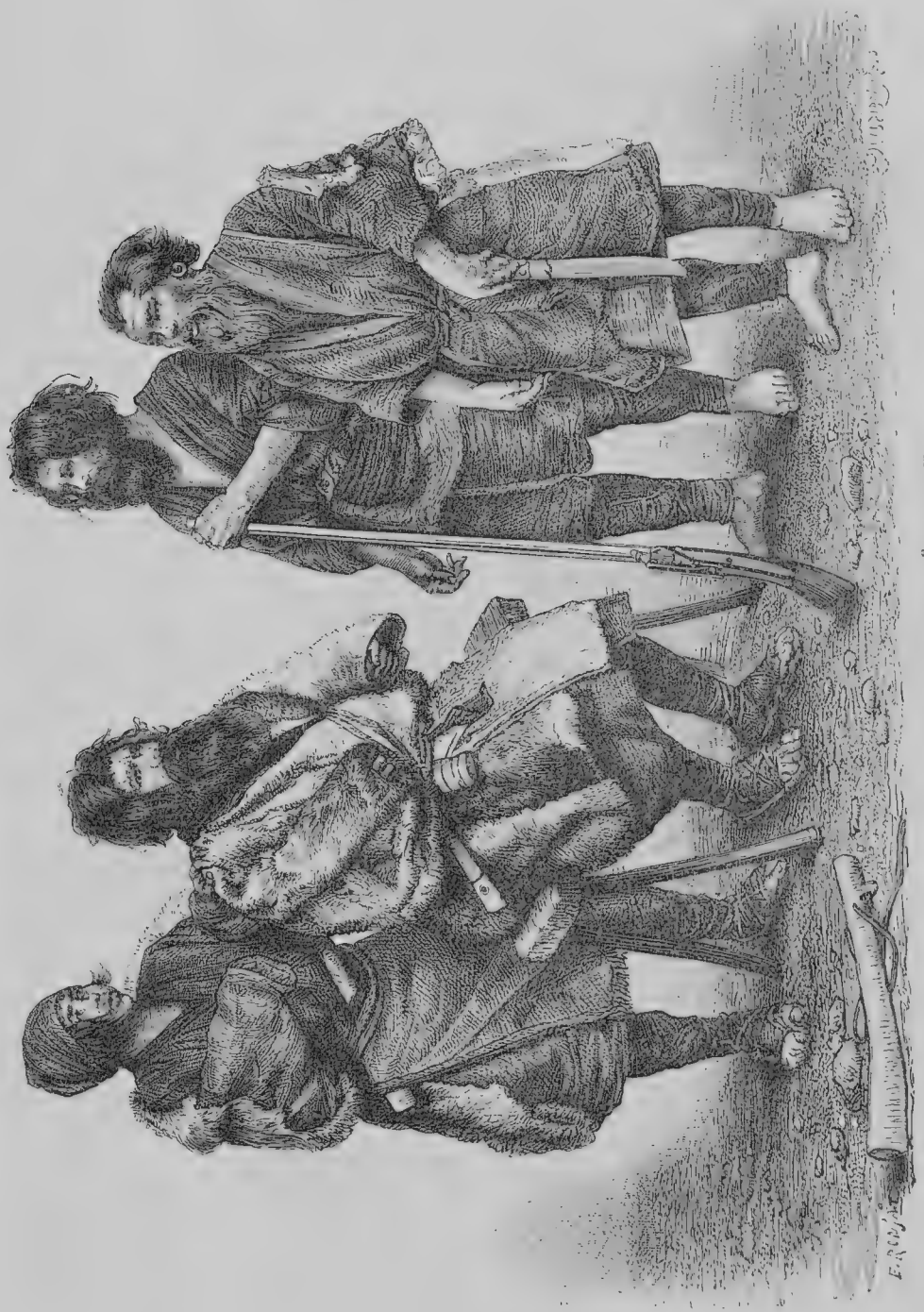
Раздѣльная горная цѣпь, господствующая съ восточной стороны надъ долиной рѣки Синано, тоже увѣнчана нѣсколькими вершинами вулканическаго происхожденія, преимущественно на югѣ, гдѣ высятся двѣ пирамидальныя горы, Сиране-яма и Адзма-яма, изъ которыхъ первая имѣла послѣднее изверженіе въ 1871 году. Недавно образовавшійся конусъ возвышается по серединѣ кратера, имѣющаго болѣе 1.600 метровъ въ ширину; горячія воды, бившія ключемъ изъ сосѣднихъ трещинъ, утекали черезъ сосѣдній сосновый лѣсъ, опаленныя деревья котораго до сихъ поръ еще носятъ на

---

[1]) Benj. S. Lyman, „Geological Survey of Japan, Report of progress for 1878 and 1879".

[2]) Лубенцовъ, стр. 105.

себѣ слѣды этого наводненія [1]). Несмотря на то, эта область Японіи, кажется, не принадлежитъ къ числу тѣхъ ея областей, которыя прикрываютъ самые пламенные вулканическіе очаги. Газовые источники и «огненные колодцы» западной покатости этихъ горныхъ цѣпей, щіеся газы, подобные газамъ, выдѣляющимся изъ земли въ китайской провинціи Сы-чуань представляютъ продуктъ дистилляціи органическихъ веществъ, содержащихся въ каменистыхъ наслоеніяхъ осадочныхъ формацій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, эти горячіе газы утили-



Типы айновъ или айносовъ.

въ провинціи Этсиго, вѣроятно, не суть истеченія подземнаго горячаго очага, какъ это часто утверждали; но, какъ пласты каменнаго угля и ключи горнаго масла, которые встрѣчаются въ той же долинѣ, эти воспламеняю- зируются непосредственно для кухни монастырей, для отопленія бань и для различныхъ надобностей промышленности; но эксплоатація обращена здѣсь преимущественно на добываніе каменнаго масла или нефти, которая, впрочемъ, течетъ не въ изобиліи; одинъ изъ колод-

[1]) Ernest Satow, рукописныя замѣтки.

цевъ, откуда извлекаютъ минеральное масло, былъ выкопанъ до глубины 222 метровъ [1]).

Какъ на сѣверѣ острова рядъ вулкановъ пересѣкаетъ въ поперечномъ направленіи среднюю цѣпь горъ, такъ точно, въ этой центральной области Гондо, линія огнедышащихъ горъ, рѣзко ограничивающая на югѣ цѣпь, вдоль основанія которой течетъ рѣка Синана-гева, тянется перпендикулярно самой оси Японіи, въ направленіи отъ сѣверо-сѣверо-запада къ юго-юго-востоку; два самые знаменитые вулкана архипелага, Асама-яма и Фузи-санъ, составляютъ часть этого поперечнаго ряда огнедышащихъ горъ. По высотѣ, Асама-яма уступаетъ другимъ горнымъ вершинамъ имперіи Восходящаго солнца, такъ какъ онъ поднимается только на 2.525 метровъ (8.280 ф.) надъ уровнемъ моря; но изъ всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ страны ни одинъ не оставилъ болѣе свидѣтельствъ своего могущества и не внушаетъ большаго страха людямъ, живущимъ въ его тѣни; въ Японіи до сихъ поръ еще съ ужасомъ вспоминаютъ о страшномъ извержепіи 1783 года, во время котораго огромный потокъ лавы вылился въ долину рѣки Вагацма и вся окружающая страна покрылась слоемъ пемзы; сорокъ восемь деревень были засыпаны дождемъ вулканическихъ шлаковъ, и тысячи людей погибли во время этой катастрофы. Съ той эпохи, отъ времени до времени, былъ выбрасываемъ пепелъ изъ громадной воронки кратера; хотя островъ имѣетъ въ этой области наибольшую ширину, однако съ обоихъ морей можно ясно различить высокій столбъ сѣрнистаго дыма, поднимающійся изъ жерла вулкана. Почти всѣ склоны горы Асама до сихъ поръ еще имѣютъ сѣрый цвѣтъ отъ покрывающей ихъ пемзы, выброшенной послѣднимъ извержепіемъ, и на обширномъ пространствѣ вокругъ конуса вездѣ видны только лавы. Рядомъ съ главнымъ кратеромъ, который имѣетъ не менѣе километра въ ширину, открывается другое жерло, стѣны котораго пробиты трещинами, гдѣ ласточки гнѣздятся тысячами. По близости этой вершины нѣтъ ни одного святилища, оттого пилигримы приходятъ лишь въ небольшомъ числѣ на эту страшную гору [2]). Къ югу отъ Асама-яма слѣдуетъ рядъ другихъ вулкановъ, продолжающійся до Кинпо-санъ, центральнаго массива, отъ котораго расходятся въ разныя стороны многочисленныя развѣтвленія гранитныхъ горъ, и откуда получаются самые крупные и самые чистые куски горнаго хрусталя, шлифуемые японцами въ видѣ шаровъ и въ видѣ зеркалъ.

Вулканъ Фузи-яма — гора священная по преимуществу, патронъ страны, и иногда, въ поэтическомъ стилѣ, имя его пишутъ такимъ образомъ, чтобы придать ему смыслъ «Несравненной горы». Письменные знаки, обыкновенно употребляемые для изображенія названія этой горы, буквально значатъ «Благоденствующій офицеръ»; но уже задолго до введенія идеографическихъ письменъ она была извѣстна подъ именемъ Фузи, по причинѣ кустарниковъ (wysteria japonensis), называемыхъ такъ въ нарѣчіи ямато, которые покрываютъ склоны вулкана своими переплетающимися вѣтвями и гроздьями бѣлыхъ и фіолетовыхъ цвѣтковъ [1]). Фузи-санъ (Фузи-яма, Фужино-яма), составлявшій нѣкогда предметъ поклоненія для буддійской секты, послѣдовали которой назывались яма-бузи [2]), изображается почти на всѣхъ издѣліяхъ японскаго происхожденія, на книгахъ, опахалахъ, лакированныхъ вещахъ, матеріяхъ, фарфоровой и другой посудѣ, обояхъ и мебели всякаго рода; но художники рисуютъ и гравируютъ ее подъ условнымъ видомъ: чтобы дать понятіе о ея громадности, они несоразмѣрно повышаютъ ея склоны, а вершину конуса заостряютъ на подобіе сахарной головы. На самомъ дѣлѣ величественная гора имѣетъ очень пологіе скаты, и кривая ея правильнаго профиля поднимается лишь медленно и постепенно, чтобы образовать конечную горку; тѣмъ не менѣе она достигаетъ своей вершины только, лежащаго выше пояса всѣхъ простирающихся у ея подножія земель, и на бокахъ ея видишь расположенныя ярусами одно надъ другимъ разныя времена года. Внизу разстилаются поля, покрытыя богатыми нивами и плантаціями, затѣмъ слѣдуютъ лѣса; еще выше тянется поясъ кустарника, гдѣ прежде водились во множествѣ обезьяны, которымъ, по словамъ легенды, геніи поручили охраненіе горы. Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ въ году вершина одѣта снѣгомъ, ярко блистающимъ на голубомъ фонѣ неба, или имѣетъ сѣрый цвѣтъ, какъ облака, едва отличаясь отъ воздушнаго пространства неопредѣленными линіями. Фузи-яма превышаетъ на нѣсколько тысячъ футовъ большую часть другихъ главныхъ вулканическихъ вершинъ Японіи, и когда стоишь на краю его кратера, то окружающія горы кажутся какъ бы составляющими его кортежъ. Основаніе его, почти круглой формы, имѣетъ болѣе 150 километровъ въ окружности; широкая долина, по которой течетъ рѣка Фузи-гава, окружаетъ его на западной сторонѣ его полуокружности. По словамъ одной легенды, которая, вѣроятно, относится къ какому-нибудь сильному извержепію, Фузи-яма выросъ изъ земли въ 285 году Р. Х., въ продолженіе одной ночи, въ тотъ самый часъ, когда образовалось озеро Бива. Каково бы ни было потрясеніе

[1]) Benj. S. Lyman, „Report on the progress of the Oil Surveys", 1877.

[2]) Rein, „Der Nakasendô Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann", № 59.

[1]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[2]) Serrurier, рукописныя замѣтки.

разсказанное въ этой преувеличенной формѣ, извѣстно достовѣрно, что вулканъ долго отдыхаетъ послѣ каждаго усилія; съ 799 года онъ приходилъ въ дѣйствіе только шесть разъ. Послѣднее его изверженіе, имѣвшее мѣсто въ 1707—1708 году, продолжалось два мѣсяца: въ то время на южномъ его склонѣ открылась разсѣлина, изъ которой выдвинулся вторичный конусъ, Гоей-санъ, поднимающійся на 2.865 метровъ. Окрестныя равнины покрылись слоемъ пепла толщиною около 3 метровъ; цѣлыя деревни исчезли съ лица земли; до самаго Іеддо и даже выше этого города, на разстояніи 96 километровъ отъ вулкана, воздухъ былъ омраченъ, и черныя тучи вулканической пыли, переносимыя вѣтромъ, ниспадали по другую сторону залива, на берегахъ океана [1]). Послѣ этого роковаго года города и деревни были вновь выстроены и теперь опять образуютъ цѣлый поясъ построекъ вокругъ первыхъ склоновъ горы; новые храмы появились на мѣстѣ прежнихъ капищъ, и толпы пилигримовъ, число которыхъ доходитъ отъ 15.000 до 20.000 въ годъ, снова стали совершать хожденіе къ святилищу, построенному у подножія верхней крутизны. Передъ восхожденіемъ на гору пилигримы имѣютъ обыкновеніе облачаться въ бѣлую одежду, для того, чтобы напугать горныхъ орловъ, которые, говорятъ, нападаютъ на людей, одѣтыхъ въ менѣе яркіе цвѣта [2]). Достигнувъ кратера, странники пьютъ воду сперва изъ «Золотаго ключа», затѣмъ изъ «Серебрянаго ключа», послѣ чего, по знаку своего проводника, звонятъ въ колокольчики и дѣлаютъ поклоны въ честь солнца. Сойдя къ подножію вулкана, они обращаются къ жрецу ближайшаго храма съ просьбой приложить къ ихъ одеждѣ клеймо, которое должно напоминать объ ихъ подвигѣ: это пилигримское платье становится драгоцѣнной святыней, которая переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну [3]). Англичанинъ Рутерфордъ Алькокъ былъ первый европеецъ, совершившій восхожденіе на Фузи въ 1860 году: за нимъ слѣдовали сотни другихъ путешественниковъ. Въ 1873 году натуралистъ Книпингъ провелъ двѣ недѣли на краю кратера, для производства геологическихъ наблюденій. Кратеръ, средній діаметръ котораго около 300 саженъ, заключаетъ двѣ отдѣльныя воронки, въ которыя можно спускаться по образовавшимся вслѣдствіе обвала откосамъ, состоящимъ изъ красныхъ лавъ и желтыхъ и сѣрыхъ туфовъ, до площадокъ, покрытыхъ обломками камней [4]). Глубина кратера около 600 футъ. Общая высота горы, по Рейну, достигаетъ 12.437 футъ.

Вулканъ Фузи-ямп такъ же, какъ большое число другихъ эруптивныхъ конусовъ, стоитъ немного въ сторонѣ отъ горной цѣпи, къ которой онъ принадлежитъ, и которая продолжается въ южномъ направленіи, чтобы образовать длинный полуостровъ Изу (Идзу), тоже вулканическій. У основанія этого полуострова простирается область Сагами, очень гористая, но легко проходимая; это наиболѣе посѣщаемый уголокъ Японіи и одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей страны Восходящаго солнца. Лѣсистые мысы, бухты, раздѣляющія ихъ, скалы, разсѣянныя на поверхности водъ моря, густые лѣса, источники и ручьи, цвѣты, ярко пестрѣющіе среди зелени, поднимающаяся надъ гребнемъ холмовъ бѣлая вершина священной горы—все то дѣлаетъ этотъ край восхитительнымъ мѣстопребываніемъ. Семь деревень съ заведеніями минеральныхъ водъ выстроились около теплыхъ ключей, и деревня Хаконе, расположенная на берегу живописнаго озера Аши-ноуми или «Моря злаковъ», сдѣлалась любимымъ мѣстомъ дачной жизни. На востокѣ отъ этого города, дорога, идущая изъ Токіо въ Кіото, пересѣкаетъ гору на Хаконскомъ перевалѣ (на высотѣ 855 метровъ), который прежде былъ запертъ укрѣпленными воротами, «гуанъ» или Центральной заставой Ниппона: отсюда и произошли названія: Гуанъ-до (на востокъ отъ воротъ), которое даютъ всей части Гондо, лежащей къ востоку отъ меридіана Хаконскаго перевала, и Гуанъ-сай, которымъ означаютъ другую половину главнаго острова Японскаго архипелага. На полуостровѣ Изу самая высокая гора—Амаки-санъ; другая гора оканчиваетъ его на югѣ, господствуя надъ бухтой и городомъ Симода, но въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ берега цѣпь снова вступаетъ на поверхность моря въ видѣ подводныхъ скалъ. Одна изъ этихъ скалъ, Микомото, получила печальную извѣстность въ исторіи кораблекрушеній: въ этомъ мѣстѣ разбился, въ 1867 году, корабль «Нилъ», нагруженный драгоцѣнными предметами, которые онъ везъ съ Парижской всемірной выставки. Теперь устроенъ маякъ, освѣщающій эту опасную скалу, извѣстную у англійскихъ мореплавателей подъ именемъ Рокъ-айландъ (Скалистый островъ). Симодская бухта замѣчательна еще тѣмъ, что въ ней всего лучше можно было наблюдать явленіе волненій моря отъ землетрясенія, во время катастрофы 1854 года. Громадная волна, пришедшая съ открытаго моря, вдругъ подняла уровень водъ и хлынула на берега; въ нѣсколько мгновеній стоявшія въ портѣ джонки были разбиты ударами одна о другую, дома и храмы были стерты съ лица земли, рейдъ покрылся обломками. Частныя теченія сталкивались и производили сильные водовороты: русскій корабль «Діана», потонувшій вскорѣ послѣ землетрясенія, повернулся 43 раза вокругъ самого себя въ продолженіе 30 минутъ; въ теченіе цѣ-

[1]) Rein, цитированное сочиненіе.
[2]) Л. Мечниковъ, „Японская имперія“.
[3]) De Hübner, „Promenade autour du Monde“.
[4]) Rein, „Mittheilungen von Petermann“, 1879, № 10.

лаго дня колебанія уровня моря заставляли измѣняться глубину, около корабля, отъ 2 съ половиной до 12 метровъ.

На сѣверо-востокѣ полуострова Изу, уединенная вершина «Большой горы», или Огояма поднимается на 1.324 метра, тогда какъ на востокѣ и на юго-востокѣ группа «Семи острововъ», Нана- сима-изу, показываетъ свои правильные конусы (высота ихъ отъ 700 до 860 метровъ), выступившія изъ подъ воды верхушки цѣпи вулкановъ, по большей части дѣйствующихъ, которая продолжается на югъ до острова Гацизіо или Фацизіо представляющаго высокую землю съ отвѣсными склонами на большой части ея окружности; въ былое время сіогуны ссылали сюда впавшихъ въ немилость сановниковъ: изгнанники водворялись на мѣста жительства при помощи журавля (подъемной машины), который подхватывалъ ихъ съ корабля и поднималъ на вершину утеса. Гора Ошима или «Большой островъ», называемая европейскими мореплавателями вулканомъ Фриса, есть безспорно самая величественная изъ всѣхъ горъ этой области моря и наиболѣе извѣстная, ибо она господствуетъ надъ входомъ въ заливъ, черезъ который суда проникаютъ въ бухту Іеддо. Въ 1757 году, когда Броутонъ посѣтилъ эти воды, огнедышащая гора была въ состояніи изверженія; но вскорѣ послѣ того жители опять принялись за свои земледѣльческія работы; въ 1870 году склоны вулкана были по-прежнему покрыты пашнями, какъ вдругъ вулканъ снова пришелъ въ дѣйствіе, и во время изверженія поля опять исчезли подъ расплавленнымъ камнемъ [1]). Одинъ застывшій потокъ лавы выдвинулся въ море, словно остатокъ какого-нибудь разломаннаго моста. Южная оконечность островной цѣпи вулкановъ, между 31 и 32 градусами широты, отмѣчена островомъ новѣйшаго образованія, который поднялся въ 1870 году изъ морскихъ глубинъ. Кромѣ того, нѣсколько другихъ вулканическихъ вершинъ показываются надъ поверхностью моря, пучины котораго имѣютъ болѣе 2.000 метровъ въ этихъ водахъ.

На сѣверо-западъ отъ вулкана Фузи-санъ, (Фузи-яма) гранитная цѣпь,—одна изъ главныхъ вершинъ которой (2.713 метровъ) (10.000 ф.) есть одна изъ «Жеребячьихъ горъ» или Комага-таке, которыя въ японскихъ географіяхъ насчитываются десятками, — отдѣляется отъ альпійской области, къ которой принадлежитъ гора Кимпу-санъ (8.300 ф.); но далѣе тянется черезъ всю Японію, отъ одного моря до другаго, поперечный ровъ, образуемый долиной рѣки Тенью-гава («Рѣка небеснаго дракона») на югѣ, и долиной рѣки Синано-гава на сѣверѣ, и заключающій въ одной впадинѣ порога живописное озеро Сува, истокъ рѣки Тенью-гавы. По другую сторону этого пониженія рельефа, горы тотчасъ же опять начинаются. Первый хребетъ, ориентированный по направленію отъ сѣверо-сѣверо-востока къ юго-юго-западу, отдѣляетъ бассейнъ рѣки Тенью-гава отъ бассейна рѣки Кисо-гава. Другой хребетъ, который тянется въ томъ же направленіи, начинается на берегу Японскаго моря и постепенно теряется въ нижней долинѣ рѣки Кисо-гава: это цѣпь Хида (Гида), самая крутая, самая дикая изъ всѣхъ возвышенностей главнаго острова, цѣпь, которая наиболѣе продолжительное время въ году бываетъ покрыта площадями или полосами снѣга; Рейнъ далъ ей названіе японской «Снѣговой цѣпи». Чтобы перейти прямо черезъ этотъ естественный валъ отъ востока къ западу, либо черезъ перевалъ Харинока, либо черезъ перевалъ Хида, нужно подняться до высоты 2.400 метровъ (7.700 ф.) надъ уровнемъ моря; но сами вершины поднимаются лишь на незначительную высоту надъ могучимъ цоколемъ, который поддерживаетъ ихъ основанія. Пикъ Тате-яма возвышается на 9.500 футовъ надъ уровнемъ океана, а Онъ-таке, Миджинъ-таке или «Величественная вершина», священная гора этой цѣпи, немногимъ превышаетъ 10.000 футовъ; восемь большихъ кратеровъ, изъ которыхъ иные заключаютъ на дно маленькія озера, и нѣсколько другихъ болѣе узкихъ жерлъ слѣдуютъ другъ за другимъ вдоль верхняго гребня; каждый годъ отъ пяти до шести тысячъ пилигримовъ совершаютъ восхожденіе на священный пикъ, чтобы поклониться идоламъ Изанаки и Изанами, божественныхъ предковъ фамиліи микадо. Европейцы, которымъ случалось находиться между этими обществами посѣтителей, разсказываютъ, что съ этой горы открывается великолѣпный видъ на островъ и два моря, обрисовывающія его контуры; въ теченіе историческаго періода изверженій на ней не происходило, но она выпускаетъ въ изобиліи сѣрнистые пары [1]). На сѣверѣ, японская «Снѣговая цѣпь» соединяется съ другой грядой вулканическихъ вершинъ, которая тянется параллельно морю. Яке-яма или «Горящая гора», на которую совершилъ восхожденіе геологъ фонъ-Драге, есть главный конусъ этой цѣпи.

На западѣ отъ «Снѣговой цѣпи» другой горный массивъ, тоже огнедышащій, дѣлалъ изверженія въ 1239 и 1554 годахъ: это Хирояма, Хаку-санъ или «Бѣлая гора», получившая это названіе отъ обильныхъ снѣговъ, которые приносятъ ей влажные вѣтры. По странному контрасту между двумя покатостями острова, Бѣлая гора, хотя она на цѣлую тысячу метровъ ниже вулкана Фузи-ями, получаетъ на свои три вершины гораздо болѣе значительное количе-

[1]) Л. Мечниковъ, „l'Extrême Orient", іюнь 1877 г.

[1]) Rein, „Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann", № 59.

ство снѣга; въ продолженіе всего лѣта бѣлыя полосы показываются на верхнихъ трещинахъ. По преданію, уже два столѣтія, какъ снѣга не исчезали съ этихъ горъ[1]); даже у основанія вулкановъ, около теплыхъ источниковъ Итсиносе, которые находятся всего только на высотѣ 800 метровъ надъ уровнемъ моря, снѣгъ иногда покрываетъ почву слоемъ болѣе 6 метровъ толщины. Ботаники открыли большее разнообразіе растительныхъ видовъ на Хиро-яма, чѣмъ на всякой другой горѣ въ Японіи: они приписываютъ особенностямъ климатической среды сохраненіе этихъ растеній, столь многочисленныхъ на тѣсномъ пространствѣ.

Кряжъ невысокихъ горъ, отдѣляющійся отъ цѣпи Хиро-яма въ направленіи южномъ и юго-западномъ, расходится двумя вѣтвями вокругъ обширнаго и глубокаго бассейна, который наполняетъ воды озера Бива, или «Озера гитары», этого внутренняго моря, образовавшагося, какъ гласитъ легенда, въ тотъ самый моментъ, когда выросъ изъ земли вулканъ Фузи; но извѣстно, что за долго до этого легендарнаго появленія озера Бива существовало въ странѣ «прѣсное море» или Аво-уми, имя котораго, сокращенное въ Аоми (Оми) сдѣлалось названіемъ провинціи, окружающей озеро[2]). Вулканическія изверженія несомнѣнно имѣли мѣсто въ этомъ бассейнѣ. Островъ Цикубу-шима, гдѣ находится одно изъ святилищъ синто, наиболѣе почитаемыхъ въ имперіи, выступилъ наружу изъ сѣверной части озера въ 82 году христіанской эры, и другіе островки, вокругъ которыхъ кружатся стаи баклановъ, повидимому, имѣли такое же происхожденіе. Поверхность озера лежитъ на 333 фута надъ уровнемъ моря, а наибольшая глубина почти такова же. По объему водной массы, озеро Бива занимаетъ площадь, почти равную Женевскому озеру[3]). Такъ же, какъ Женевское озеро, Бива окружено горами, изъ которыхъ однѣ покрыты на скатахъ воздѣланными полями, другія поросли лѣсомъ, и всѣ отличаются смѣлыми или живописными формами; осенью, когда сѣверные вѣтры разгонятъ густыя тучи, приносимыя муссономъ, различныя плоскости горъ съ ихъ оттѣнками цвѣтовъ, зелеными, синеватыми, фіолетовыми, розоватыми, сливаются гармонически въ одну чудную картину, безпрестанно мѣняющуюся, сообразно игрѣ свѣта и тѣней. На восточной сторонѣ бассейна поднимается самая высокая вершина громаднаго круга горъ, вулканъ Ибуки-яма (гора, извергающая желчь), который древніе японцы считали мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ. На западѣ самая знаменитая гора—Хіеи-санъ, на которой, въ буддійскихъ монастыряхъ, до половины шестнадцатаго столѣтія, постоянно жило около 3.000 монаховъ. Это были истинные повелители страны; собранные въ кумирнѣ Кимонъ, они должны были и денно и нощно читать молитвы, бить въ бубенъ, звонить въ колоколъ, чтобы задержать дурныя вліянія, посылаемыя духомъ Ибуки-яма и такимъ образомъ защищать городъ Кіото, расположенный у южнаго основанія горы [1]). Область сосѣдняя съ, озеромъ Бива и съ вытекающей изъ него рѣкой Іодо-гава, была колыбелью японской національности, и великія историческія воспоминанія придаютъ этимъ мѣстамъ еще большую прелесть въ глазахъ путешественниковъ. Красныя облака запада отражаютъ, говоритъ легенда, кровь, кипящую въ кратерахъ, всѣхъ тѣхъ, которые пали на отечественныхъ поляхъ битвы.

Полуостровъ, продолжающійся на югъ отъ озера Бива, и западная оконечность большаго острова представляютъ почти отдѣльныя земли, соединенныя «съ континентомъ» или Найтси лишь узкими перешейками. Тѣмъ не менѣе они походятъ на остальную часть страны гористымъ характеромъ почвы. На югѣ, массивъ Ого-мине, одна изъ рѣдкихъ группъ вершинъ, гдѣ не нашли вулканическихъ формацій, есть одинъ изъ самыхъ дикихъ хребтовъ, и, можетъ быть, горы его покрыты лучшими въ Японіи лѣсами. На западѣ пикъ Дайсенъ, бывшій эруптивный конусъ, господствуетъ надъ низкой цѣпью, гдѣ многіе изъ порого въ отъ покатости Японскаго моря къ покатости внутренняго моря имѣютъ всего только 300 метровъ высоты.

Приводимъ высоту главныхъ горъ большаго острова Японскаго архипелага.

Широта.	Названіе.	Геологич. составъ.	Высота въ метрахъ.	Авторитеты.
41°19′	Осоре-санъ	дѣйствующій вулканъ.	976	Морскія карты.
40°4′	Иваки-яма	вулканъ.	1.524	Мильнъ.
39°50′	Иваваси-яма (Тапжу-санъ)	„	2.134	Рейнъ.
39°7′	Тіокай (Чокай-санъ). . .	„	1 829 1.959 2 073	Мильнъ. Японск. географія. Гауленд.
38°31′	Тсуки-яма (Гецъ-санъ). .	„ (?)	1.829 1.859	Мильнъ. Гауленд.
37°54′	Игитойо-яма	„ (?)	1.217	Японск. географія.
37°40′	Адзма-яма	„ (?)	1 360	„ „
37°37′	Бантай-санъ.	„	1.554	Журн. Петермана.
37°8′	Насу-яма	дѣйствующій вулканъ.	943 641	Японск географія.

[1]) Мечниковъ, „Японская имперія“.
[2]) Л. Мечниковъ, „Японская имперія“.
[3]) Лубенцовъ, „Путеводитель по Японіи“.

[1]) Л. Мечниковъ, Рейнъ, цитированныя сочиненія.

Широта.	Названіе.	Геологич. составъ.	Высота въ метрахъ.	Авторитеты.
36°55′	Яке-яма	вулканъ.	2 316	Гаулендъ.
			2 133	Драге.
36°46′	Нантай-санъ (Никко) . .	„ (?)	2.541	Рейнъ.
35°35′	Тате-яма	„ (?)	2.896	Гаулендъ.
36°30′	Гариноки-яма	„ (?)	2 400	Сатоу.
36°22′	Асама-яма	дѣйствующій вулканъ.	2 591	Мильнъ.
			2 525	Рейнъ.
36°15′	Ярига-таке	вулканъ. (?)	3.139	Гаулендъ
36°8′	Хиро-яма (Гаку-санъ) . .	„	2 618	Рейнъ.
			2.720	Петерманъ.
36°7′	Норикура-яма	„ (?)	2.987	Гаулендъ.
35°52′	Ми-такс (Опъ-таке) . . .	„ (?)	3 027	„
			3 004	Рейнъ.
35°43′	Комага-таке	„ (?)	2 723	„
35°28′	Ибуки-яма	„	1.250	„
35°20′	Дайсенъ	„ (?)	1.640	Нейманъ
			1.702	Кампферъ.
35°18′	Фузи-санъ (Фузи-яма) . .	„ (?)	3 769	Стьюартъ.
			3 745	Рейнъ.
35°8′	Гіеи-зинъ	„ (?)	756	Японск. географія.
			825	Рейнъ.
35°3′	Комага-таке (Хакопе) . .	“ (?)	1 345	„
34°3	Ого-мине	граниты и слапцы.	1.882	Кипингитъ.

Извилистый морской проливъ, отдѣляющій «континентъ» Японіи отъ южныхъ острововъ, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ рядъ фіордовъ и частныхъ бассейновъ, которые соединены въ одно обширное внутреннее море, имѣющее около 400 километровъ протяженія отъ востока къ западу. Это маленькое Средиземное море усѣяно островами и островками, ограничивающими небосклонъ со всѣхъ сторонъ: плывя по этимъ водамъ, между этими лѣсистыми землями, которыя поочередно скрываютъ и открываютъ отдаленный горизонтъ горъ, видишь передъ собой постоянно смѣняющійся рядъ восхитительныхъ картинъ безконечнаго разнообразія: видимыя картины можно сравнить съ норвежскими, но подъ итальянскимъ небомъ и малайскою растительностью. По японской космогоніи, при началѣ временъ, Изанаги и Изанами, божественная чета возсѣдала какъ-разъ надъ этой частью моря на небесномъ мосту, поддерживаемомъ столбами изъ облаковъ, и любовалась оттуда движеніемъ арміи волнъ, гоняющихся другъ за другомъ подъ ихъ ногами. Лежа безпечно на облакахъ, богъ обмакивалъ пурпурное остріе своего копья въ океанъ, и каждая ниспадавшая съ острія капля обращалась въ одинъ изъ тѣхъ зеленѣющихъ острововъ, которые теперь разсѣяны по поверхности моря: одинъ изъ первыхъ острововъ, которые выдвинулись тогда изъ волнъ, былъ прекрасный Авадзи (Аваджи), запирающій восточный входъ «Внутренняго моря».

Съ географической точки зрѣнія, японское средиземное море должно быть разсматриваемо какъ простой ровъ или каналъ, размытый водами, такъ какъ только въ нѣкоторыхъ изъ впадинъ его дна глубина превышаетъ 50 метровъ, средняя же глубина этого бассейна наполовину меньше. Западный входъ, извѣстный подъ именемъ Симоносеки или «Никней заставы», имѣетъ всего только 10 метровъ глубины, то-есть какъ-разъ столько, сколько нужно самымъ большимъ кораблямъ; но безъ помощи пара такимъ кораблямъ было бы неблагоразумно пускаться въ этотъ узкій каналъ, морскую рѣку, окаймленную по сторонамъ скалами и пересѣкаемую на поверхности опасными теченіями. Кромѣ Симоносеки, есть еще три прохода, дающіе доступъ во Внутреннее море: проходъ Бунго, между островами Кіусіу и Сикокъ, и два другіе на сѣверѣ и на югѣ острова Аваджи. Суда обыкновенно избираютъ сѣверный проходъ, проливъ Томога-сима или «Двухъ острововъ друзей», находящійся въ сосѣдствѣ портовъ Гіого (Хіого) и Осака; при томъ же и теченія въ этомъ каналѣ менѣе сильны, нежели въ другихъ. Но ни одинъ проливъ японскихъ морей не пугаетъ такъ мореходовъ, какъ проходъ Наруто, между островами Аваджи и Сикокъ. Приливъ, проникающій изъ океана во Внутреннее море, не можетъ тамъ развернуться на просторѣ, и движеніе его замедляется на всѣхъ мелкихъ мѣстахъ бассейна, при поворотѣ всѣхъ мысовъ и мысиковъ. Такимъ образомъ приливная волна, распространявшаяся быстро по открытому океаническому пространству, встрѣчается въ узкомъ проходѣ съ водами, лежащими на иномъ уровнѣ, вслѣдствіе чего образуются внезапные водовороты, очень опасные для обыкновенныхъ джонокъ. Японскіе судовщики описываютъ этотъ проливъ такимъ же образомъ, какъ сѣверные мореходы въ прежнее время представляли извѣстный водоворотъ Мальстремъ. По этимъ разсказамъ, которые, впрочемъ, не подтверждаются наблюденіями европейскихъ мореплавателей, Наруто есть тоже кружащаяся пучина, шириной въ нѣсколько

километровъ, и попадающіе въ нее предметы, увлекаемые спиралеобразно, устремляются быстрымъ и постоянно ускоряющимся круговращательнымъ движеніемъ къ центральной пропасти, откуда уже ничто не выходитъ на свѣтъ Божій.

Островъ Сикокъ, ограничивающій съ южной стороны японское средиземное море на пространствѣ бо́льшемъ половины его длины, представляетъ выпуклость изъ сланцевыхъ горъ, которая тянется неправильно отъ востока къ западу. Главная рѣка острова Іосино-гава (Іошино-гава), называемая также Сикоко-сабуро или «Старшимъ сыномъ Сикока», течетъ параллельно самому высокому хребту этихъ древнихъ сланцевъ, и въ томъ же направленіи продолжается узкая западная стрѣлка или коса, которая, выдвигаясь къ противолежащему полуострову острова Кіусіу, оставляетъ лишь узкій проходъ водамъ Внутренняго моря. Хотя относительно невысокая,—такъ какъ высшая вершина ея достигаетъ только 1.400 метровъ,—главная горная цѣпь Сикока составляетъ, тѣмъ не менѣе, серьезное препятствіе между двумя скатами острова, такъ какъ нѣкоторые проходы ея имѣютъ около 1.000 метровъ высоты. Высочайшая вершина острова, гора Ишидзулія достигаетъ, по Лубенцову, 6.480 ф. высоты. На плоской вершинѣ ея изъ кумирни путешественникъ можетъ обозрѣвать почти весь островъ. Нѣсколько вершинъ вулканическаго происхожденія высятся на сланцевомъ цоколѣ. Лѣса, состоящіе изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ и почти тропическіе по виду, въ сосѣдствѣ рѣкъ, покрываютъ склоны горъ, исключая нѣкоторыхъ округовъ, гдѣ земледѣльцы, недальновидные варвары, выжгли лѣсъ, чтобы дать полный просторъ папоротникамъ, которыхъ корни и стебли употребляются туземцами въ пищу.

Такъ же, какъ на Сикокѣ, скаты Кіусіу, ориентированные съ сѣвера на югъ, въ томъ же направленіи, какъ и островъ, состоятъ, главнымъ образомъ, изъ кристаллическихъ сланцевъ различныхъ видовъ, надъ которыми выдвинулись трахиты, сопровождаемые туфами и залежами лигнита. Но и на этомъ островѣ тоже открылись тамъ и сямъ вулканическія жерла, изъ которыхъ поднялись конусы изверженія, образовавшіеся изъ шлаковъ и пепла, и нѣкоторые изъ этихъ конусовъ до сихъ поръ пребываютъ въ состояніи періодической или постоянной дѣятельности. Въ самомъ центрѣ острова есть дѣйствующій вулканъ, Асо-санъ или Асо-даке, склоны котораго разработываются искателями сѣры и квасцовъ; кромѣ того, тамъ находятъ охристые сростки, заключающіе въ себѣ какое-то бѣлое и жирное вещество, которое жители страны ѣдятъ [1]). Въ 1874 году изверженіе немзы превратило ручьи, бѣгущіе съ этой горы, въ потоки молочнаго цвѣта [1]),—событіе, вѣроятно, повторяющееся довольно часто, судя по имени, которое носитъ главный ручей, Спра-гава или «Бѣлая рѣка» [2]). Вулканъ Асо-санъ въ собственномъ смыслѣ представляетъ конусъ незначительной высоты, но кратеръ, въ центрѣ котораго онъ стоитъ, походитъ на лунные вулканы по своимъ огромнымъ размѣрамъ: онъ имѣетъ не менѣе 16 до 24 километровъ въ поперечникѣ, а стѣны его почти вертикальныя во внутренности, поднимаются на 200—300 метровъ. Послѣднее изверженіе вулкана было въ 1884 году, при чемъ количество выбрасываемаго изъ кратера пепла было такъ велико, что въ Кумамото въ продолженіе трехъ дней пришлось днемъ употреблять фонари, даже на улицахъ. Въ этой обширной равнинѣ живутъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ, не подозрѣвая, что ихъ селенія построены въ жерлѣ огнедышащей горы [3]). На востокъ отъ Нагасаки полуостровъ Симабара или Шимабара состоитъ изъ одной только горы, длинные скаты которой правильно понижаются къ морю: этотъ конусъ есть знаменитый Унзенъ-санъ (Унзенъ-га-таке) или «Гора теплыхъ источниковъ», громадный кратеръ котораго поглотилъ тысячи христіанъ въ 1638 году, во время возстанія, скоро подавленнаго, обращенныхъ къ католическую вѣру туземцевъ, тогда очень многочисленныхъ въ этой части имперіи. Уже болѣе столѣтія вулканъ отдыхаетъ; однако, и теперь видно дрожаніе легкихъ паровъ на вершинѣ горы. Во время Кемпфера сѣрнистые пары поднимались изъ кратера такими густыми облаками, что птицы избѣгали летать вокругъ горы до разстоянія нѣсколькихъ миль; изъ безчисленныхъ отверстій выходили газы и потоки грязи, а во время дождей вся почва кипѣла, какъ жидкая масса [4]). Отъ изверженія сосѣдней огнедышащей горы, Міи-яма, сопровождавшагося изліяніемъ огромныхъ массъ воды, погибло нѣкогда болѣе 50.000 человѣкъ.

На югѣ острова Кіусіу находится группа вулкановъ, получившая названіе Кири-сима или «Острова тумановъ», по причинѣ выходящаго изъ кратеровъ этихъ горъ сѣрнистаго дыма. Тамъ всѣ горныя породы, туфы, трахиты, пемзы,—эруптивнаго происхожденія. Плоская возвышенность, на которой стоятъ вулканы-близнецы Кири-сима, представляетъ безплодную страну, покрытую красноватыми шлаками и пепломъ: тамъ и сямъ растутъ небольшими кучками крывыя низкія сосны и другія деревца, сжигаемыя каждый годъ кострами, которые разводятъ пастухи; лѣса капитановъ,

[1]) F. von Richthofen, „Geologie der Insel Kiusiu", „Mittheilungen von Petermann", 1882 г. № 5.

[1]) Rein, цитированное сочиненіе.

[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[3]) Milne, „Seismic science in Japan, Transactions of the scismological Society of Japan", part I. 1880.

[4]) Landgrebe, „Naturgeschichte der Wulkane".

зеленыхъ дубовъ, дикихъ сливъ держатся только въ глубокихъ ущельяхъ и оврагахъ, куда не проникаетъ пожаръ. Кратеръ южнаго вулкана, называемаго Така-цихо, открывается не на вершинѣ горы, а на западномъ склонѣ, подъ іенойскими сѣрнистыми термами; на востокѣ высится остроконечная вершина, состоящая изъ вулканическихъ шлаковъ, на которой сложена груда камней,—памятникъ происходившихъ здѣсь нѣкогда войнъ. Вершина сѣвернаго вулкана, съ болѣе мягкими очертаніями, заключаетъ, говорятъ, маленькое озеро. По Рейну, два вулкана Кири-сима составляютъ высшія точки всего острова. Горы Асо-санъ въ центрѣ острова Кіусіу, и Комацъ-яма, на юго-востокѣ, несомнѣнно, ниже вершины Кири-сима, которая достигаетъ до 5.580 ф. высоты. Послѣднее изверженіе Кири-сима было въ 1891 году.

Полуостровъ, ограничивающій на западѣ живописную Кагосимскую бухту, есть одна изъ прекраснѣйшихъ и любопытнѣйшихъ мѣстностей архипелага. Надъ длинной стрѣлкой мыса, загибающейся со стороны залива, господствуетъ величественный пикъ Каймонъ или «Морскія ворота», называемый на европейскихъ картахъ мысомъ Горнеръ. Ни одна изъ вулканическихъ горъ Японіи не превосходитъ его красотой формы, правильностью профиля: менѣе притупленный, болѣе грандіозный, чѣмъ знаменитый Фузи-яма, хотя на три четверти менѣе высокій, вулканъ Каймонъ не пользуется такой же славой только потому, что ему недостаетъ многолюднаго города, разстилающагося у его подножія; на сѣверѣ отъ этого правильнаго конуса нѣкогда высился другой вулканъ, болѣе значительныхъ размѣровъ, но вся его конечная пирамида, разрушенная взрывомъ, о которомъ уже утратились даже воспоминанія, была замѣнена круглымъ бассейномъ, который теперь наполняютъ воды Ми-ике ли «Благороднаго озера». Другой озерный бассейнъ, въ кратерѣ побочнаго конуса, господствуетъ надъ рейдомъ и городомъ Ямагава.

Кагосимскій заливъ, открывающійся на востокѣ отъ «Морскихъ воротъ», тоже заключаетъ замѣчательный вулканъ Ми-такe, зазубренный конусъ котораго одинъ образуетъ весь островъ Сакура-сима или «Вишневый»; съ противоположнаго берега ясно видно его основаніе, опоясанное полями и ярусами садовъ и плантацій, гдѣ растутъ сальныя и апельсинныя деревья, а выше, за этимъ поясомъ зелени, слѣдуютъ сѣроватые, изрытые оврагами и промоинами откосы, откуда еще лѣтъ сто тому назадъ поднимались клубы пара.

Высоты главныхъ горъ на островѣ Кіусіу суть:

Асо-яма, дѣйствующій вулканъ—1.600 метровъ, по Рихтгофену и Рейну; Така-цихо (Кири-сима), вулканъ—1.672 метровъ, по Рейну; Комацъ-яма, вулканъ—1.280 метровъ, по Рейну; Узенъ-га-такe, вулканъ—1.250 метровъ, по Рихтгофену; Каймонъ-га-такe (Горнеръ), вулканъ—1.000 метровъ, по Рейну; Ми-такe (на о. Сакура-Сима), вулканъ—1.000 метровъ, по Рейну.

Изрѣзанный архипелагъ, которымъ продолжаются на юго-западѣ земли Японіи, тоже состоитъ изъ слоистыхъ горныхъ породъ, одѣтыхъ тамъ и сямъ веществами, извергнутыми изъ морскихъ глубинъ; многіе изъ этихъ острововъ представляютъ туфовыя плато съ обрывистыми скатами, круто обрѣзанными ударомъ волнъ, или шлаковые конусы, исполосованные оврагами въ видѣ косынки, которые ярко бѣлѣются на зеленомъ фонѣ склоновъ горы. Изъ этихъ конусовъ, очень крутыхъ, особенно замѣчателенъ Ивога-сима, Стромболи японскихъ морей; изъ кратера и боковыхъ трещинъ этого вулкана, почти не менѣе высокаго (722 метра), чѣмъ естественный маякъ Тирренскаго моря, безпрестанно поднимаются пары, бѣлые днемъ, красные ночью. Въ былое время японскіе мореходы не осмѣливались приближаться къ этой горящей горѣ, постоянное шипѣніе которой они приписывали злымъ духамъ. Однако, одинъ смѣльчакъ вызвался осмотрѣть вблизи это жилище страшныхъ геніевъ, онъ нашелъ тамъ значительныя залежи сѣры, которыя теперь составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ князя Сацзума [1]. Въ сосѣдствѣ разбросаны по поверхности воды вулканическіе островки, выступившіе со дна моря въ разныя эпохи [2]. Два самые большіе острова этой группы, Танега-сима и Яку-сима, не выбрасываютъ болѣе изъ своихъ жерлъ ни пепла, ни дыма, но рядъ островковъ, продолжающійся къ юго-западу, параллельно главной грядѣ Ликійскихъ острововъ, находится еще въ періодѣ дѣятельности: Нака-сима, Сува-сима или островъ Архимеда, Іоко-сима, одинъ изъ двухъ острововъ Клеопатры, суть дѣйствующіе вулканы, такъ же, какъ Иво-сима (Тори-сима), естественный маякъ для судовъ, плавающихъ изъ Кореи или Шань-дуна къ большому острову архипелага Лю-цю. Этотъ рядъ островковъ изъ лавы продолжается, по направленію къ сѣверной оконечности острова Формозы, скалами и подводными камнями, того же, вѣроятно, вулканическаго происхожденія.

Группа острововъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ Кіусіу, то-есть Сіунангуто, и небольшой архипелагъ острововъ Линсхотенъ географически принадлежатъ уже къ грядѣ Лю-цю, называемой китайцами Лу-чжоу, а самими островитянами Лукіу: «Страна драгоцѣннаго камня» или «Страна прозрачнаго коралла» — таковъ смыслъ, который можно дать этому наимено-

[1]) F. von Richthofen, „Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft“, Bd. XIII.

[2]) Maget, „Nature“, 7 февраля 1879 года.

ванію архипелага [1]). Правильный полумѣсяцъ, дуга котораго развертывается отъ Кіусіу до Формозы, имѣя точно такой же радіусъ кривизны, какъ и самый большой изъ Японскихъ острововъ, и образуетъ внѣшнюю окраину «Восточнаго моря» (по-китайски Дунъ-хай), есть, вѣроятно, остатокъ гористой страны, соединявшей нѣкогда островъ Ниппонъ съ континентомъ Азіи; эта гряда дѣлится на второстепенные архипелаги, изъ которыхъ два главные, слѣдующіе одинъ за другимъ около середины разстоянія, отдѣляющаго Кіусіу отъ Формозы, составлялъ собственно такъ называемое «королевство Лю-цю», обращенное нынѣ въ простую провинцію Японской имперіи.

Архипелагъ Лю-цю такъ же, какъ Корея, былъ долгое время вассальнымъ государствомъ двухъ сосѣднихъ имперій, Китая и Японіи. Послѣ неоднократныхъ нашествій на эти острова, китайцы добились, въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, того, что ликійскій король призналъ себя данникомъ «Сына Неба» и принялъ отъ него инвеституру. Не прошло и пятидесяти лѣтъ со времени этого событія, какъ явились, въ свою очередь, японцы и получили подарки, которые мало-по-малу превратились въ дань; въ 1609 году завоевательная экспедиція, предпринятая на острова Лю-цю княземъ Сацзума, имѣла результатомъ формальное признаніе за Японіей ея права верховной власти надъ этимъ архипелагомъ. Родичи японцевъ по расѣ и языку, островитяне, однако, предпочитали имъ китайцевъ и даже гордились своими вассальными отношеніями къ Пекину; отдаленный богдоханъ, котораго они знали только по его подаркамъ, казался имъ болѣе пріятнымъ господиномъ, нежели японскій императоръ, представляемый ихъ стѣснительнымъ сосѣдомъ, княземъ Сацзумы [2]). Однако имъ пришлось выбрать того изъ двухъ сюзереновъ, верховную власть котораго они переносили менѣе охотно. Послѣ переворота, которымъ были низвергнуты сіогуны, были присланы японцы въ качествѣ непосредственныхъ правителей острововъ, и королю велѣно было порвать всякія сношенія съ Пекиномъ. Тщетно протестовалъ несчастный монархъ: «уже около пятисотъ лѣтъ, говорилъ онъ, мы пользуемся покровительствомъ китайскаго императора; мы смотримъ на него, какъ на отца, а къ Японіи обращаемся какъ къ матери. Не сказалъ ли Конфуцій, что вѣрность должна быть предпочитаема самой жизни?... Не заставляйте насъ сдѣлаться вѣроломными и покрыть себя позоромъ!» [3]). Но нужно было уступить: въ 1874 г., послѣ побѣдоносной экспедиціи японцевъ на островъ Формозу, маленькій король потерялъ свой тронъ, и архипелагъ Лю-цю былъ окончательно присоединенъ къ японскимъ владѣніямъ, какъ простая провинція, составляющая нераздѣльную часть Ниппона.

Разсказы китайскаго ученаго Су-бао-хуана, котораго императоръ Канъ-си посылалъ на острова Лю-цю въ 1719 году, были, до начала настоящаго столѣтія, единственнымъ сколько-нибудь серьезнымъ источникомъ для знакомства съ королевствомъ «Прозрачнаго коралла» [1]); но со времени экспедиціи Броутона въ 1797 году, Макквеля и Василія Галя въ 1816 году, многочисленные мореплаватели всѣхъ націй, между прочимъ Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ, Бичи, Бельчеръ, Перри, посѣтили портъ Нава, на главномъ островѣ, и издали въ свѣтъ описаніе своихъ путешествій. Кромѣ того, на Лю-цю бывали и жили тамъ подолгу миссіонеры, католическіе и протестантскіе, а въ послѣдніе годы японцы и европейцы, поселившіеся въ Іокогамѣ, посѣтили разные острова «Трехъ сановъ», чтобы провести тамъ зимній сезонъ въ климатѣ болѣе тепломъ, чѣмъ климатъ центральнаго Ниппона [2]). Но эти различныя изслѣдованія сдѣлали номенклатуру архипелага болѣе запутанной, чѣмъ она была во времена богдохана Канъ-си. Къ мѣстнымъ именамъ, къ китайскимъ и японскимъ названіямъ прибавились еще наименованія, нанесенныя на карты мореплавателями всѣхъ націй.

Двѣ главныя группы архипелага протянулись по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, то-есть параллельно другимъ горамъ китайской системы въ Срединной имперіи и въ Японіи [3]); различные острова этихъ группъ, въ свою очередь, представляютъ горныя цѣпи изъ гранита, сланцевъ, песчаниковъ, известняковъ, не превосходящія 500 метровъ высоты и дающія начало потокамъ чистой воды, которые утилизируются до послѣдней капли въ рисовыхъ плантаціяхъ, окружающихъ селенія: нигдѣ не видно болотъ въ собственномъ смыслѣ. Главный островъ сѣверной группы носитъ имя Ого-сима, что́ значитъ «Большой островъ», но размѣрами онъ уступаетъ острову Окинава, который называютъ Большимъ Лю-цю, и по имени котораго французскіе географы прошлаго столѣтія называли все это островное царство «Ликійскимъ»; онъ одинъ заключаетъ около двухъ третей всего населенія провинціи. На этомъ островѣ, кажется, нѣтъ вулканическихъ горныхъ породъ, но известковые гребни многихъ изъ его холмовъ часто были принимаемы за лавы, по причинѣ ихъ неровной, усаженной остроугольными выступами, поверхности и ихъ пузырча-

[1]) Klaproth; — Serrurier, „De Lioe-Kioe Archipel“.
[2]) Forade, „Annales de la propagation de la Foi“ juillet, 1846.
[3]) Serrurier, „De Lioe-Kioe Archipel“.

[1]) Gaubil, „Lettres édifiantes“, tome XXIII.
[2]) Gubbins, „Proceedings of the Geographical Society of London“, oct. 1881.
[3]) Pumpelly; — F. von Richthofen.

таго внутренняго строенія, похожаго на структуру вулканическихъ шлаковъ: ходить по этимъ острымъ и изрѣзаннымъ по всѣмъ направленіямъ камнямъ должно быть невозможно. Другія известковыя скалы имѣютъ крутыя, обрывистыя грани и на вершинахъ поросли лѣсомъ, такъ что путешественникъ видитъ передъ собой цѣлый рядъ висячихъ садовъ, раздѣленныхъ непроходимыми пропастями [1]).

Благодаря высокой температурѣ водъ теченія, омывающаго архипелагъ Лю-цю, всѣ острова окаймлены карлловыми рифами, подобными рифамъ Южнаго моря и открывающимся тоже напротивъ устьевъ рѣкъ, такъ какъ кораллы не могутъ развиваться въ прѣсной водѣ. При помощи этихъ коралловыхъ построекъ могли образоваться, на окружности острова Окинава, порты Нава и Мельвилевъ (туземцы называютъ его Унтинъ), открытый Василіемъ Галь. Во многихъ мѣстахъ береговъ коралловые рифы подняты выше уровня окружающаго моря, что, безъ сомнѣнія, должно быть приписано поднятію почвы. Въ открытомъ морѣ, напротивъ порта Нава, коралловая банка простирается въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега и оканчивается такими обрывистыми стѣнами, что лотъ не можетъ предупредить мореплавателя о грозящей ему опасности [2]). Обломки коралловъ, перекаченные волнами и смѣшанные съ пескомъ и съ раковинами, образуютъ тамъ и сямъ твердыя скалы, которыя видимо увеличиваются съ каждымъ годомъ, какъ камень «maçonne-bon-Dieu» на Антильскихъ островахъ—довольно плотный песчаникъ, содержащій значительное количество раковинъ и коралловъ [3]).

Острова Гото, которые были часто избираемы японскимъ правительствомъ какъ мѣста ссылки, едва отдѣлены отъ Кіусіу узкимъ проливомъ, усѣяннымъ подводными камнями; они составляютъ, вмѣстѣ съ островомъ Хирадо, часть той китайской цѣпи, продолженіе которой Помпелли ищетъ въ островахъ Чжу-санъ и въ горахъ Нинъ-бо. Островъ Ики, на сѣверозападъ отъ Кіусіу, тоже принадлежитъ географически къ этому большому острову; но островъ Цу-сима, лежащій въ самомъ центрѣ Корейскаго пролива, повидимому, долженъ быть признанъ скорѣе корейскимъ, чѣмъ японскимъ; его флора и фуана связываютъ его нѣкоторыми видами съ маньчжурской ботанической и зоологической областью [4]). Этотъ островъ долгое время служилъ торговымъ посредникомъ между двумя государствами; цусимскій князь, почти независимый владѣтель, держалъ въ своихъ рукахъ монополію торговыхъ сношеній черезъ фузанскій портъ прежде, чѣмъ этотъ портъ былъ открытъ непосредственно японскимъ кораблямъ; чрезъ тотъ же островъ Цу-сима пересылались прежде на родину потерпѣвшіе крушеніе мореходы обѣихъ націй [1]). Въ 1861 году на островѣ поселились русскіе офицеры для починки своихъ судовъ и можно было думать, что они присоединятъ къ русскимъ владѣніямъ эту землю, занимающую столь выгодное положеніе между двумя морями и двумя имперіями; но, вслѣдствіе дипломатическаго столкновенія съ Англіей, они покинули устроенныя ими верфи. Выбранное ими мѣсто находится близъ Фачу, главнаго города острова, на берегу широко раскрытаго залива Тамамура, который разрѣзываетъ западный берегъ и дѣлитъ островъ на двѣ половины: узкій каналъ, во время прилива наполняющійся водой, но все-таки недостаточно глубокій даже для простыхъ барокъ, соединяетъ этотъ заливъ съ Восточнымъ моремъ [2]). При отливѣ же обѣ половины острова Цу-сима соединяются въ одну землю песчаной косой. Отъ господства русскихъ осталось лишь на память названіе описанной ими бухты—«Посадникъ».

Страна вулканическая по преимуществу, «японскій континентъ» и принадлежащіе къ нему острова часто подвергаются землетрясеніямъ, которыя происходятъ, вѣроятно, отъ давленія паровъ, запертыхъ подъ поверхностною частью почвы. Въ историческія времена самыя сильныя землетрясенія имѣли мѣсто въ тѣхъ областяхъ архипелага, гдѣ находятся главные кратеры извержения, и именно въ равнинѣ Токіо, лежащей въ сосѣдствѣ вулкана Фузи и орошаемой рѣками, спускающимися съ другой огнедышащей горы, Асама-яма, происходили наиболѣе сильныя колебанія почвы. Говорятъ, что во время землетрясенія 1854 года, разрушившаго большую часть города Іеддо, погибло около ста тысячъ человѣкъ. Массивныя и наиболѣе солидно построенныя зданія менѣе выдерживаютъ сотрясенія почвы, нежели болѣе легкіе дома, но зато они имѣютъ болѣе шансовъ не быть поваленными и унесенными ураганами, другимъ бичомъ Японіи. Послѣднее весьма сильное землетрясеніе испытала Японія въ 1896 г.

Окруженная водами моря и влажной атмосферой, насыщенной океаническими парами, Японія, естественно, имѣетъ гораздо болѣе равномѣрный, болѣе морской климатъ, чѣмъ берега сосѣдняго континента, отъ которыхъ она отдѣлена Корейскимъ проливомъ. Тогда какъ въ Пекинѣ, лежащемъ далеко отъ морскихъ испареній, зима бываетъ такая же суровая, какъ въ Упсалѣ, а лѣто такое же жар-

[1]) Jones Perry, „Narrative of the Expedition of an American Squadron".

[2]) Jurien de la Gravière, „Voyage en Chine".

[3]) Perry, „Narrative of the Expedition of an American Squadron".

[4]) Oliphant, „Journal of the Geographical Society of London", 1863.

[1]) F. von Siebold, „Voyage au Japon".

[2]) R. Lindau, „Revue des Deux Mondes", 1863; — Oliphant, цитированная статья.

кое, какъ въ Каирѣ, Токіо несравненно менѣе страдаетъ отъ крайностей тепла и холода. Океанское теченіе, которому японцы дали названіе, Куро-сиво, то-есть «Черное теченіе», и которое изъ европейскихъ мореплавателей первый замѣтилъ голландецъ Фрисъ, въ 1643 году, соотвѣтствуетъ, по своему движенію и по вліянію на климатъ, Гольфстрему сѣверной Атлантики; оно идетъ вдоль восточныхъ береговъ большихъ Японскихъ острововъ, въ очень близкомъ отъ нихъ разстояніи, и его теплыя воды, которыя передъ тѣмъ прошли черезъ проливы Малезіи и Филиппинскихъ острововъ, увлекаютъ надъ собой воздухъ болѣе теплый, чѣмъ

Японскіе крестьяне.

воздухъ сосѣдняго материка; средняя температура теченія, которая только на 2 или на 3 градуса ниже температуры атлантическаго Гольфстрема, колеблется между 23 и 27 градусами стоградуснаго термометра и превышаетъ на цѣлыхъ 6 градусовъ нормальную температуру морской воды подъ этими широтами [1]). Въ лѣтніе мѣсяцы, когда юго-западный муссонъ гонитъ волны передъ собой, воды Чернаго теченія ударяются непосредственно о берега Кіусіу, Сикока и южные берега главнаго острова; зимой полярные вѣтры отталкиваютъ воды и, удаляя ихъ отъ японскаго прибрежья, заставляютъ ихъ направляться прямо къ сѣверовостоку. Средняя скорость морской рѣки весьма неравномѣрна, измѣняясь сообразно направленію вѣтра; по Шренку, она составляетъ отъ 55 до 75 километровъ въ день, а ширина теченія, по изслѣдованіямъ морскихъ офицеровъ корабля «Challenger», равняется, среднимъ числомъ, 75 километрамъ, на широтѣ бухты Іеддо; промѣрные инструменты обнаруживаютъ движеніе ея водъ до глубины 900 слишкомъ метровъ. На сѣверѣ полярное теченіе, Оя-сиво, выходящее изъ бассейна Охотскаго моря, идетъ на встрѣчу Черному потоку, одна вѣтвь котораго проникаетъ въ Сангарскій проливъ. Подобно тому, какъ въ Атлантическомъ океанѣ, эти двѣ морскія рѣки дѣлятся на параллельныя полосы различнаго цвѣта, которыя движутся въ противоположномъ направленіи одна возлѣ другой, и встрѣча которыхъ имѣетъ слѣдствіемъ образованіе боковыхъ теченій и водоворотовъ съ короткими и опасными волнами; частые туманы, происходящіе отъ столкновенія воздушныхъ токовъ разной температуры, движущихся надъ океанскими рѣками, омрачаютъ небо въ этихъ областяхъ моря. Зимой полярное теченіе Оя-сиво опоясываетъ ледяной бахрамой восточные берега острова Іессо; оно приноситъ во всякое время года китообразныхъ животныхъ, рыбъ, моллюсковъ сѣверныхъ широтъ и тѣмъ самымъ способствуетъ въ значительной мѣрѣ продовольствію японцевъ. Берега острова Іессо, въ мѣстѣ встрѣчи двухъ противоположныхъ теченій сѣверной части Тихаго океана, соотвѣтствуетъ Ньюфаундленскимъ мелямъ въ Атлантическомъ океанѣ.

На западъ отъ Японскихъ острововъ, вѣтвь Куро-сиво, которой Шренкъ далъ названіе Цусимскаго теченія по имени двойнаго острова, который она окружаетъ своими водами, способствуетъ, какъ и восточное теченіе, возвышенію температуры Японіи; дѣйствіе его особенно ощущительно на сѣверныхъ берегахъ большаго острова, о которые ударяются волны, имѣющія среднюю температуру отъ 19 до 20 градусовъ стоградуснаго термометра. Впрочемъ, Цусимское теченіе не постоянно движется по направленію съ юга на сѣверъ; зимой, подъ вліяніемъ полярныхъ вѣтровъ, воды отливаютъ къ югу, по крайней мѣрѣ на поверхности, и, переходя обратно черезъ бреши острововъ Люцю, соединяются съ массой Чернаго потока. Даже лѣтомъ, Цусимское теченіе, гораздо менѣе значительное по размѣрамъ, нежели Куросиво, и поочередно охлаждаемое или нагрѣваемое сосѣдними землями, играетъ лишь второстепенную роль между различными причинами, обусловливающими колебанія климата страны. Между двумя покатостями Японскихъ острововъ контрастъ поразительный. Изотермическія линіи, проведенныя отъ востока къ западу черезъ Японію, далеко не совпадаютъ съ градусами широты. На равномъ разстояніи отъ экватора, средняя температура выше на берегу, обращенномъ къ океану, чѣмъ на берегу, омываемомъ западнымъ моремъ, и съ этой стороны горы одинаковой высоты бываютъ покрыты снѣгомъ въ теченіе значительно болѣе продолжительнаго періода года. Хотя метеорологическія станціи въ Японіи и достаточно многочисленны, но наблюденія не были продолжаемы въ теченіе достаточно длиннаго періода времени, и потому еще нельзя начертить съ большою точностью линіи равной температуры. Можно сказать только вообще, что изотермы загибаются все болѣе и болѣе къ сѣверу, приближаясь къ полярному поясу: такъ разность средней годовой температуры между полуденной Японіей и соотвѣтственнымъ прибрежьемъ Китая составляетъ только 2 градуса Цельзія, тогда какъ сѣвернѣе, между Іессо и русскою Маньчжуріей, не превышаетъ 5 градусовъ [2]). Благодаря умѣряющему вліянію моря, дѣйствующему какъ зимой, такъ и лѣтомъ, періодъ наибольшаго холода замедляется до февраля, а періодъ наибольшаго тепла—до августа; сентябрь тамъ бываетъ даже жарче іюля [2]).

Несмотря на контрастъ, который представляетъ, къ выгодѣ Японіи, ея островной климатъ, въ сравненіи съ континентальнымъ климатомъ Китая, этотъ архипелагъ, тѣмъ не менѣе, подчиненъ общимъ вліяніямъ, производящимъ охлажденіе восточныхъ областей материковъ въ пользу ихъ западныхъ береговъ. На равной широтѣ, Японія имѣетъ климатъ на 4 до 6 градусовъ болѣе холодный, чѣмъ средняя годовая температура Европы. Во всѣхъ частяхъ архипелага, даже на островѣ Кіусіу, жители знакомы со снѣгомъ и льдомъ; по срединѣ большаго острова иногда выпадаетъ глубокій снѣгъ, покрывающій, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, почву полей и равнинъ слоемъ толщиной въ полтора аршина и болѣе; а на островѣ Іессо термометръ можетъ опускаться до 16 градусовъ ниже точки замерзанія. Зимній періодъ со-

[1]) Dalle, „Mettheilungen von Petermann", 1881.

[1]) Rein, „Japan nach Reisen und Studien".

[2]) Рейнъ; Воейковъ;—Hann, „Geographisches Jahrbuch"; VIII Band, 1881.

впадаетъ въ Японіи, какъ и вездѣ на Крайнемъ востокѣ, съ господствомъ холодныхъ вѣтровъ, преимущественно сѣверо-западныхъ; эти полярные вѣтры, нормальное направленіе которыхъ было бы съ сѣверо-востока на юго-западъ, но которые отклоняются къ юго-востоку собирательнымъ фокусомъ Тихаго океана. Зимніе вѣтры господствуютъ съ такой силой на западныхъ берегахъ Японіи, что мореплаватели рѣдко отваживаются пускаться въ эти области моря во время опаснаго сезона; даже пароходы, поддерживающіе правильное сообщеніе между Ніигата и Хакодате, прекращаютъ свои рейсы. Во многихъ городахъ морскаго прибрежья туземцы имѣютъ обыкновеніе, при наступленіи зимняго времени, воздвигать досчатые помосты, промежутки которыхъ они наполняютъ хворостомъ и мхомъ и которые служатъ ширмами ихъ жилищамъ [1]).

Эти полярные вѣтры, болѣе или менѣе уклоняющіеся отъ своего нормальнаго направленія смотря по формѣ и очертанію морскихъ береговъ, рельефу горныхъ цѣпей, давленію атмосферы и колебаніямъ температуры, смѣняются, въ апрѣлѣ или въ маѣ, теплыми юго-западными муссонами. Эти лѣтніе вѣтры не имѣютъ такой силы и правильности, какъ зимнія атмосферныя теченія, и часто прерываются штилями: вообще въ эту пору года равновѣсіе воздуха наиболѣе неустойчиво; къ концу лѣта, особенно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда температура морской воды достигаетъ максимума, когда воздухъ бываетъ насыщенъ парами, малѣйшее нарушеніе атмосфернаго равновѣсія можетъ имѣть результатомъ образованіе кружащагося вѣтра, достаточно сильнаго для того, чтобы получить названіе тифона. Эти воздушные вихри волнуютъ преимущественно воды, окружающія острова Ю-цю и южную Японію, но они не переходятъ за бухту Сендай, на восточномъ берегу большаго острова. Увлекаемые въ движеніи, параллельномъ движенію водъ, они развертываютъ почти всѣ свои спирали надъ теченіемъ Куросиво. Послѣ этого опаснаго періода, которымъ заканчивается лѣтній муссонъ, наступаетъ самое пріятное время года, осень ясная и чистая, когда природа какъ бы отдыхаетъ отъ томительныхъ жаровъ и лѣтнихъ бурь. Благодаря періодическому измѣненію направленія годовыхъ вѣтровъ, чередованіе времени года гораздо правильнѣе въ Японіи, нежели въ умѣренныхъ климатахъ западной Европы: оттого въ языкѣ японцевъ выработались различныя названія для обозначенія въ одно и то же время сезона года и состоянія погоды и температуры, которая должна въ обычномъ порядкѣ соотвѣтствовать этому сезону. Въ прежнее время считалось признакомъ хорошаго тона начинать письма длинными фразами, относящимися къ этимъ правильнымъ перемѣнамъ климата: «Теперь, когда ледъ растаялъ, когда деревья распускаются и когда вы процвѣтаете все болѣе и болѣе, адресую вамъ эти строки, написанныя кистью...» Таково было неизмѣнное вступленіе всякаго письма, сочиняемаго весной [1]).

Періодическая перемѣна направленія муссоновъ регулируетъ выпаденіе дождей такъ же, какъ и температуру. Почти на всемъ архипелагѣ, исключая развѣ острова Іессо и западныхъ береговъ главнаго острова, въ зимніе мѣсяцы стоитъ очень сухая погода. Контрастъ, замѣчаемый между двумя покатостями, объясняется легко. Сѣверо-западные вѣтры, которые приносятъ всегда хорошую погоду на берега русской Маньчжуріи, насыщаются парами, проносясь надъ моремъ, и когда они ударяются о холмы и горы Японіи, содержимая ими влажность осаждается и падаетъ на землю въ видѣ хлопьевъ снѣга; въ нѣкоторыхъ округахъ гористой области снѣжный слой достигаетъ такой толщины, что туземцы принуждены покидать нижнее жилье своихъ домовъ и переселяться въ верхній этажъ; какъ въ Сибири или Канадѣ, нужно употреблять лыжи для хожденія по глубокимъ снѣгамъ [2]). Но какъ только перевалишь за гребень горъ и увидишь вдали восточныя равнины и море, низкое пасмурное небо, нависшее сѣрымъ сводомъ надъ западнымъ скатомъ, остается позади; атмосфера очистилась отъ облаковъ и солнце свободно разсыпаетъ свои лучи по полямъ. Въ теченіе перваго періода лѣтняго муссона дожди бываютъ повсемѣстно на обѣихъ покатостяхъ и отличаются необыкновеннымъ обиліемъ. Часто случается, что ливни продолжаются цѣлые дни безъ перерыва; однажды въ половинѣ сентября, дождь, падавшій въ Іокогамѣ тридцать часовъ подрядъ, пролилъ на землю слой воды толщиной не менѣе 176 милиметровъ; всѣ ручьи поднялись на 3—5 метровъ выше своего обычнаго уровня, а рѣки превратились въ озера. Такъ какъ сезонъ дождей совпадаетъ здѣсь съ періодомъ жаровъ и временемъ испаренія рисовыхъ полей, которыя покрываютъ столь значительную часть почвы, то страна, можно сказать, находится въ жарко-натопленной паровой банѣ; растительность развивается необыкновенно быстро и пышно, но животныя и люди чувствуютъ разслабляющую тягость въ этой удушливой атмосферѣ. Количество дождевой воды здѣсь никакъ не меньше, чѣмъ подъ тропиками; оно почти въ два раза превосходитъ количество, выпадающее въ западной Европѣ. На берегахъ залива Токіо годовое количество осадковъ превышаетъ полтора метра.

Температура и количество падающей на землю атмосферной влаги въ разныхъ частяхъ Японіи [3]) выражается такъ:

[1]) Рейнъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Alcock,—Левъ Мечниковъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Рейнъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Résumé Stat. de„ l'empire Japon.“ 1898 г. Токіо.

Станціи.	Средняя температура.	Максимумъ.	Минимумъ.	Количество осадковъ.	Барометръ.	Дождь, снѣгъ и градъ.
Кагосима	16,8	34,1	— 5,3	2 244,1	761,0	164 дня
Кочи	15,4	35,9	— 6,5	2.685.5	761,0	139 „
Осака	14,7	35,4	— 4,3	1.469,4	761,2	152 „
Нагасаки	16,0	34,4	— 3,8	1.584.4	761,6	173 „
Токіо	14,0	34,4	— 6.8	1.715,1	760,4	159 „
Хакодате	8,3	31,1	—19,4	1.031,0	759,6	203 „
Каназава	13,0	35,3	— 7.2	2.559,9	761,2	236 „
Сакаи	14,0	35.3	— 5,2	2.080,7	761,3	217 „
Акита	10,3	32,9	—14,5	1.641,4	760,1	229 „
Немура	5,9	31,4	—16,8	1.064.1	758,9	154 „

Вода въ Японскомъ морѣ, благодаря этимъ проливнымъ дождямъ, гораздо менѣе солена, чѣмъ въ Тихомъ океанѣ, и при равной температурѣ она замерзаетъ быстрѣе [1]). Въ этомъ почти замкнутомъ морѣ высота прилива весьма незначительна: у береговъ острова Садо вода поднимается всего только на 60 сантиметровъ.

Благодаря обилію дождей, относительной умѣренности зимъ и влажной жарѣ лѣта, японская флора отличается необыкновеннымъ богатствомъ и силой. Въ этой странѣ можно съ успѣхомъ пересаживать самыя большія деревья, даже оставляя только немного земли вокругъ корней и обрубая вѣтви на всякіе манеры [2]). Многія растенія, которыя со времени третичной эпохи не могли сохраниться на китайской территоріи, продолжали жить и процвѣтать въ Японіи. Тысячи растительныхъ видовъ, происходящихъ съ Малайскаго архипелага, изъ Индо-Китая, изъ долинъ Гималайскихъ горъ, изъ Кореи, изъ Маньчжуріи или даже изъ Сѣверной Америки, могли распространяться нѣкогда черезъ земли, нынѣ поглощенныя моремъ, или сѣмена ихъ были перенесены птицами или морскими волнами, и Японскій архипелагъ далъ имъ благопріятную для ихъ развитія среду. Оставляя въ сторонѣ растенія, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они были введены въ страну изъ Китая или изъ Европы въ историческія времена, Франше и Саватье нашли, что японская флора заключаетъ 2.743 вида, составляющіе 1.035 родовъ и 154 семейства. Между путешественниками, посѣтившими Японскіе острова, было много ботаниковъ, да и сами туземцы занимаются изученіемъ растеній, либо изъ любви къ цвѣтамъ, либо для отысканія лекарственныхъ травъ; слѣдовательно, растительность Японіи относительно хорошо извѣстна; тѣмъ не менѣе будущее изслѣдованіе острова Іессо и нѣкоторыхъ отдаленныхъ, малознакомыхъ мѣстностей другихъ острововъ, безъ сомнѣнія, увеличитъ число доселѣ открытыхъ видовъ. Въ настоящее время можно исчислять въ 3.000 различныхъ растеній совокупность флоры Ниппона, изъ нихъ 44 рода до сихъ поръ еще не были найдены нигдѣ, кромѣ имперіи Восходящаго солнца [1]).

Сѣверныя границы различныхъ характеристическихъ растеній слѣдуютъ одна за другой не въ правильномъ порядкѣ,—однѣ изъ нихъ совпадаютъ съ изотермическими линіями, другія отклоняются къ югу или къ сѣверу подъ вліяніемъ вѣтровъ, дождей и всѣхъ дѣятелей, обусловливающихъ климатъ. На Курильскихъ островахъ деревья, береза, тополь, ива, растутъ во всѣхъ долинахъ, хорошо защищенныхъ отъ морскаго вѣтра; на островѣ Кунаширѣ есть даже дубовыя рощи, но высота деревьевъ не превосходитъ тамъ 6 метровъ, исключая кедровъ, растущихъ въ долинахъ и оврагахъ: вѣтеръ срѣзываетъ верхушки вѣтвей, которыя поднимаются надъ среднимъ уровнемъ лѣса. Для постройки своихъ хижинъ и для топки печей, курильскіе островитяне обыкновенно употребляютъ деревья, выбрасываемыя на берегъ морскими волнами. Шелковица и чайное дерево культивируются въ Хондо вездѣ до Сангарскаго пролива [3]), и даже городъ Акита есть одинъ изъ главныхъ центровъ шелководства: исключеніе составляетъ Нінгатское прибрежье, хотя и лежащее южнѣе, но имѣющее климатъ слишкомъ холодный для этой культуры, такъ какъ теплыя воды тропическаго теченія не ударяются объ эту часть морскаго берега [4]). Въ южной области архипелага, до окрестностей Іеддо флора представляетъ смѣсь видовъ Индостана и Малезіи съ растеніями умѣреннаго пояса, которыя сообщаютъ растительности ея общую физіономію. Однако, извѣстное число характеристическихъ видовъ тропическаго пояса живутъ въ Японіи только благодаря уходу земледѣльца. Сахарный тростникъ не переходитъ за южные берега большаго острова: толстые бамбуки, стволы которыхъ достигаютъ 20 метровъ (безъ малаго 10 саженъ) въ высоту, не растутъ въ дикомъ состояніи; точно также пальмы, поднимающія тамъ и сямъ свои верхушки изъ вѣерообразныхъ листьевъ надъ

[1]) Венюковъ;—Мечниковъ, „l'Extrême Orient"; juin, 1877

[2]) Brauns, „Mittheilungen des Vereins für Erdkunde" Halle, 1880.

[1]) Максимовичъ въ 1884 году опредѣлялъ составъ японской флоры въ 2.728 видовъ (см. „Bull. du congrès internat.". 1884 г.).

[2]) Saint-John, „Journal of the Geographical Society of London", 1872 г.

[3]) Боейковъ, „Mittheilungen von Petermann", 1878 г., № 5.

[4]) Левъ Мечниковъ, цитированное сочиненіе.

деревцами садовъ, суть колонисты, еще не вполнѣ акклиматизировавшіеся; саговыя пальмы должны быть обвертываемы соломой, чтобы могли вынести зимніе холода, а на бананахъ не вызрѣваютъ плоды. Иначе и быть не можетъ въ странѣ, гдѣ движеніе сока въ растеніяхъ останавливается на шесть или на семь мѣсяцевъ въ году, смотря по изотермической широтѣ мѣста. Но что особенно отличаетъ японскую флору, гораздо болѣе, чѣмъ смѣшеніе типовъ, принадлежащихъ къ различнымъ поясамъ,—это необычайное разнообразіе видовъ

Барсукъ.—Факсимиле японскаго рисунка.

умѣреннаго пояса, группирующихся въ лѣсахъ. Въ Японіи нѣтъ степей или ландовъ; не увидишь тамъ и луговъ въ собственномъ смыслѣ: хара или «горный лугъ» представляетъ смѣсь травъ, древесныхъ растеній и папоротниковъ. Повсюду, гдѣ культура не придала растительности однообразнаго вида, почва осѣнена либо большими деревьями, либо деревцами, кустарникомъ и древесными растеніями, перемѣшанными съ травами и ліанами; самые разнообразные виды встрѣчаются сотнями въ полѣ зрѣнія. Нѣтъ сада болѣе цвѣтущаго, чѣмъ этотъ естественный садъ японскихъ полей и лѣсовъ; но между этими безчисленными, до безконечности разнообразными цвѣтками, между которыми блистаютъ бѣлоснѣжныя камеліи, не увидишь европейскихъ лютиковъ и гвоздикъ, и мы напрасно стали бы искать здѣсь многіе виды мотыльковъ и сложноцвѣтныхъ, которые глазъ западнаго человѣка привыкъ встрѣчать на всѣхъ лугахъ умѣреннаго пояса; не найдешь здѣсь и душистыхъ растеній Запада; японскіе цвѣтки имѣютъ больше блеска, яркости красокъ, но меньше аромата, сравнительно съ европейскими [1]). Въ японскомъ лѣсу разнообразіе растеній больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ земнаго шара, не исключая даже тропическихъ; во время простой прогулки, не удаляясь въ сторону отъ тропинки, ботаникъ можетъ встрѣтить сотню различныхъ породъ деревьевъ, ибо Японія, какъ и Китай, отличается отъ Европы значительной пропорціей своихъ древесныхъ видовъ. Изъ всѣхъ областей растительности страна Восходящаго солнца заключаетъ на одномъ и томъ же пространствѣ наибольшее число деревьевъ, какъ хвойныхъ, такъ и лиственныхъ [2]). Въ іюнѣ и

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais“;— Aimé Humbert, „le Japon pittoresque“.

[2]) Alfred R. Wallace, „Fortnightly Review“, nov. 1878.

въ іюлѣ цвѣтущія деревья представляютъ зрѣлище незнакомое на Западѣ, и когда листья начинаютъ увядать, при приближеніи зимы, ихъ яркія и разнообразныя краски можно принять за второй расцвѣтъ растительности; подъ своимъ осеннимъ уборомъ, лѣса Японіи еще прекраснѣе, чѣмъ лѣса Сѣверной Америки, такъ богато окрашенные въ разнообразные цвѣта. Во многихъ гористыхъ мѣстностяхъ Японіи лѣса уже истреблены, и на мѣстѣ ихъ выросли чащи кустарника и ліанъ.

Прекраснѣйшія и драгоцѣннѣйшія деревья группируются въ лѣса на скатахъ японскихъ горъ, между высотами отъ 500 до 1.000 метровъ; однако, великолѣпныя криптомеріи, краса и гордость страны, не встрѣчаются уже въ дикомъ состояніи на сѣверѣ отъ Іеддо; аллеи изъ этихъ деревьевъ, осѣняющія храмы въ сѣверной части Тосанъ-до и на островѣ Іессо, были насаждены рукой человѣка. Кипарисы хиноки (chamaecyparis obtusa), дерево которыхъ служитъ матеріаломъ для постройки святилищъ, для фабрикаціи всякаго рода священныхъ предметовъ, и которые прежде употреблялись также для полученія огня посредствомъ тренія, лучше выносятъ холодъ, и нѣкоторые отдѣльные экземпляры этой породы растутъ еще до высоты 1.600 метровъ на склонахъ горъ Тосанъ до. Лиственныя деревья не переходятъ за линію высоты 1.500 метровъ, тогда какъ ели и лиственницы поднимаются до высоты 2.000 метровъ слишкомъ, а ползучія хвойныя деревья встрѣчаются еще на высотѣ 2.400 метровъ надъ уровнемъ океана; даже на сотню метровъ выше тамъ и сямъ стелются по землѣ узловатые древесные стволы, на половину спрятавшіеся во мхахъ [1]). На горѣ Фузи граница деревьевъ находится на высотѣ 2.225, а граница низкаго кустарника на высотѣ 2.450 метровъ [2]) Горныя вершины, поднимающіяся выше пояса древесныхъ растеній, совершенно голыя или едва покрываются тонкимъ слоемъ зелени: одна только Бѣлая гора достигаетъ предѣла вѣчныхъ снѣговъ.

Культурныя растенія архипелага всѣ восточнаго происхожденія, исключая табаку и картофеля, ибо островитяне получили изъ Азіи если не самое земледѣліе, то по крайней мѣрѣ земледѣльческія усовершенствованія, такъ же, какъ письмо и искусства. Рисъ, шелковица, хлопчатникъ, чайное дерево акклиматизировались въ Японіи, равно какъ большая часть фруктовыхъ деревьевъ умѣреннаго пояса. Орѣховое дерево, каштанъ разныхъ породъ перемѣшаны вокругъ городовъ съ растеніями, дающими плоды съ косточками и съ зернышками, съ померанцевыми и апельсинными деревьями; но влажность климата дѣлаетъ плоды раздутыми, водянистыми, въ ущербъ сладости и вкусу; вообще говоря, произведенія японскихъ фруктовыхъ садовъ далеко уступаютъ тѣмъ же произведеніямъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ [1]). Благодаря существенно морскому климату архипелага, японскія растенія легко могутъ быть вводимы во Франціи, въ Англіи и во всѣхъ странахъ западной Европы, подверженныхъ вліянію моря.

Въ Японіи, гдѣ культура почвы проникла даже въ ущелья горъ, сохранилось лишь небольшое число дикихъ животныхъ, нѣкогда населявшихъ страну. Хищные звѣри представлены тамъ двумя видами медвѣдя, изъ которыхъ одинъ, свойственный исключительно острову Іессо, близко подходитъ къ калифорнискому медвѣдю и къ ископаемому пещерному медвѣдю (ursus spelaeus); собственно японскій медвѣдь, котораго встрѣчаютъ еще довольно часто въ гористыхъ мѣстностяхъ главнаго острова, гораздо меньше предыдущаго и отличается отъ всѣхъ своихъ родичей, живущихъ въ другихъ странахъ, отвислыми губами. Волки, которые теперь уже рѣдки, разнятся отъ европейскихъ только меньшими размѣрами; въ южныхъ областяхъ архипелага прежде существовали также дикія собаки, похожія на австралійскихъ динго. Что касается лисицъ, очень маленькихъ, какъ почти всѣ животныя острововъ въ сравненіи съ соотвѣтственными континентальными видами, то онѣ весьма многочисленны и отличаются крайней дерзостью; онѣ смѣло пробираются даже въ города, чтобы опустошать курятники, и не забываютъ посѣщать маленькія часовни, куда благочестивые поселяне кладутъ разныя яства въ честь Инари, бога рисовыхъ полей. Онѣ даже навязались, такъ сказать, въ качествѣ ассистентовъ къ этому богу; по крайней мѣрѣ японцы всегда изображаютъ его въ сопровожденіи двухъ лисицъ, вырѣзанныхъ изъ дерева или изъ камня [2]. Народное суевѣріе приписываетъ этому звѣрку силу оборачиваться женщиной: говорятъ, что подъ видомъ молодой дѣвушки онъ заставляетъ блуждать запоздалыхъ путниковъ. Съ своей стороны, барсукъ можетъ преобразиться въ мебель или въ кухонную посуду, чтобы пошутить надъ хозяйками; кошкѣ тоже приписываютъ часть этой волшебной силы [3]).

Одна порода обезьянъ, сару (macacus speciosus), съ зачаточнымъ хвостомъ и съ краснымъ лицомъ, очень мало отличающаяся отъ варварійской мартышки, водится на главномъ островѣ японскаго архипелага до Сангарскаго пролива: это видъ четверорукихъ, который встрѣчается въ наибольшемъ разстояніи отъ

[1]) Рейнъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Rein, „Mittheilungen von Petermann“, 1879, № 10.

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais“.
[2]) Л. Мечниковъ;—Буске;—Бердъ и друг.
[3]) C. Pfoundes, „A budget of Japanese notes“;—Mitford, „Tales of Japan“;—Левъ Мечниковъ, цитированное сочиненіе;—A. Humbert, „Japon pittoresque“.

экватора, въ восточной Азіи; одна порода кабановъ, антилопа, красный олень, многіе виды грызуновъ, девять разновидностей летучей мыши и различныя породы китообразныхъ дополняютъ рядъ млекопитающихъ животныхъ Японіи. Считая лишь сухопутныхъ млекопитающихъ, Уоллесъ насчитываетъ тридцать видовъ, изъ которыхъ двадцать пять, то-есть ровно пять шестыхъ всей фауны, спеціально японскіе; правда, что роды не отличаются отъ соотвѣтственныхъ родовъ сосѣдняго континента; общая физіономія японской фауны напоминаетъ животное царство Маньчжуріи и Китая и свидѣтельствуетъ о непрерывности земель, существовавшей въ древнія времена между китайскимъ прибрежьемъ и противолежащими островами; видны также нѣкоторые признаки родства между животными японскими и сѣвероамериканскими, приписываемые равнымъ образомъ существованію въ прежнее время перешейка между двумя сѣверными континентами. Однако, различія, представляемыя теперь близкими между собой видами, доказываютъ, что это сухопутное сообщеніе давно уже было прервано напоромъ водъ[1]).

Птицы Японіи, лучше извѣстныя, нежели млекопитающія, менѣе многочисленны, чѣмъ можно бы было предполагать, принимая во вниманіе сосѣдство Китая. Тогда какъ въ этой части крайняго Востока насчитываютъ около 500 видовъ птицъ, Японія имѣетъ ихъ только около 300, и натурально почти всѣ онѣ, благодаря свободѣ ихъ полета, походятъ на пернатыхъ твердой земли; большое число птицъ переселяются на лѣтнее время къ сѣверу, дѣлая перелеты черезъ Сахалинъ или Курильскіе острова. По Зебому, въ Японіи считалось всего только 11 формъ птицъ, неоспоримо отличныхъ отъ пернатыхъ другихъ частей Азіи или всего свѣта. Но между видами, имѣющими представителей въ одно и то же время въ японскомъ архипелагѣ и въ другихъ странахъ Стараго свѣта, мы къ удивленію встрѣчаемъ много такихъ, области распространенія которыхъ раздѣлены нѣсколькими тысячами километровъ. Очевидно, эти виды населяли нѣкогда и все промежуточное пространство; но вслѣдствіе измѣненія условій среды, та или другая порода постепенно водворилась въ тѣсныхъ пространствахъ на обѣихъ оконечностяхъ своей прежней области распространенія [1]). Въ цѣломъ, орнитологія имѣетъ много сходства съ орнитологіей умѣренной Европы: каждый видъ представленъ на архипелагѣ соотвѣтственными формами; однако, лучшая изъ японскихъ пѣвчихъ птицъ, ототогису, за которую любители платятъ до 2.000 франковъ,—не соловей, она принадлежитъ къ семейству кукушекъ.

Легенда говоритъ о чудовищныхъ драконахъ, съ которыми приходилось воевать героямъ древнихъ временъ, но въ наши дни въ

Птица.—Факсимиле японскаго рисунка.

Японіи существуютъ только безвредныя змѣи, и единственныя ядовитыя животныя архипелага — тригоноцефалъ (треугольно-головая змѣя), на котораго японцы охотятся для приготовленія изъ него какого-то лекарственнаго снадобья [2]), и маленькое ракообразное изъ рода сколопендръ [3]). Одно изъ самыхъ странныхъ пресмыкающихся этой страны — исполинская саламандра, по-японски санціо-уво (Sieboldia maxima), которая питается рыбой, лягушками и дождевыми червями; впрочемъ теперь она становится довольно рѣдка, и въ самой Японіи даже составляетъ предметъ любопытства въ музеяхъ [4]). Міръ насѣкомыхъ представленъ въ странѣ Восходящаго солнца весьма многочисленными видами, такъ что во время маленькой экскурсіи вокругъ Токіо энтомологъ можетъ собрать больше бабочекъ и жуковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣетъ вся Великобританія, съ ко-

[1]) Alfred R. Wallace, „Island Life".

[1]) Alfred R. Wallace, цитированное сочиненіе.
[2]) Рейнъ, цитирован. сочиненіе.
[3]) Л. Мечниковъ, цитирован. сочиненіе.
[4]) Левъ Мечниковъ, „l'Exirême Orient", іюнь 1877.

торой часто сравниваютъ японскій архипелагъ. Такимъ образомъ острова крайняго Востока составляютъ исключеніе изъ того общаго закона, что фауна и флора на островныхъ земляхъ бѣднѣе, чѣмъ на материкахъ [1]). Что касается морской фауны, которая заключаетъ на югѣ— виды Филиппинскихъ острововъ, на сѣверѣ— виды Камчатки, то она тоже отличается замѣчательнымъ богатствомъ, и два пояса смѣшиваются тамъ на широтѣ центральной Японіи и острова Іессо. Нѣкоторыя породы китообразныхъ уже истреблены, равно какъ нѣкоторыя другія животныя, на которыхъ безпощадно охотились ради ихъ мѣха. Большіе морскіе звѣри, тюлени, моржи и ламантины, населяютъ воды вокругъ Курильскихъ острововъ. Бобры, прежде очень обыкновенные на берегахъ Курильскихъ острововъ, совершенно исчезли со многихъ острововъ, между прочимъ, съ Симушира. Путешественникъ Ляйменъ говоритъ объ одномъ морскомъ животномъ, китообразномъ или рыбѣ, которое онъ видѣлъ издали плавающимъ въ водахъ Сангарскаго пролива и которое японскіе лодочники называютъ камигири, по причинѣ имѣющагося у него на спинѣ рѣжущаго плавника; это треугольное оружіе, острое, какъ ножъ, служитъ ему, по ихъ разсказамъ, отличнымъ средствомъ обороны въ борьбѣ съ китомъ, и побѣда въ этихъ неравныхъ бояхъ всегда будто-бы принадлежитъ хорошо вооруженному камигири [2]) (косатка).

Въ сравненіи съ европейскими народами, японцы имѣютъ весьма небольшое число домашнихъ животныхъ. Туземныя лошади, болѣе многочисленныя въ Тосанъ-до, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, были ввезены изъ Кореи: онѣ мелкой породы, некрасивы и неуклюжи, злы, любятъ кусаться, но очень сильны и необыкновенно выносливы; сацумская порода, упоминаемая въ четырнадцатомъ столѣтіи китайскимъ писателемъ Матуанлиномъ, хотя и существуетъ, но она представлена лишь небольшимъ числомъ особей; большая часть лошадей, фигурирующихъ на скачкахъ въ Іокогамскомъ гипподромѣ, привозится изъ Монголіи [3]). Земледѣльцы, которымъ по большей части приходится обрабатывать незначительные участки земли, не нуждаются въ помощи скота: быки и коровы рѣдки въ японскихъ хозяйствахъ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Впрочемъ, содержаніе этихъ большихъ животныхъ стоитъ очень дорого, по причинѣ дурнаго качества пастбищъ и выгоновъ, да при томъ японцы до самаго недавняго времени не ѣли говядины. Съ восьмаго столѣтія нашего лѣтосчисленія употребленіе мясной пищи было запрещено, и даже всѣ тѣ, кто занимался изготовленіемъ или обработкой мяса или кожъ, мясники и кожевники, были заклеймены, въ глазахъ общества, позоромъ, извергались, подъ именемъ этасовъ или парій, въ классъ такъ называемыхъ хи-нинъ, то-есть «не - людей», вмѣстѣ съ комедіантами и нищими. Только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ европейскихъ идей, японцы, жители городовъ, постепенно ввели говядину и молоко въ число предметовъ питанія, вслѣдствіе чего скотоводство сдѣлало значительные успѣхи въ селеніяхъ. Пробовали также, но съ малымъ успѣхомъ, акклиматизировать овецъ и козъ, которымъ неблагопріятенъ японскій климатъ съ его сырымъ лѣтомъ. Ослы тоже страдаютъ отъ продолжительныхъ проливныхъ дождей, приносимыхъ южными муссонами; но свиньи, привезенныя изъ Европы, чувствуютъ себя какъ нельзя лучше въ новомъ отечествѣ, и разведеніе ихъ вполнѣ удалось. Вводители европейскихъ кроликовъ получали блестящіе барыши отъ своего предпріятія, благодаря страсти къ игрѣ, которая пробуждается у японцевъ такъ легко и по всякому поводу. Покупали кроличьихъ самокъ, чтобы побиться объ закладъ насчетъ ихъ плотовитости; лучшіе экземпляры расы продавались по нѣскольку тысячъ франковъ [4]).

Нынѣшнее населеніе Ниппона, за исключеніемъ, развѣ, окраинъ, в нѣшнихъ острововъ каковы Курильскіе, Іессо, Формозы и Лю-цю, есть одно изъ самыхъ однородныхъ, какія только существуютъ въ свѣтѣ; въ этомъ отношеніи японскій народъ не уступаетъ ни одной европейской націи: отъ Кагосимской бухты до залива Аомори, на пространствѣ десяти градусовъ широты, люди, которыхъ мы встрѣчаемъ, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, имѣютъ одни и тѣ же нравы и обычаи и обладаютъ полнымъ сознаніемъ своей общей національности. Но хотя мы видимъ теперь японцевъ уже совершенно слившимися въ одинъ народъ, невѣроятно однако, чтобы они принадлежали къ одной и той же расѣ, и, безъ сомнѣнія, они связаны лишь косвеннымъ образомъ съ прежними туземцами.

Насколько далеко восходятъ въ глубь временъ японскія лѣтописи и преданія, они говорятъ о древнихъ дикихъ обитателяхъ страны, «восточныхъ варварахъ», называемыхъ разными именами, какъ-то: эби, эбси, емизи, мозинъ или мао-жинъ (волосатые люди), которое населяли сѣверъ главнаго острова: это предки айносовъ. Никакое прямое свидѣтельство не позволяетъ, правда, разсматривать японцевъ какъ цивилизованныхъ братьевъ этихъ сѣверныхъ варваровъ, и единственное вѣроятное родство между тѣми и другими то, которые было результатомъ смѣшенія посредствомъ браковъ, продолжавшагося изъ вѣка въ вѣкъ въ

[1]) Rein, „Japan nach Reisen und Studien“.
[2]) Benj. S. Lyman, „Yesso Geological Reports for 1785“.
[3]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[4]) Левъ Мечниковъ, цитированное сочиненіе.

сопредѣльныхъ территоріяхъ. Если мы въ настоящее время не находимъ этихъ древнѣйшихъ жителей въ сѣверной части главнаго острова, тѣмъ не менѣе можно утверждать съ полной увѣренностью, что не всѣ они были истреблены японскими завоевателями пятнадцатаго столѣтія; подъ именемъ адзма-эби они смѣшались съ цивилизованнымъ населеніемъ сѣвера, и черты ихъ не трудно узнать у нынѣшнихъ обитателей страны такъ же, какъ и между остатками старины, находимыми въ землѣ, иногда попадается каменное оружіе, которое употреблялось аборигенами. Въ сѣверной части Хондо (Гондо) женщины, консервативный элементъ расъ, гораздо больше сохранили типъ айносовъ, нежели мужчины. На полуостровѣ Ога-сима, котораго почти не коснулось колонизаціонное движеніе, японцы представляютъ наибольшее сходство чертъ съ аборигинами Курильскихъ острововъ [1]). Даже жителямъ равнины, гдѣ находится Іеддо, приписываютъ примѣсь айносской крови. Въ наши дни айносы чистой расы заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ именно на островѣ Іессо, на южныхъ Курильскихъ островахъ и на южной оконечности острова Сахалина. Перепись 1896 года насчитала ихъ только 16.978 на островѣ Іессо; но сомнительно, чтобы общая численность всей расы достигала даже 15 тысячъ душъ. Небольшое число семействъ курильцевъ въ собственномъ смыслѣ, живущихъ на сѣверныхъ островахъ, сосѣднихъ съ Камчаткой, ничѣмъ не отличаются отъ курильцевъ сибирскаго полуострова. На островахъ Симусирѣ и Урупѣ живутъ также алеуты.

По Головнину, имя «айносы», такъ же, какъ большая часть названій народовъ, значитъ просто «люди»: это бѣдное племя, отъ котораго теперь остался лишь жалкій и презираемый обломокъ, тоже воображало въ простотѣ души, что оно обитаетъ въ самомъ центрѣ міра, и что оно одно составляетъ человѣчество. «Боги моря, взываетъ одна старинная пѣсня айносовъ, боги моря, откройте ваши божественныя очи. Повсюду, куда упадутъ ваши взоры, раздается айносская рѣчь» [2]). Но это имя «люди», которое айносы давали себѣ съ такою гордостью, ихъ сосѣди, японцы, не преминули, конечно, объяснить на свой ладъ посредствомъ своего собственнаго языка, и одна изъ ихъ этимологій, о которой сообщаетъ путешественникъ Сатовъ, сдѣлала изъ слова «айно» (ину) синонимъ слова «собака». По одному японскому преданію, которое, впрочемъ, признаетъ родство двухъ расъ, образовавшееся путемъ смѣшенія крови, сѣверные варвары произошли отъ собаки и одной японской принцессы [3]). Алеуты, которымъ приписываютъ того же родоначальника, очень гордятся своей генеалогіей; они увѣряютъ даже, что долгое время походили на собаку хвостомъ и лапами; они были снабжены руками и лишены хвостоваго придатка единственно въ наказаніе за грѣхи [1]).

Каждое отдѣльное племя или колѣно дикарей, живущихъ на островѣ Іессо, различно разсказываетъ о своемъ происхожденіи; но, вообще, айносы отказываются отвѣчать, когда ихъ начинаютъ разспрашивать объ ихъ предкахъ: они смотрятъ на подобные вопросы, какъ на дурное предзнаменованіе. За неимѣніемъ точныхъ свидѣтельствъ, этнографу не остается ничего болѣе, какъ помѣстить айносовъ между народами, съ которыми они имѣютъ всего болѣе сходства. По мнѣнію большинства писателей, айносы, сосѣди японцевъ, китайцевъ, маньчжуръ, должны быть попросту причислены къ такъ называемымъ «монгольскимъ» народностямъ восточной Азіи, при чемъ указываютъ въ особенности нѣкоторыя черты сходства, которыя они имѣютъ съ японцами,—малорослость, свѣтлый оттѣнокъ кожи, цвѣтъ волосъ и глазъ и, у бо́льшаго числа изъ нихъ, выпуклость скуловыхъ дугъ; Деницъ утверждаетъ, что между айносами и японцами не больше различія, чѣмъ между германцами и южными европейцами. Другіе ученые, пораженные главнымъ образомъ контрастомъ, который существуетъ между цивилизованными японцами и ихъ сосѣдями, пребывающими еще въ состояніи варварства, создали особенную расу изъ айносовъ и нѣкоторыхъ другихъ народностей въ сѣверной Азіи, камчадаловъ, коряковъ, алеутовъ. Нѣкоторые авторы даже видѣли въ нихъ вѣтвь эскимосовъ. Съ другой стороны, туземцы Іессо и Курильскихъ острововъ были также сближаемы, въ предположеніяхъ изслѣдователей, съ полинезійскими населеніями. Наконецъ, нѣкоторые смѣлые антропологи не побоялись даже усмотрѣть представителей такъ называемой «кавказской» расы въ этихъ народахъ Крайняго Востока, отдѣленныхъ отъ Западныхъ европейцевъ всѣмъ громаднымъ протяженіемъ Стараго свѣта.

Каково бы ни было происхожденіе айносовъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что обыкновенный типъ ихъ ясно отличается отъ типа ихъ властителей, японцевъ: цвѣтъ кожи у айносовъ бѣлѣе, лобъ шире и выше, полость, вмѣщающая мозгъ, обширнѣе и даже превосходитъ по объему соотвѣтственныя полости большинства людей всякой расы (средняя величина вмѣстимости черепа айносовъ, по Девису, равна 1.470 кубическихъ сантиметровъ), носъ выдающійся, глаза большіе, черные и кроткіе; ихъ вѣки, открытыя, какъ у европейца, остав-

[1]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann", 1878 г. № 5.

[2]) Pfizmaier, „Abhandlungen über die Ainossprache".

[3]) Леймеръ;—Мечниковъ;—Блекистонъ и др.

[1]) „Морской сборникъ", „Собраніе документовъ, относящихся къ русскимъ владѣніямъ".

ляютъ взгляду его горизонтальное направленіе. Что въ особенности отличаетъ айносовъ отъ ихъ восточно-азіатскихъ сосѣдей,—это обиліе ихъ волосъ. Въ прежнее время они были вообще извѣстны подъ названіемъ «косматыхъ курильцевъ», даннымъ имъ по имени острововъ, на которыхъ жили многія изъ ихъ колѣнъ; такимъ прозвищемъ называютъ ихъ Зибольдъ и первые русскіе мореплаватели, Крузенштернъ и Головнинъ. Японскія лѣтописи описываютъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ дикихъ звѣрей, имѣющихъ гривы и бороды длиной до четырехъ футовъ; легенда гласитъ, что первый айносъ, который былъ вскормленъ молокомъ медвѣдицы, покрылся шерстью, и оттого все его потомство родилось косматымъ, какимъ онъ былъ самъ. Нужно, однако, замѣтить, что одно и то же пространство волосатой кожи менѣе густо обросло у айносовъ, нежели у японцевъ или европейцевъ, но каждый волосъ на цѣлую треть толще[1]), вслѣдствіе чего волоса айноса кажутся гораздо болѣе обильными, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Кромѣ того, очень многіе изъ айносовъ имѣютъ настоящіе султаны на разныхъ частяхъ тѣла, и руно, осѣняющее ихъ кожу, состоитъ изъ волосъ, имѣющихъ, среднимъ числомъ, около 4 сантиметровъ въ длину. Айносъ, гордящійся своей длинной, окладистой бородой, которая отличаетъ его отъ другихъ встрѣчаемыхъ имъ людей, считаетъ ее чуть ли не святыней, и ничто не могло бы побудить его добровольно занести бритву на это драгоцѣнное украшеніе лица[2]). Въ этомъ отношеніи айносъ походитъ на русскаго крестьянина, съ которымъ, впрочемъ, его легко смѣшать по чертамъ и физіономіи[3]). Большинство путешественниковъ, посѣтившихъ землю айносовъ, говорятъ, что женщины тамъ дурны до безобразія, такъ что трудно повѣрить, что они принадлежали къ той же породѣ людей, какъ и мужчины; глаза у нихъ меньше и губы толще, чѣмъ у мужчинъ[4]); однако миссъ Бердъ, которая проникла даже къ племенамъ, живущимъ въ горахъ, разсказываетъ, что она встрѣчала много женщинъ въ полномъ смыслѣ слова красивыхъ, даже между старухами. Дѣти, лелѣемыя и ласкаемыя нѣжно любящими родителями, необыкновенно милы и привлекательны[5]).

Языкъ айносовъ пока извѣстенъ только изъ краткихъ словарей, но и то немногое, что̀ мы знаемъ о немъ, достаточно, чтобы сказать съ полной увѣренностью, что нѣтъ никакого сходства между ихъ идіомомъ и рѣчью цивилизованныхъ жителей Ниппона; Клапротъ находилъ въ этомъ языкѣ нѣкоторое сходство съ самоѣдскимъ, но Фицмайеръ доказалъ, что никакой связи между ними не существуетъ. Айносскія слова отличаются отъ діалекта ямато, и говоръ айносовъ, гдѣ звукъ *р* очень обыкновененъ, и слова котораго часто оканчиваются шипящими согласными, не имѣетъ той мягкости, какъ японскій, хотя онъ модулированъ съ акцентомъ почти музыкальнымъ. Нарѣчія различныхъ народцевъ этого племени очень мало разнятся одно отъ другаго, такъ какъ айносы-толмачи, взятые на Курильскихъ островахъ, на Кунаширѣ или Итурупѣ, понимаютъ безъ труда рѣчь мацмайскихъ туземцевъ[1]). Языкъ айносовъ не имѣетъ литературы, и до настоящаго времени эти инородцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, посланныхъ въ школы Токіо, не учились читать или писать; но у нихъ отличная память, и всѣ они очень искусные счетчики: при помощи палочекъ съ нарѣзками или бирокъ и веревочекъ съ узелками, напоминающихъ «квипосы» перуанцевъ, они ведутъ всѣ свои счеты десятками и единицами и никогда не дадутъ себя обсчитать торговцамъ. Ихъ домашняя деревянная утварь, искусно сдѣланная и украшенная узорами и рисунками, тоже свидѣтельствуетъ о ловкости ихъ руки и вѣрности ихъ вкуса. Музыкальное чувство у нихъ очень развито, и они поютъ свои заунывныя аріи трогательнымъ голосомъ. Употребляемые ими струнные инструменты остроумно сложены съ помощью сухихъ жилъ, которыя они вынимаютъ изъ мертвыхъ китовъ, выброшенныхъ волнами на берегъ.

Звѣроловы и рыболовы — айносы ведутъ очень тяжелую и многотрудную жизнь. Они охотятся на медвѣдя, краснаго оленя, лисицу, а также занимаются ловлей большихъ морскихъ животныхъ китовой породы[2]), за исключеніемъ кита, которому они такимъ образомъ свидѣтельствуютъ свою признательность за то, что весной онъ гонитъ передъ собой стаи сельдей, которыя, спасаясь отъ преслѣдованія, бросаются въ бухты берега. Когда айносы открываютъ молодаго медвѣдя въ берлогѣ, они приносятъ его домой и отдаютъ кормилицѣ, которая и кормитъ его грудью какъ своего ребенка; цѣлые шесть мѣсяцевъ медвѣжонокъ растетъ въ семьѣ, какъ одинъ изъ ея членовъ, но осенью справляютъ большой праздникъ, и финальнымъ актомъ торжества бываетъ пиръ, устраиваемый насчетъ животнаго, предаваемаго закланію: «Мы убиваемъ тебя, о медвѣдь! восклицаютъ айносы, нанося ему роковой ударъ, но ты скоро вернешься къ намъ подъ видомъ человѣка». Голова его, воткнутая на колъ, передъ хижиной, должна защищать жилище, гдѣ онъ былъ гостемъ. Оленьи черепа, завернутые въ траву,

[1]) Hilgendorf, „Mittheilungen der deutschen Gesellschaft für die Kunde Ostasiens“, 1874.
[2]) Kreitner, „Im fernen Osten“.
[3]) Rein, „Japan nack Reisen une Studien“;—Wernich, „Geographisch-Medicinische Studien“.
[4]) Римскій-Корсаковъ;—Blakiston.
[5]) Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“.

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais“.
[2]) Левъ Мечниковъ, l'Empire Japonnais“.

тоже благоговѣйно помѣщаются на верхушкѣ шеста и чаще всего въ лѣсу, гдѣ были убиты ихъ обладатели. Таковы главныя религіозныя церемоніи айносовъ; въ этомъ отношеніи они принадлежатъ къ той же группѣ, какъ и ино-

Японскія музыкантши.

родическія племена восточной Сибири, у которыхъ путешественники наблюдали подобныя же обрядности; какъ и уссурійскіе гольды, айносы очень любятъ общество животныхъ; почти въ каждой деревнѣ увидишь, подлѣ ихъ тростниковыхъ хижинъ большія клѣтки, въ которыхъ заперты медвѣди и орлы[1]), составляющіе предметъ семейнаго культа. Вліяніе японскихъ религій тоже замѣтно въ ихъ вѣрованіяхъ, если только, что̀ очень вѣроятно, тѣ и другія не происходятъ частью отъ общаго корня. Айносы обожаютъ солнце, луну, звѣзды, море, которое ихъ кормитъ, лѣсъ, который ихъ защищаетъ, и почитаютъ всѣ силы природы, «камуевъ» или

[1]) Blakiston, „Proceedings of the Geographical Society of London“, 12 февр. 1872 г.

духовъ небесныхъ и земныхъ, которыхъ мы находимъ также въ древней космогоніи японцевъ и восточныхъ сибиряковъ [1]). Они взываютъ также въ своихъ молитвахъ къ японскому завоевателю Іошицунэ, побѣдителю ихъ предковъ, потому что легенда разсказываетъ, что онъ былъ милостивъ къ побѣжденнымъ [2]). Иностранцы, которымъ они оказываютъ гостепріимство, тоже удостоиваются чести получать отъ нихъ названіе камуевъ [3]). Подобно синтоистамъ Нипона, айносы питаютъ глубокое благоговѣніе къ душамъ предковъ. Домъ умершаго ломаютъ; матеріалъ, изъ котораго онъ былъ построенъ, сжигаютъ или просушиваютъ, затѣмъ строятъ покойнику новое жилище, похожее на то, въ которомъ онъ обиталъ при жизни. Копья и другіе предметы, водруженные передъ этими гробницами, содержатся съ уваженіемъ, какъ святыня, и айносы съ ужасомъ и негодованіемъ отвергаютъ предложенія чужеземцевъ, когда тѣ просятъ продать имъ черепа ихъ предковъ. Впрочемъ, ритуалъ ихъ религіознаго культа въ высшей степени простъ, они священнодѣйствуютъ сами, не имѣя другихъ обрядовъ или церемоній, кромѣ пляски, возліяній «саки», то есть рисовой водки, и у нихъ не существуетъ возвышающейся надъ народомъ жреческой касты.

Въ общинахъ айносовъ родоначальникъ, званіе котораго обыкновенно дается члену рода или колѣна, обладающему наибольшимъ количествомъ оружія и медвѣжьихъ череповъ, не облеченъ никакой властью, кромѣ права судить споры, возникающіе между членами общины, но если общественное мнѣніе обвиняетъ его въ какой-нибудь несправедливости, то онъ тотчасъ же смѣщается, и на должность его назначаютъ того самаго человѣка, въ отношеніи котораго была допущена неправда [4]). Полигамія дозволена обычаемъ, и обыкновенно брачные союзы заключаются, если не между братьями и сестрами, то по крайней мѣрѣ между лицами, состоящими въ близкомъ родствѣ. Женщина работаетъ больше мужчины, но она не считается существомъ низшимъ его; завѣдуя домашнимъ хозяйствомъ, которое она содержитъ въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, она имѣетъ въ управленіи общихъ интересовъ долю участія по меньшей мѣрѣ одинаковую съ мужчиной; никакое дѣло не обсуждается и не рѣшается безъ ея совѣта. Ея благородство и права ясно изображены, въ глазахъ айносовъ, знаками татупировки, начертанными ея матерью; первый знакъ отмѣтилъ ее на пятомъ или шестомъ году отъ роду, но украшеніе ея тѣла узорами довершается по наступленіи возраста возмужалости; съ помощью сажи, втираемой въ порѣзы кожи, ей дѣлаютъ нѣчто въ родѣ усовъ, наклеиваютъ мушки на губы, и цѣлое питье изъ арабесокъ украшаетъ кисти ея рукъ и предплечья. У айносовъ татупированье еще не освободилось отъ древняго символизма; это не свободное искусство, подчиняющееся всѣмъ прихотямъ рисовальщика, какъ у нѣкоторыхъ полинезійскихъ народцевъ; оно строго регулировано исконно установленнымъ церемоніаломъ. Вообще айносы съ педантической точностью соблюдаютъ правила этикета.

Еще независимые отъ японцевъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія и даже наводившіе на нихъ страхъ, айносы занимали сѣверную часть главнаго острова и встрѣчались съ своими южными сосѣдями въ городѣ Акита, для обмѣна своихъ произведеній [1]); но уже съ давняго времени нѣтъ болѣе ни одного айноса на югъ отъ Сангарскаго пролива, и даже не видать ихъ уже на южныхъ берегахъ Іессо: они были постепенно оттѣснены къ сѣверу. Ихъ стрѣлы, отравленныя ядовитымъ сокомъ аконита, и ихъ латы изъ древесной коры или изъ досчечекъ [2]) не помогли имъ устоять противъ японцевъ. Честные, добродушные, дѣятельные, очень мужественные индивидуально, хотя испытывающіе какой-то суевѣрный страхъ передъ правительственными властями [3]), они не обладаютъ, къ несчастію, ни нравственной силой, ни матеріальными рессурсами, которые были бы имъ необходимы въ борьбѣ на жизнь и смерть съ ихъ завоевателями. Дичь убѣгаетъ въ глубь лѣсовъ, слыша стукъ топора дровосѣковъ; а употребленіе огнестрѣльнаго оружія, которое дало бы айносамъ возможность преслѣдовать свою добычу, воспрещено правительствомъ; японскіе рыбаки приходятъ ловить рыбу передъ самыми лачугами айносовъ, а эти послѣдніе не имѣютъ ни усовершенствованныхъ снарядовъ, ни пароходовъ для изслѣдованія водъ на болѣе обширныхъ пространствахъ и на болѣе значительной глубинѣ. Не имѣя другихъ товарищей изъ животныхъ, кромѣ своихъ желтыхъ собакъ, которыхъ они запрягаютъ въ сани, или которыя тащатъ бечевой ихъ лодки, айносы не могутъ предаваться занятію скотоводствомъ, а то немногое, чему они научились изъ земледѣлія, состоитъ въ посадкѣ кое-какихъ овощей вокругъ ихъ жилища. Они одѣваются въ грубыя, но неразрушимыя ткани, выдѣлываемыя изъ древесной коры [4]) ихъ женами и дочерьми, и въ холодное время года покрываютъ эту одежду сшитыми кожами и мѣхомъ. Хотя завоеватели края, японцы, прямо не угнетаютъ айносовъ, но они всегда и вездѣ надуваютъ простодушныхъ дикарей, и, даже пользуясь дѣйствитель-

[1]) Von Middendorf, „Ost Sibirische Reise“.
[2]) Miss Isabella Bird, „Unbeaten Tracks in Japan“.
[3]) Scheure, „Exploration 6 окт. 1881 г.“
[4]) Крейтнеръ цитированное сочиненіе.

[1]) L. Froes, „Epistolae Japonicae“.
[2]) De Angelis; -Charlevoix, „Histoire du Japon“.
[3]) Watson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1874 г.
[4]) Blakiston, цитирован. сочиненіе.

нымъ покровительствомъ со стороны правительства, которое требуетъ съ нихъ незначительную дань въ замѣнъ своихъ подарковъ большей цѣнности, эти инородцы, тѣмъ не менѣе, деморализуются нищетой, пьянствомъ и всѣми проистекающими изъ нихъ пороками; неоплатные долги, которыми они закабалили себя судовладѣльцамъ, обратили ихъ въ настоящихъ рабовъ. Если нѣкоторые японскіе колонисты Іессо переняли нравы айносовъ и татуируются на ихъ ладъ [1]), то туземцы объяпонились въ гораздо большемъ числѣ; многіе изъ нихъ поженились на дѣвушкахъ цивилизованной расы [2]), всѣ говорятъ болѣе или менѣе по-японски, и безъ всякаго сомнѣнія, со временемъ то, что останется отъ націи «косматыхъ» людей, мало-по-малу утратитъ свой языкъ, свои обычаи и даже самое имя. Впрочемъ, кажется, нельзя сказать, чтобы эта раса исчезла вслѣдствіе перевѣса смертности надъ числомъ рожденій; дѣти многочисленны, пользуются хорошимъ уходомъ, и осенныя эпидеміи перестали уже опустошать деревни айносовъ; послѣ значительнаго уменьшенія численность этихъ инородцевъ опять стала возрастать [3]). Если что грозитъ ихъ существованію, какъ самобытныхъ именъ, то это именно цивилизація. Какъ бы предчувствуя близкую потерю послѣднихъ остатковъ своей свободы, айносы не дорожатъ жизнью; они всегда веселы и смѣшливы, но малѣйшая непріятность или неудача повергаетъ ихъ въ уныніе, и самоубійства нерѣдки между ними. Однако, дѣтоубійство у нихъ не въ обычаѣ, исключая того случая, когда родятся двойни: тогда родители считаютъ долгомъ избавиться отъ одного изъ близнецовъ, чтобы устранить несчастливое предзнаменованіе.

Японская нація, которая теперь занимаетъ весь архипелагъ Восходящаго солнца, очевидно, составляетъ смѣшанную расу, и айносы входятъ въ эту помѣсь лишь незначительной долей. Смотря по чертамъ, которыя наиболѣе поражаютъ того или другаго наблюдателя, хотѣли пріобщить жителей Ниппона къ различнымъ корнямъ. Уитни, Мюллеръ, Мортонъ помѣщаютъ ихъ въ число членовъ великой индоевропейской семьи. Большинство антропологовъ причисляютъ ихъ къ народамъ, «монгольскимъ» другими словами, это значитъ, что японцы происходятъ отъ тѣхъ же предковъ, какъ и туземныя населенія Сибири и восточной Азіи. Китайскія лѣтописи, которыя разсказываютъ исторію страны Уо, то-есть Японіи, въ ту эпоху, когда островитяне этого государства еще не были знакомы съ искусствомъ письма, сообщаютъ факты, свидѣтельствующіе о преобладающемъ вліяніи, которое имѣла цивилизація Срединной имперіи на нарождавшійся народъ. Лѣтописцы упоминаютъ о переселеніяхъ китайцевъ съ береговъ Голубой рѣки на эти острова Восходящаго солнца; они даже передаютъ легенду, гласящую, что предками японцевъ были тристa молодыхъ людей и тристa дѣвушекъ, посланныя на восточныя моря императоромъ Цинь-ши-хуанъ-ди на поиски «цвѣтка безсмертія» [1]). Нѣкоторые ученые думали видѣть въ обитателяхъ Ниппона малайцевъ [2]), и Зибольдъ даже приписывалъ смѣшенію съ альфурусами, меланезцами, каролинцами присутствіе людей съ курчавыми волосами и смуглымъ цвѣтомъ кожи, которыхъ часто можно встрѣтить между жителями южной Японіи [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что экваторіальное теченіе Тихаго океана и Куро-сиво могли не разъ увлекать заблудившіяся суда, и такимъ образомъ возможно, что Японія населилась черезъ архипелаги Южнаго моря и Малезіи; однако, никакой историческій документъ не упоминаетъ о путешествіяхъ, совершенныхъ въ этомъ направленіи до прибытія европейскихъ кораблей. Лѣтописи разсказываютъ лишь о сношеніяхъ японцевъ съ сосѣдними островитянами и съ жителями азіатскаго континента, что и понятно, такъ какъ съ этой стороны сообщенія были всего легче и удобнѣе: отъ главнаго острова Японскаго архипелага до Кіусіу, отъ Кіусіу до острова Ики, отъ Ики до двойнаго острова Цу-сима, отъ Цу-сима до Корейскаго архипелага и до полуострова Кореи, рыболовы всегда видятъ земли передъ собой, и, смотря по движенію муссоновъ, лодки ихъ направляются попеременно отъ одного берега къ другому. Такъ, въ древности племя кмасо или юсу населяло одновременно юго-восточную оконечность Кореи и землю Іомодзъ или Нено-куми, въ западномъ Ниппонѣ: они были «усмирены», то-есть покорены, только во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Что касается племени ямато, которыхъ преданіе называетъ японцами по преимуществу, то они обитали на южныхъ берегахъ архипелага, обращенныхъ къ Тихому океану. Но острова несомнѣнно были уже населены ранѣе того времени, когда лѣтописи упоминаютъ впервые объ айносахъ, юсу и ямато. Въ равнинѣ Іеддо и во многихъ другихъ мѣстахъ Японіи находили груды мусора, похожія на датскіе кухонные остатки (kjokkenmöddinger), и содержащія, среди черепковъ глиняной посуды и раковинъ, между которыми есть виды, не принадлежащіе къ нынѣшней фаунѣ страны, человѣческія кости, перемѣшанныя съ костями обезьянъ, красныхъ оленей, кабановъ, волковъ и собакъ; разломы всѣхъ этихъ кусковъ человѣческихъ костей даютъ

[1]) Г. Крейтнеръ, цитированное сочиненіе.
[2]) Ватсонъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Miss Isabella Bird, цитированное сочиненіе.

[1]) Du Halde;—Матуаплинъ.
[2]) Зибольдъ;—Причардъ;—Деницъ.
[3]) „Nippon Archiev“, I.

поводъ думать, что японцы той эпохи были людоѣдами [1]).

Нѣкоторые антропологи дѣлали попытки описать характеристическій типъ японца; но хотя, на первый взглядъ, иностранцы не замѣчаютъ различій, которыя представляютъ обитатели страны Восходящаго солнца по ихъ наружному виду и чертамъ лица, европейцы, постоянно живущіе въ краѣ, скоро научаются различать два типа, соотвѣтствующіе отчасти двумъ классамъ общества, типы, впрочемъ, понимаемые во всѣ времена и даже утрируемые живописцами. Одинъ изъ этихъ типовъ принадлежитъ крестьянамъ, другой людямъ благороднаго сословія [2]). Земледѣлецъ, какимъ его изображаютъ на картинахъ японскіе художники, и каковъ онъ есть въ дѣйствительности, имѣетъ черты, всего ближе подходящія къ чертамъ восточнаго азіатца: лицо у него широкое и плоское; носъ приплюснутый, лобъ низенькій, скулы выдающіяся, ротъ полуразинутый, глаза расположены по линіи почти горизонтальной. Представители этой половины націи живутъ преимущественно въ сѣверной половинѣ главнаго острова, въ низменной равнинѣ по рѣкѣ Тонегава и въ горахъ, возвышающихся на западѣ отъ Кіото. У чистокровнаго аристократа, само собой разумѣется, цвѣтъ кожи бѣлѣе, тѣло болѣе стройное и менѣе сильное, чѣмъ у плебея, но кромѣ того имѣетъ совершенно отличныя черты. Голова у него длиннѣе, лобъ выше, окладъ лица болѣе овальный. Скулы кажутся мало выдающимися; носъ орлиный, губы тонкія, глаза очень маленькіе, косо лежащіе, повидимому, сдавлены вѣками безъ выпуклости, осѣненными длинными рѣсницами. Живописцы, льстецы сильныхъ міра, приняли этотъ типъ за идеалъ красоты и всегда употребляютъ его для изображенія боговъ и героевъ; для женщинъ, они еще утрируютъ черты аристократическаго типа. Эти образцы, хотя условные, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, цѣну съ точки зрѣнія антропологіи и исторіи; они обнаруживаютъ, какъ велика разница, раздѣляющая два составные элемента націи. Такъ какъ типъ благородныхъ встрѣчается, главнымъ образомъ, въ Кіото и въ частяхъ Японіи, обращенныхъ къ Великому океану, то изъ этого заключаютъ, что они принадлежатъ расѣ завоевателей, пришедшихъ съ восточныхъ острововъ: къ этимъ завоевателямъ и ихъ потомкамъ можно бы примѣнять съ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, кажущимся основаніемъ наименованіе «полинезійцевъ». Впрочемъ, существуютъ всевозможные переходы между двумя крайними типами, и вслѣдствіе смѣшенія черезъ браки, равно какъ вслѣдствіе поворота колеса фортуны, обогащенія однихъ и обѣднѣнія другихъ, многія знатныя особы имѣютъ плебейскій типъ, типъ большинства, тогда какъ, съ другой стороны, благородный овалъ лица и орлиный носъ встрѣчаются у многихъ земледѣльцевъ. Вообще фигура японцевъ не соотвѣтствуетъ понятіямъ о красотѣ, которыя сложились у западныхъ народовъ; этотъ желтоватый оливковый цвѣтъ кожи, эти косоугольныя, ромбическія лица, эти бритые, подавшіеся назадъ лбы кажутся безобразными большинству иностранцевъ. Однако, женскія лица выкупаютъ неправильность чертъ миловидностью цѣлаго, граціей улыбки и ласковостью взгляда; даже случается встрѣчать женщинъ, по виду совершенно похожихъ на европеекъ. Японки изъ Кіото и всей южной области большаго острова, по единогласному отзыву соотечественниковъ и чужеземцевъ, считаются самыми красивыми [1]). Въ мелкомъ дворянствѣ, извѣстномъ подъ именемъ самураевъ, можно также встрѣтить много безбородыхъ юношей, которые удивительно походятъ на молодыхъ дѣвушекъ бѣлой расы [2]).

Жители острововъ Лю-цю составляютъ переходъ между «полинезійскимъ» типомъ Японіи и типомъ формозцевъ съ почти малайскимъ лицомъ. Глаза у нихъ чуть замѣтно скошены, и вѣки не прищурены, какъ у японскаго аристократа. Они имѣютъ желтовато-смуглый цвѣтъ кожи и зачесываютъ волоса на макушкѣ въ формѣ шиньона. Борода у нихъ болѣе густая, чѣмъ у жителей центральной части архипелага, которые сами превосходятъ въ этомъ отношеніи своихъ сосѣдей, китайцевъ. Изъ всѣхъ японцевъ островитяне группы Лю-цю имѣютъ, можетъ быть, наиболѣе кротости и ласковости въ физіономіи, наиболѣе прелести во взглядѣ и улыбкѣ, наиболѣе граціи въ манерахъ. Первые европейскіе путешественники, которыхъ они принимали у себя, Макс. ль, Василій Галь, осыпаютъ похвалами этотъ маленькій народъ, обладающій всяческими добродѣтелями, кромѣ силы и гордаго чувства собственнаго достоинства, которое дается только долговременнымъ пользованіемъ свободой. На островахъ Лю-цю только члены двухъ привилегированныхъ классовъ, аристократіи и второстепеннаго дворянства, носятъ фамильныя имена. Стоящее подъ ними плебейское населеніе, причисляемое въ кастѣ гей-минъ, какъ и японцы низшихъ классовъ, не можетъ позволить себѣ носить такой же костюмъ, какъ люди благороднаго званія; употребленіе серебряныхъ булавокъ для закалыванія волосъ, зонтиковъ отъ солнца и нѣкоторыхъ другихъ принадлежностей дворянскаго туалета запрещено плебеямъ [3]).

Каково бы ни было различіе происхожденій,

[1]) Morse, „Nature“, 15 апр. 1880 г.

[2]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann“, 1879 г. № 2.

[1]) Кемпферъ;—Моннке;—Мечниковъ;—Гюбнеръ.

[2]) Рейнъ, цитированн. сочиненіе.

[3]) Gubbins, „Proceedings of the Geographical Society of London“, авг. 1881 г.

почти всѣ японцы малорослы, именно мѣра ихъ не превышаетъ 150 до 155 сантиметровъ, а женщины пропорціонально еще болѣе низкаго роста; у послѣднихъ суставы всегда очень тонкіе. Простолюдины по большей части крѣпкаго тѣлосложенія, широкоплечи, очень ловки и обладаютъ необыкновенной выносливостью и неутомимостью: по цѣлымъ часамъ они безъ устали идутъ бѣгомъ, неся большія тяжести, и даже не остановятся, чтобы переложить ношу съ одного плеча на другое. Японскій кули, взбираясь на высокую гору, не имѣетъ нужды замедлять свой ходъ, чтобы перевести духъ или утишить сердцебіеніе. Конюхъ или стремянной сопровождаетъ пѣшкомъ лошадь своего господина, пускаемую въ галопъ по равнинѣ. Я кавалерійскій офицеръ, парадирующій передъ очень рано образуется искривленіе позвоночнаго столба, и онѣ преждевременно дѣлаются сгорбленными. У японцевъ аристократической породы грудь почти всегда сдавлена, и между ними преимущественно свирѣпствуетъ бугорчатая чахотка, такъ же, какъ между малайцами или полинезійцами, въ которыхъ нѣкоторые антропологи видятъ ихъ близкихъ родичей по расѣ. Окружность грудной клѣтки у японца, въ среднемъ выводѣ, гораздо меньше, нежели у европейца, и животъ его всегда немного выступаетъ впередъ за линію реберъ. Замѣчено, что старость наступаетъ въ Японіи очень быстро: рѣдко случается, чтобы ужъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ лицо какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, не было все покрыто морщинами; только огонь глазъ да бѣлизна зубовъ

Японка.

Японская дѣвушка.

своимъ эскадрономъ, въ былыя время всегда держалъ при себѣ пѣшаго ординарца, который бѣгалъ за нимъ, слѣдуя за всѣми движеніями коня. Японскіе акробаты несравненно болѣе гибки и сильны, чѣмъ ихъ европейскіе товарищи по профессіи. Толстяковъ въ Японіи встрѣтишь не много и главнымъ образомъ между борцами, у которыхъ вслѣдствіе своего рода атавизма монгольскій типъ развивается до поразительнаго сходства [1]). Ремесленники и земледѣльцы, вообще говоря, отличаются пропорціональностью всѣхъ частей тѣла; только колѣни у нихъ немного завернуты внутрь, что происходитъ отъ привычки женщинъ носить своихъ грудныхъ дѣтей на спинѣ, привязывая имъ ноги снаружи; сами матери вредятъ себѣ этимъ обычаемъ, по милости котораго у нихъ указываютъ на сохранившійся еще остатокъ молодости. Причину этого быстраго одряхлѣнія, можетъ быть, нужно искать въ неумѣренномъ употребленіи японцами горячихъ ваннъ или бани.

Преобладающая болѣзнь населенія японскихъ острововъ—малокровіе, особенно у мужчинъ: тамъ извѣстны, такъ сказать, на-перечетъ тѣ, которые не страдаютъ этимъ недугомъ; за исключеніемъ юношескаго возраста, по меньшей мѣрѣ четыре японца изъ пяти должны быть признаны за малокровныхъ. Этотъ недостатокъ крови приписываютъ главнымъ образомъ пищѣ, состоящей почти единственно изъ риса, слишкомъ бѣдной бѣлковиной и жировыми частицами; питаніемъ же, вѣроятно, объясняется и преобладаніе одной болѣзни, свойственной жаркому поясу, называемой въ краѣ, бери-бери; эта форма разложенія крови

[1]) Wernich, „Geographisch-Medicinische Studien“.

свирѣпствуетъ только въ періодъ юго-восточнаго муссона, который превращаетъ на время архипелагъ Ниппона въ тропическую страну; но дѣйствіе ея здѣсь слабѣе, нежели въ Индостанѣ, хотя и въ Японіи въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ она уноситъ въ могилу болѣе седьмой части заболѣвающихъ. Оспа тоже составляетъ одинъ изъ бичей, которыхъ японцы боятся пуще всего на свѣтѣ, хотя китайскіе способы оспопрививанія извѣстны въ странѣ съ давнихъ временъ, и хотя Зибольдъ ввелъ тамъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, употребленіе вакцины (коровьей осны), еще недавно двѣ трети островитянъ имѣли лицо, обезображенное осной, и въ продолженіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ, декабря и января, погребальные поѣзды, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, свидѣтельствовали о страшныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ этой эпидеміей. Несмотря на необыкновенную чистоплотность японцевъ, проказа распространена во всѣхъ областяхъ архипелага, и преимущественно вокругъ залива Іеддо. Наконецъ, бугорчатая чахотка похищаетъ едва-ли менѣе жертвъ въ Японіи, чѣмъ въ странахъ Европы, гдѣ грудныя болѣзни наиболѣе обыкновенны. Съ другой стороны, нѣкоторыя европейскія болѣзни неизвѣстны въ Японіи: случаи заболѣванія рожей тамъ очень рѣдки, скарлатина не появлялась не только въ краѣ, но даже съ семействами, пріѣхавшими съ Запада, и тамошнія женщины никогда не были поражаемы родильной лихорадкой.

Браки между китайцами, поселившимися въ японскихъ портовыхъ городахъ, и туземными женщинами составляютъ рѣдкое явленіе, но число дѣтей, родившихся отъ европейцевъ и японокъ, относительно довольно значительно. Замѣчено, что типъ матери постоянно преобладаетъ въ продуктѣ этихъ брачныхъ союзовъ. Докторъ Веринхъ говоритъ, что японскія дѣти англійской или германской расы по отцу имѣютъ очень мало шансовъ жить, и тѣ, которыхъ успѣютъ спасти, всегда отличаются очень слабымъ здоровьемъ. Напротивъ, дѣти французовъ и японокъ родятся по большей части въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и развиваются быстро, болѣе веселыя, болѣе откровенныя и болѣе живыя, чѣмъ обыкновенно бываютъ дѣти туземнаго населенія. Что касается потомковъ португальскихъ христіанъ, женившихся на туземкахъ южныхъ острововъ, то они называютъ себя европейцами, носятъ еще фамиліи своихъ лузитанскихъ предковъ и по большей части считаютъ за честь говорить англійскимъ языкомъ, но почти всѣ они женятся на японкахъ, и дѣти ихъ снова принимаютъ первоначальный типъ, съ тою только разницей, что волоса у нихъ слегка волнистые, глаза менѣе скошены, лобъ выше, лицо съ менѣе косыми челюстями, чѣмъ у ихъ соотечественниковъ.

Ношеніе національной японской одежды теперь уже не только необязательно, но часто даже преслѣдуется, и даже въ своей маніи подражанія образованные классы и люди торговаго сословія возымѣли странную идею облечься въ европейское платье, которое совсѣмъ не идетъ имъ, но которое имѣетъ то преимущество, что оно вводитъ съ собой нравы, болѣе уравнивающіе различные слои общества: тогда какъ европейскій костюмъ почти одинаковъ для богатыхъ и бѣдныхъ, различіе матерій, узоровъ, цвѣтовъ раздѣляло японскій народъ на совершенно обособленные классы. *Нельзя не замѣтить тутъ, что европейскій костюмъ, насильно вводимый въ народъ, оказывается весьма не гигіеническимъ и даже вреднымъ для простолюдиновъ, не говоря уже про то, что онъ дорогъ и совершенно не идетъ къ японскому типу*. Въ прежнее время существовали очень строгіе уставы, опредѣлявшіе покрой и цвѣтъ одежды, которую должны были носить мужчины и женщины всякаго класса и всякаго ранга: впрочемъ, регламентъ занимался только деталями, такъ какъ японское платье или кимоно одинаковой формы для всѣхъ. Обыкновенная матерія, изъ которой шьется эта одежда, — бумажная ткань; простонародье и мелкая буржуазія облачаются въ шелковое платье лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; одни только богачи носятъ каждый день шелковую одежду, украшенную ихъ гербами. Женское кимоно отличается отъ мужскаго только длиной и яркостью матерій. Рукава, всегда очень широкіе, служатъ въ то же время карманами и наполнены тетрадками бумаги, которую употребляютъ вмѣсто носовыхъ платковъ и салфетокъ; книги маленькаго формата извѣстны подъ именемъ «рукавныхъ изданій» [1]). Юбка у благородныхъ, кальсоны у бѣдняковъ дополняютъ костюмъ; во время холодовъ японцы довольствуются тѣмъ, что надѣваютъ нѣсколько платьевъ одно на другое; во время дождя крестьяне и работники покрываютъ свою одежду соломенными плащами или накидками промасленной бумаги. Головнымъ уборомъ обыкновенно служитъ родъ зонтика изъ бумаги, натертой деревяннымъ масломъ или навощенной растительнымъ воскомъ, либо бамбуковый кружокъ, подвязываемый шнурками подъ подбородокъ. За исключеніемъ носильщиковъ и скороходовъ, обутыхъ въ соломенныя сандаліи, японцы носятъ хата, высокія сабо или, вѣрнѣе сказать, деревянныя скамейки, крайнее неудобныя для иностранца, такъ что нужно ходить съ большой осторожностью, и которыя даже причиняютъ нервныя болѣзни у самихъ японцевъ. Уличная грязь не позволяетъ щеголямъ употреблять европейскіе сапоги, а чистоплотность заставляетъ ихъ ходить босыми ногами по тон-

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonnais".

кимъ циновкамъ, покрывающимъ паркетные полы.

Прическа японцевъ, даже мужчинъ,—дѣло многотрудное, требующее большаго терпѣнія. Мужчины брѣютъ макушку и зачесываютъ свой шиньонъ на темя, гдѣ его держитъ трубка изъ лакированнаго картона. Что касается женщинъ, то онѣ оставляютъ растти небольшой пучекъ волосъ на лбу, а остальная шевелюра дѣлится на двѣ боковыя пряди и на обширный шиньонъ, переплетенные съ накладными волосами, которые прикрѣпляются черепаховымъ гребнемъ, косоплетками, булавками съ коралловыми головками. Все это кра-сивое зданіе куафюры не можетъ быть построено менѣе, чѣмъ въ полдня, поэтого женщины, принужденныя работать, не могутъ убирать себѣ голову чаще, чѣмъ разъ или, много, два раза въ недѣлю, и чтобы не привести въ безпорядокъ свою шевелюру, онѣ должны спать съ затылкомъ, положеннымъ на подставку, такъ чтобы голова не прикасалась къ циновкамъ или къ подушкамъ постели. Минеральныя бѣлила на лицѣ и на шеѣ, карминовыя румяна на щекахъ, черная краска на бровяхъ, золотые листочки на губахъ, черная краска на зубахъ,—остатокъ разноцвѣтной разрисовки тѣла, бывшей въ обычаѣ во времена первобытнаго дикарства,—дополняютъ туалетъ японки. Что касается привычки татуироваться, то она уже почти оставлена женщинами благороднаго сословія и даже женщинами изъ простаго народа; правительство, желающее прежде всего угождать иностранцамъ, сочло долгомъ воспретить также и у мужчинъ эту древнюю форму орнаментаціи, подобно тому, какъ оно навязало имъ ношеніе европейской одежды. Матуанлинъ разсказываетъ намъ, что встарину японскіе родоначальники были болѣе богато на татуированы, чѣмъ люди изъ народа; въ наши дни наоборотъ,—японцы, у которыхъ тѣло наиболѣе разрисовано фигурами, носильщики и кательщики телѣжекъ, которыхъ самое ремесло заставляетъ показываться почти голыми въ публикѣ. Эти рисунки, трехцвѣтные по большей части, красные, синіе и бѣлые, переплетаются разнообразно, безъ всякой симметріи, но всегда со вкусомъ, такъ что соблюдается извѣстное равновѣсіе въ расположеніи главныхъ сюжетовъ, птицъ, драконовъ и цвѣтковъ. Такъ, напримѣръ, одна форма татуировки представляетъ дерево, обвивающее своими корнями правую ступню и поднимающееся по лѣвой ногѣ, затѣмъ раскинувшее на спинѣ и на груди свои усаженныя цвѣтками вѣтви, на которыхъ сидятъ птицы; прикрытый листвой дерева, анстъ занимаетъ лѣвую ногу. Кромѣ того, почти всѣ японцы имѣютъ на кожѣ знаки, оставшіеся отъ прижиганій растеніемъ artemisia japonica, однимъ изъ самыхъупотребительныхъ въ туземной терапевтикѣ средствъ леченія[1]).

Татуированный японецъ.

Смѣшанный изъ весьма различныхъ этнографическихъ элементовъ, японскій народъ представляетъ тѣмъ большую трудность для сужденія о немъ, для оцѣнки его нравственныхъ качествъ, что онъ имѣетъ сознаніе объ испытаніи, которому его подвергаютъ иностранцы, и что онъ, вслѣдствіе того, позируетъ, рисуется передъ ними. Подобно тому, какъ онъ хотѣлъ придать себѣ европейскій видъ, облачаясь въ иноземный костюмъ, такъ точно онъ старается усвоить себѣ идеи и манеры, приличествующія народу цивилизованному, и, благодаря самообладанію и самолюбію, которыя у него развиты въ

[1]) Зибольдъ;—Гюбнеръ;—миссъ Изабелла Бердъ;—мистрисъ Брасси;—Левъ Мечниковъ и др.

высокой степени, онъ умѣетъ притвориться, умѣетъ казаться не такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ [1]); оттого онъ становится очень опаснымъ, когда приготовляется къ акту мести. Можно смѣло сказать, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ людей, которые бы, въ радости или въ горѣ, умѣли лучше сдерживаться, чѣмъ японцы, — развѣ только между нѣкоторыми племенами американскихъ дикарей, которые остаются совершенно безстрастными во всякихъ обстоятельствахъ. До крайности осторожные, очень заботящіеся о мнѣніи другаго, японцы говорятъ не иначе, какъ хорошо взвѣсивъ каждое изъ произносимыхъ словъ; въ присутствіи европейца, они строго наблюдаютъ за собой, за всѣми своими тѣлодвиженіями и взглядами; многіе чиновники вооружили свои глаза очками съ синими или дымчатыми стеклами, для того, чтобы мысль ихъ оставалась непроницаемой для собесѣдника. Даже между собой японцы очень умѣренны и осторожны въ движеніяхъ: ихъ жесты, выражающіе негодованіе, гнѣвъ, отвращеніе, никогда не бываютъ такъ рѣзки, какъ у западныхъ народовъ; горесть ихъ тихая, спокойная; они не ломаютъ себѣ рукъ въ отчаяніи, не взываютъ о помощи къ божеству, поднимая руки и взоры къ небу. Научившись отъ европейцевъ подавать другъ другу руку въ знакъ дружбы, они не переняли привычки пожимать ее. Рѣдко даже случается, чтобы мать обняла своего ребенка, какъ бы нѣжно ни любила его. Поцѣлуй, столь обыкновенное проявленіе чувства у европейскихъ народовъ, въ Японіи совершенно не извѣстенъ. Эта сдержанность во внѣшнихъ проявленіяхъ чувства замѣчается даже у душевнобольныхъ: въ Нипонѣ почти не бывало примѣра, чтобы сумасшедшій сдѣлался опаснымъ.

Добродушіе, доброжелательность составляютъ основу японской натуры. Въ странѣ Восходящаго солнца большая рѣдкость встрѣтить человѣка, который бы, гордясь своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ, третировалъ съ высокомѣріемъ своихъ подчиненныхъ или окружающихъ; напротивъ, тамъ всякій, кто располагаетъ властью, старается заставить другихъ простить ему это превосходство своею предупредительностью и любезностью. Ни одинъ японецъ, какъ бы властенъ и высокопоставленъ онъ ни былъ, никогда не позволяетъ себѣ принять тотъ надменный тонъ, который столь многіе чиновники западнаго міра, крупные и мелкіе, считаютъ драгоцѣннѣйшимъ аттрибутомъ своей должности [2]). Обычай японцевъ вѣжливо кланяться другъ другу при встрѣчѣ развилъ у нихъ привѣтливость въ обхожденіи и чувство взаимнаго уваженія, которыя сдѣлались, такъ сказать, ихъ природными качествами, и черты лица всегда сохраняютъ отблескъ обычной доброты сердца; даже въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ больные имѣютъ ласковый взглядъ, и рѣчь ихъ, какъ всегда, привѣтлива. Къ этой природной любезности и ласковости, которая поражаетъ особенно у женщинъ, обыкновенный характеръ японцевъ прибавляетъ еще домашнія или семейныя добродѣтели: воздержность, любовь къ порядку, предусмотрительность, здравый смыслъ. Молодыя дѣвушки, которыя соединяются съ европейцами временными браками, какіе практикуются въ краѣ, почти всегда удерживаютъ иностранца заботливостью и предупредительностью, которою онѣ его окружаютъ, опрятностью хозяйства и комфортомъ, который онѣ вводятъ въ жилищѣ. Веселость и спокойная покорность судьбѣ, замѣчаемыя у работниковъ, даже самыхъ обездоленныхъ, наиболѣе подавленныхъ трудомъ, приводятъ въ удивленіе европейскихъ путешественниковъ: японецъ всегда и всѣмъ доволенъ, мирится со всякой долей, весело переноситъ всякое утомленіе, всякія невзгоды и лишенія, и, однако, нельзя сказать, чтобы эта совершенная безропотность происходила отъ недостатка высшаго идеала; рвеніе, съ какимъ искусства и науки Европы принимаются въ странѣ, доказываетъ, какъ сильно у жителей желаніе прогресса во всѣхъ вещахъ.

Японцы удерживаются на пути усвоенія себѣ знаній и развитія, составляющаго естественное слѣдствіе образованности, однимъ изъ ихъ сильныхъ національныхъ качествъ,—высокимъ понятіемъ о чести. Они считаютъ себя связанными долгомъ, и этого достаточно: они дадутъ доказательства цивилизаціи, которыхъ отъ нихъ требуютъ. Обычай харакири, съ незапамятныхъ временъ практиковавшійся у людей благороднаго сословія, свидѣтельствуетъ о силѣ воли, которую они умѣли проявлять, когда къ тому представлялась необходимость. Что бы ни говорили, но этотъ обычай геройскаго самоубійства получилъ начало не въ Японіи, или по крайней мѣрѣ существовалъ не въ одной Японіи; такъ какъ китайскія лѣтописи упоминаютъ довольно частые случаи примѣненія его между сынами Срединнаго царства, но ни въ какой странѣ онъ не сдѣлался, какъ въ Нипонѣ, однимъ изъ національныхъ учрежденій. Давало ли правительство дворянину приказъ распороть себѣ животъ, чтобы избавить его отъ позорной смерти, или будущая жертва добровольно принимала рѣшеніе наложить на себя руки, чтобы отмстить косвенно своему противнику, заставляя его дать жизнь за жизнь, актъ самоубійства всегда исполняется самымъ стоическимъ образомъ и по всѣмъ правиламъ искусства; не бывало примѣра, чтобы кто-либо изъ этихъ гордыхъ самоубійцъ испустилъ ка-

[1]) Верныхъ, цитированное сочиненіе.

[2]) Съ этимъ едва-ли возможно согласиться, если только вспомнить тотъ деспотизмъ властителей и дворянства, который тяготѣлъ надъ страною и народомъ въ періодъ его исторіи. Прим. ред.

кую-нибудь недостойную жалобу въ роковой моментъ передъ собраніемъ своихъ друзей. Напротивъ, лѣтописи даже прославляютъ многочисленныхъ героевъ, которые, послѣ вскрытія себѣ внутренностей, находили достаточно силы, чтобы сочинять стихи или писать духовное завѣщаніе своей собственной кровью. А между тѣмъ эти люди не играютъ безразсудно съ жизнью. Изъ-за другихъ причинъ, кромѣ дѣлъ, касающихся чести, хорошо или дурно понимаемой, въ Японіи чрезвычайно рѣдко случается, чтобы люди лишали себя жизни, и тѣ, которые хотятъ покончить съ своимъ горемъ-злосчастіемъ, ищутъ забвенія и безвѣстности. Но во всѣхъ случаяхъ, когда японецъ, мужчина или женщина, долженъ выказать мужество, даря превосходству дисциплины и вооруженія; но японская нація не изъ тѣхъ, которыя дадутъ себя завоевать безъ борьбы. Цивилизаціи навѣрно не придется оплакивать постыдное порабощеніе сорока милліоновъ людей, населяющихъ страну Восходящаго солнца.

Китайско-японская война, конечно, не могла служить примѣромъ для европейцевъ, но и она показала Европѣ, чего можно ожидать въ будущемъ отъ просвѣщенныхъ азіатовъ.

Вполнѣ признавая въ душѣ превосходство европейца въ наукѣ и индустріи, японецъ, тѣмъ не менѣе, не высказываетъ этого громко и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже цивилизованнѣе своихъ чужеземныхъ учителей. По воздержности, сознанію собственнаго достоинства, разви-

Японскія женщины.

нъ не бываетъ превзойденъ никакимъ народомъ. Исторія сорока семи ронновъ, столь аккуратныхъ въ совершеніи мести за убійство ихъ господина, столь геройски предавшихъ себя добровольной мести, извѣстна всѣмъ и каждому, и жители столицы съ благочестивымъ уваженіемъ поддерживаютъ могилы этихъ доблестныхъ людей [1]). Впрочемъ, исторія войнъ и революцій новѣйшаго времени доказываетъ, что въ отношеніи мужества японцы не выродились, не отстали отъ своихъ предковъ. Можно съ увѣренностью предсказать, что если когда-нибудь Россія или какая-либо другая изъ западныхъ державъ придетъ въ столкновеніе съ Ниппономъ, она увидитъ передъ собой храбраго противника. До сихъ поръ европейскія арміи одерживали легкія побѣды почти надъ всѣми иноплеменными народами, благотію чувства чести, взаимному уваженію и доброжелательности, масса японскаго народа несомнѣнно стоитъ выше нравственнаго уровня большинства жителей западнаго міра; она превосходитъ его также и пониманіемъ красоты въ природѣ. Самый послѣдній мужичекъ Ниппона не лишенъ способности восхищаться прелестью или грандіозностью пейзажей; приступая къ постройкѣ своей деревянной лачужки, онъ прежде всего заботится о томъ, чтобы выбрать для нея получше мѣсто, непремѣнно на берегу текущей воды, въ сосѣдствѣ лѣска или рощи, въ виду краснваго горизонта, и почти всегда украшаетъ свое жилище цвѣтами, расположенными со вкусомъ. Тамъ даже запрещено безобразить природу постоялыми дворами, поставленными въ ненадлежащемъ мѣстѣ и портящими или заслоняющими видъ. Во время лѣтняго сезона повсюду встрѣтишь группы людей изъ простаго народа, болѣе туристовъ,

[1]) Mitchord, „Tales of old Japan".

чѣмъ пилигримовъ, которые посѣщаютъ мѣстности, особенно славящіяся красотой и живописностью своихъ ландшафтовъ [1]). Ранѣе женщинамъ не дозволялось совершать подобныя странствованія, но теперь, одѣтыя въ бѣлое кимоно, онѣ свободно примѣшиваются къ группамъ путешественниковъ.

Главный упрекъ, который дѣлаютъ японцу, и который онъ дѣлаетъ самъ себѣ въ литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ рисуетъ свои слабыя стороны, это упрекъ въ недостаткѣ выдержки, настойчивости; но это строгое сужденіе не можетъ быть примѣнено къ массѣ націи, столь дѣятельной, трудолюбивой и предпріимчивой; оно справедливо лишь по отношенію къ щеголю молодаго поколѣнія, слишкомъ скоро «цивилизовавшагося» на европейскій ладъ. Самоувѣренный, легкомысленный, поверхностный, этотъ японскій фатъ не всегда даетъ себѣ трудъ изучить что-либо основательно, дѣйствовать послѣдовательно; онъ охотно переходитъ отъ одного предпріятія къ другому, даже забываетъ начатое дѣло и хватается за другое. Оттого нѣтъ недостатка въ зловѣщихъ пророкахъ, предсказывающихъ внезапные и страшные повороты въ близкомъ будущемъ японской исторіи; они выражаютъ опасеніе, какъ бы туземный характеръ, обыкновенно мягкій, какъ самый климатъ страны, но подверженный, такъ же, какъ и этотъ климатъ, внезапнымъ бурнымъ вспышкамъ [2]), не обнаружилъ своего непостоянства неожиданнымъ отреченіемъ отъ европейскаго вліянія и возвратомъ къ старинѣ, къ прежней цивилизаціи. Но возможно ли, чтобы нація вернулась вспять отъ достигнутаго уже прогресса, когда этотъ прогрессъ опирается на дѣйствительное научное развитіе? Возможно ли, чтобы эволюціи умовъ не соотвѣтствовало аналогичное движеніе впередъ въ мірѣ фактовъ! Пусть японцы откажутся отъ своей глупой маніи копировать европейцевъ даже въ ихъ смѣшныхъ сторонахъ, пусть они перестанутъ корчить изъ себя англичанъ и постараются развиваться болѣе самобытнымъ образомъ, не какъ слѣпые подражатели, а какъ равные,— чего же лучше? Это не помѣшаетъ наукѣ оставаться тою же самою для европейца и для восточнаго человѣка, и тѣ, и другіе должны будутъ одинаково изучать ея законы.

Такъ же, какъ искусства, научныя знанія и національныя учрежденія страны, японскій языкъ содержитъ примѣсь чужихъ элементовъ. Коренной туземный идіомъ, называемый ямато, не имѣетъ никакой связи съ китайскимъ; это языкъ полисиллабическій который большинство лингвистовъ пытаются сблизить съ языками урало-алтайской семьи [1]), хотя до сихъ поръ могли найти очень мало сходства между этими двумя элементами сравненія, какъ въ отношеніи расположенія фразъ, такъ и въ отношеніи всей совокупности запаса словъ. Старый японскій языкъ передалъ современной рѣчи свою гармоническую звучность, которую можно сравнить съ звучностью итальянскаго и многихъ полинезійскихъ языковъ, передалъ также свои полные слоги, свои правила благозвучія и весь свой синтаксическій строй. Имя прилагательное всегда предшествуетъ существительному, дополненіе ставится передъ глаголомъ, члена не существуетъ и надежи именъ, равно какъ времена и наклоненія глаголовъ означаются лишь суффиксами. Въ настоящее время ямато, составляющій первоначальную основу японскаго языка, употребляется во всей его чистотѣ только при дворѣ да среди проститутокъ высшаго полета, которыя, вѣроятно, были въ старину жрицами синтоистическаго культа [2]). Даже сельскіе жители, такъ же, какъ и цивилизованные обитатели городовъ, говорятъ теперь синико-японскимъ языкомъ, въ которомъ, впрочемъ, китайскія слова произносятся совершенно иначе, чѣмъ въ мандаринскомъ діалектѣ. Въ Европѣ нѣтъ примѣра подобнаго соприкосновенія двухъ языковъ; въ англійскомъ элементы германскій и латинскій слились воедино, тогда какъ въ синико-японскомъ ямато и китайскій, такъ сказать, срослись внѣшнимъ образомъ. Между двумя крайностями, ямато и китайскимъ, замѣчаются многочисленныя переходныя формы, настолько отличныя одна отъ другой, что не всякій японецъ можетъ понимать ихъ безъ предварительнаго изученія. Діалектъ островитянъ Лю-цю разсматривается какъ особый языкъ, но онъ очень близко подходитъ къ японскому и пишется съ помощью того же алфавита [3]); онъ также заключаетъ въ себѣ много китайскихъ словъ, введенныхъ туземными книжками. На это нарѣчіе переведена миссіонеромъ Беттельгеймомъ часть книгъ Священнаго писанія [4]).

Для изображенія словъ на письмѣ, жителя Ниппона имѣютъ двѣ системы транскрипціи. Они употребляютъ китайскіе іероглифы, которымъ они научились нѣкогда вмѣстѣ съ началами цивилизаціи, и такимъ образомъ пользуются той важной выгодой, что могутъ читать написанное по-китайски такъ же хорошо, какъ и написанное на ихъ собственномъ языкѣ; но совокупность идеографическихъ знаковъ составляетъ такой обширный курсъ ученья, что

[1]) Rein, „Ergänzungsheft zu den Mittheilungen von Petermann“ № 59.
[2]) Bousquet, „Le Japon“.

[1]) Boller, „Sitzungen der Akademie“, Wien, Band XXIII, 1857.
[2]) Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[3]) Léon de Rosny, „Introduction à l'Etude de la langue Japonaise“.
[4]) Sarrurier, „De Lioe-Kioe Archipel“.

нужно посвятить всю жизнь, чтобы познакомиться съ нимъ вполнѣ. Въ элементарныхъ японскихъ школахъ дѣти обязаны выучить около 3.000 письменныхъ знаковъ; никто не словаря [1]). Поэтому совершенно естественно, что японцы съ самыхъ первыхъ временъ своей цивилизаціи старались упростить и облегчить трудъ чтенія. Прежде даже чѣмъ усвоить себѣ

Буддистскій храмъ въ Никко.

можетъ претендовать на репутацію образованнаго человѣка, если не знаетъ ихъ отъ 8.000 до 10.000, но и этотъ огромный багажъ составляетъ еще только треть или четверть полнаго китайскую письменность, они познакомились

[1]) „Notice officielle“ объ Японіи на филадельфійской всемірной выставкѣ;—Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonais“.

*

съ корейскимъ букваремъ; впослѣдствіи они изобрѣли различные оригинальные способы фонетическаго письма, которые обыкновенно смѣшиваютъ съ корейскою азбукой подъ именемъ «божественныхъ письменъ». Въ настоящее время японцы имѣютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ семь различныхъ букварей, изъ которыхъ шесть составляютъ ихъ собственное изобрѣтеніе. Японскій букварь, всего чаще употребляемый въ наши дни книжниками, есть ката-кана, или «боковое письмо», названное такъ потому, что буквы его приставляются съ боку къ китайскимъ знакамъ, для того, чтобы дать имъ точное произношеніе. Кромѣ того, японцы употребляютъ еще «ровное» или курсивное письмо хира-кана — для частной корреспонденціи, для пѣсенъ, комедій, народной литературы. Но ни тотъ, ни другой способъ письма: ни ката-кана, ни хира-кана, не могутъ замѣнить китайскихъ идеографическихъ знаковъ, употребляемыхъ для изображенія на бумагѣ отвлеченныхъ понятій или научныхъ фактовъ: синико-японскія слова, относящіяся къ умственнымъ предметамъ, будучи односложными, какъ и въ коренномъ языкѣ, китайскомъ, имѣютъ десятки одноименныхъ словъ, которыя трудно различить одно отъ другаго, развѣ только посредствомъ спеціальныхъ знаковъ. Нынѣшній японскій языкъ не могъ бы обойтись безъ употребляемыхъ имъ двухъ родовъ письма, то-есть знаковъ, заимствованныхъ у китайцевъ, и собственнаго добавочнаго или «боковаго» букваря: этого требуетъ странное смѣшеніе въ одномъ идіомъ двухъ существенно различныхъ языковъ; одного агглютинативнаго, другаго моносиллабическаго. Японцы понимаютъ, насколько несовершенно и неудобно орудіе, которымъ они располагаютъ для выраженія своей мысли; и уже не разъ заходила рѣчь о томъ, чтобы сдѣлать изученіе англійскаго языка обязательнымъ, дабы приготовить ближайшее будущее поколѣніе къ замѣнѣ болѣе удобнымъ языкомъ затруднительной рѣчи, которою нынѣ говорятъ жители страны Восходящаго солнца. Большая часть словъ техническихъ или словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, заимствуются изъ европейскихъ языковъ, преимущественно изъ англійскаго, который въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ другіе, заступаетъ мѣсто китайскаго въ качествѣ поставщика ниппонскому идіому новыхъ выраженій, въ которыхъ этотъ послѣдній нуждается. Кромѣ того, латинскій алфавитъ составляетъ предметъ обученія во всѣхъ японскихъ школахъ, и были уже сдѣланы удачныя попытки, имѣющія въ виду обобщеніе транскрипціи японскаго языка посредствомъ этихъ буквъ [1]). Вѣрно, слѣдовательно, что восточные и западные народы постоянно сближаются не только идеями, но также, въ извѣстной мѣрѣ, и способомъ ихъ выраженія.

Съ восьмаго столѣтія литературное движеніе въ Японіи является значительнымъ, если не по достоинству, то, по крайней мѣрѣ, по числу сочиненій. Всѣ роды представлены въ этой совокупности словесныхъ произведеній: поэзія, драма, комедія, исторія, естественныя науки, и можно сказать, что интеллектуальная эволюція страны Восходящаго солнца совершалась параллельно умственному движенію западнаго міра. Тамъ, какъ и въ Европѣ, образованность была сосредоточена въ монастыряхъ: въ обителяхъ бонзъ переписывались древнія рукописи, собирались хроники и составлялись трактаты по богословію и по метафизикѣ; въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ въ крѣпкихъ замкахъ японскихъ баронъ происходили «суды любви», подобные провансальскимъ «cours d'amour»; ученые воины и странствующіе трубадуры писали там рыцарскіе романы, декламировали свои лирическія стихотворенія. Эпохой возрожденія японской литературы былъ семнадцатый вѣкъ, затѣмъ слѣдовалъ вѣкъ энциклопедистовъ. В настоящее время прибавились еще, къ ряд другихъ произведеній словесности, журнал политическіе памфлеты и мелкая пресса. Что касается европейской литературы, то она впер вые проникла въ Японію уже около половин восемнадцатаго столѣтія, когда организовались тайныя общества для перевода сочиненій го ландскихъ авторовъ [1]).

Съ точки зрѣнія религіозной, какъ и во всѣх другихъ отношеніяхъ, народъ Ниппона переживаетъ теперь эпоху очевиднаго преобразованія. Большинство образованныхъ японцевъ даже бѣдные жители городовъ выказываютъ искренно или притворно, полный индифферентизмъ къ различнымъ религіямъ, какъ отечественнаго, такъ и чужеземнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, рѣдко бываетъ такъ, чтобы они не сохранили какихъ-либо привычекъ религіознаго характера, не исполняли какихъ-либо обрядовъ, такъ какъ вліяніе женщинъ даетъ себя чувствовать, черезъ воспитаніе дѣтей, на всей совокупности общества.

Подобно тому, какъ въ Китаѣ, въ странѣ Восходящаго солнца существуютъ совмѣстно три культа, и одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ сообразоваться одновременно съ обрядностями трехъ религій. Первая по времени возникновенія, синтоизмъ, есть національный культъ, и въ святилищахъ этого культа, въ храмахъ «Пути Духовъ», искали убѣжища японскіе ретрограды противъ нашествія китайскихъ идей, нравовъ, обычаевъ и языка; ихъ библія, называемая Козики, то-есть «Исторія дѣлъ старины», считается древнѣйшимъ и

[1]) „Chrysanthemum", july 1881.

[1]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonais".

замѣчательнѣйшимъ памятникомъ японской литературы. Конфуціонизмъ состоитъ лишь изъ правилъ нравственности; но буддизмъ есть въ одно и то же время метафизика и религія чувства, религія, которая утѣшаетъ въ горестяхъ настоящаго и показываетъ перспективы блаженства или покоя въ загробной жизни. Слѣдовательно, эти элементы, сообразно времени, мѣсту и людямъ, могутъ смѣшиваться различнымъ образомъ, не противодѣйствуя одинъ другому, и только въ исключительныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій, вспыхивали религіозныя войны.

Первоначально японцы, такъ же, какъ китайцы, корейцы и сибирскіе народы, не имѣли другихъ божествъ, кромѣ силъ природы, къ которымъ они присоединяли души умершихъ и восемь милліоновъ духовъ, кружащихся въ воздушныхъ пространствахъ и ползающихъ подъ землей. Какъ жить въ мирѣ съ этими безчисленными легіонами духовъ безъ постоянныхъ заклинаній и жертвоприношеній. Какъ могъ родоначальникъ или глава семейства, священнодѣйствуя отъ имени всѣхъ членовъ своего рода или семьи, удалить злыя существа и умилостивить добрыя, какъ могъ онъ убѣдить всѣхъ этихъ невидимыхъ духовъ иначе, какъ говоря имъ тѣмъ же языкомъ, какимъ бы говорилъ смертнымъ, и чествуя ихъ трапезами и праздниками? Этотъ древній культъ предковъ, соединенный съ культомъ геніевъ или душами и силъ явленій природы, и теперь еще преобладаетъ въ Японіи подъ китайскимъ названіемъ синто; церемоніи этой религіи, очень простой, не требующей отъ своихъ послѣдователей ничего, кромѣ чистоты ума и сердца, совершаются обыкновенно среди природы, въ самыхъ величественныхъ мѣстоположеніяхъ; тамъ воздвигнуты святилища, посвященныя духамъ и заключающія металлическое зеркало, символъ чистоты и волшебнаго предвѣдѣнія. Каста наслѣдственныхъ жрецовъ замѣнила родоначальниковъ и отцовъ семействъ въ исполненіи обрядовъ религіи; эти священнослужители возносятъ мольбы къ геніямъ отъ имени толпы, приносятъ имъ жертвы и совершаютъ въ честь ихъ матсури, то-есть процессіи и театральныя представленія. По странному стеченію противуположныхъ явленій, столь часто встрѣчающемуся въ исторіи народовъ, революція 1867 года, которая ввела Японію въ міръ европейской цивилизаціи, совпадала съ пробужденіемъ національнаго духа въ этой странѣ; въ то самое время, какъ японцы сближались съ западными націями посредствомъ науки и индустріи, древняя анимистическая религія синтоизма снова становилась на степень оффиціальнаго культа имперіи. Но похоронныя церемоніи, которыя прежде имѣли такое важное значеніе въ общей системѣ этого культа, все болѣе и болѣе утрачиваютъ свой іерархическій характеръ. Было время, когда погребеніе князей и вельможъ сопровождалось человѣческими жертвоприношеніями: жены, слуги и лошади слѣдовали за своимъ господиномъ въ могилу. Еще въ 1844 году нужно было издавать законъ, воспрещающій людямъ дайміосовъ лишать себя жизни на трупѣ своего властителя [1]); такъ же, какъ въ Китаѣ, глиняныя изображенія замѣнили настоящихъ жертвъ въ могилахъ или урнахъ умершихъ. Японцы сохранили привычку выбирать священныя или живописныя мѣста для погребенія покойниковъ или помѣщенія урнъ съ ихъ прахомъ. Такъ, Іеясъ, и одинъ изъ его преемниковъ велѣли воздвигнуть себѣ пышные мавзолеи въ прекраснѣйшей долинѣ Ниппона, среди великолѣпныхъ лѣсовъ, окружающихъ городъ Никко.

Мораль Козпи или Конфуція, введенная со всѣмъ ея китайскимъ церемоніаломъ около шестаго столѣтія христіанской эры, оказывала, какъ и въ Срединномъ царствѣ, преобладающее вліяніе на политику, администрацію соціальныя учрежденія, но она ни въ какомъ отношеніи не имѣетъ характера религіи въ собственномъ смыслѣ слова; сендо или «залы святости» совсѣмъ не похожи на настоящіе храмы; это просто мѣста собранія для людей ученыхъ и книжниковъ; главный сендо Суруга-дай, въ Токіо, обращенъ въ библіотеку, гдѣ собраны сочиненія европейскихъ, китайскихъ и японскихъ авторовъ. Что касается буддизма, то онъ до сихъ поръ сохранилъ свою религіозную власть надъ большей частью населенія, несмотря на конфискацію имущества нѣкоторыхъ монастырей, продажу колоколовъ, передѣланныхъ въ мѣдную монету, и насильственное преобразованіе многихъ его храмовъ въ святилища синтоистическаго культа. Проникшій въ Японію сравнительно поздно, не ранѣе половины шестаго столѣтія, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, культъ Будды,—Шака на языкѣ ямато,—имѣлъ за собой то преимущество, что онъ слился для новообращенныхъ его послѣдователей съ западной цивилизаціей, ибо онъ приноситъ съ собой письменность науки и искусства [2]). Кромѣ того, онъ прельщалъ народъ пышностью и торжественностью своихъ обрядовъ, догматами переселенія душъ и конечнаго искупленія, а также безконечнымъ разнообразіемъ своихъ святыхъ и боговъ, въ число которыхъ онъ поспѣшилъ принять тѣни великихъ людей, чтимыхъ народомъ. Съ этой эпохи японскій буддизмъ, удаленный отъ мѣста своего происхожденія и очень рѣдко имѣвшій сообщенія съ буддійскимъ міромъ континента, раздѣлился на многочисленныя секты, изъ которыхъ однѣ сохранили, какъ они утверж-

[1]) Mohnicke, „Die Japoner“.

[2]) D'Hervey du Saint-Denys, переводъ книги китайскаго писателя Матуанлина „Этнографія народовъ, чуждыхъ Китаю“.

дают, древнюю вѣру во всей ея чистотѣ, тогда какъ другія преобразовались, опираясь на новыя откровенія; но всѣ эти секты утратили самую память объ языкѣ, на которомъ первоначально были написаны священныя книги ихъ религіи, и только очень недавно, благодаря многократнымъ просьбамъ извѣстнаго филолога Макса Мюллера, японскіе бонзы, воспитывавшіеся въ западной Европѣ, открыли, наконецъ, въ храмахъ Ниппона драгоцѣнные памятники санскритской письменности, которые оріенталисты считали потерянными [1]). Нѣкоторые индусскіе идолы тоже всегда сохраняли и донынѣ сохраняютъ тотъ самый видъ, какой имъ придавался въ эпоху первыхъ буддійскихъ миссіонеровъ, и ни ваятели, ни литейщики не считали себя въ правѣ измѣнять традиціонную форму божковъ [2]). Самая популярная и распространенная изъ сектъ буддизма та, которая чтитъ, подъ ея тридцатью тремя различными образами, Кваннонъ (то же самое, что Гуаньинъ у китайцевъ), «богиню или бога милосердія съ тысячью подающихъ помощь рукъ». По переписи 1875 года оказалось, что семь главныхъ сектъ японскаго буддизма обладаютъ не менѣе какъ 88.000 храмовъ, а синтоисты имѣютъ ихъ болѣе 120.000, но въ этомъ числѣ есть много такихъ, которые служатъ одновременно мѣстомъ совершенія церемоній обоихъ культовъ: простая бамбуковая циновка раздѣляетъ два жертвенника [3]). Молитвенныя мельницы, употребленіе которыхъ такъ распространено у тибетскихъ буддистовъ, встрѣчаются лишь въ рѣдкихъ капищахъ Японіи; но хаӣжи этой страны тоже имѣютъ привычку постоянно повторять имя Будды. Они пишутъ свои молитвы на клочкахъ бумаги и свертываютъ ихъ въ шарики, которые кидаютъ на идола для того, чтобы божественное прикосновеніе заставило Будду внять ихъ прошеніямъ. Иногда они наполняютъ этими бумажками внутренность кумировъ, или трясутъ коробочки, на которыхъ написаны слова: «Десять тысячъ молитвъ». Очень простые снаряды превращаютъ ручьи въ «текущія взыванія» къ божеству [4]).

Христіанство, которое имѣло нѣкогда многочисленныхъ послѣдователей въ южной Японіи, исповѣдуется въ наши дни лишь небольшой кучкой вѣрующихъ. Въ 1549 году Францискъ де-Ксавье высадился на островъ Кіусіу, и вскорѣ послѣ того религія «Ясо», то-есть Іисуса, на которую японцы сначала смотрѣли какъ на одну изъ сектъ буддизма, сдѣлала быстрые успѣхи. Іезуиты основали духовную семинарію въ Фунаѣ, и тридцать лѣтъ спустя послѣ первыхъ попытокъ обращенія, христіанскія общины, сгруппированныя вокругъ 200 церквей, насчитывали уже болѣе 150.000 членовъ. Одинъ японскій князь [1]), большой ревнитель новой вѣры, похвалился тѣмъ, что сжегъ въ своемъ удѣлѣ 3.000 кумировъ и монастырей; онъ отправилъ торжественное посольство въ Римъ для засвидѣтельствованія своей вѣрности и преданности «Великому, Всеобщему и Святѣйшему Отцу всего свѣта, государю папѣ» [2]). Неблагоразумный отвѣтъ одного испанскаго мореплавателя, потерпѣвшаго крушеніе у береговъ Ниппона, заставилъ призадуматься диктатора Тайкосаму. «Какимъ образомъ твой государь успѣлъ овладѣть столькими странами міра?» спросилъ одинъ японскій министръ у испанца. — Оружіемъ и религіей, отвѣчалъ тотъ.—Наши священники подготовляютъ намъ путь, обращая націи въ христіанство, а потомъ намъ ужъ ничего не стоитъ покорить ихъ своей власти» [3]). Встревоженный при видѣ новой могущественной силы, возникающей рядомъ съ его собственной, Тайкосама издалъ, въ 1587 г., эдиктъ объ изгнаніи іезуитовъ; но онъ не привелъ своихъ угрозъ въ исполненіе, и только десять лѣтъ спустя нѣсколько францисканскихъ миссіонеровъ, которые выдавали себя за посланниковъ, и на которыхъ донесли ихъ соперники, были приговорены къ смертной казни на крестѣ. Тѣмъ не менѣе, новая религія и послѣ того не переставала быть терпимой. Вспыхнувшія въ первое десятилѣтіе семнадцатаго вѣка междоусобныя войны имѣли слѣдствіемъ изданіе, въ 1614 году, повелѣнія о высылкѣ христіанъ изъ страны, и исповѣданіе христіанской вѣры было окончательно воспрещено послѣ возвращенія эмиссара, посланнаго въ Европу для собранія на мѣстѣ свѣдѣній о религіяхъ западныхъ народовъ. Осужденные за вѣроотступничество, католики на островѣ Кіусіу возмутились въ 1638 году, но были побѣждены и перебиты безъ всякой пощады; тогда-то тысячи несчастныхъ христіанъ были ввергнуты въ море и въ жерло вулкана Унзенъ, близъ города Нагасаки. Въ 1640 году четверо португальскихъ пословъ, прибывшихъ изъ Макао, были преданы смерти какъ христіане, съ большей частью людей ихъ свиты. Тринадцать матросовъ съ ихъ корабля были отосланы на родину съ слѣдующимъ грознымъ предостереженіемъ: «Пока солнце освѣщаетъ землю, пусть ни одинъ христіанинъ не дерзаетъ являться въ Ниппонъ. Да будетъ вѣдомо о томъ всѣмъ и каждому! Если бы испанскій король персонально или богъ христіанъ, самъ великій Шакіи (то-есть Будда), вздумали нарушить этотъ заговоръ, то мы велѣли бы снести имъ голову».

---

[1]) Максъ Мюллеръ, „Засѣданіе Парижской академіи надписей и словесности 23 сентября 1881 г.“.

[2]) Mohnicke, „Die Japaner“.

[3]) Griffis;—Satow;—Rein.

[4]) Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japan“.

[1]) Дате Масамуне, князь Сендая (1567 — 1673 г.) Прим. ред.

[2]) Charlevoix, „Histoire du Japon“.

[3]) „Annales de la propagation de la Foi“, 1868.

Однако, нѣкоторое число католиковъ сохраняли свою вѣру въ захолустьяхъ, въ деревняхъ, удаленныхъ отъ центровъ населенія; во время революціи 1867 года четыре тысячи за то, что отказались участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ въ честь микадо, и не получили позволенія вернуться на родину даже послѣ вѣроотступничества, такъ что освобож-

Горожане Токіо.

этихъ христіанъ были сосланы на архипелагъ Гото [1]) и на другіе острова морскаго прибрежья деніе ихъ изъ ссылки состоялось только по настоянiямъ европейскихъ посланниковъ. Тѣмъ не менѣе пропаганда христіанства въ настоящее время производится свободно въ портовыхъ го-

[1]) Въ настоящее время жители острова Гото почти всѣ католики. Прим. ред.

родахъ, открытыхъ иностраннымъ кораблямъ, и правительство разрѣшаетъ преобразованіе буддійскихъ храмовъ въ католическія или протестантскія церкви. Англійскіе и американскіе миссіонеры выказываютъ наибольшее рвеніе въ этомъ дѣлѣ прозелитизма, хотя нельзя скрыть того факта, что въ 30 лѣтъ усилій они достигли лишь весьма незначительныхъ результатовъ. По Кристлибу [1]), въ 1879 году число туземныхъ христіанъ въ Японіи было слѣдующее:

Римско-католиковъ — 4.000; православныхъ—3.000 (по Касаткину 5.000); протестантовъ различныхъ сектъ—7.500.

По свѣдѣніямъ, даваемымъ японской «The Japon Weekly Maie». число христіанъ японцевъ въ странѣ въ 1897 году было:

Протестантовъ—38.710 челов. (кромѣ пресвитеріанъ, число коихъ неизвѣстно); католиковъ—52.177; православныхъ—23.153; число миссіонеровъ: протестантовъ — 680; католиковъ—96; православныхъ—11.

Число миссіонерскихъ школъ и количество обучаемыхъ въ нихъ:

Протестантскихъ: начальныхъ школъ — 105 съ 6.831 ученик.; среднихъ—15 съ 1.520; женскихъ—47 съ 2.527; воскресныхъ—837 съ 30.627; духовныхъ—17 съ 233 челов.

Православныхъ: начальныхъ—2 съ 69 чел.; среднихъ—1 съ 53; женскихъ—1 съ 77; духовныхъ—1 съ 11 челов.

Католическихъ: начальныхъ—4 съ 2.982; промышленныхъ—29 съ 622; высшихъ 2 съ 206; женскихъ—3 съ 180; духовныхъ—1 съ 42 челов. [1])*.

Съ другой стороны, буддійскіе жрецы, принадлежащіе по большей части къ «протестантской» сектѣ мантопстовъ, которая отвергаетъ безбрачіе и умерщвленіе плоти, предпринимаютъ поѣздки въ Европу съ спеціальной цѣлью найти тамъ аргументы противъ христіанства и обратить ихъ противъ самихъ миссіонеровъ. Большая часть подобныхъ сектъ, число которыхъ весьма значительно, каковы общество «Бѣдныхъ братьевъ», общества «Единомыслящихъ», «Недовольныхъ», «Морскихъ водорослей» и разныя другія, подвергались лишь косвенно вліянію европейцевъ и занимаются болѣе обновленіемъ соціальнаго строя, чѣмъ измѣненіями культа. Видя авантюристовъ, которые высаживаются въ ихъ порты, японцы въ массѣ не научаются уважать религію иностранца: «Дерево, говорятъ они, должно познавать по его плодамъ».

Суровость климата, въ особенности частые туманы и недостатокъ солнечнаго свѣта, не позволили земледѣльцамъ селиться ни на Курильскихъ островахъ, ни въ большомъ четыреугольникѣ, который образуетъ сѣверная часть острова Іессо, и никакая спеціальная промышленность не получила достаточно важнаго значенія, чтобы привлечь туда многочисленныхъ колонистовъ. Въ 1897 году все населеніе Курильскихъ острововъ состояло изъ 1.820 постоянныхъ жителей [1]), не считая промышленниковъ, пріѣзжающихъ на временныя рыболовныя и звѣроловныя станціи, которыя заведены японцами на островахъ Кунашпрѣ и Итурупѣ; но сѣверные острова остаются и до сихъ поръ почти пустынными, благодаря тому, что населеніе ихъ водъ было будто бы нѣкогда истреблено русской компаніей Филиппеуса, до уступки архипелага Нипону; только три изъ сѣверныхъ Курильскихъ острововъ имѣютъ нѣсколько хижинъ, — Сумшу, Унекатанъ и Синскатанъ; 72 жителя — такова была въ 1875 году общая цифра населенія этихъ трехъ острововъ. Главная масса острова Іессо почти необитаема во внутренней части, и группы лачугъ, называемыя громкимъ именемъ городовъ, какъ Сойя, на берегахъ Лаперузова пролива противъ Сахалина, Сибецъ и Неморо, напротивъ острова Кунашира, въ дѣйствительности не что иное, какъ рыбачьи деревушки. Городское населеніе, впрочемъ, весьма значительно въ сравненіи съ населеніемъ всего края, сосредоточилось въ городахъ юго-западной области, гдѣ климатъ умѣреннѣе, и гдѣ матеріальныя средства всякаго рода гораздо болѣе многочисленны, нежели въ сѣверной области.

Столица острова, Саппоро (Сацпоро), расположенная въ широкой аллювіальной равнинѣ, по которой протекаютъ рѣка Ишикари и ея притоки, есть городъ, построенный по американскому образцу въ 1870 году и снабженный даже «Капитоліемъ», стараніями кайтакуси или «колонизаціоннаго бюро»; профессора, прибывшіе изъ Соединенныхъ Штатовъ, основали тамъ школу земледѣлія, устроили древесные питомники и образцовыя фермы; участки земли въ окрестностяхъ были розданы тысячѣ солдатъ, переселившихся сюда со своими семьями. Саппоро уступаетъ по важности рыбопромышленному городу Ишикари, построенному при устьѣ рѣки, въ которую лососина заходитъ густоскученными стаями; въ 1860 году тамъ наловили около 1.200.000 штукъ этой рыбы. Большія суда не могутъ переходить баръ, гдѣ глубина воды измѣняется отъ 2 до 3 метровъ смотря по времени года; жете, построенныя въ надеждѣ углубить фарватеръ, оказались безполезными.

На морскомъ берегу, который тянется къ западу отъ Ишикари, городъ Отару (Отарунай), портъ столицы края, съ которой онъ соединенъ желѣзной дорогой, тоже ведетъ отпускную торговлю рыбой, отправляя этотъ продуктъ даже въ Китай: тамъ ежегодно сушатъ около шести милліоновъ семги, а сельди сотнями тысячъ употребляются на приготовленіе искусствен-

[1]) Christlieb, „Missions Evangéliques".
[2]) „The Japon Weekly Maie", 1898 г.
[1]) „Résumé statistique", 1898.

наго удобренія [1]). На юго-западѣ, на берегу другой бухты, находится портъ Иванай, откуда вывозятъ каменный уголь, добываемый изъ сосѣднихъ копей. Гораздо болѣе населенъ морской берегъ, обращенный на югъ, и на который ведетъ дорога, огибающая массивъ горъ на югѣ отъ Саппоро: на этомъ берегу находятся города Сару, обладающій каменноугольными копями, Юбуцъ, сборный пунктъ японскихъ рыболововъ, и мѣстечко Мороранъ, военно-морской портъ, расположенный на берегу глубокой бухты Едомо (Эндомо, Эндермо), которая имѣетъ не менѣе 8 метровъ на порогѣ бара, при низкомъ стояніи воды: это мѣсто посадки на суда для путешественниковъ, которые переѣзжаютъ чрезъ Бухту вулкановъ, чтобы отправиться съ острова въ собственномъ смыслѣ на полуостровъ Осима и въ городъ Хакодате, построенный полукругомъ на песчаномъ перешейкѣ, вдоль берега одного изъ самыхъ безопасныхъ рейдовъ во всемъ свѣтѣ.

Открытый иностранной торговлѣ съ 1854 г., портъ Хакодате, откуда можно видѣть, въ ясную погоду, горы главнаго острова, много выросъ въ половины текущаго столѣтія; населеніе его увеличилось, около сотни европейцевъ поселились въ немъ, рядомъ съ японцами и китайцами. По послѣднимъ даннымъ въ Хакодате проживаетъ 85 иностранцевъ изъ которыхъ 12 китайца [2]), населеніе же вообще достигаетъ 90.821 чел. [3]). Китоловы, ходящіе на промыслъ въ Охотское море, избрали этотъ городъ своимъ сборнымъ мѣстомъ; рейдъ каждый годъ посѣщается японской военной флотиліей, но собственно внѣшняя торговля порта незначительна, такъ какъ туземные пароходы захватили въ свои руки почти всю перевозку товаровъ и устранили конкурренцію иностранныхъ судовъ (цѣнность внѣшней торговли Хакодатскаго порта въ 1895 году: 908.750 дол.). Одинъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли Хакодате составляетъ кампу или морская капуста, съѣдобный водоросль, который вырываютъ длинными ремнями (отъ 6 до 12 метровъ длины) и сушатъ на песчаныхъ берегахъ, прежде чѣмъ отправлять въ порты главнаго острова и южнаго Китая [4]). Красивые загородные дома разсѣяны по скатамъ холма (въ 300 метровъ высотою), который господствуетъ надъ входомъ въ Хакодатскій рейдъ и надъ перешейкомъ, по берегу котораго расположенъ городъ. На западномъ берегу острова Іессо, городъ Іезаси — тоже многолюдный центръ, тогда какъ Мацмай или Фукуяма, самый южный городъ этого острова, лежащій у входа въ Сангарскій проливъ, пришелъ въ упадокъ со времени уничтоженія феодальнаго порядка; онъ пересталъ быть резиденціей маленькаго удѣльнаго двора и не пользуется торговыми выгодами, какія обезпечены городу Хакодате международными трактатами, открывшими этотъ портъ иностраннымъ кораблямъ; при томъ же мѣсто якорной стоянки въ Мацмаѣ неудобное, и суда подвергаются тамъ сильной качкѣ, когда дуетъ южный вѣтеръ.

Главные города на островѣ Іессо суть:

Хакодате—70.821 (въ 97 г.) жит.; Немуро 20.227 (въ 97 г.) Сару — 18.000; Іезаси — 17.500; Мацмай—16.000; Отару (Отарунай)—50.717 (въ 97 г.); Саппоро (Сапноро)—33.87 жит. (въ 1897 г.) [1]).

Сѣверная оконечность главнаго острова Ниппона или Хондо слабо населена: какъ и островъ Іессо, она не имѣетъ рисовыхъ полей и частью получаетъ свое продовольствіе съ юга. Вслѣдствіе этого, города рѣдки въ этой области; жители скучены многочисленными общинами лишь въ долинѣ рѣки Китаками, принадлежащей уже къ поясу культуры риса.

Аомори, на южномъ берегу широкой бухты, образующей вырѣзку въ сѣверной части континента, составляетъ конечный портъ Хондо и обязанъ нѣкоторой важностью движенію путешественниковъ, которые садятся тамъ на суда, отправляющіяся въ Хакодате. Хиросаки, бывшая столица обширнаго княжества,—болѣе значительный городъ; но нужно проѣхать болѣе 120 километровъ на юго-западъ или на юго-востокъ отъ этого города, прежде чѣмъ встрѣтить другіе довольно оживленные центры населенія: таковы города Кубата или Акита, при впаденіи рѣки Мимоно-гава въ Японское море, и Моріока, на верхнемъ теченіи рѣки Китаками. Въ этомъ рѣчномъ бассейнѣ разрабатываются богатые мѣдные рудники, и добываемая изъ нихъ руда отправляется на плоскодонныхъ судахъ въ портъ Исиномаки, лежащій при устьѣ рѣки, на берегу Сендайской бухты, усѣянной островами: глубина воды на барѣ при входѣ въ рѣку измѣняется отъ 3 до 4 метровъ. Сендай, большой городъ, окруженный рисовыми полями, который далъ свое имя этой вырѣзкѣ прибрежья, находится въ 15 километрахъ отъ берега моря, но онъ имѣетъ тамъ мѣсто дачной жизни, городокъ Сихогама (Сивокама), расположенный на одной изъ самыхъ живописныхъ бухточекъ, напротивъ архипелага маленькихъ острововъ, поросшихъ соснами и криптомеріями. Товары, отправляемые сендайскими негоціантами, перевозятся на судахъ изъ Сихогамы въ гавань острова Исабама, принадлежащаго къ архипелагу Матсусима, гдѣ они перегружаются на джонки.

На югъ отъ Сендая, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько городовъ, Нигонматсъ, Фукусима и другіе, въ долинѣ рѣки Абукма, насе-

[1]) Saint-John, „Journal of the Geographical Society“, 1872.

[2]) „Chronicle and directory 1897 г.“.

[3]) „Résumé statistique“, 1898.

[4]) Harry Parkes, „Proceedings of the Geographical Society“, 12 февр. 1872.

[1]) Цифровыя данныя, относящіяся къ 1897 году, даны согласно Японскому оффиціальному изданію „Résumé statistique de L'empire du Japon“, 1898 г. Прим. ред.

леніе которыхъ съ успѣхомъ занимается шелководствомъ; но самые многолюдные города, какъ-то: Іонезава, Ямагата, господствующій надъ окрестными полями и селеніями съ высоты своего холма, Цуругаока (прежде назывался Сіонай), Саката, находятся на западѣ, на покатости Японскаго моря, въ такъ называемомъ «Земномъ раѣ», гдѣ извивается рѣка Могами-гава. Вакаматсъ, главный городъ кена или области, построенъ на той же покатости, къ западу отъ озера Инаваспро и теплыхъ минеральныхъ ключей Хигасима-яма, бьющихъ изъ вулканической разсѣлины. Лѣса окрестностей очень богаты лаковымъ деревомъ, которое утилизируется мѣстными жителями для приготовленія лакированыхъ издѣлій; въ сосѣдствѣ областнаго города существуетъ фарфоровая мануфактура, одно изъ важнѣйшихъ заведеній этого рода во всей Японіи. Ручей или кава этого округа соединяется въ окрестностяхъ Нихигаты съ рѣкой, текущей изъ Спбаты, и съ боковыми потоками другаго, болѣе обильнаго ручья, Синано или «Рѣки тысячи медвѣдей», извилистая долина которой имѣетъ общее направленіе съ юга на сѣверъ. Эта страна одна изъ самыхъ производительныхъ по выдѣлкѣ шелка, доставляемаго дубовымъ шелкопрядомъ и собственно шелковичнымъ червемъ; кромѣ того, жители занимаются культурой лекарственныхъ растеній. Между городами ея есть нѣсколько многолюдныхъ и торговыхъ: таковы Матсумото, въ верхней части долины, Одзія и Нагаока, въ равнинахъ низовьевъ рѣки.

Городъ Ніигата или Нигата, то-есть «Новый прудъ», гдѣ сходящіяся дороги двухъ долинъ соединяются съ «сѣвернымъ трактомъ», носящимъ то же названіе, какъ и округъ Гокроку, обязанъ своимъ довольно важнымъ значеніемъ этой встрѣчѣ торговыхъ путей, на берегахъ судоходной рѣки, по которой поднимаются пароходы. Городъ, перерѣзанный каналами, окруженный широкими аллеями или бульварами, какъ города Голландіи, одинъ изъ самыхъ чистенькихъ городовъ Японіи и въ то же время одинъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ наибольшее число школъ; такъ же, какъ большая часть другихъ многолюдныхъ центровъ холоднаго ската острова, Ніигата отличается отъ населенныхъ центровъ восточной и южной частей своими широкими навѣсами, подъ которыми прохожіе укрываются лѣтомъ отъ солнца и дождя, а зимой отъ обильныхъ снѣговъ. Ніигата принадлежитъ къ числу портовъ Японіи, открытыхъ иностранной торговлѣ, но движеніе его торговаго обмѣна моремъ незначительно; баръ, загораживающій входъ въ рѣку, и вѣтры, которые во время зимнихъ мѣсяцевъ часто дуютъ съ страшной силой, дѣлаютъ его подступы очень опасными; суда должны становиться на якорь передъ баромъ, въ открытомъ морѣ, на разстояніи почти 2 километровъ отъ берега, и при томъ на дурномъ песчаномъ днѣ; съ берегомъ они могутъ сообщаться не иначе, какъ посредствомъ плоскодонныхъ сампановъ. Вслѣдствіе этого, ранѣе, до проведенія желѣзной дороги, почти всѣ произведенія богатой Ніигатской равнины, лакированныя издѣлія, рисъ, шелкъ, чай, пенька, жаньшэнь, индиго, каменный уголь, асфальтъ, должны были быть отправляемы въ Токіо по скернымъ горнымъ дорогамъ. Одинъ приморскій городъ, лежащій въ пятидесяти километрахъ къ юго-западу, Терадомари, хотѣлъ было замѣнить Ніигату въ качествѣ экспедиціоннаго порта, отнявъ у нея ея главную рѣку, Цикуму или Шинано-гаву. Такъ какъ эта рѣка проходитъ въ десяти километрахъ къ востоку, по другую сторону порога, образуемаго рядомъ невысокихъ холмовъ, то возъимѣли мысль прорыть каналъ, чтобы отвести Шинано-гаву и заставить ее изливаться прямо въ море при городѣ Терадомари. Даже въ настоящемъ своемъ видѣ Ніигатскій портъ все-таки есть лучшая гавань на этомъ берегу, благодаря тому, что лежащій напротивъ островъ Садо частью защищаетъ его отъ вѣтровъ и волненія моря; поэтому правительство обращалось ко многимъ инженерамъ, англійскимъ, голландскимъ, американскимъ, японскимъ, спрашивая ихъ мнѣнія относительно устройства глубокаго фарватера при помощи жете параллельныхъ или сходящихся [1]). Другіе приморскіе города этого прибрежья, на сѣверѣ—Мураками, на югѣ—Терадомари, Касивазаки, Имаматси, портъ города Такаты, откуда вывозятъ шелкъ, канаты, шелковую бумагу и въ особенности жань-шэнь, предоставляютъ судамъ еще менѣе безопасные рейды. Съ высоты дюнъ, отдѣляющихъ городъ Ніигату отъ моря и укрѣпленныхъ насажденіями сосенъ, можно разглядѣть, въ ясную погоду, горы острова Садо, имѣвшаго прежде весьма важное значеніе, благодаря богатству его золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, разрабатываемыхъ уже въ теченіе многихъ вѣковъ въ окрестностяхъ Айкавы, главнаго города острова. Обороты внѣшней торговли Ніигатскаго порта въ 1895 году простирались до 57.240 дол.

На берегу большой бухты, защищаемой съ западной стороны длиннымъ мысомъ Ното, сгруппировано нѣсколько торговыхъ городовъ, какъ-то: Увотсъ, Синъ-минато, Тояма, Такаока, обогащаемый производствомъ бронзовыхъ издѣлій. На юго-западѣ, Каназава (Исикавакенъ), большой городъ, расположенный среди богатыхъ плодородныхъ полей, въ 8 километрахъ отъ моря,—тоже мануфактурный центръ, славящійся своими рѣзными бронзами, разрисованными фарфорами, дорогими матеріями; здѣсь устроены обширныя мастерскія, приводимыя въ движеніе паромъ, для мотанія шелка;

[1]) Ніигатскому порту придется играть еще болѣе важную роль при окончаніи сплошнаго пути черезъ Сибирь къ Владивостоку. Прим. ред.

многіе промышленные центры, каковы Комацъ и Микава, составляютъ, такъ сказать, свиту Коназавы. Мѣстечко Такаматсъ служитъ портомъ для Каназавы и вообще для всей окрестной промышленной области, надъ которой господствуютъ, съ южной стороны, покрытые снѣгомъ скаты Сиро-яма (Хиро-яма) или Бѣлой горы. Такаяма и другіе внутренніе города важны главнымъ образомъ какъ рынки земледѣльческихъ мышленностью, выдѣлкою суконъ, бумаги и папиросъ, есть первый приморскій городъ, который мы встрѣчаемъ на этомъ берегу, среди аллювіальныхъ равнинъ, которыя рѣка Накагава отложила при устьѣ, въ бывшемъ заливѣ, превратившемся теперь въ озеро. Населеніе сгруппировалось въ болѣе значительныя агломераціи въ плодородной равнинѣ, которую орошаютъ воды Тоне-гава и ея притоковъ, на сѣ-

Токіо.—Колоссальный колоколъ въ кварталѣ Шиба.

произведеній. На югѣ, другой портъ, Сакаи, ведетъ отпускную торговлю произведеніями сельскагохозяйства и промышленности, привозимыми изъ сосѣднихъ городовъ, Охоно, Маруока, Фукуй.

Къ югу отъ богатыхъ Сендайскихъ равнинъ совсѣмъ нѣтъ многолюдныхъ городовъ на всей каменистой части морскаго прибрежья, которую большая и желѣзная дороги обходятъ на западѣ. Мито, городъ, пришедшій въ упадокъ, гдѣ жители занимаются преимущественно мраморной проверо-западѣ отъ Токіо; эта часть Японіи производитъ лучшіе шелка. Два города, Такасаки и Маебаси, прославились своей шелковой промышленностью; въ одномъ изъ сосѣднихъ съ Маебаси мѣстечекъ, въ Томіока, японское правительство основало образцовую шелкопрядильню, на которой вначалѣ работы производились подъ руководствомъ европейскихъ мастеровъ, выписанныхъ изъ Ліона: это—важнѣйшая и величайшая въ имперіи шелковая фабри-

ка, благодаря получаемымъ ею казеннымъ субсидіямъ. Въ долинѣ одного притока Тоне-гавы, на склонахъ вулкана Сирана-яма, около мѣстечка Кусатсъ, бьютъ изъ земли горячіе сѣрнистые ключи, имѣющіе температуру отъ 43 до 72 градусовъ; на эти воды пріѣзжаютъ въ большомъ числѣ несчастные, страдающіе накожными болѣзнями. Низменная область озеръ, болотъ и полузатопленныхъ земель, по которой протекаетъ нижняя Тоне-гава по принятіи притока, спускающаго изъ долины Никко черезъ лѣса криптомерій, представляетъ слишкомъ нездоровую мѣстность, чтобы быть также густо населенной, какъ равнины, лежащія выше по рѣкѣ; главный городъ ея Чоши или Шоси, близъ устья рѣки; она тоже имѣетъ довольно оживленный портъ на сѣверной оконечности бухты Іеддо: это приморскій городъ Фунабаши, бывшій нѣкогда японскимъ «Монако» по существовавшимъ въ немъ игорнымъ домамъ.

Токіо (Токей), нынѣшняя столица и многолюднѣйшій городъ Японской имперіи, назывался прежде Іедо или Іеддо, то-есть «Воротами залива»; теперешнее его имя, синонимъ китайскаго слова дунъ-цзинъ, означающаго «восточную столицу», ведетъ свое начало съ 1869 года, эпохи, въ которую онъ сдѣлался резиденціей микадо. Еще въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, въ этой области существовали только рыбачьи и земледѣльческія селенія, когда Іеасъ, основатель послѣдней династіи сіогуновъ, построилъ тамъ свой замокъ. Въ правленіе третьяго изъ его преемниковъ Іемицзу всѣ дайміосы получили приказъ имѣть пребываніе въ Іеддо въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году и оставлять тамъ свои семейства и большую часть своихъ слугъ и свиты, и такимъ образомъ многочисленная толпа дворянъ, солдатъ, чиновниковъ и служителей поселилась вокругъ холма, на которомъ раскинулся сіогунскій дворецъ. Въ то же время и торговля, которая всегда была значительна на берегахъ бухты Іеддо, стала средоточиваться въ новомъ городѣ. Въ половинѣ текущаго столѣтія, то-есть въ эпоху высшаго процвѣтанія Іеддо, населеніе города несомнѣнно превышало милліонъ душъ, быть можетъ доходило до полутора милліона, считая въ томъ числѣ 800.000 воиновъ, и дворовыхъ людей дайміосовъ [1]); нѣкоторые писатели утверждали даже, что въ стѣнахъ столицы сіогуновъ было собрано не менѣе двухъ съ половиною милліоновъ жителей [2]). Междоусобная война, отъѣздъ большаго числа князей, въ сопровожденіи всей ихъ дворни, коммерческія катастрофы, бывшія слѣдствіемъ пожаровъ и рѣзни, превратили часть Токіо въ пустыню; но по возстановленіи мира, городъ постепенно снова населился, и онъ имѣетъ не менѣе постоянныхъ жителей, чѣмъ сколько имѣлъ подъ управленіемъ сіогуновъ. Его роль столицы обезпечиваетъ ему въ то же время преобладаніе въ отношеніи торговли и промышленности.

Пространство, заключенное въ чертѣ укрѣпленій Токіо, равняется 215 □ версты. Онъ расположенъ на краю топкихъ илистыхъ береговъ, у сѣверо-западной оконечности бухты того же имени и при устьѣ Сумида-гавы, соединяющейся съ одной изъ вѣтвей Тоне-гавы, съ Іеддо-гавой. Съ трехъ сторонъ на югѣ, на западѣ и на сѣверѣ, Токіо окруженъ невысокими лѣсистыми холмами; въ центрѣ города, на плоской горѣ, опоясанной сѣрыми каменными стѣнами и обведенной рвомъ около 6 верстъ въ окружности, стоитъ Онъ-сиро или «благородный замокъ», который въ древности былъ резиденціей сіогуновъ, а потомъ до 1889 года сдѣлался мѣстопребываніемъ микадо [1]). Бывшія жилища дайміосовъ, выстроившіяся вокругъ царскаго дворца, преобразованы по большей части въ министерства, въ присутственныя мѣста, въ учебныя заведенія, и только за чертой этого центральнаго города начинается городъ въ собственномъ смыслѣ. На восточной сторонѣ, между замкомъ и устьемъ рѣки, находится самая оживленная часть торговаго квартала: тамъ стоитъ Ниппонъ-баши или «мостъ восходящаго солнца», принимаемый за центръ путей сообщенія Японіи; отъ этого пункта считаются всѣ разстоянія на дорогахъ имперіи. Въ той части японской столицы, гдѣ кипитъ самая оживленная торговая дѣятельность, видъ бульвара Гинза или «Серебряная сѣдалища» напоминаетъ уже видъ европейскихъ городовъ: тутъ на небольшомъ пространствѣ выстроился непрерывный рядъ красивыхъ домовъ изъ кирпича; въ другихъ мѣстахъ, сады, плантаціи чайнаго и шелковичнаго деревьевъ, группы криптомерій, раздѣляютъ различные кварталы. Изъ 300.000 домовъ Токіо большинство построены еще по старой японской модѣ: приступая къ сооруженію дома, прежде всего строятъ крышу изъ черныхъ черепицъ съ бѣлыми крапинками, затѣмъ эту кровлю кладутъ на толстые столбы, между которыми вставляются, въ видѣ перегородокъ, деревянныя рамы, обтянутыя бумагой, и выдвижныя стѣнки. Днемъ эти домики, похожіе какъ двѣ капли воды, одинъ на другой, открыты настежь на улицу, такъ что прохожій можетъ видѣть внутри камидану, то-есть святые образа и таблички предковъ, помѣщенные на почетной этажеркѣ. Въ странѣ, какъ Японія, гдѣ землетрясенія часты, эти домики изъ бамбука и картона, съ передвижными стѣнами представляютъ гораздо меньше опасности, нежели массивныя камен-

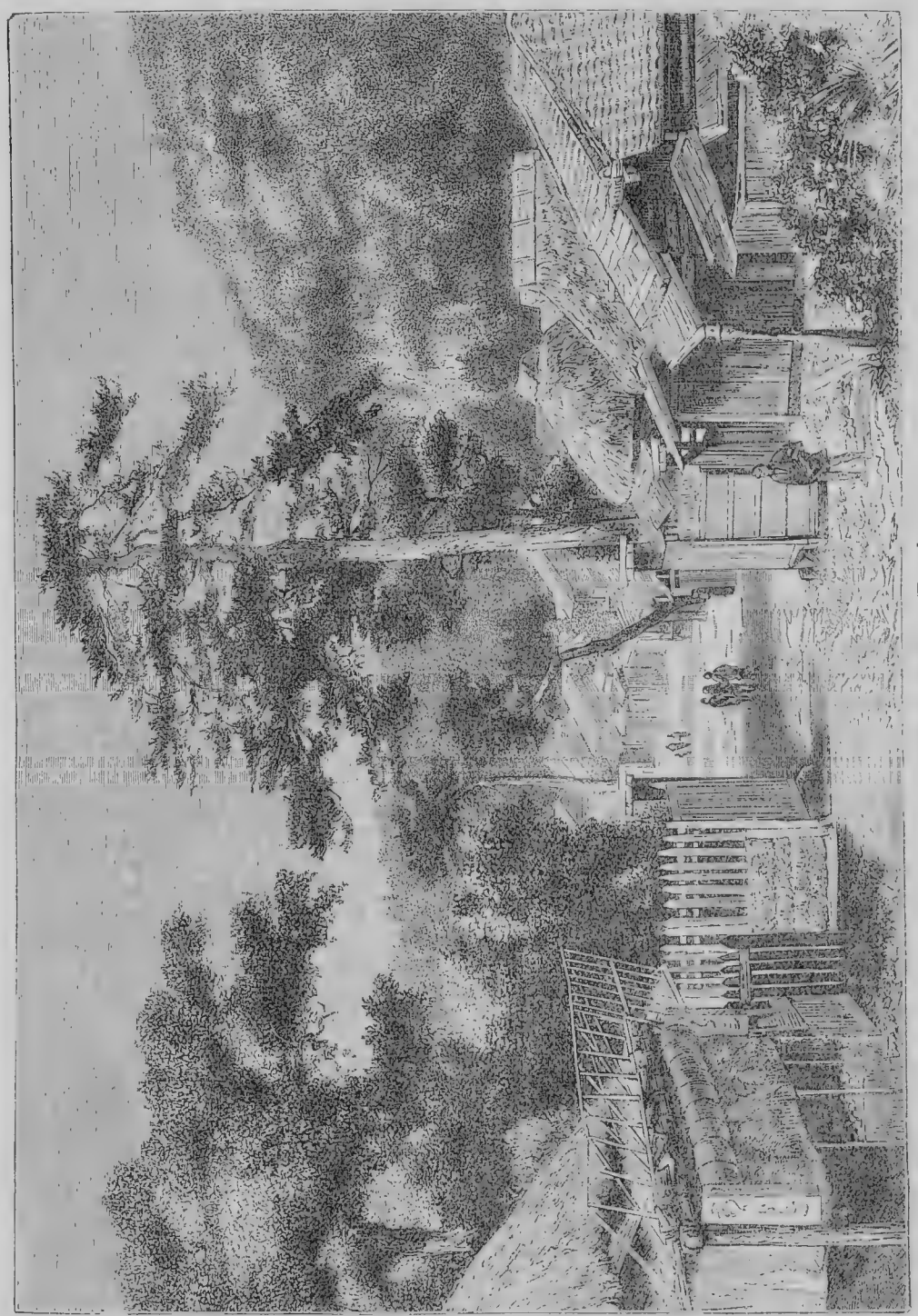
[1]) Rodolf Lindau, „Handelsbericht über Japan“.

[2]) Masana Maedan, „Revue Scientifique“, 10 авг. 1878 г.

[1]) Въ 1889 году императоръ переѣхалъ въ новый дворецъ. Прим. ред.

ныя постройки, но за то шальная искра можетъ въ одно мгновеніе спалить эти легкія жилища, такъ сказать, заранѣе обреченныя на истребленіе пожаромъ. Утверждаютъ, что средняя продолжительность ихъ существованія не

ихъ въ амбаръ изъ битой глины, съ желѣзными ставнями и дверями, построенный въ сосѣдствѣ съ домомъ, на случай катастрофы. Въ 1879 году одинъ пожаръ истребилъ до десяти тысячъ домовъ.



Одоваро близъ Токіо.

превышаетъ шести лѣтъ: «Огонь—это цвѣтокъ Іеддо», говоритъ мѣстное присловье. При первой тревогѣ, при первомъ крикѣ «пожаръ!», жители хватаютъ цѣнныя вещи и запираютъ

Можно сказать, что Токіо состоитъ изъ сотни мѣстечекъ и деревень, которыя, разростаясь постепенно во всѣ стороны, соединились, наконецъ, въ одинъ городъ, но оставивъ тамъ и

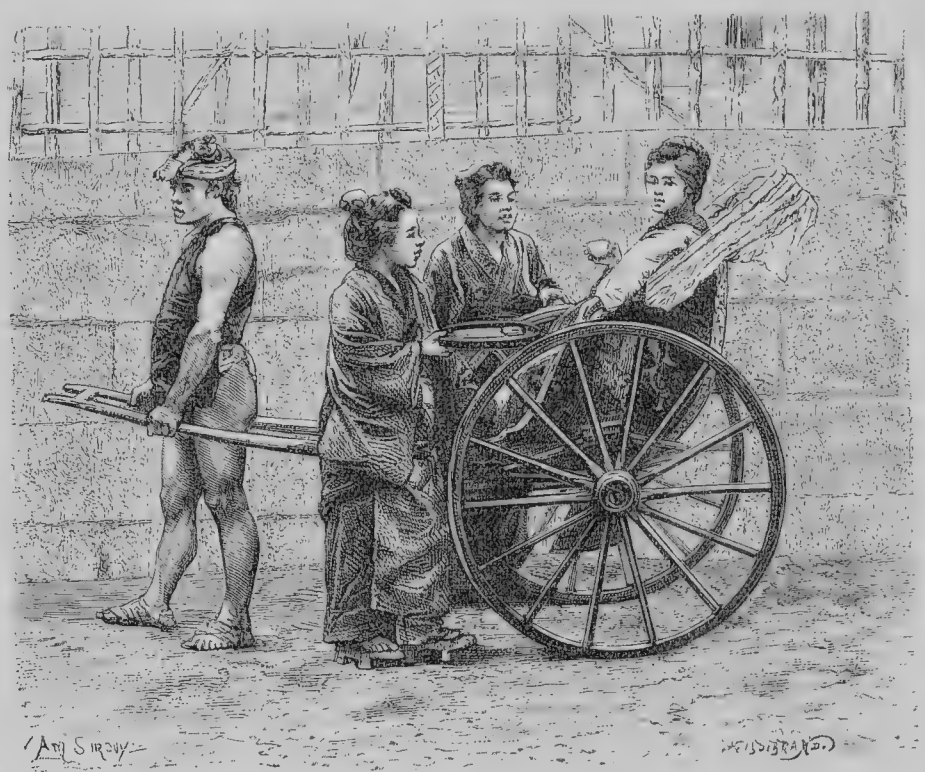
сямъ пустопорожнія пространства, занятыя садами, рощами и полями. Японская столица не имѣетъ общественныхъ зданій, замѣчательныхъ въ архитектурномъ отношеніи; но окружающія дворецъ микадо стѣны, построенныя изъ циклопическихъ камней, увѣнчанныхъ черезъ извѣстные промежутки башнями въ формѣ кіосковъ и поднимающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на тридцать метровъ надъ широкими и глубокими рвами, представляютъ довольно величественное зрѣлище. Ясики, палаццо бывшихъ дайміосовъ, представляютъ низкія строенія, окруженныя стѣнами, украшенныя портиками изъ рѣзнаго дерева. Но самыя любопытныя и наиболѣе разукрашенныя всевозможными орнаментами зданія столицы—это буддійскіе храмы, которыхъ насчитывается болѣе тысячи въ различныхъ частяхъ города, и которые особенно многочисленны въ кварталѣ Асакуса, гдѣ находится, между прочимъ, храмъ богини милосердія Кваннонъ: это наиболѣе посѣщаемое изъ всѣхъ святилищъ столицы; вмѣстѣ съ тѣмъ это самый почтенный памятникъ по соединеннымъ съ нимъ воспоминаніямъ древности, ибо Асакуса по преданію есть тотъ островокъ, гдѣ были воздвигнуты первыя постройки Іеддо, надъ водами залива и болотъ. Окрестные холмы, между которыми самые высокіе—Шиба и Уено, первый на южной, второй на сѣверной сторонѣ города, господствуютъ надъ моремъ домовъ и священныхъ зданій, и сами, въ свою очередь, увѣнчены храмами и гробницами, замѣчательными богатствомъ рѣзьбы на деревѣ, изяществомъ столярной работы, отдѣлкой орнаментовъ, грандіозностью портиковъ или торіи, величиной колоколовъ.

Устроенные на этихъ двухъ холмахъ музеи содержатъ: одинъ — предметы естественной исторіи, другой памятники японскаго искусства и этнографическую коллекцію, чрезвычайно цѣнную для изученія дикихъ народцевъ, живущихъ въ Іессо и на Курильскихъ островахъ. Окружающіе городъ парки, насажденные въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Японіи, столь богатой великолѣпными деревьями. Вокругъ всѣхъ храмовъ листва японскаго клена и салисбюрія перемѣшивается съ иглами сосенъ и криптомерій: азалеи, камеліи раскидываютъ свои пышные гроздья цвѣтковъ вокругъ тонкихъ стрѣлокъ бамбуковъ. Кладбища, изъ которыхъ, одно расположенное при холмѣ Шиба, заключаетъ, между прочимъ, гробницы и изображенія упомянутыхъ выше сорока семи ронновъ, — изображенія, полныя силы и драматическаго эффекта,—составляютъ въ то же время тѣнистыя и цвѣтущія мѣста гулянья. Въ подражаніе европейскимъ столицамъ, Токіо, который со всѣхъ сторонъ окруженъ садоводственными заведеніями, не примнулъ обзавестись также ботаническимъ садомъ, и изъ всѣхъ существующихъ садовъ этого рода японскій есть безспорно одинъ изъ самыхъ любопытныхъ. Но Токіо, столь богатый гульбищами и увеселительными мѣстами, не имѣетъ площадей, гдѣ могла бы собираться толпа. Такъ какъ въ прежнее время народъ былъ исключенъ изъ политической жизни, составлявшей привилегію дворянъ и ихъ васаловъ, то японскіе города не нуждались въ мѣстахъ для народныхъ собраній; гдѣ нѣтъ гражданъ въ настоящемъ значеніи слова, тамъ форумъ безполезенъ сказалъ,—одинъ изъ очевидцевъ старой Японіи, но не прошло и 20 лѣтъ, какъ мы видимъ въ имперіи уже введеніе конституціи (въ 1889 году), а въ 1890 году открытъ перламентъ [1]).

Европейскихъ резидентовъ, поселившихся на постоянное жительство въ Токіо, всего 807 человѣкъ [2]), однако городъ имѣетъ довольно оживленный видъ. Болѣе двадцати пяти тысячъ дженерикша или курума, ручныхъ колясокъ, возимыхъ рабочими, безпрестанно снуютъ по большимъ улицамъ, заключающимся между замкомъ и берегомъ; каналы, пересѣкающіе нижній городъ во всѣхъ направленіяхъ, покрыты судами, которыя выгружаютъ свои товары въ устроенные по берегамъ склады; рѣка Сумидагава, черезъ которую построено пять мостовъ, соединяющихъ Токіо съ его главнымъ предмѣстьемъ Хонджо, исчезаетъ во многихъ мѣстахъ подъ множествомъ джонокъ всевозможныхъ формъ, гондолъ и яхтъ, гонимыхъ вѣтромъ или приливомъ. Но бухта, гдѣ построены форты на искусственныхъ островкахъ, имѣетъ такую незначительную глубину въ сосѣдствѣ Іеддо, что по ней могутъ плавать только джонки да небольшія буксирныя суда. Настоящій портъ находится на югѣ, передъ предмѣстьемъ Сингава (Торговая рѣка), и большіе купеческіе или военные пароходы должны останавливаться въ Іокогамѣ. Вокругъ желѣзнодорожной станціи, построенной въ южной части города, толпится также много народу, какъ и въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ западной Европы; неподалеку отъ станціи находится кварталъ «европейской концессіи», Цскидзи, гдѣ живетъ небольшое число иностранныхъ негоціантовъ. Такъ же, какъ форты рейда, желѣзная дорога построена частью на землѣ, набросанной середи моря, откуда произошло и названіе квартала, означающее «земляную насыпь». Впрочемъ, болѣе половины города построено на грунтѣ, который еще въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія былъ покрытъ водами моря. Это значительное наростаніе дельты насчетъ залива должно быть приписано не наносамъ рѣки Сумида-гава, очень незначительнымъ, а постепенному поднятію почвы которое, по исчисленію Наумана, составляетъ, въ среднемъ, около 27 сантиметровъ въ столѣтіе [3]).

[1]) C. Bousquet, „le Japon de nos jours“.
[2]) „Chronicle and directory“, 1897.
[3]) „Mittheilungen von Petermann“ 1879 г., № 4.

Городъ труда, Токіо, есть главный центръ промышленности, хотя большая часть его произведеній достоинствомъ не могутъ сравняться въ произведеніями Кіото, старой столицы. Въ Токіо существуютъ фабрики шелковыхъ матерій и другихъ тканей, мануфактуры лакированныхъ издѣлій, фаянсовой и фарфоровой посуды, эмальированныхъ вещей, обширныя судостроительныя верфи, мастерскія машинъ, и отсюда запасаются товарами и продуктами всякаго рода города, лежащіе на востокъ отъ озера Бива. Въ то же время Токіо есть столица страны Восходящаго солнца въ отношеніи умственной дѣятельности и литературной промышленности. Университетъ его, высшее учебное заведеніе имперіи, имѣлъ въ 1879 году двѣнадцать иностранныхъ профессоровъ, сорокъ японскихъ преподавателей и около 150 воспитанниковъ, изучающихъ разныя науки: кромѣ того, болѣе двадцати молодыхъ людей содержались на средства этой школы за границей, частью въ Европѣ, частью въ Новомъ свѣтѣ. *Въ настоящее время (1898 г.) число студентовъ возразло до 1.500; лекціи читаются многочисленнымъ штатомъ профессоровъ, на разныхъ языкахъ. Въ университетѣ факультеты: юридическій, медицинскій, инженерный, математическій, агрономическій и филологическій. Большая часть учащихся медики и юристы*. Институтъ инженеровъ, учрежденіе, соединенное въ 1886 году съ университетомъ, построенное по плану одного французскаго архитектора, есть не только самый красивый и наилучше устроенный памятникъ японской столицы, но также одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ училищъ этого рода по богатству его коллекцій и по обилію превосходныхъ учебныхъ пособій, предлагаемыхъ тамъ воспитанникамъ. Главная библіотека Токіо, состоящая изъ 215.559 томовъ [1]), заключаетъ въ себѣ много сокровищъ, между прочимъ, древнѣйшій извѣстный до сихъ поръ санскритскій манускриптъ, относящійся къ 609 году христіанскаго лѣточисленія [2]); другая библіотека обладаетъ уже слишкомъ 20.000 томовъ на европейскихъ языкахъ. Въ числѣ ученыхъ обществъ столицы Ниппона есть также Географическое общество, издающее періодическій бюллетень своихъ трудовъ, и много другихъ ученыхъ обществъ.



Типы и костюмы.—Дженерикша, ручная коляска.

Іокогама, приморскій городъ, который со времени проведенія желѣзной дороги, имѣющей всего только 30 километровъ длины, превратился въ простой пригородъ столицы, былъ въ 1859 году незначительной рыбачьей деревней, когда торговые трактаты, заключенные съ европейцами, сдѣлали его пристанью линій морскаго судоходства: новыя улицы были проложены черезъ болота и рисовыя поля прибрежья.

[1]) Въ томъ числѣ 101.078 европейскихъ сочиненій. (см. „Engineering“ 1897 г.)

[2]) Max. Müller, „Academie des Inscriptions et Belles-Lettres“, 23 сент. 1881 г.

Сначала выбрали было, для международнаго рынка, городъ Канагаву, лежащій верстъ на десять сѣвернѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ большая дорога, называемая Токайдо, поворачиваетъ во внутренность страны; но сосѣдство этой дороги, по которой часто проходили кортежи дайміосовъ, показалось опаснымъ для иностранной колоніи, а съ другой стороны малая глубина порта не позволила бы большимъ судамъ приставать къ берегу. Въ Іокогамѣ, напротивъ, воды глубоки, и пароходы самыхъ большихъ размѣровъ высаживаютъ своихъ пассажировъ на живые мосты, построенные на сваяхъ. Городъ занимаетъ уже обширное пространство земли, и европейскіе негоціанты, американцы (въ 1895 году въ Іокогамѣ насчитывалось 1.745 европейцевъ и американцевъ), китайцы (1.808 человѣкъ) производятъ тамъ значительную торговлю произведеніями страны,—чаемъ, шелкомъ, рисомъ, камфорой, лакированными издѣліями, — которыя обмѣниваются, главнымъ образомъ, на мануфактурные товары западныхъ государствъ. Торговое движеніе Іокогамы въ 1895 г. выразилось слѣдующими цифрами:

Цѣнность привоза — 56.095.830 долларовъ; вывоза — 84.791.634 дол.; общій оборотъ — 140.887.464 дол.

На югѣ отъ Іокогамы, другая бухта, называемая Іокоска (Якоска), верфь японскаго военнаго флота, и на берегахъ ея расположены строенія морскаго арсенала. Въ этой мѣстности ботаникъ Саватье производилъ свои изслѣдованія, имѣющія важное значеніе для изученія флоры Японіи. Главный военный лагерь и штабы войскъ, квартирующихъ въ окрестностяхъ столицы, расположены въ другой части городскаго округа, близъ укрѣпленнаго города Сакура, между дельтами рѣкъ Тоне-гава и Сумида-гава, около основанія полуострова Авакидзуса. Французскіе офицеры руководили устройствомъ полигона, постройкой казармъ и арсеналовъ. На сосѣднемъ плато, извѣстномъ подъ именемъ Токіо-синде или «Новый Токіо», находится земледѣльческая колонія, въ которой правительство поселило бродягъ и занимавшихся контрабандной торговлей купцовъ изъ столицы, давъ имъ домъ и земли; но большая часть поселенцевъ дезертировали [1]).

Бухта, врѣзывающаяся въ морское прибрежье между Іокогамой и Іокоской, носитъ названіе Каназава; на берегу этого залива пріютился, въ очаровательной мѣстности, городокъ того же имени, который въ четырнадцатомъ столѣтіи обладалъ лучшимъ во всемъ государствѣ книгохранилищемъ, а въ настоящее время славится своимъ садомъ древовидныхъ піоновъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ 300 лѣтній возрастъ. Въ 24 километрахъ къ юго-западу отъ Іокогамы, близъ восточнаго берега бухты Сагами, видны остатки того, чѣмъ былъ нѣкогда городъ Камакура, построенный, какъ гласитъ легенда, на мѣстѣ бывшаго озера и сдѣлавшійся столицей страны Восходящаго солнца въ двѣнадцатомъ и въ началѣ тринадцатаго столѣтій. Разрушенный въ 1333 году во время междоусобной войны, онъ такъ и не оправился отъ этого бѣдствія, и въ то время, какъ возвеличивался Іеддо, его сосѣдъ, онъ оставался простой деревней. Но окружающая почва повсюду хранитъ свидѣтельства древняго блеска и великолѣпія Камакуры: это руины сотни слишкомъ храмовъ, развалины многочисленныхъ дворцовъ и гробницы, изъ которыхъ одна посвящена памяти 8.300 легендарныхъ героевъ, одновременно лишившихъ себя жизни. Недалеко отъ Камакуры стоитъ знаменитый идолъ Дайбуцза или «великій Будда», въ которомъ японскіе литейщики сохранили индусскій типъ, придавъ ему удивительное выраженіе ясности кротости и величія. Бронзовая статуя имѣетъ не менѣе 13 метровъ (около 7 саженъ) высоты и заключаетъ во внутренности маленькій буддійскій храмъ; куафюра идола изображаетъ улитокъ, которыя, по словамъ легенды, влѣзли на голову Будды, чтобы защитить его голый черепъ отъ солнечнаго зноя; внутри идола винтообразная лѣстница. Недалеко отъ Камакуры священный островокъ Іено-сима (Эно-шима), который въ часы отлива соединяется съ твердой землей посредствомъ песчаной косы, тоже принадлежитъ къ числу святыхъ мѣстъ Японіи, наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами; вмѣстѣ съ тѣмъ это одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Ниппона, одна изъ мѣстностей наиболѣе привлекающихъ иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ на Іено-сима любоваться великолѣпной картиной, которую представляетъ море, берега и покрытый снѣгомъ конусъ вулкана Фузи-яма. На островѣ пещера длиною въ 55, высотою въ 4 сажени.

На востокѣ и на западѣ отъ полуострова Идзу, два города Одовара и Нумандзъ, лежащіе на большой дорогѣ Токандо, имѣютъ нѣкоторую важность какъ каботажные порты, черезъ которые отправляются произведенія плодородной области Фузи-санъ. На югѣ отъ Хаконе, его озера и его, пользующихся извѣстностью, ваннъ, городъ Атами, построенный на берегу маленькой бухты, тоже имѣетъ горячіе источники, изъ которыхъ одинъ бьетъ изъ земли въ видѣ гейзера. На оконечности полуострова Идзу, портъ Симода, имя котораго получило на минуту громкую извѣстность во всемъ свѣтѣ, благодаря морскому землетрясенію, разрушившему этотъ городъ въ 1854 году, утратилъ всякую торговую роль съ той поры, какъ Іокогамскій портъ былъ открытъ для иностранныхъ судовъ и ихъ товаровъ. На сѣверѣ отъ области Фузи-яма, въ плодоносной равни-

[1]) G. Bousquet, „Le Japon de nos jours“.

нѣ, городъ Кофу,—важенъ какъ рынокъ, регулирующій торговлю шелковыми матеріями; онъ имѣетъ шелкопрядильню, устроенную по образцу французскихъ заведеній этого рода. Состоя главнымъ городомъ департамента Аманаши, городъ извѣстенъ прогрессивнымъ направленіемъ своихъ жителей. Въ немъ больше европейскихъ построекъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Японіи. Ботаническій садъ, профектура, нормальная школа, банки, суды, промышленное училище. Около города обширные виноградники. Далѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ города Сидзуока, Хамамацъ, Тойобаси (Іосида), въ сосѣдствѣ береговъ залива, называемаго Тоготоминада.

Городъ, основанный Ота - набунагой, Нагойя—теперь Айтси-кенъ,—расположенный въ прекрасной равнинѣ, которую различныя рѣки постепенно продолжаютъ своими наносами насчетъ бухты Овари, построенъ въ видѣ совершенно правильной шахматной доски. Это четвертый городъ Японіи по численности населенія и одинъ изъ городовъ, отличающихся предпріимчивостью и трудолюбіемъ своихъ жителей; населеніе его занимается производствомъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, эмальированныхъ издѣлій и фарфоровой посуды; въ Нагойѣ основана медицинская школа. Въ немъ еще сохранился старинный замокъ—одно изъ чудесъ Японіи. Приморскіе города Куана и Атсуда, изъ которыхъ послѣдній посѣщается множествомъ пилигримовъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Японіи на поклоненіе его знаменитому святилищу синтоистическаго культа, служатъ портами главному городу провинціи, равно какъ и другимъ городамъ, находящимся въ той же равнинѣ, Касаматсу, Іонаги, Гифу (Имай-джи), Тсу (Ано-тсу), на западномъ берегу той же бухты Овари,—тоже приморскій городъ, посѣщаемый джонками; выдѣлываемый здѣсь синій фарфоръ, называемый оварійскимъ, по имени провинціи, откуда онъ вывозится, — самый распространенный и наиболѣе употребляемый въ Японіи. Далѣе, на полуостровѣ, который загибается на югѣ залива Овари, въ области Исе, находится важный городъ Ямада, близъ котораго стоятъ самыя знаменитыя святилища синтоистическаго культа, Ге-ку и Най-ку, посѣщаемыя ежегодно мріадами пилигримовъ. Эти храмы первоначально были построены, если не три тысячи лѣтъ назадъ, какъ утверждаетъ преданіе, то, по крайней мѣрѣ, въ началѣ христіанской эры; впрочемъ, нынѣшнія зданія составляютъ лишь точное воспроизведеніе древнихъ капищъ. Черезъ каждые двадцать одинъ годъ строенія разрушаются, замѣняются новыми изъ дерева той же породы и покрываются соломой: ничто не измѣняется въ расположеніи, ни во внутреннемъ убранствѣ зданій при этой періодической реставраціи; ни одно изъ буддійскихъ новшествъ, которыми изобилуютъ другія кумирни, не нарушаетъ первобытнаго вида этихъ древнѣйшихъ и высоко чтимыхъ памятниковъ культа синто [1]). Нѣтъ почти ни одного дома въ странѣ Восходящаго солнца, который бы не имѣлъ на своей «табличкѣ боговъ» клочка бумаги, испещреннаго надписями въ память псейскихъ святынь, и какихъ-нибудь вещицъ изъ священнаго дерева того же происхожденія [2]).

У восточнаго входа во внутреннее японское море естественно долженъ былъ возникнуть важный центръ населенія. И дѣйствительно, Вакаяма, построенный при устьѣ рѣки Іосиногава, на сѣверной сторонѣ пролива, которому голландцы дали названіе Линшотенъ,—значительный и торговый городъ; кромѣ того, онъ славится живописностью своего стариннаго замка, плодородіемъ окружающихъ полей и обиліемъ плодовъ, производимыхъ его садами и нивами. Въ той же долинѣ находится монастырскій городъ Коя-санъ, гдѣ насчитываютъ не менѣе 370 буддійскихъ храмовъ и обителей, служившихъ прежде мѣстами убѣжища, куда стекались со всѣхъ концовъ страны преступники и подозрѣваемые въ преступленіи; рѣзьба на деревѣ, произведенія живописи, лакированные орнаменты, украшающіе кумирни Коя-санъ, принадлежатъ къ цвѣтущей эпохѣ японскаго искусства, а священныя рощи, окружающія зданія храмовъ, состоятъ изъ великолѣпнѣйшихъ деревьевъ, такъ что одна изъ самыхъ величественныхъ японскихъ породъ хвойныхъ получила названіе «коясанскаго дерева».

Бассейнъ рѣки Іодо-гава, который заключаетъ въ себѣ озеро Бива, окаймленное по берегамъ «восемнадцатью сотнями деревень», и въ которомъ находятся города Кіото, Нара, Осака, есть по преимуществу историческая область страны Восходящаго солнца. Уже на берегу озера встрѣчаемъ многолюдный городъ Хиконе, бывшую резиденцію дайміоса, который имѣлъ право на управленіе государствомъ во время несовершеннолѣтія сіогуновъ. Къ востоку отъ этого города, получившаго большую извѣстность въ междоусобныхъ войнахъ конца шестнадцатаго столѣтія, находится станція Секихагара, гдѣ Іеясъ одержалъ, въ 1600 году, рѣшительную побѣду, которая положила основаніе могуществу сіогунской династіи Тукугава, уничтоживъ партію, дѣйствовавшую въ союзѣ съ христіанами. Оцзу и Сига-кенъ, расположенные при выходѣ озера, составляютъ вмѣстѣ одинъ городъ, который тоже очень часто оспаривали другъ у друга соискатели власти, а на высотахъ Гіей-санъ, господствующихъ надъ этимъ городомъ съ сѣвера, находятся знаменитыя святилища синтоистическаго культа

[1]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann“, II, 1879 г.

[2]) Ernest Satow;—Isabella Bird;—Мечниковъ и др.

и буддійскіе храмы еще болѣе извѣстные, въ особенности кумирня Міндера, монахи которой вступали въ борьбу съ Ота-набунагой, диктаторомъ имперіи и покровителемъ миссіонера Франциска Ксавье. Оцзу или Оцу, соединенный съ своимъ длиннымъ предмѣстьемъ Зезе,— значительный торговый городъ и составляетъ какъ бы передовой кварталъ города Кіото, съ которымъ онъ сообщается посредствомъ вѣтви желѣзной дороги. Посредствомъ озерныхъ пароходовъ онъ завоевалъ себѣ монополію всего судоходства по Бивѣ, и теперь на этомъ озерѣ уже не увидишь парусныхъ судовъ. Спеціальность города составляетъ фабрикація соробановъ, особаго рода счетовъ или числительныхъ машинокъ. Городъ пріобрѣлъ печальную извѣстность какъ пунктъ, гдѣ было произведено нападеніе на нашего Государя въ 1891 году.

Городъ Кіото, то-есть, «столица», называемый также Міако или «резиденція», Сайкіо или «западная столица», и Гоянзіо, «дворецъ мира и тишины», утратилъ свой высокій рангъ между японскими городами; теперь онъ не болѣе, какъ одинъ изъ трехъ императорскихъ городовъ и только третій по числу жителей; бывъ главнымъ городомъ имперіи въ продолженіе почти одиннадцати столѣтій, онъ развѣнчанъ въ 1868 году въ пользу Іеддо, послѣ революціи, которая измѣнила разомъ правительство, администрацію, иностранную политику и національные обычаи. Населеніе уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину, и цѣлые кварталы сдѣлались почти пустынными. Тѣмъ не менѣе, Кіото, городъ историческій, первопрестольная столица (Японская Москва), все еще остается городомъ красоты, изящества и вѣжливости. Равнымъ образомъ онъ стоитъ выше новой столицы, если не по размѣрамъ промышленной дѣятельности, то по крайней мѣрѣ по достоинству и красотѣ своихъ произведеній. Здѣсь находятся лучшіе въ Японіи мастера по фабрикаціи шелковыхъ матерій, парчей, вышивныхъ тканей всякаго рода, финифтяныхъ издѣлій, фарфоровъ, бронзъ съ украшеніями и другихъ металлическихъ вещей. На восточной сторонѣ города, предмѣстье Авата уже много вѣковъ славится своими семействами горшечниковъ, отборныхъ мастеровъ, корейскаго происхожденія. Не работая на фабрикѣ, они приготовляютъ сами, на дому, массу или тѣсто изъ глины, формуютъ ее, дѣлаютъ украшенія и обжигаютъ; отсюда оригинальность и совершенство ихъ работъ, которыя представляютъ настоящія произведенія искусства [1]). Немногіе города Ниппона могутъ сравниться съ Кіото въ отношеніи правильности и чистоты улицъ, которыя всѣ совершенно прямолинейны и пересѣкаются подъ прямыми углами, какъ улицы городовъ Новаго свѣта. Рѣка Камо-гава развертываетъ полукругомъ свой потокъ чистой воды на восточной сторонѣ города и отдѣляетъ Кіото отъ предмѣстій съ домами, построенными въ безпорядкѣ; въ лѣтніе дни толпа тѣснится на берегахъ этой рѣки, на многочисленныхъ перекинутыхъ черезъ нее мостахъ или даже, когда вода стоитъ низко, на островахъ, разсѣянныхъ по рѣкѣ. Бывшій дворецъ духовныхъ императоровъ или микадо, окруженный большимъ, теперь запущеннымъ садомъ, занимаетъ сѣверо-восточный уголъ города, площадью около 10 десятинъ, тогда какъ Нижо, нѣкогда крѣпкій замокъ сіогуновъ, истинныхъ государей, командуетъ на западѣ центромъ Кіото: въ этомъ замкѣ лѣтомъ имѣетъ пребываніе императорскій дворъ. Нѣкоторые изъ храмовъ представляютъ чудеса архитектурнаго искусства, особенно по изящнымъ рѣзнымъ антаблементамъ портиковъ; здѣшнія кладбища самыя красивыя, самыя живописныя во всей Японіи. Оффиціальная статистика насчитываетъ въ городѣ 945 зданій, воздвигнутыхъ въ честь Будды; между ними есть такія, постройка которыхъ восходитъ къ девятому и десятому столѣтію.

Расположенный въ обширной, очень плодородной равнинѣ, производящей, между другими продуктами, лучшій въ государствѣ чай, Кіото дополняется извѣстнымъ числомъ городовъ, которые зависятъ отъ него въ отношеніи своей промышленности или торговли. Такъ, Фузими, который можно разсматривать, какъ пригородъ Кіото, есть главная его пристань на рѣкѣ Удзи-гава, и пароходы регулярно заходятъ туда; ниже, городъ Іодо, построенный при сліяніи рѣкъ Кицу, Удзи-гава и Камо, изъ которыхъ послѣдняя, въ свою очередь, усиливается другой рѣкою, и которыя вмѣстѣ образуютъ Іодо-гаву или «Лѣнивую рѣку», тоже служитъ гаванью для Кіото. Рѣка Кицу, которая соединяется въ этомъ мѣстѣ съ истокомъ озера Бива, протекаетъ выше черезъ Нару, одинъ изъ древнихъ городовъ Японіи и одну изъ первыхъ императорскихъ резиденцій, замѣчательную своими великолѣпными священными рощами и особенно старымъ паркомъ, населеннымъ уже тысячу лѣтъ прирученными оленями, которыхъ посѣтители кормятъ пирожками, и рога которыхъ употребляются на фабрикацію вещицъ всякаго рода, считаемыхъ тоже священными. Одинъ изъ богатыхъ храмовъ Нары заключаетъ въ себѣ колоссальную статую Дайбуцзы или «Великаго Будды», вылитую изъ бронзы, имѣющую болѣе 16 метровъ ($7^1/_2$ саженъ) высоты и вѣсящую 450 тоннъ (болѣе 27.000 пудовъ); это самый большой идолъ въ Японіи и одинъ изъ самыхъ древнихъ: происхожденіе его относится къ восьмому столѣтію. Одинъ изъ пригородовъ Нары, Касива-бава, есть древній Асивара, столица царства Зинму-Тенно, основателя династіи ми-

[1]) „Catalogue du Musée Guimet“.

кадо. По имени этого села Нипонъ долгое время былъ называемъ Асиварой, то-есть «Долиной мягкихъ тростниковъ« [1]). Недалеко отъ Нары находится другой важный городъ Коріяма.

Кіото соединенъ желѣзной дорогой съ своимъ приморскимъ портомъ, Осакой, украшеннымъ, какъ обѣ столицы, титуломъ фу, то-есть императорскаго города, и сдѣлавшимся вторымъ городомъ Японіи по численности населенія; въ отношеніи же движенія торговли съ внутренней частью страны онъ занимаетъ первое мѣсто. Осака естественно долженъ былъ пріобрѣсти значительную роль между городами Восходящаго солнца. Разсматривая на картѣ Японскій архипелагъ въ совокупности, тотчасъ же замѣчаешь, что часть страны, занимающая наиболѣе благопріятное положеніе, есть прибрежье главнаго острова, омываемое водами Внутренняго моря. Западный берегъ, выставленный холоднымъ вѣтрямъ и дикому волненію моря, обращенъ къ необитаемымъ берегамъ Маньчжуріи. Восточный берегъ смотритъ въ сторону безграничныхъ пустынь океана. Китайскія суда естественно должны были приставать къ южнымъ берегамъ: эта часть японскаго побережья представляетъ тройную выгоду, пользуясь наиболѣе счастливымъ климатомъ, обладая лучшими гаванями и будучи наиболѣе близкой къ странамъ, издревле цивилизованнымъ. Кромѣ того, порты Внутренняго моря имѣютъ тѣ же преимущества, какъ и рынки, лежащіе вдали отъ моря: они находятся въ центрѣ соединенія многочисленныхъ дорогъ. Осака, построенный недалеко отъ восточнаго входа въ Японское средиземное море, на сѣверѣ отъ города Сакаи, которому онъ наслѣдовалъ какъ большой портъ, занимаетъ центральное положеніе относительно всей южной части главнаго острова, и судоходная рѣка приноситъ ему произведенія очень плодородной и многолюдной равнины. На сѣверѣ отъ Осаки находится самый низкій порогъ между двумя морями; ни одна дорога не представляла болѣе удобнаго пути отъ Японскаго моря къ берегамъ Тихаго океана. Въ водахъ сосѣднихъ съ Осакой бури бываютъ рѣдко, и большіе господствующіе вѣтры — юго-западный и сѣверо-западный, препятствующіе каботажному судоходству въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, замѣняются въ этихъ водахъ чередующимися утреннимъ и вечернимъ бризами, которыя облегчаютъ движеніе джонокъ [2]). Такимъ образомъ здѣсь соединены были всѣ условія для того, чтобы обезпечить значительную торговлю осакскому рынку. Правда, что суда большаго водоизмѣщенія могутъ становиться на якорь, въ бухтѣ «быстрыхъ волнъ», лишь въ большомъ разстояніи отъ входа въ мелководные мутные каналы, перерѣзывающіе японскій городъ, но его нагоціанты съумѣли сохранить свои сношенія съ заграничными рынками и вести дѣла черезъ посредство другихъ болѣе глубокихъ портовъ. Равнымъ образомъ съ помощью многочисленныхъ мелко сидящихъ пароходовъ они съумѣли сохранить за своимъ городомъ роль распредѣлителя риса, рыбы, морскихъ водорослей, лѣсныхъ продуктовъ, во всей южной области Японіи; въ этомъ же городѣ приготовляется лучшая саки (рисовая водка). Наконецъ Осака сдѣлался также промышленнымъ центромъ и фабрикуетъ множество издѣлій, которыя японцы получали прежде изъ Европы, и которыя они теперь находятъ у себя дома. Осакскіе фабрикаты даже вывозятся въ большихъ количествахъ за границу; такъ, въ 1877 году, тамошніе купцы отправили болѣе 4 милліоновъ опахалъ на сумму около 650.000 франковъ.

Осака — это «японская Венеція», по крайней мѣрѣ въ нижней части, гдѣ рѣки и каналы, черезъ которые перекинуты сотни мостовъ, пересѣкаютъ ее во всѣхъ направленіяхъ; но одинъ кварталъ города поднимается пологимъ скатомъ на сѣверо-востокъ къ замку, гранитныя стѣны котораго, наполовину разрушенныя, еще импонируютъ своими размѣрами и позволяютъ любоваться съ высоты ихъ общимъ видомъ города, перерѣзаннаго во всѣхъ направленіяхъ серебристыми линіями каналовъ. Монетный дворъ представляетъ въ своемъ родѣ образцовое заведеніе, располагающее столь же совершенными орудіями производства, какъ подобныя заведенія на западѣ и въ Новомъ свѣтѣ. Нѣкоторыя изъ капицъ города принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ храмовъ Японіи; такова пагода Си-Тенножи или «Четырехъ небесныхъ боговъ»,—Мага-раджа у индусовъ,— которая стоитъ на югѣ отъ города и которая дала свое имя пригороду, помѣщаемому статистиками въ числѣ особыхъ городовъ; другой храмъ, расположенный близъ морскаго берега, на дорогѣ изъ Сакаи, который въ промышленномъ отношеніи можетъ быть разсматриваемъ, какъ пригородъ Осаки, есть древнее святилище синтоистическаго культа, посѣщаемое преимущественно рыбаками; при храмѣ есть священные пруды, гдѣ подъ листьями лотуса плаваютъ рыбы и черепахи, которыхъ прокармливаетъ благочестіе вѣрующихъ. Но толпа устремляется теперь на другую сторону города, куда ее привлекаетъ центральная станція желѣзныхъ дорогъ изъ Кіото и изъ Хіого, центръ движенія путешественниковъ и товаровъ въ южной Японіи. Рельсовый путь изъ Хіого, длиною около 36 километровъ, проходитъ черезъ нѣсколько многолюдныхъ городовъ, въ сосѣдствѣ бухты, между прочимъ, черезъ Амагасаки и Нисономію.

Древній городъ Хіого, расположенный при

[1]) Левъ Мечниковъ, „Studies on Japan".
[2]) Кемпферъ; — Воейковъ; — Рейнъ и др.

основаніи высокаго мыса, часто дастъ свое имя новому городу Кобе, отъ котораго онъ отдѣленъ сухимъ русломъ рѣки Миното-гавы; мысъ, господствующій надъ Хіого, защищаетъ на югопадѣ портъ Кобе, глубина котораго достаточна для того, чтобы суда могли бросать якорь вблизи берега; въ 1874 году насчитывали около 400 европейцевъ, поселившихся на постоянное жительство въ Кобе; въ 1895 году число ихъ доходило до 819 чел.,—это самая многочисленная колонія иностранцевъ въ Японіи послѣ Іокогамской. Рейдъ можетъ быть разсматриваемъ какъ передовой портъ Осаки, и внѣшняя торговля, приписываемая этому послѣднему городу, проходитъ почти вся черезъ портъ новаго города. Общая цѣнность иностранной торговли Осаки и Хіого черезъ Кобе въ 1896 году составляла 86.348.616 дол. Живущіе въ Кобе иностранцы во время лѣтняго сезона ѣздятъ на воды въ Ариму, гдѣ находятся пользующіеся большою извѣстностью горячіе ключи, бьющіе изъ земли на сѣверѣ, въ одной изъ долинъ сосѣднихъ горъ.

На сѣверномъ берегу главнаго острова, два города Цуруга и Обама, при бухтѣ Вакаса, соотвѣтствуютъ городамъ Осака и Хіого, съ которыми они сообщаются черезъ озеро Бива и сосѣдніе пороги: это сѣверные порты перешейка. Обращенные къ бурному Японскому морю и обладая у подошвы своихъ холмовъ лишь узкимъ поясомъ годныхъ для культуры земель, эти города не могли питать надежды сравняться по важности съ торговыми городами южнаго берега; но большія проѣзжія дороги и оканчиваемые въ скоромъ времени рельсовые пути [1]) сдѣлаютъ возможной перевозку произведеній южной области къ сѣверному прибрежью, а паровое судоходство позволяетъ торжествовать надъ вѣтрами западнаго моря. Портъ Цуруга, хотя не очень обширный, но могущій принимать самыя большія суда, такъ какъ глубина воды въ немъ отъ 10 до 20 метровъ, и окруженный амфитеатромъ холмовъ, который защищаетъ его отъ всѣхъ вѣтровъ за исключеніемъ сѣверозападнаго, есть безспорно лучшая гавань на внутреннемъ берегу Хондо и уже сдѣлался главнымъ сборнымъ мѣстомъ для судовъ, ведущихъ торговлю съ портами Кореи и русской Маньчжуріи. Это одинъ изъ складочныхъ пунктовъ для съѣдобныхъ морскихъ водорослей и рыбы, отправляемыхъ изъ Хакодате: сотни барокъ служатъ каждый годъ посредниками въ этой торговлѣ съ Цуругой. Уже не разъ поднимался вопросъ объ открытіи этого порта для европейскихъ кораблей.

На западѣ отъ перешейка, центръ котораго занимаетъ озеро Бива, города построены почти всѣ на берегу Внутренняго моря или, по крайней мѣрѣ на южной покатости полуострова, самой плодородной и наиболѣе населенной. Однако и на сѣверномъ скатѣ есть нѣсколько оживленныхъ городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ. У западной окопечности бухты Вакаса стоитъ городъ Юра, окруженный лѣсомъ померанцевыхъ и апельсинныхъ деревьевъ, которыя даютъ лучшіе плоды во всемъ Ниппонѣ; недалеко отъ этого города находится «третье чудо» страны—естественный мостъ изъ скалъ, Аматате-баши, далеко выдвинутый въ море. Далѣе береговая дорога проходитъ черезъ городъ Тоттори, затѣмъ черезъ городъ Іонаго. Прекрасный городъ Матсуе (Мацуе) живописно расположенъ на берегу извилистой лагуны (Синзинокіе), наполненной солоноватой водой и сообщающей съ открытымъ моремъ узкимъ устьемъ.

На южномъ побережьѣ, Акаси, первый городъ, который мы встрѣчаемъ, къ западу отъ Хіого, недалеко отъ берега Японскаго средиземнаго моря, господствуетъ надъ великолѣпной панорамой, обнимающей островъ Аваджи и двѣ окружающія его большія бухты. Далѣе, городъ Гимедзи, полный воспоминаній о диктаторѣ Тайкосама, расположенъ у выхода очень плодородной долины и въ мѣстѣ пересѣченія нѣсколькихъ дорогъ съ линіей желѣзной дороги, построенной подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ. Отъ нея дорога ведетъ въ внутреннюю часть полуострова къ важнымъ икунскимъ рудникамъ, главному металлургическому заведенію имперіи; французскіе промышленники, управляющіе этими горными заводами, добываютъ золото и серебро, отправляемыя на монетный дворъ въ Осаку, но еще не утилизируютъ богатыхъ мѣсторожденій мѣдной руды. Главную промышленность города Гимедзи составляетъ выдѣлка кожанныхъ издѣлій, которыя приготовляются еще по старому японскому способу, но по красотѣ и прочности не уступаютъ стариннымъ кордуанскимъ произведеніямъ этого рода [1]). Во внутренности страны, городъ Цуяма занимается преимущественно пряденіемъ и окраской тканей и фабрикаціей желѣзныхъ издѣлій. Города Окаяма, при боковой бухтѣ глубоко врѣзывающагося въ твердую землю фьорда, и Фукуяма, на берегу другой бухточки Внутренняго моря, были нѣкогда резиденціями могущественныхъ дайміосовъ; но теперь они уступаютъ, по важности торговаго значенія, порту Ономичи, который служитъ одною изъ главныхъ пристаней для береговыхъ пароходовъ, поддерживающихъ правильное сообщеніе между двумя берегами извилистаго моря.

Хиросима есть, на востокѣ отъ Осаки и Хіого-кобе, самый оживленный портъ Внутренняго моря, которое отдѣляетъ отъ Ниппона два большихъ острова Кіусіу и Сикокъ. Этотъ городъ, расположенный, какъ и Осака, у сѣвер-

[1]) Цуруга уже соединенъ ж. дорогой. Прим. ред.

[1]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

ной оконечности бухты полукругомъ и при устьяхъ рѣки, которая передъ тѣмъ протекаетъ извилистой линіей по плодородной равнинѣ, тоже имѣлъ бы нѣкоторое право на названіе «японской Венеціи», благодаря своимъ извилистымъ каналамъ, многочисленнымъ мостамъ, баркамъ и лодкамъ, снующимъ по всѣмъ направленіямъ. Напротивъ Хиросимы, на одномъ изъ острововъ, которыми усѣяна бухта, пилигримы посѣщаютъ, въ большомъ числѣ, одно изъ «трехъ чудесъ» Японіи, синтоистическій храмъ Итску-сима или «островъ свѣта», посвященный тремъ божественнымъ дѣвамъ, происшедшимъ изъ разбитаго меча бога вѣтровъ [1]). Это святилище заключаетъ нѣсколько изваяній изъ дерева, очень любопытныхъ по ихъ древности; но красу и гордость острова составляютъ его лѣса, во всѣ времена уважаемые топоромъ человѣка. До 1868 года, то-есть до японской революціи, запрещено было ѣсть мясо на священномъ островѣ и не позволялось хоронить тамъ умершихъ. Когда жрецы, пилигримы, содержатели гостиницъ и рыбаки, составляющіе все населеніе острова, лишались одного изъ своихъ, то тѣ, кто отвозилъ его тѣло, для погребенія, на твердую землю, могли вернуться домой лишь по прошествіи пятидесяти дней, въ продолженіе которыхъ ихъ держали запертыми въ особаго рода лазаретѣ. И теперь еще воспрещено обработывать почву на святомъ островѣ Итску-сима, и пища для жителей должна быть привозима каждое утро съ материка; какъ только суда съ продовольствіемъ приближаются къ острову, сотни прирученныхъ оленей сбѣгаются изъ глубины лѣсовъ на берегъ, чтобы получить свою долю привезенныхъ съѣстныхъ припасовъ [2]).

Главные города Ниппона, съ ихъ населеніемъ суть:

Сендай[3])—77.476 жит.; Акита[3])—27.113 жит.; Хиросаки [3]) — 31 295 жит.; Сіонай (Цуругаока)—25.000 жит.; Хиконе—24.400 жит.; Моріока [3])—31.989 жит.; Вакамацъ—24.793жит.; Такасаки[3])—30.000 жит.; Саката—21.576 жит.; Ямагата—32.151 жит.; Оцзу [3])—34.556 жит.; Канума—15.060 жит.; Майебаси [3])—30.883 жит.; Утсномія—33.334 жит.; Матсумото—30.130 жит.; Такаяма—13.000 жит.; Нихонмацъ—11.000 жит.; Авомори—24.212 жит.; Гифу (Имайдзми) [3])—31 075 жит.; Исиномаки—10.000 жит.; Огаки—10.200 жит; Носиро—10.000 жит.; Хатсиное—10.000 [3]) жит.

Каназава (Исикава)—85.916 жит.; Тояма—58.975 [1]) жит.; Фукуйи—44.290 [1]) жит.; Ніагата—51.335 жит.; Таката — 20.500 жит.; Нагаока—24.000 жит.; Такаока—31.000 [1]) жит.; Синъ-Минато—18.900 жит.; Сибата—18.300 жит.; Каспвазаки—14.000 жит.; Айгава—13.000 жит.; Цуруга—11.500 жит.; Мурокамі—10.000 жит.; Увоцъ—10.000 жит.; Комацъ—10.000 жит.; Охоно—10.000 жит.; Сакаи—49.063 [1]) жит.

Токіо (Іедо), въ 1897 году—1.299.941 жит.; Нагойя—242.085 [1]) жит.; Іокагама—179.502 [1]) жит.; Сидзуока—32.000 жит.; Ямада—28.000 жит.; Тсу—23.000 жит.; Мито (Ибараки-кенъ)—30.000 [1]) жит.; Діеси—18.000 жит.; Куана 18.000 жит.; Кофу (Яманаси-кенъ)—35.738 [1]) жит.; Нумадзь—16.000 жит.; Атсуда (Міа) 15.200 жит.; Окасака—13.000 жит.; Одовара—13.000 жит.; Уено—12.500 жит.; Хамамацъ—11.000 жит.; Фнабаси—9.500 жит.

Осака 503.600 [1]) жит.; Кіото—341.101 [1]) жит.; Хіого-кобе—184.194 [1]) жит.; Сакахи 39.000 жит.; Фусима (городской округъ Кіото)—23.000 жит.; Нара—29.709 [1]) жит.; Коріяма—15.000 жит.

Матсуе—34.625 [1]) жит.; Тоттори—20.800 жит.; Іонаго—10.250 жит.;

Хиросима — 107.685 [1]) жит.; Хаги (Хаки, Хоги)—35.470 [1]) жит.; Окаяма—57.210 [1]) жит.; Химедзи—31.000 [1]) жит.; Акамага-секи (Симоносеки) Шимоношеки—36.570 [1]) жит.; Фукуяма—17.700 жит.; Цуяма—15.500 жит.; Ономити—15.000 жит.; Акаси—14.500 жит.; Ямагучи—11.600 жит.; Ивакуни—10.000 жит.

Вакаяма—57.366 [1]) жит.

За Хиросимой, промышленный городъ Ивакуни, прославившійся своими фабриками писчей бумаги, цыновокъ, тканей, расположенъ на западномъ берегу залива. Далѣе, нѣсколько важныхъ городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ по берегамъ маленькихъ бухтъ, до того мѣста, гдѣ открывается проходъ Симоносеки (Акамага-секи), на сѣверной сторонѣ котораго протянулся длинный городъ того же имени, сжатый между лѣспстыми холмами и моремъ; въ стратегическомъ отношеніи это Константинополь японскаго Босфора, но онъ играетъ второстепенную роль между городами Восходящаго солнца; на сосѣднихъ берегахъ собираютъ съѣдобныя морскія водоросли. Главнымъ мѣстомъ провинціи Нагато, которая оканчиваетъ островъ Ниппонъ, прежде былъ большой городъ Хаги, построенный на берегу рейда, усѣяннаго островами и островками; нынѣ онъ былъ замѣненъ, какъ центръ областнаго управленія, городомъ Ямагучи, лежащимъ во внутренности острова, на берегу одного неболь-

[1]) Л. Мечниковъ, „l'Empire Japonais".
[2]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann", 1879, II.
[3]) „Stat. du Japon 1898 г."

[1]) „Statist. du Japon 1898 г."

шаго притока японскаго средиземнаго моря. Недалеко отъ этого города находятся горячіе ключи, привлекающіе большое число посѣтителей.

Всѣ значительные города острова Сикока построены на берегу или въ непосредственномъ сосѣдствѣ моря: та же торговля, которая вызвала ихъ къ жизни, быстро населяетъ ихъ. Большая часть этихъ приморскихъ городовъ обращена къ главному острову, отъ котораго они отдѣлены только проливами, которые суда легко могутъ переплывать въ нѣсколько часовъ. Притягательная сила торгово-промышленныхъ центровъ Кіото и Осаки привлекла жителей преимущественно на сѣверные берега острова: въ этой части побережья слѣдуютъ одинъ за другимъ, отъ востока къ западу, города Тукушима, Такамацзу, Маругаме, Имбаръ, Мацуяма. На берегахъ пролива, отдѣляющаго Сикокъ отъ острова Кіусіу, единственный городъ—Увазима; южный берегъ, обращенный къ открытому морю, тоже имѣетъ только одинъ городъ, Котси или Коги, главный городъ нѣкогда могущественнаго феодальнаго княжества Тоса. Благодаря смышлености и промышленному духу своихъ жителей, Котси сдѣлался самымъ дѣятельнымъ городомъ Сикока и центромъ писчебумажнаго производства для всей Японіи.

Главные города острова Сикока суть:

Токушима — 61.489 [1]) жит.; Такамацзу — 34.274 [1]) жит.; Іехиме-кенъ (Мацуяма)— 35.534 [1]) жит.; Маругаме—14.000 жит.; Увазима—12.200 жит.; Имбаръ—12.000 жит.

На большомъ и густо населенномъ островѣ Кіусіу самую оживленную часть составляютъ мѣстности, прилегающія къ южному и западному берегамъ; эта часть Кіусіу обращена въ сторону того южнаго океана, по которому должны были прибыть корабли изъ Европы. На восточномъ берегу островъ Кіусіу имѣетъ только одинъ важный городъ Міясаки, а на сѣверо-восточныхъ берегахъ только два значительныхъ центра населенія—Усуки и Накатсъ. Городъ Ойта-кенъ или Фунай, гдѣ католическіе миссіонеры основали первую христіанскую общину, теперь пришелъ въ упадокъ. Точно также приморскій городъ Кокура, стоящій напротивъ Симоносеки, на югъ отъ входа во Внутреннее море, утратилъ свою важность. Обмелѣніе его рейда не позволяетъ большимъ судамъ приставать тамъ; тогда какъ въ прежнее время перевозка товаровъ и движеніе путешественниковъ производились почти исключительно по дорогѣ, идущей вдоль прибрежья, изъ Нагасаки въ Токіо, и должны были дѣлать переправу въ Кокурѣ, теперь пароходы проходятъ мимо этого города, не останавливаясь въ немъ. Со временемъ, вѣроятно, будетъ перекинутъ желѣзнодорожный путеводъ черезъ морской проливъ, имѣющій въ этомъ мѣстѣ около 1.600 метровъ въ ширину.

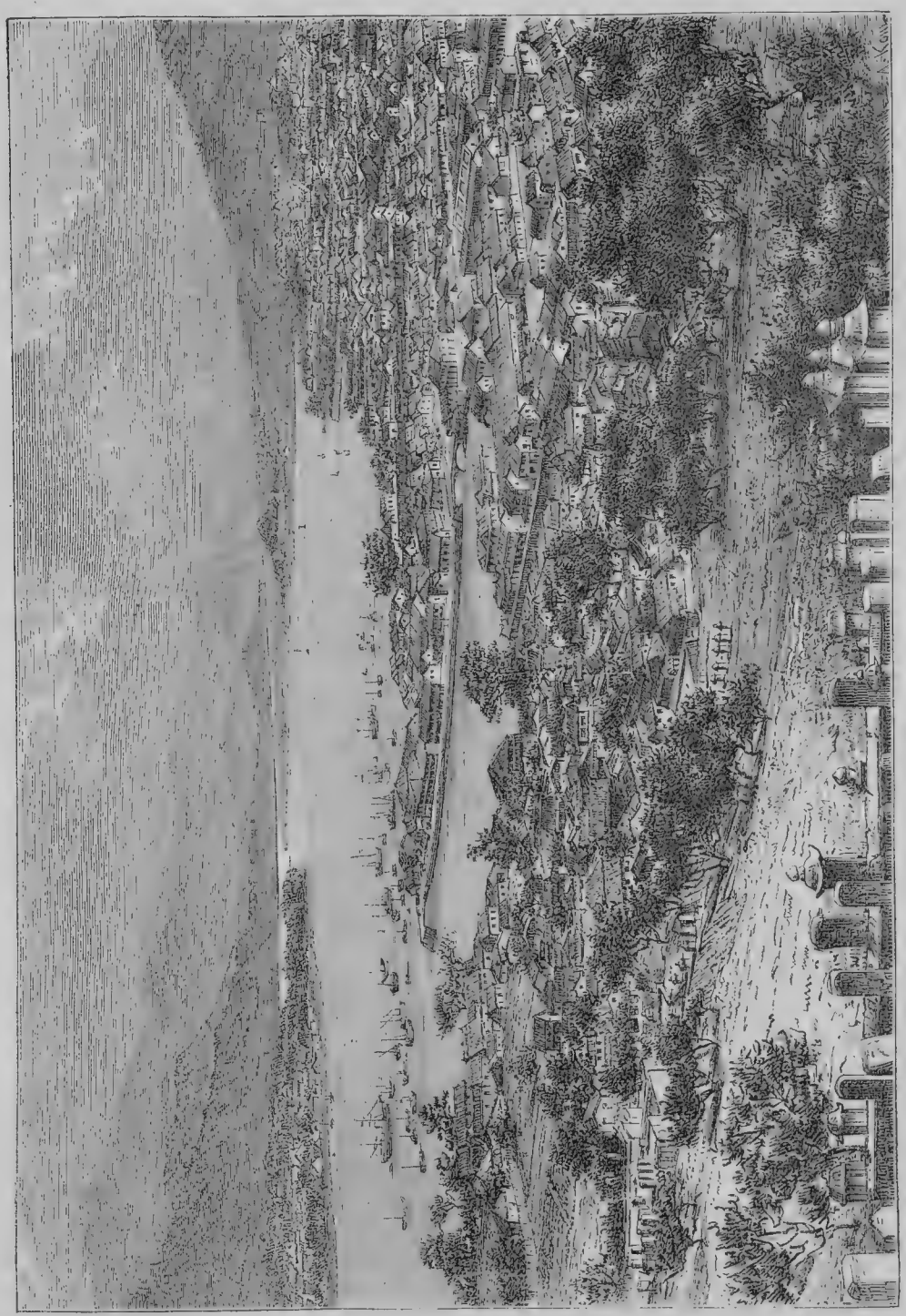
Два города-близнеца, Фукуока и Хаката, раздѣленные только устьемъ маленькой рѣки, которая изливается въ живописную бухту моря, сосредоточиваютъ въ себѣ всю торговлю сѣверо-западнаго побережья острова Кіусіу. Фукуока, лежащій на южной сторонѣ рѣки, служитъ мѣстопребываніемъ администраціи и дворянства, тогда какъ Хаката есть центръ торговой и промышленной дѣятельности; тамъ фабрикуютъ, между прочимъ, бумажныя ткани и превосходныя шелковыя матеріи; нѣсколько храмовъ и старинныхъ домовъ съ плоскими крышами, находящіеся въ окрестностяхъ этихъ двухъ городовъ, суть единственныя каменныя зданія, которые существовали въ Японіи до недавней революціи. Желѣзныя дороги съ очень оживленнымъ движеніемъ соединяютъ двойной городъ Фукуока—Хаката съ двумя многолюдными городами Куруме и Сага, лежащими южнѣе, близъ бухты Симабара. На юго-западѣ, на полуостровѣ Хизень, разрабатываются залежи каменнаго угля и фарфоровой глины: въ этой мѣстности, особенно въ окрестностяхъ Ариты, выдѣлываются лучшіе японскіе фарфоры, между прочимъ, маленькія чаши съ тонкой и прозрачной скорлупой; вокругъ Ариты постоянно работаютъ болѣе 200 фарфоровыхъ заводовъ. Эти произведенія, которымъ долгое время подражали голландцы, называютъ безразлично фарфорами изъ Хизена, изъ Ариты или изъ Имари, по старому имени провинціи, мѣста производства или порта, черезъ который они вывозятся. На оконечности полуострова, городъ Храдо (Фирандо), на островѣ того же имени, важенъ какъ пристань, часто посѣщаемая пароходами, совершающими рейсы у береговъ: въ семнадцатомъ столѣтіи этотъ городъ въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1613 по 1623 годъ, былъ указанъ какъ рынокъ негоціантамъ голландскимъ и англійскимъ.

Нагасаки или «Длинный мысъ», получившій извѣстность на западѣ, какъ единственный городъ, который японское правительство оставило полуоткрытымъ иностранной торговлѣ послѣ изгнанія португальцевъ въ 1823 году, не принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ городовъ государства; обладая превосходнымъ портомъ или, лучше сказать, фьордомъ, очень глубокимъ (отъ 20 до 30 метровъ) и хорошо защищеннымъ окружающими холмами, онъ имѣетъ ту невыгоду, что находится на оконечности узкаго полуострова, безъ плодородныхъ окрестностей, которыя питали бы своими произведеніями его торговый обмѣнъ; тѣмъ не менѣе, однако, торговые обороты его значительно возрасли, но только въ пользу японскихъ судовъ;

[1]) „Statist. du Japon 1898 г.“

внѣшняя торговля осталась въ прежнемъ состояніи, почти безъ всякой перемѣны.

Внѣшняя торговля Нагасаки въ 1895 году 10.614.787 долларовъ.



Видъ Нагасаки.

Движеніе судоходства въ портѣ Нагасаки въ 1896 г.: 1.282 судна вмѣстимостью 1.810.589 тоннъ. Черезъ Нагасаки вывозятъ лишь незначительное количество земледѣльческихъ продуктовъ, но онъ отправляетъ произведенія своей промышленности, лаковый товаръ, перламутровыя издѣлія, эмальированную глиняную посуду; нѣкоторые сосѣдніе города, какъ, напримѣръ, Фукаборн, отнимаютъ у него часть торговаго обмѣна страны. Благодаря историческимъ воспоминаніямъ, Нагасаки есть одинъ изъ городовъ Восходящаго солнца, представляющихъ наибольшій интересъ для европейскаго путешественника; при томъ же великолѣпная

панорама Нагасакской бухты есть безспорно одинъ изъ прелестнѣйшихъ видовъ японскаго берега. По берегу, вокругъ залива, тянутся, въ видѣ амфитеатра, изъ густой зелени, горы, въ 300 метровъ высоты, окруженныя по скатамъ прекрасно воздѣланными террасами и одѣтыя на верхушкахъ лѣсомъ, тогда какъ у входа поднимаются изъ водъ моря многочисленные острова, между прочимъ, островной холмъ Такабоко или «высокое копье», прозванный голландцами Папенбергомъ или «горой папы», въ память миссіонеровъ и обращенныхъ въ христіанство японцевъ, которые съ высоты этихъ крутыхъ утесовъ были сброшены въ море, въ 1622 году: надъ городомъ на горѣ показываютъ также мѣсто, гдѣ двадцать шесть христіанскихъ священниковъ были распяты на крестѣ въ 1597 году. Узкій искусственный островокъ Децима, вѣерообразной формы, гдѣ голландскіе купцы были запираемы какъ зачумленные, теперь соединенъ съ твердой землей, а зданія, служившія тюрьмой иностранцамъ, съ 1639 до 1859 года, были истреблены пожаромъ. Внутри города показываютъ кварталъ, въ которомъ были заключены китайскіе купцы. Мѣстечко Инаса, въ сосѣдствѣ съ Нагасаки, имѣетъ нѣсколько доковъ и носитъ названіе русской Японіи [1]). На югѣ, внѣ фьорда, разсѣяны многіе острова, изъ которыхъ одинъ, Така-сима, имѣетъ богатыя каменноугольныя копи, разработываемыя европейскимъ способомъ. Въ 1881 году ежедневная добыча угля въ этихъ копяхъ составляла 1000 тоннъ, столько же, сколько его добывалось во всей остальной Японіи.

Городъ Симабара, который былъ разрушенъ въ 1792 году изверженіемъ Унзена, расположенъ у восточной подошвы этого вулкана, откуда вытекаютъ обильные горячіе источники; онъ сторожитъ западный входъ въ большую бухту того же имени (Симабарская), тогда какъ на востокъ отъ противоположнаго берега, въ нѣкоторомъ разстояніи во внутренности земель, городъ Кумамото группируетъ свои дома вокругъ своего стариннаго крѣпкаго замка, бастіоны котораго, съ наклонными стѣнами, украшены наверху верандами и красивыми плоскими крышами, осѣненными камфарными деревьями. Этотъ городъ—самый центральный и въ то же время самый многолюдный на островѣ; но онъ окруженъ лишь маловажными мѣстечками и не имѣетъ приморскаго порта; плоскодонныя джонки забираютъ отправляемые имъ продукты и товары на берегу и перевозятъ ихъ въ Нагасаки. Напротивъ, въ южной части острова, знаменитое княжество Сацума, «отечество людей умныхъ и мужественныхъ», не имѣетъ значительныхъ городовъ, но оживленные центры населенія расположены въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга; вдоль берега или въ сосѣдствѣ съ нимъ слѣдуютъ одинъ за другимъ города: Идзми, Акуне, Сендай, Каседа, Каго, Міянозіо, Ямагава, и на берегахъ бухты Кагосима городъ того же имени, затѣмъ города Коцзики и Кокубу. Получившій извѣстность въ новѣйшей исторіи городъ Кагосима, крѣпость котораго была бомбардирована англичанами въ 1864 году, протянулся по западному берегу бухты, напротивъ островнаго вулкана красивой формы, называемаго Сакура или «Благородный пикъ». Въ торговомъ отношеніи этотъ городъ не имѣетъ важнаго значенія, такъ какъ единственная его промышленность, сколько-нибудь замѣчательная,—это производство фаянсовой и полуфарфоровой посуды, подражающей всѣмъ родамъ «стараго сацумскаго фарфора»; въ послѣднее время нѣкоторые предпріимчивые японцы основали тамъ бумагопрядильню и оружейную фабрику. Коцзики, у сѣверо-западнаго угла той же бухты, занимаетъ, какъ торговый городъ, болѣе выгодное положеніе, чѣмъ Кагосима; портъ его менѣе выставленъ бурнымъ вѣтрамъ, и плодородныя мѣстности сѣвера могутъ удобнѣе доставлять туда свои произведенія. По мнѣнію Воейкова [1]), это была бы одна изъ самыхъ оживленныхъ гаваней японскаго прибрежья, одна изъ гаваней, соединяющихъ въ себѣ всѣ условія для самаго обширнаго движенія международнаго торговаго обмѣна, если бы она была открыта европейскимъ кораблямъ; было время, когда коцзикскіе табаки отправлялись даже на островъ Кубу, откуда ихъ вывозятъ обратно во всѣ части свѣта въ формѣ и подъ именемъ «гаванскихъ сигаръ».

Главные города острова Кіусіу суть: Кумамото—56.824 жит.; Фукуока и Хаката—62.212 жит.; Каседа—31.600 жит.; Нагасаки—72.390 жит.; Кагосима—53.895 жит.; Каго—24.900 жит.; Сага — 29.893 жит.; Куруме — 21.000 жит.; Усуки—18.860 жит.; Симабара—18.700 жит.; Идзми—18.600 жит.: Фукабори—17.800 жит.; Кокубу—17.150 жит.; Міясаки—12.000 жит.; Накатсъ—11.600 жит.; Акуне—10.900 жит.; Хирадо—10.600 жит.; Коцзики—10.000 жит.

НаселеніеЛю-цю, разсѣянное на многочисленныхъ островахъ этого архипелага, живетъ по большей части маленькими деревнями по берегамъ бухтъ и бухточекъ; единственные города, заслуживающіе этого названія, находятся на главномъ островѣ центральной группы, называемомъ по-японскиОкинава-сима, а по-китайски Чунчинъ-дао. Наба, наиболѣе посѣщаемый судами портъ архипелага, несмотря на мадрепаровые рифы, которыми усѣяны подходы къ якорной стоянкѣ, занимаетъ берега бухты, совершенно защищенной отъ всѣхъ вѣтровъ; онъ

[1]) Maget, „Revue de Géographie“, февр. 1879.

[1]) Воейковъ, „Mittheilungen von Petermann“, II, 1879 г.

отправляетъ главнымъ образомъ сахаръ, бумажныя ткани, шелковыя матеріи, грузы которыхъ перевозятся японскими судами на сѣверные острова: годовая цѣнность этого отпуска превышаетъ милліонъ франковъ. Въ 1880 году внѣшняя торговля острововъ Лю-цю выразилась слѣдующими цифрами: привозъ 1.319.900 франковъ, вывозъ 666.250 франковъ; всего 1.986.150 франковъ. Вымощенная каменной плитой дорога, одна изъ лучшихъ дорогъ въ Японіи, извивается въ очаровательной долинѣ, между лѣсистыхъ холмовъ, поднимаясь изъ Набы къ столицѣ архипелага. Построенный на плоской возвышенности, господствующей надъ двумя морями, этотъ городъ, имя котораго значитъ «главное мѣстечко», окруженъ прекрасными деревьями, пальмами вѣерниками и ареками, панданами; одно изъ его зданій носитъ титулъ университета.

Два другіе города, Токтонъ-онъ и Куниками, тоже находятся на главномъ островѣ архипелага. Совокупность городскаго населенія обнимаетъ 60.000 жителей, половину островитянъ Окинавы, и состоитъ исключительно изъ сизуку, то есть благородныхъ. Поселяне всѣ геймины или плебеи и отличаются отъ дворянъ бронзовыми булавками, которыя они носятъ въ волосахъ.

Кромѣ Лю-цю и различныхъ острововъ, составляющихъ, по ихъ географическому положенію, естественную принадлежность главнаго Японскаго архипелага, правительство микадо также присвоиваетъ себѣ, какъ составную часть имперіи Восходящаго солнца, группу острововъ, лежащую среди океанскихъ пустынь, въ 1.000 километровъ, по прямой линіи, къ юго-юго-востоку отъ Кіото. Эти уединенныя земли извѣстны въ Европѣ подъ именемъ архипелага Бонинъ или Бонинъ-сима,—испорченное японское названіе Мунинъ-то, которое буквально значитъ «безлюдные острова». Нынѣ обитаемые, эти острова, по справедливости, должны бы снова получить то наименованіе, которое имъ было дано въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, когда князь Садайори былъ прибитъ къ ихъ берегамъ бурей и взялъ ихъ именемъ своего правительства во владѣніе Японіи, приписавъ имъ имя своей фамиліи, Огасавара. Въ ту эпоху ихъ уже видѣлъ одинъ европейскій мореплаватель, испанецъ Виллалобосъ, объѣхавшій эти воды въ 1543 году [1]), Столѣтіе спустя, голландскій капитанъ Маттисъ Квастъ, сопровождаемый знаменитымъ мореплавателемъ Абелемъ Тасманомъ, тоже осмотрѣлъ южные острова архипелага, и различныя карты того времени указываютъ острова въ этой области Тихаго океана. Однако, память объ этихъ открытіяхъ совершенно изгладилась, когда американскіе китоловы, Коффинъ, въ 1823 году, и Эббетъ, въ 1824 году, пристали первый къ южнымъ, а второй къ центральнымъ островамъ архипелага. Въ 1827 году британскій адмиралъ Бичи овладѣлъ островами Огасавара, и англичане продолжали называть себя владѣтелями этого архипелага до 1861 года, эпохи, въ которую вопросъ былъ окончательно рѣшенъ въ пользу Японіи.

Хотя часто посѣщаемый китоловами и мореплавателями со времени гидрографическихъ обслѣдованій адмираловъ Бичи, Литке, Коллинсона, Перри, архипелагъ Огасавара еще очень мало извѣстенъ въ его деталяхъ, и даже не всѣ его пункты опредѣлены астрономически. На европейскихъ картахъ, сѣверная группа, гораздо меньшая, носитъ имя Парри; въ совокупности четыре группы, обнимающія 89 острововъ, общее пространство которыхъ 85 квадратныхъ километровъ, имѣютъ не менѣе 140 километровъ въ длину [1]). Всѣ эти острова, расположенные по направленію меридіана, могутъ быть разсматриваемы, какъ южное продолженіе вулканической цѣпи «Семиостровья», лежащей на югъ отъ бухты Іеддо, послѣднее звено этой цѣпи, островъ Хациссо, отдѣлено отъ группы острововъ Парри пространствомъ къ 650 километровъ; но извѣстно, что и другіе островки выступаютъ на поверхность моря въ этихъ водахъ, и что тамъ иногда появлялись временные вулканы. Холмы архипелага Огасавара, изъ которыхъ иные достигаютъ 400 метровъ высоты, тоже по большей части вулканическаго происхожденія; на этихъ холмахъ во многихъ мѣстахъ видны лавы, туфы, базальтовыя колоннады, и на вершинѣ конусовъ открываются тамъ и сямъ кратеры; но тамъ встрѣчаются также сланцы и кристаллическія горныя породы, и геологи американской экспедиціи Перри не замѣтили тамъ никакихъ слѣдовъ недавняго проявленія вулканической дѣятельности.

Острова Бонинъ-сима или Огасавара, которые лежатъ между 28 и 27 градусами широты, внѣ области холоднаго теченія, пользуются тропическимъ климатомъ, болѣе теплымъ, чѣмъ климатъ архипелага Лю-цю, находящагося, однако, въ столь же близкомъ разстояніи отъ экватора, и лѣса, покрывающіе ихъ, принадлежатъ, по своимъ древеснымъ породамъ, къ поясу растительности жаркихъ странъ; это пальмы по большей части, хамеропы, панданы, ареки, саговое дерево, равно какъ одинъ видъ, похожій на кокосовую пальму; тамъ растутъ также древовидные папоротники, но камфарнаго дерева до сихъ поръ нигдѣ не находили. Дерево, достигающее самыхъ большихъ размѣровъ на архипелагѣ,—это особая порода шелковицы, стволъ которой болѣе $5^1/_2$ аршинъ въ

[1]) Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

[1]) По японскимъ свѣдѣніямъ число острововъ этой группы доходитъ до 20 съ площадью 450 кв. ри. См. „Résumé statistique du Japon. 1898 г.“.

окружности. Почва, состоящая изъ разложившагося вулканическаго пепла, отличается большимъ плодородіемъ, и тамъ съ успѣхомъ воздѣлываютъ японскія хлѣбныя растенія, сахарный тростникъ, бананы, ананасы, сальное и восковое деревья; въ долинахъ растутъ въ изобиліи съѣдобные грибы. Первые поселенцы не нашли туземныхъ четвероногихъ: овцы, козы, свиньи, кошки, собаки, которыхъ теперь встрѣчаютъ въ дикомъ состояніи, суть потомки домашнихъ животныхъ, выпущенныхъ на эти острова первыми мореплавателями. Нѣсколько видовъ безвредныхъ пресмыкающихся, которыя ползаютъ между камнями, да птицы, очень малочисленныя, которыя гнѣздятся въ лѣсахъ,—вотъ единственные представители мѣстной сухопутной фауны; когда первые мореплаватели пристали къ архипелагу, эти животныя еще не боялись человѣка, и ихъ можно было брать руками. Бухты богаты животной жизнью: воды ихъ изобилуютъ китообразными, рыбами, черепахами и ракообразными.

Первые эмигранты поселились на архипелагѣ Огасавара въ 1830 году, съ цѣлью вести торговлю съ китоловами. Во время американской экспедиціи населеніе острова Пиля, называемаго японцами Чичи-сима, то-есть «островомъ отца», состояло изъ 31 человѣка американцевъ, англичанъ, португальцевъ, канаковъ; въ 1880 году народонаселеніе этого острова, единственнаго обитаемаго, значительно увеличилось, такъ какъ число домовъ доходило уже до 160, изъ которыхъ 130 принадлежали подданнымъ Ниппона. Центръ колоніи составляетъ превосходный портъ Ллойдъ,—О-минато по-японски,—открытый во внутренности разломаннаго съ одной стороны кратера и представляющій судамъ отличную якорную стоянку, при глубинѣ въ 40 метровъ [1]).

Хотя Японія въ большей части своего протяженія покрыта горами, и хотя сѣверныя ея области имѣютъ слишкомъ холодный климатъ для того, чтобы люди жили тамъ многочисленными общинами, однако, населеніе этой страны гораздо плотнѣе, чѣмъ населенность Франціи и большинства другихъ государствъ западной Европы.

Пространство и населеніе Японской имперіи суть:

Провинціи.	Пространство кв. ри.	Населеніе душъ.
Ниппонъ	14.571,12	32.305.378
Іессо	5.061,90	507.050
Курильскіе острова	1.033,46	1.820
Сикокъ	1.180,67	2.948.009
Кіусіу	2.617,54	6.093.769
Общая цифра безъ Формозы	24.794,36	42.708.264

[1]) Островъ Формоза, недавно присоединенный къ Японіи, будетъ описанъ въ концѣ описанія страны „Восходящаго солнца".

Со времени революціи 1868 года, послѣ которой приступили къ первой правильной народной переписи, увеличеніе населенія было весьма значительно. Тогда какъ въ 1871 году общее число жителей простиралось до 33.110.825, въ 1892 году оно уже превышало цифру 40.000.000, слѣдовательно, за девятилѣтній періодъ приростъ народонаселенія составлялъ болѣе 300 000 душъ въ годъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если Японія будетъ продолжать пользоваться миромъ, то она превзойдетъ Францію въ отношеніи числа жителей за-долго до конца текущаго столѣтія. Такъ какъ народныя переписи дѣлались тщательно, то общіе результаты ихъ должны считаться довольно близкими къ истинѣ, и потому возможно сомнѣваться въ дѣйствительности того замѣчательнаго факта, упоминаемаго уже въ древнихъ лѣтописяхъ [1]), что число мужчинъ въ Японіи превосходитъ число женщинъ. Численность мужскаго пола почти однакова съ численностью женщинъ. Извѣстно, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ и во всѣхъ странахъ съ европейской цивилизаціей, гдѣ до сихъ поръ были дѣлаемы серьезныя народныя переписи, пропорція женщинъ почти всегда беретъ перевѣсъ надъ пропорціей мужчинъ. Численное отношеніе половъ въ странѣ Восходящаго солнца, по переписи 1896 года, выразилось слѣдующими цифрами: мужчинъ—21.561.023, женщинъ—21.147.241 [2]).

Образъ жизни японцевъ дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ страна можетъ прокармливать относительно столь многочисленное народонаселеніе. Національная традиція признаетъ пять священныхъ растеній—рисъ, пшеницу, ячмень, гречиху, горохъ-азуки, которыя Богъ вѣтра, Братъ солнца, извлекъ изъ тѣла богини Великаго воздуха и которыя онъ положилъ въ почву южнаго Ниппона [3]). Рисъ занимаетъ первое мѣсто между этими растеніями и даетъ главную пищу жителей; его нужно обыкновенно для каждаго человѣка болѣе 1.200 граммовъ въ день [4]); но другія зерна хлѣбныхъ злаковъ, овощи, печенья и плоды, прибавляемые къ ежедневному питанію, представляютъ, въ среднемъ, только 300 граммовъ. Бѣдные, можно сказать, совсѣмъ никогда не ѣдятъ мяса. Поэтому, вся годная къ воздѣлыванію земля, составлявшая, по исчисленіямъ 1880 года, незначительную площадь въ 3.596.224 десятинъ, съ-издавна употребляется подъ посѣвы. Повсюду, гдѣ можетъ произрастать рисъ, даже на скатахъ горъ и холмовъ, гдѣ почва можетъ

[1]) Матуанлинъ, въ переводѣ Эрве де-Сенъ-Дени, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

[2]) См. „Statistique du Japon". 1898 г. Tokio.

[3]) Козики;—Pflizmakier, „Ueber einige alterthümliche Gegenstände Japans"; — Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonais";—Pfoundes, „Budget of Japanes Notes".

[4]) Wernich, „Geographisch-madicinische Studien".

быть достаточно напитываема водой только при помощи большихъ и дорого стоющихъ ирригаціонныхъ сооруженій, землевладѣлецъ распахиваетъ свои рисовыя поля; другіе хлѣба онъ

Видъ дороги къ Токаидо.

воздѣлываетъ только на такихъ земляхъ, гдѣ рисъ не далъ бы ему хорошаго урожая, и зерно онъ сѣетъ не въ разбросъ, а кладетъ его въ почву рукой параллельными рядами; этому драгоцѣнному растенію онъ заботливо приноситъ всѣ животныя удобренія, всѣ хозяйственные отбросы и помои.

Цифровыя данныя, относящія къ населенію, указываютъ, что въ періодъ 25 лѣтъ населеніе увеличилось почти на $^1/_4$ и хотя увеличилось также и количество земли, обрабатываемой подъ рисъ и другія хлѣбныя растенія, достиг-

нувъ къ концу 1893 года площади въ 4.089.140 десятинъ [1]), тѣмъ не менѣе это увеличеніе и вынуждаетъ населеніе прибѣгать къ культурѣ другихъ промышленныхъ растеній, каковы—шелковица, деревья: восковое, лаковое, бумажное, индигоноска, жэнь-шэнь, чайное дерево. Всѣ эти растенія культивируется съ большой заботливостью и даютъ продукты, очень цѣнимые американскими покупателями; эти послѣдніе предпочитаютъ японскій чай, несмотря на его терпкій вкусъ, ханькоускимъ и китайскимъ чаямъ.

Чай и коконы шелковичныхъ червей составляютъ въ настоящее время главный предметъ экспорта страны. На культуру ихъ съ 80-мъ годовъ обращено было особенное вниманіе и благодаря тому обстоятельству, что культура чайнаго куста и особенно шелковицы не требуетъ тѣхъ сравнительно ровныхъ пространствъ земли, какія необходимы для посѣвовъ хлѣбныхъ злаковъ, а особенно риса, требующаго даже временнаго затопленія полей, промышленность этого рода получила громадное развитіе. Такъ въ 1880 году изъ Японіи было вывезено 3.206.361 квамме чая и 597.932 коку шелковичныхъ коконовъ. Въ 1894 году количество того и другаго сильно увеличилось, достигнувъ: чая 7 690.365 квамме, а коконовъ 1.800.747 коку [2]).

Въ нѣкоторыхъ округахъ южныхъ острововъ, благодаря удобствамъ вывоза, культура апельсинныхъ деревьевъ получила болѣе важное значеніе, чѣмъ даже воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній [3]). Зибольдъ насчитываетъ въ Японіи около 500 видовъ растеній, культивируемыхъ для питанія, украшенія или промышленности, и изъ этого числа болѣе половины привезенныхъ первоначально изъ другихъ странъ.

Японцы превосходные земледѣльцы, или, вѣрнѣе сказать, огородники и садовники: они обрабатываютъ свои поля точно такимъ же обзомъ, какъ и европейскіе огородники воздѣлываютъ свои гряды, съ помощью заступа и лопаты; они не оставляютъ никакой сорной травы въ почвѣ и усердно утилизируютъ все, что можетъ служить удобреніемъ; вѣроятно, количество животныхъ веществъ, употребляемое какъ навозъ, превосходитъ количество, входящее въ питаніе, такъ какъ съ острова Іессо, Курильскихъ острововъ, Кореи и отъ насъ изъ Приморской области привозится огромное количество рыбы, употребляемой исключительно на унавоживаніе пахатныхъ земель. Но почвы не хватаетъ для постоянно возрастающаго народонаселенія; всѣ равнины уже обращены въ культурныя земли; теперь земледѣлію еще только остается завоевывать затопляемыя водой низменныя аллювіальныя пространства, да скаты горъ. Правда, что островъ Іессо представляетъ японцамъ обширное поле колонизаціи; болѣе обширный, чѣмъ Ирландія, и производящій тѣ же самыя растенія, этотъ островъ могъ бы прокормить населеніе въ нѣсколько милліоновъ, но климатъ его слишкомъ суровъ для того, чтобы тамъ можно было воздѣлывать рисъ, къ тому же и крестьяне не выказываютъ ни малѣйшей охоты переселяться въ край, болѣе холодный, чѣмъ ихъ родина, подъ небо, менѣе милостивое; почти всѣ японцы, приглашенные на островъ Іессо колонизаціонной конторой, смотрятъ на себя какъ на изгнанниковъ и пользуются первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы возвратиться въ отечество. Но если острову Іессо еще долго не суждено получить сколько-нибудь важное значеніе въ отношеніи земледѣльческой производительности, то его громадныя естественныя богатства, заключающіяся въ строевомъ лѣсѣ, не могутъ не привлечь къ себѣ промышленности и, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлаются современемъ предметомъ дѣятельной эксплоатаціи. Можно сказать, что весь этотъ островъ есть не что иное, какъ огромный сплошной лѣсъ, состоящій изъ разнообразнѣйшихъ древесныхъ породъ, между которыми, по крайней мѣрѣ, тридцать шесть видовъ деревьевъ, имѣющихъ цѣнность для построекъ или для столярныхъ издѣлій: чуть только путешественникъ сойдетъ съ пристани, какъ его останавливаютъ непроходимыя чащи ліанъ и бамбуковъ, растущихъ подъ большими деревьями; даже черезъ прогалины трудно пробраться; пучки эвлалій (eulalio japonica), растущіе тѣсно одинъ подлѣ другаго, достигаютъ такой высоты, что въ нихъ можетъ спрятаться человѣкъ верхомъ на лошади [4]).

До тѣхъ поръ, пока не будутъ устроены пути сообщенія во внутренности острова, Іессо будетъ обязанъ своимъ важнымъ экономическимъ значеніемъ почти единственно рыбнымъ промысламъ, производимымъ въ различныхъ пунктахъ его прибережья. По обилію рыбы, которая приходитъ метать икру на его берегахъ, этотъ островъ походитъ на Орегонъ, на противоположной сторонѣ Тихаго океана. Нѣкоторыя изъ сѣтей, употребляемыхъ для ловли лососины, имѣютъ около 1.200 метровъ (560 саженъ) въ длину, и чтобы орудовать такимъ громаднымъ снарядомъ, нужно болѣе 70 человѣкъ

[1]) Это увеличеніе площади посѣва можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, которую даетъ Д. Позднѣевъ:

Года.	Подъ рисомъ. Десятинъ.	Подъ ячменемъ и пшеницей.
80	2.307.114	1.289.110
84	2.345.148	1.337.202
87	2 373.362	1.432.237
91	2.481.419	1.542.290
92	2.492.053	1.596.609

[2]) Коку — 6,9 четверика, а квамме — $9^1/_4$ фун.

[3]) Masana Macda, „L'agriculture au Japon, Réforme économique“, 16 мая 1878 г.

[4]) Miss Isabella Bird, „Unbeaten tracks in Japon“.

рабочихъ; въ концѣ дня послѣ троекратнаго закидыванія и вынимания сѣтей, рыбаки наливаютъ иногда до 20.000 штукъ рыбы. Въ худые сезоны уловъ не превышаетъ 1.200.000 лососей, общій вѣсъ которыхъ около 3.000 тоннъ [1]). На всѣхъ берегахъ Японіи въ собственномъ смыслѣ и архипелага Лю-цю тоже занимаются съ успѣхомъ рыболовствомъ; и рыба входитъ въ гораздо болѣе значительной долѣ, чѣмъ мясо, въ питаніе жителей; въ послѣднее время также основаны заводы для искусственнаго разведенія рыбы на очень многихъ рѣкахъ центральнаго Ниппона [2]).

Морскими промыслами занято въ Японіи около 3,3 милліона человѣкъ. Японія не только сама истребляетъ массу рыбы, но и вывозитъ ее въ другія страны. Цѣна вывезенной въ 1892 году рыбы достигла 2.224.612 іенъ. Японскій рыбный промыселъ сильно развивается также вдоль нашего побережья; такъ, по отчету консула въ Хакодате за 1895 годъ, уловъ лососей достигъ 600.000 штукъ и горбуши 160.000. Около Сахалинскаго берега въ 1894 году, занималось 71 судно съ 2-мя тысячами рыбаковъ, выручившихъ чистаго барыша 128.000 д. На островахъ Лю-цю занимаются также ловомъ перламутровыхъ раковинъ, отыскиваемыхъ на днѣ искусными ныряльщиками или водолазами. Наконецъ многіе смѣлые промышленники гоняются въ открытомъ морѣ за кусирами, то-есть различными видами большихъ морскихъ животныхъ китовой породы, кашалотами, рорвалами или головачами, спиноперыми китами; многочисленныя японскія гравюры представляютъ цѣлыя рыболовныя флотиліи, преслѣдующія этихъ исполинскихъ млекопитающихъ и загоняющія ихъ ударами гарпуна къ сѣтямъ, сплетеннымъ изъ толстаго каната [3]).

Въ прежнее время земля принадлежала государству, и крестьяне пользовались ею какъ наслѣдственные арендаторы. Благодаря этому владѣнію почвой, переходящему отъ отца къ сыну, землевладѣльцы, въ концѣ концовъ, пріобрѣли нѣкоторую независимость, и какъ классъ, они слѣдовали непосредственно за дворянствомъ: купцы и ремесленники стояли ниже ихъ въ соціальной лѣстницѣ, какъ бы ни было велико ихъ богатство. Размѣръ земельнаго налога былъ различенъ, смотря по роду культуръ, обилію урожая, прихоти государя: отъ одной десятой только въ нѣкоторыхъ округахъ онъ поднимался въ другихъ областяхъ до трети и даже до половины и трехъ пятыхъ получаемаго дохода. Послѣднія революціи, которыя измѣнили весь соціальный строй японскаго государства, естественно, должны были коснуться также и порядка землевладѣлія. Крестьяне сдѣлались de facto собственниками земли и должны платить налогъ въ два съ половиной процента. Можно сказать, что въ общемъ японское право, относительно системы землевладѣнія, приблизилось къ римскому праву. Крупная земельная собственность встрѣчается на островѣ Іессо, въ сѣверной части Ниппона и даже въ нѣкоторыхъ округахъ центральной области, повсюду, гдѣ находились нетронутыя культурой земли или пустоши. Нѣкоторыя изъ этихъ имѣній недавняго образованія можно сравнить по протяженію съ большими помѣстьями Ирландіи и Россіи. Близъ Нигаты одно имѣніе, гдѣ вся земля засѣвается исключительно рисомъ, занимаетъ площадь въ 48 квадратныхъ километровъ и приноситъ владѣльцу около 400.000 франковъ годоваго дохода: это немного, конечно, въ сравненіи съ коллективнымъ доходомъ тысячи мелкихъ земельныхъ участковъ, обрабатываемыхъ ихъ хозяевами [1]). Законы о наслѣдствѣ представляютъ еще остатокъ патріархальныхъ установленій. Старшій сынъ, наслѣдующій родовое имѣніе, не можетъ покинуть его, и жена должна жить вмѣстѣ съ нимъ въ его отчизнѣ, принимая его фамильное имя. Съ своей стороны, дочь, сдѣлавшаяся наслѣдницей, когда отецъ не имѣлъ дѣтей мужскаго пола, должна оставаться въ отцовскомъ имѣніи, и тогда она предписываетъ мѣстопребываніе и сообщаетъ фамилію своему супругу. Когда основывается новое хозяйство, если домъ данъ тестемъ, мужъ принимаетъ фамилію жены, которая приноситъ ему въ приданое жилище [2]).

Горнозаводская промышленность Японіи теперь относительно менѣе значительна, чѣмъ она была въ прежнее время. Говорятъ, что португальцы, въ семнадцатомъ столѣтіи, вывозили ежегодно изъ Японіи 600 боченковъ (?) чистаго золота, на сумму 20 милліоновъ франковъ; въ то время этотъ металлъ былъ относительно болѣе обыкновененъ, такъ какъ цѣнность его только въ 12 разъ превосходила цѣнность серебра [3]). Во многихъ рудникахъ мѣдь содержитъ значительную пропорцію золота: оттого мѣдная руда принадлежала къ числу самыхъ прибыльныхъ статей вывоза голландцевъ. Древнѣйшіе золотые рудники Японіи, находящіеся на островѣ Садо, которые разработываются уже сотни лѣтъ, совершенно исчерпаны и даютъ лишь нѣсколько унцевъ, недостаточныхъ для того, чтобы продолжать разработку. Въ настоящее время единственныя мѣсторожденія металловъ, дѣятельно разрабатываемыя — рудники мѣдные и желѣзные; что же касается серебра, то хотя разработка его и производится, но запасы

[1]) Blakiston, „Proceedings of the Geographical Society of London“.

[2]) „Oesterreichische Monatsschrift für den Orienti“, 1880. № 12.

[3]) Paul Gervais, „Nature“, 8 дек. 1877 г.

[1]) Benj. J. Lyman, „Report on the Oil Wells“, 1877.

[2]) Morgan, „Systems of consanguinity“.

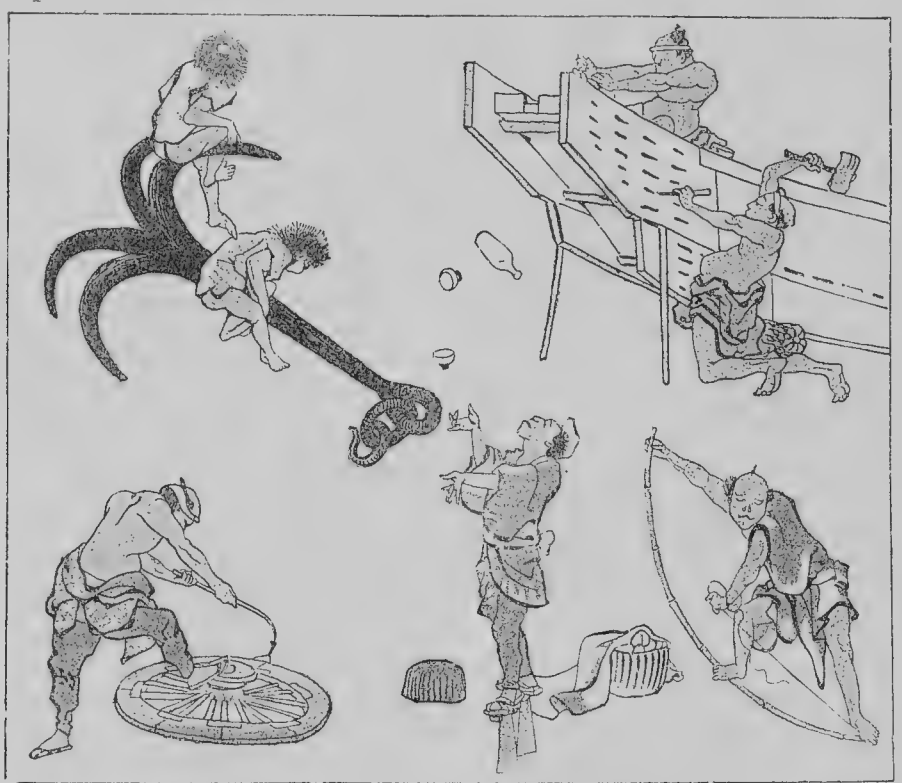
[3]) Левъ Мечниковъ, „l'Extrême Orient“, іюнь 1877 г.;— G. Bousquet „le Japon de nos jours“.

весьма незначительны, и не далеко то время, когда оно совершенно прекратится. Достаточно сказать, что отъ самыхъ богатыхъ рудниковъ правительство отказалось въ пользу частной компаніи.

Добыча золота въ Японіи въ 1895 году—29.101 унцъ; добыча серебра въ Японіи въ 1895 году—2.326.699 унцъ; добыча мѣди въ 1877 году — 3.800 тоннъ, цѣнность 5.500.000 франк.

Залежи желѣза встрѣчаются въ различныхъ частяхъ архипелага, и одинъ изъ Курильскихъ острововъ, Урупъ, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ огромные запасы желѣзной руды, содержащей 80 процентовъ чистаго металла. Въ окстолѣтій; а между тѣмъ добыча каменнаго угля въ Японіи въ 1895 году составляла всего только 200.000 тоннъ. Теперь начинаютъ также утилизировать мѣсторожденія мрамора, которыми прежде туземная промышленность совершенно пренебрегала, по причинѣ твердости этого матеріала. Большая часть рудниковъ въ Японіи принадлежитъ правительству [1]).

Хотя главная промышленность японцевъ — воздѣлываніе почвы для мѣстнаго потребленія, тѣмъ не менѣе страна Восходящаго солнца изъ всѣхъ государствъ Азіи принимаетъ наиболѣе дѣятельное участіе въ мануфактурномъ трудѣ, и произведенія ея мастерскихъ отправляются во всѣ части свѣта. Особенно въ про-



Японскіе рисунки.

рестностяхъ Сендая рудники питаютъ плавильные заводы, производящіе до 50 тоннъ въ день.

Другіе металлы: свинецъ, олово, кобальтъ, ртуть, доставляются рудокопами національной промышленности лишь въ незначительныхъ количествахъ. Источники каменнаго масла или нефти обманули надежды спекулянтовъ, которые думали найти въ Японіи «масленыя рѣки», подобныя пенсильванскимъ запасамъ петроля, но зато страна Восходящаго солнца чрезвычайно богата каменноугольными пластами; одинъ городъ Іессо заключаетъ количество угля, исчисляемое Ляйменомъ въ 400 милліардовъ тоннъ, то-есть количество, достаточное, чтобы покрывать нынѣшнее потребленіе это продукта на всемъ земномъ шарѣ въ продолженіе 20-ти

изводствѣ издѣлій изъ глины японцы достигли высокой степени совершенства. Уже въ могилахъ людоѣдовъ, открытыхъ Морсе, нашли глиняную посуду съ чрезвычайно искусно сдѣланными украшеніями, темы которыхъ видны также на фаянсахъ историческихъ вѣковъ, и мѣста погребенія всѣхъ послѣдующихъ эпохъ доставили искателямъ множество фигуръ изъ обожженной формовой земли или терракотты, которыя помѣщались въ видѣ круга вокругъ могилъ. Однако, японцы обязаны своими успѣхами въ этомъ искусствѣ китайцамъ и корейцамъ. Самыми знаменитыми горшечниками въ

[1]) Воейковъ, „Mitheilungen von Petermann", 1878 г. № 5.

исторіи Нипона считаются тѣ мастера, которыхъ привезъ съ собой одинъ Сацумскій князь, въ 1592 году, послѣ побѣдоносной экспедиціи въ Корею и которыхъ онъ поселилъ въ своемъ княжествѣ въ городѣ Несиво-гава: это они фабриковали прекрасные фаянсы, теперь очень рѣдкіе и дорого цѣнимые, которые извѣстны подъименемъ «стараго сацумскаго фарфора». Корейцы же, поселившіеся въ шестнадцатомъ столѣтіи въ Кіото, ввели тамъ искусство приготовленія фарфоровъ въ собственномъ смыслѣ. Въ это послѣднее время число мануфактуръ керамическаго производства сильно возросло, и даже нѣкоторые округи, прежде не имѣвшіе мутра, коралла или жемчуга. Въ 1894 году вывозъ фарфоровыхъ и глиняныхъ издѣлій опредѣлялся въ 1.435.000 іенъ.

Уже съ незапамятныхъ временъ японскіе ремесленники знакомы также съ искусствомъ ткать прочныя матеріи полотняныя и шелковыя, а ихъ парчи, тканыя съ золотыми и серебряными нитями, составляютъ великолѣпный матеріалъ для комнатныхъ обоевъ и парадныхъ одѣяній. Шелковыхъ издѣлій вывозится на 12.984.000 іенъ, что же касается бумажныхъ или пеньковыхъ издѣлій, то въ 1893 году вывозъ ихъ былъ на 2.012.000 іенъ.

Въ одномъ изъ храмовъ города Нара хранятся

Японскіе рисунки.

ни одного завода этого рода, теперь доставляютъ торговлѣ издѣлія, высоко цѣнимыя за богатство цвѣтовъ и оригинальность украшеній, изображающихъ листья или животныхъ. Селенія гончаровъ, даже пользующихся наибольшей извѣстностью, не отличаются отъ другихъ группъ хижинъ Нипона: каждая мастерская состоитъ изъ членовъ одного семейства, которые ходятъ поочередно присматривать за обжиганіемъ матеріаловъ въ общественной печи деревни. Въ производствѣ бронзовыхъ издѣлій, каждый мастеръ или вѣрнѣе художникъ трудится надъ какой-нибудь отдѣльной вещью, и самъ одинъ плавитъ ее, высѣкаетъ рѣзцомъ, раскрашиваетъ окислами, украшаетъ инкрустаціями изъ драгоцѣнныхъ металловъ, перлалаковыя коробки, происхожденіе которыхъ относятъ къ третьему столѣтію христіанской эры [1]), и которыя свидѣтельствуютъ о высокой степени совершенства, достигнутой японцами въ этой отрасли промышленности уже за тысячу шестьсотъ лѣтъ до нашего времени. Извѣстно, что японскіе лаки лучшихъ эпохъ наведенные на мѣди и всего чаще на деревѣ сосны retinispora, и украшенные золотомъ, серебромъ или перламутромъ, принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ предметовъ, какіе заключаютъ наши музеи; особенно высоко цѣнятся тѣ изъ этихъ издѣлій, которыя относятся къ шестнадцатому

[1]) Masana Macda, „Revue scientifique“, 15 іюня 1878 г.;— „Le Japon artistique et littéraire“.

столѣтію, то-есть къ тому времени, которое соотвѣтствуетъ эпохѣ возрожденія наукъ и искусствъ на Западѣ. Хорошія лаковыя вещи имѣютъ блескъ металла и почти неразрушимы, въ доказательство чего можно привести слѣдующій случай. Въ 1874 году отправленный въ Европу корабль «Нилъ» разбился о подводную скалу Микомото, въ сосѣдствѣ Симоды, и всѣ сокровища, которыя были посланы на Вѣнскую всемірную выставку, пролежали цѣлые полтора года въ морской водѣ; когда, наконецъ, лаковыя издѣлія были выловлены водолазами, они оказались совершенно цѣлыми и невредимыми; ихъ полировка нисколько не утратила своего блеска. Въ настоящее время старые лаки рѣдки, но все же вывозъ лакированныхъ издѣлій достигаетъ суммы въ 797.000 іенъ. Японцамъ принадлежитъ также пальма первенства по производству нѣкоторыхъ сортовъ бумаги, которую они фабрикуютъ изъ мякоти шелковицы, бруссонеціи (broussonetia papyrifera), кетмія (hibiscus) и многихъ другихъ древесныхъ породъ: если бы было вѣрно, какъ это утверждали нѣкоторые писатели, что степень цивилизаціи народовъ измѣряется количествомъ потребляемой ими бумаги, то японцы могли бы претендовать на первое мѣсто въ ряду культурныхъ націй. Не только они принадлежатъ къ числу народовъ, потребляющихъ наибольшее количество бумаги для печатанія и для рисованія кистью, но, кромѣ того, они пользуются этимъ продуктомъ для множества другихъ употребленій: тетрадки бумаги замѣняютъ имъ наши носовые платки и салфетки; табуретки, служащія подушками, обиваются бумагой; вмѣсто стеколъ, въ окна вставлены бумажные квадраты изъ четвертушки листа, и большія рамы, оклеенныя тѣмъ же матеріаломъ, составляютъ подвижныя стѣны домовъ; для защиты отъ дождя, японцы надѣваютъ одежду изъ бумаги, навощенной растительнымъ воскомъ, и бумага же замѣняетъ откидной кожаный верхъ въ коляскахъ, возимыхъ руками; бумажные ремни, употребляемые въ машинахъ, оказываются даже крѣпче кожаныхъ [1]). Нѣкоторые виды этихъ японскихъ продуктовъ до сихъ поръ еще не могли быть воспроизведены западной промышленностью; но что касается бѣлизны листовъ, то превосходство остается за англійскими и французскими фабрикантами; японская бумага всегда немного желтовата. Японцы также могутъ считаться учителями европейцевъ въ искусствѣ плетенья камыша и ивовыхъ прутьевъ, равно какъ въ искусствѣ плетенья соломы: они имѣютъ изумительное разнообразіе произведеній этого рода, отъ непромокаемаго плаща до маріонетокъ всевозможной величины и формы [2]). Однѣхъ циновокъ въ 1894 году изъ Японіи вывезено на 1.965 іенъ. Кожевенная промышленность представлена въ нѣкоторыхъ городахъ Японіи замѣчательно мастерскими произведеніями; но, вообще, кожа очень мало употребляется какъ матеріалъ для производства предметовъ роскоши, отчасти по той причинѣ, что профессія кожевника считалась позорнымъ ремесломъ,—выдѣлка кожъ низводила занимающихся ею ремесленниковъ въ презираемую касту этасовъ или парій, а главнымъ образомъ оттого, что въ Японіи нѣтъ скотоводства и кожевенные товары ввозятся въ Японію на сумму 1.172.847 іенъ [1]). Между замѣчательными произведеніями японской промышленности нужно упомянуть о тѣхъ «волшебныхъ зеркалахъ», блескъ которыхъ, какъ гласитъ легенда, заставилъ богиню Солнца, любопытную и завистливую, выйти изъ пещеры, въ которой она до того времени пряталась. Появленіе изображеній, которыя это зеркало отбрасываетъ на стѣны подъ вліяніемъ пучка лучей свѣта и теплоты, происходитъ, какъ показали опыты Шампіона, Персона, Мальяра, Говарда Айртона, Перри, Бертена, Дюбоска, оттого, что поверхность металла не вездѣ имѣетъ одинаковую толщину и одинаковую композицію; нагрѣваясь, она сгибается неравномѣрно въ различныхъ точкахъ и такимъ образомъ дѣлаетъ видимыми, посредствомъ искусно разсчитанныхъ отраженій своихъ впадинъ и выпуклостей, орнаментаціи или буквы, которыя, такъ сказать, были скрыты въ немъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ торговыя сношенія производятся свободно между Японіей и остальнымъ міромъ, японская промышленность встрепенулась въ совершенно другой міръ. Чтобы предавать иностранцамъ возможно большее количество своихъ произведеній, туземные ремесленники стали заниматься преимущественно фабрикаціей дешевыхъ издѣлій, отчего, разумѣется, должно было пострадать дѣйствительное достоинство ихъ работы; кромѣ того, иностранная конкурренція разорила различныя отрасли промышленности. Тѣмъ не менѣе, однако, традиціи искусства сохраняются еще въ прежней силѣ для нѣкоторыхъ производствъ, каковы бронзы, лаковыя издѣлія, фаянсовая и фарфоровая посуда, шелковыя матеріи, бумага, раскрашенная или гофрированная для обоевъ. Гармонія цвѣтовъ, воздержность въ орнаментировкѣ, изящество, натуральность, разнообразіе рисунка составляютъ отличительныя черты произведеній японскихъ ремесленниковъ-художниковъ; всѣ предметы природы, цвѣтки, листья, вѣтки, насѣкомыя, рыбы, птицы и мелкія четвероногія животныя представляются съ такой поразительной типичностью выраженія, съ такой смѣлостью уменьшенія размѣровъ, съ такой легкостью руки, что исполненіе ри-

[1]) „Annales de l'Extrême Orient", 1881 г.; — „Géographie", 8 окт. 1881 г.

[2]) Левъ Мечниковъ, „l'Empire Japonais".

[1]) Въ 1892 году.

сунка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ одно мгновеніе ока японскій артистъ нарисуетъ обширныя декоративныя композиціи, представляющія стройное цѣлое, при чемъ равновѣсіе частей никогда не достигается повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же формъ [1]). Даже тѣ, которые вовсе не артисты по профессіи, импровизируютъ украшенія, отличающіяся поразительной правдой и игривостью [2]); рисованіе составляетъ необходимую часть обыкновеннаго образованія; японецъ каждую минуту дѣлаетъ употребленіе изъ своей кисти. Очень тонкіе наблюдатели, японскіе художники имѣютъ замѣчательный талантъ схватывать типичныя

Изъ японскаго альбома.

черты и характеристическія позы людей, и ихъ иронія нападаетъ не только на презираемыхъ бонзъ, но и на сильныхъ міра, изображаемыхъ почти всегда подъ видомъ животныхъ, лисицъ, обезьянъ или кабановъ [3]). Хотя Ниппонъ получилъ изъ Китая первые уроки искусства, однако, японцы быстро освободились отъ рабскаго подражанія своимъ учителямъ и сохранили только заимствованный методъ и пріемы, чтобы примѣнять ихъ къ сюжетамъ собственнаго выбора съ своеобразной манерой, свободной, игривой и полной фантазіи; даже въ традиціонномъ искусствѣ буддійскаго культа мотивы, предписываемые религіей, воспроизводятся съ удивительнымъ разнообразіемъ деталей. Но если человѣческая фигура всегда изображается на японскихъ рисункахъ съ большой энергіей движенія, съ изумительной силой выраженія и замѣчательнымъ пониманіемъ типовъ и характеровъ, то рѣдко бываетъ, чтобы границы смѣшнаго, границы такъ называемаго гротесковаго рода не были превзойдены, и чтобы изображеніе не переходило въ каррикатуру. На всемірныхъ выставкахъ 1867 и 1878 годовъ японское искусство, уже давно оцѣненное европейскими знатоками, поразило всѣхъ посѣтителей своимъ неоспоримымъ превосходствомъ надъ китайскими произведеніями; вліяніе его уже въ значительной степени отразилось на всей современной европейской орнаментаціи въ матеріяхъ, фаянсахъ, картинахъ [1]). Японское искусство образовало особую школу и нашло себѣ подражателей на западѣ, и это уже въ эпоху его упадка, когда оно само испортилось подъ вліяніемъ овладѣвшей художниками любви къ наживѣ и происходящей оттого торопливости и небрежности работы.

Извѣстно, что послѣ изгнанія португальцевъ и избіенія обращенныхъ въ христіанскую вѣру японцевъ торговля Ниппона съ Европой была ограничена, въ 1685 году, суммой 300.000 таэлей (іенъ) что̀ составитъ около столькихъ же

[1]) „Le Japon artistique et littéraire"; — Cutler, „A grammar of Japanese Ornament and Design".

[2]) De Hübner, „Voyage autour du monde".

[3]) A. Humbert, „Japon pittoresque"; — „Le Japon artistique et littéraire".

[1]) Ch. Schiffer, рукописныя замѣтки.

рублей, и нагасакскій губернаторъ съ большимъ усердіемъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы опредѣленная трактатомъ цѣнность привоза не была превзойдена [1]). Китайскіе коммерсанты имѣли право продать въ Нагасаки товаровъ на двойную сумму, но и за ними учрежденъ былъ не менѣе бдительный надзоръ, чѣмъ надъ голландцами, въ наказаніе за то, что они провозили контрабаднымъ путемъ кресты и католическія книги. Движеніе обмѣна въ размѣрѣ около 6 милліоновъ франковъ—вотъ къ чему сводились торговыя сношенія промышленной страны Восходящаго солнца съ остальнымъ міромъ. Хотя Японія окружена островами и островками, гдѣ джонки и рыболовныя суда могутъ тайкомъ складывать свои грузы, однако, несмотря на эти выгодныя условія, контрабандная торговля почти совсѣмъ не существовала; не торговлѣ, а пиратству предавались отважные японскіе мореходы, которыхъ видали на островѣ Формозѣ и на берегахъ китайской провинціи Фу-цзянь, подражатели тѣхъ смѣлыхъ корсаровъ, которые, въ первые вѣка христіанской эры, появлялись даже въ Малезіи и передъ устьемъ рѣки Мейнамъ, и которые доставляли сіамскому королю лучшихъ его воиновъ; наконецъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія, колонія японцевъ охраняла подступы къ Ютіи, столицѣ сіамскаго царства [3]). Лишенные компаса изъ опасенія, чтобы этотъ путеводитель не ввелъ ихъ въ искушеніе пускаться въ дальнія плаванія по морямъ, японскіе мореходы не удалялись болѣе отъ береговъ своего архипелага въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій и воздерживались даже отъ всякаго разговора съ потерпѣвшими кораблекрушеніе чужестранцами. Во время морскаго землетрясенія, имѣвшаго мѣсто въ Симодѣ, около сотни японцевъ рѣшились скорѣе погибнуть, чѣмъ нарушить законъ, воспрещавшій имъ вступать на бортъ европейскаго судна, только двое приняли веревку, брошенную имъ русскими матросами съ корабля «Діана».

Съ 1854 года, эпохи открытія японскихъ портовъ иностраннымъ купеческимъ кораблямъ, внѣшняя торговля Ниппона не переставала возрастать отъ десятилѣтія къ десятилѣтію, но не годъ отъ году, ибо междоусобная война 1868 года, обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, переполненіе рынка товаровъ, имѣли слѣдствіемъ временную пріостановку въ развитіи торговаго обмѣна. Въ тридцать лѣтъ, съ 1867 по 1897 годъ, совокупность коммерческихъ операцій Японіи съ иностранными негоціантами въ десяти открытыхъ портахъ: Нагасаки, Хіогокобе, Осака, Іокогама, Ніигата, Хакодате, Отурунай, Симоносеки, Сендай, Аомори [3]), не считая Формозы, возросла такъ, что превысила оборотъ 1867 года болѣе чѣмъ въ 10 разъ [1]).

Журналъ «Monthly Returns of the foreing trade of the Empire of Japon», дающій весьма подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что касается внѣшнихъ коммерческихъ сношеній Японіи и ея торговли вообще, указываетъ, что въ 1897 году вывозъ достигъ цѣнности 408 милліоновъ франковъ, а ввозъ 549 милліоновъ. Такимъ образомъ общая сумма оборота за 1897 годъ опредѣлилась въ 957.000.000 франковъ или 3.824 милліона іенъ. Если вспомнить, что въ 1868 году торговля Японіи оцѣнивалась въ 26 милліоновъ іенъ, возросши къ 1879 году до 632 мил., а къ 1889 г. до 1.364 мил., то легко замѣтить, что за время 30-лѣтняго прогресса торговля страны болѣе нежели удесятерилась.

Это замѣчательное развитіе торговли зависитъ отъ прогресса японской промышленности. Привыкшіе находить въ самой странѣ земледѣльческія произведенія и обработанные предметы, необходимые для личнаго употребленія, японцы требуютъ отъ иностранцевъ только то, чего невозможно достать у себя дома.

Въ обмѣнъ за свои продукты, чаи, шелкъ сырецъ и матеріи, камфару, лакированныя издѣлья, коконы, они получаютъ у европейцевъ только шерстяныя и хлопчато-бумажныя ткани, металлическія издѣлія и нѣкоторые мануфактурные товары. Но по мѣрѣ того какъ въ Японіи развивается индустрія, страна освобождается всѣ болѣе и болѣе отъ зависимости иностранцевъ, дѣлается своимъ собственнымъ поставщикомъ и даже конкурентомъ своихъ бывшихъ учителей. Ея таможенные отчеты указываютъ одновременное увеличеніе вывоза сырыхъ матеріаловъ и уменьшеніе ввоза мануфактурныхъ издѣлій За послѣднее пятилѣтіе этотъ послѣдній упалъ на 44%, тогда какъ количество лишь одного шелка-сырца, вывезеннаго въ 1892 году, въ 11 разъ превышаетъ количество того же матеріала въ 1887 году. Уже теперь въ Японію почти прекратился ввозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій и увеличилось количество привозимаго хлопка-сырца. Болѣе того бумажныя издѣлія Японіи нашли сбытъ въ Кореѣ и Китаѣ и являются опаснымъ конкурентомъ бумажнопрядильной промышленности англійской Индіи. Есть проектъ, по которому Японія будто бы хочетъ отказаться отъ ввозной пошлины на хлопокъ и вывозной пошлины на мануфактуры, изъ него выдѣлываемыя, для того чтобы еще болѣе увеличить этого рода производство. Изъ прочихъ предметовъ, которые еще недавно ввозились въ страну, и въ которыхъ Японія нынѣ уже не нуждается и даже сама вывозитъ, это—различныя принадлежности туалета, сапоги, туфли, шляпы, зонтики,

[1]) Thunberg, „Voyage au Japon“;—Kämpfer, „Histoire du Japon“; Siebold, „Nippon Archiev“.

[2]) Thunberg; Kusunoki;—Knipping, „Mittheilungen von Petermann“, 1878, № 11.

[3]) Четыре послѣднихъ порта открыты условно, только послѣ войны съ Китаемъ.

[1]) Позднѣевъ, рѣчь, читанная на Нижегородскомъ съѣздѣ.

бѣлье, дождевики. Товары эти ходко идутъ по всему востоку и внутри Азіи. Широкое распространеніе нашли себѣ спички японскаго изготовленія, вывозъ которыхъ въ 1894 году достигъ 13.843.000 гроссъ на сумму 3.796.000 іенъ.

Весьма немаловажную роль въ японской торговлѣ имѣетъ каменный уголь, по своимъ качествамъ далеко неважный, но, какъ продуктъ дешевый, захватывающій всѣ азіатскіе и даже американскіе рынки. Въ 1894 году его вывезено было 1.265.504 тонны на сумму 4.176 т. іенъ.

Относительно торговли чаями уже было упомянуто; здѣсь достаточно лишь указать, что вывозъ чая въ 1894 году равнялся 5.556.400 фунтовъ, цѣною въ 7.930 т. іенъ*.

народомъ рыболововъ и мореходовъ. Простыя барки, слишкомъ маленькія для того, чтобы пускаться за предѣлы бухточекъ, насчитываются въ числѣ многихъ сотенъ тысячъ; каждая семья имѣетъ свою барку въ прибрежныхъ деревняхъ. Что касается болѣе значительныхъ судовъ, имѣющихъ болѣе 6 метровъ въ длину и достаточно крѣпкихъ, чтобы пускаться въ открытое море, то ихъ насчитывали въ 1872 году свыше тридцати тысячъ; до этого времени англійскій адмиралъ Гопъ, плывя черезъ внутреннее Японское море, встрѣтилъ тамъ болѣе 1.500 джонокъ, не считая барокъ. До послѣдней революціи, то-есть до 1868 года, моряки въ собственномъ смыслѣ не обладали еще судами съ килемъ, которыя можно бы было сравнить съ европейскими кораблями: у нихъ были

Японскій рисунокъ.

Вообще нѣтъ такихъ европейскихъ произведеній, которымъ японцы не умѣли бы подражать: осакскіе конструкторы поставляютъ несгараемые сундуки, ничѣмъ не отличающіеся отъ иностранныхъ произведеній этого рода, и даже украшенные именемъ патентованнаго европейскаго фабриканта. Англія получила даже грузы кирпича, привезенные изъ страны Восходящаго солнца.

Удлиненная форма архипелага, препятствія, которыя горы, наполняющія внутреннюю часть страны, противопоставляютъ сухопутнымъ сообщеніямъ, удобства, представляемыя безчисленными бухтами и бухточками прибрежья движенію судоходства, по крайней мѣрѣ на восточномъ берегу главнаго острова и во всей южной части Японіи, – всѣ эти обстоятельства естественно должны были сдѣлать островитянъ только джонки, всѣ построенныя по планамъ, предписаннымъ государствомъ[1]); но нѣкоторыя изъ этихъ судовъ поднимали болѣе 200 тоннъ груза и плавали во всѣхъ водахъ архипелага. Такъ какъ всякія торговыя сношенія съ чужими землями были воспрещены, то большія джонки, на которыя садились посланники и мандарины, отправляющіеся на острова Лю-цю, на Формозу, въ Китай, принадлежали правительству. Со времени открытія японскихъ портовъ европейскимъ негоціантамъ, торговый флотъ страны получилъ большую важность и развитіе, и теперь Японія равняется Франціи и превосходитъ многія другія европейскія государства по числу и вмѣстимости пароходовъ такъ же, какъ и по общей численности флота.

[1]) Kämpfer, „Histoire du Japon;“ – Perry, „Expedition of an american squadron“.

*

Коммерческій флотъ Японіи въ 1879 году состоялъ изъ: парусныхъ судовъ европейск. конструкціи— 714, вмѣстим. 27.550 тоннъ.; пароходовъ— 166, вмѣстим. 42.760 тоннъ; джонокъ, въ 31 тонну среднимъ числомъ— 18.174, вмѣстим. 745.134, тоннъ. Общее число судовъ, не считая рыболовн.—19.054, вмѣстим. 815.444 тоннъ.

Первый колесный пароходъ, проникшій въ японскій портъ, «Барракута», едва успѣлъ войти въ воды Нагасаки, какъ уже любознательные туземцы стали толпами являться на бортъ его, чтобы осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ невиданное судно, просили показать имъ дѣйствіе машинъ и заставили корабельнаго инженера начертить планъ и профиль парохода [1]). Когда японскіе дайміосы вступили въ сношенія съ иностранцами, они тотчасъ же накупили себѣ пароходовъ, чтобы увеличить свой престижъ въ глазахъ своихъ подданныхъ; скоро около 200 этихъ судовъ, составлявшихъ предметъ роскоши, закачались въ портахъ передъ дворцами дайміосовъ, но большинство ихъ, негодныя забракованныя суда, проданныя за высокую цѣну и управляемыя неопытными экипажами, скоро обратились въ безполезные понтоны. Эра серьезнаго судоходства въ ту пору еще не началась [2]).

Наконецъ въ 1872 году одинъ японскій корабль пустился черезъ океанъ, направляясь въ Санъ-Франциско, и съ этой эпохи флагъ Восходящаго солнца показался въ портахъ западнаго міра. Одно пароходное общество, впрочемъ, получающее правительственную субсидію, Митцу-биши, обладало уже въ 1876 году 40-ка слишкомъ пароходами въ 2.000 тоннъ, которые поддерживали сообщеніе между всѣми пристанями прибрежья Ниппона, а также совершали рейсы въ Гонконгъ, въ Шанхай и во Владивостокъ. Это общество овладѣло мало-по-малу монополіей перевозки товаровъ и пассажировъ, но возникшая вскорѣ новая пароходная компанія явилась сильнымъ конкурентомъ. Послѣ продолжительной борьбы, гдѣ успѣхъ былъ весьма перемѣнчивъ, противники рѣшили соединиться и подъ общимъ названіемъ «Ниппонъ-юзенъ-кайша» образовали огромную богато-организованную компанію. Это пароходное общество, получая субсидію правительства, является для страны тѣмъ же, что для насъ Добровольный флотъ, съ тою только разницею, что количество судовъ общества Ниппонъ-юзенъ въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ въ Добровольномъ флотѣ и флотъ японской компаніи можно видѣть не только во всѣхъ портахъ Азіатскаго востока и Австраліи, но даже въ Европѣ, а въ послѣднее время была попытка завязать сношенія и съ Африкою. Получая солидную субсидію, служа транспортами въ военное время, общество по настоянію правительства въ 1895 и 1896 году пріобрѣло 20 судовъ, общее же число судовъ, принадлежащихъ обществу, доходитъ до двухъ сотенъ.

Вообще торговое судостроеніе въ странѣ развивается одновременно съ торговлей, и въ настоящее время по числу своихъ торговыхъ морскихъ судовъ Японія занимаетъ еще болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ 1879 году.

Въ ней къ концу 1897 года числилось:

Судовъ европейскаго типа: а) пароходовъ 827, вмѣстимостью—213.221 тоннъ; б) парусниковъ 702, вмѣстимостью—41.447 тоннъ. Судовъ японской конструкціи—17.360 [1]).

Одной субсидіи въ 1897 году провительствомъ выдано свыше 4.111.000 іенъ [2]). Участіе иностранныхъ судовъ въ торговлѣ Японіи выразилось въ 1895 году слѣдующимъ образомъ:

Англійскихъ—987, вмѣстимостью 1.786.345 тон.; германскихъ—371, вмѣстимостью 339.921 тон.; норвежскихъ—244, вмѣстимостью 239.148 тон.; Соединен. Штатовъ — 96, вмѣстимостью 122.002 тон.; русскихъ—72, вмѣстимостью 86.319 тон.; французскихъ—29, вмѣстимостью 61.330 тон.; австрійскихъ—22, вмѣстимостью 55.844 тон.; другихъ націй—84, вмѣстимостью 62.573 тон. Итого — 1.905, вмѣстимостью 2.753.482 тон. [3]).

Китайцы или нанкинъ санъ, какъ ихъ здѣсь называютъ, взимаютъ значительную долю барышей съ японской торговли: какъ посредники, они замѣняютъ мало-по-малу европейцевъ и американцевъ въ портахъ, открытыхъ иностраннымъ кораблямъ. Въ каждомъ торговомъ домѣ мѣсто компрадора или маклера непзмѣнно занято китайцемъ. Число иностранныхъ резидентовъ въ открыхъ портахъ Японіи состояло:

Въ 1874 г.: англичанъ 1.170; другихъ европейцевъ и американцевъ 1.238; китайцевъ 2.723; всего 4.513.

Въ 1878 г.: англичанъ 1.067; другихъ европейцевъ и американцевъ 1.410; китайцевъ 3.028; всего 5.505.

Къ январю 1897 года: англичанъ—1.960; американцевъ—1.025; нѣмцевъ—476; французовъ — 343; русскихъ—269; китайцевъ— 4.533; всего —9.238 человѣкъ.

Японцы не совсѣмъ пренебрегали устройствомъ сухопутныхъ дорогъ, хотя море, освѣщаемое теперь маяками (въ 1881 году въ Японіи было уже 45 маяковъ, не считая портовыхъ огней), представляетъ имъ столь удобныя пути сообщенія. Еще недавно только, въ окрестностяхъ Кіото, старой столицы государства, употребляли для перевозки тяжестей телѣги, запряженныя волами. Эти пути были исправлены и дополнены; другія дороги, представлявъ-

[1]) Tronson, „Voyage of the Barracouta".
[2]) „Oesterreichische Monatsschrift fur den Orient", 15 марта 1876 г.

[1]) „Almanach de Gotha", 1898 стр. 1097.
[2]) „Спб. Вѣдомости" 1898 г. № 128.
[3]) „Chronicle and Directory" 1897, p. 12.

нія на большей части своего протяженія простыя тропинки, по которымъ могли проходить только мулы, были постепенно расширены, чтобы сдѣлать ихъ удобными для проѣзда ручныхъ колясокъ или «дженерикша». Четыре главныя дороги, называемыя обыкновенно по старымъ именамъ провинцій, черезъ которыя онѣ пролегаютъ, именно Токаи-до и Накасенъ-до, соединяющія Токіо съ Кіото, одна черезъ морское прибрежье, другая черезъ горы; Гокроку-до, которая идетъ по западной покатости главнаго острова, и Тосанъ-до, сѣверная дорога, принимаютъ мало-по-малу видъ европейскихъ шоссе. Что касается желѣзныхъ дорогъ, то Японія сначала довольствовалась тѣмъ, что подала примѣръ Китаю, построивъ два рельсовыхъ пути изъ Іеддо въ Іокогаму и изъ Осаки въ Кіото и Кобе, гдѣ публика толпится не менѣе, чѣмъ на самыхъ оживленныхъ линіяхъ Европы; но послѣ этого послѣдняго успѣлія предпріятія этого рода были надолго прерваны, строили только маленькія горнозаводскія желѣзныя дороги, и лишь въ самое недавнее время городъ Охоцъ былъ связанъ рельсовымъ путемъ съ Кіото, а на островѣ Іессо главный городъ Саппоро соединенъ съ портомъ Отарунай. Общая длина японскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1881 году равнялась 138 километрамъ; число пассажировъ, проѣхавшихъ въ 1879 г., было 3.000.000. Въ настоящее время приступаютъ къ исполненію обширнаго проекта, состоящаго въ томъ, чтобы провести магистральную линію съ сѣвера на югъ главнаго острова черезъ города Сендай, Токіо, Нагойя и Кіото и соединить ее боковыми вѣтвями со всѣми важнѣйшими городами западнаго берега. Участки этой сѣти, которые должны быть ранѣе другихъ окончены постройкой и открыты для движенія, суть дороги изъ Охоца въ Цуругу и изъ Токіо въ Нагасаки. За исключеніемъ локомотивовъ, привозимыхъ изъ Америки, весь матеріалъ, потребный для постройки и эксплоатаціи новыхъ рельсовыхъ путей, будетъ туземнаго происхожденія. Всего въ настоящее время въ Японіи открыто желѣзныхъ дорогъ протяженіемъ 2.501.47 англійскихъ миль, рельсовъ положено 3.034,51 миля.

По части почтъ и телеграфовъ успѣхи Японіи были гораздо быстрѣе Первая телеграфная линія была открыта въ 1869 году, а въ 1896 году общая длина телеграфной сѣти, заключающей нѣсколько подводныхъ линій и связанной съ линіями сосѣдняго континента черезъ Шанхай, Владивостокъ и Фузанъ, составляла около 15.913 километровъ, при длинѣ провода 148.758 километ.; почтовыя дороги имѣли общее протяженіе въ 58.000 квадратныхъ километровъ. Что касается организаціи почтовой службы, то Японія, одно изъ государствъ, выказавшихъ наибольшую готовность присоединиться къ всемірному почтовому союзу, не имѣетъ причины завидовать почтамъ западной Европы; въ этомъ отношеніи ее уже можно поставить гораздо выше многихъ государствъ съ европейской цивилизаціей. Въ 1895 году движеніе почтовой и телефной корреспонденціи въ Японіи выразилось слѣдующими цифрами:

Почтовыхъ конторъ—3.830; писемъ и посылокъ внутр. — 439.692.266; писемъ и посылокъ за границу—4.384.868; транзитныхъ посылокъ—139.763. Телеграфныхъ конторъ—784; телеграмъ послано—9.411.421.

Циркуляція періодическихъ изданій въ короткое время возрасла въ изумительныхъ размѣрахъ. Первое изданіе этого рода появилось въ 1871 году; а въ половинѣ 1878 года уже насчитывалось 266 газетъ японскихъ и 9 на иностранныхъ языкахъ, которыя всѣ вмѣстѣ печатались въ количествѣ 29 милліоновъ экземпляровъ. Въ теченіе того же года вышло въ свѣтъ 5.317 новыхъ сочиненій въ 9.967 томахъ. Такимъ образомъ страна Восходящаго солнца занимаетъ видное мѣсто между націями міра по развитію книжной торговли; по числу выходящихъ въ свѣтъ произведеній печати она превосходитъ даже Великобританію. Такъ, напримѣръ, въ теченіе года, съ іюля 1878 по іюль 1879 года, въ Японіи вышло въ свѣтъ слѣдующее число изданій:

543 сочиненія по политикѣ и законодательству; 470 сочиненій по педагогикѣ; 454 сочиненія по географіи; 313 сочиненій по филологіи, 225 сочиненій по математикѣ; 180 сочиненій по исторіи; 107 сочиненій по религіи; 2.925 романовъ, стихотвореній и т. п.

Въ это послѣднее время нѣкоторые не очень извѣстные японскіе издатели начали вступать въ конкуренцію съ европейскими собратами по ремеслу въ отношеніи контрафакціи англійскихъ литературныхъ произведеній [1]). Всѣ цѣнныя научныя сочиненія, появляющіяся въ Европѣ, переводятся на японскій языкъ и имена Дарвиновъ, Гербертовъ Спенсеровъ извѣстны всякому образованному человѣку въ Ниппонѣ.

Въ 1892 году въ Японіи числилось 24 библіотеки съ 327.548 томами книгъ. Выпущено 7.334 разныхъ изданій. Выходило 792 періодическихъ изданій, которыя расходились въ 244.203.066 экземплярахъ. Самая распространенная изъ Японскихъ ежедневныхъ газетъ «Jorodgu Choho» расходится въ количествѣ 24.458.240 экземпляровъ*.

Быстрое возрастаніе литературнаго движенія доказываетъ, какъ серьезно поставлено дѣло народнаго просвѣщенія въ странѣ Восходящаго солнца. Образованіе сдѣлалось общимъ достояніемъ, и всѣ безъ различія проис-

---

[1]) „Athenaeum"; — „London and China Express", 4 нояб. 1881 г.

хожденія и состоянія могутъ изучать науки и искусства въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По закону, должна существовать одна начальная школа для каждыхъ 600 жителей; среднія и спеціальныя учебныя заведенія, академіи художествъ, консерваторіи промышленныхъ искусствъ и ремеслъ, университетъ въ Токіо и многія высшія учебныя школы, изъ которыхъ первая по времени есть главная медицинская школа въ Нагасаки, основанная въ 1829 году, дополняютъ организацію системы народнаго образованія. Даже тюрьмы преобразованы въ правильныя школы, гдѣ обязанности наставниковъ обыкновенно исполняютъ осужденные за политическія преступленія [1]). Часть бюджета, назначенная въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, составляетъ одинъ изъ главныхъ расходовъ государства, и японская нація, независимо отъ правительства, отличается между всѣми народами своей щедростью въ пользу школъ; въ пять лѣтъ, съ 1875 по 1879 годъ, добровольныя пожертвованія на дѣло народнаго просвѣщенія достигли суммы, превышающей 42 милліона франковъ, не считая земель, зданій, книгъ, инструментовъ, учебныхъ пособій, всякаго рода приношеній натурой. Между многочисленными ассоціаціями, возникшими въ это послѣднее время, одно общество, имѣющее не менѣе 3.000 членовъ во всѣхъ частяхъ имперіи, основалось спеціально съ цѣлью содѣйствія распространенію школьнаго образованія въ странѣ. Однако еще двѣ пятыхъ мальчиковъ и четыре пятыхъ дѣвочекъ не посѣщаютъ общественныхъ школъ, но много дѣтей учатся грамотѣ въ своей семьѣ.

Въ настоящее время въ имперіи Микадо 25.617 школъ въ томъ числѣ 23.667 общественныхъ, получающихъ помощь отъ государства и 1.950 частныхъ. По отчетамъ число учащихся въ концѣ 1896 года было 3.613.026 при 69.196 учителяхъ и наставникахъ. Содержаніе всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній превышаетъ 50 милліоновъ ежегодно. Особенные успѣхи замѣтны въ распространеніи высшаго и профессіональнаго образованія. Такъ число воспитанниковъ инженернаго училища возросло до 825. На курсахъ архитектуры было—65 студентовъ; механики—40; кораблестроенія—13; электротехники—30; химіи и технологіи—24 и металлургіи—27 [2]). Ставъ на почву коммерческаго и торговаго народа, японцы обратили серьезное вниманіе и на эту сторону образованія. Понимая свою неподготовленность и неопытность въ дѣлѣ торговли въ сравненіи съ европейцами, японцы спокойно и энергично стали изучать торговую тактику и пріемы своихъ конкурентовъ, и предприняли рядъ мѣръ къ распространенію коммерческаго образованія, для чего открыли нѣсколько коммерческихъ училищъ, крупнѣйшія изъ которыхъ находятся въ Осакѣ и Токіо; организація ихъ и достигнутые результаты не оставляютъ желать ничего лучшаго Не смотря на такіе, повидимому, блестящіе успѣхи, система народнаго образованія, по отзыву Пеликана, не обладаетъ никакою устойчивостью. Въ теченіе перваго десятилѣтія дѣйствія новыхъ школьныхъ порядковъ программы преподаванія и самые порядки подвергались неоднократнымъ коренным преобразованіямъ. Такъ, въ 1877 году пришлось расширить кругъ власти мѣстныхъ учрежденій, а въ 1885 году состоялся новый пересмотръ школьныхъ уставовъ, вызванный жалобами на высокую плату за ученье. Были приняты нѣкоторыя мѣры, но онѣ оказались недостаточны, и въ 1886 году вся система вновь была измѣнена. Но законъ 1886 года былъ въ дѣйствіи лишь до 1890 гола, когда потребовалось новое его измѣненіе и пересмотръ [1]).

Главный упрекъ, который дѣлаютъ японской системѣ воспитанія, состоитъ въ томъ, что программа ея слишкомъ обширна для начальныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній; ученикъ теряетъ въ глубинѣ то, что выигрываетъ въ обширности курса. Кромѣ того, прежнія грубыя тѣлесныя упражненія молодыхъ самураевъ замѣнены курсомъ гимнастики, но весьма недостаточнымъ, и здоровье воспитанниковъ многаго страдаетъ отъ этого порядка, не соотвѣтствующаго требованіямъ правильнаго физическаго развитія, и вообще японскіе ученики слишкомъ переутомлены и впадаютъ въ сильное истощеніе.

Число иностранныхъ наставниковъ, которыхъ японское правительство выписало изъ Европы и Америки, чтобы ознакомить населеніе съ науками, искусствами и ремеслами цивилизованнаго міра, уменьшается изъ году въ годъ, и оклады, предлагаемые вновь пріѣзжающимъ, дѣлаются все болѣе и болѣе умѣренными, что объясняется постепенной замѣной англичанъ и американцевъ нѣмецкими преподавателями. Въ 1875 году всѣхъ иностранныхъ наставниковъ, состоящихъ на службѣ японскаго правительства, насчитывалось 705, въ 1892 году ихъ было только 54. Иностранные инженеры, приглашенные для проведенія въ краѣ грунтовыхъ дорогъ и рельсовыхъ путей, для постройки и вожденія кораблей, медики, которымъ поручаютъ управленіе госпиталями и больницами, военные, призванные для формированія и обученія войска, юрисконсульты, избранные для составленія законовъ, финансисты, прибывшіе въ надеждѣ орудовать фондами и финансами государства,—всѣ чужеземцы были приведены ласковымъ и постояннымъ обхожденіемъ ихъ хозяевъ къ единственной роли, къ роли учителя, каждый

[1]) „Nature, journal of science“, 13 окт. 1881.
[2]) См. „Engineering“, 1897.

[1]) См. Пеликанъ, „Прогрессирующая Японія“, стр. 279.

по своей спеціальности [1]). Отъ нихъ требовали не примѣнять непосредственно свои таланты въ пользу своей славы, а только того, чтобы они дѣлались постепенно безопасными, образуя учениковъ, которые могли бы замѣнить ихъ и тѣмъ дали бы возможность какъ можно скорѣе отослать ихъ восвояси. Новая Японія считаетъ за честь создать себя собственными силами, и стѣсняющій и не скромный чужеземецъ, котораго она принимаетъ въ качествѣ гостя, есть для нея не болѣе, какъ необходимый врагъ. «Будущность народа, говоритъ съ гордостью одинъ японскій писатель, заключается въ немъ самомъ, какъ орелъ содержится въ яйцѣ».

Японская барка.

По преданію, царствующая фамилія проис-

[1]) G. Bousquet, „Le Japon de nos jours".

ходитъ отъ Зинму-Тенно, «божественнаго завоевателя», сына бога Исанами и правнука «богини Солнца». Микадо, занимающій теперь тронъ Японской имперіи, есть сто-двадцать-третій императоръ, носящій три божественныхъ знака царскаго достоинства — зеркало, шпагу и печать: династія Солнца, имѣющая эмблемой цвѣтокъ золотоцвѣта, форма котораго напоминаетъ свѣтящійся шаръ, окруженный лучами, царствуетъ, если вѣрить преданію, безъ перерыва уже двадцать пять съ половиной вѣковъ, то-есть со временъ Навуходоносора и Тулла Гостилія. Однако девять первыхъ столѣтій исторіи японскихъ императоровъ извѣстны лишь по легендамъ, и бытописаніе въ собственномъ смыслѣ начинается только изъ конца третьяго вѣка христіанскаго лѣтоисчисленія, съ эпохи введенія китайскихъ идеографическихъ знаковъ [1]).

До недавней революціи, которая измѣнила форму правленія, власть только номинально находилась въ рукахъ императора Ниппона. Съ конца двѣнадцатаго столѣтія онъ былъ, такъ сказать, сопричисленъ къ сонму боговъ, и его могущество проявлялось черезъ посредство сіогуна, сдѣлавшагося истиннымъ повелителемъ государства. Въ 1853 году, когда американцы, а затѣмъ русскіе явились хлопотать о заключеніи торговаго трактата съ царствомъ Восходящаго солнца, микадо не умѣлъ принять въ происходившихъ по этому поводу совѣщаніяхъ правительства другаго участія, кромѣ «возношенія съ утра до вечера горячихъ молитвъ къ ками и къ тѣнямъ предковъ». Запертый въ своемъ дворцѣ или, вѣрнѣе сказать, въ своемъ капищѣ, рабъ этикета, онъ не могъ коснуться почвы своими ногами, ни выставить свою священную особу на открытый воздухъ, ни позволить солнцу освѣтить его главу. Но и самъ сіогунъ не имѣлъ уже той самодержавной власти, которую знаменитый диктаторъ Іейасъ, основатель столицы Іеддо, оставилъ въ наслѣдство своей фамиліи, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Несмотря на свое зависимое и подчиненное положеніе, вассалы имперіи, то-есть восемнадцать великихъ дайміосовъ и триста сорокъ четыре малыхъ дайміосовъ, составляли въ дѣйствительности корпорацію болѣе сильную, чѣмъ оффиціальные хранители власти. Когда сіогунъ, напуганный приходомъ американскихъ фрегатовъ подъ начальствомъ коммодора Перри, принужденъ былъ отказаться отъ традиціонной политики имперіи—разрѣшить чужеземцамъ вести непосредственно торговлю съ его народомъ и даже дозволить имъ поселяться на жительство въ предѣлахъ японской территоріи,—это рѣшеніе было слишкомъ важно, чтобы не взволновать въ сильной степени мнѣнія феодальныхъ князей и всей толпы низшаго дворянства или самураевъ. Волненіе общественнаго мнѣнія сдѣлалось столь сильно, что толки внѣшняго міра проникли наконецъ въ первый разъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, въ «заповѣдную ограду» императорскаго дворца. Побуждаемый дворянствомъ, императоръ долженъ былъ вмѣшаться и дать приказанія сіогуну. Со всѣхъ сторонъ вспыхнула борьба между дворянскими родами, изъ которыхъ одни держали сторону микадо, другіе стояли за свѣтскаго царя, иные, почти независимые, переходили то на ту, то на другую сторону, смотря по своимъ капризамъ или чувству непріязни. Въ 1863 году лига князей, властвовавшихъ въ Сацумѣ, Тозѣ и Нагато, враждебная свободному допущенію иностранцевъ въ страну, одержала верхъ и заставила императора дать приказъ сіогуну уничтожить заключенные торговые договоры; но эти вассалы сами имѣли европейскихъ инструкторовъ въ своихъ войскахъ, медиковъ и преподавателей съ Запада или изъ Новаго свѣта въ своихъ резиденціяхъ, и иностранцы же доставляли имъ ружья и порохъ. Невозможно было вернуться къ старому и уничтожить совершившіеся факты. Японія была окончательно открыта, и начатая революція должна была идти своимъ естественнымъ ходомъ.

Въ то время, какъ занимались созывомъ гакціюина, то-есть общаго собранія самураевъ, долженствовавшаго рѣшить всѣ внутренніе и внѣшніе вопросы, въ западныхъ округахъ образовалась такъ называемая «дружина небеснаго гнѣва», и иностранные корабли, проникавшіе въ Японское внутреннее море, были встрѣчаемы пушечными выстрѣлами съ батарей, устроенныхъ на берегахъ проливовъ. Но иностранцы не только отказались удалиться добровольно изъ страны, но они еще вернулись съ эскадрой, форсировали морской проходъ Симоносеки, требуя военнаго вознагражденія, а вскорѣ затѣмъ и расширенія ихъ привилегій. Нужно было уступить имъ на всѣхъ пунктахъ, но сіогунъ, на котораго возлагали отвѣтственность за эти униженія, долженъ былъ отречься отъ престола: послѣ безуспѣшной попытки возмущенія, онъ былъ объявленъ лишеннымъ своего высокаго сана, верховная власть во всей ея цѣлости возвращена микадо. Сами дайміосы стали просить объ отмѣнѣ ихъ привилегій, и одинъ изъ нихъ зашелъ такъ далеко, что домогался чести сравнять съ землей свой дворецъ, чтобы замѣнить его пашнями [1]). Феодальный порядокъ былъ отмѣненъ, равно какъ сословныя различія, право на образованіе было предоставлено всѣмъ безъ исключенія, браки были дозволены между лицами, принадлежащими къ различнымъ классамъ общества, и даже лю-

[1]) D'Hervey de Saint-Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

[1]) De Hübner, „Voyage autour du Monde".

ди плебейскаго происхожденія или геймины вошли въ правительство. Презираемые этасы были уравнены въ правахъ съ другими подданными государства; у самураевъ было отнято право ношенія оружія. Тѣмъ не менѣе населеніе Японіи еще и до нынѣ подраздѣляется: на дворянъ-потомковъ высшей феодальной аристократіи или «квадзокоу», мелкаго дворянскаго сословія или «шидзукоу» (самураи и ронны) и собственно простаго народа или «геминъ». По переписи 1895 года численность этихъ сословій въ странѣ была:

Квадзокоу—4.162 ч.; шидзукоу—2.050.144 ч.; геминъ—40.216.314 чел [1]).

Чтобы показать, что совершившіяся перемѣны неотмѣняемы, и что новая эра Мейджи или «Просвѣщеннаго закона» рѣшительно открыта, императоръ покинулъ священный городъ Кіото и перенесъ свою резиденцію въ болѣе обширную столицу Іеддо, въ самое средоточіе погрессивнаго общества новой Японіи. Послѣднее возстаніе, которое ему пришлось побѣдить, было возмущеніе моряковъ военнаго флота, которые овладѣли городомъ Хакодате и основали тамъ независимую республику, по образцу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

«Въ 1869 году, годъ спустя послѣ того, какъ революція низвергла всѣ соперничавшія между собой власти передъ властью императора, этотъ послѣдній самъ воздалъ честь другой силѣ,—силѣ общественнаго мнѣнія. Говоря языкомъ, какого до того времени никогда не слыхали въ странѣ Восходящаго солнца, микадо клялся торжественно, въ присутствіи своихъ совѣтниковъ, что будетъ созвано совѣщательное собраніе для обсужденія органическихъ законовъ; онъ обѣщалъ, что отнынѣ справедливость въ отношеніи всѣхъ будетъ его непзмѣннымъ правиломъ поведенія, и что онъ всегда будетъ обращаться за совѣтомъ къ мужамъ ума и истинной заслуги. Посланники, отправленные въ Европу для изученія образа правленія у цивилизованныхъ народовъ, высказались въ пользу порядка, которой долженъ былъ обезпечить имъ наибольшее личное вліяніе, и власть сохранила свои неограниченныя формы.

«Вѣнцомъ японскаго прогресса, по мнѣнію самихъ японцевъ, явилась конституція 1889 г. По существу она представляетъ изъ себя непостижимую смѣсь азіатчины съ послѣдними выводами и указаніями самыхъ передовыхъ западныхъ публицистовъ. Согласно этой конструкціи, микадо по справедливости долженъ быть признанъ самымъ конституціоннымъ монархомъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ мало того, что можетъ не управлять, онъ свободенъ также и не царствовать, а просто занимать престолъ, въ качествѣ представителя божественной династіи, не имѣющей ни начала ни конца своего существованія. Новые люди, несмотря на своей либерализмъ и явно проповѣдываемый атеизмъ, не посмѣли посягнуть ни на божественное происхожденіе ихъ небеснаго повелителя, ни на непрерывность его династіи, ни на завѣщанный Зимму Тенно порядокъ наслѣдія престола. Эти краеугольные камни японскаго государственнаго строя по-прежнему твердо стоятъ на своемъ мѣстѣ и, надо полагать, на вѣчныя времена будутъ служить подводными камнями, о которое еще не разъ будутъ разбиваться различные узурпаторы императорской власти. Ст. 1 и 2 японской конституціи гласятъ: «Что Японія должна находиться подъ властью династіи, не прерываемой въ вѣчности и что престолъ преемственъ по правиламъ, существующимъ (?) въ статутахъ императорскаго дома».

Японскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ. Въ палатѣ перовъ засѣдаютъ пожизненно всѣ міа, принцы, маркизы, а также и всѣ назначаемые для того самимъ микадо способные и ученые люди. Графы, виконты и бароны посылаютъ туда только своихъ представителей, которыхъ избираютъ на семь лѣтъ каждый изъ своей среды отдѣльно. Кромѣ того въ городахъ Токіо, Кіото, Осака и въ каждомъ изъ 47 кеновъ, на которое Японія дѣлится въ административномъ отношеніи, 15 проживающихъ тамъ лицъ, изъ числа платящихъ наивысшій налогъ, — посылаютъ отъ себя въ палату перовъ по одному члену, назначаемому на 7 лѣтъ. Общее число назначаемыхъ членовъ не должно превышать общаго числа титулованныхъ членовъ.

Нижняя палата состоитъ приблизительно изъ 300 членовъ. Избиратели должны имѣть не менѣе 25, а избираемые 30 лѣтъ, и какъ тѣ, такъ и другіе должны платить не менѣе 15 іенъ (75 фр.) государственнаго налога. По словамъ г. В. Черевкова, въ 1887 г. въ Японіи было 1.581.726 лицъ, платящихъ свыше 5 дол.; 882.517 лицъ свыше 10 дол., и всего было 300.000 платящихъ 15 и выше долларовъ.

Парламентъ собирается разъ въ годъ. Пренія его публичныя; министры имѣютъ право засѣдать въ обѣихъ палатахъ и держать тамъ рѣчи. Отвѣтственны они только предъ императоромъ. Право палаты на утвержденіе бюджета ограничено. Она не можетъ отказать въ расходахъ, предусмотрѣнныхъ конституціей, а именно въ расходахъ на армію, на жалованье всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, на организацію различныхъ отраслей управленія, при чемъ расходы на императорскій домъ вовсе не подлежатъ ея обсужденію.

Первый японскій перламентъ былъ открытъ лѣтомъ 1890 г. и тотчасъ же обнаружилъ свой удивительный составъ. Въ немъ оказалось изъ 300 депутатовъ: 144 радикала, 50 крайнихъ прогрессистовъ и всего только 4 консерватора, въ лицѣ четырехъ буддійскихъ священниковъ.

[1]) „Almanach de Gotha“.

Почти всѣ депутаты принадлежали къ сословію самураевъ. За послѣдніе годы къ этимъ партіямъ прибавились еще соціалисты и коммунисты. Несмотря на усвоенную правительствомъ систему оффиціальныхъ кандидатуръ, достичь въ палатѣ большинства членовъ своихъ оно никакъ не можетъ. Болѣе двухъ третей депутатовъ оказывается прямо ему враждебнымъ, и японскій парламентъ представляетъ изъ себя арену безконечныхъ и лишенныхъ всякаго практическаго значенія препирательствъ членовъ оппозиціи съ министрами. Препирательства эти дѣтски радуютъ обѣ стороны, такъ какъ даютъ ихъ лидерамъ возможность обнаружить свой ораторскій талантъ и похвастать своими діалектическими способностями» [1]).

Высшія правительственныя установленія составлены по образцу подобныхъ же учрежденій конституціонныхъ государствъ. Верховный комитетъ или совѣтъ министровъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра, которому, въ качествѣ товарища, приданъ вице-президентъ—изъ статсъ-секретарей всѣхъ главныхъ отраслей государственнаго управленія или министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, морскаго, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, юстиціи, императорскаго двора, министерства торговли и земледѣлія; вскорѣ послѣ присоединенія Формозы, японцы образовали министерство колоній, но оно, просуществовавъ до 1898 года, было упразднено. Другое высшее учрежденіе, стоящее, однако, ниже совѣта министровъ—это государственный законодательный совѣтъ, который разрабатываетъ, подъ предсѣдательствомъ принца крови, законы и представляетъ свои работы на разсмотрѣніе министровъ, не имѣя самъ никакого права почина. Правительство созываетъ также, въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ, собраніе изъ чиновниковъ окружной администраціи для выслушанія ихъ мнѣній по вопросамъ, касающимся податей и налоговъ; но областные правители или губернаторы облечены властью налагать свое veto на совѣщанія этой коммиссіи оффиціальныхъ свѣдущихъ людей. Административная іерархія, очень крѣпко организованная въ этой странѣ, гдѣ общины пользуются лишь призрачнымъ самоуправленіемъ—хотя головы или старшины выбираются собраніемъ отцовъ семейства,—обнимаетъ цѣлыхъ семнадцать ранговъ, раздѣленныхъ на три категоріи, называемыя сіокъ-нинъ, со-нинъ и ганъ-нинъ. До 1879 года по государственной смѣтѣ была ассигнована сумма въ 675.000 франковъ на «храмы боговъ»; въ настоящее время покрытіе расходовъ на потребности культа предоставлено всецѣло благочестію вѣрующихъ.

Старые японскіе законы, заимствованные изъ китайской юриспруденціи временъ династій Миновъ и Цзинь, и приказы или «Стозаконіе» диктатора Іейяса были собраны въ общій сводъ послѣ революціи и значительно смягчены, хотя, съ другой стороны, нѣкоторыя дѣянія, прежде ненаказуемыя, теперь преслѣдуются какъ противузаконныя. Такъ, неограниченное право, которымъ прежде пользовался отецъ семейства по отношенію къ своимъ дѣтямъ, было отмѣнено, и отнынѣ тотъ, кто сталъ бы продавать своихъ дочерей, согласно обычаю, нѣкогда очень распространенному, подлежалъ бы строгому наказанію [1]). Женщина, на которую старое законодательство смотрѣло какъ на существо безправное, если отецъ или мужъ не выступалъ ея защитникомъ, заняла легально мѣсто между человѣческими личностями. Канга или наказаніе надѣваніемъ деревяннаго ошейника отмѣнена, равно какъ и пытка; однако, по свидѣтельству иностранцевъ, послѣдняя еще примѣняется въ формѣ сѣченія, относительно, легкой. Смертная казнь, черезъ повѣшеніе или обезглавленіе, установлена закономъ противъ убійцъ, мятежниковъ, грабителей на большой дорогѣ, торговцевъ опіумомъ: но рѣдко случается, чтобы судамъ приходилось примѣнять эту кару. Въ 1892 году во всѣхъ острогахъ имперіи содержалось только 76.333 арестантовъ, между которыми было 4.959 женщинъ [2]). Французскіе юрисконсульты, приглашенные въ Японію для изученія и послѣдованія мѣстнаго права, выработали кодексы гражданскій и уголовный, которые японское правительство и обнародовало въ 1880 г., какъ законы государства. Вышло однако, что многія изъ этихъ нововведеній спутали понятіе о справедливости въ умѣ японцевъ, причисляя къ проступкамъ дѣйствія, которыя вовсе не кажутся имъ предосудительными, каковы, напримѣръ, обычай татупированія и омовенія, дѣлаемыхъ публично, на глазахъ всѣхъ. Главный результатъ, котораго желаетъ достигнуть японское правительство, преобразуя свое законодательство и судопроизводство,—это предоставить достаточно гарантій иностраннымъ державамъ, для того, чтобы эти послѣднія, отказавшись отъ привилегіи внѣ-земельности, позволили судить ихъ подданныхъ мѣстнымъ властямъ [3]). Въ настоящее время большинство иностранцевъ, проживающихъ въ предѣлахъ Японіи, подчинены и подсудны своимъ посланникамъ и консуламъ; но имъ строго запрещено заниматься политикой страны, равно какъ запрещено изданіе газетъ и журналовъ на японскомъ языкѣ подъ страхомъ наказанія,—денежнаго штрафа, тюремнаго заключенія и даже каторжныхъ работъ,—налагаемаго по приговору консула [4]).

[1]) Пеликанъ, „Профессирующая Японія“, стр. 169—172.

[1]) Однако это практикуется еще повсюду въ низшихъ классахъ общества. Прим. ред.

[2]) G. Bousquet, „Le Japon de nos jours“.

[3]) „Annales de l'Extrême Orient“, дек. 1880 г.

[4]) „China and Japan, Order in Council“, 1875 г.

Въ странѣ существуетъ 49 судебныхъ палатъ первой инстанціи по одной въ каждой изъ провинцій или округовъ. Низшихъ судовъ, соотвѣтствующихъ кругу дѣятельности нашихъ мировыхъ судей, 301. Судьи назначаются пожизненно по усмотрѣнію министра юстиціи. Старѣйшіе судьи по выбору микадо составляютъ главную центральную палату, засѣданія которой совершаются разъ въ три мѣсяца и которая разбираетъ особенно важныя преступленія или дѣла кассаціоннаго характера.

Въ Японіи 156 исправительныхъ тюремъ, кромѣ того 7 военнаго вѣдомства и 3 морскихъ. Относительно регистраціи преступленій уголовной подсудности, можно сказать, что число ихъ довольно велико.

Въ 1891 г.: маловажныхъ преступ.—154.087; серьезныхъ преступ.—3.260; итого—157.678. Въ 1892 г.: маловажныхъ преступ.—166.884; серьезныхъ преступ.—3.244; итого—170.133.

За исключеніемъ госпиталя, основаннаго въ Нагасаки голландскими медиками, Японія не имѣла, въ эпоху заключенія торговыхъ трактатовъ съ иностранными государствами, другихъ заведеній для леченія больныхъ. Но съ того времени, со своимъ обычнымъ рвеніемъ къ подражанію европейскимъ учрежденіямъ, страна Восходящаго солнца принялась за устройство больницъ, и въ концѣ 1878 года она имѣла ихъ уже 159, изъ которыхъ 35 были построены исключительно на средства, составившіяся изъ добровольныхъ пожертвованій [1]). Такъ же, какъ въ большей части европейскихъ странъ, оспопрививаніе сдѣлано обязательнымъ.

Государственный бюджетъ Японіи въ 1880 г. (считая іенъ въ 5 франковъ 47 сантимовъ) простирался до 304.413.000 франковъ.

Доходы: налоги прямые—226.867.720 фр.; налоги косвенные—41.807.587; таможенныя пошлины—11.931.766; разные—23.796.000.

Расходы: платежи по долгу—115.965.530 фр.; содержаніе двора и пенсіи—10.592.212; армія и флотъ—53.750.398; народное просвѣщеніе—6.235.089; общественныя работы—5.597.809; администрація и проч.—112.480.000 фр.

Японскіе колодники.

Финансы Японіи далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, а въ послѣднее время такъ даже просто въ плачевномъ. Не успѣла страна позаимствовать у европейскихъ государствъ систему и методы отчетности, какъ уже усвоила манеру дѣлать неоплатные государственные долги и жить выше своихъ средствъ. Расходы страны увеличивались съ каждымъ годомъ, тогда какъ доходы остаются одни и тѣ же, отыскать же новый источникъ дохода является дѣломъ весьма труднымъ, такъ какъ населеніе и такъ уже обложено болѣе, чѣмъ это возможно.

Какъ увеличиваются расходы страны, видно изъ отчета консула Бренана, который приводитъ слѣдующую таблицу расходовъ въ настоящее время и въ будущемъ.

[1]) „Mithteilungen von Petermann“, II, 1881.

Статьи расходовъ	въ 1893 іенъ.	въ 1897 г. іенъ.	Предполагаемыя въ 1904 г. іенъ.
Содержаніе двора.	3.000.000	3 000.000	
Мин. иностр. дѣлъ. . . .	624·000	151.700	13.000.000
Мин. внутр. дѣлъ. . .	27.636.000	6 492.000	
Мин. финансовъ	14.915.000	41.704.000	54.000.000
Мин. военное .	2.316.000	29.137.000	30 000·000
Мин. морское	5.141.000	98.886.000	28.000.000
Мин. юстиціи .	3.452.000	35.552 000	
Мин. просвѣщен.	959.000	2.049.000	80.000.000
Мин. торговли и земледѣлія . .	929.000	142.400	
Мин. колоній .		12.551.000	41.000.000
Субсидія мореплаванію .	—	—	6.000.000
Итого .	64.442.000	122.984.000	173.000.000

Изъ этой таблицы легко усмотрѣть, какъ возросли доходы Японіи въ 4 года и каковы они будутъ черезъ десять лѣтъ. Этотъ десяти-лѣтній бюджетъ, одобренный парламентомъ, приводится въ исполненіе, не смотря на то, что онъ не соотвѣтствуетъ доходу, который исчисляется такимъ образомъ къ тому же 1904 году. Прежніе доходы по бюджету до войны — 57.557.000 іенъ. Увеличеніе (ожидаемое) ихъ и новые доходы—59.053.000 іенъ. Казенные доходы—35.000.000 іенъ. Разные доходы—30.000.000 іенъ. Доходы съ острова Формозы—85.000.000 іенъ. Итого—163.110.000 іенъ.

Сравнивая цифры доходовъ и расходовъ, легко усмотрѣть, что даже въ бюджетѣ послѣднія превышаютъ первыя на 10.000.000 іенъ, которые придется черпать изъ неизвѣстнаго источника, т. е. прибѣгать къ займамъ. Съ другой стороны ни для кого не составляетъ секретъ какъ ненадежны и призрачны разсчеты на увеличеніе дохода, основанные на предположеніяхъ.

Достаточно указать хотя бы на то, что еще до настоящаго времени Формоза приноситъ лишь убытокъ и будетъ ли она черезъ 5—6 лѣтъ давать ожидаемую цифру дохода—это еще болѣе нежели сомнительно. Всѣ современныя газеты констатируютъ, что экономическое положеніе страны нисколько не поправилось даже полученіемъ 341.000.000 іенъ контрибуціи съ Китая, ушедшей на флотъ и перевооруженіе, попытки же правительства увеличить налогъ на нѣкоторые промысла потерпѣли полнѣйшее пораженіе въ парламентѣ, не смотря на его троекратный созывъ по этому случаю.

Въ прежнее время Японія въ административномъ отношеніи дѣлилась на области или «дороги» (до), названія которыхъ и теперь еще употребляются въ обыкновенной рѣчи; но послѣ революціи, чтобы порвать всякую связь съ преданіями старины, прежнія провинціи были замѣнены департаментами или губерніями (фу), подраздѣленными на уѣзды или округи (кенъ). Но прежде чѣмъ обратиться къ перечисленію провинцій страны Восходящаго солнца, необходимо разсмотрѣть недавнее новое пріобрѣтеніе Японіи Формозу.

Этотъ островъ Китайскаго моря, немного болѣе обширный и, вѣроятно гуще населенный, чѣмъ Хай-нань (вѣроятное пространство и населеніе Формозы: 560 квадратныхъ миль и 3.600.000 жителей, такъ что на 1 квадратную милю приходится, среднимъ числомъ, по 6.535 человѣкъ), тоже составлялъ въ административномъ, какъ и въ геологическомъ отношеніи, землю, связанную съ континентомъ [1]). Тогда какъ непосредственно на востокъ отъ острова начинаются глубины, и ниже подводнаго откоса берега простираются пучины въ 2.000 метровъ. Формозскій проливъ, отдѣляющій Формозу отъ сосѣдняго материка, и ширина котораго около 150 верстъ въ самой съуженной его части, имѣетъ всего только 60 метровъ средней глубины, и нигдѣ лотъ не опускается въ немъ до 100 метровъ. Даже около южнаго входа въ проливъ разсѣяна, передъ западной выпуклостью Формозы, группа острововъ Пынъ-ху, за которой оставлено также ея испанское названіе Pescadores (Рыбачьи острова), и самъ архипелагъ продолжается на западъ и юго-западъ опасными подводными мелями. Такимъ образомъ совершенно естественно, что до присоединенія къ Японіи Формоза причислялась въ административномъ отношеніи къ континентальной провинціи, съ которой она соединена подводными мелями, и откуда, кромѣ того, происходитъ большинство ея жителей. Въ глазахъ китайскаго правительства Формоза была просто округъ сосѣдней провинціи Фу-цзянь.

Эта земля, которую старинные китайскіе географы знали подъ именемъ Большаго Лучеу [2]), и которая теперь приняла названіе своего главнаго города, Тай-вань, есть одинъ изъ гористыхъ острововъ, представляющихъ наибольшую правильность въ расположеніи своихъ покатостей. Отъ одной до другой оконечности, на пространствѣ около 360 верстъ, удлиненный овалъ острова раздѣленъ на двѣ части хребтомъ, который тянется съ юга на сѣверъ, уклоняясь къ востоку отъ меридіана. Западный склонъ, обращенный къ океаническимъ пространствамъ, въ цѣломъ вдвое круче, чѣмъ противоположный скатъ, обращенный къ твердой землѣ: онъ погружается въ море крутымъ откосомъ, обрывомъ, тогда какъ западная пока-

[1]) Цифра эта дана согласно Матусовскому, оффиціальное изданіе „Résumé statistique de L'empire du Japon", 1898 г., опредѣляетъ площадь Формозы и окружающихъ острововъ въ 1.493 квадр. ри, а населеніе въ 2.041.809 человѣкъ. Прим. ред.

[2]) D'Hervey de Saint Denys, „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine".

тость, которая походитъ на горныя цѣпи Фузіяни, спускается полого къ морю и подъ его поверхностью. Съ того и другаго берега (восточнаго и западнаго) можно совершенно явственно разглядѣть обрисовывающійся на горизонтѣ профиль зубчатаго гребня этой длинной цѣпи, называемой Да-шань или «Большими горами»; въ южной части цѣпи вершины не превышаютъ 2.400 метровъ, тогда какъ въ центрѣ острова одна вершина горы, называемая англичанами горой Моррисонъ, достигаетъ высоты 3.352 метра (12.800 ф.), а далѣе на сѣверѣ гора Спльвія и нѣкоторыя другія вершины поднимаются слишкомъ на 3.600 метровъ. Въ своемъ общемъ образованіи хребетъ Да шань состоитъ главнымъ образомъ изъ известняковъ каменноугольной формаціи, но кое-гдѣ пробиваются наружу и вулканическія породы, и даже ходятъ смутные разсказы объ «огнедышащей горѣ», которая будто бы находится въ центрѣ Да-шаня; около сѣверной оконечности существуютъ еще фумароллы, отлагающія немного сѣры на скалахъ. Землетрясенія бываютъ часто, и нѣкоторые признаки позволяютъ думать, что морское прибрежье приподнимается дѣйствіемъ подземныхъ силъ; такимъ образомъ, если это предположеніе вѣрно, здѣсь имѣетъ мѣсто явленіе, обратное тому, которое, какъ полагаютъ, происходитъ противъ острова, на континентальномъ берегу, между Нинъ-бо и Кантонскимъ заливомъ. Въ ту эпоху, когда голландцы владѣли городомъ Тай-вань, на юго-западномъ берегу Формозы, судоходный проливъ, въ которомъ могли свободно становиться цѣлые флоты, раздѣлялъ два главные форта города, а теперь этотъ проливъ превратился въ равнину, которая перерѣзана каналами и дорогами, и которую частію покрываютъ воды моря во время высокихъ приливовъ; корабли останавливаются нынѣ въ открытомъ морѣ на разстояніи болѣе 3 километровъ отъ прежняго порта. Въ то время, какъ эта гавань закрывалась, поднятіе почвы способствовало открытію другаго пристанища для судовъ далѣе, на югѣ; длинная коса, выступая мало-по-малу изъ-подъ воды, соединила прибрежье съ цѣпью вулканическихъ скалъ, и, защищая такимъ образомъ противъ волнъ широкую бухту, образовала портъ Да-гоу, который, впрочемъ, все болѣе и болѣе заносится иломъ, мелѣетъ, и теперь даетъ доступъ, при благопріятномъ вѣтрѣ и приливѣ, только судамъ, имѣющимъ не болѣе 3 или 4 метровъ водоизмѣщенія [1]). По наблюденіямъ американскаго геолога Бикмора, берега, поднятые подземными силами въ теченіе современнаго геологическаго періода, слѣдуютъ полосами по окружности полуострова до высоты 400 метровъ.

[1]) Thomson, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873. XLIII.

Первые европейскіе мореплаватели, которые увидѣли Тай-вань въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, были, какъ видно, любители красотъ природы, и, благодаря этому обстоятельству, открытая ими земля, вмѣсто того, чтобы носить имя какого-нибудь святаго или короля, получила названіе Формозы или «прекрасной». И дѣйствительно, на океанѣ нѣтъ острова, который бы болѣе заслуживалъ такого названія, по крайней мѣрѣ на восточной покатости, ибо съ западной стороны горы Формозы оканчиваются голыми красноватыми склонами, совершенно похожими на отлогости противоположнаго китайскаго берега. Центральный хребетъ выдѣляетъ изъ себя справа и слѣва контрфорсы и боковые овраги, различающіеся одинъ отъ другаго высотой и видомъ: пики, пирамиды и куполы, округленныя вершины и крутыя стѣны идутъ непрерывной вереницей отъ линіи гребней до выдвинутыхъ въ море мысовъ, представляя безконечное разнообразіе формъ и контуровъ; тамъ и сямъ рѣзко выдѣляются бѣлыя скалы, уединенныя или нагроможденныя одна на другую рядами; долины наполнены зеленью лѣсовъ, и на днѣ темныхъ овраговъ блестятъ серебристые ручьи и водопады. Сквозь чащу бамбуковъ и пальмъ весело выглядываютъ селенія. Деревья густо скучены до самаго края соленой воды, и даже береговые утесы, разрѣзанные волнами моря на тысячи фантастическихъ фигуръ, обрамлены роскошной растительностью; вьюнки съ большими фіолетовыми цвѣтами съ красными полосками ниспадаютъ широкими гирляндами надъ поверхностью волнъ, и пучки лилій растутъ букетами на верхушкахъ высунувшихся изъ воды скалъ [1]).

Необычайное богатство флоры Формозы объясняется сосѣдствомъ континента и расположеніемъ разныхъ климатическихъ поясовъ одинъ надъ другимъ, на скатахъ горныхъ цѣпей. Морскіе берега, по характеру растительности, принадлежатъ къ тропической области, а холмы и горы поднимаются въ умѣренный поясъ. Муссоны чередуются правильнымъ образомъ: лѣтомъ вѣтеръ дуетъ отъ малайскаго архипелага, зимой атмосферное теченіе приходитъ отъ Японскихъ острововъ. Этому періодическому измѣненію направленія воздушныхъ теченій или годовому качанію атмосферы соотвѣтствуетъ качаніе массы водъ: въ то время, какъ въ открытомъ морѣ, надъ океаническими пучинами, вѣтвь экваторіальнаго теченія направляется отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, слѣдуя вдоль береговъ Японіи подъ именемъ Куро-сиво или «Черной рѣки», движеніе неглубокихъ водъ, въ Формозскомъ проливѣ, зависитъ отъ колебанія воздушныхъ массъ и направляется параллельно прибрежью то въ одну то въ другую сторону, смотря по силѣ

[1]) Cyprian Bridge, „An excursion to Formosa“.

вѣтра, который ихъ увлекаетъ [1]). Такимъ образомъ это движеніе взадъ и впередъ, испытываемое атмосферой и моремъ, подвергаетъ островъ попеременному вліянію климатовъ сѣвера и юга, и приноситъ ему птицъ, рыбъ, сѣмена и людей различныхъ областей. Формоза пользуется также тѣмъ преимуществомъ, что она обильно орошается частыми ливнями. Полярный сѣверо-восточный муссонъ, который прежде, чѣмъ достигнуть этого острова, проходитъ надъ морями Японіи, такъ же насыщенъ водяными парами, какъ и юго-западный муссонъ, и такимъ-то образомъ Формоза, несмотря на періодическое чередованіе противоположныхъ вѣтровъ, изъ которыхъ одинъ изсушаетъ почву сосѣдняго континента, получаетъ дожди во всякомъ мѣсяцѣ года. При томъ—явленіе необыкновенное въ восточной Азіи — небольшое количество дождевой воды выпадаетъ здѣсь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не лѣтомъ, а зимой, въ періодъ господства сѣверо-восточнаго муссона; такъ, на станціи Цзилунъ, на сѣверной оконечности острова, количество дождя превышаетъ 3 метра: этотъ фактъ объясняется формой бухты, широко раскрытой съ сѣверной стороны и окруженной на югѣ высокими горами [2]). Иногда правильный порядокъ движенія воздушныхъ массъ нарушается ураганами на восточномъ берегу Формозы; но эти бури рѣдко проникаютъ на западъ, въ Фуцзянскій (Формозскій) проливъ. Однако, одинъ ураганъ, сопровождавшійся внезапнымъ возвышеніемъ уровня моря, надѣлалъ столько бѣдъ на Тайванѣ въ 1782 году, что въ Китаѣ распространился слухъ, что весь островъ поглощенъ волнами: почти всѣ корабли были потоплены или сильно повреждены, зданія на берегахъ обрушились, вода залила всѣ посѣвы [3]). Въ 1858 году, 18 и 19 августа, натуралисты фрегата «Навара», плывшаго изъ Шанхая къ Каролинскимъ островамъ, имѣли случай наблюдать одинъ изъ этихъ циклоновъ, который, кружась вихремъ, описывалъ въ то время большую кривую надъ южной грядой острововъ Лю-цю. Изъ часа въ часъ они могли прослѣдить, черезъ отдѣлявшее ихъ отъ циклона пространство, послѣдовательныя точки, гдѣ находился центръ урагана, который распространялся въ направленіи противоположномъ движенію правильныхъ тифоновъ.

«Прекрасный» островъ, вѣроятно, не имѣетъ ни одного растительнаго или животнаго вида, который не былъ бы уроженцемъ сосѣдняго континента; однако, изслѣдователи открыли на немъ нѣсколько органическихъ формъ, которыя до сихъ поръ не были встрѣчаемы въ другихъ мѣстахъ. Господствующіе растительные виды тѣ же самые, какъ въ южной Японіи и въ провинціи Фу-цзянь; но нѣкоторые изъ нихъ отличаются силой роста и красотой формъ. Ни въ какой другой части Китайской имперіи не увидишь болѣе высокихъ бамбуковъ; они достигаютъ здѣсь 30 метровъ въ вышину и имѣютъ не менѣе 60 сантиметровъ въ окружности [1]). Большіе лѣса во внутренности острова состояли прежде, пока ихъ не опустошила алчность лѣсопромышленниковъ, главнымъ образомъ, изъ камфарнаго дерева. Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ древесныхъ породъ приморской области острова—деревцо съ голымъ стволомъ, оканчивающимся короной широкихъ пальмовидныхъ листьевъ: это aralia paruriifera, листья которой употребляются на приготовленіе бумаги, извѣстной подъ именемъ «рисовой». Между своими 35 видами млекопитающихъ и 128 видами сухопутныхъ птицъ Формоза имѣетъ соотвѣтственно 14 и 43 вида, не встрѣчающихся ни на континентѣ, ни на сосѣднихъ островныхъ земляхъ. Эта особенная, исключительно мѣстная фауна доказываетъ, что островъ отдѣлился отъ материка Азіи въ геологическую эпоху очень древнюю, но не настолько отдаленную, чтобы не могло сохраниться родство родовъ [2]). Такимъ образомъ главные животные типы континента имѣютъ представителей и въ фаунѣ Формозы: обезьяны, насѣкомоядныя, тигры, кабаны, олени, антилопы, разные виды жвачныхъ и грызуновъ. Многія изъ этихъ млекопитающихъ въ большей степени родственны видамъ индійскимъ, малайскимъ, японскимъ, нежели видамъ китайскимъ. Такъ называемая «каменная обезьяна» напоминаетъ нѣкоторыхъ четверорукихъ Индостана и Бирманіи, и ни мало не похожа на обезьянъ южнаго Китая и Хай-наня. Точно также красивый олень, открытый натуралистомъ Суинго, бѣлки-летяги и обезьяна macroscelis приближаются къ малайскимъ формамъ. Изъ этого заключаютъ, что предки этихъ животныхъ рыскали въ лѣсахъ континентальнаго массива, который простирался нѣкогда отъ Гималайскаго хребта до Борнео, Филиппинскихъ острововъ и Формозы, и что, послѣ раздѣленія острововъ, эти животныя сохранились только на югѣ и на востокѣ своей прежней области распространенія, въ Китаѣ же они исчезли, вслѣдствіе измѣненія среды. Контрастъ фауны замѣчателенъ въ особенности относительно птицъ: болѣе половины свойственныхъ Формозѣ видовъ имѣютъ своихъ ближайшихъ родичей не въ сосѣдней части континента, но въ Гималайскихъ горахъ, въ южной Индіи, на островахъ Малезіи или на Японскомъ архипелагѣ. Между новыми фор-

[1]) De Vautré, Le Gras, „Instructions nautiques sur les côtes Est de la Chine“.

[2]) Fritsche;—Hann, „Geographisches Jahrbuch“, tome VIII, 1871.

[3]) Amiot, „Mémoires concernant les Chinois“, tome X.

[1]) Thomson, „La Tour du Monde“, 1875 г.

[2]) Alfred R. Wallace, „Island Life“.

мами, открытыми натуралистомъ Супнго, самыя замѣчательныя нѣкоторые виды куриныхъ и голубей, одинъ великолѣпный фазанъ, синицы и воробьи, черный дроздъ съ бѣлой головой, но попугаевъ не нашли на островѣ, хотя они и водятся въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ Китая. Тогда какъ азіатская иволга, странствуя на пространствѣ, обнимающемъ больше половины континента, и стаями въ нѣсколько тысячъ недѣлимыхъ, перелетаетъ лѣтомъ отъ Индостана до береговъ Амура, формозская иволга переселяется только съ равнины въ горы и съ горъ въ равнину, смотря по времени года [1]). Въ рѣкѣ

Лѣсъ на островѣ Формозѣ.

[1]) Blanchard, „Revue des Deux Mondes“, 15 mai 1871.

Тамъ-суй слышны цѣвчія рыбы, подобныя тѣмъ, какія водятся въ бухтѣ Трикомале, въ водахъ Гваяквиля и Санъ-хуанъ-дель-норте [1]).

Китайцы во всѣ времена знали о существованіи Тай-ваня, такъ какъ съ ихъ береговъ можно разглядѣть его горы въ ясную погоду; рыболовы даже селились въ ближайшемъ его сосѣдствѣ, на архипелагѣ Нынъ-ху (Рыбачьи острова); но, несмотря на то, островъ оставался до седьмаго столѣтія въ сторонѣ отъ обычной дороги мореходовъ, можетъ быть, по причинѣ страха, который внушало его дикое населеніе. Только въ 605 году послѣ Р. Х. мореплаватели-изслѣдователи направили паруса къ этой таинственной области «Большаго Лю-цю»,—имя, которое впослѣдствіи было перенесено на архипелагъ, лежащій на сѣверо-востокѣ [Ріукіу или Лю-цю между Формозой и Японіей] [2]); но островъ не былъ колонизованъ, и въ царствованіе монгольской династіи, до конца четырнадцатаго столѣтія, онъ еще означался въ китайскихъ географіяхъ подъ названіемъ Дунъ-фанъ, то-есть «страны восточныхъ варваровъ». Небольшая кучка колонистовъ поселилась въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ сѣверной области, вѣроятно, на берегахъ гавани Цзи-лунъ, такъ какъ весь островъ былъ названъ этимъ именемъ; но серьезное эмиграціонное движеніе началось только во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія, послѣ изгнанія голландскихъ торговцевъ и покоренія морскихъ разбойниковъ. Такимъ образомъ со времени первыхъ попытокъ китайской колонизаціи въ собственномъ смыслѣ слова прошло только двѣсти лѣтъ съ небольшимъ; но уже переселенцы, почти всѣ пришедшіе изъ провинціи Фу-цзянь, овладѣли всею западной покатостью острова и покрыли пашнями и садами ея равнины и долины; на сѣверѣ, западный склонъ, обращенный къ океану, тоже находится въ рукахъ колонистовъ, и съ каждымъ годомъ площадь культурныхъ земель все болѣе и болѣе увеличивается. Безъ сомнѣнія, дѣло преобразованія, совершенное китайцами на Формозѣ въ два вѣка труда, гораздо значительнѣе, чѣмъ успѣхи, которыми могутъ похвалиться въ этомъ отношеніи испанцы на Филиппинскомъ архипелагѣ, хотя послѣдніе располагали цѣлой сотней лѣтъ больше.

Однако, это постепенное завоеваніе острова сдѣлано было и не безъ борьбы, и война свирѣпствовала безостановочно между колонистами и туземнымъ населеніемъ. Туземецъ, храбрый и всегда носящій при себѣ оружіе, не разъ нападалъ врасплохъ на китайскія деревни и вырѣзывалъ ихъ жителей; чужеземцы мстятъ за эти набѣги посредствомъ торговли, продавая дикарю опіумъ и водку, дабы онъ самъ себя истребилъ своими пороками. Это похоже на то, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ бѣлый поступаетъ слишкомъ часто въ отношеніи краснокожаго; онъ не убиваетъ индивидуума, но отравляетъ всю расу. Супнго разсказываетъ также, что китайцы, чтобы избавиться отъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, пустили въ лѣса Формозы тигровъ, привезенныхъ изъ провинціи Фу-цзянь [2]). Съ другой стороны и между китайцами существуетъ сильная вражда: хакка и другіе переселенцы изъ Фу-цзяни и Гуанъ-дуна продолжаютъ на островѣ свои вѣчные раздоры, существующіе между ними на твердой землѣ. Хакка, самые смѣлые изъ колонистовъ, поселились большею частію въ области холмовъ, между цивилизованными жителями прибрежья и дикими туземцами. Находясь въ постоянныхъ сосѣдскихъ сношеніяхъ съ этими обитателями внутренней части острова, и роднясь съ ними посредствомъ женитьбы на ихъ дѣвушкахъ, они мало-по-малу усвоили себѣ ихъ нравы и обычаи, такъ что китайскаго въ нихъ только и осталось, что одежда да привычка носить косу на затылкѣ: этимъ объясняется тотъ фактъ, что путешественники приняли живущихъ на Формозѣ хакка не за китайцевъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ, но за населеніе малайскаго происхожденія [3]). Взятые въ массѣ, формозцы отличаются болѣе гордымъ и независимымъ характеромъ, чѣмъ китайцы континента: въ ихъ жилахъ еще течетъ кровь пиратовъ.

Первобытные жители (аутохтоны) острова извѣстны подъ различными наименованіями, и пока еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было классифицировать ихъ по порядку происхожденія и родства. Сонъ-фани или «дикіе люди», называемые также «иноземными варварами», походятъ на малайцевъ и обыкновенно причисляются къ этой расѣ; нарѣчіе, которымъ они говорятъ, принадлежитъ къ общему корню малайскихъ языковъ; по крайней мѣрѣ Шетелингъ, который, однако, считаетъ формозскихъ туземцевъ единоплеменниками китайцевъ, призналъ въ ихъ діалектѣ шестую часть словъ, имѣющую это происхожденіе. Нѣкоторые идіомы представляютъ большое сходство съ языкомъ тагалъ, которымъ говорятъ въ сѣверной части Люсона; даже семнадцать племенъ сѣверной области Формозы даютъ своей рѣчи названіе тайяль, почти тождественное съ именемъ языка націи Филиппинскихъ острововъ; въ нѣкоторыхъ округахъ жители называютъ себя тангаланами [3]. Но если аборигенты Формозы составляютъ часть великой малайской семьи, то ихъ отдѣленіе отъ другихъ народовъ должно было произойти до введенія буддизма на Зондскихъ ос-

[1]) Bechtinger, „Het Eyland Formosa".

[2]) D'Hervey de Saint-Denys, „Académie des sciences", 3 mai 1872.

[1]) „North China Branch of the Asiatic Society".

[2]) Friedrich Ratzel, „Die chinesische Auswanderung".

[3]) Klaproth; — Thomson; — Maxwell; — Medhurst; — Steeve; — Favre; — Guérin; — Bernard.

тровахъ, ибо ихъ нарѣчія не заключаютъ въ себѣ санскритскихъ и арабскихъ словъ. Со времени колонизаціи острова формозцы всего болѣе имѣли сношеній съ Срединной имперіей, какъ это доказываютъ китайскія многочисленныя слова, болѣе или менѣе измѣненныя, которыя вошли въ ихъ діалекты [1]).

Въ горахъ юго-восточной части Формозы живетъ племя бутанъ, наводящее страхъ какъ на китайскихъ колонистовъ, такъ и на другихъ туземцевъ. Бутаны употребляютъ еще свое древнее оружіе—лукъ и стрѣлы, но сверхъ того, выучились владѣть и ружьемъ или, лучше сказать, мушкетономъ, который они покупаютъ у европейцевъ: это ихъ-то и приходили въ 1874 году наказать за избіеніе экипажа потерпѣвшаго крушеніе судна. Судя по плѣннымъ, приведеннымъ въ Іеддо, бутаны скорѣе напоминаютъ типъ жителей Ниппона, чѣмъ типъ малайцевъ; они по большей части одѣты въ короткій костюмъ изъ синей бумажной матеріи и носятъ серебряные браслеты и огромныя серьги изъ бамбука [2]). По разсказамъ туземцевъ, на югѣ острова, въ одномъ горномъ массивѣ, живутъ какіе-то «черные люди маленькаго роста». Валентинъ [3]) упоминаетъ объ этихъ карликахъ уже въ 1726 году; Суинго тоже говоритъ объ этомъ племени. Ни одинъ путешественникъ еще не имѣлъ случая побывать въ той мѣстности; но два формозскихъ черепа, изслѣдованные Шетелингомъ, приписываются этимъ негритосамъ Формозы, въ которыхъ видятъ остатокъ древней расы, почти совершенно исчезнувшей [4]).

Большинство непокоренныхъ туземцевъ—люди рослые, сильные, чрезвычайно проворные и ловкіе въ движеніяхъ; однако, новѣйшіе путешественники не подтвердили разсказовъ старыхъ китайскихъ писателей о ихъ быстротѣ, столь удивительной, что на охотѣ они будто бы опережаютъ самую легкую собаку и схватываютъ дичь на бѣгу [5]). По словамъ Герена, походка ихъ немного напоминаетъ переваливающуюся походку высшихъ четырерукихъ, напримѣръ гориллы. Руки у нихъ длинныя, ступни огромныя, и на ходу только передняя половина подошвы опирается о землю и, такъ сказать, схватываетъ ее. Самыя разнообразныя физіономіи встрѣчаются у этихъ народцевъ: рядомъ съ плоскими лицами видишь облики, которые кажутся европейскими; особенно у сѣверныхъ племенъ — наблюдателя поражаетъ красота типа, которую представляютъ дѣти; но черты лица ихъ скоро искажаются подъ вліяніемъ убогой, нищенской жизни. Многіе изъ этихъ дикарей имѣютъ что-то пугающее во взглядѣ: ихъ выпученные глаза, всегда подвижные и широко раскрытые, придаютъ имъ видъ безумныхъ. Въ одномъ племени сильно распространенъ зобъ, вслѣдствіе чего другіе туземцы старательно избѣгаютъ сношеній съ этимъ племенемъ; болѣзни кожи обезображиваютъ также жителей внутренней части острова; кромѣ того, постоянное жеваніе орѣховъ бетеля окрашиваетъ ихъ зубы въ красный цвѣтъ. Въ глазахъ сонъ-фаней, какъ и вообще всѣхъ дикарей, украшенія гораздо важнѣе, чѣмъ самая одежда. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ мѣдные браслеты, ожерелья и поясы изъ грубыхъ стеклянныхъ бусъ, обвѣшиваютъ себя костяными пластинками и всякими побрякушками; у мужчинъ въ мочкѣ уха проткнуто широкое отверстіе, въ которое продѣвается бамбуковая трубка, разрисованная узорами и оканчивающаяся со стороны щеки пучкомъ красной шерсти. Всѣ туземцы, ведшіе еще войну съ китайцами и японцами, сохранили обычай татупированія. Юноша, принимающій участіе въ экспедиціи противъ колонистовъ равнины, отмѣчается, по возвращеніи изъ набѣга, первымъ украшеніемъ на лбу; но высшій знакъ отличія, черту на подбородкѣ, онъ получаетъ только тогда, когда снесетъ голову по крайней мѣрѣ одному изъ враговъ [1]); у нѣкоторыхъ племенъ исторія подвиговъ воина описывается на его собственной особѣ, лицо и грудь его покрываются арабесками, изображеніями растеній и животныхъ. Женщины, которымъ ввѣрено ремесло или, вѣрнѣе сказать, священнодѣйствіе татупированія, украшены такимъ же образомъ, какъ и мужчины; всѣ онѣ носятъ, по крайней мѣрѣ, синій знакъ на лбу. При вступленіи въ брачный союзъ, молодая дѣвушка, покупаемая женихомъ, должна предоставить свою щеку въ распоряженіе прокалывающаго инструмента татупировщицы; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ кланахъ она жертвуетъ при этомъ случаѣ клыками и рѣзцами, тогда какъ мужчина выдергиваетъ себѣ только глазные зубы. Все въ существованіи сонъ-фаней урегулировано обычаемъ. У нихъ нѣтъ публичнаго культа, но они строго соблюдаютъ правило, по которому всякій долженъ, на разсвѣтѣ, выдти изъ хижины и сдѣлать одиночную прогулку по сосѣдней тропинкѣ, чтобы вопросить авгура, роль котораго разыгрываетъ птичка, черный королекъ; и сообразно тому, будетъ ли предзнаменованіе благопріятное или дурное, они и опредѣляютъ употребленіе наступающаго дня. Всякій туземецъ долженъ быть похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ испустилъ духъ; если онъ умираетъ въ своей хижинѣ, то ему выкапываютъ могилу

[1]) Favre, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, nov., dec. 1868.
[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.
[3]) „Beschryving van Tayouan of Formosa“.
[4]) Hamy, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris“, 20 nov. 1872.
[5]) Klaproth, „Mémoires relatifs à l' Asie“.

[1]) Guérin, „Bulletin de la Société de Geographie de Paris“, juin 1868.

подъ самымъ ложемъ и вмѣстѣ съ нимъ зарываютъ въ землю его оружіе, кое-какую пищу и домашній котелокъ.

Китайцы, жившіе въ постоянной враждѣ съ сонъ-фанями, описывали ихъ обыкновенно людьми кровожадными; рѣдко, однако, случается, чтобы эти горцы не оказывали радушнаго пріема чужеземцамъ, не принадлежащимъ къ расѣ ихъ исконнаго врага. Борьба противъ китайскихъ поселенцевъ объясняется закономъ возмездія и наслѣдственной ненавистью. Подлѣ каждой хижины туземцевъ красуется, окруженная зеленью, деревянная этажерка, установленная головами китайцевъ. Но, вѣроятно, сонъ-фани скоро должны будутъ прекратить свою охоту на человѣка, потому что они малочисленны, для того чтобы продолжать борьбу. Общее число ихъ, какъ полагаютъ, не превышаетъ 20.000 человѣкъ, при томъ они распадаются на множество отдѣльныхъ клановъ или родовъ, изъ которыхъ иные заключаютъ въ себѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ, и, благодаря этой разрозненности, они даютъ себя уничтожать или порабощать по частямъ иноземнымъ пришельцамъ. Только южныя племена соединены въ общій союзъ; но въ этой федераціи такъ же, какъ и въ средѣ отдѣльнаго племени или клана, никто не облеченъ правомъ, превышающимъ права другихъ членовъ: каждая семья образуетъ независимую группу, гдѣ отецъ пользуется неограниченною властью, которую онъ рано раздѣляетъ со старшимъ сыномъ. Однако, существуетъ выборный судья, на котораго возложена обязанность примирять семьи въ случаѣ споровъ, и задача его легка, благодаря природному чувству справедливости дикарей, которые въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо выше цивилизованныхъ обитателей равнины.

Покоренные или мирные туземцы, которые живутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ китайцами и частію даже смѣшались съ ними посредствомъ браковъ, извѣстны вообще подъ именемъ пепогоанъ. Большинство изъ нихъ перестали татуироваться и носятъ костюмъ: это между ними миссіонеры, католическіе и протестантскіе, нашли всего больше неофитовъ. Путешественники, посѣтившіе Формозу, почти всѣ останавливались у пепогоановъ и потому описывали туземцевъ единственно на основаніи наблюденій надъ этими смѣшанными населеніями.

Формоза была одною изъ тѣхъ частей Китая, гдѣ вліяніе европейцевъ замѣчалось наиболѣе чувствительно; нѣкоторое время можно было думать, что весь островъ сдѣлается европейской колоніей. Уже въ 1621 году голландцы утвердились на архипелагѣ Пынъ-ху (Рыбачьи острова), и вскорѣ послѣ того, высадившись на юго-западный берегъ большаго острова, они поспѣшили завести свои торговыя конторы въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Тайванъ-фу. Но китайскіе земледѣльцы и купцы, которыхъ нашествіе маньчжуръ заставило переселиться въ нарождающуюся колонію, окружили со всѣхъ сторонъ маленькую группу голландцевъ, и въ 1662 году, когда пиратъ Чинчинъ-гунъ, болѣе извѣстный у европейцевъ подъ именемъ Коксинга,—произведеннымъ отъ слова «косенья», которое буквально значитъ: «Господинъ надъ семьями страны»,—явился передъ городомъ со своимъ флотомъ, китайцы, жители края, тотчасъ же доставили ему цѣлую армію осаждающихъ. Послѣ девятимѣсячной осады, городъ долженъ былъ сдаться, и камни форта Зеландіи, развалины котораго еще и теперь высятся живописной массой подлѣ города, остались единственнымъ памятникомъ голландскаго владычества. Въ царствованіе Коксинги англичане вели непосредственную торговлю съ Формозой; но, послѣ окончательнаго утвержденія маньчжурскаго господства, въ 1683 году, всякія торговыя сношенія съ иностранными народами были воспрещены, и только во второй половинѣ текущаго столѣтія, именно въ 1858 году, европейцы могли, благодаря побѣдамъ, одержаннымъ англо-французскими войсками на материкѣ Китая, снова проникнуть на «Прекрасный» островъ. Японцы тоже пытались въ разныя времена овладѣть этой землей; прежде чѣмъ занять Формозу для самаго себя, упомянутый морской разбойникъ, фуцзянецъ Коксинга, мать котораго была японка, предлагалъ Іейасу, диктатору Японіи, завоевать для него весь островъ и Фуцзянское прибрежье. Даже во время экспедиціи, предпринятой японцами съ цѣлью наказанія бутановъ за коварное истребленіе экипажа разбившагося судна, китайское правительство опасалось, какъ бы Формоза не сдѣлалась въ концѣ концовъ нераздѣльной частью Ниппона; чтобы сохранить за собой обладаніе этой территоріей, оно должно было принять на себя обязательство заплатить японцамъ издержки ихъ похода; съ той поры оно воздвигло укрѣпленія на многихъ пунктахъ окружности острова, въ особенности близъ бухты Суао или Кемалань (Кабаранъ), на восточномъ берегу.

*Въ настоящее время какъ Формоза, такъ и Пескадорскіе острова принадлежатъ Японіи и достались ей какъ компенсація за уступку Ляодунскаго полуострова. Нельзя сказать, чтобы это произошло безъ борьбы со стороны населенія. Еще въ началѣ китайско-японской войны, одинъ изъ мѣстныхъ вождей Хукунъ-гукъ, пользуясь слабостью китайской администраціи, провозгласилъ себя княземъ части острова. При этомъ онъ выразилъ намѣреніе сражаться противъ японцевъ, но въ то же время заявилъ китайскому губернатору, что не признаетъ власти Китая надъ центральною частью острова. Китайцы еще къ началѣ войны ожидали японскаго нападенія и заблаговременно укрѣпили

подступы къ гаванямъ, а также значительно усилили свои гарнизоны. Число китайскихъ солдатъ на Формозѣ доходило въ концѣ войны до 100.000 человѣкъ, снабженныхъ хорошимъ оружіемъ. Выдающимся вождемъ формозской арміи явился Лью-юнъ-фу, бывшій нѣкогда предводителемъ черныхъ флаговъ и главный противникъ французовъ во время Тонкинской экспедиціи 1883—84 г. Этотъ тонкинскій пиратъ, прибывшій на островъ въ началѣ войны, предложилъ свои услуги китайскому правительству, которое назначило его генераломъ отдѣльнаго отряда.

на островѣ провозглашена была республика, при чемъ бывшій губернаторъ Танъ, принужденный примкнуть къ движенію, объявленъ былъ президентомъ новой республики [1]). Президентъ этотъ тотчасъ же образовалъ кабинетъ, при чемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ извѣстный Ченъ-ги-тонгъ, бывшій военный аташе китайскаго посольства въ Парижѣ, агитація и совѣтамъ коего приписываются реформаторскія затѣи на островѣ. Вслѣдъ за симъ, президентъ Танъ послалъ о провозглашеніи республики и о принятіи званія президента всѣмъ иностраннымъ консуламъ,

Женщина и ребенокъ племени пепогоанъ.

Извѣстіе объ уступкѣ острова Японіи вызвало волненіе и безпорядки въ главныхъ центрахъ; начались бунты и столкновенія между пришлыми и мѣстными войсками. Послѣднія, между прочимъ, обвиняли офицеровъ арміи Ли-хунъ-чжана въ измѣнѣ и въ желаніи выдать ихъ японцамъ. Именитые граждане острова и даже мѣстныя власти стали устраивать митинги негодованія противъ малодушія Пекинскаго правительства, отказавшагося отъ обороны Формозы. Въ Пекинъ была отправлена резолюція, гласившая, что, въ виду образа дѣйствія Пекинскаго правительства, островъ считаетъ себя независимымъ и будетъ защищать своею независимость отъ японцевъ. Вскорѣ а также китайскимъ генералъ-губернаторамъ ноту [2]). Но Формозская республика была

[1]) Гербомъ республики избранъ тигръ на голубомъ полѣ.

[2]) Вотъ текстъ этого курьезнаго документа: „Когда Японія потребовала у Китая уступки Формозы, то населеніе острова этому воспротивилось. Мы неоднократно докладывали его величеству, прося его обсудить вновь эту часть трактата съ Японіей, но столь же часто получали отказъ. Вѣрный своей преданности династіи, народъ Формозы поклялся сопротивляться японцамъ до смерти Когда я получилъ отъ его величества приказаніе вернуться на материкъ и когда все было въ критическомъ положеніи, народъ и граждане предложили мнѣ печать и знаки власти, также новую эмблему республики — голубое знамя съ желтымъ бордюромъ, и назначили меня „Президентомъ новой Формозской республики“, каковыя слова вы-

недолговѣчною. Почти одновременно съ обнародованіемъ широковѣщательнаго манифеста о провозглашеніи республики, состоялась формальная передача острова японцамъ, которые тотчасъ же приступили къ фактическому занятію главныхъ береговыхъ пунктовъ. Прежде всего японцы овладѣли Цзилуномъ. Занятіе этого города сопровождалось бунтами, грабежомъ и насиліями китайскихъ войскъ въ другихъ пунктахъ острова. Губернаторъ Танъ—онъ же президентъ молодой республики, и министръ иностранныхъ дѣлъ бѣжали вмѣстѣ съ членами правительства на германскомъ суднѣ. Вслѣдъ за бѣгствомъ этихъ сановниковъ произошелъ бунтъ солдатъ, которые, не получая жалованія, принялись грабить и жечь городъ. Для замиренія острова японцамъ пришлось начать систематическое завоеваніе населенныхъ пунктовъ и предпринять рядъ походовъ противъ черныхъ флаговъ, начавшихъ партизанскую войну подъ предводительствомъ упомянутаго Лью-юнъ-фу. Покореніе Формозы продолжалось до средины 1897 г., но стоитъ Японіи не мало жертвъ и въ настоящее время* [1]).

Тай-вань, главный городъ Формозы, по имени котораго китайцы и японцы называли весь островъ, расположенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Построенный послѣ изгнанія голландцевъ изъ форта Зеландіи, этотъ городъ имѣетъ совершенно китайскій видъ: онъ обнесенъ зубчатой стѣной около 10 километровъ въ окружности и заключаетъ въ своей чертѣ обширныя воздѣланныя пространства, сады и пагоды. Тай-вань, славящійся искусствомъ своихъ мастеровъ филиграновыхъ издѣлій, ведетъ довольно большую торговлю, несмотря на малую глубину рейда; европейскія суда бросаютъ якорь далеко отъ берега, на разстояніи 3 слишкомъ километровъ отъ Аньпинскаго бара, порогъ котораго покрыть слоемъ воды толщиною не болѣе одного или двухъ метровъ, смотря по времени года; товары перевозятся на берегъ на катамаранахъ или на бамбуковыхъ плотахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляютъ для той же цѣли въ Индіи, на Коромандельскомъ берегу: плотъ окруженъ гибкими рѣшетчатыми перилами или бортами, а въ центрѣ прикрѣплены бочки, въ которыя и садятся пассажиры, чтобы не быть снесенными каждой проходящей волной; деревянный чурбанъ, укрѣпленный въ серединѣ плота, служитъ гнѣздомъ для мачты, на которую повѣшена, вмѣсто паруса, узкая бамбуковая циновка. Цѣнность оборотовъ внѣшней торговли простиралась въ 1895 году — 6.237.598 ланъ. Главный предметъ отпуска составляетъ сахаръ, который англійскіе корабли везутъ въ Австралію; попытки разведенія, въ окрестностяхъ города плантацій чая, кофе, хиннаго дерева пока еще не увѣнчались успѣхомъ [1]). Такъ же неудобенъ для судоходства портъ Да-гоу, торговый пригородъ Тай-ваня, находящійся километрахъ въ сорока къ югу отъ этого города, а между тѣмъ недорого стоющая расчистка дна съ помощью землечерпальныхъ машинъ сдѣлала бы эту гавань доступной для большихъ судовъ; въ настоящее же время въ нее могутъ входить только мелкія суда, имѣющія менѣе 4 метровъ водоизмѣщенія. Кучка рыбачьихъ домиковъ и нѣсколько товарныхъ складовъ коммерсантовъ составляютъ деревню Да-гоу, окруженную банановыми смоковницами; но въ 8 километрахъ отъ берега находится значительный городъ Ип-тао, а къ югу оттуда, при устьѣ многоводной рѣки, расположенъ очень оживленный портъ Дунъ-ганъ; Тай-вань-фу соединенъ съ портомъ Да-гоу электрическимъ телеграфомъ и даже телефонной линіей [2]), а близъ Аньпинскаго бара нѣкогда сложены были на берегу рельсы разобранной Шаньхай-вусунской желѣзной дороги, перевезенные сюда какъ матеріалъ для постройки рельсоваго пути между двумя портами Формозы, Тай-ваня и Цзи-луна. Въ настоящее время этотъ путь оконченъ до Тай-ваня, и японское правительство, занятое устройствомъ путей сообщенія на островѣ, уже проложило около 400 миль обыкновенной дороги и болѣе 100 миль конножелѣзнаго пути [3]).

На восточной отлогости «Обезьяньей горы», правильный конусъ которой господствуетъ надъ городомъ и рейдомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бьютъ изъ земли минеральные ключи. На югѣ отъ Да-гоу портъ Лянь-цяо, который служилъ операціоннымъ базисомъ японцамъ во время ихъ экспедиціи въ 1874 году, не можетъ имѣть важнаго значенія, но причинѣ его положенія на южной оконечности острова, слишкомъ узкой для того, чтобы питать значительную торговлю. Китайцы построили городъ въ десяти километрахъ отъ берега, чтобы удобнѣе было наблюдать за бутанами [4]).

Около центральной части острова и на западной покатости, городъ Чжэнъ-хуа замѣчателенъ какъ самый дѣятельный центръ для торговли

рѣзаны на печати. Я принужденъ былъ дѣйствовать въ качествѣ президента новой республики до времени народнаго избранія, при чемъ рѣшено признавать сюзеренитетъ китайскаго императора и занимать положеніе вассальнаго государства. Мы также обсуждаемъ вопросъ объ обращеніи къ иностранной помощи и о фундаментальной реорганизаціи государства Мнѣ ничего не оставалось дѣлать другаго, среди всеобщаго замѣшательства, какъ приняты выборъ народа, и я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы телеграфировать о вышеизложенномъ моимъ коллегамъ и разнымъ державамъ въ Европѣ и Америкѣ. Что же касается способности нашей долго сопротивляться врагамъ, то въ настоящее время трудно что-либо предсказать, но я надѣюсь, что вы насъ пожалѣете и окажете помощь».

[1]) См. Коростовецъ, „Китайцы и ихъ цивилизація“.

[1]) Pelham Warren, „Commercial Reports“, 1879.

[2]) „London and China Express“, 17 juin 1881.

[3]) Brenann.

[4]) Mrs Hugues, „Among the sons of Han“.

камфарой; но портъ Гой-хи, черезъ который вывозится этотъ товаръ, открытъ только отечественнымъ джонкамъ. Далѣе на сѣверѣ, многолюдный городъ Синь-чу, называвшійся въ старину То-ко-ханъ, тоже дополняется портомъ, Гонсаномъ, откуда коммерсанты отправляютъ рисъ и пшеницу подъ китайскимъ флагомъ. Портъ Тамъ-суй, близъ сѣверо-западной оконечности Формозы, получилъ болѣе важное значеніе, благодаря поселившимся тамъ европейскимъ негоціантамъ, и несмотря на нездоровый климатъ занимаемой имъ мѣстности. Прежде Тамъ-суй, гдѣ тоже сохранились остатки голландскаго форта, былъ главнымъ портомъ для вывоза камфары, но такъ какъ камфарныя деревья въ сосѣднихъ лѣсахъ на морскомъ берегу уже давно вырублены, то теперь камфаро-промышленники принуждены забираться далеко внутрь страны, даже до нагорныхъ долинъ, и у нихъ часто бываютъ столкновенія съ туземцами. Оттого торговля камфарой значительно уменьшилась; но она замѣнена чайной торговлей, которая съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо́льшіе размѣры, особенно съ Америкой (общій оборотъ порта въ 1894 году достигъ 8.305.948 ланъ); амойскіе и японскіе негоціанты забрали въ свои руки эту торговлю, и выгодами ея пользуется родной городъ первыхъ; они экспортируютъ, кромѣ того, рисовую бумагу. Джонки поднимаются по рѣкѣ Тамъ-суй до колоніи Таотюіа, гдѣ живутъ иностранные коммерсанты, и до города Менка (Банка), торговой метрополіи округа. Въ 12 километрахъ къ востоку отъ этого города, на дорогѣ въ Цзи-лунъ, есть сѣрнистые источники, куда пріѣзжаютъ во множествѣ, для пользованія водами, больные изъ окрестныхъ мѣстностей.

Портъ Цзи-лунъ, хотя онъ лежитъ километрахъ въ пятидесяти къ востоку отъ Тамъ-суя, на сѣверномъ берегу Формозы, считается какъ бы составляющимъ вмѣстѣ съ этимъ городомъ одну и ту же пристань для иностранныхъ судовъ (въ портъ, въ 1894 году, привезено 24.243 тон.). Впрочемъ, если вѣрить разсказамъ туземцевъ, эти два порта соединены подземной галлереей; по ихъ словамъ, пещеры, находящіяся въ нѣкоторомъ разстояніи близъ обоихъ городовъ, составляютъ входы этого таинственнаго пути [1]). Цзи-лунъ участвуетъ въ торговлѣ страны преимущественно вывозомъ лигнитовъ, которые, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые сорта́ даютъ топливо превосходнаго качества, но покупаютъ ихъ мало, по причинѣ всякаго рода прижимокъ и вымогательствъ, которымъ подвергаются купцы со стороны чиновниковъ. Находящіяся въ сосѣдствѣ богатыя мѣсторожденія горнаго масла и сѣры почти еще не початы разработкой. Мысы и островки въ окрестностяхъ Цзи-луна, состоящіе изъ каменистыхъ наслоеній не одинаковой твердости, принимаютъ самыя фантастическія формы. Нижніе пласты, очень нѣжные и хрупкіе, быстро разрушаются безпрерывными ударами волнъ и образуютъ гроты и аркады подъ карнизами верхнихъ слоевъ. Большинство острововъ, подточенныхъ при основаніи, нависшихъ на верхушкѣ, походятъ на гигантскіе грибы [1]). На одномъ мысѣ, господствующемъ надъ входомъ въ портъ съ восточной стороны, видны еще развалины испанскихъ укрѣпленій.

Если «Большой Лю-чу», то-есть островъ Формоза, нѣкогда былъ китайской территоріей, то только часть Малыхъ Ликейскихъ острововъ, и при томъ наименѣе важная, принадлежала къ Китаю, такъ какъ японцы уже давно присоединили большинство ихъ къ своей административной территоріи. Южная группа, Санъ-нанъ или Саки-сима, которая представлена на старинныхъ китайскихъ картахъ какъ принадлежащая къ Формозѣ [2]), дѣйствительно соединена съ этимъ островомъ многочисленными островками и выступающими изъ воды скалами. Гористые и незначительные по протяженію, эти острова мало населены, и нѣкоторыя изъ живущихъ тамъ племенъ пребываютъ еще въ дикомъ состояніи; туземцы острова Іонакуни, самаго западнаго въ этой группѣ, походятъ на бутановъ юго-восточной Формозы [3]).

Около своей южной оконечности «Прекрасный» островъ имѣетъ только одно географически принадлежащее къ нему владѣніе, гористую землю Ботелъ-Тобаго.

На западѣ, въ Формозскомъ проливѣ, острова Пынъ-ху, называемые европейскими мореплавателями «Рыбачьими» (Пескадорскими) или Хокото, представляютъ очень важное значеніе, какъ мѣсто пристанища для судовъ и какъ складочный пунктъ между Формозой и континентомъ. Населеніе, исчисляемое приблизительно въ 44.820 душъ, занимается рыбной ловлей и культурой земляныхъ орѣховъ, риса и проса; но мѣстное производство недостаточно, и жители въ отношеніи своего продовольствія зависятъ частію отъ Формозы. Зимой вѣтры дуютъ иногда съ такой силой, что ломаютъ деревья и вырываютъ ихъ съ корнемъ изъ земли. Главный городъ архипелага—мѣстечко Пынъ-ху-тинъ.

Города Формозы, приблизительное населеніе которыхъ указывается новѣйшими путешественниками и консульскими отчетами, суть:

Тай-вань-фу [4])—250.000 жителей. Тамъ-

---

[1]) Mayers, Dennys, King, „The treaty-ports of China and Japan“.

[1]) L. Rousset, цитированное сочиненіе.

[2]) Jomard et de Montigny, „Bulletin de la Société de Geographie de Paris“, dec. 1858.

[3]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

[4]) Surnhoe, „Journal of the North China blanch of the Asiatic Society“, may, 1868.

суй—100.000 ж. Чжэнъ-хуа—60.000. Синьчу — 40.000 ж. Менка (Банка) (консулы)—40.000 ж. Цзи-лунъ—3.000 ж.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ современныхъ административныхъ дѣленій Японіи, она составлена согласно оффиціальному изданію Императорскаго Кабинета: «Résumé statistique de l'impire du Japon». Tokio, 1898 г.

Перечень провинцій Японіи съ показаніемъ административнаго дѣленія страны и главнѣйшихъ пунктовъ.

Названіе провинцій.	Поверхность въ квадратн. километрахъ.	Населеніе.	На 1 квадр. километръ жителей.	Главный городъ провинціи; цифры въ скобкахъ показываютъ населеніе къ 1 января 1897 года.
Центральный Ниппонъ.				
Токіо	1.940,28	1.468.754	757	Токіо (1.299.941).
Канагава	2,400,97	754.469	314	Іокогама (179.502).
Сантама	4.102,50	1.149 353	280	Урава ?
Чиба (Шиба)	5.030,37	1.247.954	248	Чиба (27.283).
Ибараки	5.940,82	1.101.990	185	Мито (32.064).
Точиги	6.350,94	759.735	120	Уцаномія (36.438).
Гумма	6.281,22	749.941	119	Маебаши (30.883).
Нагано	13.167,97	1.212.208	92	Нагано (33.141).
Яманаши	4.470,50	491.055	110	Кофу (35.738).
Шизуока	7.770,67	1.173.953	151	Шизуока (39.950).
Аичи	4.826,16	1.557.171	323	Нагойя (242.085).
Мійе	5.684,33	976.844	172	Цзу (30.748).
Гифу	10.356,11	981.623	95	Гифу (31.075).
Шига	3.986,05	702.632	176	Оцу (Отцу) (34.556).
Фукуи	4.201,36	632.580	151	Фукуи (44.290).
Ишикава	4 175,45	782.553	187	Каназава (85.916).
Тояма	4.108,98	784.534	192	Тояма (58.975).
Итого въ центральной Японіи	94.792,68	16.532.349	174	
Сѣверный Ниппонъ.				
Ніигата	12.718.06	1.797.708	141	Ніигата (51.335).
Фукушима	13.049,36	1.028.536	79	Фукушима ?
Міяги	8.340,87	817.123	98	Сендай (77.476).
Ямагата	9.256,41	808.848	87	Ямагата (32.151).
Акита	11.629,32	755.030	65	Акита (27.114).
Иватэ	13.868,66	701.236	51	Моріока (31.989).
Аомори	9.362,53	593.886	63	Аомори (24.212).
Итого	78.225,21	6.502.367	83	
Западный Ниппонъ.				
Кіото	4.573,34	914.357	200	Кіото (341.101).
Осака	1.784,81	1.280.559	717	Осака (503.690).
Нара	3.106 60	526.537	169	Нара ?
Вакаяма	4.790,85	666.275	139	Вакаяма (57.366).
Хіого	8.585,95	1.618.895	109	Кобе (184.194).
Окаяма	6.492,99	1.109.269	171	Окаяма (57.210).
Хирошима	8.032,25	1.400.715	174	Хирошима (107.685).
Ямагучи	6.015,01	967.620	161	Ямагучи ?
Шимане	6.721,87	714.000	106	Мацуе (34.625).
Тотори	3.457,33	414.395	120	Тотори ?
Итого	53.561,50	9.612.622	179	
Общій итогъ населенія на остр. Ниппонѣ	226.579,39	32.647.338	144	

Названіе провинцій.	Поверхность въ квадратн. километрахъ.	Населеніе.	На 1 квадр. километръ жителей.	Главный городъ провинціи; цифры въ скобкахъ показываютъ населеніе къ 1 января 1897 года.
Остр. Кіусіу.				
Нагасаки	3.626,83	796.056	219	Нагасаки (72.390).
Сага	2.468,99	602.230	244	Сага (29.893).
Фукуока	4.901,74	1.314.139	268	Фукуока 62.212).
Кумамото	7.179,18	1.112.247	155	Кумамото (56.824).
Оита	6.211,51	822.562	132	Оита ?
Міясаки	7.516,49	439.367	58	Міясаки ?
Кагосима	6.289,73	1.076.5 1	116	Кагосима 53 895).
Окинава	2.420,20	440 895	182	Наба (Нафа) (34.117).
Итого	43.614,57	6.604.047	151	
Остр. Сикокъ.				
Токушима	4.184,09	688.840	165	Токушима (61.489).
Кагава	1.750,57	685 861	392	Такамацзу (34.274).
Эхиме	5.262,03	972.924	185	Мацуяма (34.535).
Коги	7.013,37	60.384	86	Коги (35.470).
Итого	18.210,06	2.948.009	162	
Хокандо или Іессо	94.011,79	508.870	5	Саппоро (33.987).
Итого японскій архипелагъ	382.415,81	42 708.264	112	
Формоза.	кв ри			
Дай-хоку (Дай-бэ)	373	570.189	—	Татъ-суй, Синь-чу, Цзи-лунъ, Ій-лань.
Дай-шіу (Дай-тупъ)	745	619.701	—	Локко, Холи, Юй-линь.
Дай-нань (Тай-нань)	367	807.099	—	Гонсанъ, Гочунъ, Каги.
Хокото (Пескодорскіе острова)	8	44.820	—	—
Итого Формоза съ островами	1.493	2.041.809	—	

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ шестой.

АЗІЯТСКАЯ РОССІЯ.

А.

Абаканская степь, 667, 673.
Абаканскъ, селеніе, 687.
Абаканъ, рѣка, 677.
Аббасъ-Туманъ, мѣстность, 199.
Аблайкитская долина, 658.
Абрау, озеро, 60.
Абулъ, гора, 7, 166, 167, 214.
Абулъ, ледникъ, 68.
Абускунъ, городъ, 481.
Абхазія, 60, 71, 79, 93, 125, 140.
Авача, вулканъ, 752.
Авачинская губа, 751.
Агишау, гора, 56.
Аграханъ, бухта, 126.
Адай-Кохъ, гора, 57, 64, 104, 111.
Аджарскій хребетъ, 143, 144, 165.
Адишъ, гора, 104.
Адишъ, ледники, 141.
Адлеръ (Ардилеръ, Ардувачъ), крѣпость, 98.
Адонъ-чолонъ, горы, 782.
Азія, 1—52.
Айбугиръ, заливъ, 364, 365.
Айгеръ-гиль, озеро, 221.
Айгунъ, городъ, 803, 813.
Айрычай, рѣка, 61.
Акгиссаръ, городъ, 198.
Акера, рѣка, 224.
Аккендъ, городъ, 515.
Акмолинскъ, городъ, 656.
Аксай, станица, 124.
Актогай, ущелье, 304, 306.
Акулиссы, дерезня, 248.
Акуша, рѣка, 115.
Акъ-баша, гора, 311.
Акъ-бура, рѣчка 494, 495.
Акъ-Дарья, рѣка 484.
Акъ-Кумъ, степь, 334.
Акъ-Курганъ, городъ, 517.
Акъ-робатъ, проходъ, 435.
Акъ-Серай (см. Сургабъ).
Акъ-су, рѣка, 329, 331, 351, 352.
Акъ-сы, городъ, 493.
Акъ-тау, городъ, 377.
Акъ-ташъ, скала, 451.
Акъ-тепе, городъ, 481.
Акъ-чо, городъ, 441, 444.
Акъ-ширякъ, горы, 315, 340.
Алагезъ, горы, 7, 62, 221.
Алагиръ, городъ, 61, 120.
Алазанъ, рѣка, 61, 167—169.
Алайскій хребетъ, 286—288, 291.
Алай-тагъ, горы, 288, 290, 291.
Ала-Куль, озеро, 323, 324, 327, 331, 513.
Аламанъ, перевалъ, 302.
Алапаевскій заводъ, 650, 662.
Ала-тау, горы 293, 305, 306, 592, 594.
Ала-тай Джунгарскій, 302, 513.
Ала-тау Заилійскій, 293, 305, 306.
Ала-тау Кунгей, горы, 305, 306.
Ала-тау Терскей, горы, 306, 315, 344.
Алахунъ-дагъ, гора, 126.
Албазинъ, городъ, 813.
Алданъ, рѣка, 727, 728, 731.
Алданскія горы, 785, 787.
Александра, цѣпь, 294.
Александровская слобода, 119, 124.
Александровскій хребетъ, 305, 306, 512.
Александрополь, городъ, 241, 249.
Алетскій проходъ, 323.
Алибера, гора, 559, 694, 695, 840.
Алимъ ту, городъ, 515.
Алматы, горы, 319.
Алтай, горы, 3, 590—613.
Алтынъ-Имель, перевалъ, 302, 319.
Алтынъ-тау, гора, 593.
Альгомъ, городъ, 481.
Амга, рѣка, 732.
Амгунь, рѣка, 796, 806, 807.
Амелинка, проходъ, 67, 68.
Америка, бухта, 799, 816.
Аму-Дарья (Оксусъ), рѣка, 270, 340, 348, 350 361.
Амурскій заливъ, 797.
Амурскій край, 718, 794, 801, 802, 803.
Амуръ, рѣка, 17, 270, 339, 554, 787—797.
Анабара, рѣка, 724.
Анадырь, рѣка, 552, 752, 753.
Анапа, портъ, 98, 100, 103.
Ангара (Верхняя Тунгузка), рѣка, 555, 664, 700, 708, 709, 722.
Анди, горы, 125.
Андиджанъ, городъ, 494, 500.
Андхой, городъ, 441, 442, 444.
Ани, городъ, 241.
Анива, заливъ, 822, 826.
Анюй, рѣка, 733.
Апшеронскій полуостровъ, 55, 63, 177, 178.
Араванъ, городъ, 495.
Арагва, рѣка, 189.
Аракеъ, рѣка, 165, 166, 212, 226 227.
Арало-Каспійскій склонъ, 267—530
Аралъ-тюбе, островъ, 325.
Аральское море, 270, 362 — 364 367 370.
Араратъ, гора, 7, 214, 216—220.
Арасанъ, мѣст., 513
Арва, рѣка, 307.
Арге, вулканъ, 7.
Аргунь, рѣка, 788—791.
Аргури, деревня, 220.
Ардаганъ, городъ, 97, 98, 212.
Арданучъ, мѣст., 164.
Ардахаръ, деревня, 245
Ардеметъ-Кагакъ, городъ, 243.
Арджеванъ, городъ, 167.
Ардонъ, рѣка, 104.
Арзіани, гора, 144.
Аркайпалъ, гора, 820.
Аркатскія горы, 322, 323.
Армавиръ, городъ, 242, 243.
Арменія русская, 212—249.
Арпачай, рѣка, 227, 229, 241.
Артаксатъ, городъ, 244.
Артвинъ, городъ, 164
Аспинца, мин. воды, 199.
Ассаке, городъ, 495, 500.
Астара, портъ, 211, 212.
Атбасаръ, городъ, 656.
Атешъ-га, гора, 126.
Атешъ-га, округъ, 179.

Атрекъ, рѣка, 374, 375, 479.
Ауліе-Ата, городъ, 511, 512, 518.
Афганскій Туркестанъ, 422—443.
Ахалкалаки, крѣпость, 198.
Ахалцыхъ, крѣпость, 198, 199, 212.
Ахалъ-атокъ, деревня, 372.
Ахтари, лиманъ, 257.
Ахты, городъ, 139, 140.
Ачинскъ, городъ, 662, 663.
Ашуръ-Аде, городъ, 481.
Ашъ, городъ, 518.
Ащи-сай, бассейнъ, 380.
Аягузъ, рѣка, 331.
Аянъ, городъ, 557, 567, 812, 817.

Б.

Бабадагъ, гора, 126.
Багдадъ, городъ, 159.
Бадахшанъ, городъ, 431.
Бадахшанъ, государство, 426—430, 432, 436, 437, 444.
Бадахшанъ, рѣка, 431.
Базардьюзъ, гора, 126.
Байкальскія горы, 695.
Байкалъ, озеро, 14, 555, 692—723.
Байкундъ, городъ, 465.
Байсунъ, городъ, 454.
Бакинская губернія, 180.
Бакинскій заливъ, 177.
Баксанъ, ледникъ, 68.
Баксанъ, рѣка, 58.
Баксу, рѣка, 107.
Бактріана, страна, 422—443.
Баку, городъ, 176—180, 195, 210—212.
Балаганскъ, мѣст., 722.
Балаханы, деревня, 179, 211.
Балахна, рѣка, 724.
Балханскій заливъ, 362.
Балханъ Большой, горы, 372, 374.
Балхашъ, озеро, 324—326, 332.
Балхъ, городъ, 440, 444.
Балхъ, рѣка, 441.
Балыкчи, городъ, 500.
Баляндъ-Кіикъ, долина, 289
Баміандскій проходъ, 432, 433.
Баміанъ, городъ, 434, 435.
Барабинская степь, 620, 621, 622, 623.
Баргузинъ, городъ, 719.
Баргузинъ, рѣка, 702.
Барда, деревня, 207.
Баркуль, горы, 297.
Барлукъ, горы, 320, 323.
Барнаулка, рѣка, 608, 625.
Барнаулъ, городъ, 557, 568, 607, 608, 610, 612, 613.
Барскаунъ, проходъ, 315, 319.
Басканъ, рѣка, 329.
Баталпашинская станица, 100, 103.
Батумъ, городъ, 163, 164.
Бахта, рѣка, 668.
Башъ-Алай, проходъ, 291.
Башъ-Карны, городъ, 244.
Баязетъ, крѣпость, 217.
Баяндай, городъ, 515.
Безопасное, село, 103.
Бей-Кемъ, рѣка, 665.
Бекешевская станица, 103.
Бекъ-накъ-дала (Голодная степь), 334.
Бергушедъ, рѣка, 227.
Березовскій заводъ, 653.
Березовъ, городъ, 557, 653, 662, 663.
Берингово море, 551, 754, 755, 760, 763.
Беринговъ, островъ, 754, 760, 763.
Беринговъ, полуостровъ, 747, 748, 752, 755, 756, 758, 760, 761, 764.
Беринговъ, проливъ, 552, 754—758, 768, 772.
Бермамутъ, хребетъ, 119.
Бернизетъ, гора, 820.
Бештау, гора, 104.
Бзыбь, рѣка, 78, 79.
Билганъ, городъ, 171
Билинги, ледникъ, 68
Бинголъ-дагъ, вулканъ, 226.
Бисинги, ледникъ, 68.
Бійенъ, рѣка, 329.
Бійскъ, городъ, 611, 612, 613.
Бія, рѣка, 592, 624.
Благовѣщенскъ, городъ, 557, 813, 814, 817.
Благодарное, село, 119, 124.
Благодать, гора, 648.
Ближній, островъ, 733.
Богаиида, рѣка, 724.
Богла-норъ, озеро, 299.
Богосъ, ледникъ, 68.
Болкалакъ, селеніе, 725.
Болоръ, хребетъ, 6.
Большая Касъ, рѣка, 626.
Большая рѣка, 753.
Большая Толбача, вулканъ, 752.
Большой Араратъ, гора, 62.
Большой Кебинъ, рѣка, 306.
Большой Хинганъ, горы, 542.
Борбало, гора, 122, 125, 126, 189, 190
Боржомъ, городъ, 199.
Боро-хоро, горы, 301, 319.
Борохудзиръ, фортъ, 513.
Боскалъ, деревня, 177.
Босъ-дагъ, вулканъ, 178.
Братская степь, 715.
Братскій острогъ, 715.
Брянскъ, пристань, 124.
Буамское ущелье, 305, 306.
Бузгола-хана, проходъ, 459.
Бунъ-норъ, озеро, 788
Булунъ, городъ, 747.
Бургасутай, проходъ, 323.
Бурейскія горы, 786.
Бурея, рѣка, 792.
Бухара, городъ, 460—467.
Бухара, государство, 450—469.
Бухтарма, рѣка, 591, 604, 609.
Бухтарминскъ, деревня, 610.
Бѣлая рѣка, 61, 708.
Бѣлки, горы, 591.
Бѣлоглинское, село, 103.
Бѣлоканы, городъ, 209, 212.
Бѣлоудовскій рудникъ, 657.
Бѣлуха, ледникъ, 614, 624.
Бѣлуха, рѣка, 592, 593.
Бѣлые пески, 334, 336.
Бѣлый Ключъ, урочище, 206
Быррапга, хребетъ, 540.
Бытантай, рѣчка, 580.

В.

Вагаршабадъ, городъ, 242.
Вагъ, рѣка, 626, 627.
Вадиль, городъ, 496, 500.
Вамаръ, городъ, 452.
Вардандзи, округъ, 464.
Вардзія (Вардзишъ), монастырь, 198.
Ваханъ, государство, 424 — 426, 444.
Ведень, деревня, 137.
Верхне-ангадырское плоскогорье, 749.
Верхнеудинскъ, городъ, 719, 723.
Верхняя пристань, 607.
Верхняя Тунгузка, рѣка, 664, 667, 668.
Верхоленскъ, городъ, 746, 747.
Верхотурье, городъ, 648, 663.
Верхоянскія горы, 748.
Верхоянскъ, городъ, 747.
Верхъ-Исетскіе заводы, 653.
Вилюй, рѣка, 728, 732.
Вилюйскъ, городъ, 747.
Вилючинская сопка, 752
Витимъ, рѣка, 726, 727, 731.
Вицырн, гора, 126.
Владивостокъ, городъ, 557, 79[illegible], 815, 816, 817.
Владикавказъ, городъ, 120—124
Владиміра Св. заливъ, 798.
Вознесенскъ, городъ, 559.
Войкаръ, рѣка, 630.
Вольная Сванетія, 141, 149.
Вонючее озеро, 324, 325.
Восточная Сибирь, 848.
Восточный Кавказъ, 126—140.
Восточный, мысъ, 748.
Врангель, портъ, 799.
Врангеля земля, 736.
Высокая, гора, 647.
Высохшее море (Ганъ-Гай), 11, 12.
Вѣрный, городъ, 319, 512, 51[illegible], 518.

Г.

Гагры, крѣпость, 98.
Газрети-султанъ, гора, 291.
Гайдукъ, озеро, 106.
Газъ-Куль (Ой Куль), озеро, 351.
Гамышъ, (Семенова гора), 320.
Гангъ, рѣка, 3, 19.
Ганджа (Елисаветполь), городъ, 207.
Ганъ-Гай, море, 11, 12.
Гариболо, гора, 62.
Гармъ, мѣст. 453.
Гассандагъ, вулканъ, 7.
Гауризанкаръ (Лучезарная), гора, 4.
Геленджикъ, бухта, 93.
Гемышъ, гора, 224, 320.
Геокъ-Тепе, городъ, 449, 481.
Георгіевскій фортъ, 468.
Георгіевскъ, городъ, 119
Герагская (Гери-Рудъ), рѣка, 353.
Гератъ, городъ, 463.
Гешикъ-Хаза, горы, 309.
Гижигинскъ, городъ, 812, 817.
Гималайскія горы, 3.
Гиндукушъ, горная цѣпь, 3, 419 423, 426, 427, 428, 432, 433, 439, 441.
Гирканіополисъ городъ, 481.
Гиркапское море, 368.
Гиссарскій хребетъ, 290.
Гиссаръ, область, 453.
Гиссаръ, городъ, 454, 455, 458.
Гоанго, рѣка, 14, 15, 19.
Гоангъ-Гай (Желтое) море, 14.

Гоангъ-ту, область, 14, 15
Гоби, степь, 3.
Годоребн, гора, 167.
Гой-юанъ, городъ, 515.
Гокчай, озеро, 222, 223.
Голая гора, 787.
Голодная степь, 334, 335.
Горн, городъ, 181, 200, 212.
Гороблагодатскій округъ, 648.
Григориполисская станица, 103.
Грозный, городъ, 124.
Грузія, область, 180—183.
Губденъ, мѣст., 137, 140.
Гузель-донъ, рѣка, 107.
Гулистанъ, горы, 372
Гульша, городъ, 493.
Гунибъ, гора, 137.
Гургенъ, рѣка, 375, 376.
Гурзиванъ, городъ, 444.
Гурумди, гора, 286.

Д

Дагестанъ, горная страна, 6, 59 74, 124, 125 - 140
Далай-голъ, рѣка, 788, 789
Далай-норъ, озеро, 788.
Далматовъ, городъ, 655 - 663.
Дамань-и-Кохъ, городъ, 372.
Данданъ-Шиканъ, скалы, 435.
Данзангъ, горная цѣпь, 3
Дарвазъ, горы, 290.
Дарвазъ, государство, 450—452.
Дарго, округъ, 132.
Дарзабъ, городъ, 444.
Дарьяльское ущелье, 66, 73.
Дарьялыкъ, рѣка, 358, 361.
Дау-Кара, озеро, 346, 357.
Даурія, 781, 783, 784, 804.
Даурскія горы, 784.
Даурскія степи, 783.
Даусъ-Алинь, горы, 786
Девдораки, ледникъ, 67, 68
Де-Кастри, бухта, 795, 798, 818
Делижанъ, городъ, 244.
Демавендъ, вулканъ, 7.
Денау, городъ, 454.
Денгизъ-тау, гора, 322, 323.
Денгли-Тепе, крѣпость, 449.
Дербентъ, городъ, 138—140, 459
Дерегезъ-атокъ, деревня, 372.
Деуденъ, рѣка, 361
Джабеши, деревня, 141.
Джабе-Шеви, долина, 152.
Джанрскій проходъ, 323.
Джалабадъ, мин. воды, 494.
Джаланашъ, плоскогорье, 304, 319.
Джаланашъ-Куль, озеро, 324
Джаркендъ, городъ, 515.
Джвари, селеніе, 161, 164.
Джеремъ, городъ, 430.
Джизакъ, городъ, 491, 518.
Джирузи (Карысъ), мѣст., 249.
Джорданъ (Гирканіаполисъ), городъ, 481.
Джулатъ, городъ, 123, 288.
Джульфа, городъ, 247, 248.
Джуманъ-тау, гора, 78.
Джунгарскій бассейнъ, 11.
Джунъ-Булакъ, рѣка, 695.
Дзеа-Кохъ, гора, 104.
Дзирула, рѣка, 159.
Диклосъ-Мта, гора, 126.
Диксонова гавань, 672.
Дири-дагъ, гора, 227
Дихъ-тау, гора, 56, 104.
Діоскуріасъ, гавань, 74.
Донское, село, 103.
Дора, проломъ, 427.
Дундинка, пристань, 691.
Дура и-Зпиданъ, ущелье, 436.
Душамбе, городъ, 454.
Душъ-Качанъ, городъ, 719.
Дуэ, портъ, 825.

Е

Егорлыкъ, рѣка, 102, 103.
Ейскъ, городъ, 100, 103.
Екатеринбургъ, городъ, 653 - 655, 663.
Екатеринодаръ, городъ, 100, 103, 123.
Елисаветполь, городъ, 64, 197, 207, 208, 212.
Елугуй, рѣка, 668.
Енисей, рѣка, 16, 543, 544, 551, 554, 663 - 691.
Енисейскій заливъ, 691.
Енисейскъ, городъ, 688, 691.
Ергикъ - Таргакъ-Тайга, хребетъ, 665, 686, 692, 693.
Ермоловскій камень, 66.
Ехой, озеро, 693.

Ж

Желѣзинская станица, 623.
Желѣзноводскъ, городъ, 117.
Жиганскъ, городъ, 747.
Жилапути (Змѣиное ущелье), 491.
Жонкьеръ, бухта, 825.
Жупановская сопка, 752.

З

Заалайскій хребетъ, 290, 352.
Забайкальская область, 568, 718. 723, 779, 834.
Завитая, рѣка, 814.
Зайсанъ, городъ, 657.
Зайсанъ, озеро, 321, 615—617.
Закавказье, 54, 64, 95, 140, 147, 148, 149, 155, 159, 197, 225.
Закаспійская область, 528.
Закаталы, городъ, 209.
Занга, рѣка, 243.
Зангезуръ, округъ, 249.
Западная Сибирь, 659, 846, 848
Западный Кавказъ, 64, 77 103.
Зарявшанскій ледникъ, 352.
Зарявшанскій хребетъ, 290.
Зарявшанъ, рѣка, 352, 353, 482.
Заука, проходъ, 319, 340.
Зеленчукъ, рѣка, 61.
Зенги-ата, городокъ, 505.
Зея, рѣка, 540, 792.
Зикари, хребетъ, 104.
Зилла-Кохъ, гора, 104
Зилуэдинъ, городъ, 467.
Змѣиная гора, 608, 609.
Змѣиногорскъ, городъ, 608, 609, 610, 613.
Змѣиное ущелье, 491.
Золотарскія горы, 610.
Золотой Рогъ, 799, 816.
Зугдиди, городъ, 150, 157.
Зунгари, рѣка, 16.
Зыряновскіе рудники, 610.
Зыряновскъ, городъ, 609, 610, 613
Зюглиди, селеніе, 161.

И

Ивановская станица, 103.
Ивановская Бѣлка, гора, 610.
Идоконасъ, гора, 78
Икисуараси (Междурѣчье), 342.
Или, рѣка, 328, 330, 516, 517.
Илійскъ, городъ, 515.
Илимша, рѣка, 671.
Ильинская станица, 103.
Имень (Чурта) рѣка, 331.
Имеретія, 140, 142, 143, 156.
Императорскій портъ, 815.
Ингода, рѣка, 812.
Ингуръ, рѣка, 140, 141, 149.
Индаръ-абъ, рѣка, 433.
Индигирка, рѣка, 733.
Индъ, рѣка, 3, 19.
Индухъ, деревня, 127.
Правди, рѣка, 19.
Иракъ, проходъ, 435.
Иранъ, плоскогорье, 3.
Ирбитскій заводъ, 652.
Ирбитъ, городъ, 651, 652, 663.
Иргизъ, городъ, 511.
Иргизъ, рѣка, 345.
Иренъ-Хабирганъ, горы, 301, 302.
Ирикъ, ледникъ, 68.
Иркутскъ, городъ, 696, 719, 720, 721, 723.
Иркутъ, 693, 694, 695.
Иртышъ, рѣка, 614 - 619, 623, 624, 627, 629.
Ирь-ташъ, ледникъ, 340.
Исетскіе заводы, 653
Искурія, деревня, 97.
Исфайрамъ, перевалъ, 286, 291.
Исфаръ, городъ, 499, 500
Исыкъ-Куль, озеро, 270, 306—309, 319.
Ишимская степь, 657.
Ишимъ, городъ, 657, 663.
Ишимъ, рѣка, 623, 624, 656, 657.
Ишкашимъ, мѣст., 424, 451.
Ишкли, гора, 224.

І

Іора, рѣка, 167, 168.

К

Кабарда, страна, 69, 103, 109, 110, 111, 123.
Каваръ, село, 244.
Кавказскія горы, 53—63, 104.
Кавказъ, 51—267.
Кавукъ, проходъ, 291.
Кагызманъ, городъ, 240, 248.
Казалинскъ, городъ, 508, 518.
Казанголъ-дагъ, гора, 224.
Казанитъ, мѣст., 137
Казанищи, городъ, 140.
Казбекъ (Мкинвари, Урсъ-Кохъ), гора, 56, 59, 104.
Казиль-гійдукъ, городъ, 167.
Казиль-дагъ, гора, 215.
Казыкъ-уртъ, гора, 317.
Каинскъ, городъ, 659, 663, 690, 691.
Кайдакъ (Кара-су), 221.
Кайтаго-Табасеранъ, округъ, 135.
Кала-ата (Георгіевскій фортъ), 468.
Калаусъ, рѣка, 105.

Кальджиръ, рѣка, 615.
Кальчидонъ (Караганъ), ледникъ, 64, 68.
Камаръ-Дабанъ, гора, 541, 707.
Камчатка, полуостровъ, 542, 747—752, 756—761.
Камчатка, рѣка, 753.
Камчатскія горы, 542.
Камышловъ, городъ, 663.
Кандылъ-ташъ, горы, 306.
Канлы, перевалъ, 167.
Канскій округъ, 689.
Канскъ, городъ, 690.
Кантагай, проходъ, 319.
Капитанъ, гора, 785, 787.
Кантагай, гора, 733.
Капуджикъ, гора, 224.
Капчегайское ущелье, 341.
Кара-адыръ, горы, 321.
Карабага, степь, 224.
Карабагскія горы, 227.
Карабагъ, страна, 171, 224.
Кара-бель, проходъ, 319.
Кара-богазъ, заливъ, 378—380.
Кара-бура, гора, 320.
Караганъ (см. Кальчидонъ).
Кара-дагъ, городъ, 374.
Кара-Дарья (Черная), рѣка, 341, 342, 493, 494.
Кара-дыръ, горы, 321.
Карайяза, степь, 170.
Кара-Казыкъ, проходъ, 291.
Кара-Кала, крѣпость, 242.
Каракентскія угольныя копи, 100
Кара-Коль, городъ, 514
Кара-Коль, горы, 312, 322.
Каракорумъ, горная цѣпь, 3, 8.
Кара-Коталъ, проходъ, 435.
Кара-Кубань, рѣка, 81.
Кара-Куль, городъ, 467, 518.
Кара-Куль, озеро, 284, 285, 312
Кара-Кумъ (Черные пески), 334, 335, 371.
Кара-сай, рѣка, 340
Кара-су (Кайдакъ), заливъ, 514.
Кара-су, рѣка, 221.
Каратагъ, городъ, 454.
Караталъ, рѣка, 328, 329, 331.
Кара-тау, гора, 288, 295, 317, 320. 343.
Каратегинъ, область, 450, 452, 453.
Кара-теке, горы, 312.
Кара-узякъ, рѣка, 347.
Караче-тау, горный хребетъ, 288.
Каршаръ, озеро, 299, 300.
Карташъ, рѣка, 623.
Карійскіе пріиски, 813.
Карикджи, крѣпость, 460.
Каркаралинскъ, городъ, 657.
Карсъ, городъ, 240, 241, 248.
Карсъ-чай, долина, 241.
Карталинія, область, 69.
Карталинская равнина, 199.
Карчъ-Шаль, горы, 144.
Карши, городъ, 459.
Каспій, 379, 380—382.
Каспійское море, 126, 127, 376, 377, 378, 380
Кассанъ, городъ, 493, 500.
Катты-Курганъ, городъ, 482
Катунскія колонны, горы, 592.
Катунь, горы, 299, 319.
Катунь, рѣка, 592, 593, 603, 624
Катъ, городъ, 358.
Кауакъ, проходъ, 433.
Кауфманъ, гора, 286, 291.
Кафирнаханъ, рѣка, 453—455.
Кахетія, страна, 70, 183, 184.
Качалъ-дагъ, гора, 224.
Качинская степь, 667.
Качка, рѣка, 428, 429, 430.
Качу, гора, 126.
Качуга, деревня, 725, 726.
Кашка, рѣка, 455, 456—458.
Кашканаръ, гора, 648.
Кашкаръ, рѣка, 316.
Кашъ, рѣка, 299.
Квирила, рѣка, 142, 143, 159, 160.
Кегенъ, рѣка, 303, 304
Кедобекъ, заводъ, 206, 207.
Келатъ-атокъ, деревня, 372.
Кемчикъ, рѣка, 665.
Керечи-дагъ, гора, 214.
Керке, крѣпость, 460.
Кермине хъ, городъ, 467.
Керуленъ, рѣка, 788.
Кеть, рѣка, 625—627.
Кешъ, деревня, 456.
Кизи, озеро, 795, 796.
Кизляръ, городъ, 124.
Кизылъ-Агачъ, заливъ, 175, 257.
Кизылъ-Аланъ (Красная стѣна), 375.
Кизылъ-Арватъ, городъ, 450.
Кизылъ-Аргъ, проходъ, 285.
Кизылъ-Кайя, гора, 126.
Кизылъ-Кумъ (Красные пески), степь, 334.
Кизылъ-су (Сургабъ), рѣка, 287, 452, 454
Килабаръ-Панджа, городъ, 452.
Килифъ, городъ, 460.
Киммерійское ущелье, 51.
Кингамъ, плоскогорье, 16
Кинзыракъ, мѣст., 249.
Киренскъ, городъ, 746, 747.
Кирики, вулканъ, 178.
Киселякъ, мысъ, 733.
Кисловодскъ, м. 118.
Китабъ, городъ, 455, 456.
Китай, рѣка, 708.
Кичисурханъ, рѣка, 452.
Кичкинаколь, ледникъ, 68.
Кишмъ, гора, 431.
Ключевская сопка, 751, 752.
Коби, деревня, 120.
Кобдо, плоскогорье, 592.
Когартъ-тау, горы, 312, 319.
Когистанъ, городъ, 489.
Когъ-артъ, проходъ, 286.
Коджоръ, перевалъ, 167.
Коджоры, городъ, 205.
Кодоръ, рѣка, 78
Койретынъ-дагъ, городъ, 167.
Койсу, рѣка, 126.
Коканъ, городъ, 320, 496—500.
Кокбекты, городъ, 657.
Кокпела, рѣка, 630.
Кокча, рѣка, 428, 429, 430.
Кокъ-су, рѣка, 329, 380, 592.
Кокъ-тепе, горы, 309.
Кокъ-шаль, горы, 311.
Колотъ, деревня, 70.
Колхида, 51.
Колыванскій заводъ, 610.
Колывань, городъ, 611, 661, 663.
Колывань, рѣка, 611.
Колыма, рѣка, 732, 733.
Командорскій архипелагъ, 754, 763.
Копалъ, городъ, 513, 518.
Копетъ-дагъ, горы, 372, 374.
Коргонъ, плоскогорье, 592.
Корея, полуостровъ, 24, 542
Корилдашъ, горы, 141.
Корсаковъ, постъ, 826.
Коряковская сопка, 751, 752.
Косоголъ (Косіо), озеро, 693.
Котельный островъ, 733.
Котонъ-Карагай (см. Алтайская станица).
Кохъ-и-амбара, 438.
Кочка, деревня, 621.
Кошети, перевалъ, 297, 319.
Коштанъ-тау, гора, 56, 57, 104.
Красная стѣна, 376.
Красноводскъ, городъ, 479, 480
Краснополяна, село, 103.
Красноярскъ, городъ, 687, 688, 691.
Красныя горы, 59.
Крестовая гора, 104.
Крестовая сопка, 752.
Крестовое село, 655.
Кроноцкая сопка, 752.
Крызъ, городъ, 140.
Ктеузъ-палъ (Ла Мартиньеръ), пикъ, 819.
Куба, городъ, 139, 140.
Кубань, рѣка, 61, 80, 81, 82, 96.
Кубергенты, горы, 311.
Кугульта, ст., 103.
Куда, рѣка, 708.
Куда-ко, нефтяная долина, 84.
Кузнецкія горы (Ала-тау), 592 594.
Кузнецкъ, городъ, 611, 612, 613
Куку-Оба (Синій холмъ), 83.
Кукча, озеро, 345.
Кулабъ, м. 452.
Кулали, островъ, 382.
Кулахи, мѣст., 160, 164.
Култукъ, городъ, 719.
Кульджа, городъ, 319.
Кульпъ, гора, 215, 216.
Кума, рѣка, 105, 106.
Кумани, островъ, 178.
Куманы, 195.
Кумскій Проранъ, 106.
Кунгей Ала-тау, гора, 315.
Кунгесъ, рѣка, 328.
Кунградское озеро, 346.
Кундузъ, городъ, 436, 444.
Кундузъ (Сургабъ), рѣка, 433, 438, 439.
Кура, рѣка, 61, 165—168, 175
Курганъ, городъ, 655, 656, 663.
Курганъ-Тюбе, городъ, 454.
Курейка, рѣка, 668.
Курскій, каналъ, 108.
Курта, деревня, 70.
Курушъ, деревня, 72.
Курчумъ, рѣка, 611.
Курянъ-дагъ, гора, 372.
Курянынъ-кара, горы, 372.
Кусунай, портъ, 820, 821, 823, 826.
Кутансъ, городъ, 148, 159, 164.
Кутемальда, ручей, 307.
Кучъ, полуостровъ, 10.
Кяхта, городъ, 567, 716, 717, 718.

Л.

Лаба, рѣка, 61.
Лагаръ-аулъ, гора, 787.
Лагичъ, городъ, 210.
Ладовская балка, 103.

Ладовская станица, 100, 103.
Лазистанъ, 140
Лазурдъ, округъ, 428.
Лакедивскій архипелагъ, 10.
Лакманъ, городъ, 454.
Ла-Мартиньеръ, пикъ, 819.
Ламахули, деревня, 152
Латтабандъ, проходъ, 437.
Лача, деревня, 177.
Ледовитый океанъ, 549, 550, 551, 664, 678, 723—726.
Ледяной мысъ, 731.
Лена, рѣка, 16, 543, 544, 551, 554. 725—732, 736.
Ленкоранъ, городъ, 175, 211.
Лепса, рѣка, 329, 331.
Лепсинскій проходъ, 302.
Лепсинскъ, городъ, 513.
Лиственичная деревня, 719.
Лиственичный островъ, 728.
Ліахва, рѣка, 200.
Лозы, островъ, 178.
Локтевскій заводъ, 610, 613.
Лонгъ, гора, 736.
Луковыя горы, 6.
Лучезарная гора, 4.

М.

Мадьяръ, городъ, 119.
Мазаръ-и-Шерифъ, городъ, 441.
Мазуранъ, городъ, 481, 482.
Майкопъ, городъ, 100, 103.
Маймачинъ, городъ, 716, 717.
Макачинга, гора, 748.
Маковское село, 626.
Маладивскій архипелагъ, 10.
Малка, рѣка, 107.
Малый Балханъ, горы, 372, 374.
Малый Кебинъ, рѣка, 306.
Малый Хинганъ, гора, 542, 786.
Малая Обь, рѣка, 627, 628.
Мамисонское ущелье, 57.
Мамисонъ, гора, 104.
Мамія-Ринцо, проливъ, 823.
Мангазея, село, 663
Манглисъ, урочище, 206.
Мангышлакъ, полуостровъ, 377.
Манракъ, гора, 321, 323.
Манчжурія (Русская), 799, 800.
Манчжурская Кульджа, городъ, 515.
Манчжурскія горы, 542, 786.
Мануэ, городъ, 826.
Манычъ, рѣка, 57, 62, 102, 103, 106, 107.
Маргиланъ, городъ, 495, 496, 800.
Маріинскій каналъ, 169.
Маріинскъ, городъ, 662, 663, 815
Марка-куль, озеро, 615.
Марухъ, гора, 78.
Маука, бухта, 826
Махмудъ-чаласи, озеро, 172.
Махрамъ, городъ, 499.
Маштаги, деревня, 211, 212.
Машукъ, гора, 117.
Мая, рѣка, 732.
Мгквари (Кура), рѣка, 165.
Медвѣжье село, 103.
Медвѣжьи острова, 733.
Меджуда, 200.
Меймене, городъ, 442, 443, 444.
Меймене, рѣка, 442.
Меконгъ, рѣка, 19.
Мельчиги, ручей, 107.
Мервскій Мургабъ, рѣка, 353.
Мервъ, край и городъ, 444—449, 463.
Мерке, ручьи, 304.
Мертвый заливъ, 380, 381.
Мескъ, горы, 63, 140, 199.
Месторіанъ (Маздуранъ), городъ, 481, 482.
Мзымта, рѣка, 78.
Мингрелія, 69, 140, 143, 148—150, 155.
Минусинскія степи, 672
Минусинскъ, городъ, 685 — 687, 691.
Минъ-Джильке, гора, 320.
Михайло-Семеновская станица, 814
Міанкальскій округъ, 467.
Мія, городъ, 454.
Моздокъ, городъ, 123, 124.
Монголія, 566, 584.
Монъ-Пердю, пикъ, 320.
Муганъ, степь, 171, 173, 174, 176
Мужалъ, община, 141.
Музартъ, ледникъ, 309
Музартъ-тау, гора, 309, 310, 319
Музъ-тау, гора, 320, 321, 323.
Мукъ-су, рѣка, 289.
Мунку-Сардыкъ, горы, 692—694.
Муравьевскій постъ, 826.
Мургабъ (см. Акъ-су), рѣка.
Муюнъ-Кумъ, степь, 332.
Мцхетъ, городъ, 181, 200—203.
Мычишъ, рѣка, 79.

Н.

Нагебо, гора, 144.
Накералъ, гора, 160.
Наманганъ, городъ, 492, 493, 500.
Наратъ, гора, 301, 319, 328.
Наргинъ, о-въ, 177
Нарзанъ, источникъ 117.
Нарымъ, городъ, 662, 663.
Нарынское укрѣпленіе, 319.
Нарынъ, рѣка, 315, 319, 341.
Наукатъ, городъ, 495, 500.
Нахаръ, гора, 78.
Нахичеванъ, городъ, 246, 247, 249.
Находка, портъ, 799.
Невьянскій заводъ, 647—649, 663.
Нёвьянскъ, городъ, 663.
Нейва, рѣка, 648.
Ненисъ-Икаро, гора, 144.
Неронія, городъ, 244.
Нерчинскій заводъ, 568, 817.
Нерчинскъ, городъ, 812, 813, 817.
Нету, пикъ, 320.
Нибъ-Кумбъ, городъ, 452.
Нижне-Колымскъ, городъ, 747.
Нижне-Тагильскій заводъ, 647, 663.
Нижнеудинскъ, городъ, 722, 723.
Нижняя Тунгузка, рѣка, 668.
Николаевская станица, 100.
Николаевскъ, городъ, 815.
Николая, гора, 319.
Нимъ-Марданъ, городъ, 481.
Нисса, городъ, 450.
Ница, рѣка, 651, 652.
Новая Земля, 551.
Новая Кульджа, городъ, 515.
Новая Сибирь, 551, 735.
Новобаязетъ, городъ, 244, 249.
Ново-Георгіевское село, 103.
Ново-Дмитріевское село, 103.
Ново-Михайловская станица, 103.
Ново-Покровская станица, 103.
Новороссійскъ (Суджукъ) городъ, 98, 100.
Ново-Селенгинскъ, городъ. (См Селенгинскъ).
Ново-Троицкая станица, 103.
Номинъ-миигинъ-гоби, пустыня, 298.
Нуамъ-Куамъ, гора, 141.
Нуку-Дабанъ, 693.
Нукусъ, фортъ, 355, 357, 509.
Нура-тау, гора, 288, 295.
Нусканъ, проломъ, 427.
Нуха, городъ, 209, 210, 212.
Нянь-Шань, хребетъ, 303.

О.

Обдорскъ, селеніе, 662, 663.
Обская губа, 627.
Обь, рѣка, 16, 543, 544, 551, 552, 554, 613—663.
Огурчинскій островъ, 382.
Ой-Куль (Газъ-Куль), озеро, 351.
Ока (Сибирская), рѣка, 693
Оксусъ (см. Аму-Дарья), рѣка.
Олекма, рѣка, 727, 731.
Олекминскъ, городъ, 746, 747.
Оленекъ, рѣка, 543, 724, 725.
Олти, городъ, 164.
Ольги Св., заливъ, 798, 815.
Ольхонскій островъ, 696.
Омскъ, городъ, 658.
Омь, рѣка, 621.
Они, городъ, 160.
Ононъ, рѣка, 790.
Ордубатъ, рѣка, 227, 248, 249.
Оронъ, озеро, 727.
Орпири село, 143, 160.
Осетія, 70.
Османъ-дагъ, вулканъ, 178.
Отказное село, 119, 124.
Охотское море, 17, 542.
Охотскъ, городъ 811. 812, 817.
Оштенъ, гора, 78.
Ошъ, городъ, 494, 500.

П.

Павлодаръ, городъ, 658.
Пакаранъ, городъ, 242.
Палагай (св. Островъ), 178.
Палеостомъ, озеро, 142.
Памбакъ, гора, 221.
Памиръ, плоскогорье, 3, 276—284, 286, 323.
Пангасъ, городъ, 518.
Панджа, рѣка, 420, 427.
Пассисъ-Мта, горы, 62, 142.
Пассисъ-Мта, сѣверный ледникъ, 68, южный ледникъ 68.
Пашковская станица, 103.
Пелымъ, городъ, 648
Пенджакентъ, городъ, 482.
Пепжинскъ, городъ, 812
Передняя Азія, 20.
Первый островъ (Ближній), 733.
Перли-дагъ, гора, 215.
Перовскій фортъ, 508, 518
Пестрое озеро, 324. 325.
Песчанокопская станица, 103.
Петра Великаго заливъ, 799, 807.
Петро-Александровскъ, фортъ, 509.
Петровская станица, 103.
Петровскъ, городъ, 137, 138.

Петровъ ледникъ, 340.
Петропавловскъ, городъ, 656, 657.
Пе-Шань, вулканъ, 8.
Пицунда, мѣстечко, 97.
Пицунда, рѣка, 79.
Пластунъ, заливъ, 798.
Подкаменная Тунгузка, рѣка, 668.
Поронай, рѣка, 820.
Посковъ, рѣка, 198.
Посольское село, 719.
Посьетъ, заливъ, 799.
Поти, городъ, 148, 160, 162, 163.
Прасковейская станица, 119, 124.
Предкавказье, 63, 103.
Приамурская область (См. Амурскій край).
Приморская область, 809.
Протока, рѣка, 81.
Псегаско, гора, 78.
Псекапъ Су, ледникъ, 68
Пскентъ, городъ, 518.
Псхувъ, гора, 79.
Пустыня, островъ, 736.
Пяспна, область, 724.
Пятигорскъ, городъ, 117, 118, 124.

Р.

Рамазанъ, городъ, 198.
Рани, горы, 223.
Ратша, страна, 142, 149, 154, 155
Регаръ, городъ, 432.
Редутъ-Кале, городъ, 148, 160—162.
Риддерскій рудникъ, 610, 613.
Рипнъ, солончакъ, 20.
Ріонъ (Фазисъ), рѣка, 140—144, 149, 159.
Роки, хребетъ, 121, 122.
Ромишанъ, округъ, 464.
Рошанъ, государство, 450, 451.
Рустакъ, городъ, 432.

С

Саваланъ, вулканъ, 176, 218.
Сагатль, гора, 144.
Садонъ, рудникъ, 120.
Сайрамъ, озеро, 302, 319.
Саланръ, городъ, 610, 613.
Салуенъ, рѣка, 19.
Сальяны, городъ, 211, 212.
Самаркандъ, городъ, 482—489.
Самаркандъ, край, 460.
Самарова, деревня, 660
Самсаръ, вулканъ, 166, 167, 214.
Самуракань, 98.
Самуръ, рѣка, 127.
Сангаро, гора, 78.
Сандалъ, горы, 289, 291.
Сандато, село, 103.
Санташъ, озеро, 303, 319.
Санташъ, проходъ, 303—305.
Сарапанесъ, городъ, 143.
Сарахсъ, городъ, 449.
Сари, островъ, 175.
Сари-Дагъ, гора, 126.
Сариколь, долина 283.
Сарипулъ, городъ, 441, 444.
Сари-Чуй, городъ, 454.
Сарканъ, рѣка, 329.
Сартламъ, озеро, 622.
Сархадъ, рѣка, 351, 451, 453.
Сары-Джассы, рѣка, 310.
Сары-Камышъ, озеро, 362, 370.
Сары-Камышъ, рѣка, 361.
Сары-Куль, озеро, 350.
Сары-Су, рѣка, 344.
Сассыкъ-Куль, озеро, 323—325, 327, 331, 514.
Сатледжъ, рѣка, 19.
Саумаль-Куль, болото, 344.
Сауръ, гора, 320, 321.
Саусаръ-тау, гора, 288.
Сахалинскія горы, 819.
Сахалинъ, островъ, 817—827.
Салпскія, горы, 590, 592, 599, 611, 694, 695.
Сванетія, 147, 149 152.
Святое море, 699—701, 704—706, 788.
Святой, мысъ, 696, 699, 702.
Севанъ, монастырь, 223.
Селенга, рѣка, 663, 664, 692, 699—701.
Селенгинскъ, городъ, 717, 723.
Сель-су, долина, 290.
Семенова, гора (см. Гамышъ).
Семеновская, колонія, 244.
Семипалатинскъ, городъ, 657, 658.
Семирѣченскій край, 329, 514.
Семирѣчье, 514, 518.
Сергіополь, городъ, 514.
Сердце-Камень, мысъ, 748, 754.
Серебряковская, пристань, 106.
Серебряная, гора, 692.
Серп-Объ-Норъ, озеро, 303.
Сибирь, край, 529 563, 589.
Сибирь (Искеръ), городъ, 531.
Сигнахъ, городъ, 209, 212.
Синее, озеро, (Гекъ-Гель), 208.
Ситирти, проходъ, 319.
Сихога-Алинь, горы, 542, 786, 787, 794. 795, 801, 819.
Соганлы-дагъ, гора, 214.
Согдіанъ, городъ, 482.
Соглыкъ, городъ, 207.
Сомхетъ, гора, 221.
Сонъ-Куль, озеро, 316, 319
Софійскъ, городъ, 815.
Сохондо, горы, 781, 782, 787.
Сохъ, городъ, 499.
Сохъ, рѣка, 496.
Сочи, городъ, 64.
Средне-Егорлыкское, село, 103.
Средне-Колымскъ, городъ, 747.
Срѣтенское, село, 812, 813.
Ставрополь, городъ, 102, 103.
Становой хребетъ, 542, 748, 778—787.
Старая Кульджа, городъ, 515, 516, 518.
Старкъ, бухта, 798.
Старо-Егорлыкское, село, 103.
Старо-Минская, станица, 103.
Старо-Щербиновская, станица, 103.
Степанъ-Цминда, ледникъ, 68.
Сузунскій, заводъ, 608, 613.
Суйдунъ, городъ, 515, 518.
Суйокскій, перевалъ, 590, 607, 612.
Суйокъ, гора, 312, 319.
Суйфунъ, рѣка, 786
Суксунскій, заводъ, 608.
Сулакъ, рѣка, 128.
Сунгари, рѣка, 792, 793, 794.
Сундуса, рѣка, 107.
Сурамскій, перевалъ, 140.
Сурамъ, гора, 63.
Сурамъ, городъ, 199.
Суранъ, городъ, 507, 508.
Сураханы, деревня, 179.
Сургъ-абъ, рѣка, 287, 352, 433.
Сургутъ, городъ, 662, 663.
Сурковыя, горы, 320, 321.
Сусыкъ-Куль, озеро, 284.
Сухумъ-Кале, портъ, 97.
Сучанъ, рѣка, 799.
Сымъ, рѣка, 626.
Сыртъ, гора, 319.
Сыръ-Дарья, рѣка, 340, 342—348.

Т.

Тагарма, гора, 281, 282.
Ташль, рѣка, 648.
Тазовка, деревня, 663.
Тазъ, рѣка, 629.
Таймуръ, полуостровъ, 573.
Таймуръ, рѣка, 671.
Таласъ, рѣка, 344.
Таласъ-тау, горы, 316, 317, 319.
Талгаръ, гора, 319.
Талиханъ, городъ, 436.
Талки, горы, 301—303, 319.
Талы, пригородъ, 209, 212.
Талышъ, городъ, 242.
Тамань, деревня, 98.
Тамань, полуостровъ, 55, 82, 83, 94.
Танансъ, рѣка, 51.
Танну-ола, гора, 592.
Тара, городъ, 659, 663.
Тарбагатай, горы, 320—324.
Тарей, озеро, 783.
Таримъ, рѣка, 3
Тарки, городъ, 137, 140.
Тасеевское, село, 685.
Тасъ-тау, гора, 321, 323.
Татарія, равнина, 3, 453.
Татарскій заливъ, 818, 823.
Татарскій проливъ, 787, 818.
Татаръ-путь, городъ, 123.
Тахтакуватъ, городъ, 454.
Тахъ-и-Сулиманъ, городъ, 431, 494.
Ташкентъ, городъ, 320, 502—506, 518.
Ташъ-Курганъ, селеніе, 451.
Ташъ-робатъ, проходъ, 311, 312, 319.
Тебулосъ-Мта, гора, 125.
Текели-дагъ, гора, 215.
Текесъ, рѣка, 303.
Телавъ, городъ, 209, 212.
Телецкое озеро, 592, 593.
Темиргоевская, станица, 103.
Темиръ-Ханъ-Шура, городъ, 137, 140.
Темрюкское, озеро, 83.
Темрюкъ, городъ, 103.
Темрюкъ, островокъ, 83, 98.
Тентекскій, перевалъ, 302.
Теньтякъ-соръ, болото, 381.
Тепли, горы, 104.
Терай, холмъ, 4.
Терекъ, рѣка, 58, 106,—108.
Терекъ-даванъ, проходъ, 286, 291.
Термезъ, городъ, 454.
Терпѣнія, заливъ, 819, 820, 824.
Терскей Ала-тау, горы, 315.
Терской ледникъ, 68.
Терсъ-агаръ, проходъ, 289, 291.
Терсъ-Айрыкъ, долина, 322.
Тертеръ, рѣка, 207.
Тетнульдъ, ледникъ, 68, 141.
Тибетъ, плоскогорье, 3.
Тигильская, деревня, 773.

Титъ-Ари, островъ (см. Лиственичный).
Тифлисъ, городъ, 203—206, 212.
Tiara пикъ, 819, 820.
Тквибула, каменноуг. копи, 160.
Тмутаракань, мѣст. 95.
Тобой, рѣка, 796.
Тоболь, рѣка, 624.
Тобольскъ, городъ, 568, 659, 660, 663.
Токмакъ, городъ, 512.
Токранъ, рѣка, 327.
Томскъ, городъ, 661, 663.
Тораованъ, озеро, 166
Тріалетскія, горы, 165, 166, 167.
Троицкосавскъ, городъ, 723
Троицкъ, городъ, 655, 663.
Труйбергъ, ледникъ, 141, 147.
Туапсе, городъ, 98.
Тузъ-алтынъ-даръ, рѣка, 289.
Туматскій, рукавъ, 731.
Тунка, село, 719.
Тункинская долина, 694.
Тункинскіе гольцы, 694, 695.
Тура, рѣка, 624, 629.
Тургай, городъ, 528.
Тургай, рѣка, 344.
Тургень, городъ, 515.
Тургень, рѣка, 305.
Туринскъ, городъ, 652, 663.
Турка, деревня, 719,
Туркестанъ, городъ, 518.
Туркестанъ (Русскій), край, 477—482, 492, 518—530.
Туртумъ, рѣка, 145.
Тургугъ-артъ, перевалъ, 311, 312, 319.
Туруханскъ, городъ, 663, 691.
Турфанскій заливъ, 298.
Тусь-Кане, болото, 343.
Тхванъ-дагъ, гора, 126.
Тымъ, рѣка, 626, 627, 820.
Тыръ, скала, 796, 797.
Тюкъ-Караганъ, мысъ, 379.
Тюленій, островъ, 824.
Тюмень, городъ, 652, 653, 663.
Тянь-Шань, горы, 292,—301, 306, 312, 316—319, 323.
Тянь-Шань-пелу, область, 298.

У.

Уамуръ, городъ, 451.
Уаханъ (см. Ваханъ).
Уба, рѣка, 610.
Угодай, деревня, 607.
Угусъ-басъ, гора, 315, 319.
Уда (Забайкальская) рѣка, 708.
Удинская степь, 568.
Удскій острогъ, городъ, 812.
Узбой, рѣка, 360—362, 370, 371.
Узгентъ, городъ, 493, 500.
Узъ-бель, проходъ, 285.
Уйюнъ-Холдонги, вулканъ, 9.
Ула-Кемъ, рѣка, 665.
Улала, селеніе, 602.
Уланъ-Дабасъ, проломъ, 591.
Улунгуръ, рѣка, 298, 614, 615, 629.
Улунгуръ, озеро, 298, 614.
Улухатъ, ледникъ, 68.
Улясутай, заливъ, 298.
Уманская, станица, 103.
Ура-тепе, гора, 288.
Ура-тепе, городъ, 501, 518.
Уралъ, горы, 645 647, 652, 653.
Ургенджская, рѣка, 360.
Ургенджскій заливъ, 360.
Ургенджъ, городъ, 475.
Ургутъ, городъ, 491.
Урмана, тундра, 661.
Урсунь, рѣка, 788.
Урумбашъ, гора, 312.
Урумча, проломъ, 8, 297, 298
Урусъ, селеніе, 491.
Урусъ-Мартанъ, мѣстечко, 124.
Урухъ-донъ, ледникъ, 68.
Уръ-Кошаръ, горы, 320.
Успенская станица, 103.
Уссури, рѣка, 575, 794, 795, 800, 801, 803.
Уссурійскій заливъ, 794.
Уссурійскій край, 795, 797, 802.
Усть-Каменогорскъ, городъ, 619, 657
Усть-Кяхта, городъ, 718, 723.
Усть-Лабинскъ, городъ, 100.
Усть-Уртъ, плоскогорье, 376, 377.
Усть-Янскъ, городъ, 557.
Уфимскъ-цихе, городъ, 200.
Уцера, источникъ, 160.
Учъ-Курганъ, городъ, 492, 496.
Ушба, рѣка, 58
Ушкина сопка, городъ, 752.

Ф.

Файзабадъ, городъ, 430, 431, 454, 455.
Фазисъ (см. Ріонъ), рѣка.
Фергана, 341, 342, 492, 493, 494.
Ферганская область, 493, 495, 496, 499, 500.
Фишта (Оштень), гора, 78.
Фіагъ-донъ, рѣка, 107.
Форелевое озеро, 705.

Х.

Хабаровскъ, городъ, 814, 815, 817.
Хабаръ-ассу, проходъ, 322, 323.
Хаджи-Какъ, проходъ, 435.
Хаджу-Оба, городъ, 465
Хазратъ-имамъ, городъ, 438.
Хайларъ, рѣка, 788, 789.
Халангатъ, о въ, 728.
Хами, горы, 297.
Хани, рѣка, 142.
Ханка, озеро, 794, 795, 799.
Ханкай, озеро, 786, 794.
Ханъ-Тенгри, горы, 309, 310, 319, 340.
Хараулахскіе холмы, 732.
Хатанга, рѣка, 571, 724.
Хатангское, село, 724.
Хива, городъ, 463, 471—475.
Хивинскій край, 469—473, 477.
Химры (Гимры), крѣпость, 137.
Хинганъ (Большой и Малый), горы, 542, 782, 786—792.
Ходжа-багарганъ, рѣка, 500.
Ходжа Могаметъ, горы, 429.
Ходжейли, городъ, 476.
Ходжентъ, городъ, 500, 501, 518.
Хони, городъ, 160, 164.
Хоргосъ, городъ, 515.
Хотуръ-тау, горы, 288.
Хуа-Кемъ, рѣка, 665.
Худаферинскій мостъ, 229.
Хульмъ, городъ, 440
Хульмъ, область, 439.
Хульмъ, рѣка, 439
Хулюсутай, городъ, 783.
Хунзахъ, городъ, 137.

Ц.

Цаленджиха, селеніе, 162, 164.
Це-донъ, ледникъ, 68.
Центральная Азія, 12.
Цинубани, источникъ, 199.
Цунгъ-Лингъ (Луковыя горы), 6.
Цхенисъ, рѣка, 141, 142, 150.

Ч.

Чабаръ-ассу, проходъ, 323.
Чабдара, гора, 391.
Чаганъ-обо, проходъ, 323.
Чаны, озеро, 622, 623.
Чарджуй, городъ, 460.
Чарынъ, рѣка, 304.
Чатыръ-Куль, озеро, 311, 319.
Чашки, горки, 694.
Челекень, островъ, 480.
Челябинскъ, городъ, 655, 663.
Черекъ, ледникъ. 68,
Черныя горы, 28, 126.
Чехатай, горы, 144.
Чечня, область, 128
Чибрскій перевалъ, 434
Чикишляръ, городъ, 480.
Чикой, рѣка, 718.
Чилдиръ-дагъ, 214.
Чиликъ, рѣка, 304, 305.
Чимбай, мѣстечко, 509, 518.
Чимкентъ, городъ, 506, 507, 518.
Чингилъ, гора, 215.
Чита, городъ, 812, 817.
Чичикли, гора, 312.
Чорухъ, рѣка, 144—146.
Чоткалъ, горы, 316.
Чу, рѣка, 305—307, 332, 344.
Чугучакъ, городъ, 322.
Чукотскій носъ, 748
Чулымъ, рѣка, 626.
Чулышманъ, рѣка, 592.
Чуна, рѣка, 709.
Чурту, рѣка, 331.
Чустъ, городъ, 493, 500.

Ш.

Шабинъ-дабахъ, горы, 592.
Шагосъ, островъ 10
Шагъ-дагъ, гора, 68, 126.
Шадринскъ, городъ, 655, 663.
Шалбузъ-дагъ, гора, 126.
Шаликъ-тау, горы, 309.
Шаманскій носъ, 697.
Шамо, бассейнъ, 11
Шамси, проливъ, 316, 320.
Шамхоръ, колонна, 206.
Шамхоръ, рѣка, 206, 207.
Шантарскій архипелагъ, 797.
Шанъ-Тунгъ, полуостровъ, 11.
Шарапанъ, деревня, 159.
Шариханъ, городъ, 495, 500.
Шарташъ, озеро, 655.
Шатъ-эль-Арабъ, рѣка, 20.
Шахъ-эль-Марданъ, городъ, 496.
Шевелючъ, сопка, 752.
Шельвели, горы, 289, 291.
Шемаха, городъ, 176, 177, 210.
Шенъ-Зи, провинція, 11.
Шерра, Понджа, 21.
Шехаръ-и-Себсъ, городъ, 455—459.

Шибирханъ, городъ, 441, 444.
Шилка, рѣка, 790, 791.
Шингонъ, государство, 450, 451.
Ширабадъ, городъ, 454.
Ширабадъ-Дарья, рѣка, 453.
Ширванъ, страна, 176.
Ширикумъ, степь, 171.
Шиховъ, мысъ, 178.
Шуша, городъ, 208, 209, 212.

Щ.

Щекъ, тѣснина, 726.
Щуровскаго, ледникъ, 288, 291.

Э.

Эби-норъ, озеро, 327.
Эльбрусъ, гора, 7, 56, 59, 104, 218.
Эмиль, рѣка, 331.
Эмлекли, городъ, 167.
Энгіунджъ, рѣка, 361.
Эривань, городъ, 217, 227, 228, 243, 244, 249.
Эски-Ташкандъ, городъ, 501.
Эски-Чинаръ, городъ, 501
Эссентуки, деревня, 117, 118.
Этекъ-майданскій, перевалъ, 221.
Эчміадзинскій монастырь, 213, 217, 242, 243.

Ю.

Юганъ, рѣка, 661.
Юлдусъ Большой, гора, 299, 300, 319.
Юлдусъ Малый, гора, 299, 300, 319.
Юрчи, городъ, 454.

Я.

Яблоновый хребетъ, 781, 782.
Язева, рѣка, 626.
Яксартъ, рѣка, 343, 348.
Якутскъ, городъ, 567, 745—747.
Ялуторовскъ, городъ, 656, 663.
Ялъ-бузъ (Эльбрусъ), гора, 114.
Яманъ-су, рѣка, 344.
Яна, рѣка, 543.
Янъ-су, рѣка, 344
Яны-Дарья, рѣка, 345, 346.
Яны-Кендъ, городъ, 510.
Яны-Курганъ, городъ, 501.
Яны-Чиназъ, городъ, 501.
Японское море, 819.
Яссы-тау, гора, 312.

Ѳ.

Ѳаддеевскій островъ, 734.
Ѳанагорія, деревня, 99.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ седьмой.

Восточная Азія.—Китайская имперія.—Корея.—Японія.

А.

Абердинъ, городъ, 538, 543.
Абдала, деревня, 121.
Абрикосовый Тибетъ, 25.
Абукма, рѣка, 802.
Ава, королевство, 55.
Аваджи, островъ, 714, 739, 740, 824.
Авата, предмѣстье, 819.
Аво-сима, островъ, 726.
Аво-уму, 737.
Австралія, 20, 513, 571, 600, 612, 614, 617, 710, 855.
Адзма-яма, гора, 728, 737.
А-жэ-хэ, городъ, 256, 262, 272.
Азіятская Росссія, 483.
Азэ, мѣстечко, 495.
Анчи, провинція, 891.
Айгунь, городъ, 240, 258, 259, 272.
Айдзу-тойра, 727.
Айкава, городъ, 804, 826.
Айтси-кенъ, 817.
Аканъ, гора, 722.
Акаси, городъ, 824, 826.
Акита, городъ, 727, 755, 756, 772, 802, 825, 891, 892.
Акамага-сека, 826.
Акуне, 832.
Акъ-кумъ, 193.
Акъ-су-дарья, рѣка, 120.
Акъ-су, городъ, округъ, 132, 147, 148, 149, 150, 658.
Ала-куль, озеро, 174, 180.
Ала-шань, пустыня, 186, 200, 204, 388, 416, 657.
Алай, 139.
Аландъ, вулканъ, 720.
Ала-тау, 174, 175.
Албанія, 526, 718.
Алонская, мель, 538, 543.
Алкнанда, рѣка, 47.
Алтай китайскій, 177, 179, 187, 190.
Алтай-нуру, 110, 188.
Алтайскій хребетъ (горы) 1, 11, 131, 151, 174, 175. 176.
Алтынъ-тагъ, хребетъ, 115, 116, 123, 131.
Алтынъ-цицикъ, вершина, 188.
Альпы, 8, 62, 460, 659.
Альпы, Сы-чуани, 442, 444, 448.
Альты-шаръ, 111.
Амагасаки, 822.
Амазонка, рѣка, 499.
Амаки-санъ, гора, 734.
Аматате-баши, 824.
Амдо, 89.
Америка, 20, 22, 24, 88, 493, 551, 755, 857.
Амнокъ-канъ, рѣка, 676.
Амой, портъ, 287, 288, 297, 490, 508, 515, 516, 597, 614, 619.
Амойская бухта, 515.
Амойскій лиманъ, 506.
Амойскій портъ 516.
Аму-дарья, рѣка, 12, 20, 36, 132, 134.
Амуръ, рѣка, 19, 197, 235, 240, 242, 245, 247, 258, 481, 598, 612, 616, 878.
Анаватапта, 33.
Англія, 8, 21, 71, 74, 371, 427, 492, 513, 534, 537, 538, 548, 576, 597, 598, 599, 600, 603, 694, 699, 760, 853.
Андиджанъ, 135, 137.
Аннамъ, королевство, 544, 545, 548, 604, 612.
Ансута, 33.
Антильскіе острова, 539, 613, 747.
Анъ-чжю, городъ, 672.
Анъ-шуа, 474.
Ань-и-сянь, городъ, 422.
Ань-лу-фу, 654.
Ань-нинъ-хэ, рѣка, 470.
Ань-си, 148, 169, 658.
Ань-хай, гавань, 515.
Ань-хой, портъ, 277, 349, 397, 428, 441, 464, 465, 487, 488, 505, 651.
Ань-цинъ-фу, 487, 505, 652.
Ань-цзи, 495, 654.
Ань-цзэ, 63.
Аомори (Авомори), 726, 802, 825, 851, 891, 892
Аоми, 737.
Ао-мынь (Макао), 538, 656.
Апеннины, 659.
Апеннинскій полуостровъ, 659.
Аравія, 127.
Аравійскій полуостровъ, 618.
Аральскій бассейнъ 126.
Аральское море, 120, 184.
Арандо, вулканъ, 720.
Арбусъ-ула, горы, 203, 204.
Аргунь, рѣка, 145, 193, 197, 235.
Арима, 823.
Арита, городъ, 828.
Арракапъ, 55.
Артуръ, портъ, 19, 267, 268.
Артушъ, село, 144.
Архимеда, островъ, 744.
Асакуса, 811.
Асама-яма, гора, 731, 739, 748.
Асивара, 820.
Асо-даке, гора, 741.
Асо-санъ, гора, 741, 742, 743.
Ассамъ, 31, 56, 57, 61, 63, 76, 89, 101, 103, 104, 548, 604.
Асъ-зиндъ, рѣка, 204.
Атами, городъ, 816.
Атенце, 64,
Атлантическій океанъ, 2, 675, 751.
Атсуда, городъ, 817, 826.
А-тунъ-цзы, 556.
Ауклендъ, гора, 670.
Аула-гора, 670.
Африка, 61, 711, 855, 860
Аши-ноуми, озеро, 734.
Аянъ, портъ, 481.
Аяръ-норъ, озеро, 174, 177.
Аѳины, городъ, 620.

Б.

Баба-куль, озеро, 120, 123.
Ба-гоу, городъ, 234.
Бадайскій, перевалъ, 147.
Бадакшанъ, 144.
Ба-да-линъ, хребетъ, 374.
Бай, городъ, 147.
Байкальскія горы, 187.
Байкальское озеро, 227.
Бай-тоу-шань, гора, 241.

Бай-хэ, рѣка. 349, 350, 351 355, 361, 368, 371, 373, 374, 375, 391, 392, 397, 399, 484, 597.
Балакша, 142
Балкашъ, озеро, 25, 174, 178.
Балтистанъ, 135, 143
Бамо, городъ, 60, 548, 555, 559.
Бандай-санъ, гора, 727, 737.
Бапкокъ, 508, 528
Бао-динъ-фу, 363, 375, 376, 652.
Бао-дэ-чжоу, 391, 417, 652.
Баркуль (Баркюль) 149, 171, 172. 188, 226, 658.
Барлыкъ, 174.
Барунъ тола, 27.
Батанъ, 442, 466, 505.
Батанская равнина, 443.
Бауту, городъ, 417
Бахма-намуръ, 36.
Бахты, 180
Ба-хэ, 433.
Баяндай, 185.
Баянь-нигиръ, 188.
Баянъ-су-су, 256, 272
Баянъ-ту, рѣка, 226.
Баянъ тунь, 262.
Баянъ-хара, горы. 155, 164, 431, 432, 435, 442.
Бельгія, 379.
Бенгалія, 61, 605.
Бенгальскій заливъ, 42, 55, 61, 163, 443.
Бива, озеро, 732, 737, 738, 818, 819, 820, 823
Бійскъ, городъ, 188.
Бинъ-и-шань, хребетъ, 517.
Бинь-чжоу, 272. 417, 654.
Бирма (Бирманія), 61, 62. 89, 141, 501, 545, 547, 554, 555, 559, 612.
Би-цзы-во, 258, 268.
Бишбалыкъ, 172
Благовѣщенскъ, городъ, 258.
Богда-ола, 173.
Богдо-куренъ, 227.
Богла-норъ, озеро, 120.
Богарашъ-куль, озеро, 120.
Бодунэ, городъ, 201, 262, 272.
Бодъ-юлъ, 26, 32, 75, 97, 103, 149, 444, 447, 506.
Большой каналъ 377, 381, 382, 383, 399, 400, 411.
Большой мостъ, 512.
Большой Тибетъ, 26.
Большихъ Курильскихъ островъ пр ливъ, 718.
Большой Лучеу, 872.
Бо-май-ху, озеро, 380.
Бомбей, 490.
Бонга, 88.
Бонинъ-сима, острова, 712, 833, 834.
Борнео, 528, 612, 876.
Боро-хоро, 175, 176, 177.
Бостанъ-норъ, озеро, 120.
Босфоръ, японскій. 826.
Бо-хуа-шань, 363, 367.
Бо-шань, городъ, 385, 387.
Бразилія, 376, 612.
Брамапутра, 54, 55, 56, 59, 60 61, 64, 164, 547. 548
Британскіе острова, 7.
Британская Америка. 612.
Британская Индія, 612
Британская Колумбія, 612.
Бричу, рѣка, 431.
Броутоновъ заливъ, 669.
Бугуту, 204.
Бугукъ-голъ, 160.
Бугуръ, городъ, 147.
Буддала, 99.
Буль-чо, озеро, 40.
Булунъ-тахой, 180.
Бунго, проливъ, 740.
Бурея, рѣка, 240
Бурханъ-будда, хребетъ, 153, 155.
Бутанъ, 25, 26, 35, 67, 76, 80, 96, 101, 104.
Бугха, городъ, 259.
Бухаинъ-голъ, 152, 153, 154.
Бухара, 111, 130.
Бу-чи-ао, гора, 391.
Буянту, 191.
Бѣлая гора, 736.
Бѣлыя горы, 242, 263.
Бѣлуха, гора, 188.
Бэй-гуань, 264.
Бэй-линъ, 418.
Бэй лу, 170.
Бэй-мынь-цзянъ, рѣка. 566.
Бэй-танъ, 237, 372, 376.
Бэй-туань-нинь-цзы, 272.
Бэй-цзянь, 518, 519, 520, 524, 526, 531.
Бэй-шань-хэ, 351.
Бэй-шуй цзянъ, 432.
Бэй-юнь, горы, 518.

В.

Вагацма, рѣка 731,
Вай чэнъ, 356.
Вакаматсъ, 803, 825.
Вакаса, бухта, 833, 824.
Вакаяма, 818, 826, 891, 842.
Вампоа, 523, 524, 535. 539.
Вань-ли-чанъ-чэнь, 205.
Ванъ-лунъ-гоу, 257.
Вань-чжоу, 569.
Вань-шу-шанъ, 365.
Великая стѣна, 15, 205, 206, 207, 587, 588.
Великая рѣка, 432, 433, 434, 453, 487, 505, 566.
Великій океанъ, 287. 715, 775
Великобританія, 8, 380, 411, 513, 597, 699, 762, 858.
Венеція, 40
Викторія, гор. 21. 535, 536, 537, 538, 543, 612, 617
Висла, рѣка, 395.
Владивостокъ, 481, 603, 610, 614, 663, 693, 707, 855, 857.
Внутреннее японское море, 740, 741, 824.
Волга, рѣка, 139, 430.
Восточное море, 563.
Вошачъ, городъ, 555.
Ву-и-шань, гора, 514.
Вусунъ, 493
Вусунскій рейдъ, 439.
Вынь-хэ, рѣка 383, 400.
Вэй, рѣка 321, 424.
Вэнь чжоу, 506, 511, 516, 654.
Вэньчжоускій, портъ, 510.
Вэй-си, 151, 556.
Вэй-сянь, городъ, 385, 387, 652.
Вэй-хай-вэй, 386, 598.
Вэй хой-фу, 427.
Вэй-хэ, рѣка, 351, 391, 402, 403,
Вэй чанъ, лѣсъ, 201. 404, 405, 418, 419, 427, 478.
Вэй-шань, бухта, 379.

Г.

Гаванна, 524, 6036, 04.
Гайданъ, монастырь, 100.
Гай-пинъ, городъ, 266.
Гакко, рѣка. 56, 64.
Гамбургъ, 599
Гаму, 499.
Гангри, хребетъ, 43.
Гангъ, рѣка, 5, 13, 44, 47, 48, 49, 52, 62, 163, 392, 547.
Гангъ-дисъ-ри, хребетъ, 43, 45, 46, 47, 50, 53.
Ганфу, 4 9.
Ганжуръ, 231.
Ганъ ,рѣка, 248
Гань, 412
Гань-ну, 499.
Гань-су, провинція, 76, 149, 151, 160, 163, 166, 167, 169, 173, 174, 175, 185, 194, 204, 206, 228, 277, 316, 318, 319, 321, 322, 349, 387, 399, 406, 411, 412, 413, 415, 416, 422, 428, 429, 430, 431, 469, 570, 588
Гань-су-синь-цзянь (шэнъ), провинція, 147, 166, 277, 587, 657.
Гань-цзянъ, рѣка, 437, 458, 460, 487, 566.
Гань-чжоу, городъ, 412.
Гань-чжоу-фу, 652, 654.
Гаогуй-ли, 660, 665.
Гао ми, городъ, 386, 387.
Гарамукотанъ, островъ, 719, 720.
Гаргунца, 94.
Гаринокп-яма, гора, 739.
Гарро, горы, 60.
Гартокъ, рѣка, 50, 94, 95, 104, 110.
Гартунгъ, рѣка, 50, 94, 95.
Гауризанкаръ, гора, 96, 119.
Гацизіо, островъ, 735.
Гваякиль, 879.
Гвіаны, 612, 613.
Германія, 395, 576, 598, 600, 694, 699.
Гензанъ, портъ, 671, 672, 673, 676, 693, 702, 707
Гибралтаръ, 675.
Гималай, хребетъ, 5, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 53, 60, 61, 64, 67, 69, 70, 72, 79, 103, 104, 131, 442, 444, 755, 876.
Гинду-кушъ, гор.узелъ, 32, 35, 132.
Гиринь, городъ, 243, 256, 260, 263, 272, 278, 657.
Гифу, городъ, 817, 825, 891, 892.
Гіаксай, 665.
Гіахарша, гора, 43, 44.
Гіен-зинъ, 736.
Гіей-санъ, гора, 818.
Гіенъ-фунъ, 669.
Гіого (Хіого), 740.
Гіянзіо, 819.
Гоа, городъ, 611, 636.
Гоанго, рѣка, см. Хуанъ-хэ, 387.
Гоа-шань, гора, 705
Гоби, пустыня, 34, 119, 124, 149, 163, 164, 167, 169, 179, 185, 193, 194, 195, 199, 200, 231, 271, 280, 287, 405.
Гоей-санъ, гора, 733.
Гой-хи, портъ, 889.
Гокіенъ, 527.

Гокло, 527.
Гокроку, 803.
Гольфстремъ, 750, 751.
Голландія, 395, 499, 612, 803.
Голубыя, горы, 403, 404.
Голубое, озеро, 152, 155, 157, 413.
Голубая рѣка, 155, 285, 287, 331, 347, 348, 379, 387, 397, 399, 403, 404, 406, 428, 439, 440, 444, 457, 458, 461, 463, 464, 466, 469, 479, 471—479, 488, 490, 491, 493, 494, 495, 503, 506, 517, 530, 544, 547, 552, 560, 570, 577, 579, 597, 599, 608, 619, 648, 774.
Гоми, городъ, 413.
Гондо (Хондо), островъ, 711, 715, 724, 725, 726, 731, 734, 765.
Гонконгъ, городъ, 288, 290, 291, 294, 371, 535, 536, 537, 538, 544, 525, 568, 569, 597, 598, 600, 614, 643, 648, 855.
Гонолулу, 524, 603.
Гонтси, островъ, 715.
Гонсанъ, портъ, 889, 894.
Горнеръ, мысъ, 743.
Горнъ, мысъ, 16.
Гото, островъ, 747.
Готскій, каналъ, 399.
Гочунъ, 894,
Греція, 7, 8, 11.
Гривничъ, 715.
Гсінъ, городъ, 121.
Гуанъ-до, 734.
Гуанъ-дунъ, полуостровъ, 267, 268
Гуанъ-дунъ, провинція, 277, 294, 297, 300, 458, 508, 517, 518, 519, 525, 527, 528, 530, 531, 533, 544, 615, 647, 655, 880
Гуанъ-линъ, 705.
Гуанъ-панъ-фу, 652, 654.
Гуанъ-пинъ, горы, 241.
Гуанъ-пинъ-шань, 241.
Гуанъ-пинъ-синь, 271.
Гуанъ-сай, 734.
Гуанъ-си, провинція, 277, 322, 347, 454, 517, 518, 519, 525, 526, 530, 545, 544, 567, 655.
Гуанъ-танъ-шань, 403.
Гуанъ-чжоу-фу, 532, 656.
Гуанъ-юань-синь, 469
Гуань гоу, 373, 374, 375.
Гуаньгоускій проходъ, 373.
Гуань-дао, 543
Гуань-дай-лоу, 535.
Гуань-синь-фу, городъ, 652.
Гуань-шань, гора, 563.
Гуань-ю-шань, 379.
Гуа-чжоу, 490.
Гу-бэй-коу, 373.
Гуй линъ, проходъ, 475, 476.
Гуй-линь фу, 530, 656.
Гуй цзянъ, рѣка, 50, 530.
Гуй-чжоу, провинція, 277, 428, 453, 454, 464, 473, 474, 475, 518, 519, 543, 549, 562, 638, 644, 655.
Гуй-шу, 262.
Гуй-янъ, 474,
Гуй-янъ-фу, 656.
Гума, 143, 891.
Гумбумъ, кумирня, 152, 414.
Гундесъ, провинція, 94.
Гуншакаръ, гора, 84.
Гунъ-чанъ-фу, 418, 428, 654.
Гунъ-дань, 474.
Гурбу-найджъ, 33.
Гурла, гора, 48.
Гучепъ, городъ, 172.
Гу-шань, 513.
Гынынъ-сумэ, 235.
Гянцзэ, монастырь, 96, 97, 102, 110.

Д.

Даба, городъ, 49, 50, 93, 94.
Дабасунъ-норъ, 202.
Да-бо-шань, 402.
Да-вынь-хэ, рѣка, 400.
Да-гоу, 873, 880.
Да-гоу-хэ, 413.
Да-гу, мѣстечко, 597, 608.
Да-гуань-хэ, 562.
Да-гу-шань, 218, 268, 272.
Да-динъ-фу, 656.
Да-ду-хэ, рѣка, 453, 467.
Дажелетъ, островъ, 670.
Да-инъ, 498.
Дай-нань, 893.
Дай-хоку, 893.
Дай-шіу, 893.
Дайсенъ, пикъ, 738, 739.
Далай-норъ, озеро, 192.
Да-лянь-вань, 267, 268.
Да-ли-фу, 320, 548, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561.
Да-минъ-фу, городъ, 375, 652.
Да-мо-шань, 379.
Дангра-юмъ, 39, 43, 44, 48, 71, 89.
Дань-гэръ-тинъ, 414, 658.
Дань-чжоу, 569.
Дансангъ, гора, 119.
Дансунъ-норъ, озеро, 153.
Дарбульджинъ, 658.
Дарджилингъ, 97.
Да-тунъ-голъ, 151, 155.
Да-тунъ, 487, 488.
Да тунъ-хэ, 413.
Да-тунъ-фу, городъ, 375, 652.
Даусэ-алинь, хребетъ, 240, 244.
Да-хакъ-линъ, 366.
Да-цинъ (Римъ), 14.
Да-цзянь-лу, 104, 467.
Да-чжуанъ-хэ, 268.
Да-цзы-шань, гора, 379.
Да-цзянъ, 428, 434, 459, 566, 569.
Да-цинъ-хэ, 382, 396, 397.
Да-шань, 380, 873.
Да-янь-хэ, 268.
Дебанъ, монастырь, 100.
Делангль, пикъ, 722.
Де-сима (Децима), островъ, 716, 717, 831.
Джанръ, 174.
Джангламе, 44, 96.
Джаратай-дабасунъ, 205.
Джиты-шаръ, 111.
Джэголъ, 220, 234.
Джэгольскій, паркъ, 234.
Дзанхынъ, рѣка, 191.
Дзегунъ-тола, 27.
Дзумбуръ, вершина, 204.
Дзынъ-цынъ, 235.
Дибонгъ, 56, 59, 63.
Дигарчи, 96.
Дингри, 96, 102, 110.
Динъ-анъ, 566, 569, 570.
Динъ, заливъ, 538.
Динъ-хай-тинъ, 504, 505, 506, 654.
Динъ-цзы, 386.
Дихонгъ, рѣка, 56, 57, 58, 59, 60, 63.
Ди-хуа-чжоу, 172.
Дичу, рѣка, 431.
Діеси, 826.
Днѣпръ, рѣка, 16.
Доброй Надежды, мысъ, 16.
Докеръ-ла, 556.
Доктолъ, округъ, 96.
Долонъ-норъ-тинъ, 233, 235, 652.
Донкыръ, 155, 159, 160, 414.
Доркіа, 40.
Дубро, 66.
Думфу, 48.
Дунай, рѣка, 120, 400, 401, 407.
Дунъ-гу, 362.
Дунъ ганъ, 888.
Дунъ-линъ, 368.
Дунъ-тинъ-ху, 436, 437, 454, 458, 475 477, 479.
Дунъ-фанъ, 876
Дунъ-хай, 458, 563, 745
Дунъ-цзинъ, 426.
Дунъ-цзянъ, 518, 520, 523.
Дунъ-чанъ, 382, 486.
Дунъ-чанъ-фу, 652.
Дунъ-чуань-фу, 562, 656.
Дэ-ань-фу, 654.
Дэнъ-чжоу-фу, 385, 387, 652.

Е.

Европа, 14, 18, 19, 22, 74, 369, 384, 408, 431, 471, 492, 496, 505, 514, 525, 567, 571, 572, 573, 579, 588, 589, 592, 675, 680, 753, 754, 758, 760, 779, 786, 784, 795, 799, 822, 827, 855, 857, 858, 860.
Едомо, бухта, 801.
Енисей, рѣка, 192, 210, 429.

Ж.

Жао-чжоу-фу, 487, 652.
Жара, гора, 442.
Желтое, море, 200, 206, 235, 240. 244, 268, 376, 381, 401, 402, 439, 441, 458, 503, 659, 668, 669, 670, 675.
Желтая, рѣка (Хуанъ-хэ), 122, 139, 150, 151, 154, 164, 167, 187, 200, 203, 204, 285, 294, 349, 375, 376, 379—383, 385, 387, 388, 391—398, 401, 402, 404, 406, 408, 411, 412, 414, 416, 417, 419, 420, 422, 424, 427, 439, 440, 441, 448, 470, 478, 484, 570, 587.
Жемчужная рѣка (Си-цзянъ,) 530, 531, 533 534, 538, 559.
Женевское, озеро, 121, 737.
Жехолъ, дворецъ, 350.
Жу-чжоу, городъ, 652.
Жэ-хэ, рѣка и городъ, 234, 373.

З.

Забайкалье, 19.
Забайкальская область, 207.
Загималайскій, хребетъ, 43, 44, 59, 60, 67.
Зайсанъ, 175.
Зайтонъ, 515.
Заливъ вулкановъ, 712, 722, 723.
Заордоская пустыня, 204.
Зарявшанъ, рѣка, 118.
Зезе, предмѣстье, 819.
Зеландія, городъ, 30, 884, 887.
Зипанго (Зипангу), 16, 716.
Зипонъ, 716,
Золотоносная, рѣка, 470.

Зондскій архипелагъ, 2, 569, 603. 618.
Зондскіе, острова, 459, 580, 880.

И.

Иберійскій полуостровъ, 8.
Ибараки, 891.
Ибуки-яма, гора 738, 739.
Ивааси-яма, 737.
Ивакуни, 826.
Иванай, 723, 891.
Ивага-сима, 744.
Иваки-яма, 726—737.
Иванобори, 723.
Иваноширо, озеро, 727.
Ивате, 891.
Иво-сима, 744.
И-ву-люй, 241.
Игитойо-яма, 737.
Идзми, городъ, 832.
Изикари, 721—723.
Изу (Идзу), 734, 735.
Икарма, остр., 720.
Ики, остр., 714, 747, 774.
Илань-хала, 262.
Или, 167, 174, 175, 176, 177, 279, 657
Или, рѣка, 178, 179, 184.
Илійская долина, 177.
Илійскій край, 19.
Иличи, озеро, 140.
Ильхури-алинь, хр., 240.
Имай-джи, 817.
Имай-дзуми, 825.
Имбаръ, 827.
Имаматси, портъ, 804.
Имари, 828.
Императорскій каналъ, 19, 205, 351, 382, 398, 399, 410, 428, 489, 496.
Инавасиро, 803.
Инаса, 831.
Индійская имперія, 666.
Индія, 10, 13, 14, 28, 34, 70, 74, 112, 130, 136, 139, 459, 567, 537, 547, 598, 600, 605, 611, 852, 876, 878.
Индійскій океанъ, 27, 35, 39, 41, 55, 61, 70, 163, 431, 517, 525, 711.
Индостанъ, полуостровъ, 12, 13, 25, 29, 49, 70, 84, 85, 94, 95, 103, 128, 136, 493, 517, 525, 547, 599, 604, 605, 756, 779, 876, 878
Индо-Китай, 5, 6, 8, 55, 360, 445, 508, 519, 544, 547, 553, 564, 569, 595, 599, 600, 617, 755.
Инъ, рѣка, 36, 47, 48, 50, 51, 52, 75, 94, 116, 117, 137.
Инъ-коу, портъ, 243, 266, 272.
Инъ-цзы, портъ, 243, 266, 599.
Инъ-шань, хребетъ, 200, 201, 204, 208, 388, 389.
Ираваддн, рѣка, 56, 60, 61, 63, 545, 547, 548, 555.
Иранъ, 133.
Иранское плоскогорье, 5
Ирепъ-хабарганъ горы, 174.
Ирландія, 8, 840, 842.
Иртышъ, рѣка. 174, 175, 181, 429.
Исабама, островъ, 802.
Исе, область, 817.
Испкава, 825.
Исиномаки, 802. 825.
Испанія, 366, 554.
Иссыкъ-куль, озеро, 147.
Итазибе, гора, 721, 722, 723.
Италія, 7, 8, 366, 393, 575, 659, 667.
Итсиное, источникъ, 737.
Итску-сима, 825.
И-тунъ-чжоу, 264.
Итурупъ, 800.
Ихэ-намуръ, 36.
И-чанъ-фу, 435, 441, 475, 505, 599. 654.
И-чжоу, 363, 368, 387.
И-чжоу-фу, 652.
Ишидзулія, гора, 741.
Ишикава, рѣка, 891.
Ишикари, 800.

І.

Іебосидаке, гора, 723.
Іедо-гава, рѣка, 738, 808.
Іеддо (Іедо), городъ, 715, 725. 726, 727, 735, 748, 751, 756, 759, 765. 774, 779, 807, 809, 811, 815, 816, 819, 834, 857, 863, 865, 881.
Іезанъ, вулканъ, 723.
Іезаси, 801, 802.
Іезо, островъ, (Іессо), 711, 712, 715, 719, 721, 722, 723, 751, 752, 754, 759, 763, 764, 765, 766, 772, 773, 799, 800, 801, 811, 835, 839, 840, 842, 843, 856, 893.
Іено-сима, островъ, 816.
Іеримасаки, мысъ, 721.
Іеркаль, 64.
Іеторофу, островъ, 719.
Іетурупъ, 719, 720,
Ій-лань, 884.
Іокагама, городъ, 481, 680, 746, 754, 812, 814, 815, 816, 826, 851, 857, 892.
Іокагамская колонія, 823.
Іока сима, 744
Іокоска, портъ, 815.
Іомодзъ, 744.
Іонакуни, городъ, 890.
Іонезава, 803.
Іонъ-біонъ, городъ, 710.
Іонь-сань-ганъ, рѣка, 708.
Іосимо-гава, рѣка, 741, 818.
Іо-чжоу-фу, 477, 478, 654.

К.

Кагава, провинція, 893.
Каги, городъ. 894.
Кагосима, 755. 832, 893, 894.
Кагосимская бухта, 743.
Казабранка, 539.
Казакова, мысъ, 712.
Канръ, городъ, 749.
Кай-ласъ, 44, 46, 47, 48.
Кайласскій перевалъ, 68.
Кай-монъ, пикъ, 743.
Каймонъ-га-таке, 744.
Кайпинъ, 362.
Кайпинскія копи, 372.
Кай-пынъ, архипелагъ, 524.
Кай-юань-сянь, 264, 272.
Кай-фынъ-фу, 315, 393, 394, 395, 397, 412, 424, 425, 427, 452.
Кай-хуа-фу, 562.
Кай-чхэпъ, 672.
Калганъ, городъ, 196, 228, 232, 374, 598, 657, 607.
Калифорнія, 21, 22, 364, 715, 528, 612, 616.
Калькута, 524, 547.
Камакура, 816.
Камбоджа, рѣка, 64, 612.
Камо-гава, рѣка, 820.
Кампанія, 575.
Камчатка, полуостровъ, 712, 718, 719, 765.
Камуль, 169.
Камъ, провинція, 26, 70, 74, 75, 77, 92, 93, 101, 109, 164, 532, 446.
Канагава, 815.
Канада, 754
Капазава, 755, 804, 805, 815, 825, 892.
Канкиръ, 151.
Кантонъ, 287, 288, 293, 297, 319, 324, 372, 418, 476, 487, 490, 499, 506, 511, 518, 519, 520, 523, 524, 525, 527, 528, 530, 531, 532, 533, 534. 538, 543, 544, 568, 593, 597, 600, 645, 656.
Канхонская провинція, 519.
Кантонская, рѣка, 347, 458, 475, 541, 549, 595, 597, 523, 627, 506, 562.
Кантонскій лиманъ, 286, 521, 873.
Кантонскій, портъ, 459, 597.
Канума. городъ. 825.
Канпу, рѣка, 56.
Канъ-уёнь-до, провинція, 709.
Канъ-хуа, городъ, 687, 705.
Кара, государство, 665.
Кара-буранъ, 121.
Кара-иргышъ, 177.
Кара-кашъ, 34, 35, 116, 118, 119, 142, 143.
Карашаръ, 115, 123, 139, 147, 149, 658.
Карашаръ-куль, 120.
Каракорумъ, 15, 25, 32, 33, 34, 35, 43, 52, 112, 116, 118, 131, 134, 228, 229, 231.
Кара-курчинъ, 121.
Каралинскіе острова, 875.
Кара-мурень 394.
Кара-норъ, 164.
Карангу-тагъ, 33, 117, 120.
Кара-усу, 191, 226.
Каранъ, 558.
Каргальскъ, 150.
Карнали, рѣка, 47, 94.
Касаматсу, городъ, 817.
Каседа, городъ, 820.
Касива-бава, 820.
Касивазаки, 804, 826.
Каспійское море, 14.
Катай, 15, 16.
Катунь, 174, 177.
Кашгарская долина, 133, 139.
Кашгарскій округъ, 146.
Кашгарія, 34, 111, 112, 115, 202.
Кашгаръ, городъ, 35, 112, 132, 137, 139, 144—146, 150, 176, 178.
Кашгаръ-дарья, 119, 139, 147, 598, 658.
Кашмиръ, 25, 26, 27, 32, 33, 43, 50, 51, 68, 75, 76, 79, 103, 109. 116, 135, 144.
Кашъ, рѣка, 178, 184.
Квантунскій полуостровъ, 161.
Квельпартъ, островъ, 663, 664, 668, 670, 691, 696.

Кельпъ, 395.
Кемалань, бухта, 884.
Керія, 36, 150, 128, 143, 148, 658.
Кесенъ-нума, 725, 726.
Кетси, рѣка, 431.
Кизылъ-арта, 120.
Кизылъ-кумъ, 193.
Кизылъ-су, 126.
Кильчжу, городъ, 672, 708.
Кимонъ, кумирня, 738.
Кинто-санъ, гора, 731, 735.
Кипъ-сы, 496, 499.
Киргизъ-норъ, озеро, 191.
Кири-сима, 742, 743.
Киронгъ, городъ, 96, 102, 161.
Кисо-гава, 736.
Китайское море, 431, 458, 564, 569, 659, 663, 667, 872.
Китайское побережье, 7.
Китаками-гава, рѣка, 725, 802.
Китайскій туркестанъ, 111, 112.
Кицу, рѣка, 820.
Кичу, рѣка, 54, 99, 100.
Кіонъ-гый-до, провинція, 672. 709.
Кіонъ-санъ-до, провинція, 709
Кіото, 734, 738, 775, 776, 813, 828—822, 826, 827, 833, 845, 856, 857, 865, 866, 891, 892.
Кіонъ-сіонъ, городъ, 710.
Кіорингъ, озеро, 73.
Кіусіу, островъ, 663, 665, 712, 716, 740, 741, 742, 743—747, 751, 752, 774—796, 824, 827, 832, 835.
Кіяо-чжао, 161.
Клеопатры, острова, 744.
Коанъ-чжю, городъ, 710.
Кобдо, 176, 180, 186, 226, 228, 232, 235, 598, 657, 658.
Кобдо, озеро, 191.
Кобе, городъ, 823, 857, 892.
Коги, 893, 89.
Коканъ, 135.
Кокъ-норъ, озеро, 147.
Кокъ-су, 120.
Кокубу, 832.
Кокура, 827.
Комага-таке, 723, 735, 739.
Коматсъ, 805, 826.
Комацъ-яма, 743, 744.
Комунь-до, островъ, 699.
Конгкіо, 48.
Константинополь, 818.
Конче-дарья, 121.
Копъ-чжю, 710.
Корай, 660.
Корея, 5, 7, 8, 19, 24, 25, 381, 384, 584, 598, 600, 607, 659—674, 675—688, 712, 744, 745, 755, 763, 774.
Корейскій заливъ, 236, 245.
Корейскій полуостровъ, 671, 673, 676.
Корейскій проливъ, 663, 747, 748 779.
Коріяма, 821, 826.
Корлы, 140.
Кормадельскій берегъ, 887.
Коровья рѣка, 431.
Корсика, 526.
Косима, 723.
Косіонъ, 706.
Косоголъ, озеро, 192.
Котси, 827.
Кофу, городъ, 817, 826, 892.
Коу-лунъ, 538, 598.
Кохинхина, 6, 540, 568, 604.
Коцзики, городъ, 832.
Коя-санъ, гора, 818.
Красная долина, 119.
Красная рѣка, 519. 544, 545, 546, 548, 554, 560, 563, 564.
Красносельская застава, 708.
Красные пески, 163.
Красный бассейнъ, 484.
Красныя горы, 120.
Куана, 817, 826
Куанъ-чэнъ-цзы, 261, 272.
Куба, островъ, 612, 716.
Кубата, 802.
Кударо, 665.
Кузунчи, 202.
Куэнь-лунь, горы, 11, 27, 32, 33, 34, 35, 39, 41, 111, 115—117, 122, 124, 127, 131, 140, 141, 150, 187, 285, 402, 404, 431, 441.
Куй-чжоу, 441
Куй-чжоу-фу, 435, 654.
Куку-норъ, озеро, 25, 28, 31, 32, 41, 62, 149, 151, 153, 155, 159, 160, 163, 164, 279, 285, 388, 402, 4.3, 414, 442, 472, 548, 657.
Кукунорскій край, 155.
Куку-хото, 216, 232, 233, 235, 652,
Кульджа, 19, 176, 177, 180, 184, 316, 658, 698.
Кульджинская долина, 145.
Кульджинскій край, 151, 180.
Кулькунъ, 33.
Кумамото, 742, 831, 832, 893, 894.
Кумъ-тагъ, 131.
Кумь-санъ, 708.
Кунгесъ, 178.
Купаспро, 719.
Купаширъ, островъ, 719, 720, 756, 800.
Купиками, городъ, 833.
Купъ-хэ, 262.
Курганъ-узенъ, 231.
Курель, 84.
Курильскіе острова, 711, 712 717—722, 724, 756, 761, 763, 764 766, 799, 800, 811, 835, 839, 843
Курильское море, 719.
Куркунъ, 33.
Курла, 147, 150.
Куро-сиво, теченіе, 715, 749, 751, 752, 753, 774, 874.
Куруме, 828, 832.
Куръ-кара-усу, рѣка, 149.
Куръ-кара-усу, городъ, 183.
Кусатсъ, 807.
Куча, 147, 148, 149.
Кянь-гуанъ, городъ, 692.
Кяхта, 176, 228, 374, 481, 598, 600, 607.
Кэнтей, хребетъ, 187, 192.
Кэруленъ, рѣка, 192, 194, 231, 235
Кэруленъ-барсъ-хотонъ, 225.

Л.

Лагоръ-аулъ, 240.
Лагулунгъ-ла, 44.
Ладакъ, 26, 27, 43, 109.
Ладронскіе острова, 524.
Лазаревъ, портъ, 693, 707
Лай-чжоу, 379, 385, 415, 416, 652.
Лай-янъ, 386, 387.
Лалинь, 262.
Лалинь-чэнъ, 272.
Ланагу-ланка, 49.
Лама-мяо, 233.
Лань-чи, 502.
Лань-дао, 524, 525.
Лань-цанъ-цзянъ, рѣка, 64, 67, 101, 102, 150, 431, 550, 555, 556, 560.
Лань-чжоу-фу, 164, 391, 402, 404, 405, 415, 416, 428, 654, 656.
Лао-ва-танъ, 562.
Лао-лю-гуань, 563.
Лао-тѣ-шань, мысъ, 240.
Лао-хэ-коу, 484.
Лао-шань, 379.
Лаперузовъ проливъ, 721, 800.
Ласса (Хласса), городъ, 28, 29, 31, 36, 39, 41, 44, 54, 64, 75, 79, 81, 88, 91, 97, 98, 99, 100, 102, 104, 107, 110, 441, 446, 460, 405, 556.
Лаха-су, 263.
Ледяныя горы, 14.
Лена, рѣка, 499.
Ленсинскъ, 144.
Лехъ, рѣка и городъ, 49, 101, 104.
Ли, портъ, 267.
Ли-бо, 455.
Ливерпуль, 11.
Ликійскіе острова, 744, 890.
Ликійское царство, 746.
Лима, 508.
Линштотенъ, 818.
Линъ-шанъ, 562.
Линь, пикъ, 171.
Линь-ань-фу, 564, 656.
Линь-гао, 569.
Линь-цинъ, 382.
Линь-юань, 652.
Ли-цзянъ-фу, 656.
Ли-чжоу, 65.
Ли-чу, 466.
Ли-шань-фу, 656.
Ліонъ, городъ, 433.
Лобъ-норъ, озеро, 33, 36, 106, 120, 121, 122, 127, 130, 131, 132, 140, 147, 148, 149, 151, 164, 413.
Логита, рѣка, 548.
Ло-коу, 383.
Локко, 894.
Лондонъ, 20, 355, 421, 478, 480, 481, 571, 711.
Лонъ-ха, 494.
Лопъ-цзы, 562.
Лонь-гань, 435.
Лопатка, мысъ, 718.
Лопра-ко-чу, рѣка, 60.
Лоу-хуа хэ, рѣка, 441.
Ло-фуа-шань, гора, 518.
Лохитъ, 56, 64.
Ло-хэ, рѣка, 420, 424.
Ло-шуй-хэ, рѣка, 402.
Ло янъ, 424, 518.
Ло-янъ-сянь, 652.
Лоу-дунъ-чжоу, 467.
Луань-хэ, рѣка, 350.
Луара, рѣка, 393.
Лукіу, 744.
Лунъ-ань-фу, 654.
Лунь-коу, 385.
Лу-тай, 372.
Лу-цзянъ, рѣка, 63, 67, 81, 150 431 544, 547, 548, 550, 552, 555.
Лу-чжоу, 471, 654, 744.
Лу-чжоу-фу, 652.
Лу-шань, 379.
Лу-шань-сянь, 652.
Лу-юань-шу, 239.
Лынь-шань, горы, 453.

Лэй-хэ, рѣка, 476, 477.
Лэй-чжоу, 543, 544, 569.
Лэ-ма 524
Лэ-хай, 564, 570.
Лю-гоу-цяо, станція, 362.
Люй-би, 470.
Люй-шунь-коу, 267, 271.
Люсонъ (Люцонъ), островъ, 612, 880.
Люцю, острова, 678, 712, 744, 745. 746, 745, 752, 753, 764, 776, 832, 833, 841, 854, 875 879.
Лю-чжоу-фу, 65.
Лянъ-дао, 538.
Лянъ-цзянъ, 511, 516.
Лянъ-чжоу, 412, 426, 540.
Лянъ-чжоу-фу, 541—543, 654.
Лянь-цяо, 880.
Ляодунскій заливъ, 243, 245, 266.
„ полуостровъ, 702, 885.
Ляо-хэ рѣка, 241, 242—244, 253. 255, 264—266, 270, 271, 350, 599.
Ляо-янъ-чжоу, 265, 272.

М.

Мавританія, 675.
Маджинъ-таке, гора, 736.
Маебаси, 806, 825, 892.
Мазарская мечеть, 171.
Макао, 524, 538—540, 543, 569, 598, 656, 796.
Македонія, 718.
Малая Азія, 6, 8, 11.
Малайскій архипелагъ, 7, 19, 493, 599, 755.
Малдивскіе острова. 551.
Малезія, 503, 750, 756, 774 851, 876.
Малакка, полуостровъ, 612, 716.
Малая Бухарія, 111.
Малые Антильскіе острова, 612.
Малыхъ Курильскихъ острововъ проливъ, 718.
Малый Тибетъ, 25, 44.
Манасъ, городъ, 183.
Мангнангъ, монастырь, 71
Маниила, 516.
Мансороваръ, озеро, 43, 49, 73, 104.
Мань-хао, 548, 564.
Маньчжурія, 5, 6, 19, 25, 266, 267, 270, 271, 340, 352, 363, 373, 376, 381, 385, 529, 580, 587, 588, 591, 598, 608, 612, 617, 638. 650, 657, 659, 660, 664, 669, 670, 675, 673, 690, 692, 717, 752, 754, 755.
Мао эръ-шань, 676.
Манангъ-чо, озеро, 48.
Маралъ-баши, 146, 148.
Маріамъ-ла, 44, 50, 52.
Маріоки, 727.
Марсель, 421.
Меруока, 805.
Ма-сань-но, портъ, 708.
Матсуе, 824, 826, 892.
Матуа, островъ и никъ, 719, 720.
Маха-шань, 415.
Ма-цзя-поу, станція, 362, 363.
Мацмай, 723, 801, 802.
Муцумото (Матсумото), 803, 825.
Мацу-сима, островъ, 670, 802.
Мацу-яма, 827, 894.
Ме-аканъ, 722.
Мейнамъ, 851.
Мекка, 171, 618.
Меконгъ, рѣка, 27, 72, 63, 64, 101, 150, 519, 544, 547, 550, 559, 560.
Мельвилевъ, островъ, 747.
Менкъ, 889
Мергень, городъ, 238, 240, 259, 272.
Меру-гора, 47.
Ми-дань, 435.
Ми-ики, 743.
Микава, 805.
Микомото, скала, 734, 847.
Мимона, 665, 802.
Миннесота, 21.
Минъ-шань, гора, 432.
Минь-чу, 94.
Миньанскій проливъ, 511.
„ проходъ, 511.
Минь-цзянъ, рѣка, 432, 433, 442, 443, 448, 453, 450, 467, 469, 470, 506, 508, 512, 511, 513, 514, 575.
Мирсъ, заливъ, 538.
Миссисипи, 392, 393, 424, 460.
Ми-таке, 739, 743, 744.
Мито, 805, 826, 892.
Міако, 819
Міи-яма, 742.
Мійе, 891.
Міяги, 891.
Міясаки, 827, 832, 893, 894.
Могами-гава, рѣка, 803.
Могно-ларингъ, 51.
Мокпо, портъ, 708.
Моменнъ, 548, 555.
Монголія, 17, 15, 25, 41, 81, 102, 122, 124, 131, 160, 164, 175, 176, 349, 350, 352, 354, 368, 373, 374, 381, 387, 391, 402, 405, 416, 417, 461, 480, 524, 588, 612, 617, 657, 670, 763.
Монгольское плоскогорье, 226, 347.
Моннигъ, 53.
Миното-гава. рѣка, 823.
Монтангъ, проливъ, 524.
Монтъ-роза, 71.
Монъ-бланъ, 44, 68, 95, 442.
Моріока, 802, 725, 892.
Моркэ-джотъ, 98.
Мороранъ, 801.
Моррисонъ, гора, 873.
Москва, 480.
Мостъ красныхъ, 514.
Мудань-цзянъ, рѣка, 243, 262.
Мукденъ, городъ, 244, 261, 263—266, 270, 272, 293.
Мундгата, гора, 48.
Мунку-сардыкъ, 177.
Мупинъ, 443, 444.
Мураками, 804, 826.
Муръ-усу, рѣка, 69, 150, 155, 431, 432.
Мынъ-хао-сянь, 560.
Мэй-линъ, проходъ, 459, 476, 519, 520, 531.
Мэй-цзянъ, рѣка, 518.
Мэй-чжоу, 654.
Мяо-дао, островъ, 376.
Мяо-фынь-шань, гора, 365.

Н.

Наба, 832, 833, 894
Нава (Нафа), 747.
Нагасаки, 693, 707, 716, 742, 755, 796, 827—832, 851, 855, 857, 859, 869, 893, 894.
Нагана, 881, 892.
Нагаока, 803, 826.
Нагасе-гава, рѣка, 727,
Нагато, 826, 864.
Нагойя, городъ, 817, 826, 857, 892.
Найтси, 738.
Нака-гава, рѣка, 721, 803.
Накатсъ, 827, 832.
Накъ-топъ-ганъ, рѣка, 707.
Накъ-чу, 63
Намейту, 431.
Намлингъ, 53, 96
Намоа, 528.
Намуръ, озеро, 36.
Намъ-чо, озеро. 40.
Нана-сима, острова, 735.
Нангао, 528.
Нанкинъ, 315, 325, 326, 347, 349, 352, 427, 438, 440, 458, 477, 488, 489, 490, 494, 503, 506, 555, 597.
Нантай-санъ, островъ, 728, 739.
Нань-динъ, 406.
Нань-канъ-фу, 652.
Нань-коу, 373.
Нань-линъ, 1, 453, 454, 455, 459.
Нань-лу, 170.
Нань-нинъ-фу, 542, 656.
Нань-сюнь-чжоу, 531.
Нань-сянь-цзянъ, 565, 566.
Нань-тай 512, 513.
Нань-хай-цзы, паркъ, 363.
Нань-чанъ-фу, 484.
Наньчжоускій перевалъ, 424.
Нань-шань, 151, 153, 164, 187, 458—460, 463, 464, 506, 517, 518, 678.
Нань-янъ-фу, 652.
Нанъ-чу, 63, 150,
Нара, городъ, 817, 820, 821, 846, 891, 892.
Нари, провинція, 71, 93, 109.
Нарынъ, 139.
Насу-яма, 737.
Неаполь, 116.
Небесныя горы, 1, 111, 115, 120, 122, 130, 132, 144, 147, 163, 164, 166, 167—179, 205, 208, см. также Тянь-шань.
Неморо, 800.
Немура, городъ, 755, 802.
Нено-куми, 774.
Несиво-гава, рѣка, 845.
Нефритовыя ворота, 175.
Нигонматсъ, 802.
Нидерланды, 440, 492.
Нижо, 821.
Николаевскъ, 481.
Никко, 712, 728, 694, 807.
Никкозанъ, 728.
Нилъ, рѣка, 312, 400, 429.
Нингута, городъ, 263, 272.
Ниндженъ-тангъ-ла, 40.
Нинъ-бо, 315, 329, 347. 458, 459, 503, 504, 509, 547, 597, 619, 752, 873.
Нинъ-бо-фу, 506, 654.
Нинъ-гай, 271.
Нинъ-ся-фу, 416, 454.
Нинъ-чжоу, 563.
Нинъ-чэнъ-танъ-ла, 43, 44.
Нинъ-юань, 470, 557.
Нинъ-юань-чжоу, 271.
Нинъ-юань-фу, 450, 452, 467, 654.
Нинъ-юань-чэнъ, 184.
Ниламъ, 96, 102.

Нипалъ, 14, 25, 31, 80, 94, 96, 103, 104.
Ниппонъ, 666, 711, 712, 715, 717 718, 724, 734, 744, 746, 764, 767, 773, 774, 779, 783, 785, 786, 789, 792, 794, 795, 796, 819, 821, 824 826, 835, 836, 841, 842, 845, 849, 850, 851, 855, 858, 863, 881. 884, 891.
Нисономія, 822.
Нихигата, 803.
Ніагара, 59.
Нінгата, 753, 803, 804, 826, 832, 851, 891, 892.
Нія, городъ, 140.
Ніярингъ-чо, озеро, 43.
Новая Зеландія, 612.
Новый Валлисъ, 21, 612, 617.
Новый Свѣтъ, 19, 88, 508, 589, 710, 711, 813, 822.
Номинь, 248.
Нонни, рѣка, 237—243, 248, 259, 266, 261.
Носиро, 825.
Норикуръ-яма, гора, 739.
Ното, мысъ, 804.
Ното, полуостровъ, 726.
Нохъ, озеро, 51.
Нумандзъ, 816, 826.
Нунь-ань-сянь, 272.
Ну-цзянъ, рѣка, 63.
Нью-І ркъ. 20.
Нью-Фаундлендъ, 721.
Ньюфаундлендскія мели, 751.
Нэй-чэнъ, 356.
Нэмэръ, рѣка. 236.
Нэндъ, гора, 442.
Ню-чжуанъ, городъ, 243, 258, 265, 266, 272, 363.

О.

О-аканъ, вулканъ, 722, 723.
Обаяма, 823
Обь, рѣка, 181, 429.
Оварн, 817.
Огаки, 725.
Огасовара, островъ, 712 834, 892.
Ога-сима, 726, 746, 765.
Огокато, озеро, 726.
Ого-мине, гора, 739.
Ого-яма, 735.
Одесса, 481, 600.
Одзія, 803.
Одинъ-норъ, озеро, 154.
Одинъ-тала, 154, 155.
Оита, 893, 894.
Одовара, 816, 826.
Окаяма, 824, 826, 841, 842.
Окасака, 826.
Оки, островъ, 714.
Окинава, 746, 747, 832, 833, 893.
Оксусъ, рѣка, 12, 13, 14, 112, 115, 119.
Оленій, островъ, 726.
Омбо, 71.
О-минато, 835.
Оми-шань, гора, 442.
Омосо, городъ, 272.
Омъ-чу, 63.
Оннекотанъ, озеро, 719, 720.
Оноиъ, рѣка, 192.
Ономице, 824, 826.
Онъ-таке, 736.
Ордосъ, 186, 201, 657.
Ордосская стень, 405.
Ордосскій край, 388, 391.
Ордосскій полуостровъ, 206, 390, 415, 417.
Орегонъ, 612, 840.
Оренбургъ, 135.
Орхонъ, рѣка, 227, 231.
Осака, городъ, 740, 755, 818, 821—827, 851, 857, 860, 866, 891, 892.
Осима, 723, 801.
Осорезанъ, 726, 737.
Остъ-Индія, 1.
Отарунай, городъ, 800, 802, 854, 857.
Отару, городъ, 800, 802.
Охоно, 805, 826.
Охотское море, 236, 718, 721, 751. 801.
Охоцъ, 857.
Оцзу, городъ, 818, 819, 825, 892
О-шима, 735.
Ол-сиво, теченіе, 751.

П.

Пай-ку-сань, гора, 668, 669.
Пакхойскій полуостровъ, 543.
Пакхойскій, портъ, 543.
Пакъ-хой, портъ, 540—543, 599.
Палестина, 575.
Па-ли-цяо, 361, 365.
Пальгу-чо, озеро, 44.
Пальти, озеро, 44, 53, 54, 81.
Памиръ, 11, 13, 27, 32, 35, 39, 111, 112, 115, 119, 124, 132, 135, 205, 208
Пангонгское озеро, 51.
Парамуширъ, 718, 720, 721.
Парижъ, 355, 382, 468, 497, 571, 715.
Парри, острова, 834.
Па-фань, 456.
Пекинъ, 15, 16, 19, 107, 108, 109, 175, 176—200, 207, 340, 349, 352 — 355, 357, 360 — 368, 370, 373 — 376, 400, 413, 418, 420, 455, 488, 491, 495, 517, 571, 593, 597, 606, 608, 620, 625, 633, 635, 647, 650, 652, 663, 885
Пекинская равнина, 206, 350, 355, 359, 366, 586.
Пекинская рѣка, 597.
Пелопонесъ, 565.
Пенангъ-чу, 96.
Пенсильванія, 476.
Пентодактиль, 565.
Пепельная яма, 173.
Персія, 112, 605.
Перу, 20, 116, 127, 539, 612, 613.
Пескадорскіе острова, 712.
Петербургъ, 667.
Петра Великаго заливъ, 19, 244, 263.
Петси, государство, 665.
Печа, гора, 199.
Пиля, острова, 835.
Пинанъ, 614.
Пинъ-динъ-чжоу, 428, 652.
Пипъ-ду, 385.
Пипъ-лянъ, 424.
Пипъ-лянъ-фу, 417, 428, 654.
Пинъ-лэ-фу, 656.
Пипъ-ху, 872, 879, 883, 890.
Пипъ-ху-тинъ, 890.
Пипъ-хэ, 424.
Пипъ-цюань чжоу, 234, 235.
Пинъ-шань, 434, 562.
Пинъ-янъ, 422.
Пинъ-янъ-фу, 422, 428, 652.
Пинъ-яо-сянь, 428.
Пиренейскій полуостровъ, 718.
Пиренейскія горы, 8, 99, 403.
Питао, 888.
Пичжанъ, 167, 170, 172.
Піальма, 143.
Піемонто, 460.
Піенъ-мынь, 692.
Піонъ янъ, 671, 672.
По, рѣка, 392, 393.
Поламъ 143.
Помп, королевство, 109.
Португалія, 16, 538, 598, 666.
Порт-Адамсъ, 267.
Портъ-Артуръ, 267, 268, 363.
Посадникъ, бухта, 748
Посьетъ, заливъ, 263, 670.
Потала, 99, 178.
По-янъ, 437, 438, 454, 458, 484, 487.
По-янъ-ху, 437, 438, 486.
Пребунъ, монастырь, 100.
Приамурье, 577.
Прибайкальскій край, 368
Приморская, область, 577, 614, 840.
Пулингъ, 93.
Пуло-пинанъ, 612.
Пунтунъ, 492, 493.
Пу-тай, 398.
Пу-ту, 505.
Пу-чжоу-фу, 422, 652.
Пухаоашимъ 67.
Пу-эръ-фу, 563, 656.
Пхіонъ-янъ, 706, 708, 710.
Пхіонь-янъ-до, провинція, 709.
Пэйхо, 354.
Пятиградія, 172.
Пять столбовъ, 405.

Р.

Радохъ, 57.
Райкокъ, 720.
Ракасъ-таль, 48, 49.
Раскемъ-дарья, рѣка, 118.
Растуа, пикъ, 719
Рейнъ, рѣка, 54, 395, 407.
Римъ, 575, 620.
Риспри, пикъ, 722, 723
Риціенъ, уѣздъ, 671.
Ріукіу, островъ, 712.
Рокъ-айландъ, 734.
Рона, рѣка, 54, 391 433.
Россія, 15, 18, 19, 20, 136, 156, 168, 173, 176, 480, 481, 482, 513, 585, 598, 600, 785, 842.
Рыбачьи, острова, 872 890.

С.

Сага, городъ, 828, 832, 893, 894.
Сагами, область, 734, 816.
Садо, островъ, 714, 726, 755, 804, 842.
Сантама, 891.
Сайгонъ, 528.
Сайрамъ, городъ, 147.
Сайрамъ-норъ, озеро, 177, 183
Сакан, 755, 805, 822, 826.
Саката, 803, 825.
Сакахи, 812, 826.
Сакичима, 890

Сакраменто, 508.
Сакура, 815, 832.
Сакура-сима, островъ, 743, 744.
Саларъ, 314, 416.
Салоухазе-яма, гора, 726.
Салуенъ, рѣка, 27, 48, 62, 64, 88, 89, 552.
Самаркандъ, 118, 136, 171.
Самойе, монастырь, 101.
Сампанъ, городъ, 512.
Сангарскій, проливъ, 726, 751, 756, 763, 772, 801.
Сандвичевы острова, 528, 603, 612.
Сандчжу, 118, 133, 143, 150.
Санъ-канъ, княжество, 665.
Санъ-напъ, 840.
Санъ-франциско, 421, 603, 711, 715, 855.
Санъ-ха-турь, 272.
Сань-синъ, 243, 247, 262, 263, 272.
Сань-хэ, 350, 373.
Сань-ча-коу, 272.
Сань-шуй, 531.
Саппоро, 800, 801, 802
Саппуро-таке, гора, 723.
Сарачи, 232.
Сараколъ, 133.
Сирана-яма, гора, 807.
Сарлытамъ, 183.
Сиро-яма, 805.
Сартоль, 95.
Сару, 801, 802.
Сары, камышъ, 120, 123.
Сатадру (Сатраду), 49.
Саура, 174.
Сахалинъ, островъ, 711, 712, 717, 721, 761, 800.
Сахалянь, 258, 260.
Сацзума, 744, 745, 831, 864.
Саянскія горы, 187, 192.
Сватоу, портъ, 508, 528, 524, 543.
Сватоускій лиманъ, 506.
Селенга, рѣка, 189, 190, 192, 227.
Семиградіс, 149.
Сена, рѣка, 391.
Сенгсхабадъ, рѣка, 50
Сендай, пров. и городъ, 725, 753, 802, 825, 835, 843, 851, 857, 892.
Сендайская бухта, 802.
Сенегалъ, рѣка, 193.
Сенъ-Гильемъ-ле-дезеръ, 66.
Сенъ-Готардъ, 96,
Сенъ-дени, 706.
Сера, монастырь, 100.
Сетледжъ, рѣка, 31, 32, 44, 47—50, 52, 93, 94.
Сеулъ, городъ, 672, 673, 693-695, 699, 700, 702, 704—707, 709.
Сеульская, рѣка, см. Хань-янъ.
Си-ань-фу, городъ, 319, 321, 323, 324, 409, 418, 419, 424, 428, 470, 571, 654.
Сибата, 803, 826.
Сибецъ, 800.
Сибирь, 19, 130, 131, 151, 160, 175, 374, 483, 600, 608, 610, 679, 717, 754, 769, 773.
Си-вань-цзы, станція, 193, 194, 195, 233.
Сидзоука, 817, 826
Сикавэй, обсерваторія, 287, 327, 494.
Сиккимъ, 31, 96, 97.
Сикокъ, островъ, 712, 740, 741, 751, 824, 827, 835.
Сикоко-сабуро, 741.
Сикотанъ, 719.
Сильвія, гора 873.
Си-линъ, кладбище, 368.
Си-лунъ-чжоу, 656.
Симабара, 732, 828, 831, 832.
Симода, городъ, 734, 816, 847, 851.
Симодская бухта, 734.
Симоносеки, городъ, 740, 826, 827, 851, 864.
Симуспръ, 719, 720, 763, 765.
Сина-гава, 812.
Синай, гора, 127.
Синана-гава, рѣка, 727, 728, 731, 735, 803.
Сингапуръ, 516, 528, 529, 568, 600, 605, 610, 612, 614, 617.
Сингичу, 50.
Синин-фу, 152, 159, 160, 413, 415, 428, 654, 657.
Синиискій край, 414.
Синин-хэ, 413, 415.
Синскатанъ, островъ, 800.
Синъ-ань-фу, 654.
Синъ-минато, 804, 826.
Синъ-су-хай, 154.
Синъ-цзинъ-типъ, 265.
Синь-бу-вань, 484.
Синь-минь-типъ, 270, 272.
Синь-цзянъ, 436, 453.
Синь-чжоу, 652.
Синь-чу, 889, 894
Синъ-чэнъ, 261, 373.
Сира-гава, рѣка, 742.
Сираги, 665.
Сиране-яма, 728.
Сиргибецъ-таке, гора, 723.
Сиретоко, 721.
Сири-яма, 723.
Ситлингъ-гонпа, 94.
Си-тэй-ма, 440.
Си-хай, 122.
Сихогама, 802.
Сихотэ-алинь, хребетъ, 241.
Си-цзанъ (Тибетъ), 26, 109.
Си-цзинъ, 418.
Си-цзинь-шань, 402.
Си-цзянъ, рѣка, 21, 285, 458, 459, 474, 475, 517—520, 522—525, 530, 531, 539.
Си-чжоу, 412, 413, 415.
Сіамъ, 554, 568, 604, 612, 617.
Сіамскій, заливъ, 431.
Сіаскотанъ, островъ, 719, 720.
Сіерра-невадда, 405.
Сіонай, 825.
Сіунапгуто, острова, 744.
Скандинавія, 7, 51, 721.
Снѣговыя горы, 164, 168.
Собо-норъ, 164.
Согакъ-норъ, 164.
Соединенные штаты, 23, 42, 492, 494, 571, 576, 612, 618, 644, 699, 706, 717, 760, 856, 865, 880.
Сойя, мысъ и городъ, 721, 800
Сондо, городъ, 706.
Сонъ-кой, рѣка, 544, 547, 548.
Средиземное море, 8, 11, 14, 16.
Становой хребетъ, 197.
Стонинъ-куттеръ, островъ, 538.
Страмболи, 744.
Су, округъ, 412.
Суао, 884.
Субансири, 56, 59.
Сува сима, 744.
Сужу, 495.
Суй-динъ-чэнъ, 658.
Суй-дунъ, 184.
Суйфунъ, рѣка, 257, 263.
Сумида-гава, 808, 812, 815.
Сумпу, 800.
Сунгари, рѣка, 240, 242—245, 247, 249, 250, 255, 260, 262.
Сунъ-напъ-типъ, 469.
Сунъ-цзянъ-фу, 494, 652.
Сунъ-шань, 424.
Суока, 139.
Сурупскій хребетъ, 442
Су-уёнь, городъ, 710.
Су-чжоу-фу, 490—492, 495, 497, 505, 562, 598, 652, 654.
Сципда, рѣка, 50
Сыръ-дарья, рѣка, 135
Сы-чжоу, 652, 656.
Сы-чуань, провинція, 26, 32, 76, 89, 104, 109, 277, 293, 327, 332, 340, 428, 432, 434, 441, 443, 444, 447—451, 453, 466—470, 472 475, 487, 505, 534, 544, 545, 548, 549, 555, 562, 566, 570, 590, 600, 604, 606, 617, 638, 653, 730.
Сы-энъ-фу, 656.
Сѣверная Америка, 7, 577, см. Америка.
Сѣверная рѣка, 531.
Сэ-мяо, 560.
Сюань-хуа-фу, 374, 376.
Сюй-гоу, 421, 428.
Сюй-чжоу-фу, 471, 654.
Сюнъ-янь-сянь, 654
Сюнь-чжоу-фу, 656.
Сю-э-лунъ-шань, 442.
Сю-э-шань, гора, 405.
Сю-янь-чжоу, 268.
Ся-гуань, 558, 559.
Ся-мынь, 515.
Сянъ-инь, 477.
Сянъ-шань, 475,—477; 505, 654.
Сянъ-хэ, р., 475, 476, 477, 478.
Сянъ-цзинъ, 458, 477, 530, 535.
Сянъ-янъ-фу, 484, 487, 654.
Сянь-шань, гора, 365.
Сяо-у-тай-шань, гора, 350.

Т.

Та-донъ-гапъ, рѣка, 703.
Тадумъ, 96, 104.
Тадумскій монастырь, 52.
Тай-ань-фу, 387, 612.
Тай-вань, 872—875, 879, 883, 887, 888, 890.
Тайгетъ, гора, 565.
Тайгу (Та-гу), городъ, 706, 710.
Тай-гу-сянь, 421.
Тай-е-шань, гора, 427.
Тай-линъ, 459.
Тай-нинъ-фу, 652, 656.
Тай-ху, 495.
Тай-цанъ-чжоу, 494.
Тай-чжоу, 506.
Тай-чжоу-фу, 654.
Тай-шань, 380, 383, 387, 419.
Тай-юань-фу, 363, 420, 421, 428, 652.
Тайюанскій бассейнъ, 422.
Такаока, 804, 826.
Таката, 804, 826.
Такаматсъ, 804.
Такабоко, 831.
Така-сима, 831.

Такамацзу, 827, 891.
Така-саки, 806.
Така-цихо, 743.
Такаяма, 805, 825.
Такла-маканъ (Токламаканъ) 124, 128, 162, 185, 193.
Такла-хоръ, 94.
Таку, мѣстечко, 373.
Таку-шань, 263.
Такъ-дауракна, 95.
Такъ-джалунгъ, 95.
Талки, перевалъ, горы, 175, 177.
Таляиванъ, 161
Тамамура, бухта, 748.
Тамура, 663.
Тамъ-суй, 879, 889, 890.
Тангло, 663.
Танего-сима, островъ, 716, 744
Танксе, 52.
Танку-чжэнь, 427.
Танну-ола (ула), горы, 1, 188, 189, 191.
Танъ-хэ, 484.
Тао-лай, 164, 413.
Таотютія, колонія, 889.
Тао-хэ, 402.
Таргабатай, хребетъ, 167, 174, 176, 177, 179, 279. 657.
Тарготь-лехъ, 44.
Тарготь-янъ, 39, 43, 44.
Таримъ, рѣка, 10, 13, 25, 32, 34, 36, 112, 115—124, 130, 131, 134, 135, 139, 140, 143, 147, 148, 150, 151, 163, 165, 167, 175. 176, 181, 185, 187.
Таримская низменность, 35.
Таримскій край, 139.
Тасманія, 612.
Татарскій проливъ, 712.
Татарское плоскогорье, 112.
Тате-яма, гора, 736.
Татъ-суй, 894.
Таушканъ-дарья, 120.
Ташбалыкъ, селеніе, 144.
Ташкентъ, 111, 134.
Ташъ-курганъ, 144.
Та-эръ-динъ-шань, 367.
Текесъ, 178, 185.
Тенгри-норъ, озеро, 39 - 41, 43, 44, 48, 53, 63, 72, 73.
Тенрю, 727.
Тенью-гава, рѣка, 735, 736.
Терадомари 804.
Терекъ, хребетъ, 139.
Терекъ-даванъ, 115, 139, 144.
Тесихо, 721.
Тибетъ, 14, 24, 25, 26—28, 31, 32, 40—44, 46, 49, 51—78, 81, 83, 132, 140, 142, 149, 150, 155, 160, 164, 178, 196, 216, 217, 219, 279, 285, 387, 431, 441, 444, 446, 447, 466, 467, 468, 545. 547, 548, 556, 580, 657.
Тибетское нагорье, 27, 28, 35, 45, 47, 61, 118, 131, 150, 151, 155, 274.
Тибръ, рѣка, 659.
Тинъ-чжоу, 374. 376.
Тинъ-чжоу-фу, 654,
Тихій океанъ, 5, 7, 8, 11, 15, 274, 286, 293, 582, 612, 618, 678, 711, 715, 718, 720, 751, 753, 774, 821, 833, 800
Тіакой, 737.
Тоби-сима, островъ, 726.
Тогузъ-дабанъ, 33.
Тоза, городъ, 864.
Тойобоси, 817.
Токатси, рѣка, 721—723.
Токатситаке, городъ, 721.
Токіо, 725, 728, 734, 748, 749, 754, 755, 762, 806, 807, 808, 810—813, 826, 827, 859, 860, 866, 891, 892.
То-ко-ханъ, 889.
Токсунъ, 171.
Токтонай, 431.
Токтонъ-онъ, 833.
Токушима, 827. 893, 894.
Токъ-ялунгъ, 44.
Тола, рѣка, 194, 217
Томари, 719.
Томбукту, 127.
Томіока, 806.
Тонглунгъ-ла, 44.
Топе-гава, рѣка, 725 - 728, 775, 807, 815
Топкату, 492
Топкинъ, 517, 519, 547, 548, 564, 568.
Топкинскій заливъ, 7, 540, 544, 564, 569, 599.
Тори-сима, островъ, 744.
То-санъ-до, 759, 763, 857.
Тоторн, провинція, 826, 841, 892.
Точигн, провинція, 891.
Тояма, 726, 804, 825, 892.
Трикомале, 879.
Тсапранъ, 94.
Тсіудо, островъ, 715.
Тсуки-яма, 737.
Ту-ботъ, 26.
Тульта (Тульту), 180, 185.
Тумынь-ула (Тюменьула), рѣка, 235, 263, 669, 674, 676, 709.
Тунъ-ань, 560.
Тунъ-гуань-тинъ, 419, 424, 477, 654.
Тунъ-жэнь-фу, 656.
Тунъ-хуа-сянь, 272.
Тунъ-хэ, 467.
Тунъ-чжоу, 361, 598.
Тунъ-чжоу-фу, 654.
Тунъ-чуань-фу, 654.
Туркестанъ, 115. 133, 138, 163, 173, 178, 179, 193, 195, 208 316, 317, 414, 580, 657.
Туркестанъ восточный, 118, 124, 139, 157.
Туркестанъ китайскій, 118, 122, 123, 127—129, 131, 132, 135, 136, 144, 147, 148, 150, 187.
Туругъ, перевалъ, 139.
Турумай, 723.
Турфанъ, 132, 170—173, 598, 658.
Турція, 493, 534.
Ту-фань, 26.
Тѣ-линъ, 262, 272.
Тѣ-мынь-гуань, 398
Тэнъ-дао-тинъ, 548.
Тэнъ-юэ-тинъ 555, 636.
Тюмень, городъ, 176.
Тянь-цзинь, (фу), 96, 228, 261, 347, 350, 351, 355, 361, 362, 368, 369, 370, 371—373, 376, 382, 424, 427, 481, 513, 571, 538, 571, 593, 597, 598.
Тяньцзинскій портъ, 420.
Тянь-чжу, 315.
Тянь-чжуай-тай, 266, 272.
Тянь-шань, 1, 11, 27, 111, 115—120, 122, 123, 132, 134, 139, 141, 147, 151, 165, 167, 170, 172, 174—176, 181.
Тянь-шань-бэй-лу, 111, 122, 174, 175.
Тянъ-шань-нань-лу, 111, 112, 115, 121, 122, 133, 135, 147, 175.
Тянь-шу, горы, 367.

У.

Убса-норъ, озеро, 191.
Увазима, 827.
Увотсъ, 804, 826.
Угольная гора, 420.
У-гунъ-шань, гора, 458.
Удзи-гава, рѣка, 820.
У-динъ-фу, 656.
У-дэ-линь, 238, 239.
Усно, 811, 826.
Узенъ-га-таке, гора, 744.
Узорчатая гора, 406.
Уй, 25, 52, 93, 98, 104.
Уй-цзанъ, 26.
Уланъ-даба, перевалъ, 188.
Уллынъ-бо, 670.
Улюнгуръ, 174, 177, 180, 188.
Улясутай, 176, 191, 194, 226, 228, 232, 235, 548, 658.
Унекатанъ, островъ, 800.
Унзенъ, гора, 796, 831.
Уо, 775.
Упсала, 748.
Урава, 842.
Уральскія горы, 483.
Урга, 17, 81, 193, 194, 196, 217, 227, 228, 231, 233, 235, 598, 658.
Урумчи, 148, 167, 171, 172—175, 183, 658.
Урунгъ-кашъ, рѣка, 116, 143.
Урупъ, остр., 719, 765, 843.
Усино-яма, 723.
Уссури, р. 235, 240, 249.
Усу, 167.
Усуки, 827, 832.
У-тай, 652.
У-тай-шань, гора, 405, 421.
Утсіура, 723.
Утсномія, 825.
У-ху, городъ, 440, 487, 488, 505.
У-ху-сянь, 652.
Уцапомія, 842.
У-цзянъ, р. 453.
У-чанъ, 571.
У-чанъ-тинъ, 272.
У-чанъ-фу, 430, 478, 505, 654.
У-чжи-шань, гора, 565.
У-чжоу-фу, 530, 543, 656.
Учь-турфанъ, 147—149.
У-шань-сянь, 654.
Уюнь-холдонги, холмы, 238, 239.

Ф.

Файзабадъ, 144.
Факу-мынь, 271.
Фалклендскіе острова, 131.
Фанъ-шань, городъ, 368.
Фанъ-чэнь, 484.
Фачу, городъ, 748.
Ферганскій край, 132.
Ферганская долина, 135, 139, 144.
Ферганская область, 136, 143.
Ферро, островъ, 715.

Филиппинскіе остр., 6, 276, 508, 568, 569, 603, 612—618, 750, 763. 879, 880
Финляндія, 721.
Формоза, островъ, 7, 8, 279, 287, 509, 516, 528, 711, 712, 715, 744, 745, 764, 835, 851, 852, 854, 867, 871—876, 879—893.
Формозскій проливъ, 287, 872, 875, 890.
Фо-шань-типъ, 656.
Фошаньскій рукавъ, 531.
Фо-шань, 531, 513
Франція, 8, 19, 32, 399, 406, 430, 465, 492, 499, 548, 576, 597, 599, 620, 699, 675.
Французская кохинхина, 612.
Фріауль, 28.
Фунабаши, 807.
Фупай, 795, 827.
Фу-ни-ву, 404.
Фунпиский рейдъ, 511.
Фу-пинъ-фу, 511, 593, 654.
Фузанъ, 665, 666, 671—673, 675, 676, 692, 693, 697, 702, 706, 707, 708, 857.
Фузанъ-кокъ, 715.
Фузанъ-куе, 715.
Фуздинъ, 263.
Фузи-гава, рѣка, 732.
Фузими, 820.
Фузи-санъ, 731, 732, 735, 739, 816.
Фузіяма, 731—733, 735—738, 743, 748.
Фукуй, 805, 891, 892.
Фукуока, 828, 832, 893, 894
Фукуяма, 801, 826.
Фокусима (Фукушима), 802, 891, 892.
Фуссано-пикъ, 721.
Фу-цзянь, провинція, 277, 294, 298, 300, 338, 457, 458, 464, 469, 487, 506—509, 511, 514—516, 518, 520, 526 528, 568, 570, 579, 615, 644, 647, 653.
Фу-чжоу, 258, 420, 473, 482, 508, 509, 511—513, 516, 527, 597, 619, 647.
Фу-чжоу-фу, 510, 513, 514, 516, 593, 652, 654.
Фынъ-дзо-шань, 403, 423.
Фынъ-тянь-фу, 262.
Фынъ-хуань, 258.
Фынъ-хуань-чэнъ, 268, 660, 692.
Фынъ-хэ, 420—422.
Фынъ-янъ-фу, 652.
Фэнъ-хай, 363.

X.

Хабарассу, перевалъ, 183.
Хаги, 826
Хай-ань-со, 569.
Хайларъ, 193, 231, 272, 363.
Хай-лунъ-чэнъ, 272.
Хай-мынь, 440.
Хай-нань, остр., 7, 25, 286, 540, 564—569, 591, 608, 876, 882.
Хайнанскій проливъ, 569.
Хай-пинъ-чжоу, 654.
Хай-хэ, р., 164, 371.
Хай-цзы, рѣка, 164.
Хай-чжоу-фу, 656.
Хай-чу, форгъ, 523.
Хай-чэнъ, 265.
Хаката, 828, 832
Хакодате, 723, 753, 755, 801, 802, 841, 851, 865.
Хакондо, остр. 721, 893.
Хаконе, 734, 816, 818, 825.
Хаконскій перевалъ, 734.
Хаку-санъ, 736.
Халамба-ла, 53, 54.
Халдыкъ-голъ, р., 120.
Халха, 186, 657.
Хамамацъ, городъ, 817, 826
Хамба-ла, 44.
Хами, 132, 139, 163, 165, 166, 169, 172, 175, 176, 178, 598, 658.
Хамъ-гіонъ-до, пров., 709.
Хамъ-хынъ, городъ, 671, 710.
Хангай, 176, 190.
Ханка, озеро, 265.
Ханка-сань, гора, 670.
Ханъ-балыкъ, 352.
Ханъ-тенгри, озеро, 185.
Ханъ-ту, 406.
Ханъ-ула, 225, 227.
Ханъ-чжоу-фу, 283, 495, 496, 506, 654.
Ханъ-чжоу, 458, 497, 500, 503, 571.
Ханчжоуская бухта, 495, 498, 499, 503, 509.
Ханчжоускій, заливъ, 440.
— лиманъ, 440, 499, 500.
Хань (см. Хань-цзянъ), 402, 403, 404, 429, 478, 483, 484, 528.
Хань-ганъ, 659.
Хань-коу, 175, 176, 223, 287, 363, 437, 475, 484, 492, 505, 532, 537, 547, 548, 571, 593, 599, 654.
Хань-синь-линъ, 421.
Хань-хай, море, 122.
Хань-цзянъ, р., 232, 285, 436, 437, 453, 470, 518, 526, 5 9.
Хань-чжоу-фу, 532, 534.
Хань-чжуанъ-фу, 654.
Хань-чжупъ-фу, 402, 428, 436, 453, 470, 484, 505, 676.
Хань-янъ (Сеулъ), 709.
Хань-янъ, р., 691, 693, 698, 705.
Хань-янъ-фу, 478, 479, 505, 654.
Ха-онъ-ха-до, пров., 709.
Хара-усу, р., 63, 155.
Хара-хото, 232.
Хара-хотонъ, 350.
Харинокн, 736.
Хатсиное, 825.
Хахаръ-чэнъ, 226.
Ха-циро, озеро, 726.
Хацисо, 834.
Ха-чжю, 710.
Хачи, 36, 38—40, 42, 48, 61, 63, 67, 74, 93, 431.
Хибаро, 727.
Хигасима-ляма, 803.
Хида (Гида), 736.
Хизень, полуостровъ, 828.
Химедзи, городъ, 826
Хинганъ, хребетъ, 5, 162, 187, 193, 194, 197, 199, 201, 233, 235—237, 240, 241—244.
Хинь-ань-линь, 240.
Хирадо, островъ, 747.
Хиросаки, 802, 825, 828, 832.
Хирошима, городъ, 824—836, 891, 892.
Хирояма, гора, 737, 739, 805.
Хіеи-сань, гора, 738.
Хіого, 822—824, 826, 851, 891.
Хласа см. Ласса.
Хо, р., 424.
Хой-хоу, озеро, 569, 656.
Хой-чжоу-фу, 652.
Хой-юань-чэнъ, 184.
Хокото, 890, 893.
Хокъ-чу, 511.
Хо-лао-ло-дзя, 128.
Холи, 894.
Хоморангъ-ла, озеро, 44, 52.
Хондо, островъ, 665, 715, 724, 756, 765, 802. 823.
Хора-ла, 44
Хоръ-сокъ, 36.
Хошанская равнина, 127, 132, 141, 169.
Хошанскій край, 116
Хошанскій округъ, 146.
Хошанъ, 12, 35, 36, 111, 112, 116, 124, 125, 127, 128, 131, 139, 140, 142, 143, 148—150, 193, 413, 658.
Хошанъ-дарья, р. 35, 116, 120, 124.
Хо-янь-шань, 171.
Хуа-ди, 533
Хуанъ-пу, 490 493, 534.
Хуанъ-сы, 366.
Хуанъ-ту, 295, 407, 409.
Хуай-ань-фу, 652.
Хуай-хэ, р., 285, 397, 401, 402, 424, 427.
Хуай-цинъ-фу, 427, 652.
Хуанъ-хай, море, 7, 401.
Хуанъ-хэ (Желтая рѣка), 7, 32, 67, 150, 151, 153, 154, 160, 165, 187, 194, 201—204, 232, 264, 273, 284, 285, 287, 294, 349, 366, 394—405, 411, 415—418, 423, 424, 427, 428, 430 432, 441, 576.
Хуанъ-чжоу-фу. 654.
Хуанъ чэнъ, 359.
Хуань-сянь, гор., 385.
Хуань-ту-сянь 375.
Хуань-цзянъ, р., 562.
Хуа-чжоу, 419.
Хуа-шань, гор., 403, 405, 419.
Ху-бэй, пров., 277, 332, 428, 434, 436, 441, 451, 464, 465, 474, 477, 505, 575, 580, 653.
Ху-коу, 484, 487, 506.
Хуланъ, 262.
Хуланъ-чэнъ, рѣка, 262, 272.
Хуланскій округъ, 256.
Ху-мынь, 523.
Ху-нань, пров., 277, 428, 436, 457, 460, 465, 475—477, 505, 531, 578, 540, 591, 653.
Хунъ-мяо, 172.
Хунъ-цзэ-ху, озеро, 394, 397, 402.
Хунъ-шуй, 518, 563.
Хунь-чунь, гор., 258, 261, 263, 272, 692.
Хунь-чунь-хэ, р., 263.
Хунь-хэ, р., 375, 376, 387, 388, 391—393.
Хурха, рѣка, 243, 262, 263.
Ху-то-хэ, 351.
Ху-чжоу, 494, 495, 497.
Ху-чжоу-фу, 506, 654.
Хэй-лунъ-цзянъ, провинція и рѣка, 258, 278, 657.
Хэй-шуй, 453.
Хэ-нань, провинція, 277, 278, 315, 323, 349, 387, 397, 398, 404—406, 412, 421 424, 427, 465, 484, 533, 606, 651.
Хэ-нань-фу, 424, 427, 652.

Хэнъ-чжоу-фу, 654.
Хэпъ-шань, гор. 406.
Хэ-цзянь-фу, 652.
Хэ-чжоу, 416, 473.
Хэ-шань, гора, 431.

Ц.

Цаганъ-курень, городъ, 417.
Цаганъ-норъ, озеро. 233.
Цаганъ-хото, 232, 233.
Цайдамъ, 149, 150, 151, 153, 154, 159, 160.
Цао-ди, 186.
Цао-чжоу-фу, 652.
Цейлонъ, островъ, 13.
Центральная Азія. 360.
Цетунъ, 514.
Цзакъ-гольскій, аймакъ, 225.
Цзанбо, рѣка, 27, 31, 22, 36, 38. 43, 44, 47, 52—57, 59, 60, 64, 90, 93, 95, 96, 99, 101,149.
Цзансыя, горы, 43.
Цзанъ, провинція, 26, 43, 52, 93, 96, 109.
Цза-цзянъ, рѣка, 486.
Цзанъ-дао, островъ, 470.
Цзи, 352.
Цзи-ань-фу, городъ, 460, 652.
Цзилунъ, 875, 879, 887, 888, 889, 890. 894.
Цзи-минъ, 373.
Цзи-мо, 386, 387.
Цзи-нань-фу, городъ, 363, 382, 383, 387, 427, 652.
Цзинъ-дэ чжэнь, 487, 562.
Цзинъ-ду, 352.
Цзинъ мынь-чжоу, 654.
Цзинъ-намъ-по, портъ, 708.
Цзинъ-хэ, рѣка, 404, 417, 418.
Цзинъ-цзи-пу, 416.
Цзинъ-чжоу, 417, 418, 428, 475.
Цзинъ-чжоу-фу. 258, 271, 363, 654,
Цзинъ-чэнъ, городъ, 352.
Цзинъ-шань, 359.
Цзинъ-ши, 383.
Цзинъ-шуй-цзянь, 367.
Цзинь-хуа, 501.
Цзинь-хуа-фу, 654.
Цзинь-цзи-бао, 319.
Цзинь-чжоу-тинъ, 267.
Цзинь-ша-цзянъ, рѣка, 67. 101, 150, 432—431, 433, 442, 445, 449 466, 470, 560, 566.
Цзи-сима, островъ, 718.
Цзупъ-линъ, хребетъ, 5, 11, 119, 141, 484.
Цзѣ-дой-сы, монастырь, 366.
Цзѣ-чжоу-фу, 422.
Цзы-лю-чэнъ, 471, 472.
Цзы-ци, городъ, 504.
Цзы-цзинь-чэнъ, 359.
Цзы-цзянъ, рѣка, 436.
Цзя-бань-чжань, 256.
Цзя-динъ-сянь, 494.
Цзя-динъ-фу, 452, 467, 468, 495, 654.
Цзя-нпъ-чжоу, 385, 656.
Цзя-линъ, 285.
Цзя-линъ-цзянъ, 472.
Цзя-лунъ-шань, 414—3.
Цзянка, 92.
Цзянъ-дао-хэ, рѣка, 548.
Цзянъ-нинъ-фу, городъ, 489, 652.
Цзянъ-си, провинція, 277, 428, 451, 457, 458, 460, 465, 473, 474, 484, 486, 503, 506, 518, 520 562, 651.
Цзлпъ-су, провинція 394, 428, 429, 440, 465, 488, 489, 495, 499, 505, 651.
Цзянъ-чуань, 563.
Цзянь-нинъ-фу, 654.
Цзянь-пай, 511.
Цзяо-чжоу, городъ, 161, 363, 380, 386, 387, 598.
Цзяочжоуская, бухта, 387.
Цзя-синъ-фу, 654.
Цзя-юй-гуань, 165, 413.
Цзэ-чжоу, 652.
Цзю-сянь, 384.
Цзю-цзянъ, 482, 484, 485, 486, 506, 652, 887.
Циклады, острова. 7.
Цикубу-шима, островъ,737.
Цикума, 727, 804.
Цинъ-линъ, хребетъ, 402, 403, 404.
Цинъ-пань-фу, 656.
Цинъ-хай, озеро, 152.
Цинъ-хуа-чжэнь, 427,
Цинъ-цзянъ, рѣка, 473, 474.
Цинъ-чжоу-фу, 384, 652.
Цинъ-шуй, 363. 367.
Цинъ-янъ-фу, 654.
Цинь-чжоу, 387.
Циримкотанъ, островъ, 720.
Цирной, островъ, 720.
Ци-сянь, 428.
Цицикаръ, городъ, 238, 243, 252, 256, 260, 272.
Цсугару, проливъ, 723, 726.
Цуруга, городъ, 823, 826, 857.
Цуругаока, 803.
Цусима, островъ, 663, 666, 707, 712, 714, 747, 748, 774.
Цусимское, теченіе, 751, 752.
Цуяма, 824, 896.
Ци-хэ, 397.
Ци-хэ-сянь, 401.
Цэцэрликсскій, аймакъ, 225.
Цюань-чжоу-фу, 514, 515, 654.
Цюй-фоу, 383, 384, 387.
Цюй-цзинъ-фу, 562.
Цюй-чжоу, 501.
Цюнъ-чжоу-фу, 469, 566, 568, 569, 570, 654, 656.
Цю-сянь, 387.
Цянъ-сань, 670.
Цянь-танъ, 495, 503, 506.
Цянь-танъ-цзянъ, рѣка, 496, 500, 506.

Ч.

Чайдамъ, 150.
Чайдамская равнина, 153.
Чамдоула, городъ, 101, 102.
Чаменъ-тагъ, 149.
Чанъ-бо-шань, 240, 241, 242, 659, 668.
Чанъ-дэ-фу, 235, 475, 571, 654.
Чанъ-ту-фу, 272.
Чанъ-чжоу-фу, 571.
Чапъ-ша-фу, 477, 505, 654.
Чаосянь (Корея), 659, 665, 667, 668, 679.
Чао-чжоу-фу, 529, 656.
Чапмдо, городъ, 101.
Чархалыкъ, 147.
Чейбсенъ, кумирня, 160.
Чекъ-куль, озеро, 121.
Чемульпо, портъ, 671, 673, 676, 693, 698, 700, 701, 702, 704, 706, 707.
Черные пески, 163.
Черный Иртышъ, 174, 175, 176, 180, 185.
Черченъ, городъ, 140, 413.
Черченъ-дарья, рѣка, 33, 35, 116, 131.
Четанъ, 54, 55, 59, 102, 658.
Четри-шань, 151.
Чжанъ-ба-сянь, 415.
Чжанъ-лань-чжень, 421.
Чжанъ-дэ-фу, 427.
Чжанъ-чжинъ, городъ, 672.
Чжанъ-цзя-коу, 374, 376, 652.
Чжанъ-чжоу-фу, 516, 654.
Чжамдо, 658.
Чжао-тунъ-фу, 562, 656.
Чжао-чжоу, 376.
Чжасплюмбу, монастырь, 81, 96, 102.
Чжао-цынъ-фу, 530, 543, 656.
Чжа-пу, 503.
Чжарипъ-норъ, озеро, 154.
Чженъ-хуа, 888, 891.
Чжень-си-тинъ, 172.
Чжи-ли. провинція, 16, 205, 220, 222, 231, 252, 256, 277, 278, 343, 350, 351, 352, 368, 374, 375, 406, 411 421. 580, 591, 604—643, 651, 670, 674. 679.
Чжилійскій заливъ, 200, 286, 350, 351, 352, 376, 380, 381, 385, 396, 398, 400 401, 670, 675, 705.
Чжилійская, равнина, 421.
Чжіолладо, провинція, 709.
Чжи-фу, 379, 386, 387. 707.
Чжифуйскій рейдъ, 687.
Чжи-чжу-дянь, 484.
Чжинь-чжю, городъ, 710
Чжоу-цунь. 385.
Чжоу-цзя-коу, 427.
Чжо-чжоу, 375.
Чжунгарія, 15, 25, 27. 117, 165, 174, 175—176, 185, 414, 588, 638.
Чжунъ-вэй 416.
Чжунъ-цзинъ, 471.
Чжунъ-чжоу, 654.
Чжунь-гуань, 541. 558.
Чжунь-коу-со, пристань, 261.
Чжу-санъ, архипелагъ, 291, 440, 458, 463, 503 505 508, 597, 670, 747.
Чжу-синь-чжэнь, 427.
Чжу-цзы-линь, 372.
Чжу-цзянь, 523, 533.
Чжэ-линъ, 475, 531.
Чжэнъ-динъ-фу 375, 376.
Чжэнъ-динъ, 363, 421.
Чжэндинскіе храмы, 375.
Чжэ-цзянъ, 276, 277, 300, 428, 467, 464, 465, 498, 499, 500, 503, 504, 506, 514, 516, 575, 580, 591, 653,
Чжэнъ-цзя-коу, 382, 387.
Чжэнь-гинь-мынь, 505.
Чжэнь-динъ-фу, 652.
Чжэнь-цзянъ, 489, 490. 563, 597.
Чжэнь-цзянъ-фу. 489, 506.
Чжэнь-хай, 498, 503, 504.
Чжэнь-юань-фу, 656.
Чиба, 831, 892.
Чинча-хоцзы, городъ, 184.
Чичи-сима. островъ, 835.
Чокой-санъ, 727,
Чонъ-чегму, 71, 101.
Чомъ-то-донгъ, 44.

Чопъ-чжунъ, 101, 102.
Чоргутъ-чо, озеро, 39, 40 63.
Чу-сюнь-фу, 656.
Чуань-чань, 260 262.
Чугенжи, озеро, 728.
Чугучакъ, 173, 175, 180, 181, 183—185, 598, 658.
Чукуръ-гоби, пустыня, 169.
Чунчинъ-дао. 832.
Чунъ-ань, 514.
Чунъ-минъ, 439, 440, 495.
Чунъ-цинъ, 472, 473. 476, 599.
Чунчинскій, портъ, 473.
Чунъ-цинъ-фу, 505, 654.
Чунь-чіонь, городъ, 710.
Чу-чжоу-фу, 654.
Чэнъ-ду-фу, 427, 432, 433, 467, 468, 469, 470, 472, 475. 505, 654.
Чэнъ-дэ-фу, 220, 234, 652.
Чэнь-чжоу-фу, 654.

Щ.

Шайокъ, рѣка, 52.
Шакаръ-джонгъ, городъ, 69, 102.
Шанганъ, 319.
Шандунскія, гор. цѣпи, 350.
Шанхай, 16, 287, 287, 327, 347, 372, 382, 472, 474, 489, 490—494, 504, 505, 511, 532, 534, 539, 549, 575, 603, 608, 619, 620, 648, 699, 855, 857, 875.
Шанхайскій, портъ, 490.
Шань-ду, 233.
Шань-дунъ, 250, 252, 267, 277, 278, 293, 363, 376—387, 395, 396—402, 411, 420. 510, 591, 663, 670, 673, 674, 679, 702, 744.
Шань-си, 205. 222, 231—233, 252, 277, 278, 363, 375, 387, 391, 405, 406, 409, 411, 412, 417, 420—422, 428, 451, 467, 473, 474, 546, 570, 575, 590, 606, 651, 652, 670.
Шань-тоу, 528.
Шань-хай-гуань, 259, 261, 271, 362, 363.
Шань-янь-алинъ, хребетъ, 1, 240, 241, 244, 263.
Шао-синъ, 498, 499, 500, 654.
Шао-синъ-фу 499, 506.
Шао-синскій, мостъ, 498.
Шао-чжоу-фу, 531, 656.
Шао-у-фу, 654.
Шаро-мурень, рѣка, 235, 242, 243, 244, 270.
Шахьяръ, городъ, 147.
Шахэ, 397, 427.
Ша-ши, городъ, 475, 479.
Ша-янъ, 484.
Швеція, 399.
Ши-бань-фанъ, гора, 443.
Ши-бинъ, 563.
Ши-бо, 811.
Ши-бу-чжай. 434.
Шига, провинція, 891.
Ши-гатцзе, 81, 96, 102, 104, 110, 234, 658.
Ши-дао, 386, 387.
Шизуока, провинція и городъ, 891, 892.
Ши-лунъ, 531.
Шимабара, 742.
Шимаиае, 891.
Шимоносеки, 826.
Шипань-гава, рѣка, городъ, 804.
Ши-пань-фу, 654.
Ши-ну-тинъ, 510.
Ши-сань-линъ, кладбище, 763.
Шихо, городъ, 183.
Ши-цзинъ, холмъ, 355.
Ши-янъ, 54.
Шу, царство, 470.
Шуанъ-чэнъ-тинъ, 256, 272, 262.
Шуга, горы, 155.
Шунь-де-фу, 652.
Шунь-нинъ-фу, 560, 633.
Шунь-цзинъ-фу, 654.
Шунь-тянь-фу, 352.
Шэнь-янъ, 264.
Шэнсинскій край, 484.
Шэнь-си, провинція, 277, 278, 318, 321, 322, 333, 387, 391, 405, 406, 411 412, 417—423, 428, 451, 470, 474, 478, 505, 653.
Шэ-хэръ, 234.
Шэнь-цзинъ, 243, 278, 532, 650.
Шоси, 807.

Ы.

Ы-чжу, городъ, 671, 707.

Э.

Эби-норъ, озеро, 174, 177, 183.
Эгейское море, 7.
Эгинъ-голъ, рѣка, 192.
Эктагъ-алтай ,хребетъ, 5, 188, 191.
Эмбенскія, болота, 179.
Эмиль, рѣка, 180, 183.
Эндермо, бухта, 801.
Эндомо, 801.
Эргикъ-таргакъ, 192.
Эро, рѣка, 65.
Эръ-хай, 559.
Эсаньъ-вулканъ, 723, 724.
Эстрамадура, 538.
Этсиго, провинція, 729.
Эцзинъ, рѣка, 169,

Ю.

Юань, рѣка, 474, 475.
Юань-чэнъ, 422, 423.
Юбуцъ, городъ, 801.
Ювари, 721.
Южная Африка, 613.
Южно-Китайское море, 13.
Южно-Уссурійскій край, 372.
Южный каналъ, 399.
Юй-линь, 894.
Юй-линь-сянь, городъ, 169.
Юй-линь-фу, городъ, 420, 654.
Юй-линь-чжоу, 541, 656.
Юй-цзянъ, рѣка, 518, 519, 541.
Юй-яо, 498, 503, 504.
Юлдузъ, горы, 120.
Юліати, источникъ, 728.
Юнаньское нагорье, 453.
Юнъ-нинъ-фу 373, 652.
Юпъ-цзянъ, рѣка, 436. 475, 498, 499, 503, 504, 548, 563.
Юпъ-чанъ-фу, 555, 656.
Юпъ-чжоу-фу, 654.
Юпъ-чэнъ, городъ, 386, 511.
Юнъ-шунъ-фу, 654.
Юнь-анъ-фу, 555.
Юнь-минъ-юань, 364.
Юнь-пань, провинція, 55, 89, 149, 277, 287, 295, 299, 316, 319, 320, 332, 381, 445, 447, 449, 450, 455, 456, 470, 518 544—548, 552, 555, 556, 560 — 564, 566, 570, 580, 598, 606.
Юнь-паньское плоскогорье, 431.
Юнь-пань-фу, городъ, 320, 545, 547, 549, 550, 551, 552, 554, 559, 617, 638, 655.
Юнь-хэ, рѣка, 377, 399, 441.
Юнь-чжоу, 560.
Юнь-янъ-фу, 505, 561, 562, 654.
Юра, 824.
Юсу-таке, гора, 723.
Ю-танъ, городъ, 140.
Ютія, городъ, 851.

Я.

Ява, 528, 568, 612.
Яй-чжоу, 569.
Якеяма, гора, 726, 736, 739.
Якоска, портъ, 815.
Яксартъ, рѣка, 112.
Якусима, островъ, 744.
Я-лунъ-цзянъ, рѣка, 432, 442, 445, 470.
Ялу-цзянъ, рѣка, 235, 659, 660, 669, 673, 676, 706.
Ялъ, рѣка, 248.
Ямагава, провинція, 743, 832.
Ямагата, 803, 824, 891, 892.
Ямада провинція, 817, 826.
Ямдокъ, 53, 54.
Ямагучи, 826, 891, 892.
Ямаиаши, 891.
Янги-гисаръ, 144, 148, 149, 150.
Янги-гисарскій округъ, 146.
Янги-шаръ, 144.
Янну, 490.
Янъ-лоу-дунъ, 482.
Янъ-минъ-гуань, перевалъ, 421.
Янъ-нинъ-фу, 514, 516, 654.
Янъ-цзанбо, 52.
Янъ-цзинъ, 532.
Янъ-цзы-цзянъ (Янъ-цзы), 7, 8, 12, 21, 33, 41, 63, 150, 155, 273, 284. 285, 305, 312, 319, 347, 349, 351, 387, 388, 394, 395, 397, 399, 400—402, 418, 424, 429—441, 453, 457, 458, 463, 464, 471 — 479, 482, 486, 488—496, 506, 519, 528, 547, 561, 562, 580, 597, 626.
Янъ-чжоу-фу, 383, 490, 654.
Янъ-хэ, рѣка, 350, 351, 354, 355, 362, 364, 374.
Янь-ань-фу, городъ, 420, 654.
Янь-тай, 386.
Японія, 5, 8, 16, 19, 20, 21, 83, 463, 494, 504, 540, 600, 612, 662, 665, 666, 673, 680, 689, 692, 693, 694, 695, 696, 698, 699, 700, 701, 702, 710, 711, 712, 713, 715.
Японскій архипелагъ, 7, 402, 458, 717, 721, 734, 738, 821, 876.
Японское море, 244, 256, 659, 663, 667, 668, 669, 679, 714, 736, 738, 802, 864, 721, 823, 824, 827, 854.
Японскіе острова, 673.
Ярига-таке, гора, 739.
Яркендъ, городъ, 33, 68, 115, 118, 119, 124, 129, 132, 133, 134, 140, 143, 144, 148, 149, 150, 162, 176, 178, 658.
Яркендъ-дарья, рѣка, 35, 43, 118, 119, 133, 137, 147.
Яркендскій край, 140.
Яркендскій округъ, 146.
Я-чжоу-фу, 467, 468, 654.
Яшиль-куль, озеро, 117.

N=10192

15 p.